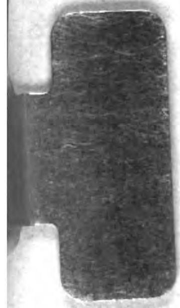
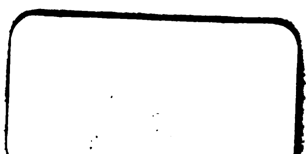

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ VI.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ VI.

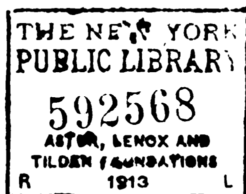
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЁВСКАЯ, 2
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ДАЧА на РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА VIII *).

ТОРЖЕСТВО УНИЖЕННОЙ.

Роландъ, войдя къ профессоршѣ, засталъ у нея Манну и Эриха. Они сидѣли, обсуживая страшную тайну и повѣряя другъ другу свои опасенія насчетъ того, какъ Роландъ перенесетъ постигшее его горе. А онъ, вдругъ явясь между ними, воскликнулъ:

— Манна, мы дѣти позора!

Всѣ трое бросились къ нему и наперерывъ стали осыпать его ласками.

— Мужайся, братъ! шепнулъ ему Эрихъ, нѣжно обнимая его.

«Я могу вдохнуть въ тебя мужество!» звучали въ ушахъ Роланда слова Гайаваты. Онъ молча опустился на стулъ; взоръ его дико блуждалъ по сторонамъ. Вокругъ него тѣснились близкіе ему люди. Никто не произносилъ ни слова...

Зонненкампъ между тѣмъ вышелъ изъ экипажа у воротъ парка и пѣшкомъ направился къ дому. Ему казалось, что почва исчезала у него изъ-подъ ногъ, а деревья и всѣ предметы вокругъ точно прыгали въ его глазахъ.

---

*) См. въ 1898 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь, 473; іюль, 5; авг. 447; сент. 447; окт. 471 стр. и слѣд.

«Что это, ужъ не боленъ ли я? задавалъ онъ себѣ вопросъ. Вздоръ, я не долженъ, я не смѣю быть больнымъ!»

И онъ тихо засвисталъ. Его исполинская сила еще крѣпко въ немъ держалась.

«Все здѣсь въ прежнемъ порядкѣ, и земля, на которой я стою, еще пока моя собственная», говорилъ онъ самому себѣ. Все, что въ немъ было отваги, мгновенно пробудилось, и онъ готовъ былъ сильнымъ отпоромъ встрѣтить враждебныя дѣйствія свѣта, который, казалось ему, теперь не замедлитъ осадить его со всѣхъ сторонъ. Но пусть весь міръ идетъ на него войной: ему не сломать его силы, его вѣры въ самого себя. Зонненкампъ полагалъ, что онъ достаточно вооруженъ. Пранкенъ былъ правъ, совѣтуя ему не покоряться, но дерзко смотрѣть въ лицо свѣту и людямъ. Это лучшее средство заставить ихъ въ свою очередь смириться. Не пройдетъ и года, какъ всѣ они снова начнутъ вокругъ него увиваться и ему, попрежнему, льстить.

Но на лѣстницѣ Зонненкампомъ вдругъ снова овладѣла слабость. Онъ схватился за перилы и съ трудомъ перевелъ духъ. Минуту спустя, ему, однако, удалось оправиться, и онъ, гордо выпрямившись, пошелъ далѣе. Взоръ его и вся наружность были спокойны. Въ немъ не виднѣлось ни малѣйшаго признака страха или волненія. Привычка владѣть собой и притворяться быстро изгладила на его лицѣ всѣ слѣды тревоги.

Зонненкампъ легко поднялся на лѣстницу и, пожимая Пранкену руку, похвалилъ его за выказанную имъ энергію, которая, прибавилъ онъ, отъ него уже начала переходить и къ нему самому.

Придя къ себѣ въ комнату, Зонненкампъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ находившіеся въ ней предметы, и удостовѣрясь, что все въ ней въ порядкѣ и на прежнемъ мѣстѣ, одобрительно кивнулъ головой. Потомъ онъ обратился къ сыну — такъ называлъ онъ теперь Пранкена — къ милому сыну, которымъ имѣлъ полное право гордиться, и просилъ его все сообщить Церерѣ.

— Если она начнетъ шумѣть и кричать, не мѣшайте ей. Теперь ея безумныя рѣчи намъ болѣе не опасны!

Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключалась не малая доля утѣшенія. Несравненно лучше вести открытую борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ, нежели постоянно дрожать втайнѣ за каждое неосторожное слово, могущее въ припадкѣ гнѣва вырваться у безразсудной, капризной женщины, которую то-и-дѣло приходилось успокоивать и сдерживать. Она была теперь обезоружена; кинжалъ, такъ долго служившій ей тайнымъ оружіемъ, внезапно перешелъ въ руки всего свѣта.

Пранкенъ отправился къ Церерѣ. Его долго заставили ждать въ передней. Наконецъ, къ нему вышла фрейленъ Пэрини.

Онъ ей въ короткихъ словахъ объявилъ, что довѣренная ему тайна, которую онъ до сихъ поръ такъ тщательно хранилъ, сдѣлалась всѣмъ извѣстна.

— Ужели? воскликнула фрейленъ Пэрини.

Пранкенъ выразилъ опасеніе насчетъ того, какъ приметъ Церера извѣстіе о томъ, что всѣ ея надежды на возвышеніе въ свѣтѣ разлетѣлись въ прахъ.

Фрейленъ Пэрини съ усмѣшкой возразила, что госпожа Зонненкампъ до такой степени поражена другимъ постигшимъ ее несчастіемъ, что трудно опредѣлить, насколько огорчитъ ее то, о чемъ ей пришелъ сообщить баронъ Пранкенъ.

И она, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, разсказала, что наканунѣ Церера, неосторожно схвативъ какую-то вещь, сломала одинъ изъ своихъ длинныхъ и изящныхъ ногтей, настоящее диво искусства и неусыпной заботливости. Это ее такъ огорчило, что она до сихъ поръ не могла утѣшиться.

Пранкенъ, въ свою очередь, разсмѣялся, и потомъ вмѣстѣ съ фрейленъ Пэрини вошелъ въ комнату Цереры.

Та подала ему, для обычнаго поцѣлуя, лѣвую руку, тщательно скрывая правую. Она спросила у Пранкена, принесъ ли онъ ей рисунокъ ихъ будущаго герба и указала ему, сначала на пяльцы, въ которыхъ намѣревалась вышивать подушку, а затѣмъ и на покровъ для алтаря, гдѣ уже былъ готовъ весь бордюръ.

Пранкенъ очень осторожно разсказалъ ей обо всемъ происшедшемъ.

— А онъ меня постоянно называлъ глупой! воскликнула Церера. Теперь оказывается, что я гораздо умнѣе его. Сколько разъ говорила я ему, что намъ не зачѣмъ ѣхать въ Европу, а гораздо лучше оставаться въ Америкѣ. Теперь ему по-дѣломъ досталось. Не правда ли, онъ стыдится меня и потому прислалъ ко мнѣ васъ? Да, ему стыдно, что я, ничего незнающая, лучше его понимаю вещи.

Въ эту первую минуту Церера, повидимому, ничего не ощущала, кромѣ злой радости, что человѣкъ, постоянно на нее смотрѣвшій, какъ на игрушку, наконецъ долженъ былъ признать ее умнѣе и дальновиднѣе себя.

Затѣмъ она погрузилась въ молчаніе и хотя шевелила губами, но не произносила ни слова. Лицо ея выражало злобное торжество.

Пранкенъ счелъ нужнымъ выразить надежду, что все въ домѣ не замедлитъ принять свой прежній видъ.

— И вы думаете, что насъ тогда сдѣлаютъ дворянами? спросила Церера.

Пранкенъ затруднялся что̀ ему отвѣчать. Церера, ясно, еще не успѣла дать себѣ отчета въ томъ, что̀ произошло. Избѣгая прямого отвѣта, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи во всякомъ случаѣ остаться вѣрнымъ дому Зонненкампа и по прежнему считаетъ себя членомъ его семьи.

— Хорошо, сказала Церера, и свадьба непремѣнно должна завтра же совершиться. У васъ, въ Европѣ, такъ много всякаго рода церемоній и вы все такъ медленно дѣлаете! Повторяю: свадьба будетъ завтра, и я сама поѣду съ вами въ церковь. Гдѣ Манна? Она совсѣмъ меня знать не хочетъ. Ахъ, любезный баронъ, я такъ рада, что наконецъ прекратится ея связь съ этой несносной учительской семьей! Пожалуйста, ни подъ какимъ видомъ не позволяйте ей продолжаться?

И она попросила фрейленъ Пэрини сходить за Манной.

Пранкенъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, слушая то злую, то дѣтски-безсмысленную, то теплую и задушевную рѣчь этой женщины. Но то была неудобная минута для разрѣшенія загадокъ, и онъ, называя Цереру матерью, обратился къ ней съ просьбой дать Маннѣ еще нѣсколько дней свободы. Онъ хотѣлъ сначала самъ переговорить съ молодой дѣвушкой, а затѣмъ уже вмѣстѣ съ ней просить у госпожи Зонненкампъ ея материнскаго благословенія.

— Я васъ уже и теперь благословляю, сказала Церера и до того увлеклась, что протянула ему обѣ руки.

Она разсказала, между прочимъ, о посѣщеніи Беллы и выразила удивленіе, что та, едва показавшись, поспѣшила уѣхать.

Вдругъ раздался выстрѣлъ.

— Это онъ себя убилъ! воскликнула Церера и испустила странный, непонятный крикъ, похожій не то на вопль отчаянія, не то на дикій хохотъ.

Пранкенъ быстро вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА IX.

ЗНАКЪ НА СТѢНѢ.

Зонненкампъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ. Передъ нимъ лежала сумка съ письмами; онъ не рѣшался ее раскрыть. Его терзало желаніе сдѣлать что-нибудь необыкновенное, возмутительное, отъ чего содрогнулся бы весь міръ. Но что? Онъ самъ еще

не зналъ. Въ кабинетѣ его были завѣшены окна, и онъ сидѣлъ точно въ сараѣ, куда не проникалъ ни свѣтъ, ни видъ прелестной мѣстности, посреди которой онъ находился.

Одно только было для него ясно, а именно, что онъ не долженъ предпринимать ничего такого, что можетъ нанести ущербъ ему самому. Онъ убѣждалъ себя ни подъ какимъ видомъ не сдаваться. Неужели ему страшны мнимыя добродѣтели и напыщенныя рѣчи сантиментальной старой дѣвы — Европы? Нѣтъ, онъ смѣло взглянетъ въ лицо опасности и съ честью выйдетъ изъ борьбы. Хорошо, что теперь нечего болѣе скрывать, что все открылось?...

Зонненкампъ всталъ и вышелъ въ паркъ. На одной высокой акаціи висѣла надломленная большая вѣтка. Дерево походило на птицу съ подстрѣленнымъ крыломъ. Главный садовникъ сказалъ, что наканунѣ надъ паркомъ пронеслась буря, которая произвела въ немъ не мало опустошеній. Зонненкампъ, смотря на дерево, нѣсколько разъ кивнулъ головой, а затѣмъ неслышно засвисталъ.

Буря можетъ сломить дерево, но человѣкъ, подобный ему, долженъ несокрушимо стоять подъ напоромъ враждебныхъ силъ.

Онъ пошелъ далѣе, въ фруктовый садъ. Тамъ красовались на солнцѣ крупные, сочные плоды. Подъ каждымъ изъ нихъ висѣли на проволокѣ стеклянные колпачки, наполненные водой, для того, чтобъ, увлажая вокругъ нихъ воздухъ, доставлять имъ постоянную пищу. Устроить все это было въ его власти. Природа подвластна человѣку. Отчего не можетъ онъ себѣ подчинить также и судьбу, и людей? Зонненкампъ вопросительно смотрѣлъ на плоды, точно ожидая отъ нихъ отвѣта, но они безмолвствовали. Онъ особенно долго стоялъ передъ однимъ деревомъ, вѣтви котораго были подстрижены въ видѣ графской короны.

Въ паутинѣ, протянутой между двумя вѣтками, билась муха... ахъ, какъ она бьется! Кто знаетъ, она, можетъ быть, и стонетъ также, только мы этого не слышимъ. Да, мухи подвергаются одной участи съ людьми. Въ мірѣ повсюду разсѣяны пауки.... онъ кишитъ ими. А ты, муха, еще счастлива: тебя не станутъ долго мучить, и ты будешь мигомъ съѣдена.

Зонненкампъ ударилъ себя рукой по лбу. Онъ досадовалъ на самого себя за то, что не могъ отдѣлаться отъ печальныхъ мыслей.

Онъ вернулся въ комнату. Ему пришло на умъ, что лучше всего поскорѣй съ собой покончить, самому освободиться отъ

мученій и избавить отъ себя дѣтей. Онъ снялъ со стѣны револьверъ.... Вдругъ кто-то постучался въ дверь.

— Что такое? Кто тамъ?

То былъ одинъ изъ конюховъ, который назвалъ себя по имени. Зонненкампъ отперъ дверь. Конюхъ пришелъ доложить, что вороной конь его господина внезапно захворалъ. Онъ страшно хрипѣлъ, а изъ рта его клубами шла пѣна.

— Вороной конь захворалъ! воскликнулъ Зонненкампъ. Его вѣрно не прогуливали шагомъ такъ, какъ было мной приказано. Ужъ не ѣздилъ ли на немъ кто-нибудь въ мое отсутствіе.

— Да. Капитанъ Дорнэ велѣлъ его въ прошлую ночь для себя осѣдлать и на долго съ нимъ куда-то отлучался.

— Вотъ какъ!... Хорошо. Пойдемъ со мной, я мигомъ вылечу коня.

— Они отправились на конюшню. Зонненкампъ угрюмо взглянулъ на коня, потомъ прицѣлился ему прямо въ лобъ и выстрѣлилъ. Конь еще сильнѣе захрипѣлъ и тяжело рухнулъ на землю.

— Кончено! воскликнулъ Зонненкампъ: ты свободенъ!

Выходя изъ конюшни, онъ встрѣтился съ Пранкеномъ.

— Что вы сдѣлали? съ испугомъ спросилъ молодой баронъ.

— Что я сдѣлалъ? Убилъ своего коня. Всякій, кто вздумалъ бы мнѣ противиться, прибавилъ онъ, возвышая голосъ нарочно для того, чтобъ его могли слышать слуги, теперь знаетъ, какая его ожидаетъ участь.

Затѣмъ онъ приказалъ конюху осѣдлать для себя другую лошадь.

Явился Іозефъ, присланный Церерой узнать, что случилось.

Зонненкампъ велѣлъ передать женѣ, что застрѣлилъ своего вороного коня. Онъ съ улыбкой выслушалъ разсказъ Пранкена о томъ, въ какомъ настроеніи духа находилась его жена. Ему самому не хотѣлось къ ней идти, и онъ почувствовалъ не малую благодарность къ судьбѣ за то что она ему дала возможность жить въ такомъ большомъ домѣ, гдѣ каждый могъ скрываться на своей половинѣ, не подвергаясь опасности безпрестанно встрѣчаться съ другими членами семьи.

Зонненкампъ пошелъ къ профессоршѣ. Ему не легко было явиться ей на глаза, но онъ принудилъ себя къ этому. Дерзко смотрѣть всѣмъ въ лицо, думалъ онъ, лучшее средство заставить себя уважать. Откуда вдругъ эта трусость, это малодушіе? Не затѣмъ ли онъ всю жизнь шелъ въ разрѣзъ со свѣтомъ, чтобъ теперь дрожать передъ этой учительской семьей?

Зонненкампъ вошелъ въ виноградный домикъ. Онъ ни про-

фессоршѣ, ни Эриху не подалъ руки, и прежде всего освѣдомился о дѣтяхъ. Ему отвѣчали, что они заперлись въ библіотеку.

Онъ смѣло выразилъ профессоршѣ и ея сыну свое удовольствіе, что его прошлая жизнь наконецъ всѣмъ сдѣлалась извѣстна. Теперь онъ могъ видѣть, кто дѣйствительно былъ ему преданъ. Затѣмъ Зонненкампъ, обратясь къ Эриху, сказалъ:

— Я сейчасъ убилъ моего вороного коня, на которомъ вы ѣздили въ прошлую ночь. Моя собственность еще мнѣ принадлежитъ.

И онъ спокойно вышелъ изъ комнаты. Проходя мимо библіотеки, онъ на минуту остановился. До слуха его долетали голоса Манны и Роланда, но онъ не могъ разобрать о чемъ они говорили.

Онъ два раза стукнулъ въ дверь. Все мгновенно смолкло. Зонненкампъ пошелъ далѣе.

Вернувшись на виллу, онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на дачу государственнаго совѣтника. Дорóгой ему показалось, что слѣдовавшій за нимъ конюхъ вдругъ остановился, а затѣмъ продолжалъ путь уже не одинъ, а въ обществѣ еще другого человѣка. Кто бы это могъ быть? Зонненкампъ принудилъ себя не оборачиваться, и только лошадь вздрогнула отъ внезапно вонзившихся въ ея бока шпоръ. Достигнувъ дачи государственнаго совѣтника, онъ спросилъ у стоявшаго у воротъ слуги, дома ли его госпожа.

Садовникъ отвѣчалъ, что ея здѣсь нѣтъ и что она никогда болѣе сюда не вернется.

Что это? Зонненкампъ съ громкимъ смѣхомъ услыхалъ, что вилла, со всею находящеюся въ ней утварью, была наканунѣ продана американскому консулу въ столицѣ. Итакъ, въ концѣ концовъ его все-таки перехитрили. Люди перестаютъ быть его сосѣдями, и онъ не въ правѣ съ нихъ ничего взять. Ему остается довольствоваться ничтожной суммой, которую онъ получилъ отъ государственнаго совѣтника за мнимую продажу виллы его женѣ. Но послѣ первой минуты гнѣва, Зонненкампъ снова началъ радоваться тому, что на свѣтѣ такъ много умныхъ и ловкихъ людей. Пріятно, право, смотрѣть на всѣхъ этихъ рысей и лисицъ, изъ которыхъ каждая съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ носитъ свою маску.

На встрѣчу ѣхалъ придворный лакей.

Зонненкампъ остановился. Возможно ли, чтобъ при дворѣ раскаялись и послали за нимъ курьера?

— Куда вы ѣдете? спросилъ онъ у лакея.

— На виллу Эдемъ.

— Къ кому?

— Къ профессоршѣ Дорнэ.

— Можно узнать зачѣмъ?

— Почему же нѣтъ.

— Итакъ?...

— Профессорша была нѣкогда статсъ-дамой вдовствующей герцогини и ея высочество изволили ее очень любить.

— Хорошо, хорошо, далѣе.

— Профессорша живетъ теперь у одного ужаснаго человѣка, бывшаго торговца невольниками, которому удалось здѣсь всѣхъ обмануть. Ея высочество опасается за жизнь профессорши и послала меня къ ней съ порученіемъ немедленно ее увезти изъ такого страшнаго сосѣдства.

Лакей съ изумленіемъ посмотрѣлъ вслѣдъ всаднику, который, закидавъ его распросами, стремглавъ отъ него ринулся и мгновенно скрылся изъ виду.

Зонненкампомъ на минуту овладѣлъ страшный гнѣвъ. Но немного спустя онъ громко захохоталъ.

«Отлично! думалъ онъ. Меня боятся.... Я во всѣхъ вселяю страхъ! Это придастъ мнѣ новыя силы, превосходящія тѣ, которыя я могъ бы почерпнуть въ почестяхъ, требующихъ всетаки извѣстнаго рода подчиненности людямъ и свѣтскимъ приличіямъ».

Сердце его преисполнилось ненавистью ко всѣмъ, стоящимъ на вершинахъ счастья и могущества. Они теперь вздумали заботиться о покинутой женщинѣ, теперь.... отчего же не раньше?

Онъ поскакалъ въ зàмокъ. Тамъ было много работниковъ, которые трудились надъ возведеніемъ одного изъ боковыхъ строеній. Они съ явной неохотой поклонились тому, кто платилъ имъ деньги. Зонненкампъ усмѣхнулся: они все-таки были обязаны ему кланяться. Онъ съ радостью собралъ бы въ эту минуту вокругъ себя весь міръ съ тѣмъ, чтобъ дерзко и самодовольно взглянуть ему въ лицо.

Изъ зàмка Зонненкампъ поѣхалъ къ маіору.

Фрейленъ Милькъ стояла у окна своего жилища и завидѣвъ его, еще прежде чѣмъ онъ успѣлъ обратиться къ ней съ вопросомъ, закричала ему:

— Маіора нѣтъ дома.

Зонненкампъ поѣхалъ назадъ.

Приближаясь къ виллѣ, онъ замѣтилъ, что на стѣнѣ парка красовалась какая-то надпись. Подъѣхавъ ближе, онъ прочелъ: «Продавецъ невольниковъ! Убійца!» Вдобавокъ къ этому какой-то

любопытный живописецъ нарисовалъ еще висѣлицу, а на ней человѣческую фигуру съ высунувшимся непомѣрной длины языкомъ, на которомъ тоже виднѣлась надпись: «продавецъ невольниковъ!»

Зонненкампъ приказалъ кастеляну усилить надзоръ за виллой, а въ случаѣ надобности и стрѣлять по тѣмъ, которые, несмотря на предостереженіе, захотѣли бы слишкомъ близко подойти къ воротамъ.

— Стрѣлять я не стану, угрюмо отвѣчалъ кастелянъ, а къ Мартынову дню и вовсе прошу меня уволить отъ моей службы.

Зонненкампъ снова поѣхалъ по дорогѣ къ виноградному домику. Онъ хотѣлъ взять оттуда дѣтей и сказать профессоршѣ, чтобъ она болѣе не выдавала никакихъ пособій наглецамъ, осмѣлившимся намарать такую надпись на сіяющей бѣлизной стѣнѣ его парка. Но немного спустя, онъ одумался и поѣхалъ обратно. Самое лучшее, порѣшилъ онъ мысленно, дѣлать видъ, будто ничего не замѣчаешь.

Зонненкампъ, пылая гнѣвомъ, вернулся въ свой кабинетъ. Имъ вдругъ овладѣло какое-то странное чувство тоски и страха. Ему казалось, что домъ этотъ вдругъ пересталъ быть его собственностью. Въ него начинаютъ со всѣхъ сторонъ стекаться посторонніе люди, кто съ укоромъ, кто съ состраданіемъ на устахъ. Онъ не имѣетъ болѣе угла, гдѣ могъ бы укрыться отъ враговъ и живетъ точно на улицѣ; всякій имѣетъ право надъ нимъ смѣяться и осыпать его бранью, а ему нечѣмъ защититься.

Зонненкампъ съ яростью топнулъ ногой.

«Вотъ оно то, чего я желалъ! думалъ онъ. Я домогался почестей, хотѣлъ, чтобъ обо мнѣ говорили,—ну что же, теперь обо мнѣ говорятъ, но какимъ образомъ!»

«Я васъ всѣхъ презираю!» вдругъ вырвалось у него изъ груди.

Онъ давалъ себѣ слово не уступать. Но что̀ сдѣлаетъ онъ, чтобъ не позволить свѣту надъ собой восторжествовать? Этого онъ самъ еще не зналъ.

ГЛАВА X.

ЖАЛОБЫ РОЛАНДА.

Роландъ и Манна сидѣли въ библіотекѣ. Они походили на дѣтей, которые, внезапно застигнутые грозой, ищутъ отъ нея укрыться въ чужой хижинѣ. Они долго не могли произнести ни слова. Манна первая оправилась и нѣжно гладя Роланда по лицу, заговорила съ поддѣльной живостью.

— Тебѣ знакома сказка о братѣ и сестрѣ, которые, заблудясь въ лѣсу, все-таки нашли изъ него выходъ? Мы съ тобой похожи на этихъ дѣтей и подобно имъ блуждаемъ въ дикомъ и темномъ лѣсу. Но мы не дѣти болѣе. Ты уже взрослый и сильный мужчина, по крайней мѣрѣ долженъ быть такимъ.

— Ахъ, не говори пожалуйста, воскликнулъ Роландъ: каждое твое слово, каждый звукъ твоего голоса, какъ острый ножъ вонзаются мнѣ въ сердцѣ. Ахъ, сестра! Нѣтъ, нѣтъ!... Здѣсь стоятъ сотни книгъ, но увѣряю тебя, ни въ одной изъ нихъ не описывается ничего подобнаго нашей судьбѣ. Нѣтъ, конечно нѣтъ!

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, Манна опять начала:

— Теперь я могу тебѣ объяснить, почему я называла себя Ифигеніей. Я хотѣла принести себя въ жертву за всѣхъ васъ, думая тѣмъ искупить грѣхъ нашего отца.

— Ахъ, не говори пожалуйста! снова воскликнулъ Роландъ. Что намъ за дѣло до дѣтей въ лѣсу, или до Ореста и Ифигеніи? Орестъ былъ счастливъ, онъ могъ вопрошать боговъ въ Дельфахъ. Въ то время люди ссорились и мирились съ богами, которые должны были имъ отвѣчать, а теперь?... Гдѣ тѣ уста, которые говорятъ отъ имени боговъ? Греки имѣли также рабовъ,—а мы? Вонъ они тамъ толкуютъ, будто въ мірѣ водворилась любовь и всѣ люди безразлично сдѣлались дѣтьми Божіими!... Но если это такъ, то какъ могутъ они благословлять въ церкви бракъ человѣка, который владѣетъ невольниками?... Дѣти Божіи въ неволѣ! Ихъ крестятъ и оставляютъ рабами!... Ахъ, у меня голова идетъ кругомъ, я съ ума схожу!... О мое дѣтство! О моя юность!... Я еще молодъ, передо мною лежитъ длинный путь.... а ноша моя такъ тяжела! Всюду, куда я ни обернусь, я вижу черное пятно.... оно на всемъ и на всѣхъ!... Когда ловчій сидѣлъ въ тюрьмѣ.... дѣти не отвѣчаютъ за проступки отцовъ, но тѣмъ не менѣе страдаютъ о нихъ въ теченіи всей жизни. Гдѣ справедливость?... Помоги мнѣ, сестра.... Помоги мнѣ.

— Я не могу, не умѣю, сама не вижу выхода! Вѣдь это, о чемъ ты теперь говоришь, поколебало также и мою вѣру. Вокругъ меня тоже все темно.

И снова братъ и сестра долго сидѣли молча. Вдругъ Роландъ бросился къ Маннѣ на шею и скрывая свое лицо на ея груди воскликнулъ:

— Манна, я хотѣлъ лишить себя жизни.... мнѣ казалось, что я не въ силахъ этого перенести. Еще вчера все было такъ прекрасно.... Но теперь я даю тебѣ слово, что буду жить. Я еще не знаю на что̀ мнѣ слѣдуетъ рѣшиться, но мнѣ ясно только

одно: я долженъ и буду жить. Еслибъ дѣти лишали себя жизни за грѣхи родителей, вина послѣднихъ была бы еще больше.

Роландъ оперся головой о спинку дивана и глухо прошепталъ:

— Онъ этого не исполнилъ немедленно и теперь уже конечно не исполнитъ.

— Чего? спросила Манна.

Роландъ устремилъ на нее безсмысленный, точно стеклянный взоръ. Онъ вспомнилъ какъ просилъ отца отказаться отъ всѣхъ своихъ богатствъ. Тотъ ему обѣщался, но Роланду вдругъ стало ясно, что этому никогда не бывать. Онъ то закрывалъ, то открывалъ глаза; вокругъ него все было такъ мрачно и пусто, а самъ онъ казался такимъ несчастнымъ и разбитымъ.

Манна хорошо понимала, что̀ въ немъ происходило. Она опустилась передъ нимъ на колѣни и сказала:

— Роландъ, я хочу тебѣ разсказать... Эрихъ и я....

— Что такое, спросилъ Роландъ, быстро приподнимаясь.

— Эрихъ и я... мы помолвлены.

— Ты, съ нимъ?

Онъ вскочилъ и горячо обнялъ Манну, повторяя:

— Ты, съ нимъ?

— Да, Роландъ. И представь себѣ, онъ уже давно все зналъ.

— Все зналъ? И не оттолкнулъ тебя.... и продолжалъ меня учить, оставаясь намъ вѣренъ... о!

Роландъ и Манна долго сидѣли обнявшись. Вдругъ кто-то постучался въ дверь: братъ и сестра вздрогнули и со страхомъ переглянулись. Каждый зналъ, что это стучался отецъ, но ни тотъ ни другая не рѣшались высказать своей догадки. Стукъ повторился; они продолжали молчать, и кто-то, тяжело ступая, отошелъ отъ двери. Роландъ и Манна узнали шаги отца. Отецъ стучится, дѣти ему не отворяютъ и даже другъ другу не рѣшаются назвать его по имени, — о, какъ это тяжело, какъ ужасно!

Мысли Роланда между тѣмъ переходили отъ одного лица къ другому.

— Баронъ фонъ-Пранкенъ, сказалъ онъ, совѣтуетъ мнѣ поступить въ папское войско. Ахъ, еслибы существовало поле сраженія, гдѣ можно было бы драться за торжество въ мірѣ идеи равенства и братства!... какъ охотно сложилъ бы я на такомъ полѣ свою голову. Но такого рода вещи не завоевываются на полѣ сраженія. Ахъ, сестра! Я самъ не знаю, что думаю, что говорю! Гайавата постился и мы должны поститься.

— Пойдемъ домой, сказала Манна.

— Домой! домой! Гдѣ нашъ домъ, развѣ мы имѣемъ право назвать что-нибудь своимъ?

Роландъ всталъ и рука объ руку съ сестрой пошелъ черезъ лугъ на виллу.

Солнце ярко сіяло, воздухъ былъ пропитанъ запахомъ сѣна, по рѣкѣ плыли пароходы, на поворотѣ дороги вдругъ появилась особаго рода процессія, носящая названіе «осенняго поѣзда». На большой бочкѣ сидѣлъ, въ видѣ Бахуса съ виноградным вѣнкомъ на головѣ, второй сынъ ловчаго, Клауса. Вокругъ него на телѣгѣ стояли молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и съ распущенными волосами. Онѣ махали кружками и наполняли воздухъ громкими и веселыми криками. Верхомъ на лошадяхъ сидѣли, съ головы до ногъ укутанныя въ мохъ, человѣческія фигуры. По временамъ раздавались ружейные выстрѣлы; все шумѣло, кричало и веселилось.

Братъ и сестра остановились и печально смотрѣли вслѣдъ веселому поѣзду, который вскорѣ скрылся за деревьями. И тотъ и другая думали: да, они могутъ веселиться, а мы!... Они пошли далѣе и Роландъ заговорилъ:

— Я самъ не знаю, что со мной дѣлается. Я какъ будто не живу, а вижу все это во снѣ, или какъ умершій духъ, который не имѣетъ болѣе ничего общаго съ землей. Всѣ предметы кажутся мнѣ такими далекими, недосягаемыми; они точно плаваютъ въ туманѣ, а я самъ ношусь между ними, какъ какая-нибудь тѣнь. Я смотрю на тебя и мнѣ думается, что между нами лежитъ страшная даль. А отецъ!... мать!

И онъ боязливо озирался вокругъ, точно страшась увидѣть привидѣніе.

Манна крѣпче схватила его за руку. Онъ мгновенно успокоился и поблагодарилъ ее улыбкой.

Къ нимъ на встрѣчу выбѣжалъ Грейфъ и съ громкимъ радостнымъ лаемъ бросился на своего молодого господина. Роландъ погладилъ его и сказалъ:

— Да, милый Грейфъ, когда я тебя потерялъ, ты съумѣлъ найти дорогу домой. Знаешь ли ты, что для меня такая дорога не существуетъ? Я болѣе тебѣ не господинъ, я ничто!

Собака казалась поняла, что̀ ей говорилъ Роландъ. Она смотрѣла на него умными, ласковыми глазами, точно хотѣла сказать: не печалься и не порти понапрасну своей молодой жизни.

Братъ и сестра остановились на берегу Рейна.

— Я вижу себя въ водѣ!... Сестра, у меня на лбу нѣтъ никакого знака, который говорилъ бы о моемъ позорѣ, а между тѣмъ...

И тутъ онъ въ первый разъ горько заплакалъ.

— Пойдемъ дальше, сказала Манна, стараясь его успокоить.

— Дальше... дальше! Да, нашъ путь безконечно длиненъ, повторилъ Роландъ и пошелъ вслѣдъ за сестрой.

На дворѣ виллы конюхи медленно водили вокругъ лошадей, покрытыхъ длинными попонами.

Роландъ полуоткрылъ ротъ, собираясь закричать: снимите съ нихъ попоны и покройте ими нашъ стыдъ! Выпустите лошадей на волю: мы не имѣемъ надъ ними никакой власти, онѣ не наши!... Но голосъ не повиновался ему, и онъ не могъ произнести ни слова.

Взоръ его блуждалъ вокругъ, останавливаясь то на оранжереяхъ, то на деревьяхъ, какъ будто онъ хотѣлъ у нихъ спросить, знаютъ ли они, кому принадлежатъ.

Онъ попросилъ Манну пойти съ нимъ на конюшню.

Имъ на встрѣчу попадались слуги. Роландъ робко на нихъ взглядывалъ и съ изумленіемъ и благодарностью принималъ ихъ поклоны и предложенія услугъ. Люди не брезгали имъ, они ему еще кланялись и готовы были ему повиноваться!

На конюшнѣ онъ долго и нѣжно гладилъ своего пони, потомъ обнялъ его за шею и снова заплакалъ.

— О Пукъ! воскликнулъ онъ: когда я теперь снова съ легкимъ сердцемъ на тебѣ поѣду?

Собаки съ радостнымъ лаемъ прыгали вокругъ него, стараясь обратить на себя его вниманіе. Роландъ ласково кивнулъ имъ головой, погладилъ ихъ и съ грустью сказалъ Маннѣ:

— Животныя счастливѣйшія существа въ мірѣ. Они кромѣ жизни ничего не наслѣдуютъ отъ родителей... ни дома, ни сада, ни денегъ, ни одежды. Ахъ, мой добрый Пукъ, какая у тебя славная, длинная грива!

Безпорядочная рѣчь Роланда обличала сильное умственное напряженіе, которое невольно заставляло опасаться за его разсудокъ.

— Еслибъ невольники не могли ни говорить, ни молиться, воскликнулъ онъ, дергая за гриву пони, они были бы счастливы, подобно тебѣ и этимъ вѣрнымъ собакамъ!

Манна, испуганная странными, безсвязными словами Роланда, сказала ему:

— Ты не долженъ былъ бы ни на минуту разставаться съ нашимъ другомъ Эрихомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... онъ мнѣ теперь ничѣмъ не можетъ помочь. Это Аполлоновы стрѣлы, и педагогъ не въ силахъ ихъ отъ меня отвратить!

Манна приняла его слова за бредъ разстроеннаго воображенія. Роландъ не объяснилъ ей, что ему внезапно пришла на память группа Ніобы, которую онъ видѣлъ въ столичномъ музеѣ.

Минуту спустя, онъ продолжалъ:

— Да! дѣвочка укрывается въ объятіяхъ матери, а мальчикъ, простирая руки, старается самъ защититься отъ смертоносныхъ стрѣлъ. Ночью, когда я шелъ отыскивать Эриха, извозчикъ, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ, разсказалъ мнѣ сказку о смѣющемся духѣ. Много, много времени надо, чтобъ изъ желудя выросъ дубъ... а когда дубъ выростетъ, его срубятъ, сдѣлаютъ изъ него колыбель, положатъ въ него малютку, а тотъ уже отворитъ дверь. Слышишь, онъ смѣется? Онъ бродитъ по свѣту, нигдѣ не находя покоя.

Манна умоляла Роланда успокоиться, потомъ сказала:

— Я должна идти къ отцу.

— А я къ матери.

Поднимаясь на лѣстницу, они встрѣтились съ Пранкеномъ, который протянулъ Маннѣ руку.

— Благодарю васъ, сказала она ему: за то, что вы не покидаете моего отца.

Молодая дѣвушка хотѣла идти далѣе.

— Не можете ли вы мнѣ удѣлить минуту вашего времени? спросилъ у нея Пранкенъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она. Теперь я не могу съ вами остаться.

Братъ и сестра разстались.

Роландъ вошелъ къ матери.

— Тебѣ нечего печалиться тѣмъ, что произошло здѣсь, въ Старомъ Свѣтѣ, сказала она ему: мы всѣ снова отправимся въ Америку, твою настоящую родину.

Роланду казалось, что слова эти произнесъ кто-то другой, а не его мать. Они точно принеслись откуда-то издалека и поразили его новой мыслью.

— Это говоритъ самъ дельфійскій оракулъ! Воскликнулъ онъ внезапно.

— Что такое? спросила Церера. Я тебя не понимаю. Вѣдь ты знаешь, я ничему не училась.

Роландъ не отвѣчалъ. Изъ среды окружавшаго его хаоса, передъ глазами его на мгновеніе сверкнула и снова погасла свѣтлая точка.

— Подожди меня, сказала Церера. Пора обѣдать.

Она накинула на плечи шаль и вмѣстѣ съ сыномъ отправилась въ столовую.

Тамъ они застали Пранкена и фрейленъ Пэрини, которые шопотомъ между собой разговаривали.

Роландъ пошелъ за Эрихомъ.

— Не ужасно ли, что надо ѣсть? сказалъ онъ ему. Какую часть невольника проглотимъ мы сегодня за обѣдомъ? Ахъ, Эрихъ! положи мнѣ на голову руку. Вотъ такъ... хорошо... теперь мнѣ легче...

Зонненкампъ долго заставилъ себя ждать къ обѣду. Манна пришла еще позже его.

Лицо ея было покрыто яркимъ, точно лихорадочнымъ румянцемъ.

Всѣ такъ близко другъ отъ друга сидѣли за столомъ, а между тѣмъ, какая бездна раздѣляла многихъ изъ находившихся тутъ! Эрихъ и Манна всего только разъ обмѣнялись взглядомъ, но этого было вполнѣ достаточно для ихъ взаимнаго пониманія другъ друга.

— Когда ловчій, оправданный, вернулся изъ суда, шепнулъ Роландъ Эриху, у него на столѣ былъ только одинъ картофель.

Эрихъ ласково положилъ ему на плечо руку. Онъ хорошо понималъ все, что̀ должно было вызвать это воспоминаніе въ сердцѣ юноши. Ловчій оказался невиннымъ, а здѣсь?...

Пранкенъ въ теченіи всего обѣда одинъ старался поддерживать разговоръ, ловко избѣгая тѣхъ предметовъ, которые могли въ комъ-нибудь изъ присутствующихъ возбудить непріятное ощущеніе. Онъ преимущественно говорилъ о постройкѣ за̀мка.

Послѣ обѣда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Роландъ просилъ Эриха на сегодня оставить его одного.

ГЛАВА XI.

СВЯЗЬ ЧЕСТИ И УВАЖЕНІЯ.

Съ наступленіемъ вечера Роландъ отправился въ деревню. Въ воздухѣ носился запахъ молодого вина. Всюду замѣтно было особенное оживленіе, виноградные тиски усиленно дѣйствовали, на улицахъ безпрестанно встрѣчались поселяне, которые медленно ступали, сгибаясь подъ тяжестью большихъ деревянныхъ кадокъ и чановъ.

Роландъ на всѣхъ вопросительно поглядывалъ и съ трудомъ удерживался, чтобъ не закричать:

«Смотрите, передъ вами нищій, который молитъ васъ о

любви и состраданіи къ своему отцу. Не откажите ему въ этой милостынѣ!»

Онъ смотрѣлъ на дома, куда въ день своего рожденія разносилъ подарки. Ихъ обыватели учтиво отвѣчали на его поклоны, но никто болѣе не радовался его приходу и не почиталъ себѣ за честь его посѣщенія. Онъ поспѣшилъ уйти изъ деревни.

Роландъ сѣлъ на берегу рѣки за плетнемъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ вечеромъ передъ своимъ бѣгствомъ изъ дому, когда отправился на поиски за Эрихомъ. Онъ былъ какъ въ чаду отъ печали, которая угрожала въ немъ изсушить источникъ жизни. Надъ нимъ кружился воробей. Роландъ безсознательно раздвинулъ вѣтви повисшаго надъ водой дерева и увидѣлъ гнѣздо, въ которомъ сидѣло пять воробушковъ, усердно разѣвавшихъ клювы. Какъ въ былое время такая находка обрадовала бы его! Теперь же онъ только подумалъ:

— Счастливцы! они у себя дома.

Поблизости проѣхала телѣга. Рѣзкій скрипъ, какой издавали ея колеса, медленно катясь по песку, напомнилъ Роланду его ночной разговоръ съ бѣднымъ извозчикомъ, который голодъ и нищету предпочиталъ дурно пріобрѣтенному богатству.

Неподалеку отцѣпляли отъ берега лодку. Звукъ цѣпи, коснувшись слуха Роланда, пробудилъ въ немъ мысль о неграхъ. Ему казалось, что онъ видитъ невольниковъ, которые идутъ попарно скованные. Затѣмъ воображеніе живо нарисовало ему садовника, прозваннаго Гномомъ, и польскаго конюха съ колодками на рукахъ, идущихъ по улицѣ въ сопровожденіи жандарма съ обнаженнымъ палашомъ, который ослѣпительно сверкалъ на солнцѣ.

Роландъ поднялъ глаза.

Мимо дѣйствительно шелъ жандармъ. Чтò если онъ явился арестовать его отца?

О нѣтъ! Преступленія послѣдняго не такого рода, чтобъ ихъ каралъ законъ.

Но какое же существуетъ для нихъ наказаніе?

Роландъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ взоръ на кусты, за которыми скрылся жандармъ. Мысль его усердно работала, открывая ему многое, о чемъ прежде онъ никогда не думалъ. Онъ старался угадать, что теперь говорили объ его отцѣ графъ Клодвигъ, докторъ Рихардтъ, маіоръ и ловчій. И вдругъ въ глубинѣ души его прозвучало: человѣкъ не для себя одного живетъ! Между людьми существуетъ невидимая неразрывная связь, которая дѣлаетъ изъ нихъ одно громадное и величавое цѣлое. Связь эта заключается въ взаимномъ уваженіи и въ чувствѣ чести.

Роландъ былъ не въ силахъ долѣе выносить наплыва горькихъ мыслей и ощущеній, которые буквально давили его своей тяжестью, и всталъ. Но куда ему идти?

— Къ ловчему! почти громко произнесъ онъ.

Невѣрными шагами, съ сильно бьющимся сердцемъ, отъ неизвѣстности того, что ожидало его впереди, сталъ онъ медленно взбираться на гору. У входа въ деревню ему повстрѣчался второй сынъ Клауса, который тоже съ трудомъ передвигалъ ноги, сгибаясь подъ тяжестью деревянной кадки, наполненной виномъ. Онъ былъ одныхъ лѣтъ съ Роландомъ, завидѣвъ котораго, воскликнулъ:

— Отецъ такъ и думалъ, что вы къ нему зайдете. Ступайте скорѣй, онъ васъ ждетъ.

Роландъ поблагодарилъ и пошелъ далѣе. Приближаясь къ дому ловчаго, онъ услышалъ, какъ тотъ ему кричалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ты придешь. У меня есть для тебя лекарство. Ничего мнѣ не разсказывай, я все знаю. Но повторяю, я могу тебѣ помочь.

— Чѣмъ?

— Слушай, молодецъ! Въ мірѣ есть двѣ вещи, которыя приносятъ человѣку утѣшеніе и облегченіе въ горѣ: это молитва и питье. Если ты не можешь молиться, то пей, пей, пока не забудешься. И по моему послѣднее несравненно лучше перваго.

— Стыдись! возразилъ Роландъ. Стыдись, ты говоришь неправду; на свѣтѣ есть еще...

— Что такое?

— Размышленіе. Я еще не вполнѣ вижу и понимаю къ чему оно меня приведетъ, но знаю, что оно одно можетъ меня спасти.

Ловчій громко и протяжно свистнулъ.—Ты отличный малый! воскликнулъ онъ потомъ. А скажи-ка, придумалъ ли ты уже, что станешь дѣлать со всѣми этими деньгами, когда онѣ тебѣ достанутся?

— Нѣтъ еще!

— Ну и не бѣда, современемъ ты и это узнаешь. А пока, послушайся моего совѣта и не губи своей молодости напрасной печалью. Имѣй состраданіе къ отцу: онъ, несмотря на всѣ свои милліоны, очень бѣденъ. Докажи, что ты добрый малый, заслуживающій того, чтобъ надъ тобой свѣтило солнце... Слушай, слушай! вдругъ перебилъ онъ самъ себя.

Черный дроздъ началъ насвистывать мелодію: «Радуйтесь»!

Ловчій и Роландъ переглянулись. Послѣдній слабо улыбнулся.

— Вотъ такъ-то лучше! воскликнулъ Клаусъ. Радуйтесь, а все остальное въ жизни пустяки. А вѣдь куда какъ умна птица!

Ты отлично выполнила свое дѣло, прибавилъ онъ, кивая головой дрозду, который серьезно поглядывалъ то на Роланда, то на своего хозяина, точно зналъ, что̀ сдѣлалъ и вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, какое произвелъ своею пѣснью.

Клаусъ, между тѣмъ, продолжалъ, снова обращаясь къ Роланду:

— Хорошо!... Ну, молодецъ, смѣлѣй! Подними голову и смотри всѣмъ прямо въ глаза. А если тебѣ понадобится помощь, приходи ко мнѣ. Я никогда не забуду, что ты по выходѣ моемъ изъ тюрьмы привезъ меня домой. Развеселись же! Смотри, какъ веселы и бодры твои собаки! Онъ подалъ Роланду хлѣбъ съ тѣмъ, чтобъ тотъ скормилъ его собакамъ, но мальчикъ вмѣсто того самъ съ жадностью принялся его ѣсть.

— Отлично! радостно воскликнулъ ловчій. Наша взяла! Ты чувствуешь голодъ: это хорошій знакъ. Теперь вода въ Рейнѣ можетъ спокойно течь, и завтра надъ нами снова взойдетъ и засіяетъ солнце!

Эрихъ предчувствовалъ, что Роландъ захочетъ навѣстить ловчаго и пошелъ за нимъ туда. Онъ не мало обрадовался, встрѣтивъ его почти совсѣмъ спокойнаго. Затѣмъ они вмѣстѣ отправились на виллу.

Доро̀гой Роландъ замѣтилъ:

— Когда я былъ у Клауса, мнѣ вдругъ пришелъ въ голову вопросъ: Что̀ бы обо всемъ этомъ сказалъ Веньяминъ Франклинъ? Какъ ты думаешь, Эрихъ, какой бы онъ мнѣ теперь подалъ совѣтъ?

— Не знаю вполнѣ, но полагаю, что онъ между прочимъ сказалъ бы вотъ-что: человѣкъ, который только страдаетъ, стоитъ на одной ступени съ животнымъ, неумѣющимъ справиться ни съ какой бѣдой. Человѣческая сила начинается тамъ, гдѣ ты даешь себѣ отчетъ въ твоемъ страданіи и трудишься надъ тѣмъ, чтобъ подчинить его своему разуму и волѣ. Отдаваясь горю безъ борьбы, ты дѣлаешь невозможнымъ свое нравственное выздоровленіе. Ободрись же и вооружись мужествомъ. Если въ тебѣ есть что-либо такое, за что ты считаешь себя достойнымъ своей собственной любви, то ты вправѣ ожидать ее и отъ другихъ.

— Благодарю! воскликнулъ Роландъ. Я самъ много думалъ о̀ томъ, что могъ бы мнѣ теперь сказать Веньяминъ. Мнѣ казалось, что я вижу передъ собой его кроткое, обрамленное длинными сѣдинами лицо и слышу его голосъ. Худшее зло, говорилъ онъ, не въ томъ, что ты навлекаешь на себя стыдъ, а въ томъ, что этотъ стыдъ, овладѣвая тобой, помра-

частъ твой разсудокъ и заставляетъ тебя быть несправедливымъ ко всѣмъ остальнымъ людямъ.

Впечатлѣнія, полученныя Роландомъ во время его прогулки, сложились въ немъ въ ясное, сознательное воззрѣніе на его теперешнее положеніе.

Изъ глубины души Эриха поднялось радостное, благодарное чувство. Онъ былъ несказанно счастливъ тѣмъ, что ему удалось воспитать въ юношѣ такой возвышенный образъ мыслей. Онъ едва удержался, чтобъ не воскликнуть: ты сталъ настоящимъ человѣкомъ! Но нѣтъ, такого рода мысли лучше хранить про себя.

Эрихъ и Роландъ вернулись на виллу нѣсколько успокоенные.

У воротъ парка они нашли кастеляна, который усердно что-то стиралъ со стѣны.

— Тамъ стоитъ.... надпись.... Я видѣлъ.... я прочелъ ее!... воскликнулъ Роландъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

Звукъ остраго, желѣзнаго инструмента, которымъ кастелянъ скребъ стѣну, болѣзненно отзывался въ сердцѣ Роланда. Самообладаніе мгновенно снова его покинуло.

— Тамъ стоитъ!... повторялъ онъ. Завтра снова придется стирать со стѣны, и послѣ завтра тоже, и такъ безъ конца. Ахъ, Эрихъ, зачѣмъ люди такъ злы! Неужели имъ пріятно насъ оскорблять!

Эрихъ старался успокоить Роланда, говоря, что люди вовсе не такъ злы, но только падки на насмѣшки и любятъ дразнить ближнихъ въ бѣдѣ.

Онъ проводилъ своего бывшаго воспитанника въ его комнату. Роландъ опустился на стулъ и прижавъ руку ко рту, крѣпко стиснулъ ее зубами. Онъ долго молчалъ, устремивъ взоръ на чучело птицы.—Гуавата! произнесъ онъ наконецъ шопотомъ, и вставъ со стула, подошелъ къ окну.

Передъ его глазами растилался паркъ, гдѣ суетились, кружась въ воздухѣ, цѣлыя стаи ласточекъ, собиравшихся летѣть за моря, въ теплыя страны. «У всѣхъ и у всего есть своя родина, думалъ юноша. Растеніе, которое не можетъ двигаться само, пользуется тщательнымъ уходомъ, а ласточка, не выносящая холода, съ наступленіемъ его, улетаетъ туда, гдѣ ей тепло. Ахъ, еслибъ кто-нибудь указалъ, гдѣ бы намъ могло быть тепло!»

Вдругъ Роландъ быстро отскочилъ отъ окна. Онъ видѣлъ, какъ на дворъ въѣхалъ верхомъ русскій князь, а за нимъ въ экипажѣ докторъ Рихардтъ.

Роландъ просилъ Эриха оставить его одного и никого къ нему не пускать.

Эрихъ ушелъ, а Роландъ заперся въ своей комнатѣ.

ГЛАВА XII.

ЗОННЕНКАМПЪ НАХОДИТЪ СУЩЕСТВО, ПОДОБНОЕ СЕБѢ.

Зонненкампъ сидѣлъ одинъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ и смотрѣлъ изъ окна на замокъ, постройка котораго быстро приближалась къ концу. Кто будетъ въ немъ жить? Онъ отвелъ отъ него глаза и устремилъ ихъ на портретъ Роланда.

— Лучше было бы мнѣ вовсе не имѣть дѣтей! Тогда не о комъ было бы и безпокоиться! воскликнулъ онъ и самъ испугался своего голоса.

Зонненкампъ отворилъ шкапъ съ деньгами и долго смотрѣлъ на тщательно увязанныя пачки бумагъ и на ящики съ звонкою монетой.

— Какую помощь можете вы мнѣ оказать? А между тѣмъ

Въ дверь кабинета раздался стукъ.

— Кто тамъ? спросилъ Зонненкампъ.

Іозефъ отвѣчалъ:

— Его свѣтлость желаетъ...

— Какъ, неужели все это былъ сонъ? Возможно ли, чтоб герцогъ самъ явился къ нему извиниться, признаться въ...

Зонненкампъ быстрыми шагами подошелъ къ двери и открылъ ее. Передъ нимъ стоялъ русскій князь Валеріанъ, который ласково и дружески старался объяснить ему, что пришелъ предложить свою помощь и участіе. Вейдеманъ тоже поручилъ

— Мнѣ не надо ничьей помощи. Я ни въ комъ не нуждаюсь! рѣзко перебилъ его Зонненкампъ и захлопнувъ дверь, снова заперъ ее на замокъ.

— Я самъ ни къ кому не имѣю состраданія и не хочу чтобъ меня сожалѣли, проговорилъ онъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь.

Въ двери вторично раздался легкій стукъ.

— Что это? Неужели они не могутъ оставить меня въ покоѣ?

Между тѣмъ сквозь замочную скважину послышался мягкій голосъ, говорившій:

— Это я, графиня Белла.

Зонненкампъ вздрогнулъ.

Ужъ не обманъ ли это? Кому могло придти на умъ взять это имя и заговорить этимъ голосомъ?

Во всякомъ случаѣ человѣкъ, надѣвшій на себя эту маску, долженъ быть очень уменъ и заслуживаетъ того, чтобъ на него взглянуть.

Зонненкампъ быстро растворилъ дверь и остановился, пораженный изумленіемъ. Передъ нимъ дѣйствительно стояла Белла.

— Дайте мнѣ вашу руку! воскликнула она. Скорѣй вашу руку! Вы герой, какого мнѣ еще не случалось встрѣчать. Что такое въ сравненіи съ вами всѣ эти куклы, которыя васъ окружаютъ? Не болѣе какъ вѣшалки для мундировъ. Неужели можно считать за людей всѣхъ этихъ малодушныхъ профессоршъ, выскочекъ-учителей и журнальныхъ писакъ? Они выдумали себѣ какую-то гуманность и превратили ее въ пугало, котораго боятся, какъ дѣти волка. Вы одинъ заслуживаете названіе мужчины!

— Садитесь пожалуйста, отъ удивленія едва могъ проговорить Зонненкампъ. Онъ все еще не понималъ, чего отъ него хотѣли. А Белла между тѣмъ продолжала:

— Я знала, что природа создала васъ завоевателемъ, но не подозрѣвала въ васъ такой силы.

Зонненкампъ все еще не могъ придти въ себя отъ изумленія. Чего хочетъ отъ него эта женщина? Не издѣваться же надъ нимъ она пришла? Но дальнѣйшая рѣчь Беллы дала его мыслямъ другое направленіе.

— Всѣ люди, восклицала она, слабые, малодушные трусы, а въ особенности тѣ, которые составляютъ такъ-называемый высшій кругъ общества. Васъ слѣдовало бы произвести прямо въ графы, а не въ простые бароны. Вы сдѣлали то, что могъ бы каждый изъ нихъ, что могли бы всѣ... нѣтъ, не всѣ, а только тѣ, въ которыхъ есть задатки силы. Но они выдумали стыдиться того, на что у нихъ не хватаетъ смѣлости. Они вооружены ружьями и мечами, но тѣмъ не менѣе дрожатъ при видѣ линейки школьнаго учителя, который, ударяя ихъ ею по пальцамъ, восклицаетъ: Развѣ вы не знаете, что живете въ эпоху... или какъ они любятъ выражаться, въ столѣтіе, въ вѣкъ гуманности? Всѣ дворяне должны бы были броситься къ вамъ съ поздравленіями и съ раскрытыми объятіями принять васъ въ свое число. Многія ли бы изъ этихъ куколъ владѣли своими титулами, еслибъ имъ, подобно вамъ, пришлось пріобрѣтать ихъ посредствомъ геройскихъ подвиговъ. Еслибъ я узнала васъ въ моей

молодости, я пошла бы за вами на край свѣта. Въ васъ есть Наполеоновская жилка. Дайте мнѣ вашу руку!

Она схватила его за обѣ руки и крѣпко ихъ пожала.

— Вы конечно забыли, продолжала она все съ возростающимъ одушевленіемъ, но я хорошо помню, какъ вы, обѣдая у насъ вмѣстѣ съ княземъ Валеріаномъ, сказали: ученіе гуманистовъ имѣетъ своихъ фанатиковъ. Это совершенно справедливо. Они всѣ преисполнены благочестиваго страха къ гуманнымъ бреднямъ ихъ святого Жанъ-Жака Руссо. Эти мнимосильные, свободные люди мечтаютъ о раѣ на землѣ, гдѣ всѣ, и черные и бѣлые, и знатные и бѣдные, и геніи и дураки должны быть равны и пользоваться одинаковыми правами. Они создали себѣ новую вѣру въ книгу, которая называется «Contrat social» и замѣняетъ имъ Библію. Но что до меня касается, я вполнѣ равнодушна къ Жанъ-Жаку Руссо...

Зонненкампъ съ сіяющимъ лицомъ перебилъ ее восклицаніемъ:

— Какое дѣло можетъ считаться проиграннымъ, когда за него стоитъ геніальная женщина?

— Благодарю... благодарю, проговорила Белла.

Она взяла Зонненкампа за руку и начала нѣжно гладить большой палецъ, на которомъ виднѣлись слѣды зубовъ.

— Такъ вотъ то мѣсто, въ которое васъ укусилъ одинъ изъ любимцевъ учителя? Гордитесь этимъ знакомъ: онъ почетнѣе раны, полученной на полѣ сраженія. Но ради всего что есть для васъ дорогого на свѣтѣ, будьте тверды и ни подъ какимъ видомъ не уступайте вашимъ врагамъ. Радуйтесь, что вамъ нечего болѣе скрывать и докажите, что вы единственный человѣкъ, который не боится школьнаго учителя и не признаетъ школьной науки. Смѣлости все доступно, а ея обязанность водворять въ мірѣ то, чему надлежитъ въ немъ быть.

Белла встала, глаза ея сверкали зловѣщимъ огнемъ, на щекахъ игралъ яркій румянецъ. Въ ней было что-то обаятельное, притягивающее и въ тоже время возбуждающее ужасъ.

Такой точно видъ должна была имѣть Медуза. Она не могла иначе дышать какъ Белла и, безъ сомнѣнія, подобно ей трепетала всѣмъ тѣломъ.

Но посреди охватившаго ея волненія, въ головѣ графини опять мелькнула мысль, какъ прекрасна была эта сцена, въ которой она играла главную роль. Сколько въ ней величія, какая сила страсти! Она вдругъ замерла на мѣстѣ, точно стоя въ живой картинѣ, и взоръ ея невольно искалъ зеркала, въ которомъ она могла бы видѣть собственное изображеніе.

Затѣмъ она гордо взмахнула головой и снова вошла въ свою роль, точно актриса, появляющаяся изъ-за кулисъ, куда на время удалялась.

— Разскажите мнѣ, снова начала она, что̀ сдѣлало васъ такимъ смѣлымъ и великимъ, такимъ... единственнымъ свободнымъ человѣкомъ.

Зонненкампъ вздрогнулъ. У него на языкѣ было уже признаніе, которое уста отказывались произнести. Но послѣдующія слова Беллы вызвали у него на лицѣ снова злую улыбку.

— Объ одномъ только прошу васъ, говорила она, не ссылайтесь на любовь... избавьте меня отъ этого общаго мѣста: оно не имѣетъ для меня никакого значенія, а равно и для васъ. Еще одно слово: вамъ теперь придется испытать, если вы этого еще не испытали, что нѣтъ въ мірѣ худшаго тирана, какъ семья. Послушайтесь меня и бросьте всѣ заботы о семьѣ. У героя не должно быть семьи. Разсказы о томъ, какъ герои играли съ своими дѣтьми у домашняго очага, въ сущности не что иное, какъ сантиментальная сказка. Вы должны быть одни и думать только о себѣ—тогда вы будете дѣйствительно сильны. Вы одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ могла создать только фантазія Байрона. Но, повторяю, вамъ, какъ герою, не слѣдуетъ имѣть семьи. Ваша единственная ошибка въ томъ, что вы пожелали ее имѣть. Пусть по крайней мѣрѣ теперь эта ошибка не дѣлаетъ васъ ни слабымъ, ни малодушнымъ.

Зонненкампъ, уже сильно потрясенный предыдущими событіями, не могъ безъ содроганія смотрѣть на эту женщину, явившуюся здѣсь передъ нимъ, какъ какое-то сверхъестественное видѣніе изъ иного, баснословнаго міра. Наконецъ, онъ, придя немного въ себя, объявилъ ей, что уже и прежде самъ рѣшился не сдаваться, но вести съ врагами ожесточенную борьбу. Онъ намѣревался произвести переворотъ въ образѣ мыслей здѣшнихъ добродѣтельныхъ мужей: въ этомъ теперь будетъ состоять задача его жизни. У него въ головѣ уже былъ готовъ планъ, который ему оставалось себѣ уяснить только въ подробностяхъ.

Белла сказала, что кромѣ него никого болѣе не хочетъ видѣть на виллѣ. Она намѣревалась немедленно вернуться домой, но передъ уходомъ еще разъ выразила надежду, что Зонненкампъ до конца останется вѣренъ самому себѣ. Въ противномъ случаѣ, она, Белла, утратитъ все уваженіе, которое возъимѣла теперь къ его силѣ, и станетъ презирать весь человѣческій родъ.

Зонненкампъ отворилъ комнату, гдѣ у него хранились сѣмена, а въ ней другую маленькую дверь, которая вела къ особому выходу на лѣстницу, обвитую зеленью и цвѣтами глицина.

Тамъ онъ на прощанье поцѣловалъ графинѣ руку. Белла уже съ лѣстницы еще закричала ему:

— Но прежде всего вамъ необходимо освободиться отъ этой учительской семьи.

Графиня сдѣлала движеніе рукой, какъ будто что-нибудь отъ себя отталкивала.

— Пусть она, эта семья, снова ѣдетъ въ университетскій городокъ и тамъ заводитъ свою фабрику мудрыхъ изреченій.

Затѣмъ Белла скрылась.

Зонненкампу, когда онъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ, казалось, что все это былъ сонъ. Но въ комнатѣ еще носился тонкій запахъ духовъ, который Белла всегда распространяла вокругъ себя; стулъ еще стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла. Да, она дѣйствительно тутъ была.

Беллѣ, несмотря на ея желаніе, не удалось уйти съ виллы никѣмъ не замѣченной. Она въ паркѣ столкнулась съ братомъ, которому откровенно призналась, что была у Зонненкампа съ цѣлью ободрить и выказать къ нему свое участіе. Въ заключеніе она похвалила Отто за его постоянство и за презрѣніе къ слабому, лицемѣрному свѣту.

— Я могла бы страстно полюбить этого человѣка, воскликнула она. Онъ истый завоеватель и уже покорилъ себѣ частицу свѣта. Они тамъ занимаются откапываніемъ римскихъ древностей и воображаютъ себѣ, будто вправѣ издѣваться надъ этимъ сильнымъ и свободнымъ человѣкомъ. Они презираютъ его, отстаивая права невольниковъ.... а сами-то они кто и что̀ такое?

— Сестра, насмѣшливо возразилъ Пранкенъ. Ты еще слишкомъ молода и хороша, чтобъ прибѣгать къ такого рода эксцентрическимъ выходкамъ. Подобныя косметическія средства пока тебѣ еще не нужны.

Белла отступила отъ него на шагъ.

— Я хотѣла тебя предостеречь, сказала она, но теперь ты ничего отъ меня не узнаешь. Желаю тебѣ успѣха съ Манной и совѣтую какъ можно скорѣе съ ней покончить. А что, каково поживаетъ нѣжное монастырское растеніе?

— Прошу тебя, Белла....

— Хорошо, хорошо, я удаляюсь. Я здѣсь ни для кого изъ васъ не гожусь.

Она быстро ушла и минуту спустя была уже на пути въ Вольфсгартенъ.

Пранкенъ въ изумленіи остался на мѣстѣ и съ безпокойствомъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Навстрѣчу къ нему шелъ патеръ. Онъ поспѣшилъ оправиться и, протягивая вновь пришедшему

руку, выразилъ свою благодарность за то, что тотъ добровольно явился въ домъ печали, гдѣ, безъ сомнѣнія, многіе нуждаются въ помощи и утѣшеніи.

ГЛАВА XIII.

ПРОТИВОЯДІЕ.

Князь Валеріанъ, участіе котораго Зонненкампъ такъ грубо отъ себя оттолкнулъ, велѣлъ доложить о своемъ приходѣ капитану Дорнэ.

Роландъ слышалъ изъ сосѣдней комнаты, какъ онъ вошелъ къ Эриху. Первыми словами князя было:

— Гдѣ Роландъ?

— Онъ хотѣлъ остаться одинъ, отвѣчалъ Эрихъ.

На это князь возразилъ, что Эрихъ конечно лучше всѣхъ знаетъ, что годится и что нѣтъ его воспитаннику. Но ему кажется, что Роландъ въ своемъ теперешнемъ горѣ скорѣе всего могъ бы найти утѣшеніе въ обществѣ людей, любовь которыхъ къ нему не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Роландъ въ сосѣдней комнатѣ приподнялся съ своего мѣста. Не лучше ли бы это въ самомъ дѣлѣ было, чѣмъ сидѣть въ одиночествѣ и предаваться горькимъ размышленіямъ? Однако онъ остался у себя и слышалъ далѣе, что князь освѣдомился о томъ, какъ жена и дочь господина Зонненкампа перенесли раскрытіе ужасной тайны.

Князь говорилъ громко, а Эрихъ очень тихо, но Роландъ догадался въ чемъ состоялъ отвѣтъ послѣдняго.

Князь упомянулъ о Вейдеманѣ, говоря, что тотъ былъ сильно возмущенъ грубымъ способомъ, какимъ профессоръ Крутіусъ разоблачилъ прошлое Зонненкампа и намекомъ, будто докторъ Фрицъ принималъ участіе въ его злой выходкѣ. Докторъ Фрицъ во все время своего пребыванія въ Маттенгеймѣ не переставалъ выражать желаніе, чтобъ ради дѣтей Зонненкампа его прошлое оставалось для всѣхъ тайной.

Роландъ вздрогнулъ.

Извѣстно ли все это Лиліанѣ, по ту сторону океана? А если еще нѣтъ, то скоро ли дойдутъ до нея объ этомъ слухи? Какое произведутъ они на нее впечатлѣніе? Станетъ ли она о немъ плакать? Роландъ вспомнилъ, какъ милая дѣвочка звала его пріѣхать въ Новый Свѣтъ для того, чтобъ положить конецъ господствовавшему тамъ злу.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, протянулъ руки, точно собираясь куда-то бѣжать, что-нибудь сдѣлать, лишь бы выйти изъ своего настоящаго томительнаго положенія.

А въ сосѣдней комнатѣ князь продолжалъ распространяться все о томъ же предметѣ. Вейдеманъ, говорилъ онъ, долго колебался, не ѣхать ли ему самому на виллу Эдемъ. Но потомъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ нашелъ это не совсѣмъ удобнымъ и предпочелъ просить князя Валеріана съѣздить къ Зонненкампу съ предложеніемъ его услугъ.

— Ахъ, въ заключеніе воскликнулъ князь, я чуть ли не въ первый разъ въ жизни порадовался своему высокому положенію въ свѣтѣ. Съ помощью его я надѣялся быть здѣсь полезнѣе всякаго другого. Особенно хотѣлось мнѣ что-нибудь сдѣлать для вашего воспитанника, Роланда, котораго я такъ люблю. Мысль о томъ, какъ сильно долженъ онъ страдать, ни на минуту не покидаетъ меня.

Роландъ сложилъ руки какъ на молитву и мысленно воскликнулъ:

— О, свѣтъ не такъ дуренъ, какъ я предполагалъ, напротивъ, онъ добръ, прекрасенъ! Вотъ человѣкъ, душа котораго сочувствуетъ моему горю....

А князь между тѣмъ продолжалъ.

— Ахъ, капитанъ, мнѣ теперь невольно пришло на умъ: чѣмъ мы и подобные намъ лучше этого человѣка? Мы жили также, какъ онъ, съ тою разницею, что то, за что его теперь караютъ, у насъ было освящено исторической, поросшей мхомъ давностью. На пути моемъ сюда все это весьма живо мнѣ представилось. Наши крѣпостные тоже продавались съ землею. А между тѣмъ они люди одной съ нами расы—не возмутительнѣе ли это еще въ тысячу разъ? Кромѣ того, капитанъ, я долженъ вамъ сознаться, что становлюсь страшнымъ еретикомъ. Меня преслѣдуетъ вопросъ, что̀ сдѣлали для водворенія въ мірѣ братскаго равенства и любви тѣ, на которыхъ лежитъ обязанность проповѣдовать и то, и другое? Они оставались спокойными зрителями беззаконія, въ силу котораго тысячи людей томились въ рабствѣ. А теперь чему обязаны мы уничтоженіемъ крѣпостного сословія? Чистой идеи гуманности, которая одна трудилась надъ освобожденіемъ крестьянъ.

Роландъ снова вздрогнулъ. Не тоже ли самое мелькало и въ его собственномъ умѣ.... не тоже ли говорила и Манна? Но изумленіе его еще усилилось, когда онъ услышалъ отвѣтъ Эриха:

— Я не стою, говорилъ молодой человѣкъ, за то, что̀ называютъ церковью, но въ ученіи Христа вижу корень, изъ кото-

раго вышло и достигло въ наши дни полной зрѣлости плодотворное дерево гуманности.

— Вы точь-въ-точь Вейдеманъ, который тоже.... началъ князь и не могъ докончить, потому что въ комнату вошелъ докторъ.

— Гдѣ Роландъ? и тотъ также освѣдомился послѣ первыхъ привѣтствій.

Ему, какъ и князю, отвѣчали, что Роландъ хотѣлъ остаться одинъ.

— Пусть будетъ по его желанію, сказалъ докторъ. Онъ теперь, безъ сомнѣнія, находится въ сильно возбужденномъ состояніи, вслѣдъ за которымъ онъ впадетъ въ апатію. Дайте ему все это хорошенько въ себѣ переработать и будьте съ нимъ какъ можно терпѣливѣе. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ даровъ природы заключается именно въ этой апатіи, которая составляетъ какъ бы сонъ души. Ограниченные люди и животныя постоянно вкушаютъ его и потому вовсе не способны приходить въ то возбужденное состояніе, которое ставитъ въ опасность самую жизнь человѣка. Но иногда природа, сжаливаясь надъ людьми высшаго разряда, наводитъ и на нихъ апатію. Что касается до Роланда, то вы не прежде, какъ когда онъ начнетъ выходить изъ этого состоянія полусна, постарайтесь доказать ему, что все это вовсе не такъ ужасно, какъ кажется ему теперь. Во всемъ этомъ много такого, что бросается въ глаза, но въ сущности, гдѣ же нѣтъ зла, часто вовсе не уступающаго тому, о которомъ теперь идетъ рѣчь? Помните ли вы, какъ я, при вашемъ вступленіи въ этотъ домъ, спрашивалъ у васъ, давно ли вы начали вѣрить въ существованіе зла?

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно, а докторъ все съ возрастающей развязностью продолжалъ:

— Ну вотъ, зло теперь передъ вами, но вы вслѣдствіе этого не падаете духомъ. Вы себя отлично вели, пока вѣрили въ чистоту человѣческой души, и я убѣжденъ, что вы останетесь попрежнему сильны и мужественны, несмотря на перемѣну, происшедшую въ вашихъ вѣрованіяхъ. Да, капитанъ, мы думаемъ быть учителями, а на дѣлѣ выходитъ, что мы ученики. Знаете ли что̀ меня всего болѣе возмущаетъ во всей этой исторіи?

— Откуда же мнѣ это знать?

— Меня зло беретъ, когда я смотрю на сытое, самодовольное, снаружи изукрашенное разнаго рода приличіями общество, гдѣ каждый думаетъ о себѣ: «Ахъ, какое я прекрасное существо въ сравненіи съ этимъ злодѣемъ!» А между тѣмъ вся гнусность, заключающаяся въ торговлѣ невольниками, отличается отъ множества ежедневно совершаемыхъ въ мірѣ гадостей развѣ только

тѣмъ, что она дѣйствуетъ откровеннѣе и потому больше всѣм бросается въ глаза. Золотая молодежь въ жокей-клубѣ, безъ со мнѣнія, тоже не отстаетъ отъ другихъ въ своихъ нападкахъ н Зонненкампа, а сама-то она что̀ дѣлаетъ? Сотни разнаго род промысловъ, которыми въ мірѣ промышляютъ безъ малѣйшаг зазрѣнія совѣсти, граничатъ съ преступленіями. Во мнѣ еще н умеръ прежній теологъ, и я говорю, что подобно тому, какъ нѣ когда Содомъ могъ быть спасенъ, еслибъ въ немъ обрѣлось из вѣстное количество праведниковъ, такъ точно и нынѣ міръ дер жится немногими находящимися въ немъ добродѣтельными людьми Солнце сіяетъ только ради нѣсколькихъ праведниковъ, а затѣмъ душа каждаго человѣка представляетъ изъ себя настоящій Содомъ. Но въ тоже время въ немъ непремѣнно таится и частиц добра, въ силу которой онъ и живетъ.

Эрихъ и князь въ недоумѣніи смотрѣли на доктора. Они д сихъ поръ еще не знали его съ этой стороны. А въ сосѣдней комнатѣ Роландъ съ отчаяніемъ потиралъ себѣ лобъ, не понимая къ чему клонилось все слышанное имъ.

Докторъ, повидимому, остался доволенъ впечатлѣніемъ, како произвелъ на своихъ слушателей и продолжалъ, если возможно, еще громче прежняго:

— Что до меня касается, то я питаю къ господину Зонненкампу глубокое уваженіе.

Онъ на минуту остановился, потомъ продолжалъ:

— Этотъ Зонненкампъ, или, пожалуй, Банфильдъ отлично себя держалъ. Онъ не хотѣлъ склонить головы передъ знатью, тогда какъ—сдѣлай онъ это, и тайна его навсегда осталась бы сокрытой. Что̀ онъ не хотѣлъ никому подчиниться, доказываетъ въ немъ присутствіе силы, выходящей изъ ряда обыкновенной. А я еще вдобавокъ ко всему этому вовсе не чувствую себя зараженнымъ сантиментальной горячкой. Эти негры не могутъ быть моими братьями. Люди чернаго цвѣта не имѣютъ въ жизни никакого высшаго назначенія; они уже по самому сложенію своему, происходя изъ жаркаго климата, способны только къ низшаго разряда работѣ. Невольничество вовсе не такая ужасная вещь, и право не дурно было бы, еслибъ и мы имѣли въ нашемъ услуженіи рабовъ. Когда люди, будучи слугами, лишены возможности разыгрывать изъ себя господъ, они тѣмъ усерднѣе работаютъ. Съ другой стороны тогда и господамъ легче о нихъ заботиться и устраивать ихъ благосостояніе. Не разъ приходило мнѣ въ голову, что̀ еслибъ наши слуги и служанки какимъ-нибудь чудомъ вдругъ были бы превращены въ негровъ? Сначала это озадачило бы насъ, но потомъ безъ сомнѣнія все обошлось

бы какъ нельзя лучше. Нѣтъ ужъ, извините, что до меня касается, то я покорно благодарю за родство, которое мнѣ навязываютъ съ этими черными братьями. А можете вы себѣ представить живописца негра? Онъ на себя и въ зеркало-то не посмѣетъ взглянуть! Хороши также были бы государственные люди и профессора изъ негровъ!

Эрихъ не могъ придти въ себя отъ изумленія и негодованія. Онъ хотѣлъ возражать, но докторъ не допустилъ его и продолжалъ:

— Не давайте развиться въ Роландѣ болѣзненной чувствительности. Вы, какъ ученый, должны знать разсказъ.... кажется о римскомъ императорѣ, который пріобрѣлъ несмѣтныя богатства торговлей невольниками. Сынъ его, взявъ одну изъ пріобрѣтенныхъ этимъ путемъ золотыхъ монетъ, поднесъ ее къ носу и спросилъ: num olet? Роландъ конечно не долженъ продолжать торговли невольниками: это во всякомъ случаѣ не хорошее и грязное дѣло, но то, что уже случилось, ни подъ какимъ видомъ не должно портить его жизни. Онъ имѣетъ полное право на наслѣдство отца, а о томъ, какимъ образомъ оно пріобрѣтено, ему не слѣдъ заботиться.... да, онъ имѣетъ полное право на наслѣдство! повторилъ докторъ, еще болѣе возвысивъ голосъ.

Тутъ только Эрихъ догадался, что докторъ говорилъ все это вовсе не для него и не для русскаго князя.

Докторъ зналъ, что Роландъ находится въ сосѣдней комнатѣ, и рѣчь его была обращена исключительно къ нему. Эрихъ понялъ, что ему не слѣдовало противорѣчить и тѣмъ самымъ мѣшать доктору, который явно старался сильнымъ пріемомъ противоядія уничтожить въ сердцѣ юноши дѣйствіе принятаго имъ передъ тѣмъ яда.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ патеръ.

— А, милости просимъ, воскликнулъ докторъ: добро пожаловать. Я только что подвизался на полѣ вашей дѣятельности, и вы какъ нельзя болѣе кстати явились мнѣ помочь.

Онъ въ нѣсколькихъ словахъ передалъ патеру содержаніе своей предъидущей рѣчи, но къ удивленію своему вмѣсто поддержки встрѣтилъ въ немъ противорѣчіе.

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія, сказалъ патеръ. Вы, господа философы, толкующіе о самоуправленіи человѣка.... Вспомните, капитанъ, что я вамъ говорилъ при вашемъ пріѣздѣ сюда.... Вы всѣ или гордецы, или трусы. Вамъ не достаетъ нравственнаго равновѣсія, потому что вы лишены въ жизни твердой точки опоры.

Эрихъ, воздержавшійся отвѣчать доктору, приготовлялся рѣзко

возразить патеру, какъ вдругъ дверь сосѣдней комнаты раст
рилась, и на порогѣ ея появился Роландъ.

— Нѣтъ, докторъ, воскликнулъ онъ, вы меня не убѣдили
я знаю.... понимаю.... А съ вами, патеръ, мнѣ не приходи
спорить, но позвольте мнѣ только во всеуслышаніе объявить,
я никого не допущу оскорблять моего друга, моего брата,
его дорогого Эриха. Онъ далъ мнѣ твердую точку опоры
жизни, возбудивъ во мнѣ вѣру въ долгъ и въ стремленіе
добру и къ дѣятельности. Я ради него столько же, сколько р
самого себя докажу, на что̀ я еще способенъ въ жизни.

Русскій князь горячо обнялъ Роланда, а докторъ, взявъ
тера за руку, поспѣшилъ увести его изъ комнаты.

— Не мѣшайте имъ, шепнулъ онъ ему на ухо. Для юно
насталъ спасительный кризисъ. Пожалуйста, пойдемте прочь
сюда.

И онъ почти силою увлекъ за собой патера.

Эрихъ и Роландъ еще долго сидѣли съ княземъ, а пото
велѣли осѣдлать лошадей и поѣхали его провожать.

Доро̀гой имъ повстрѣчалась какая-то странная фигура,
торую они не вдругъ узнали.

— Да это.... это.... такъ, я не ошибаюсь, это нашъ др
Кнопфъ, внезапно воскликнулъ Роландъ.

То былъ дѣйствительно Кнопфъ, который бродилъ въ н
ной темнотѣ, глубоко сокрушаясь о томъ, что ему такъ мно
непонятно въ мірѣ. А между тѣмъ онъ такъ горячо любилъ в
что его окружало! Зачѣмъ это, думалъ онъ, свѣтъ такъ п
исполненъ таинственности, такъ неподатливъ на изученіе! Ч
станется теперь съ Роландомъ? Кромѣ того Кнопфъ ощуща
маленькую, самую крошечную, досаду на маіора, который
видимому его совсѣмъ забылъ. Конечно, ему не слѣдовало эти
обижаться: посреди такой ужасной суматохи невозможно б
обо всемъ помнить. Да и чѣмъ онъ, Кнопфъ, могъ бы быть
лезенъ? Онъ такой неловкій и неуклюжій, а у нихъ есть ка
танъ Дорнэ, баронъ Пранкенъ.... О посѣщеніи виллы княз
Валеріаномъ Кнопфъ еще ничего не зналъ. Онъ задумчиво ш
по дорогѣ, погруженный въ свои мысли и по временамъ пог
дывалъ на звѣзды.

— Господинъ Кнопфъ! Господинъ Кнопфъ! Господинъ
гистръ! вдругъ разомъ окликнули его три голоса. Онъ оста
вился. Роландъ соскочилъ съ лошади и обнимая своего бывш
учителя, воскликнулъ:

— Ахъ, простите меня.... забудьте, что̀ я вамъ сдѣлалъ!

уже давно собирался вамъ это сказать, гораздо прежде.... на этомъ послѣднемъ словѣ голосъ Роланда внезапно оборвался.

— Я уже давно тебя простилъ, давно все забылъ. Но какимъ образомъ ты.... вы всѣ здѣсь очутились?

Вскорѣ все объяснилось. Кнопфъ положилъ руку на плечо Роланда и долго держалъ ее тамъ, точно желая сообщить юношѣ часть своей собственной силы. Слушая разсказъ о томъ, какъ Роландъ мало-по-малу начиналъ свыкаться съ своимъ тяжелымъ положеніемъ, онъ усердно прижималъ очки къ глазамъ и то и дѣло ихъ протиралъ. Затѣмъ онъ крѣпко пожалъ Эриху руку, точно желая ему сказать: ты можешь быть счастливъ и спокоенъ: тебѣ удалось вооружить юношу настоящей силой.

На прощанье Роландъ сталъ упрашивать Кнопфа, чтобъ тотъ вернулся домой на его пони. Кнопфъ долго отговаривался, увѣряя, что ничто не можетъ быть для него пріятнѣе ночной прогулки пѣшкомъ. Но Роландъ настаивалъ, говоря, что его Пукъ самое кроткое, умное и послушное животное въ мірѣ.

— Оправдай на дѣлѣ мои похвалы, добрая лошадка, сказалъ онъ, трепля ее по спинѣ, загладь своимъ хорошимъ поведеніемъ все зло, которое я сдѣлалъ моему бывшему учителю.

Кнопфъ попробовалъ еще отговориться и наконецъ признался, что у панталонъ его не было штрипокъ. Всѣ расхохотались, не исключая и Роланда. Послѣднее обстоятельство несказанно обрадовало Кнопфа, который вслѣдъ затѣмъ пересталъ сопротивляться желанію своего бывшаго воспитанника. Роландъ помогъ ему сѣсть на лошадку, а потомъ нѣжно погладилъ ему руку и потрепалъ по спинѣ Пука.

Кнопфъ и князь Валеріанъ поѣхали въ Маттенгеймъ. Эрихъ тоже болѣе не садился на лошадь, а ведя ее за узду, рука въ руку съ Роландомъ пошелъ обратно на виллу.

Дорогой Эрихъ, подъ вліяніемъ недавно слышанныхъ отъ доктора словъ, съ жаромъ распространился на счетъ разлада, водворившагося въ цѣломъ мірѣ отъ того, что въ немъ ни государственныя, ни частныя дѣятельности не достаточно опредѣлены и разграничены нравственными законами. Роланду необходимо было успокоиться, но не съ помощью средства, предписаннаго докторомъ, которое впрочемъ юноша и самъ отвергнулъ. Ему надлежало укрѣпиться въ сознательномъ взглядѣ на жизнь, гдѣ всякій *долженъ* бороться за свое существованіе, помня, что *нравственные законы* не могутъ стоять отдѣльно отъ избранной себѣ человѣкомъ дѣятельности, но всегда должны быть въ тѣсной съ нею связи.

Роландъ слушалъ молча и только по временамъ все крѣпче и крѣпче сжималъ руку своего учителя.

Подходя къ виллѣ, Роландъ сказалъ:

— Ахъ, Эрихъ, домъ нашъ снова ограбленъ, но совсѣмъ иначе, чѣмъ въ тотъ разъ, когда мы съ тобой возвращались изъ Вольфсгартена.

Слова доктора и Эриха еще не произвели на Роланда желаемаго дѣйствія, котораго слѣдовало ожидать впереди. Они пока заставили юношу только высказаться и тѣмъ уже немного облегчить свое горе.

ГЛАВА XIV.

НОВАГО РОДА ПОЗОРЪ, ИСПЫТАННЫЙ ПЕРЕДЪ ДВЕРЯМИ ЦЕРКВИ.

Воробьи съ громкимъ щебетаніемъ кружились надъ виллой Эдемъ, надъ тюрьмой не подалеку отъ жилища мирового судьи и надъ кровлей дома, гдѣ помѣщалось въ столицѣ военное казино. Всюду только и было толку, что о Зонненкампѣ, о томъ что съ нимъ уже случилось и что еще ожидало его впереди.

Въ нижнемъ этажѣ виллы Эдемъ, въ комнатѣ близъ кухни снова собралась обѣдать вся прислуга Зонненкампа. Только мѣсто Бертрама оставалось никѣмъ не занятое.

За столомъ шелъ оживленный разговоръ. Кто-то между прочимъ упомянулъ о кастелянѣ, который хотя и принужденъ былъ стереть со стѣны парка надпись, тѣмъ не менѣе уже объявилъ хозяину о своемъ намѣреніи отъ него отойти. Шефъ, въ-сердцахъ всегда какъ нельзя лучше изъяснявшійся по-нѣмецки, съ ожесточеніемъ напалъ на безстыдство и дерзость слугъ, которые ни съ того ни съ сего покидаютъ своихъ господъ, тогда какъ имъ въ сущности ни о чемъ не приходится заботиться, кромѣ аккуратной выдачи имъ жалованья. Бочаръ, сынъ ловчаго Клауса, горячо сталъ оспаривать это мнѣніе. Честь господъ, говорилъ онъ, отражается и на слугахъ. Но въ настоящемъ случаѣ онъ находилъ, что Зонненкампа не слѣдовало покидать. Въ этомъ человѣкѣ, рядомъ съ дурнымъ, было кое-что и хорошаго. Іозефъ, личное мнѣніе котораго въ качествѣ довѣреннаго слуги Зонненкампа, не могло имѣть никакого вѣса въ глазахъ его товарищей, былъ очень радъ, что бочаръ самъ такъ хорошо понялъ въ чемъ дѣло и объяснилъ его другимъ.

Второй кучеръ, англичанинъ, который тоже было собирался просить объ увольненіи его отъ занимаемой должности, объя-

вилъ, что теперь онъ останется, но только жаловался на то, что ему почти вовсе не придется сходить съ козелъ.

Садовникъ Бѣлка сокрушался, что вся страна вдругъ сдѣлалась какъ бы жертвой дьявольскаго навожденія. Лутцъ былъ усланъ—куда, никто не зналъ. Урсула горько оплакивала судьбу несчастныхъ дѣтей, что однако ей не мѣшало ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Она вообще никогда не произносила трогательныхъ рѣчей иначе, какъ съ полнымъ ртомъ.

Но въ подземномъ царствѣ всѣ единодушно разсыпались въ похвалахъ Пранкену. Трудно найти другого, подобнаго ему дворянина, говорили слуги. Онъ ни на минуту не покидаетъ барина, выѣзжаетъ съ нимъ посреди бѣлаго дня и нисколько не заботится о томъ, что о немъ скажутъ его знатные собратья.

Здѣсь было также хорошо извѣстно и объ отношеніяхъ Зонненкампа къ государственному совѣтнику. Всѣ знали, что дача, которую послѣдній недавно пріобрѣлъ по сосѣдству, была ему подарена богатымъ американцемъ, такъ какъ заплаченная за нея изъ приличія сумма равнялась развѣ той, какую обыкновенно даютъ на водку. Садовникъ съ дачи государственнаго совѣтника разсказывалъ, что она нарочно, въ видѣ злой шутки надъ Зонненкампомъ, была на дняхъ продана американскому консулу. Семейство государственнаго совѣтника не хотѣло болѣе имѣть ничего общаго съ обитателями виллы Эдемъ.

Судьба Зонненкампа точно также обсуживалась и въ военномъ казинò и во всѣхъ пивныхъ лавочкахъ столицы. Главнымъ предметомъ разговора тамъ долгое время былъ герцогскій негръ Адамъ. О немъ разсказывались чудеса, такъ напримѣръ, что пять человѣкъ едва могли его сдержать, когда онъ въ припадкѣ бѣшенства бросился на Зонненкампа, котораго во чтобы то ни стало хотѣлъ задушить. Его съ большимъ трудомъ наконецъ успѣли удалить изъ столицы и теперь онъ находится въ загородномъ дворцѣ. О самомъ Зонненкампѣ также не мало было толковъ. Всѣ старались разрѣшить вопросъ, что станетъ онъ теперь дѣлать, и не могли надивиться на Пранкена, который продолжалъ свои дружескія сношенія съ его семьей. Въ военномъ казинò была также своего рода кухарка Урсула въ лицѣ стараго отставного чиновника съ большимъ чиномъ. Онъ тоже чрезвычайно много ѣлъ и съ большимъ состраданіемъ говорилъ о бѣдныхъ дѣтяхъ милліонера.

Толки о Зонненкампѣ имѣли совсѣмъ особенный характеръ въ домѣ доктора Рихардта, гдѣ по случаю пріѣзда госпожи Вейдеманъ давался большой завтракъ съ кофе. Приготовленія къ нему дѣлались уже въ теченіи нѣсколькихъ дней, и на него въ

числѣ другихъ были приглашены также и профессорша, тетушка Клавдія, Церера и Манна, но онѣ конечно не пріѣхали. На этомъ завтракѣ всѣ совѣщались о томъ, какъ имъ теперь слѣдуетъ себя держать въ отношеніи къ семьѣ Зонненкампа, если онъ будетъ имѣть дерзость еще долго остаться въ странѣ.

Лина, недавно возвратившаяся изъ своей свадебной поѣздки, во всеуслышаніе объявила о своемъ намѣреніи не прекращать сношеній съ виллой Эдемъ и по прежнему оставаться другомъ Манны. Тамъ, говорила она, гдѣ профессорша не считаетъ для себя унизительнымъ оставаться, всякій можетъ бывать безопасно для своей чести.

Госпожа Вейдеманъ, а за ней и всѣ другіе вполнѣ одобрили Лину.

Затѣмъ госпожа Вейдеманъ съ большой похвалой отозвалась о Роландѣ, незадолго передъ тѣмъ бывшемъ у нея въ гостяхъ, и объ Эрихѣ, о которомъ мужъ ея былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія.

Такъ, общество мало-по-малу какъ-будто начинало снисходительнѣе смотрѣть на обитателей виллы Эдемъ. Только въ виноградномъ домикѣ на слѣдующій день оказались печальныя послѣдствія недавнихъ событій.

Всѣ нуждающіеся, получавшіе еженедѣльное вспомоществованіе отъ Зонненкампа, обыкновенно каждое воскресенье являлись къ профессоршѣ за часъ до обѣдни. На этотъ разъ пришла только одна женщина, чрезвычайно бѣдно и небрежно одѣтая. То была жена отъявленнаго пьяницы, постоянно жаловавшаяся на свою горькую участь и на печальную судьбу двухъ малютокъ, изъ которыхъ одна была у нея на рукахъ, а другая держалась за ея передникъ.

Профессорша долго не рѣшалась что-либо давать этой женщинѣ, изъ опасенія еще болѣе развратить ея пьяницу мужа. Наконецъ, она сдалась на убѣжденія фрейленъ Милькъ, но всегда старалась какъ можно скорѣе отпускать отъ себя женщину, которая напротивъ любила поболтать. На этотъ разъ профессорша волей-неволей принуждена была вступить съ ней въ разговоръ, такъ какъ она пришла одна.

— Да, да, все такъ идетъ въ жизни! говорила женщина. Странныя право вещи совершаются на свѣтѣ. Мой мужъ дѣлаетъ несчастными своихъ жену и дѣтей тѣмъ, что ихъ разоряетъ, а господинъ Зонненкампъ составляетъ несчастіе своей семьи тѣмъ, что ее черезъ мѣру обогащаетъ. Чудеса да и только!

Затѣмъ женщина начала клясться и божиться, что еслибъ не

крайняя нужда, она ни за что не стала бы брать денегъ человѣка, торговавшаго людьми.

«А моему сыну предстоитъ обогатиться деньгами этого человѣка», съ тоской думала профессорша, оставшись одна и прислушиваясь къ гудѣвшему въ воздухѣ церковному колоколу.

Она долго сидѣла, погруженная въ печальныя думы, какъ вдругъ въ комнату вошелъ Эрихъ, восклицая:

— Ахъ, матушка, новая бѣда!

— Новая? Что еще случилось?

— Онъ былъ дерзокъ и упрямъ, и несмотря ни на какія убѣжденія отправился съ Пранкеномъ въ церковь.

— Кто такой?

— Зонненкампъ. Народъ толпами ожидалъ его у выхода изъ церкви и когда онъ показался, съ любопытствомъ устремилъ на него взоръ. Онъ подошелъ къ одному бѣдняку и подалъ ему золотую монету. Бѣднякъ оттолкнулъ отъ себя деньги и воскликнулъ: «Я ничего отъ тебя не хочу!» И всѣ за нимъ повторили: «Мы ничего отъ тебя не хотимъ! Избавь насъ только отъ своего присутствія и уѣзжай отсюда прочь!» Зонненкампъ ушелъ, а золотая монета и до сихъ поръ лежитъ у церкви, гдѣ никто не хочетъ ее поднять. Ахъ, матушка, народъ въ одно и тоже время великъ и ужасенъ!

— Откуда ты это знаешь? Ты тоже былъ въ церкви и самъ все видѣлъ?

— Нѣтъ, но мнѣ разсказали Манна и Роландъ. Они теперь сидятъ въ саду и плачутъ. Я поспѣшилъ къ тебѣ, зная, что ты одна можешь ихъ утѣшить. Помоги имъ, ободри ихъ.

— Я болѣе не въ силахъ это сдѣлать, возразила профессорша. Я сама чувствую непреодолимую слабость и боюсь, ужъ не больна ли я.

Эрихъ позвалъ къ матери тетушку Клавдію, а самъ вернулся къ Роланду и Маннѣ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда въ виноградный домикъ былъ приглашенъ докторъ Рихардтъ. Профессорша дѣйствительно захворала.

ГЛАВА XV.

БЛАГОДѢТЕЛЬНАЯ БОЛЬНАЯ.

Та, на которую всѣ полагались, къ которой всѣ прибѣгали за совѣтомъ и утѣшеніемъ, теперь сама лежала въ опасности и нуждалась въ помощи и заботливомъ уходѣ. Всѣ обитатели виллы, кто благодаря молодости, кто гордости, кто равнодушію, начинали мало-по-малу свыкаться съ своимъ тягостнымъ положеніемъ, одна профессорша не могла съ нимъ примириться и день и ночь терзалась имъ.

Эрихъ уже давно примѣчалъ, что съ матерью его что-то не ладно. Онъ былъ особенно нораженъ тѣмъ, какъ она приняла его, когда онъ, рука въ руку съ Манной, явился объявить ей о своей помолвкѣ съ молодой дѣвушкой. Сквозь всю откровенность профессорши проглядывала какая-то сдержанность, она почти хотѣла и не могла высказаться, но Эрихъ тогда приписалъ все это неожиданности. Мать его никогда ни къ кому не обращалась за помощью, но всегда помогала другимъ и этимъ самымъ какъ бы обновляла свои собственныя силы.

Но съ того дня, какъ фрейленъ Милькъ довѣрила ей страшную тайну, энергія профессорши видимо стала ей измѣнять. Она только механически исполняла то, что прежде составляло для нея настоящую потребность.

Она съ того дня дала себѣ слово не поддаваться привычкѣ къ роскоши, которою Зонненкампъ съ свойственнымъ ему тщеславіемъ охотно распространилъ бы на нее. Она начала смотрѣть на свое пребываніе въ виноградномъ домикѣ, какъ на временное, и утратила всякую способность находить удовольствіе въ тѣхъ предметахъ, которые ее окружали. Ежечасно ожидая сигнала къ отъѣзду, она постоянно находилась на сторожѣ, а всѣ ея вещи, казалось ей, только и ждали того, чтобъ ихъ уложили и приготовили къ перевозкѣ.

Во всей ея предъидущей жизни профессоршѣ никогда не приходилось испытывать раскаянія. Она не сдѣлала до сихъ поръ ни одного проступка, за который могла бы себя упрекать, или который могла бы пожелать загладить. Теперь же она никакъ не могла отдѣлаться отъ горькаго сознанія, что сдѣлала ошибку.

Зачѣмъ она такъ необдуманно присоединилась къ этому загадочному семейству?

Она находилась въ лихорадочномъ, возбужденномъ состояніи,

гдѣ горе и радость представлялись ей въ какихъ-то фантастическихъ, чудовищныхъ размѣрахъ.

Взаимная любовь Эриха и Манны, которая при другихъ обстоятельствахъ не преминула бы сдѣлаться для нея источникомъ счастія, теперь была встрѣчена ею съ какимъ-то точно вынужденнымъ участіемъ. Затѣмъ оскорбленіе, нанесенное ей Беллой, поразивъ ее въ самое сердце, нашло ее уже совершенно беззащитной. Ей мало-по-малу начало казаться, что все, что съ ней самой совершилось, не имѣло прямого отношенія къ ней, но гораздо болѣе касалось какого-то другого, посторонняго лица.

Она жила въ странномъ разладѣ съ самой собою, но никому не жаловалась, таила все въ себѣ, надѣясь одна справиться съ тѣмъ, что̀ заставляло ее такъ сильно страдать. Она и не подозрѣвала, что въ ней гнѣздилось внутреннее разстройство, которое ожидало только маленькаго толчка, чтобъ выдти наружу. Толчокъ этотъ былъ данъ отказомъ бѣдныхъ принимать пособіе изъ ея рукъ. Ею овладѣла нестерпимая тоска, и она почти не допускала возможности, чтобъ ея единственное дитя, ея возлюбленный сынъ могъ породниться съ этой семьей.

Докторъ засталъ профессоршу въ сильномъ лихорадочномъ припадкѣ. Онъ прописалъ ей успокоительное лекарство, но еще болѣе помогъ ей разсужденіемъ, которое высказалъ ей въ присутствіи Эриха, Манны и Роланда. Профессорша жаловалась, что она до сихъ поръ не знала до какой степени человѣкъ можетъ сдѣлаться жертвой, какъ внѣшняго такъ и внутренняго разлада въ жизни. Докторъ съ улыбкой возразилъ ей, что внутренній міръ дѣйствительно далеко не у всѣхъ людей такъ благоустроенъ, какъ у нея. И указавъ на Зонненкампа, онъ прибавилъ, что существуютъ своего рода особенные нравственные климаты, воспитывающіе необыкновенныя организаціи, которыя, будучи поставлены въ одни условія съ нашими будничными натурами, совершенно естественно не могутъ ужиться съ ними.

Ни съ кѣмъ нераздѣляемыя, хранимыя про себя тревоги и волненія и напряженное состояніе духа, стремившагося къ постоянному общенію съ ея покойнымъ мужемъ, до того истощили профессоршу, что близкіе ея не безъ основанія начали опасаться за благопріятный исходъ ея болѣзни. Малѣйшаго повода, казалось, достаточно было бы, чтобъ внезапно погасить безпокойно и уже слабо горѣвшій свѣтильникъ ея жизни.

Эрихъ, Манна и Роландъ окружили профессоршу самымъ тщательнымъ уходомъ. Въ заботахъ о ней имъ удалось забыть собственное горе. Докторъ однажды, позвавъ Эриха въ библіотеку, сказалъ ему:

— Ваша матушка не могла придумать ничего умнѣе, какъ захворать именно теперь. Ея болѣзнь пришлась какъ нельзя болѣе кстати. Благодаря ей, вы всѣ снова оправитесь и встанете на ноги.

Зонненкампъ тоже выказывалъ большое участіе къ профессоршѣ, но въ душѣ сердился на ея болѣзнь. Теперь не время хворать, думалъ онъ. Всѣ напротивъ, должны быть сильны и здоровы, чтобъ противостоять бурѣ. Но черезъ нѣсколько дней онъ не только примирился съ болѣзнью профессорши, но даже нашелъ ее весьма для себя удобной. Она давала ему время, необходимое для того, чтобъ хорошенько обдумать свое положеніе. Даже самая смерть ея врядъ ли бы теперь огорчила его, такъ какъ безъ сомнѣнія произвела бы нѣкоторое впечатлѣніе на умы и тѣмъ самымъ, хотя на время, отвлекла бы отъ него общественное вниманіе.

Фрейленъ Милькъ не допустила Манну исключительно посвятить себя профессоршѣ, но настояла на томъ, чтобъ раздѣлить съ ней ея труды и заботы. И надо отдать справедливость доброй старушкѣ: никто не умѣлъ такъ, какъ она, ухаживать за больными.

Маіоръ за это время точно осиротѣлъ. Онъ печально скитался по окрестности, думая о страшной тайнѣ, раскрытіе которой поразило его почти также сильно, какъ собственныхъ дѣтей Зонненкампа.

— Свѣтъ правъ, то-есть фрейленъ Милькъ права, часто повторялъ онъ. Не даромъ увѣряла она меня, что я плохой знатокъ человѣческаго сердца. Ея слова оправдались на дѣлѣ.

Наконецъ маіоръ нашелъ хорошій исходъ для своей тоски, а именно рѣшился поѣхать на два дня въ Маттенгеймъ къ Вейдеману.

ГЛАВА XVI.

ЧЕРНАЯ ВОЛНА.

Въ воскресенье вечеромъ толпы народа покрывали улицу, спускались съ виноградныхъ горъ и переправлялись черезъ рѣку. Всѣ повидимому стремились къ одной опредѣленной цѣли.

Въ тоже самое время Зонненкампъ, укутавшись въ плащъ, сидѣлъ на плоской крышѣ своего дома. Онъ смотрѣлъ на дальній ландшафтъ, у него рябило въ глазахъ и кружилась голова. Вставъ и подойдя къ периламъ, онъ на мгновеніе возъимѣлъ

сильное желаніе ринуться внизъ и разомъ положить конецъ своимъ тяжелымъ мыслямъ. Онъ быстро отступилъ назадъ и сѣлъ на прежнее мѣсто, гдѣ его вскорѣ застигла ночь.

Вдругъ у ногъ его раздался страшный шумъ, гамъ, крикъ и свистъ, точно внезапно разверзлись двери ада и всѣ злые духи вырвались изъ него на свободу. Зонненкампъ быстро приподнялся. Что это? Онъ ясно слышалъ шумъ, который не могъ быть игрой его воображенія, но дѣйствительно доносился до него съ низу. Онъ взглянулъ на улицу и при свѣтѣ мелькавшихъ въ ней факеловъ увидѣлъ странныя фигуры съ черными лицами. Откуда онѣ взялись? Не могли же онѣ явиться сюда изъ-за моря?

— Пусть онъ немедленно отсюда уѣзжаетъ!

— Да, да, обратно, къ своимъ неграмъ!

— Мы его стащимъ сюда и тоже начернимъ ему лицо!

— А потомъ привяжемъ его къ черному коню и повеземъ по странѣ, восклицая: смотрите на него, вотъ онъ!

И снова поднялся страшный свистъ, трескъ и удары въ сковороды и горшки. Шумъ былъ по истинѣ адскій.

Въ воображеніи Зонненкампа живо рисовалась картина изъ его прошлаго. Онъ видѣлъ человѣка, нагого, вымазаннаго смолой и облѣпленнаго перьями, котораго водили по улицамъ, а зрители съ ругательствами осыпали его гнилыми яблоками и кочарыжками. Вина этого человѣка заключалась въ томъ, что онъ старался возмутить негровъ противъ ихъ владѣльцевъ. Затѣмъ сцена перемѣнилась и передъ глазами Зонненкампа воздвиглась висѣлица, на которой качался трупъ Джона Броуна.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, а вслѣдъ за нимъ послышался голосъ Пранкена.

— Стрѣляйте по этимъ собакамъ! гнѣвно кричалъ онъ. Я беру на себя всю отвѣтственность.

Но выстрѣлъ не повторился, а шумъ въ низу усилился, послышался трескъ, ворота раскрылись и во дворъ хлынула толпа людей съ черными лицами.

— Онъ заслуживаетъ того, чтобъ мы его задушили!

— Гдѣ онъ?

— Давайте его сюда, а не то мы здѣсь все поломаемъ и разобьемъ!

Зонненкампъ быстро сошелъ съ крыши и поспѣшилъ на балконъ, гдѣ услышалъ голосъ Эриха, старавшагося усмирить толпу.

— Или вы не люди? говорилъ онъ. Не нѣмцы? Кто поставилъ васъ судьями? Говорите! вы отъ меня получите отвѣтъ.

Вы сами накликаете на себя бѣду. Въ томъ мало толку, что вы изъ предосторожности вымазали себѣ лица: васъ все-таки разыщутъ и всѣхъ узнаютъ. Завтра явится сюда настоящій судья и всѣхъ васъ призоветъ къ отвѣту.

— Капитану не будетъ сдѣлано никакого вреда! раздался одинъ голосъ изъ толпы.

Эрихъ продолжалъ:

— Если между вами есть хоть одинъ человѣкъ, знающій чего вы хотите, то пусть онъ выйдетъ и говоритъ за всѣхъ.

Изъ толпы выдѣлился человѣкъ съ намазаннымъ сажей лицомъ и сказалъ:

— Господинъ капитанъ, я ловчій Клаусъ. Позвольте мнѣ съ вами поговорить. Во всѣхъ этихъ ребятахъ бродитъ молодое вино, я одинъ только не пьянъ, прибавилъ онъ, съ трудомъ ворочая языкомъ.

— Чего же они хотятъ?

— Они требуютъ, чтобъ господинъ Зонненкампъ, или какъ тамъ его зовутъ, убрался изъ нашей мѣстности туда, откуда пріѣхалъ.

— Да, да! подтвердила вся толпа.

— Пусть онъ отсюда уѣдетъ, но прежде возвратитъ мнѣ мой лугъ.

— А мнѣ мой виноградникъ на горѣ!

— А мнѣ мой домъ!

Ловчій быстро взбѣжалъ на лѣстницу и ставъ на площадкѣ рядомъ съ Эрихомъ, закричалъ:

— Если вы всѣ будете такъ орать и говорить всякій вздоръ, то я первый пойду противъ васъ и задушу всякаго, кто вздумаетъ сюда идти.

— Прочь его! кричала толпа.

— Зачѣмъ онъ не показывается?

Въ эту самую минуту Зонненкампъ появился на крыльцѣ. Свистъ, гамъ и шумъ возобновились съ прежней силой, въ воздухѣ начали летать камни, которые, попадая въ рамы, въ дребезги разбивали стекла.

Клаусъ бросился къ Зонненкампу и становясь передъ нимъ, сказалъ:

— Не бойтесь, я васъ собой прикрою.

Затѣмъ онъ, обращаясь къ толпѣ, хриплымъ голосомъ закричалъ:

— Если вы всѣ сейчасъ не замолчите и не перестанете дѣйствовать руками, я первый въ васъ выстрѣлю, пусть пуля моя попадаетъ въ виноватаго или невиннаго!

— Вы всѣ, здѣсь собравшіеся! громко воскликнулъ Зонненкампъ: что я вамъ сдѣлалъ?

— Людоѣдъ!

— Душепродавецъ!

— Душегубецъ! раздалось въ толпѣ.

— Но если бы это и дѣйствительно было такъ, кто далъ вамъ право меня судить?

— Прочь отсюда!

— Прочь изъ нашей страны!

— Господинъ Зонненкампъ и вы, капитанъ, поспѣшно проговорилъ ловчій, вы должны знать, что я примкнулъ къ этой дикой толпѣ только потому, что былъ не въ силахъ ее сдержать, но не бойтесь, я ее уведу по добру по здорову. Положитесь на меня и мы изо всей этой исторіи сдѣлаемъ святочную шутку. Господинъ капитанъ, скажите имъ что-нибудь, а вамъ, господинъ Зонненкампъ, я совѣтовалъ бы молчать.

— Друзья! началъ Эрихъ: оставьте въ покоѣ камни. Развѣ вы забыли великое слово: пусть тотъ, кто считаетъ себя безгрѣшнымъ, первый броситъ камень. Или вы полагаете, что никто изъ васъ не сдѣлалъ ничего...

— Мы не продавали людей... Душегубецъ! снова завопила толпа.

Эриху не пришлось докончить своей рѣчи. На площадкѣ появилась Манна съ двумя горящими свѣчами въ рукѣ. Ропотъ изумленія пробѣжалъ по толпѣ, а вслѣдъ затѣмъ настало мертвое молчаніе. Всѣ взоры были устремлены на молодую дѣвушку, которая стояла съ распущенными волосами, блѣдная, между тѣмъ какъ глаза ея метали молніи.

Роландъ, ставъ около Эриха, громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Убейте насъ, разорвите на части, закидайте каменьями, мы беззащитны!

— Дѣтямъ не будетъ сдѣлано никакого вреда!

— Но душепродавецъ долженъ отсюда уѣхать.

— Да, да, прочь его!

Шумъ снова усилился, толпа заколебалась, задніе ряды налегли на переднія и двинули ихъ впередъ. Стоявшая на площадкѣ лѣстницы группа невольно отступила назадъ.

Вдругъ въ дверяхъ показалась фигура женщины въ бѣломъ, съ сѣдыми волосами по плечамъ. Все мгновенно затихло и обратило взоры на профессоршу, которая казалась какимъ-то сверхъестественнымъ явленіемъ изъ другого міра. Профессорша спокойно приблизилась къ периламъ и поднявъ руки къ верху снова медленно опустила ихъ, точно благословляя или усмиряя бушую-

щія у ногъ ея народныя волны. Вокругъ не слышно было н малѣйшаго шороха. Всѣ притаили дыханіе и ждали, что будет Профессорша яснымъ и твердымъ голосомъ произнесла:

— Если другіе согрѣшили, не причина, чтобъ и вы грѣшил Воздержитесь сегодня, чтобы завтра не плакать.

Возвысивъ голосъ, она прибавила:

— Постарайтесь побѣдить врага въ самихъ себѣ!

Затѣмъ, положивъ руку на плечо Зонненкампа, профессорп сказала:

— Этотъ человѣкъ, который дѣлалъ также и добро, пост питъ съ вами великодушно и не станетъ васъ преслѣдовать. вамъ это обѣщаю. Вѣрите ли вы мнѣ?

— Да, да, мы вѣримъ профессоршѣ!

— Да здравствуетъ профессорша... ура! ура!

— Пойдемте домой... довольно!

У кого-то изъ толпы оказался барабанъ, на которомъ неме ленно забили маршъ. Всѣ приготовились къ отступленію, ка вдругъ послышался лошадиный топотъ, блеснули мѣдные шиша и на сцену явилась пожарная команда. Въ воздухѣ взвились в дяныя струи и дождемъ разсыпались на буйную толпу. Съ др гой стороны послѣдовало тоже самое. Іозефъ, видя что дѣло пр нимаетъ серьезный оборотъ, бросился къ главному садовнику уговорилъ его пустить въ ходъ трубы, употребляемыя для о шенія сада. Вода съ обѣихъ сторонъ лилась потоками и об вала свѣжей струей толпу, которая съ визгомъ, крикомъ, хо томъ и ругательствами наконецъ рѣшилась разойтись.

Только группа на площадкѣ лѣстницы все еще оставал тамъ.

— Матушка, сказалъ Эрихъ, ты, больная, пришла сюда! вѣдь ты можешь отъ этого умереть!

— Нѣтъ, сынъ мой, и я, и ты, и всѣ вы, мы будемъ ж новой и чистой жизнью. Я болѣе не больна. То, что мнѣ у лось сдѣлать, меня спасло.

Изъ глазъ профессорши лились потоки мягкаго свѣта. З ненкампъ снялъ съ себя плащъ и накинулъ его на плечи ве кодушной женщинѣ, которую подъ руки увели въ большую за Тамъ она сѣла, а всѣ другіе стоя расположились вокругъ н съ любовью и благоговѣніемъ смотря на нее, какъ на свят

Манна опустилась передъ ней на колѣни и горькими с зами обливала ей руки.

— Теперь прошу васъ объ одномъ, сказала профессор дайте мнѣ покой. Волненіе мое прошло, не возбуждайте снова. Я сама не знаю, какимъ образомъ до меня дошло из

стіе о томъ, что здѣсь происходило,—не знаю также и какъ я сюда пришла. Меня точно кто позвалъ, толкнулъ и привелъ къ вамъ. Все окончилось благополучно и вѣрьте мнѣ, мы снова будемъ счастливы. Господинъ Зонненкампъ, дайте мнѣ вашу руку, я хочу вамъ что-то сказать.

— Чего бы вы отъ меня ни потребовали, я заранѣе обѣщаюсь все исполнить.

— Вы непремѣнно должны что-нибудь сдѣлать для успокоенія умовъ.

— Я и сдѣлаю! Я созову судъ изъ людей, которыхъ вы мнѣ поможете выбрать, разскажу имъ всю свою жизнь и отдамъ въ ихъ руки свою судьбу.

— Это хорошая мысль. Мы завтра ее лучше обсудимъ. А теперь довольно, сказала профессорша. Манна, ступай къ твоей матери.

Молодая дѣвушка немедленно повиновалась.

Всѣ, собравшіеся въ этотъ день на виллѣ, поздно разошлись. Зонненкампъ настоялъ на томъ, чтобъ профессорша провела настоящую ночь въ его домѣ и велѣлъ приготовить для нея самую лучшую комнату. Эрихъ проводилъ туда свою мать и сидѣлъ у ея постели, пока она не заснула.

А тамъ внизу, у рѣки стояла толпа народа, омывая свои намазанныя черной краской лица и отрезвляясь отъ молодого вина. Въ эту ночь мимо виллы Эдемъ катилась въ Рейнѣ черная волна, которая влилась въ море и исчезла въ немъ...

Еслибъ и черное дѣло могло точно также быть вымыто и поглощено волнами вѣчности!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

ИЗГЛАЖЕННЫЕ СЛѢДЫ.

Садовники усердно скребли, мели и уравнивали дорожки въ паркѣ, подвязывали помятые кусты и вырывали тѣ, которые были совсѣмъ затоптаны. Въ это утро даже конюхи работали въ саду. А въ домѣ стекольщики съ позаранку начали вставлять разбитыя стекла, такъ чтобъ господа, проснувшись, не видѣли болѣе никакихъ слѣдовъ того, что произошло наканунѣ.

Всѣ въ домѣ въ это утро долго спали. Даже Манна и та не выходила изъ своей комнаты и въ первый разъ пропустила обѣдню. Ей въ предъидущій вечеръ пришлось многое испытать. Когда, по удаленіи толпы, она пришла къ матери, та встрѣтила ее криками:

— Они его непремѣнно вымажутъ смолой и облѣпятъ перьями. Вспомните мое слово, что они съ нимъ такъ поступятъ. Зачѣмъ только онъ самъ поѣхалъ и взялъ насъ къ своимъ врагамъ.

Церера заткнула себѣ уши, чтобъ ничего не слышать, а когда наконецъ Маннѣ удалось разсказать ей о томъ, какъ профессорша, подобно ангелу-хранителю, явилась посреди нихъ, она громко разсмѣялась и воскликнула:

— Отлично! Они здѣсь въ Европѣ позволяютъ собою управлять старымъ женщинамъ!

Манна умолкла и закрыла себѣ лицо руками. Ей уже давно во снѣ и на яву чудилась сцена, подобная той, какую она теперь недавно пережила. Стоя на площадкѣ лѣстницы и слушая дикіе возгласы пьяной толпы, она говорила самой себѣ, что это сонъ, который она уже не разъ видѣла, и утѣшала себя мыслью, что онъ не замедлитъ исчезнуть.

Любовь доказала ей тщету жертвы, какую она хотѣла принести для искупленія чужихъ грѣховъ, но въ тоже время дала ей понять, что въ ея власти возвысить и украсить существованіе любимаго человѣка. Но теперь въ душѣ молодой дѣвушки снова пробудились сомнѣнія. Она слышала адскій шумъ и въ ея собственномъ сердцѣ внезапно водворился адъ. «Ужъ не мое ли отступничество всему причиной? съ ужасомъ задавала она себѣ вопросъ. Останься я вѣрна своему первоначальному рѣшенію — и можетъ быть, ничего бы не случилось. Кто знаетъ, въ силу какого таинственнаго, сверхъ-естественнаго вліянія въ столицѣ раскрывалась страшная тайна въ тотъ самый часъ, когда я измѣняла своему обѣту?»

Манна мысленно старалась представить себѣ мучениковъ, которые, съ поникшей головой, смиренно допускали побивать себя каменьями. Но изъ хаоса всѣхъ ея терзаній и волненій снова выдѣлялся образъ Эриха, который протягивалъ ей руку помощи и звалъ ее къ себѣ. Ей казалось, что она чувствуетъ его прикосновеніе, и мало-по-малу успокоивалась.

Манна вернулась въ комнату, измученная этими постоянными переходами отъ счастія къ отчаянію. Она заснула поздно и на слѣдующее утро, противъ обыкновенія, не слышала призывнаго благовѣста въ церковь. Погруженная въ сладкій сонъ, она и не подозрѣвала, что была предметомъ горячаго разговора между Пранкеномъ и фрейленъ Пэрини.

Послѣ возвращенія своего изъ столицы, Пранкенъ еще сильнѣе прежняго сталъ ненавидѣть Эриха. Его особенно возмутило то обстоятельство, что князь Валеріанъ, а за нимъ и другіе посѣтители, являясь на виллу, шли прямо въ комнату къ учителю, доказывая тѣмъ самымъ, что смотрѣли на него какъ бы на центръ всей семьи. «Это не можетъ и не должно такъ продолжаться, говорилъ себѣ Пранкенъ: учителю необходимо указать его мѣсто.» Но событія предъидущей ночи, какъ нарочно, снова выдвинули впередъ эту ненавистную профессорскую семью. Презрѣнная чернь позволила себя усмирить старой, больной женщинѣ.

Пранкенъ угрюмо ходилъ по парку, потомъ направился къ церкви. Онъ рѣшился теперь же, не откладывая далѣе, на этой самой дорогѣ объясниться съ Манной, а затѣмъ приступить къ удаленію съ виллы учительской семьи. Долго ждалъ онъ, Манна все не шла: наконецъ на поворотѣ дорогѣ показалась фрейленъ Пэрини. Она была одна. Пранкенъ поклонился ей и освѣдомился о Маннѣ.

— А до меня самой вамъ и дѣла нѣтъ, колко возразила

фрейленъ Пэрини. Я имѣю вамъ сообщить нѣчто чрезвычайно интересное и важное, но вы, кажется, болѣе не считаете нужнымъ обо мнѣ заботиться.

— Напротивъ... напротивъ, но подумайте...

— Я думаю, что вы должны думать и обо мнѣ также. Повторяю, у меня есть важныя для васъ извѣстія.

— Пожалуйста, вы были всегда такъ добры...

— Слишкомъ добра, и потому вы такъ скоро меня забываете. Слушайте же: что́ вы сдѣлаете, если я вамъ докажу, что надменный учитель осмѣлился поднять глаза на вашу невѣсту?

Фрейленъ Пэрини засмѣялась, а Пранкенъ почти съ испугомъ на нее взглянулъ. Ему прежде никогда не приходилось слышать, чтобы она смѣялась такимъ образомъ. И странно, смѣхъ ея и при этомъ поворотъ головы живо напомнили ему маленькую Нелли. Онъ и досадовалъ на самого себя и находилъ забавнымъ, что такого рода мысль могла въ эту минуту придти ему въ голову.

— Ночная тревога, повидимому, очень хорошо на васъ подѣйствовала. Вы въ отличномъ расположеніи духа, попытался онъ пошутить. Вы мнѣ послѣ обѣдни все разскажете, а теперь уже въ третій разъ звонятъ.

— О нѣтъ, извѣстіе мое такъ важно, что я, ради него, готова не идти въ церковь. Благотворительность освобождаетъ отъ....

— Благотворительность?

— Да.

И она разсказала ему, какъ видѣла Манну выходящею изъ комнаты Эриха, и какъ у нихъ въ виноградномъ домикѣ уже все было рѣшено. Кромѣ того, служанка про́фессорши донесла ей, что Манна хранила у себя брачный контрактъ, составленный въ библіотекѣ.

Пранкенъ недовѣрчиво покачалъ головой. Но фрейленъ Пэрини не ограничилась своимъ разсказомъ и стала домогаться отъ Пранкена прямого отвѣта на счетъ того, согласится ли онъ, въ случаѣ своей женитьбы на Маннѣ, отдать подъ монастырь виллу съ ея принадлежностями? Пранкенъ нетерпѣливо пожалъ плечами, а глаза фрейленъ Пэрини метнули молнію, подобную той, какую она уже однажды, послѣ разговора съ Беллой, послала ей вслѣдъ. Она видѣла недостатокъ къ себѣ уваженія Пранкена и пыталась ему досадить, требуя отъ него обѣщанія, чтобъ онъ, въ случаѣ, если ея слова окажутся справед-

ливыми, вызвалъ капитана Дорнэ на дуэль и постарался его убить.

Пранкенъ казался смущеннымъ. Передъ нимъ воскресло воспоминаніе о странномъ предчувствіи, которое съ такой необычайной силой охватило его въ то время, когда онъ съ Эрихомъ ѣхалъ въ Вольфсгартенъ. Неужели предчувствію этому дѣйствительно суждено было сбыться? Пранкенъ старался оттолкнуть отъ себя эту мысль. Въ отвѣтъ фрейленъ Пэрини онъ сказалъ, что считаетъ дуэль невозможной,—такъ какъ она во всякомъ случаѣ приведетъ его къ потерѣ Манны. Если онъ самъ падетъ, то дѣло, конечно, само собой окончится, если же онъ убьетъ Эриха, то все-таки не получитъ Манны, такъ какъ она ни подъ какимъ видомъ не согласится выдти замужъ за человѣка, который изъ-за нея убилъ другого.

Фрейленъ Пэрини опустила глаза въ землю, стараясь скрыть насмѣшливую улыбку. Она именно того и хотѣла, чтобъ оба жениха были потеряны для Манны, которая тогда совершенно естественно бросится въ монастырь, какъ въ единственное остающееся ей на землѣ убѣжище.

Обѣдня между тѣмъ окончилась, и изъ церкви вышелъ патеръ. Фрейленъ Пэрини немедленно къ нему присоединилась, а Пранкенъ пошелъ обратно на виллу. Ему вскорѣ попались на встрѣчу докторъ и Эрихъ, которые о чемъ-то живо разговаривали.

Докторъ былъ въ своемъ обычномъ бодромъ и веселомъ настроеніи духа. Онъ говорилъ Эриху, что свѣжее виноградное сусло, имѣющее такой пріятный вкусъ, по мнѣнію старыхъ людей, заключаетъ въ себѣ цѣлебныя свойства, которыя не только укрѣпляютъ, но вполнѣ обновляютъ тѣло и веселятъ духъ. Отъ того-то заботливые о своемъ здоровьи люди и пьютъ его въ такомъ изобиліи. Докторъ увѣрялъ, что дѣйствіе хмѣля въ молодомъ винѣ въ самомъ дѣлѣ очень полезно. Тоже самое, прибавилъ онъ, можно сказать и о происшедшей нынче ночью тревогѣ: она во многихъ отношеніяхъ была полезна. Негодованіе окрестныхъ жителей, перейдя за черту справедливости, утратило бо́льшую часть своего значенія. Съ этой стороны ничего болѣе не оставалось бояться, а въ самомъ домѣ тоже явно насталъ кризисъ, послѣ котораго должна начаться новая жизнь. Ужъ одно то, что тамъ еще всѣ спали, служило хорошимъ признакомъ.

Увидѣвъ проходившаго мимо бочара, докторъ окликнулъ его и заставилъ себѣ снова разсказать, какъ все произошло наканунѣ вечеромъ. Его несказанно забавляло появленіе на мѣсто

дѣйствія пожарныхъ и садовыхъ трубъ. По словамъ бочара, пожарная команда, обязанная Зонненкампу за подарокъ отличнаго устройства пожарныхъ орудій, была мигомъ готова слѣдовать за посланнымъ съ виллы.

Немного далѣе они встрѣтили цѣлую группу поселянъ. То были выборные изъ окрестныхъ селъ и деревень, шедшіе къ Зонненкампу съ увѣреніями въ своей готовности защищать его отъ всякихъ новыхъ оскорбленій, лишь бы онъ согласился оставить безъ послѣдствій безпорядки предъидущей ночи.

Докторъ взялъ на себя передать Зонненкампу просьбу поселянъ, а имъ самимъ посовѣтовалъ придти снова въ слѣдующее воскресенье.

Затѣмъ Эрихъ и докторъ вернулись на виллу и къ немалому своему изумленію нашли профессоршу на террасѣ вмѣстѣ съ Манной. Докторъ весело пошутилъ надъ самимъ собой, говоря, что простой случай сплошь да рядомъ оказывается дѣйствительнѣе и умнѣе самой глубокомысленной науки. Онъ объявилъ профессоршу совсѣмъ здоровой.

Профессорша дѣйствительно выздоровѣла. Къ ней вернулось ея обычное самообладаніе, она снова ободрилась духомъ и стала спокойна. «Удивительно, говорила она, какъ благотворно дѣйствуетъ на человѣка сознаніе, что у него на сердцѣ нѣтъ никакой тайны. То, что знаютъ всѣ, утрачиваетъ значительную часть своего ужаса. Самое тягостное въ положеніи преступника— это необходимость, въ какую онъ поставленъ отъ всѣхъ скрывать свое преступленіе. Онъ на свободѣ и посреди общества чувствуетъ себя какъ бы запертымъ въ тѣсную тюрьму, потому что носитъ замкнутую въ собственномъ сердцѣ тайну, которую никто кромѣ него не долженъ знать.»

Всякій разъ, что профессоршѣ удавалось почему-нибудь тягостно отзывавшееся на ней событіе съ его послѣдствіями перенести въ область чистой мысли, гдѣ оно обобщалось и утрачивало свой личный характеръ, она мгновенно чувствовала облегченіе. Она сверхъ всего совѣтывала сыну не насиловать событій, а спокойно выжидать, чтò они сами принесутъ.

Докторъ освѣдомился, не пріѣзжала ли графиня Белла. Ему сказали, что она была на виллѣ, но ни съ кѣмъ не видѣлась и не говорила, кромѣ самого Зонненкампа.

— Я сильно ошибаюсь, сказалъ докторъ, если графиня Белла не питаетъ особенной симпатіи къ исполненному отваги Зонненкампу. Такое чувство вполнѣ соотвѣтствовало бы ея смѣлой, лишенной всякаго уваженія къ установленнымъ приличіямъ натурѣ.

Профессорша, несмотря на нанесенное ей Беллой оскорбленіе, сдѣлала попытку опровергнуть мнѣніе о ней доктора.

Эрихъ слушалъ молча, удивляясь настойчивости, съ какою докторъ постоянно старался изобличать Беллу и изъяснять по-своему ея своеобразный характеръ.

Докторъ послалъ спросить у Зонненкампа, не желаетъ ли онъ его принять. Зонненкампъ отвѣчалъ приглашеніемъ ему сначала навѣстить Цереру.

— Какой у меня видъ? проснувшись утромъ спросилъ Зонненкампъ у камердинера Іозефа.

— Какой у меня видъ? повторилъ онъ.

— Вашъ обычный, сударь.

Зонненкампъ велѣлъ подать себѣ ручное зеркало, но немедленно отдалъ его назадъ, и снова опустившись на подушки, закрылъ глаза. Ему казалось, что всякій по его лицу будетъ въ состояніи прочесть исторію прошедшей ночи. Онъ долго не выходилъ изъ своей комнаты, сказавъ Іозефу, что хочетъ остаться одинъ. До слуха его долеталъ шумъ шаговъ собравшихся въ саду людей, которые скребли и мели аллеи. Онъ дожидался, чтобъ по возможности изгладились всѣ слѣды ночной тревоги и чтобъ въ немъ самомъ улеглось волненіе и все пришло въ надлежащій порядокъ. Долго сидѣлъ онъ одинъ съ своей любимой собакой. У Зонненкампа было странное ощущеніе, какъ будто онъ держалъ на плечахъ не собственную голову, а что-то постороннее, какой-то шаръ, до котораго ему не было никакого дѣла. Но онъ всячески боролся съ осаждавшими его мрачными мыслями и убѣждалъ себя ободриться, говоря, что ему не отъ кого ожидать помощи, кромѣ какъ отъ самого себя.

«Но неужели мнѣ дѣйствительно никто болѣе не можетъ помочь? вдругъ задалъ онъ себѣ вопросъ, и мысль его невольно обратилась къ Беллѣ. Вотъ женщина, которой нѣтъ подобной. Въ ней мужество, сила, геній. Но какую помощь можетъ она оказать? Никакой... да, я одинъ...»

Положивъ руку на голову собакѣ, Зонненкампъ думалъ: въ мірѣ существуютъ два пугала, которыя отравляютъ намъ жизнь: страхъ передъ дѣломъ и раскаяніе послѣ дѣла. Это шарлатанство насъ губитъ. Только тотъ вполнѣ свободенъ, кто не боится будущности и не раскаявается въ прошломъ.

«Я хочу быть свободнымъ! громко воскликнулъ Зонненкампъ. Внутри себя, я и то свободенъ, но кто здѣсь признаетъ мою свободу? Мнѣ надо вернуться въ Америку... Или нѣтъ, я поѣду въ Италію, въ Парижъ, въ новыя страны. Но дѣти, дѣти! Они преисполнены понятій, которыя заставятъ ихъ страдать отъ

неимѣнія родины, они на чужбинѣ будутъ чувствовать себя с
ротами. Нѣтъ, мнѣ всего лучше остаться здѣсь и вооружит
презрѣніемъ къ людямъ, ненависть которыхъ мало-по-малу у
жется и оставитъ меня въ покоѣ. Кромѣ того можно поиск
средства, которое, походя на раскаяніе, могло бы отчасти уд
летворить умы. Профессорша вчера намекала на нѣчто под
ное, и самъ я что-то говорилъ о судѣ присяжныхъ... Да,
пусть будетъ такъ! Я это сдѣлаю, снова встану на ноги и
пойдетъ попрежнему...

Но сильнѣе всего въ эту минуту говорила въ Зонненкам
горечь противъ Крутіуса.

Какъ самодовольно долженъ онъ теперь потирать себѣ ру
расхаживая въ своей редакторской комнатѣ, гдѣ дрожитъ
ленькое газовое пламя! Какъ обрадуется онъ, узнавъ, что
сигнальная ракета произвела такой эффектъ, что на нее откл
нулся весь народъ!... Какъ краснорѣчиво опишетъ онъ на сто
цахъ своей газеты тревогу предъидущей ночи...

Зонненкампъ позвонилъ и приказалъ позвать къ себѣ Эри
Напомнивъ молодому человѣку, какъ онъ незадолго передъ т
прекрасно описалъ выраженіе къ нему народной благодар
сти, Зонненкампъ просилъ его теперь предупредить всѣ га
ные толки описаніемъ того, что произошло наканунѣ, выстав
все дѣло незначительной вспышкой, слѣдствіемъ неумѣрен
употребленія поселянами молодого вина. Въ заключеніе ст
слѣдовало прибавить, что господинъ Зонненкампъ — онъ им
полное право носить это имя, которое получилъ въ наслѣд
отъ своей матери — не замедлитъ совершить дѣло, которое впо
удовлетворитъ общественное мнѣніе. Зонненкампъ мысленно
звалъ Эриха педантомъ, когда тотъ выразилъ желаніе немедл
узнать, въ чемъ именно будетъ состоять это удовлетвореніе.

Къ чему эти излишнія объясненія?

Достаточно что-нибудь посулить общественному мнѣні
вовсе нѣтъ надобности непремѣнно давать ему обѣщанное. Л
легко забываютъ обѣщанія.

Зонненкампъ едва не высказалъ этой мысли вслухъ, но
время удержался. Затѣмъ онъ отпустилъ Эриха.

Вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ, въ кабинетъ явился с
ритель за собаками.

— О, сударь, ее отравили!

— Кого отравили? воскликнулъ онъ.

— Нашу Нору. Ночью, когда произошла вся эта сума
злые люди накормили ее жареной въ салѣ губкой. Она н
мѣнно околѣетъ.

— Гдѣ она?

— У своей конуры.

Зонненкампъ послѣдовалъ за смотрителемъ и засталъ собаку дѣйствительно съ трудомъ переводящую духъ. Возлѣ нея лежала ея цѣпь.

— Нора! позвалъ Зонненкампъ.

Собака слегка помахала хвостомъ, на мгновеніе раскрыла глаза, приподняла голову и снова тяжело опустила ее.

Еще мгновеніе, и Норы не стало.

Послѣдній жалобный взглядъ, брошенный ею на Зонненкампа, произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Зарой въ землю собаку, пока Роландъ ее не видѣлъ, проговорилъ онъ наконецъ.

— Гдѣ прикажете ее зарыть?

— Вонъ тамъ, подъ вязомъ. Но прежде сними съ нея шкуру, которая стоитъ деньги.

— Нѣтъ, сударь, этого я не могу сдѣлать. Я слишкомъ любилъ собаку, чтобъ теперь сдирать съ нея кожу.

— Въ такомъ случаѣ зарой ее вмѣстѣ съ кожей.

И онъ пошелъ прочь.

Зонненкампъ долго послѣ того бродилъ по саду, пока не очутился, самъ того не замѣчая, у вяза, подъ которымъ велѣлъ зарыть собаку.

— Да, произнесъ онъ вслухъ, таковъ свѣтъ! онъ предлагаетъ вамъ въ жирѣ зажаренную губку: она вкусна, но отравляетъ.

И онъ вернулся въ домъ.

На дворѣ страшно выли остальныя собаки, точно сознавая, что лишились одной изъ своихъ подругъ.

ГЛАВА II.

ДВѢНАДЦАТЬ ИЗБРАННЫХЪ МУЖЕЙ.

Пранкенъ, остававшійся вѣрнымъ Зонненкампу, видимо тревожился на его счетъ и по временамъ какъ-то странно на него поглядывалъ, но не высказывалъ того, чтò было у него на душѣ.

Зонненкампъ, съ своей стороны, тоже кое-что замѣчалъ. До него, черезъ Лутца, дошли слухи о томъ, что Пранкенъ нѣсколько разъ получалъ письма, украшенныя большими печатями. Такъ однажды къ нему пришелъ пакетъ за печатью министерства двора, другой за печатью военнаго министерства. Зоннен-

кампу очень хотѣлось спросить у Пранкена, ужъ не продолжаются ли переговоры на счетъ того, чтобы все-таки дать ему желанный дипломъ. Онъ вопросительно посматривалъ на Пранкена, но тотъ продолжалъ отмалчиваться. Наконецъ, Зонненкампъ однажды счелъ нужнымъ замѣтить молодому человѣку, что тотъ вовсе не правъ, пренебрегая его содѣйствіемъ, такъ какъ онъ во многихъ отношеніяхъ все-таки человѣкъ знающій и бывалый, хотя теперь и спасовалъ немного.

Пранкенъ отговаривался свойствомъ занимавшаго его дѣла, которое будто бы не допускало ничьего посторонняго вмѣшательства. Онъ одинъ могъ привести его къ хорошему концу. Но при этомъ онъ замѣтилъ, что общество вездѣ, не исключая и маленькой столицы, состоитъ изъ различныхъ партій.

Больше ничего нельзя было добиться отъ Пранкена, и Зонненкампъ, чтобы разсѣять свои сомнѣнія, ужъ началъ помышлять объ одномъ, весьма избитомъ средствѣ, которое въ настоящемъ случаѣ представляло всѣ шансы на удачу, а именно онъ хотѣлъ съ помощью Лутца украсть полученныя Пранкеномъ письма. Но подумавъ немного, онъ отбросилъ эту мысль. Только разъ, когда Пранкенъ, немедленно вслѣдъ за полученіемъ большого пакета, поспѣшно отправился на желѣзную дорогу, Зонненкампъ пришелъ къ нему въ комнату. Ему казалось безопаснѣе дѣйствовать одному, безъ сообщниковъ: онъ вѣдь и самъ съумѣетъ взять письма. Пранкенъ былъ настолько безпеченъ, что не предвидѣлось никакой надобности прибѣгать ко взлому или къ фальшивымъ ключамъ.

Но дорóгой въ комнату молодого человѣка, на Зонненкампа напалъ припадокъ честности, и онъ отказался отъ своего намѣренія.

Пранкенъ между тѣмъ вернулся и наконецъ высказался. Оказалось, что ему самому угрожаетъ опасность. Объяснивъ Зонненкампу въ чемъ дѣло, онъ настоятельно требовалъ, чтобы тотъ предоставилъ ему попрежнему самому по возможности выпутаться изъ бѣды.

Зонненкампъ обнялъ взволнованнаго молодого человѣка и взялъ съ него слово, что онъ во всякомъ случаѣ не приметъ вызова на дуэль, не предупредивъ его.

Пранкенъ обѣщался неохотно и уѣхалъ.

Эрихъ находился еще у своей матери, когда въ виноградный домикъ пришелъ Зонненкампъ съ письмомъ въ рукѣ. Выразивъ удовольствіе, что видитъ профессоршу такой бодрой и свѣжей, онъ сообщилъ ей, что получилъ извѣстія отъ ея друга. Затѣмъ

онъ вручилъ ей письмо отъ профессора Эйнзиделя и прибавилъ, усмѣхаясь:

— У господъ ученыхъ однако очень хорошая память. Я, по правдѣ сказать, совсѣмъ забылъ, что когда-то приглашалъ его къ себѣ.

Профессорша прочла письмо Эйнзиделя, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что предстоящей зимой не будетъ читать лекцій, и выражалъ желаніе воспользоваться приглашеніемъ Зонненкампа провести нѣсколько времени на виллѣ Эдемъ.

Профессорша возвратила письмо съ улыбкой, а на лицѣ Зонненкампа мелькнула злая радость. Стало быть и у этихъ новыхъ людей, у этихъ пуританъ, тоже есть свои слабыя струны?

Профессорша, должно быть, догадывалась о томъ, что происходило въ душѣ ея собесѣдника, и съ большою твердостью сказала:

— Я была бы очень рада, если бы этотъ почтенный и благородный человѣкъ пріѣхалъ къ намъ. Его присутствіе здѣсь было бы благотворно для меня и можетъ быть для другихъ. А для Роланда, я не могла бы желать ничего лучшаго. Ты, Эрихъ, слишкомъ уже съ нимъ сжился, освоился и въ настоящую минуту не въ состояніи дать ему той поддержки, въ которой онъ можетъ быть еще долго будетъ нуждаться.

Лицо Зонненкампа мгновенно осунулось. Должно быть, эта женщина въ самомъ дѣлѣ благородна и чиста въ своихъ помыслахъ. У кого хватило бы настолько ума и силы воли, чтобы постоянно носить маску такой строгой добродѣтели. Онъ однако не мало удивился, когда вслѣдъ затѣмъ Эрихъ съ оговорками и извиненіями замѣтилъ, что по его мнѣнію, врядъ ли будетъ хорошо для нѣжной натуры профессора внезапно очутиться въ бурномъ водоворотѣ здѣшней жизни.

Самыя усилія Эриха скрыть настоящій, горькій смыслъ своихъ словъ, ясно доказывали Зонненкампу, до какой степени молодой человѣкъ считалъ себя не вправѣ ставить еще кого-нибудь въ близкія отношенія съ виллой Эдемъ. Внутренно негодуя, но наружно улыбаясь, онъ поспѣшилъ сказать, что подтвердитъ свое приглашеніе профессору, но предоставитъ ему на выборъ поселиться въ виноградномъ домикѣ или на виллѣ.

Профессорша стояла за виноградный домикъ.

Зонненкампъ въ знакъ согласія кивнулъ головой, а затѣмъ позвалъ слугу и приказалъ ему никого не принимать. Онъ объявилъ профессоршѣ и ея сыну, что хочетъ сообщить имъ нѣчто весьма важное.

Эрихъ и его мать вздрогнули. Неужели Зонненкампъ уже

знаетъ? Онъ между тѣмъ усѣлся и началъ, обращаясь къ профессоршѣ:

— Вы оказали мнѣ большую услугу: и я рѣшаюсь отдать въ ваши руки, какъ мою собственную участь такъ и судьбу моей семьи.

Онъ помолчалъ, и затѣмъ продолжалъ:

— Ночное нападеніе, котораго я былъ жертвой, навело меня на одну мысль. Она возникла вдругъ и теперь требуетъ осуществленія. Еще въ воскресенье, когда я шелъ въ церковь, гдѣ меня опозорилъ нищій, я намѣревался...

— Пожалуйста не забудьте, что̀ вы хотѣли сказать, прервала профессорша... но прежде позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Скажите, все ли ваше богатство проистекаетъ изъ...

— Нѣтъ... развѣ только его шестая доля: это знаютъ даже мои враги.

— Теперь, прошу васъ, продолжайте. Вы говорили, что когда шли въ церковь...

— Да, я намѣревался тогда, несмотря на свое невѣріе, исповѣдаться передъ духовнымъ лицомъ. Сознаюсь, вліяніе барона Пранкена не мало способствовало къ тому, чтобъ укрѣпить меня въ этой мысли, но возникла она все-таки во мнѣ самомъ. Исповѣдь есть одно изъ величайшихъ учрежденій нашей церкви. Человѣкъ совершаетъ беззаконіе, которое не подходитъ ни подъ одинъ изъ параграфовъ существующихъ въ мірѣ законовъ, имѣющихъ въ виду карать преступленія. И вдругъ беззаконіе это отпускается ему человѣкомъ, свыше облеченнымъ таинственною властью разрѣшать грѣхи,—человѣкомъ, который не видитъ кающагося, но принимаетъ его робкое признаніе и въ одно и тоже время находится отъ него такъ близко и такъ далеко.

Профессорша опустила глаза.

Удивительно, какъ могъ человѣкъ съ подобнымъ прошлымъ говорить такія вещи!

Зонненкампъ почувствовалъ, что̀ объ немъ думала профессорша, и воскликнулъ:

— Но вы, вы помѣшали мнѣ исполнить мое намѣреніе.

— Я?

— Да, вы. Мнѣ вдругъ пришло въ голову передъ вами раскрыть мою душу и предоставить вамъ отпустить мнѣ мой грѣхъ, а впрочемъ, нѣтъ... даже и вы не имѣете этой власти.

Профессорша вздохнула свободнѣе.

Зонненкампъ продолжалъ:

— Вы, или я, не помню кто изъ насъ двухъ, сказалъ слово,

которое навело меня на слѣдующую мысль. Въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ законы еще не такъ твердо установились, обыкновенно, въ случаѣ преступленія, сзывается судъ изъ сосѣдей. И я хочу созвать такой же точно судъ изъ свободныхъ людей. Я раскрою передъ ними свое прошлое и такимъ образомъ—соединю судъ съ исповѣдью. Какой бы приговоръ ни произнесли надо мной, какое бы искупленіе ни наложили на меня, я все обязуюсь исполнить. Возвратясь въ Европу, я обязанъ или примириться съ европейскимъ обществомъ или заставить его думать по-своему. Понимаете ли вы, что я хочу сказать?

— Какъ нельзя лучше. Приговоръ, произнесенный свободными людьми, по совѣсти, долженъ успокоить кающагося и примирить его со своей совѣстью.

— Я вижу, что вы меня вполнѣ понимаете, съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ Зонненкампъ,—а теперь я обращусь къ вамъ за совѣтомъ, кого вы мнѣ предложите въ члены этого, если можно такъ сказать, нравственнаго суда присяжныхъ. Барона Пранкена мы, конечно, должны отъ этого устранить. Онъ мнѣ сынъ и не можетъ быть моимъ судьей.

— Я никого здѣсь не знаю.... Къ тому же, извините, я еще слишкомъ слаба, и эти разсужденія, это исканіе, это, если можно такъ сказать, мысленное скитаніе по свѣту, причиняютъ мнѣ просто-на-просто физическую боль.

— Въ такомъ случаѣ не трудитесь. Капитанъ Дорнэ, вы слышали о чемъ мы говорили?... вѣдь вы все слышали, не правда ли, повторилъ онъ, замѣтивъ разсѣянный взглядъ Эриха.

— Да, конечно.... все.

— Кого же предложите вы мнѣ?

— Самый достойный и проницательный судья, какого я только знаю, сегодня самъ подалъ о себѣ вѣсть: это мой учитель.

— Согласенъ. А еще кого?

— Вейдемана.

— Вейдемана? Дядю моего злѣйшаго врага?

— Это ему не помѣшаетъ быть справедливымъ.

— Но онъ участвовалъ въ составленіи газетной статьи профессора Крутіуса.

— Неправда, онъ поручилъ князю Валеріану сказать вамъ, что даже вовсе не одобряетъ поступка профессора Крутіуса.

— А еслибы даже Вейдеманъ и былъ вашимъ врагомъ, что въ томъ? вставила профессорша. Вамъ болѣе всего слѣдуетъ стараться оправдать себя въ глазахъ враговъ.

— Вы удивительная женщина! Вы правы, и я докажу вамъ

на дѣлѣ, какъ я серьёзно отношусь ко всему этому. Хорошо, возьмемъ Вейдемана. А еще кого?

— Графа Вольфсгартена.

— Противъ этого я не имѣю ничего возразить. Дальше.

— Мирового судью.

— Опять согласенъ.

— Затѣмъ я предложилъ бы человѣка, котораго вы, можетъ быть....

— Прошу васъ безъ обиняковъ! Кого? нетерпѣливо перебилъ его Зонненкампъ.

— Ловчаго Клауса.

— Клауса? со смѣхомъ повторилъ Зонненкампъ. Пожалуй! Кстати, я уже и самъ назову доктора Рихардта. А теперь, капитанъ Дорнэ, прошу васъ, немедленно отправляйтесь въ путь собирать судей. Дѣло не терпитъ отлагательства. Чѣмъ скорѣй все будетъ кончено, тѣмъ лучше.

«А кто пока останется съ Роландомъ?» хотѣлъ спросить Эрихъ, но остановился, примѣтивъ взглядъ матери, которая, повидимому, угадала вопросъ, готовый вырваться у него. «Ты можешь спокойно предоставить мнѣ Манну и Роланда», говорили ея глаза.

— А добраго нашего маіора вы совсѣмъ забыли? весело сказала профессорша.

— Я о немъ и о патерѣ считалъ излишнимъ упоминать, отвѣчалъ Зонненкампъ. Они, само собою разумѣется, должны участвовать въ судѣ.

Эрихъ назвалъ еще князя Валеріана, банкира и Кнопфа. Теперь число двѣнадцать оказалось сполна.

Зонненкампъ торопился, настаивалъ, чтобъ ни минуты не было потеряно. Эрихъ приказалъ сѣдлать лошадь.

ГЛАВА III.

ТЩЕТНО ПРОТЯНУТАЯ РУКА ПРИМИРЕНІЯ.

Передъ отъѣздомъ Эриха, Манна объявила ему о своемъ намѣреніи еще разъ побывать въ монастырѣ. Она считала своимъ долгомъ прежде всего тамъ сказать всю правду и хотѣла это сдѣлать безотлагательно.

Эрихъ удивился и встревожился. Зачѣмъ Маннѣ еще разъ ѣхать въ монастырь? Но онъ тотчасъ же понялъ, что въ ея рѣшимости сказывалась потребность что-нибудь дѣлать, не оставаться въ праздности. Къ тому же способъ, которымъ она искала

достигнуть успокоенія, былъ въ высшей степени благороденъ. И потому онъ сказалъ только:

— Хорошо, но помни, что ты больше не вправѣ самовольно подвергать себя истязаніямъ или позволять другимъ налагать на тебя какіе бы то ни было обѣты. Ты больше не принадлежишь себѣ. Манна, ты моя и не должна ни мучить меня, ни позволять мучить мою Манну.

Манна бросила на него лучезарный взглядъ и свѣжимъ, веселымъ голосомъ проговорила:

— Эрихъ, это я, благодаря тебѣ, рѣшилась на мой теперешній поступокъ.

— Благодаря мнѣ?

— Да. Ты однажды разсказывалъ мнѣ, какъ тебѣ было отрадно, когда послѣ того, какъ ты оставилъ полкъ, одинъ товарищъ пришелъ къ тебѣ и сказалъ: не думай обо мнѣ дурно, если я съ этихъ поръ прекращу мои сношенія съ тобой. Ты не могъ поступить иначе, а я со своей стороны не смѣю дѣйствовать иначе. Вотъ тоже самое хочу и я сдѣлать. Моя рѣшимость покинуть монастырь, которую монахини не преминутъ принять за отступничество, ни подъ какимъ видомъ не должна оставаться бременемъ на ихъ душѣ.

Манна желала, чтобы ее сопровождала тетушка Клавдія, но Эрихъ нашелъ, что ей приличнѣе ѣхать съ Роландомъ. Братъ съ сестрой такимъ образомъ будутъ совсѣмъ одни; Роланду придется оберегать сестру, быть ей полезнымъ, и это выведетъ его изъ томительной атмосферы, которую распространяло вокругъ него горе.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ пріятно исполнять твои приказанія, сказала Манна.

Роландъ скоро былъ готовъ сопровождать сестру.

— Но вамъ слѣдуетъ еще испросить позволеніе у родителей, сказалъ Эрихъ, и дѣти съ прискорбіемъ почувствовали, что исполненіе этого долга въ ихъ теперешнемъ положеніи не болѣе, какъ пустая формальность. Между отцомъ и ими все было порвано, разбито. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не оставалось болѣе мѣста ни привязанности, ни послушанія.

— Манна, теперь настало время, сказалъ Роландъ взволнованнымъ голосомъ.

— Чему?

— Спросить у отца.... можетъ быть онъ тебѣ и скажетъ.... неужели у насъ нѣтъ никого родныхъ въ Европѣ? Кто бы они ни были, теперь пора имъ придти къ намъ. Не ужасно ли, что мы до сихъ поръ о нихъ не вспомнили?

Манна вопросительно посмотрѣла на Эриха, а тотъ, находя вполнѣ законнымъ стремленіе юноши къ семейнымъ связямъ, однако просилъ его пока воздержаться отъ всякихъ разспросовъ, говоря, что всему придетъ свое время.

Манна пошла къ отцу и сказала, что хочетъ ѣхать въ монастырь.

Зонненкампъ испугался, но тотчасъ же успокоился, такъ какъ Манна прибавила, что ѣдетъ туда съ цѣлью съ нимъ навсегда распроститься. Она окончательно рѣшилась не поступать въ монастырь. Зонненкампъ просіялъ.

— Ты убѣдилась наконецъ?.... Они съ самаго начала знали.... у меня на то есть положительныя доказательства.... они знали, говорю я, какимъ образомъ было добыто приданое, которое ты собиралась имъ принести. А между тѣмъ, слышала ли ты отъ нихъ когда-нибудь хоть одно слово насчетъ того, что они не смѣютъ или не хотятъ его принять?

Это замѣчаніе смутило Манну, она хотѣла сейчасъ же все открыть отцу, но удержалась, потому что дала слово Эриху дѣйствовать только по его указаніямъ.

Братъ и сестра отправились въ путь вмѣстѣ съ фрейленъ Пэрини. День былъ пасмурный и холодный, но плаваніе по рѣкѣ тѣмъ не менѣе ихъ освѣжило и ободрило.

— Ахъ, воскликнулъ Роландъ, въ мірѣ есть еще много другого, кромѣ нашей внутренней жизни.

Около полудня выглянуло солнце и разогнало туманъ. Пароходъ быстро несся по прозрачнымъ волнамъ, между облитыхъ солнцемъ горъ, на которыхъ мѣстами еще происходили осеннія работы. На палубѣ толпились пассажиры; кто изъ нихъ прохаживался, кто весело вглядывался вдаль, наслаждаясь прелестнымъ ландшафтомъ. Но Манна была внизу, въ каютѣ. Она лежала съ закрытыми глазами и не обращала никакого вниманія на слова фрейленъ Пэрини, убѣждавшей ее пойти наверхъ, вдохнуть немного свѣжаго воздуха. На всѣ доводы Манна отвѣчала просьбой оставить ее въ покоѣ. И такъ она лежала, точно въ забытьи, перебирая въ своемъ умѣ все, что въ послѣднее время случилось съ близкими ей и съ ней самой. Какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она съ Роландомъ плыла здѣсь весною вверхъ по теченію рѣки! Ей пришло на мысль замѣчаніе Эриха насчетъ того, какъ богатство, окружая человѣка изобиліемъ внѣшнихъ предметовъ, развиваетъ въ немъ склонность искать утѣшенія въ горѣ посреди развлеченій. Этотъ упрекъ не могъ касаться ее въ настоящемъ случаѣ. Она имѣла въ виду только дружелюбно распроститься съ прошлымъ. Ей казалось, что на ней ле-

жить обязанность въ отношеніи монахинь, которыя съ такой готовностью приняли ее въ свою среду, и она хотѣла доказать имъ, что, несмотря на предполагаемую съ ними разлуку, она все-таки оставалась имъ вѣрна.

Манна снова съ тоской вспомнила о различіи вѣроисповѣданій между ею и Эрихомъ. Но что же оставалось ей дѣлать? Измѣнить благочестивымъ сестрамъ или Эриху.... нѣтъ, послѣднее уже было для нее невозможно. Она надѣялась на великодушіе настоятельницы, которая, безъ сомнѣнія, пойметъ состояніе ея сердца и съумѣетъ ее успокоить. Терзаемая такого рода сомнѣніями, Манна неподвижно лежала въ каютѣ.

Наверху фрейленъ Пэрини радовалась тому, что Манна не показывалась на палубу. Тамъ между пассажирами шла рѣчь о Зонненкампѣ. Кто-то разсказывалъ, какъ герцогскій негръ Адамъ обѣими руками поднялъ на воздухъ американца и стащилъ его, несмотря на противодѣйствіе, съ лѣстницы, гдѣ его, наконецъ, выручили придворные слуги. Одинъ знакомый фрейленъ Пэрини, ходатай по дѣламъ, старался угадать, кто купитъ виллу, такъ какъ само собой разумѣлось, что ея теперешній владѣлецъ непремѣнно оставитъ страну.

Лутцъ помѣстился на кормѣ и тамъ долженъ былъ слушать, какъ зеленщики, скупавшіе овощи у главнаго садовника Зонненкампа и развозившіе ихъ по низовьямъ Рейна, сообщали другъ другу, что отнынѣ ни подъ какимъ видомъ не станутъ болѣе запасаться у этого человѣка своимъ товаромъ. Впрочемъ, они воздавали Зонненкампу должную хвалу за то, что онъ много содѣйствовалъ распространенію въ странѣ скороспѣлыхъ сортовъ яблокъ.

За станцію до монастыря на пароходъ сѣли двѣ монахини въ черныхъ рясахъ. Фрейленъ Пэрини знала одну изъ нихъ и спустилась съ ними въ каюту, гдѣ спала Манна. Монахини усѣлись противъ молодой дѣвушки и, вынувъ молитвенники, принялись молиться за бѣдную душу, лежавшую передъ ними въ скорбной дремотѣ.

Манна открыла глаза и съ изумленнымъ видомъ озиралась вокругъ, точно спрашивая, гдѣ она? Монахиня помоложе, та самая, которая постоянно робко держалась въ сторонѣ, привѣтствовала молодую дѣвушку на французскомъ языкѣ и сказала ей, что она должна терпѣливо переносить всѣ горести, какія небу угодно будетъ на нее ниспослать.

Манна быстро выпрямилась. Такъ стало-быть и здѣсь уже всѣ знаютъ объ ихъ позорѣ!... Она вышла на палубу вмѣстѣ съ Роландомъ и тремя женщинами. Вдали уже показался монастырь.

Все вокругъ сіяло и улыбалось. Маннѣ казалось, что она вдру изъ какого-то невѣдомаго міра снова перенеслась на землю, г все оставалось въ прежнемъ видѣ, и весело смотря ей въ гла какъ будто спрашивало у нея: а гдѣ же ты была такъ долго?

Затѣмъ они въ лодкѣ перебрались на островъ. Манна пр вѣтствовала каждое дерево, каждую скамью, каждый кустъ, ка предметы, когда-то, очень давно, близкіе ея сердцу. Печаль взглянула она на хорошенькую, круглую скамейку у приста такъ-называемое птичье гнѣздышко, гдѣ она, бывало, часто с живала съ дѣвочкой, прозванной сверчкомъ, но гдѣ теперь л жали одни мокрые, увядшіе листья.

Онѣ пришли въ монастырь.

Манна тотчасъ же просила доложить о себѣ настоятельниц Та приказала ей сначала пойти въ церковь, а затѣмъ явитьс къ ней, но не прежде, какъ по истеченіи часа.

Манна въ туже минуту поняла смыслъ этого приказанія. Н развѣ настоятельница уже знала о ея отступничествѣ? Молода дѣвушка направилась къ церкви, но у дверей ея остановилась Она вспомнила о находившемся тамъ образѣ, подумала, что н въ силахъ будетъ удержаться отъ соблазна и не взглянуть н него, и не посмѣла войти въ церковь. Она пошла обратно углубилась въ паркъ. Наверху въ домѣ рѣзвились дѣти. Въ дру гомъ этажѣ пѣли молодые, звонкіе голоса. Манна знала, гдѣ си дитъ каждая изъ ея бывшихъ подругъ; она хорошо помнила каж дый уголокъ, каждую скамью въ классѣ. Подойдя къ ели, под которой ей такъ часто приходилось сидѣть, она увидѣла, чт тамъ не было скамьи, а на подставочкѣ, гдѣ обыкновенно по мѣщалась у ея ногъ умершая малютка, лежали желтые листья Ей вдругъ страстно захотѣлось на могилу къ бѣдной дѣвочкѣ Она вернулась, прошла мимо монастыря, упрекая себя за дерз кое неповиновеніе настоятельницѣ, приказанія которой она осмѣ лилась ослушаться. Манна вошла на кладбище. На могилѣ ма ленькой дѣвочки стоялъ крестъ съ надписью золотыми буквами «Дѣвица не умерла, но спитъ! Маркъ, V, 39.»

— Какъ? вскричала Манна. Развѣ эти слова здѣсь умѣстны Въ св. писаніи они относятся къ дѣвицѣ, которая съ одра смерт была пробуждена къ жизни, а не о ребенкѣ, который совсѣмъ умер и похороненъ!

Она опустилась на колѣни передъ могилой. Мысли въ бе порядкѣ толпились у ней въ головѣ, унося ее далеко отъ дѣй ствительности; она не сознавала, какъ долго здѣсь пробыл Наконецъ, ей удалось овладѣть собой, и она вернулась въ мона стырь. Ее впустили въ пріемную, но долго заставили тамъ ждат

стѣн. Образа по стѣнамъ всякій разъ, какъ она на нихъ взглядывала, какъ будто уходили отъ нея вдаль, на разстояніе, гдѣ становились для нея недосягаемы.

Между тѣмъ пришла настоятельница.

Манна поспѣшила къ ней навстрѣчу и хотѣла ее обнять, но настоятельница оставалась недвижимо на мѣстѣ, и перебирая концы своего пеньковаго пояса, обматывала его вокругъ пальцевъ и такъ крѣпко его стягивала, что онъ врѣзывался ей въ тѣло.

Манна упала передъ ней на колѣни.

— Встань, строго произнесла настоятельница. Мы здѣсь не терпимъ никакихъ порывовъ страсти. Этого ты, надѣюсь, еще не успѣла забыть. Была ты въ церкви?

— Нѣтъ, сказала Манна, вставая.

Настоятельница долго не произносила ни слова, точно ожидая, чтобъ молодая дѣвушка объяснила причину своего неповиновенія, но Манна, въ свою очередь, молчала. Все, что она въ послѣднее время пережила и передумала, мгновенно поднялось у нея изъ глубины души и лишило ее способности говорить.

— Преподобная мать, начала она наконецъ: я пришла сюда затѣмъ, чтобъ разсѣять въ вашей душѣ всякую тѣнь сомнѣнія насчетъ моей неблагодарности. Вы поступали со мной великодушно, вы....

— Пожалуйста, безъ лести. Обо мнѣ ни слова. Говори о себѣ.

— Воспоминаніе обо мнѣ не должно вамъ причинять ни малѣйшей горечи. Я пришла васъ просить....

— Чего ты такъ медлишь. Говори, что́ тебѣ надо?

— Ничего, кромѣ довѣрія къ чистотѣ моихъ побужденій: я честно боролась и не могла устоять. Теперь я невѣста Эриха Дорна.

— Какъ, чья? Такъ ли я слышала? Развѣ баронъ Пранкенъ умеръ? Развѣ ты.... но нѣтъ! Говори яснѣе.

Манна откровенно, безъ утайки, разсказала настоятельницѣ обо всемъ случившемся. Она стояла прямо, и голосъ ея былъ твердъ. Когда она кончила, настоятельница спросила:

— Ты, стало быть, явилась сюда принести покаяніе?

— Нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же?

Манна схватилась за голову и сказала:

— Развѣ я не довольно ясно высказала, что вовсе не считаю себя виновной и не признаю въ себѣ ничего грѣховнаго. Я пришла поблагодарить васъ за все добро, оказанное мнѣ вами

въ былое время. Я не желала бы, чтобъ воспоминаніе обо м служило вамъ источникомъ горя.... Вы сами предсказывали м тяжелую борьбу съ жизнью. Я оказалась въ ней несостоте ной, но.... прошу васъ только объ одномъ: не осуждайте мен Удѣлите мнѣ въ вашемъ воспоминаніи мирный уголокъ.

— Тебѣ этого и теперь еще хочется? Да, вотъ они како эти люди, живущіе въ свѣтѣ! Самоубійцы требуютъ для се освященной могилы. Ты для насъ умерла, и въ нашей свят землѣ нѣтъ для тебя мѣста. Ты протягиваешь намъ руку пр миренія.... но мы не принимаемъ ее.

Явилась послушница и передала желаніе фрейленъ Пэри войти къ настоятельницѣ и Маннѣ.

Минуту спустя вошла и сама фрейленъ Пэрини.

— Вы имѣли намъ что-нибудь сказать? обратилась къ н настоятельница.

— Да. Фрейленъ Манна, въ присутствіи святой матери, н поминаю вамъ объ обѣщаніи, которое вы съ меня взяли.

— Я, съ васъ.... обѣщаніе....

— Да. Вы заставили меня поклясться, что я всячески, да силой, стану васъ удерживать, еслибъ въ вашу душу, сверхъ ож данія, запала мысль объ отступничествѣ. Правда это, Манна, и нѣтъ?

— Правда.

— И что же? спросила настоятельница.

— То, что я болѣе себѣ не принадлежу. У меня нѣтъ н чего своего, никакой собственности, не исключая и меня сам Я не могу отдавать на жертву то, что мнѣ не принадлежит

Долго стояли три женщины молча, наконецъ настоятельни сказала:

— Ты исповѣдывалась патеру?

— Нѣтъ.

Настоятельница медленно отвернулась.

— Мы тебя не принуждаемъ, сказала она, не связывае мы не можемъ этого и не хотимъ. Ступай!... Я не хочу те болѣе видѣть.... иди прочь!... Въ тебя вселился адъ! Твое пр сутствіе здѣсь оскверняетъ наши стѣны.... Ни слова болѣе. Иди Ушла она?... Не отвѣчай мнѣ. Любезная Пэрини, скажите, уш она отсюда?

— Уходитъ, отвѣчала фрейленъ Пэрини.

— Гдѣ моя сестра? вдругъ послышался громкій голосъ Р ланда.

Дверь шумно распахнулась; Роландъ мгновенно понялъ в что здѣсь происходило.

— Довольно тебѣ смиряться, сестра, сказалъ онъ: пойдемъ со мною.

И схвативъ Манну за руку, онъ увлекъ ее за собой.

Выйдя изъ монастыря, Роландъ разсказалъ, какъ сильно встревожило его продолжительное отсутствіе Манны. Имъ овладѣлъ непреодолимый страхъ, чтобъ ей не нанесли оскорбленій, которыя она, пожалуй, захочетъ покорно снести въ видѣ искушенія.

— А это не должно быть, даже еслибъ ты сама захотѣла. Ты не вправѣ давать въ обиду невѣсту Эриха.

Какой огонь свѣтился въ глазахъ Манны, когда она смотрѣла на пылающее лицо Роланда!

— Все кончено, сказала она. Я оставляю за собой цѣлый міръ. Все кончено, и благо, что оно миновало.

Фрейленъ Пэрини оставалась еще нѣсколько времени у настоятельницы, а потомъ присоединилась къ брату и сестрѣ. Сидя уже въ лодкѣ, она произнесла своимъ обычнымъ, нѣсколько хриплымъ шепотомъ:

— Я должна была это сказать; я не могла молчать.

Манна протянула ей руку.

— Вы исполнили вашъ долгъ, отвѣчала она, и я на васъ за то вовсе не сержусь. Простите и вы меня.

Манна не помнила, какъ вышла изъ монастыря. Только позже, обнимая Роланда, она наконецъ могла заплакать. На возвратномъ пути, плывя по Рейну, она уже не удалялась въ каюту, но сидѣла на палубѣ рядомъ съ братомъ. И ея большіе черные глаза все время покоились на разстилавшемся передъ ними ландшафтѣ.

ГЛАВА IV.

СПОКОЙСТВІЕ МАІОРА И ТЕРЗАНІЕ ГРАФА.

На пути своемъ въ Маттенгеймъ, Эрихъ встрѣтилъ маіора. У него хватило веселости пошутить съ добрымъ старикомъ, объявивъ ему, что онъ ѣздитъ по околотку съ цѣлью собирать пожарную команду. Когда же онъ объяснилъ маіору настоящую причину своихъ странствованій, тотъ безъ всякихъ оговорокъ немедленно выразилъ свое согласіе участвовать въ судѣ. Онъ отнесся къ этому, какъ къ дѣлу чести и совѣсти, отъ котораго никто не вправѣ отказаться.

— Бѣдный! Несчастный! повторялъ онъ; — онъ былъ не от-

кровененъ со мной, да и она тоже. Но я на нее не сержусь: вѣдь это въ первый разъ въ жизни. Она, — маіоръ безъ сомнѣнія говорилъ о фрейленъ Мильхъ,—боялась, что мнѣ не справиться съ этимъ. Я на многое способенъ, да, товарищъ, вы и не подозрѣваете, какъ многое я могу сдѣлать, но лицемѣрить свыше моихъ силъ. Я не съумѣю ласково обходиться съ человѣкомъ, котораго не люблю и не уважаю. Я зналъ, что онъ владѣлъ невольниками и всегда говорилъ, что кто имѣетъ дѣло съ пуделемъ, тому не избѣжать блохъ. Но не удивительно ли, что у этого человѣка всегда на готовѣ столько хорошихъ, теплыхъ словъ? Вѣдь и съ вами, товарищъ, онъ не разъ говаривалъ, какъ мудрецъ или какъ святой. Я своей глупой башкой никакъ не могу сообразить, чѣмъ же тутъ виноваты бѣдные дѣти и за что имъ приходится страдать. Вейдеманъ тоже не могъ мнѣ этого объяснить, но теперь я самъ сообразилъ. Такъ-то. Я вѣдь ничему не учился.... былъ барабанщикомъ.... когда-нибудь я вамъ это поподробнѣе разскажу.

— Но что же вы теперь сообразили?

— Вотъ и она точно также всегда меня останавливаетъ, когда я заболтаюсь... Человѣкъ, видите ли, какъ сказано въ св. писаніи, родится въ болѣзняхъ. Такъ точно и умъ человѣческій тоже родится въ болѣзняхъ, т. е. въ скорби и нуждѣ. Нашъ братъ, бѣднякъ, это знаетъ, но богатымъ и знатнымъ отъ этого часто жутко приходится.... Я хочу сказать.... вы вѣдь знаете.... вотъ и нашъ Роландъ тоже вновь родился, сталъ благороднымъ и останется такимъ на всю жизнь.... Герцогъ можетъ облагородить имя, но не душу человѣка.... понимаете?... Ну, да.... А нашъ Роландъ теперь въ полномъ смыслѣ слова благородный человѣкъ. Терпѣть зло и дѣлать добро, вотъ отнынѣ его девизъ.... Ни на одномъ рыцарскомъ щитѣ, никто никогда не видѣлъ подобнаго девиза, и онъ съ нимъ на вѣки не разстанется....

И маіоръ дрожащей рукой ударилъ себя въ грудь. Эрихъ былъ не мало удивленъ этой длинной рѣчью, которая вдругъ, правда не совсѣмъ плавно, съ частыми перерывами, но тѣмъ не менѣе съ большимъ одушевленіемъ вылилась изъ устъ этого застѣнчиваго, обыкновенно не быстраго на слова человѣка. Затѣмъ маіоръ припомнилъ, какъ они, при вступленіи Эриха на виллу Эдемъ, мучились вопросомъ о томъ, что станетъ Роландъ дѣлать съ огромнымъ богатствомъ, которое рано или поздно должно было ему достаться. Нынѣ вопросъ этотъ самъ собою разрѣшался. Теперь становилось ясно, что изъ денегъ будетъ сдѣлано непремѣнно хорошее употребленіе.

Эрихъ уже собирался ѣхать далѣе, но маіоръ опять остановилъ его:

— Погодите, дайте мнѣ еще разъ вамъ сказать.... Я былъ барабанщикомъ.... меня произвели въ офицеры.... Товарищи и не подозрѣвали, какъ почетно было для меня данное мнѣ ими прозвище. Они за спиной, думая, что я не слышу, сплошь да рядомъ величали меня капитаномъ барабанная-палка. Ну вотъ, съ тѣхъ поръ мнѣ и стало ясно.... это она мнѣ объяснила, самъ бы я до этого не добрался, но она все можетъ.... вотъ, говорю я, мнѣ и стало ясно, что счастье только на половину дѣлаетъ человѣка. Горе же можно сравнить со св. Духомъ, который говоритъ человѣку: встань и иди! Понимаете ли вы меня?

— Да, да, отвѣчалъ Эрихъ, и пожавъ старому герою руку, уѣхалъ.

Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ маіора все на томъ же мѣстѣ. Добрый старикъ смотрѣлъ всаднику вслѣдъ и кивалъ головой, какъ бы желая сказать: я тебѣ взвалилъ на плечи хорошую ношу, но ты ее не потеряешь, а когда умру, она останется при тебѣ и ты ее никому не отдашь. И маіоръ отъ души поблагодарилъ Зиждителя вселенной, что Тотъ, посылая ему тяжелыя испытанія, даетъ въ тоже время силу выходить изъ нихъ невредимымъ.

Эрихъ между тѣмъ бодро ѣхалъ по дорогѣ въ Маттенгеймъ. Вдругъ ему пришло на умъ, что по чести и совѣсти, онъ прежде всѣхъ другихъ долженъ предупредить Клодвига. Кромѣ того къ нему въ сердце вкралось желаніе узнать, какъ держитъ себя при теперешнихъ обстоятельствахъ Белла. Честно сознаваясь себѣ въ своихъ побудительныхъ причинахъ, онъ тѣмъ не менѣе повернулъ лошадь и поскакалъ въ Вольфсгартенъ.

Подъѣзжая къ дому, онъ былъ встрѣченъ громкимъ крикомъ попугая, который, завидѣвъ его изъ окна, точно хотѣлъ возвѣстить всѣмъ домашнимъ, какой рѣдкій гость къ нимъ пріѣхалъ. Эриха уже давно не было видно въ Вольфсгартенѣ. Теперь ему показалось, что въ комнатѣ сосѣдней съ той, гдѣ у открытаго окна висѣлъ попугай, мелькнула фигура Беллы. Но она мгновенно исчезла и болѣе не являлась.

Эрихъ вошелъ къ Клодвигу, и засталъ его печальнымъ, точно обезсиленнымъ. Графъ повидимому также и физически страдалъ. Онъ не всталъ на встрѣчу гостю, и привѣтствовалъ его безъ обычнаго радостнаго оживленія.

— Я зналъ, что вы ко мнѣ пріѣдете, тихо и съ трудомъ проговорилъ Клодвигъ. Если духовное вліяніе можетъ дѣйствовать на разстояніи, то вы и ваша матушка должны были чувствовать

въ эти дни, что я съ вами. Я не совсѣмъ здоровъ и потому, прошу васъ, давайте говорить какъ можно спокойнѣе. Прежде всего забудемъ, что мы запятнаны сношеніями съ этимъ человѣкомъ. Я полагаю, намъ слѣдуетъ думать не о самихъ себѣ, а о немъ. Вотъ видите, и Клодвигъ коснулся рукою стоявшей около него стклянки съ жидкостью: меня дѣтски радуетъ изобрѣтеніе этого новаго химическаго состава. Онъ прозраченъ, какъ вода, а между тѣмъ служитъ къ тому, чтобы сводить съ бумаги написанное на ней, не прибѣгая къ скобленію. Мнѣ теперь невольно приходитъ на умъ: нельзя ли найти какое-нибудь подобное этому средство въ нравственномъ отношеніи?

Такимъ образомъ былъ поднятъ вопросъ, для разрѣшенія котораго и пріѣхалъ Эрихъ. Онъ прямо приступилъ къ дѣлу, и изложивъ передъ графомъ планъ суда, пригласилъ его принять въ немъ участіе.

Клодвигъ отказался, замѣтивъ, что господинъ Зонненкампъ, или какъ бы онъ ни назывался, долженъ искать суда равныхъ себѣ, то-есть людей одинаковаго съ нимъ происхожденія или положенія въ свѣтѣ. Онъ же не пара ему.

Эрихъ съ большой осторожностью попытался напомнить своему другу его собственныя разсужденія о равенствѣ.

Клодвигъ, казалось, ничего не слышалъ.

Тяжелое бремя, должно быть, лежало на душѣ этого, обыкновенно столь внимательнаго человѣка, чтобъ сдѣлать его, какъ теперь, глухимъ къ замѣчаніямъ своего молодого друга. Минуту спустя, онъ самъ принялся разсказывать, сколько хлопотъ стоило ему въ эти послѣдніе дни отклонить отъ намѣренія нѣсколько горячихъ головъ при дворѣ, которыя во что бы то ни стало хотѣли притянуть богатаго американца къ суду за оскорбленіе высочества. Герцогъ по этому случаю собственноручно написалъ Клодвигу письмо, въ которомъ благодарилъ его за мнѣніе, высказанное имъ противъ увеличенія числа новыхъ дворянъ. Графъ въ своемъ отвѣтѣ просилъ герцога прекратить всякое дальнѣйшее преслѣдованіе американца, котораго раздражили и подстрекали другіе на то, что ему самому бы и въ голову не пришло.

Эрихъ еще разъ высказалъ желаніе, чтобы Клодвигъ принялъ участіе въ судѣ.

— Я доведу до свѣдѣнія двора, что онъ добровольно требуетъ надъ собою суда, отвѣчалъ графъ. Это произведетъ тамъ хорошее впечатлѣніе. А затѣмъ я, ради васъ.... онъ выпрямился, мгновенно оживился и провелъ рукою по лицу, какъ бы желая стереть съ него печальное выраженіе, — да, я соглашаюсь принять

предложеніе. Намъ такимъ образомъ, можетъ быть, удастся уяснить ваши отношенія къ этому дому.

Эриху было тяжело, что Клодвигъ соглашается только ради него, а вовсе не изъ сочувствія къ самому дѣлу. У него на языкѣ вертѣлось признаніе, что онъ въ скоромъ времени будетъ сыномъ этого человѣка: но онъ не успѣлъ ничего сказать, потому что въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Клодвигъ поспѣшно приподнялся, и торопливо схвативъ Эриха за руку, тихо, но рѣшительно произнесъ:

— Хорошо, я согласенъ. Онъ хочетъ суда по чести и совѣсти, пусть будетъ по его волѣ.

Клодвигъ выговорилъ это торопливо, точно на бѣгу. Въ комнату вошла Белла.

На лицѣ ея виднѣлись слѣды сильнаго волненія, которые она явно старалась, но не могла вполнѣ преодолѣть.

Она привѣтствовала Эриха латинской фразой и тономъ, который находился въ странномъ и непріятномъ противорѣчіи съ положеніемъ данной минуты, а въ особенности съ тяжелымъ настроеніемъ духа Клодвига.

— Скажите пожалуйста, спросила Белла, не было ли въ вашей жизни времени, когда вы съ восторгомъ и изумленіемъ преклонялись передъ натурами подобными Эццелино ди Романо. Въ такихъ сильныхъ натурахъ есть что-то величественное, поражающее васъ, особенно въ сравненіи съ ничтожными и мелочными претензіями на высшія добродѣтели большинства людей.

Эрихъ не догадывался, къ чему и къ кому могли относиться слова графини. Онъ и не подозрѣвалъ, что Белла, пользуясь присутствіемъ посторонняго человѣка, безвредно для себя, метала стрѣлы, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрно попадали въ цѣль.

Клодвигъ опустилъ голову и закрылъ глаза, потомъ снова ихъ открылъ.

— Ахъ, да, весело и развязно продолжала Белла. Мнѣ давно хотѣлось предложить вамъ вопросъ. Скажите, чтобы сказали Цицеронъ или Сократъ, если бы они прочли «Каина» лорда Байрона?

Эрихъ совсѣмъ растерялся. Вопросъ поражалъ своею странностью и могъ быть принятъ за насмѣшку или за внушеніе разстроеннаго мозга. Но Белла, не смущаясь, продолжала:

— Читалъ Роландъ «Каина»?

— Не думаю.

— Дайте ему теперь прочесть эту книгу. Она должна произвести на него впечатлѣніе. Онъ тоже сынъ, имѣющій право воз-

мущаться тѣмъ, что его отецъ довелъ себя до изгнанія изъ рая. Странно, какое сходство въ положеніяхъ! Не удивительно ли это? А впрочемъ, развѣ всѣ мы въ сущности не дѣти Каина? Авель былъ бездѣтенъ,—да, богобоязненный Авель не имѣлъ потомства, а мы всѣ происходимъ отъ Каина. Знаменитая родословная!... Еще одно, любезный капитанъ-докторъ: неужели ученые до сихъ поръ не добрались, какого вида и цвѣта былъ знакъ, которымъ Богъ-Отецъ заклеймилъ Каина?

— Я васъ не понимаю, отвѣчалъ Эрихъ.

— Я сама себя не понимаю, возразила Белла, и рѣзко, непріятно засмѣялась.

— Я, разумѣется съ помощью перевода, начала читать сочиненіе Цицерона о высшемъ благѣ, но не далеко ушла и принялась за «Каина», который въ моихъ глазахъ есть лучшее произведеніе во всей литературѣ новѣйшихъ временъ.

Эрихъ все еще не находился, что̀ ему отвѣчать. Взоръ его тревожно переходилъ съ лица Беллы на лицо Клодвига. Что такое здѣсь происходило?

— Вѣдь это правда, снова начала графиня, что когда благородныя римлянки били по лицу своихъ невольницъ, тѣ должны были надувать щеки. Римскія матроны, по всему видно, не были сантиментальными пансіонскими цвѣтками въ родѣ современныхъ намъ мужчинъ и женщинъ. Ахъ, кстати, что дѣлаетъ фрейленъ Зонненкампъ?

— Она уѣхала въ монастырь, отвѣчалъ Эрихъ, опуская глаза. Ему было тяжело говорить съ Беллой о Маннѣ.

— Она поступила какъ нельзя практичнѣе, продолжала Белла. Монастырь во всемъ этомъ играетъ роль ширмъ. Чувствительная дѣвушка тамъ лучше всего укроется отъ бури, пока та не минуетъ. Но что станетъ дѣлать Роландъ? А вы и ваша матушка, на что думаете рѣшиться? спрашивала Белла, такимъ холоднымъ, безстрастнымъ тономъ, что Эрихъ мгновенно успокоился и почти весело отвѣчалъ:

— Пока мы пробавляемся тѣмъ, что составляетъ предметъ занятій большинства людей.

— Чѣмъ же?

— Мы ничего не дѣлаемъ.

Разговаривая съ Беллой, Эрихъ мысленно сопровождалъ Манну въ монастырь. Молодая дѣвушка, думалъ онъ, въ эту минуту, тоже стоитъ передъ людьми, которые нѣкогда были ея друзьями, а теперь превратились во враговъ. Но этимъ послѣднимъ, безъ сомнѣнія, чуждъ холодный, равнодушный тонъ рѣчи Беллы. Эрихомъ вдругъ овладѣло страстное желаніе простереть надъ Ман-

ной руку, и защитить ее отъ всѣхъ оскорбленій, какія ей можетъ быть приходится выслушивать. Лишь бы они не вздумали прибѣгнуть къ какимъ-нибудь насильственнымъ мѣрамъ! Онъ жестоко упрекалъ себя, что отпустилъ Манну одну съ Роландомъ и съ фрейленъ Пэрини. Ему не слѣдовало бы ее покидать.

Эрихъ впалъ въ глубокое раздумье и разсѣянно простился съ Клодвигомъ и Беллой, говоря, что ему надо ѣхать къ Вейдеману.

Молодой человѣкъ снова углубился въ лѣсъ, которымъ онъ ѣхалъ въ первый разъ, отправляясь на виллу Эдемъ верхомъ на лошади, данной ему Клодвигомъ. Какъ все съ тѣхъ поръ измѣнилось! Въ самомъ Вольфсгартенѣ, невольно думалось ему, — происходитъ что-то непонятное. Какими счастливыми казались ему въ его первое посѣщеніе Клодвигъ и Белла. Куда дѣвалось теперь ихъ счастье? Безпорядочный разговоръ Беллы, ея странные переходы отъ Цицерона къ Байрону свидѣтельствовали о томительной тревогѣ, которая ни на минуту ее не покидала. Клодвигъ съ другой стороны, по всему видно, не менѣе ея страдалъ. Имъ овладѣло тягостное уныніе, которое ему, подъ вліяніемъ безграничной любви къ человѣчеству, только съ трудомъ и то на минуту удавалось съ себя стряхнуть.

Но Эрихъ не могъ долго предаваться своимъ мыслямъ. Передъ нимъ была цѣль, къ которой ему надлежало стремиться для самого себя, для другихъ, а сверхъ всего для Манны. Только тотъ, кто можетъ на время совсѣмъ забыть себя, можетъ съ пользою отдаться другимъ.

ГЛАВА V.

ПОДАТЛИВЫЙ И УПОРНЫЙ.

Эрихъ достигъ Маттенгейма уже съ наступленіемъ ночи. Вейдеманъ и его семейство перебрались въ свою зимнюю резиденцію, какъ они называли красивыя, свѣтлыя комнаты въ верхнемъ этажѣ, гдѣ у нихъ стѣны были украшены прекрасными картинами, а въ каминахъ пылало яркое пламя.

Госпожа Вейдеманъ сидѣла съ невѣсткой за столомъ, у лампы, а сынъ ея читалъ. Самъ Вейдеманъ былъ у себя въ кабинетѣ.

Эрихъ попросилъ позволенія пройти прямо къ нему и засталъ его между кубами и ретортами его химической лабораторіи.

— Я не могу вамъ подать руки, весело сказалъ онъ Эриху.

А вамъ совѣтую, постарайтесь обратить ваше вниманіе на что-нибудь другое, кромѣ постигшаго васъ горя. Это иногда удается. Меня вы застаете въ наилучшемъ настроеніи духа. Мы теперь трудимся надъ усовершенствованіемъ новаго открытія. Найдено, что изъ виноградныхъ выжимокъ, можно приготовлять типографскія чернила. Дѣло обѣщаетъ пойти на ладъ, и другъ нашъ Кнопфъ въ эту минуту пишетъ въ честь его новое стихотвореніе. Онъ утверждаетъ, что впередъ всѣ произведенія лирической музы, а въ особенности, застольныя пѣсни, должны печататься не иначе, какъ только чернилами, добытыми изъ винограда. Посмотрите, вотъ тутъ варится новый составъ. Но я полагаю, вамъ лучше удалиться въ сосѣднюю комнату. Тамъ вы найдете газеты съ весьма интересными для васъ свѣдѣніями, а я не замедлю къ вамъ присоединиться.

Эрихъ повиновался. Въ комнатѣ, въ которую онъ вошелъ, лежали на столѣ американскія газеты. Онѣ были преисполнены горячихъ преній между республиканцами и демократами. Этимъ послѣднимъ именемъ называли себя тѣ, которые стремились довести самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ до тѣхъ границъ, за которыми становилось невозможнымъ всякое государственное единство. Но первой и главной ихъ цѣлью при всемъ этомъ было упрочить за собой право владѣть невольниками. На сторонѣ республиканцевъ стояли всѣ послѣдователи и приверженцы Авраама Линкольна. Въ Новомъ Свѣтѣ, по всему было видно, рѣшался великій вопросъ. Какъ отнесется къ нему Зонненкампъ? мелькнуло въ умѣ Эриха. Онъ продолжалъ читать, но уже машинально, ничего не понимая и думая о другомъ.

Немного спустя явился и Вейдеманъ. Онъ давно ожидалъ къ себѣ Эриха и теперь просилъ его въ короткихъ словахъ передать ему, какое впечатлѣніе произвело на дѣтей Зонненкампа разоблаченіе страшной тайны. Узнавъ о предполагаемомъ судѣ, Вейдеманъ выразилъ полное къ нему сочувствіе и охотно согласился принять въ немъ участіе. Пока онъ, правда, не предвидѣлъ отъ суда никакихъ особенныхъ послѣдствій, но надѣялся, что съ помощью его во всякомъ случаѣ многое разъяснится, а главное опредѣлится дальнѣйшая судьба дѣтей.

Вейдеманъ былъ первое постороннее лицо послѣ маіора, которому Эрихъ сказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Маннѣ. Это извѣстіе нисколько не удивило Вейдемана, напротивъ, онъ какъ будто ожидалъ его. Все, что онъ до сихъ поръ слышалъ о Маннѣ и что зналъ объ Эрихѣ, казалось ему, неизбѣжно должно было послужить къ ихъ сближенію. Что касается до суда, то онъ тѣмъ охотнѣе принималъ въ немъ участіе, что считалъ необходимымъ

для Эриха по возможности возстановить доброе имя его будущаго тестя, въ чемъ всѣ его друзья по мѣрѣ силъ своихъ должны ему содѣйствовать.

— Ахъ, воскликнулъ Эрихъ, какъ сильно въ былое время гордился я своею честностью, а теперь....

— Вы можете попрежнему гордиться ею, перебилъ его Вейдеманъ. Я же могу сказать вамъ въ успокоеніе, что большая часть состоянія Зонненкампа пріобрѣтена имъ не торговлей неграми. Я это знаю изъ вѣрнаго источника, а именно отъ моего племянника.

— Пожалуйста, убѣдите въ этомъ прежде всего нашего Роланда.

— Непремѣнно, а для этого пришлите его ко мнѣ какъ можно скорѣе.

Вейдеманъ между прочимъ выразилъ удивленіе, что Пранкенъ до сихъ поръ продолжаетъ считать себя сыномъ Зонненкампа и женихомъ Манны. Ему казалось непонятнымъ упорство, съ какимъ молодой баронъ цѣплялся за свои близкія отношенія съ обитателями виллы Эдемъ.

Эрихъ могъ только сказать, что они съ Манною рѣшили, во избѣжаніе новыхъ затрудненій и непріятностей, до поры до времени держать свою любовь въ тайнѣ. Вейдеманъ посовѣтовалъ имъ во всемъ признаться Зонненкампу до совершенія надъ нимъ суда. Эрихъ обѣщалъ.

Затѣмъ Вейдеманъ снова перешелъ къ обсужденію вопроса о судѣ и сказалъ:

— По моему мнѣнію, негру Адаму тоже слѣдовало бы участвовать въ судѣ, но я знаю что это очень трудно устроить.

Эрихъ сомнѣвался, чтобы Зонненкампъ согласился на подобную мѣру. Но Вейдеманъ стоялъ на томъ, что если бѣлые судятъ черныхъ, то черные въ свою очередь имѣютъ право судить бѣлыхъ. Эрихъ обѣщалъ переговорить съ Зонненкампомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Вейдемана не ставить этого въ непремѣнное условіе своего согласія самому участвовать въ судѣ.

Къ обѣду явился новый гость—докторъ. Онъ былъ по близости у одного больного, которому только-что сдѣлалъ очень удачную операцію и потому находился въ отличномъ расположеніи духа. Обратясь къ Эриху, онъ сказалъ:

— Еслибъ аптеки могли снабдить насъ, наравнѣ съ другими лекарствами, болѣе или менѣе значительными дозами успокоительныхъ недѣль и мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобъ мы ихъ разомъ принимали, многое бы на свѣтѣ легче устроивалось. Люди, у которыхъ я сегодня былъ, служатъ тому доказательствомъ.

И разсказавъ о своемъ недавнемъ визитѣ, докторъ прибавилъ:

— Прошу послѣ этого вѣрить громкимъ крикамъ дворянъ на счетъ ихъ оскорбленной добродѣтели! Человѣкъ, съ которымъ я только-что разстался, сынъ бывшей герцогской любовницы, а дѣти его уже успѣли породниться со всей знатью въ странѣ. Такъ точно будетъ и съ Роландомъ. Лѣтъ черезъ десять никто больше не станетъ заботиться объ источникѣ его богатства.

Когда доктору изложили планъ предполагаемаго суда и сказали, что отъ него ожидаютъ участія въ немъ, онъ воскликнулъ:

— Вотъ они, старые тираны! Они любятъ играть въ собственные похороны; только я, мое почтеніе, отказываюсь участвовать въ траурномъ кортежѣ. Неужели вы думаете, что онъ подчинится нашему приговору? Будьте увѣрены, онъ все это устроиваетъ съ цѣлью скомпрометтировать съ собой другихъ людей. Онъ всѣхъ васъ морочитъ, а вы, любезный Дорнэ, уже и безъ того не мало пострадали отъ него. Совѣтую вамъ все это бросить. Вы хотите негра — то-есть нѣтъ, ошибся, торговца неграми вымыть до-бѣла.

Докторъ засмѣялся и по обыкновенію увлекъ за собой всѣхъ другихъ, такъ какъ никто не могъ слышать его веселаго хохота безъ того, чтобы самому не заразиться имъ.

— Въ сущности, продолжалъ докторъ, молодецъ мнѣ нравится. Онъ изъ матеріала, изъ котораго въ доброе старое время слагались отличные злодѣи. Въ наше время не то. Современные намъ злодѣи слишкомъ рефлективны, сознательны. Имъ мало дѣйствовать подъ вліяніемъ элементарныхъ силъ природы, и они безпрестанно посягаютъ на логику. Еслибъ этотъ Зонненкампъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ перемѣниться, онъ выказалъ бы себя самымъ жалкимъ и презрѣннымъ трусомъ.

— Трусомъ?... повторилъ Вейдеманъ. У кого нечиста совѣсть, тотъ, я полагаю, не можетъ быть истинно храбрымъ человѣкомъ. Злодѣй бываетъ дерзокъ, отваженъ до безумія, но никогда не обладаетъ настоящимъ мужествомъ.

— Вотъ какъ! перебилъ докторъ. Но развѣ я вамъ уже не говорилъ, до какой степени мнѣ противны всѣ эти сантиментальные толки объ улучшеніи быта негровъ. У меня врожденное отвращеніе къ чернымъ людямъ. Я не вижу, почему мой разсудокъ долженъ возставать противъ такого естественнаго физіологическаго явленія и давать моему отвращенію обидное названіе предразсудка. Но вѣдь, мнѣніе, будто наши предразсудки всегда неосновательны, тоже можетъ въ свою очередь быть названо предразсудкомъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы у насъ было побольше такихъ естественныхъ отвращеній, отъ которыхъ бы насъ не могли

избавить никакія усилія такъ-называемой цивилизаціи. Торговля неграми, конечно, дѣло не хорошее, но я на мѣстѣ герцога все-таки далъ бы Зонненкампу дворянство, да еще сказалъ бы ему вдобавокъ: любезный другъ, пойди въ баню, умойся, а затѣмъ ѣшь, пей и веселись. Къ чорту всѣ эти толки о чистотѣ крови!.. Больше всего бѣситъ меня профессоръ Крутіусъ, который преждевременнымъ выпускомъ въ свѣтъ своей статьи оказалъ большую услугу знати. Что стоило ему обождать день другой, пока Зонненкампъ вступитъ въ ряды дворянъ, а тамъ бы и хватилъ его, а съ нимъ вмѣстѣ и ихъ всѣхъ. Такъ было бы гораздо лучше.

Докторъ, казалось, поставилъ себѣ задачей обратить все дѣло въ шутку. Но вечеромъ, когда Эрихъ, собираясь домой, привязалъ свою лошадь къ его экипажу, а самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, докторъ сказалъ:

— Впрочемъ я, ради васъ, согласенъ принять участіе въ судѣ, который сзываетъ этотъ Зонненкампъ. Вы серьезно думаете, что человѣкъ съ помощью воли можетъ загладить преступное и вѣрите въ возможность исправленія? Хорошо, ваша вѣра подвигнетъ мою гору невѣрія. Посмотримъ.

Эрихъ сообщилъ о своемъ посѣщеніи Вольфсгартена и не мало удивился, когда докторъ сказалъ ему, что противорѣчіе между Клодвигомъ и Беллой, доселѣ глухо дававшее себя чувствовать, въ настоящую минуту приближалось къ кризису.

— Белла, сказалъ онъ, старается забыться. Она стала учиться по-латыни и подобно тому, какъ другія, болѣе мелкія натуры, ищутъ возбужденія въ водкѣ, она ищетъ опьяненія въ поэзіи Байрона. Мнѣ не слѣдовало бы такъ говорить о Байронѣ, я нѣкогда былъ отъ него безъ ума. Но теперь пришелъ къ убѣжденію, что его поэзія не вино, а.... Впрочемъ, я вѣдь отъявленный еретикъ и отщепенецъ.

Эриха передернуло, а докторъ, замѣтивъ это, прибавилъ:

— Васъ возмущаетъ моя ересь, но вѣдь это не болѣе какъ мое личное мнѣніе!! Докторъ хотѣлъ-было по старой привычкѣ напасть на Беллу, но Эрихъ остановилъ его невольно вырвавшимся у него замѣчаніемъ. Онъ не могъ не удивляться упорству, съ какимъ докторъ постоянно выражалъ самое невыгодное мнѣніе о графинѣ, къ которой въ былое время питалъ довольно сильную склонность.

— Отлично! воскликнулъ докторъ. Что за удивительная женщина! она вамъ сказала, что я былъ къ ней не равнодушенъ? Превосходно! Я удивляюсь ловкости, съ какой она прибѣгла къ средству, которое, по ея разсчету, должно было уничтожить въ

васъ всякое довѣріе къ моему сужденію о ней. Мы, мужчины, въ сравненіи съ нею непроходимые дураки. Чѣмъ бы вамъ поклясться? Да, нѣтъ, вы и такъ повѣрите. Неужели вы считаете меня способнымъ дурно говорить о женщинѣ, къ которой бы я чувствовалъ хоть самую мимолетную страсть!... Но какъ бы то ни было, я вамъ очень благодаренъ, вы доставили мнѣ случай напомнить мое знаніе людей. Къ тому же теперь я могу успокоиться, а то я боялся, ужъ не черезчуръ ли я былъ строгъ къ этой женщинѣ. Припомните мнѣ когда-нибудь нашу сегодняшнюю поѣздку. Говорю вамъ, эта женщина еще заставитъ о себѣ говорить.—Какимъ образомъ, не знаю, но изобрѣтательность ума, какою она обладаетъ, не можетъ такъ рано умереть.

Эрихъ былъ непріятно пораженъ. Зачѣмъ еще этому было сегодня сюда примѣшиваться? или у него и безъ того мало тяжести на сердцѣ? Онъ едва слышалъ, какъ докторъ сообщалъ ему о непріятностяхъ, которымъ баронъ фонъ-Пранкенъ подвергался въ обществѣ и при дворѣ, за то, что продолжалъ свои близкія сношенія съ Зонненкампомъ.

Достигнувъ долины, Эрихъ отвязалъ свою лошадь отъ экипажа и, простясь съ докторомъ, поѣхалъ обратно на виллу.

Въ комнатѣ Зонненкампа еще свѣтился огонь. Онъ приказалъ просить къ себѣ Эриха. Молодой человѣкъ сообщилъ ему, что всѣ изъявили готовность участвовать въ судѣ; но о предложеніи Вейдемана на счетъ негра Адама умолчалъ.

— Благодарю васъ, отъ всего сердца благодарю, сказалъ Зонненкампъ, сидя въ своемъ креслѣ. Въ голосѣ его было что-то старческое, разбитое..... Но еще одно слово, прибавилъ онъ вставая. Графинѣ Беллѣ все извѣстно?

— Не знаю, но полагаю, что графъ ей все сообщитъ.

— Она ничего обо мнѣ не говорила?

— Нѣтъ.

— Ровно ничего? А о моей семьѣ?

— Какже, она освѣдомлялась о дѣтяхъ.

— Такъ.... о дѣтяхъ!.... хорошо. Благодарю васъ.... Доброй ночи!...

Эрихъ ушелъ въ свою комнату. Онъ долго стоялъ у окна и смотрѣлъ въ даль.

Любовь къ природѣ присуща человѣку въ самыя тяжелыя минуты его жизни, и благо тому, кто въ созерцаніи ея способенъ забывать всѣ свои горести.

То была темная осенняя ночь. Надъ горами тяжелой массой висѣла черная туча. Вдругъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она какъ будто соединилась съ холмами, блеснула и легла на горизонтѣ яркая

полоса свѣта. Туча мгновенно утратила часть своего мрака; изъ-за горъ медленно выплылъ мѣсяцъ, но туча быстро покрыла его. Она какъ будто еще тяжеле повисла надъ ландшафтомъ и только окраины ея свѣтились мягкимъ серебристымъ свѣтомъ. А справа и слѣва по всему небосклону носились небольшія сѣраго цвѣта облака.

Эрихъ закрылъ глаза и погрузился въ глубокую думу. Когда онъ опомнился, мѣсяцъ стоялъ высоко надъ тучей и ландшафтъ блисталъ облитый луннымъ свѣтомъ, который трепеталъ, отражаясь въ рѣкѣ. Но туча, медленно подвигаясь, снова накрыла мѣсяцъ. Эрихъ долго смотрѣлъ въ окно. Наконецъ туча исчезла, все небо стало гладко какъ поверхность слегка затуманившейся стали, по которой спокойно и величаво катился серебристо-огненный шаръ.

Природа въ своихъ дѣйствіяхъ сообразуется съ вѣчными непреложными законами, почему бы и человѣческой жизни не слагаться по ея образцу?

Эрихъ думалъ о Маннѣ, и мысль о ней наполняла его душу мягкимъ, кроткимъ свѣтомъ, подобнымъ тому, какой разливалъ на всѣ предметы сіявшій на небѣ мѣсяцъ.

ГЛАВА VI.

ОТОРВАННАЯ ВѢТВЬ.

Зонненкампъ еще продолжалъ хлопотать объ устройствѣ суда, когда вернулся Пранкенъ. Молодой баронъ казался не въ духѣ, и на распросы Зонненкампа о причинѣ его разстройства вмѣсто отвѣта вынулъ изъ кармана нѣсколько писемъ. Прежде всего онъ раскрылъ то, въ которомъ гофмаршалъ старался его убѣдить, что ему, въ качествѣ каммергера при герцогскомъ дворѣ, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ поддерживать сношеній съ человѣкомъ, который, не только себя обезчестилъ, но еще провинился въ нанесеніи его высочеству оскорбленія. Онъ прибавлялъ, что даже шли толки о томъ, не слѣдуетъ ли Зонненкампа за это послѣднее обстоятельство подвергнуть суду.

Зонненкампъ слегка вздрогнулъ, а затѣмъ разразился громкимъ, неестественнымъ хохотомъ.

— Дайте мнѣ еще разъ взглянуть на это письмо, сказалъ онъ.

Внимательно перечитавъ его, онъ, молча, отдалъ его назадъ, а потомъ спросилъ, что заключалось въ другомъ письмѣ?

— Это еще серьезнѣе и рѣшительнѣе, замѣтилъ Пранкенъ,

передавая ему пакетъ за печатью военнаго суда. Барону угрожали исключеніемъ изъ полка, если онъ не прекратитъ сношеній съ Зонненкампомъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ Зонненкампъ. Я съ своей стороны ничего отъ васъ не требую.

— Но я рѣшился васъ не оставлять, сказалъ Пранкенъ.

Зонненкампъ обнялъ его. Наступило молчаніе.

— Я никого и ничего не боюсь! воскликнулъ Пранкенъ. Но вотъ письмо къ вамъ самимъ.

И онъ вручилъ ему пакетъ отъ государственнаго совѣтника.

Зонненкампъ началъ читать.

Тонъ письма отличался вѣжливостью, но заключалъ въ себѣ совѣтъ, куда-нибудь ѣхать хоть навремя, пока не остынетъ рвеніе партіи, требовавшей подвергнуть Зонненкампа суду за оскорбленіе высочества.

— Вамъ извѣстно содержаніе этого письма? спросилъ Зонненкампъ.

— Какъ же! Государственный совѣтникъ хотѣлъ дать мнѣ его незапечатаннымъ.

— Что же вы мнѣ посовѣтуете?

— Я раздѣляю его мнѣніе.

Легкая судорога на мгновеніе исказила лицо Зонненкампа.

«Умно, очень умно, подумалъ онъ про себя. Вы хотите меня спровадить и завладѣть моимъ имуществомъ.....»

И воображеніе живо нарисовало ему картину тюрьмы, а въ ней томящагося въ неволѣ самого себя. Ему вдругъ стало жутко, онъ вздрогнулъ, но тотчасъ же оправился.

— Слѣдовательно, вы раздѣляетс мнѣніе государственнаго совѣтника?

— Да. Но прежде чѣмъ вы уѣдете, позвольте мнѣ предложить вамъ мѣру, которая вамъ дастъ возможность снова встать на ноги, а мнѣ принесетъ новую честь.

— Развѣ существуетъ такая мѣра?

— Да. Я уже вамъ говорилъ, что есть еще другая, скромная, но могущественная партія, которую мы, или скорѣе вы, можете склонить легко въ свою пользу.

Пранкенъ объявилъ, что ему предстоитъ на дняхъ явиться въ собраніе дворянъ, приверженцевъ римской церкви, которые соберутся толковать о пріисканіи средствъ для снабженія папы военными силами.

— Ужъ вы сами не думаете ли вступить въ папское войско? спросилъ Зонненкампъ.

— Я охотно вступилъ бы, отвѣчалъ Пранкенъ, еслибъ не

долженъ былъ оставаться здѣсь на посту, гдѣ меня удерживаетъ долгъ чести и любви!!

— Хорошо, очень хорошо. Извините, что я васъ прервалъ! Но зачѣмъ вы мнѣ все это говорили? Вѣдь я не дворянинъ, а слѣдовательно, не могу принять участія въ этомъ собраніи.

— Можете.

— Какимъ образомъ?

— Вы дадите денегъ для образованія полка, а я вамъ ручаюсь, что вы не только не подвергнетесь болѣе никакому преслѣдованію, но еще, напротивъ, пріобрѣтете себѣ славу и почести.

Зонненкампъ усмѣхнулся.

— А если я дамъ денегъ, спросилъ онъ, то мнѣ будетъ позволено здѣсь остаться?

— По моему, вамъ все-таки лучше бы на время уѣхать.

По лицу Зонненкампа скользнула торжествующая улыбка. «Такъ вотъ какъ! думалъ онъ, они хотятъ разомъ отнять у меня часть имущества и выслать меня прочь.» Онъ очень любезно улыбнулся Пранкену и сказалъ:

— Отлично! А здѣшній патеръ знаетъ объ этомъ?

— Нѣтъ. Но я заручился содѣйствіемъ декана капитула канониковъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пригласить сюда патера!

Сдѣлайте одолженіе! Я самъ за нимъ схожу.

— Нѣтъ, останьтесь?

Зонненкампъ крикнулъ въ проведенную въ стѣнѣ трубу, чтобъ немедленно пошли за патеромъ и пригласили его на виллу. Затѣмъ, обращаясь къ Пранкену, онъ сказалъ:

— Такъ вотъ что вы мнѣ совѣтуете! отлично! оно такъ и слѣдуетъ. Мы на деньги, вырученныя за продажу черныхъ, купимъ бѣлыхъ, и послѣдніе отъ этого станутъ еще бѣлѣе,—нѣтъ, они превратятся въ святыхъ.

— Я васъ не понимаю.

— Очень можетъ быть. Я, видите ли, радуюсь тому, что свѣтъ такъ хорошо устроенъ. Молодой другъ мой! въ университетахъ, я слышалъ, читаютъ лекціи о добродѣтели, которую возводятъ тамъ въ строгую нравственную систему. Я вамъ предлагаю сдѣлать тоже самое въ отношеніи къ пороку, а затѣмъ учредить въ университетѣ каѳедру для преподаванія этой новой отрасли науки. Могу васъ увѣрить, къ намъ нахлынутъ толпы слушателей, которыхъ мы станемъ просвѣщать свѣтомъ настоящей истины, а не той, которую обыкновенно называютъ этимъ

именемъ. Свѣтъ, повторяю, отлично устроенъ! Общество непремѣнно должно бы было назначить меня профессоромъ житейской мудрости, которую до сихъ поръ вовсе не такъ понимали и толковали. Пора взяться за умъ и сбросить съ себя личину мнимой нравственности. Но вотъ бѣда, я до сихъ поръ встрѣтилъ только одного человѣка, который съ успѣхомъ могъ бы слушать мои лекціи. Человѣкъ этотъ, къ сожалѣнію — женщина; а впрочемъ пора намъ бросить и этотъ предразсудокъ. Отлично!

— Вы все еще мнѣ не сказали, началъ Пранкенъ, одобряете ли вы мой планъ?

— Неужели не сказалъ? Ахъ, молодой другъ мой! Вы еще не можете быть профессоромъ; вы ученикъ, которому предстоитъ начать учиться чуть ли не съ азбуки. Я хотѣлъ бы основать новый Римъ, какъ нѣкогда былъ основанъ древній, исключительно изъ бродягъ и изъ преступниковъ. Это самый лучшій и способный классъ людей.

— Я васъ не понимаю.

— Гдѣ же вамъ! мягко проговорилъ Зонненкампъ. Вы правы, намъ слѣдуетъ быть тихими, кроткими, въ высшей степени нравственными и честными людьми. Только, знаете ли, молодой другъ мой, у меня есть въ виду кое-что совсѣмъ другое. Къ тому же ловушка, разставленная для меня деканомъ, черезчуръ не затѣйлива: я не пойду на такую грубую приманку.

Пранкенъ былъ до крайности возмущенъ. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ обращались какъ со школьникомъ, и это выводило его изъ себя.

Онъ выпрямился, бѣгло взглянулъ на себя въ зеркало, точно желая убѣдиться, что онъ въ самомъ дѣлѣ уже не мальчишка. Затѣмъ, гордо откинувъ назадъ голову, онъ съ важностью произнесъ:

— Многоуважаемый батюшка! прошу васъ прекратить эти неумѣстныя шутки.

— Шутки? Да развѣ я шучу?

— Да. Вы не станете отвергать, что я оставался вамъ до конца вѣренъ.... Что преданность моя къ вамъ и вашему дому была безгранична. Я обращался съ вами, какъ съ равнымъ. Впрочемъ я вовсе не это хотѣлъ сказать. Я хочу только просить васъ не отвергать моего плана. У насъ есть серьезныя обязанности, и я считаю себя вправѣ требовать отъ васъ....

— Что же, договаривайте! Повиновенія, хотите вы сказать, не такъ ли? Извольте, благородный другъ, я готовъ вамъ повиноваться. Хорошо... Какой же полкъ сформируемъ мы: пѣхотный или кавалерійскій? Въ какую форму одѣнемъ мы солдатъ? Роланда

и, конечно, прямо произведемъ въ офицеры. Онъ отлично сидитъ на конѣ, и потому я стою за кавалерію. Видите ли, молодой мечтатель, у меня тоже нѣтъ недостатка въ фантазіи. Ахъ, какъ весело! мы съ вами, съ головы до ногъ вооруженные, мчимся по полямъ.... У насъ отличное оружіе.... Я кое-что въ этомъ дѣлѣ смыслю. Я въ Америкѣ пошатался, можетъ, болѣе, чѣмъ всѣ вы думаете.... А что, не отправить ли намъ будущій полкъ въ Америку?

— Это было бы еще лучше.

— Ха, ха, ха! разсмѣялся Зонненкампъ. Утренніе сны! Говорятъ, что утромъ всегда снятся самыя пріятныя вещи.... Но, любезный другъ, пора ужъ и проснуться и перестать бредить.

Пранкенъ чувствовалъ себя точно связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Ему казалось, что онъ попалъ въ пасть ко льву и волей или неволей долженъ былъ уступить, смириться. Боясь раздражить льва, онъ давалъ ему играть съ собой, но всякую минуту дрожалъ отъ страха, чтобъ тотъ, вонзивъ въ него свои когти, не разорвалъ его на части. Еслибъ была какая-нибудь возможность убѣжать!

Пранкенъ схватился за голову. «Что это за человѣкъ? чего онъ отъ меня хочетъ?»

А Зонненкампъ, спокойно положивъ ему руку на плечо, говорилъ:

— Я ничего не имѣю противъ вашего благочестія,—искреннее оно или притворное—все равно. Но, молодой другъ мой, я вовсе не желаю, чтобъ на мои деньги разживались монахи. Манна собирается основать монастырь, вы хотите формировать полкъ, а я на все это подавай деньги.... Сознайтесь, что вы пошутили, и перестанемъ объ этомъ говорить. Будьте себѣ на умѣ, водите за носъ тѣхъ, которые воображаютъ себя умнѣе васъ; вы увидите со временемъ, что это самое пріятное занятіе... Ахъ, вонъ Манна въѣзжаетъ въ дворъ! Надо ее позвать сюда!

Онъ крикнулъ въ трубу, чтобы Манна немедленно къ нему пришла.

Прежде чѣмъ Пранкенъ успѣлъ вымолвить слово, отворилась дверь и въ комнату вошла молодая дѣвушка.

— Вы меня звали? сказала она, обратясь къ отцу.

— Да. Ну что въ монастырѣ?

— Я распростилась съ нимъ навѣки.

— Благодарю тебя, дитя мое, благодарю! Ты хорошо поступила: ты знала, какъ меня утѣшить, особенно теперь. Ну, покончимъ же кстати и другое дѣло. Какъ ты свѣжа и бодра! Я давно тебя такою не видалъ. Баронъ Пранкенъ, вы видите, Манна

наконецъ освободилась... Дайте мнѣ слово, что все, о чемъ мы сейчасъ говорили, останется между нами. Согласны вы?

Пранкенъ не отвѣчалъ.

— Я не знала, что вы здѣсь, баронъ, начала Манна; но впрочемъ это къ лучшему, что я васъ здѣсь застала.

— Конечно къ лучшему, подтвердилъ Зонненкампъ. Чтобы ты ни хотѣла мнѣ сообщить, нашъ молодой и вѣрный другъ все можетъ слышать. Садись!

Онъ по привычкѣ взялъ маленькую палочку и принялся ее стругать.

Манна не сѣла, но, схватившись за спинку стула, взволнованнымъ голосомъ произнесла:

— Баронъ Пранкенъ, прежде всего позвольте мнѣ вамъ высказать мою признательность за вашу неизмѣнную дружбу....

— Это дѣло..... перебилъ ее Зонненкампъ и поднялъ глаза отъ своей работы. —Хорошо; мнѣ теперь ничто такъ не нужно какъ спокойствіе, миръ и тихая радость. Подай же нашему другу руку.

— Я ему охотно подаю ее, но на прощанье...

— Какъ на прощанье? грозно воскликнулъ Зонненкампъ и, сильно вонзивъ ножъ въ палочку, разсѣкъ ее пополамъ. Онъ всталъ съ мѣста и, подойдя къ Маннѣ, схватилъ ее за руку.

— Позвольте, остановила его Манна. Баронъ Пранкенъ, вы благородный человѣкъ и я васъ глубоко уважаю. Вы много сдѣлали для моего отца, и я, какъ дочь, до конца жизни буду вамъ признательна, но....

— Но что? спросилъ Зонненкампъ.

Манна не отвѣчала ему, но продолжала, обращаясь къ Пранкену:

— Я считаю себя обязанной сказать вамъ правду. Я не могу быть вашей женой, потому что люблю Эриха Дорнэ, который съ своей стороны меня любитъ. Онъ и я, мы составляемъ одно, и никакія силы земли и неба не могутъ насъ разлучить.

— Ты любишь учителя, гугенота, презрѣннаго торгаша сентенціями, обманщика, лицемѣра?...... Да я задушу его своими руками, этого вора....

— Отецъ, сказала Манна, гордо выпрямляясь. Въ глазахъ ея засвѣтилось геройское мужество; она какъ будто выросла и сдѣлалась сильнѣе. Отецъ! капитанъ Дорнэ, правда, учитель и гугенотъ, но все остальное, что ты о немъ говорилъ, тебѣ внушаетъ твой гнѣвъ.

— Мой гнѣвъ.... ты меня еще не знаешь. Я положилъ всю свою жизнь на этотъ....

— Отецъ, не произноси угрозъ; намъ, твоимъ дѣтямъ, и безъ того не легко.

Страшный, ужасающій вопль вырвался изъ груди Зонненкампа.

Онъ обратился къ Пранкену и воскликнулъ:

— Уйдите, баронъ! Я хочу остаться съ ней одинъ.

— Нѣтъ! сказалъ Пранкенъ, я не могу уйти... Я любилъ вашу дочь и имѣю право ее защищать.

Зонненкампъ схватился рукою за столъ; у него начинала кружиться голова.

— Слышишь, Манна, воскликнулъ онъ, слышишь? И ты отталкиваешь отъ себя такого рыцаря! Опомнись, дитя! Я готовъ тебя молить на колѣняхъ.... Пойми свое заблужденіе!.. Мнѣ и безъ того горько, тяжело... не возлагай на меня еще этого новаго бремени. Смотри, что за человѣкъ предъ тобою... Манна, ты умное и доброе дитя! неправдали, ты только пошутила... ты хотѣла насъ испытать... Да, ты улыбаешься... благодарю тебя, дитя мое, благодарю!... Ты теперь еще болѣе убѣдилась въ его благородствѣ. Манна, вотъ онъ! возьми его... Раскрой ему свои объятія. Я на все соглашусь.... Я готовъ умереть, только исполни это мое единственное желаніе....

— Я не могу, отецъ, не могу!

— Можешь и исполнишь!

— Отецъ, повѣрь мнѣ....

— Тебѣ повѣрить? Но развѣ это можно? Давно ли ты клялась, что будешь монахиней?... Кто такъ быстро мѣняетъ свои намѣренія, тому нельзя вѣрить.

— Отецъ, мнѣ невыразимо больно огорчать тебя и барона....

— Хорошо.... хорошо! я и это вынесу. Вырѣжь у меня изъ груди сердце; оно къ сожалѣнію еще бьется во мнѣ. На то ли шелъ я въ бой съ Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, на то ли потерпѣлъ пораженіе и подвергся изгнанію, чтобы назвать сыномъ этого лицемѣра!... Вотъ каковы они эти философы-идеалисты и добродѣтельные мечтатели!.. Они вкрадываются къ вамъ въ домъ въ качествѣ воспитателя и затѣмъ женятся на вашей дочери, или лучше сказать—на ея милліонахъ.... О мудрые философы и въ тоже время ловкіе пройдохи, плуты и лицемѣры!. Нѣтъ! я этого не потерплю!!.

Онъ сжималъ и разжималъ пальцы, точно дикій звѣрь, собирающійся вонзить въ добычу когти.

— Дайте мнѣ что-нибудь разорвать или уничтожить, воскликнулъ онъ въ бѣшенствѣ, иначе я не знаю, что сдѣлаю. Ты...

Пранкенъ положилъ ему на плечо руку. Всѣ трое молчали,

тяжело переводя духъ. Болѣе всѣхъ взволнованнымъ казался Пранкенъ.

Манна спокойно выдержала взглядъ отца, хотя не могла вполнѣ дать себѣ отчета въ выраженіи, съ какимъ онъ былъ на нее устремленъ. А онъ, подойдя къ трубѣ, снова крикнулъ въ нее:

— Позвать сюда капитана Дорнэ.

Затѣмъ, обратясь къ дочери, онъ продолжалъ:

— Манна, я тебя не принуждаю ни къ чему, но только требую одного, а именно, чтобъ ты отказалась отъ этого учителя.

Минуту спустя онъ прибавилъ:

— Кажется, патеръ долженъ былъ сюда придти?

— Да, вы за нимъ посылали.

Патеръ не заставилъ себя долго ждать. Увидѣвъ его въ дверяхъ, Зонненкампъ сказалъ:

— Святой отецъ, здѣсь, въ присутствіи этихъ свидѣтелей, объявляю вамъ, что отдаю мою виллу Эдемъ подъ монастырь, если только дочь моя Манна, согласно своему давнишнему желанію, приметъ монашество.

Манна недоумѣвала. Какъ могъ ея отецъ такъ жестоко шутить съ ней, съ Эрихомъ, съ Пранкеномъ, со всѣми? Она не знала, что ей дѣлать, что говорить. Патеръ обратился къ ней съ протянутой рукой. Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ Эрихъ и сразу все понялъ.

— Извѣстно ли вамъ, кто я? спросилъ у него Зонненкампъ.

Эрихъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— А знаете ли вы, кто этотъ человѣкъ и кто эта дѣвушка? А затѣмъ, видите ли вы что тамъ на стѣнѣ? И онъ указалъ рукой на висѣвшій надъ его головой хлыстъ. Знаете ли вы, что это такое? Не одна невольничья спина... Онъ задыхался и не могъ продолжать.

Эрихъ, окинувъ его гордымъ взглядомъ, спокойно произнесъ:

— Есть руки, отъ которыхъ получить ударъ не составляетъ безчестія.

Изъ груди Зонненкампа вырвался глухой стонъ, а Эрихъ, обращаясь къ Маннѣ сказалъ:

— Прошу тебя, Манна, уйди отсюда.

— Ты!... Манна!... воскликнулъ Зонненкампъ, и бросился на Эриха. Пранкенъ остановилъ его.

— Господинъ Зонненкампъ, если здѣсь кто-нибудь имѣетъ право требовать у капитана Дорнэ удовлетворенія, то это конечно я.

— Прекрасно! воскликнулъ Зонненкампъ, опускаясь на стулъ.

Отдаю въ твои руки, месть, мою жизнь и честь. Говори ты, я болѣе ни слова не произнесу.

— Капитанъ Дорнэ, началъ Пранкенъ. Когда я васъ ввелъ въ этотъ домъ, я вамъ съ самаго начала объяснилъ, въ какихъ отношеніяхъ находился къ дочери господина Зонненкампа. До сихъ поръ я васъ до нѣкоторой степени все-таки уважалъ, но теперь съ сожалѣніемъ вижу себя вынужденнымъ вовсе лишить васъ моего уваженія.

Эрихъ гордо выпрямился.

— Я не стану съ вами драться, продолжалъ Пранкенъ. Вы ограждены отъ нападенія съ моей стороны священнымъ въ моихъ глазахъ панцыремъ. Ваша жизнь, капитанъ Дорнэ, находится подъ защитой фрейленъ Манны и потому самому неприкосновенна для меня. Это да будетъ моимъ послѣднимъ словомъ вамъ. Но васъ, господинъ Зонненкампъ, я буду просить еще объ одномъ. Дайте мнѣ вашу руку и обѣщайтесь исполнить мое желаніе.

— Обѣщаюсь... Я все готовъ для тебя сдѣлать, только не сформировать полкъ и не согласиться на соединеніе этихъ двухъ... За исключеніемъ этого, требуй отъ меня, чего хочешь.

— Хорошо. Итакъ, я беру съ васъ слово, что вы пощадите этого человѣка.

Пранкенъ дрожащими руками ощупалъ свои карманы и вынувъ изъ нихъ маленькую книжечку, подалъ ее Маннѣ.

— Фрейленъ Манна, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ: здѣсь и до сихъ поръ лежитъ та вѣтка, которую вы мнѣ нѣкогда дали. Она теперь завяла, возьмите ее обратно. Подобно тому, какъ оторванная отъ дерева вѣтка болѣе не можетъ къ нему приρости, такъ точно я навсегда оторванъ отъ всѣхъ васъ.

Окинувъ Манну исполненнымъ грусти взглядомъ, онъ прибавилъ:

— Итакъ, мы на вѣки разстались.

Затѣмъ онъ, не торопясь, спокойно натянулъ перчатку, застегнулъ ее, взялъ шляпу, всѣмъ поклонился и вышелъ.

Манна почти съ восторгомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, потомъ быстрымъ движеніемъ схватила за руку Эриха.

Они рядомъ стояли передъ Зонненкампомъ, который, закрывъ лицо руками, воскликнулъ:

— Ужъ не благословенія ли моего вы ожидаете? Человѣкъ, подобный мнѣ, изъ рукъ котораго не есть безчестіе получить ударъ, не можетъ раздавать благословеній. Идите, идите прочь

отсюда!... Или я болѣе не имѣю права ничего приказывать? что вы тутъ продолжаете стоять и на меня смотрѣть?

— Господинъ Зонненкампъ, началъ Эрихъ, увѣряю васъ, что мое замѣчаніе относилось не къ вамъ, а къ барону Пранкену. Но оно васъ оскорбило, и я отъ всего сердца прошу у васъ прощенія. Я не владѣлъ собой, но тѣмъ не менѣе сознаю себя неправымъ передъ вами, не потому только что вы отецъ Манны, но и потому еще, что вы человѣкъ, которому теперь и безъ того приходится многое переносить...

— Хорошо, хорошо, мнѣ знакомо ваше умѣнье читать проповѣди... Довольно. Развѣ вся ваша жизнь здѣсь не была ложью? Или вы станете утверждать, что вы не воръ? Помните ли вы, о чемъ я васъ спрашивалъ, когда водилъ васъ по дому? И вы могли такъ долго лгать и притворяться! Проклятіе! Какая послѣ этого возможна вѣра въ людей! Я вамъ вѣрилъ, считалъ васъ неспособнымъ на обманъ. Вы же все время лгали, съ того самаго часа, какъ я васъ водилъ по дому и до сей минуты. Что бы ни было далѣе, я теперь срываю съ васъ маску.

— Господинъ Зонненкампъ, возразилъ Эрихъ. Я долго боролся, прежде чѣмъ поддался этой любви, которая оказалась сильнѣе меня... сильнѣе всего на свѣтѣ. Меня прельщаютъ не ваши богатства: я доказываю это тѣмъ, что отказываюсь отъ нихъ навсегда и говорю: никогда ничто изъ нихъ не будетъ моей собственностью. Я не присоединяю къ моимъ словамъ ни увѣреній, ни клятвъ. И тѣ и другія безполезны, такъ какъ вы мнѣ не вѣрите.

— А вы бы еще хотѣли, чтобъ я вамъ вѣрилъ? Шутите, прекрасный, благородный, добрый, великодушный молодой человѣкъ! Я многимъ владѣю, но къ сожалѣнію не имѣю того, чего вы желаете, а именно вѣры въ васъ. Она когда-то и была у меня, но теперь безвозвратно пропала. Я тоже не клянусь, но знаю что меня болѣе никто не обманетъ.

— Я прошу отца Роланда и Манны... началъ Эрихъ дрожащимъ голосомъ... прошу его съ сыновней покорностью, не быть ко мнѣ несправедливымъ. Вы еще убѣдитесь, я въ томъ не сомнѣваюсь, что я тогда какъ теперь говорилъ вамъ одну правду.

— Правду? Хороша правда! Уйдите прочь! Я хочу... я долженъ остаться одинъ.

Эрихъ и Манна, держась за руку, вышли изъ комнаты, но остановились у дверей и долго тамъ ждали. Немного спустя къ Зонненкампу въ кабинетъ прошелъ Іозефъ, и возвращаясь оттуда объявилъ, что баринъ его послалъ за нотаріусомъ.

Эрихъ и Манна отправились въ садъ. Такова сила любви, что они, несмотря на терзавшія ихъ горе и сомнѣнія, въ глубинѣ души чувствовали себя счастливыми, какъ будто всѣ печали ихъ уже миновали.

— Помоги мнѣ, сказала Манна Эриху, идя съ нимъ подъ руку. Меня преслѣдуетъ мысль, которая, я не вижу, къ чему могла бы насъ привести. Когда герцогъ во время своего посѣщенія нашей виллы ласково о тебѣ отозвался, слова его обрадовали меня болѣе, чѣмъ еслибъ относились прямо ко мнѣ. Помнишь ли ты? Я тебѣ передала его замѣчаніе. Онъ просилъ тебя не забывать, что ты нѣкогда былъ его товарищемъ, обстоятельство, которое самъ онъ очень хорошо помнилъ. Не думаешь ли ты, что это расположеніе къ тебѣ герцога можно было бы теперь употребить въ нашу пользу? Какимъ образомъ, я не умѣю сказать, но мнѣ кажется... я сама не знаю, что мнѣ кажется.

— Я тоже объ этомъ думалъ отвѣчалъ Эрихъ; мнѣ хорошо памятны слова герцога, но я рѣшительно не знаю, на что бы намъ теперь могли пригодиться его милости. Ахъ, Манна, тогда мнѣ въ первый разъ сдѣлалось ясно, что мысли твои были обращены ко мнѣ.

И молодые люди, забывъ всѣ свои заботы, углубились въ воспоминанія о прошломъ. Вся горечь настоящаго для нихъ исчезла.

На лицо Манны точно легъ яркій солнечный лучъ. У нея была сильная, свободная душа, которая ясно свѣтилась въ ея большихъ, черныхъ, блестящихъ глазахъ.

— О чемъ ты смѣешься? внезапно спросила она, замѣтивъ улыбку на лицѣ Эриха.

— Мнѣ пришло на умъ одно сравненіе.

— Сравненіе?

— Да. Я когда-то слышалъ, что настоящій брильянтъ отличается отъ фальшиваго тѣмъ, что если на него дохнуть, съ него мгновенно исчезаетъ всякая тусклость. Ты, моя Манна, точно такой же брильянтъ.

Между тѣмъ какъ молодые люди гуляли въ саду, Зонненкампъ сидѣлъ одинъ и почти радовался новой причинѣ своихъ мученій. Изъ глубины души его вдругъ поднялось гордое, радостное чувство, при мысли о мужествѣ, выказанномъ его дочерью. Она его истинное, гордое и непреклонное дитя. Мысли Зонненкампа шли дальше. «Дочь меня покидаетъ, думалъ онъ, слѣдуетъ влеченію собственной воли и тѣмъ самымъ освобождаетъ отъ всякихъ въ отношеніи къ ней обязанностей. Мнѣ

только о ней и слѣдовало заботиться, сынъ самъ себѣ проложитъ дорогу въ жизни. Церера... Ту не трудно удовлетворить. Стоитъ только подарить ей новое платье, дорогой уборъ и разсказать ей сказку, которая мгновенно ее убаюкаетъ».

Зонненкампъ вышелъ въ садъ и отправился въ оранжерею, гдѣ были накоплены цѣлыя кучи чернозема. Онъ накинулъ на себя сѣрую блузу и принялся копаться въ землѣ. Но напрасно вдыхалъ онъ въ себя запахъ, который ему обыкновенно такъ нравился. Сегодня онъ не доставлялъ ему ни малѣйшаго удовольствія.

Зонненкампъ съ гнѣвомъ сорвалъ съ себя блузу.

— Вздоръ, ребячество! воскликнулъ онъ. Время для этого навсегда миновало.

Онъ остановился на минуту у того мѣста, гдѣ Эрихъ сидѣлъ за завтракомъ въ первый день своего прибытія на виллу.

Такъ вотъ тотъ человѣкъ, которому отнынѣ здѣсь суждено властвовать... и это простой учитель!

По дорогѣ мимо шелъ бочаръ.

Зонненкампъ его окликнулъ и похвалилъ за распорядительность на счетъ пожарныхъ трубъ. Затѣмъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ пустился въ разсказы о томъ, какъ поселенцы въ степяхъ на далекомъ западѣ обороняются отъ нападеній дикихъ племенъ тѣмъ, что обливаютъ ихъ изъ пожарныхъ трубъ кипяткомъ. Въ иныхъ случаяхъ они прибавляютъ туда еще сѣрной кислоты, отъ которой всякій, кому она попадаетъ въ глаза, мгновенно слѣпнетъ.

Бочаръ, разинувъ ротъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на человѣка, который такъ спокойно могъ говорить о такихъ ужасныхъ вещахъ.

Зонненкампъ оставилъ его стоять въ недоумѣніи, а самъ пошелъ въ фруктовый садъ. Тамъ онъ занялся снятіемъ съ деревьевъ плодовъ. Мысли его невольно обратились къ прошедшимъ днямъ, въ теченіи которыхъ наливались и зрѣли плоды. Онъ вспомнилъ о протекшей веснѣ, доставившей столько наслажденій Роланду, едва начинавшему тогда оправляться отъ тяжкой болѣзни,—вспомнилъ о посѣщеніи герцога, о поѣздкѣ на воды, о солнечныхъ дняхъ и росистыхъ ночахъ... и у него въ головѣ мелькалъ вопросъ: «что со мной станется къ тому времени, когда созрѣютъ новые плоды! Гдѣ я тогда буду? можетъ быть, подъ землей. Кто знаетъ, придется ли мнѣ еще когда-нибудь рыться въ черноземѣ?...» У Зонненкампа закружилась голова.

Не явная ли то насмѣшка природы и судьбы, что мы не

только должны умирать, но еще и осуждены знать, что насъ ожидаетъ смерть.

Онъ тоскливо оглядывался вокругъ, стоя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, при вступленіи Эриха въ его домъ, высказывалъ ему подобныя этой мысли. Вѣроятно, мѣсто это обладало способностью пробуждать въ немъ печальныя думы. Или ужъ не суждено ли было клочку земли, на которомъ онъ теперь стоялъ, сдѣлаться современемъ его могилой?

Вскорѣ Зонненкампа позвали домой, куда по его приглашенію явился нотаріусъ съ двумя помощниками.

Зонненкампъ предложилъ нотаріусу сначала отобѣдать и повелъ его въ столовую, гдѣ указалъ ему мѣсто, которое до сихъ поръ постоянно занималъ Пранкенъ. За столомъ Зонненкампъ велъ себя чрезвычайно развязно, какъ будто съ нимъ не случилось никакой бѣды.

Послѣ обѣда онъ съ нотаріусомъ и его помощниками заперся у себя въ кабинетѣ. Все дѣло совершилось такъ тихо, что даже никто изъ слугъ не могъ добиться, въ чемъ заключалось содержаніе вновь составленнаго завѣщанія, свидѣтелями подъ которымъ подписались оба помощника нотаріуса.

Немного позже явилось письмо отъ Беллы, въ которомъ она писала, что пріѣдетъ вмѣстѣ съ Клодвигомъ на судъ и поручала Зонненкампу устроить такъ, чтобъ она могла быть въ числѣ судей.

Зонненкампъ усмѣхнулся: онъ, было, вовсе позабылъ и о судѣ и о судьяхъ.

Эрихъ просилъ Роланда и Манну сопровождать его мать, которая отправлялась на нѣсколько дней въ Маттенгеймъ.

Братъ и сестра охотно согласились. Такимъ образомъ вилла почти совсѣмъ опустѣла, и на ней водворилась невозмутимая тишина.

ГЛАВА VII.

ВЪ ПРЕДДВЕРІИ.

Дни проходили медленно и скучно. Зонненкампъ писалъ много писемъ и читалъ газеты, но не отсылалъ ихъ попрежнему къ Церерѣ.

На виллу начали съѣзжаться выбранные въ судьи гости.

Зонненкампъ приказалъ всѣмъ объявить, что не желаетъ никого изъ нихъ видѣть прежде, чѣмъ явится передъ ними на судъ. Однако онъ сдѣлалъ исключеніе одной личности, и Белла,

съ помощью Лутца, черезъ поросшую глициномъ лѣсенку и черезъ комнату съ сѣменами была введена прямо въ кабинетъ Зонненкампа.

— Милости просимъ на два слова, сказалъ Зонненкампъ, встрѣчая ее на порогѣ: Вы не можете сидѣть здѣсь вмѣстѣ съ судьями, но объявляю вамъ, что если я еще хочу жить и стараюсь доказать всѣмъ, какой я человѣкъ, то это единственно потому, что на свѣтѣ еще есть существо, подобное вамъ. Я буду говорить здѣсь, въ этой комнатѣ.

И онъ той же дорогой проводилъ ее обратно. Она знала, что дверь его кабинета останется открытой, и она все услышитъ.

Белла въ тревожномъ состояніи духа пошла бродить около дома. Она видѣла, какъ пріѣхалъ мировой судья съ дочерью. Лина явилась съ цѣлью раздѣлить съ Манной ея горе и была не мало удивлена и огорчена, узнавъ до какой степени опустѣлъ весь домъ.

Она просила Беллу пойти съ ней къ тетушкѣ Клавдіи, которая одна еще оставалась въ виноградномъ домикѣ.

Белла обѣщалась придти немного позже.

Лина отправилась одна и принесла съ собой тетушкѣ Клавдіи истинную отраду и утѣшеніе.

— Скажите пожалуйста, спросила Лина, негры и арапы одно и тоже?

— Совершенно одно и тоже.

— Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я зла на негровъ и араповъ! Я рѣшительно ничего не имѣю противъ того, чтобъ они тоже были свободны... отчего имъ не быть свободными? Но я хотѣла бы, чтобъ это сдѣлалось или раньше, или позже, а не теперь. Изъ-за нихъ совсѣмъ испортился мой медовый мѣсяцъ. О весельи никто и думать не хочетъ, всѣ только и толкуютъ, что о неграхъ. Вонъ даже выдумали носить въ видѣ украшенія цѣпи, которыя называются chaînes d'esclaves... Ахъ, я хотѣла у васъ спросить... что такое хотѣла я спросить?.. Ахъ да! Скажите пожалуйста, если негры сдѣлаются такими же людьми, какъ мы, что станется тогда съ чортомъ?

— Какъ съ чортомъ?

— Да, какъ станутъ тогда рисовать чорта? Нельзя же ему будетъ по прежнему оставаться чернымъ.

Тетушка Клавдія расхохоталась и отъ души порадовалась тому, что посреди мрака, водворившагося на виллѣ, туда все-таки еще долетали кое-какіе звуки веселья, напоминавшіе, что оно существуетъ въ мірѣ. Она охотно согласилась пойти съ Линой въ замокъ, какъ вдругъ явилась Белла. Но графиня не

задержала ихъ, а напротивъ просила, чтобъ онѣ не откладывали своей прогулки, но только позволили бы ей посидѣть въ библіотекѣ. Затѣмъ Лина и тетушка Клавдія отправились въ замокъ и пробыли тамъ до вечера. Въ теченіи этого времени взоры ихъ не разъ обращались на виллу, гдѣ совершалось необычайное, какъ выражалась Лина.

Белла съ своей стороны не долго оставалась въ библіотекѣ, но быстрыми шагами снова отправилась на виллу, а затѣмъ по лѣстницѣ, поросшей глициномъ, неслышно пробралась въ комнату, гдѣ хранились сѣмена.

Зонненкампъ счелъ нужнымъ объявить своей женѣ о томъ, чему надлежало свершиться. Она насмѣшливо напомнила ему о его намѣреніи снова вернуться въ Америку и замѣтила, что рѣшеніе въ этомъ случаѣ ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало предоставлять другимъ.

У Зонненкампа было правиломъ, что̀ бы ни говорила Церера, никогда не прерывать ее и не противорѣчить ей. Онъ обыкновенно слушалъ ее съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Вернувшись въ свою комнату, онъ велѣлъ передать всѣмъ собравшимся гостямъ, что выйдетъ ихъ привѣтствовать, не прежде какъ когда настанетъ время суда.

Прежде всѣхъ явился Вейдеманъ съ княземъ Валеріаномъ и съ Кнопфомъ. За нимъ послѣдовали Клодвигъ съ банкиромъ и докторъ съ мировымъ судьей. Профессоръ Эйнзидель стоялъ у собачей конуры и горячо о чемъ-то разсуждалъ съ Клаусомъ. Его сильно интересовали толки ловчаго о воспитаніи собакъ. Разъ даже добрый старикъ съ особенной энергіей потеръ себѣ двумя пальцами лобъ, точно желая потверже напечатлѣть въ своей памяти замѣчаніе Клауса, которое вдругъ разъяснило ему одно мѣсто въ восьмой книгѣ Плинія, гдѣ рѣчь идетъ о животныхъ, живущихъ на сушѣ.

Маіоръ явился въ полной формѣ со всѣми своими орденами. Увидѣвъ Клодвига въ простомъ, статскомъ платьѣ безъ малѣйшаго намека на какой-нибудь крестъ или звѣзду, онъ не могъ удержаться отъ нетерпѣливаго движенія и мысленно воскликнулъ:

«Опять она была права! Но я думалъ, что... Э, да ну, это во всякомъ случаѣ ничему не помѣшаетъ!»

Эрихъ все приготовилъ для предстоящаго собранія въ большой концертной залѣ, но Зонненкампъ приказалъ все, и стулья и буфетъ съ различными яствами и питіями перенести къ себѣ въ кабинетъ. Свой стулъ, вмѣстѣ съ большимъ столикомъ, онъ помѣстилъ у двери, которая вела въ комнату съ сѣменами, куда онъ пока и удалился.

ГЛАВА VIII.

НОВЫЙ КАИНЪ.

Судьи Зонненкампа собрались. Эрихъ по уговору постучалъ въ дверь. Дверь медленно растворилась и снова заперлась. Въ комнату вошелъ Зонненкампъ. Лицо его было покрыто синеватой блѣдностью. Онъ подошелъ къ столику, на которомъ лежали два кусочка дерева и ножикъ. Опустивъ руку на столъ, Зонненкампъ началъ:

— Люди чести и добра!

Онъ на минуту остановился, затѣмъ продолжалъ:

— Я говорю: чести и добра—потому что честное и доброе не всегда, и даже очень рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ. Вы собрались сюда по моему призыву исполнить долгъ людской и, удѣливъ мнѣ часть своего времени, своихъ мыслей и чувствованій, подарить мнѣ долю своей жизни. Я вамъ чрезвычайно признателенъ. Въ пустыняхъ Америки, на далекомъ западѣ, гдѣ люди живутъ разбросанно, въ уединенныхъ хижинахъ, мы за нѣсколько миль сзываемъ сосѣдей произнести приговоръ надъ человѣкомъ, который въ чемъ либо провинился..... тоже самое я и вы дѣлаемъ здѣсь. Вамъ предстоитъ произнести приговоръ, назначить искупленіе за проступокъ, который не можетъ быть подведенъ ни подъ одну статью закона. Я передъ вами безъ малѣйшей утайки раскрою все мое прошлое. Мнѣ служитъ не малымъ облегченіемъ то, что вамъ уже извѣстно худшее. Вы увидите, чѣмъ я былъ съ самаго дѣтства, а затѣмъ творите судъ и произнесите вашъ приговоръ. Я въ теченіи всей моей жизни не зналъ что такое состраданіе, и теперь въ отношеніи къ себѣ прошу у васъ не состраданія, а только справедливости.

Зонненкампъ началъ слабымъ, точно утомленнымъ голосомъ; взоръ его былъ мутенъ. Но мало-по-малу онъ оживился, звуки голоса сдѣлались громче и тверже, выраженіе лица сосредоточеннѣе, въ глазахъ появился блескъ.

— Итакъ, я объявляю, что добровольно отдаю вамъ себя на судъ и безпрекословно подчинюсь вашему приговору. Объ одномъ только прошу: пусть каждый изъ васъ напишетъ свой приговоръ и по истеченіи семи дней передастъ его въ руки находящагося здѣсь [illegible]ха Дорнэ, который, въ присутствіи двухъ другихъ судей, [illegible]ь печати. Я на минуту удалюсь, чтобъ вы могли обсуд[illegible] предложеніе и порѣшить, согласны ли вы такимъ образс[illegible]олнить возлагаемую на васъ обязан-

ность. Кромѣ того, вы можетъ быть пожелаете выбрать изъ своей среды старшину.

Онъ поклонился и вышелъ. Въ манерѣ его и въ рѣчи было что-то нѣсколько театральное, точно разсчитанное на эффектъ, но въ тоже время чрезвычайно серьезное и не лишенное благородства.

Судьи переглянулись. Никто не произносилъ ни слова, но взоры всѣхъ обратились къ Клодвигу, въ ожиданіи чтобъ онъ заговорилъ.

Графъ спокойно и тихо произнесъ:

— Пусть господинъ Вейдеманъ возьметъ на себя трудъ быть нашимъ старшиной. Это намъ необходимо для заключенія предварительныхъ условій.

Вейдеманъ согласился и объявилъ, что съ своей стороны ничего не имѣетъ противъ письменнаго приговора. Другіе раздѣляли его мнѣніе, только профессоръ Эйнзидель, сначала робко, а потомъ все болѣе твердымъ голосомъ, рѣшился сдѣлать небольшую оговорку. За судьями, говорилъ онъ, во всякомъ случаѣ должно остаться право взаимнаго совѣщанія, для того чтобъ они, прежде чѣмъ произнести свой приговоръ, могли себѣ хорошенько уяснить смыслъ дѣла. Въ противномъ случаѣ, имъ не зачѣмъ бы тутъ и было собираться.

Замѣчаніе профессора встрѣтило единодушное одобреніе, и Эриху поручили позвать Зонненкампа обратно въ кабинетъ.

Когда молодой человѣкъ входилъ въ комнату съ сѣменами, ему показалось, что онъ услышалъ шелестъ шелковаго платья.

Зонненкампа онъ засталъ курящимъ сигару, которую тотъ немедленно отложилъ въ сторону, и послѣдовалъ за нимъ.

Вейдеманъ передалъ Зонненкампу рѣшеніе судей на счетъ его предложенія и замѣчаніе профессора Эйнзиделя.

Зонненкампъ, въ знакъ согласія съ своей стороны, наклонилъ голову.

— Прежде чѣмъ я начну свое повѣствованіе, сказалъ онъ, взявъ въ руки одинъ изъ кусочковъ дерева, я долженъ просить у васъ извиненія въ привычкѣ, отъ которой никакимъ образомъ не могу отказаться. Работая одинъ... а я буду говорить съ вами, какъ съ самимъ съ собою.... я имѣю обыкновеніе или курить, или стругать кусочки дерева, а иногда дѣлаю и то и другое вмѣстѣ. Если вы мнѣ позволите теперь заняться тѣмъ же, это поможетъ мнѣ сосредоточиться.

И сѣвъ за столъ, онъ сдѣлалъ по глубокому надрѣзу на каждомъ изъ четырехъ угловъ кусочка дерева.

— Прошу васъ, если вамъ въ моемъ разсказѣ покажется что-нибудь непонятнымъ, или вопреки моему желанію, не со-

всѣмъ яснымъ, немедленно остановите меня. Итакъ, я начинаю... Я единственный сынъ одного изъ богатѣйшихъ людей въ Варшавѣ. Излагая передъ вами подробности моего дѣтства и моей юности, я вовсе не намѣренъ сваливать на обстоятельства проступки моей позднѣйшей жизни. Мой отецъ велъ въ обширныхъ размѣрахъ торговлю лѣсомъ и хлѣбомъ. Старшій братъ мой, однажды работая въ лѣсу, былъ задавленъ упавшимъ на него деревомъ, мать моя умерла вскорѣ послѣ него, и оба они похоронены на кладбищѣ одной бѣдной деревушки. Мнѣ было шесть лѣтъ отъ роду, когда отецъ мой переселился въ сосѣдній большой нѣмецкій городъ. Не разъ послѣ того приходилось мнѣ слышать толки о томъ, что у меня скоро будетъ мачиха, но этого не случилось. Отецъ мой.... я не стѣсняясь говорю о немъ, какъ о самомъ себѣ.... отецъ мой былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые внушаютъ сильныя страсти, но сами никого не любятъ. Приходившихъ къ нему онъ всегда встрѣчалъ съ распростертыми объятіями, былъ съ ними чрезвычайно ласковъ, дружелюбенъ, даже нѣженъ, но лишь только къ нему оборачивались спиной, онъ немедленно давалъ полную волю своему презрѣнію, которымъ всѣхъ и каждаго надѣлялъ съ избыткомъ. Онъ льстилъ изъ любви къ искусству, не имѣя въ томъ ни малѣйшей нужды, и расточалъ свои любезности даже передъ нищими. Но мнѣ все это сдѣлалось ясно гораздо позже. За столомъ моего отца часто являлись знатные сановники, знаменитые ученые и художники. Имъ было пріятно хорошо поѣсть, и за то они украшали наше жилище блескомъ своихъ титуловъ и орденовъ. Мы задавали большіе пиры, но ни съ кѣмъ не были въ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ назначенные дни за нашимъ обѣденнымъ столомъ обыкновенно сидѣли украшенные орденами мужчины и дамы съ обнаженными плечами. Къ десерту и меня выводили въ столовую. Я переходилъ изъ рукъ въ руки, съ колѣнъ на колѣни, всѣ мнѣ улыбались, меня ласкали, давали мнѣ конфектъ и мороженаго. Я былъ всегда очень порядочно одѣтъ. Много далъ бы я теперь, чтобъ получить обратно портретъ, на которомъ я былъ изображенъ въ настоящій ростъ и съ кудрявой головкой. Первый придворный художникъ рисовалъ его, а потомъ онъ былъ проданъ со всей нашей остальной домашней утварью. Я полагаю, онъ и теперь еще находится въ какой-нибудь лавочкѣ, гдѣ торгуютъ старыми вещами. Родственниковъ у меня никакихъ не было. Я учился дома съ гувернеромъ, такъ какъ меня не хотѣли отдавать ни въ одно изъ общественныхъ заведеній. Я былъ кумиромъ моего отца, который, когда я къ нему приходилъ, всегда

осыпалъ меня поцѣлуями. Съ наставникомъ своимъ я дѣлалъ что хотѣлъ. Онъ научилъ меня считать самого себя центромъ всего живущаго въ мірѣ и какъ можно меньше заботиться о ближнихъ. Уроки его оказались мнѣ полезнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Самое лучше что человѣкъ можетъ для себя сдѣлать, это убить въ себѣ совѣсть. Всѣ къ этому стремятся, но одни медленнѣе, другіе быстрѣе достигаютъ цѣли. Міръ состоитъ изъ сплетенія различныхъ эгоизмовъ... Шестнадцати лѣтъ я былъ уже въ рукахъ ростовщиковъ, такъ какъ всѣ знали, что я наслѣдникъ милліона, который въ то время равнялся теперешнимъ семи. Повѣренный въ дѣлахъ моего отца выплатилъ имъ все, чего они требовали, но я немедленно вслѣдъ затѣмъ возобновилъ ихъ векселя. Мнѣ нравилось пользоваться такимъ большимъ кредитомъ. Однимъ словомъ, я былъ легкомысленъ и остался такимъ. Мнѣ кажется, я уже говорилъ, что не питалъ къ отцу ни малѣйшей любви или уваженія. Онъ былъ, надо сознаться, самый ловкій изъ обманщиковъ, когда-либо носившихъ бѣлый галстукъ приличій. Но въ тоже время онъ былъ честный обманщикъ, вовсе не похожій на тѣхъ, которые, драпируясь въ высокія мысли и чувства, увѣряютъ самихъ себя, будто для нихъ деньги и наслажденія не составляютъ высшихъ благъ въ мірѣ. Отецъ мой къ тому же былъ еще и настоящій философъ. «Сынъ мой, не разъ говаривалъ онъ мнѣ, міръ принадлежитъ тому, кто силой или хитростью съумѣетъ себѣ его покорить. А кто хочетъ на него смотрѣть съ сантиментальной точки зрѣнія, тому всегда приходится ограничиваться въ жизни одной только ролью зрителя».

Зонненкампъ усердно стругалъ дерево; съ минуту въ комнатѣ только и былъ слышенъ сухой рѣзкій звукъ, издаваемый ножемъ въ его рукахъ. Закругливъ кусочекъ дерева, онъ снова приступилъ къ своему разсказу.

— Объяснивъ вамъ все это, сказалъ онъ, я могу спокойно продолжать далѣе. Въ семнадцать лѣтъ я былъ посвященъ во всѣ таинства свѣтскихъ пороковъ. Меня считали негодяемъ, но любили въ качествѣ пріятнаго собесѣдника. Мое богатство располагало всѣхъ въ мою пользу. Ко всему этому природа и судьба одарили меня наклонностью непомѣрно сорить деньгами. Отецъ то и дѣло уплачивалъ мои карточные и другіе долги. Онъ часто водилъ меня въ балетъ и тамъ ссужалъ своимъ биноклемъ, чтобъ я могъ наблюдать за прыжками легкой какъ сильфида Кортини, съ которой, онъ зналъ, я былъ хорошо знакомъ. Нечего сказать, весело мы съ нимъ жили! Отецъ старался мнѣ внушить только одно, а именно, чтобъ я старался, какъ можно болѣе разнообразить свой умъ и характеръ. Каждое воскресенье я долженъ былъ го-

ворить, что иду въ церковь, тогда какъ на дѣлѣ отправлял
совсѣмъ въ другія мѣста. Отецъ это зналъ и втайнѣ этому н
мало радовался. Въ одно воскресенье нашъ экипажъ останавл
вался передъ церковью, которая наиболѣе славилась благоч
стіемъ и высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ своего проповѣдника, -
въ другое мы шли туда пѣшкомъ, для того чтобъ дать отды
лошадямъ, а кучеру возможность тоже побывать въ церкви. Вс
носившіе нашу ливрею, непремѣнно должны были слыть за лю
дей съ религіознымъ образомъ мыслей. Отецъ мой былъ прот
стантъ, а я, по желанію моей матери, католикъ. Предоставля
другимъ рѣшить, которое изъ двухъ вѣроисповѣданій успѣшнѣ
подвизается на поприщѣ обмана. Наконецъ, рѣчь зашла о том
чѣмъ мнѣ быть. Сидѣть на конторѣ я не имѣлъ ни малѣйша
желанія. Военная служба приходилось мнѣ по душѣ, но я н
принадлежалъ къ дворянскому сословію и не хотѣлъ быть п
стоянно только терпимымъ въ жокей-клубѣ. Товарищи оказ
вали мнѣ нѣкоторое пренебреженіе, и я уѣхалъ въ Парижъ. Н
было такого наслажденія, которымъ бы я не пресытился. Бол
шинство людей хвалится своей добродѣтелью, но въ сущн
сти она есть не что иное, какъ слѣдствіе слабаго сложенія. О
нужду возводятъ въ добродѣтель. Когда я достаточно натѣшил
въ Парижѣ, отецъ вызвалъ меня обратно домой. Примѣры добр
дѣтели, которыя я имѣлъ тамъ передъ глазами, опять-таки бы
слѣдствіемъ или трусости, или заслуживающей презрѣнія несп
собности. Быть дѣйствительно добродѣтельнымъ скучно, казать
такимъ—забавно и въ тоже время выгодно. Все, что совершает
втайнѣ, не подвергаясь опасности выдти наружу, позволительн
Вся задача въ томъ, чтобъ принадлежать къ обществу. Нерѣд
случалось мнѣ покидать блестящія собранія и проникать
самые ужасные притоны нищеты и разврата. Порокъ низша
разряда казался мнѣ особенно привлекателенъ. Я оставался
прежнему легкомысленъ и гордился своими беззаконіями.
этомъ заключалась своего рода поэзія. Стоитъ только быть н
обыкновеннымъ, блестящимъ, подобнымъ Байрону поэтомъ, и в
что въ низшихъ слояхъ общества называется развратомъ, ст
новится въ глазахъ всѣхъ жаждой къ необыкновеннымъ прикл
ченіямъ. Я уже тогда видѣлъ, что весь міръ есть не что ин
какъ прикрытый маскою приличій порокъ. А въ сущности
даже думаю, что порокъ вовсе не существуетъ. Это пустое сло
похожее на надпись *ядъ*, которую выставляютъ на стклянка
въ видѣ предостереженія толпѣ, чтобъ она не вздумала н
упиться. Не знаю, случайно или намѣренно познакомили м
съ прелестной молодой дѣвушкой, свѣжей какъ едва распуст

кающаяся роза. На двадцать второмъ году моей жизни мнѣ предстояло превратиться въ почтеннаго супруга и отца семейства. Моя невѣста была нѣжный, мечтательный ребенокъ, и я до сихъ поръ не понимаю, какъ могла она вмѣстѣ со мной шутить о моемъ прошломъ? Вѣроятно, ее къ тому побуждала ея мать. Что заставило меня на ней жениться, я до сихъ поръ не знаю. Я отправился въ церковь, вернулся изъ нея, совершилъ свою безстыдную свадебную поѣздку точно во снѣ. По возвращеніи нашемъ.... этому такъ давно, что я не помню какъ это случилось.... я узналъ, что у прелестнаго ребенка, моей жены, до нашего брака, существовала другая любовь. Обманъ, котораго я былъ жертвой, меня глубоко оскорбилъ, и я задумалъ бросить жену. Дѣло о нашемъ разводѣ еще не успѣло кончиться, какъ она умерла, а съ нею еще и другая жизнь. Я снова былъ свободенъ.... свободенъ! Меня влекло въ Парижъ, я жаждалъ развлеченій и въ наслажденіи видѣлъ цѣль своего существованія. Я постоянно стремился истрачивать свою жизнь, но она съ каждымъ утромъ какъ бы вновь во мнѣ выростала. Презирая жизнь, я однако не думалъ полагать ей конецъ. Что даетъ она намъ? Славу, богатство! Перваго я не могъ требовать, второе было у меня съ избыткомъ. Отецъ вздумалъ не давать мнѣ денегъ; я пустился играть на биржѣ, выигралъ и снова потерялъ значительную сумму. Но у меня еще осталось достаточно, чтобъ продолжать прежній образъ жизни. Находясь въ Марсели въ веселомъ обществѣ, я получилъ извѣстіе о смерти отца. Бóльшая часть моего наслѣдства была у меня отнята моими кредиторами. Не намѣреваясь болѣе возвращаться на родину и желая изгладить въ себѣ всѣ воспоминанія о ней, я написалъ своему повѣренному въ дѣлахъ, чтобъ онъ распродалъ все мое имущество. Послѣ смерти отца, въ обществѣ кто-то пустилъ въ ходъ весьма злую на нашъ счетъ фразу. Мы до тѣхъ поръ и не подозрѣвали, чтобъ его настоящій характеръ былъ такъ хорошо всѣмъ извѣстенъ. А тутъ вдругъ всѣ пошли говорить: въ его пользу можно сказать только одно, а именно, что онъ былъ лучше своего сына. Нѣмцы говорятъ: Богъ и чортъ ведутъ между собой постоянную борьбу за то, кому владѣть міромъ. Я часто слыхалъ объ этихъ двухъ силахъ, но никогда не могъ составить себѣ о нихъ яснаго понятія. За то мнѣ приходилось жестоко бороться съ двумя другими врагами, а именно съ работой и со скукой. Люди ищутъ забвенія въ наслажденіи, въ трудѣ, въ страхѣ, какой на нихъ наводитъ ими же самими созданное пугало нравственности. Все въ мірѣ суета, сказалъ извѣстный мудрый царь, а я говорю: все скука, пустота, ничтожество, возбуждающая зѣвоту,

которая оканчивается только въ предсмертныхъ судорогахъ. Я измѣрилъ все пространство пустыни скуки и нашелъ, что выдти изъ нея можно только съ помощью опіума, гашиша, азартныхъ игръ или приключеній. Я взялъ нѣсколько уроковъ у фокусника, научился у него разнымъ штукамъ и потомъ, являясь въ общество, удивлялъ всѣхъ своимъ искусствомъ. Я завелъ себѣ необходимый для этого аппаратъ и въ теченіи нѣкотораго времени, чисто изъ шалости, жилъ въ Италіи въ качествѣ фокусника по ремеслу. Въ царствованіе Луи-Филиппа я почти не выѣзжалъ изъ Парижа, находя большое удовольствіе въ политическихъ смутахъ, которыя имѣли въ моихъ глазахъ значеніе той же азартной игры.

Зонненкампъ снова остановился перевести духъ, а затѣмъ продолжалъ, выдѣлывая ножемъ тонкій узоръ на деревѣ:

— Вы безъ сомнѣнія удивляетесь высказываемымъ мною истинамъ. Что же, онѣ непріятны на вкусъ, подобно всему другому въ мірѣ: чести, золоту, искусству, дружбѣ, славѣ. Все это не болѣе какъ одни только громкія слова. Такъ-называемые добродѣтельные, честные люди сильно смахиваютъ на оракуловъ, которые, встрѣчаясь, не смѣютъ смотрѣть другъ другу въ глаза, изъ опасенія разсмѣяться надъ басней, какою они тѣшатъ міръ. Нынѣшніе боги, какъ церковные, такъ и свѣтскіе, говорятъ про себя: «мы очень хорошо знаемъ, что вы намъ только льстите, но то, что вы считаете нужнымъ намъ льстить, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ нашей власти». Что̀ такое въ сущности пресловутая любовь къ природѣ, къ горамъ, долинамъ, водамъ и лѣсамъ, къ солнечному свѣту, лунному и звѣздному сіянію? Чистая ложь, завѣса, служащая прикрытіемъ могильному тлѣну. Что остается человѣку на землѣ? Знать, что до него жили милліоны подобныхъ ему и смотрѣть на звѣзды? Гордиться тѣмъ, что вся эта исторія безконечно повторяется, подобно положенной на вальсъ мелодіи, которую постоянно разыгрываетъ на своемъ инструментѣ шарманщикъ, какъ вчера, такъ и сегодня, и завтра? Вы видите, я ужъ и тогда былъ хорошо знакомъ съ Байрономъ. Вся бѣда моя заключалась въ томъ, что судьба не сдѣлала меня ни поэтомъ, ни интереснымъ морскимъ разбойникомъ. Все въ мірѣ, не исключая и меня самого, возбуждало во мнѣ отвращеніе. Убить себя я не хотѣлъ, но намѣревался жить для того, чтобъ все презирать. Въ припадкѣ какого-то непонятнаго безумія, точно съ цѣлью насмѣяться надъ самимъ собой, я однажды проигралъ все свое состояніе. Вслѣдъ затѣмъ пошла для меня настоящая потѣха. То была сырая, холодная ночь, но я ничего не замѣчалъ и съ наслажденіемъ шелъ по улицѣ въ сознаніи крайности, въ которой я вне-

запно очутился. Ахъ, какъ пріятно свисталъ вокругъ меня вѣтеръ! Онъ обдувалъ меня со всѣхъ сторонъ, а я спокойно бродилъ себѣ въ обширномъ муравейникѣ большого города. Всѣ деньги мои были проиграны, моя возлюбленная мнѣ измѣнила, а въ умѣ у меня вертѣлась мысль, на которую меня недавно навелъ за бутылкою канарскаго одинъ чрезвычайно умный человѣкъ. Онъ меня увѣрялъ, будто я обладаю капиталомъ, который только не умѣю пустить въ оборотъ; по его мнѣнію, я былъ природный дипломатъ. Для меня достаточно было этого намека, и я схватилъ его на лету. Хорошо, если мнѣ слѣдуетъ быть дипломатомъ, я имъ буду. Вскорѣ новыя лошади и слуги, новая возлюбленная и новое роскошное жилище опять очутились къ моимъ услугамъ. Я состоялъ при посольствѣ въ качествѣ шпіона. Вы видите, я называю вещи ихъ настоящимъ именемъ, не накидывая на нихъ стыдливо покрова нравственности. И какую же веселую жизнь я велъ! Теперь лесть моя и изворотливость имѣли цѣль. Похвалы, расточаемыя мнѣ посланникомъ, были мною заслужены болѣе, нежели онъ предполагалъ. Знакомы ли вы съ учрежденіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ обратнаго страхованія? Я передавалъ посланнику извѣстія, что̀ уже доставляло мнѣ не мало выгодъ, и кромѣ того имѣлъ постоянныя сношенія съ начальникомъ полиціи, которому доносилъ все, что успѣвалъ узнать о тайныхъ продѣлкахъ министра. Посланникъ сообщалъ мнѣ невѣрныя свѣдѣнія, съ помощью которыхъ намъ однако всегда удавалось добраться до истины.

Слушатели слегка улыбнулись, а Зонненкампъ продолжалъ:

— Но случилось такъ, что мнѣ пришлось бѣжать. У меня было пять паспортовъ и я изъ пяти именъ могъ выбрать для себя любое. Я полагалъ, что мнѣ сначала лучше пожить скромно, такъ, чтобъ ничѣмъ не бросаться въ глаза, и я не нашелъ ничего удобнѣе, какъ поселиться между такъ-называемыми честными людьми. Съ этой цѣлью я отправился въ Ниццу и сдѣлался тамъ садовникомъ. Всѣ мои чувства и способности какъ-то странно притупились; я казался самому себѣ умершимъ, а мысли мои точно составляли погребальный кортежъ моего тѣла. Сдѣлавшись садовникомъ, я долгое время находилъ единственное удовольствіе въ томъ, чтобъ вдыхать въ себя запахъ сырой земли. Запахъ этотъ меня ободрялъ, освѣжалъ, однимъ словомъ, давалъ мнѣ чувствовать, что я еще живу. Химія все воспроизводитъ, но запахъ, исходящій изъ сырой земли, остался для нея недосягаемъ. Капитанъ Дорнэ, впервые явясь на виллу, засталъ меня копающимся въ землѣ. Это занятіе постоянно возобновляло во мнѣ силы. Кромѣ того, маскарадъ пришелся мнѣ по

сердцу; сонъ и аппетитъ не замедлили ко мнѣ вернуться. Дочь садовника, у котораго я служилъ, хотѣла выдти за меня замужъ. Тутъ снова подвернулись обстоятельства, которыя побудили меня вторично бѣжать. Но я успѣлъ отложить порядочную сумму денегъ. Выкопавъ ее изъ земли, гдѣ она у меня хранилась, я отправился въ Неаполь и тамъ снова принялся весело жить. Признаюсь, я не мало гордился своими похожденіями и былъ по прежнему веселъ, здоровъ и отваженъ. Съ моимъ легкомысліемъ и съ моими способностями пріятнаго собесѣдника, передо мной были открыты всѣ пути. Куда бы я ни являлся, у меня немедленно находились друзья. Расположеніе ихъ, правда, длилось не долго, только до тѣхъ поръ, пока не истощался мой кошелекъ, но это меня ни мало не смущало. Я самъ не отличался постоянствомъ и вѣрностью и не требовалъ ихъ отъ другихъ. Родителямъ моимъ я былъ безгранично признателенъ за одно благо, которымъ они меня надѣлили, а именно, за мое необычайно крѣпкое сложеніе. Тѣло у меня было желѣзное, сердце мраморное, нервы не знали потрясеній. Болѣзнь и состраданіе были одинаково чужды моей натурѣ.

Зонненкампъ остановился. На губахъ его мелькнула улыбка, единственная въ теченіи всего разсказа, а лицо на минуту выразило нѣчто похожее на умиленіе. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Однако я не вполнѣ избѣгъ порывовъ сантиментальности. Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ Неаполѣ, я въ многочисленномъ обществѣ катался по морю. Въ числѣ моихъ спутниковъ никого не было веселѣе меня. Мы вышли на берегъ, и тутъ со мной произошло что-то странное. Кто можетъ вполнѣ изслѣдовать и объяснить движенія человѣческаго сердца? Вдругъ подъ яснымъ небомъ Италіи, посреди беззаботно смѣющихся и поющихъ мужчинъ и женщинъ, сердце мое болѣзненно сжалось, а въ головѣ мелькнулъ вопросъ: что̀ есть у тебя на землѣ?—Ничего.... а впрочемъ, нѣтъ, тамъ, на Сѣверѣ, въ польской деревушкѣ находится могила твоей матери. И покинувъ безоблачное, вѣчно улыбающееся небо Италіи, я устремился на родину. Поспѣшно, нигдѣ не останавливаясь, проѣхалъ я различныя земли и, наконецъ, прибылъ въ деревню, которой не видалъ съ шестнадцати-лѣтняго возраста. Но.... таковъ человѣкъ, или лучше сказать, таковъ я.... достигнувъ цѣли своего странствія, я вдругъ не захотѣлъ подвергнуть себя горести, которую, безъ сомнѣнія, вызвалъ бы во мнѣ видъ могилы матери. Я подошелъ къ кладбищу, черезъ стѣну взглянулъ на него и пустился въ обратный путь, не видѣвъ близкой мнѣ могилы. Я весь тутъ, хорошъ или дуренъ—предоставляю вамъ судить, мнѣ же кажется и то и дру-

помѣстѣ. Долго послѣ того странствовалъ я по Греціи, Египту, Алжиру и вездѣ велъ самый распутный образъ жизни. Я дѣлалъ все, чтобъ изсушить въ себѣ источникъ жизни, и не могъ. Повторяю, у меня желѣзное здоровье, несокрушимыя силы. Посѣтилъ я между прочимъ и Англію, пресловутую страну приличій и уваженія къ человѣческому достоинству. И что же? Можетъ быть у меня странный взглядъ на вещи, но я всюду видѣлъ ложь, притворство и обманъ. Я отправился въ Америку. Вы станете смѣяться и пожалуй не повѣрите, если я вамъ скажу, что одно время думалъ присоединиться къ сектѣ мормоновъ, а между тѣмъ это сущая правда. Эти люди имѣютъ смѣлость и искренность открыто проповѣдовать многоженство и даже возводятъ его въ законъ, тогда какъ во всемъ остальномъ мірѣ онъ господствуетъ съ такой же силой, какъ у нихъ, но только прикрывается маской лжи. Въ Нью-Іоркѣ я нашелъ высшую школу, настоящій Олимпъ игроковъ. Всѣ ваши парижскіе и лондонскіе гуляки ничто въ сравненіи съ янки, которые куда какъ далеко ихъ опередили. Въ то время въ Сѣверной Америкѣ уже начинаю входить въ моду съ презрѣніемъ и ненавистью отзываться о плантаторахъ. А я вамъ скажу, что между ними еще только и можно найти героевъ, подобныхъ тѣмъ, которые воздвигли древній Римъ. Кто былъ въ Америкѣ, тотъ одинъ вправѣ сказать, что видѣлъ настоящихъ людей. Имъ тамъ все ни по чемъ, они всему смѣло смотрятъ въ глаза и притворяются только въ дѣлѣ религіи. Но это необходимо, потому что придаетъ почтенный видъ.

Эрихъ и Вейдеманъ переглянулись. Послѣдній за нѣсколько дней передъ тѣмъ развивалъ въ Маттенгеймѣ тоже самое, только совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

Зонненкампъ продолжалъ:

— Мои пять паспортовъ еще не утратили своего значенія. Я выбралъ для себя имя графа Гранау на томъ основаніи, что американцы любятъ имѣть дѣло съ аристократами. Разъ, послѣ страшной ночной оргіи, я застрѣлилъ на улицѣ одного человѣка, который вздумалъ меня оскорбить. Мнѣ снова пришлось бѣжать. Я укрылся въ Арканзасѣ и долгое время жилъ тамъ въ обществѣ конокрадовъ. То была славная, беззаботная, исполненная приключеній жизнь. Когда она мнѣ надоѣла, я разстался съ моими товарищами и завербовался матросомъ на китоловное судно. Въ Алжирѣ я стрѣлялъ львовъ и леопардовъ, теперь охотился на морского царя. Развѣ все въ мірѣ не для того и создано, чтобъ подвергаться истребленію? Чего только я не пережилъ! Вскорѣ я пріобрѣлъ такой навыкъ и такую сноровку въ ловлѣ китовъ, что получилъ мѣсто штурмана, а не-

много спустя оставилъ и этотъ промыселъ для другого, который пришелся мнѣ еще гораздо болѣе по сердцу. Оказалось, что я еще одного не испыталъ на своемъ вѣку, а именно охоты на людей, самой увлекательной изъ всѣхъ. Судно, на которомъ я находился, счастливо избѣгнувъ многихъ опасностей, благополучно прибыло въ Мадагаскаръ. Тамъ мы занялись ловлей и покупкой людей. Дѣло это требовало большой смѣлости, ловкости и хитрости, и потому самому сильно мнѣ понравилось. Много риску, много и выгодъ. Въ Луизіанѣ, гдѣ обработываются самыя обширныя сахарныя плантаціи, многіе изъ плантаторовъ считаютъ у себя въ зависимости отъ трехъ, четырехъ и до пяти сотъ негровъ, главный рынокъ которыхъ находится въ Карлстонѣ, въ Южной Каролинѣ. Тамъ самый большой сбытъ на мальчиковъ, а пожилыхъ негровъ трудно и встрѣтить. Вы, можетъ быть, найдете страннымъ и станете смѣяться, но я утверждаю, что сила и свобода человѣческаго духа ни въ чемъ не проявляется такъ поразительно, какъ въ томъ, что одни люди крадутъ и продаютъ другихъ. Ни одно животное не въ состояніи до такой степени поработить себѣ другое, одной съ нимъ породы, какъ человѣкъ человѣка, допустивъ, что негры дѣйствительно люди. Да, я торговалъ невольниками и былъ извѣстенъ подъ именемъ морского орла, который обладаетъ необыкновенно тонкимъ чутьемъ и летаетъ съ быстротой, дѣлающей тщетными всѣ попытки его поймать. Я велъ смѣлую, искусную игру. Въ одинъ прекрасный день мнѣ даже удалось поймать самого негритянскаго царька, который продавалъ мнѣ своихъ подданныхъ. Эти черныя, говорящія животныя обладаютъ одной способностью, которая дѣйствительно можетъ навести на мысль объ ихъ тождествѣ съ нами: они умѣютъ лгать не хуже любого бѣлаго. Животныя не лгутъ и не обманываютъ, и если ложь можетъ давать человѣческія права, то черные, конечно, ихъ вполнѣ заслуживаютъ. Послѣ первыхъ порывовъ ярости, царёкъ, повидимому, совсѣмъ успокоился и примирился съ своей участью. Но въ одинъ день я очутился въ большой опасности: за мной гнался англійскій корабль. Мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ покидать въ море весь человѣческій соръ, которымъ было нагружено мое судно. Это доставило обильную пищу акуламъ. Но мой царёкъ вздумалъ сопротивляться и вотъ палецъ, въ который онъ мнѣ вонзилъ зубы, чтобъ его откусить: вамъ всѣмъ извѣстно неожиданное появленіе этого негра здѣсь. Съ тѣхъ поръ я пересталъ самъ ѣздить въ море, и сначала предоставилъ другимъ вести за меня торговлю, а вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и вовсе ее прекратилъ. Довольно было съ меня: я владѣлъ обширными планта-

тями. Взявъ на свое попеченіе дочь умершаго штурмана, мѣсто котораго я занялъ на китоловномъ суднѣ, я выростилъ ее, воспиталъ, а въ заключеніе женился на ней. Мнѣ нравилась ея сонная, апатичная, дѣтски-неразвитая натура, и я полагалъ, что буду въ состояніи дѣлать изъ нея все, что мнѣ вздумается. Я въ то время и не подозрѣвалъ о существованіи сильныхъ, могучихъ, геройскихъ женщинъ, способныхъ завоевывать міры.

Эти послѣднія слова Зонненкампъ произнесъ чрезвычайно громко и отчетливо, затѣмъ, послѣ коротенькой паузы, продолжалъ:

— Я наслаждался мирнымъ и тихимъ житьемъ, какъ вдругъ на Сѣверѣ возникла и начала быстро усиливаться партія, имѣвшая въ виду уничтоженіе невольничества. Больше всѣхъ шумѣли и кричали мои соотечественники. Это побудило меня напечатать статью, въ которой я объявлялъ, что далеко не всѣ нѣмцы преисполнены такого рода гуманныхъ бредней, и въ подтвержденіе этого, я приводилъ собственный примѣръ. Я доказывалъ, что стремленіе освободить негровъ есть чистое безуміе. Такъ-называемые благодѣтели человѣческаго рода думаютъ благодѣяніями изгнать изъ міра бѣдность, горе и стыдъ. Они жестоко ошибаются: никакія благодѣянія не въ силахъ этого сдѣлать, и въ концѣ концовъ все это одно пустое шарланство. Для низшаго разряда людей на свѣтѣ существуетъ одно только благо, а именно рабство. Спокойно оставаться въ зависимости на попеченіи своихъ хозяевъ, лучшее что можно придумать для черныхъ.... да и для бѣлыхъ также. Господинъ Вейдеманъ знаетъ, что во всемъ этомъ моимъ злѣйшимъ врагомъ былъ его племянникъ. Я и тѣ, которые думали и дѣйствовали за одно со мной, мы составляли аристократію Южныхъ Штатовъ. Въ мірѣ есть привилегированныя племена, а между ними привилегированныя личности: таковы плантаторы Южныхъ Штатовъ. Они одни казались мнѣ достойными названія честныхъ людей, между тѣмъ какъ весь остальной міръ лгалъ. Мнѣ, правда, не совсѣмъ-то нравилось ихъ лицемѣріе въ дѣлѣ религіи, но съ другой стороны меня несказанно забавляла готовность духовенства прикрывать ихъ продѣлки. Однако и южане тоже не замедлили меня отчасти разочаровать на свой счетъ: они въ свою очередь оказывались несостоятельными обманщиками. Допуская и всячески поддерживая невольничество, они презирали тѣхъ, кто имъ доставлялъ невольниковъ. Это еще остатки добродѣтельнаго лицемѣрія, завезеннаго въ Новый Свѣтъ изъ Стараго. Почему смѣло не выдавать себя за то чтò есть? Зачѣмъ не исповѣдовать открыто то, чему служишь втайнѣ? Ужъ не потому ли, что англійскіе низкопоклонники и лицемѣры при-

числяютъ насъ, торговцевъ невольниками, къ разряду морскихъ разбойниковъ. Да, надо сознаться, что и свободные южане въ свою очередь рабы привычки. У меня былъ сынъ, и во мнѣ мало-по-малу начало пробуждаться стремленіе, котораго я никакъ не могъ побѣдить. Не помню, говорилъ я уже вамъ, что въ молодости мнѣ не разъ приходила на умъ мысль о возможности для меня совершенно иной участи. Будь я дворянинъ, думалось мнѣ, я поступилъ бы въ военную службу, гдѣ съ моей силой и храбростью, конечно, имѣлъ бы большой успѣхъ. Сначала я, безъ сомнѣнія, велъ бы нѣсколько безпорядочный образъ жизни, но потомъ угомонился бы, сдѣлался бы смирнымъ человѣкомъ подобно многимъ другимъ, и закончилъ бы жизнь управляя своимъ имѣніемъ и заботясь о продолженіи моего благороднаго рода. Главная причина моего безпокойнаго, исполненнаго самыхъ странныхъ приключеній существованія, казалось мнѣ, заключалась въ моемъ мѣщанскомъ происхожденіи, которое постоянно служило преградой моимъ стремленіямъ занять въ жизни видное и почетное мѣсто. Во мнѣ таилось странное противорѣчіе: я презиралъ свѣтъ и людей и въ тоже время жаждалъ почестей. Это, я полагаю, было слѣдствіемъ впечатлѣній, полученныхъ мною въ ранней молодости. Жизнь улыбается только двумъ вещамъ въ мірѣ: генію и высокому происхожденію: безъ того или другого человѣкъ, заключенный въ посредственность, только терпится обществомъ. Я самыми яркими красками изобразилъ женѣ счастливую жизнь, какую люди ведутъ при дворѣ маленькихъ германскихъ государей, и попасть туда сдѣлалось ея мечтой. У нея легче вырвать изъ груди самое сердце, чѣмъ то что случайно въ него западетъ. Я вижу, въ Новомъ Свѣтѣ приготовляется борьба. Мужество и сила на нашей сторонѣ, и мы несомнѣнно выйдемъ побѣдителями изъ кровавой рѣзни. Южные штаты требуютъ для себя независимости, а это великое и правое дѣло. Я и въ Европѣ не мало поработалъ для нашей партіи. Мы долго жили въ Англіи, Италіи и Швейцаріи. Одно время я сильно подумывалъ о томъ, чтобъ мнѣ превратиться въ такъ-называемаго свободнаго прозаическаго швейцарскаго гражданина. Но Швейцарія мнѣ скоро опротивѣла: въ ней привольно только иностранцамъ. Кто же въ ней поселяется въ качествѣ гражданина, тотъ тотчасъ утрачиваетъ свою свободу, такъ какъ непремѣнно долженъ участвовать во всѣхъ кропотливыхъ дѣйствіяхъ ея маленькой правительственной машины. Кто не хочетъ заработывать денегъ трудомъ и быть благочестивымъ, — оказывается, что и то и другое совмѣстимо, — кто не умѣетъ довольствоваться малымъ, тотъ не годится для Швейцаріи. Тамъ нѣтъ ни двора,

ни аристократіи, ни казармъ, а есть только церковь, школа и больница — три учрежденія, къ которымъ я болѣе чѣмъ равнодушенъ. Нѣтъ, я не могъ оставаться въ Швейцаріи. Имѣть постоянно передъ глазами недосягаемыя вершины горъ, казалось мнѣ невыносимымъ, и я предпочелъ берега Рейна, гдѣ все такъ мило и уютно, гдѣ такъ легко и привольно живется. Для свободнаго человѣка Германія единственная страна въ мірѣ. Въ ней, заплати только свою подать, а тамъ живи себѣ спокойно. Я пріѣхалъ сюда съ цѣлью завоевать себѣ и своему сыну блестящее положеніе въ свѣтѣ. Уваженіе ближнихъ составляло въ моихъ глазахъ завидную роскошь, которой я во что бы то ни стало хотѣлъ достигнуть. Я желалъ доставить моему сыну то, что вполнѣ свойственно однимъ только нѣмцамъ, а именно приверженность къ долгу. Кромѣ того, мнѣ страстно хотѣлось выстроить себѣ здѣсь на Рейнѣ дачу и поселиться въ ней. Желаніе это преслѣдовало меня съ дѣтства. Оно составляло единственную слабую, сантиментальную черту моего характера, и ему-то суждено было привести меня къ гибели. Мысленно обозрѣвая весь міръ, я задавалъ себѣ вопросъ, гдѣ всего счастливѣе живется человѣку. Нигдѣ, казалось мнѣ, какъ на Рейнѣ. Въ моихъ глазахъ не было существованія пріятнѣе того, какое выпадаетъ на долю богатыхъ бароновъ небольшого германскаго государства. Жизнь ихъ полна наслажденій и не обременена никакими обязанностями; они вращаются въ небольшомъ кругу, но пользуются въ немъ безграничнымъ почетомъ и всевозможными житейскими радостями. Я испыталъ всего на свѣтѣ. Сколько разъ приходилось мнѣ то бражничать, то враждовать съ краснокожими индѣйцами. Въ былое время черепу моему нерѣдко угрожала опасность быть скальпированнымъ, но тутъ мнѣ во что бы то ни стало захотѣлось поближе посмотрѣть на мундиры съ красными воротниками и испробовать жизни, какою живутъ при герцогскихъ дворахъ. Кромѣ того я мечталъ объ идилліи. Во мнѣ еще таилась слабая искра нѣмецкаго романтизма и я не даромъ назвалъ мою дачу виллой Эдемъ. Я надѣялся здѣсь мирно докончить мой вѣкъ посреди цвѣтовъ и растеній, но забота о будущности дѣтей снова вовлекла меня въ водоворотъ общественной жизни. Вамъ извѣстно, что я домогался получить дворянскій дипломъ. Довольно, я все сказалъ. Но...

Онъ остановился и сталъ разсматривать вырѣзанную имъ изъ дерева фигуру. Она изображала голову негра съ высунутымъ языкомъ. Зонненкампъ однимъ меткимъ ударомъ ножа отрѣзалъ языкъ и ротъ, которые упали ему къ ногамъ, а затѣмъ, оскаливъ зубы на подобіе находившейся у него въ рукахъ фигуры, продолжалъ:

изъ умнѣйшихъ людей въ Польшѣ, предпріимчиваго Прота Потоцкаго. Слѣдуя примѣру Зубова и другіе русскіе были безъ ума отъ очаровательныхъ полекъ. Но веселость Варшавы была только наружная; за этою веселостью чувствовались грусть, смущеніе и ожиданіе чего-то ужаснаго. Это замѣтилъ русскій посолъ. Всѣхъ грустнѣе былъ самъ король, часто удалялся отъ большого общества и проводилъ время въ кругу своихъ племянницъ, Мнишковой и Тышкевичъ.

Въ это время императрица, готовясь къ великому шагу, перемѣнила нѣкоторыхъ своихъ дѣятелей въ Польшѣ. Вмѣсто Коховскаго назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ баронъ Игельстромъ; надъ войскомъ, стоявшимъ въ Литвѣ и въ Украинѣ, главнокомандующимъ былъ генералъ-аншефъ Кречетниковъ. Неугоденъ императрицѣ сталъ и Булгаковъ; говорятъ, что ему повредилъ рагузинецъ Альтести, котораго онъ вывезъ изъ Константинополя, облагодѣтельствовалъ, въ люди вывелъ, рекомендовалъ Зубову: теперь онъ въ благодарность рылъ подъ нимъ яму при дворѣ. Впрочемъ, отозваніе Булгакова произошло и потому, что императрица разсчитывала предстоявшее дѣло возложить на личность, болѣе чѣмъ всякая другая, способную къ такому дѣлу; личность эта былъ Яковъ Евфимовичъ Сиверсъ, бывшій нѣкогда новгородскимъ губернаторомъ, и не ладившій съ Потемкинымъ, вслѣдствіе чего онъ нѣсколько лѣтъ сидѣлъ въ своемъ лифляндскомъ имѣніи. Теперь императрица вспомнила о немъ и призвала его снова къ дѣятельности.

Трудно быто найти человѣка, болѣе подходящаго къ дѣлу, какъ графъ Сиверсъ. Несмотря на старость, это былъ человѣкъ въ высокой степени дѣятельный и проницательный, легко схватывавшій положеніе, въ которомъ находился, узнающій насквозь и оцѣнивающій людей, не пылкій, не заносчивый, но ни на минуту не терявшій своего достоинства, хладнокровно разсматривающій вещи въ ихъ надлежащемъ видѣ, не злой и не упрямый, не дѣлавшій ничего по своенравію, безмѣрно терпѣливый, мягкій къ человѣческому несчастію, но твердый какъ камень въ исполненіи избраннаго средства, неподатливый впечатлѣніямъ и потому неспособный ни выйти изъ себя, ни дать провести себя. Для него въ дѣлѣ было одно дѣло; онъ видѣлъ ясно цѣль свою, умѣлъ находить прямыя дороги и простѣйшія средства, ведущія къ этой цѣли, не отступалъ съ нихъ ни шагу, не бросался въ сторону, не размѣнивался на мелочи; добродушный съ виду и съ постоянною простодушною улыбкою, вѣжливый въ обращеніи, онъ не вдавался въ реторику, умѣлъ помолчать тамъ, гдѣ нужно было молчаніемъ сказать болѣе, чѣмъ

языкомъ, говорилъ мало и дѣльно, и даромъ не отступалъ отъ своего слова. Это былъ человѣкъ, какого именно въ Польшѣ въ то время было нужно, который бы полякамъ былъ и страшенъ, и въ тоже время пріятенъ.

Такого старика избрала Екатерина. Вызванный изъ своего имѣнія въ Петербургъ, онъ получилъ отъ 22 декабря рескриптъ отъ императрицы такого содержанія. Государыня вспомнила, какъ она, со вступленія своего на престолъ, заботилась о сохраненіи вольности и независимости Польши, и удерживала алчность и жадность другихъ дворовъ, но обстоятельства вынудили ее согласиться на раздѣлъ Польши въ 1773, навлеченный междоусобіями поляковъ. «Казалось бы по всѣмъ вѣроятностямъ — выражалась она—что вышеупомянутое событіе послужитъ поученіемъ и убѣжденіемъ для переду, что дальняя цѣлость и спокойствіе польскихъ владѣній зависитъ отъ соблюденія тѣснаго и непрерывнаго согласія съ нами и державою нашею. Но время и весьма короткое доказало, что легкомысліе, надменность, вѣроломство и неблагодарность сему народу свойственныя не могутъ быть исправлены ниже самыми бѣдствіями». Указавъ, что вины поляковъ противъ Россіи побудили императрицу пригласить къ своему двору недовольныхъ произведенными въ Польшѣ перемѣнами и составить конфедерацію, Екатерина высказывала очень нелестное мнѣніе о составителяхъ конфедераціи, замѣчала, что всѣ они, исключая Щенснаго Потоцкаго, помышляли не о благѣ отечества, а о своихъ личныхъ и корыстолюбивыхъ видахъ и при соглашеніи ихъ съ русскимъ министерствомъ о предварительныхъ мѣрахъ и о началахъ будущаго правленія «примѣчено было разнообразіе видовъ, не предвѣщавшихъ ни единодушія, ни прочности въ созидаемомъ зданіи, какимъ бы образомъ оно ни устроилось.» Она считала признаніе конфедераціи со стороны Станислава-Августа поступкомъ неискреннимъ и упрекала его въ томъ, что онъ, какъ ей, по ея словамъ, было достовѣрно извѣстно, продолжаетъ возбуждать питать въ польскомъ народѣ злобу и недоброжелательство къ Россіи и ея войскамъ. Но болѣе всего безпокоило императрицу то, что въ Варшавѣ развелись клубы на подобіе якобинскихъ и французское ученіе могло оттуда распространиться по всей Польшѣ и коснуться границъ ея сосѣдей. «Нѣтъ мѣръ предосторожности и строгости— говорила Екатерина въ своемъ рескриптѣ—каковыхъ бы опасеніе столь лютаго зла оправдать не долженствовало. Рѣшительный отзывъ короля прусскаго принудилъ насъ войти въ ближайшее соображеніе всѣхъ обстоятельствъ и околичностей въономъ встрѣчающихся. Тутъ усмотрѣли мы очевидно и ощути-

тельно, во-1) что по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по непостоянству и вѣтренности сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по изъявляющейся въ немъ наклонности къ разврату и неистовству французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда, иначе какъ приведя его въ сущее безсиліе и немогущество; во-2) что неподатливостью нашею на предложеніе короля прусскаго и послѣдуемымъ за тѣмъ его отпаденіемъ отъ римскаго императора въ настоящемъ ихъ общемъ дѣлѣ, мы подвергаемъ сего естественнаго и важнаго союзника нашего такимъ опасностямъ, что слѣдствія онаго вовсе опровергнутъ европейское равновѣсіе, и безъ того уже потрясенное нынѣшнимъ положеніемъ Франціи; и въ-3) что король прусскій, ожесточенный безполезностію употребленныхъ имъ издержекъ, не взирая и на отчужденіе наше отъ его видовъ, можетъ по извѣстной горячности его нрава или теперь силою завладѣть тѣми землями, или для достиженія къ тому надежнѣйшаго способа, навлечь на насъ новыя отяготительныя хлопоты, къ усугубленію которыхъ сами поляки готовы будутъ содѣлаться первымъ орудіемъ. Сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить землю и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и единую вѣру съ нами исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ назначенный начальникомъ войскъ баронъ Игельстромъ получилъ подобный рескриптъ отъ государыни въ такихъ словахъ:

«Нѣтъ нужды излагать причины, побудившія насъ присоединить къ нашему государству земли, вошедшія въ составъ польской республики, которыя въ древности принадлежали Россіи, гдѣ города построены русскими князьями, гдѣ жители происходятъ отъ одного племени какъ и русскіе, и притомъ наши единовѣрцы. Все сіе узнаете изъ манифеста, долженствующаго быть обнародованнымъ въ свое время. Теперь же вы должны узнать о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять, чтобы на все быть готовымъ.

«Прусскій дворъ, вошедшій, какъ и вѣнскій, съ нами въ союзъ, и съ послѣднимъ ведущій общее дѣло противъ мятежныхъ французовъ, по причинѣ неудачи послѣдняго похода, увидѣли себя въ невозможности продолжать войну, не получивъ соразмѣрнаго вознагражденія за понесенныя потери. Прусскій король требуетъ этого вознагражденія въ особенности для того, чтобы съ обнов-

иными силами предпринять общую всѣмъ монархамъ и всѣмъ благоустроеннымъ правительствамъ войну, поставить въ границы послушанія необузданный народъ и не допустить дальнѣйшаго распространенія по Европѣ духа безначалія. По этимъ причинамъ прусскій король и императоръ предложили намъ раздѣлъ Польши, какъ единственное средство достиженія вышеупомянутаго, какъ сообразнаго съ ихъ ожиданіями, вознагражденія. На этотъ конецъ король прусскій далъ уполномочіе своему довѣренному министру, съ которымъ мы, вошедши въ переговоры, заключили слѣдующія прелиминарныя статьи:

«Берлинскій дворъ получитъ Данцигъ и Торнъ и всю Великую Польшу, за исключеніемъ Мазовецкаго воеводства, проводя границу отъ Ченстохова на Раву и Солдомъ. Вѣнскій дворъ долженъ быть вознагражденъ Баваріею. Намъ предстоитъ расширить нашу грань слѣдующимъ образомъ: отъ конца Семигаліи на Поставы и Велико на Виліи, оттуда вдоль границы Виленскаго воеводства до Столпецъ, отъ Столпецъ перейдя черезъ Нѣманъ на Несвижъ, далѣе Припетью на Пинскъ и Куновъ, оттуда посредствомъ прямой линіи на Вышегородъ на галиційской границѣ, а оттуда къ Днѣстру, гдѣ эта новая граница совпадетъ съ существующею границею между Польшею и Австріею, а далѣе вдоль Днѣстра образуетъ границу съ Молдавіей. Всѣ въ этой чертѣ заключающіяся земли останутся на вѣки въ нашемъ владѣніи и должны быть намъ уступлены сеймомъ польской республики и обезпечены взаимными гарантіями союзныхъ съ нами государствъ.

«Въ ожиданіи ратификаціи со стороны прусскаго короля, которая не замедлитъ быть сюда доставленною, вы должны для удобнаго исполненія всего вышеупомянутаго приготовить и найти мѣры, какія окажутся необходимыми, какъ въ отношеніи расположенія войскъ, такъ и ихъ содержанія. Вы не должны никому открывать причинъ этихъ мѣръ, но подавать видъ, что это дѣлается для удобнаго содержанія войска ради демонстраціи со стороны турокъ, и это во-первыхъ для того, чтобы въ занимаемыхъ нами земляхъ не произошло возмущенія, во-вторыхъ, чтобы никто не могъ сказать, что мы самовольно начали этотъ раздѣлъ, такъ какъ мы принуждены были къ этому прусскимъ королемъ. Послѣдній уже рѣшилъ ввести свои войска въ Великую Польшу, и занять вышеупомянутую линію подъ предлогомъ удерживать тамъ спокойствіе, не прежде присоединяя эти земли къ своему государству, какъ послѣ точнаго опредѣленія границъ между нами.

«Такое вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу поставляетъ

насъ въ необходимость прибѣгнуть къ соотвѣтствующимъ средствамъ съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что того требуетъ какъ положеніе всей Европы, такъ и состояніе Польши. Господствующія между поляками несогласія, отчасти внушеніями якобинцевъ, отчасти приверженцами конституціи 3-го мая, и недовольными тарговицкою конфедераціею, грозятъ ниспровергнуть все сдѣланное нами для водворенія порядка въ Польшѣ».

Съ перваго взгляда бросается разница въ инструкціяхъ Сиверсу и Игельстрому. Послѣднему говорится яснѣе о конечной цѣли, чѣмъ первому, хотя и въ инструкціи Сиверсу эта цѣль не скрывается. Инструкція Игельстрому писана позднѣе (6-го января), тогда уже, когда, какъ видно, дѣло съ Пруссіею представлялось опредѣленнѣе. Вѣроятно императрица сообщила своему посланнику изустно то, что не хотѣла еще сообщать бумагѣ, не зная, какимъ образомъ должно совершиться предначертанное намѣреніе.

Сиверсъ прибылъ въ Гродно 20-го (31-го) января, и прибытіе его, какъ водится, было предлогомъ къ празднествамъ и веселостямъ. Ему оказывали чрезвычайныя почести. Щенсный устроилъ для него великолѣпный обѣдъ, затѣмъ послѣдовали другіе обѣды и балы. Конфедераты, между собою несогласные, одинаково заискивали милостей и расположенія посла Екатерины. Сиверсъ помѣстился у состоявшаго при конфедераціи отъ русской императрицы барона Билера.— «Спасибо нашей государынѣ,— говорилъ Сиверсу Билеръ—Польша была бы демократическою страною, если бы не спасла ее отъ этого государыня: теперь въ ней установится прочное республиканское правленіе, и весь свѣтъ будетъ имъ доволенъ». — Онъ не понималъ, что Польша никогда не была демократическою страною, и никакого твердаго республиканскаго правленія для нея не предстояло.

Черезъ десять дней послѣ пріѣзда своего въ Гродно, Сиверсъ прибылъ въ Варшаву, получивъ отъ Булгакова вѣсть о казни Людовика XVI; это казалось чѣмъ-то пророческимъ для него, въѣзжавшаго въ столицу государства, также осужденнаго на казнь, которой исполненіе возлагалось на него. Онъ остановился въ наемномъ домѣ русскаго посольства, который предоставилъ ему Булгаковъ со всѣми удобствами — прислугою, кухнею, экипажами, мебелью, со всѣмъ, кромѣ (какъ говорилъ прежній посолъ къ новому) библіотеки, которая у него оставлена на старость, какъ лекарство отъ скуки. Новый посланникъ, пообѣдавши на первый разъ съ Игельстромомъ и русскими генералами, далъ знать о своемъ пріѣздѣ иностраннымъ посламъ и надворному маршалу. Начались визиты. Чужіе послы первые являлись къ представи-

телю Россіи. 3-го (14-го) февраля, въ 12 часовъ дня Сиверсъ отправился представляться королю въ щегольскомъ экипажѣ, запряженномъ прекрасными лошадьми, съ блестящею прислугою. Народъ толпился на улицѣ и по окнамъ домовъ. У всѣхъ было тревожное желаніе взглянуть на лицо этого новаго гостя: ни одинъ еще русскій посланникъ не возбуждалъ такого любопытства, вниманія, надеждъ, страха, ни одинъ еще не являлся въ польскую столицу въ такую знаменательную эпоху крайняго безсилія Польши и крайняго могущества надъ нею Россіи. Всѣ дамы были въ глубокомъ траурѣ. Польша надѣла его по Людовикѣ XVI, но вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно надѣла его и по себѣ. Изобильныя синія ленты Бѣлаго Орла и красныя Станислава нарушали однообразіе черныхъ одеждъ.

Въ тронной залѣ Станиславъ-Августъ сидѣлъ на тронѣ въ порфирѣ, подъ балдахиномъ, и увидя посла, сдѣлалъ къ нему два *или три* шага. Сиверсъ отвѣсилъ два поклона. Король указалъ послу на кресло. Сиверсъ подалъ ему довѣрительную грамоту и сказалъ комплиментъ; король отвѣтилъ комплиментомъ, а посланникъ всталъ, отвѣсилъ три поклона и удалился. Этимъ кончилось первое свиданіе. Между тѣмъ они были старые знакомые; сорокъ лѣтъ тому назадъ, Сиверсъ и Понятовскій проводили вмѣстѣ весело время въ Лондонѣ, и теперь въ первый разъ послѣ того встрѣтились стариками.

На другой день, въ одиннадцать часовъ, назначено было черезъ посредство маршала Мнишка, у котораго въ тотъ день обѣдалъ посолъ, свиданіе съ королемъ, въ его кабинетѣ.

«Я долженъ — сказалъ сидя съ нимъ посланникъ — объявить вашему величеству, что если неудовольствіе ея императорскаго величества, которое ваше величество навлекли на себя принятымъ поведеніемъ во время послѣдняго сейма и особенно въ день 3-го мая, причинило вамъ нѣкоторыя непріятности въ настоящемъ положеніи вашемъ, вы должны ихъ приписать себѣ *самому*; тѣмъ не менѣе ея императорское величество склоняется къ тому, чтобы васъ вывести изъ этого положенія, и я получилъ соотвѣтствующее повелѣніе пригласить ваше величество въ Гродно на конфедерацію; тамъ, независимо отъ вліянія варшавскихъ козней и хитростей, дѣла республики постепенно пойдутъ своимъ законнымъ путемъ и придутъ скорѣе къ концу; тамъ легче принять сообразные способы къ выбору пословъ на сеймъ. Наконецъ, исполнить желаніе ея величества будетъ для вашего величества единственнымъ средствомъ возвратить себѣ ея благосклонность. Сношенія вашего величества съ польскими выход-

8*

цами привели дѣла къ худшему состоянію, нежели какъ он
были послѣ 3-го мая».

Король клялся, что не имѣлъ сношеній съ эмигрантами с
времени приступленія къ конфедераціи, но только старался по
будить ихъ къ возвращенію въ отечество. Король началъ длин
ную рѣчь, продолжавшуюся до трехъ четвертей часа, развод
сущность дѣла водою реторики. Смыслъ этой рѣчи былъ таковъ

«Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ я не нарушал
привязанности и долга благодарности къ моей благодѣтельницѣ
императрицѣ всероссійской, но мнѣ приписывали, совершенн
напрасно, деспотическія и въ то же время демократическія на
клонности. Моя преданность государынѣ вѣдома ей издавна; бу
дучи въ Каневѣ, я подавалъ ея величеству записку съ проектом
преобразованія польскаго королевства въ провинцію российско
имперіи, но я получилъ на это уклончивый отвѣтъ. Составлені
сейма совершилось при условіяхъ, самыхъ согласныхъ съ видам
Россіи, и мое собственное поведеніе было заранѣе охужден
вмѣстѣ съ поведеніемъ гр. Штакельберга. Несчастный поворот
дѣлъ на сеймѣ слѣдуетъ приписать тѣмъ узамъ, которыя на мен
были наложены въ средствахъ дѣйствовать на выборы сеймовых
пословъ покойнымъ княземъ Потемкинымъ и гетманомъ Бра
ницкимъ; черезъ ихъ посредство рекомендованы были послы, ко
торые сдѣлались буйными и задорными подстрекателями къ том
что̀ случилось; многіе изъ нихъ теперь ушли изъ отечества.
присталъ къ генеральной конфедераціи и съ тѣхъ поръ терпл
невыносимыя оскорбленія отъ графа Щенснаго Потоцкаго; в
этомъ королевскомъ за̀мкѣ я нахожусь въ качествѣ плѣнник
мнѣ не позволяютъ даже раздавать паролей караульнымъ. Мо
поѣздка къ генеральной конфедераціи не принесетъ никако
пользы дѣлу, а мнѣ она очень тяжела; мое нездоровье препятствуе
предпринимать это путешествіе въ такое время года; я не имѣ
средствъ на это, и главное, поѣздка эта была бы для меня бе
мѣрно унизительна. Я умоляю ея величество и надѣюсь, ч
государыня не будетъ настаивать на этомъ. Я прошу васъ, го
подинъ посланникъ, представить ея величеству о моемъ ужа
номъ положеніи».

— Всѣ эти жалобы сами собой уничтожатся, — сказалъ п
сланникъ, — какъ только ваше величество соединитесь съ конф
дераціею. Если вы туда пріѣдете, права ваши будутъ возст
новлены, а чтобы васъ никто не оскорбилъ, надъ этимъ бу
наблюдать я.

Король продолжалъ просить, чтобы его не неволили ѣха
въ Гродно.

Сиверсъ сказалъ: «Я не думаю, чтобы ея величество согласилась на отмѣну своей воли. Лучше будетъ, если ваше величество рѣшитесь ѣхать. Могу вамъ дать время обдумать эту поѣздку, но если ея императорское величество будетъ настаивать на своемъ, то, вѣроятно, и тогда вы все-таки сдѣлаете такъ, какъ ей угодно, только тогда вамъ не будетъ у нея заслуги; теперь, по крайней мѣрѣ, начните дѣлать приготовленія къ отъѣзду».

Король сталъ распространяться о своемъ униженіи, о бѣдствіяхъ, которыя угрожаютъ и ему и Польшѣ. Сиверсъ сказалъ: «я вамъ совѣтую, не какъ посланникъ, а какъ человѣкъ, искренно желающій вамъ добра, рѣшиться на поѣздку».

— Позвольте нѣсколько подумать, — сказалъ король.

Сиверсъ согласился и удалился отъ него.

Какъ только возвратился посланникъ въ свое помѣщеніе, къ нему явился разорившійся Тепперъ и принесъ записку о своихъ долгахъ: оказалось, что ему король долженъ 1.566,000 червонцевъ, что составляло болѣе тридцати милліоновъ польскихъ злотыхъ ходячею монетою. Не говоря уже о многихъ другихъ панскихъ долгахъ, Тепперъ считалъ королевскій долгъ одною изъ главныхъ причинъ своего разоренія и просилъ посредничества Россіи въ этомъ дѣлѣ. «Прежде, чѣмъ король не поѣдетъ въ Гродно,— сказалъ Сиверсъ,—я не могу для васъ ничего сдѣлать». Сиверсъ разсчитывалъ, что если кредиторы атакуютъ сильно короля, то ему представится надежда на уплату своихъ долговъ отъ Россіи, и онъ можетъ быть поѣдетъ въ Гродно.

Король прислалъ послу черновое письмо къ императрицѣ. Сиверсъ сказалъ, что отошлетъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ оно сочинено.

Нѣсколько дней послѣ того пошли угощенія и пиры; Сиверсу не давали покоя,—сегодня обѣдъ у примаса, въ его нарядномъ домѣ, завтра у короля, на семнадцать близкихъ особъ въ укромномъ отдѣленіи дворца, гдѣ одна дверь изъ столовой вела въ кабинетъ, другая въ спальню короля; послѣ завтра у королевской сестры, Браницкой—(madame de Cracovie), потомъ обѣдъ у самого Сиверса, данный дипломатическому корпусу и русскимъ генераламъ, всего на двадцать шесть персонъ.

Между тѣмъ прусскія войска, вступивши въ Польшу, съ успѣхомъ разбили и разсѣяли польскія войска, не хотѣвшія уступить, и заняли Торунь. Пруссаки обезоруживали польскіе гарнизоны, забирали польскую казну въ таможняхъ. По приказанію генеральной конфедераціи, канцлеръ Малаховскій снова подалъ ноту прусскому послу Бухгольцу, гдѣ заявлялъ, что вѣроятно

такіе поступки дѣлаются безъ воли прусскаго короля, что вѣроятно и нота, которая была подана въ отвѣтъ на прусскую ноту отъ 15-го января, не дошла до его прусскаго величества. «Мы думаемъ,—сказано было въ нотѣ,—что самое вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу предварило время, въ которое представленія, сдѣланныя по распоряженію генеральной конфедераціи, могли дойти до прусскаго короля, и событія, послѣдовавшія затѣмъ, вѣроятно навлекутъ порицанія его величества прусскаго короля». Черезъ три дня послѣ того, генеральная конфедерація послала ноту Сиверсу, гдѣ жаловалась на вторженіе прусскихъ войскъ, и просила увѣреній со стороны императрицы, покровительницы Польши, которыя бы могли успокоить напуганныхъ обывателей. Въ протестаціи, опубликованной вмѣстѣ съ тѣмъ, конфедерація разсыпалась въ чрезвычайныхъ похвалахъ русской императрицѣ и возлагала единственную надежду на ея великодушіе.

Игельстромъ, чрезъ Сиверса, по поводу размѣщенія войскъ и прохожденія ихъ въ южныхъ провинціяхъ какъ будто для демонстраціи противъ турокъ, требовалъ отъ конфедераціи распоряженія о выдачѣ фуража и провіанта. Конфедерація исполнила его требованіе безропотно и назначила коммиссаровъ для этого дѣла, но замѣтила въ своемъ универсалѣ такъ: «что касается до уплаты, слѣдуемой за взятый фуражъ, для войскъ ея императорскаго величества, генеральная конфедерація не имѣетъ никакого свѣдѣнія, чтобы кому-нибудь была учинена такая уплата», и въ этихъ видахъ ссылаясь на цѣну, которая была подана черезъ делегованныхъ отъ обоихъ народовъ, «снова обращается къ великодушію той монархини, которой повѣрена не только цѣлость отечества, но и судьба всего существованія нашего».

Но дальнѣйшія дѣйствія Пруссіи показывали, что на протестаціи изъ Гродно не обращается ни малѣйшаго вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разносились уже вѣсти, что русскія войска не съ добрыми видами размѣщаются по Украинѣ и будто бы хотятъ отдалить отъ Днѣстра и Каменца дивизію войскъ Рѣчи-Посполитой и обезоружить ее. Тогда конфедерація отъ 11-го февраля издала универсалъ о посполитомъ рушеньѣ. По поводу вторженія пруссаковъ, всякій, исключая слабыхъ и больныхъ, долженъ быть готовъ къ посполитому рушенью, забывъ всякіе споры, духъ партій. Мѣстныя конфедераціи должны были выбрать региментарей и ротмистровъ по землямъ, повѣтамъ и приходамъ; приказывалось сохранять согласіе съ русскими и ждать въ вооруженіи, когда послѣдуютъ третьи вици, какъ издавна велось въ случаяхъ подобныхъ опасностей, и тогда выходить всѣмъ разомъ

Универсалъ обращается и къ королю и ко всѣмъ тѣмъ согражданамъ, которые прежде иначе думали; ихъ просили забыть все противное, и вмѣстѣ съ народомъ защищать отечество. Къ королю послано было письмо, гдѣ, какъ всегда и прежде бывало въ Польшѣ, поручали ему принять начальство надъ посполитымъ рушеньемъ. Къ Сиверсу послѣдовала нота отъ 19-го февраля, гдѣ извѣщалось о слухахъ, ходившихъ о замыслахъ русскаго войска, и говорилось, что конфедерація уповаетъ на честныя и великодушныя намѣренія государыни, и для нея довольно будетъ одного успокоительнаго и увѣрительнаго слова посланника ея величества; вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація напоминала, во имя долга и справедливости, заплатить за взятый войскомъ фуражъ и провіантъ. На все это отъ Сиверса послѣдовала такого рода нота:

«Удивляюсь, что генеральная конфедерація сочла умѣстнымъ отъ 11-го февраля предписать націи приготовленіе къ посполитому рушенью, не входя о такомъ крайнемъ поступкѣ въ сужденія со мною, министромъ дружественнаго сосѣдняго двора, отъ котораго конфедерація должна единственно ожидать счастія и спокойствія Польшѣ. Одно размышленіе объ этомъ долженствовало бы угасить огонь, воспламенившій генеральную конфедерацію, когда она рѣшалась на вызовъ мятежей и неизбѣжныхъ волненій, которыя естественно были бы послѣдствіями ея патетическаго воззванія. Предписывается выборъ полковниковъ и ротмистровъ по землямъ, повѣтамъ и приходамъ съ обѣщаніями будущихъ наградъ! Какъ же это можетъ произойти безъ многочисленныхъ и шумныхъ собраній, часто безчинныхъ, какъ опытъ показывалъ? Полковники будутъ сбирать полки, ротмистры станутъ производить вербунки; начнутся военныя упражненія и эволюціи, въ ожиданіи сбора всѣхъ войскъ, и необходимое для блага страны спокойствіе сдѣлается призрачнымъ. Нижеподписавшійся не можетъ не высказать своего безпокойства и о томъ, что наияснѣйшая конфедерація тайно обѣщаетъ амнистію тѣмъ, которые, по ея собственному сознанію, старались возмутить республику и причинить ей всякое зло: этимъ эмигрантамъ, которые своими интригами и безразсудными заявленіями предъ національною конвенціею въ Парижѣ, осмѣлились признать ужасный принципъ, унизившій французскую націю въ глазахъ всей вселенной; этимъ эмигрантамъ, которые дерзнули увѣрять, будто громада польской націи думаетъ также какъ они, — какъ могутъ они опять войти въ нѣдра націи, не внося новыхъ элементовъ огня и раздора? Нижеподписавшійся, не ожидая новыхъ приказаній императрицы, считаетъ обязанностью, сообразно данной ему инструкціи, заботиться, вмѣстѣ съ конфедератами, въ согласіи съ гене-

ралами россійской арміи, о спокойствіи Рѣчи-Посполитой, и удалять все, что можетъ его нарушить, а потому проситъ наияснѣйшую конфедерацію повсюду, гдѣ только обнародованъ прежній универсалъ о посполитомъ рушеньѣ, обнародовать новый универсалъ о томъ, что наияснѣйшая конфедерація не желаетъ какихъ бы то ни было собраній, чтобы избѣжать всякой смуты и волненія, чтобы всякій добрый гражданинъ соблюдалъ спокойствіе до будущаго призыва націи, смотря по обстоятельствамъ. Нижеподписавшійся не можетъ умолчать, что, въ видахъ совершеннаго спокойствія въ земляхъ Рѣчи-Посполитой, командиры арміи ея величества, стоящей на зимнихъ квартирахъ, имѣютъ положительное приказаніе препятствовать сходбищамъ».

Получивъ это нравоученіе, конфедерація поспѣшила тотчасъ (отъ 22-го февраля) опубликовать другой универсалъ, и въ немъ объясняла, что въ первомъ ея универсалѣ говорилось о посполитомъ рушеньѣ въ видѣ предположенія, на случай опасности, а затѣмъ объявляла націи такъ: «если для нашей Рѣчи-Посполитой есть еще на что-нибудь надежда, то единственно на великодушіе великой Екатерины; отвергнуть ея совѣты, значило бы губить отечество преждевременно. Заклинаемъ соотечественниковъ и обязываемъ ихъ любовью къ отечеству, ранними движеніями не приблизить конца Рѣчи-Посполитой.» Вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація отослала объяснительный отвѣтъ Сиверсу, доказывая въ немъ, что назначеніе начальниковъ предполагаемаго посполитаго рушенья не могло произвести волненій, и присовокупляла: «генеральная конфедерація могла бы поручиться за внутреннее спокойствіе и хорошія отношенія къ русскому войску, если бы довѣріе къ великодушію императрицы возбуждало равную взаимность, и если бы не препятствовали конфедерованному правительству Рѣчи-Посполитой употреблять средства и собственныя силы для сохраненія спокойствія и цѣлости Рѣчи-Посполитой; теперь же, когда польскому войску запрещаютъ передвигаться, а провинціальнымъ конфедераціямъ собираться для совѣщаній, одинъ человѣкъ, ловкій въ интригахъ, можетъ надѣлать смутъ». На счетъ упрековъ за амнистію, конфедерація въ этомъ же письмѣ увѣряла Сиверса, что, не видя себѣ никакого сопротивленія, конфедерація не имѣла повода оглашать амнистію и призывать къ возвращенію эмигрантовъ, ибо никто не былъ изгнанъ. Наконецъ, замѣчалось, что если кто-то въ Парижѣ говорилъ подобныя рѣчи, то эта личность не имѣетъ ничего общаго съ Польшею и обывателями ея. Письмо это кончалось такъ: «Г. посолъ увѣряетъ, что монархиня, которую мы умоляемъ о спасеніи и цѣлости Рѣчи-Посполитой, поручила ему наблюдать надъ спо-

койствіемъ нашего края. Эти слова утѣшили бы народъ, если бы г. посолъ имѣлъ также порученіе увѣрить Рѣчь-Посполитую въ цѣлости ея владѣній. Одно слово великой Екатерины, какъ ручательницы существованія и цѣлости Рѣчи-Посполитой, было бы сильнѣйшею порукою, чѣмъ всѣ наши усилія».

На это не было утѣшительнаго отвѣта. Сиверсъ въ Варшавѣ распоряжался такъ, что верховное правительство изображали не король, не конфедерація, а онъ, посолъ императрицы. Онъ приказалъ удалить изъ Варшавы французовъ, на которыхъ тогда въ глазахъ всего стараго порядка лежала печать отверженія, арестовалъ одного изъ нихъ, Бонно́, не обращая вниманія на его республиканскія угрозы, и отослалъ въ Петербургъ; запретилъ канцлерамъ сообщать иностраннымъ посланникамъ универсалы конфедераціи; не позволялъ воротиться въ отечество Іосифу Понятовскому, за то, что послѣдній въ пылу полемической переписки съ Щенснымъ Потоцкимъ, вызывалъ Потоцкаго на поединокъ; не дозволилъ кредиторамъ обанкрутившагося банкира Теппера пересмотрѣть его книги, потому что тамъ записаны были пенсіоны, которые платила Россія разнымъ должностнымъ лицамъ; чтобы не навлечь на нихъ пятна, Сиверсъ приложилъ къ этимъ книгамъ печать, и по его приказанію конфедерація назначила коммиссію для разсмотрѣнія дѣлъ Теппера, а члены выбраны были угодные Сиверсу, и въ томъ числѣ былъ надворный маршалъ Рачинскій, издавна получавшій отъ Россіи пенсіонъ и дѣлавшій все по приказанію русскихъ пословъ. Сиверсъ раздавалъ пенсіоны: назначилъ Коссаковскому въ мѣсяцъ тысячу червонцевъ, генералу Ожаровскому, начальнику польскихъ войскъ въ Варшавѣ, 500 черв. въ мѣсяцъ. Ожаровскій передъ тѣмъ стоялъ съ своими войсками въ Великой Польшѣ, и, при вступленіи пруссаковъ, спрашивалъ у конфедераціи, слѣдуетъ ли ему давать отпоръ? Конфедерація нашла страннымъ такой вопросъ въ устахъ воина, котораго беретъ сомнѣніе: долженъ ли онъ защищаться, когда на него нападаютъ. Теперь его перевели въ Варшаву, тамъ онъ долженъ былъ наблюдать за общимъ спокойствіемъ, и, получая отъ Сиверса хорошій пенсіонъ, повиноваться ему во всемъ. Сиверсъ размѣщалъ государственныхъ дѣятелей, а Игельстромъ войска. Послѣ приведенія войскъ на мѣста сообразно плану, ожидали оглашенія деклараціи о новомъ раздѣлѣ. Войска русскія были расположены такъ, что окружали столицу; фуражъ и провіантъ собирались съ понужденіемъ. Выдавая квитанціи, о платежѣ не думали. Не только за то, что забиралось въ настоящее время, но и за то, что было забрано еще во время главной команды Коховскаго, не было выплачено.

Сиверсъ ни однимъ словомъ не проговорился предъ поляками о томъ, что̀ будетъ съ ихъ отечествомъ, напротивъ, когда литовскій подскарбій Огинскій выразилъ ему опасеніе о раздѣлѣ, Сиверсъ сказалъ: «это все выдумки пустоголовыхъ и безпокойныхъ повѣсъ, которые ищутъ средствъ навлечь неблаговоленіе государыни, презирая ея благодѣяніями. Васъ пугаетъ то, что большая часть Польши занята иностранными войсками. Да что же дѣлать съ вами, безпокойными и безалаберными, когда вы возмущаетесь какъ морскія волны въ бурю? Императрица хочетъ созвать въ Гродно сеймъ, чтобы испытать, умнѣе ли на этотъ разъ будутъ представители Польши, чѣмъ прежде были? Она бы сама была рада вывести отъ васъ свои войска, которыя введены сюда только для того, чтобы вамъ открыть глаза. Неужели вы думаете, что императрицѣ очень пріятно видѣть, какъ ея сосѣдъ, прусскій король, усилится на счетъ Польши? Все зависитъ отъ мудрости тѣхъ, которые будутъ руководить сеймомъ и отъ того, какъ они поведутъ себя съ Россіею. По крайней мѣрѣ у меня нѣтъ инструкцій, гибельныхъ для польской націи, а что дальше будетъ, и что мнѣ прикажется, того я не знаю. Несомнѣнно могу васъ увѣрить, что если вы поведете себя такъ, что заслужите довѣріе и покровительство государыни, то вамъ еще останется политическое существованіе въ Европѣ, подъ покровительствомъ собственнаго вашего мудро устроеннаго правленія.»

Сиверсъ продолжалъ тянуть короля въ Гродно. Станиславъ-Августъ упирался изо всѣхъ силъ. 18-го февраля (1-го марта) Сиверсъ обѣдалъ у него въ Уяздовѣ; король подалъ ему записку о своихъ долгахъ, которую Сиверсъ снабдилъ своими примѣчаніями и измѣненіями. Тогда король сказалъ:

«Сознаюсь вамъ, г. посолъ, меня давитъ страхъ, при мысли, что меня принудятъ къ чему-нибудь насиліемъ. Я уже теперь краснѣю отъ стыда, какъ только подумаю, что меня заставятъ подписать новый раздѣлъ Польши».

Сиверсъ отвѣчалъ ему: «Никакого насилія не сдѣлаютъ ни надъ вами, ни надъ кѣмъ; это слишкомъ несообразно съ образомъ мыслей моей государыни. Главная цѣль вашего присутствія — та, чтобы удалить васъ отъ гнѣзда интригъ въ Варшавѣ, учинить нѣкоторыя распоряженія о срокѣ сеймиковъ и сейма, на которомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на улучшенія въ конституціи 1775 года, и усовершенствовать ее сколько возможно. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы приблизите то время, когда ея императорское величество найдетъ благоумѣстнымъ объявить свои конечныя намѣренія. Примиреніе ваше съ ея императорскимъ

личествомъ послѣдуетъ тогда, когда поступки ваши будутъ показывать полную преданность ея волѣ».

Король дѣлалъ ему еще вопросы, а Сиверсъ увертывался. Король, наконецъ, сказалъ ему, что онъ его успокоилъ.

Возвратившись домой, Сиверсъ засталъ курьера съ письмомъ государыни къ королю. На другой день онъ вручилъ его по принадлежности. Письмо было ласковое; король, прочитавъ его, разсыпался въ благодарности, потомъ сказалъ:

«Ея императорское величество ничего не пишетъ о поѣздкѣ въ Гродно».

— Во вниманіе къ важности тѣхъ причинъ, которыя для вашего величества содѣлаютъ это путешествіе желательнымъ, я имѣю приказаніе уговорить васъ ѣхать въ Гродно. Я самъ твердо рѣшился ѣхать черезъ восемь дней.

«Нѣтъ, я надѣюсь, — сказалъ король — ея императорское величество обратитъ вниманіе на тѣ причины, которыя я приведу. У меня нѣтъ ни денегъ, ни кредита; банкрутство Теппера совершенно подорвало меня, да и другіе банкиры на волоскѣ висятъ. Кромѣ этого я подвергаюсь личнымъ опасностямъ. Если сдѣлается попытка на новый раздѣлъ Польши, конфедерація поднимется, сдѣлаетъ смѣлое заявленіе противъ раздѣла: что мнѣ дѣлать? если я ей покорюсь — мой поступокъ совсѣмъ подорветъ меня въ глазахъ ея величества, а не покорюсь — стыдно будетъ передъ націей».

— Но вѣдь и въ Варшавѣ — сказалъ Сиверсъ, — въ этомъ случаѣ остается для васъ одинаковое сомнѣніе, только вы не будете имѣть такой поддержки, какъ въ Гродно. Я не стану отлагать моей поѣздки и совѣтую вашему величеству ускорить вашу.

Король опять свернулъ на недостатокъ средствъ. Сиверсъ долженъ былъ согласиться, что это была отговорка справедливая; не только король, но и его министры нуждались въ деньгахъ. Сиверсъ писалъ Зубову: «Думаю, что главныхъ лицъ, Малаховскаго, Хребтовича, Рачинскаго, слѣдуетъ тайно расположить, давши имъ на дорогу тысячи по двѣ или по три червонцевъ.» Что касается до короля, то Сиверсъ счелъ за нужное побудить его къ отъѣзду, объяснивъ ему, что вопросъ о его долгахъ будетъ разсматриваться на предстоящемъ сеймѣ, какъ предметъ государственный и экономическій.

Несмотря на то, что государыня, отправляя Сиверса въ Польшу, назначила ему 100,000 руб., да сверхъ того экстраординарной суммы 200,000 руб., Сиверсъ имѣлъ затрудненіе и жаловался на задержки въ присылкѣ денегъ. Къ концу февраля

онъ получилъ только 10,000 руб., черезъ генералъ-прокурора, а 2,000 червонцевъ привезъ ему полковникъ Дивовъ; сверхъ того онъ имѣлъ отъ 12 до 13 т. червонцевъ у Теппера, оставленныхъ Булгаковымъ, и долженъ былъ занять у банкировъ 12,000 червонцевъ, но занимать было трудно, такъ какъ банкиры одинъ за другимъ лопались. Это было причиною, что Сиверсъ долженъ былъ болѣе обѣщать, чѣмъ давать. Впрочемъ, было что обѣщать — на то въ Польшѣ были королевщины, на которыя можно было имѣть виды въ награду за услуги, оказанныя Россіи.

Дня черезъ три, Сиверсъ съ курьеромъ опять получилъ письмо Екатерины къ королю и передалъ его. Императрица требовала, чтобы король ѣхалъ въ Гродно, гдѣ долженъ открыться сеймъ. «Боже мой! воскликнулъ со слезами Станиславъ-Августъ; меня будутъ принуждать къ подписи новаго раздѣла Польши, къ моему стыду. Да лучше пусть меня засадятъ въ тюрьму, пусть лучше въ Сибирь сошлютъ: я не подпишу.»

— Ваше величество, — сказалъ Сиверсъ — вы себѣ воображаете нелѣпость: никогда объ этомъ рѣчи не будетъ, чтобы васъ принуждать. Вы останетесь королемъ; письмо императрицы ручается за это, и я увѣряю васъ ея именемъ, чего же вамъ болѣе?

«Да для чего мнѣ ѣхать — говорилъ король — я никакой пользы тамъ не принесу. Нѣтъ, я еще напишу къ ея императорскому величеству и подожду, пока курьеръ воротится съ ея отвѣтомъ.»

— Это безполезно — сказалъ Сиверсъ — это даже оскорбитъ государыню; вѣдь она уже въ трехъ письмахъ писала вамъ, что вы должны исполнять ея волю.

— Да у меня денегъ нѣтъ, сказалъ ему король, — вѣдь на это нужно покрайней мѣрѣ тысячь двадцать червонцевъ.

— Мы какъ-нибудь найдемъ для васъ, сказалъ Сиверсъ.

Король говорилъ опять о своемъ роковомъ положеніи и заливался слезами. «Я поѣду», сказалъ онъ наконецъ.

— Я ѣду завтра — сказалъ Сиверсъ.

— Нѣтъ, останьтесь еще нѣсколько времени, посѣтите меня

Сиверсъ обратился къ примасу и сестрѣ короля, упрашивая ихъ дѣйствовать на брата, чтобы онъ болѣе не упрямился. Они обѣщали и съ своей стороны находили, что королю слѣдуетъ ѣхать. Послѣ этого король уже не отрекался ѣхать, но выдумывалъ разныя увертки, чтобы тянуть время — говорилъ, что погода дурная, рѣки разливаются, ледъ не прошелъ, и послѣдняя отговорка была прилична: дѣйствительно половодье задерживало нѣсколько дней самого Сиверса. Потомъ король сталъ говорить

къ чему въ Гродно собираютъ сеймъ, развѣ нельзя въ Варшавѣ? Сиверсъ повторилъ ему то, что уже говорилъ по этому поводу, что въ Варшавѣ собрать сеймъ нельзя потому, что въ Варшавѣ господствуетъ безпокойный духъ, тамъ гнѣздо революціонеровъ. Король обѣщалъ ѣхать, но на другой день пригласилъ къ себѣ Сиверса и говорилъ:

«Приближается страстная недѣля, я всегда говѣю въ это время; ранѣе 4-го или 5-го апрѣля я не поѣду». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ: «я ни за что не подпишу смѣщенія отъ должностей, которыя были розданы прошлымъ сеймомъ.»

— Ваше величество должны знать, что все, постановленное сеймомъ и революціею, объявлено уничтоженнымъ и недѣйствительнымъ, а всѣмъ тѣмъ, которые раскаются, обѣщано прощеніе.

— Позвольте, я напишу къ ея императорскому величеству письмо, сказалъ король—увѣрю императрицу, что назначу время, когда поѣду, и представлю причины, по которымъ не могу ѣхать раньше.

Сиверсъ согласился и откланялся. Король съ чувствомъ просилъ его еще посѣтить его.

Сиверсъ, сообщая императрицѣ всѣ увертки, какія выдумывалъ съ нимъ король, замѣчалъ:

«Ваше императорское величество изволите убѣдиться, что нужно большого труда склонить его. Онъ себя выявилъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ глубинѣ души онъ исповѣдуетъ начала 3-го мая. Это однако ничего. По пріѣздѣ въ Гродно будетъ ему красное яичко—декларація; универсалы будутъ ему готовы къ подпису; всѣ мѣры приняты. Четыре недѣли дается на сеймики, и четыре на сеймъ, вмѣсто шести недѣль. Четыре недѣли мы выигрываемъ. Сеймъ можетъ начаться 10-го іюня.»

Дѣйствительно, изъ записокъ Огинскаго мы видимъ, что король въ это время колебался, и люди, которые подлаживались къ Сиверсу, въ одно и то же время настроивали короля къ оппозиціи. Такъ дѣйствовалъ Огинскій, подскарбій литовскій, о которомъ Сиверсъ получилъ мнѣніе какъ о сговорчивомъ, покорномъ человѣкѣ. Ему вторили Мошинскій и Тышкевичъ, маршалы коронный и литовскій, также передъ русскимъ посломъ старавшіеся показаться преданными Россіи. Они совѣтовали королю ѣхать въ Гродно, но открывая сеймъ, упереться на томъ, что ни онъ, ни члены сейма не станутъ подписывать никакихъ унизительныхъ уступокъ. Король, унывъ духомъ, возражалъ: «А что сдѣлаетъ моя выходка, которая не идетъ ни къ моимъ лѣтамъ, ни къ моимъ силамъ, истощеннымъ страданіями и безпрестанными

непріятностями? Развѣ мы можемъ предотвратить раздѣлъ Польши?» — «Можемъ, государь», говорилъ ему Огинскій, — «вы увлечете всѣхъ своимъ примѣромъ, никто не посмѣетъ открыть рта, послѣ того какъ вы себя заявите такимъ образомъ и покажете свою готовность принести себя въ жертву за отечество. Я слишкомъ хорошаго мнѣнія о моихъ соотечественникахъ: между ними нѣтъ измѣнниковъ; если нѣкоторые унизились до того, что брали подачки отъ иностранныхъ дворовъ для своихъ нуждъ, то все-таки не думаю, чтобы это они дѣлали съ намѣреніемъ способствовать новому раздѣлу: я думаю, три четверти собранія окажутся уже убѣдившимися, по опыту, что конституція 3-го мая полезна для отечества. Не найдется такого негодяя, который приложилъ бы руку къ подписи о раздѣлѣ Польши, когда вы, король, смѣло откажетесь это сдѣлать. Всѣ угрозы русскаго посланника уступятъ передъ страшнымъ единодушіемъ; онъ его не ожидаетъ. Онъ долженъ будетъ писать въ Петербургъ, а между тѣмъ выиграется время, отсрочатъ или закроютъ сеймъ, можетъ быть захотятъ созвать другой; время еще протянется, а тутъ могутъ случиться событія, которыя заставятъ Россію и Пруссію пріостановить свое дѣло. Успѣхъ французской революціи возрастаетъ, и непремѣнно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. Да если бы и не такъ, — что смѣетъ сдѣлать русскій посланникъ съ королемъ и со всѣмъ собраніемъ сейма? если бы онъ и имѣлъ на счетъ этого власть поступать круто съ нѣкоторыми личностями, не можетъ же онъ отправить въ Сибирь всѣхъ членовъ сейма или изрубить ихъ саблями! Наконецъ, если все-таки приведутъ въ исполненіе раздѣлъ Польши—и тогда лучше пусть насъ возьмутъ военною силою, съ которою мы не можемъ бороться, чѣмъ принудятъ насъ самихъ оправдывать наѣздъ на страну нашу.» Такъ благородно высказывался человѣкъ, въ тоже время увивавшійся около Сиверса съ цѣлію подслужиться Россіи. Король только вздыхалъ.

Чтобы еще больше попугать короля, Сиверсъ написалъ въ коммиссію, назначенную по дѣламъ банкира Теппера, чтобы она наложила запрещеніе на часть доходовъ королевскихъ для удовлетворенія долговъ короля, и чтобы такимъ образомъ генералъ Игельстромъ находился въ состояніи покрыть средства на содержаніе войска и фуража, а когда королевскій секретарь Фризе явился къ Сиверсу и заговорилъ объ обѣщанныхъ на дорогу королю двадцати тысячахъ червонцевъ, то Сиверсъ сказалъ: «Я не знаю, будетъ ли довольна императрица шестинедѣльною проволочкою и дастъ ли, при этой проволочкѣ, тѣ же средства, какія дала бы безъ этого. Нужно имѣть вторичное приказаніе».

Когда ледъ на рѣкахъ сталъ проходить, Сиверсъ 19-го марта выѣхалъ изъ Варшавы; надзирать за королемъ остался въ Варшавѣ баронъ Игельстромъ, помѣстившійся въ палацѣ Рѣчи-Посполитой, въ томъ самомъ, гдѣ жилъ Штакельбергъ. Этотъ домъ, во время четырехъ-лѣтняго сейма, въ порывѣ нерасположенія поляковъ къ Россіи, былъ отобранъ, и Булгаковъ во время своего короткаго пребыванія въ Варшавѣ жилъ въ наемномъ домѣ, очень удобномъ. Теперь Игельстромъ занялъ прежній домъ и, при отъѣздѣ, получилъ отъ Сиверса такую оффиціальную инструкцію:

«Если бы король, несмотря на данное обѣщаніе ѣхать 23-го марта (4-го апрѣля), вопреки нашему ожиданію вздумалъ увертываться, поручаю вамъ объявить ему въ секретной аудіенціи, именемъ государыни, что онъ навлечетъ гнѣвъ императрицы и на себя и на свою фамилію, не получитъ двадцати тысячъ червонцевъ, которые ему обѣщала государыня, и не можетъ уже разсчитывать на ея помощь въ будущемъ; напротивъ, я наложу секвестръ на его доходы, не стану болѣе и думать о проектѣ уплаты долговъ его, а дѣла въ Гродно приведутся къ концу и безъ него.—Въ случаѣ, если онъ будетъ изъявлять страхъ возстанія черни, можете его увѣрить, что, кромѣ полковъ генералъ-лейтенанта (польнаго гетмана) Ожаровскаго, будетъ подъ ружьемъ до 15,000 готоваго войска, по вашему приказанію; что на всѣхъ открытыхъ площадяхъ и улицахъ поставятъ орудія, что это средство достаточно для того, чтобы никто не осмѣлился тронуться. Чтобы дать вашимъ увѣреніямъ болѣе вѣса, можете сообщить роднѣ короля, что новые полки, именно конные, уже на пути въ Варшаву. Въ случаѣ, если король начнетъ отговариваться болѣзнію, извольте, черезъ посредство Булгакова, познакомиться съ какимъ-нибудь докторомъ и посредствомъ подарка 250 дукатовъ расположить его сказать, что легкое нездоровье не помѣшаетъ поѣздкѣ короля. Если король пришлетъ къ вамъ своего тайнаго секретаря, человѣка почтеннаго, по какому-нибудь неважному дѣлу, скажите ему, что у васъ лежатъ 20,000 червонцевъ: онъ не замедлитъ сообщить объ этомъ королю. Слѣдуетъ королю угождать въ мелочахъ; онъ придаетъ большой вѣсъ мелочамъ. Прилагаю вексель на банкира Мейснера; по немъ банкиръ отпуститъ королю 10,000 червонцевъ. При случаѣ и этотъ вексель можно показать. По извѣстнымъ вамъ причинамъ, прошу васъ обращайте вниманіе, чтобы по кошелькамъ, бумагамъ, нумерамъ не узнали, откуда достались эти деньги въ ваши руки. При малѣйшемъ подозрѣніи прошу сдѣлать перемѣну.»

II.

Сиверсъ въ Гродно.—Приготовленія.—Отъѣздъ короля изъ Варшавы въ Гродно.—Декларація россійской императрицы и прусскаго короля о второмъ раздѣлѣ.—Король въ Бѣлостокѣ. — Протестаціи Ржевускаго и Валевскаго. — Ноты Сиверса. — Возобновленіе постояннаго совѣта. — Прибытіе короля въ Гродно. — Универсалъ о созваніи сейма.

Сиверсъ прибылъ въ Гродно 21-го марта (2-го апрѣля) при громѣ пушекъ и при огромномъ стеченіи народа. Конфедерація находилась тогда въ очень неполномъ составѣ. Щенсный Потоцкій отправился въ Петербургъ. Видя что приходятъ бѣды, этотъ магнатъ, заваривъ кашу, поспѣшилъ убраться по добру по здорову, чтобы не быть маршаломъ конфедераціи тогда, когда уже ей придется расплачиваться за свое существованіе. Его супруга, съ которою онъ собирался разводиться, прежде него отправилась въ Петербургъ и была принята съ почестями. Потоцкій собирался туда же; конфедераты долго не пускали его. Но императрица дала приказаніе Сиверсу сообщить конфедераціи ея желаніе, чтобы Потоцкій ѣхалъ въ Петербургъ, и Потоцкій былъ отпущенъ. У Щенснаго блистала еще надежда, что быть можетъ личное присутствіе его въ Петербургѣ будетъ полезно для отечества. Конфедерація дала ему инструкцію отъ 7-го марта, въ которой было сказано, что конфедерація, оставаясь при своемъ желаніи сохранить независимость и свободу Польши, надѣется счастья отечеству только отъ тѣснѣйшаго соединенія съ Россіею. Въ этихъ видахъ конфедерація и посылала къ императрицѣ своего маршала Потоцкаго, поручая ему освѣдомиться объ условіяхъ, на которыхъ можетъ совершиться соединеніе обоихъ народовъ, составить объ этомъ предметѣ прелиминарныя статьи и сообщить конфедераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось ему имѣть въ виду присягу, данную конфедераціей и цѣлымъ народомъ: охранять цѣлость границъ краевъ Рѣчи-Посполитой, обезпеченныхъ торжественными трактатами; никакое противное предложеніе, откуда бы оно ни происходило, не должно быть предметомъ договора съ польскимъ народомъ.

Вмѣсто Потоцкаго въ Гродно избранъ былъ маршаломъ Пулавскій.

Сиверсъ, прибывъ въ Гродно, помѣстился во второмъ ярусѣ трехъ-этажнаго дома Сапѣги, первый ярусъ онъ отдалъ для хозяйственныхъ принадлежностей, а третій для своихъ чиновниковъ, Помѣщеніе его было хотя, по его замѣчанію, съ невысокими потолками, но просторное; ему надо было давать обѣды и балы.

Это, впрочемъ, отлагалось до скоро наступавшихъ праздниковъ Пасхи: но пока была страстная недѣля, пріемъ его не сопровождался церемоніями и пирами, какъ бы случилось въ другое время.

Одни конфедераты предвидѣли, другіе навѣрное знали, что̀ появится черезъ нѣсколько дней. Одни молчали, страшась вдумываться въ то, чего боялись, другіе спѣшили заявлять передъ посланникомъ свое расположеніе къ Россіи, припоминать свои услуги императрицѣ, увѣряли, что они на прошедшемъ сеймѣ старались говорить и дѣлать угодное императрицѣ; тѣ, которые прежде одобрительно покрикивали въ честь 3-го мая, извинялись, говоря, что это былъ невольный грѣхъ. Тѣ искали староствъ, тѣ должностныхъ мѣстъ, и на мѣста такъ много являлось охотниковъ, что приходилось, какъ выражается Сиверсъ, на каждое мѣсто по двадцати конкуррентовъ. Сиверсъ раздавалъ имъ пенсіоны, обязывая каждаго получавшаго дѣлать то, что ему прикажутъ. Такимъ образомъ Сиверсъ далъ надворному маршалу Забѣллѣ тысячу червонцевъ на мѣсяцъ, съ обѣщаніемъ удвоить, если онъ будетъ вести себя какъ слѣдуетъ. Со всѣми, кто только имѣлъ вліяніе въ конфедераціи, поступалъ онъ также; и прусскій министръ Бухгольцъ, пріѣхавшій въ Гродно, долженъ былъ принимать на себя половину этихъ издержекъ.

Северинъ Ржевускій неистовствовалъ противъ Россіи и возбуждалъ къ тому же другихъ конфедератовъ; онъ оказался самымъ задорнымъ изъ пановъ, и сдѣлался Сиверсу несноснѣе всѣхъ. Но посланникъ, привыкшій во всѣхъ полякахъ видѣть слабость и податливость на приманку выгодами, замѣчалъ въ письмѣ къ Зубову, что и Ржевускій поумнѣетъ, если ему дать два хорошихъ староства, о которыхъ уже онъ старается, да прибавить еще другихъ два, которые ему обѣщалъ Зубовъ прежде. «Одно слово отъ ея императорскаго величества — писалъ Сиверсъ — было бы истиннымъ бальзамомъ и произвело бы хорошее вліяніе въ здѣшней публикѣ.» Сиверсъ, какъ и вообще всѣ дипломаты того времени, считалъ, что громада польскаго дворянства не имѣетъ ни твердыхъ убѣжденій, ни смѣлости, а всегда идетъ за сильными и вліятельными панами, привыкши отъ дѣдовъ и прадѣдовъ лакействовать передъ ними; всѣ готовы кричать и сопротивляться, когда есть между важными панами такіе, что̀ кричатъ и сопротивляются, а потому надобно было, какъ прежде всегда и дѣлалось, ублажить важныхъ и вліятельныхъ пановъ, склонить ихъ на свою сторону или по крайней мѣрѣ заставить молчать,—тогда и крику поубудетъ настолько, насколько велико вліяніе замолчавшихъ пановъ. Въ противномъ случаѣ, когда бы такія мѣры

оказались слабыми, Сиверсъ всегда готовъ былъ употребить болѣе энергическія мѣры, въ родѣ секвестра на имѣнія, или высылки. Государыня, услыхавъ еще прежде о сопротивленіи Ржевускаго, велѣла Сиверсу внушить ему, что русская императрица не хочетъ дѣлать непріятнаго полякамъ, но судьба государствъ не можетъ подчиняться частнымъ отношеніямъ; государыня имѣетъ въ виду благо своихъ подданныхъ и самихъ поляковъ, чтобы избавить ихъ отъ бурь, которыя ихъ волнуютъ; но если онъ желаетъ выйти и удалится отъ дѣлъ, пусть выходитъ.

Надѣясь на твердость своей политики, императрица по поводу Ржевускаго писала: «не слѣдуетъ отъ поляковъ требовать пожертвованій ихъ чувствами и политическими убѣжденіями, хотя бы и ошибочными. Не слѣдуетъ требовать отъ Ржевускаго отчета; нужно оставить ему полную свободу, въ надеждѣ, что онъ оцѣнитъ это доказательство великодушія императрицы».

День, въ который должна быть обнародована декларація генераломъ Кречетниковымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поданы ноты отъ русскаго и прусскаго пословъ, назначенъ былъ 27-го марта (8-го апрѣля). Намѣревались принудить конфедерацію издать универсалъ о созваніи сеймиковъ, для выбора пословъ на сеймъ; сеймики эти допускались только въ тѣхъ воеводствахъ, которыя не входили въ область земель, отходившихъ отъ Польши. Чтобы въ Гродно послы были посговорчивѣе, рѣшено было двинуть поближе къ городу корпусъ войска; Игельстромъ былъ готовъ къ услугамъ по приказанію Сиверса. Онъ приказалъ заранѣе заготовить кантониръ-квартиры для корпуса, но въ самый городъ не рѣшался вводить много войска, а поставить тамъ только четыре роты егерей.

До времени слѣдовало все еще хранить молчаніе. Тайна раздѣла должна была грянуть внезапно, какъ бомба, на Польшу. Самого Сиверса бралъ невольный страхъ съ приближеніемъ дня, въ который должна была рѣшиться судьба государства. «Если бы не надежда принести пользу человѣчеству, — писалъ онъ къ своей дочери—то я бы попросилъ увольненія отъ этой должности.» Этотъ страхъ не происходилъ, однако, отъ убѣжденія, чтобы дѣло, которое ему поручено, было нехорошо или недостойно его; какъ ливонца, его немного смущало воспоминаніе о томъ, какъ Польша нѣкогда защищала его рыцарскую родину отъ Москвы, но какъ вѣрный слуга Россіи, онъ радовался увеличенію своего государства и даже смотрѣлъ впередъ на будущее обрусеніе края, который возвращался во владѣніе Россіи. «Хорошо было бы, — писалъ онъ императрицѣ, — все, относящееся къ губерніямъ, которыя пріобрѣтетъ Россія, приказать печатать

ю-русски, латинскими буквами, по польскому произношенію. Ручаюсь, что въ десять лѣтъ всѣ будутъ превосходно знать по-русски, а инымъ способомъ не научатся и въ пятьдесятъ. Я говорилъ объ этомъ съ Захаромъ Григорьевичемъ (Чернышевымъ), но онъ черезчуръ московскаго духа и человѣкъ гордый — не хотѣлъ говорить объ этомъ съ вашимъ величествомъ; а мнѣ кажется, такимъ бы образомъ русскій языкъ не только въ Литвѣ, но и въ остальной Польшѣ распространился. Можетъ быть ваше императорское величество скажете, что старый новгородскій слуга заглядываетъ черезчуръ впередъ».

Въ ожиданіи королевскаго пріѣзда, Сиверсъ безпрестанно писалъ къ Станиславу-Августу и посылалъ ему одну за другой горькія, хотя позолоченныя пилюли. Такимъ образомъ, онъ потребовалъ отъ короля, чтобы онъ назначилъ начальникомъ коронной гвардіи Ожаровскаго, человѣка, ненавистнаго королю. Станиславъ-Августъ повиновался. Познанскій епископъ былъ, какъ говорили, при смерти; Сиверсъ потребовалъ, чтобы король, согласно желанію императрицы, далъ коадъюторство познанскаго епископства одному изъ родственниковъ Рачинскаго. Король прежде обѣщалъ тоже самое другому лицу, но долженъ былъ нарушить свое обѣщаніе и повиноваться послу Екатерины. Наконецъ, Сиверсъ, по приказанію государыни, наложилъ секвестръ на имѣнія князя Іосифа и не хотѣлъ снять его. Насилу король выпросилъ одно староство для его матери. Сиверсъ послалъ объ этомъ просьбу императрицѣ, и утѣшалъ короля, что, вѣроятно, императрица сдѣлаетъ для него эту милость, а между тѣмъ торопилъ ѣхать скорѣе въ Гродно. «Мои поступки напоминаютъ, писалъ онъ дочери, того римскаго консула, который начертилъ кругъ около одного азіатскаго царя и приказалъ ему дать отвѣтъ не выходя изъ круга». Король не отрекался ѣхать, но жаловался на судьбу и громко говорилъ своимъ родственникамъ, что не подпишетъ трактата о раздѣлѣ, если ему его поднесутъ; но американецъ Литтльпажъ, вмѣстѣ и любимецъ короля и шпіонъ Игельстрома, объявилъ послѣднему, что король ему съ глаза на глазъ сказалъ, что все сдѣлаетъ, что ему велятъ, разсуждая такимъ образомъ: большинство голосовъ составляетъ народъ, а что народъ приговоритъ, то не будетъ преступленіемъ подписать.

Сиверсъ, 1-го апрѣля, писалъ королю такое утѣшеніе: «Могу васъ увѣрить, по истинной правдѣ, что вашему величеству не будутъ дѣлать здѣсь личныхъ непріятностей, напротивъ, дѣло идетъ о реформѣ, которая принесетъ счастіе Рѣчи-Посполитой и королю, ея главѣ. Судьбы личностей только отчасти будутъ здѣсь касаться, и я долженъ увѣрить васъ, что ни съ характеромъ

ея императорскаго величества, ни съ моимъ, смѣю сказать, не сообразно причинять кому бы то ни было огорченіе, если только общественное благо не потребуетъ этого. Ваше величество можете смѣло выѣхать изъ Варшавы и прибыть въ Гродно безъ малѣйшаго опасенія. Я боюсь только одного, чтобы время года не подѣйствовало вредно на ваше драгоцѣнное здоровье и чтобы это не произвело неожиданнаго замедленія въ желанномъ прибытіи вашемъ въ Гродно».

Въ то же время, по донесенію Игельстрома, онъ сообщалъ государынѣ, что король сходится съ шведскимъ посломъ, и въ этомъ онъ видитъ что-то предосудительное.

Въ назначенный день, 24-го марта (4-го апрѣля), король выѣхалъ наконецъ изъ Варшавы, въ двадцать пять экипажей. Игельстромъ далъ ему въ провожатые подполковника Штакельберга (своего племянника) какъ будто для почета и для безопасности при проѣздѣ черезъ русскія войска, а въ самомъ дѣлѣ для наблюденія надъ королемъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать скоро, какъ хотѣлось послу, король каждый день ѣхалъ верстъ по двадцати или тридцати и останавливался. Такимъ образомъ, выѣхавши 4-го апрѣля, онъ доѣхалъ до Окунева, имѣнія пана Кицкаго, и тамъ остановился у владѣльца обѣдать, потомъ легъ отдыхать, а на другой день слушалъ обѣдню. Выѣхавши оттуда, онъ доѣхалъ до имѣнія другого пана, и тамъ тоже самое; и такъ далѣе. Проѣзжая черезъ мѣста, гдѣ квартировали русскія войска, онъ былъ принимаемъ русскими генералами со знаками вниманія и почестями. Во многихъ мѣстахъ къ нему являлись обыватели и духовные для изъявленія чувствъ своихъ. Такимъ образомъ, 11-го апрѣля, онъ едва добрался до Бѣлостока, и тамъ зажилъ на нѣсколько дней. Мимо его проѣзжали и спѣшили въ Гродно разные паны изъ Варшавы, являлись къ нему и уѣзжали туда, куда ѣхали, а онъ медлилъ, слушалъ обѣдни, посѣщалъ школы и отдѣлывался то нездоровьемъ, то другими предлогами. Король напоминалъ собою вола, который, чуя, что его ведутъ на закланіе, упирается и ногами и рогами, отчаянно реветъ и все-таки, подгоняемый бичемъ, слѣдуетъ на мѣсто смерти.

Наступилъ праздникъ Пасхи. Въ Гродно начались торжества. Въ понедѣльникъ, Сиверсъ далъ у себя балъ и ужинъ; потомъ прусскій министръ далъ обѣдъ, въ пятницу далъ обѣдъ Сиверсъ, а въ субботу епископъ Масальскій далъ роскошный обѣдъ и балъ для цѣлаго города. Посланники, пріѣхавшіе убивать Польшу, угощали поляковъ, а поляки, по своему обычаю, пили и танцовали надъ вырытою могилою своего отечества.

Курьеры во множествѣ бѣгали изъ Гродно въ Варшаву, изъ

Варшавы въ Гродно, изъ Гродно и Варшавы въ Полонное, гдѣ стоялъ Кречетниковъ, и въ Великую Польшу, гдѣ стоялъ прусскій главнокомандующій Меллендорфъ, изъ Гродно въ Петербургъ и обратно. Отовсюду шли тревожные вопросы, и отовсюду приносились отвѣты, что все пока спокойно и благополучно.

Между тѣмъ Гданскъ, столь дорогой полякамъ, который такъ упорно поляки отстаивали отъ Пруссіи, палъ въ руки пруссаковъ. Прусскій генералъ Раумеръ блокировалъ его съ 6-го марта по 15-е, и требовалъ сдачи укрѣпленій и устья Вислы. Магистратъ просилъ его не брать укрѣпленій и предлагалъ принять городъ съ округомъ въ прусское владѣніе. Послали просить прусскаго короля. Повѣренный Рѣчи-Посполитой, тамъ находившійся, напрасно протестовалъ противъ этого. Лишенные подвоза, жившіе торговлею граждане Гданска, бо́льшею частію нѣмцы, не слишкомъ душевно привязаны были къ Рѣчи-Посполитой. 25-го марта, пришелъ отвѣтъ короля. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ желаніе Гданска, но требовалъ допущенія войскъ своихъ въ городъ, и обѣщалъ покровительство и льготы. 27-го марта, объявили Раумеру, что городъ сдается. Но на другой день, когда Раумеръ сталъ занимать укрѣпленія, толпа мѣщанъ, къ которой присталъ польскій гарнизонъ, овладѣла пушками и стала стрѣлять по пруссакамъ. Бой продолжался до трехъ съ половиною часовъ, пока зачинщики не были перехватаны и гарнизонъ не обезоруженъ. Раумеръ вошелъ въ городъ и обнародовалъ манифестъ, въ которомъ грозилъ строгою казнію за составленіе всякихъ сборищъ.

Наконецъ, пришло воскресенье 27-го марта (7-го апрѣля). «Наступилъ день — писалъ Сиверсъ своей дочери — памятный и знаменитый въ исторіи Польши, Россіи и Пруссіи». Въ мѣстечкѣ Полонномъ, на Волыни, опубликовано было генераломъ Кречетниковымъ такое объявленіе отъ имени императрицы всероссійской [1]).

«Участіе ея императорскаго величества императрицы всероссійской, принимаемое въ дѣлахъ польскихъ, всегда основывалось на ближайшихъ коренныхъ и взаимныхъ пользахъ обоихъ государствъ. Но это благожелательство ея императорскаго величества и заботливость о сохраненіи въ сосѣдней державѣ спокойствія, согласія и свободы не только были безплодными, но сдѣлались безполезнымъ и напраснымъ бременемъ для ея императорскаго величества и нанесли ея государству неисчислимыя потери, въ чемъ

---

[1]) Переводъ съ польскаго текста.

очевидно убѣждаетъ тридцатилѣтній опытъ. Между многими безобразіями и насиліями, вытекавшими изъ несогласія и взаимныхъ ссоръ, и тяготившими безпрестанно польскую Рѣчь-Посполитую, ея императорское величество съ особеннымъ прискорбіемъ взирала на тѣ утѣсненія, которыя должны были переносить города и провинціи, прилегавшіе къ владѣніямъ ея императорскаго величества, нѣкогда бывшіе ея истиннымъ наслѣдіемъ, обитаемые и наполненные людьми одного происхожденія и племени, просвѣщенными православною христіанскою вѣрою и до сихъ дней исповѣдующими эту вѣру. Въ наше время нѣкоторые выродки поляки, измѣнники собственнаго отечества, не устыдились поджигать правительство, составленное изъ безбожныхъ бунтовщиковъ во французскомъ королевствѣ, и искать у него опоры, чтобы съ его помощію навлечь на Польшу кровавыя бѣдствія междоусобной войны. Но ближайшею и вѣрнѣйшею опасностью какъ для святой христіанской вѣры, такъ и для благоденствія общаго для упомянутыхъ краевъ угрожаетъ ихъ наглость чрезъ распространеніе ядовитаго ученія, клонящагося къ разрыву всѣхъ связей религіи, гражданственности и политики, на которыхъ основывается и которыми держится совѣсть, безопасность и имущество каждаго. Ненавистные непріятели общественнаго спокойствія, подражая безбожной, бѣшеной, преступной и разбойнической шайкѣ французскихъ бунтовщиковъ, стараются по всей Польшѣ разсѣять и привить ихъ ученіе и тѣмъ самымъ навсегда погубить спокойствіе и собственной страны, и ея сосѣдей.

«По этимъ-то поводамъ, ея императорское величество, моя всемилостивѣйшая государыня, какъ въ вознагражденіе многихъ своихъ утратъ, такъ и заботясь о благѣ и безопасности россійской имперіи и самыхъ польскихъ провинцій, а равнымъ образомъ и для того, чтобы навсегда укротить и отнять причину всякихъ замысловъ своевольныхъ, частыхъ и враждебныхъ одна другой перемѣнъ правленія, постановила наконецъ принять подъ свою державу и на вѣчныя времена присоединить къ россійской имперіи всѣ края съ обитателями ихъ въ ниже описанныхъ границахъ, именно: начиная линію отъ селенія Друи, лежащаго на лѣвомъ берегу Двины, на углу границы Семигаліи и проводя ее на Нарочъ и Дуброву, оттуда слѣдуя по частному рубежу виленскаго воеводства на Столпцы, потомъ на Несвижъ, потомъ до Пинска, а оттуда переходя черезъ Куневъ между Вышегродомъ и Новой Греблей, близъ границы Галиціи, съ которою соединясь и слѣдуя по ней до рѣки Днѣстра, откуда идя внизъ по рѣкѣ Днѣстру, доходитъ до Ягорлика, до пункта, прежде составлявшаго границу между Россіею и Польшею. Всѣ земли,

города и повѣты, занимаемые вышеописанною линіею новой границы между Россіею и Польшею, будутъ навсегда оставаться подъ скипетромъ россійской имперіи; обыватели этихъ провинцій и жители всякаго званія поступятъ въ число россійскихъ подданныхъ. Для этой цѣли, отъ ея императорскаго величества дано мнѣ, какъ генералъ-губернатору новоприсоединяемыхъ краевъ высочайшее повелѣніе торжественно увѣрить, священнымъ именемъ ея императорскаго величества и словомъ (что́ я этимъ оглашеніемъ для вѣдома каждому и для несомнѣннаго увѣренія и исполняю), всѣхъ новыхъ подданныхъ ея императорскаго величества, моихъ отнынѣ любезныхъ соотчичей, что всемилостивѣйшая государыня не только изволитъ подтвердить имъ полную и неограниченную свободу публичнаго отправленія обрядовъ ихъ религіи, законное владѣніе достояніями и имуществами, недвижимыми и движимыми, но приспособляя совершенно и внѣдряя въ россійскую имперію, пріобщая къ славѣ и благоденствію россійской имперіи, на образецъ вѣрноподданныхъ ея императорскаго величества, обитателей бѣлорусскихъ, живущихъ въ ненарушимомъ спокойствіи и изобиліи подъ мудрымъ и милостивымъ господствомъ ея, каждому дается право въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія съ этого времени пользоваться всякими пожалованными льготами и преимуществами, какими пользуются ея давніе подданные, такъ, что каждое сословіе обывателей новоприсоединяемыхъ провинцій съ этого дня начинаетъ участвовать во всѣхъ выгодахъ и пользахъ, присвоенныхъ его сословію; взаимно же ея императорское величество надѣется и требуетъ признательности и преданности новыхъ своихъ подданныхъ, чтобы, такъ какъ она по благости своей допускаетъ ихъ къ равнымъ выгодамъ и къ имени русскихъ, и они съ своей стороны старались бы содѣлаться достойными этой чести истинною любовью къ своему теперь новому, а современемъ старому отечеству, и ненарушенной вѣрностью могущественной и великодушной государынѣ, и по этому всѣ и каждый въ особенности, начиная отъ знатнѣйшей шляхты и чиновниковъ, до послѣдняго, кому надлежать будетъ, обязаны въ продолженіи мѣсяца произнести торжественную присягу на вѣрность, при свидѣтеляхъ, нарочно для того назначенныхъ. Если же бы кто-нибудь изъ шляхты или изъ лицъ другого сословія, владѣющій земскимъ имуществомъ, мало заботясь о собственномъ счастіи, не хотѣлъ произнести присяги, тому дается трехъ-мѣсячный срокъ для продажи своего имѣнія и добровольнаго выѣзда изъ края, по минованіи котораго срока, все остающееся у него имущество будетъ секвестровано и взято въ казну.

«Высшее и низшее духовенство, какъ духовные пастыри, долж-

ны дать собою примѣръ, произнесши первые присягу, и каждый день въ общественномъ богослуженіи возсылать горячія молитвы о здравіи ея императорскаго величества, нашей августѣйшей и всемилостивѣйшей государыни и вселюбезнѣйшаго сына ея и наслѣдника престола, цесаревича и великаго князя Павла Петровича и всего августѣйшаго императорскаго дома, по формѣ, которая для этой цѣли въ скорѣйшемъ времени предпишется. При торжественномъ обезпеченіи всѣхъ и каждаго въ свободѣ вѣроисповѣданія и въ сохраненіи собственности, само собою разумѣется, и еврейскія общества, живущія въ городахъ и селеніяхъ новоприсоединенныхъ провинцій, должны быть сохранены и содержимы въ цѣлости, со всѣми правами, служившими ихъ вѣрѣ и имуществамъ, ибо человѣколюбіе и милосердіе августѣйшей государыни не дозволяетъ ей исключать ихъ однихъ отъ всеобщей ея ко всѣмъ благости и отъ наступающаго подъ благословенною ея державою благоденствія, доколѣ они съ своей стороны будутъ пребывать въ покорности и послушаніи, занимаясь, какъ до сихъ поръ, торговлею и промыслами. Суды и расправы, оставаясь на своихъ мѣстахъ, должны отправлять свои занятія именемъ и властію ея императорскаго величества, съ точнѣйшимъ соблюденіемъ порядка и правосудія. Наконецъ, исполняя волю августѣйшей государыни, признаю необходимымъ извѣстить еще и о томъ, что всѣ войска, находясь уже въ своемъ краю, будутъ соблюдать наистрожайшую дисциплину, а потому ни вступленіе ихъ въ различныя мѣста, ни самое измѣненіе правленія, не можетъ препятствовать спокойному занятію хозяйствомъ, торговлею и промыслами, напротивъ, чѣмъ болѣе возрастаніе всего этого умножитъ частныя выгоды, тѣмъ болѣе это пріятно будетъ августѣйшей государынѣ и заслужитъ ея вниманіе.

«Это объявленіе 27-го марта текущаго мѣсяца должно быть читано по всѣмъ церквамъ, записано въ судебныя книги и гдѣ слѣдуетъ публично вывѣшено для всеобщаго свѣдѣнія. А для полнаго увѣренія утверждаю его по власти, мнѣ данной, подписомъ руки моей съ приложеніемъ моей гербовой печати. Въ Полонномъ, въ главномъ лагерѣ.—Михаилъ Кречетниковъ».

Въ то же время, на противоположномъ концѣ умиравшей и раздираемой Польши, былъ опубликованъ другой манифестъ отъ имени прусскаго короля, такого содержанія:

«Всѣмъ сословіямъ, епископамъ, аббатамъ, прелатамъ, воеводамъ, каштеллянамъ, старостамъ, подкоморіямъ, земскимъ судьямъ, рыцарству, вассаламъ, шляхтѣ, начальствующимъ, обывателямъ городовъ, земледѣльцамъ и инымъ всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ чинамъ, обывателямъ и жителямъ воеводствъ поз-

нанскаго, гнѣзненскаго, калишскаго, сѣрадзьскаго, города и магистрата Ченстохова, земли Велюнской, воеводства ленчицкаго, повѣта куявскаго, земли добржинской, воеводствъ равскаго и плоцкаго, и проч. по пограничному пути, также городовъ Гданска и Торуня, которые находились прежде подъ владѣніемъ Польши, всѣмъ вообще и каждому объявляемъ особо нашу королевскую благосклонность.

«Каждому извѣстно, что польскій народъ не переставалъ подавать причины къ справедливому неудовольствію пограничнымъ монархамъ, особенно прусскому государству, и не довольно того, что вопреки всѣмъ правамъ добраго сосѣдства частыми наѣздами дѣлалъ вредъ прусской странѣ, безпокоилъ пограничныхъ жителей, и обращался съ ними презрительно, всегда почти отказывая имъ въ правосудіи и немедленномъ удовлетвореніи, но еще затѣвалъ зловредные замыслы, которые должны были возбудить опасеніе пограничныхъ правительствъ. Все это извѣстно каждому, кто въ послѣднее время слѣдилъ затѣмъ, что дѣлалось въ Польшѣ. Но преимущественно возбуждаетъ опасенія пограничныхъ монарховъ духъ несогласій и смутъ, котораго опасное вліяніе, возрастая съ каждымъ днемъ, клонится къ тому, чтобъ разорвать всѣ политическія и религіозныя связи и предать жителей всѣмъ ужасамъ анархіи. Если эти правила, разрушающія всякій общественный порядокъ, были зловредны во всякомъ государствѣ, гдѣ только допускались, то какъ не опасаться ихъ послѣдствій у народа, который всегда отличался страстію къ безпорядкамъ и горячкою, съ которою, сломя голову, кидался ко всему, что питало и распространяло безпорядки въ народѣ, который при томъ довольно силенъ, чтобъ сдѣлаться страшнымъ для сосѣдей, противъ которыхъ постоянно направлялъ свои замыслы? Было бы несогласно съ предусмотрительною политикою и съ обязанностями охранять спокойствіе въ краѣ нашемъ, если бы мы оставались только спокойными зрителями и ожидали бы времени, когда эта дерзкая партія безпорядка почувствуетъ возможность возстать съ надеждою на успѣхъ, и наши пограничныя Польшѣ провинціи подвергнутся опасностямъ анархіи, противъ которой уже поздно будетъ предпринимать мѣры.

«Поэтому, вмѣстѣ съ августѣйшею россійскою императрицею, съ согласія августѣйшаго римскаго императора, мы признали, что безопасность нашихъ провинцій требуетъ провести польской Рѣчи-Посполитой такія границы, которыя болѣе бы соотвѣтствовали ея внутреннимъ силамъ и подали бы ей возможность безъ ущерба свободы учредить у себя мудрое, сильное, прочное и несложное правленіе, и, при спокойномъ пользованіи онымъ, избѣ-

гать тѣхъ безпорядковъ, которые такъ часто возмущали ея собственное спокойствіе и безопасность сосѣдей. Чтобы достигнуть этого и избавить Рѣчь-Посполитую отъ страшныхъ бѣдствій, которыя должны быть слѣдствіемъ внутреннихъ тревогъ, и такимъ образомъ спасти ее отъ уничтоженія, въ особенности же чтобы отвлечь обывателей ея отъ той зловредной науки, которою ядомъ они такъ сильно заразились, по нашему убѣжденію, раздѣляемому единомысленно и ея величествомъ императрицею всероссійскою, нѣтъ другого способа, какъ присоединить къ нашему государству пограничныя съ нами провинціи, и на этотъ конецъ взять ихъ теперь же во владѣніе, дабы такимъ образомъ предупредить всякое зло, могущее возникнуть изъ настоящихъ волненій въ Польшѣ.

«Итакъ, съ вѣдома ея императорскаго величества, государыни россійской, предприняли мы вышеупомянутыя области польскія, а также города Гданскъ и Торунь принять въ наше владѣніе и присоединить къ нашему государству. Настоящій манифестъ имѣетъ цѣлію привести въ извѣстность таковое наше твердое и неизмѣнное намѣреніе. Ожидаемъ отъ польскаго народа, что онъ какъ можно скорѣе соберется на сеймъ и помыслитъ о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ дружелюбно исполнить дѣло, отъ котораго зависитъ спокойствіе Польши и избавленіе ея жителей отъ ужасныхъ послѣдствій анархіи. Милостиво и вмѣстѣ строго предостерегаемъ жителей повѣтовъ и городовъ, отходящихъ въ наше владѣніе, не противиться принятію ихъ края въ наше владѣніе и не сопротивляться приказаніямъ генераловъ и дѣйствіямъ войскъ нашихъ, посланныхъ съ этой цѣлью, подчиниться съ охотою нашимъ законамъ, признать насъ своимъ законнымъ королемъ и господиномъ, наравнѣ съ другими нашими вѣрными подданными и устраниться отъ всякаго общенія съ Рѣчью-Посполитою. Мы же взаимно настоящимъ патентомъ торжественно обѣщаемъ обывателямъ всѣхъ классовъ и каждому въ особенности, оставить ихъ съ правами и преимуществами, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, въ особенности обѣщаемъ исповѣдующимъ римско-католическую вѣру, предоставить свободное отправленіе богослуженія, покровительствовать ихъ и вообще управлять цѣлымъ краемъ такъ правосудно и человѣколюбиво, чтобы разсудительные и благомыслящіе обыватели, будучи счастливыми и довольными, не имѣли никакой причины сожалѣть о прежней власти.

«Чтобы увѣриться въ вѣрности и преданности нашихъ новыхъ подданныхъ, мы признали за благо потребовать обычной въ такихъ обстоятельствахъ присяги; но какъ по причинѣ отдаленности не можемъ сами лично принять ее, поэтому назначаемъ

вмѣсто себя уполномоченныхъ, генерала отъ инфантеріи и орденовъ нашихъ кавалера, вице-оберъ-кригсъ-президента, губернатора столицы нашей Берлина, шефа полка инфантеріи Вейхарта-Іоакима-Гейнриха фонъ-Меллендорфа, и нашего дѣйствительнаго статсъ-и юстицъ-министра и шефа-президента всѣхъ регенцій Адольфа-Альбрехта-Генриха-Леопольда барона фонъ-Данкельмана, съ тѣмъ, чтобы они вмѣсто насъ именемъ нашимъ приняли вышеупомянутую присягу. Всемилостивѣйше приказываемъ всѣмъ вышеупомянутымъ обывателямъ въ теченіи двухъ дней срока послѣ назначенія отъ уполномоченныхъ коммиссаровъ мѣста для присяги присягнуть на вѣрность и подданство намъ, и наслѣдникамъ нашимъ. Епископы, аббаты, прелаты, воеводы, каштеляны, старосты, подкоморіи и земскіе судьи, должны явиться лично или черезъ своихъ довѣренныхъ, а прочія сословія присягнуть чрезъ выбранныхъ изъ своей среды депутатовъ съ надлежащимъ полномочіемъ, такъ, чтобы изъ каждаго повѣта по крайней мѣрѣ было четыре особы изъ шляхетства, четыре духовныхъ и плебановъ и шесть солтысовъ изъ селъ, а отъ городскихъ начальствъ по два бурмистра и по одному синдику. Всѣ эти уполномоченные изъ своихъ повѣтовъ и городовъ должны получить инструкціи, по которымъ они должны произнести присягу. Такая присяга будетъ имѣть силу вѣчнаго закона и потому должна быть засвидѣтельствована въ земскихъ судахъ и внесена въ акты ихъ канцелярій, съ выдачею копій нашимъ коммиссарамъ. Надѣемся, что каждый, кого это касается, окажется послушнымъ; если жъ бы, сверхъ нашихъ ожиданій, какое-нибудь сословіе или какой-нибудь обыватель вышеупомянутыхъ повѣтовъ и городовъ дерзнули не повиноваться настоящему нашему манифесту и отказались присягнуть намъ на вѣрность и признать нашу власть, или же осмѣлились неповиноваться приказаніямъ нашихъ генераловъ и сопротивляться нашему войску, такіе подвергнутся немедленно обычнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ наказаніямъ, не взирая на свои особы. Для большей вѣры, мы подписали нашъ манифестъ собственноручно и приказали, утвердивъ его нашею королевскою печатью, огласить его гдѣ надлежитъ и опубликовать посредствомъ печати. Берлинъ. 25-го марта 1793 года.— Фридрихъ-Вильгельмъ».

Черезъ два дня по появленіи этихъ декларацій на своихъ мѣстахъ, Сиверсъ подалъ конфедераціи ноту такого содержанія:

«Намѣренія, которыя ея императорское величество императрица всероссійская приказала огласить въ деклараціи, поданной ея министромъ въ Варшавѣ 7-го (18-го) мая прошлаго года по поводу вступленія войскъ своихъ въ Польшу, безъ сомнѣнія

были такого рода, что долженствовали пріобрѣсть расположеніе, уваженіе и даже благодарность цѣлаго польскаго народа. Однако Европа увидала, какимъ образомъ они были встрѣчены и оцѣнены. Для открытія тарговицкой конфедераціи пути къ достиженію своихъ правъ и законной власти, надлежало прибѣгать къ оружію, и творцы конституціи 3-го мая 1791 года съ своими сторонниками сошли съ поля борьбы только послѣ пораженія ихъ россійскими войсками.

«Но явное противодѣйствіе прекратилось только для того, чтобъ уступить мѣсто скрытнымъ ковнямъ, которыхъ тонкія пружины тѣмъ опаснѣе, что часто ускользаютъ отъ прозорливѣйшаго наблюденія и избѣгаютъ преслѣдованія законовъ. Духъ партій и смутъ пустилъ такіе глубокіе корни, что тѣ, которые взяли на себя зловредный трудъ внушать и распространять его, послѣ неудачныхъ интригъ у иностранныхъ дворовъ, съ цѣлью набросить подозрѣніе на намѣренія Россіи, обратили свои усилія къ обольщенію черни, всегда легко способной быть обманутою, и успѣли настолько, что и она стала раздѣлять ненависть и злобу, которую они возъимѣли противъ нашей имперіи, за то, что послѣдняя уничтожала ихъ преступныя надежды. Не говоря уже о многихъ поступкахъ, всѣмъ извѣстныхъ, доказывающихъ злобныя наклонности большаго числа поляковъ, достаточно сказать, что они употребили во зло правила человѣколюбія и умѣренности, съ которыми, по данному нами строгому приказанію, сообразжались въ своемъ поведеніи и поступкахъ генералы и офицеры войска ея императорскаго величества, начали съ ними дурно обходиться и дѣлать имъ оскорбленія, а самые дерзкіе стали даже поговаривать о сицилійскихъ вечерняхъ и угрожать имъ чѣмъ-то подобнымъ. Такую награду великодушнымъ намѣреніямъ этой монархини готовили враги спокойствія и добраго порядка. Можно поэтому судить, насколько искренно приступила бо́льшая часть поляковъ къ тарговицкой конфедераціи и насколько прочно и непоколебимо внутреннее и внѣшнее спокойствіе Рѣчи-Посполитой. Но ея императорское величество, привыкши въ продолженіи тридцати лѣтъ бороться съ непрестанными волненіями въ этой странѣ и уповая на данные ей Провидѣніемъ способы къ удержанію въ границахъ господствующихъ тамъ раздоровъ, неизмѣнна была бы въ своихъ безкорыстныхъ усиліяхъ и предала бы забвенію всѣ поводы неудовольствія, какъ равно и справедливыя притязанія, на которыя они даютъ право, если бы не оказывались безпорядки иного рода, важнѣе и опаснѣе.

«Противоестественное сумасбродство народа, нѣкогда цвѣтущаго, нынѣ же упавшаго, растерзаннаго и стоящаго на краю

готовой пожрать его пропасти, вмѣсто того, чтобы приводить въ содроганіе этихъ возмутителей, показалось имъ предметомъ достойнымъ подражанія. Они стараются ввести въ нѣдра Рѣчи-Посполитой адское ученіе, порожденное безбожною, святотатственною и нелѣпою сектою на несчастіе и разрушеніе всякаго общества духовнаго, гражданскаго и политическаго. Уже въ столицѣ и во многихъ польскихъ областяхъ учреждены клубы, состоящіе въ связи съ французскимъ клубомъ якобинцевъ. Они извергаютъ тайно ядъ свой и возмущаютъ умы. Появленіе такого жерла, опаснаго для всѣхъ сосѣднихъ государствъ, побудило послѣднихъ принять на себя трудъ взаимно отыскать средства къ истребленію зла въ самомъ зародышѣ и къ отвращенію заразы отъ собственныхъ своихъ предѣловъ.

«Ея императорское величество, государыня императрица всероссійская и его королевское величество, король прусскій, съ согласія его величества императора римскаго, не нашли для своей безопасности иного средства, какъ заключить Рѣчь-Посполитую въ болѣе тѣсныя границы, устроивъ для нея существованіе и пропорцію приличныя государству средняго размѣра, чтобы этимъ способомъ облегчить ей способы, не нарушая своей старинной свободы, устроить и удержать мудрое и стройное правленіе, достаточно сильное для укрощенія и предотвращенія всякихъ безпорядковъ и смутъ, такъ часто вредившихъ спокойствію и ея собственному и сосѣднихъ съ нею государствъ.

«По совершенномъ соглашеніи цѣлей и правилъ, ея императорское величество императрица всероссійская, и его королевское величество, король прусскій, глубоко убѣждены, что не могутъ иначе предотвратить совершеннаго уничтоженія Рѣчи-Посполитой, которымъ угрожаютъ ей господствующія въ ней несогласія, а въ особенности чудовищныя заблужденія, какъ присоединеніемъ къ своимъ государствамъ пограничныхъ провинцій, и немедленнымъ принятіемъ ихъ въ свое владѣніе. Вышереченные монархи, извѣщая польскій народъ о такомъ своемъ крѣпкомъ и неизмѣнномъ постановленіи, приглашаютъ его собраться на сеймъ и подружески обсудить этотъ предметъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избрать спасительныя мѣры, по отношенію къ устройству невозмутимаго спокойствія и прочнаго, твердаго правительства.— 9-го апрѣля 1793 года».

Всѣ три документа, приведенные здѣсь по ихъ важности цѣликомъ, краснорѣчиво показываютъ, безъ всякихъ съ нашей стороны комментаріевъ, какого рода были пріемы, употребленные политикою сильныхъ государствъ, рѣшавшихъ судьбу слабой Польши.

Въ тотъ же день Сиверсъ отослалъ копію съ деклараціи ко-

ролю въ Бѣлостокъ, и писалъ ему: «Мнѣ приказано, августѣйшій государь, сообщить вашему величеству, что опасенія ваши на счетъ судьбы Польши къ несчастію оправдались. По приказанію ея императорскаго величества я подалъ сегодня, вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ, ноту, съ приложеніемъ декларацiи, рѣшающей судьбу Рѣчи-Посполитой. Довѣріе, которое ваше величество мнѣ изволили оказывать, дозволяетъ мнѣ надѣяться, что ваше величество примете это сообщеніе какъ знакъ сочувствія, какое я имѣю къ вашей священной особѣ. Если бы случайно я не имѣлъ возможности повѣрить врученіе этихъ бумагъ кавалеру Литтльпажу, то рѣшился бы предпринять путешествіе въ Бѣлостокъ самъ, чтобы увѣдомить обо всемъ ваше королевское величество, доказать вамъ, какъ много участія я принимаю въ этомъ событии какъ человѣкъ частный, и склонить васъ къ единственному рѣшенію, какое вамъ можно принять въ этомъ случаѣ, то-есть, подчиниться во всемъ волѣ ея императорскаго величества. Я надѣюсь, впрочемъ, что ваше королевское величество, послѣ однодневнаго или двухдневнаго отдыха въ Бѣлостокѣ, будете въ состояніи предпринять путь въ Гродно, съ цѣлію подумать о томъ, съ чего слѣдуетъ начать, именно объ универсалахъ на сеймики; объ этомъ предметѣ существуютъ различныя мнѣнія, и многія изъ нихъ только затруднили бы положеніе дѣлъ».

Короля такъ поразило это извѣстіе, хотя уже давно предвидѣнное, что онъ не имѣлъ духа выѣхать изъ Бѣлостока и сидѣлъ въ немъ еще недѣли двѣ, проматывалъ данныя ему деньги и приказывалъ разрисовывать себѣ комнаты.

«Литтльпажъ привезъ мнѣ вѣсть о горькой судьбѣ отечества, писалъ онъ Сиверсу; я теперь ничего иного не могу выразить вамъ, кромѣ глубокаго чувства страданія. Оно поражаетъ разомъ и мой умъ, и мое здоровье?»

Тогда Сиверсъ отвѣчалъ ему: «Я чувствую всю великость, всю глубину страданій вашего величества. Пріѣзжайте же, вылейте эти страданія на сочувствующую вамъ грудь расположеннаго человѣка; это можетъ быть принесетъ вамъ облегченіе». Тайная иронія виднѣлась въ этихъ выраженіяхъ. Но король показывалъ видъ, что принимаетъ ее за-чистую монету и говорилъ: «этого бы не сдѣлалось, если бы все зависѣло отъ пана Сиверса». Сиверсъ понималъ, что король весь составленъ изъ фразъ, декламаціи, сантиментальности, но на самомъ дѣлѣ, если онъ дѣйствительно страдалъ, въ это время, то болѣе отъ крайняго униженія нанесеннаго его самолюбію, а не отъ бѣдствій отечества; иначе бы онъ, ради личныхъ своихъ выгодъ, не игралъ такой печально-комической роли.

Въ то же время Сиверсъ, въ письмѣ къ императрицѣ, доносилъ, что король сносится съ шведскимъ посломъ, изображалъ его притворщикомъ, интриганомъ, которому ни въ чемъ нельзя довѣрять. Приглашая Станислава-Августа изливать свои страданія на дружескую грудь, русскій посолъ въ то же время извѣщалъ его, что по изъявленному конфедераціею желанію онъ возобновляетъ «Постоянный Совѣтъ», который вмѣстѣ съ королемъ выдастъ универсалъ на сеймики для собранія сейма. Это были новыя пилюли для короля. Во-первыхъ, онъ зналъ, что этотъ совѣтъ будетъ выбранъ изъ людей враждебныхъ ему; во-вторыхъ, на него грозили возложить обязанность подписывать универсалъ, созывающій сеймъ, который долженъ узаконить гибель отечества и тѣмъ самымъ принуждали самого принимать въ этомъ участіе. Онъ писалъ къ Сиверсу:

«Сами знаете, что генеральная конфедерація соединила въ себѣ весь укладъ правленія. Она одна имѣла значеніе высочайшей власти въ краѣ, обвѣщала народу манифесты и постановляла распоряженія; всѣ обыватели, признавшіе конфедерацію, ее одну слушаютъ и почитаютъ законными ея воззванія. Поэтому и оглашеніе универсаловъ на сеймъ, по праву принадлежитъ исключительно конфедераціи».

Но Сиверсъ не могъ допустить до этого; право созывать сеймы принадлежало только королю, и сеймъ, созванный инымъ путемъ, былъ бы незаконнымъ. Король приглашалъ Сиверса къ себѣ. Сиверсъ отговаривался болѣзнію, и упрашивалъ короля поспѣшить въ Гродно. Русскій и прусскій послы объяснили увертки короля тѣмъ, что онъ во-первыхъ побесѣдовалъ съ шведскимъ посломъ, и запасся отъ него совѣтами, вовторыхъ—его пріятно пощекотали вѣсти, будто у Турціи начинаются недоразумѣнія съ Россіей, а въ-третьихъ Австрія, какъ писалъ канцлеру Малаховскому изъ Вѣны Война, недовольна была раздѣломъ, который предприняли Россія и Пруссія. Императоръ, видя, что его сосѣди обогащаются немедленно, ему же предоставляютъ дожидаться лучшихъ обстоятельствъ тогда, когда напротивъ обстоятельства для него дѣлались хуже, говорилъ Войнѣ: «Я не одобряю этого раздѣла и не беру въ немъ никакого участія, но мое положеніе не дозволяетъ мнѣ противиться. Успокойте земляковъ вашихъ; пусть не отчаяваются; найдется возможность поправить Польшу послѣ всѣхъ несчастій, которыя ее постигли.» Де-Каше въ Варшавѣ говорилъ явно, что его государь никогда бы не допустилъ до этого, еслибъ не такое положеніе.

Канцлеръ Малаховскій, до сихъ поръ, какъ извѣстно, вѣрнѣйшій слуга Россіи, спохватился; онъ не ожидалъ того, что слу-

чилось, и не хотѣлъ болѣе вести дѣла, которому такъ ревностно помогалъ. Онъ взялъ отставку.

Многіе изъ конфедератовъ, по объявленіи декларацін, думали о томъ, какъ бы самимъ заслужить благосклонность государыни покорностью ея волѣ и готовностью быть орудіями ея замысловъ надъ Польшею. Таковы были Коссаковскій, Пулавскій, Масальскій, Міончинскій, Рачинскій. Епископъ Коссаковскій, составившій центръ для всѣхъ угодниковъ Россіи, первый заявлялъ Сиверсу свое удовольствіе о томъ, что Россія воспользуется на счетъ его отечества; онъ безпокоился, однако, о судьбѣ церковныхъ имѣній въ тѣхъ земляхъ, которыя отойдутъ къ Россіи; въ качествѣ коадъютора виленскаго епископства, получая до 15,000 злотыхъ въ годъ, онъ соображалъ, что значительная часть фундушей коадъюторства заключается въ земляхъ, отходившихъ къ Россіи. «Ея величество,—говорилъ Сиверсъ,—не отнимаетъ ни у кого владѣній, а вѣрныхъ еще и сверхъ того наградитъ всещедро. Католическая религія будетъ строжайшимъ образомъ обезпечена; будетъ по два и по три епископства въ губерніи.» Но не всѣ были такъ покорны какъ онъ. Между конфедератами рѣзче всѣхъ заявляли недовольство Ржевускій и Валевскій; послѣдній, воевода сѣрадскій, пріѣхалъ недавно на генеральную конфедерацію и, вмѣсто Пулавскаго, избранъ намѣстникомъ маршала; за ними высказывали себя человѣкъ шесть совѣтниковъ конфедераціи. Надобно было конфедераціи дать отвѣтъ Сиверсу на представленную декларацію. Отвѣтъ, разумѣется, по желанію посла долженъ быть исполненъ покорности. Валевскій написалъ протестацію противъ русской декларацін и напоминалъ, что конфедерація обязана хранить цѣлость границъ Рѣчи-Посполитой. Сиверсъ сначала звалъ его къ себѣ и кротко уговаривалъ. Узнавши снова, что Валевскій продолжаетъ возбуждать ропотъ, онъ призвалъ его снова, въ сопровожденіи Анквича, Юзефовича и Забѣлла, людей покорныхъ Россіи. «Если вы не отстанете отъ вашей протестаціи,—говорилъ ему Сиверсъ,—я велю занять городъ войсками и прикажу запереть сплавъ на Нѣманѣ.» Эти угрозы не слишкомъ испугали пана Валевскаго, но онъ сталъ чувствительнѣе и не могъ удержаться отъ слезъ тогда, когда Сиверсъ сказалъ ему: «Я выслалъ курьера къ Кречетникову и написалъ, чтобы онъ вашу милость не считалъ подданнымъ ея императорскаго величества и взялъ подъ секвестръ ваши имѣнія, находящіяся въ областяхъ, отходящихъ къ Россіи, какъ слѣдуетъ поступать съ возмутителемъ общественнаго спокойствія. Тоже самое сдѣлаютъ и пруссаки съ вашими имѣніями, въ краковскомъ и сендомирскомъ воеводствахъ.» —Дайте мнѣ время какихъ-нибудь два или три дня,

пока пріѣдетъ король и министры. — «Король и министры не имѣютъ ничего общаго съ вами въ этомъ», сказалъ посолъ. — Вы допустите баллотировку?—«Нѣтъ»!—«Подпишете вы отвѣтъ на декларацію, какъ маршалъ, хотя бы несогласно съ вашими мнѣніями?» спросилъ Сиверсъ.—Нѣтъ, былъ отвѣтъ.—«Я вамъ даю время подумать», сказалъ Сиверсъ.

Конфедерація, возбуждаемая Валевскимъ и Ржевускимъ, медлила десять дней написать отвѣтъ на декларацію, и Сиверсъ послалъ ей ноту, изъявивъ удивленіе и прискорбіе на счетъ долгаго молчанія конфедераціи; онъ выражался: «посолъ ея императорскаго величества не требуетъ, чтобы наияснѣйшая конфедерація немедленно рѣшила важный вопросъ, но желаетъ, чтобы она прекратила возникающія препятствія, и приняла необходимыя мѣры для созванія сейма. Не справедливо и противозаконно мнѣнію одного имѣть значеніе закона и останавливать мнѣнія цѣлаго состава генеральной конфедераціи, которая будетъ отвѣчать за всѣ послѣдствія своей медленности.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ приказалъ заградить путь сплаву по Нѣману и Вислѣ. Тогда къ нему явились четверо членовъ конфедераціи (изъ нихъ два епископа), умолять о снисходительности. Сиверсъ встрѣтилъ ихъ упреками. «Вы всѣ — говорилъ онъ,—привыкли къ интригамъ и кознямъ, но все это напрасно. Какъ ни увертывайтесь, я все-таки достигну цѣли; видно съ вами другихъ средствъ нѣтъ, кромѣ суровыхъ. Да, я вамъ покажусь безчеловѣчнымъ.»

Протестовавшіе, и послѣ этого внушенія, не поддавались. Между тѣмъ Игельстромъ донесъ Сиверсу, что Ржевускій въ качествѣ гетмана возбуждаетъ войско, стоявшее въ Варшавѣ, приказываетъ въ арсеналѣ производить работы и распаляетъ жолнѣровъ надеждою войны съ пруссаками. Ржевускій въ это время написалъ отъ себя протестацію еще болѣе рѣзкую, чѣмъ Валевскій. «Связанный узами свободной конфедераціи подъ дѣйствительнымъ покровительствомъ ея императорскаго величества, я чувствовалъ благодарность къ этой великой государынѣ, благословлялъ ея имя и думалъ, что молясь за нее, молюсь вмѣстѣ съ тѣмъ за мое отечество. Такъ думалъ я, и всѣ поляки также думали. Но день 9-го апрѣля, когда появилась декларація петербургскаго и берлинскаго дворовъ, угрожающая съ двухъ сторонъ несправедливымъ отторженіемъ польскихъ областей, отравилъ нашу радость о возвращеніи свободы. Новый роковой ударъ отечеству тѣмъ болѣе доводитъ насъ до отчаянія, что онъ постигъ насъ во время существованія конфедераціи, которая возникла съ самыми чистыми намѣреніями спасенія отчизны, а теперь должна окон-

читься ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ, которому помочь нельзя. Съ моей стороны, призываю высочайшаго Бога судію, вѣдующаго помышленія мои, и свидѣтельствуюсь предъ Богомъ и отечествомъ и предъ самою императрицею, что не зналъ ничего о раздѣлѣ Польши, напротивъ того, имѣя предъ глазами ея свободу и цѣлость, самъ написалъ статью присяги для конфедераціи, которую каждый членъ обязывался не дозволять ни малѣйшаго умаленія Рѣчи-Посполитой. Омочая въ слезахъ перо мое, хочу оставить память несчастія отечества и моего собственнаго, протестую противъ всякаго ущерба польскихъ границъ, свидѣтельствую, что никогда не положу моей подписи на подобномъ актѣ, и никогда не дозволю чего-нибудь противнаго присягѣ, которую произнесъ передъ Богомъ и отечествомъ. Мой протестъ не отвратитъ всеобщаго несчастія, но я долженъ его заявить, сообразно моей присягѣ. Не стану избѣгать личнаго моего несчастія. Какова бы ни была моя судьба, которую мнѣ приготовило Провидѣніе, я перенесу ее со смиреніемъ, и если буду несчастливъ, то никогда не буду достойнымъ наказанія. Подписывая этотъ протестъ, прилагаю его къ актамъ конфедераціи, предоставляя себѣ право возобновить его со всѣмъ народомъ.»

Этотъ протестъ приказано напечатать.

Этимъ протестомъ Ржевускій вполнѣ выявилъ всего себя. Въ немъ дышала досада оскорбленнаго пана, который вдругъ увидѣлъ себя въ дуракахъ, который считалъ себя важнымъ двигателемъ дѣлъ и вдругъ оказался нулемъ, воображая себя великимъ политикомъ, думалъ, что онъ употребляетъ для своихъ цѣлей силу чужеземныхъ государствъ, и вдругъ почувствовалъ, что онъ, по своей недальновидности, только предложилъ себя орудіемъ для такой цѣли, о которой и не подозрѣвалъ. Его безпокоило болѣе всего то, что объ немъ могутъ подумать, что онъ заранѣе зналъ о гибели отечества—отъ этого только онъ и хотѣлъ очиститься. Положеніе его было не только жалкое, но и комическое; это почувствовалъ Ржевускій, и оттого горячился, выходилъ изъ себя и выходками безсильной злобы и досады становился еще комичнѣе, чѣмъ прежде.

Сиверсъ, послѣ этой протестаціи, послалъ еще одну ноту такого содержанія: «Я, нижеподписавшійся, съ прискорбіемъ узналъ о второй протестаціи, которую представилъ Ржевускій для включенія въ акты конфедераціи. Хотя авторъ задалъ себѣ трудъ прикрыть непріязненныя свои чувствованія покровомъ восторженнаго патріотизма, но декларація эта одного смысла съ тою, которую заявилъ г. Валевскій, назадъ тому десять дней прибывшій къ генеральной конфедераціи играть въ оппозицію. Ниже-

подписавшійся презиралъ эти выходки, считая ихъ маловажнымъ пустословіемъ. Курьеръ отъ генерала Игельстрома привезъ извѣстіе, что въ варшавскомъ арсеналѣ, по секретному распоряженію гетмана Ржевускаго, происходятъ тайныя приготовленія къ войнѣ; поэтому нижеподписавшійся полагаетъ своимъ долгомъ предупредить генеральную конфедерацію, что онъ выдастъ приказаніе секвестровать посредствомъ войска е. и. в. имѣнія тѣхъ пановъ, которые такъ явно выказываютъ свои непріязненныя намѣренія, печатая и разсылая свои протестаціи, а за тѣмъ, такой же секвестръ постигнетъ имѣнія всѣхъ тѣхъ гг. членовъ генеральной конфедераціи, которые осмѣлятся выступить съ протестомъ противъ декляраціи союзныхъ государствъ. Нижеподписавшійся считаетъ себя въ-правѣ требовать отъ конфедераціи, чтобы, за непріязненныя чувствованія г. Валевскаго, который до сихъ поръ не имѣлъ вліянія на дѣла генеральной конфедераціи и Рѣчи-Посполитой, и не держалъ маршальскаго жезла иначе, какъ будучи первымъ по ряду, а не по выбору въ эту должность, немедленно отнятъ былъ у него маршальскій жезлъ и отданъ тому, кто держалъ его передъ тѣмъ. Это самое незначительное удовлетвореніе, о которомъ проситъ нижеподписавшійся, за подобные поступки, такъ явно клонящіеся ко введенію въ заблужденіе слабыхъ умовъ, къ возбужденію смутъ и къ произведенію новыхъ несчастій для страны, для которой приближается время возрожденія и новой конституціи, ожидаемой отъ мудрыхъ трудовъ какъ генеральной конфедераціи, такъ и наступающаго сейма.»

Нота эта подана была 20-го апрѣля вмѣстѣ съ другою нотою, гдѣ требовалось отъ конфедераціи секвестрованіе имѣній, принадлежащихъ тѣмъ, которые, будучи виновниками конституціи 3-го мая, до сихъ поръ упорствуютъ въ своемъ революціонномъ духѣ, и находясь въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, не перестаютъ, посредствомъ интригъ и козней, возбуждать вредный демократическій духъ.

Въ засѣданіи конфедераціи 20-го апрѣля господствовалъ большой раздоръ. Литовская половина, руководимая Коссаковскими, готова была оказать всяческую покорность волѣ россійскаго посла и потому согласилась на возстановленіе упраздненнаго въ 1789 году «Постояннаго Совѣта.» Коронная половина, разжигаемая Валевскимъ и Ржевускимъ, не допускала этого. «Польша, говорилъ Валевскій, должна склониться подъ гнетомъ страшной силы, но мы, связанные присягой, не должны быть святотатцами. Пока у меня не отнято право вздыхать и заявлять о чистотѣ намѣреній моихъ, свидѣтельствуюсь передъ Богомъ, передъ вами, обыватели, и передъ цѣлымъ свѣтомъ, не дозволю никакого про-

екта, имѣющаго цѣлью возвращеніе Постояннаго Совѣта и всѣхъ учрежденій 1772 года, истиннаго источника нашихъ бѣдствій.» Тогда была прислана приведенная выше нота Сиверса. Рѣшительный тонъ, показывавшій, что этотъ господинъ не желаетъ тянуть дѣлъ, заставилъ многихъ членовъ энергически воспротивиться протестующимъ. Буря поднялась большая, но кончилась, однако, тѣмъ, что Валевскаго стали покорно просить, и Валевскій оставилъ маршальскій жезлъ намѣстничества и передалъ его Антонію Пулавскому.

На другой день по возобновленіи Постояннаго Совѣта было рѣшено; прежніе члены вступили въ прежнія обязанности, а на мѣсто тѣхъ, которые выбыли по какому-либо поводу, назначены новые [1]).

Между тѣмъ Сиверсъ каждый день призывалъ короля изъ Бѣлостока. Онъ такъ силился убѣдить его, что написалъ ему письмо на девяти страницахъ, соглашался даже, чтобы король сидѣлъ въ Бѣлостокѣ и дожидался сейма, но пріѣхалъ бы на нѣсколько дней въ Гродно присутствовать на одномъ только засѣданіи Постояннаго Совѣта и подписать универсалы объ открытіи сеймиковъ и собраніи сейма. Станиславъ-Августъ все еще увертывался подъ ничтожными предлогами; сперва къ нему въ Бѣлостокъ пріѣзжала депутація отъ конфедераціи, а потомъ король послалъ въ Гродно своего конюшаго Кицкаго, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы приготовить себѣ покои въ Гродно, наконецъ съ крайнимъ нежеланіемъ и стѣсненнымъ сердцемъ онъ прибылъ въ Гродно 22-го апрѣля.

Послѣ энергическихъ заявленій Сиверса, конфедерація не выступала болѣе съ протестаціями. 27-го апрѣля данъ отвѣтъ на ноту 9-го апрѣля. Въ началѣ этого отвѣта изъявлена была при-

---

[1]) Виленскій воевода Михаилъ Радзивиллъ, коронный подскарбій Рохъ Коссовскій, королевскій секретарь Грановскій, паны: Свѣнтославскій, Модзелевскій, Храповицкій, Забѣлло, Юндзилло, Юзефовичъ, Швейковскій, Мануцци, Ксаверій Валевскій; на третій день, 25-го апрѣля, прибавлены были слѣдующіе члены: Ѳеофилъ Залускій, Валицкій, Влодекъ, секретарь и шефъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ Тенгоборскій. Залускій и Тенгоборскій были помѣщены по рекомендаціи Игельстрома, и первый изъ нихъ вслѣдствіе любовной связи съ графинею Залуской, на которой Игельстромъ послѣ женился. Затѣмъ, за вакансіею маршала, Мнишекъ, маршалъ коронный, обязанъ былъ созвать прежнихъ членовъ Постояннаго Совѣта: плоцкаго епископа Шембека, жмудскаго Гедройца, троцкаго каштеляна Платтера, брестскаго воеводу Зиберга, сѣрадзьскаго каштеляна Бернадскаго, ленчицкаго каштеляна Липскаго, зарновскаго каштеляна Шидловскаго, сендомирскаго каштеляна Попеля, варшавскаго каштеляна Соболевскаго, и пановъ старостъ: Осиπловскаго, Шидловскаго, Курженецкаго, Янковскаго, Дзержбицкаго, полковника Конарскаго, ленчицкаго подкоморія Стаховскаго, генералъ-маіора Валевскаго и польнаго литовскаго писаря Гелгуда.

чина, почему конфедерація замедлила отвѣтомъ: она не надѣялась никогда услышать декларацію объ отторженіи провинцій Рѣчи-Посполитой, и потому находилась въ трудномъ положеніи соединить чувство страданія, возбужденное декларацією, съ долгомъ въ отношеніи союзныхъ дворовъ. Далѣе говорилось: «Генеральная конфедерація полагала, что предметъ отторженія отъ Рѣчи-Посполитой богатѣйшихъ областей не можетъ быть предметомъ сношеній и взаимныхъ объясненій, и декларація написана только для свѣдѣнія о томъ, что̀ угодно было государствамъ присоединить подъ свою власть. Конфедераціи казалось, что никакая власть, и даже самихъ сеймовъ не можетъ имѣть достаточной силы для отвращенія несчастій, упавшихъ на Рѣчь-Посполитую, поэтому конфедерація, присягнувъ разъ передъ Богомъ соблюдать цѣлость страны своей до наименьшихъ его частей, не можетъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ, ибо въ противномъ случаѣ на нее падало бы обвиненіе въ вѣроломствѣ.» Но какъ въ нотѣ г. посла отъ 18-го апрѣля, сказано, что всѣ квитанціи, данныя войску ея императорскаго величества не иначе будутъ ликвидованы, какъ послѣ выдачи универсаловъ на чрезвычайномъ сеймѣ, то генеральная конфедерація поручила нижеподписавшимся (намѣстнику маршалковъ Антонію Пулавскому и Іосифу Забѣллѣ) именемъ ея заявить, что генеральная конфедерація свидѣтельствуетъ передъ Богомъ, сострадательными сосѣдними и союзными государствами, и предъ своимъ справедливымъ и безпристрастнымъ народомъ, что она не принимала участія въ раздѣлѣ Польши и чувствуетъ себя совершенно правою по отношенію къ средствамъ, которыя она принимала по силѣ законовъ, гарантированныхъ тѣми же государствами, именно: призывая вновь Постоянный Совѣтъ, не отдавшій еще отчета въ своей прошлой администраціи, назначая новыхъ членовъ на мѣсто умершихъ или выбывшихъ на законномъ основаніи для пополненія комплекта, установленнаго въ 1775 году, сообщая этому учрежденію достодолжную дѣятельность для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей Рѣчи-Посполитой и представительства ея правленія.»

Этотъ отвѣтъ не понравился Сиверсу: онъ желалъ другого, болѣе покорнаго, безъ всякихъ жалобъ, но императрица не велѣла ему сердиться и дозволяла полякамъ излить естественную въ ихъ положеніи скорбь объ ударѣ, постигшемъ ихъ отечество. Она требовала покорности, а не насилія чувствъ. Вслѣдъ за тѣмъ, оба упрямца, Валевскій и Ржевускій, смирились, удовольствовавшись тѣмъ, что показали передъ всѣми свое мужество и патріотизмъ. Валевскій произнесъ присягу на вѣр-

ность императрицѣ, а Сиверсъ, все-таки не совсѣмъ довѣряя ему, обѣщалъ снять секвестръ съ его имѣній не ранѣе какъ только тогда, когда окончатся сеймики. Ржевускій сложилъ съ себя званіе польнаго гетмана, объявилъ, что не будетъ участвовать ни на сеймикахъ, ни на сеймѣ, и удалится за границу. Сиверсъ не только приказалъ тотчасъ снять секвестръ съ его имѣній, но даже предлагалъ ему мѣсто канцлера. Ржевускій сказалъ, что не приметъ никакой должности и не станетъ вмѣшиваться въ политическія дѣла вообще.

Надобно было подписать универсалъ о созваніи сейма. Это была самая тяжелая минута для короля, этой минуты онъ такъ давно боялся; по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ нему, онъ изнемогалъ духомъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, грустный и задумчивый, онъ пригласилъ къ себѣ Сиверса. Они обѣдали за маленькимъ столомъ, въ кругу королевской родни и самыхъ близкихъ особъ. Послѣ обѣда онъ позвалъ русскаго посланника въ свой кабинетъ и сталъ говорить о своихъ долгахъ, потомъ перешелъ къ своему положенію, къ своему стыду въ глазахъ всей современной Европы и потомъ сказалъ: «Ахъ, если бы мнѣ дозволили сложить корону! Долги меня безпокоятъ; я не столько забочусь о томъ, чѣмъ мнѣ жить, но долги—вотъ моя тягость; если бы только заплатили мои долги, и дали немного на содержаніе — я былъ бы доволенъ. Много найдется охотниковъ принять послѣ меня эту корону изъ рукъ ея императорскаго величества. Напишите объ этомъ императрицѣ, или позвольте написать мнѣ самому.» Рѣчь его была длинна; нѣсколько разъ король прерывалъ ее и принимался за нее снова.

Сиверсъ сказалъ королю:

«Ея императорское величество совсѣмъ не желаетъ вашего отреченія; она уже сообщала объ этомъ въ первомъ своемъ милостивомъ письмѣ, и мнѣ о томъ писала тоже нѣсколько разъ».

«Я знаю цѣну этого, сказалъ король, и продолжалъ свое. Если не приметъ короны великій князь Константинъ, другихъ много найдется, которые примутъ этотъ подарокъ.» Съ злобою и презрѣніемъ онъ упомянулъ о Щенсномъ Потоцкомъ въ числѣ кандидатовъ на престолъ.

«Я увѣренъ, — сказалъ Сиверсъ, — что онъ не будетъ королемъ.»

«Принцъ Виртембергскій, — продолжалъ король, только не тотъ, котораго мы въ Польшѣ видѣли, или графъ д'Артуа? говорятъ, они старались оба о коронѣ; но они оба не сдѣлаютъ Польшу счастливою.»

«А саксонскiй электоръ, сказалъ Сиверсъ, очевидно испытывая его — онъ не принялъ бы ее?

«Нѣтъ, онъ бы принялъ, сказалъ король, у него нѣтъ сыновей, но есть дочь, которую онъ любитъ и которая будетъ богата.»

Сиверсъ показалъ суровый видъ и сказалъ: «этотъ князь не заслужилъ благоволенiя государыни.»

Король смутился, помолчалъ и сказалъ: «мнѣ не остается ничего—только отречься, лишь бы мои долги уплатили.» Сиверсъ сказалъ: «уплата можетъ уладиться, разумѣется съ пожертвованiями съ вашей стороны».

«Вы возьмете у меня экономiи?» сказалъ король.

«Да, ваше величество, сказалъ Сиверсъ; но они приносятъ вашему величеству только половину доходовъ».

«А что же вы мнѣ оставите?» спросилъ король.

«Пять или шесть мильоновъ; изъ нихъ половина пойдетъ на уплату вашихъ долговъ. Думаю дадутъ шесть мильоновъ. Если вы отречетесь отъ престола, вашему преемнику нечѣмъ будетъ жить, или уплата долговъ встрѣтитъ затрудненiе. Могли ли бы ваше величество жить въ уединенiи на полтора мильона?»

Король вдругъ повеселѣлъ. «Это 80 тысячъ червонцевъ! О, столько даже не нужно въ Римѣ или въ Неаполѣ.» Онъ протянулъ дружески Сиверсу руку. «Ахъ, если бы вы могли это для меня сдѣлать, любезный посолъ», сказалъ онъ по-нѣмецки. «Поѣдемте въ Италiю, тамъ будемъ счастливы!»

Но Сиверсъ какъ будто холодною водою облилъ его своимъ сухимъ дѣловымъ тономъ. Король просилъ его писать къ императрицѣ объ отреченiи. «Хорошо, сказалъ холодно посолъ, я напишу, но знаю, что это напрасно».

Изъ этого разговора съ королемъ Сиверсъ тотчасъ вывелъ заключенiе, и донесъ императрицѣ, что, вѣроятно, король сносится съ эмигрантами, находящимися въ Дрезденѣ, и ему обѣщаютъ какую-нибудь пожизненную пенсiю, если онъ отречется въ пользу саксонскаго электора.

Изготовленный универсалъ о созванiи сеймиковъ поданъ былъ королю 3-го мая. Нарочно ли выбрали этотъ день, или такъ неумышленно случилось, какъ увѣряетъ Сиверсъ, только для короля это обстоятельство увеличило скорбь. Въ тотъ самый день, который такъ недавно думали праздновать на вѣчныя времена, какъ день независимости и обновленiя Польши, въ этотъ самый день король первый невольно долженъ былъ подымать топоръ на свое отечество. Станиславъ-Августъ обливался слезами, когда подписывалъ. Приступъ въ этомъ универсалѣ былъ таковъ:

«Нѣтъ надобности и причины распространяться о настоящемъ положеніи нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ, не хотимъ умножить скорби собственнаго сердца и вашей, почтенные обыватели, мы обращаемся къ нашимъ соотечественникамъ, для которыхъ опубликованное въ печати не составляетъ тайны.»

Извѣщалось, что возобновленный конфедераціею Постоянный Совѣтъ призналъ за благо поручить королю собрать сеймъ въ Гродно, и потому шляхетство призывалось на сеймики 27-го мая, а сеймъ въ Гродно назначался 17-го іюня.

Страданія короля усилились послѣ этого шага, и онъ написалъ императрицѣ письмо въ такихъ выраженіяхъ:

«Тридцать лѣтъ труда, въ которыя я, желая всегда дѣлать добро, долженъ былъ бороться съ несчастіями всякаго рода, привели меня, наконецъ, къ безнадежности служить отечеству съ пользою, и исполнять мою обязанность съ честью. Настоящія обстоятельства таковы, что мой долгъ возбраняетъ мнѣ всякое личное участіе въ мѣрахъ, ведущихъ къ разрушенію Польши. Я желаю оставить должность, которую мнѣ невозможно исполнить съ достоинствомъ, предоставляя болѣе счастливому тотъ тронъ, который и безъ того черезъ нѣсколько лѣтъ мои годы и болѣзни сдѣлаютъ вакантнымъ».

III.

Мѣры Сиверса къ устройству сейма. — Открытіе гродненскаго сейма.

До открытія сеймиковъ, Сиверсъ принялъ мѣры къ тому, чтобы выборъ палъ на такихъ пословъ, которые бы могли подписать все, что имъ прикажутъ. Два сильнѣйшихъ двигателя приведены были въ дѣйствіе для этой цѣли: подкупъ и страхъ. Около Сиверса были паны, получавшіе отъ Россіи жалованье за свои услуги и деньги для подкупа пословъ. Этимъ панамъ поручалось вести выборы. Эта обязанность въ Литвѣ была повѣрена Коссаковскимъ. Епископъ получилъ на выборы 4,000 червонцевъ. Онъ просилъ восемь, но Сиверсъ напомнилъ ему, что онъ уже и безъ того получаетъ черезчуръ много, именно 50,000 руб. годоваго дохода съ краковскаго епископства. Трехъ братьевъ Коссаковскихъ глубоко презиралъ Сиверсъ и не довѣрялъ имъ. Онъ боялся, что они могутъ, при случаѣ, измѣнить ему изподтишка. Другой агентъ въ Литвѣ былъ исправлявшій должность литовскаго маршала въ конфедераціи, Забѣлло, человѣкъ глубоко безнравственный, эгоистъ, грабитель казеннаго и частнаго

достоянія, творецъ разныхъ мерзостей, коварный и безстыдный; пользуясь своимъ значеніемъ, онъ съ корыстными цѣлями уничтожалъ приговоры судовъ, назначалъ по разнымъ дѣламъ коммиссіи, производившія большія несправедливости. Онъ ограбилъ собственнаго брата и даже мать свою, которая, поэтому поводу, подала на него жалобу. Самъ Сиверсъ, чтобы прекратить такого рода насилія, дозволяемыя себѣ вліятельными членами конфедераціи, запретилъ конфедераціи безъ своего позволенія устроивать сходки и назначать коммиссіи. Этого-то человѣка съ самою дурною репутаціею Сиверсъ употребилъ для выборовъ и давалъ ему, кромѣ того, по 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ, но не довѣряя ему, объявилъ, что будетъ не додавать ему жалованье, какъ только онъ позволитъ себѣ какія-нибудь уловки, незаслуживающія одобренія посланника. Пулавскій, назначенный маршаломъ конфедераціи, получилъ отъ Сиверса 1000 червонцевъ платы въ мѣсяцъ и кромѣ того, взялъ двѣ тысячи для выборовъ на Волыни, пятьсотъ на выборы въ Холмѣ, да сверхъ того тысячу восемьсотъ червонцевъ на десять пословъ, и тысячу червонцевъ на издержки своего путешествія. Міончинскій и Анквичъ, маршалъ Постояннаго Совѣта, поѣхали въ краковское и сендомирское воеводства; имъ Сиверсъ далъ 1,500 червонцевъ, а 3,000 червонцевъ они получили отъ Игельстрома для той же цѣли. Анквичъ былъ выбранъ люблинскимъ посломъ, и за это, какъ и за направленіе сеймика, получилъ особенно тысячу пятьсотъ червонцевъ. Оба, кромѣ того, получали по 1500 червонцевъ въ мѣсяцъ. Изъ получавшихъ тогда жалованье и руководившихъ выборами, большую роль игралъ Ожаровскій; онъ получалъ между 500 и 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ, и сверхъ того ему дали на выборы 1000 червонцевъ. Этотъ человѣкъ былъ очень облагодѣтельствованъ отъ Россіи, получалъ жалованье издавна, еще при Штакельбергѣ и Булгаковѣ, а теперь ему дали званіе коменданта Варшавы, приносившее ему 24,000 злот. годового дохода. По сложеніи гетманства Ржевускимъ, его назначили гетманомъ. Несмотря на свои огромныя средства онъ жилъ такъ роскошно, что былъ весь въ долгахъ, сумма которыхъ доходила до 30,000 червонцевъ.

Маршаломъ предстоявшаго сейма предназначался Билинскій, человѣкъ развратный, игрокъ и плутъ. Сиверсъ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, на все готовое, и давалъ ему 1000 черв. въ мѣсяцъ, и сверхъ того 2,500 на открытіе сейма. Кромѣ этихъ, работали надъ сеймиками Оссолинскій въ Подлясьѣ, получавшій 500 черв., Залускій, Понинскій и другіе, менѣе значительные. Прусскій посолъ обязанъ былъ давать за Пруссію,

какъ Сиверсъ за Россію. Съ своей стороны Игельстромъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10,000 черв., сумму, употреблявшуюся для той же цѣли. Его обязанностью было разослать отряды русскихъ войскъ въ тѣ мѣста, гдѣ будутъ отправляться сеймики. Порядокъ въ этомъ случаѣ былъ таковъ: прежде раздавали деньги шляхтѣ, которая должна была съѣзжаться на сеймики, суммы на это выходили небольшія: кому десять, кому двадцать червонцевъ. Имъ приказывалось заранѣе выбрать маршаломъ сеймика такого-то, и послѣднему давали 500 червонцевъ. На этихъ сеймикахъ не дозволяли читать ничего такого, что̀ бы могло волновать, и не допускали разсужденій. Получившая чужія деньги шляхта, угрожаемая русскими штыками, которые видѣла во-очію, избирала такихъ пословъ, какихъ указывалъ посланный агентъ-полякъ, и избранному послу давали жалованье: размѣръ его былъ различенъ, смотря по достоинству того, кому давали; были послы, что получали по 500 черв. въ мѣсяцъ, другіе менѣе, даже по сту, но всего выходило со стороны Россіи среднимъ числомъ червонцевъ по 200 на каждаго посла въ мѣсяцъ. Въ Литвѣ подъ ферулою Коссаковскаго и Забѣлла на каждаго посла приходилось также по 200 черв. Кромѣ того Сиверсъ обѣщался нѣкоторыхъ содержать на русскій счетъ во время пребыванія па сеймѣ. Въ такомъ способѣ не было ничего новаго или необычнаго въ Польшѣ. Игельстромъ употреблялъ ту же систему двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, да и безъ вліянія иностраннаго дѣлалось такъ изстари предъ каждымъ сеймомъ, только тогда вліятельные паны дѣлали тоже самое, что теперь дѣлали Россія и Пруссія. Для большей безопасности, по приказанію Сиверса, генеральная конфедерація издала 11-го мая санциту (распоряженіе), чтобы не допускать на сеймикахъ къ участію пе только тѣхъ, которые не отступились отъ конституціи 3-го мая, но даже и такихъ, которые прежде заявляли какъ-нибудь похвалы этой конституціи, или впослѣдствіи осуждали дѣянія генеральной конфедераціи.

Около Сиверса составился кружокъ сотрудниковъ. То были маршалъ Рачинскій, человѣкъ издавна получавшій отъ Россіи жалованье еще во времена Штакельберга, продажный и безнравственный во всѣхъ отношеніяхъ, но умный и работящій. Другой его товарищъ въ дѣлахъ былъ Мошинскій, внукъ короля Августа. Никто не могъ укорять его, чтобы онъ бралъ когда-нибудь жалованье отъ иностранныхъ дворовъ, или кривилъ душою для выгоды. Онъ служилъ прежде въ скарбовой коммиссіи и считался, а еще болѣе самъ себя считалъ великимъ финансистомъ. Во время конституціи 3-го мая, онъ призналъ ее и произносилъ ей похвалы; при появленіи тарговицкой конфе

дераціи, уѣхалъ въ Дрезденъ съ Малаховскимъ и Коллонтаемъ, но тамъ пожалѣлъ объ имѣніяхъ, которыя конфедерація хотѣла секвестровать, воротился въ отечество, присталъ къ конфедераціи и поддѣлался къ Сиверсу. У него въ земляхъ, отходившихъ къ Россіи, было двадцать пять тысячъ душъ крестьянъ, и расположеніе къ Россіи этого Аристида, какимъ онъ самъ себя выставилъ, вполнѣ понятно. Русскій посланникъ любилъ его. Вдвоемъ съ Рачинскимъ, они состряпали конституцію для Польши и толковали о разныхъ улучшеніяхъ, въ томъ числѣ о каналахъ и путяхъ сообщеній, а это былъ, такъ сказать, любимый конекъ Сиверса. Составляя съ ними проекты, онъ посылалъ ихъ Екатеринѣ, но государыня не отвѣчала на нихъ вовсе, и когда наконецъ, какъ видно, они ей надоѣли, приказала отложить занятія конституціей на будущее время. Прозорливая Екатерина уже не считала возможнымъ существованіе самостоятельной Польши, на дальнѣйшее время. Дни ея были сочтены въ умѣ государыни; поэтому-то она и не обращала вниманія на то, что̀ охотникъ до преобразованій и учрежденій, бывшій новгородскій губернаторъ съ такою наивною довѣрчивостью и добродушною болтовнею присылалъ ей. Въ числѣ лицъ, на которыхъ разсчитывалъ Сиверсъ, были тогда люди, занимавшіе правительственныя мѣста. Мѣсто канцлера, по выходѣ Малаховскаго, Сиверсъ далъ князю Антонію Сулковскому, котораго имѣнія лежали въ областяхъ земель, отходившихъ къ Пруссіи, и который съ молодыхъ лѣтъ уже служилъ тайно Россіи и привыкъ къ этому такъ, что Сиверсъ увѣренъ былъ, что онъ способенъ всегда измѣнить Пруссіи для Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ мало довѣрялъ ему. Епископъ Масальскій издавна извѣстенъ былъ какъ вѣрный и постоянный слуга Россіи. Любитель веселаго житья, хорошаго вина, женщинъ и игры, славный издавна своими пирами, Масальскій въ Гродно долженъ былъ служить Россіи тѣмъ, чтобы кормить, поить и забавлять въ своемъ домѣ пословъ и настроивать ихъ въ такомъ духѣ, какой нуженъ былъ Сиверсу и Бухгольцу.

Изъ другихъ пановъ, окружавшихъ Сиверса, два подскарбія, Дѣконьскій и Огинскій были въ распоряженіи русскаго посланника; первый, приверженецъ короля, человѣкъ уклончивый, обращавшійся на сторону Россіи потому, что это была сила болѣе всякой другой внушавшая страха; второй — сторонникъ конституціи 3-го мая, ради своихъ имѣній, отходившихъ къ Россіи, приставшій притворно къ конфедераціи, ѣздившій для спасенія этихъ имѣній въ Петербургъ, поклонами Зубову выхлопотавшій себѣ должность по указу Екатерины, и постоянно показывавшій себя въ двухъ лицахъ: между патріотами онъ говорилъ, что дѣйствуетъ

по неволѣ, передъ Сиверсомъ и русскими разыгрывалъ полезнаго для Россіи человѣка. Къ этому разряду пановъ, увивавшихся около русскаго посла, слѣдуетъ отнести и богатаго Людовика Тышкевича, котораго прочили въ литовскіе маршалы для будущаго сейма. За нимъ слѣдуютъ члены Постояннаго Совѣта: Юзефовичъ, Мечковскій, Модзелевскій, Швейковскій, Гелгудъ, Платтеръ, Тенгоборскій, Лопота, Высоцкій, Валицкій и пр.,— всѣ до поры до времени ради своихъ имѣній готовы были поклоняться тому божеству, отъ котораго зависѣли ихъ маетности. Надобно замѣтить, что тогда не только полученіе жалованья отъ русскаго посланника и надежды на личныя выгоды отъ императрицы наклоняли многихъ къ Россіи; были люди, которымъ надоѣли безпрестанныя неустройства и безвыходныя смуты польской Рѣчи-Посполитой, люди, которые перестали надѣяться на что-нибудь въ будущемъ для нея и приходили къ убѣжденію, что при соединеніи съ Россіею будетъ болѣе спокойствія. Изъ двухъ золъ предпочитали меньшее. Всѣ тогда готовы были идти лучше подъ власть Россіи, чѣмъ Пруссіи. Отъ этого холмская земля добровольно обратилась къ Екатеринѣ и просила принять ее подъ свою власть.

«Если намъ — писано въ ея прошеніи — суждено неизбѣжно отпасть отъ тѣла Рѣчи-Посполитой, то мы хотимъ подъ кроткимъ господствомъ вашего императорскаго величества пользоваться свободою наравнѣ съ другими новозанятыми краями». Императрица приказала Сиверсу (отъ 15-го іюня) благодарить шляхту холмской земли за такое желаніе и призвавши холмскихъ пословъ объявить имъ, что, оставляя ихъ землю въ составѣ Рѣчи-Посполитой, она будетъ ихъ охранять отъ дурныхъ событій, которыхъ они боятся, и стараться о благоденствіи Рѣчи-Посполитой, которой они всегда будутъ принадлежать».

Въ такомъ разложеніи, до какого достигала Польша, дѣлившія польскую державу государства были въ то же время охранителями дворянскихъ правъ и даже жизни дворянъ. Давняя ненависть южно-русскаго народа на Волыни и на Украинѣ постоянно готова была вспыхнуть, какъ бывало въ прежнія времена: только русскія войска удерживали народъ отъ бунтовъ, и не только въ этой заповѣдной странѣ ненависти къ ляхамъ, даже въ коренной Польшѣ прорывалась долго сдерживамая злоба простого народа къ дворянству. Въ странѣ, занятой пруссаками, началось волненіе между крестьянами; подданные не хотѣли слушаться пановъ своихъ, не шли на работы, требовали вольности, подавали на имя прусскаго короля жалобы на утѣсненія своихъ пановъ, такъ что паны прибѣгли съ просьбой къ Меллендорфу, принудить не-

поверныхъ къ работѣ войскомъ. Мелендорфъ отвѣтилъ крестьянамъ, чтобы они оставались въ послушаніи панамъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ новое устройство области и королевскій судъ не разберетъ ихъ жалобъ, а обывателямъ вмѣнялъ въ обязанность не раздражать крестьянъ и не облагать ихъ повинностями болѣе того, сколько они отбывали прежде.

Казалось бы, съ такою обстановкой и въ такихъ условіяхъ, дѣло Сиверса должно было пойти какъ по маслу, и дѣйствительно, все давало поводъ надѣяться, какъ и надѣялся Сиверсъ, окончить свою работу присоединенія областей какихъ-нибудь недѣли въ двѣ. Послы съѣхались въ Гродно; Сиверсъ давалъ на шестьдесятъ пословъ одинъ за другимъ обѣды, нанималъ для нихъ черезъ своего агента Боскампа квартиры и экипажи. Къ 17-му іюня большая часть ихъ заручена была полученнымъ жалованьемъ. Но тутъ оказалось, что довѣренные Сиверса, и особенно Коссаковскіе, провели его. Во-первыхъ, несмотря на всѣ предосторожности, прорвались въ число пословъ люди противныхъ убѣжденій, и даже участники бывшаго сейма; во-вторыхъ, изъ получившихъ русскія и прусскія деньги, нашлось не мало такихъ, которые, поживляясь на счетъ дѣлившихъ Польшу державъ, въ тоже время сочли удобнымъ поиграть въ патріотизмъ, поступая такъ, чтобы, какъ говорится, и козы были цѣлы, и волки сыты. Отъ этого суть дѣла хотя не испортилась, хотя предотвратить грозящей бѣды для Рѣчи-Посполитой ея представители не были въ состояніи, но они могли тянуть время, строить козни, интриговать, лукавить, выдумывать недоумѣнія и вообще ставить посланникамъ подъ ноги бревна, и черезъ то самое затруднять ихъ и приводить въ досаду. Въ этомъ и состоитъ исторія этого сейма, послѣдняго сейма Рѣчи-Посполитой.

На первомъ же засѣданіи, при открытіи сейма, началась буря. Сеймы въ Польшѣ открывались маршаломъ прошедшаго сейма, но такового тогда не было, и этотъ сеймъ открылъ маршалъ Постояннаго Совѣта Анквичъ, бывшій въ то же время краковскимъ посломъ, а это званіе давало ему старшинство между прочими послами. Избраны были, по желанію Сиверса, единогласно маршаломъ сейма Билинскій и литовскимъ Тышкевичъ. Тутъ возникъ вопросъ. Еще не бывало въ Польшѣ, чтобы собирался сеймъ при нераспущенной конфедераціи. Какъ надобно было присягать? Анквичъ обратился съ этими вопросами къ конфедераціи, и конфедерація прислала формулу присяги, въ которой внушали сейму обязанность зависѣть отъ конфедераціи и слушаться ея, засѣданія открывать при закрытыхъ дверяхъ, безъ арбитровъ и свидѣтелей, и не прибѣгать при рѣшеніи дѣлъ къ баллоти-

ровкѣ. Противъ этого поднялись голоса. «Что это, — кричал многіе послы — конфедерація предписываетъ намъ законы; вѣ сеймъ выше всѣхъ конфедерацій». Первое засѣданіе не кончи лось ничѣмъ.

Собрались на другой день—опять шумъ, крики. Когда ма шалъ Билинскій подошелъ цѣловать крестъ и хотѣлъ прои носить присягу, толпа недовольныхъ членовъ вырвала у не распятіе. Въ залу впустили постороннихъ; они шумѣли проти конфедераціи. Одни послы кричали, чтобы посторонніе ушли другіе требовали, чтобы посторонніе оставались въ залѣ. Та продолжалось нѣсколько часовъ. Всѣ кричали, никто никого слушалъ. На третій день — та же сцена. Между тѣмъ по пол скимъ обычаямъ, было такъ, что если двѣ Избы, сенаторская посольская, не сойдутся вмѣстѣ на третій день сейма, до зака солнца, то сеймъ считается прерваннымъ. Сиверсъ, которому о всемъ доносили, подозрѣвалъ, что здѣсь можетъ быть такъ дѣлает съ хитростью, затѣмъ, чтобы прекратить сеймъ, заставить собира другой, и тѣмъ самымъ тянуть время, и послалъ русскаго г нерала Раутенфельда арестовать тѣхъ членовъ, которые кричал и не давали маршалу присягать. То были Шидловскій, кня Адамъ Понинскій, Выгановскій, Блешинскій, Раковскій, Служе скій, Микорскій и Карскій. Послѣдній убѣжалъ къ королю его переднюю; генералъ выманивалъ его оттуда, подъ предлого приглашенія обѣдать, но онъ упрямился и не выходилъ. Ко не стало въ залѣ всѣхъ этихъ крикуновъ, велѣно было удали всѣхъ постороннихъ, и тогда маршалъ сейма произнесъ прися по формѣ, присланной конфедераціей, но съ тою разницею, ч присягалъ слушать не конфедерацію, а собранныхъ чиновъ Рѣч Посполитой. Затѣмъ обѣ Избы соединились, и всѣ были пор жены бѣдностью числа лицъ въ сенаторской Избѣ; кромѣ м нистровъ Тышкевича, Дзѣконьскаго, Огинскаго, Мнишка, ге мана Коссаковскаго, Сулковскаго, Платтера, было только т сенатора, именно Коссаковскій, его братъ виленскій воевода Суходольскій. Отъ этого нельзя было даже соблюсти обычн при этомъ формы, по которой король долженъ былъ назначи нѣсколько сенаторовъ для приглашенія посольской Избы къ единенію съ сенаторскою. По соединеніи Избъ, новоизбранн маршалъ произнесъ рѣчь, въ которой постарался елико возмо обругать предшествовавшій сеймъ и назвалъ его виновнико бездны золъ, въ которую упала Рѣчь-Посполитая.

На слѣдующемъ послѣ того засѣданіи — опять новое не умѣніе. Въ залу нашли посторонніе. Нѣкоторые послы, опира на то, что конфедерація приказывала держать засѣданія б

арбитровъ, требовали ихъ выхода; другіе хотѣли, чтобы они оставались, потому что по прежнимъ обычаямъ всегда допускались арбитры, исключая тѣхъ засѣданій, когда разсматривались особой важности политическіе предметы. Маршалъ литовскій Тышкевичъ поддерживалъ право присутствовать арбитрамъ, ради большей пышности и блеску. Билинскій настаивалъ, чтобы они вышли, такъ какъ наступаютъ разсужденія такого рода, которыя и по прежнимъ обычаямъ обходились безъ свидѣтелей. Посторонніе должны были уйти. Тышкевичъ, послѣ того, получилъ отъ Сиверса строгое внушеніе.

По уходѣ постороннихъ были представлены сейму ноты обоихъ посланниковъ, Сиверса и Бухгольца, съ предложеніемъ сейму въ самомъ началѣ заняться содержаніемъ декларацiи 9-го апрѣля, «чтобы облегчить исполненіе этого неизбѣжно-необходимаго дѣла— сказано было въ нотахъ—которое должно возвратить въ возможно-скоромъ времени спокойствіе Рѣчи-Посполитой и установить въ тоже время спасительный и угодный націи образъ правленія, нижеподписавшійся проситъ собранныхъ членовъ безотлагательно назначить делегацію съ достаточнымъ полномочіемъ, съ которою онъ могъ бы войти въ совѣщанія и заключить окончательно трактатъ на основаніи означенной декларацiи, каковый окончательно будетъ ратификованъ впослѣдствіи королемъ съ сеймомъ».

Всталъ король и сказалъ: «Я приступилъ къ генеральной конфедераціи, гарантированной императрицею, только потому, что актъ ея увѣрилъ меня въ цѣлости и независимости Рѣчи-Посполитой. Я не могу никакъ освободить себя отъ обязательствъ, принятыхъ при моемъ приступленіи къ конфедерацiи, и рѣшился ни подъ какимъ видомъ не подписывать какого бы то ни было трактата, который имѣетъ цѣлью лишить Рѣчь-Посполитую хотя бы самой малѣйшей части ея владѣній; надѣюсь, что и члены сейма, связанные тою же клятвою, съ удовольствіемъ послѣдуютъ моему примѣру. Дадимъ на присланныя ноты отвѣтъ въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ и представимъ сильные и убѣдительные доводы, которые бы могли произвести возвращеніе намъ занятыхъ земель, въ надеждѣ, что мудрость и великодушіе ихъ величествъ россійской императрицы и прусскаго короля признаютъ, что наша нація не дала никакихъ поводовъ къ такому поступку».

Эта рѣчь принята была съ видимымъ восторгомъ; даже и тѣ, которые видѣли здѣсь препятствіе къ скорѣйшему успѣху дѣла, за которое имъ платили деньги, находили нужнымъ показать свой патріотизмъ.

На слѣдующій день, 21-го іюня, въ началѣ засѣданія возникъ вопросъ, слѣдуетъ или нѣтъ допускать къ засѣданіямъ

арбитровъ. Актъ — говорили нѣкоторые послы — который послужилъ поводомъ къ удаленію арбитровъ, не есть подлинный актъ генеральной конфедераціи, а только его копія и потому вопросъ еще не рѣшенъ. Анквичъ и Ожаровскій говорили за легальную силу этой копіи. Вдругъ Тышкечичъ объявилъ: «я согласился на удаленіе арбитровъ во вниманіе къ обстоятельствамъ прошлаго засѣданія, и соображаясь съ закономъ, я не вижу ничего чтобы уполномочивало насъ на ихъ удаленіе». Тотчасъ на галереяхъ, куда успѣли проникнуть посторонніе, раздались рукоплесканія. Но со стороны противной партіи, между послами, раздались крики неодобренія, негодованія: видѣли въ этомъ даже опасный якобинизмъ. Стали потомъ разсуждать объ отвѣтѣ. «Намъ, говорили нѣкоторые, слѣдуетъ просить ея императорское величество русскую императрицу и короля прусскаго отложить ихъ намѣреніе учинить новый раздѣлъ Польши; послѣ 1775 г., когда произошелъ первый раздѣлъ владѣній Польши, былъ гарантированъ договоръ съ Польшею; Польша не сдѣлала ничего такого, что̀ бы могло считаться нарушеніемъ договора съ ея стороны. Въ деклараціи императрицы 18-го мая 1792 г. не угрожали намъ раздѣломъ; спросимъ же, по крайней мѣрѣ, императрицу, чѣмъ именно Польша навлекла на себя несчастіе». Янковскій, посолъ сендомирскій, прибавилъ къ этому, что слѣдуетъ, кромѣ того, обратиться къ нѣмецкому императору, къ Англіи, Швеціи и другимъ государствамъ, съ просьбою о ходатайствѣ съ ихъ стороны предъ россійскою императрицею и прусскимъ королемъ, а для этого послать особыхъ пословъ, но какъ оказалось, что финансовыя средства для содержанія такихъ пословъ недостаточны, то рѣшили ограничиться тѣмъ, что обратиться съ такими вопросами къ посламъ иностранныхъ государствъ, находящимся въ Польшѣ. Къ посланникамъ составили ноту уклончиваго свойства. Въ ней между прочимъ говорилось: «декларація 9-го апрѣля, гдѣ упоминается о съуженіи границъ Рѣчи-Посполитой, никакъ не была понята чинами въ смыслѣ акта, извѣщающаго о безповоротномъ отобраніи провинцій и послѣдовавшія распоряженія, вытекавшія отсюда, считались дѣломъ второстепенныхъ властей, а не выраженіемъ воли государыни, которой великодушіе и чувствованія превышаютъ ея могущество»; сеймъ извѣщалъ, что онъ не имѣетъ достаточной власти отдѣлять отъ республики какія бы то ни было ей принадлежащія земли и всякая подобнаго рода уступка не будетъ имѣть законной силы. Въ заключеніе просили посланниковъ яснѣе выразить предметъ обсужденій требуемой делегаціи. Все это только протягивало время; чтобы еще болѣе протянуть

его, новые члены требовали изложить сейму состояніе финансовъ, другіе—состояніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ.

Но Сиверсъ не далъ долго задумываться сейму, и 13-го (24-го) іюня отправилъ снова ноту, гдѣ выразился, что онъ, сообразно своей инструкціи, неизмѣннымъ намѣреніямъ ея величества императрицы, не можетъ входить въ разсужденія о предметѣ декларація, а потому вторично требуетъ безотлагательнаго назначенія делегаціи съ полномочіемъ для заключенія договора въ смыслѣ декларація 9-го апрѣля. Почти дословно такую же ноту послалъ и Бухгольцъ.

IV.

Дѣло о назначеніи делегаціи для подписи договора съ Россіей.—Увертки сейма.—Энергическія мѣры Сиверса.—Назначеніе делегаціи.—Уступка Россіи земель.

Послѣ этого прошло три дня въ продолжительныхъ засѣданіяхъ и толкахъ о назначеніи делегаціи. Маршалъ сейма Билинскій былъ того мнѣнія, чтобы назначить делегацію по предписанію посланниковъ и исполнить ихъ волю. Поддерживая его, Ожаровскій говорилъ: «Назначеніе делегаціи есть единственное средство, которое намъ осталось, чтобы дать Польшѣ спокойствіе, а потому слѣдуетъ выбрать делегацію и теперь же дать инструкцію». За безусловное послушаніе волѣ посланниковъ говорили послы: равскій Влодекъ, краковскій Анквичъ, люблинскіе Залѣскій и Міончинскій, закрочимскій Виламовскій, но противъ нихъ поднялъ протестъ цѣлый кружокъ рьяныхъ пословъ, между которыми отличались сендомирскіе Блешинскій, Гославскій и Случевскій, черниховскій Голинскій, вышегродскій Микорскій, рожанскіе Цѣмневскій и Модзолевскій. Они кричали, что не допустятъ назначенія делегаціи и стоятъ за поданный проектъ ихъ товарища Янковскаго, состоявшій въ томъ, чтобы, не входя въ требуемыя посланниками объясненія, назначить пословъ къ императрицѣ, королю прусскому, и просить ихъ отмѣнить раздѣлъ Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправить и къ другимъ дворамъ просьбу о ходатайствѣ предъ императрицею, въ особенности же къ императору. Канцлеры, по прежнему приговору сейма, уже писали къ находившимся въ Варшавѣ иностраннымъ министрамъ, австрійскому, голландскому, шведскому, англійскому и къ папскому нунцію, но получили отъ нихъ короткія записки, гдѣ не было ничего, кромѣ дружескихъ чувствъ и обѣщаній сообщить своимъ дворамъ, что слѣдуетъ. Это естественно показалось Избѣ недостаточнымъ. Главное, хотѣли какъ бы то ни было протяну

время и думали, что вмѣшательство другихъ дворовъ затянетъ вопросъ, и отдалитъ его роковое разрѣшеніе. Лидскій посолъ Александровичъ говорилъ: «Европейскіе дворы не могутъ оставаться равнодушными къ судьбѣ Польши въ виду того чрезвычайнаго могущества, какое пріобрѣтаютъ двѣ союзныя державы, нарушая равновѣсіе». Увлекаясь порывами краснорѣчія, онъ обратился къ королю и восклицалъ: «веди насъ, наияснѣйшій государь, и мы всѣ за тобою!» Холмскій епископъ Скаржевскій объявлялъ, что на основаніи религіи, насильственная присяга, произнесенная жителями отобранныхъ провинцій, недѣйствительна. Но маршалъ сейма не допустилъ проектъ Янковскаго къ голосованію, несмотря на сильную бурю противъ себя: въ особенности отличался рѣзкимъ тономъ противъ Билинскаго Микорскій. Холмскій посолъ Куницкій, казавшійся расположеннымъ къ Россіи, допускалъ только съ нею, а никакъ не съ Пруссіею, вступать въ переговоры, и говорилъ: «надобно на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочить сеймъ; можетъ быть въ это время случится какая-нибудь благопріятная для насъ перемѣна».

Епископъ Коссаковскій принялъ на себя роль примирителя обѣихъ крайностей, представлялъ, что можно соединить оба проекта воедино. «Надобно—говорилъ онъ—обратиться къ иностраннымъ дворамъ, но незачѣмъ посылать особыхъ пословъ: это ввело бы насъ въ издержки; достаточно сообщить наши просьбы посредствомъ нашихъ министровъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ. Между тѣмъ въ требованіи назначить делегацію я не вижу ни малѣйшаго шага къ требованію уступокъ, иначе я бы самъ отвергъ его; но въ немъ не упоминается ни о полномочіи делегаціи, ни объ инструкціяхъ, какія слѣдуетъ дать членамъ делегаціи. Я думаю, очень опасно отвергать всякую возможность соглашенія, предлагаемаго намъ министрами дворовъ». Король принялъ это мнѣніе, произнесенное его личнымъ врагомъ, какимъ былъ всегда епископъ. Анквичъ, зная, какъ много значили для того общества, въ которомъ онъ находился, слова и фразы, предлагалъ, вмѣсто делегаціи, назвать ее депутаціею, иначе слово делегація напоминала ту делегацію, которая оставила по себѣ возмутительную память о первомъ раздѣлѣ. Коссаковскій подхватилъ эту мысль и повторялъ ее. Многихъ это обрадовало, казалось уже одна перемѣна названія на половину спасала Польшу. Мысль объ отдѣленіи трактата съ Россіею отъ трактата съ Пруссіею, овладѣла мало-по-малу большинствомъ Избы. Ярые противники всякаго трактата должны были умолкнуть предъ ясными доводами о крайней неизбѣжности. Ожаровскій говорилъ: «Европа достаточно видитъ, что мы, назначая депутацію, сдѣлали это

по неволѣ, а не по доброй волѣ; этого отъ насъ требуютъ вооруженною рукою, стало быть нельзя не исполнить требованія; русская сила можетъ насъ сломить въ одну минуту, и безразсудно было бы намъ безплоднымъ упрямствомъ причинять разореніе нашему отечеству».

Многіе изъ членовъ, Скирмонтъ (новогродскій), Случевскій (сендомирскій), Коссаковскій (ковенскій), Нарбутъ, Шишко (лидскіе) и другіе одинъ за другимъ говорили въ пользу соединенія съ Россіею. Рѣчистѣе всѣхъ былъ Нарбутъ. «Сознаемся, говорилъ онъ, что у Россіи есть причины жаловаться на Польшу; на послѣднемъ сеймѣ къ Россіи было мало уваженія, разорванъ былъ трактатъ о гарантіи; мы предпринимали противъ нея войну. Все это заслуживало, чтобы Рѣчь-Посполитая теперь прибѣгнула къ такимъ средствамъ, которыя бы заставили Россію забыть все прошедшее и привели къ истинному примиренію съ великодушною императрицею, которой дружба можетъ еще воскресить для Польши счастливые дни. Назначимъ же депутацію для заключенія вѣчнаго союза съ Россіею. Но совсѣмъ другое у насъ съ Пруссіею. Берлинскому кабинету мы одолжены всѣми настоящими несчастіями; онъ первый побудилъ Польшу разорвать гарантію Россіи и требовать очищенія краевъ Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ войскъ, и черезъ то ему удалось устроить недружелюбныя отношенія къ Россіи. Нынѣшнія притязанія прусскаго короля противны его дружественнымъ договорамъ съ Польшею, ибо онъ торжественно гарантировалъ ей цѣлость ея владѣній. Когда приписывали берлинскому двору проектъ присвоенія Гданска, его министры объявили намъ, что они удивляются, какъ люди образованные, каковы члены сейма, могутъ вѣрить такимъ выдумкамъ. Теперь его величество прусскій король ввелъ въ Польшу войска подъ тѣмъ предлогомъ, будто польскія провинціи заражены якобинствомъ; но вѣдь онъ могъ увѣриться, что никакихъ якобинцевъ нѣтъ въ Польшѣ, и потому слѣдуетъ просить его прусское величество вывести свои войска изъ Польши.» Древновскій (ломжинскій) говорилъ за переговоры и съ Пруссіею, указывая на то, что Россія дѣйствуетъ совмѣстно съ Пруссіею. Его сторону приняли послы мазовецкіе, потому что боялись Пруссіи: ихъ край прилегалъ къ захваченнымъ Пруссіею землямъ, и они могли ожидать, что, за сопротивленіе, прусскія войска войдутъ и станутъ разорять ихъ имѣнія. Послѣ многихъ споровъ наконецъ положили рѣшить дѣло голосованіемъ по вопросу: вести ли переговоры съ одной Россіей, или въ одно время и съ Пруссіей? Большинство голосовъ (107 противъ 24) рѣшило въ пользу того, чтобы ихъ вести съ одной Россіей. Изъ двадцати четырехъ противныхъ голосовъ двадцать

были даны лицами самыми преданными России, и послушными ей; они не хотѣли пристать къ большинству, оттого только, что буквально слушались русскаго посланника.

Это непослушаніе, однако, могло быть, съ извѣстной стороны втайнѣ пріятно русскому послу; оно показывало, что поляки гораздо наклоннѣе къ Россіи, чѣмъ можно было предполагать; оно притомъ объяснялось бесѣдою съ Коссаковскимъ, которую велъ Сиверсъ наканунѣ этого дня.

Епископъ увѣрилъ русскаго посланника, что Литва и часть Короны готовы соединиться съ Россіею и совершенно отдаться въ подданство императрицѣ. «Лишь бы — говорилъ онъ, — наши привилегіи были ненарушимы, повѣрьте, всѣ къ этому пристанутъ». — «Я — сказалъ Сиверсъ — въ этомъ отношеніи могъ бы заранѣе вамъ поручиться, что государыня оставила бы вамъ свободу избранія судей и раскладки податей. Впрочемъ, я скажу вамъ, что въ Россіи повинности легче, чѣмъ въ Польшѣ, а что касается другихъ отношеній къ престолу, то льготы, которыя ея величество даровала своимъ подданнымъ, могутъ свидѣтельствовать о благости ея намѣреній.»

Но когда, послѣ того, въ голосованіи одержало верхъ мнѣніе, показывавшее, что поляки предпочитаютъ Россію Пруссіи, Сиверсъ нашелъ его несогласнымъ съ оффиціальнымъ требованіемъ своего правительства и написалъ грозную ноту вмѣстѣ съ Бухгольцемъ. Впрочемъ, Сиверсъ, какъ нѣмецъ по происхожденію, не могъ по чувству черезъ мѣру увлечься предпочтеніемъ, какое оказывали славяне славянамъ передъ нѣмцами, а какъ умный и проницательный человѣкъ, не могъ не видѣть хитрости за этимъ признакомъ дружелюбія. Поляки хватались за все, какъ утопающій за бритву. Они воображали, что можно будетъ затянуть въ дѣло иностранныя державы, устроить изъ польскаго вопроса обще-европейскій и передать его безконечной работѣ кабинетной дипломаціи; помышляли вмѣстѣ съ тѣмъ прельстить Россію надеждами овладѣть всею Польшею и поссорить ее съ Пруссіею. Такого рода хитрость была простодушна. Дѣло было рѣшено заранѣе, все разсчитано, и естественно, хитрость этого рода удаться не могла. Сиверсъ вмѣстѣ съ Бухгольцемъ 28-го іюня послали ноту, очень короткую, замѣчали неумѣстность видовъ отдѣлить интересы россійскаго двора отъ интересовъ прусскаго, взвѣшенные мудростью ихъ монарховъ, и объявляли, что только принятіе способа равныхъ отношеній къ обоимъ союзнымъ дворамъ можетъ привести сношенія къ счастливому окончанію и возвратить Польшѣ желанное спокойствіе.

Въ выходкахъ короля, въ особенности въ его рѣчи, въ ко-

торой онъ возбуждалъ сеймъ къ несогласію на добровольную уступку земель, Сиверсъ видѣлъ прямую измѣну и тотчасъ объявилъ наложеніе секвестра на всѣ королевскіе и казенные доходы, да вмѣстѣ съ тѣмъ наложилъ секвестрацію на имѣнія литовскаго маршала Тышкевича, въ особенности за то, что онъ допускалъ постороннихъ, которые, по соображеніямъ Сиверса, способствовали патріотическимъ выходкамъ Избы. Онъ объявилъ, что не сниметъ секвестра до тѣхъ поръ, пока не составится требуемая делегація или депутація для трактата съ Россіею и Пруссіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотѣлось союзнымъ дворамъ.

Когда, 28-го іюня, нота была прочитана въ сеймѣ, люблинскій посолъ Міончинскій, состоявшій на жалованьи у Россіи, подалъ проектъ о назначеніи делегаціи для переговоровъ съ послами обоихъ государствъ, но противъ него поднялось множество голосовъ; требовали читать проектъ инструкціи для депутаціи, которую предназначали для переговоровъ съ однимъ только русскимъ посланникомъ. Напрасно Билинскій, маршалъ сейма, силился склонить членовъ сейма къ послушанію новой нотѣ обоихъ посланниковъ; кричали, что вести переговоры съ однимъ Сиверсомъ посредствомъ депутаціи, уже постановлено закономъ. И это мнѣніе взяло верхъ; положили вопросъ о присланной нотѣ отнести къ делибераціи (по нашему, въ длинный ящикъ), и канцлеръ Сулковскій началъ чтеніе проекта предварительно. Въ началѣ онъ замѣтилъ, что въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ Польшѣ не на кого и ни на что нельзя надѣяться. Прочитанный проектъ состоялъ изъ четырехъ пунктовъ: въ первомъ, прежде всего хитро была припомянута декларація императрицы, изданная при началѣ тарговицкой конфедераціи (какъ бы въ огражденіе обѣщанной тогда цѣлости государства), и потомъ предоставлялось депутаціи совѣщаться съ россійскимъ посломъ объ устройствѣ такого вѣчнаго союза Рѣчи-Посполитой съ Россіей, при которомъ обѣ державы считались какъ бы единымъ тѣломъ по отношенію къ безопасности и общности выгодъ жителей, такъ и по взаимности издержекъ въ каждой потребѣ и взаимной помощи. Во второмъ пунктѣ, поручалось депутаціи установить правила объ устраненіи недостатковъ польскаго правленія. Въ третьемъ, имъ поручалось установить договоръ о торговлѣ Польши съ Россіею, и о взаимномъ устройствѣ путей сообщенія. Въ четвертомъ—поручалось просить русскаго посланника посредствовать для заключенія выгоднаго торговаго трактата съ Пруссіею. Объ уступкѣ земель не говорилось, но въ концѣ было сказано: «Рѣчь-Посполитая убѣждена, что, соединяясь, сколько возможно тѣснѣе, съ россійскимъ государствомъ,

она бóльшую приноситъ жертву, чѣмъ если бы отдавала свои земли и имущества для вѣрности вѣчнаго союза.» Депутація въ важныхъ случаяхъ должна была обращаться для разрѣшенія вопросовъ къ сейму, и сама не имѣла права рѣшать ничего.

На слѣдующій день, 1-го іюля, сеймъ былъ пораженъ наложеніемъ секвестраціи на польское казначейство и королевскія экономіи. Случевскій потребовалъ, чтобы канцлеры просили отмѣны такого насилія; король же, поблагодаря членовъ сейма за участіе къ его положенію, замѣтилъ, что лучше этотъ вопросъ отнести къ делибераціи, а теперь заняться разсмотрѣніемъ инструкціи депутаціи. Тутъ Голынскій подалъ проектъ допустить къ конференціямъ депутаціи австрійскаго посланника, и заключить вѣчный союзъ съ Россіею не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ Россія возвратила Польшѣ присвоенныя по первому раздѣлу области. Онъ боялся, чтобы предлагаемый союзъ Польши съ Россіею не сдѣлался актомъ присоединенія польской Рѣчи-Посполитой къ россійской имперіи.

Не окончивъ дѣла о проектѣ и въ этотъ день, послы занялись вопросомъ о продолженіи сейма. По польскимъ законамъ, экстраординарный сеймъ, какимъ былъ гродненскій, выбирался только на двѣ недѣли, но можно было продолжить его. Поданъ проектъ отсрочить его еще на двѣ недѣли. Тогда послы Скаржинскій (ломженскій), Млодзіановскій (цѣхановскій) и Случевскій заявили такую мысль: отвѣты на отношенія къ иностраннымъ дворамъ не могутъ придти въ двѣ недѣли, потому лучше прекратить всѣ занятія до того времени, пока эти отвѣты получатся, а Случевскій прибавилъ, что слѣдуетъ отсрочить сеймъ до 1-го сентября и потомъ начать его въ Варшавѣ. Такого рода проектъ пошелъ-было на обсужденіе. «Я не согласенъ на перенесеніе сейма въ Варшаву,—сказалъ посолъ Лобаржевскій—Варшава, какъ объявилъ прусскій король, наполнена якобинцами». Послѣ спора обратились опять къ вопросу о делегаціи и рѣшили большинствомъ 108 противъ 27 голосовъ на томъ, чтобы вести переговоры съ одною только Россіею, а не съ Россіею и Пруссіей вмѣстѣ. Карскій не забылъ при этомъ помянуть недобрыми словами Люккезини за его дипломацію.

На другой день послѣ этого засѣданія, Сиверсъ приказалъ арестовать въ ихъ помѣщеніяхъ шестнадцать пословъ, которые предлагали и поддерживали мысль о прекращеніи сеймовыхъ занятій и отличались выходками противъ видовъ союзныхъ дворовъ.

Адамъ Понинскій первый объявилъ въ сеймовомъ засѣданіи объ арестованіи пословъ и самъ вопіялъ противъ насилія. Изба

заволновалась; члены вскакивали съ мѣстъ, толпились около маршаловъ и канцлеровъ, кричали: насиліе вольному народу? На силу король успокоилъ ихъ. Стали изготовлять ноту къ Сиверсу, а между тѣмъ король отправилъ канцлеровъ и нѣкоторыхъ пановъ къ русскому посланнику съ просьбою выпустить изъ-подъ ареста пословъ, иначе сеймъ превратится. Домогались также истребовать отъ Сиверса снятія секвестра съ королевскихъ имѣній и съ имѣній Тышкевича. Сиверсъ удовольствовался тѣмъ, что только напугалъ Избу; онъ приказалъ выпустить арестованныхъ, обязавъ ихъ впередъ быть осторожнѣе, а епископъ Коссаковскій, явившись отъ Сиверса въ Избу, объяснялъ, что это арестованіе случилось по ошибкѣ; всему виною нѣкоторые изъ своихъ, которые донесли на своихъ товарищей и оклеветали ихъ.

Это, какъ и слѣдовало ожидать, подало поводъ къ разнымъ подозрѣніямъ. Между тѣмъ нота, приготовленная къ Сиверсу, не была ему послана, такъ какъ главное, чего въ этой нотѣ *просили* — освобожденіе арестованныхъ членовъ, было уже исполнено Сиверсомъ. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующее засѣданіе, 3-го іюля, послы напали на маршала Билинскаго, зачѣмъ онъ не отослалъ ноты; въ ней, кромѣ просьбы объ освобожденіи арестованныхъ, что уже было сдѣлано, была также просьба о снятіи секвестраціи. Споръ дошелъ до того, что Случевскій сказалъ: «г. маршалъ, въ публикѣ говорятъ, что вы участвовали въ дѣлѣ арестованія пословъ, извольте оправдаться противъ этого». Но Міончинскій (люблинскій) заявилъ такое требованіе: «маршалъ долженъ подвергнуться смертной казни, если окажется виновнымъ, а если г. Случевскій не докажетъ его виновности, то пусть подвергается тому же наказанію самъ». Подканцлеръ Пляттеръ даромъ своего краснорѣчія кое-какъ пріостановилъ этотъ споръ.

Тогда Понинскій предлагалъ проектъ такого рода: если еще разъ окажется какое-нибудь малѣйшее посягательство на личность или собственность членовъ, то сеймъ прерываетъ свои занятія. Сохачевскій посолъ Плихта говорилъ: «если мы еще народъ свободный, то пусть намъ дадутъ обезпеченіе отъ подобныхъ насилій, а если мы уже завоеваны, то пусть лучше, вмѣсто сейма, посылаютъ намъ приказы изъ лагеря. Я совѣтую прекратить засѣданія и не начинать ихъ, пока россійскій посолъ не объявитъ, что онъ впередъ не станетъ поступать съ нами такъ насильственно».

Предложеніе Плихты было принято всѣми. Къ довершенію храбрости, холмскій посолъ Куницкій какъ бы для того, чтобы дразнить русскаго посланника, заявилъ требованіе, отсрочить

сеймъ до 15-го октября и потомъ перенести его въ Варшаву. Его проектъ не былъ принятъ, да и онъ заявлялъ это болѣе для того, чтобъ порисоваться своею храбростію. Требованіе о снятіи секвестра не было послано по настоянію короля, который совѣтовалъ прежде окончательно составить инструкцію и назначить депутацію, такимъ образомъ удовлетворить посла, а потомъ уже просить его.

Дѣло объ инструкціи для депутаціи было обсуждаемо и долго ни на чемъ не могли остановиться. Въ проектѣ, прочитанномъ канцлеромъ, однихъ пугала инкорпорація Польши съ Россіею, другіе напротивъ, стояли за это. Голынскій говорилъ: «наша инструкція должна начинаться и кончаться цѣлостію земли и независимости народа. Ничего нѣтъ вреднѣе инкорпораціи съ Россіей, которая дѣлится теперь съ другими нашимъ достояніемъ. Развѣ можетъ быть у насъ съ Россіею инкорпорація, которая бы равнымъ образомъ связывала оба народа? Кто бы не засмѣялся, если бы намъ Россія сказала: Польша, соединимся. Мы будемъ имѣть право держать войска въ соединенныхъ съ нами краяхъ на общія средства; для насъ открыты будутъ вашъ скарбъ и арсеналы; вмѣстѣ будемъ вести войны и пользоваться выгодами. На это мы бы отвѣчали: «Россія! лучше возьми у насъ все, раздѣли земли наши на свои провинціи, смотри на насъ какъ на своихъ подданныхъ, по крайней мѣрѣ ты будешь правдива». Брестскій посолъ Озѣнбловскій говорилъ: «делегація должна заключить союзъ съ Россіею, не иначе, какъ съ соблюденіемъ цѣлости нашихъ границъ и съ возвращеніемъ отобранныхъ прежде отъ насъ областей». «Намъ, сказалъ Валентиновичъ, предлагаютъ вѣчную унію Польши съ Россіею. Хотятъ, чтобы мы однимъ народомъ сдѣлались... мы, такимъ образомъ, утратимъ имя поляка. Что же? слѣдуетъ спросить цѣлый народъ объ этомъ, какъ поступили съ проектомъ наслѣдственнаго правленія. Что же, быть можетъ, изнуренный несчастіемъ и обнищалый обыватель порадуется этому, когда ему обѣщаютъ въ будущемъ постоянный порядокъ, внутреннее спокойствіе и правосудіе.»

Порѣшили собраться на частное засѣданіе и тамъ обсудить предварительно вопросъ, а потомъ уже рѣшить его на сеймѣ. Вечеромъ 3-го іюля н. ст., сошлась толпа членовъ у епископа Коссаковскаго, сдѣлали нѣсколько перемѣнъ въ редакціи проекта, составленной канцлеромъ. Съ этими отмѣнами составлена новая редакція проекта и прочтена Анквичемъ 4-го іюля. Но тѣ члены, которые не были у Коссаковскаго на совѣщаніи, требовали, чтобы имъ также дозволили собраться на предварительное

засѣданіе и обсудить эти проекты по своему. 5-го числа, утромъ, до засѣданія въ той же сеймовой Избѣ, собрались послы и составили новую, уже третью редакцію проекта. Въ сеймовомъ засѣданіи поднялся сильный споръ о томъ, какую изъ трехъ редакцій слѣдуетъ принимать. Маршалъ счелъ нужнымъ посредствомъ хитрыхъ предложеній отстранить вовсе третью редакцію, какъ будто ея не бывало: она была черезчуръ въ духѣ неугодномъ Сиверсу. Маршалъ представилъ вопросъ: какая изъ двухъ редакцій должна быть принята? Тѣ, которые принимали участіе въ составленіи третьей редакціи, подняли крикъ и не соглашались, чтобы такое предложеніе пошло на голосованіе. Тогда маршалъ принялъ другую увертку, и сдѣлалъ именныя приглашенія ко всѣмъ посламъ, отвѣчать на вопросъ: должно ли послѣдовать голосованіе о двухъ проектахъ? Вопросъ былъ такъ поставленъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые брались защищать третью редакцію, не видѣли здѣсь еще исключенія этой третьей. Утвердительныхъ голосовъ оказалось только пятнадцатью болѣе отрицательныхъ. Изъ двухъ редакцій, подвергнутыхъ голосованію, одержала верхъ вторая, почти единогласно, только трое пословъ не хотѣли участвовать въ голосованіи вовсе. Многіе изъ тѣхъ, которые составили третью редакцію проекта, болѣе патріотическую, при голосованіи о двухъ проектахъ одобрили составленный у Коссаковскаго; они надѣялись, что послѣ разсужденія о двухъ редакціяхъ, можетъ быть еще начнется разсужденіе и о третьей, и такимъ образомъ, сказавши, что редакція, составленная у Коссаковскаго, лучше представленной канцлерами, можно будетъ потомъ сказать, что третья еще лучше второй. Но они горько обманулись: чуть не единогласное утвержденіе второй редакціи само собою исключало уже разсужденія о третьей.

Въ этой редакціи проекта инструкціи было очень важно то, что вмѣсто выраженій, которыя имѣли для Польши смыслъ совершеннаго соединенія съ Россіею, вставлены были такія, въ которыхъ говорилось только о союзѣ ихъ какъ отдѣльнаго государства съ другимъ [1]. Здѣсь-то показалось все коварство Кос-

---

[1]) Напр., въ первой редакціи сказано: «дабы съ этихъ поръ оба государства считались однимъ и нераздѣльнымъ тѣломъ навсегда» (aby odtąd oba państwa uważały się być iakoby iednym y nerozdzielnym na zawsze ciałem); во второй редакціи сказано: «къ оборонѣ цѣлости отдѣльно каждаго государства (do obrony całości każdego oddzielnie państwa)». Въ статьѣ о торговлѣ выпущено объ употребленіи взаимныхъ таможенъ между Россіей и Польшей, а въ концѣ слово złączenie (сложеніе, соединеніе) замѣнено словомъ związek (союзъ); въ первой редакціи сказано было: «Рѣчь-Посполитая вполнѣ убѣждена, что посредствомъ наитѣснѣйшаго соединенія съ россійскимъ государствомъ,

саковскаго. Наканунѣ подачи первой редакціи, Коссаковскій разговаривалъ съ Сиверсомъ и съ участіемъ говорилъ о готовности Литвы соединиться съ Россіею; теперь же, у него въ домѣ, и, конечно, подъ его вліяніемъ, составилась вторая, противоположная редакція. Сиверсъ за это былъ очень озлобленъ противъ него.

По утвержденіи инструкціи, 6-го іюля, маршалъ сейма напомнилъ сейму, что пора уже дать отвѣтъ посланникамъ россійскому и прусскому на присланную ноту, которую отложили тогда къ делибераціи. Канцлеръ вслѣдствіе этого представилъ проектъ отвѣта, въ такомъ смыслѣ: Изба раздѣлила предметы сношеній съ двумя посланниками и дала преимущество русскому на основаніи различія въ предметахъ, составляющихъ сущность сношеній съ Россіею и Пруссіею; но это не значило, чтобъ сеймъ вовсе не хотѣлъ вести сношеній съ Пруссіею, онъ приступитъ къ нимъ въ свое время. Только что былъ прочитанъ такой проектъ, какъ Ожаровскій, въ качествѣ главнаго начальника польскаго войска, извѣстилъ, что, по донесенію подначальныхъ ему генераловъ, пруссаки вступаютъ въ краковское и сендомирское воеводства и требуютъ тамъ фуража. Изба пришла въ смятеніе. Гетманъ Коссаковскій задорнѣе всѣхъ кричалъ противъ Пруссіи: «не надобно водить съ нею никакихъ переговоровъ; силу противопоставимъ силѣ; будемъ защищаться оружіемъ противъ новаго насилія надъ польскою территоріею». Его хитрый братъ, епископъ, прибѣгнулъ сейчасъ къ такой уловкѣ: «не надобно — говорилъ онъ — показывать теперь съ нашей стороны досады больше, чѣмъ прежде, а то подумаютъ, что мы уже успокоились послѣ перваго занятія польскихъ провинцій; напротивъ, слѣдуетъ намъ отвѣчать съ умѣренностію на ноту посланниковъ; присовокупимъ только замѣчаніе, что вступленіе войскъ его величества короля прусскаго въ глубину Польши, противорѣчитъ ходу сношеній». Но братъ его горячился, доказывалъ, что слѣ-

---

она покажетъ желаніе принести собою угоднѣйшую жертву, чѣмъ если бы она имѣла возможность и способность отдать свои имущества и даже области (Rzecz Pospolita iest w zupełnym u siebię przeswiadczeniu że przez złączenie się iako nayścislieysze z państwem Rossyjskim dogodnieyszą z siebię czynić chce ofiarę iak żeby była w sposobności i możności skarby swoie i nawet kraie etc.)»; во второй это мѣсто измѣнено такъ: «Рѣчь-Посполитая вполнѣ убѣждена, что посредствомъ этого торжественнаго дружественнаго союза съ россійскимъ государствомъ, сообразнаго съ достоинствомъ свободнаго народа, она даетъ доказательство сильнѣйшаго желанія быть въ союзѣ и довѣрія къ ея императорскому величеству (Rzecz Pospolita iest w zupełnem przeświadczeniu że przez związek przyiacielski iak nayuroczystszy y z godnością narodu wolnego stosowny z państwem Rossyjskim daie dowód naymocnieyszey chęci sprzymierzenia się i ufności w Nayjas. Imperatorowey etc.)».

дуетъ употреблять военную силу противъ силы. За него поднялось-было много голосовъ; но мало-по-малу патріотическая кровь начинала успокоиваться, и король произнесъ такое слово: «Если бы не было очень многихъ обстоятельствъ, намъ неблагопріятствующихъ, то одно печальное состояніе нашихъ финансовъ достаточно, чтобы доказать намъ невозможность отважиться въ настоящее время на войну съ Пруссіею. Мое мнѣніе—уклониться отъ всякаго рѣшенія по этому предмету и обратиться къ россійскому посланнику».

Мнѣніе короля было принято. Канцлеры, по назначенію сейма, отправились лично объясняться по этому поводу съ Сиверсомъ.

Русскій посланникъ сказалъ имъ такъ: «намѣреніе прусскихъ войскъ вступить далѣе въ польскія области и идти къ столицѣ, вѣроятно есть послѣдствія, во-первыхъ, того, что сеймъ до сихъ поръ не постановилъ никакого рѣшенія о сношеніяхъ съ берлинскимъ дворомъ, а во-вторыхъ, того, что нѣкоторые члены въ своихъ рѣчахъ позволяли себѣ не совсѣмъ умѣренныя выраженія объ особѣ его величества прусскаго короля. Я полагаю, Бухгольцъ уже отправилъ приказаніе прекратить дальнѣйшее движеніе этихъ войскъ, но совѣтую сейму не навлекать новыхъ несчастій на Польшу и поскорѣе назначить депутацію съ достаточнымъ полномочіемъ вести переговоры съ обоими дворами, которыхъ интересы между собою одинаковы, какъ это показываютъ вамъ достаточно ихъ поступки и ноты».

8-го іюля, послѣ того, когда канцлеры сообщили сейму отвѣтъ Сиверса, отправлена отвѣтная нота на его ноту отъ 28-го іюня. Демонстрація прусскихъ войскъ и объясненіе русскаго посланника подвинули назначеніе депутаціи, которое умышленно тянули до сихъ поръ. Состоявшій на русскомъ жалованьи инфлянтскій посолъ Юзефовичъ подалъ проектъ дать депутаціи самое широкое полномочіе, такое, чтобы король и сеймовые чины обязывались утверждать все, что только депутація постановитъ въ сношеніяхъ своихъ съ посланниками, «иначе, говорилъ онъ, посланникъ русскій, имѣющій полномочіе отъ своей государыни, не приметъ такой депутаціи, которая не будетъ имѣть равнаго полномочія. Русскій посланникъ только въ такомъ случаѣ можетъ довѣрять депутаціи, когда будетъ знать, что слова ея имѣютъ окончательную силу. Русскій посланникъ не станетъ говорить съ нашими депутатами, если у нихъ не будетъ такого же полномочія, какое онъ получилъ отъ своей государыни.

Сначала это возбудило оппозицію и раздѣленіе. Послы, предварительно подрядившіеся дѣлать угодное Россіи, поддерживали Юзефовича. Противники указывали на составленную уже инструк-

нію для депутаціи; она буквально противорѣчила требуемому теперь полномочію. «Покрайней мѣрѣ, говорили они, если давать полномочіе, то все-таки обязавъ депутатовъ держаться данной прежде инструкціи». На это говорили: «иное дѣло полномочіе, иное дѣло инструкція. Русскій посланникъ имѣетъ отъ государыни полномочіе и вмѣстѣ съ тѣмъ у него есть и инструкціи, которыя ограничиваютъ его полномочіе; такъ точно и наши депутаты будутъ имѣть полномочіе, которое должны предъявить посланнику, и инструкцію, которую они должны получить отъ сейма. За ея несоблюденіе они будутъ отвѣчать не передъ посланникомъ, а передъ сеймомъ. Посланнику же необходимо видѣть только ихъ полномочіе; своей инструкціи они не обязаны ему предъявлять».

Послѣ многихъ споровъ и измѣненій въ редакціи, наконецъ, 9-го іюля, полномочіе было принято единогласно. Депутатамъ предоставлялось составлять, установлять, заключать и подписывать все, что ими признано будетъ полезнымъ и согласнымъ съ интересами Рѣчи-Посполитой. «Все, сказано было въ этомъ полномочіи, что означенные депутаты наши по сему учинятъ, заключатъ, постановятъ и подпишутъ, все это нами, королемъ, съ предварительнаго согласія чиновъ и съ сознаніемъ справедливости дѣла, сходнаго съ условіями, предписанными депутаціи, будетъ принято и ратификовано!»

На слѣдующемъ засѣданіи, 10-го числа, начали толковать о выборѣ въ депутаты. Патріоты [1]) заявляли желаніе, чтобы выборъ состоялся секретными голосами. Маршалъ сейма не допустилъ до этого подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ въ данной имъ присягѣ обязался, не допускать секретной подачи голосовъ. Послѣ долгаго спора, король предложилъ такой способъ: опредѣливъ число депутатовъ, пусть раздадутъ всѣмъ посламъ списокъ членовъ сейма и каждый изъ нихъ означитъ тѣхъ, которыхъ желаетъ избрать въ депутаты, назвавъ каждаго громко по имени, а потомъ пусть составится счетъ голосовъ, и тѣ, которые получатъ наиболѣе голосовъ, будутъ черезъ то самое признаны депутатами. Это было принято большинствомъ 100 голосовъ противъ 26.

Положено допустить трехъ епископовъ, всѣхъ министровъ, трехъ сенаторовъ, и по восьми пословъ изъ каждой изъ трехъ провинцій Рѣчи-Посполитой. Тогда нѣкоторые патріоты стали требовать, чтобъ депутаты произнесли присягу въ томъ, что они ничего не брали и брать не будутъ ко вреду Рѣчи-Посполитой.

---

[1]) Блешинскій, Скаржинскій, Микорскій и др.

Противъ этого проекта возстало много противниковъ и прежде, чѣмъ подвергать его голосованію, предложенъ былъ вопросъ: можетъ ли этотъ проектъ быть пущенъ на голоса. Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ (75 голосовъ).

Сиверсъ узналъ объ этомъ въ тотъ же день отъ маршала и вѣрныхъ пословъ. Онъ былъ очень недоволенъ. Ему нужно было такихъ депутатовъ, которые бы согласились на все, чего онъ потребуетъ, и потому-то онъ заранѣе далъ именной списокъ тѣхъ, кого желаетъ онъ назначить депутатами. Способъ избранія на сеймѣ не соотвѣтствовалъ его цѣлямъ. Такимъ образомъ могли попасть въ число депутатовъ люди, съ которыми произойдутъ затрудненія. Требованіе присяги отъ депутатовъ въ томъ, что они ничего не брали и не будутъ брать, прямо направлялось противъ дѣйствій русскаго посланника и поражало тѣхъ пословъ, которые были у него на жалованьи, а онъ изъ числа такихъ-то и желалъ видѣть депутацію. Поэтому утромъ русскій посланникъ отправилъ на сеймъ грозную ноту; онъ замѣчалъ, что въ сеймѣ постоянно господствуетъ безпорядокъ и неприличіе. Онъ указывалъ, что сеймъ 1771 года долженъ служить настоящему сейму образцомъ относительно выбора членовъ делегаціи; тогда не выбирали делегатовъ: они были назначены изъ сената королемъ, изъ рыцарскаго сословія сеймовымъ маршаломъ; по этому примѣру требовалось назначить депутатовъ и теперь. Вчерашнее засѣданіе, замѣчалъ Сиверсъ, отзывается якобинствомъ революціоннаго сейма 3-го мая. Ему не нравилось, что въ полномочіи хотѣли упомянуть имя тарговицкой конфедераціи, очевидно потому, что этой конфедераціи обѣщана была цѣлость Рѣчи-Посполитой. Но болѣе всего Сиверсъ гнѣвался за мысль обязать депутатовъ присягою въ томъ, что они не брали и брать не будутъ. «Этотъ шагъ — говорилось въ его нотѣ — нижеподписавшійся долженъ почитать особеннымъ оскорбленіемъ какъ себѣ лично, такъ и своему званію. Подобная присяга была бы безчестіемъ самому почтеннѣйшему собранію, если бы въ нѣдрѣ его не было особъ, не подлежащихъ подозрѣнію въ подкупѣ. Нижеподписавшійся надѣется, что сеймъ удержится отъ наложенія на себя самого подобнаго пятна. Нижеподписавшійся желаетъ, чтобы непремѣнно была установлена делегація 1-го (12-го) іюля и безъ потери времени вступитъ въ конференціи, въ противномъ случаѣ онъ увидитъ себя въ печальной необходимости сдѣлать то, о чемъ говорилъ въ своей нотѣ отъ 23-го іюня (3-го іюля), именно удалить подстрекателей и возмутителей спокойствія и порядка, истинныхъ враговъ своего отечества, какъ единое препятствіе правильному ходу дѣлъ на сей-

мѣ, который потерялъ уже болѣе четырехъ недѣль дорогого времени на то, что могъ бы окончить въ четыре дня, увеличивъ черезъ то несчастіе народа, вмѣсто того, чтобъ даровать ему спокойствіе и прочное благоденствіе, сообразно спасительнымъ намѣреніямъ высокихъ дворовъ, изложеннымъ въ декларація отъ 9-го апрѣля».

Когда 2-го (13-го) іюля прочитали въ Избѣ эту ноту, сохачевскій посолъ Плихта объявилъ, что секвестрація имѣній Тышкевича приводится въ исполненіе. «Я требую — сказалъ онъ — исполнить законъ, постановленный нами,—не приступать ни къ какому рѣшенію о предметахъ, означенныхъ въ нотѣ посланника, прежде, чѣмъ секвестръ не будетъ снятъ». «Неблагоразумно, возразилъ состоявшій у Россіи на жалованьѣ Лобаржевскій, держаться за формальности, когда отечество подвергается угрожающей опасности, видимой изъ самой этой ноты. Если Россія теперь намъ дѣлаетъ насилія, то, конечно, она рѣшится прибѣгнуть еще къ дальнѣйшимъ крайностямъ, какъ скоро мы станемъ упрямиться и не подчиняться ея видамъ. Позвольте просить чтенія составленной мною записки о мѣрахъ къ положенію конца этимъ несчастіямъ.» «Нѣтъ, нѣтъ, не позволяемъ», кричали противники, знавшіе напередъ, что долженъ былъ написать и читать Лобаржевскій. «Нельзя разсуждать ни о какихъ предметахъ, Изба въ бездѣйствіи; пусть прежде снимется секвестръ съ имѣнія пана Тышкевича». «Этимъ—сказалъ король,—мы перервемъ всякія сношенія съ Россіею и навлечемъ на себя новыя несчастія; я предлагаю отправить къ г. посланнику канцлеровъ и маршаловъ сейма представить ему побужденія, которыя руководили собраніемъ». «Мнѣ идти вмѣстѣ съ гг. канцлерамъ нельзя, сказалъ маршалъ сейма,—сеймъ долженъ оставаться въ засѣданіи до ихъ возвращенія, и я, какъ маршалъ сейма, по закону не долженъ оставлять Избы; притомъ же обязанность сношеній съ иностранными посланниками лежитъ на гг. канцлерахъ, а не на мнѣ.» «Нѣтъ, нѣтъ, панъ маршалъ долженъ идти съ гг. канцлерами», кричали послы.

Сами канцлеры просили, чтобы съ ними шелъ маршалъ и былъ свидѣтелемъ того, что произойдетъ. «Мы знаемъ, говорили они, что ничего не выйдетъ изъ сношеній съ упрямымъ посланникомъ».

«Видя, что чины Рѣчи-Посполитой прекращаютъ свои занятія изъ-за обстоятельства, касающагося меня, — сказалъ Тышкевичъ, — я прошу забыть все, что мнѣ сдѣлала секвестрація моихъ имѣній; все это—слѣдствіе неблагопріятныхъ извѣщеній, сдѣланныхъ г. посланнику нашими собственными согражданами.

Оставьте мое дѣло; займитесь другими болѣе важными. Если я буду и совершенно разоренъ этимъ секвестромъ, то для меня будетъ болѣе чести при окончаніи этого сейма сдѣлаться бѣднѣе того, чѣмъ я былъ при началѣ его».

Вознесены были похвалы такому благородному патріотическому заявленію. Канцлеры отправились къ Сиверсу.

Сиверсъ имъ сказалъ такъ: «Даю вамъ слово, что секвестръ съ имѣній пана Тышкевича снимется немедленно, какъ только назначутся депутаты. Я предоставляю сейму, кромѣ того, свободу поручить назначеніе всѣхъ депутатовъ самому королю».

Сиверсъ надѣялся, что король, имѣя въ рукахъ списокъ лицъ, какихъ Сиверсу хотѣлось, не рѣшится пойти противъ его воли.

Канцлеры сообщили объ этомъ сейму. Тогда задорнѣйшіе патріоты говорили: «Нельзя перемѣнять, ради произвола россійскаго посла, уже состоявшееся вчера рѣшеніе сейма о способѣ избранія членовъ. Мы готовы подвергнуться гнѣву посланника: и безъ того мы рано или поздно станемъ его жертвами; но мы не хотимъ получать приказы отъ иностранцевъ посреди нашихъ совѣщаній».

Другіе представляли безплодность такой отваги и говорили: «Если уже приходится измѣнять состоявшійся законъ, то по крайней мѣрѣ измѣнимъ его такъ, чтобы назначеніе депутатовъ предоставлялось одному королю».

«Почтенные паны,—сказалъ король,—въ продолженіи моего двадцатидевяти-лѣтняго царствованія я еще никогда не былъ въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ сегодня. Чувствую, господа, вопіющую несправедливость; требуютъ, чтобы вы перемѣнили законъ, составленный единогласнымъ мнѣніемъ; но кто же изъ васъ не видитъ, что наша свобода существуетъ только на словахъ? Мы окружены иностранными войсками; онѣ расположились у воротъ этого города; мы должны быть свидѣтелями безпрестанныхъ насилій, совершаемыхъ надъ личностію и собственностію членовъ этого сейма; мы даже не имѣемъ полнаго права выходить изъ этого города безъ билетовъ отъ россійскихъ генераловъ. Россійскій посланникъ каждую минуту угрожаетъ намъ новыми несчастіями. Къ чему же послужитъ наше сопротивленіе? Дѣлайте, что угодно: ваша воля всегда будетъ и моей волею; но въ званіи отца и короля, которое я ношу, я всегда желалъ, по крайней мѣрѣ, предупредить бо́льшее бѣдствіе; г. подканцлеръ Пляттеръ видѣлъ у г. посланника изготовленное приказаніе арестовать двадцать пословъ и наложить секвестръ на имѣнія еще бо́льшаго числа членовъ сейма, если депутація не будетъ назначена сегодня. Я думаю, вы убѣждены, господа, что я мало до-

могаюсь, чтобы право назначенія депутатовъ предоставлено было мнѣ, но если таково ваше доброе желаніе, то я смѣю льстить себя надеждою, что мой выборъ будетъ отвѣчать вашему довѣрію.»

«Пусть будетъ извѣстно,—произнесли нѣкоторые, желая все еще прихвастнуть своею отвагою,—что не страхъ угрозъ заставитъ насъ измѣнить вчерашнее рѣшеніе, а единственно увѣренность, что королевскій выборъ будетъ еще лучше выбора, зависящаго непосредственно отъ членовъ сейма».

Король наименовалъ членами депутаціи изъ министровъ: литовскаго маршала Тышкевича, литовскаго польнаго гетмана Коссаковскаго, канцлера короннаго Сулковскаго, литовскаго подканцлера Пляттера, литовскаго подскарбія Огинскаго, литовскаго надворнаго подскарбія Дзѣконскаго, короннаго польнаго гетмана Забѣлло; люблинскаго и холмскаго епископа Скаржевскаго, войницкаго каштеляна Ожаровскаго; пословъ: краковскихъ Анквича и Коссаковскаго, сендомирскихъ Залускаго и Янковскаго, холмскаго Куницкаго, волынскаго Валевскаго; изъ провинціи великопольской: инфлянтскаго епископа Коссаковскаго; плоцкаго Рокитницкаго, черскихъ Станишевскаго и Остророга, варшавскихъ Бѣлинскаго и Клицкаго, нурскаго Замбржицкаго; изъ великаго княжества литовскаго сенаторовъ: виленскаго епископа князя Масальскаго, виленскаго воеводу Радзивилла, и пословъ: лидскаго Шишку, троцкаго Клечковскаго, гродненскаго Зынева, жмудскаго Гелгуда и новогродскаго Лопату.

Но Сиверсъ не былъ доволенъ, увидавъ, что въ спискѣ нареченныхъ депутатовъ не было тѣхъ, которыхъ онъ прежде требовалъ у короля. Онъ заявилъ требованіе о прибавкѣ къ назначеннымъ въ депутацію еще семерыхъ членовъ. Въ засѣданіи 12-го іюля, король объявилъ объ этомъ, и назвалъ имена пословъ угодныхъ Сиверсу; то были: волынскій Пулавскій, любельскій Міончинскій, ломжинскій Древновскій, закрочимскій Александръ Понинскій, равскій Скарбекъ, и инфлянтскіе Юзефовичъ и Снарскій.

Взрывъ негодованія потрясъ Избу. «Это невозможно, кричали, вчера законъ состоялся, сегодня перемѣна: стало быть король не свободенъ». Гославскій требовалъ, чтобы пошло на голоса предложеніе: назначилъ ли вчера король депутаціи или нѣтъ? Маршалъ Билинскій не допустилъ такого вопроса къ голосованію и выразилъ свой отказъ рѣшительнымъ и настойчивымъ тономъ; Гославскій за это потребовалъ маршала къ суду; за Гославскимъ началъ кричать противъ маршала Карскій, а король, всегда при-

мирающій, пытался охолодить горячившихся пословъ. Король сдѣлалъ угодное Сиверсу.

На слѣдующемъ засѣданіи сеймъ былъ отсроченъ еще до 30-го іюля.

Депутація начала конференціи съ русскимъ посланникомъ. Сиверсъ подалъ имъ готовый трактатъ: уступка провинцій была его главнымъ предметомъ. Виленскій епископъ, начальникъ депутаціи, обратился съ просьбой къ Сиверсу дать сроку на двѣ недѣли, чтобы отправить прошеніе къ императрицѣ, съ цѣлью упросить ее пощадить Польшу.

«Это ловушка, говорилъ Сиверсъ, хотятъ выиграть время. Напрасная уловка — не проведутъ меня?» Онъ рѣзко отвергъ просьбу Масальскаго.

Депутаты начали отговариваться, что у нихъ нѣтъ полномочія для подписанія трактата. Сиверсъ немедленно требовалъ полной довѣренности депутаціи подписать трактатъ. «Мои предыдущія ноты, писалъ онъ, которыя я долженъ былъ подавать сейму въ продолженіе четырехъ недѣль времени, потраченнаго въ пустыхъ толкахъ, достаточно показали сейму, что дальнѣйшія увертки могутъ только увеличить тягость судьбы народа, который, послѣ такихъ смятеній, имѣетъ право ожидать, что сеймъ искренно займется тѣмъ, что ему единственно осталось, дабы даровать народу спокойствіе и благосостояніе.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ утѣшалъ поляковъ, что будетъ заключенъ выгодный для Польши торговый трактатъ съ Россіею.

Эта нота была прочитана на сеймѣ въ засѣданіи 4-го (15-го) іюля, но въ тотъ же день на нее не отвѣчали. Изба занялась чтеніемъ неутѣшительныхъ депешъ, присланныхъ польскими министрами при иностранныхъ дворахъ. Послы изъ нихъ видѣли, что отечество ихъ теперь гибнетъ ради вознагражденія трудовъ и издержекъ тѣхъ, которые воюютъ съ французами. Одно только дѣлало ихъ надеждою: имъ казалось, что Австрія не потерпитъ у себя подъ бокомъ усиленія Пруссіи и Россіи на счетъ Польши.

Сиверсъ, узнавши, что на этомъ засѣданіи не обратили на посланную имъ ноту скораго вниманія, написалъ другую, такого содержанія:

«Нижеподписавшійся, извѣстившись, что наияснѣйшіе чины конфедераціоннаго сейма въ засѣданіи прошлаго 4-го (15-го) іюля, въ которомъ читаны были рапорты делегаціи и нота нижеподписавшагося, не сочли умѣстнымъ объясниться объ этомъ предметѣ, и даже не указали дня, когда они желаютъ разсуждать объ немъ, усматриваетъ, что заключеніе трактата еще оттягивается на дальнѣйшее время, и чины конфедераціоннаго сейма,

закрывая себѣ глаза предъ плачевною судьбою отечества, забываютъ, чѣмъ они обязаны своимъ избирателямъ; и потому онъ видитъ себя принужденнымъ объявить, что дальнѣйшія увертки и отказы снабдить делегацію надлежащимъ полномочіемъ будутъ считаться не только за нежеланіе вести переговоры и окончить по-дружески дѣло съ нижеподписавшимся, но даже за явное объявленіе войны Россіи. Печальныя послѣдствія, вытекающія изъ такихъ поступковъ сейма, которому народъ довѣрилъ устроеніе своего настоящаго и будущаго благоденствія, должны быть ужасны для народа, особливо же для несчастныхъ и невинныхъ поселянъ. Нижеподписавшійся, въ случаѣ отказа, явно означающаго объявленіе войны, будетъ принужденъ съ крайнимъ сожалѣніемъ послать войска ея императорскаго величества на военную экзекуцію въ имѣнія и мѣста жительства тѣхъ членовъ сейма, которые будутъ противиться всеобщему желанію добродѣтельныхъ людей и народа, страдающаго подъ бременемъ анархіи. Такая военная экзекуція, въ случаѣ, если король будетъ склоняться на сторону оппозиціи, распространится на всѣ королевскія экономіи, а равно и на имѣнія всѣхъ тѣхъ особъ, которыя въ какомъ бы то ни было отношеніи принадлежатъ вѣдомству его величества; наконецъ, слѣдствіемъ такого поступка сейма будетъ конфискація всѣхъ государственныхъ доходовъ и задержка платежа за взятый провіантъ и фуражъ для войска, которое тогда будетъ содержаться на счетъ несчастныхъ поселянъ. Поэтому нижеподписавшійся надѣется, что мѣры, принятыя сообразно съ данною ему инструкціею, произведутъ на сеймѣ достаточное дѣйствіе, и что слѣдующаго же дня 6-го (17-го) іюля дано будетъ депутатамъ надлежащее полномочіе для заключенія трактата. Наконецъ, нижеподписавшійся не можетъ скрыть передъ сеймомъ, что всѣ такія мѣры противны тѣмъ правиламъ, которыми онъ думалъ руководствоваться въ порученномъ ему посольствѣ; мѣры эти угрожаютъ сейму, вмѣсто тѣснаго, выгоднаго союза и торговаго трактата съ Россіею, потерею этихъ выгодъ и лишеніемъ благожелательства и пріязни ея императорскаго величества, безъ которыхъ Польша не можетъ существовать и ожидать въ будущемъ успѣха отъ выгодъ, утверждаемыхъ предполагаемымъ трактатомъ. Въ Гродно, 5-го (16-го) іюля».

Утромъ, передъ тѣмъ какъ эта нота должна быть прочитана на сеймѣ, Сиверсъ созвалъ къ себѣ депутацію и началъ внушать ей строгое нравоученіе, и особенно припугнулъ епископа Коссаковскаго, котораго онъ считалъ большимъ плутомъ.

«Вы, вы въ особенности причина всѣхъ этихъ увертокъ, — говорилъ Сиверсъ епископу, — вы хвастали, что у васъ шесть

десять голосовъ въ Литвѣ, а теперь дозволяете на сеймѣ проходить безъ оппозиціи конституціямъ, оскорбительнымъ для моего двора и для моей личности. Вы съ вашею партіею спокойно слушаете, что говорятъ фанатики! Я уже вамъ дѣлалъ внушенія, но вы не исправились. Слушайте же: если вы и вашъ братъ гетманъ сегодня не сдѣлаете такъ, какъ я требую, то знайте, что вы первые будете жертвами несчастія, которое постигнетъ отечество ваше. Сегодня же вечеромъ пошлю курьера съ приказаніемъ ввести войско на экзекуцію въ имѣнія краковскаго епископства. Знаете ли, что я могу у васъ также легко отнять все, что вамъ дано? Если у меня завтра не будетъ полномочія, и если вы не станете впередъ вести себя такъ, какъ я имѣю право ожидать отъ васъ, то вамъ будетъ худо».

16-го іюля, происходило засѣданіе, одно изъ важнѣйшихъ въ исторіи гродненскаго сейма. Маршалъ открылъ его рѣчью: «Вы знаете состояніе Европы и можете заключить, что для Польши не видится надежды на спасительное посредничество государствъ въ ея пользу; она предоставлена своей собственной судьбѣ; ей осталось облегченіе въ настоящемъ положеніи — предотвратить благоразумною рѣшимостью новыя бѣдствія, которыя ей угрожаютъ. Пусть наияснѣйшіе чины обратятъ надлежащее вниманіе на новую ноту, полученную нами отъ господина россійскаго посланника, указывающую на рѣшительно враждебныя отношенія, въ случаѣ, если депутаціи не будетъ выдано 17-го іюля безграничное полномочіе заключить трактатъ съ нимъ».

Противъ этого поднялись голоса патріотовъ. Рѣшительный тонъ послѣдней ноты Сиверса возбудилъ досаду и оскорбленіе даже и въ тѣхъ, которые должны были по обязанности держаться стороны уступокъ. На челѣ оппозиціи явился плоцкій посолъ Шидловскій.

«Поляки! — восклицалъ онъ: — народъ ли мы или нѣтъ? Пусть всѣ народы знаютъ, что поляки могутъ быть несчастными, но никогда не будутъ подлецами. Посмотрите, — у насъ хотятъ отбирать земли, а не говорятъ даже о религіи, о правахъ народа, о привилегіяхъ шляхты въ отбираемыхъ краяхъ. Въ XVIII столѣтіи человѣкъ уже не скотъ: великая государыня любитъ своихъ подданныхъ — зачѣмъ же считаетъ шляхту подлою? Въ случаѣ неподписанія трактатовъ намъ угрожаютъ неволею и Сибирью. Я все готовъ принять изъ любви къ отечеству, но хотя бы меня принуждали мученіями, я, даже изъ любви къ собратіямъ, не перестану носить имя поляка, вольнаго и честнаго гражданина. Я—потомокъ главныхъ защитниковъ свободы и вольностей. Иначе—я понесъ бы пятно безчестія и жизнь сдѣла-

12*

лась бы для меня постоянною пыткою. Будемъ стоять твердо: ручаюсь, что мы побѣдимъ силу нашею твердостію. Екатерина будетъ насъ уважать. Убѣдившись въ нашемъ мужествѣ, она велитъ своему посланнику поступать съ нами какъ прилично съ народомъ, умѣющимъ понимать взаимныя пользы международныя. Не позволяю измѣнить полномочія».

— Мы безоружны,—говорилъ краковскій посолъ Бобровницкій — легко насъ устрашить, но мучить беззащитныхъ—это дѣло тигровъ, а не людей. Когда нѣтъ способовъ не допустить отнятія у насъ земель, будемъ молчать и сносить насиліе, но одобрять такой поступокъ—значитъ идти противъ собственнаго убѣжденія.

«Чего хотятъ отъ насъ дворы петербургскій и берлинскій— говорилъ ломжинскій посолъ Скаржинскій, — получить согласіе наше на раздѣленіе Польши, чтобы оправдать себя въ глазахъ остальной Европы? показать, какъ будто Польша сама уступила имъ добровольно свои области? Нашъ прямой интересъ—не поддаваться и не узаконять подобной уступки; иначе мы отнимемъ у самихъ себя надежду возвратить такія обширныя провинціи».

За нимъ говорилъ Елешинскій, Верещака (брестскій) и другіе.

«О, если бы въ эту минуту пришелъ сюда самъ россійскій посланникъ— воскликнулъ Стоинскій, люблинскій посолъ, весьма искусный въ риторикѣ. Какъ бы онъ удивился мужеству поляковъ! Пусть онъ не воображаетъ, что его ноты 15-го и 16-го іюля устрашили Избу нашу; пусть смѣло окружаетъ ее войсками своими: они найдутъ здѣсь мужей, готовыхъ скорѣе со славою умереть, чѣмъ согласиться на мельчайшее измѣненіе въ полномочіи для депутаціи; пусть потомство скажетъ: были поляки такіе, что губили свое отечество, но были и такіе, что спасали его, сколько могли, и за то остались разоренными и погибли, не одобряя раздѣла своего края.»

Предложеніе Шидловскаго встрѣтили одобреніями. Не говоря противъ него, маршалъ сейма, по своей обязанности въ подобномъ случаѣ, спрашивалъ: есть ли всеобщее согласіе на предложеніе Шидловскаго? Два раза онъ спрашивалъ. Два раза ему отвѣчали одобрительными криками; изъ купленныхъ Россіею одни, забывая взятые червонцы, переходятъ въ противный лагерь, другіе не смѣютъ разинуть рта въ минуту всеобщаго патріотическаго порыва. Оставалось маршалу сдѣлать въ третій разъ тотъ же вопросъ, и упорство противъ требованія русскаго посланника стало бы въ этотъ день закономъ не по большинству, а единогласно. Но епископъ Коссаковскій, помня вчерашнюю головомойку, полученную отъ Сиверса, рѣшается остановить увлеченіе. «Неизбѣжная необходимость — говоритъ онъ — обязываетъ

ления. Я прошу делибераціи. По закону достаточно голоса одного члена, чтобы проектъ былъ отложенъ и пущенъ въ делиберацію.»

Это охладило горячность членовъ. Начали разсуждать спокойнѣе. Блешинскій, кричавшій за Шидловскаго, говорилъ: «Я предлагаю объявить всей Европѣ: такъ какъ въ трактатѣ, который намъ представляетъ посланникъ, есть пункты, которые превышаютъ власть самаго сейма, то мы рѣшились сообщить копіи съ этого трактата и ноты русскаго посланника иностраннымъ министрамъ; пусть всѣ державы знаютъ, чего требуютъ отъ государственныхъ чиновъ, пусть будетъ имъ извѣстно и какіе способы предпринимаются для того, чтобы насъ принудить».

Модзелевскій дѣлаетъ другое предложеніе. «Пусть—говоритъ онъ—нота, которую подастъ депутація посланнику, будетъ подписана всѣми членами сейма и отправлена нашему министру въ Петербургъ для представленія императрицѣ».

Оба предложенія слѣдовали къ делибераціи. Но тогда поднялъ голосъ вѣрный Сиверсу Лобаржевскій. Онъ началъ съ того, что восхвалялъ всѣмъ блистаніемъ риторики геройство патріотовъ, стоявшихъ въ оппозиціи, а потомъ поворотилъ такъ: «все это безполезно. Система насилія, принятая надъ нами двумя дворами, все-таки достигнетъ своего. Два государства, отнимая у насъ провинціи въ глазахъ Европы, не думаютъ шутить. Чувствую, какъ унизительно склоняться и уступать области послѣ недавняго еще политическаго значенія. Но что же намъ дѣлать? Нашъ край безъ казны, безъ войска, безъ чужеземной помощи—можно ли подвергать собратій разграбленію, всякимъ несчастіямъ и можетъ быть скорой, затѣмъ потерѣ имени поляковъ.... Человѣколюбіе беретъ верхъ въ моемъ сердцѣ. Послѣ такихъ злоключеній, какія на насъ навлекли давнія наши ошибки, намъ, безсильнымъ, лучше склониться передъ насиліемъ, оставить Европѣ рѣшеніе дѣлъ нашихъ, а себѣ—спокойствіе и порядокъ, склоняя народъ къ той надеждѣ, которую онъ давно уже имѣетъ въ великой Екатеринѣ. Несчастный король! твоя корона, какъ выразился епископъ Коссаковскій, украшена терніемъ; всѣ эпохи твоего царствованія доказываютъ, что честолюбіе пановъ причиною гибели отечества. Жаль, что ты вѣрилъ прежде этимъ божкамъ! Насъ принуждаютъ въ двадцать четыре часа дать рѣшеніе. Я представляю проектъ; онъ внушенъ человѣколюбіемъ. Я прошу читать его».

И проектъ прочитали. Онъ гласилъ такъ:

«Члены настоящаго сейма, собранные съ намѣреніемъ при-

нять мѣры къ предотвращенію раздѣла Польши, сообщають, по этому поводу, всей Европѣ голосъ угнетеннаго народа; нѣтъ ни одного согражданина, который не былъ бы убѣжденъ, что означенные члены сейма готовы принести себя самихъ въ жертву, если бы только они могли спасти этимъ свое отечество. Но получивъ ноты русскаго посланника, отъ 15-го и 16-го іюля, угрожающія всей странѣ всеобщимъ разореніемъ и истребленіемъ самаго имени польскаго, они были бы виновны передъ собственнымъ народомъ, если бы рѣшились объявить войну, которую невозможно вести. Государство безъ войска, безъ денегъ, ни откуда не имѣетъ надеждъ на помощь; поэтому, принимая цѣлый міръ во свидѣтельство несчастнаго положенія, въ какомъ находится Рѣчь-Посполитая, настоящій сеймъ не видитъ другого спасенія для Польши, какъ отдать свою судьбу въ руки великой государыни, которая, видя безпредѣльное довѣріе, оказываемое ей польскою націею, безъ сомнѣнія, не захочетъ ея конечной погибели. По этимъ соображеніямъ, чины государства, узнавъ, что россійскій посланникъ не дозволяетъ никакой перемѣны въ проектѣ трактата, поданномъ имъ же, соглашаются, чтобы депутація, назначенная для переговоровъ съ означеннымъ посланникомъ, подписала этотъ проектъ».

«Прежде, чѣмъ рѣшиться на это — сказалъ Суходольскій — не подождать ли отвѣта отъ дворовъ, у которыхъ мы просили ходатайства?». Говорившій это ораторъ не замѣчалъ крайняго легкомыслія своихъ рѣчей и несбыточности своего предложенія при той обстановкѣ, когда Сиверсъ требовалъ отвѣта черезъ ночь. Это ему замѣтилъ бельзскій посолъ Дронговскій, а пинскій посолъ Орда предлагалъ отправить посольство къ Екатеринѣ и пріостановить работы сейма до полученія отъ нея отвѣта. Это многимъ понравилось, и самому королю въ томъ числѣ; но никто не смѣлъ быть увѣреннымъ, чтобы упрямый Сиверсъ поддался на такую ловушку.

Засѣданіе не окончилось ничѣмъ рѣшительнымъ. Слѣдующій день, 17-го числа, былъ роковой день, назначенный русскимъ посломъ какъ послѣдній срокъ. Продажный маршалъ обратился, какъ всегда водилось, со вступительною рѣчью, восхвалялъ твердость, мужество, геройство поляковъ, доблесть, достойную древнихъ римлянъ, и спустившись съ высоты риторики на низменность дѣйствительности, совѣтовалъ изслѣдовать: не будетъ ли проектъ, поданный вчера Лобаржевскимъ, самымъ удобнѣйшимъ средствомъ спасти, по крайней мѣрѣ, остатокъ отечества?

Тутъ возвысилъ голосъ король: «Наше отечество на краю ги-

бели. Судьба Польши въ отчаянномъ положеніи. Если есть еще для нея какое-нибудь спасеніе, то развѣ въ великодушіи императрицы; къ ней единой слѣдуетъ прибѣгнуть, испытать послѣднія средства, если не отвратить навсегда, то, по крайней мѣрѣ, отсрочить ужасную минуту раздѣла нашего отечества. Пошлемъ къ русскому посланнику канцлеровъ просить его дать хотя короткій срокъ сейму, пока посланный нами курьеръ воротится отъ императрицы».

Согласились на это. Канцлеры отправились къ Сиверсу. Между тѣмъ патріоты опять начали показывать свое геройство.

«Спасти остатокъ отечества!—говорилъ Гославскій, повторяя послѣднія слова маршала — мы не спасемъ его. Послѣ перваго раздѣла, трактаты 1773 и 1775 г. гарантировали намъ цѣлость остатка отечества, а теперь мы видимъ, какъ можно надѣяться на трактаты. Нѣтъ, лучше погибнуть со славою, сохранивъ уваженіе къ себѣ всѣхъ народовъ, чѣмъ, покрывшись стыдомъ, съ обманчивой надеждой спасать остатокъ отечества. Наияснѣйшій король! Наступила великая минута; она рѣшитъ приговоръ, какой сдѣлаетъ объ васъ потомство. Если вы первый подпишите раздѣлъ, вы сдѣлаетесь виновникомъ стоновъ безчисленнаго множества вашихъ согражданъ, которые теперь васъ уважаютъ. Они будутъ гнушаться вашею памятью, за то, что въ ваше царствованіе свободные граждане подчинились тиранніи деспотовъ. Угрозы разорить столовыя королевскія имѣнія, которыми хочетъ устрашить васъ посланникъ, не извинятъ васъ въ глазахъ Европы; напротивъ, ваша слава будетъ блистательнѣе, когда вы пріобрѣтете ее потерею вашихъ доходовъ».

«Иду въ неволю — восклицалъ Микорскій (вышегродскій) — не жалѣйте обо мнѣ. Я добровольно буду терпѣть».

«Прежде эта святыня заплыветъ кровью, чѣмъ мы подпишемъ трактатъ, — говорилъ другъ тарговицкой конфедераціи и врагъ 3-го мая, Карскій,—пусть Европа смотритъ, что дѣлается съ вольнымъ народомъ. Невозможно, чтобы, видя такой примѣръ, Европа не приняла мѣръ для безопасности другихъ государствъ и насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не воздвигнула изъ упадка. Намъ посланникъ грозитъ непріятельскимъ обращеніемъ? Да лучше умереть, чѣмъ продать въ оковы своихъ братьевъ и сдѣлаться посмѣшищемъ другихъ народовъ».

Люблинскій посолъ Галензовскій говорилъ: «Объявимъ Сиверсу, что народъ польскій хладнокровно ожидаетъ слѣдствій страшныхъ его замысловъ, подобно тому, какъ нѣкогда римляне въ сенатѣ ожидали галловъ, и враги сочли ихъ статуями, а не людьми».

Но вотъ возвратились канцлеры. Сиверсъ объявилъ имъ такъ: «Я получилъ недавно еще приказаніе ея императорскаго величества не измѣнять ни одного слова въ проектѣ. Поэтому, господа, толки ни къ чему не поведутъ. Если сегодня же не будетъ дано депутаціи полномочія подписать трактатъ, я буду поступать съ Польшею какъ съ непріятельскою землею».

Услышавши о безуспѣшности посольства канцлеровъ, патріоты разразились взрывомъ негодованія. Карскій выразился тогда: «Если въ этой Избѣ есть кто-нибудь, кто подпишетъ этотъ трактатъ, я первый подамъ примѣръ, какъ поступать съ измѣнниками». Но умѣренные мало-по-малу одинъ за другимъ подавали свои голоса. Лидскій посолъ Нарбутъ говорилъ: «Мы были бы измѣнники, если бы поступали добровольно. Но развѣ мы свободны? Развѣ мы не невольники? Вотъ уже пять недѣль сеймъ въ неволѣ; однихъ пословъ арестуютъ, у другихъ имѣнія секвеструютъ; безъ билетовъ нельзя выѣзжать изъ города; кругомъ Гродно чужеземное войско; всего этого мало — грозятъ лишить бѣдныхъ поселянъ куска хлѣба, разорить край—за что бѣдные жители будутъ страдать за насъ? Мы завоеваны. Я плѣнникъ. А плѣнникъ развѣ можетъ распоряжаться своимъ достояніемъ? Развѣ, будучи въ неволѣ, не согласится дѣлать все, что прикажутъ?» — «Дѣло нашего сейма — говорилъ епископъ Коссаковскій — беззаконно; но вѣдь мы уступаемъ насилію, и притомъ послѣ опыта борьбы. Развѣ можетъ кто-нибудь намъ это поставить въ укоръ и сказать, что трактатъ подписывается по добровольному согласію; подписанный же поневолѣ, онъ не имѣетъ и силы до окончательной ратификаціи. Я совѣтую лучше не противиться посланнику; это единственное средство спасти остатокъ отечества; быть можетъ наши просьбы у императрицы въ промежутокъ времени до утвержденія трактата могутъ еще смягчить ее!» Тогда взоры многихъ обратились на короля; его просили заявить свое окончательное мнѣніе.

«Не думайте, — сказалъ король — чтобы я мало цѣнилъ героическое мужество гражданъ, пренебрегающихъ опасностію, неподатливыхъ никакому устрашенію. Но что похвально въ нихъ, то принимаетъ совсѣмъ иное значеніе въ томъ санѣ, какой я ношу. Ихъ похвальная твердость сдѣлаетъ имя ихъ знаменитымъ, но можетъ также и способствовать исключенію нашей Польши изъ ряда государствъ. Я же не только какъ король, но и какъ отецъ, долженъ не гоняться за минутными рукоплесканіями, а говорить языкомъ истины. При открытіи сейма, я сказалъ, что не отступлю никогда отъ большинства, выражающаго

волю Избы; я сказалъ также, что не подпишу первый трактата о раздѣлѣ. Я полагалъ, что съ нами будутъ обращаться какъ съ народомъ свободнымъ и предоставятъ дѣлать то, чего требуетъ долгъ; отъ того я такъ и сказалъ; я не предвидѣлъ, чтобы дошло до такихъ крайностей, какими угрожаетъ намъ нота, полученная вчера. Я обманулся, господа, также, какъ обманулся, приступивъ къ тарговицкой конфедераціи. Тогда я думалъ этимъ поступкомъ предотвратить раздѣлъ Польши: мнѣ говорили, что онъ непремѣнно послѣдуетъ, если я не приступлю къ конфедераціи. Теперь же у насъ нѣтъ ни войска, ни денегъ, ни союзниковъ; сто тысячъ иностраннаго войска готовится внести въ нашу страну ужасы разоренія, угрожая каждому семейству.... Есть ли для насъ какая-нибудь свобода избирать то, что̀ намъ кажется лучшимъ? Если вы станете упорствовать, то будете отвѣчать предъ вашими довѣрителями; они послали васъ спасать согражданъ отъ иностраннаго владычества. Вы же не только не успѣете сдѣлать того, что вамъ поручено, но еще и на тѣхъ, которые васъ послали, навлечете разрушительную войну и подвергнете ихъ въ конецъ тому же игу, отъ котораго хотѣли избавить другихъ согражданъ; напротивъ, уступая силѣ, мы, по крайней мѣрѣ, спасемъ остатокъ отечества отъ бо́льшихъ еще несчастій; и, кто знаетъ, быть можетъ великая государыня проникнется нашимъ смиреніемъ до того, что окажетъ великодушіе къ несчастной націи!»

Тонъ короля утишилъ многихъ. Но Шидловскій выступилъ опять съ своимъ проектомъ; его поддерживала небольшая уже кучка патріотовъ. Маршалъ сталъ читать проектъ Лобаржевскаго. Патріоты шумѣли при каждомъ словѣ, хотѣли, чтобъ никто не слыхалъ читаемаго. Проектъ, однако, былъ прочитанъ до конца и пущенъ на голоса. Оказалось 64 голоса за него, а противныхъ было только двадцать. Чтеніе другихъ проектовъ объ этомъ предметѣ оказалось само собою неумѣстнымъ.

Депутація получила полномочіе. Послѣ похвалъ мужеству и безстрашію сеймовыхъ пословъ и горькихъ жалобъ на насиліе, оно кончалось такъ:

«Дошедши до крайнихъ предѣловъ бѣдствій, намъ ничего не остается, какъ призвавши во свидѣтельство Бога, судію сердецъ человѣческихъ и цѣлый свѣтъ, взирающій на насъ, отдать судьбу нашего отечества волѣ той великой государыни, которая, вѣроятно, будетъ побѣждена довѣріемъ къ себѣ польскаго народа, подастъ ему благодѣтельную руку и не пожелаетъ его погибели. А потому мы, король, съ согласія чиновъ сейма, поручаемъ депу-

таціи, назначенной для переговоровъ съ г. россійскимъ посломъ, заявивъ о силѣ довѣрія нашего къ справедливости и великодушію ея императорскаго величества, подписать, не допуская никакой отмѣны, трактатъ съ Россіею въ тѣхъ статьяхъ, какія даны г. посланникомъ въ его нотѣ, и какія признаны умѣстными тою государынею, которая такъ часто держала въ рукахъ своихъ судьбу народовъ, и которую несчастный народъ избираетъ судьею своей участи, не противопоставляя ея волѣ ничего, кромѣ избытка собственнаго несчастія и величія ея чувствованій».

Такъ окончилъ гродненскій сеймъ половипу своей работы. Страннымъ быть можетъ покажется, какъ это, послѣ стольких заявленій горячаго патріотизма, все ограничилось одними фразами; но надобно принять во вниманіе, что многіе изъ пословъ, получивъ отъ Сиверса, что̀ слѣдуетъ въ мѣсяцъ, разыгрывали комедію своими рѣчами въ духѣ Тита Ливія. Они считали умѣстнымъ и приличнымъ, не устоявъ противъ искусительнаго блеска червонцевъ, въ то же время покрасоваться и благородствомъ, мужествомъ и твердостью, чтобы показать себя чистыми въ глазахъ Европы и скрыть свои грѣхи. Нельзя сказать, чтобы здѣсь не пробуждалось и дѣйствительное чувство и сожалѣніе потерять столько областей и унизить свое отечество; оно боролось съ любовью къ выгодамъ и еще болѣе со страхомъ и съ размышленіемъ о безплодности оппозиціи. Крутыя мѣры, какими угрожалъ Сиверсъ, были болѣе плодомъ его соображеній, чѣмъ прямыхъ предписаній Екатерины. Въ своемъ рескриптѣ отъ 13-го іюля, государыня изъявляла такого рода взглядъ на удобнѣйшее веденіе дѣла: «лучше по назначеніи делегаціи тотчасъ лимитовать сеймъ. Я ненавижу принудительныя средства и я не вижу даже, послѣ вашего отвѣта, чтобы строгія мѣры, предварительно вами предпринятыя, были полезны. Если же они неизбѣжны, лучше употреблять ихъ надъ всею націею вообще и надъ королемъ. Тутъ они по крайней мѣрѣ полезны, а въ другихъ случаяхъ они только раздражаютъ умы и бросаютъ тѣнь на самые поступки. Прежде, чѣмъ прибѣгать къ фактическимъ мѣрамъ и насилію, сдѣлайте опытъ кроткихъ мѣръ съ начальниками оппозиціи: обѣщайте имъ награды, мѣста, повышенія, староства. Этимъ лучше всего теперь утишить волненіе умовъ. Повѣрьте: изъ тѣхъ, кто рѣшился явиться въ качествѣ пословъ на сеймъ, нѣтъ ни одного, кто бы не пришелъ съ цѣлью устроить свою приватную пользу. Поэтому и слѣдуетъ взять ихъ на эту удочку, какъ обстоятельства покажутъ.

Большая часть ихъ думаетъ о староствахъ. Объявить имъ напередъ, что не допустится раздача земель, значитъ отнять у нихъ надежды, какія могутъ сдѣлать ихъ покорными. Продажу чиновъ тоже слѣдуетъ допустить. Это велось издавна въ Польшѣ. Прусскія войска вошли въ краковское и сендомирское воеводства. Вы всегда можете пригрозить ими непокорному сейму, когда онъ заупрямится, но только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Вы можете устрашить лицемѣрную совѣсть короля и другихъ, напомнивъ имъ, какъ сами они принуждали насильно къ принятію конституціи 3-го мая нехотѣвшихъ раздѣлять ихъ мнѣнія. Да, примѣровъ насильства довольно въ царствованіе этого короля».

Депутація подписала трактатъ 22-го іюля, въ день рожденія великой княжны Ольги Павловны. Этотъ день выбралъ Сиверсъ, чтобы соединить торжество національное русское съ семейнымъ торжествомъ царствующаго дома. Въ этотъ день Сиверсъ устроилъ великолѣпный обѣдъ, пригласилъ къ нему иностранныхъ министровъ, иныхъ знатныхъ особъ и депутацію, покончившую съ нимъ дѣло. Пушечные выстрѣлы при заздравныхъ тостахъ возвѣстили радость Россіи о присоединеніи своего древняго достоянія и позоръ Рѣчи-Посполитой, такъ постыдно уступившей его послѣ долгаго владѣнія. Приглашенные къ столу поляки должны были раздѣлять это печальное для нихъ торжество.

Одинъ изъ ярыхъ патріотовъ, Краснодембскій, послѣ подписанія полномочія, говорилъ такъ: «можно уважать и тѣхъ, которые намъ не милы. Таковъ россійскій посланникъ. Я вижу въ немъ великую доблесть; тяжело намъ его могущество, но добродѣтель его и твердость достойны подражанія. Онъ сдѣлалъ все, что былъ обязанъ сдѣлать по долгу къ своему отечеству и къ своей монархинѣ. Онъ насъ и ласкалъ, и угрожалъ намъ, и поставилъ на своемъ. Вотъ если бы мы имѣли такое мужество, такую твердость въ предпріятіяхъ и ревность по отношенію своихъ обязанностей, и были также вѣрны своей отчизнѣ. Поблагодаримъ его за обѣщанное покровительство и помощь; но я бы ни за что не хотѣлъ пользоваться щедротами Россіи. Пусть бы она жаловала насъ изъ своего, а то вѣдь она готова намъ благодѣтельствовать изъ ограбленнаго у насъ же. Принимать у нея что-либо, значитъ сознать, что русскія притязанія правильны, значитъ признавать легальность отнятія у насъ края. Я всегда былъ и теперь остаюсь противъ этого; и не хочу, чтобы мы обязывались какою-нибудь благо-

дарностію къ Россіи; пусть она или возвратитъ намъ все отнятое, или возьметъ все, а назначенныя намъ границы носятъ видимое пятно насилія.»

Содержаніе трактата заключалось въ десяти статьяхъ. Первая установляла вѣчный миръ между русскою императрицею, ея потомками и наслѣдниками и всѣмъ государствомъ съ одной стороны, и между польскимъ королемъ и его преемниками на престолѣ королевства польскаго и великаго княжества литовскаго, съ другой. Было сказано: «Для прочнѣйшаго утвержденія взаимной дружбы, высоко-договаривающіяся стороны обязываются и обѣщаютъ не только предать прошедшее совершенному забвенію, но и прилагать крайнее тщаніе о прекращеніи въ самомъ началѣ всякаго повода къ разрыву, могущаго вновь поколебать искреннюю между ними дружбу и взаимныя сношенія между народами.» Во второй означались отобранныя земли, въ порядкѣ, означенномъ въ деклараціи Кречетникова. Земли эти отбирались отъ Польши для того, «чтобъ установить сію счастливую систему мира на прочнѣйшемъ основаніи.» Было сказано: «Его величество король и чины королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго самымъ формальнымъ, торжественнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ уступаютъ ея величеству императрицѣ всероссійской, наслѣдникамъ и преемникамъ ея все, что, вслѣдствіе того къ имперіи россійской принадлежать долженствуетъ, а именно всѣ земли и уѣзды, отдѣленные вышереченною чертою отъ настоящихъ польскихъ владѣній, со всею собственностію, самодержавіемъ и независимостію, со всѣми городами, крѣпостями, мѣстечками, селами, деревнями, рѣками и водами, со всѣми подданными и жителями, освобождая сихъ послѣднихъ отъ подданства и присяги въ вѣрности, учиненной ими его величеству и коронѣ польской, со всѣми правами какъ по политической и гражданской, такъ и по духовной части, и вообще со всѣмъ принадлежащимъ къ самодержавію сихъ земель, и реченныя его величество король и Рѣчь-Посполитая, польскіе, обѣщаютъ точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не дѣлать никогда ни явно, ни скрытно и ни подъ какими предлогами никакого притязанія на сіи земли и области, настоящимъ трактатомъ уступленныя.» Въ третьей — король за себя и за своихъ преемниковъ и генеральные чины отказались на вѣчныя времена отъ всякихъ притязаній на эти уступленныя земли. Въ четвертой было сказано, что императрица «отрицается на вѣчныя времена, какъ за себя такъ и за наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ, отъ всякаго права и притязанія, какія бы она нынѣ или впредь учинить могла посредственно

или непосредственно, и подъ какими бы видами, наименованіемъ, предлогомъ или условіемъ и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ или происшествіяхъ, на какую-либо область или малѣйшую часть владѣнія, заключающагося теперь въ Польшѣ.» Въ пятой, императрица обязывалась, «не сопротивляться никакой перемѣнѣ въ образѣ правленія, какую въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ польскихъ его величество король и Рѣчь-Посполитая признаютъ за лучшее учинить въ древней конституціи согласно съ желаніемъ народа, которое добровольно изъявлено будетъ его уполномоченными, законнымъ образомъ на настоящемъ сеймѣ созванными.» Въ шестой предполагалось установить правила относительно взаимной торговли народовъ польскаго и русскаго, а въ седьмой назначить коммисаровъ для опредѣленія границъ между государствами. Въ восьмой, россійская императрица обѣщала свободное отправленіе богослуженія и церковнаго порядка римско-католической религіи, объявляя за себя и преемниковъ своихъ, что «никогда не соизволитъ употреблять права самодержавія въ предосужденіе римско-католическому обоихъ обрядовъ закону въ земляхъ, по силѣ сего договора въ ея подданство поступившихъ.» Въ девятой сказано, что послѣ этого трактата будутъ составлены другія обоюдныя постановленія, а десятая обязывала обѣ стороны ратификовать трактатъ въ теченіи шести недѣль.

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ

въ

ПАРИЖѢ.

H. Heine's Leben und Werke, von *Ad. Strodtmann.* Band II. Berlin. 1869.

Переживаемую нами эпоху нельзя отнести къ числу тѣхъ историческихъ моментовъ, когда пульсаціи великихъ политическихъ и общественныхъ движеній бываютъ наиболѣе ощутительны. Мы наслаждаемся миромъ, увеличивая вооруженія; мы почитаемъ искусства, не будучи однако увлекаемы однимъ изъ тѣхъ поворотовъ въ эстетическомъ мірѣ, которые знаменовали сближеніе его съ какими-либо общественными задачами. Однимъ словомъ, настоящая минута одна изъ минутъ гладкаго, внѣшняго благополучія въ исторіи. И, однакожъ, нельзя сказать, что благополучіе это порождено искуснымъ разрѣшеніемъ съ нашей стороны всѣхъ тревожныхъ вопросовъ. Совсѣмъ напротивъ, мы имѣемъ достаточное основаніе тревожиться тѣмъ, что слишкомъ много вопросовъ не разрѣшено. Что̀ будетъ во Франціи послѣ того какъ со сцены сойдетъ не болѣе, какъ одинъ человѣкъ? Что̀ будетъ въ Англіи послѣ того «скачка̀ въ темноту», какимъ представляется перенесеніе на одну ступень ниже политической силы въ странѣ? Что̀ будетъ въ Германіи, этой многосторонней, много продумавшей, всеобъемлющей странѣ, и неужели ее, послѣ всего ея великаго прошлаго, удовлетворитъ однообразіе мундировъ вмѣстѣ съ ихъ многочисленностью?

Наконецъ, не только политическіе, но и нравственные, религіозные вопросы продолжаютъ агитироваться подъ тою корою равнодушнаго индустріализма, которою, не безъ нѣкоторой аффектаціи, одѣлся цѣлый періодъ безпокойнаго, пытливаго, горячаго, благороднаго девятнадцатаго вѣка. Послѣ трехсотлѣтняго папскаго интерима, въ Римѣ собирается верховный соборъ католичества, и событіе это волнуетъ даже протестантскій міръ. Не рѣшено еще ничто, не сдѣлано никакого существеннаго шага къ измѣненію, улучшенію повседневныхъ, общественныхъ отношеній, однимъ словомъ, всѣ главнѣйшіе вопросы, тѣ вопросы, которые волновали насъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и которые мы было отложили въ сторону для того, чтобы безпрепятственно позаняться «пріобрѣтеніемъ» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова—продолжаютъ угрожать нашему спокойствію и напоминать, что эпохи индифферентизма не могутъ быть продолжительны.

Исторія прежнихъ дѣятелей, до насъ думавшихъ и страдавшихъ надъ веденіемъ борьбы, продолжаетъ имѣть интересъ не только въ смыслѣ любопытныхъ воспоминаній о прошлыхъ, пережитыхъ обществомъ годахъ, но и въ смыслѣ поученія практическаго, представляющаго примѣры тѣхъ усилій, на которыя обречены лучшіе люди общества для проложенія ему путей. Одинъ изъ такихъ дѣятелей близкаго прошедшаго, завѣщавшаго намъ задачи еще далеко неоконченныя, былъ Гейне, поэтъ, принимавшій самое дѣятельное участіе въ ходѣ общественнаго развитія.

Біографъ Гейне, Штродтманъ, окончилъ теперь свой трудъ, съ началомъ котораго мы уже въ прошломъ году познакомили нашихъ читателей. Первый томъ книги Штродтмана появился въ 1868 году. Второй томъ былъ раздѣленъ на два выпуска, изъ которыхъ послѣдній вышелъ лѣтомъ нынѣшняго года. Въ статьѣ «Генрихъ Гейне и его жизнь» [1]) мы могли воспользоваться трудомъ Штродтмана только относительно тѣхъ фактовъ въ жизни поэта, которые предшествовали 1825 году. Но такъ какъ мы высказывали мнѣніе объ общемъ смыслѣ дѣятельности Гейне, то не могли остановиться на этомъ годѣ, и дополнили разсказъ Штродтмана на основаніи другихъ источниковъ и самыхъ произведеній поэта.

Цѣль наша была познакомить читателя съ книгой Штродтмана, сдѣлать по ней нѣсколько подробный очеркъ жизни поэта, но въ тоже время представить опытъ характеристики Гейне, какъ общественнаго дѣятеля. Статья наша была составлена «по новымъ свѣдѣніямъ», но новыя свѣдѣнія относились только ко вре-

[1]) «Вѣстникъ Европы», сентябрь 1868.

мени до 1825 года, такъ что о жизни Гейне въ Парижѣ новыхъ свѣдѣній въ ней быть не могло. Этихъ строкъ достаточно, чтобы объяснить цѣль настоящей статьи, въ которой мы преимущественно упоминаемъ именно о дѣятельности Гейне во время пребыванія во Франціи, дополняя и нашу характеристику его, какъ общественнаго дѣятеля.

Такъ какъ въ прежней статьѣ мы зашли впередъ разсказа Штродтмана и упомянули о всѣхъ главныхъ произведеніяхъ Гейне, то теперь мы не будемъ къ нимъ возвращаться, а только свяжемъ 1825 годъ съ 1830 годомъ въ его жизни, бѣглымъ перечисленіемъ промежуточныхъ фактовъ.

Кончивъ юридическій курсъ, Гейне явился въ Гамбургъ, чтобы сдѣлаться адвокатомъ, но адвокатомъ онъ не сдѣлался просто потому, что мысли его были слишкомъ сильно направлены въ иную сторону. Въ 1826 году, уже явились въ печати пѣсни его «Heimkehr» и «Путешествіе на Гарцъ», въ журналахъ, а вскорѣ и отдѣльно первый томъ «Reisebilder», съ первою частью «Nordsee». Въ 1827 году, вышелъ второй томъ «Reisebilder», а самъ авторъ совершилъ поѣздку въ Лондонъ. Въ томъ же году, лирическія стихотворенія его были напечатаны отдѣльною книгою — «Buch der Lieder», которая, хотя не заключала въ себѣ ничего новаго, дала ему безспорное положеніе въ ряду значительнѣйшихъ поэтовъ. Заманчивыя предложенія отъ мюнхенскаго издателя, барона Котта, привлекли его въ томъ же году въ Мюнхенъ, гдѣ онъ дѣйствительно принялъ участіе въ періодическихъ изданіяхъ Котта и одно время старался о полученіи профессуры, но безуспѣшно. Въ слѣдующемъ году онъ удовлетворилъ давнишнему желанію, посѣтивъ Тироль и Италію, путешествіе, доставившее матеріалы для «Флорентинскихъ ночей» и «Bäder von Lucca». Изъ Италіи онъ вдругъ возвратился въ томъ же году въ Гамбургъ, подъ вліяніемъ внезапнаго неудержимаго желанія повидаться съ отцомъ, котораго, однако, не засталъ въ живыхъ. Затѣмъ, въ 1829 году, онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ возобновилъ старыя свои знакомства въ Фарнгагенскомъ кружкѣ. Затѣмъ, поѣздка на Гельголандъ, изданіе третьяго тома «Reisebilder» (съ книгою о Платенѣ, въ которомъ онъ думалъ казнить клерикаловъ, но зашелъ слишкомъ далеко, подъ вліяніемъ личной непріязни) — вотъ главные факты въ жизни поэта за 1829 годъ. Въ 1830 году, онъ видѣлъ въ Гамбургѣ Паганини, типъ котораго включилъ въ «Флорентинскія ночи». Въ іюлѣ 1830 г. онъ былъ опять на островѣ Гельголандѣ, когда въ Парижѣ произошла революція. Революція неудержимо подѣйствовала на Гейне и рѣшила его судьбу. Пѣсни «Neuer Frühling» были какъ бы

прощаніемъ его съ поэзіею любви. Отъ хлѣбной карьеры онъ долженъ былъ отказаться, не имѣя ни охоты настойчиво добиваться ея, ни удачи въ первыхъ попыткахъ. Какъ поэту, и поэту, котораго неудержимо привлекали общественные вопросы, въ Германіи ему предстояли только цензорскій карандашъ и вѣроятность личныхъ преслѣдованій; во Францію его манило страстное, неудержимое желаніе «вздохнуть свѣжимъ воздухомъ» и «принять послѣднее посвященіе въ жрецы новой религіи», — какъ онъ писалъ Фарнгагену.—3-го мая 1831 года, Гейне былъ въ Парижѣ.

I.

«Священные іюльскіе дни! вы будете вѣчнымъ свидѣтельствомъ о естественномъ благородствѣ людей, которое ничѣмъ не можетъ быть уничтожено навсегда. Кто прожилъ васъ, тотъ уже не станетъ плакать надъ могилами стараго, а будетъ радоваться, вѣруя въ воскрешеніе народовъ. Священные іюльскіе дни! Какъ чудно сіяло солнце и какъ великъ былъ народъ Парижа! Небесные боги, смотрѣвшіе на великую борьбу, привѣтствовали ее кликами удивленія и охотно поднялись бы со своихъ золотыхъ престоловъ и сошли бы на землю, чтобы сдѣлаться гражданами города Парижа!».... Вотъ какъ восторженно привѣтствовалъ Гейне Парижъ. Революція привлекла его во Францію, и въ Парижѣ онъ привѣтствовалъ прежде всего сцену того событія, на которое возлагалось столько надеждъ.

Парижъ не могъ не понравиться Гейне. Здѣсь онъ нашелъ всемірную сцену, какой не было ни въ одной изъ нѣмецкихъ столицъ, какой онъ не могъ найти въ чуждой ему, по аристократическому духу, столицѣ Англіи. Въ Парижѣ онъ не только нашелъ свободу въ политической жизни и равенство, перешедшее въ нравы, но еще не находилъ многихъ изъ тѣхъ условій германской жизни, которыя ему всегда были тягостны, отчасти по его политическимъ убѣжденіямъ, отчасти по его происхожденію, отчасти, наконецъ, по личнымъ его наклонностямъ и вкусамъ. Крѣпость Шпандау, которую не мѣшало имѣть въ виду при веденіи политической аргументаціи, была оставлена далеко за Рейномъ; никто въ Парижѣ не думалъ возражать ему словомъ «жидъ» на всякое сужденіе, уклонявшееся отъ государственнаго или ультранаціональнаго катихизиса; наконецъ, самые литературные нравы и обычаи общества во Франціи были мягче, чѣмъ въ тогдашней Германіи, и болѣе изящны.

Страстный демократъ, Гейне однако не видѣлъ сущности демократіи въ грубой фамильярности и небрежной или эксцентричной одеждѣ. Онъ терпѣть не могъ ни буршескаго шика, ни филистерскаго хамства. «О сладостное ананасное благоуханіе вѣжливости, какъ благодѣтельно оживляешь ты мою наболѣвшую душу, которая наглоталась въ Германіи столько табачнаго дыма, запаха кислой капусты и грубости. Россиніевскими мелодіями прозвучали въ моемъ ухѣ вѣжливыя, извинительныя рѣчи едва-едва толкнувшаго меня на улицѣ француза. Я почти испугался такой элегантности манеръ, я, привыкшій къ германскимъ толчкамъ въ ребра, безъ извиненій; въ первую недѣлю самъ нарочно старался, чтобъ меня толкали, единственно, чтобы попривыкнуть къ музыкѣ этихъ извинительныхъ рѣчей.»

Прежде, чѣмъ изучать сцену, гдѣ разыгрывала свои роли іюльская монархія, сен-симонизмъ и борьба романтиковъ съ классиками, Гейне хотѣлъ познакомиться съ повседневною жизнью Парижа, съ обычаями французовъ, и сталъ съ утра до вечера ходить по улицамъ, театрамъ, музеямъ, и т. д. Былъ въ люксембургскомъ отелѣ, гдѣ засѣдала палата пэровъ — «музей мумій отступничества, сохраняемыхъ вмѣстѣ съ набальзамированными ложными присягами, которыя онѣ приносили поочередно всѣмъ династіямъ французскихъ фараоновъ»; былъ въ Morgue; видѣлъ и самаго знаменитаго изъ живыхъ людей — «Lafayette aux cheveux blancs (по выраженію пѣсни), видѣлъ и волосы Лафайета, но отдѣльно, въ медальонѣ одной дамы, а самого Лафайета видѣлъ въ парикѣ».

Усердное изученіе парижской жизни не обошлось для Гейне и безъ ряда легкихъ связей съ женщинами, о которыхъ онъ не умолчалъ и въ сочиненіяхъ, что̀ было прямо на̀-руку его доброжелателямъ въ Германіи—оффиціальнымъ представителямъ и защитникамъ всякой морали, начиная отъ цензурности мыслей, до добродѣтельнаго прикрыванія человѣческихъ слабостей въ частной жизни.

Гейне, въ первый годъ своего пребыванія въ Парижѣ, былъ счастливъ, насколько веселье есть счастье. Въ одномъ письмѣ въ Германію, писанномъ въ это время, онъ говоритъ: «Если васъ будутъ спрашивать, каково мнѣ здѣсь живется, то отвѣчайте — какъ рыбѣ въ водѣ, или, лучше, скажите моимъ землякамъ, что когда въ морѣ одна рыба, встрѣчаясь съ другою, спрашиваетъ, какъ она себя чувствуетъ, то она отвѣчаетъ — чувствую себя какъ Гейне въ Парижѣ».

Первая работа Гейне въ Парижѣ была—описаніе выставки картинъ 1831 года; онъ началъ эту работу скоро по пріѣздѣ.

Выставка эта была замѣчательная, достаточно сказать, что на ней были въ первый разъ выставлены картины: Ари Шеффера—«Фаустъ и Маргарита», «Леонора», портреты Таллейрана, Генриха IV и Людовика-Филиппа; Гораса Вернѐ—«Камилль Демуленъ и арестованіе принца Кондѐ», «Лонгвилль и Конти»; Делакруа—«Герои іюльскихъ баррикадъ»; Поля Делароша—«Смерть Ришлье», «Умирающій Маззарини», «Убіеніе сыновей Эдуарда IV», и «Кромвель у гроба Карла I»; картины Декампа, Лессора, Робера и т. д.

Добросовѣстное и живое описаніе Гейне, по свидѣтельству Штродтмана, не осталось безъ вліянія и въ спеціально-художественномъ отношеніи, впервые обративъ серьёзное вниманіе нѣмцовъ на успѣхъ новѣйшей французской живописи. Вмѣстѣ съ тѣмъ богатство и знаменательность сюжетовъ этихъ картинъ дали Гейне поводъ, какъ поэту-публицисту, высказать увлекательно сѣтованіе и призывы политическаго свойства. Артистическія, поэтическія наслажденія въ Парижѣ были не то что въ Германіи: они не поглощали всей умственной дѣятельности даже артиста и поэта. «Хотя въ Парижѣ, говоритъ онъ, искусство процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, но постоянному наслажденію имъ мѣшаетъ суровый голосъ жизни; сладчайшіе звуки Пасты и Малибранъ здѣсь прерываются криками ожесточенной бѣдности и сердце, только что опьянѣвшее отъ великолѣпія роберовскаго колорита, въ моментъ отрезвляется видомъ публичной нищеты».

Нельзя не признать переѣздъ Гейне въ кипѣвшую политическою жизнью Францію счастьемъ для его генія. Кто знаетъ, если бы этотъ человѣкъ самъ не зачахъ на родинѣ среди гоненій, одинъ среди чуждыхъ кружковъ, не заглохъ ли бы его геній въ сферѣ отвлеченнаго искусства, куда ему рано или поздно поневолѣ пришлось бы заключиться. Этотъ послѣдній результатъ былъ почти неизбѣженъ, и издатель его, гамбургскій Кампе, даже при отъѣздѣ поэта во Францію, умолялъ его совершенно замкнуться въ искусство, забывъ о политикѣ. Уѣзжая, Гейне сказалъ: «послѣ когда-нибудь, только не теперь». Если бы онъ остался въ Германіи это «послѣ» наступило бы; быть можетъ, очень скоро; во Франціи оно не наступило никогда.

Для служенія своимъ политическимъ цѣлямъ онъ нашелъ другого издателя—барона Котта, издателя аугсбургской «Allgemeine Zeitung». «Allgemeine Zeitung», въ которой Гейне помѣщалъ свои письма изъ Парижа, конечно не могла быть органомъ сочувственнымъ ему по направленію; она издавалась подъ вліяніемъ вѣнскаго кабинета. Но для народнаго оратора нужна была прежде всего высокая трибуна, съ которой его голосъ былъ бы

слышанъ далеко, и потому Гейне подчинился не только непріятному сосѣдству съ оффиціозными статьями, но и мучительной операціи двойной цензуры; цензуры редакціонной, во-первыхъ, цензуры оффиціальной, во-вторыхъ. Вотъ какъ самъ онъ объясняетъ участіе свое въ такомъ органѣ, какъ аугсбургская газета: «Политическій писатель долженъ, ради того дѣла, которое защищаетъ, рѣшаться на горькія пожертвованія силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ разныхъ углахъ страны немало неизвѣстныхъ листковъ, въ которыхъ намъ предстояла бы возможность изливать все наше сердце, со всѣми потоками гнѣва, которымъ оно горитъ; — но у этихъ листковъ малочисленная и маловліятельная публика, такъ что писать въ нихъ было бы почти все-равно, что витійствовать передъ обычными посѣтителями въ пивной лавкѣ или кофейнѣ. Мы станемъ ближе къ цѣли, когда умѣримъ нашъ жаръ, и трезвыми словами, пожалуй даже подъ маскою, станемъ высказываться въ газетѣ всемірной, дѣйствующей на сотни тысячъ читателей, въ разныхъ странахъ. Здѣсь, даже въ несчастномъ искаженномъ своемъ видѣ, слово все-таки можетъ дѣйствовать благотворно; тончайшій намекъ становится иногда плодотворнымъ сѣменемъ въ почвѣ, которая намъ самимъ невѣдома. Если бы мною не руководила эта именно мысль, то ужъ навѣрное не сталъ бы я налагать на себя пытку—писать для «Аугсбургской газеты».

Пытка состояла не только въ хирургическихъ операціяхъ двойной цензуры: цензуры редакціонной и цензуры оффиціальной, но и въ томъ такъ сказать физіологическомъ насиліи, которому подвергаетъ себя самъ писатель, когда онъ на свое призваніе смотритъ честно, а между тѣмъ сила такъ-называемыхъ «независящихъ обстоятельствъ» положительно противъ него. Мы сейчасъ увидимъ, что эти обстоятельства были положительно противъ самаго участія Гейне въ Аугсбургской газетѣ вообще; каждая мысль, которую ему случалось высказать тамъ, въ какой бы то ни было умѣренной и даже замаскированной формѣ — представляла завоеваніе его, вопреки обстоятельствамъ. Завоеванія эти были важны; свѣтлое слово правды, высказанное въ то время, когда общество блуждаетъ въ потемкахъ, а еще болѣе въ такое время, когда оно стремится за факеломъ, который несутъ фальшивые либералы, фальшивые народолюбцы, возбуждающіе національныя страсти для того, чтобы отуманить народный умъ и отвлечь его отъ сознанія естественно-законныхъ потребностей, какъ то было тогда въ Германіи, можетъ имѣть и, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно имѣло очень большое значеніе: письма Гейне въ Аугсбургской газетѣ производили сильное впечатлѣніе въ Гер-

маніи. Но все это не уменьшаетъ болѣзненности насилія надъ собственнымъ умомъ, надъ лучшими своими мыслями, для того, чтобы получить возможность привести ихъ въ гласность хотя бы въ неполномъ видѣ. Насиліе это тѣмъ болѣзненнѣе, что оно несомнѣнно безнравственно, такъ какъ въ немъ есть и согласіе на самоискаженіе, на уступку силѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе обмануть эту силу. Надо, дѣйствительно, имѣть полную увѣренность, что отъ такого самоприниженія можетъ быть польза, чтобы подвергать себя ему.

Такая увѣренность была у Гейне, и онъ рѣшился идти хотя бы окольными путями къ исполненію своего призванія. «Если намъ удастся, говоритъ онъ, выяснить массѣ настоящее, какъ оно дѣйствительно есть, то народы не позволятъ болѣе наемникамъ аристократіи напускать себя другъ на друга съ ненавистью и съ войною, а заключатъ великій союзъ между собою, священный союзъ народовъ, который сдѣлаетъ излишнимъ содержаніе постоянныхъ армій, для взаимнаго убіенія; они содержатся на счетъ нашего недовѣрія, но мы употребимъ ихъ мечи на плуги, въ которые запряжемъ ихъ коней, и наступитъ спокойствіе и благосостояніе и свобода. Дѣятельности въ этомъ смыслѣ я посвятилъ свою жизнь, она—мое призваніе. Ненависть враговъ моихъ служитъ мнѣ порукою, что призваніе это я исполнялъ до сихъ поръ вѣрно и добросовѣстно. Я покажу себя всегда достойнымъ этой ненависти.» Спеціально же къ корреспонденціямъ изъ Парижа примѣняются слѣдующія слова послѣдняго завѣщанія Гейне, писаннаго въ 1851 году: «Великою задачею моей жизни было работать на пользу искренняго согласія между Германіею и Франціею, стараясь пресѣчь козни враговъ демократіи, которые эксплуатируютъ для своихъ интересовъ международные предразсудки и національную вражду. Думаю, что этимъ я оказалъ услугу какъ моимъ землякамъ, такъ и французамъ, и право мое на признательность тѣхъ и другихъ составляетъ безъ сомнѣнія наиболѣе цѣнную часть всего моего наслѣдства.»

Сознавая такое призваніе и имѣя въ себѣ такую увѣренность, Гейне не даромъ искалъ себѣ трибуны прежде всего звонкой, хотя бы и не очень привлекательной по условіямъ сосѣдства; не даромъ соглашался на самоприниженіе и на операцію двойной цензуры. А въ томъ обстоятельствѣ, что несмотря на тонъ индифферентизма, которымъ были прикрыты мысли корреспондента, и на усилія двухъ цензурныхъ карандашей, парижскія корреспонденціи Аугсбургской газеты скоро привлекли на себя общее вниманіе и въ Германіи, и въ самой Франціи—представляется вся безполезность такихъ предупредительныхъ мѣръ. Во-

обще можно сказать, что Гейне, котораго всѣ важнѣйшія произведенія первоначально прошли сквозь цензуру [1]), представляетъ самъ собою краснорѣчивѣйшій доводъ въ смыслѣ полной безуспѣшности цензуры. Цензура можетъ вычеркивать и запрещать все что ей угодно, и по отношенію къ Гейне она ужъ никакъ не стѣснялась: иныя вещи были такъ искажаемы при первомъ появленіи ихъ въ свѣтъ, что Гейне, не могъ ни спать, ни ѣсть до тѣхъ поръ пока не былъ напечатанъ гдѣ-нибудь протестъ его; произведенія его долгое время были безусловно запрещены во всѣхъ государствахъ, принадлежавшихъ къ германскому союзу. А между тѣмъ, вотъ несомнѣнный фактъ: подъ гнетомъ и запретомъ цензуры, Гейне сталъ въ Германіи силою и нанесъ обскурантизму такіе удары, отъ которыхъ тотъ не оправился никогда. Едва ли въ исторіи всей европейской литературы есть болѣе живое, болѣе убѣдительное доказательство безсилія, безуспѣшности предварительной цензуры, чѣмъ Генрихъ Гейне.

Успѣшность его въ борьбѣ съ аугсбургскою цензурою, несмотря на тѣ раны, какія она наносила ему, удостовѣряются лучше всего тѣмъ, что на парижскія корреспонденціи въ «Allgemeine Zeitung» обратилось вниманіе самого папы обскурантизма, главы вѣнскаго кабинета.

Меттернихъ самъ втайнѣ принадлежалъ къ почитателямъ таланта Гейне, но это, конечно, не помѣшало бы ему засадить самого Гейне куда-нибудь въ крѣпкое мѣсто, если бы поэтъ попался ему подъ руку. Парижскія корреспонденціи не могли нравиться Меттерниху уже потому, что въ нихъ живо описывалась борьба принциповъ во Франціи, вѣрно отражалось то всестороннее обсужденіе политическихъ и спеціальныхъ вопросовъ, которому Парижъ въ это время служилъ всемірною трибуною. Но отъ зоркаго глаза высшаго блюстителя реакціонныхъ интересовъ не могъ укрыться и тотъ духъ отрицанія, который Гейне заботливо прикрывалъ, избирая для ѣдкой насмѣшки только мелкія подробности. Употребленъ былъ въ дѣло одинъ изъ любимыхъ пріемовъ «пресѣченія» — дружескій совѣтъ издателю. По порученію Меттерниха, извѣстный агентъ обскурантизма, Генцъ написалъ къ барону Котта, издателю Аугсбургской газеты, письмо, въ которомъ обращалъ вниманіе его на направленіе его газеты, потому только будто бы, что оно было враждебно кабинету Казиміра Перье, представлявшему собою принципъ европейскаго мира. Но начавъ съ этого, Генцъ продол-

[1]) Текстъ былъ возстановленъ частью самимъ авторомъ, частью издателями уже при послѣдующихъ изданіяхъ.

жалъ такъ: «Наконецъ мѣра этого ошибочнаго и, какъ я думаю, предосудительнаго направленія исполнилась — извините за это сильное выраженіе—допущеніемъ тѣхъ ругательныхъ статей,— подъ заглавіемъ «Французскія дѣла», которыя бросилъ Гейне какъ пожарную головню въ вашу газету, доселѣ недоступную для такого глумленія, достойнаго черни. Я вполнѣ понимаю, что и подобныя статьи находятъ цѣнителей и даже многихъ цѣнителей, такъ какъ значительная часть публики отъ души увеселяетъ себя наглостью и злостью какого-нибудь Бёрне или Гейне, а Перье, и съ нимъ самъ Людовикъ-Филиппъ — уже потому одному, что представляютъ собою только порядокъ и спокойствіе — внушаютъ безпокойнымъ головамъ у насъ въ Германіи такъ мало уваженія, что теперь охотнѣе было бы принято извѣстіе о вступленіи въ Парижъ казаковъ, чѣмъ увѣренность о продолженіи тамъ господства системы juste-milieu. Все это мнѣ не можетъ показаться страннымъ; я слишкомъ долго присматривался къ мірскимъ дѣламъ, чтобы не быть приготовленнымъ къ наиболѣе невѣроятнымъ и наиболѣе нелѣпымъ поворотамъ въ общественномъ мнѣніи. Но что вы, благородный другъ мой, можете хотя бы только *терпѣть* тѣ ядовитыя выходки, которыхъ вы, навѣрное, не одобряете—это, признаюсь, заходитъ далѣе, чѣмъ я въ состояніи понять. Я не желаю доискиваться, чего въ сущности *хочетъ* и *надѣется* такой отчаянный искатель приключеній, какъ Гейне — какъ поэта, я признаю и даже люблю его, а стало быть мною и не руководитъ никакая личная къ нему ненависть — когда онъ втоптываетъ въ грязь нынѣшнее французское правленіе, — хотя довольно легко догадаться о его цѣли. Но, какъ мнѣ кажется, то безграничное презрѣніе, съ какимъ эти чудовища между прочимъ, и въ особенности именно теперь, говорятъ о самыхъ почтенныхъ классахъ *средняго сословія*, должно бы возбудить противъ нихъ и самый этотъ классъ. Въ вашемъ прибавленіи къ номеру 13-го апрѣля, одна статья начинается такимъ объявленіемъ: — «Никогда еще, даже и во времена Помпадуръ и Дюбарри, Франція не падала такъ низко въ глазахъ всего свѣта, какъ теперь, и такимъ образомъ оказывается, что и въ правленіи любовницъ все-таки можетъ быть болѣе души, чѣмъ въ банкирской конторѣ». Каково долженъ чувствовать себя при этомъ просвѣщенный негоціантъ? Духовенства и дворянства давно уже не хотятъ знать; съ ними уже покончили: requiescant in pace! Но если такихъ людей, какъ Перье и его приверженцы, т. е. чиновниковъ, банкировъ, помѣщиковъ и лавочниковъ, представляютъ въ еще болѣе ненавистномъ свѣтѣ, то кто же, наконецъ, долженъ управ-

лять государствами? Остается только выборъ между редакторами «der Freisinnige», какъ—Господи помилуй насъ!—руководителями умѣренной революціонной клики, и такими представителями народа, какъ Гейне, Виртъ, Зибенфейферъ и проч.»

Трогательна эта заботливость австрійскаго агента о «просвѣщенныхъ негоціантахъ»! И надо сказать, что французская буржуазія въ царствованіе Людовика-Филиппа сдѣлала все, чтобы заслужить сочувствіе Меттерниха и Генца; — но вотъ вмѣстѣ и лучшій приговоръ для іюльской монархіи.

Значеніе «дружескаго письма» Генца было слишкомъ ясно, особенно когда оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ преслѣдованій противъ періодическихъ изданій: Гейне долженъ былъ прекратить свои корреспонденціи въ «Allgemeine Zeitung». Но это побудило его только выступить яснѣе въ своей оппозиціи тогдашнему порядку. Нѣмецкіе радикалы, республиканцы, эмигранты, жившіе во Франціи, уже давно старались увлечь Гейне къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. Ихъ писанія, конечно, не производили такого впечатлѣнія, какъ корреспонденціи Гейне, хотя и были гораздо рѣзче. Но эти смѣлыя заявленія доставляли имъ авторитетъ жертвъ преслѣдованія; и вотъ, подвергаясь преслѣдованіямъ, они выражали негодованіе на неприкосновенность Гейне. А Гейне сравнивалъ ихъ съ обезьяною, которая стала бриться изъ подражанія, но бороду не обрила, а надрѣзала себѣ горло. «Смотрите, кричатъ они, мы добросовѣстно намылились и проливаемъ кровь за благое дѣло, а этотъ Гейне брѣется нечестно; ему не достаетъ истинной серьезности при употребленіи ножа, онъ никогда самъ не порѣжется, а спокойно оботретъ мыло и засвиститъ съ безпечностью, даже смѣется надъ ранами горлорѣзовъ, поступающихъ благонамѣренно. Ну вотъ, будьте довольны — въ этотъ разъ и я порѣзался».

Это было сказано по поводу смѣлаго шага, который Гейне сдѣлалъ вслѣдъ за прекращеніемъ своихъ корреспонденцій въ Аугсбургской газетѣ: онъ издалъ «Французскія дѣла» книгою, включивъ всѣ тѣ мѣста, которыя были зачеркнуты баварскою цензурою, и все то, что было исключено самою редакціею, и книгу эту снабдилъ еще предисловіемъ самаго отъявленно-оппозиціоннаго свойства. Къ этому шагу побудила его собственно заботливость о своемъ положеніи передъ мнѣніемъ либеральной партіи; инсинуацій было дѣлаемо не мало, и Гейне хотя и презиралъ ихъ, однако не могъ не заботиться и о томъ, чтобы положеніе его въ политической печати было несомнѣнно. «Предисловіемъ къ «Französische Zustände», писалъ онъ Иммерману, я хотѣлъ только показать, что я — не подкупленный бездѣль-

никъ». Онъ не скрывалъ отъ себя притомъ, что эта демонстрація, необходимая для его личнаго авторитета, могла закрыть ему навсегда путь къ возвращенію въ отечество.

Положеніе дѣлъ въ Германіи, дѣйствительно, оправдывало озлобленный языкъ «предисловія». Въ Союзѣ началось систематическое стремленіе къ отмѣнѣ и тѣхъ конституцій, какія уже существовали, а объ исполненіи обѣщаній, данныхъ народу во время войны за освобожденіе прусскимъ правительствомъ, не только свыше не было рѣчи, но считалось даже преступнымъ и намекать на что-нибудь подобное. Со стороны Австріи систематическое преслѣдованіе всякой либеральной идеи было только продолженіемъ твердой системы. Но со стороны прусскаго правительства участіе въ этой системѣ, заботливое проведеніе ея у себя дома и поддержаніе ея внѣ Пруссіи представлялось и отступничествомъ, и непониманіемъ своихъ интересовъ, однимъ словомъ — плодомъ узкой, зависимой отъ чужихъ вліяній, робкой и піетистской политики. Вотъ отчего Гейне ненавидѣлъ именно Пруссію, а за Австрію готовъ былъ даже — для контраста конечно — признать хотя бы нѣкоторое величіе. «Австрія, говоритъ онъ, всегда была открытымъ, честнымъ противникомъ, который никогда и не отрекался отъ своей борьбы противъ либерализма.... Но Фридрихъ-Вильгельмъ III, котораго народъ спасъ изъ самаго жалкаго положенія, въ какомъ когда-либо находился монархъ.... Гдѣ обѣщанная прусская конституція? Пока король прусскій не исполнитъ этого обязательства, нельзя назвать его справедливымъ, и при мысли о мельницѣ въ Сан-Суси я вспоминаю не о справедливости, а о вѣтренности». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о Пруссіи: «еще недавно многіе патріоты дѣйствительно желали увеличенія Пруссіи и надѣялись видѣть въ ея короляхъ вождей соединенной Германіи, существовалъ и прусскій либерализмъ... Но я никогда не увлекался такимъ довѣріемъ. Наоборотъ, я всегда не безъ безпокойства взиралъ на прусскаго орла, и въ то время, когда другіе славили, какъ смѣло онъ можетъ устремлять взоры къ солнцу, я посматривалъ ему на когти. Недовѣрялъ я этой Пруссіи, этому долговязому, ханжествующему герою въ штиблетахъ, съ широкимъ брюхомъ, широкимъ ртомъ и капральской палкой, которую онъ предварительно макаетъ въ святую воду, а потомъ прихлопываетъ ею кого надо. Не нравилась мнѣ эта философская, христолюбивая солдатчина, эта помѣсь изъ жидкаго пива, лжи и песку. Противна, глубоко противна была мнѣ эта Пруссія, натянутая, лицемѣрная, святошествующая Пруссія, этотъ Тартюфъ между государствами».

Негодованіе Гейне возбуждалось еще и тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что прусскіе администраторы — «эти іезуиты сѣвера» — умѣли развращать писателей и ученыхъ, и обращать умственныя силы противъ успѣховъ умственнаго развитія общества. И такую роль соглашались играть не только какіе-нибудь литературные промышленники, а люди съ авторитетомъ, такіе люди какъ Ранке, Шлейермахеръ, Гегель, Раумеръ. Но тяжеле всего для Гейне, какъ и для другихъ передовыхъ людей того времени, была, конечно, апатія самого народа, за освобожденіе котораго они предприняли бороться. Современнымъ педантамъ легко указывать въ Гейне несерьезность и заподозривать даже искренность его страстныхъ призывовъ къ свободѣ, когда за этими призывами поэтъ иногда съ горькою, язвительною усмѣшкою относится къ собственному своему дѣлу. Они не хотятъ понять того невыносимаго нравственнаго положенія, въ которомъ находится писатель, сознающій, что сама масса, которой онъ приноситъ лучшія свои мысли, въ пользу которой онъ, такъ сказать выгораетъ самъ, потому что борьба съ цѣлымъ общественнымъ складомъ нелегко достается борцу, хотя оружіемъ его и былъ смѣхъ — что эта масса, говоримъ мы, недоразвитая до полнаго пониманія своего защитника, сама, своею апатіею и привычкою къ прислужничеству, безпрестанно оскорбляетъ его фактическимъ противорѣчіемъ его стремленіямъ и надеждамъ. Мало того, масса хотя и воспринимаетъ впечатлѣніе отъ передового писателя, привыкаетъ мало-по-малу сомнѣваться въ томъ, въ чемъ прежде не сомнѣвалась, смѣяться надъ напыщенностями, въ которыхъ прежде видѣла величіе, дѣлать себѣ вопросы, которые прежде не приходили ей и въ мысль; но эта умственная переработка массы идетъ медленно, и въ первое время она видитъ въ такомъ писателѣ только остроумнаго софиста или забавнаго шута. И это «первое время» бываетъ не совсѣмъ коротко; по большей части, самъ писатель не переживаетъ его.

Такъ, самъ Гейне массою положительно не понятъ до сихъ поръ. Въ нѣмецкомъ бюргерствѣ Гейне до сихъ поръ слыветъ болѣе всего острякомъ; въ этомъ классѣ, извѣстный вѣнскій острякъ Зафиръ пожалуй столь же популяренъ, какъ Гейне, и если Гейне больше уважаютъ, то потому, что онъ прославился еще какъ поэтъ. А между тѣмъ, кто можетъ сомнѣваться, какою огромною долею вошла сатира Гейне въ нынѣшнее міросозерцаніе самого этого общества? Имъ вдохновлялись писатели «юной Германіи», онъ запечатлѣлъ политическую сатиру въ Германіи своей личностью до такой степени, что до сихъ поръ, — возьмите любой нумеръ «Кладдерадача» или другого популярнаго листка въ этомъ родѣ, — сатира эта является безпрестанно

въ гейневской формѣ, съ гейневскимъ слогомъ, съ гейневскою манерою.... Господа «Шульце» и Миллеръ» безъ сомнѣнія чувствуютъ недовольство при видѣ піетистскихъ, клерикальныхъ мѣръ министра фонъ-Мюлера и понимаютъ ихъ нелѣпость гораздо лучше, чѣмъ насколько «Шульце и Миллеры» начала тридцатыхъ годовъ возмущались тогдашнимъ піетизмомъ. Но въ Гейне эти люди и нынѣ помнятъ только остряка да стихотворца, не сознавая, насколько Гейне измѣнилъ самый составъ ихъ мозга.

Вотъ это-то отчужденное положеніе передового писателя, встрѣчающаго на каждомъ шагу противорѣчіе себѣ и непониманіе со стороны того общества, которому онъ служитъ, и служитъ не такою службою, на которую можно отгораживать въ своей жизни аккуратно извѣстное количество часовъ, а всѣми своими помыслами, расходуя на нее всего себя—оно-то и тяжеле всего для такого человѣка. Слишкомъ естественно, что расходуя такимъ образомъ себя всего, онъ оставляетъ за собою въ единственную личную собственность — улыбку пренебреженія ко всему окружающему и къ неблагодарности своей должности.

Вотъ это-то и есть та истинно-трагическая усмѣшка, которую педанты принимаютъ за доказательство «несерьёзности» Гейне. Прилично ли, напримѣръ, называть шутомъ народъ по отношенію къ феодаламъ?... «На головѣ у него дурацкій колпакъ съ погремушками, тяжелыми какъ церковные колокола, а въ рукѣ огромная желѣзная палка. Много боли въ его груди. Но онъ не хочетъ думать объ этой боли, и нарочно выкидываетъ самыя развеселыя штуки, и смѣется, чтобы не плакать. А если боль, слишкомъ жгучая, бросится ему въ голову, тогда онъ какъ безумный закачаетъ головой и оглушитъ себя благовѣстомъ своей шапки. Подойдетъ ли къ нему благопріятель и захочетъ съ участіемъ пособолѣзновать ему, пожалуй даже присовѣтовать ему какое-нибудь домашнее средство отъ его боли,—онъ остервенится и пристукнетъ доброжелателя палкой. Вообще онъ золъ на всякаго, кто желаетъ ему добра. Онъ злѣйшій врагъ своихъ друзей и лучшій другъ своихъ враговъ. О, большущій шутъ, онъ всегда будетъ преклоняться предъ вами, будетъ исполинскими дурачествами своими веселить барченковъ, будетъ, имъ на потѣху, выкидывать старыя свои штуки и балансировать на носу огромныя тяжести, и сотни тысячъ солдатъ спокойно будутъ расхаживать у него на брюхѣ. Но не беретъ ли васъ порою страхъ, что вдругъ онъ устанетъ отъ тяжестей и стряхнетъ съ себя солдатъ, и вамъ самимъ, перейдя въ шалости мѣру, придавитъ мизинцомъ головы такъ, что мозгъ вашъ брызнетъ къ небу? Успо-

койтесь, это я только пошутилъ: большущій дуракъ останется у васъ въ повиновеніи, и если мелкіе шуты предпримутъ сдѣлать вамъ непріятность, такъ большой убьетъ ихъ до смерти.» Серьезно ли это?

Цензура страшно изуродовала «Предисловіе» къ «Französische Zustände.» Хуже всего въ этомъ изуродованіи было то, что во многихъ мѣстахъ мысль автора была искажена до смысла прямо противоположнаго намѣренію автора. Такъ, напримѣръ, въ печати вышло, какъ будто по мнѣнію Гейне, профессоръ Раумеръ—лучшій изъ писателей; между тѣмъ, какъ Гейне уже никакъ не намѣренъ былъ сказать что-либо въ пользу Раумера, служившаго въ прусской цензурѣ, и въ рукописи было сказано, что «Раумеръ изъ всѣхъ плохихъ писателей еще лучшій.» Всѣмъ извѣстно, какъ часто цензура, исключивъ одни мѣста и оставивъ другія, навязываетъ иному писателю самыя несвойственныя ему мысли. Извѣстно также, что писатели принимаютъ близко къ сердцу подобныя искаженія, переносятъ въ полномъ смыслѣ нравственную пытку, чувствуютъ себя и оскорбленными, и компрометтированными передъ публикою. Но извѣстно также, что вся эта система искаженій, взятая не въ отдѣльности, а въ совокупности, не достигаетъ своей цѣли: она унижаетъ писателя, заставляетъ его прибѣгать къ уверткамъ, оговоркамъ и иносказанію, но за то въ публикѣ она развиваетъ способность дополнять напечатанное, угадывать пропуски, иногда предполагать силу тамъ даже, гдѣ ея нѣтъ. Однимъ словомъ, съ цензоромъ борется не только авторъ, но и читатель, и чѣмъ строже цензура, тѣмъ сильнѣе анти-цензурный духъ развивается въ публикѣ: цензура насильно превращаетъ читателя въ сообщники автора.

Корреспонденціи, въ которыхъ Гейне обсуждалъ событія во Франціи, скоро обратили на него вниманіе самихъ французовъ. Нѣкоторыя изъ корреспонденцій были перепечатаны въ газетѣ «Tribune», органѣ республиканской партіи, а орлеанистская газета «Temps» жаловалась, что нѣмецкая цензура, столь строгая по отношенію къ интересамъ германскихъ властей, пропускаетъ вещи обидныя для династіи орлеанской, возсѣдающей на либеральномъ престолѣ. Гейне въ то время жилъ въ постоянной тревогѣ: съ одной стороны онъ боялся, чтобы его не выслали изъ Франціи, какъ другихъ политическихъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, которыхъ Людовикъ-Филиппъ изгналъ по требованію прусскаго правительства; съ другой стороны, его тревожилъ кружокъ самихъ эмигрантовъ, которые требовали отъ него участія въ ихъ протестахъ и т. д. Бёрне преобладалъ въ этомъ кружкѣ, и имѣя

въ виду роль практическаго агитатора, умѣлъ мириться съ разными преувеличеніями и странностями. Но Гейне никогда не имѣлъ въ виду роли практическаго агитатора, заговорщика, и мириться со смѣшными странностями не видѣлъ никакой для себя надобности. Отсюда произошли недоразумѣнія, которыя много повредили Гейне.

Правда, онъ не всегда умѣлъ сдерживать свою иронію и иногда громко смѣялся надъ невинными пустяками, забывая, что оскорбляетъ людей своей же партіи. Но за то и съ другой стороны, можно сказать, было сдѣлано все, чтобы затруднить Гейне исполненіе того призванія, которое одно онъ признавалъ. Онъ уклонялся отъ участія въ формальныхъ резолюціяхъ кружка эмигрантовъ по отношенію то къ германскому союзу, то къ папской власти и т. д. Онъ не любилъ и боялся такихъ церемоній, какъ раздача кинжаловъ и т. п. Участвовать въ тщетныхъ заговорахъ онъ не хотѣлъ, участвовать въ церемоніяхъ онъ не любилъ; наконецъ, онъ, какъ личность въ высшей степени самобытная, вообще не былъ склоненъ руководствоваться мнѣніемъ и интересами какого-нибудь кружка. Нѣкоторые изъ эмигрантовъ казались ему жалкими, другіе слишкомъ деспотическими. За то же, кружокъ, съ своей стороны, преслѣдовалъ Гейне разными требованіями и даже клеветами. Самъ Бёрне—противъ котораго Гейне впослѣдствіи дѣйствительно сильно провинился—первый выступилъ враждебно къ Гейне. Въ своихъ парижскихъ письмахъ, онъ первый напалъ на корреспонденціи Гейне, доказывая, что Гейне—писатель сомнительный, потому только, что у Гейне не было опредѣленныхъ, окончательныхъ, рѣзкихъ приговоровъ, которыхъ, разумѣется, и не могло быть по самому роду статей. Еще сильнѣе стали нападки Бёрне на Гейне послѣ выхода въ свѣтъ его книги «De l'Allemagne». Бёрне былъ преданъ исключительно практической политикѣ; къ философскому освобожденію мысли онъ никакого сочувствія онъ имѣлъ; онъ стремился въ тѣсномъ смыслѣ къ революціи, и какъ онъ, такъ и всѣ члены эмигрантскаго кружка стояли прежде всего за «своихъ», все, что исходило отъ одного изъ «своихъ», защищали безусловно, подписывали всѣ тѣ адресы, которые придумывалъ кто-либо изъ нихъ, и во всякомъ человѣкѣ, желавшемъ сохранить независимость отъ кружка, видѣли человѣка неблагонамѣреннаго и сомнительной политической нравственности. Во всемъ этомъ проявлялась, конечно, сила добросовѣстнаго убѣжденія, но вмѣстѣ и нѣсколько стадообразная узкость какъ взглядовъ, такъ и дѣйствій, то-есть именно то свойство, которое было діаметрально противоположно природѣ Гейне.

Книга Гейне о «Бёрне», какъ не только возраженіе на нападки, но и месть поэта, во всякомъ случаѣ была дѣйствіемъ недостойнымъ Гейне.; но нельзя не согласиться, что наложить тяжелую руку сатиры на одномышленниковъ, трактовавшихъ съ пренебреженіемъ ту силу, которая не подчинялась имъ — было очень соблазнительно. Но мы имѣли уже случай опредѣлить значеніе книги о Бёрне и поэмы «Атта-Троль» въ ряду произведеній Гейне, и назвали ихъ явными отступленіями его отъ пути, подъ вліяніемъ субъективнаго возмущенія поэтическаго таланта противъ воли публициста.

II.

Главною мыслью Гейне, при переѣздѣ во Францію, было, какъ мы замѣтили выше, — «служить посредникомъ между духомъ французской націи и духомъ германской націи». Знакомить нѣмцовъ съ французами и наоборотъ, стараться установить связь между этими двумя просвѣщенными обществами, такъ, чтобы они сознавали солидарность свою въ общемъ дѣлѣ человѣческаго развитія, движенія впередъ,—Гейне признавалъ это дѣломъ первостепенной важности и важнымъ средствомъ для борьбы съ тѣми мрачными силами, которыя стремились къ общему порабощенію путемъ разъединенія народовъ, возбужденія и эксплуатированія ихъ незнакомства другъ съ другомъ и національныхъ предразсудковъ каждаго изъ нихъ противъ другого. Изъ задачи, которую поставилъ себѣ Гейне, вытекала для него необходимость, оставаясь писателемъ нѣмецкимъ, сдѣлаться еще и французскимъ писателемъ. Германскія правительства, съ своей стороны, сдѣлали что могли, чтобы побудить Гейне къ исполненію этого намѣренія, такъ какъ они запрещали одно за другимъ всѣ его нѣмецкія произведенія, въ которыхъ было что-нибудь политическое. Такъ, его «Französische Zustände», несмотря на то, что были обезображены предварительной цензурою, а также и процензурованные третій и четвертый томы «Reisebilder», при новомъ изданіи были запрещены въ Пруссіи и Австріи, а при появленіи въ 1833 году перваго тома его «Salon» запрещеніе было наложено, какъ на эту книгу, такъ и на всѣ послѣдующіе (еще не выходившіе) томы того же сочиненія.

Борьба романтизма съ классицизмомъ, начавшаяся во французской литературѣ при реставраціи и еще не кончившаяся, была благопріятна для внесенія въ эту литературу новыхъ, народныхъ элементовъ и новыхъ литературныхъ формъ. Борьба романтизма

съ классицизмомъ во Франціи имѣла иной характеръ, чѣмъ въ Германіи. Это было болѣе отрицаніе старыхъ педантическихъ формъ, стѣснявшихъ литературу: отрицаніе знаменитыхъ трехъ единствъ въ драмѣ, господства тяжелыхъ alexandrins, допущеніе большей вольности и прихотливости стиха (напримѣръ, enjambement стиха, и даже непризнаніе цезуры, какое встрѣчается у В. Гюгò). Сходство же французскаго романтизма съ нѣмецкимъ заключалось только въ томъ, что онъ также оказывалъ предпочтеніе сюжетамъ средневѣковымъ и поощрялъ картинность выраженія и образность мысли (свойства совершенно чуждыя писателямъ «великаго вѣка», которые стремились только къ точности и силѣ выраженія и къ гладкости стиха и слога).

Французскій романтизмъ тотчасъ обратился за помощью къ литературамъ англійской и нѣмецкой. Переведены были драмы Шиллера, «Фаустъ» Гёте, «Титанія» Жан-Поля, повѣсти Лудвига Тика, сказки Гоффмана и т. д. Въ числѣ переводчиковъ были Жераръ де-Нерваль, Ксаверій Мармьè и Адольфъ Лёв-Веймаръ. Въ тоже время труды германскихъ философовъ и филологовъ нашли во Франціи такихъ цѣнителей и толкователей, какъ Кинè, Кузенъ, Лерминьè, Сен-Маркъ Жирарденъ, Карнò, Гизò и др. Время было самое благопріятное для исполненія той задачи, какую поставилъ себѣ Гейне.

При посредствѣ Лёв-Веймара, въ «Revue des deux Mondes» было помѣщено нѣсколько законченныхъ отрывковъ изъ «Reisebilder», именно: сокращенная поѣздка на Гарцъ, извлеченіе изъ «книги Легранъ» и изъ «Купаленъ въ Луккѣ». Все это явилось въ 1832 году, и скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что этотъ оригинальный, остроумный поэтъ и юмористъ «Анри Гейнъ» не кто иной, какъ авторъ саркастическихъ корреспонденцій, перепечатанныхъ газетою «Tribune». Гейне сразу сталъ въ первомъ ряду французскихъ писателей. Онъ по-французски всегда писалъ свободно, но для выступленія на литературномъ полѣ ему понадобилось сотрудничество французскихъ литераторовъ. Даже впослѣдствіи, когда онъ совершенно усвоилъ себѣ французскій литературный языкъ, Гейне, чрезвычайно дорожившій каждымъ выраженіемъ, не писалъ по-французски ничего безъ совѣщаній съ пріятелями своими Жераромъ де-Нерваль, Эдуардомъ Греньè и въ особенности Сен-Ренè-Талльяндьè.

Въ концѣ 1832 года, составилось въ Парижѣ предпріятіе на акціяхъ для изданія всеобщаго литературнаго журнала, «L'Europe littéraire», подъ редакціею Виктора Богэна. Въ сотрудники были приглашены извѣстные литераторы и критики по части искусствъ, въ разныхъ странахъ Европы. Редакція вошла также

въ сношенія со всѣми академіями и учеными обществами во Франціи. Все предпріятіе устроивалось что̀ называется на большую ногу, и на одни собранія сотрудниковъ издержано было сто тысячъ франковъ. «L'Europe littéraire» стала выходить въ половинѣ февраля 1833 года, но прекратилась еще до конца года, чему главной причиной была, быть можетъ, не только расточительность редакціи, сколько невозможность чисто-литературнаго изданія въ задуманныхъ размѣрахъ.

Для такого предпріятія Гейне былъ необходимъ, и по приглашенію Богэна онъ написалъ для него рядъ статей о новой нѣмецкой литературѣ, въ которыхъ предупреждалъ французовъ объ опасности той влюбленности во все средневѣковое, какое оказалось результатомъ романтизма въ Германіи. Здѣсь онъ представилъ галлерею портретовъ представителей романтической школы въ Германіи: братьевъ Шлегелей, Тика, Новалиса, Брентано, фонъ-Арнима, Жанъ-Поля, Вернера, Фукѐ и Уланда. Сочиненіе это, вскорѣ переведенное и на нѣмецкій языкъ, имѣло значеніе и для германсвой литературы, въ которой, по словамъ Гейне, чувствовалась необходимость «подвесть итоги» по окончаніи Гётевскаго періода. Руководящая мысль высказывается въ слѣдующихъ строкахъ предисловія: «По общему мнѣнію, со смертью Гёте, въ Германіи долженъ начаться новый литературный періодъ, такъ какъ съ Гёте умерла и старая Германія, аристократическая эпоха литературы миновалась и наступаетъ эпоха демократическая или, какъ выразился недавно одинъ французскій журналистъ, духъ единичный скончался, духъ коллективности получилъ свое начало».

Французы до того времени еще очень мало были знакомы съ Германіею, ея философіею и литературою. То, что они знали въ этомъ отношеніи, было почерпнуто ими исключительно изъ книги M-me de Staël—«De l'Allemagne», написанной подъ вліяніемъ А. В. Шлегеля. Гейне сказалъ объ этой книгѣ, что тамъ, гдѣ г-жа Сталь руководствовалась своими собственными наблюденіями, сужденіе ея вѣрно, но что она приняла въ свое сочиненіе ученіе такой школы, которой цѣли ей были неизвѣстны, и что послѣдніе выводы этой школы прямо противорѣчатъ протестантской свободѣ мышленія, которой держалась г-жа Сталь. Гейне, предпринявъ пополнить этотъ важный пробѣлъ во французской литературѣ, продолжалъ работать для ознакомленія французовъ съ истиннымъ положеніемъ умственной жизни въ своемъ отечествѣ. Такъ, въ 1834 году онъ помѣстилъ въ нѣсколькихъ книжкахъ «Revue des deux Mondes», статьи «Объ исторіи религіи и философіи въ Германіи», которыя потомъ включилъ

въ свое сочиненіе, названное имъ «De l'Allemagne», въ параллель съ книгою Сталь. Въ этихъ сочиненіяхъ усилившемуся въ Пруссіи романтизму противопоставляются пантеистическія идеи, которыми проникнуты древнія германскія легенды. Борьба между спиритуализмомъ и сенсуализмомъ и возстановленіе правъ физической природы человѣка, подвергавшихся новому отрицанію— вотъ нити, которымъ слѣдовалъ Гейне въ своемъ изложеніи германскихъ философскихъ системъ, изложеніи, представлявшемъ во всякомъ случаѣ ту важную заслугу, что оно впервые выводило философскія теоріи изъ ихъ недоступной для массы и утомительный для всякаго вниманія спеціальной терминологіи и мнимо-научной формальности.

Въ нѣмецкомъ переводѣ этого сочиненія цензура, конечно, произвела большія опустошенія, и Гейне снова протестовалъ противъ нихъ въ «Аугсбургской Газетѣ». Какъ ни тяжело было положеніе подцензурныхъ нѣмецкихъ авторовъ, но они хоть протестовать-то могли. Само собою разумѣется, что критика лакеевъ и доносчиковъ, поощряемыхъ «просвѣщенными руководителями *здраваго* общественнаго мнѣнія» въ Германіи, несмотря на запрещеніе цензурою «неблаговидныхъ мѣстъ», а потомъ и всего сочиненія, стала стараться всѣми силами очернить Гейне предъ нѣмцами, какъ измѣнника отечеству, врага своей національности, друга французовъ и «жида». Книга «De l'Allemagne» заключала въ себѣ приведенныя статьи, написанныя Гейне для «Europe littéraire» и «Revue des deux Mondes» и еще статью о германскихъ народныхъ легендахъ, помѣщенную въ одномъ изъ томовъ «Salon». Она вышла въ 1835 году; въ 1834 году былъ напечатанъ полный французскій переводъ «Reisebilder».

Хотя такимъ образомъ французской публикѣ облегчилось знакомство съ умственнымъ движеніемъ въ Германіи, но самый характеръ, духъ германства, этотъ глубокій поэтическій духъ, полный знанія и вмѣстѣ мечты, смѣлости и вмѣстѣ нѣжности и скромности, глубина внутренняго чувства и рядомъ съ нею язвительное отрицаніе, вызываемое и пробѣлами въ знаніи, и противорѣчіемъ существующаго внѣшняго истинамъ, выработавшимся во внутреннемъ сознаніи, все то, что надо было чувствовать, дабы понять смыслъ гейневскаго юмора — оставалось для французовъ чуждымъ, невѣдомымъ. Гейне нравился имъ какъ остроумный, мыслящій и знающій писатель, онъ увлекалъ ихъ какъ поэтъ, но именно юмориста въ немъ они понимали сначала всего менѣе.

Впослѣдствіи и французы поняли Гейне, и въ настоящее время едва ли даже во Франціи говорятъ о Гейне не съ боль-

шимъ сочувствіемъ, чѣмъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ въ той Германіи, которая отдалась прусской «идеѣ». Но смѣшно читать первые отзывы о Гейне Жюля Жанена и Филарета Шаля. Оба они совѣтуютъ ему не возмущать своего высокаго поэтическаго вдохновенія «политикою». Правда и то, что политическія вылазки Гейне въ его чисто-литературныхъ вещахъ имѣли менѣе значенія для французовъ, дѣйствительно жившихъ политическою жизнью, чѣмъ для нѣмцевъ. Политическія пренія, политическіе вопросы во Франціи были дѣломъ обыденнымъ, въ Германіи— только предметомъ стремленій и вмѣстѣ запретнымъ плодомъ.

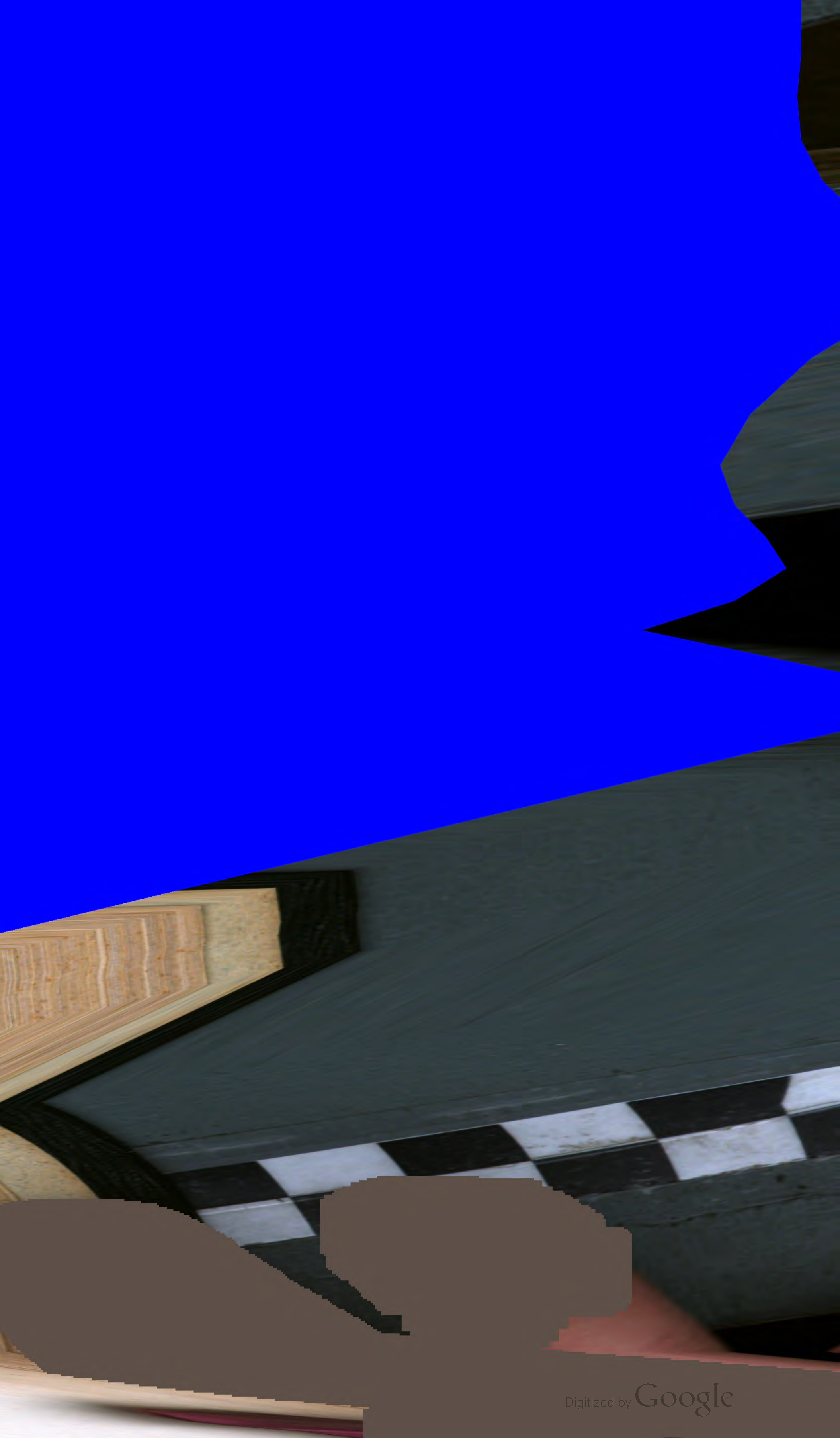
Лучше другихъ французскихъ критиковъ съумѣлъ понять Гейне съ самаго начала Теофилъ Готье. Вотъ что говорилъ онъ, по поводу французскаго изданія «Reisebilder»: «Талантъ Гейне удивительно-эластиченъ и съ легкостью переходитъ изъ одного тона въ другой; манера его — рефлективна, и избранная тема по большей части служитъ ему только предлогомъ. Этотъ способъ изложенія наугадъ, повидимому наиболѣе легкій, но въ дѣйствительности самый трудный, употреблялся уже Стерномъ. Впрочемъ едва ли не слишкомъ далеко зашли иные критики, сравнивая «Reisebilder» съ «Sentimental Journey» и «Tristram Shandy», и находя у нѣмецкаго автора преднамѣренное подражаніе англійскому. Стернъ остроуменъ, милъ, впечатлителенъ почти до болѣзненности, полонъ юмора и откровенной веселости; у него тонкое обоняніе и отличная наблюдательность. Кромѣ того, и несмотря на свои курьезныя выдумки, онъ очень благоразумный человѣкъ, и только такъ, изъ кокетства усвоилъ себѣ прозваніе Йорика, имя шута датскаго короля. Но вотъ обстоятельство, которое достаточно, чтобы поставить самое глубокое, основное различіе между Генрихомъ Гейне и имъ: Гейне—поэтъ, Стернъ не поэтъ. Гейне — колористъ, Стернъ только рисовальщикъ, и сцены его производятъ скорѣе впечатлѣніе отличныхъ англійскихъ гравюръ, чѣмъ картинъ, писанныхъ красками. У Гейне остроуміе не вредитъ поэзіи, а само изъ нея происходитъ; юморъ его не губитъ лирической воспріимчивости; въ немъ Раблѐ не заслоняетъ Гёте. Въ большей части случаевъ, острота убиваетъ поэзію, потому что природа первой чисто-отрицательная, и самый остроумный изъ людей — Вольтеръ никогда не могъ написать сносной оды. У Гейне острота часто хватается за наружную сторону вещей и словъ; если можно такъ выразиться, это острота — матеріальная. Свойство это зависитъ отъ его пантеистическаго воззрѣнія, благодаря которому для него ящерица и профессоръ богословія имѣютъ одинаковое значеніе, и кажутся ему одинаково заслуживающими изображенія съ прибавкою шу-

томъ. Фантазіи его всегда живописны, чего никакъ нельзя сказать о причудахъ одного остроумія; сарказмы его носятъ парчевое одѣяніе, усѣянное перлами и золотыми бубенчиками, какъ одежда придворныхъ скомороховъ въ средніе вѣка. Отрѣжьте бубенчики—и это одѣяніе можетъ служить парадныиъ платьемъ самому учителю — Аполлону».

Филаретъ Шаль, хотя самъ далеко не съумѣлъ вполнѣ понять Гейне съ самаго начала, съумѣлъ однако угадать, что въ немъ есть многое, что усвоится во Франціи только современемъ. Онъ предсказалъ, что вліяніе Гейне будетъ еще сильнѣе въ 1850, чѣмъ въ 1830 году, что оно возрастетъ тогда, когда Франція болѣе проникнется духомъ нѣмецкимъ, а Германія — духомъ французскимъ.

Гейне съ большою тщательностью занимался съ 1852 года редакціею французскаго изданія полнаго собранія своихъ сочиненій — «Ouvres complètes de Henri Heine», котораго при жизни его вышло семь томовъ. По мнѣнію Штродтманна, французскій текстъ сочиненій его въ прозѣ, написанный или просмотрѣнный самимъ Гейне, мастерски передаетъ всѣ обороты и тонкости его слога; но переводы его стихотвореній далеко не такъ удовлетворительны. Пѣсни «Nordsee» переведены Жераромъ де-Нерваль еще съ нѣкоторою вѣрностью оригинальному духу, но объ остальныхъ, по мнѣнію Штродтманна, совершенно вѣрно сказано однимъ пріятелемъ поэта, что эти переводы — «лучъ мѣсяца, завернутый въ солому.» Гейне самъ говорилъ Жерару де-Нерваль, что ему проходитъ морозъ по кожѣ, когда онъ читаетъ иные переводы своихъ стиховъ, и что въ такія минуты боится всякаго нѣмца, «опасаясь встрѣтить въ немъ тайнаго агента нѣмецкаго парнасса», присланнаго потребовать выдачи его головою. «Современемъ, говорилъ онъ, какой-нибудь профессоръ въ Новой Зеландіи, когда культура погибнетъ въ Европѣ и перенесется туда, скажетъ своимъ слушателямъ: наши геологи открыли въ одной мѣстности цѣлые пласты окаменѣлыхъ ночныхъ колпаковъ — здѣсь нѣкогда была страна, которая называлась Германія, и вотъ тамъ былъ маленькій стихотворъ, Гейне по имени, который на закатѣ дней своихъ сталъ собственною своею обезьяной, и произведенія свои передразнивалъ на языкѣ понятномъ другой націи, именно французамъ. И вы, Жераръ, будете виноваты въ этомъ.»

Недурнымъ переводомъ Штродтманнъ признаетъ изданный въ 1864 году въ Берлинѣ «Poésies choisies de Henri Heine, traduites en vers par Charles Morelle.» Штродтманнъ высказываетъ желаніе, чтобы за переводъ стиховъ Гейне на француз-

свое презрѣніе къ подобной роли и сознавалъ, что смѣхъ въ его рукахъ—могущественное оружіе, которое должно быть употребляемо съ разсчетомъ и за употребленіе котораго онъ несетъ отвѣтственность. Объ этомъ мы уже говорили прежде, и здѣсь ограничимся одною ссылкою на слова самого Гейне: «Остроуміе, писалъ онъ Мозеру, который сообщалъ ему объ успѣхахъ въ Берлинѣ извѣстнаго остряка Зафира, голое остроуміе ничего не стоитъ. Острота только тогда сносна, когда она опирается на серьезной почвѣ... Обыкновенное остроуміе есть просто нѣкое чиханье разума, собака, гоняющаяся за своей тѣнью, ублюдокъ, родившійся отъ встрѣчи ума съ помѣшательствомъ.» Отрицая остроуміе для остроумія, вотъ какъ говоритъ Гейне въ другомъ мѣстѣ, на что остроуміе можетъ быть годно:... «Съ тѣхъ поръ, какъ всякъ не носитъ болѣе меча при бедрѣ, необходимо носить острую мысль въ головѣ. То наступательное остроуміе, которое называется сатирою, весьма полезно въ это скверное, негодное время. Никакая религія нынче уже не въ состояніи обуздывать маленькихъ властелиновъ земли, они безнаказанно попираютъ васъ, кони ихъ топчутъ ваши жатвы, дочери ваши голодаютъ и продаютъ свою красоту грязному parvenu, всѣ розы здѣшняго міра служатъ добычею привилегированныхъ лакеевъ, и передъ дерзостью богатства нѣтъ другой защиты, какъ смерть и сатира...» Мы привели эти слова потому, что въ нихъ есть намекъ на назначеніе сатиры какъ въ политической, такъ и соціальной борьбѣ.

Въ борьбѣ политической, въ пользу какого принципа ратовалъ Гейне при помощи сатиры? Отвѣтъ не труденъ—въ пользу свободы. Но это отвѣтъ неопредѣленный въ томъ смыслѣ, что имъ однимъ не вполнѣ еще объясняется публицистическая дѣятельность Гейне. Надо приглядѣться ближе, къ какого рода свободѣ онъ стремился.

Если Гейне изливалъ свою сатиру на германскіе порядки, собственно чтобы подготовить ее къ парламентской формѣ правленія, то нѣтъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ вынесть отрадныя впечатлѣнія изъ своей поѣздки въ Англію, долженъ былъ высоко ставить передъ глазами своихъ соотечественниковъ, которые были въ восторгѣ отъ смѣлости зафировскихъ выходокъ противъ членовъ берлинской полиціи, Великобританію, эту «колыбель» свободы, классическую страну парламентскаго правленія, въ которой и королевскія права ничто передъ властью общинъ. Оказалось однако совсѣмъ не то: никогда Гейне не ставилъ Англію образцомъ, и свобода ея нисколько не очаровала его, несмотря

на то, что духъ свободы въ то время торжествовалъ въ Англіи новую побѣду.

Это было въ 1827 году. По смерти лорда Ливерпуля, первымъ министромъ Великобританіи сдѣлался либеральный Каннингъ, противникъ соглашеній Священнаго Союза и внутренняго духа нетерпимости: онъ принялъ участіе въ союзѣ для освобожденія Греціи, онъ вносилъ билль объ уравненіи католиковъ. Но ни оживленная борьба партій въ парламентѣ, ни самоувѣренность британцевъ въ ихъ конституціонныхъ правахъ, все это, несмотря на новизну такого зрѣлища, не увлекло Гейне. Извѣстна антипатія его къ Англіи. Антипатія эта имѣла очень реальную причину. «Англичане, когда они говорятъ, напр., о вигахъ, не соединяютъ съ этимъ словомъ опредѣленное понятіе, какъ мы; когда мы говоримъ о либералахъ, то подъ именемъ либераловъ разумѣемъ людей, которые всѣ внутренно согласны между собою относительно нѣкоторыхъ правъ необходимыхъ для свободы; англичане же подъ названіемъ виговъ разумѣютъ внѣшній союзъ между людьми, изъ которыхъ каждый, еслибы судить о немъ по личному его образу мыслей, составилъ бы особую партію, но который, соединясь подъ вліяніемъ внѣшнихъ поводовъ, случайныхъ интересовъ, образуемыхъ дружбой и ненавистью, съ другими людьми, въ союзѣ съ ними борется противъ торіевъ. И въ этой борьбѣ мы не должны видѣть борьбу противъ аристократовъ, въ нашемъ смыслѣ, такъ какъ эти тори въ чувствахъ своихъ вовсе не болѣе аристократичны, чѣмъ сами виги, даже чѣмъ само среднее сословіе, которое считаетъ аристократію чѣмъ-то непреложно вѣчнымъ, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, которое на привилегіи лордства и духовенства смотритъ какъ на нѣчто не только полезное для государства, но и естественно необходимое, и за права эти стало бы бороться съ бо̀льшимъ рвеніемъ, нежели сама аристократія, потому именно, что среднее сословіе сохранило крѣпкую вѣру въ нихъ, и они сами вѣру въ себя утратили. Въ этомъ отношеніи надъ духомъ англичанъ все еще лежитъ средневѣковой мракъ; священная идея гражданскаго равенства всѣхъ людей еще не просвѣтила ихъ, и государственнаго человѣка въ Англіи, который самъ не дворянинъ, а держится торизма, мы никакъ не должны за это одно признавать прислужникомъ, и отчислять его къ тѣмъ общеизвѣстнымъ, прислуживающимъ собакамъ, которыя могли быть свободны, и между тѣмъ забрались опять въ свою старую конуру и оттуда лаютъ на солнце свободы.»

Въ политическомъ мірѣ Великобританіи многое произошло съ тѣхъ поръ; прошли двѣ парламентскія реформы, и въ са-

момъ положеніи партій и въ уровнѣ политическаго развитія общества осуществились важныя перемѣны. Но въ сравненіи съ материкомъ, въ Англіи все-таки болѣе чѣмъ гдѣ-либо замѣтно еще преобладаніе аристократической идеи, не столько даже въ учрежденіяхъ, исправляемыхъ практикою, сколько въ нравахъ. Понятно почему Гейне не увлекся свободою, какую нашелъ въ Англіи, свободою, опиравшеюся на привилегію, а не на новомъ міровоззрѣніи, не на философической идеѣ человѣческаго достоинства и равноправности личностей.

Перейдемъ къ другой кажущейся странности Гейне, къ его наполеоновскому культу. Что̀ могло прельщать поэта въ грубой силѣ, философа въ наложеніи молчанія на мысль, и какъ могли совмѣщаться радикализмъ Гейне съ его бонапартизмомъ?

Здѣсь мы опять коснулись одного изъ тѣхъ свойствъ Гейне, которыя въ настоящее время лишаютъ его сочувствія въ Германіи. Ненависть его къ тевтонамъ-національ и пристрастіе къ Наполеону, вотъ что ставитъ его прямо въ разрѣзъ съ нынѣшнимъ настроеніемъ въ Германіи; это-то заставляетъ въ сущности и его біографа заботиться указывать въ Гейне недостатокъ качествъ для роли «народнаго трибуна.» Но пристрастіе Гейне къ Наполеону и великой арміи означаетъ вовсе не ребяческій культъ, а накипѣвшую ненависть къ германскимъ порядкамъ того времени. Вотъ человѣкъ, писатель, котораго въ Германіи на каждомъ шагу преслѣдовало hep hep, — великій поэтъ, котораго чиновникъ фонъ-Генцъ называетъ искателемъ приключеній, человѣкъ, котораго насквозь проѣдаетъ сознаніе апатіи нѣмецкаго народа противъ ярма, которое онъ носитъ, и сознаніе безсилія своего въ настоящемъ противъ этого ярма, противъ этихъ мрачныхъ силъ, этого высокомѣрія одной касты, основаннаго на рожденіи, этого деспотизма ссылающагося на первобытныя права̀. Не было ли совершенно естественно, что такой человѣкъ родному деспотизму и феодализму предпочиталъ воспоминаніе о томъ деспотизмѣ, который самъ ничѣмъ не оправдывался кромѣ силы, ни на что не могъ сослаться кромѣ революціи, подъ собою не признавалъ никакихъ существенныхъ различій и вихремъ прошелся по феодальнымъ загоро̀дкамъ Германіи, обращая въ самый жалкій видъ все то, что составляло величіе и силу порядка, впослѣдствіи возстановленнаго; германскихъ королей держалъ у себя въ передней, князей и бароновъ гналъ прочь съ избитой спины народа, дворянчиковъ прочь съ плацпарадовъ, гдѣ они упражнялись фухтелями надъ своими солдатами, лучше чѣмъ саблями противъ непріятеля, отмѣнилъ феодальные поборы, кассировалъ десятки владѣній, вводилъ ко-

дексъ равноправности, уровнялъ и евреевъ со всѣми людьми... Не естественно ли было, говоримъ, человѣку, видѣвшему, какъ почти весь этотъ разрушенный порядокъ возстановился, какъ вновь благочестивые голоса́ запѣли старую пѣсню законности всего существующаго, только на новый, болѣе ученый ладъ, видѣвшему наконецъ свое безсиліе сдѣлать что-нибудь противъ этого въ настоящемъ,—услаждаться мыслью, что еще такъ недавно и на эту силу была сила, что все это, представлявшееся нынѣ такъ грандіознымъ и непреложнымъ, еще недавно бѣжало въ смятеніи или въ смѣшномъ видѣ слѣдовало за конемъ геніальнаго выскочки, солдата - уравнителя?

Влюбленность Гейне въ преданія великой арміи и въ демократическое величіе Наполеона столь же естественны, какъ холодность его къ свободнымъ учрежденіямъ аристократической Англіи; то и другое истекало изъ одного источника. Но далѣе такого по существу своему отрицательнаго культа къ наполеоновскому періоду Гейне и не заходилъ. Онъ очень хорошо умѣлъ различать въ Наполеонѣ сына французской революціи и учредителя новаго аристократизма. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать оговорку его, что любитъ онъ Наполеона безусловно только до восьмнадцатаго брюмэра, а не позже, когда онъ сталъ возстановлять титулы и заводить у себя новое дворянство.

Былъ ли Гейне республиканецъ? Онъ всегда съ сочувствіемъ отзывался о республиканской партіи. Оговорка, которую онъ дѣлалъ въ подобныхъ случаяхъ, что онъ не республиканецъ, а напротивъ всегда былъ монархистомъ, едва ли имѣетъ иное значеніе, какъ вставка необходимая для цензуры. По крайней мѣрѣ онъ ничѣмъ не доказалъ своего монархическаго убѣжденія. Но ничто не доказываетъ также, чтобы онъ ожидалъ наибольшей пользы именно отъ введенія республиканскаго образа правленія. Онъ самъ говоритъ, что сочувствіе его къ республиканской партіи во Франціи происходило собственно оттого, что эта партія вела себя и благороднѣе, и логичнѣе другихъ, и была единственною, гдѣ демократическій принципъ не нарушался никакими уступками. Описывая въ одной изъ своихъ корреспонденцій кровопролитное усмиреніе республиканской попытки къ возстанію, въ іюнѣ 1832 года, Гейне говоритъ: «я не могъ безъ слезъ смотрѣть на мѣста, окрашенныя ихъ кровью. Право, лучше было бы, если бы я и всѣ умѣренные вмѣстѣ со мною умерли, вмѣсто тѣхъ республиканцевъ». Но республиканцемъ онъ все-таки не былъ. Онъ былъ слишкомъ практиченъ въ своемъ направленіи, чтобы сдѣлаться республиканскимъ *дѣятелемъ*, то-есть членомъ даннаго республиканскаго кружка̀, затѣвавшаго введеніе респуб-

лики въ Германіи тогда, когда огромному большинству образованнаго общества тамъ еще и малѣйшее предоставленіе ему участія въ управленіи представлялось верхомъ стремленій. Для того же, чтобы стать только республиканскимъ *мыслителемъ*, т. е. проповѣдникомъ республиканской формы in abstracto, Гейне имѣлъ слишкомъ обширный умъ, слишкомъ глубокій взглядъ. Онъ, стремившійся къ освобожденію человѣческой личности, объявившій войну узамъ клерикализма и безусловныхъ политическихъ преданій, ратовавшій противъ цѣлаго міровоззрѣнія, служившаго основою всѣмъ видамъ закабаленія личности, могъ ли съузить свой кругозоръ такъ, чтобы сдѣлаться проповѣдникомъ одной политической формы? Онъ стремился къ преобразованію понятій человѣчества, къ осуществленію переворота въ самомъ умѣ человѣка, въ смыслѣ полноправности и свободнаго развитія его личности, считалъ эту задачу и практичнѣе и выше перемѣны одной политической одежды на другую.

Кромѣ того, Гейне сознавалъ еще гораздо раньше 1848 г. и прежде неуспѣшности, вызванной имъ во Франціи республики, что стремленія чистыхъ революціонеровъ-политиковъ, каковъ былъ напр. Бёрне, и республиканцевъ, видѣвшихъ все спасеніе общества въ республиканскомъ образѣ правленія, поражены внутреннею безплодностью, и что не за ними можетъ быть прочная сила.... «Вопросы эти, писалъ онъ другу своему Генриху Лаубе еще въ 1833 году, не касаются данныхъ формъ и извѣстныхъ лицъ, касаются не введенія республики или ограниченія монархіи, а—матерьяльнаго благосостоянія народной массы. Прежній чистый спиритуализмъ былъ хорошъ и полезенъ, пока большинство людей на землѣ жило въ нищетѣ и обречено было на то, чтобы утѣшать себя манною. Но съ тѣхъ поръ, какъ успѣхи производства и экономіи стали указывать на возможность спасти человѣчество отъ нищеты и осуществить для него благосостояніе на землѣ, съ тѣхъ поръ—вы понимаете, что я хочу сказать. И всѣ люди поймутъ насъ, если мы заговоримъ имъ о возможности телятины вмѣсто картофеля». Это тотъ самый вопросъ, о которомъ Гейне упоминаетъ въ своей трагедіи «Ратклиффъ», и которому онъ, говоря объ этой трагедіи, далъ характеристическое названіе «вопроса о похлебкѣ».

Поэтъ сочувствовалъ постановкѣ этого вопроса, признавалъ необходимость рѣшенія его, и не только не отрицалъ его правъ на общественное вниманіе, но и преклонялся предъ нимъ, на своемъ пути къ нравственному освобожденію человѣческой личности. Не будучи публицистомъ въ смыслѣ экономиста и статистика, Гейне, конечно, не могъ самъ высказаться въ пользу

такого или иного опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса, напр. хотя бы въ пользу предоставленія ирландскимъ фермерамъ права на выкупъ ихъ участковъ, не говоря уже о полной экономической теоріи въ томъ смыслѣ, какъ ее вырабатывали сен-симонисты и коммунисты.

Мы хотѣли только очертить здѣсь направленіе Гейне какъ участника въ борьбѣ, называемой прогрессомъ, и для насъ достаточно упомянуть, что и важный экономическій вопросъ не ускользнулъ отъ его вниманія и не заставилъ его отступить назадъ, замкнуться въ какое-нибудь «послѣднее слово» политической партіи. Мы сейчасъ увидимъ, что глубокая искренность служенія Гейне его идеѣ подтверждается даже покорностью его такимъ видамъ въ будущемъ, которые были положительно противны его артистической натурѣ.

Естественно, что въ ученіи сен-симонистовъ, какъ оно установилось уже по смерти основателя школы, графа Сен-Симона, поэта интересовала преимущественно философская и религіозная сторона. Онъ сознавалъ, что въ формулѣ сен-симонистской критики экономическаго устройства—l'exploitation de l'homme par l'homme, была доля правды; но привлекали его въ особенности тѣ положительныя философскія воззрѣнія сен-симонизма, которыя, для краткости, мы выразимъ формулами: пантеизмъ, возстановленіе правъ физической природы человѣка, святость труда, солидарность и вмѣстѣ свободу человѣческихъ личностей, равноправность женщины, и т. д.

Какъ ни ребячески-забавны были впослѣдствіи практическія дѣйствія сен-симонистскаго кружка, съ его отцомъ—Просперомъ Анфантеномъ, культомъ и т. д., но никто не рѣшится сказать, что вопросы, которыхъ въ свою очередь коснулся сен-симонизмъ, не суть вопросы огромнаго значенія, и что личныя усилія самихъ сен-симонистовъ пропали даромъ. Достаточно въ этомъ отношеніи, какъ на примѣръ, сослаться на вопросъ о правахъ женщинъ, который положительно сен-симонисты провели въ общественное сознаніе.

Къ кружку сен-симонистовъ въ Парижѣ, въ то время, когда Гейне пріѣхалъ во Францію, принадлежали: Мишель Шевалье Пьеръ Леру, Лерминье, Эмиль Перейръ, Этьенъ Монэ, Дювержье Жанъ Рено, Ипполитъ Карно и др.. Руководителями были Сент Аманъ Базаръ и Барт. Просперъ Анфантенъ. Въ Парижѣ они излагали свое ученіе въ публичныхъ рѣчахъ по политическо экономіи и философіи, и на эти конференціи стекалась толпа между прочимъ и то, что называется «весь Парижъ», т. е. во модное общество, свѣтскія дамы и всякія знаменитости. Въ сно

шеніяхъ съ парижскими кружками стояли многочисленные сен-симонистскіе кружки въ главныхъ городахъ Франціи. Сен-симонисты издавали свою газету, представляли адресъ въ палату депутатовъ и т. д., однимъ словомъ, дѣятельность ихъ была очень замѣтна. По мѣрѣ того, какъ представители сен-симонизма стали доводить это ученіе до полнаго коммунизма съ одной стороны и до мистицизма съ другой, дѣятельность ихъ становилась менѣе практическою и наконецъ впала въ смѣшное, когда отецъ Анфантенъ устроилъ въ Менильмонтанѣ нѣчто въ родѣ монастырскаго общежитія, въ которомъ онъ былъ въ родѣ философскаго епископа. Послѣ процесса, которому подвергло сен-симонистовъ правительство, коммуна разстроилась, и Анфантенъ, выпущенный изъ тюрьмы, отправился въ Египетъ, гдѣ занялся инженерными работами по порученію тамошняго правительства, а впослѣдствіи, возвратясь во Францію, получилъ мѣсто въ управленіи сѣверной желѣзной дороги. Онъ умеръ въ 1864 году.

Гейне не вступилъ въ сен-симонистскій кружокъ, но понималъ огромное значаніе тѣхъ вопросовъ, которые поднимали сен-симонисты, и вліяніе сен-симонистскихъ воззрѣній на него обнаружилось пантеистическимъ направленіемъ его «Исторіи религіи и философіи въ Германіи» и расширеніемъ его воззрѣній на задачу прогресса вообще. Не принадлежавъ къ кружку въ то время, когда кружокъ былъ въ модѣ, онъ нисколько не поколебался въ своемъ сочувствіи къ цѣлямъ и направленію сенсимонизма въ то время, когда кружокъ этотъ подвергся преслѣдованіямъ общества. Толпа обрадовалась тому, что̀ въ дѣйствіяхъ сен-симонистовъ было смѣшного, и цѣлая гора насмѣшекъ была взвалена на нихъ, чтобы задушить сѣмена ихъ ученія. Можно сказать, что философскія основы этого ученія въ первые годы послѣ паденія кружка̀, находили наиболѣе энергическаго представителя и пропагандиста именно въ Гейне.

Не имѣя научно-экономической подготовки, Гейне, какъ мы сказали, оставлялъ безъ разбора собственно вопросъ о похлебкѣ. Но онъ признавалъ его и къ искреннему ужасу своей артистической природы, руководимый именно одною добросовѣстностью, готовъ былъ признать, что будущность принадлежитъ приверженцамъ нѣкоего грубаго коммунизма, который уничтожитъ искусства и воцаритъ на землѣ скучную ровность и пошлое однообразіе. Нельзя безъ легкой улыбки читать эти фантастическія строки Гейне, котораго варварскій коммунизмъ глубоко тревожилъ въ часы раздумья. Но въ томъ фактѣ, что онъ готовъ былъ принесть всѣ свои артистическія сочувствія, всѣ свойства интимной своей природы въ жертву этому воображаемому чудо-

вищу, думая, что того требуетъ законъ прогресса—въ самомъ дѣлѣ много трогательнаго. Видя поверхностность, отсутствіе истинно-живого нравственнаго принципа въ своемъ времени, Гейне допускалъ, что оно клонится къ упадку и что ему положитъ конецъ безпримѣрная общественная борьба, въ которой погибнутъ всѣ вопросы о религіи, національности и т. д. и разработается одинъ вопросъ — вопросъ хлѣбный. Онъ допускалъ даже, что результатомъ этой борьбы можетъ быть новый деспотизмъ—деспотизмъ демократическаго диктатора — пастуха, надъ стадомъ гладко подстриженныхъ натуръ.... и эта перспектива приводила его въ глубокое содроганіе, а между тѣмъ, онъ все-таки готовъ былъ согласиться съ неизбѣжностью, даже и законностью такого переворота, увѣровать въ этотъ новый апокалипсисъ и признать, что бороться противъ него не слѣдуетъ.

Эта фантасмагорія, конечно, доказываетъ, что Гейне вносилъ въ экономическіе вопросы поэтическую фантастичность, но она доказываетъ въ тоже время, что Гейне, какъ поэтъ, посвятившій себя на служеніе развитію человѣчества, былъ глубоко искрененъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тревожившіе его ужасы коммунизма были противнѣе его личной природѣ, чѣмъ природѣ тѣхъ *реальныхъ* идеалистовъ, которые готовы возставать противъ какой угодно системы, несовмѣстной съ ихъ интересомъ. Но онъ не считалъ себя вправѣ возставать противъ своего убѣжденія, какъ ни противно оно было его чувству. Вотъ лучшій отвѣтъ тѣмъ критикамъ, которые въ публицистической сторонѣ дѣятельности Гейне видятъ одни капризы художника и во всей борьбѣ его съ «темными силами» усматриваютъ одни поэтическіе мотивы.

Этого обзора, какъ намъ кажется, достаточно, чтобы доказать наоборотъ, что Гейне былъ совершенно логиченъ въ своемъ служеніи идеѣ общественнаго развитія, что всѣ противорѣчія его, стоявшаго посреди партій, представляютъ противорѣчія только кажущіяся, что онъ готовъ былъ жертвовать личными чувствами общему дѣлу, и въ своихъ отношеніяхъ къ партіямъ повергалъ все второстепенное въ подножіе главной, обще-человѣческой идеѣ. Однимъ словомъ, обзоръ этотъ подтверждаетъ то, что мы уже сказали прежде: «не было ни одной *школы*, которой бы Гейне остался вѣренъ или согласился быть послушнымъ, постояннымъ ученикомъ и учителемъ; не появилось ни одной мысли, на которой бы онъ *окончательно* остановился и сказалъ: вотъ это правда, правда абсолютная, въ настоящую минуту! Единственный девизъ, котораго онъ держался всегда было слово: впередъ!»

IV.

Отношенія Гейне къ большинству нѣмецкихъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Парижѣ, были неудовлетворительны. Одни преслѣдовали его просьбами о денежной помощи и о рекомендаціяхъ, которыя не разъ ставили его потомъ въ затруднительное положеніе, потому-что оказывались иногда вовсе незаслуженными. Другіе, болѣе самостоятельные, посягали на самостоятельность самого Гейне, то-есть ожидали и требовали, чтобы онъ былъ подчиненъ рѣшеніямъ кружка, требовали его участія и въ своихъ митингахъ и резолюціяхъ, и заявляли притязаніе даже заставлять его высказываться болѣе или менѣе рѣшительно въ томъ или другомъ смыслѣ, въ его сочиненіяхъ. Но Гейне былъ менѣе, чѣмъ какой-либо самобытный писатель и независимый человѣкъ, *способенъ* къ такому коллективному дѣйствію и къ такой *кружковой* диктатурѣ. Отсюда — его несогласія съ Бёрне. Но никакъ не слѣдуетъ воображать, будто Гейне потому именно уклонялся отъ большинства своихъ соотечественниковъ въ Парижѣ, что они были несчастливы и требовали его помощи.

Изъ разсказовъ нѣсколькихъ эмигрантовъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ, слѣдуетъ совершенно противоположное. Гейне былъ человѣкъ мягкаго сердца; нѣжность его чувствъ и доброта его обнаруживались въ постоянныхъ его отношеніяхъ къ матери и женѣ, и къ старымъ друзьямъ. Нуждавшимся эмигрантамъ, а также и самимъ французамъ, которыхъ онъ знавалъ въ нуждѣ, онъ всегда готовъ былъ помочь и деньгами и хлопотами. Онъ не разъ ручался за людей, малоизвѣстныхъ ему, на значительныя суммы, давалъ взаймы нуждавшимся землякамъ сотни франковъ, безъ малѣйшей надежды когда-либо получить ихъ обратно, и т. д. Въ книгѣ Штродтманна приведено нѣсколько достовѣрныхъ примѣровъ этой готовности Гейне помогать ближнимъ: какъ онъ, между прочимъ, узнавъ, что одинъ молодой живописецъ не въ состояніи окончить портрета, послалъ ему въ подарокъ 300 фр., какъ онъ одного молодого поэта спасъ отъ конскрипціи и т. п. Въ числѣ этихъ примѣровъ оригинально ходатайство Гейне за одного чахоточнаго музыканта, который просилъ, чтобы ему позволено было жить въ люксембургской оранжереѣ, въ кадкѣ только-что погибшаго померанцоваго дерева, для того, чтобы пользоваться теплымъ воздухомъ и окончить оперу (на югъ онъ не имѣлъ средствъ ѣхать). Гейне энергически хлопоталъ за этого бѣдняка, ѣздилъ просить объ этомъ Тьера, но напрасно, и Гал-

ліенъ скоро умеръ, воспользовавшись только денежною помощью, какую могъ предоставлять ему самъ Гейне.

Изъ соотечественниковъ своихъ Гейне въ первые годы своего пребыванія во Франціи болѣе другихъ сблизился съ композиторомъ Фердинандомъ Гиллеромъ, въ домѣ котораго собирался музыкальный свѣтъ: Керубини, Шопенъ, Тальбергъ, Онсловъ, знаменитый теноръ Адольфъ Нурри. Въ числѣ новыхъ знакомыхъ его были князь Пюклеръ-Мускау и графъ Ауэрспергъ, два аристократа-литератора, Генрихъ Лаубе и Рихардъ Вагнеръ, который, въ 1839 году, съ необыкновенною самоувѣренностью пріѣхалъ изъ Риги въ Парижъ, безъ всякихъ средствъ, безъ извѣстности, но съ оперною партитурою, съ женою и съ огромною ньюфаундлендскою собакой. Вагнеръ написалъ музыку на слова «Двухъ гренадеровъ» Гейне. Кромѣ того, онъ заимствовалъ у Гейне его обработку сюжета «Вольнаго голландца» (въ запискахъ Шнабелевопскаго) и по обсужденіи сюжета вмѣстѣ съ Гейне, составилъ самъ либретто и написалъ на него оперу того же имени (Der Fliehende Holländer), которая въ Германіи вскорѣ доставила Вагнеру извѣстность. Онъ познакомился въ тоже время съ извѣстнымъ датскимъ писателемъ Андерсономъ, а въ началѣ сороковыхъ годовъ и съ Эленшлегеромъ. Между тѣмъ, многіе изъ ближайшихъ друзей, оставленныхъ Гейне въ Германіи, изъ тѣхъ друзей, которые сочувствовали первымъ его успѣхамъ и съ которыми его связывала нѣкогда общая точка отправленія, умерли: какъ-то: Лудвигъ Робертъ и его жена, Рахиль Фарнгагенъ, Мозеръ, Гансъ, Иммерманъ.

За то кругъ его знакомства постоянно расширялся въ Парижѣ. Въ парижскихъ литературныхъ кружкахъ Гейне считали сперва почти французомъ, и только узнавъ его поближе, угадали въ немъ, кромѣ французской внѣшности, нѣчто непохожее на общій мѣстный типъ, нѣчто чужое и таинственное. Въ парижскомъ литературномъ свѣтѣ Гейне пріобрѣлъ немалый личный авторитетъ. Лаубе, которому рекомендація Гейне открыла входъ ко всѣмъ знаменитымъ или извѣстнымъ писателямъ, представляетъ это какъ доказательство большого уваженія, какимъ пользовался въ Парижѣ Гейне, «ибо — замѣчаетъ онъ — французскій литераторъ очень дорожитъ своимъ временемъ и иностранцы въ особенности интересуютъ его мало».

Во французскомъ литературномъ мірѣ не могли понять тѣхъ безпрестанныхъ мелочныхъ придирокъ, личныхъ клеветъ и сплетень, какими Гейне осыпали въ нѣмецкой журналистикѣ. Разъ А. Дюма, когда при немъ зашелъ объ этомъ разговоръ, сказалъ съ удивленіемъ: «Ну, въ такомъ случаѣ нѣмецкіе литераторы

сами еще болѣе жалки, чѣмъ тамошняя пресса! Если Германія не хочетъ знать Гейне, то мы охотно признаемъ его нашимъ; бѣда только, что Гейне самъ любитъ Германію больше, чѣмъ она заслуживаетъ». Жюль Жаненъ также свидѣтельствуетъ, что Гейне, въ разговорахъ съ французами, всегда усердно защищалъ Германію. Въ то самое время, какъ доносчики и слуги ливрейнаго патріотизма въ Германіи постоянно выставляли Гейне измѣнникомъ отечеству, унижающимъ Германію въ угоду французамъ, Гейне дрался на дуэли съ однимъ французомъ по поводу оскорбительныхъ словъ о нѣмцахъ вообще, сказанныхъ въ его присутствіи, но обращенныхъ не къ нему. Эта дуэль кончилась благополучнымъ обмѣномъ выстрѣловъ.

Наиболѣе близокъ онъ былъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ съ Дюма, Ж. Жаненомъ, Т. Готье, А. де-Виньи, Миньè, Тьерри, и Жоржемъ Зандомъ, которую онъ назвалъ «величайшимъ изъ французскихъ поэтовъ, писавшихъ прозою». Но знакомъ и болѣе или менѣе близокъ онъ былъ со всѣми знаменитостями французскаго литературнаго міра; въ числѣ его пріятелей были: и Викторъ Гюгò, и Граньè изъ Кассаньяка (въ то время), и Тьерри и Беранжè, и Эжень Сю, Кюстинъ, Альфредъ де-Мюссè, Ф. Шаль, Фред. Сульè, Л. Гозланъ, Эмиль Жирарденъ и жена его Дельфина Гэ, графиня д'Агу (Даніель Стернъ), Берліозъ, пѣвецъ Рожè и т. д.

Гейне говорилъ по-французски свободно, но не особенно хорошо, когда не былъ оживленъ; но онъ говорилъ характеристично, то-есть умѣлъ всегда найти удачное и рельефное выраженіе для своей мысли. Но когда что-нибудь особенно оживляло его, онъ говорилъ по-французски отлично, остроумная и образная безъ притязательности рѣчь его текла свободно. Такъ, пріятель его, Лаубе, котораго онъ привелъ къ Ж. Зандъ, утромъ, въ то время, когда та только-что встала, и который увидѣлъ тамъ вскорѣ явившихся съ визитами Шопена, герцога Ларошфукò и Ламеннэ — удивился, услыхавъ, какъ Гейне, оживленный неожиданнымъ обществомъ, сталъ увлекательно говорить по-французски. Такъ, Арнольдъ Ругè, извѣстный радикальный писатель, свидѣтельствуетъ, что Гейне мастерски умѣлъ употреблять французскую рѣчь съ ея бойкими оборотами.

Изъ иностранцевъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ, Гейне былъ близокъ съ Листомъ и венгерскимъ писателемъ, графомъ Дешевфи, и Теодоромъ Моравскимъ, польскимъ эмигрантомъ, который былъ секретаремъ внѣшнихъ сношеній въ революціонномъ правительствѣ 1831 года, и съ княгинею Христиною Бельджойозо, изгнанницею изъ Ломбардіи.

Со времени переселенія его во Францію, здоровье Гейне значительно поправилось, хотя онъ все-таки остался подверженъ частымъ припадкамъ нервной головной боли. Здоровье свое онъ поддерживалъ поѣздками къ морскимъ купаньямъ каждое лѣто, въ Булонь, Дьеппъ и т. д. Но на одной изъ поѣздокъ въ Бретань онъ заболѣлъ желтухою и по совѣту врачей поѣхалъ въ Марсель, чтобы отправиться оттуда въ Неаполь. Съ судномъ, на которомъ онъ отправился-было, приключилось несчастіе, и онъ вернулся. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ 1836 и 1837 году, Гейне имѣлъ такой здоровый видъ, какъ никогда прежде: на щекахъ у него былъ легкій румянецъ, онъ сталъ замѣчать въ себѣ даже нѣкоторое дородство и собирался сдѣлаться скоро «совсѣмъ бюргермейстеромъ». Одѣвался Гейне всегда изящно и по модѣ, безъ мелочного франтовства. Но квартира его не была такъ старательно и изящно убрана и украшена, какъ у большей части французскихъ литераторовъ: у него не было ни рѣзной мебели, ни статуэтокъ и картинъ, ни дорогихъ ковровъ; квартира была простая, бюргерская квартира.

Въ употребленіи вина и вообще напитковъ Гейне былъ очень умѣренъ; онъ даже будучи студентомъ не бывалъ навеселѣ! Виноградное вино онъ еще пилъ, но и то едва касаясь стакана губами, а грогъ, пуншъ и водка были ему просто невыносимы. Но лакомкой онъ былъ всегда и съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ карту у Вефура или Вери, прежде чѣмъ заказать свой обѣдъ.

Распоряжаться деньгами съ экономіею Гейне не былъ мастеръ: и жена его тоже не была образцовою хозяйкой. Частыя поѣздки на воды и на дачи, съ женою, частыя перемѣны квартиръ, наконецъ — обильныя вспомоществованія, которыя онъ оказывалъ нуждающимся пріятелямъ и бѣднымъ, составляли такой бюджетъ расходовъ, который трудно было уравновѣсить платою за литературный трудъ. За этотъ трудъ онъ въ первые годы своего пребыванія во Франціи пріобрѣталъ немного болѣе *трехъ тысячъ* франковъ (!) въ годъ, среднею цифрою, да отъ дяди своего, Соломона Гейне, онъ получалъ, со времени переселенія въ Парижъ, по четыре тысячи фр. въ годъ, такъ что весь годовой доходъ его составлялъ около 7,000 франковъ. Не говоря уже о томъ, какъ ничтожно было вознагражденіе литературнаго труда Гейне, нельзя не признать, что и жить-то въ Парижѣ вдвоемъ на 7,000 фр. нельзя было съ нѣкоторымъ комфортомъ даже и въ тѣ времена, особенно еще помогая другимъ.

Поэтому, Гейне постоянно нуждался въ деньгахъ. Онъ познакомился съ парижскимъ Ротшильдомъ и часто бывалъ у него. Это знакомство подало ему мысль пускаться въ биржевыя спе-

куляціи, лучшимъ результатомъ которыхъ было, впрочемъ, только то, что Ротшильдъ нѣсколько разъ спасъ его отъ большихъ потерь, какимъ онъ неизбѣжно подвергся бы при своемъ незнаніи дѣла и при своей горячности. Отношенія Гейне къ Джемсу Ротшильду были совершенно независимыя, и онъ не стѣсняясь подшучивалъ надъ слабостями милліонера, и умѣлъ иногда, вслучаѣ нужды, и «осадить его», чѣмъ Ротшильдъ, впрочемъ, не обижался. Такъ, однажды Ротшильдъ позволилъ себѣ сказать при немъ: «Что мнѣ всѣ эти никуда негодные литераторы и артисты?! Захочу, такъ могу дюжинами скупить ихъ».—«Очень можетъ быть, — возразилъ Гейне — но какъ вы сдѣлаете потомъ, чтобы продать ихъ съ барышомъ?» Есть множество разсказовъ о сатирическихъ выходкахъ Гейне въ разговорахъ съ Ротшильдомъ. Но къ г-жѣ Ротшильдъ онъ относился всегда съ уваженіемъ; онъ не разъ и съ успѣхомъ указывалъ ей на людей, нуждающихся въ помощи. Во всякомъ случаѣ, онъ не былъ неблагодаренъ и по отношенію къ самому барону Джемсу за радушный пріемъ, какой находилъ въ его домѣ, и разъ нашелъ возможность, онъ, полу-бѣднякъ Гейне, сдѣлать подарокъ «князю милліонеровъ». Когда Фридрихъ Штейнманъ — тотъ самый, который послѣ смерти Гейне издалъ нѣсколько апокрифическихъ стихотвореній съ его именемъ—составилъ исторію дома Ротшильдовъ, написанную въ самомъ враждебномъ духѣ, то Гейне предупредилъ на свой счетъ изданіе этой книги, убѣдивъ Кампе заплатить гонорарій, обѣщанный Штейнману, изъ денегъ, причитавшихся самому Гейне, но съ тѣмъ, чтобы пасквиль напечатанъ не былъ.

Запрещеніе въ Германіи сочиненій всѣхъ представителей «юной Германіи», въ томъ числѣ и Гейне, по доносу Менцеля, нанесло денежнымъ средствамъ поэта очень чувствительный ударъ, хотя, конечно, сочиненія его все-таки проникали въ Германію. Около того времени, какъ на немъ отозвался этотъ ударъ, онъ еще попалъ въ большее затрудненіе вслѣдствіе несостоятельности одного пріятеля въ Парижѣ, за котораго онъ поручился. Онъ обратился съ просьбою о помощи къ дядѣ Соломону, но тотъ отвѣчалъ только упреками, и это повело къ перепискѣ, вслѣдствіе которой дядя рѣшился-было прекратить всякое пособіе племяннику. Но вскорѣ отношенія между ними опять уладились и даже къ лучшему. Соломонъ Гейне, пріѣхавъ въ Парижъ въ 1838 году, обошелся совсѣмъ подружески съ Гейне и его женой, даже возвысилъ ежегодную пенсію племяннику до цифры 4,800 франковъ и далъ ему обѣщаніе, что половина этой суммы будетъ завѣщана имъ женѣ Гейне, на случай смерти поэта.

Гуцковъ не даромъ упрекалъ своихъ соотечественниковъ въ тупомъ равнодушіи къ судьбѣ лучшихъ своихъ людей.... «Правда—писалъ онъ—мы, нѣмцы, поэтичны только до извѣстной степени. Намъ и не приходитъ въ голову подумать, какъ много драгоцѣннаго, благороднаго написалъ Гейне, какъ трогательна его шутка, какъ смѣшонъ его преднамѣренный паѳосъ, какъ ироничны его слезы, какъ чудны и привлекательны всѣ его выходки! А чтобы, вмѣсто каменныхъ памятниковъ, какіе мы воздвигаемъ Шиллерамъ, Гёте и Лессингамъ, мы послѣдовали бы примѣру французовъ относительно Беррье или англичанъ относительно Вальтера Скотта, и подарили бы Гейне дачу или заплатили бы его долги—на это мы всегда останемся слишкомъ неловки. Никто не мѣшаетъ намъ устроить для Гейне пенсію, чрезъ посредство какого-нибудь парижскаго дома и производить ему ее до тѣхъ поръ, пока у насъ не кончится царство полицейскаго произвола.... Но ни гроша не соберутъ нѣмцы» [1]). Не мудрено, что Гейне принялъ ежегодное пособіе, назначенное ему французскимъ правительствомъ, какъ изгнаннику, но Гейне никогда и не скрывалъ этого факта отъ своихъ нѣмецкихъ друзей. Относительно вліянія, какое могло оказать это пособіе на парижскія корреспонденціи Гейне въ «Allgemeine Zeitung», Штродтманнъ, въ послѣдней части своей книги, справедливо замѣчаетъ, что особенно рѣзкія нападки на французское правительство въ Аугсбургской газетѣ были и безъ того невозможны, такъ какъ Людовикъ-Филиппъ нарочно далъ орденъ Почетнаго Легіона цензору этой газеты, чтобы предупредить ихъ. Было одно время, когда Гейне даже едва не выслали изъ Франціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми эмигрантами, на которыхъ указало прусское правительство. Гейне оставили въ покоѣ просто по ошибкѣ, полагая, что онъ пріобрѣлъ себѣ право французскаго гражданства. Между тѣмъ, Гейне хотя и въ самомъ дѣлѣ исполнилъ первыя формальности для пріобрѣтенія натурализаціи во Франціи, именно для безопасности, но въ послѣднюю минуту не рѣшился довершить ихъ, не рѣшился именно потому, что ему больно было даже такимъ наружнымъ образомъ отречься отъ Германіи.... «Для меня была бы нестерпима мысль, что я — германскій поэтъ и въ тоже время натурализованный французъ....—говоритъ онъ—нѣтъ, пусть не будетъ никакой оговорки на моей могильной надписи, гласящей, что здѣсь лежитъ нѣмецкій поэтъ».

---

[1]) Это было совершенно вѣрно относительно тогдашнихъ нѣмцевъ и по отношенію къ Гейне. Но нравы перемѣнились нынѣ, и именно для Гуцкова: когда онъ недавно впалъ въ тяжкую болѣзнь, была сдѣлана въ Германіи національная подписка.

Отношенія Гейне съ его издателемъ Юліемъ Кампе, въ Гамбургѣ, были опредѣлены въ 1837 году контрактомъ, которымъ поэтъ предоставилъ Кампе право эксплуатаціи всѣхъ своихъ произведеній втеченіе 11-ти лѣтъ, за сумму всего 20 тысячъ франковъ. Осенью 1843 года, Гейне былъ въ Гамбургѣ и тогда заключилъ съ Кампе новый контрактъ, которымъ выговорилъ себѣ пенсію, которая должна была по смерти его перейти къ г-жѣ Гейне. Цифра этой пенсіи была назначена такъ: втеченіи первыхъ четырехъ лѣтъ по 200 банковыхъ марокъ, съ 1848 же года по 1,200 марокъ, а съ 1853 года — по 1,500 марокъ. За это Гейне впередъ продалъ Кампе будущее полное собраніе своихъ сочиненій (до изданія этого онъ не дожилъ) и такимъ образомъ хотя нѣсколько обезпечилъ себя въ настоящемъ тѣмъ, что получилъ возможность заплатить всѣ свои долги, достигавшіе до суммы 20 тысячъ франковъ. Въ денежныхъ дѣлахъ Гейне былъ очень практиченъ и, какъ замѣчаетъ Лаубе, «въ немъ оставалась фамильная купеческая способность». Онъ хотя гордился тѣмъ, что хорошо понималъ издательское дѣло и умѣлъ разсчитывать съ точностью и гонорарій, и издержки изданій и проч., «но послѣ всѣхъ этихъ точныхъ предварительныхъ разсчетовъ, говоритъ Штродтманнъ, достаточно было какого-нибудь поворота въ общественномъ мнѣніи, какого-нибудь новаго движенія нравственнаго свойства, чтобы сбить все это цифровое зданіе какъ карточный домикъ. Въ немъ тотчасъ воспрянетъ поэтъ, джентльменъ, и всякій споръ о денежныхъ выгодахъ отбрасывается въ сторону».

Одно время, въ 1838 году, Гейне былъ занятъ мыслью объ изданіи въ Парижѣ нѣмецкой газеты, подъ заглавіемъ «Pariser Zeitung». Онъ полагалъ возможнымъ, что прусское правительство согласится допустить ее въ свои владѣнія, если онъ, Гейне, поручится, что она не будетъ систематично враждебна прусскому правительству, но безпристрастна. Онъ даже писалъ объ этомъ прусскому министру Вертеру. Въ письмѣ своемъ къ Фарнгагену о томъ же предметѣ онъ обѣщалъ даже заимствовать прусскія извѣстія только изъ прусскихъ же цензурованныхъ газетъ; онъ говорилъ еще, что ему дѣла нѣтъ до старыхъ прусскихъ провинцій, но что онъ желаетъ полнаго простора для сужденія о томъ, что касается до рейнскихъ провинцій, которыхъ интересы ему близки. Само собою разумѣется, что прусскій министръ не поспѣшилъ дать удовлетворительный отвѣтъ, и Гейне оставилъ этотъ проектъ также легкомысленно, какъ за него взялся. Легкомысленно это было потому, что еслибы даже прусское правительство и дало требуемое согласіе — что уже само по себѣ было

невѣроятно — то нѣтъ сомнѣнія, что Гейне повелъ бы все-таки свою газету такъ, что она была бы тотчасъ же запрещена въ Пруссіи, и онъ остался бы тогда, во-первыхъ, компрометтированнымъ передъ радикальною партіею, которой конечно показалось бы слишкомъ уступчивымъ и то, за что прусская цензура сочла бы необходимымъ запретить газету, — а во-вторыхъ — съ огромнымъ долгомъ на рукахъ.

Возвратимся къ частной жизни поэта. Въ первые года своего пребыванія въ Парижѣ онъ имѣлъ не мало любовныхъ интригъ. Одной изъ такихъ интригъ суждено было обратиться въ постоянную страстную привязанность. Возлюбленную своей молодости Гейне видѣлъ въ послѣдній разъ, въ Гамбургѣ, въ октябрѣ 1827 года. Эта особа, внушившая Гейне столько чудныхъ по нѣжности и меланхолическому юмору пѣсенъ, была кузина его Амалія Гейне, вышедшая въ 1821 году за кёнигсбергскаго помѣщика Фридлендера. Сомнѣніе относительно того, кто именно была эта муза поэтической юности Гейне, не было разрѣшено до послѣдняго времени, и даже братъ Гейне, докторъ Гейне, въ своихъ «воспоминаніяхъ» о поэтѣ утверждаетъ, что эта любовь Генриха къ кузинѣ ихъ Амаліи не болѣе какъ басня. Но сомнѣніе невозможно послѣ подлиннаго письма Гейне къ Фарнгагену, которое приводитъ Штродтманнъ, и гдѣ Гейне прямо ее называетъ. При послѣднемъ свиданіи, онъ написалъ на листѣ бумаги, которымъ играла шести-лѣтняя дочь г-жи Фридлендеръ, стихотвореніе, до сихъ поръ еще не напечатанное. Эта дочь женщины, которую любилъ Гейне, теперь замужемъ за берлинскимъ литераторомъ Лео. Послѣднее свиданіе однако уже не растравило, повидимому, въ Гейне прежней раны, по крайней мѣрѣ оно не отразилось, какъ прежде, на его дѣятельности.

Вторая любовь Гейне, уже въ зрѣломъ возрастѣ, имѣла совсѣмъ иной характеръ. Какъ та была безнадежна, состояла вся изъ отчаянія, такъ это была реальная и сперва даже не казалась прочною. Гейне влюбился въ дѣвушку изъ рабочаго сословія и сперва, какъ видно изъ писемъ его, считалъ эту любовь сильнымъ, но не-серьезнымъ увлеченіемъ, которое только мѣшаетъ ему работать. «Розовыя облака еще закрываютъ отъ меня все остальное, и запахъ цвѣтовъ меня одуряетъ, такъ что я не могу бесѣдовать съ вами, какъ разумный человѣкъ. Прочтите пѣснь пѣсней Соломона, и вы найдете тамъ все, что я могу вамъ сказать», вотъ какъ писалъ Гейне объ этой связи одному изъ своихъ пріятелей, Левальду, въ апрѣлѣ 1835 г. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ, что это «состояніе» продолжается уже съ октября. Около того же времени, онъ пишетъ своему издателю Кампе:... «волны

жизни съ такой силою бьютъ мнѣ черезъ голову, что я едва даже могъ думать о васъ... Безумный, я полагалъ, что пора страстей для меня уже миновалась...» Гейне даже попробовалъ-было спастись отъ этой любви, уѣхавъ на-время изъ города. Но страсть покорила его, и возвратясь въ Парижъ, онъ нанялъ новую квартуру и зажилъ какъ женатый человѣкъ. Матильда Кресценсія Мира̀ (Mirat) сдѣлалась m-me Heine для всѣхъ знавшихъ Гейне. Матильда Мира̀ была хорошенькая брюнетка, довольно высокаго роста, съ блестящими глазами, низкимъ лбомъ, обрамленнымъ черными волосами, нѣсколько большимъ ртомъ, бойкимъ и веселымъ характеромъ, настоящая парижская гризетка, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; она была дѣтски-весела, наивно-страстна, болтлива, остроумна по-своему, и способна къ глубокой привязанности, какъ то оказалось изъ невозмутимаго супружескаго счастья, какимъ наслаждался Гейне двадцать лѣтъ и о которомъ онъ еще при концѣ жизни говорилъ, какъ о чемъ-то неземномъ по безусловности, хотя и совершенно земномъ съ другой стороны по своему характеру. Само собою разумѣется, что такая женщина не могла понять Гейне какъ поэта, и поэтъ не только не обижался равнодушіемъ ея къ его славѣ, но еще гордился этимъ, какъ доказательствомъ, что онъ дорогъ любимой женщинѣ просто какъ личность и не потому что онъ—знаменитость, а какъ говорила она—«parce qu'il est bien». Однажды какъ-то Матильдѣ Гейне попалъ въ руки переводъ стихотвореній Гейне и она, открывъ наудачу, стала читать; вдругъ она поблѣднѣла и положила книгу на столъ: ей попалось одно изъ любовныхъ стихотвореній. Она тогда же сказала, что не хочетъ знать сочиненій, въ которыхъ мужъ ея любилъ другихъ женщинъ.

Вообще трудно понять то пренебреженіе нѣмецкихъ біографовъ Гейне къ этой любящей женщинѣ, которую Гейне, въ дѣйствительности — по удостовѣренію какъ всѣхъ знавшихъ его людей, такъ и тѣхъ трогательныхъ словъ о ней, какія встрѣчаются въ стихахъ его и письмахъ—любилъ болѣе, чѣмъ какое-либо существо на свѣтѣ. Что она была француженка и не очень образована, это еще далеко не объясняетъ пренебреженія къ той женщинѣ, которая могла занять собою и осчастливить геніальнаго человѣка въ продолженіи двадцати лѣтъ. Они видятъ въ этомъ бракѣ нѣкоторую mesalliance. Какъ будто всѣ тѣ образованныя германскія дѣвицы, которыя были женами нѣмецкихъ поэтовъ, стояли на уровнѣ своихъ мужей!

Матильда ничего не знала о томъ, какой великій поэтъ ея мужъ и почему онъ великій поэтъ; но она со слезами разсказывала Мейсснеру о томъ, какой хорошій человѣкъ Гейне, ка-

кое у него доброе сердце и т. д. Они въ первые годы очень часто ссорились, такъ какъ Матильда бывала капризна и всегда была горяча. Даже черезъ два года послѣ ихъ знакомства, Гейне въ нѣкоторыя минуты высказывалъ убѣжденіе, что эта связь «не кончится добромъ». Но все это уладилось, когда они лучше поняли каждый характеръ другого. Впослѣдствіи Гейне любилъ дразнить свою жену, представляясь, будто онъ считаетъ себя жертвою ея капризовъ, будто она его мучитъ и т. д., такъ что m-me Heine наконецъ вспылитъ, «но гнѣвъ ея, говоритъ Мейсснеръ, былъ не страшнѣе гнѣва канарейки».

Гейне позаботился дать ей нѣкоторое образованіе, помѣстилъ ее въ 1839 году въ пансіонъ, и посѣщалъ ее по воскресеньямъ. Разъ онъ взялъ съ собою Мейсснера. «Молодыя пансіонерки устроили маленькій балъ, и Гейне позвалъ меня посмотрѣть, какъ будетъ танцовать его petite femme. Она была больше всѣхъ воспитанницъ, но къ восторгу своего мужа, танцовала съ совершенно-дѣтскою граціею, точно небольшая дѣвочка. Какъ счастливъ былъ онъ въ то время, какъ безпеченъ въ волшебной сферѣ своей привязанности! Каждая ступень Матильды въ ея образованіи, особенно въ изученіи исторіи и географіи, давала ему поводъ къ веселымъ наблюденіямъ. Что она умѣла перечислить въ порядкѣ египетскихъ царей лучше, чѣмъ онъ, и сообщила ему неизвѣстный для него, какой-то чудесный случай съ Лукреціею— это приводило его въ безграничный восторгъ». Черезъ восемь лѣтъ супружеской жизни, именно въ 1843 году, Гейне писалъ брату своему Максимиліану: «моя жена — доброе, естественное, веселое дитя, причудливое какъ только можетъ быть француженка, и она не позволяетъ мнѣ погружаться въ меланхолическія думы, къ которымъ я такъ склоненъ. Вотъ уже восемь лѣтъ какъ я люблю ее съ нѣжностью и страстностью, доходящими до баснословнаго. Въ это время я испыталъ много счастья, мученій и блаженства въ угрожающихъ дозахъ, болѣе, чѣмъ сколько годилось бы для моей чувствительной натуры».

Какъ Матильда не принимала участія въ общественномъ служеніи поэта, такъ онъ не вмѣшивался въ ея религіозныя обыкновенія. Она была усердная католичка; въ комнатѣ у нея было распятіе и восковая фигура Спасителя: она много молилась и къ обѣдни ходила каждый день, какъ пріучена была дома. Приведемъ шутливыя соображенія, которыя все это вызывало въ умѣ Гейне: «Что болѣе обезпечиваетъ вѣрность женъ—католицизмъ или протестантизмъ, объ этомъ я разсуждать не буду. Но во всякомъ случаѣ, католицизмъ женъ имѣетъ спасительныя стороны для мужей. Жены католички если провинятся, не долго но-

сятся съ горемъ по этому поводу, и какъ только получатъ отпущеніе грѣха, тотчасъ развеселяются и не портятъ мужьямъ крови или супа мрачною задумчивостью надъ грѣхомъ, который пришлось бы искупать до конца жизни ужасающею строгостью обычаевъ или сердитою добродѣтелью. Обрядъ признанія патеру въ грѣхѣ хорошъ еще тѣмъ, что онъ удовлетворяетъ свойственную женщинамъ сообщительность, а тѣмъ самымъ устраняетъ непріятную возможность, что жена въ минуту откровенности вдругъ выболтаетъ свои ужасныя тайны злополучному супругу».

Гейне и при концѣ жизни нисколько не охладѣлъ къ своей Матильдѣ: «обдумавъ все это хорошенько, говоритъ Мейсснеръ (котораго свидѣтельство почти буквально подтверждается Генрихомъ Лаубе), я долженъ придти къ такому выводу, что свою Матильду поэтъ любилъ болѣе, чѣмъ какое-либо живое существо. На постели, гдѣ онъ страдалъ, во время сильнѣйшихъ мученій, всѣ его мысли постоянно были устремлены къ тому, чтобы охранить ея честь передъ свѣтомъ, и обезпечить ее на всю жизнь. Его вѣчно мучила мысль, что онъ въ счастливое время ничего не отложилъ для нея, и онъ напрягалъ послѣднія свои усилія, чтобы исполнить это, насколько оставалось къ тому возможности.... Она не принимала участія въ его умственныхъ отправленіяхъ, она не знала ничего о той борьбѣ, которую онъ велъ, но она все-таки жила въ немъ, и только имъ однимъ, и двадцать лѣтъ была ему вѣрнымъ другомъ».

Гейне узаконилъ свою супружескую жизнь въ 1841 году по поводу дуэли, которая была однимъ изъ послѣдствій его книги «о Бёрне». Въ этой книгѣ онъ оскорбилъ женщину, съ которою Бёрне былъ въ дружбѣ, и мужъ этой дамы, нѣкто Соломонъ Штраусъ, встрѣтивъ поэта въ іюнѣ 1841 года въ Парижѣ, на улицѣ сталъ ругать его крупною бранью, самъ весь трясясь отъ гнѣва. Гейне собирался въ то время отлучиться изъ Парижа и просилъ отложить «это дѣло» до его возвращенія, такъ какъ со времени обиды, въ которой упрекалъ его Штраусъ, и безъ того прошолъ уже годъ. Но Штраусъ, его жена и весь ихъ кружокъ, питая къ Гейне непримиримую ненависть, не стѣснялись въ своихъ средствахъ вредить ему, и главнымъ ихъ оружіемъ было именно распространеніе о Гейне всякихъ гнусныхъ сплетень. Такъ и теперь, въ газетахъ было помѣщено извѣстіе, что Гейне уѣхалъ изъ Парижа, будто бы съ цѣлью спастись отъ Штрауса. Узнавъ объ этомъ, Гейне возвратился въ Парижъ и послалъ къ Штраусу секундантовъ — Теофиля Готьé и Альфонса Ройé (впослѣдствіи директоръ оперы).

Дуэль состоялась 7-го сентября въ сен-жерменской долинѣ;

оружіемъ были, по требованію Гейне, избраны пистолеты. Секундантами Гейне на мѣстѣ были: вандейскій помѣщикъ Тессьé де-Малò и корреспондентъ аугсбургской газеты Скуффертъ; Штрауса—извѣстный врачъ, республиканецъ Распайль и одинъ нѣмецъ. Первымъ стрѣлялъ Штраусъ, и пуля его ранила Гейне въ бедро на вылетъ; Гейне выстрѣлилъ на воздухъ. Рана его причинила только незначительное воспаленіе накостной плевы. Но этимъ дѣло со Штраусами не кончилось, и они продолжали распространять клеветы противъ него гдѣ только могли. Разъ Гейне чуть-было не вызвалъ редактора газеты «National», Армана Маррà, за перепечатку одной изъ такихъ клеветъ, гдѣ утверждалось, что Гейне всегда ругалъ республиканцевъ, называлъ Ламенне́ un prêtre abominable и т. п. Арманъ Маррà съ сердцемъ объяснилъ Гейне, что къ нему пристало около тридцати человѣкъ евреевъ изъ Франкфурта и не давали ему покоя, покуда онъ не напечаталъ этой отмѣтки. Онъ разумѣется исправилъ дѣло. Гейне приписывалъ Штраусамъ все непріятное для него, что только исходило изъ Германіи.

Вотъ передъ этой-то дуэлью, Гейне и счелъ себя обязаннымъ легитимировать положеніе своей подруги. Онъ долженъ былъ подписать реверсъ о крещеніи дѣтей, если они будутъ у него—въ католическую вѣру, и получивъ диспенсъ архіепископа, вѣнчался съ Матильдою 31-го августа 1841 года въ церкви св. Сульпиція. На свадьбу онъ пригласилъ только такихъ друзей, которые, подобно ему, жили въ брачныхъ отношеніяхъ, неосвященныхъ закономъ, и за обѣдомъ произнесъ юмористическій увѣщательный спичъ.

Въ 1843 году, Гейне совершилъ поѣздку въ Германію, или собственно говоря въ Гамбургъ, куда влекло его неодолимое желаніе повидаться съ матерью. На слѣдующій годъ онъ опять собрался туда и взялъ съ собою жену, но она должна была скоро возвратиться въ Парижъ, такъ какъ ея мать опасно занемогла. Плодомъ этой второй поѣздки была поэма «Deutschland», напечатанная въ 1844 году въ одной книгѣ съ «Neue Gedichte», и въ тоже время отдѣльнымъ изданіемъ. Эта поэма закрыла ему навсегда въѣздъ въ прусскія владѣнія, такъ какъ за напечатаніемъ ея послѣдовало циркулярное предписаніе объ арестованіи автора, разосланное во всѣ пограничныя мѣстности Пруссіи. И эта мѣра никогда не была взята назадъ, такъ что прусское правительство совершило даже относительно Гейне актъ самаго мелочного «невеликодушія»: когда, въ 1846 году, поэтъ почувствовалъ первые удары своей тяжкой болѣзни и просилъ о дозволеніи ему проѣхать въ Гамбургъ, чрезъ прусскую

территорію, для того, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ матерью — просьба эта не была исполнена. Великая держава Пруссія мстила человѣку, пораженному параличемъ. Гейне обратился съ просьбою по этому предмету къ знаменитому Гумбольдту, который былъ, какъ извѣстно, въ большой милости у короля. Въ книгѣ Штродманна впервые помѣщенъ полный текстъ письма Гейне къ Гумбольдту, списанный съ подлинника, находящагося въ коллекціи автографовъ, принадлежавшей Радовицу, а также и отвѣтъ Гумбольдта. Гейне просилъ позволенія проѣхать въ Гамбургъ для свиданія съ матерью и пріѣхать на нѣсколько дней въ Берлинъ, чтобы посовѣтоваться съ тамошними врачами о необыкновенной болѣзни, постигшей его. Въ отвѣтѣ своемъ Гумбольдтъ заботливо упомянулъ о своемъ уваженіи именно къ автору невинной «Buch der Lieder», и сообщилъ ему, что ему «не удалось». «Отказъ», пишетъ онъ далѣе, «былъ даже столь рѣшителенъ, что я, ради личнаго вашего спокойствія, долженъ даже особенно просить васъ не касаться прусской территоріи.» На сохраненной копіи съ этого отвѣта есть надпись Гумбольдта, въ которой онъ самъ называетъ свой отвѣтъ «осторожнымъ» и увѣряетъ, будто король, искренно любившій Гейне какъ поэта, позволилъ бы ему пріѣхать, если бы не помѣшала полиція. Какъ будто полиція ограничивала власть прусскаго короля, точно законодательное или церковное учрежденіе!

Мы должны перейти теперь къ тому факту, за которымъ непосредственно послѣдовала нервная болѣзнь Гейне, такъ непосредственно въ самомъ дѣлѣ, что нельзя въ этомъ фактѣ не видѣть по меньшей мѣрѣ окончательнаго толчка, вызвавшаго болѣзнь. Гейне до 1845 года страдалъ только слабостью зрѣнія. Что болѣзнь эта имѣла нервную причину, ясно изъ ея характера: она заключалась въ чрезмѣрномъ расширеніи зрачка въ правомъ глазу. Но неожиданное нравственное потрясеніе дало болѣзни непредвидѣнное развитіе. Въ декабрѣ 1844 года умеръ дядя поэта, Соломонъ Гейне, и сынъ его и главный наслѣдникъ Карлъ Гейне (тотъ самый, котораго Гейне нѣкогда спасалъ своими попеченіями и съ увѣренностью, что подвергаетъ свою жизнь опасности, когда онъ заболѣлъ холерою), отказался продолжать поэту ту пенсію, которая, какъ всѣмъ было извѣстно, и какъ Соломонъ Гейне положительно объявилъ самъ, должна была быть пожизненною и даже перейти, въ половинной части, на вдову поэта. Карлъ Гейне соглашался признать право Генриха Гейне только на 8,000 марокъ, сумму, которая была назначена Генриху Гейне и каждому изъ его братьевъ, какъ еди-

новременный даръ, въ завѣщаніи. Знаменитый Мейербэръ поспѣшилъ дать поэту письменное удостовѣреніе въ томъ, что Соломонъ Гейне, назначивъ племяннику своему пенсію по его, Мейербэра, ходатайству, назначилъ ее именно на все продолженіе жизни поэта, съ ясно выраженною цѣлью обезпечить его въ старости и упрочить за нимъ личную независимость. Гейне былъ не только пораженъ въ своихъ средствахъ на будущее время, и въ видахъ своихъ относительно будущности жены, но и глубоко возмущенъ несправедливостью и неблагодарностью именно того единственнаго человѣка изъ семейства дяди, котораго онъ всегда искренно любилъ.

Мы не будемъ излагать переписки, происходившей по этому поводу. Скажемъ только, что Гейне твердо стоялъ на своемъ правѣ и что друзья его дѣлали что могли, чтобы усовѣстить жаднаго наслѣдника Соломона. Особенно энергически возбуждалъ ихъ къ дѣйствію другъ Генриха Гейне, Фердинандъ Лассаль, которому въ то время (въ 1846 году) было еще только 21 годъ. Гейне угадалъ въ этомъ юношѣ необыкновеннаго человѣка, и не только любилъ, но и почиталъ молодого Лассаля. Вотъ, что онъ писалъ между прочимъ о Лассалѣ въ рекомендательномъ письмѣ къ Фарнгагену:... «Это соединеніе знанія и силы, таланта и твердости убѣжденій было для меня отраднымъ явленіемъ, и я надѣюсь, что и вы, при вашей многосторонности, оцѣните это. Г. Лассаль—рельефный представитель новаго времени, которое не хочетъ знать того самоотреченія и той скромности, съ какими мы пробивались въ наше время, болѣе или менѣе лицемѣрно».

Карлъ Гейне впослѣдствіи, именно черезъ два года, согласился признать и выплачивать Генриху Гейне пенсію, а при свиданіи съ нимъ, въ февралѣ 1847 года, обязался продолжать ее въ половинной части вдовѣ Гейне, съ условіемъ, чтобы поэтъ со своей стороны обязался никогда не печатать ничего сколько-нибудь оскорбительнаго для всей обширной родни Карла Гейне, къ которой принадлежали между прочимъ и Фульды. Онъ грозилъ, въ противномъ случаѣ, немедленно прекратить производство пенсіи вдовѣ Гейне, лишь только въ печати явится что-нибудь, написанное поэтомъ безъ уваженія къ его роднѣ, хотя бы это произошло послѣ его смерти и независимо отъ выраженной имъ воли.

Такимъ образомъ, дѣло о наслѣдствѣ устроилось наконецъ удовлетворительно, но ударъ поэту былъ нанесенъ. Въ декабрѣ 1844 года, умеръ его дядя и послѣдовалъ отказъ отъ платежа пенсіи, а въ январѣ 1845 года, съ Гейне случился уже родъ

паралича: сперва поражено было зрѣніе, потомъ параличъ распространился на оконечности, затронувъ и грудь. «Измѣна, поразившая меня въ нѣдрахъ семейства, гдѣ я былъ безоруженъ и полонъ довѣрія, писалъ Гейне Фарнгагену, подѣйствовала на меня какъ ударъ молніи, внезапно вылетѣвшей изъ яснаго воздуха, и почти смертельно сломила меня».

Ach, Blutsfreunde sind es eben,
Welche mir den Tod gegeben,
Und die schnöde Meuchelthat
Ward verübet durch Verrath.

Впослѣдствіи, когда болѣзнь поэта усилилась, Карлъ Гейне сталъ присылать ему еще періодическія пособія, которые удвоили его пенсію. Но леченіе и уходъ за больнымъ стóили такъ дорого, что Генрихъ Гейне долженъ былъ еще занимать у своихъ родныхъ братьевъ: «болѣзнь моя — звѣрь пожирающій деньги, писалъ онъ къ Кампе, а у Карла Гейне я никогда не буду ничего просить; онъ и такъ довольно сдѣлалъ для меня».

V.

При началѣ 1848 года, Гейне жилъ нѣкоторое время въ одномъ лечебномъ заведеніи, за зоологическимъ садомъ, близъ заставы. Однажды онъ, посѣтивъ свою жену, которая оставалась на прежней его квартирѣ, послалъ нанять карету, чтобы ѣхать назадъ въ лечебницу. Карета была нанята, но долго заставляла себя ждать, наконецъ, не пріѣхала: ее захватила по дорогѣ февральская революція и употребила на баррикаду. Гейне едва добрался домой, оглушенный шумомъ и нѣсколько дней не могъ придти въ себя отъ волненія. Онъ былъ въ то время уже очень боленъ, особенно — худо видѣлъ. Описаніе первыхъ впечатлѣній переворота было послѣднею изъ его корреспонденцій въ «Allgemeine Zeitung». Статья эта, писанная 3-го марта 1848 г., послѣ того еще не была перепечатана нигдѣ и является теперь цѣликомъ въ послѣднемъ томѣ Штродтманна. Приводимъ изъ нея нѣсколько выдержекъ.

«Не могъ еще собраться писать вамъ о событіяхъ трехъ великихъ февральскихъ дней, потому что голова моя была совсѣмъ отуманена. Барабанный бой, перестрѣлка и марсельеза безъ отдыха. Послѣдняя, эта вѣчно-гудѣвшая пѣсня, едва не разломила мнѣ черепа и о! самый государственно-преступный сбродъ мыслей, какой я годы содержалъ тамъ взаперти, вдругъ вырвался

опять на волю. Дабы хотя отчасти усмирить мятежъ, возникавшій въ моемъ духѣ, я пробовалъ жужжать про себя нѣкоторыя отечественныя, благонамѣренныя мелодіи, какъ напр. «Heil Dir im Siegerkranz», или «Üb du Treu' und Redlichkeit», но—тщетно. Та чертовская гальская пѣсня покрывала во мнѣ всѣ мотивы. Боюсь, что демонически-преступные тоны ея въ непродолжительномъ времени достигнутъ и вашего слуха, и вы на себѣ узнаете увлекательную ихъ силу. Равнодушіе къ смерти, съ какимъ дрались французскіе рабочіе, должно бы удивлять собственно по той причинѣ, что оно происходитъ въ нихъ вовсе не изъ религіознаго сознанія и нисколько не опирается на прекрасное вѣрованіе въ будущій міръ, гдѣ можно ждать награды за жертвованіе жизнью отечеству. Столь же велика и столь безкорыстна какъ храбрость, была и честность, выказанная этими бѣдняками въ курткахъ и лохмотьяхъ. Честность ихъ была именно безкорыстна, и тѣмъ не похожа на разсчетъ лавочника, который соображаетъ, что держась постоянно честности можно пріобрѣсть болѣе покупателей и болѣе барыша, чѣмъ удовлетворивъ воровскимъ наклонностямъ.... Богачи не мало удивились, увидѣвъ, что несчастные голодные, погосподствовавъ въ Парижѣ дня три, не тронули ничьей собственности. Богачи трепетали за свои сундуки съ деньгами и вытаращили глаза, когда оказалось, что никто ничего не кралъ. Строгость, какую выказывалъ народъ къ рѣдкимъ покушавшимся на воровство, инымъ даже не совсѣмъ понравилась, иные же просто испугались, услыхавъ, что народъ воровъ на мѣстѣ разстрѣливаетъ: этакъ, пожалуй, и жить нельзя. Брали только оружіе да еще все съѣдобное, оказавшееся во дворцахъ. Въ нашемъ домѣ живетъ пятнадцатилѣтній мальчикъ; онъ тоже дрался и принесъ больной бабушкѣ горшокъ съ вареньемъ, завоеванный имъ въ Тюльери. Какъ онъ радъ былъ, когда бабушка расхваливала варенье Людовика-Филиппа! Бѣдный Людовикъ-Филиппъ! Въ такой старости опять браться за страннический посохъ, и удаляться въ страну холодныхъ тумановъ, въ Англію, гдѣ вдвойнѣ горько должно быть варенье изгнанія!»

Но одушевленіе, испытанное Гейне въ февралѣ 1848 года, было только минутное. Онъ уже былъ боленъ, надломленъ болѣзнью. Послѣ 1848 года, Гейне уже не публицистъ, не общественный дѣятель. Всѣ его отзывы, всѣ его взгляды принимаютъ чисто-старческій оттѣнокъ. Одною изъ причинъ при этомъ было, конечно, и появленіе новыхъ, молодыхъ дѣятелей, и именно всей плеяды «юной Германіи». Гейне былъ въ извѣстномъ смыслѣ родоначальникомъ ихъ, и это само по себѣ придавало уже ему старость. Поэтъ, художникъ не можетъ съ успѣхомъ продол-

жать общественное служеніе десятки лѣтъ, какъ обыкновенный политическій писатель или ученый. У послѣднихъ для успѣха не такъ важна литературная оригинальность; у нихъ нѣтъ манеры, ничего что̀ могло бы быть дѣломъ вкуса, и по прошествіи нѣкотораго времени утрачивать обаяніе. То, что поэтъ вложилъ въ общественное сознаніе — останется тамъ также прочно, но самъ онъ, какъ литературная личность подлежитъ всѣмъ измѣненіямъ вкуса, наконецъ, по прошествіи нѣкотораго времени утомляетъ именно самобытностью, оригинальностью своею, которая, когда люди привыкнутъ къ ней, скоро начинаетъ представляться имъ монотонностью. Гейне, какъ и Байронъ, именно вслѣдствіе огромнаго вліянія, какое они имѣли на свое время, непремѣнно должны были «выйти изъ моды». Для всѣхъ «вліятельныхъ» поэтовъ въ ближайшемъ будущемъ наступаетъ періодъ реакціи, и только уже впослѣдствіи общество, провѣряя кому чѣмъ оно обязано, вспоминаетъ о нихъ, какъ о законныхъ вождяхъ своихъ и отводитъ имъ приличное мѣсто въ своемъ уэстминстерскомъ аббатствѣ.

Когда самъ поэтъ доживаетъ до такой реакціи, когда онъ видитъ, что продолжатели, вышедшіе изъ-подъ его крыла, уже болѣе обращаютъ на себя вниманіе общества, чѣмъ онъ, потому что говорятъ ему языкомъ болѣе новымъ — то для него съ самаго момента этого сознанія начинается старческій возрастъ: онъ самъ перестаетъ понимать современниковъ и теряетъ увѣренность, безъ которой уже нѣтъ постояннаго, энергическаго служенія общественному дѣлу.

Съ Гейне были еще другія причины, ускорившія его старость и положившія конецъ такому служенію. Мы видѣли выше, что онъ, посвятивъ всего себя идеѣ свободы и равенства людей, свободѣ гражданской и свободѣ мышленія, никогда не ожидалъ спасенія всего общества отъ введенія или удержанія такой или иной формы правленія. Но когда въ переворотѣ 1848 года и въ очень скоро оказавшейся безплодности его, онъ увидѣлъ, что и самая идея политическихъ правъ далеко недостаточна для устраненія общественныхъ недуговъ, когда наросли новые люди и стали заявлять новыя требованія, онъ готовъ былъ соглашаться съ ихъ направленіемъ, покрайней мѣрѣ признавалъ реальность ихъ исходной точки и не разъ выражалъ положительную увѣренность, что будущее принадлежитъ имъ. Но тутъ-то онъ именно чувствовалъ себя устарѣвшимъ и ослабѣвшимъ; онъ не безъ страха сулилъ имъ будущее, а себя признавалъ уже неспособнымъ для борьбы подъ новымъ знаменемъ. Всѣ его признанія, послѣ 1848 года, носятъ отпечатокъ такого

«одно меня поддерживаетъ; это — мысль, что я сношу эти муки добровольно, что мнѣ стóитъ только протянуть руку за опіумомъ, принять дозу посильнѣе, и я не проснусь.... Сознаніе этой послѣдней свободы придаетъ мнѣ мужество и даже иногда развеселяетъ меня». Въ описаніи своей болѣзни, помѣщенной имъ самимъ въ «Аугсбургской газетѣ» въ 1848 году, такъ представляетъ онъ нравственное дѣйствіе болѣзни:... «прескверная болѣзнь, которая мучитъ меня день и ночь, и значительно потрясла не только мою нервную систему, но и систему мышленія. Въ иныя минуты, особенно когда спазмы въ позвоночномъ столбѣ начинаютъ слишкомъ куралесить, въ меня закрадывается сомнѣніе, въ самомъ ли дѣлѣ человѣкъ есть двуногое божество, какъ меня увѣрялъ въ томъ, лѣтъ двадцать пять назадъ, профессоръ Гегель въ Берлинѣ. Въ маѣ прошлаго года я слегъ въ постель и болѣе не вставалъ. Впродолженіе этого времени, сознаюсь въ томъ откровенно, со мною произошла большая перемѣна. Я теперь уже никакъ не двуногое божество; я уже не «самый свободный изъ нѣмцевъ послѣ Гёте», какъ называлъ меня Руге въ дни моего здоровья; уже не тотъ великій язычникъ № II..., не тотъ полный жизненной силы, нѣсколько дородный эллинъ, который усмѣхался нѣсколько свысока, глядя на назареевъ — я теперь просто бѣдный, смертельно-больной жидъ, исхудавшая фигура страданія, несчастный человѣкъ!»

Если при такомъ положеніи Гейне еще умѣлъ сохранить ясность ума и если порою къ нему возвращалась вся сила его поэтическаго таланта, весь юморъ, вся свѣжесть мечтаній, — то само собою разумѣется, что участвовать въ такомъ дѣлѣ, какъ общественная борьба, онъ уже не могъ; для нея онъ уже умеръ, и сама поэзія его «Романсеро», несмотря на блескъ свой, имѣетъ какой-то могильный характеръ.

Въ первое время своей болѣзни, онъ очень желалъ посѣтить Гамбургъ, но чтобы везти его такъ далеко, понадобился бы особаго устройства экипажъ, а на это не было средствъ. Гейне мало вѣрилъ врачамъ, неохотно и неаккуратно принималъ лекарства, и неуспѣхъ леченія относилъ къ неискусству французскихъ врачей. Въ одно лекарство онъ почему-то вѣрилъ, именно въ іодистое кали и принималъ его одно время исправно, но безъ результата. Изъ всѣхъ врачей наиболѣе довѣрялъ онъ венгерцу, доктору Грубы, котораго способъ леченья былъ такъ сказать либераленъ, то-есть, который не мучилъ его непріятными микстурами, соглашался на всѣ удовольствія, сколько-нибудь сообразныя съ положеніемъ больного и старался укрѣплять его нервы различными ваннами. Докторъ Грубы началъ лечить

Гейне съ 1849 года, принявъ его на свои руки въ такомъ положеніи, что больной былъ согнутъ дугою и не могъ ничего ѣсть; новому врачу удалось доставить больному хоть возможность сидѣть; сверхъ того, онъ возстановилъ его зрѣніе, уже совсѣмъ почти утраченное, и движеніе ручныхъ мышцъ.

Постель Гейне, которую онъ прозвалъ «перинною могилою», состояла изъ нѣсколькихъ перинъ, положенныхъ одна на другую, такъ какъ въ его состояніи онъ не могъ бы выносить ни малѣйшаго сопротивленія. Съ этой постели его брала на руки здоровая сидѣлка-мулатка и сажала въ ванну. «Меня въ Парижѣ все еще на рукахъ носятъ», шутилъ онъ. Послѣ ванны, онъ завтракалъ. Мы уже сказали, что одно время нервы языка были парализированы: тогда онъ вовсе не могъ различать вкуса: все казалось ему деревяннымъ. Но это состояніе впослѣдствіи прошло, и когда къ нему возвратился вкусъ, само собою разумѣется, что Гейне сдѣлался лакомкой, такъ какъ ѣда была единственное доступное ему удовольствіе. Между завтракомъ и обѣдомъ онъ принималъ посѣтителей, диктовалъ секретарю или слушалъ его чтеніе. Для чтенія онъ выбиралъ преимущественно описанія путешествій, собранія былинъ разныхъ народовъ и романы, которые онъ выписывалъ изъ Гамбурга и Кёльна, такъ такъ нѣмецкихъ книгъ въ Парижѣ въ то время было мало.

Къ работѣ при помощи диктовки онъ долго не могъ привыкнуть: старательность въ отдѣлкѣ формы особенно затруднялась при этомъ. «Надо не только слышать звукъ рѣчи, но и видѣть предъ собою архитектурный складъ періодовъ», сказалъ онъ разъ пріятелю своему Штару. И къ диктовкѣ онъ все-таки никогда не привыкъ совсѣмъ: онъ диктовалъ только письма и стихи, которые зарождались у него въ умѣ въ тѣ страшныя, безсонныя ночи, когда самъ морфій уже не дѣйствовалъ, онъ писалъ крупными каракулями на твердыхъ обертках книгъ, карандашемъ.

Изъ посѣтителей онъ болѣе всего любилъ женщинъ и дѣтей. Тѣ и другіе любили его, и къ дому, гдѣ онъ жилъ, каждый день подъѣзжало нѣсколько экипажей, изъ которыхъ выходили свѣтскія дамы, считавшія обязанностью развеселить умирающаго поэта. При этихъ посѣщеніяхъ онъ оживалъ вновь, молодѣлъ, голосъ его дѣлался тверже и рѣчь становилась увлекательною. Всѣ посѣтительницы его были француженки, кромѣ одной, именно — сестры Лассаля, г-жи Фридлендеръ, которой мужъ старался поправить денежныя дѣла Гейне спекуляціями. Дѣтямъ Гейне могъ долго разсказывать самыя фантастическія сказки.

Изъ земляковъ посѣщали больного поэта Альфредъ Мейсснеръ,

графъ Ауэрспергъ, Геббель, Шторъ, Фанни Левальдъ, Кольбъ—редакторъ аугсбургской газеты, Генрихъ Лаубе—драматическій писатель, князь Пюклеръ, композиторъ Фердинандъ Гиллеръ. Изъ французскихъ друзей въ послѣдніе годы поэта чаще другихъ посѣщали Александръ Дюма̀, Теофиль Готьѐ, Жераръ де-Нерваль и Сен-Ренѐ-Талльяндьѐ. Даже зашолъ самъ семидесятипятилѣтній Беранжѐ. Но посѣтители все рѣдѣли и рѣдѣли. Разъ, по долгомъ отсутствіи, зашелъ Берліозъ.—«Неужели ко мнѣ кто-то пришолъ?»—обратился къ нему Гейне; «Берліозъ вѣчно оригиналенъ!»—Другому пріятелю онъ сказалъ однажды въ 1855 году: «неправда ли баснословно, что я еще все живъ? Со стороны моихъ друзей требуется каучуковое терпѣніе, чтобы выдержать такую растянутость.» Изъ родственниковъ своихъ, Гейне видѣлся въ 1851 со старшимъ своимъ братомъ, Густавомъ, въ 1852 году съ младшимъ братомъ Максимиліаномъ (русскимъ военнымъ докторомъ), въ 1855 году съ сестрою своею Шарлоттою.

Гейне былъ убѣжденъ, что самая болѣзнь его, и все еще державшаяся жизнь надоѣли свѣту. «Да живъ ли я еще? спрашивалъ онъ. Могила безъ спокойствія, смерть безъ привилегій покойниковъ, которымъ не нужно расходовать денегъ и писать письма, сочинять книги—это плачевное состояніе. Мнѣ уже давно сняли мѣрку для гроба, равно для некролога, но я умираю такъ медленно, что это дѣлается просто несноснымъ для друзей. Но немножко терпѣнія—на все бываетъ конецъ, и въ одно утро вы увидите, что заперта та лавочка, въ которой васъ такъ часто веселили кукольныя представленія моего юмора.»

Истиннымъ счастіемъ для послѣднихъ лѣтъ поэта была жена его. Г-жа Матильда Гейне съ неутомимою преданностью ухаживала за нимъ и услаждала его жизнь своей наивной, глубокой привязанностью и своимъ дѣтски-веселымъ характеромъ. Для больного было хорошо и то, что она никогда не вѣрила въ близость опасности. Это и его поддерживало въ трудныя минуты, и всегда утѣшало его по отношенію къ ней самой. Онъ постоянно уговаривалъ ее развлекаться, ходить въ гости, ходить гулять, а между тѣмъ, когда она отлучалась, онъ былъ неспокоенъ, иногда даже предавался какой-то фантастической, совсѣмъ безпричинной ревности: «что̀ мнѣ дѣлать, приходится положиться на судьбу и волю Божію. Могу ли я, больной человѣкъ, конкуррировать съ полумилліоннымъ населеніемъ?»

Свою мать Гейне заботливо держалъ въ полной неизвѣстности о своемъ положеніи. Она все жила въ Гамбургѣ, и въ уединеніи своемъ, не читая газетъ, и не видя никого изъ пріѣзжихъ,

никогда и не узнала правды. Сынъ писалъ ей аккуратно разъ въ мѣсяцъ и сочинялъ самыя веселыя письма, а такъ какъ онъ долженъ былъ диктовать ихъ, то объяснялъ это постоянно одною слабостью зрѣнія. Заботливость о томъ, чтобы скрыть отъ матери свои страданія, Гейне простиралъ до того, что приказывалъ издателю своему Кампе непремѣнно вырѣзать изъ своихъ новыхъ сочиненій, въ экземплярахъ назначенныхъ для старушки, всѣ тѣ листы, гдѣ онъ упоминалъ о своемъ собственномъ положеніи.

Еще гораздо болѣе чѣмъ физическая живучесть Гейне была его живучесть умственная. Спазмы въ спинномъ хребтѣ бывали иногда таковы, что весь корпусъ больного изгибался спиралью и послѣ такого припадка онъ лежалъ нѣкоторое время въ безпамятствѣ, совершеннымъ мертвецомъ. Но какъ только онъ могъ опять шевелить губами, онъ начиналъ говорить, какъ будто ничего не бывало. Удивительное психическое явленіе былъ этотъ человѣкъ, который, чувствуя себя слѣпымъ, говорилъ: «теперь я еще лучше буду пѣть, какъ соловей, когда ему выжгли глаза», который въ ужасномъ своемъ положеніи, подъ бременемъ нестерпимыхъ страданій, жившій только благодаря постоянному употребленію морфія, принимаемаго въ такихъ дозахъ, что онѣ причиняли періодическую рвоту, — могъ все еще такъ свѣтло мыслить, такъ горячо любить, такъ шутить, издѣваясь надъ своей болѣзнью и надъ судьбою человѣка вообще. Сломано было только одно — энергія убѣжденія; ослабла вѣра въ призваніе, не доставало духа защищать прежніе принципы съ прежнею силой. Но острый умъ и поэтическій геній блистали полнымъ своимъ блескомъ въ этомъ полу-трупѣ, до конца. Замѣтимъ еще, что его не могло поддержать то что могло бы поддерживать другого:

Und ist man todt, so muss man lang
Im Grobe liegen; ich bin bang,
Ja ich bin bang, das Auferstehen
Wird nicht so schnell von Statten gehen.....

«Если ужъ человѣкъ непремѣнно нуждается въ вѣчномъ застрахованіи жизни, пусть утѣшаетъ себя всемірною исторіею», — саркастически замѣтилъ онъ въ философскомъ разговорѣ съ Генрихомъ Лаубе и Александромъ Вейллемъ.

Отреченіе Гейне отъ пантеизма и обращеніе его къ христіанскому ученію есть фактъ, въ которомъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ онъ самъ не разъ высказывалъ его въ послѣдніе годы, объясняя, что «богъ пантеистовъ неудовлетворителенъ, ибо сросся съ природою, и когда къ нему обращаешься, такъ онъ только зѣваетъ.» Несомнѣнно также и то, что возвратив-

шись къ духу христіанскаго ученія, Гейне не могъ однако принять ученія ни одной церкви, и въ завѣщаніи своемъ выразилъ положительное желаніе, чтобы въ погребеніи его не участвовало никакое духовное лицо, какой бы то ни было церкви. Но вообще на этомъ чѣмъ менѣе останавливаться, тѣмъ лучше: самъ Гейне впередъ выразилъ недовѣріе къ позднимъ обращеніямъ, и лежа на постели, съ которой не всталъ, говорилъ, что «для здоровыхъ есть одна религія, а для больныхъ другая.»

Но для сколько-нибудь точной исторіи настроеній Гейне необходимо указать еще на два отзыва его, высказанные незадолго до смерти. Въ бесѣдѣ съ Штаромъ, Гейне сказалъ ему: «Разсудкомъ я совершенно убѣждаюсь въ полномъ прекращеніи нашего существованія, но чувство мое не можетъ вмѣстить этого убѣжденія. Я не могу обнять этого, пока я еще—есть. И думаю, что только эгоисты могутъ вполнѣ освоиться съ такою мыслью. Съ сердцемъ любящимъ она несовмѣстима, что̀ бы ни говорилъ умъ. Я, напримѣръ, не въ состояніи вообразить себѣ, что долженъ буду окончательно покинуть мою жену; и я всегда говорю ей, что буду посѣщать ее, въ формѣ совсѣмъ невидимой—ибо она боится привидѣній и проситъ меня не приходить—и буду держать въ порядкѣ ея дѣла̀, что̀ она сама не умѣетъ.»—Въ одномъ письмѣ же, къ Кампе, Гейне даже высказывалъ желаніе, чтобы въ дальнѣйшихъ изданіяхъ «Мемуаровъ Шнабелевопскаго», были выпущены всѣ мѣста, заключающія въ себѣ кощунство. «Я не сдѣлался ханжей, писалъ онъ, но все-таки не желаю шутить тѣмъ, что относится до Бога; въ отношеніи къ Богу я хочу быть честнымъ, какъ и въ отношеніяхъ къ людямъ, и все что еще оставалось у меня изъ прежняго кощунственнаго періода, самые прекрасные ядовитые цвѣты я вырвалъ твердою рукою, и благодаря моей физической слѣпотѣ, можетъ быть бросилъ при этомъ въ каминъ и нѣкоторыя невинныя растенія, бывшія въ сосѣдствѣ съ тѣми. Когда все это хрустѣло подъ огнемъ въ каминѣ, мнѣ, признаюсь, сдѣлалось весьма странно; я не зналъ навѣрное, что̀ я такое былъ въ эту минуту—герой или сумасшедшій; и въ тоже время мнѣ слышалось утѣшительное нашептываніе какого-то Мефистофеля—что за сожженное я получу гораздо лучшій гонораръ, чѣмъ сколько бы мнѣ далъ Кампе, да притомъ и за корректурой смотрѣть не надо, и торговаться съ вами не надо будетъ за это исчисленіе, какъ за пару старыхъ штановъ.» Все выше приведенное достаточно для оцѣнки «Признаній» Гейне.

Въ 1854 году, по случаю появленія въ Парижѣ холеры, Гейне

поселился въ предмѣстьѣ Парижа—Batignolles, въ домѣ съ садомъ, потомъ простудился, выдержалъ операцію срѣзанія нароста на спинѣ и переѣхалъ въ Avenue Matignon, № 3, близъ Champs-Elysées. Эта квартира была на высотѣ болѣе ста ступеней; въ спальнѣ Гейне былъ балконъ съ маркизою; квартира была свѣтлая и покойная, такъ какъ уличный стукъ умѣрялся высотою. Съ 1854 по 1855 годъ положеніе больного ухудшалось разными компликаціями простуды. Замученный, кромѣ всегдашнихъ болей, еще катарромъ, Гейне на вопросъ врача: «pouvez-vous siffler?»—отвѣчалъ: «Helas non! pas même les pièces de M. Scribe.» Въ этомъ же году его оставилъ давнишній секретарь его Рейнгардъ, ставшій ему другомъ; его мучили еще несогласія съ Кампе, по поводу платы за «Vermischte Schriften».

Положеніе его не улучшилось и въ слѣдующемъ году. Въ этомъ году, Гейне обязанъ былъ свѣтлыми минутами одной увлекательной, красивой и умной дѣвушкѣ, нѣмкѣ, которую онъ въ запискахъ къ ней называетъ не иначе, какъ «Mouche». Шутки и кокетничанье съ нею—вотъ чѣмъ занимался онъ въ интервалахъ боли; разговоры и переписка его съ «Mouche» были самаго ребяческаго характера, иногда смѣшны до шутовства, иногда таинственно-фантастичны—до безумія. Гейне въ это время уже постоянно примѣшивалъ въ своемъ воображеніи гробовыя картины, и даже своей утѣшительницѣ «Mouche» онъ посвятилъ стихотвореніе, въ которомъ самъ поэтъ изображается мертвымъ, лежащимъ въ гробу, а она цвѣткомъ, склонившимся на гробъ возлюбленнаго:

. . . .
Frag, was er strahlet, den Karfunkelstein,
Frag, was sie duften, Nachtviol' und Rosen—
Doch frage nie, wovon im Mondenschein
Die Marterblume und ihr Todter kosen!

Въ началѣ января 1856 года, онъ писалъ къ «Mouche»: «я сильно страдаю и раздражителенъ до смерти. И правый глазъ закрывается, и я ужъ почти не въ состояніи писать. Слезливое настроеніе одолѣваетъ меня. Сердце мое спазматически зѣваетъ. Эти baillements невыносимы. Хотѣлъ бы я быть уже мертвымъ. Глубочайшее мученіе! имя тебѣ — Г. Гейне!»

Вотъ послѣдняя записка его къ «Mouche»; она писана въ половинѣ января: «любезный другъ, я все еще вожусь съ головною болью, которая пройдетъ пожалуй только завтра, такъ что достолюбезную я увижу не ранѣе послѣзавтра. Что за горе! Я такъ боленъ, такъ боленъ! My brain is full of madness and my heart is full of sorrow! Никогда не было поэта столь жалкаго при счастьи, которое нарочно смѣется надъ нимъ. Прощай!»

Вотъ какъ описываетъ конецъ его Мейсснеръ:

«Съ нимъ сдѣлалась рвота, которая продолжалась три дня и не могла быть остановлена никакими средствами; тогда всѣ окружающіе поняли, что на этотъ разъ Гейне долженъ умереть. Огромныя дозы морфія, которыя онъ постепенно привыкъ принимать, причиняли ему и прежде подобные припадки, но никогда еще они не бывали такъ сильны и неудержимы. Но онъ все-таки не падалъ духомъ и думалъ, что и изъ этой борьбы выйдетъ живымъ. Онъ сталъ составлять новое завѣщаніе, но остановился на первомъ же параграфѣ. Впрочемъ, онъ оставался въ полной памяти и даже шутливость не оставляла его. За нѣсколько часовъ до его кончины, вбѣжалъ въ комнату одинъ знакомый, чтобы еще разъ повидаться съ нимъ. Тотчасъ какъ вошелъ, онъ обратился къ Гейне съ вопросомъ, приготовилъ ли онъ себя, въ религіозномъ отношеніи. Гейне улыбнулся и сказалъ: «будьте спокойны; Dieu me pardonnera, c'est son métier!» Такъ наступила послѣдняя ночь, съ 16 на 17 февраля. Когда вошелъ докторъ, Гейне спросилъ, умретъ ли онъ теперь. Докторъ Грубы счелъ себя обязаннымъ не скрывать отъ него правды. Больной выслушалъ это извѣстіе совершенно спокойно. Въ четыре часа утра, въ воскресенье онъ испустилъ духъ. Матильда (г-жа Гейне) легла отдохнуть въ часъ пополуночи, и увидѣла его уже когда онъ былъ мертвъ. Мертвый, онъ былъ такъ прекрасенъ, какъ никогда при жизни; самъ врачъ замѣтилъ, что ему не случалось видѣть, чтобы даже молодыя лица смерть озаряла такою красотой. Съ него вылили маску, которая вѣрно удержала эти черты.»

Приведемъ еще цѣликомъ описаніе Штродтманна: «Похороны Гейне происходили 20 февраля, въ холодное, сѣрое и туманное зимнее утро, въ 11 часовъ. Поэтъ въ послѣднее время жизни еще нѣсколько разъ повторилъ выраженное и въ его завѣщаніи желаніе, чтобы его похоронили не на пышномъ и шумномъ кладбище Père Lachaise, а у подножья тихаго Монмартра, на кладбищѣ всѣхъ изгнанниковъ и жертвъ преслѣдованія... гдѣ лежатъ Манинъ, и Арманъ Маррастъ, и Годфруа Кавеньякъ, Ари Шефферъ и Галеви. Гейне приказывалъ также, чтобы его хоронили безъ всякой пышности, безъ всякаго религіознаго обряда, и высказалъ положительно желаніе, чтобы на его могилѣ не произнесено было рѣчей. Должно было буквально осуществиться то, что онъ сказалъ:

Keine Messe wird man singen,
Keinen Kadosch wird man sagen,
Nichts gesagt und Nichts gesungen
Wird an meinen Sterbetagen!

Не болѣе сотни человѣкъ, между которыми четыре пятыхъ было нѣмцевъ, слѣдовали за необыкновенно-большимъ и тяжелымъ гробомъ, содержавшимъ легкую оболочку нѣмецкаго поэта, опускаемаго въ французскую почву. Процессію вели французскій писатель Поль Жюліà и главный редакторъ «Раув», Жозефъ Коэнъ, который женатъ на двоюродной сестрѣ Гейне. Безмолвно опустили гробъ во временной склепъ—Александръ Дюма громко плакалъ; вокругъ могилы стояли Теофиль Готьè, Поль де Сен-Виктòръ, Александръ Вейлль и кружокъ нѣмецкихъ журналистовъ и писателей. Простой камень, съ именемъ поэта на гладкой мраморной плитѣ, означаетъ его могилу, которая не украшена даже ивою. Вмѣсто живыхъ цвѣтовъ, у подножья камня лежатъ некрасивые вѣнки изъ стеклянныхъ бусъ, какіе продаются въ лавкахъ, торгующихъ траурными принадлежностями.» Въ заключеніе, Штродтманнъ утѣшаетъ себя всемірною славою Гейне, который переведенъ теперь на всѣ языки, отчасти даже на японскій, и съ гордостью вспоминаетъ, на какомъ языкѣ писалъ великій поэтъ. Но во всякомъ случаѣ у него нѣтъ того утѣшенія, чтобы онъ могъ упомянуть въ своей книгѣ, что̀ сдѣлала нація, говорящая этимъ языкомъ, хотя бы для облегченія послѣднихъ лѣтъ жизни своего поэта, «опущеннаго въ французскую почву» потому именно, что эта почва дала гостепріимный пріютъ ему при жизни.

Записки Гейне до сихъ поръ не напечатаны, и неизвѣстно, будутъ ли онѣ напечатаны когда-либо. Гейне работалъ надъ ними съ 1837 года и намѣренъ былъ, по собственному его отзыву, сдѣлать изъ нихъ большое сочиненіе о современныхъ ему событіяхъ и людяхъ, включить въ нихъ, какъ онъ писалъ Кампе въ томъ году: «германскія дѣла до іюльской революціи, результаты моего пребыванія въ очагѣ политической и соціальной революціи, результаты тѣхъ изученій моихъ, которые всего дороже обошлись мнѣ и сто̀или наиболѣе горя, однимъ словомъ ту книгу, которой именно ждутъ отъ меня.» О судьбѣ этихъ записокъ все еще не слышно, съ тѣхъ поръ какъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что онѣ проданы семействомъ Гейне австрійскому правительству и помѣщены въ пропасть австрійскаго государственнаго архива. Братъ Генриха Гейне, докторъ русской службы, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» ни словомъ не опровергаетъ этого возмутительнаго извѣстія.

Л. Полонскій.

ВРЕМЕНА РЕАКЦІИ

(1820 — 1830.)

Blätter aus der preussischen Geschichte, von *K. A. Varnhagen von Ense*. 5 Bde. Leipzig, 1868—1869.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Имя Фарнгагена фонъ-Энзе (1785 — 1858) очень популярно въ нѣмецкой литературѣ. При жизни, въ немъ цѣнили не только талантливаго писателя, но и живую лѣтопись нѣмецкой литературы и общественнаго движенія за первую половину столѣтія. Въ своей долгой и, въ началѣ, очень подвижной и разнообразной жизни, Фарнгагенъ видѣлъ много замѣчательныхъ людей и событій, и изъ своего опыта вынесъ много впечатлѣній и воспоминаній. Послѣ его смерти, въ нѣмецкой литературѣ возбудили самый живой интересъ его переписка и многотомные дневники, часть которыхъ составляютъ и названные въ заглавіи «Листки изъ прусской исторіи». Почти день за день, въ теченіе своей долгой жизни Фарнгагенъ записывалъ видѣнное и слышанное; а онъ стоялъ близко къ центрамъ, съ одной стороны — правительственной дѣятельности, съ другой—литературной и общественной жизни Германіи: правдивый наблюдатель, онъ былъ безпристрастнымъ судьей событій; въ дневникѣ, веденномъ не для печати, онъ не скрывалъ того, что всего чаще скрываетъ печать, стоящая подъ оффиціальной опекой,—понятно, что для нѣмецкаго читателя дневники Фарнгагена, идущіе съ двадцатыхъ и до пя-

тидесятыхъ годовъ, нерѣдко имѣли животрепещущій интересъ. Во многихъ случаяхъ, эти дневники любопытны и для русскаго читателя.

Прежде чѣмъ перейти къ названной книгѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ авторѣ. Фарнгагенъ можетъ служить довольно типическимъ представителемъ того поколѣнія, которое переносило въ новую жизнь традиціи восемнадцатаго вѣка, которое еще испытывало впечатлѣнія революціоннаго возбужденія и своимъ стремленіемъ къ общественной свободѣ сберегло элементы развитія, которымъ грозила такая опасность во времена европейской реакціи. Наиболѣе дѣятельная и энтузіастическая роль этого поколѣнія принадлежитъ періоду войнъ за освобожденіе, но потомъ она была болѣе пассивная: этимъ людямъ не было мѣста на общественной аренѣ, и ихъ стремленія главнымъ образомъ перешли въ литературу, сохранявшую ихъ идеалъ. Фарнгагенъ былъ родомъ изъ рейнскихъ провинцій; въ первые годы его молодости, проведенной въ сосѣдствѣ съ Франціей, отчасти въ Страсбургѣ, еще совершались послѣднія вспышки революціи. Отецъ его, по профессіи медикъ, человѣкъ съ большимъ образованіемъ въ характерѣ XVIII-го вѣка, горячо сочувствовалъ освободительному движенію, попалъ черезъ это въ число подозрительныхъ людей, подвергся изгнанію изъ своего Дюссельдорфа и поселился въ Гамбургѣ. Фарнгагенъ-сынъ очень рано испыталъ вліяніе этого бурнаго времени. Въ Гамбургѣ общество его отца состояло изъ людей одного съ нимъ образа мыслей; это были люди прочнаго закала, знавшіе практическую жизнь, свободные отъ предразсудковъ, но не потерявшіе идеаловъ вѣка «философіи»; ихъ вліяніе отразилось на умственномъ характерѣ Фарнгагена. Еще мальчикомъ, Фарнгагенъ восторгался Лафайетомъ, когда послѣдній пріѣхалъ въ Гамбургъ въ 1797 году. Образованіе его шло своимъ чередомъ; онъ быстро усвоилъ обычныя школьныя знанія, и предназначенный отцомъ къ той же медицинской карьерѣ, онъ уже съ двѣнадцати лѣтъ сталъ заниматься анатоміей, и въ тоже время читалъ латинскихъ классиковъ и писалъ стихи. По смерти отца (1799), онъ поступилъ въ медицинскую школу въ Берлинѣ, но занятія медициной не помѣшали ему сдѣлаться пламеннымъ послѣдователемъ Канта, философія котораго производила тогда сильное умственное, и едва ли не болѣе—нравственное, дѣйствіе на молодые умы. Перессорившись съ властями, Фарнгагенъ оставилъ свою школу и занялъ мѣсто домашняго учителя въ одномъ богатомъ семействѣ и отдался своимъ литературнымъ вкусамъ, которымъ его обстановка очень благопріятствовала. Въ молодомъ

кружкѣ, который здѣсь образовался, господствовали романтико-философскія тенденціи времени: философія Канта, а потомъ Фихте, романтическая поэзія и критика поглощали ихъ интересы; «Вильгельмъ Мейстеръ» былъ настольной книгой; жизнь понималась какъ художественная задача, и фантазія находила исходъ въ стихотворствѣ. Уже съ этого времени, съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, начинаются личныя связи Фарнгагена со многими изъ главныхъ представителей тогдашней литературы. Вмѣстѣ съ Шамиссо, онъ издалъ уже въ 1804 г., по тогдашней модѣ, альманахъ, въ которомъ принялъ участіе и Фихте. Но Фарнгагенъ чувствовалъ однако, что ему недостаетъ еще многаго для серьезности образованія; онъ сталъ учиться погречески и въ 1805 г. поступилъ въ университетъ въ Галле. Онъ еще прежде познакомился съ Клейстомъ, оріенталистомъ Клапротомъ, у котораго учился по-персидски, съ философомъ Якоби; въ Галле онъ видѣлъ и зналъ Штрауса, Людвига Бёрне, Карла Раумера, Ахима Арнима, Фуке; въ университетъ его особенно привлекали Стефенсъ, Шлейермахеръ и знаменитый филологъ Ф. А. Вольфъ. Такимъ образомъ онъ стоялъ въ самомъ разгарѣ тогдашняго умственнаго движенія, видѣлъ близко людей, въ которыхъ выразилось и готовилось столько разнообразныхъ стремленій. Наполеоновское нашествіе и сраженіе при Іенѣ прервали эту оживленную академическую дѣятельность. Галльскій университетъ закрылся и лучшіе его представители переселились въ Берлинъ, куда переѣхалъ и Фарнгагенъ. Политическія событія дали ему первый сильный толчекъ; открывши передъ нимъ несостоятельность стараго нѣмецкаго порядка вещей, онѣ положили основаніе его позднѣйшимъ политическимъ мнѣніямъ. Онъ продолжалъ въ Берлинѣ свои научныя и литературныя занятія, и въ 1808 г. отправился оканчивать свой университетскій курсъ въ Тюбингенъ. Между тѣмъ готовилась австрійская война съ Наполеономъ (1809 г.). Казалось, Австрія готовила обширное народное возстаніе, и когда было дано сраженіе при Асперне, Фарнгагенъ бросилъ Тюбингенъ и отправился въ австрійскую армію. Принятый въ службу прапорщикомъ, онъ въ первой встрѣчѣ съ французами вызвался въ числѣ охотниковъ впередъ, былъ раненъ и потомъ въ госпиталѣ былъ захваченъ французами, которымъ онъ понадобился какъ переводчикъ. Размѣненный во время перемирія, онъ жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ между прочимъ пріобрѣлъ знакомства въ высшемъ вѣнскомъ кругу; затѣмъ онъ отправился къ своему полку въ Венгрію, гдѣ ему удалось смѣло и счастливо примѣнить свои медицинскія свѣдѣнія и спасти жизнь своему полковнику, графу Бентгейму, который

вслѣдствіе того сталъ его другомъ и покровителемъ въ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ нимъ, Фарнгагенъ отправился въ 1810 г. въ Парижъ; здѣсь, несмотря на свой маленькій военный чинъ, онъ вращался въ высшемъ кругу и познакомился со многими замѣчательными людьми той эпохи, между прочимъ съ Меттернихомъ. Но главнѣйшей достопримѣчательностью Парижа былъ для него «парижскій пустынникъ», нѣмецкій графъ Шлабрендорфъ,— нѣкогда товарищъ и другъ Штейна, аристократъ по рожденію, демократъ и республиканецъ по убѣжденіямъ, циникъ въ жизни и искренній филантропъ. Для Фарнгагена онъ сталъ предметомъ теплой привязанности и былъ его оракуломъ въ смутныхъ политическихъ вопросахъ времени.

Воротившись въ Германію, онъ имѣлъ случай пріобрѣсти знакомство Штейна, въ которомъ сосредоточивалась тогда вся нѣмецкая ненависть къ Наполеону и французскому господству. Бывшій министръ жилъ тогда, въ своей невольной отставкѣ, въ Прагѣ; по словамъ Фарнгагена, Штейнъ, которому онъ признался въ своемъ невѣжествѣ въ государственныхъ наукахъ, читалъ ему формальныя лекціи о государственномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ собиралась гроза 1812 года. Фарнгагенъ оставилъ австрійскую службу, предвидя, что ему пришлось бы служить Наполеону. Нѣмецкіе патріоты отправлялись въ Россію; туда отправились Штейнъ и Арндтъ; Теттенборнъ, Валльмоденъ, Пфуль, Клаузевицъ вступили въ русскую армію. Фарнгагенъ рѣшился служить въ Пруссіи, и остался въ ожиданіи событій въ Берлинѣ; и когда война перешла на нѣмецкую почву, Фарнгагенъ вступилъ въ отрядъ Теттенборна. Онъ раздѣлялъ съ тѣхъ поръ всѣ походы знаменитаго партизана съ его казаками, въ Германіи и во Франціи; онъ сталъ тогда же и историкомъ этихъ походовъ. Въ 1814 г. онъ былъ въ Парижѣ свидѣтелемъ первой реставраціи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ опять въ Парижѣ, состоя при Гарденбергѣ; онъ снова посѣщалъ Шлабрендорфа и поучался у него общественно-политической мудрости; въ обществѣ г-жи Сталь онъ видѣлъ императора Александра.

Между тѣмъ расположеніе Гарденберга къ нему измѣнилось, и въ 1816 г. Фарнгагена назначили прусскимъ резидентомъ въ баденскомъ герцогствѣ. Здѣсь онъ опять встрѣтился съ своимъ Теттенборномъ, познакомился съ Ростопчинымъ, любопытную характеристику котораго оставилъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». По своему военному поприщу, пройденному съ честью въ патріотическую войну, по своей дальнѣйшей оффиціальной дѣятельности, наконецъ какъ рано замѣченный талантливый писа-

тель и публицистъ, Фарнгагенъ вообще уже съ этого времени имѣлъ множество знакомствъ и связей, и обширную почву для наблюденій какъ въ политической жизни, такъ и въ литературѣ.

Въ 1814 году, онъ вступилъ въ бракъ съ знаменитой въ то время женщиной, Рахелью Левинъ. Она не была писательницей; только послѣ ея смерти издана была ея переписка съ многочисленными друзьями; но она играла замѣтную роль въ литературной жизни того времени, какъ женщина съ замѣчательнымъ умомъ, блестящимъ и оригинальнымъ. Рахель была лѣтъ на пятнадцать старѣе Фарнгагена, но ея умъ и дарованія давали ей сильную привлекательность; между ея многочисленными друзьями и почитателями были и лучшіе представители нѣмецкой науки и литературы, одинаково изъ старыхъ и новыхъ поколѣній, назовемъ напр. Гумбольдта и Гейне.

Такъ обставлена была жизнь Фарнгагена. Между тѣмъ произошелъ Вартбургскій праздникъ, на которомъ нѣмецкое студенчество праздновало годовщину реформаціи, а потомъ устроило, въ сущности шутливое, ауто-да-фе реакціонныхъ и обскурантныхъ книгъ. Это сочтено было за опасную политическую демонстрацію. Затѣмъ вскорѣ послѣдовало убійство Коцебу, и реакція, которая до тѣхъ поръ не находила достаточнаго предлога, развернулась теперь вполнѣ и пустила въ ходъ всѣ средства, какія могла придумать, для подавленія либеральнаго духа и предполагавшихся революцій. Карлсбадскія конференціи постановили цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ университетовъ, ввели цензуру для обузданія литературы, и «центральная слѣдственная коммиссія», устроенная въ Майнцѣ по поводу дѣла Занда, принялась разыскивать по всей Германіи такъ-называемые «демагогическіе происки» (demagogische Umtriebe), хотя слѣдствіе на первыхъ же порахъ должно было придти къ убѣжденію, что дѣло Занда было фактомъ совершенно исключительнымъ. Преслѣдованіе «происковъ» и тайныхъ обществъ стало наконецъ преслѣдованіемъ цѣлаго «духа времени», въ которомъ реакціи ненавистно было все движеніе умовъ, стремившееся къ общественному освобожденію. Люди, съ энтузіазмомъ дѣйствовавшіе во время войнъ за освобожденіе, люди, оказавшіе тогда существенную услугу національному дѣлу, передъ которымъ тогда правительства оказывались безсильны, теперь становились подозрительными, попадали подъ слѣдствія; тюрьмы переполнялись молодежью, единственная вина которой была въ обыкновенномъ юношескомъ увлеченіи благородно-фантастическими идеалами. Это преслѣдованіе коснулось отчасти и Фарнгагена; правда, противъ него не оказывалось обвиненій, но его образъ мыслей былъ болѣе или менѣе неодоб-

рителенъ съ реакціонной точки зрѣнія, и его хотѣли удалит почетнымъ образомъ, назначивъ его резидентомъ въ Сѣв.-Аме риканскіе Штаты. Но онъ предпочелъ отказаться и остался в Берлинѣ. Впослѣдствіи онъ мало-по-малу опять началъ свои слу жебныя занятія у Бернсторфа, по иностранному министерству.

На этомъ пунктѣ, на реакціи со времени Карльсбадских конференцій, начинается изданная теперь часть дневника Фарн гагена. Эти пять томовъ обнимаютъ десять лѣтъ, 1820—1830

Дальнѣйшая біографія Фарнгагена не представляетъ внѣшне занимательности. До конца жизни онъ прожилъ въ Берлинѣ, з исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ путешествій, отдава свое время главнымъ образомъ литературѣ. Какъ писатель, он уже съ перваго вступленія на литературное поприще обратил на себя вниманіе своими историческими разсказами и публицис тическими статьями. Онъ писалъ много: это были критическі и политическія статьи, разсказы, историческія монографіи, сти хотворенія, но главную извѣстность доставили ему мастерскі историческіе очерки и біографіи. Его «Воспоминанія» (Denk würdigkeiten), гдѣ онъ разсказываетъ о событіяхъ, которых былъ свидѣтелемъ или и дѣйствующимъ лицомъ, до сихъ пор полны интереса, несмотря на огромную литературу объ этих временахъ. Такъ, въ томъ отдѣлѣ «Воспоминаній», которы относится къ десятымъ и двадцатымъ годамъ, передъ читателем проходятъ мастерскія картины событій и общественной жизн этого времени — партизанскія похожденія Теттенборна, парижская жизнь 1814—1815 годовъ, Вѣнскій конгрессъ, замѣчател ныя личности эпохи: Александръ, Наполеонъ, Меттерних Штейнъ, Генцъ, Шлабрендорфъ, Ростопчинъ, и т. д. Мѣтка наблюдательность, большое искусство изложенія даютъ разсказам Фарнгагена занимательность романа. Его жизнеописанія, въ осо бенности замѣчательныхъ военныхъ людей Пруссіи — Блюхер Бюлова, Кейта, Шверина—считаются классическими произве ніями біографіи.

Нѣсколько томиковъ «Воспоминаній» издано было еще в тридцатыхъ годахъ; но только послѣ его смерти стали появлять въ печати разныя части его дневника. Первое появленіе это «Дневника» (Tagebücher), издаваемаго его племянницей Людмил Асингъ и дошедшаго теперь до 1854 года (11-й томъ), подня противъ издательницы цѣлую бурю. Въ дневникѣ Фарнгаге конечно высказывался прямо и заносилъ въ него много веще о которыхъ многіе (и въ томъ числѣ правительство) желали б чтобы вовсе не говорилось или говорилось совсѣмъ иначе. Г-ж Асингъ сдѣлали процессъ и кажется приговорили ее къ тюре

ному заключенію; она предпочла уѣхать изъ Берлина и поселилась во Флоренціи,—захвативъ съ собою матеріалы. Они продолжаютъ выходить въ Лейпцигѣ, въ изданіи Брокгауза.

«Листки», изданные теперь, составляютъ, какъ мы сказали, часть (начало) этого дневника за 1820—1830 годы, классическій періодъ реакціи. Въ предисловіи издательница слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это время, представляющее такой странный контрастъ съ нравами современной политической жизни свободныхъ европейскихъ государствъ.

«Подавленная произволомъ, стѣсненная полицейскими стѣнами жизнь тогдашней прусской націи влачилась вяло и повсюду встрѣчала препятствія. Намъ кажется теперь точно сказкой — какъ все тогда было не позволеннымъ, все запрещалось, все подлежало наказанію, все было страшно. Какъ будто миѳическими существами являются передъ нами цензоры, герои тогдашняго полицейскаго государства, повелители порабощенной печати. Книги, сочиненія цѣлые мѣсяцы, даже цѣлые годы остаются въ ихъ когтяхъ; тысячи статей безжалостно уничтожаются ихъ ножницами, точно суда, которыя разбиваются о скалы бурнаго моря! И никакого телеграфа, который бы приносилъ свѣжія извѣстія изъ-за границы, никакой желѣзной дороги, которая быстро сближала бы людей. Только одни тихія, пустынныя почтовыя дороги, украшаемыя паспортными и таможенными привязками, и гдѣ самое быстрое сообщеніе составляютъ курьеры, которые секретно перевозятъ правительствамъ ихъ эстафеты. «Какія извѣстія они привезли? Что случилось?» спрашиваетъ публика въ лихорадочномъ возбужденіи. Но увы! когда наконецъ новости, послѣ долгой проволочки, являются, съ разрѣшенія высшихъ сферъ, въ газетахъ, то въ лучшемъ случаѣ, онѣ уже устарѣли, а обыкновенно—невѣрны! Изуродовать истину гораздо легче, когда нѣтъ ни свободной печати, ни телеграфа, которые бы безпощадно обличили обманъ; и потому дипломатія, всегда великая въ этомъ ремеслѣ—хотя часто *только* въ этомъ—безпрепятственно занимается имъ. Такимъ образомъ ложь принимаетъ громадные размѣры, но духъ времени все-таки не даетъ подчинить себя, и озабоченная дѣятельность дипломатическихъ и полицейскихъ душъ пропадаетъ задаромъ. Чего не узнаютъ черезъ публичность, то узнаютъ наконецъ частнымъ путемъ, и шопотомъ передаютъ другъ другу. Порядочные люди въ странѣ принимаютъ участіе въ преслѣдуемыхъ патріотахъ, въ студентахъ, засаженныхъ въ тюрьмы за такъ-называемые «происки»; они съ теплой симпатіей, доходящей до пламеннаго одушевленія, смотрятъ на метеоры, которые вспыхиваютъ въ другихъ странахъ: на свободныя движенія неа-

политанцевъ, грековъ, испанцевъ и португальцевъ. Между тѣмъ правительство дрожитъ предъ горящими искрами, которыя заносятся оттуда и грозятъ произвести пожаръ во всемъ его зданіи у него всегда столько же страха, сколько и власти. Наконецъ наконецъ являются предостерегающіе признаки изъ Франціи Правительство Карла X, все болѣе и болѣе враждебное свободѣ и приводящее въ восторгъ прусскихъ ультра (т. е. ультра-консерваторовъ), заставляетъ людей благоразумныхъ и образованныхъ предвидѣть предстоящій кризисъ: Фарнгагенъ уже задолго впередъ пророчитъ новое возстаніе французовъ за свободу, и предвѣщаетъ, что Бурбонамъ опять скоро придется «отправиться въ дорогу». И въ самомъ дѣлѣ, въ Парижѣ вдругъ, какъ великолѣпный фейерверкъ вспыхиваетъ іюльская революція, и съ ней начинается новое время. Это великое событіе драматически завершаетъ настоящіе «Листки».

«Но возвратимся къ прусскимъ внутреннимъ отношеніямъ. Среди искусственнаго, насильственнаго спокойствія берлинской жизни большое мѣсто занимаетъ дворъ и окружающая его суматоха дипломатическаго, чиновничьяго и аристократическаго общества. Мы видимъ наивнаго короля, съ чертами добродушія и даже сердечности, которыя иногда возбуждаютъ къ нему народную любовь, но не имѣющаго достаточно проницательности, чтобы быть въ состояніи понять требованія духа времени. Его исключительно занимаютъ два любимые предмета: новая литургія, которую онъ старается ввести во что бы то ни стало, и его танцовщицы, которыя, однако, должны быть добродѣтельныя танцовщицы. Такимъ образомъ, занятый постоянно церковью и балетомъ, и развѣ еще смотрами и парадами, пѣніемъ Генріетты Зонтагъ и операми Спонтини и бюргерскими драмами и комедіями—потому что онъ терпѣть не можетъ высокую трагедію—онъ ведетъ существованіе, которое, въ сравненіи съ образомъ жизни другихъ коронованныхъ особъ, все-таки надо назвать невиннымъ. Само собою разумѣется, что у него нѣтъ ни силы, ни желанія дать новое направленіе прусской государственной машинѣ; эту машину онъ предоставляетъ людямъ какъ Витгенштейнъ, Шукманъ, Кампцъ, Альтенштейнъ, Ансильонъ и пр. и пр. Мы близко знакомимся здѣсь со всѣми этими государственными людьми, этими рыцарями печальнаго образа; но знакомимся также и съ умственной жизнью Берлина, которая подлѣ жизни двора постоянно заявляетъ свое побѣдоносное значеніе: здѣсь являются Александръ Гумбольдтъ, Шлейермахеръ, Эдуардъ Гансъ»...

Таково время, описываемое въ дневникѣ Фарнгагена. Строго говоря, контрастъ, изображаемый г-жей Асингъ, контрастъ между

старымъ и новымъ временемъ, быть можетъ, не такъ великъ, какъ она представляетъ, и сама Пруссія, при телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ, немного лѣтъ тому назадъ, еще испытывала нѣчто, не совсѣмъ не похожее на эту реакціонную эпоху,—нѣчто подобное на собственномъ опытѣ видѣла и г-жа Асингъ,—но контрастъ во всякомъ случаѣ поразительный, потому что въ описываемую Фарнгагеномъ эпоху реакція была въ полномъ своемъ разгарѣ и при тогдашнихъ условіяхъ могла заглушать жизнь до такой степени, въ какой это было бы совершенно невозможно теперь. Это было время реакціонное по преимуществу, время, когда реакція возведена была въ перлъ созданія, въ правильную, строгую систему, которая и водворилась въ государствахъ Священнаго Союза. Въ дневникѣ Фарнгагена мы, конечно, не найдемъ послѣдовательной исторіи этой системы; форма дневника даетъ только отрывочныя замѣтки; но если бы кто вздумалъ написать такую послѣдовательную исторію реакціи, тотъ нашелъ бы у Фарнгагена множество характеристичныхъ подробностей, которыя раскрываютъ физіологическія свойства реакціи, какъ системы, какъ того патологическаго состоянія государственной жизни, когда правители думаютъ, что спасеніе государства состоитъ въ строгомъ охраненіи стараго, въ молчаніи и неподвижности общества или въ попятномъ его движеніи.

Корень реакціи десятыхъ и двадцатыхъ годовъ лежалъ очень глубоко—въ тѣхъ старыхъ традиціонныхъ учрежденіяхъ и нравахъ, которыми издавна жило общество и въ которыхъ воспитались привычки и притязанія господствующихъ классовъ. Когда событія вывели жизнь изъ колеи, когда поставленъ былъ вопросъ національнаго существованія, эти привычки и притязанія на минуту скрылись; отчасти страхъ, отчасти и побужденія искренняго великодушія и патріотизма заставили господствующіе классы допустить въ жизни другіе элементы, и лучшимъ людямъ Германіи казалось, что стремленія къ свободѣ, пробудившіяся въ націи, получили свое право въ народномъ движеніи 1813—1815 годовъ за освобожденіе отъ ига. Въ 1815 году, король Фридрихъ-Вильгельмъ III самъ заговорилъ о конституціи, которую хотѣлъ дать Пруссіи; «союзный актъ» въ одномъ изъ своихъ пунктовъ (13) положительно обѣщалъ нѣмецкимъ государствамъ конституціонное устройство, и населенія этихъ государствъ находились, во время вѣнскаго конгресса, въ пріятномъ ожиданіи будущаго. За исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ, въ родѣ конституціи Вюртемберга, этимъ ожиданіямъ, однако, не суждено было оправдаться. Онѣ не оправдались и въ Пруссіи. Въ томъ же 1815 году, когда надежды были всего живѣе, появляются

предвѣстники реакціи — въ добровольной услужливости доносчиковъ и обскурантовъ, которые обвиняли патріотическое движеніе въ покушеніи на власть государей и на цѣлость государствъ. Такъ, Янке доносилъ на «нѣмецкій союзъ», который замѣнилъ собою «Тугендбундъ», закрытый прусскимъ королемъ въ 1810 г., въ угоду французамъ, и который стремился дѣйствовать для уничтоженія французскаго ига. Такъ, тайный совѣтникъ Шмальцъ издалъ брошюру, въ которой заподозривалъ эти патріотическіе союзы въ наклонности подорвать вѣрность государямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ, что національное возстаніе 1813 года (возстаніе, сдѣланное самой націей, когда нѣмецкіе государи растерялись, и дѣйствительно спасшее Германію) было только дѣломъ простого послушанія, что нація только исполнила приказъ и ничего больше: такимъ образомъ онъ старался отвергнуть то нравственное право, которое нація, по ея мнѣнію, пріобрѣла своимъ самопожертвованіемъ и на которомъ она основывала свои надежды. Шмальцъ ревностно возставалъ противъ конституціонныхъ стремленій, и тотъ же король, который самъ обѣщалъ конституцію, наградилъ Шмальца орденомъ и печати запрещено было говорить противъ него: ясно, что реакціонныя идеи Шмальца лучше отвѣчали настоящимъ, коренныиъ мыслямъ короля, у котораго получалъ уже большую силу представитель стараго аристократическо-абсолютнаго порядка вещей, князь Витгенштейнъ, — гражданское и государственное воспитаніе котораго сдѣлано было въ кругу извѣстной графини Лихтенау, фаворитки предыдущаго царствованія. Для людей, какъ Витгенштейнъ, вопросъ шелъ просто о сохраненіи привилегій, о правѣ аристократіи, — подъ защитой королевской власти, которой она будто бы была главнѣйшей и важнѣйшей опорой, — безконтрольно и самоуправно господствовать надъ остальными классами общества, и этой партіи не трудно было убѣждать власть—мало понимавшую настоящее положеніе вещей—что всякое стремленіе общества къ самоуправленію есть подкопъ подъ цѣлость государства и достоинство монархіи; король не думалъ о томъ, что цѣлость государства была бы въ большей безопасности, еслибы граждане были равноправны передъ закономъ и находили въ немъ защиту своихъ общественныхъ интересовъ, и что достоинство монархіи было бы лучше соблюдено, еслибы эти граждане не страдали отъ аристократическаго и полицейскаго кулачнаго права. Фридрихъ-Вильгельмъ скоро отказался отъ минутнаго великодушія, и мы увидимъ въ запискахъ Фарнгагена, какъ онъ потомъ давалъ полную свободу дѣйствовать полицейскому самоуправству Шукмана, Кампца и т. п. На помощь реакціи явилась и педантская или лицемѣр-

ная наука: знаменитый представитель историко-юридической школы, Савиньи, высказался противъ новыхъ стремленій къ государственно-юридическому преобразованію нѣмецкой общественной жизни по той причинѣ, что развитіе права должно совершаться на *исторической* почвѣ, т.-е. на тѣхъ старыхъ основаніяхъ, которыя собственно и нуждались въ измѣненіи. Это ученіе исторической школы, по словамъ Гервинуса, считало исторіей только старую исторію и за настоящимъ не признавало создающей роли въ области права; этимъ оно давало мнимое освященіе науки лѣнивому консерватизму и потому съ любовью встрѣчалось каждымъ правительствомъ, которому пріятенъ былъ всякій предлогъ для бездѣйствія. Это вліяніе Савиньи отразилось извѣстнымъ образомъ и въ исторіи новѣйшаго русскаго законодательства. Въ смыслѣ историческаго консерватизма возсталъ противъ конституціонныхъ учрежденій извѣстный прусскій публицистъ и государственный человѣкъ — Ансильонъ, и т. д.

Такимъ образомъ, реакціонное движеніе находило себѣ большую опору не только въ старыхъ привычкахъ самой монархіи, но и въ общественныхъ элементахъ. Когда реакція Священнаго Союза окончательно вышла наружу изъ-за своихъ первыхъ либеральныхъ заявленій, Священный Союзъ считался у современниковъ союзомъ царей противъ народовъ; но въ сущности это былъ союзъ ихъ съ отживающими, и потому упрямо державшимися за старину, элементами самого общества противъ новыхъ его элементовъ. Реакція была возможна потому, что само общество, давало ей подкладку: одни, аристократія и чиновничество, прямо защищали старину, какъ выгодную привилегію; другіе — бюргерство и народная масса были противъ нихъ безсильны, потому что гражданское ихъ развитіе было слишкомъ ничтожно. Масса общества, пламенно одушевившаяся въ 1813—15 годахъ противъ иноземнаго врага, имѣла во внутренней жизни еще слишкомъ платоническія воззрѣнія, и полагала, что внутреннее освобожденіе, потребность котораго въ ней теперь почувствовалась, совершится само собой, безъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ самого общества. Поэтому, какъ только окончилась война, масса общества возвратилась къ старой, привычной неподвижности. Люди, вносившіе въ этотъ вопросъ больше сознанія, а особенно увлеченія, были слишкомъ малочисленны, и единственнымъ ихъ оружіемъ было благородное воодушевленіе: въ числѣ ихъ были лучшіе бойцы за освобожденіе — Блюхеръ, Гнейзенау (Шарнгорста уже не было въ живыхъ), и др.; здѣсь были также лучшіе люди литературы, и наконецъ, это была восторженная молодежь, которая въ 1813 году покинула университеты

и теперь снова возвратилась въ нихъ доканчивать прерванныя занятія. Первые, при всемъ честномъ пониманіи вещей, неспособны были на какую-нибудь оппозицію, потому что были усердные монархисты и не могли неповиноваться королю; ученые и писатели жили только въ кабинетныхъ отвлеченностяхъ и могли поставить противъ реакціи только логическія доказательства или горячія выраженія своихъ справедливыхъ требованій,—но ихъ стала запрещать цензура; университетская молодежь одна воображала, что можетъ дѣйствовать, и въ самомъ дѣлѣ, когда стало совершенно ясно, что правительство не исполнитъ никогда 13-й статьи союзнаго акта, въ ней начало обнаруживаться политическое броженіе. Это броженіе выражалось въ сущности очень невиннымъ образомъ; общества, которыя они составляли, имѣли обыкновенно въ виду скромныя цѣли нравственнаго и гражданскаго совершенствованія и большей частью оставались положительно въ предѣлахъ закона. Довольно понятно, что когда реакція, столь несправедливо падавшая на общество, стала совершать свои подвиги, она должна была самымъ фатальнымъ образомъ подѣйствовать на умы наиболѣе экзальтированные. Тѣмъ не менѣе, самое строгое слѣдствіе, произведенное по дѣлу Занда, показало, что его замыселъ былъ совершенно одинокій и не имѣлъ никакой связи съ тенденціями студентскихъ обществъ. Но реакція, отчасти испуганная этимъ дѣломъ, обрадовалась однако этому случаю, который давалъ ей полное видимое основаніе для репрессалій. По всей Германіи началось нелѣпое преслѣдованіе «демагогическихъ происковъ», дошедшее наконецъ до нелѣпаго. Это преслѣдованіе, какъ нерѣдко бываетъ, само дѣйствовало возбуждающимъ образомъ: опасныхъ людей чѣмъ дальше, тѣмъ оказывалось больше; гоненіе стало считаться честью.... Странно сказать, но даже замѣчательнѣйшіе люди тогдашней Германіи, люди, которымъ Пруссія обязана была самымъ серьезнымъ образомъ, наконецъ люди, стоявшіе выше всякаго подозрѣнія по своему извѣстному монархизму, какъ знаменитый баронъ Штейнъ, также попадали въ число подозрительныхъ. Конечно, полицейскіе обскуранты и реакціонеры побоялись тронуть его самого, но за то они привязались, напр., къ Арндту, который былъ къ нему очень близокъ въ 1812—1813 годахъ, и вообще ко многимъ изъ людей, игравшихъ роль въ патріотическомъ движеніи того времени. Главные полицейскіе инквизиторы по части «демагогическихъ происковъ», Шукманъ и Кампцъ, стали важными государственными людьми.

Какъ мы выше-замѣтили, «Листки» Фарнгагена начинаются съ 1820 года, послѣ карльсбадскихъ конференцій, принявшихъ

цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, и первые годы послѣ того дневникъ Фарнгагена очень часто возвращается къ этимъ дѣламъ. Нѣсколько подробностей дадутъ нѣкоторое понятіе о характерѣ общественной жизни въ Берлинѣ и вообще въ Германіи.

«Господинъ Кампцъ — пишетъ Фарнгагенъ въ 1821 году (23-го апрѣля) — сталъ нѣчто въ родѣ министра безъ портфеля, но съ бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ иной нашъ министръ». Кампцъ имѣлъ особенныя причины негодовать на мнимыхъ революціонеровъ; онъ также былъ своего рода писатель, и студенты на Вартбургскомъ праздникѣ сожгли между прочимъ и его произведеніе. Оно называлось «Кодексъ жандармства» (Codex der Gens d'armerie). Понятно, какъ долженъ былъ въ тогдашнее время дѣйствовать писатель этого рода. Въ то время шло дѣло Арндта: это былъ пламенный нѣмецкій патріотъ, уже съ этого времени пріобрѣтавшій огромную популярность, которою онъ пользовался впослѣдствіи. Къ нему привязывались изъ-за нѣсколькихъ слишкомъ горячихъ выраженій его патріотизма, и эти придирки вызывали негодованіе въ публикѣ: «это — гуманное мучительство, мягкая инквизиція, и если теперь людей не пытаютъ, то тѣмъ постыднѣе пытаютъ понятія; въ дѣлѣ Арндта оказывается — со стороны слѣдователей — величайшая нечестность, самая пошлая хитрость» (апрѣля 1821). «БаронъШтейнъ считается опаснымъ карбонаромъ, и Umtriebsriecher (люди, разнюхивающіе происки) очень хотѣли бы къ нему подобраться» (май 1821). Но если относительно Арндта, человѣка слишкомъ извѣстнаго въ Германіи, инквизиція была «мягкая» (она лишила его профессорской каѳедры и преслѣдовала мелкими полицейскими придирками), то для другихъ она была вовсе не мягкая: крѣпости Шпандау, Магдебургъ и особенно Кёпеникъ, были переполнены «заговорщиками»,—по большей части самой юной молодежью. Аресты, крѣпостное содержаніе, допросы, тайная судебная процедура отличались всѣми свойствами полицейскаго деспотизма.

Конституціонныя идеи, само собою разумѣется, составляли теперь уже настоящее преступленіе; даже и скромныя провинціальныя и общинныя собранія считались «опаснѣйшей вещью», «поджогомъ къ революціи».

Въ 1822 году начались новыя преслѣдованія студентовъ; для людей разсудительныхъ и тогда уже было ясно, какъ унижаетъ себя правительство подобными занятіями, и Штейнъ высказалъ это въ письмѣ къ одному изъ прусскихъ реакціонеровъ: правительство, по словамъ его, дѣлаетъ себя смѣшнымъ, занимаясь этимъ вмѣсто своего настоящаго дѣла и поднимая тревогу по

17*

всей Германіи изъ-за нѣсколькихъ школьныхъ мальчиковъ и студентовъ.

Годъ спустя, дневникъ разсказываетъ, что прусская реакціонная партія добилась отъ короля повелѣнія (и теперь напоминала о немъ), въ силу котораго не должно было принимать на службу никого, кто участвовалъ въ университетскихъ и другихъ тайныхъ обществахъ, между тѣмъ какъ въ самомъ каммергерихтѣ служило много людей, которые подходили подъ эту категорію.

Въ Касселѣ (августъ 1824) открылось, что директоръ полиціи самъ сочинялъ угрожающія письма, которыми пугалъ курфирста. Въ Берлинѣ говорили: «въ Касселѣ только завели дѣло немного далеко; а развѣ при другихъ дворахъ не дѣлается того же самаго? Развѣ Меттернихъ не также точно пугаетъ своего императора Франца, а оберъ-каммергеръ Витгенштейнъ—Фридриха-Вильгельма?» и проч.

Въ 1824 году снова безпрестанныя университетскія исторіи. Прусскимъ подданнымъ запретили поступать въ университеты въ Базелѣ и Тюбингенѣ. Студенты, которыхъ исключали изъ университетовъ за ихъ убѣжденія, гордились этимъ и прибавляли къ своему имени какъ особенно лестный эпитетъ: studios. consiliat. («исключенный студентъ»).

«Отовсюду опять слухи о *проискахъ* — пишетъ Фарнгагенъ въ началѣ этого года (1824) — въ Неаполѣ, Пармѣ, Парижѣ, Ландсгутѣ, Вестфаліи, въ Галле—вездѣ новыя открытія, новыя слѣдствія... У Кампца хлопотъ полныя руки... Дѣлу придаютъ (въ полицейскомъ кругу) величайшую важность, *впередъ говорятъ* о несомнѣнной связи радикаловъ, карбонаровъ, либераловъ съ нашими Umtrieber». Люди проницательные замѣчали, что причина всего этого очень простая: въ этомъ году истекалъ пятилѣтній срокъ репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ въ Карльсбадѣ временно; что надо продолжить эти мѣры, а для этого придумать и подгодовить поводы. Дѣйствительно, въ сентябрѣ того же года карльсбадскія постановленія были возобновлены. Предложеніе объ этомъ на союзномъ сеймѣ сдѣлано было Австріей и принято было единогласно, съ слабымъ возраженіемъ вюртембергскаго посланника. Постановлено было опять продолжить на неопредѣленное время цензуру, принять новыя мѣры противъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Фарнгагенъ разсказываетъ, что реакціонеры сильно жаловались на дурной духъ въ школахъ и на тайныя общества; но теперь оказалось изъ множества слѣдствій, что настоящимъ образомъ эти тайныя общества устроились уже послѣ 1819 года, т. е. послѣ карльсбадскихъ постановленій. «Изъ этого видно, къ чему послужили эти поста-

новленія», — замѣчали благоразумные люди, которые вообще съ презрѣніемъ смотрѣли на эту политику правительства и не безъ основанія считали ее анти-національной, потому что для націи она была и вредна и постыдна. «Спрашиваютъ:—что же сталось съ данными прежде обѣщаніями, съ исполненіемъ 13-й статьи союзнаго акта, съ законодательствомъ о печати, съ публичностью результатовъ, полученныхъ майнцской коммиссіей» и пр. Дѣло въ томъ, что при учрежденіи этой коммиссіи, розыскивавшей по всей Германіи вредный духъ, обѣщано было, что результаты этой коммиссіи будутъ обнародованы, т. е. что общественное мнѣніе получитъ возможность убѣдиться само въ дѣйствительности тѣхъ опасностей, отъ которыхъ брались теперь предохранять общество заботливые полицейскіе инквизиторы. Но впослѣдствіи оказалось, что публиковать эти результаты не представлялось возможности; это значило бы компрометтировать самую коммиссію, потому что серьезнаго въ ея трудахъ ничего не было...

«Господинъ Кампцъ—записываетъ *въ это самое время* Фарнгагенъ,—разсказываетъ мнѣ, что теперь вполнѣ открыты *высшія степени* революціонныхъ обществъ и ихъ *связь* съ заграничными. Бо́льшая дѣятельность и болѣе правильный ходъ происковъ наступили только съ 1821 года. Дѣло зашло очень далеко, но такъ какъ теперь все оно видно, то и нѣтъ уже никакой опасности» и т. д. Черезъ нѣсколько дней мы находимъ въ дневникѣ слѣдующую замѣтку, изъ которой видно, что слухи, распускаемые полиціей, успѣшно пошли въ ходъ. «О проискахъ (техническій терминъ) говоритъ весь городъ, разсказываютъ самыя удивительныя вещи. Называютъ сотни людей какъ открытыхъ участниковъ, или полуоткрытыхъ подозрѣваемыхъ. Называютъ при этомъ самыя уважаемыя имена—короля вюртембергскаго, какъ главу всего, Гнейзенау, Грольмана (знаменитые прусскіе генералы временъ войны за освобожденіе), Гумбольдта, Савиньи(!!).. Боятся будто бы дальше поднимать завѣсу».

Вотъ до какого пункта простирались вожделѣнія полицейской реакціи: рѣчь шла о людяхъ, извѣстныхъ всей Германіи, и конечно всего меньше годившихся въ заговорщики и революціонеры. Нельзя не вспомнить, что примѣръ такой же реакціонной наглости представляютъ наши обскуранты послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра: ему точно также указывали на ближайшихъ къ нему лицъ, какъ на первыхъ враговъ вѣры и престола, напр. на кн. Голицына; Магницкій, какъ извѣстно, написалъ Александру доносъ на великаго князя Николая Павловича.

Въ концѣ 1824 года или въ началѣ 1825 прусскіе инкви-

зиторы захватили, въ качествѣ заговорщика и революціоннаго эмиссара, извѣстнаго уже въ то время французскаго философа Кузена. Его арестовали, допрашивали (какъ послѣ оказалось, по требованіямъ Австріи), но допросъ не открылъ совершенно ничего такого, что было нужно допрашивавшимъ. Кузена должны были выпустить. Берлинское общество встрѣтило его самымъ гостепріимнымъ образомъ, и онъ, только-что выпущенный изъ-подъ ареста, сдѣлался моднымъ человѣкомъ. Сами слѣдователи, Шукманъ и Кампцъ, были съ нимъ крайне любезны и ухаживали за нимъ. Кузенъ давалъ Шукману совѣтъ, гдѣ искать опасности для государства, объясняя ему, что во Франціи уже нѣтъ якобинцевъ, которыхъ они ищутъ, что тамошніе либералы всего меньше хотятъ революцій, но что тамъ есть іезуиты, которые именно всего опаснѣе для государства. Шукманъ это выслушивалъ, и въ Берлинѣ многіе утѣшались, что это все-таки показываетъ мягкость правленія. Фарнгагенъ записалъ отвѣтъ на это извѣстнаго князя Козловскаго, о которомъ онъ вообще часто упоминаетъ въ своемъ дневникѣ, какъ о человѣкѣ замѣчательнаго, блестящаго ума. «Напротивъ, — говорилъ Козловскій—все это доказываетъ только, что вы живете въ деспотически-управляемой странѣ; въ Англіи не могло бы произойти ничего подобнаго; такая доброта показываетъ только отсутствіе справедливости; произволъ всегда дѣлаетъ слишкомъ много либо въ одну, либо въ другую сторону, и притомъ потому, что именно настоящаго онъ и не дѣлаетъ». Ему не могли противорѣчить, замѣчаетъ Фарнгагенъ.

Русскія событія 14-го декабря дали новую пищу толкамъ о «проискахъ». Мы упомянемъ дальше, какъ прусскіе реакціонеры по этому случаю снова заговорили о связи между заговорщиками во всѣхъ странахъ (это, какъ видимъ, тоже что теперь называлось у насъ «всемірной революціей», «агентствомъ въ Тульчинѣ» и т. п.), и спеціально между революціонерами русскими и нѣмецкими. Замѣтимъ пока одинъ случай. «Оттерштедтъ (прусскій дипломатическій агентъ въ южной Германіи), съ своимъ обычнымъ азартомъ, самымъ ревностнымъ образомъ кричалъ о связи русскихъ происковъ съ нѣмецкими: онъ заходитъ такъ далеко, что смѣло говоритъ о заговорѣ противъ жизни прусскаго короля! *Этимъ* люди пріобрѣтаютъ значеніе и благоволеніе!»

Въ январѣ 1827 г., Фарнгагенъ отмѣчаетъ въ дневникѣ любопытную мѣру австрійскаго правительства: по императорскому повелѣнію всѣ профессора и публичные преподаватели должны были назначаться только на три года, и по истеченіи этого срока должны были получать новое утвержденіе въ должности, — въ

противномъ случаѣ должны были выходить въ отставку. Эта мѣра предназначена была дѣйствовать въ пользу монархическаго принципа.

Въ это время ожидали наконецъ закрытія майнцской коммиссіи, — Кампцъ былъ въ крайнемъ раздраженіи и употреблялъ всѣ средства со стороны Пруссіи для ея сохраненія [1]).

Особенной дѣятельностью во всемъ этомъ отличалась конечно Австрія. Фарнгагенъ сообщаетъ нѣсколько подробностей объ ея поджигательствахъ; прусскіе инквизиторы были въ сущности только ея послушными орудіями. Австрія всячески старалась запугать нѣмецкія правительства, а также и русское, и ей первой кажется принадлежитъ мысль о «всесвѣтной революціи», о связи революціонеровъ всѣхъ странъ и народовъ; — понятно, что этимъ она разсчитывала вовлечь всѣ правительства въ преслѣдованіе ненавистныхъ ей людей и понятій. Одинъ господинъ разсказывалъ Фарнгагену, что читалъ ноту, разосланную Австріей въ августѣ 1819 года ко многимъ нѣмецкимъ дворамъ по поводу открытія карбонарскихъ обществъ въ Италіи и ихъ связи съ нѣмецкими «происками». Въ этой нотѣ она особенно указывала на Пруссію, правительство которой казалось ей тогда не достаточно благоразумнымъ: «Пруссія изображалась въ этой нотѣ какъ страна, совершенно и почти безнадежно зараженная; всѣ чиновники въ ней революціонеры, и особенно подозрительнымъ приложенъ былъ списокъ».... Въ Берлинѣ были вообще увѣрены, что источникомъ реакціонныхъ поджигательствъ была именно Австрія. Въ мартѣ 1824 г., Фарнгагенъ записываетъ берлинскіе толки: «Всѣ эти дѣла о проискахъ опять заведены изъ Вѣны; князю Меттерниху, въ его положеніи, эти рычаги нужны, чтобъ не упасть; вѣритъ публика или нѣтъ въ эти государственныя опасности, это въ сущности все равно, лишь бы только этимъ можно было напугать государей и лишь бы они считали своими спасителями тѣхъ министровъ, которые все это открываютъ и разрушаютъ». Дѣло такъ и происходило: публика давно перестала вѣрить во все это, а государи были твердо въ этомъ увѣрены, и презрѣнныя ничтожества въ родѣ Шукмановъ, Кампцевъ и прочей обскурантной компаніи дѣлали что хотѣли. «Публика очень равнодушна къ этимъ дѣламъ, продолжаетъ Фарнгагенъ; никто не вѣритъ въ серьёзныя преступленія и важныя открытія; тѣмъ не менѣе господинъ Шукманъ съ большой бранью утверждалъ недавно, что заговоръ идетъ изъ Парижа, что Констанъ (Бен-

---

[1]) См. Blätter, I, 290, 305; II, 120, 345; III, 15, 120, 126, 139, 239; IV, 24, 178, 180.

жаменъ), либералы, карбонары и пр., составляютъ одинъ и тотъ же союзъ, и что нашихъ молодыхъ людей увлекаютъ оттуда» [1]. Ему не приходило въ голову, что одного такого управленія было достаточно, чтобы возмущать общество и приводить молодежь къ неосторожнымъ словамъ и поступкамъ, которые потомъ эти господа выдавали за заговоры.

Какъ отражалось это въ общественной жизни? Понятно, что это государственно-сыскное направленіе правительства должно было дѣйствовать на общественную жизнь самымъ подавляющимъ и отупляющимъ образомъ. Въ этомъ смыслѣ дневникъ Фарнгагена доставляетъ опять любопытныя физіологическія замѣтки. Вліяніе реакціонныхъ карльсбадскихъ постановленій почувствовалось очень скоро. «Замѣчаютъ,—пишетъ Фарнгагенъ въ концѣ 1820 года,—что со времени инквизиціоннаго давленія карльсбадскихъ постановленій, со времени «происковъ», цензуры и т. д. Берлинъ значительно потерялъ *ума* и *жизни*. Эти слова не лишены основанія: всякій остерегается, прячется и вмѣсто общественныхъ интересовъ отдается чисто эгоистическимъ; въ глазахъ нѣкоторыхъ людей обыкновенная гадость вдесятеро скорѣе заслужитъ снисхожденіе, чѣмъ свободная добродѣтель, направленіе которой возбуждаетъ страхъ». Фарнгагенъ не разъ потомъ повторяетъ такіе отзывы и жалобы. Берлинъ дѣйствительно поглупѣлъ; это бросалось въ глаза всѣмъ постороннимъ, а часто и своимъ. Въ половинѣ слѣдующаго года въ дневникѣ читаемъ: «Теперь считаютъ фактомъ рѣшеннымъ, что у насъ дѣла всего хуже и мрачнѣе. Саксонія, Баварія, Вюртембергъ, Гессенъ смотрятъ на насъ съ состраданіемъ». Въ половинѣ 1823 года, Фарнгагенъ былъ въ Гамбургѣ и здѣсь онъ также встрѣтилъ этотъ сострадательный взглядъ на прусское ничтожество. «Здѣсь смотрятъ на Пруссію равнодушно или съ насмѣшливой улыбкой, какъ на государство больное, изгрызенное страхомъ, ожесточеніемъ, тревогами, заблужденіемъ,—какъ на гнѣздо полиціи, цензуры, помѣшательства на происках и шпіонства, какъ на послушнаго исполнителя австрійскихъ внушеній. Здѣсь съ улыбкой и неохотой освѣдомляются о нашихъ дѣлахъ, дивятся и не хотятъ вѣрить, чтобы у насъ могло еще дѣлаться что-нибудь либеральное». Въ концѣ 1825 года, Фарнгагенъ записываетъ: «На этихъ дняхъ сошлось насъ нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ круговъ и разной дѣятельности, и мы должны были сознаться, что въ эту минуту ни одинъ изъ насъ не знаетъ ни малѣйшей нити какого-нибудь живого общественнаго интереса, которая прохо-

[1]) Blätter, II, 43; III, 38, 45.

дила бы въ берлинской жизни, которая бы возбуждала и затрогивала — рѣшительно никакой, даже къ театру, который обыкновенно все-таки выручаетъ. Политика касается насъ только какъ studium; дворъ безжизненъ и скученъ; искусство — не особенно важно; внутреннія дѣла идутъ черезъ пень въ колоду; личной симпатіи — никакой, или никакого предмета для нея; литература слаба.... таково положеніе вещей [1])».

Такого результата достигли заботы реакціи: спасая государство отъ небывалыхъ опасностей, она убивала внутреннюю жизнь общества, а вслѣдствіе того, само государство теряло уваженіе, и вмѣстѣ съ нимъ теряло и политическое значеніе.

Но при всѣхъ своихъ усиліяхъ реакціонная политика нисколько не достигла своихъ цѣлей; она не остановила «духа времени», т. е. развитія общественнаго мнѣнія и политическаго сознанія. Либеральныя идеи развивались и въ подцензурномъ молчаніи неудержимо; печать подвергалась самымъ мелочнымъ придиркамъ, но несмотря на то, когда она получила возможность говорить, оказалось, что въ понятіяхъ сдѣланъ былъ огромный шагъ. Реакція всячески давила демократическія идеи, поощряла сословную спѣсь аристократіи, но въ концѣ концовъ демократизмъ только развился и усилился. «Юнкерство» господствовало теперь съ полной силой; пренебреженіе къ бюргерству доходило до открытыхъ насилій, которыя балованные Adelige позволяли себѣ надъ горожанами; правительство смотрѣло очень снисходительно на ихъ подвиги и старательно заминало подобныя исторіи, когда онѣ производили явный скандалъ, — но въ результатѣ получалось еще большее раздраженіе противъ юнкерства, тѣмъ болѣе, что фактически уже становилось замѣтно общественное преобладаніе промышленнаго средняго класса. Мало-по-малу въ обществѣ заговорили стремленія къ политическому освобожденію, которыя наконецъ стали высказываться явно.

На первое время обскурантамъ реакціи удалось кажется нѣсколько испугать общество, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые слои его. Въ концѣ 1821 г., Фарнгагенъ пишетъ: «Въ разныхъ кругахъ все больше и больше говорятъ объ опасныхъ движеніяхъ нашего времени, о великомъ кризисѣ Европы, объ огнѣ, который грозитъ пожрать все нынѣ существующее, чтобы очистить мѣсто для новаго. Погибель государствъ и правительствъ есть весьма обыкновенная мысль: вездѣ ожидаютъ революціи и охотно желали бы къ ней приготовиться, чтобы въ общей опасности пріобрѣсть какую-нибудь возможность безопасности». Но если

---

[1]) Blätter, I, 207, 339; II, 374; III. 400.

въ однихъ кругахъ былъ этотъ страхъ нѣкоторое время, то вообще тогдашній порядокъ вещей не замедлилъ произвести недовольство. Уже въ 1823 году, Фарнгагенъ замѣчаетъ, что въ обществѣ «распространилось много глухой оппозиціи, много либеральныхъ понятій, которыя ждутъ только удобной минуты, чтобы обнаружиться: ими наполнены всѣ сословія». Разногласіе общества съ правительствомъ становится все замѣтнѣе. Напр., въ это самое время король, напротивъ, думалъ, что «всѣ конституціи — одно зло, даже самое слово конституція должно быть предано забвенію»; въ это время подтверждалась упомянутая мѣра — не принимать на службу людей, заподозрѣнныхъ въ либерализмѣ, — мѣра, о которой, по словамъ Фарнгагена, говорили въ публикѣ «со смѣхомъ или съ отвращеніемъ».

Въ 1824 г., какъ мы упоминали, дѣйствіе карльсбадскихъ постановленій было опять возобновлено, но реакціонная политика уже теряла всякій кредитъ. Даже въ кругу тогдашней высшей администраціи было мнѣніе, что скоро долженъ будетъ произойти поворотъ къ новому порядку вещей, потому что настоящій дѣлается невозможенъ. Въ половинѣ 1825 года, Фарнгагенъ замѣчаетъ, что «въ обыкновенныхъ разговорахъ либерализмъ беретъ рѣшительный перевѣсъ, что ультра-консерватизмъ можетъ показываться не иначе, какъ въ полной своей силѣ», т. е., что онъ потерялъ всякое уваженіе и возбуждалъ страхъ только своими матеріальными насиліями, на которыя держалъ въ рукахъ средства. Въ обществѣ уже ясно понималось «возвышеніе промышленности и упадокъ дворянства, какъ явленія одновременныя и связанныя одно съ другимъ»; объ этомъ, по словамъ Фарнгагена, «каждый день приходится слышать мѣткія замѣчанія [1])».

Около 1825 года, сила реакціи вообще начинаетъ упадать; она успѣла компрометтировать себя въ глазахъ честныхъ людей своими глупыми преслѣдованіями,— вниманіе общества серьёзнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, начинаетъ обращаться на правительственныя дѣйствія и съ участіемъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ другихъ государствахъ. Дневникъ Фарнгагена есть отличное отраженіе части общества, наиболѣе образованной, и мы видимъ въ немъ, какъ мало-по-малу выростали интересы этого рода — интересъ къ развитію общественной свободы у другихъ — и презрѣніе къ жалкому обскурантизму дома. Фарнгагенъ записываетъ извѣстія о дѣятельности конституціонныхъ собраній въ другихъ государствахъ — нидерландскаго сейма, англійскаго парламента, французскихъ палатъ, венгерскаго сейма. Берлинцамъ

[1]) Blätter, I, 385; II, 343, 345, 351.

бросалось въ глаза это движеніе представительной системы, которое они видѣли вездѣ. «Вы увидите—записываетъ онъ чьи-то слова, сказанныя въ разговорѣ объ этихъ предметахъ,—вы увидите, къ этому привыкаютъ мало-по малу, и дѣло дойдетъ до того, что монархъ будетъ считать столько же невозможнымъ оставаться безъ палатъ, какъ теперь безъ гвардіи».

Чужая публичность и свобода печати стали касаться и подробностей прусской жизни, и берлинцы съ удовольствіемъ видѣли, какъ французскія газеты выводили на сцену господина Кампца, который наслаждался дома полной неприкосновенностью. «Constitutionnel» (февр. 1826) нападаетъ на Кампца за то, что онъ придумываетъ новые проекты — поставить нѣмецкіе происки въ тѣснѣйшую связь съ русскими, и подвергнуть ихъ новымъ преслѣдованіямъ; что Бернсторфъ заодно съ нимъ, и что оба они оказываютъ этимъ услугу только князю Меттерниху. Въ обществѣ открыто радуются этой статьѣ.... офицеры говорятъ о Кампцѣ съ величайшимъ презрѣніемъ, и съ злорадствомъ толкуютъ о плохомъ результатѣ правительственныхъ (репрессивныхъ) мѣръ».

Въ половинѣ 1826 г., Фарнгагенъ съ сочувствіемъ заноситъ въ свой дневникъ извѣстіе, что баварскій король приглашаетъ въ Мюнхенъ профессоровъ, прославленныхъ за демагоговъ, и поддерживаетъ молодыхъ людей, замѣшанныхъ въ слѣдствія по «проискамъ». «Король гордится тѣмъ, — пишетъ Фарнгагенъ,— что онъ учился въ университетѣ, и говоритъ, что если бы другіе государи сами также учились, то лучше бы понимали, какъ слѣдуетъ смотрѣть на подобныя вещи», т. е. на «происки» демагогическихъ профессоровъ и т. п.

Французскія дѣла возбуждаютъ теперь постоянный интересъ, и съ 1826 — 27 года мы безпрестанно встрѣчаемъ въ дневникѣ замѣтки о французскихъ событіяхъ — какъ слѣдъ разговоровъ и толковъ въ берлинскомъ обществѣ. Въ январѣ 1827 г., Фарнгагенъ записываетъ: «Замѣчательное засѣданіе французской академіи, которая постановляетъ сдѣлать королю представленіе противъ новаго проекта законовъ о печати! Всеобщее раздраженіе противъ французскаго министерства, не только во Франціи, *вездѣ!*» Отзывы о Франціи, ея конституціонной жизни и общественныхъ вопросахъ выражаютъ самую теплую симпатію къ либеральной конституціонной партіи и негодованіе противъ реакціоннаго министерства; это становилось точно собственнымъ вопросомъ нѣмецкаго общества. «По истинѣ, — говорили въ берлинскихъ кружкахъ,—тѣ крохи хорошаго, что у насъ есть здѣсь въ этомъ родѣ, приходятъ къ намъ только изъ Франціи и Ан-

гліи; мы все еще дѣлимъ эту жизнь только издали (wir leben in der Ferne doch immer so mit)».

Исторіи о «происках» еще продолжались, но становились уже предметомъ смѣха. «Однакоже, замѣчаетъ Фарнгагенъ, много молодыхъ людей остается въ крѣпостяхъ, многимъ надолго испорчена жизнь, а другіе на всю жизнь сдѣланы несчастными. За то господинъ Кампцъ сталъ теперь превосходительнымъ». Въ сентябрѣ 1828 г., Фарнгагенъ записываетъ: «Релльштабъ благополучно отсидѣлъ свои три мѣсяца въ Шпандау... Наказаніе считается житейскимъ неудобствомъ, но нисколько не стыдомъ; объ этомъ говорятъ совершенно весело». Такимъ образомъ, гоненіе оказывалось безсильнымъ; надъ нимъ смѣялись; но иной разъ оно оканчивалось и нелѣпостями. Въ числѣ средствъ розыска были, какъ всегда, доносы; Шукманъ и Кампцъ конечно поощряли ихъ, какъ благородное патріотическое дѣло, и въ особенности покровительствовали одному доносчику, по имени Витту-Дѣрингу. Этотъ Виттъ участвовалъ въ какихъ-то студенческихъ обществахъ, и потомъ донесъ на нихъ; на его доносѣ построенъ былъ цѣлый процессъ. Въ 1827 году, Виттъ издалъ записки, гдѣ разсказывалъ свои воспоминанія, т. е. предметъ, исторію и послѣдствія своего доноса. Кампцъ конечно радовался появленію книжки, какъ искреннему разсказу заблуждавшагося и раскаявшагося человѣка; вѣроятно, онъ считалъ ее пріятнымъ и полезнымъ явленіемъ въ литературѣ, рекомендовалъ ее Фарнгагену, утверждая, что содержаніе вышедшей части совершенно вѣрно, согласно съ документами и т. д., наконецъ далъ ему самую книгу. Вотъ что Фарнгагенъ нашелъ въ ней:.... «Я получилъ отъ Кампца самую книгу; но это — самое отвратительное, самое пошлое пустословіе, полное лжи и легкомыслія; авторъ — самый постыдный негодяй, для котораго сдѣлалось потребностью — жить въ тюрьмѣ и съ полиціей, попеременно занимаясь то заговорами, то доносами». Виттъ поселился-было въ одномъ изъ сѣверныхъ нѣмецкихъ государствъ, но эта личность была такова, что правительства не хотѣли терпѣть его въ своихъ владѣніяхъ. Этому заблуждавшемуся, но раскаявшемуся господину наконецъ запретили въѣзжать и въ Пруссію; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія упомянутой книжки, Фарнгагенъ записываетъ: «Шукманъ отдалъ публичное приказаніе всѣмъ полицейскимъ управленіямъ, если бы извѣстный Виттъ показался въ Пруссіи, высылать его за границу какъ искателя приключеній, и пр. Г. Кампцъ, вѣроятно, не могъ помѣшать этому» [1]). Полиціи приходилось отказываться отъ своихъ протеже-

[1]) Blätter, III, 432; IV, 25, 80, 352; V, 50, 67, 110, 119.

Въ своемъ дневникѣ Фарнгагенъ очень часто говоритъ также о жизни двора и аристократіи; онъ могъ близко наблюдать ее, потому что имѣлъ много связей въ высшемъ обществѣ. Эта жизнь верхнихъ слоевъ проходила въ скучныхъ придворныхъ собраніяхъ, натянутыхъ увеселеніяхъ и въ старательномъ удаленіи отъ бюргерства, которое пользовалось отъ аристократіи полнѣйшимъ пренебреженіемъ. Мы видѣли въ предисловіи г-жи Ассингъ характеристику занятій короля; дѣйствительно, въ дневникѣ безпрестанно упоминается о новой литургіи, которую король всячески старался ввести, о танцовщицахъ, въ которыхъ король принималъ столь же заботливое участіе, о Спонтини и т. д. Едва ли не самыми вліятельными людьми при дворѣ были піэтисты, противъ которыхъ вооружался даже князь Витгенштейнъ, самъ крайній реакціонеръ; даже для него были непріятны тѣ недостойныя понятія о религіи, которыя распространялись этими людьми. Фарнгагенъ пишетъ о королѣ: «Мысль, что подъ его правленіемъ можетъ страдать религія, для него ужасна: раціоналистическія выраженія о «кажущейся смерти» Христа приводятъ его въ страшнѣйшій гнѣвъ» и т. д. Жизнь прусскихъ принцевъ Фарнгагенъ также изображаетъ какъ пустую, не имѣющую никакихъ высшихъ умственныхъ интересовъ. Понятно, что при этомъ піэтисты тѣмъ легче могли овладѣть и наслѣднымъ принцемъ. Любопытны записанныя въ дневникѣ слова Александра Гумбольдта, очень близко стоявшаго ко двору; онъ пользовался большимъ расположеніемъ короля, и едва ли можетъ быть заподозрѣнъ въ неблагопріятномъ пристрастіи. «Страшно жалуются на нашъ дворъ и высшее общество, — пишетъ Фарнгагенъ въ 1830-мъ году. Александръ Гумбольдтъ говорилъ мнѣ, что конечно во всей Европѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы этотъ кругъ былъ до такой крайней степени лишенъ умственныхъ интересовъ, такъ грубъ и невѣжественъ (so völlig geistlos, roh und unwissend), и такимъ хотѣлъ быть, — какъ у насъ; здѣсь намѣренно и сознательно отклоняютъ всякое знаніе другой жизни, другихъ мнѣній и стремленій, не хотятъ ничего знать о прочемъ, даже ближайшемъ мірѣ, замыкаются въ пустую отдѣльность и жалкую спѣсь. Они не подозрѣваютъ, до какой степени ослабляютъ себя этимъ, унижаютъ себя и открываютъ для будущихъ нападеній» [1]).

Такова была жизнь, которую создавала реакція. Фарнгагенъ, какъ мы видѣли, замѣчалъ самъ и другіе замѣчали, что ея непосредственнымъ спутникомъ было стѣсненіе умственной жизни

---

[1]) Blätter, V, 278, 285, 287, 289.

или просто поглупѣніе общества: вездѣ, куда достигало дѣйствіе реакціи, гдѣ она могла вполнѣ примѣнять свои правила, это было неизбѣжнымъ явленіемъ. Къ чему сводился ея общій характеръ и общій выводъ, это ясно было уже давно для всѣхъ серьезныхъ людей. Фарнгагенъ записалъ въ своемъ дневникѣ слова какого-то нѣмецкаго Эйнзиделя, сказанныя еще въ 1823 году. «Одинъ старый профессоръ теологіи въ Лейпцигѣ — пишетъ онъ — говорилъ о новой системѣ, принятой правительствами: ихъ политика есть не что иное какъ политика *нечистой совѣсти;* отсюда — подозрительность, удаленіе отъ народовъ, фальшивыя мѣры, и при всемъ томъ никакой прибыли; они остаются все въ томъ же положеніи» [1]). Это было совершенно вѣрно.

Не надобно думать однако, чтобы упадокъ былъ полный и всеобщій, или чтобы мы имѣли право относиться къ этому времени съ какимъ-нибудь высокомѣріемъ, и распространять его на цѣлую умственную и литературную жизнь Германіи, — нѣтъ, потому что Германія не заключалась въ Берлинѣ или Вѣнѣ, и реакція, какъ ни была она могущественна по своимъ матеріальнымъ полицейскимъ средствамъ, была безсильна противъ той умственной жизни, гдѣ еще такъ недавно прошли Лессингъ и Кантъ, Фихте и Шиллеръ, гдѣ продолжали дѣйствовать высоко одаренные люди: еще живъ былъ Гёте, который — хотя и не возставалъ прямо противъ реакціи — но высоко держалъ уровень литературныхъ идей, и въ этомъ самомъ прусскомъ обществѣ Берлина дѣйствовали Александръ и Вильгельмъ Гумбольдты, знаменитый теологъ Шлейермахеръ, талантливый гегеліянецъ, энергическій противникъ упомянутой «исторической школы» Гансъ и цѣлый рядъ людей, занявшихъ весьма высокое мѣсто въ нѣмецкой наукѣ и литературѣ. Они не были въ состояніи оказать фактической оппозиціи, но ихъ нельзя было заставить отказаться отъ свободы мысли. Къ благополучію Германіи послужило теперь и самое ея раздѣленіе. Не всѣ правительства пошли по этой дорогѣ, или не всѣ шли по ней такъ усердно какъ Пруссія; берлинская цензура часто не пускала въ Пруссію книгъ, напечатанныхъ въ другихъ краяхъ Германіи, но цензура не имѣла средствъ прервать умственной связи между частями націи, и то, что не могло быть сказано въ Берлинѣ, свободно высказывалось въ другихъ мѣстахъ. Въ 1829 году Фарнгагенъ радуется появленію сочиненій Людвига Бёрне; началась и дѣятельность Гейне...

---

[1]) Blätter, II, 422.

Мы видѣли, какъ отсутствіе собственной общественной и политической жизни заставляло лучшихъ людей общества, можно сказать, съ любовью слѣдить за свободной жизнью другихъ народовъ. Они «переживали» въ другихъ тѣ высшіе интересы, которыхъ не давала собственная жизнь. Предметомъ наибольшаго любопытства и сочувствія была конечно Франція; это сочувствіе начинаетъ больше и больше возрастать въ концѣ двадцатыхъ годовъ, когда политическое броженіе стало обнаруживаться съ особенной силой и когда появлялась перспектива будущей побѣды либеральныхъ идей и учрежденій.

Наконецъ, наступила іюльская революція. Извѣстно, какимъ сильнымъ впечатлѣніемъ отозвалась она во всей западной Европѣ. Надо прочесть замѣтки Фарнгагена, чтобы получить понятіе объ ея потрясающемъ дѣйствіи на современниковъ. Фарнгагенъ въ эти дни особенно подробно написалъ свои дневныя замѣтки; онѣ полны живого интереса.

«Когда здѣсь, въ Берлинѣ, стали извѣстны французскія ordonnances 25-го іюля, — пишетъ Фарнгагенъ. — весь городъ тотчасъ почувствовалъ все огромное значеніе этого удара. Большая часть либераловъ были смущены, но ожидали волненій и борьбы, въ особенности они разсчитывали на отказъ въ уплатѣ податей, и въ заключеніе все-таки ожидали паденія министровъ и побѣды хартіи. Шлейермахеръ думалъ, что теперь все будетъ зависѣть отъ того, какъ будутъ держать себя суды; другіе думали, что противъ силы будетъ употреблена сила. Гансъ былъ въ крайнемъ безпокойствѣ; иногда онъ думалъ, что ордонансы — благодѣтельны, что при ихъ помощи все быстро созрѣетъ, въ другія минуты онъ опять очень сомнѣвался. Штегеманнъ считалъ, что національное дѣло не можетъ погибнуть, но сначала будетъ запутано въ большую борьбу. Виллизенъ находилъ это предпріятіе безумнымъ, и для Бурбоновъ въ высшей степени опаснымъ. Другіе не понимали, какъ можно будетъ сопротивляться явному превосходству силъ правительства. За то и ультра (т. е. крайніе консерваторы и реакціонеры) были тоже не мало перепуганы; многіе боялись слишкомъ большого сопротивленія (ордонансамъ) и опаснаго кризиса; но другіе не могли скрыть своей радости. Кампцъ былъ въ восторгѣ; вотъ чего одного, говорилъ онъ, не доставало еще политическому состоянію Европы, теперь все превосходно, теперь мы переживемъ золотой вѣкъ спокойствія и порядка! Ансильонъ торжествовалъ, принимая важныя мины, — мудрая сила наконецъ показала себя. Д-ръ Юліусъ восхищался. Шмальцъ и Ярке принимали свое участіе въ побѣдѣ; перешедшій въ католичество профессоръ Валентинъ

Шмидтъ съ восхищеніемъ бросился въ объятія регирунгсъ-рату Витте, имѣвшему тотъ же образъ мыслей. По всему городу замѣтно было необыкновенное движеніе, всякій разыскивалъ новыхъ извѣстій, всѣ разсчитывали вѣроятности, предполагали, обдумывали. Немногія лица не высказывали своихъ мнѣній изъ благоразумія; конечно, каждый искалъ людей одного съ нимъ образа мыслей.

«Вмѣстѣ съ французскими газетами стали извѣстны здѣсь и нѣкоторые протесты журналистовъ противъ ордонансовъ; поэтому, когда на другой день газетъ не пришло, то здѣсь не знали, перестали ли они выходить вслѣдствіе ордонансовъ, или же произошли волненія. Вскорѣ узнали это послѣднее черезъ торговыя письма. Въ полдень 2-го августа, Гансъ пришелъ ко мнѣ и принесъ мнѣ первое, еще не вполнѣ вѣрное извѣстіе, что въ Парижѣ вспыхнули волненія, но онъ мало надѣялся, думалъ, что народъ долженъ будетъ покориться, и былъ совершенно внѣ себя; онъ признавался, что не знаетъ больше что̀ подумать. Нельзя было узнать ничего положительнаго. Наконецъ на слѣдующее утро, 3-го августа, пришли болѣе точныя извѣстія, «Staats-Zeitung» сообщила ихъ въ особенномъ прибавленіи, которое было разослано около полудня. Редакторъ «Staats-Zeitung» Филипсборнъ былъ въ Карлсбадѣ, его помощникъ спрашивалъ министра Шукмана, можно ли ему тотчасъ же разослать въ особомъ прибавленіи полученныя извѣстія, отрывки изъ «Messager des Chambres» отъ 28-го іюля, изъ «Journal de Francfort» отъ 31-го іюля, и отрывки изъ одного частнаго письма изъ Франкфурта отъ того же числа; министръ послалъ его къ наслѣдному принцу, и тотъ далъ позволеніе, устранивши, какъ неосновательное, замѣчаніе своего адъютанта графа Грёбена, не покажется ли въ «Staats-Zeitung» нѣсколько неумѣстнымъ заключеніе частнаго письма: «каждую минуту ожидаютъ отмѣны обоихъ ордонансовъ». Но едва это было напечатано, какъ явился запыхавшись Ансильонъ, свирѣпствовалъ противъ «Staats-Zeitung», жаловался, что не спросили его, что и здѣсь дойдетъ до того, до чего въ Парижѣ, если не положатъ конца проклятой свободѣ печати; въ особенности онъ печалился объ упомянутой заключительной фразѣ, которая очевидно компрометтируетъ Пруссію относительно французскаго двора. Наслѣдный принцъ былъ очень озадаченъ, не хотѣлъ ничего знать о томъ, что онъ самъ позволилъ эту вещь, и не слушалъ графа Грёбена, который напоминалъ ему о своемъ напрасномъ возраженіи. Впрочемъ Ансильонъ твердо надѣялся, что чернь и ея предводителей-либераловъ отлично перестрѣляютъ. Кампцъ былъ очень разсерженъ

тѣмъ, что народъ осмѣливался возставать; многіе знатные военные пожимали плечами и думали, что такія толпы черни можно тотчасъ разогнать хорошо дисциплинированной командой, если только ничего не щадить. Отсутствіе оффиціальныхъ извѣстій заставляло предполагать, что дѣло народа еще не потеряно; либералы стали надѣяться; то, что кровь была уже пролита, давало ручательство, что борьба будетъ продолжаться не безъ энергіи; къ вечеру либералы почти вообще были увѣрены въ своихъ надеждахъ. Между прочимъ, 3-е августа былъ день рожденія короля и до ночи праздновалось вездѣ съ большой радостью, и наша публика, во всѣхъ классахъ одушевленная сильнымъ сочувствіемъ къ народному дѣлу французовъ, казалось, какъ будто именно по этой причинѣ хотѣла тѣмъ яснѣе показать свой прусскій монархизмъ.

«Черезъ день узнали, наконецъ, о формальной протестаціи французскихъ газетъ, и что онѣ продолжаютъ издаваться наперекоръ ордонансамъ, узнали о собраніи многихъ депутатовъ и что съ каждой минутой возрастаетъ удача народнаго сопротивленія. Кампцъ былъ теперь очень смущенъ и печалился объ этомъ поворотѣ вещей. Публика съ жадностью пожирала всякое новое извѣстіе, и ея участіе высказывалось все громче и громче. На улицахъ были почти только радостныя лица, въ кофейняхъ и кандитерскихъ собирались группы, въ которыхъ безъ всякаго опасенія высказывалось самое ревностное демократическое настроеніе. При дворѣ было совсѣмъ иначе. Выступленіе Лафайета, учрежденіе временной правительственной коммиссіи, пораженіе королевскихъ войскъ, полное завоеваніе дворцовъ и казармъ въ Парижѣ, наконецъ появленіе трехцвѣтной кокарды не оставляли никакого сомнѣнія о рѣшительномъ поворотѣ вещей. Наслѣдный принцъ рѣзко говорилъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ тотчасъ же вступить во Францію, чтобы поддержать законное правительство, что онъ самъ, съ 50,000 пруссаковъ, которыхъ можно бы собрать тотчасъ же, немедленно поправилъ бы дѣла. Ансильонъ продолжалъ бушевать, говорилъ въ особенности противъ здѣшней «Staats-Zeitung» [1]), которая заражаетъ народъ, и какъ необходимо и здѣсь также принять строгія мѣры. Кампцъ думалъ, что французскій король уже бѣжалъ, но когда онъ неожиданно услышалъ, что король еще находится въ Сенъ-Клу, окруженный своей гвардіей, онъ тотчасъ снова поднялъ голову, думалъ, что еще ничего не потеряно, что еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, и Парижъ

[1]) Замѣтимъ, что это была ни болѣе ни менѣе какъ оффиціальная правительственная газета.

будетъ страшно раскаяваться въ своемъ возмущеніи. Но эта пустая фантазія только дѣлала его еще смѣшнѣе; вслѣдъ за тѣмъ онъ еще больше упалъ духомъ и долженъ былъ самъ услышать, какъ вокругъ него съ энтузіазмомъ восхваляли эту прекрасную революцію, высказывали удивленіе къ французамъ, желали имъ успѣха и счастія.

«Когда король воротился изъ Тёплица, онъ, хотя сначала и выразилъ свою досаду, что французскій король не сдержалъ своего слова и нарушилъ хартію, но въ довѣренномъ кругу былъ очень сокрушенъ французскими событіями. Онъ сказалъ, что надо считать сорокъ лѣтъ потерянными, все это время прожито понапрасну, все опять начинается сначала; что хотя онъ и сдѣлаетъ все для сохраненія мира, не желаетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, надѣется того же и отъ другихъ державъ, но несмотря на все это онъ, однако, убѣжденъ, что не пройдетъ года, какъ вспыхнетъ война. Король отложилъ поѣздку въ Гамбургъ и личный смотръ войскъ на Рейнѣ; гарнизоны крѣпостей также не должны выступать, а будутъ занимать крѣпости, которыя будутъ поставлены на военную ногу. Изданіе особыхъ прибавленій было запрещено. Наслѣдный принцъ и другіе принцы говорили въ обыкновенномъ ультра-реакціонномъ духѣ; Ансильонъ продолжалъ свирѣпствовать, также Кампцъ, ганноверскій посланникъ Реденъ, португальскій Оріола и др. Лица французскаго посольства начинаютъ мало-по-малу изъ крайнихъ реакціонеровъ дѣлаться двусмысленными; наконецъ они перестали скрывать, что они приняли бы присягу и трехцвѣтному знамени. Когда Орлеанскій принцъ сдѣлался королемъ, Ансильонъ со злобой сказалъ: le crime a vaincu! Отреченіе Карла X и дофина заставляетъ тѣмъ сильнѣе хвататься за права герцога Бордосскаго; разсчитываютъ на медленность путешествія короля, на Вандею, на маршала Бурмона, даже на якобинцевъ; радуются, что есть республиканская партія, которая все перевернетъ. Министровъ бранятъ, но желали бы спасенія Полиньяка, который принадлежитъ къ высокой аристократіи; прольется ли кровь Пейронне, къ этому относятся довольно равнодушно, онъ — плебей, и съ него довольно чести, если онъ умретъ за королевское дѣло!

«Оба Виллизена очень довольны ходомъ вещей, князь Пюклеръ также, Шамиссо въ восхищеніи, всѣ они желаютъ теперь только умѣренности французскихъ правителей, вѣрности хартіи, пощады пэрамъ, не слишкомъ большого демократизма. Но много дѣла парижскимъ событіямъ до здѣшнихъ желаній! Тамъ не хотятъ никакихъ извиненій, не хотятъ довольствоваться уступками,

провозглашаютъ верховную власть народа, дѣлаютъ новую хартію и вовсе не боятся войны, хотя и желали бы ея избѣгать. Публика (въ Берлинѣ) вообще въ большомъ восторгѣ; точно также въ Гамбургѣ, въ Дрезденѣ. Аристократія внѣ себя, но еще не теряетъ надежды, и здѣсь, какъ въ Парижѣ. Савиньи, Питтъ-Арнимъ, и многіе, которые вообще только держатся конституціонныхъ мнѣній, вполнѣ за французское національное дѣло. Гансъ отправился въ Парижъ. Обстоятельство, что наслѣдственность перства подвергнута сомнѣнію, вызываетъ негодующіе вопли реакціонеровъ; они чувствуютъ, что грозитъ опасность ихъ существованію.

«Французскія газеты читаются въ кофейняхъ и производятъ сильное впечатлѣніе; слушатели часто единогласно высказываютъ свое одобреніе, офицеры, купцы, студенты и т. д. Злыя остроты «Фигаро» съ удовольствіемъ повторяются. Графъ Оріола разсказывалъ мнѣ съ досадой, что онъ самъ стоялъ въ одной группѣ, гдѣ всѣ парижскія происшествія находили превосходными. Реакціонеры и аристократы въ бѣшенствѣ; они видятъ, что ихъ осмѣиваютъ отчасти люди, имъ подобные, напр. генералъ, графъ Калькрейтъ. За столомъ у короля генералъ Блокъ имѣлъ наивность объявить, что конечно величайшее затрудненіе, какое можетъ встрѣтиться военному, это—быть обязану стрѣлять въ народъ.... Штегеманнъ, Эйхгорнъ, Бейме, Александръ Гумбольдтъ, всѣ радуются событіямъ, и болѣе или менѣе высказываютъ это....

«Купцы и бюргеры чрезвычайно гордятся тѣмъ, что люди ихъ сословія облечены въ Парижѣ высшими правительственными *должностями*. Въ противоположность этому, принцъ Карлъ, при извѣстіи о важномъ положеніи Лафитта, съ презрѣніемъ отозвался: «Какой-нибудь лавочникъ хочетъ быть всѣмъ!»—Я сказалъ какъ-то, что въ парижской революціи свобода печати какъ будто лично вступила въ борьбу. Господинъ фонъ-Лампрехтъ говоритъ: «Теперь ясно, какъ хорошо мы дѣлаемъ, что не даемъ здѣсь свободы печати; отсюда идутъ всѣ бѣдствія Франціи». Гофпредигеръ Штраусъ недавно обѣдалъ у короля, конфиденціально говорилъ съ нимъ и утѣшалъ его. Вскорѣ затѣмъ онъ разсказывалъ это мнѣ; онъ видитъ во французскихъ событіяхъ и въ здѣшней радости имъ только дурной образъ мыслей, безнравственность и безбожіе, и надѣется всего отъ единодушія монарховъ».

Мы прибавимъ въ дополненіе еще нѣсколько замѣтокъ Фарнгагена, написанныхъ въ сентябрѣ этого года.

«Король получилъ письмо новаго короля французовъ черезъ посланника его, генерала графа Лобо, пригласилъ его къ обѣду,

на смотръ и т. п. Но еще медлитъ дать ему отвѣтъ и признать новаго короля, удерживаемый въ особенности русскими вліяніями. Графу Бернсторфу (министру иностранныхъ дѣлъ) приходится выдерживать сильную борьбу; онъ находитъ, что къ признанію есть очень настоятельныя побужденія и что къ нему все-таки принудятъ впослѣдствіи; Союзъ (т.-е. Священный Союзъ) уже давно почти не существуетъ, что онъ окончательно подорванъ признаніемъ новаго французскаго короля со стороны Англіи, что его надо сначала заключить вновь, чтобы имѣть возможность на него опираться. Волненія въ Бельгіи и въ Ахенѣ—а также въ Гамбургѣ и Лейпцигѣ—еще больше запутываютъ дѣло. Король тотчасъ велѣлъ двинуть на западъ три арміи; это считаютъ черезчуръ поспѣшнымъ. Для военныхъ мѣръ оказалось не все такъ готово, какъ обыкновенно этимъ хвалились; опять должны были прибѣгнуть къ Риббентропу, который былъ до такой степени забытъ. Наши первые люди (Häupter) при каждомъ неблагопріятномъ извѣстіи тотчасъ теряютъ голову, и все видятъ въ мрачномъ свѣтѣ; придетъ потомъ другое извѣстіе чуть получше, имъ опять все кажется розовымъ. Яснаго взгляда на фактическое значеніе событій совершенно недостаетъ. При этомъ аристократы постоянно натравливаютъ, и ихъ слова естественно нравятся. Наслѣдный принцъ видимо хочетъ показывать себя твердымъ и язвительнымъ, и у себя на обѣдѣ обходился съ графомъ Лобо очень гордо и язвительно, къ большому удовольствію придворныхъ и адъютантовъ, людей, какъ Роховы, Фоссы, Рёдеры, Грёбены и т. д. Но король сдѣлалъ ему выговоръ, чтобы онъ держалъ себя менѣе рѣзко.

«Наверху нѣтъ *никакого* порядка и единства! Даже люди, какъ Бернсторфъ и Витгенштейнъ, весьма ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ и не могутъ провести многихъ изъ своихъ мнѣній, потому что ихъ положеніе позволяетъ имъ выступать только въ привычной колеѣ. Настоящее слово съ настоящимъ удареніемъ *до* событій безразсудно, *послѣ* событій излишне! *Дѣла наши стоятъ теперь не лучше, чѣмъ въ 1806 году!*... Никто не понимаетъ времени и его событій. Все слѣпо и бѣшено стремится къ гибели. Если дѣло идетъ хорошо, то это чистый случай, это происходитъ изъ другихъ источниковъ, а не отъ проницательности тѣхъ, кто ведетъ ихъ» [1]).

Къ такимъ печальнымъ заключеніямъ приходилъ Фарнгагенъ, который не былъ большимъ скептикомъ и вовсе не недоброжелателемъ къ своему правительству. Таковы неизбѣжно должны были

[1]) Blätter, V, 297—306.

бить мнѣнія всѣхъ благоразумныхъ патріотовъ, понимавшихъ требованія времени и ходъ событій. Пруссія смѣшалась при іюльской революціи; королю казалось, что напрасно прожиты были сорокъ лѣтъ — войнъ съ Франціей и Священнаго Союза; другимъ казалось, что напрасно прожито было время съ 1806 года, когда Пруссія получила страшный урокъ, который долженъ былъ бы заставить ее подумать серьезно о внутреннемъ ея устройствѣ и котораго она все-таки не уразумѣла: вмѣсто того Кампцъ гонялся, наконецъ, за гимназистами, и правительство не замѣчало, куда стремилась вся тогдашняя жизнь. Послѣ 1830 года продолжалось опять тоже непониманіе времени, пока, наконецъ, и Пруссія должна была испытать революціонный кризисъ, окончившій ея прежнюю и основавшій ея нынѣшнюю исторію.

Это изображеніе нѣмецкой реакціи въ дневникѣ Фарнгагена представляетъ между прочимъ ту любопытную сторону для русскаго читателя, что въ этой нѣмецкой реакціи былъ тотъ образецъ, которому слѣдовала русская реакція десятыхъ и двадцатыхъ годовъ и пр. Дневникъ любопытенъ и по другому отношенію, по его прямымъ извѣстіямъ о русскихъ дѣлахъ. Россія въ то время сильно занимала умы: личность императора Александра, недавняя военная слава, дипломатическое вліяніе Россіи на ходъ европейскихъ дѣлъ, ея участіе въ европейской реакціи, безпрестанные конгрессы обращали на нее общее вниманіе, и въ Пруссіи это было особенно естественно: здѣсь связи съ Россіей были тѣснѣе, и сосѣдство ближе. Фарнгагенъ нерѣдко записываетъ русскія происшествія, о которыхъ ему случалось слышать, записываетъ разговоры съ русскими путешественниками, которыхъ онъ немало встрѣчалъ въ берлинскомъ обществѣ, воспоминанія своихъ соотечественниковъ объ императорѣ Александрѣ и т. п. Конечно, все это только отдѣльныя подробности; но въ нихъ найдется не одна характерная черта, которою можетъ воспользоваться русскій историкъ. Къ этой сторонѣ дневника мы обратимся въ слѣдующей статьѣ.

А. Пыпинъ.

РУССКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЧТА

(Опытъ историческаго очерка.)

ПОВОЗЪ, ЯМЪ, ПОЧТА.

«Въ старыя времена, когда кто за государевымъ дѣломъ кто куда посыланъ былъ, онъ либо на своихъ лошадяхъ, либо на свой коштъ на наемныхъ ѣхать долженствовалъ, а иногда для таковой поѣздки покупалъ лошадей и по окончаніи пути отдавалъ оныхъ въ казну. Проѣзжающимъ изъ другихъ государствъ, посламъ и гонцамъ съ возвратомъ, даваны были отъ города до города подводы, собираемыя съ городскихъ жителей по усмотрѣніи городскаго начальства, за что плачены были изъ казны небольшіе прогоны». Въ такихъ краткихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ «Древняя Россійская Вивліоѳика» говоритъ о способахъ государственныхъ сообщеній въ Россіи въ старыя времена [1]. Изъ этихъ словъ можно заключить, будто въ древности правительства содержали извозныя сообщенія на собственныя средства и могли требовать подводы только въ исключительныхъ случаяхъ — для иностранныхъ пословъ и гонцовъ, съ уплатою прогонныхъ денегъ. Не такъ было въ дѣйствительности. Какъ ни скудны свѣдѣнія, дошедшія до насъ изъ глубины древности, все же они достаточно объясняютъ, что въ глубокой древности у насъ существовалъ уже извозъ, лежавшій повинностью на землѣ. По лѣтописи Нестора, со времени

---

[1]) Ч. XX (изд. 2), стр. 412.

Владиміра, «Радимичи платятъ дань Руси и *везутъ повозъ*» [1]). Ранѣе образованія русскаго государства, въ VII вѣкѣ, одно славянское племя — Дулѣбы, отбываетъ эту повинность не только конями и волами, но даже женами: «аще поѣхати бяше Обрину не дадяше впрячи ни коня, ни вола, но веляше впрячи три ли, четыре ли, пяти ли женъ въ телѣгу и повезти Обрину» [2]). Вотъ почему можно безошибочно утверждать, что какъ въ то время, когда славяне платили варягамъ и козарамъ дань «по шлягу отъ рала», «бѣлой вѣвѣрицѣ отъ мужа» [3]) и «бѣлой векшицѣ отъ дыма», такъ и тогда, когда Олегъ и Ольга «устави дани и уроки»,— повозъ не былъ забытъ уже потому, что всякая дань, а тѣмъ болѣе вещественная, требуетъ доставки. Коль скоро существуютъ дани, подати, коль скоро установилась какая-либо власть, извозъ представляется въ такой безотлагательной необходимости, что не можетъ быть упущенъ изъ виду. Извозъ необходимъ для доставки собираемой дани, извоза требуютъ сообщенія центральной власти съ органами областного или городского управленія, извозъ входитъ въ подъемъ и движеніе военныхъ силъ. Все это относитъ извозную повинность къ самымъ первымъ временамъ образованія государствъ. И дѣйствительно, по Карамзину, «въ IX и X вѣкѣ изъ разныхъ областей Россіи ходили уже въ столицу—Кіевъ, обозы съ медомъ и шкурами — оброкомъ княжескимъ, — что и называлось: *возить повозъ*» [4]). Какъ тяжелъ былъ этотъ повозъ уже въ то время, въ отношеніи подъема войскъ, видно со словъ дружины Святополка: «негодно веснѣ ити (въ походъ) кони измучити, хочемъ погубити смерды и рало имъ отъяти».

Впрочемъ, въ эпоху патріархальную, извозная повинность имѣла видъ и называлась «даромъ», «поклономъ», «честью». Только при дальнѣйшихъ успѣхахъ правительственной власти потребовалось болѣе точное опредѣленіе правъ съ одной стороны и обязанностей — съ другой, и потому при Олегѣ и Ольгѣ повсемѣстно установились «дани» и «уроки». Тѣмъ не менѣе за многими повинностями, въ томъ числѣ и за повозомъ, долгое время сохраняется еще характеръ «дара», «чести». Обидою считается не дать послу «корма и повоза». Одинъ князь-правитель имѣетъ право на повозъ при объѣздѣ областей; только дань его доставляется посредствомъ народнаго повоза. Ратники, за-

---

[1]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. I, пр. 518.
[2]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. I, пр. 84.
[3]) Гагемейстеръ принимаетъ «вѣвѣрицу» за дѣвицу.
[4]) Ист. Гос. Рос. т. I стр. 248 (по изд. Смирдина).

щитники отечества, ратные вѣстники получаютъ повозъ по тому же понятію. Вирники, намѣстники, волостители, тіуны, праветчики, доводчики, пристава, по правиламъ гостепріимства, пользуются кормомъ, но правъ на повозъ не имѣютъ. Въ этомъ не представляется и надобности. Областные правители получаютъ должности для своего *кормленія:* никакихъ разъѣздовъ они не дѣлаютъ, а къ мѣсту могутъ доѣхать на своихъ или наемныхъ лошадяхъ. Низшія же хожалыя и ѣздовыя должности получаютъ съ кого слѣдуетъ, но не отъ казны — «хоженое», «ѣздовое», а дворяне—«погонъ». Удѣльный періодъ благопріятствуетъ такому порядку вещей въ повозѣ: только въ небольшихъ удѣльныхъ княжествахъ чиновники могутъ слѣдовать къ мѣстамъ и исполнять служебныя дѣла на своихъ или наемныхъ лошадяхъ; только при такомъ условіи, въ землѣ, гдѣ не было дорогъ, могъ производиться сборъ дани и доставка ея. При каждомъ военномъ движеніи нужно было «теребить пути и мосты мостить»; сдѣланное не поддерживалось, а разрушалось, чтобъ преградить возможность вторженія непріятелей, или симъ послѣднимъ. При такомъ государственномъ положеніи, какъ бы ни былъ ограниченъ повозъ, онъ не могъ считаться легкою повинностію. На это-то положеніе указываетъ дружина Святополка, говоря «кони измучити, хочемъ погубити смерды». Двусмысленная рѣчь Владиміра, тогда еще язычника, во всякомъ случаѣ бросаетъ свѣтъ на положеніе повоза съ другой стороны; онъ не то иронически, не то положительно говоритъ: «диво мнѣ дружино оже лошади жалѣете ею же оретъ смердъ». Такъ велось это дѣло до самаго татарскаго погрома, когда въ XIII-мъ столѣтіи въ государственномъ повозѣ въ первый разъ является слово *подвода* [1]).

Хотя, безъ сомнѣнія, въ повозъ и прежде входили подводы, подъ чѣмъ подразумѣваются лошади въ телѣгахъ и саняхъ, — но слово *подвода* новѣйшаго происхожденія, оно не употреблялось въ древней Руси. Въ духовной Владиміра Мономаха говорится еще, что въ походѣ оружія усланы «на повозѣхъ»; что онъ отправился въ Смоленскъ «о двою коню» [2]). Судя по этимологіи, слово подвода получило гражданство съ тѣхъ поръ, какъ для государственныхъ сообщеній потребовался подводъ лошадей на указанныя мѣста — города и станы. Дѣйствительно, въ XIII вѣкѣ службы къ городамъ, старостамъ и становщикамъ уже существуютъ, и подводы отпускаются отъ города до города, отъ

---

[1]) Юр. Сб. Мейера, изд. 1855 г. ст. о почтахъ, стр. 346, пр. 2.

[2]) Гагемейстеръ, о финанс. древн. Руси, пр. 58 и 59.

стану до стану [1]). Проѣзжающіе «князья, бояре и дѣти боярскіе и люди дворные и всякіе ѣздоки» и сборщики податей получают право на кормы и подводы. О прогонныхъ деньгахъ въ это время не упоминается. Легальное положеніе, имѣющее ближайшее отношеніе къ подводамъ, носитъ характерическое названіе — *ямъ*.

Слово—ямъ, полагаютъ, заимствовано отъ татарскаго: «ямъ» — дорога; «ямъ-чи» — путеводитель, проводникъ, ямщикъ; или же отъ ямы, рва, межи. Но очень можетъ быть, что слово—ямъ происходитъ отъ славянскаго глагола: яти, имати — брать. Спряженіе этого глагола—азъ ямъ или емлю; ты емлешь и т. д.; отглагольное существительное будетъ: ямъ — сборъ, наборъ, поборъ. Въ древней Руси, со временъ татарскаго владычества ямъ означаетъ повинность, какъ слово дань — подать: «моя дань и ямъ», «опричь моей дани и яму» — говорится въ грамотахъ этого времени. Ямы были «татарскіе», «монастырскіе» и, безъ сомнѣнія — общіе. У яма великихъ князей стоятъ «ямники», «ямщици», «ямщики». Ямъ, по отношенію къ натуральнымъ повинностямъ — службамъ отбывается «на шестой день» или «по силѣ»; а по отношенію къ сборамъ — вѣроятно по установленнымъ положеніямъ. Ибо въ длинномъ перечнѣ «ямщины» показаны: «мыто, тамга, вѣсчее, помѣрное, подымное, пятно» — сборы денежные и вещественные. Во весь періодъ татарскаго владычества, ямъ могъ дѣйствовать впрочемъ не столько по положеніямъ, сколько «по силѣ»; онъ даетъ право брать лошадей у проѣзжающихъ на дорогѣ [2]).

Извѣстность яма начинается съ XIII-го столѣтія, одновременно съ подводами, которымъ онъ служитъ какъ бы закономъ. Въ подводной повинности разомъ призываются на службу: люди, какъ проводники, имущество ихъ — лошади, телѣги, упряжь и запасы продовольствія — въ кормы проѣзжающихъ, самыхъ проводниковъ и лошадей. Призывъ подводъ, если держаться точнаго положенія, могъ предъявляться на «шестой день». При дальнихъ разстояніяхъ города отъ города, стана отъ стана, при бездорожьи, при «баскакахъ», не всегда можно было разсчитывать на благополучный извозъ. Продолжительныя задержки ставятся ни во что. Понятно, что такая повинность не могла не считаться самою тяжелою. Вотъ почему Новгородъ, бывшій сравнительно въ лучшихъ условіяхъ, гдѣ ямъ долго не былъ извѣстенъ,—въ договорѣ съ союзнымъ польскимъ королемъ, въ которомъ крайне нуждался,

---

[1]) А. Э. т. I, № 32 и Др. Р. Вив.

[2]) Юр. Сб. Мейера ст. о почтахъ, стр. 358 пр. 3.

отводитъ подводамъ особую статью: «посламъ, намѣстникамъ и людямъ твоимъ — не брать подводъ въ землѣ Новгородской».

Въ XV-мъ вѣкѣ — на великокняжескомъ московскомъ престолѣ Іоаннъ III, государь Бѣлой Россіи, т. е. свободной, не подвластной. Съ первыхъ же дней онъ устраиваетъ на ямы и подводы новую систему, которой придаетъ такую важность, что, умирая, пишетъ въ своей духовной: «а сынъ мой Василій въ своемъ великомъ княжествѣ держитъ ямы и подводы на тѣхъ мѣстахъ по дорогамъ, гдѣ бысть ямы и подводы при мнѣ».... «а дѣти мои по своимъ отчинамъ держатъ ямы и подводы». Карамзинъ упоминаетъ объ этой системѣ только вскользь и говоритъ о ямахъ, какъ о почтѣ, «гдѣ путешественникамъ давали не только лошадей, но и пищу» [1]). Другіе писатели относятъ даже время образованія ямовъ, очевидно заимствовавшихъ свое названіе отъ яма, то къ Дмитрію Самозванцу, царствованіямъ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича [2]), то отодвигаютъ за предѣлы дѣйствительности, какъ «современное гражданской жизни русскаго народа» [3]).

Въ чемъ же состоитъ сущность учрежденія или системы ямовъ и подводъ? Отчего Іоаннъ III такъ много заботился о немъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ учрежденіе это замѣчательно только тѣмъ, что здѣсь кормятъ проѣзжающихъ и отпускаютъ имъ лошадей? Положеніе объ устройствѣ ямовъ и подводъ не сохранилось, но его можно реставрировать почти въ слѣдующемъ видѣ:

1) Дороги, связывающія Москву съ провинціальными городами, по запущенности ихъ, принимаются въ государственную собственность, относятся къ разряду статей яма, отъ чего и называются *ямскими* [4]).

2) По дорогамъ устраиваются въ назначенныхъ мѣстахъ, по плану и системѣ, дворы, получающіе названіе *ямскихъ дворовъ* [5]).

3) На ямскихъ дворахъ поселяются по два должностныхъ лица придворнаго вѣдомства, названныхъ — *ямщиками*. Ямщики получаютъ отъ государя по тройкѣ лошадей для разъѣздовъ [6]).

---

[1]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. VI, стр. 363.

[2]) Др. Р. Вив. т. XX. Ямской приказъ и описаніе постепеннаго разв. почт. гоньбы въ Россіи, изд. почт. д-та 1860 г.

[3]) «Москв.» 1852 г., № 1, ст. г. Лешкова о пут. сооб. и ям. гоньбы, и приб. къ общимъ циркул. по глав. уп. почтъ 1843 г., № 5.

[4]) «Моск.» 1852 г. I, ст. г. Лешкова.

[5]) А. Э., т. I, № 156. Ямской дворъ составляютъ: «хоромы, двѣ избы трехъ саженъ межъ угловъ, да два сѣнника на подклѣтяхъ межъ угловъ по полутье сажени а промежъ сѣнниковъ конюшня въ четыре сажени».

[6]) А. Эк., т. I, № 156 и Юр. Сб. Мейера, ст. о почтахъ, стр. 357, со ссылкой на Шторха, т. VII, стр. 241—242.

4) Къ ямскому двору приписываются прилежащія волости, деревни, слободы и села, — что образуетъ округъ, названный — ямомъ [1]).

5) На обязанности ямщиковъ лежитъ:

а) сборъ съ своего округа дани и ямской вещественной повинности, и доставка ея по принадлежности;

б) требованіе подводъ къ ямскому двору для перевозки сборовъ, для гонцовъ и проѣзжающихъ, которые предъявятъ подорожныя грамоты в. князя или удѣльнаго [2]);

в) надзоръ за исправленіемъ дорогъ.

6) Къ обязанности ямского округа относится:

а) уплата даней и повинностей, по вновь-составленному положенію, съ «сохъ» [3]);

б) поставка подводъ, исключительно по требованіямъ однихъ ямщиковъ;

в) исправленіе ямскихъ дорогъ, пролегающихъ по ямскому округу, устройство мостовъ и гатей, поставка верстъ, посадка деревьевъ и проч.

Таково было ямское устройство по своей формѣ, насколько ее можно возстановить по сохранившимся свѣдѣніямъ. Уже въ этой формѣ ямы представляются не одностороннимъ какимъ-либо учрежденіемъ, а общею системою государственнаго благоустройства. Пути сообщенія, важность коихъ сознана недавно, озабочивали Іоанна III, и преимущественно на нихъ онъ обращаетъ народныя силы, жертвуя личными своими выгодами. При почтовомъ ямскомъ устройствѣ сборъ повинностей производится правильнѣе, и доставка ея не такъ обременительна. Одна изъ тягостнѣйшихъ повинностей — подводная, ограничивается подорожными, выдаваемыми самимъ государемъ. Въ выдачѣ подорожныхъ и подводъ не замѣтно въ это время щедрости. Посолъ нѣмецкаго императора получаетъ только «двѣ» подводы. Во всемъ, до самыхъ мелочей, соблюдается величайшая точность, характеризующая Іоанна III; въ подорожной, выданной тому же послу, точно опредѣляется, что̀ должно дать ему въ кормъ: «а корма для нѣмчина на яму, гдѣ случится стати, курья, да двѣ части говядины, да двѣ части свинины, да соли, яични, сметаны,

[1]) А. Э., т. I, № 156. Вотъ ямской округъ того времени: «волость Ладога, вол. Вотфала, вол. Андопалъ, вол. Суда, вол. Наксалова, вол. Заполицы, сл. Куръ-волохъ, слоб. Мирошинцы, с. Чужбинское и Егорьское».

[2]) А. Э., т. I № 86. Карамз., т. VI, 363, пр. 615.

[3]) Карамз., VI, стр. 356.

масла, да *два калача полуденежные* по сей моей грамотѣ» [1]). Устройство ямскихъ дворовъ избавляетъ крестьянъ отъ не менѣе тяжкой — постойной повинности въ отношеніи ямщиковъ и проѣзжающихъ. Въ тоже время при личномъ завѣдываніи государя ямскимъ устройствомъ и выдачею подорожныхъ — все, что дѣлается въ государствѣ, ему извѣстно; въѣздъ и выѣздъ, безъ его согласія, невозможенъ. При особенно важныхъ происшествіяхъ въ государствѣ или на границахъ его, ямщики обязаны тотчасъ передавать извѣстія, употребляя для гоньбы государевыхъ лошадей.

Такимъ образомъ вся сущность ямской системы направлена къ ограниченію яма, какъ общаго произвола, и къ установленію государственнаго порядка. Въ этой системѣ заключался секретъ могущества и постоянныхъ успѣховъ Іоанна III, удивлявшихъ современниковъ. Стефанъ, господарь молдавскій, говорилъ объ немъ: «Сватъ мой есть странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не могу защитить земли своей» [2]).

Нельзя также пройти молчаніемъ того выдающагося факта, что при сознаніи всей важности ямского устройства, Іоаннъ III не предоставилъ ямщикамъ никакой власти: они не могутъ не только высылать людей на работы по дорогамъ, но даже заставить починить дворъ свой,—на все это требуется особый указъ. Кромѣ того и на нихъ, какъ на другихъ, равно смотрятъ «грозныя очи», и надъ ними раздается: «торговая казнь и продажа» за «посулы и поминки на крестьянахъ».

Въ царствованіе Василія Іоанновича и форма и духъ ямского учрежденія значительно измѣняются. Ямщики получаютъ надѣлъ земли. Въ качествѣ приставовъ, взыскиваютъ на крестьянахъ «ѣздовое, по денгѣ на двѣ версты». Управляются ямскою Избою. Подводы выдаются такъ щедро, гоньба производится такъ быстро, что удивляетъ иностранцевъ; «кто требуетъ десять лошадей, тому приводятъ сорокъ, пятьдесятъ». Герберштейнъ говоритъ, что въ это время платились уже прогонныя деньги, по 6 денегъ на 20 верстъ, но достовѣрность этого показанія сомнительна, ибо несообразна съ общею системою. При Іоаннѣ Грозномъ, когда по положенію своему ямщики должны были примкнуть къ опричнинѣ, на нихъ уже поднимается сильный ропотъ и жалобы крестьянъ на то, что они: «отнимаютъ лошадей силою», держатъ у себя «бездѣльно», отпущаютъ «безъямно», «лошади вовсе про-

---

[1]) Карамз., т. VI, пр. 615.

[2]) Тамъ же, стр. 350.

падають» и «убытки великіе». Въ виду этихъ жалобъ царь поставляетъ надъ ямщиками особаго пристава, но жалобы продолжаются. Именитые люди Строгановы выпрашиваютъ привилегію «не возить и не кормить пословъ, ѣздящихъ въ Москву изъ Сибири или въ Сибирь изъ Москвы».

Когда на престолъ вступилъ Ѳедоръ Іоанновичъ, слово «ямщикъ» было уже синонимомъ сбира, баскака, опричника. Рѣшено — реформировать ямское учрежденіе на новыхъ началахъ, которыя, по сохранившимся актамъ, состояли въ слѣдующемъ:

1) Ямщики, какъ сборщики подводъ, упраздняются.

2) Подводная повинность въ ямскихъ округахъ прекращается, если —

3) Вмѣсто подводной повинности округъ выставитъ добровольно желающихъ принять на себя гоньбу.

4) Тѣ, которые изъявятъ такое желаніе, должны имѣть по тройкѣ лошадей съ повозками и сбруей. Люди эти получаютъ отъ правительства: званіе ямскихъ охотниковъ, освобождающее отъ всѣхъ податей и повинностей, жалованье, загонныя (прогоны) деньги и «бѣлую» землю.

5) На жалованье и прогоны ямщикамъ охотникамъ устанавливается особый сборъ — «ямская посоха».

6) Ямскіе охотники принимаются неиначе какъ по «порядным» и «поручнымъ» записямъ обществъ съ охотниками, за которыхъ, въ случаѣ несостоятельности, отвѣчаетъ общество, его представившее.

7) Тамъ гдѣ есть рѣки, перевозъ лежитъ на ямскихъ охотникахъ, которые для этого должны имѣть «суды.»

8) Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ гоньбы, при недостаткѣ ямскихъ силъ, поставляются подводы, получающія также прогонныя деньги.

9) Ямщики - охотники вписываются въ особую книгу; ими управляетъ ямской приставъ или прикащикъ, загонную книгу ведетъ цѣловальникъ; росписаніе «ямской посохи» дѣлаетъ ямской стройщикъ; собираетъ сборъ въ казну ямской сборщикъ [1]).

Съ этого же времени прекращаются и свѣдѣнія о выдачѣ проѣзжающимъ кормовъ.

Новая система отправленія подводной повинности имѣла столько преимуществъ, что не могла не встрѣтить сочувствія. Вскорѣ стали образовываться цѣлые посады ямщиковъ-охотни-

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ актовъ, помѣщенныхъ въ Юрид. Сборн. Мейера на 1855 г., въ ст. о почтахъ. Время этого учрежденія основано преимущественно на актахъ А. Э., т. I, № 344, гдѣ упоминается уже о ямскихъ охотникахъ.

ковъ, которымъ сперва не было ограниченія. На такихъ основаніяхъ Борисъ Годуновъ началъ-было заводить ямы даже въ Сибири [1]). Это было самое лучшее время ямщиковъ, когда у нихъ сложился типъ удали, сопряженной съ быстрой ѣздой. За сословіемъ ямщиковъ-охотниковъ совершенно скрылись изъ виду прежніе ямщики-сбиры.

Наконецъ, при Годуновѣ окончательно сложилось *свободное привилегированное* ямское сословіе, понесшее на себѣ многія народныя тягости.

Въ смутное время, Василій Шуйскій спѣшитъ нанести ударъ ямскому сословію. Онъ запрещаетъ выбирать въ ямщики-охотники «тяглыхъ, посадскихъ и вольныхъ крестьянъ» [2]), а крѣпостное право отняло свободу у другихъ людей. Это остановило развитіе ямского сословія, вызвавъ у обществъ необходимость выдачи «бобылямъ-охотникамъ подможныхъ денегъ ежелѣтъ» [3]).

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, ямщики уже жалуются, что при гоньбѣ по разнымъ дорогамъ на разстояніи 300—700 верстъ «отъ перегону» лошади у нихъ «попадали», что они вошли въ неоплатные долги, женъ и дѣтей позакладывали и многіе разбрелись розно [4]). Размѣръ ямскихъ денегъ, неправильно смѣшиваемыхъ во всѣхъ сочиненіяхъ съ «подможными деньгами» и «ямскою посохою», возросъ до 800 руб. съ сохи [5]). Михаилъ Ѳеодоровичъ «видячи сошныхъ людей оскудѣніе», уменьшилъ ямскія деньги, замѣнившія нѣкоторыя повинности «яма»,—до половины [6]). Въ отношеніи ямовъ и ямщиковъ приняты также весьма важныя мѣры, именно: 1) составъ ямщиковъ ограниченъ штатомъ; 2) повелѣно, чтобы между ямами [7]) не было большихъ перегоновъ; 3) ямщикамъ, къ прежнимъ правамъ, предоставлены права торговыя безъ пошлинъ и привилегіи на извозъ; 4) выдано росписаніе, по скольку подводъ надлежитъ отпускать «разныхъ чиновъ людямъ», чѣмъ узаконено общее право служащихъ лицъ на государственный извозъ, и 5) разрѣшено ямщикамъ наниматься «у гостей и у всякихъ людей подъ товары вольными цѣ-

---

[1]) Юр. Сб. Мейера, ст. о почтахъ, стр. 349, со ссылкою на Шторха, т. IV, стр. 335.

[2]) Приб. къ общ. цир. по глав. упр. почтъ 1843 г. №. 5.

[3]) Тамъ же. Отсюда ведетъ свое начало система вспомоществованія за государственный извозъ, со стороны земства.

[4]) Ак. Ист. III, №. 75.

[5]) Юр. Сб. Мейера раз. отд. ф. учр. стр. 130.

[6]) Тамъ же, ст. о почт. стр. 353; и приб. къ об. цир. по глав. упр. почтъ 1843 года № 5.

[7]) Ямами теперь считаются ямскіе посады, а не округа.

нами», чѣмъ допущены къ государственному извозу и частныя лица [1]).

Несмотря на эти мѣры, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, ямщики «оскудѣваютъ и бредутъ розно» [2]). Развитіе ихъ съ указа Шуйскаго остановилось, а потребность въ извозѣ увеличилась. Главнымъ бичемъ для ямщиковъ были гонцы. Алексѣй Михайловичъ повелѣваетъ, чтобы гонцовъ посылалось какъ можно меньше, возлагаетъ доставку депешъ на самихъ ямщиковъ, вовсе исключаетъ низшихъ служилыхъ лицъ изъ права пользоваться государственнымъ извозомъ, воспрещаетъ задержаніе ямскихъ подводъ, ставитъ на одномъ трактѣ для скорый ѣзды своихъ стадныхъ лошадей со стадными конюхами и трубниками [3]); но ямщики все бѣгутъ. Ихъ стали розыскивать. Въ именномъ указѣ значится: «Тверскаго яма ямщиковъ, которые съ того яму бѣжали и записались въ посадъ и въ разные чины, а вдовы ямщичьи жены вышли замужъ за посадскихъ и за служилыхъ людей и за стрѣльцовъ и за казаковъ и за всякихъ чиновъ людей и тѣхъ бѣглыхъ ямщиковъ съ женами и съ дѣтьми и вдовъ за кого они вышли замужъ, брать и записывать по прежнему на тверской ямъ въ ямщики» [4]). Въ такомъ положеніи было уже *привилегированное* сословіе ямщиковъ-охотниковъ и такая въ немъ чувствовалась потребность. Стала вновь призываться подводная повинность [5]).

Въ тоже время гонцы ѣздятъ «съ великою спѣшкою», и выступаетъ забота, что ямщикамъ «жалованья въ окладъ и на прогоны денегъ не достанетъ». Все это побудило Алексѣя Михайловича «для скорыя обсылки, а наипаче для пріумноженія торговыхъ государственныхъ пожитковъ» принять предложенія иностранцевъ о заведеніи въ Россіи *почты*.

Первая мысль объ учрежденіи въ Россіи почты, связующей Москву съ Аугсбургомъ, принадлежитъ саксонцу Шлитту, который развивалъ ее еще Іоанну Грозному, но тогда мысль эта не осуществилась. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда потребность въ правильныхъ сообщеніяхъ стала ощущаться все сильнѣе и сильнѣе, когда о пользѣ почтъ, дѣйствовавшихъ въ Европѣ, доходили самыя благопріятныя свѣдѣнія, Алексѣй Михайловичъ рѣшился принять такую же систему сообщеній. Но

---

[1]) Ак. Ист. III, № 57. Древ. Рос. Вив., Юрид. Сб. и соб. зак. по управ. почтъ т. IV, 1826 г. стр. о ямск. привилегіяхъ.

[2]) Соб. зак. по упр. почтъ т. I, № 10.

[3]) Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 1, 7, 11, 12.

[4]) Тамъ же, стр. 12.

[5]) Тамъ же стр. 6.

прежде оффиціальнаго введенія, почта испытывается не гласно: на трактѣ отъ Москвы до Риги почту содержитъ одно трехлѣтіе съ 1664 года иноземецъ фонъ-Сведенъ, «а ставилъ онъ чрезъ тое почту вѣдомости своими людьми и на своихъ лошадяхъ въ двѣ недѣли въ Тайный Приказъ, а по договоруималъ отъ той почты по 1200 руб. въ годъ» [1]). Затѣмъ въ 1667 году по андрусовскому договору съ Польшею, устанавливается почта отъ Москвы до Вильны, какъ учрежденіе, содѣйствующее между прочимъ «къ слученію общему противъ бусурманъ и для унятія своевольства отступниковъ казаковъ украинскихъ» [2]). Обѣ почты, Виленская и Рижская, гдѣ кромѣ государственныхъ депешъ принимаются посылки и грамотки отъ торговыхъ людей за опредѣленную плату, поступаютъ въ завѣдываніе иноземцевъ сперва Марселиса, и потомъ Виніуса, которые въ отношеніи жалованья полагаются «на государское милосердное разсмотрѣніе». Но возка почтъ лежитъ уже на «выборныхъ лучшихъ ямщикахъ». Ямщики приведены «предъ святымъ евангеліемъ къ вѣрѣ», одѣты въ кафтаны суконные «амбургскаго сукна цвѣту» съ нашитыми «изъ краснаго сукна орлами». Для иностранной корреспонденціи сдѣланы «изъ бѣлаго желѣза пять ковчежецъ», а для внутренней — мѣшки. Ямщикамъ воспрещается принимать для перевозки частныя письма, а иноземцамъ, живущимъ въ Россіи, напротивъ воспрещается посылать своихъ или наемныхъ гонцовъ. Съ рижскимъ и виленскимъ почтмейстерами заключены договоры, по которымъ одна половина сборовъ поступаетъ въ ихъ пользу, а другая въ пользу русскаго почтмейстера. Этотъ послѣдній обязуется, кромѣ того, за высылку «адвизовъ» (торговыхъ, биржевыхъ извѣстій) доставлять каждый разъ «по парѣ соболей добрыхъ въ 25 ефимковъ» [3]).

Въ такомъ положеніи подводы, ямы и почты находились при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, который велѣлъ обратить на жалованье ямщикамъ «полоняночныя деньги» — древній сборъ, шедшій на выкупъ плѣнныхъ [4]), назначилъ ямщикамъ «новый окладъ», замѣнилъ прежній народный сборъ, производившійся съ сохи, другимъ «съ дворовъ» [5]), и указалъ: «боярамъ и окольничьимъ и другимъ людямъ ѣздить въ городѣ или откуда похочатъ, въ лѣтнее время въ каретахъ, а въ зимнее — въ саняхъ на двухъ лошадяхъ; бо-

---

[1]) Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 23.

[2]) Собр. зак. по упр. почт. т. I, стр. 8.

[3]) Тамъ же, стр. 8, 22—32, и др. Рос. Вивл. т. XX, стр. 347.

[4]) Соб. зак. по уп. почтъ, т. I, стр. 17.

[5]) Тамъ же.

ярамъ въ праздничные дни въ каретахъ и саняхъ на четырехъ, а гдѣ имъ доведется быть па сговорахъ и свадьбахъ, на шести, и спальникамъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ ѣздить въ зимнее время въ саняхъ на одной лошади, а въ лѣтнее—верхами, а въ каретахъ и саняхъ на двухъ лошадяхъ имъ никому не ѣздить» [1]).

Въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, по представленіямъ почтмейстера Виніуса о мѣшкотной возкѣ почтъ ямщиками, два раза повелѣвается «чинить имъ наказаніе: бить батоги нещадно» [2]). Ямщики одного яму напротивъ жалуются, что отъ большой гоньбы «лошади съ пересады помираютъ»; что изъ отпущенныхъ «подъ казну и подъ всякими посланными людьми» 69 лошадей «сорокъ три лошади пало»; что ихъ «изъ подводъ бьютъ и мучатъ на правежѣ смертнымъ боемъ» [3]). Ямской приказъ говоритъ, что ямскія и полоняночныя деньги собираются въ приказъ большого двора, къ нему не присылаются, почему «дать ямщикамъ нечего» [4]).

При такомъ положеніи дѣла, посольскій приказъ получаетъ повелѣніе: отписать въ приказъ большія казны — почтовая гоньба на какомъ основаніи учинена, въ чемъ состоитъ дѣло почты и какіе ея приходы и расходы? Посольскій приказъ, подробно изложивъ весь порядокъ установленія почтъ, какъ онъ выше объясненъ, присовокупилъ, что чрезъ нихъ «отъ великихъ государей во окрестныя государства къ Цезарю римскому и английскому и къ дацкому и къ свѣйскому и къ польскому королямъ также и отъ нихъ грамоты и всякія государственныя надобныя вѣстовыя письма и куранты присылаются, а за тое почтовую гоньбу Виніусъ у торговыхъ всякихъ чиновъ людей и у иноземцевъ съ грамотокъ деньги беретъ ли и по скольку сбираетъ и куда въ расходъ держитъ, того въ государственномъ посольскомъ приказѣ невѣдомо и въ приказъ тѣхъ сборныхъ денегъ не отдаетъ» [5]). Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ отвѣтъ на приказъ большія казны, но въ концѣ этого же періода открыта почта до Архангельска и для возки ея выбраны «лучшіе ямщики», которые получили званіе «почтарей». Почтари обязаны возить почту «наскоро» и «бережно въ мѣшкахъ за

[1]) Др. Рос. Вив. XX, стр. 416.
[2]) Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 13—15.
[3]) Тамъ же, стр. 19.
[4]) Тамъ же, стр. 20.
[5]) Собр. зак. по уст. почтъ, т. I, стр. 23—29.

пазухою» и буде подмочать или потеряютъ и имъ въ потерѣ тѣхъ писемъ быть *пытаннымъ*» [1]).

Наступило время Петра I. Почта раздѣлилась при немъ на «нѣмецкую», «купецкую», «заморскую» или иностранную, и — почту ямскую. Первая имѣетъ привилегію на иностранныя сношенія, купеческія посылки и грамотки, — вторая — на обыкновенную казенную корреспонденцію и дворянскія письма. Таксы у нихъ, прогонная плата ямщикамъ—разныя. Нѣмецкою почтою завѣдываетъ иноземецъ Виніусъ, который принимаетъ государственныя и воеводскія депеши безъ платежа вѣсовыхъ денегъ и даже «бываетъ такъ добръ что, противъ обыкновенія, не распечатываетъ посольскихъ писемъ, если его хорошенько попросишь». Ямскою почтою управляетъ ямской приказъ, который постоянно ссорится за лошадей, никакихъ писемъ и казенныхъ пакетовъ безъ платежа вѣсовыхъ денегъ ни отъ кого, даже отъ сената, не принимаетъ и настаиваетъ, такъ что ему аккуратно платятъ деньги по счетамъ. Вопросъ о внутреннемъ развитіи почтъ долго не получаетъ никакого разрѣшенія. Прежде всего изданъ уставъ о полевой почтѣ [2]). Затѣмъ открыта нѣмецкая верховая почта до городовъ, «гдѣ губернаторы обрѣтаются», а потомъ—ординарная ямская. Въ это время дѣйствіе двухъ партій, иноземной и русской, обрисовываются всего рельефнѣе на почтѣ. Иноземецъ Фикъ, представляя докладъ о почтахъ (конечно, о нѣмецкихъ) говоритъ: «коллегіямъ дѣла свои управлять не можно, ежели порядочная верховая почта чрезъ всѣ главные городы и губерніи государства единожды или дважды въ недѣлю не пойдетъ: сіе есть одно изъ потребнѣйшихъ и притомъ легчайшихъ дѣйствъ» [3]). Установленіе ординарныхъ почтъ объявлено напротивъ слѣдующимъ указомъ, въ видѣ манифеста къ русскому народу:

«Понеже его царскому величеству извѣстно учинилось, что отъ частыхъ не такъ нужныхъ дѣлъ, какъ больше отъ произвольныхъ и непорядочныхъ изъ всѣхъ мѣстъ, паче же отъ Москвы до С.-Петербурга и обратно, нарочныхъ посылокъ и непотребныхъ, по разнымъ подорожнымъ почтовыхъ и ямскихъ подводъ многимъ числомъ дачь разныхъ чиновъ людямъ, кому давать не надлежало, и отъ непрестанныхъ въ разные пути разгоновъ, а наибольше отъ курьеровъ и офицеровъ, которые на почтовыхъ подставахъ и на ямахъ озарничествомъ чинятъ во взятьи подводъ несносныя ямщикамъ съ побоями обиды, въ такое оные пришли крайнее разореніе,

[1]) Тамъ же стр. 35—36.
[2]) Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 101.
[3]) Соб. зак. по упр. поч., т. I, стр. 105.

что новопоселенные [1]) отъ Новгорода до С.-Петербурга ямы отъ побѣга ямщиковъ едва уже не всѣ стали пусты, а изъ другихъ отъ Новгорода до Москвы ямовъ ямщики обезлошадѣвъ и разорясь отъ того многіе бѣжали; такожъ и кромѣ оныхъ почтовыхъ и ямскихъ подводъ въ губерніяхъ и провинціяхъ для такихъ же непорядочныхъ посылокъ сбираютъ уѣздныя подводы и для того во многихъ мѣстахъ держатъ нарочныя подставы и отъ того чинится государственная тягость. Того ради указалъ его царское величество въ знатныхъ городахъ, по большимъ дорогамъ учинить нынѣ ординарную почту».... «Подставныя подводы во всемъ государствѣ, кромѣ завоеванныхъ городовъ, отставить и гдѣ поставлены тѣ тотчасъ свесть и впредь имъ безъ имяннаго царскаго величества указа и безъ указа изъ сената нигдѣ не быть и собою отнюдь никому сего чинить не дерзать.... И для того сей его царскаго величества указъ по губерніямъ и провинціямъ, на торгахъ и на ярманкахъ и въ селахъ гдѣ надлежитъ публиковать и въ приходскихъ церквахъ священникамъ— читать» [2]).

Въ это же царствованіе въ отношеніи подводъ и ямщиковъ приняты слѣдующія мѣры: 1) строго подтверждено, что подводъ ни для какихъ дѣлъ, даже для государственныхъ — не брать безъ платежа прогонныхъ денегъ; 2) въ соотвѣтствіе древнему порядку, воспрещено вовсе отпускать подводы боярамъ и воеводамъ — казанскимъ, сибирскимъ, уфимскимъ, саратовскимъ, царицынскимъ, свіяжскимъ и иныхъ городовъ»; 3) ямщикамъ возвышена прогонная плата, вмѣсто отмѣненнаго жалованья; 4) назначенъ вновь имъ штатъ; 5) разрѣшено отпускать частнымъ проѣзжающимъ по подорожнымъ лошадей за двойные прогоны; 6) установленъ поверстный сборъ на С.-Петербургскомъ трактѣ, направленный къ ограниченію по возможности спроса на ямскихъ лошадей, съ коихъ отмѣнена и гривенная пошлина; ямской приказъ и иностранный купеческій почтамтъ подчинены одному почтъ-директору, которому повелѣвается обѣ почты привести въ порядокъ и вообще поступать во всемъ «какъ доброму и честному офицеру надлежитъ».

Въ такомъ положеніи оставилъ подводы ямы и почтъ Петръ I. Въ эту эпоху, извѣстный Посошковъ, въ своемъ сочиненіи «Скудость и Богатство», такъ разсуждалъ о нѣмецкой

---

[1]) 216 витей (въ вити семь дворовъ), выписанные изъ губерній: Московской, Ярославской, Рижской, Архангельской, Казанской, Кіевской, Азовской, (Соб. зак. по упр. почтъ т. I, стр. 96—97.

[2]) Соб. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 115—119.

почтѣ: «нѣмцы пожаловали, прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственныя и промышленныя дѣла ясно зрятъ. Дира-жъ есть сія: сдѣлали почту, а что въ ней в. государю прибыли про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все государство чинится, того и исчислить невозможно. Что въ нашемъ царствѣ ни сдѣлается, то во всѣ земли разнесется; одни нѣмцы отъ нея богатятся, а русскіе люди нищаютъ. И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а русскіе люди жили изъ себя изрываючи».

Въ періодъ времени отъ Петра I до Екатерины II, по почтовому дѣлу происходитъ слѣдующее движеніе:

Въ царствованіе Екатерины I, предписывается: ямщикамъ по дорогѣ отъ С.-Петербурга до Москвы, стѣсняющимъ проѣзжающихъ, въ особенности «купцовъ»,—«чинить наказаніе кнутомъ нещадно» [1]), а отъ верховнаго тайнаго совѣта выходитъ указъ: «всѣ дѣла, касающіеся до нѣмецкой почты, какъ внѣ такъ и внутрь государства ходящей, отослать къ барону Остерману и впредь чего онъ отъ ямской канцеляріи востребуетъ, какъ въ подводахъ, такъ и въ прочемъ, что для лучшаго содержанія почты надлежитъ—исправно исполнять». Губернаторамъ, воеводамъ и прочимъ управителямъ посланы такіе же указы [2]).

При Петрѣ II, ямщики жалуются, что «въ губерніяхъ и провинціяхъ и городахъ вице-губернаторы и воеводы во всемъ чинятъ не по силѣ указовъ, и ѣдущимъ всякихъ чиновъ людямъ къ даннымъ на ямскія подводы подорожнымъ, даютъ въ прибавку отъ себя другія подорожныя, такожъ и для отъѣздовъ своихъ въ деревни берутъ подъ себя и подъ людей своихъ подводы за малые прогоны и безъ прогоновъ, и инымъ не по ихъ рангамъ съ прибавкою, а подъ денежную казну и подъ другія тягости не по пропорціи на ямахъ указнаго числа витей и у нихъ лошадей, и въ Москву присылаютъ людей своихъ и въ подорожныхъ пишутъ солдатами и разсыльщиками, и изъ принужденія ихъ ямщики возятъ къ нимъ на своихъ лошадяхъ дрова, сѣно и прочія домовыя ихъ всякія тягости отправляютъ безденежно, и вѣдаютъ ихъ судомъ и расправою всякими дѣлами и постоянно чинятъ имъ немалое утѣсненіе, а какъ ямскіе управители о тѣхъ ихъ непорядкахъ имъ объявили и они зато ихъ держали скованныхъ, а иныхъ батожьемъ били» [3]).

Анна Іоанновна, «съ неудовольствіемъ извѣстясь, что под-

[1]) Соб. зак. по упр. почтъ т. I, стр. 156—158.
[2]) Тамъ же, стр. 159.
[3]) Соб. зак. по упр. поч., т. I, стр. 177—178.

ставныя лошади въ герцогствахъ эстляндскомъ и лифляндскомъ ежедневно находятся въ чрезвычайныхъ трудахъ», возвышаетъ прогонную плату до 24 к. съ лошади на 10 верстъ [1]); а проѣзжающимъ «за невѣжество и нахальство назначаетъ «жестокое, тѣлесное и даже смертельное наказаніе» [2]), о чемъ и публикуется по герцогствамъ. Для надзора, на каждую станцію поставлены изъ ревельскаго гарнизона по два человѣка солдатъ [3]). Вслѣдъ затѣмъ изданъ указъ, чтобы безъ именного повелѣнія подводы не сбирались, «понеже отъ такихъ подставъ вѣрнымъ подданнымъ лифляндскому и эстляндскому шляхетству и прочимъ обывателямъ немалыя причиняются тягости».

Въ правленіе принцессы Анны брауншвейгъ-люнебургской, замѣчено, что «особенно» въ Лифляндіи лошади содержатся плохи, тогда какъ тамъ за лошадей довольныя прогонныя деньги платятся, а въ отношеніи русскихъ подводъ и ямщиковъ подтвержденъ указъ Петра I, повелѣвающій: «подводъ никому ни для чего даромъ не брать ни для государственныхъ дѣлъ, ни же для титулярныхъ, и ямскія подводы брать только для проѣзда, а не для клади».

Въ царствованіе Елизаветы Петровны строятся почтовые дворы, а на нихъ для проѣзжающихъ—трактиры. Устройство нарочныхъ становъ отъ Астрахани до С.-Петербурга для перевозки фруктовъ, персиковъ, винограду и прочаго, повсемѣстная перевозка разныхъ припасовъ на ямскихъ и обывательскихъ подводахъ, фактическая и легальная отмѣна указовъ Петра I, вызывали народный ропотъ. Слѣдовавшіе при обозѣ съ «намекою», малороссійскій есаулъ, служитель и солдатъ, въ Тульской губерніи нещадно избиты и имъ не дали лошадей.

По вступленіи на престолъ Екатерины II первый актъ ея, относящійся къ сообщеніямъ, было возвышеніе за «ямскіе, почтовые, городскіе и уѣздные подводы» прогонныхъ денегъ «вдвое».

Почты находились въ это время въ слѣдующемъ положеніи:

Ямская—далеко не была устроена повсемѣстно и дѣло велось ею съ крайнимъ безпорядкомъ: корреспонденція пересылалась въ «рогожаныхъ куляхъ», при перевозкѣ часто «терялась»; правильныхъ курсовъ не соблюдалось, ибо воеводы могли задерживать эти почты.

---

[1]) Русская прогонная такса: почтовая—отъ Спб. до Новгорода 2, а отъ Новгорода до Москвы 1 деньга на версту; ямская—отъ Спб. до Новгорода 1 деньга на версту, до Москвы 6 денегъ, а въ прочихъ мѣстахъ 4 деньги на 10 верстъ (Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 145).

[2]) Соб зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 158—186.

[3]) Соб. зак. по уп. почтъ т. I, стр. 203—204.

Нѣмецкая почта, по даннымъ ей средствамъ, находилась несравненно въ лучшемъ положенiи: по отношенiю къ ямской почтѣ она занимаетъ господствующее мѣсто; всѣ требованiя ея «исправно» исполнялись; «воеводы, губернаторы и прочiе управители» не только не могли задерживать этихъ почтъ, но подъ страхомъ лишенiя должности не смѣли взглянуть на дѣйствiя ея, которыя были покрыты глубочайшей тайной; она не просто производила письменныя операцiи, а священнодѣйствовала. При полученiи и отправленiи почтъ—публика удалялась. Законы, правила нѣмецкой почты не были извѣстны.

Обѣ почты, какъ ямская, такъ и нѣмецкая не доставляли казнѣ ни малѣйшаго дохода, и были онѣ только тягостью для народа. Съ первыхъ же дней Екатерина II заявляетъ, что «почта должна сама себя содержать»; что раздѣленiе ея, разныя таксы вредны; что различiе между купеческими и дворянскими письмами «конфузитъ» Россiю предъ всѣмъ свѣтомъ; что «самый послѣднiй человѣкъ» имѣетъ такое же самое право на услуги почты, какъ и всякiй другой [1]). Произносится слово: «почта вольная» [2]). Въ соотвѣтствiе этой мысли ямская почта закрыта; нѣмецкая принята въ государственное вѣдѣнiе и поручена извѣстному дипломату Безбородко. По провинцiямъ губернаторы и генералъ-губернаторы получили право надзора. Почтовая такса уравнена. Ямщикамъ предоставлена полная свобода: они могутъ приписываться въ купцы, мѣщане и другiя сословiя, сохраняя за собою и право на землю «съ такимъ еще преимуществомъ, что земля остается безъ оброка» [3]). Генералъ-прокуроръ князь Вяземскiй и генералъ-губернаторъ графъ Чернышевъ составляютъ утверждаемые проекты, по коимъ подводная почтовая повинность замѣняется денежнымъ сборомъ, а почтовому устройству дается слѣдующее основанiе:

1) «Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ полагается содержать почтовыхъ лошадей, имѣть особый для того почтовый домъ, построенный по особо на то данному плану, и въ губернскихъ городахъ называться имъ Почтамтами, въ прочихъ городахъ почтовыми дворами, а учрежденнымъ по дорогамъ не въ городахъ—станцiями; для содержанiя же почтоваго отправленiя въ губернскомъ городѣ быть губернскому почтмейстеру, въ прочихъ городахъ — почтмейстерамъ, а на станцiяхъ — которые всѣ, какъ и городовые почтмейстеры подчиняются губернскому почтмейстеру».

---

[1]) Соб. зак. по упр. поч., т. II, стр. 81.

[2]) Тамъ же, стр. 57.

[3]) Докладъ Архарова (собр. зак. по упр. почтъ, т. II стр. 269, 270).

2) «Всякій изъ нихъ порученный ему почтамтъ, почтовый дворъ или станцію долженъ содержать во всякомъ порядкѣ и непремѣнно наблюдать, чтобъ не только положенное число лошадей были всѣ добрыя и къ почтовой гоньбѣ годныя и способныя, но имѣлось бы по нѣскольку оныхъ и сверхъ положеннаго количества, для замѣна случающихся больныхъ; покои же почтоваго дома такъ раздѣлять, дабы *на одной половинѣ* была почтовая контора и достаточное мѣсто къ исправленію почтовыхъ дѣлъ, а *другая половина* оставалась имъ для жилья и для гостепріимства проѣзжающихъ».

3) «Почталіоновъ имѣть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ опредѣлено по 22 лошади по 11 человѣку, гдѣ 15 лошадей по 7 человѣкъ и гдѣ 12 лошадей по 6 человѣкъ способныхъ и проворныхъ, не малолѣтныхъ и не престарѣлыхъ».

4) «На каждомъ почтовомъ дворѣ и станціи, гдѣ положено имѣть, кромѣ прибавочныхъ, по 16 лошадей, должно быть для ординарной *еженедѣльной почты* и проѣзжающихъ по 2, а въ губернскомъ почтамтѣ по 4 почтовыхъ, сдѣланныхъ по данному образцу фуръ, которыя лѣтомъ имѣть на колесахъ, а зимою на полозьяхъ, такой величины, чтобъ въ каждую фуру вмѣщалось 4 человѣка проѣзжающихъ и 2 пуда ихъ поклажи, до 6 пудъ посылокъ, также по 8 роспусковъ съ кибитками, съ окованными колесами и желѣзными сердечниками, по 8 саней съ кибитками жъ и по 6 сѣделъ; на прочихъ же почтовыхъ дворахъ и станціяхъ роспусковъ съ кибитками такихъ же по 6, саней съ кибитками по 6, да сѣделъ по 4, и притомъ во всѣхъ мѣстахъ содержать потребное число добрыхъ кожаныхъ чемодановъ и переметныхъ сумъ, хорошую почтовую, на положенное число почталіоновъ, ливрею и крѣпкіе прочные и надежные хомуты, торки, узды и другую конскую упряжь, что все осматривается по два раза въ годъ т. е. осенью и весною, кому отъ губернатора приказано будетъ».

5, 6 и 7 пункты излагаютъ порядокъ полученія и отправленіе почтъ, пріема и раздачи корреспонденціи.

8) «Особенные же дни въ надлежащихъ мѣстахъ назначить слѣдуетъ для почты ординарной, т. е. для отправленія на фурахъ, въ которые же именно, какая почта и откуда приходитъ и когда туда отходитъ, сдѣлавъ росписи, прибить въ каждомъ почтовомъ домѣ въ пристойныхъ мѣстахъ».

9) «Всѣ вѣсовыя деньги за письма, возимыя въ чемоданѣ, хранить со всякимъ береженіемъ въ крѣпкомъ сундукѣ за почтовою печатью, записывая ихъ въ приходъ въ шнуровую книгу, которыхъ губернскіе почтмейстеры для себя и прочихъ требу-

ютъ отъ почтъ-директора въ резиденціи; по прошествіи же каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, должны тѣ деньги собираемы быть въ губернскій почтамтъ, а оттуда отправлять ихъ въ главный почтамтъ въ резиденціи, яко принадлежащія оному, въ пріемѣ которыхъ и квитанціи брать; сколькожъ таковыхъ денегъ когда собрано будетъ ежемѣсячно подносить губернатору вѣдомость, и таковыя въ то же время отправлять чрезъ губернскихъ почтмейстеровъ и въ почтамтъ въ резиденціи. За такія же письма, которыя *не будутъ въ чемоданѣ и слѣдуютъ къ отдачѣ живущими въ близости почтовыхъ дорогъ, также и за розсылку газетъ* къ тѣмъ кто оныя получаетъ, *деньги принадлежатъ* почтмейстерамъ и почтъ-коммиссарамъ, которые таковыя письма и газеты отъ себя доставляютъ. Собираемыя за ординарную почту, т. е. съ проѣзжающихъ на почтовыхъ фурахъ и за посылки деньги хранить также съ должнымъ береженіемъ за почтовою печатью, и по третямъ года отсылать ихъ всѣ къ губернскому почтмейстеру, которому о числѣ ихъ ежемѣсячно подавать рапорты губернатору; сей же можетъ ордерами своими приказать употреблять изъ нихъ на все то, что къ почтовому правленію въ губерніи потребно, а получаемыя за эстафеты, также и платимыя курьерами и ѣдущими на чрезвычайной почтѣ (проѣзжающіе особо) деньги принадлежатъ почтмейстерамъ и почтъ-коммиссарамъ, въ которыхъ и вести имъ свой счетъ.»

10, 11, 12 и 13 пункты излагаютъ частные почтовые порядки.

14) «Всякому корреспонденту оставляется на волю получаемыя на его имя письма брать по раздачѣ почты самому, или за ними присылать, и о нихъ подъ отмѣченнымъ въ картѣ номеромъ требовать, а ежели чрезъ 8 часовъ по раздачѣ почты не потребуетъ и не возметъ, тогда на слѣдующій день съ почтоваго двора отсылать ихъ съ почталіономъ, которому за трудъ не запрещается требовать 2 копѣйки, дабы сколь можно никакихъ писемъ съ одной почты не оставалось до прибытія другой».

15 и 16 §§ говорятъ о томъ, какъ поступать съ переданными письмами, челобитными и аппеляціонными дѣлами.

17) «Съ отправляемыхъ эстафетовъ брать по разчисленію мѣста отъ мѣста на одну лошадь съ казенныхъ на 10 верстъ по 12 копѣекъ, а съ партикулярныхъ по 18 копѣекъ».

18 § говоритъ о портовыхъ письмахъ.

19) «При опредѣленіи своемъ всякій почтмейстеръ и почтъ-коммиссаръ получаетъ отъ губернскаго почтмейстера словесное изъясненіе на всѣ части сего учрежденія».

20) «Каждый желающій ѣхать на почтовой фурѣ долженъ напередъ заплатить въ томъ почтовомъ дворѣ или станціи, гдѣ онъ на фуру садится, за свою дорогу до того мѣста, куда ѣдетъ по 15 коп. за каждыя десять верстъ, и каждому такому позволяется взять съ собою поклажи своей 20 ф., только бы то было уютное и не громадное. Желающіе же на фурѣ посылать свои посылки должны платить по 2 коп. на 100 верстъ съ фунта; и ежели такія посылки ближе, нежели за 50 верстъ посылаются, то брать съ фунта по одной копѣйкѣ.»

21 § о томъ, чтобъ 4 лошади и 2 почталіона всегда были готовы къ гоньбѣ.

22) «На всѣхъ почтовыхъ дворахъ и станціяхъ, какъ подорожныя, такъ и безъ оныхъ проѣзжающихъ по почтѣ записывать въ книги сколько кому лошадей дано, которыя по окончаніи года и отсылать въ губернскій почтамтъ, гдѣ подобнымъ образомъ также должна вестись всѣмъ проѣзжающимъ записка».

28 § о незадержаніи курьеровъ, почтъ и эстафетъ и о принятіи почтъ.

24) «Почтовые чемоданы и курьеровъ везти въ часъ по 10 верстъ, прочихъ проѣзжающихъ на почтѣ по 12 верстъ въ часъ, а ординарную на фурахъ почту въ часъ по 8 верстъ».

25) «На содержаніе почтамтовъ, почтовыхъ дворовъ и станціи опредѣляется почтмейстерамъ и почтъ-коммиссарамъ получать ежегодно въ началѣ генваря мѣсяца отъ губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій фуражныя деньги, считая на каждую изъ положеннаго числа лошадь въ сутки овса по получетверику, да сѣна въ сутки по 20 ф., и цѣною за четверть овса по рублю, а за пудъ сѣна по 6 копѣекъ; да на содержаніе конторы, фуръ и прочаго, тамъ гдѣ опредѣлено имѣть почтовыя фуры, по 95 р., а прочимъ—по 30 р. въ годъ».

26) «Каждый почтовый дворъ и станцію позволяется отдавать въ содержаніе *всякаго званія людямъ* на 15 лѣтъ съ ряду, а почтамты — безсрочно, доколѣ самъ вступившій въ содержаніе похочетъ и порученное въ должномъ порядкѣ и исправности имѣть будетъ; при томъ же наблюдать, чтобъ желающій быть содержателемъ въ состояніи находился исправить принимаемое на себя дѣло съ совершенною исправностью, для чего всякій представляющійся въ содержатели обязанъ предъявить не только одно о себѣ одобреніе, но представить еще и поруку въ томъ, что если онъ найдется въ своемъ дѣлѣ неисправенъ и отрѣшенъ будетъ, то учиненныя по почтовому содержанію упущенія не-

медленно ими исправлены и заплачены будутъ; во время же почтоваго содержанія именоваться тѣмъ изъ содержателей, кои въ городахъ—почтмейстерами, а кои на станціяхъ—почтъ-коммиссарами, считаясь тогда въ рангѣ 12-го класса».

27) «По прошествіи 15-ти лѣтъ, вызывать желающихъ вновь вступать въ содержаніе, давать имъ *торги* и поручать почтовое содержаніе имѣющимъ вышереченныя качества и засвидѣтельствованіе, и которые изъ такихъ больше за содержаніе въ почту заплатить пожелаютъ, однакожъ прежде содержавшіе, буде они порядочно исправляли свою должность, преимущественно всегда опредѣляемы быть имѣютъ, какъ скоро похотятъ заплатить такуюжъ сумму денегъ, которая послѣднею отъ желающихъ вступить въ содержаніе состоится. Деньги же за сей откупъ храниться имѣютъ въ Губернской Канцеляріи, на какое употребленіе впредь повелѣно будетъ, а починка почтовыхъ домовъ исправляется содержателями.»

28) Объясняется право содержателей на передачу дѣла, при соблюденіи тѣхъ же условій.

29) «Всѣ почтовые содержатели имѣютъ право гостинниковъ и могутъ въ почтовомъ домѣ продавать въ чарки и рюмки вейновую и французскую водку, виноградныя вина, англійское пиво и все то, что въ городахъ и трактирахъ продается и на томъ же основаніи.»

30) «Позволяется имъ пускать ночевать къ себѣ проѣзжающихъ всякаго званія людей, и продавать съѣстные припасы повольными цѣнами, также сѣно, овесъ и всякую конскую упряжку и прочее потребное путешествующимъ.»

31) «Прогонныя деньги за подводы получаютъ содержатели со всѣхъ проѣзжающихъ равныя, т. е. на 10 верстъ по 12 к. на лошадь, и на оныя содержать имъ какъ лошадей, которыхъ всѣхъ должны они имѣть собственныхъ, такъ и прочее все, принадлежащее къ почтовому исправленію, не требуя никакой помощи, кромѣ упомянутой выше, а тѣ проѣзжающіе, которые отъ 18 до 35 лошадей вдругъ потребуютъ, платятъ *двойные прогоны* и обязаны прежде прибытія своего за сутки дать о томъ знать на почтовыхъ станціяхъ содержателямъ и прислать имъ прогонныя деньги, которыя они получа и должны уже требуемое число подводъ за двойные же прогоны къ пріѣзду ихъ непремѣнно приготовить, нанимая обывательскихъ лошадей въ прибавокъ къ своимъ повольными цѣнами; собранныхъ же подводъ болѣе сутокъ не держать, развѣ заплачены будутъ отъ требователя за все время простойныя деньги, на каждые сутки по 25 к. на лошадь.»

32) «Содержатель наблюдаетъ, чтобъ почталіоны были всегда опрятны, отправляли бы подводы въ почтовой ливреѣ и конечно бы носили кожаную обувь.»

33) «Для письменнаго исправленія, также въ почталіоны и въ услуженіе свое могутъ они нанимать людей всякаго званія съ указными паспортами; а выгонъ для скота имѣть съ обывателями того мѣста—общій.»

34) Указывается форма почталіоновъ.

35) «Съ проѣзжающими содержатели поступаютъ ласково и учтиво, и никакихъ грубостей отнюдь имъ не дѣлать, такожъ и проѣзжающимъ ихъ не обижать и ничѣмъ не притѣснять.»

36) Опредѣляетъ отвѣтственность содержателя за грубость и неисправности.

37) «У каждаго почтоваго дома надъ дверьми долженъ быть поставленъ намалеванный государственный гербъ, который такъ какъ и почтовую печать каждому почтмейстеру и почтъ-коммиссару при опредѣленіи его и давать отъ губернаторовъ» [1]).

Приведенныя основанія полагались Екатериною II въ повсемѣстное устройство почтъ въ Россіи, но послѣднее слово ею не сказано, такъ какъ послѣ встрѣчается: «до будущаго установленія почтъ.» Но и сказаннаго довольно, чтобы понять всѣ преимущества новой государственной системы. Почта, почтовая станція не раздѣляются, не противуполагаются одна другой, а разумѣются однимъ мѣстомъ, которымъ управляетъ почтъ-содержатель. Такъ смотритъ на это дѣло и народъ. Почтъ-содержателю предоставляется право чиновника, но онъ не чиновникъ, а свободный, ничѣмъ не стѣсненный промышленникъ, отъ котораго зависитъ развивать мѣстныя сообщенія и пользоваться выгодами. Все подчиненіе вновь поступающихъ ограничивается «словеснымъ изъясненіемъ»; другихъ правъ у губернскаго почтмейстера нѣтъ. Здѣсь не говорится объ установленіи за содержателями той лѣстницы надзора, которая начинается съ станціоннаго смотрителя, уѣзднаго, губернскаго почтмейстеровъ и т. д. до безконечности. Надзоръ принадлежитъ одному губернатору, но и то только въ отношеніи почтовой гоньбы, которую онъ посылаетъ осматривать всего два раза въ годъ. Почтовые сборы обезпечены книгами и поручительствомъ. Залоги признаются излишними, хотя тутъ дѣло идетъ не только о почтовой гоньбѣ, но и о почтовыхъ суммахъ.

Послѣ такого личнаго положенія почтъ-содержателей, слѣдуютъ

---

[1]) Собраніе зак. по упр. почтъ, т. II стр. 80—91.

ихъ средства. Правительство отпускаетъ имъ на первое контрактное время опредѣленное пособіе, назначая за извозъ значительную по тому времени прогонную плату. Въ то же время предоставляетъ почтъ-содержателямъ извлекать промышленностію всѣ выгоды по своему положенію; «все потребное» для путешествующихъ, они могутъ содержать и продавать «повольными цѣнами; всѣхъ путешествующихъ, «людей всякаго званія», съ подорожными и безъ подорожныхъ они принимаютъ на ночлегъ, нисколько не стѣсняясь ни почтою, ни государственнымъ гербомъ; отпускъ путешествующимъ лошадей не стѣсненъ для нихъ подорожными. По письменной операціи за доставку писемъ, газетъ «вблизи дорогъ живущимъ», писемъ, которыя «не будутъ въ чемоданахъ», сборъ принадлежитъ не казнѣ, а почт-содержателямъ. Другими словами: въ мѣстномъ округѣ, гдѣ почт-содержателю удобно открыть свои сообщенія, онъ законно можетъ пользоваться выгодами этого предпріятія. Казна довольствуется тѣмъ, что не по силамъ почтъ-содержателю: она готова получать сборъ только *за дальнія* письма. Такъ великая государыня думала примирить государственные интересы съ мѣстными. Сборъ эстафетный, возвышенный съ частныхъ лицъ, принадлежитъ почт-содержателю, почталіоны котораго также получаютъ особую плату, за трудъ доставки писемъ. Возка курьеровъ и почтъ ограничивается 10-ю верстами въ часъ, а ординарная 8-ю. Вѣрно въ это время признавалась правда извѣстной пословицы: «тише ѣдешь, дальше будешь». При большихъ требованіяхъ на лошадей, почт-содержатель обязательный агентъ-спеціалистъ, но онъ получаетъ впередъ *двойные* прогоны и заблаговременное извѣщеніе. Съ такими почтъ-содержателями «людьми всякаго званія» личный, собственно почтовый составъ казнѣ ничего не стоитъ; не требуются также никакіе расходы на другія принадлежности дѣла: все должны имѣть почт-содержатели. Губернское почтовое управленіе содержится изъ доходовъ ординарной почты, о которой поэтому должно всемѣрно заботиться, къ общей пользѣ. Уже заводилась колясочная почта [1]). Составители положенія не думаютъ, чтобы при такомъ устройствѣ почтъ разъ назначенная почтъ-содержателямъ приплата могла возвыситься, напротивъ, предполагается, что по истеченіи контрактныхъ сроковъ, почтъ-содержатели могутъ уже дать «откупъ», который покроетъ, а пожалуй, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и превыситъ отпускаемую имъ изъ податныхъ средствъ сумму. Этотъ откупъ сохраняется «до будущаго» на-

---

[1]) Собр. зак. по упр. поч., т. II стр. 265 и Юр. Сб. стр. 386.

значенія. Россія представляется усѣянною промышленными постами, гдѣ всякій путешественникъ, которымъ можетъ считаться всякой человѣкъ, найдетъ «все потребное»: приличный ночлегъ, пристанище, продовольствіе, лошадей, письменныя и пассажирскія сообщенія почтою, гдѣ притомъ не забыты «послѣдніе» сельскіе жители въ ихъ письменныхъ и другихъ нуждахъ. О пользѣ путешествующихъ, получающихъ лошадей безъ подорожныхъ по таксѣ, пониженной всѣми средствами государства, говорить нечего.

Слѣдующій за временемъ Екатерины Великой періодъ открывается докладомъ генералъ-аншефа Архарова, чтобы ямщиковъ, записавшихся въ купечество и мѣщанство, коихъ по одной Петербургской губерніи числится 410 семей, обратить, по прежнему, къ ямскимъ занятіямъ. Къ такимъ же занятіямъ испрашивается разрѣшенія обратить и ямской патріотическій полкъ, сформировавшійся въ шведскую войну. Докладъ утвержденъ, за исключеніемъ ямщиковъ, приписавшихся въ купечество. Содержаніе почтъ установлено *на прежнемъ* основаніи. Назначена почтовая цензура, печатаются подорожныя и установляется повсемѣстный подорожный сборъ; положено начало образованія особаго крѣпостного почтоваго сословія; на ямщиковъ возложена: «рекрутская повинность», «препровожденіе колодниковъ», «перевозка казенныхъ тягостей» и т. п. Къ управленію почтами, вмѣсто Безбородко, призванъ графъ Растопчинъ; губернаторамъ объявлено, если въ ихъ губерніяхъ произойдетъ разграбленіе почты, то они будутъ исключены изъ службы.

Приведенныя мѣры дали развитію почтъ совершенно отличное направленіе отъ того, какое установила-было Екатерина Великая. Съ этихъ поръ начинаются тѣ затрудненія, которыя, несмотря на всѣ усилія правительства, на всѣ успѣхи цивилизаціи, открывшей возможность паровыхъ и электрическихъ сообщеній,—не могутъ быть преодолѣны. Въ 1802 г., почты отчислены къ министерству внутреннихъ дѣлъ, и въ томъ же году составился комитетъ «для разсмотрѣнія состоянія почтъ и составленія удобнаго и уравнительнаго положенія къ ихъ содержанію [1])», но придумать что-либо было трудно. Министерство внутр. дѣлъ заявило проектъ, чтобы почтовыя станціи содержались изъ однихъ прогоновъ, но судьба этого проекта не извѣстна [2]), хотя въ это время очень заботились, чтобы почтовая

[1]) Юр. Сб. Мейера, ст. о почтахъ, стр. 371.
[2]) Тамъ же стр. 384.

гоньба установилась «на лучшихъ и удобнѣйшихъ правилахъ», и въ первый разъ причисленъ къ государственнымъ доходамъ почтовый сборъ.

Потомъ созывались еще другіе два комитета по вопросу о почтовой гоньбѣ и ямщикахъ (описаніе пост. раз. почтъ изд. п. д. 1860 г., стр. 6 и 7). Для перевозки пассажировъ стали составляться общества и одно патріотическое, въ которое входитъ цвѣтъ аристократіи [1]). Въ 1819 г., почта отчислена къ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и тотчасъ преобразовалась въ главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ [2]). Всѣмъ ямщикамъ, за исключеніемъ находившихся на трактѣ между С.-Петербургомъ и Москвою, Александръ возвратилъ свободу.

Во все время прошедшаго царствованія мысль о почтѣ вольной носится надъ Россіей. Въ 1827 году, князь Воронцовъ, въ качествѣ генералъ-губернатора, дѣлалъ представленіе и получилъ разрѣшеніе открыть вольныя почты отъ Одессы до Балты, но были ли они дѣйствительно открыты — неизвѣстно. Въ 1831 и 1836 годахъ, само правительство составляетъ положеніе о вольныхъ почтахъ и разсылаетъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, приглашая желающихъ къ содержанію, но желающихъ не явилось никого, за исключеніемъ малороссійскихъ казаковъ, которые, впрочемъ, содержали не долго. Въ основаніи этихъ почтъ была положена та мысль, чтобы крестьяне отправляли гоньбу цѣлымъ обществомъ за существовавшую прогонную плату, при такихъ условіяхъ, названныхъ льготами, что совѣстно исчислять ихъ, напримѣръ: «преимущество предъ другими, круговая порука и выборъ старосты, взаимное ручательство, право дальнѣйшаго содержанія при исправности, право заводить фуры, право принимать работниковъ и товарищей, право содержать лошадей на собственныхъ дворахъ, право удовлетворенія за загнанную лошадь и т. п. [3]). Идеей служило то, что «предоставляя новый промыселъ для крестьянъ, не требующій ни особенныхъ пожертвованій и капиталовъ, ни дальней отлучки хозяевъ отъ домовъ своихъ, думали замѣнить исподволь теперешній наемъ лошадей на почтовыя станціи, уменьшая тѣмъ самымъ сборъ съ народа

---

[1]) Соб. зак. по упр. почтъ, т. III, годъ 20: общество: гр. Потоцкій, князь Меньшиковъ, гр. Гурьевъ князь Лобановъ-Ростовскій, князь Голицынъ, гр. Бутурлинъ и друг.

[2]) Юр. Сб., стр. 402.

[3]) Сб. пост. и расп. по почт. вѣд., стр. 237—258.

на содержаніе почтовой гоньбы, который впослѣдствіи, если не отмѣнится, то по крайней мѣрѣ значительно сократится къ облегченію податныхъ сословій». Идея прекрасная, но къ осуществленію ея не дано никакихъ средствъ. Заведены почтовыя кареты [1]), по тяжести своей губящіе почтъ-содержателей, которые должны возить ихъ за самые мискропическіе прогоны, но кареты эти — доставляютъ удобство публикѣ, а главное—частный доходъ почтѣ. Пересылка газетъ, дающая уже сотни тысячъ годового дохода, принадлежитъ почтѣ, которая очень любезно обращается съ редакторами, помѣщающими статьи о почтовомъ «благоустройствѣ». А между тѣмъ почтъ-содержатели, тѣснимые *«нормальными»* условіями, все возвышаютъ и возвышаютъ свои цѣны, доходящія уже за $^{8}/_{м}$. въ годъ, тогда какъ почтовый доходъ представляетъ сумму не болѣе $^{2}/_{м}$. р. Содержаніе станцій переходитъ отъ торговой системы къ прусской административной, а отъ этой — къ оцѣночной и обратно къ торговой, но результатъ все одинъ — возвышеніе цѣнъ [2]). Покровительство почтоваго управленія надъ содержателями станцій объявлено закономъ, въ соотвѣтствіе чего «постороннимъ властямъ», гражданскому начальству строго воспрещено всякое вмѣшательство въ это дѣло [3]).

Слова: «почта вольная», «почта вольная» глухо ходятъ по Россіи, не находя примѣненія. Въ Сибири, однако, она существуетъ (Юр. Сб., стр. 385). Наконецъ, въ 1844 г., курскій помѣщикъ Студзинскій, въ представленномъ проектѣ объясняетъ, что для вольной почты необходимы *возвышенные* прогоны, нѣкоторыя льготы и привилегіи, подъ покровительствомъ почтоваго управленія! Проектъ утвержденъ, и вольная почта открыта на московско-харьковскомъ трактѣ, и вслѣдъ за тѣмъ и на нѣкоторыхъ другихъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ этою вольною почтою, однакожъ, оказалось, что она не чужда эксплуатаціи и темныхъ сторонъ, хотя дѣло идетъ, а главное, можетъ идти много лучше. Но въ это время Европа устроила уже паровыя и электрическія сообщенія, которыя оставляютъ Россію далеко назади. Маколей во всеуслышаніе говоритъ: «каждое улучшеніе средствъ сообщенія помогаетъ сколько матеріальному, столько и нравственному развитію народа», и «послѣ азбуки и книгопечатанія наиболѣе благодѣтельствуютъ роду человѣческому тѣ, которые уко-

---

[1]) *Юр. Сб.* Мейера, ст. о почтахъ стр. 389.

[2]) *Описан.* пост. раз. почт. гоньбы, изд. почт. деп. въ 1860 г.

[3]) *Почт. Уст.* ст. 191—273 и сб. постановленій ст. 545, 558.

рачиваютъ, улучшаютъ сообщенія» [1]. Въ русскомъ ученомъ трудѣ, вышедшемъ въ послѣдній годъ того царствованія, говорится уже, что «вольныя почты будутъ по части почтоваго законодательства въ Россіи прекраснѣйшимъ памятникомъ нашего времени» [2].

Въ настоящее время многое изъ упущеній прошлаго — исправлено. Сѣтями желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ Россія догоняетъ Европу. Въ самомъ началѣ объяснено, что государь императоръ повелѣлъ распространять почты вольныя, въ самомъ началѣ повышена прогонная плата за извозъ [3]; путемъ печатной гласности вызваны сужденія къ лучшему устройству почтовой гоньбы [4], назначены коммиссіи для разсмотрѣнія дѣйствующихъ положеній [5], отведено участіе въ этомъ дѣлѣ земству [6]; разрѣшено подводную повинность обращать въ денежную. Въ принципѣ рѣшена отмѣна подорожныхъ [7]; давно упразднены почтовое и всякое крѣпостныя сословія и частныя промысловыя почтовыя дѣла. Изданы почтовые уставы и правила. Въ послѣднее время необыкновенно быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ какъ будто отодвигаетъ почты на второе, третье мѣсто, но это только такъ кажется. Великая идея «почты вольной», почты, равно служащей всѣмъ до «самаго послѣдняго человѣка», продолжаетъ стоять на очереди. Правительство дѣйствительно вновь разсылаетъ по Россіи вопросъ: «нѣтъ ли желающихъ содержать вольныя почты?» Къ сожалѣнію, вопросъ о вольныхъ почтахъ остается неуясненнымъ со временъ Екатерины II, и съ тѣхъ поръ произошло столько перемѣнъ, что теперь не легко выдти на настоящую дорогу. Несомнѣнно однако, что только наивозможно большее облегченіе тягостей, лежащихъ на почтъ-содержателяхъ и устраненіе излишнихъ условій гоньбы, могутъ дать желаемые результаты. Почтовыя кареты, «идолы», какъ называли ихъ ямщики (это званіе не выходитъ изъ употребленія), отставлены. Неудобствъ однако такъ еще много, что земства уклоняются отъ содержанія почтовыхъ станцій [8], на которыя прибавленъ новый налогъ—гильдейскія пошлины, промысловыя и приказчичьи

---

1) Описаніе пост. раз. почт. гоньбы, П. Д., изд. 1860 г.

2) Юр. Сб. Мейера, 1855, стр. 405.

3) 1 апр. 1859.

4) Опис. пос. р. почт. гоньбы.

5) Тамъ же.

6) Мн гос. сов. высоч. утв. 1 янв. 1864.

7) Сб. уч. по зем. учр. стр. 71.

8) Спб. земство въ началѣ этого года.

свидѣтельства [1]). По смѣтѣ нынѣшняго года расходъ на почтовыя станціи составляетъ все еще сумму 7.593,173 р.

Первенствующаго значенія въ государственномъ управленіи, при желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, почты, какъ посредствующій факторъ, уже не имѣютъ; онѣ составляютъ теперь только экономическую систему, могущую оказать громадное вліяніе на народное хозяйство, въ какомъ угодно направленіи. Можно поставить ее такъ, что она будетъ постоянною тягостію, разореніемъ для государства и наоборотъ. Нельзя себѣ вообразить, что было бы теперь съ нами, если бы не подошло открытіе телеграфовъ, сразу упразднившихъ курьерскую и эстафетную гоньбу, и желѣзныхъ дорогъ, закрывшихъ громаднѣйшіе почтовые тракты. Тѣмъ не менѣе стоимость почтовой гоньбы не уменьшается, да и не можетъ уменьшиться, при существующихъ условіяхъ и возвышеніи цѣнъ на рабочія силы и естественныя произведенія, вызываемомъ желѣзными дорогами. При такомъ положеніи дѣла, въ наше время болѣе, чѣмъ когда либо примѣнима идея «почты вольной», и нашъ краткій очеркъ почтоваго дѣла въ Россіи имѣлъ, главнымъ образомъ, цѣлью напомнить, что не далѣе, какъ сто лѣтъ тому назадъ, мы уже стояли на дорогѣ къ ея осуществленію, и если потомъ сошли съ правильнаго пути, то вовсе не къ выгодѣ общества и не во имя его насущныхъ интересовъ.

С. Каниввцъ.

---

[1]) Цирк. предп. мин. фин. 14 окт. 1865 г. № 7157.

ШЕКСПИРОВСКАЯ КРИТИКА
ВЪ ГЕРМАНІИ.

II *).

Въ предъидущей статьѣ мы коснулись вопроса о драматической объективности и старались показать, насколько отъ способности поэта всецѣло поддаться впечатлѣнію изображаемаго предмета зависитъ чистота и ясность художественнаго изображенія. Этой способностью обладалъ Шекспиръ въ такой степени, что никому никогда не приходило въ голову отрицать ее. Самъ Гервинусъ сознается, что такой объективности, такого полнаго отреченія отъ своей личности, какое господствуетъ въ драмахъ Шекспира, мы не найдемъ ни у кого, за исключеніемъ древнихъ поэтовъ. Видно, что поэтъ обладаетъ огромнымъ запасомъ идей и чувствъ, но съ истинно-античнымъ самоотрицаніемъ (ganz antike Selbstverleugnung) онъ избѣгаетъ высказывать свои душевныя сокровища [1]). Но если объективность Шекспира такъ велика, что она заставляетъ его совершенно стушевываться за созданными имъ лицами, то какое же средство подойти ближе къ самой личности поэта, къ источнику его убѣжденій, паѳоса и вдохновенія? Какъ опознаться въ этой массѣ безконечно-разнообразныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу мнѣній, вложенныхъ Шекспиромъ въ уста своихъ героевъ? Какъ узнать, какія изъ мнѣній раздѣляются поэтомъ и какія имъ отвергаются?

На рѣшеніе этихъ вопросовъ Гервинусъ потратилъ много уче-

---

*) См. выше, окт. 823 стр.

[1]) Gervinus—Shakspeare. Dritte Auflage. II. 509.

ности и глубокомыслія; согласно данному нами обѣщанію, спѣшимъ познакомить читателей съ результатами его изслѣдованій. Для устраненія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, мы по мѣрѣ надобности будемъ подкрѣплять наши слова ссылкой на подлинникъ.

По словамъ Гервинуса, вѣрность природѣ, истинность художественныхъ изображеній, хотя и составляютъ одно изъ существенныхъ свойствъ поэтическаго творчества, но далеко не исчерпываютъ всей задачи поэта; отъ поэзіи мы прежде всего требуемъ, чтобъ она возносила насъ надъ дрязгами обыденной действительности въ свѣтлую высь идеальнаго міра. Разсужденія Бэкона о поэзіи показываютъ, что подобныя требованія не были чужды и тому времени, когда Шекспиръ писалъ свои драмы. Шекспиръ удовлетворялъ этому требованію созданіемъ характеровъ, которые своими размѣрами превышаютъ характеры обыкновенныхъ людей, единствомъ и стройностью дѣйствія, вытекающими изъ единства идеи, положенной въ основу драмы, но въ особенности высокимъ нравственнымъ духомъ, проникающимъ насквозь его произведенія, открывающимъ въ нихъ тотъ болѣе возвышенный строй жизни, изображенія котораго Бэконъ требовалъ отъ поэзіи, и указывающимъ на присутствіе божественной справедливости въ человѣческихъ дѣлахъ, на перстъ Божій, часто незамѣтный нашему притупленному взору[1]). Такихъ результатовъ Шекспиръ достигаетъ не путемъ непосредственнаго поученія, которое противно искусству, но посредствомъ вѣрнаго изображенія жизни, проникнутой высшими началами нравственности. Во всѣхъ его произведеніяхъ строго проводится принципъ нравственной справедливости, знаменующійся въ трагедіяхъ торжествомъ нравственнаго, въ комедіяхъ торжествомъ разумнаго надъ злымъ, нелѣпымъ и порочнымъ. Эта идея вполнѣ соотвѣтствовала духу того времени, и Шекспиръ заимствовалъ изъ тогдашнихъ историческихъ хроникъ представленіе о правосудной Немезидѣ, карающей всякое зло и неправду. Но поэтическое правосудіе Шекспира не должно быть понимаемо въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ; оно состоитъ не въ педантическомъ распредѣленіи наградъ и наказаній соотвѣтственно заслугамъ каждаго, не въ томъ, что за извѣстнымъ преступленіемъ слѣдуетъ извѣстное наказаніе, что извѣстная добродѣтель влечетъ за собой извѣстную награду, но въ томъ, что, по ученію Шекспира, судьба человѣка вообще есть выводъ изъ его характера и поступковъ. Человѣкъ самъ строитель своей судьбы;

---

[1]) Ibid. стр. 492.

не созвѣздія управляютъ человѣкомъ, но его собственныя дѣла; злодѣй самъ выпиваетъ имъ же отравленную чашу, и здѣсь же, на землѣ, получаетъ возмездіе за свои злодѣйства[1]). Въ примѣненіи этого закона къ созданнымъ имъ личностямъ, Шекспиръ является скорѣе жестокимъ и суровымъ, нежели мягкимъ и снисходительнымъ судьею. Имъ зачастую обрекаются на гибель не только настоящіе злодѣи, но также люди, совершившіе весьма извинительные проступки, и даже тѣ, которыхъ вся вина состояла въ томъ, что случай поставилъ ихъ въ столкновеніе съ преступными личностями. Впрочемъ, подобныя уклоненія отъ справедливости встрѣчаются у Шекспира весьма рѣдко и то больше по отношенію къ второстепеннымъ личностямъ. Правда, Шекспиръ допустилъ погибнуть Банко, Дункана, Корделію, единственная вина которыхъ заключалась въ ихъ непредусмотрительности. Но по смыслу Шекспировой морали, основанной на требованіи постояннаго такта въ жизни, непредусмотрительность всегда сопровождается несчастіемъ, которое не играетъ здѣсь роли возмездія или наказанія. Шекспиръ не былъ сторонникомъ теоріи, ставящей счастье цѣлью человѣческой жизни. И для беэпечныхъ, и для преступныхъ въ его драмахъ одинаковый исходъ — смерть, но вся разница въ томъ, какъ умираютъ тѣ и другіе? Въ этомъ вся тайна поэтической справедливости Шекспира. Въ «Королѣ Лирѣ», напр., смерть постигаетъ многихъ, повидимому, безъ различія, но Корделія умираетъ увѣнчанная славою, какъ спасительница отца, Лиръ, примиренный съ жизнью, Глостеръ улыбаясь, Кентъ съ радостію, между тѣмъ какъ остальные погибаютъ жертвою своихъ собственныхъ козней, не достигши того, въ чемъ они видѣли цѣль своего существованія[2]). Въ основѣ поэтической справедливости Шекспира лежитъ возвышенное нравственное ученіе, что жизнь и смерть сами по себѣ ни добро, ни зло, что счастіе состоитъ не въ успѣхѣ, но въ сознаніи своей правоты, что высшая награда добродѣтели есть сама добродѣтель, что высшая кара порока есть порокъ[3]).

Мы не будемъ возражать противъ возвышенности нравственнаго ученія, выведеннаго Гервинусомъ изъ развязки «Короля Лира»; мы только позволяемъ себѣ сомнѣваться, чтобъ Шекспиръ раздѣлялъ это ученіе, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно формулировано нѣмецкимъ критикомъ. Въ этомъ между прочимъ насъ убѣждаетъ и самая развязка «Короля Лира». По мнѣнію Гер-

---

[1]) Ibid., стр. 548.
[2]) Ibid. 549.
[3]) Ibid. 550.

винуса, Лиръ умираетъ, какъ подобаетъ праведнику, счастливому сознаніемъ честно-пройденнаго жизненнаго пути, спокойный, примиренный съ жизнію (in Versöhnung).... Чтобъ убѣдиться, какого рода это примиреніе, позволяемъ себѣ еще разъ напомнить читателямъ заключительную сцену трагедіи. Старый король рыдаетъ, какъ ребенокъ, надъ трупомъ своей возлюбленной дочери. Онъ не можетъ примириться съ мыслію, что она могла погибнуть, тогда какъ множество ничтожныхъ, безсмысленныхъ тварей продолжаютъ себѣ спокойно существовать на землѣ. Смерть Корделіи кажется ему до того безсмысленной, что онъ ежеминутно ждетъ, что вотъ-вотъ зашевелятся эти поблекшія губы, заговорятъ эти блѣдныя уста.... При видѣ жгучей, безмѣрной скорби Лира, самъ Кентъ, окрѣпшій въ жизненныхъ испытаніяхъ, не могъ не воскликнуть: «О, разорвись мое сердце, ради Бога, разорвись скорѣе!» Когда же, наконецъ, великій страдалецъ умираетъ подъ бременемъ своего горя, тотъ же Кентъ, на призывъ Эдгара поспѣшить къ умирающему, отвѣчаетъ: «Не оскорбляй души его; пускай она отходитъ; только врагъ вернуть его захочетъ къ пыткамъ жизни». Гдѣ же здѣсь то пресловутое примиреніе, о которомъ говоритъ критикъ? Пойдемъ далѣе. Шекспиръ не сохранилъ намъ никакихъ подробностей о смерти Корделіи, однако мы знаемъ, что она умерла не какъ прославленная избавительница своего отца (in der Glorie einer verklärten Retterin), но какъ плѣнница Эдмунда, отъ рукъ палача. Не думаемъ, чтобъ сознаніе своей правоты могло сколько-нибудь усладить ея послѣднія минуты. Когда человѣкъ гибнетъ, не чувствуя за собой никакой вины и притомъ зная, что смерть его нисколько не облегчитъ участи людей, близкихъ ему, то страданія его не уменьшаются, но скорѣе увеличиваются, потому что къ нимъ присоединяется оскорбленное чувство права, горькая жалоба на несправедливость судовъ и наконецъ сожалѣніе о томъ, что этой жизнью можно было бы воспользоваться лучше и для себя и для другихъ. Вотъ какимъ образомъ проявилась поэтическая справедливость Шекспира надъ двумя главными лицами его трагедіи! Они погибли въ страшныхъ нравственныхъ страданіяхъ, нисколько не заслуживъ своей жестокой участи, между тѣмъ, какъ такимъ злодѣямъ, какъ Эдмундъ, Ричардъ, Макбетъ—Шекспиръ дозволяетъ умереть не отъ нравственныхъ страданій, не отъ руки палача, но на полѣ битвы, почетной смертью героевъ. Что же касается до Кента, который, по словамъ Гервинуса, умираетъ съ радостью (mit Freüdigkeit), то о смерти его можно дѣлать какія угодно предположенія, такъ какъ о ней ничего не говорится въ пьесѣ. Кентъ уходитъ со сцены съ словами: «Я иду

къ королю, король меня зоветъ!» Что̀ потомъ сталось съ вѣрнымъ слугой короля — неизвѣстно. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ не могъ долго пережить Лира и умеръ, хотя, конечно, безъ особенной радости; другіе же, какъ напр. извѣстный критикъ Ллойдъ [1]), думаютъ, что Кентъ остался въ живыхъ вмѣстѣ съ Альбани и Эдгаромъ, чтобы отмѣтить собою новую, болѣе свѣтлую эпоху въ исторіи англійской цивилизаціи. Единственнымъ оплотомъ Гервинуса остается смерть Глостера. Дѣйствительно, истерзанное сердце стараго Глостера не вынесло радости свиданія съ сыномъ; онъ умеръ на рукахъ Эдгара отъ радостнаго волненія, съ улыбкой на устахъ. Но смерть его, по нашему мнѣнію, не можетъ быть приводима въ подтвержденіе поэтической справедливости Шекспира. Для хода дѣйствія драмы, слѣпой, полуразрушенный Глостеръ давно уже сдѣлался ненужнымъ; онъ могъ умереть отъ радости или отъ горя, какъ обыкновенно умираютъ люди, захваченные въ водоворотъ трагическихъ событій. Но такъ какъ Эдгара необходимо было оставить въ живыхъ для развязки пьесы, то отцу его естественнѣе было умереть отъ радостнаго свиданія съ сыномъ, нежели отъ горя по немъ. Кромѣ того, намъ кажется, что трогательный разсказъ о смерти Глостера необходимъ въ экономіи драмы еще потому, что онъ умилительно дѣйствуетъ на зрителя, даетъ ему средства вздохнуть и собраться съ силами для предстоящей катастрофы. Къ поэтической же справедливости Шекспира онъ находится въ такомъ же отношеніи, какъ и къ характеру самого Глостера. Какъ изъ одного характера Глостера нельзя объяснить безъ натяжки его судьбу, такъ и смерть его нельзя считать только актомъ поэтической справедливости Шекспира. Да вообще говоря, справедливость уже перестаетъ быть таковою, когда она распредѣляется неравномѣрно между людьми одинаковыхъ нравственныхъ достоинствъ. Мы не думаемъ, чтобъ кто-нибудь счелъ Глостера нравственно выше Лира, но если придавать ихъ смерти значеніе нравственнаго воздаянія, то никто не усомнится поставить Глостера безконечно выше великаго царственнаго страдальца, что̀ будетъ въ высшей степени опрометчиво. Таковы неизбѣжные результаты примѣненія поэтической справедливости Шекспира къ частнымъ случаямъ. Мы до тѣхъ поръ не выберемся изъ круга несогласимыхъ противорѣчій, до тѣхъ поръ не будемъ въ состояніи взглянуть Шекспиру прямо въ глаза, пока не выбросимъ за бортъ предвзятыхъ идей нравственной гармо-

[1]) The Dramatic Works of W. Shakespeare, with notes by *Singer*, the life of the poet and critical essays on the plays by W. *Lloyd*. London 1856. Vol. IX, стр. 531.

ія, поэтической справедливости и т. п. Искусство не есть нравственное, но эстетическое цѣлое. Интересъ жизненной правды стоитъ для него выше всякихъ религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ интересовъ. Всѣ эти элементы могутъ входить въ область искусства, но не должны стѣснять свободу художника, бросая тотъ или другой односторонній свѣтъ на его изображенія. Художественное произведеніе есть плодъ настроенія, произведеннаго тѣмъ или другимъ рядомъ явленій на воспріимчивую душу художника. Настроеніе это можетъ быть мрачно или свѣтло, смотря по тому, какова была возбудившая его дѣйствительность и какія струны она затронула въ сердцѣ художника. Задача критика состоитъ въ томъ, чтобъ изслѣдовать, почему извѣстный порядокъ явленій могъ возбудить то или другое настроеніе, а не въ томъ, чтобъ навязывать художнику свое собственное настроеніе, свои собственныя воззрѣнія на жизнь. Подобно своимъ предшественникамъ, Ульрици и Ретшеру, Гервинусъ приступилъ къ изученію Шекспира съ заранѣе опредѣленнымъ воззрѣніемъ на задачи драмы, выросшимъ на почвѣ Гегелевой философіи искусства. Теорія эта считала цѣлью драмы утвержденіе въ умахъ зрителей принципа гармоніи нравственнаго міра; а средствомъ для этого правильное примѣненіе поэтической справедливости въ развязкѣ пьесы. Такимъ образомъ, вѣра въ правильное міроправленіе (moralische Weltordnung) признавалась обязательной для всякаго истиннаго поэта, и философская критика употребляла всевозможныя усилія, чтобы раздуть чуть теплящіяся искры этой вѣры въ драмахъ Шекспира въ цѣлое пламя. Конечно, при этомъ возникло не мало затрудненій. Самые усердные поклонники поэтической справедливости Шекспира приходили порой въ отчаяніе: не зная какъ справиться съ причудливой фантазіей поэта, они нерѣдко прибѣгали къ самымъ изысканнымъ, невѣроятнымъ объясненіямъ (для примѣра напомнимъ читателямъ Ретшерево объясненіе смерти Корделіи и проч.), и скорѣе готовы были допустить съ Гервинусомъ, что Шекспиръ самъ иногда добровольно отступалъ отъ законовъ поэтической справедливости, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ второстепеннымъ лицамъ, нежели усомниться въ вѣрности самого принципа въ умѣстности его примѣненія къ драматической поэзіи [1]).

На такой-то шаткой основѣ, какъ принципъ поэтической спра-

---

[1]) Говоря о драматической поэзіи, мы всюду разумѣемъ только трагедію и серьезную драму вообще. Комедія находится въ нѣсколько иныхъ условіяхъ; по самой природѣ своей она допускаетъ больше простора для проявленія личности автора, чѣмъ трагедія и драма.

ведливости, Гервинусъ преимущественно строитъ свои заключенія о нравственныхъ убѣжденіяхъ Шекспира. Съ первыхъ же словъ, какъ бы предупреждая возраженія читателей, въ памяти которыхъ могли остаться его слова о необыкновенной объективности англійскаго драматурга, Гервинусъ говоритъ, что о цѣлой системѣ нравственныхъ убѣжденій Шекспира не можетъ быть и рѣчи, что его цѣль только намѣтить основныя черты Шекспирова взгляда на людей и жизнь. «Мы не будемъ приписывать ничего поэту такого, чтобы не находилось въ немъ самомъ; мы ограничимся только основными чертами его нравственнаго міросозерцанія, которыя намъ кажутся безспорнымъ достояніемъ его сознанія» [1]). Еще въ началѣ прошлаго столѣтія Попе удачно охарактеризовалъ мораль произведеній Шекспира, назвавши ее свѣтской, человѣческой, въ противоположность морали религіозной, основанной на божественномъ откровеніи. Приводя это мнѣніе и сопровождая его похвалой, Гервинусъ справедливо замѣчаетъ, что та непоколебимая увѣренность, съ которой Шекспиръ пошелъ по этой новой, чисто человѣческой дорогѣ, заслуживаетъ удивленія. Его современники нерѣдко впадали въ вольнодумство и, потомъ, въ порывѣ благочестиваго раскаянія за одно отказывались отъ своихъ заблужденій и отъ своей драматической карьеры: съ другой стороны, фанатики свирѣпствовали противъ театра: Шекспиръ прошелъ невредимо между этихъ двухъ направленій съ гордо поднятымъ челомъ противъ обскурантовъ, но нисколько не задѣтый тлетворнымъ дыханіемъ нравственной распущенности. По многимъ причинамъ онъ въ своихъ произведеніяхъ не только не касался религіозныхъ вопросовъ, но систематически избѣгалъ ихъ. Въ нравственномъ смыслѣ Шекспиръ держался того откровенія, которое Богъ начертилъ неизгладимыми чертами въ человѣческомъ сердцѣ [2]). Все это въ высшей степени справедливо, но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ согласно съ идеями нравственнаго міроустройства, поэтической справедливости, которыя, по мнѣнію Гервинуса, составляютъ основную черту Шекспирова творчества. Вѣра въ гармонію нравственнаго міра, въ торжество разума и справедливости на землѣ, хотя и составляетъ одну изъ настоятельныхъ потребностей человѣческаго духа, но далеко не принадлежитъ къ тѣмъ исконнымъ убѣжденіямъ, которыя неизгладимыми чертами напечатлѣны въ сердцѣ человѣка. Мы могли бы назвать не мало поэтовъ (во главѣ ихъ можно поставить Шиллера), носившихъ въ своей груди безотрадное убѣжденіе, что

---

[1]) Shakspeare, von Gervinus: III, Auflage II. 550—551.

[2]) Ibid. стр. 551—552.

всему прекрасному и возвышенному суждена на землѣ неизбѣжная гибель. Если у кого-нибудь и существуетъ потребность вѣры, то ежедневные опыты легко могутъ убить ее. Только религія даетъ намъ увѣренность, что и въ этой жизни надъ нами бодрствуетъ недремлющее око божественнаго прагосудія, карающее порокъ и неправду, направляющее самое зло на пользу добру и истинѣ. Вотъ почему Фихте утверждалъ, что сущность всякой религіи есть прежде всего вѣра въ нравственное устройство міра [1]). Между тѣмъ, нѣсколько ранѣе, самъ Гервинусъ, проводя параллель между Бэкономъ и Шекспиромъ, превосходно показалъ, что въ отношеніи къ религіи дѣятельность ихъ представляетъ поразительное сходство: подобно тому, какъ Бэконъ изгналъ религію изъ науки, Шекспиръ изгналъ ее изъ сферы искусства [2]). Если же, въ чемъ мы не сомнѣваемся, дѣятельность Шекспира была направлена къ тому, чтобы освободить драматическое искусство изъ-подъ опеки религіи, то ему прежде всего нужно было покончить съ тѣми воззрѣніями, которыя преобладали въ средневѣковой религіозной драмѣ, и вмѣсто ихъ утвердить свой собственный, реальный взглядъ на міръ, основанный на тщательномъ изученіи дѣйствительности. Но дѣйствуя такимъ образомъ, онъ менѣе всего имѣлъ въ виду полемическія цѣли, которыя никогда не были источникомъ его вдохновенія, и повиновался основному закону, составляющему душу его искусства, — закону жизненной правды.

Послѣдуемъ далѣе за нашимъ руководителемъ. Второй выдающейся чертой Шекспировой морали Гервинусъ признаетъ требованіе дѣятельнаго участія въ жизни. Изъ всѣхъ произведеній Шекспира неумолкаемо звучитъ призывъ къ дѣятельности; жизнь ему кажется слишкомъ коротка, чтобъ проводить ее въ праздныхъ мечтаніяхъ и безполезномъ самоуглубленіи. Съ особенною силою эта мысль проведена Шекспиромъ въ «Гамлетѣ». Самыми разнообразными дарами одаряетъ поэтъ своего героя, чтобы показать, какъ эти дары безполезны для жизни, если имъ не сообщена электрическая искра энергіи, если человѣкъ съумѣлъ заглушить въ себѣ первый изъ жизненныхъ даровъ — инстинктъ дѣятельности. Съ той же цѣлью, въ комедіяхъ своихъ, Шекспиръ старается отвратить насъ отъ аскетическаго плотоумерщвленія, пустыхъ безполезныхъ занятій и самосозерцательнаго квіетизма. Дѣятельныя, энергическія натуры всегда торжествуютъ у него надъ

[1]) Ср. статью Фортлаге *Die moralishe Weltordnung* въ Blätter fur literarische Unterhaltung. 1860. N. 41.

[2]) Shakspeare, von Gervinus. Dritte Auflage. II, 522.

пассивными и созерцательными. Успѣхъ ихъ условливается не нравственными достоинствами ихъ характера, но апатичностью ихъ противниковъ. Небо нисколько не помогаетъ благочестивому, но апатическому Ричарду II, несмотря на всю его вѣру, и охотно помогаетъ благочестивой, но вмѣстѣ и энергической Еленѣ. Признавая трудъ самымъ почетнымъ дѣломъ жизни, Шекспиръ не прельщается идиллическимъ спокойствіемъ, въ которомъ живутъ дѣти Цимбеллина, а предпочитаетъ ему даже нужду и горе, потому что они вырываютъ человѣка изъ состоянія апатіи и напрягаютъ всѣ силы его къ мощной, энергической дѣятельности. За то дѣятельная натура поэта находитъ себѣ удовлетвореніе въ военной славѣ; честолюбіе Генриха V не кажется ему порокомъ, и онъ одинаково превозноситъ и безумную отвагу Коріолана, задорную храбрость Фолькенбриджа и спокойное мужество Генриха V. Честь и мужество составляютъ у него одно понятіе; подобно древнимъ, онъ считалъ храбрость первой добродѣтелью человѣка. Вслѣдствіе этого, онъ никогда не обращался къ сюжетамъ, такъ любимымъ нѣмецкими поэтами; его мало занимали сантиментальность, чувствительность и имъ подобныя искусственныя ощущенія, подогрѣтыя чувства, порожденныя изолированной, кабинетной жизнью духа, предоставленнаго самому себѣ и изнывающаго въ неопредѣленныхъ стремленіяхъ. Его больше привлекала къ себѣ шумная арена жизни; онъ не утомлялся созерцаніемъ ея неустаннаго движенія, не приходилъ въ отчаяніе отъ ея противорѣчій и въ самыхъ ея диссонансахъ съумѣлъ уловить звуки вѣчной гармоніи [1]. Если пристальное изученіе дѣйствительной жизни привело Шекспира къ требованію самопомощи, безпрерывнаго упражненія дѣятельныхъ силъ человѣческаго духа, то тѣмъ же путемъ онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости разумнаго контроля надъ ними. Борьбу души съ одолѣвающими ее страстями онъ считалъ столь же почетнымъ дѣломъ, какъ и трудъ вообще. Такимъ образомъ, третьей характеристической чертой шекспировой морали является требованіе самообладанія, умѣренности, разумной средины, подчиненія страстей разуму и совѣсти. По мнѣнію Гервинуса, Шекспиръ, яркими красками изобразившій въ своихъ трагедіяхъ послѣдствія разнузданности страстей, былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что ровное, спокойное, гармоническое состояніе духа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливѣйшее. Любимыми героями его былъ Постумъ и въ особенности Генрихъ V, съумѣвшіе смирить свою страстную натуру и достигшіе нравственнаго равно-

[1] Shakspeare, von Gervinus. Dritte Auflage. II, 553 — 556.

мѣсія, самообладанія и умѣренности. Во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній поэтъ предохраняетъ насъ отъ излишества, которое, по его словамъ, можетъ превратить въ горечь самую сладость наслажденія. Въ «Гамлетѣ» онъ показываетъ, какъ излишняя осмотрительность въ соединеніи съ чрезмѣрной чувствительностью, могутъ отвлечь человѣка отъ исполненія его долга; въ «Коріоланѣ», какъ высокіе дары духа отъ чрезмѣрнаго напряженія вырождаются въ противоположныя имъ качества; въ Антоніи, какъ порабощеніе духа отмщаетъ само за себя; въ Ромео, какъ слишкомъ сильная любовь сама себя разрушаетъ; въ Тимонѣ, какъ безмѣрная ненависть дѣлаетъ насъ ни къ чему неспособными. Какъ глубоко былъ проникнутъ Шекспиръ убѣжденіемъ въ необходимости мудрой умѣренности, видно, между прочимъ, изъ того, что онъ отважился возстать противъ христіанской морали, предписывавшей полное подавленіе страстей; онъ не могъ поставить идею долга выше исконныхъ правъ человѣческой природы. Христіанская мораль требуетъ отъ насъ не только прощать, но и любить враговъ; языческая не только позволяла, но даже предписывала ихъ ненавидѣть. Шекспиръ избралъ разумную середину между этими двумя крайностями: по его ученію, нужно избѣгать наживать себѣ враговъ, но если они есть, то нужно поступать такъ, не прибѣгая, впрочемъ, къ силѣ, чтобы они насъ боялись. Однимъ словомъ, вездѣ проводилъ Шекспиръ свой любимый принципъ, что только разумная середина можетъ доставить человѣку счастіе. Излишняя щедрость губитъ Тимона, тогда какъ умѣренная даетъ Антоніо почетное положеніе въ обществѣ; истинное честолюбіе возвышаетъ Генриха; оно же, достигши болѣзненнаго развитія въ Перси, ведетъ его къ гибели [1]).

Вотъ въ краткихъ чертахъ взглядъ Гервинуса на нравственныя убѣжденія Шекспира. Если въ чемъ можно упрекнуть критика, то конечно не въ отсутствіи стройности и систематичности изложенія. Но мы глубоко убѣждены, что читатели интересуются не столько стройностью его системы, сколько прочностью добытыхъ имъ результатовъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи трудъ Гервинуса заставляетъ желать многаго. Предѣлы нашего очерка не дозволяютъ намъ входить въ подробное разсмотрѣніе взглядовъ Гервинуса, но мы полагаемъ, достаточно одного примѣра, чтобы видѣть, какъ шатки и произвольны его доказательства и какъ непрочны его выводы. Мы видимъ, что одною изъ характеристическихъ чертъ шекспировой морали Гервинусъ признаетъ требованіе контроля разума надъ сердцемъ, результатомъ

[1]) Ibid. II, стр. 559 — 562.

котораго бываетъ разумная средина или равновѣсіе нравственныхъ силъ. Оставляя въ сторонѣ предположеніе Гервинуса, что подобный взглядъ могъ сложиться у Шекспира подъ вліяніемъ этики Аристотеля [1]), мы разсмотримъ, насколько собственныя произведенія Шекспира давали критику право дѣлать свои рѣшительныя заключенія о нравственныхъ убѣжденіяхъ поэта?

Мы ограничимся только разборомъ тѣхъ данныхъ, которыя предлагаетъ въ этомъ случаѣ «Ромео и Юлія». Мораль, выведенная Гервинусомъ изъ разсмотрѣнія этой трагедіи, отличается крайней черствостью: она предписываетъ не очень сильно любить, потому что чрезмѣрная любовь сама себя разрушаетъ (Uebermass der Liebe sich zerstört). Чтобы понять это нѣсколько темное изреченіе, мы обратимся къ первой части сочиненія Гервинуса, гдѣ онъ подвергаетъ эту пьесу обстоятельному разбору [2]). По мнѣнію Гервинуса, идея трагедіи вложена Шекспиромъ въ уста мудраго Лоренцо, который играетъ ту же роль, какая принадлежала обыкновенно хору въ древней трагедіи. Принимая свою гипотезу за нѣчто доказанное, Гервинусъ идетъ далѣе, и изъ сентенцій Лоренцо выводитъ слѣдующую идею пьесы, что чрезмѣрное упоеніе самымъ чистымъ наслажденіемъ способно уничтожить его сладость, что исключительная преданность одному, хотя бы и прекрасному чувству, вырываетъ какъ мужчину, такъ и женщину изъ сферы ихъ естественнаго назначенія, что любовь должна быть только спутницей жизни, но не наполнять собой всю жизнь и т. п. Продолжая разсуждать такимъ образомъ, критикъ приходитъ къ заключенію, что любовниковъ погубила не семейная вражда, не несчастный случай, но сила ихъ собственной страсти. Поэтъ не могъ оставить въ живыхъ тѣхъ, которые уничтожаютъ самихъ себя. Когда Лоренцо говоритъ, что «власть, которая сильнѣе насъ, разстроила наши планы», то здѣсь нужно разумѣть не какую-нибудь другую силу, а необузданную страсть Ромео. Поэтому нечего сѣтовать на слѣпой случай, нечего обвинять Шекспира въ жестокости. Причина гибели Ромео лежитъ глубже. Его бурная, охваченная страшной силой мучительно-сладкаго чувства, натура—неспособна къ жизни:

---

1) Ibid., стр. 523. Дѣйствительно, Шекспиръ въ одномъ мѣстѣ Троила и Кресениды (актъ II, сцена II), упоминаетъ объ Аристотелѣ, но изъ этого упоминанія не видно, чтобъ поэтъ былъ знакомъ съ этикой Аристотеля больше, какъ по слухамъ. Сколько намъ извѣстно, этика Аристотеля тогда еще не появлялась въ англійскомъ переводѣ, а по свидѣтельству Бэнъ-Джонсона, близко знавшаго Шекспира, великій поэтъ не на столько зналъ классическіе языки, чтобъ читать Аристотеля на одномъ изъ нихъ.

2) Shakspeare, von Gervinus. Dritte Auflage. I, 257—289.

она сама выпускаетъ изъ рукъ якорь спасенія и сама исполняетъ надъ собою приговоръ поэтической справедливости [1]).

Начнемъ съ того, что гипотеза Гервинуса о значеніи роли Лоренцо въ пьесѣ не выдерживаетъ критики; отождественіе взглядовъ Лоренцо съ идеями поэта совершенно произвольно. Мы далеки отъ мысли видѣть въ Лоренцо только педанта-моралиста и сухого стоика, какимъ его считалъ Шлегель, но должны сознаться, что благодушный старецъ не былъ въ состояніи понимать пылкихъ порывовъ молодости. Добровольно удалившись отъ жизни, замѣнившій всѣ свои страсти однимъ благодатнымъ чувствомъ общечеловѣческой симпатіи, Лоренцо довольно дико смотрѣлъ на всякій порывъ юнаго сердца; всего менѣе онъ способенъ былъ понять силу и стремительность того всеобъемлющаго чувства, которое охватило Ромео. Всего яснѣе это видно изъ третьей сцены третьяго акта, когда Ромео послѣ убійства Тебальда въ отчаяніи прибѣгаетъ къ своему духовному отцу, чтобы выслушать отъ него страшную вѣсть о своемъ изгнаніи. Благоразуміе Лоренцо, утверждающаго, что кромѣ Вероны, есть много мѣстъ на свѣтѣ, только раздражаетъ Ромео, и, наконецъ, когда монахъ предложилъ ему укрѣпить свой духъ философскими размышленіями, Ромео имѣлъ полное право отвѣтить ему: «Ты не можешь говорить о томъ, чего не чувствуешь» (Thou canst not speak of what thou dost not feel).

Когда-бъ ты молодъ былъ, какъ я, любилъ
Джульету, обвѣнчался съ ней за часъ,
Убилъ бы Тебальда, сгаралъ любовью,
Какъ я былъ изгнанъ, ну, тогда бы могъ
Ты говорить, рвать волосы свои,
И пасть на землю, такъ какъ я теперь
Измѣрить неготовую могилу [2]).

То же самое непониманіе паѳоса любви выказываетъ почтенный старецъ въ сценѣ съ Юліей, когда онъ, послѣ смерти Ромео, предлагаетъ ей бѣжать изъ склепа, обѣщая ее помѣстить въ монастырь, гдѣ бы она могла провести остатокъ дней своихъ въ въ постѣ и молитвѣ [3]). Сомнительно, чтобы Шекспиръ избралъ въ истолкователи своихъ идей лицо, неспособное понять возвышенную поэзію и паѳосъ того чувства, которое составляетъ душу его трагедіи? Неужели идея восторженной, юношеской любви хуже истолковывается рѣчами, поступками и судьбою Ро-

---

[1]) Ibid. I. 287.
[2]) «Ромео и Юлія», пер. И. Росковшенка, стр. 88.
[3]) Актъ V, сцена III.

мео и Юліи, нежели избитыми сентенціями о. Лоренцо? А съ паденіемъ значенія Лоренцо падаетъ сама собой и гипотеза Гервинуса. Благоразумные совѣты почтеннаго старца, лишенные искусственнаго значенія, приданнаго имъ критикомъ, окажутся просто-на-просто весьма обыденными, старческими разсужденіями, свойственными возрасту и сану о. Лоренцо. Что же касается до выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ Гервинусомъ и навязанныхъ имъ Шекспиру, въ качествѣ руководящей идеи драмы, то мы считаемъ не лишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Мы знаемъ, что если какая-нибудь пьеса пишется на идею (а такихъ пьесъ не мало въ наше время), то у самыхъ плохихъ авторовъ эта идея уясняется цѣлымъ ходомъ пьесы, ея завязкой и развязкой, не говоря уже о томъ, что дѣйствующія лица, самыхъ противоположныхъ характеровъ, неустанно толкуютъ на всѣ лады съ цѣлью сосредоточить на ней вниманіе зрителей. Ничего подобнаго мы не видимъ въ трагедіи Шекспира. Всякій, непредупрежденный человѣкъ видитъ, что Ромео и Юлію погубилъ не чрезмѣрный паѳосъ ихъ взаимной любви, но неодолимая сила ихъ окружавшей ненависти. Поединокъ Меркуціо съ Тебальдомъ, а этого послѣдняго съ Ромео, имѣлъ своимъ источникомъ старинную вражду Монтекки и Капулетти. А между тѣмъ этотъ поединокъ составляетъ поворотную точку пьесы, потому что имъ условливается изгнаніе Ромео изъ Вероны, опредѣлившее его дальнѣйшую печальную участь. Если бы Ромео охладѣлъ къ Юліи, какъ прежде къ Розалиндѣ, то только въ такомъ случаѣ критикъ имѣлъ бы право повторить слова Лоренцо, что сладчайшій медъ становится приторенъ, вслѣдствіе своей чрезмѣрной сладости; но, какъ извѣстно, восторженная любовь Ромео и Юліи не только не охлаждается препятствіями, но растетъ въ своей силѣ до той роковой минуты, когда любовники смертью запечатлѣваютъ свою неизмѣнную вѣрность другъ другу. Идя по слѣдамъ о. Лоренцо, Гервинусъ прибавляетъ къ его сентенціямъ свои собственныя и находитъ еще слѣдующую идею въ трагедіи Шекспира, что исключительная преданность одному, хотя бы и прекрасному чувству, вырываетъ какъ мужчину, такъ и женщину изъ сферы ихъ естественнаго назначенія, что любовь должна быть только спутницей, а не наполнять собою всю жизнь человѣка [1]). А отсюда уже не далеко до утвержденія, что Шекспиръ былъ врагъ всякой исключительности, что онъ стоялъ за разумную середину, за контроль разума надъ сердцемъ, за гармоническое настроеніе духа, которое онъ, по увѣренію Гервинуса, считаетъ первымъ

[1]) Shakspeare, von Gervinus. I, 267.

условіемъ человѣческаго счастія. Читатель видитъ, что посредствомъ такого оригинальнаго критическаго пріема, Шекспиръ становится отвѣтственнымъ за идеи своихъ комментаторовъ, что поэту навязываются мысли, которыхъ онъ не выражалъ ни въ одномъ изъ своихъ произведеній; спѣшимъ замѣтить, что только такимъ путемъ и можно придти къ рѣшительнымъ заключеніямъ о нравственныхъ убѣжденіяхъ поэта, но сомнительно, чтобы эти заключенія, какъ бы они ни были остроумны, могли прибавить что-нибудь прочное къ нашимъ свѣдѣніямъ о Шекспирѣ. Притомъ же теорія разумной умѣренности, гармоніи нравственныхъ силъ, въ жертву которой приноситъ Гервинусъ возвышенную поэзію взаимной любви, не отличается ни новостью, ни особой нравственной высотой; мало того, она грѣшитъ незнаніемъ человѣческой природы, распадающейся, какъ извѣстно, на возрасты, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои особенныя права. Неужели тощая формула умѣренности, старческое недовѣріе къ пылкой молодости, составляетъ сущность того новаго слова, той истины времени, которую Шекспиръ завѣщалъ человѣчеству? Не то же ли самое говорилъ Солонъ своимъ *«ничего слишкомъ»*, Аристотель своей *«серединой»*, стоики своей «temperantia»? Стало быть, этотъ пресловутый талисманъ счастія извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ; и если бы Шекспиръ сдѣлалъ его руководящей идеей многихъ своихъ произведеній, какъ это утверждаетъ Гервинусъ, то этимъ онъ оказалъ бы не большую услугу человѣчеству. Но Шекспиръ былъ далекъ отъ подобныхъ теорій счастья. Глубокій знатокъ человѣческой природы, онъ очень хорошо зналъ, что въ жизни каждаго сердца есть тотъ торжественный моментъ, когда оно съ неотразимой силой стремится на встрѣчу другому сердцу; онъ зналъ, сколько упоительной поэзіи въ этомъ стремленіи, насколько оно возвышаетъ человѣка и дѣлаетъ его жизнь полнѣе и счастливѣе. Вотъ именно этотъ-то чудный эпизодъ изъ исторіи человѣческаго сердца Шекспиръ и обезсмертилъ въ своемъ произведеніи, и потому сѣтованія Гервинуса о томъ, что любовь исключительно наполняетъ собой всю жизнь Ромео и Юліи, тогда какъ она должна быть только спутницей жизни—совершенно неумѣстны. Шекспиръ намъ не оставилъ полной біографіи Ромео и Юліи, а разсказалъ только одинъ эпизодъ изъ жизни «несчастныхъ счастливцевъ», по всей вѣроятности обнимающій собою не больше двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Чѣмъ бы развязалась впослѣдствіи, конечно, при другой обстановкѣ, любовь Ромео и Юліи, наполнила ли бы она всю ихъ жизнь или только была бы спутницей ея—мы не знаемъ, и не имѣемъ никакого права загадывать впередъ. Изъ того же, что

въ данномъ случаѣ, Ромео и Юлія, любившіе другъ друга такой исключительной, беззавѣтной любовью, погибли, нельзя заключить, что Шекспиръ смотритъ на всякое сильное чувство, какъ на нѣчто пагубное для человѣческаго счастія. Какой юноша можетъ сказать, что онъ былъ счастливѣе Ромео? Какая дѣвушка не позавидуетъ счастью быть такъ любимой, какъ была любима Юлія? Чтò значитъ наше обыденное прозаическое счастье передъ этимъ безбрежнымъ моремъ восторговъ, гдѣ каждая минута равняется безконечности? Благо тому, кто можетъ отмѣтить въ своей жизни нѣсколько такихъ мгновеній! Они никогда не перестанутъ бросать свой отрадный свѣтъ на самыя мрачные закоулки его судьбы, подъ ихъ свѣжительную сѣнь онъ всегда можетъ склонить свою усталую, отъ жизненной борьбы, голову и сладко забыться въ созерцаніи былого...

Въ разборѣ «Ромео и Юліи» особенно ясно выступаетъ коренной недостатокъ критики Гервинуса—отсутствіе поэтическаго чувства. Обладая весьма развитымъ эстетическимъ вкусомъ, указывающимъ ему съ замѣчательностью тонкостью недостатки въ композиціи пьесы, въ развитіи характеровъ, въ веденіи интриги, Гервинусъ почти совершенно лишенъ поэтическаго чувства. Оттого онъ проходитъ мимо цвѣтущихъ поэтическихъ образовъ Ромео и Юліи съ осуждающимъ словомъ моралиста. Поэзія ихъ любви утрачиваетъ для него всю свою прелесть съ той минуты, какъ любовники переходятъ мѣру, назначенную для развитія ихъ чувствъ, но за то всплываютъ наверхъ нравственныя задачи драмы, въ которой онъ видитъ протестъ противъ исключительности чувствъ вообще. Такіе же пріемы употребляются Гервинусомъ при разборѣ другихъ драмъ Шекспира, но мы полагаемъ, что достаточно приведенныхъ нами примѣровъ, чтобы видѣть, насколько можно довѣряться выводамъ автора о нравственныхъ убѣжденіяхъ Шекспира, если они добыты посредствомъ подобныхъ не-критическихъ пріемовъ. Лучше совершенно отказаться отъ желанія проникнуть въ завѣтный міръ души поэта, нежели тѣшить себя фантастическими представленіями, выросшими на почвѣ чуждой искусству. Ошибки такого даровитаго и ученаго критика, какъ Гервинусъ, да послужатъ благимъ предостереженіемъ противъ всевозможныхъ поспѣшныхъ заключеній о нравственныхъ убѣжденіяхъ англійскаго поэта! Дѣлать эти заключенія нужно съ крайней осторожностью, основываясь не на принципѣ драматической справедливости, не всегда соблюдаемомъ Шекспиромъ, не на отдѣльныхъ изреченіяхъ, которыя зачастую противорѣчатъ другъ другу, но на общемъ характерѣ поэтическаго настроенія, преобладающаго во всей пьесѣ. При этомъ не нужно упускать изъ

виду свидѣтельство сонетовъ Шекспира, имѣющихъ особенно важное значеніе при обсужденіи его юношескихъ произведеній.

III.

Философская критика въ Германіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія не успѣла выработать ни одного твердаго принципа, который могъ бы служить для послѣдующихъ критиковъ Шекспира точкой отправленія. Принципъ нравственнаго міроустройства, драматической справедливости и т. п., оказался обоюдуострымъ орудіемъ, одинаково пригоднымъ какъ для тѣхъ, которые признаютъ его творческой силой поэзіи Шекспира, такъ и для тѣхъ, которые отводятъ ему далеко не первое мѣсто въ ряду источниковъ вдохновенія причудливой музы англійскаго драматурга. Одинъ писатель, не безъ основанія, считаетъ этотъ принципъ, введенный въ моду гегелевой философіей искусства, даже враждебнымъ человѣческому роду. Да и какъ же иначе? Вѣдь идеи божественной справедливости (göttliche Gerechtigkeit), нравственной необходимости (sittliche Nothwendigkeit) и пр., обрекаютъ на гибель все прекрасное и великое на землѣ, если оно отмѣчено печатью односторонности. Но такъ какъ всестороннее совершенство не дано въ удѣлъ никакому человѣческому существу, то очевидно, что эти идеи являются чѣмъ-то враждебнымъ человѣческому роду вообще [1]). Гервинусъ сдѣлалъ попытку поставить философскую критику на историческія основы, но не могъ сладить съ двойственной задачей своего труда, и увлеченный нравственнымъ значеніемъ произведеній Шекспира, онъ не рѣдко упускалъ изъ виду не только историческую точку зрѣнія, но и становился слѣпъ передъ самими возвышенными красотами шекспировской поэзіи. Шекспиръ-моралистъ вездѣ у него заслоняетъ собою Шекспира-поэта и драматурга. Мы видѣли, къ какимъ страннымъ выводамъ привела Гервинуса неуклонная вѣрность этому направленію, какъ, оставляя въ сторонѣ художественныя и драматическія достоинства «Ромео и Юліи», онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на спасительномъ нравственномъ урокѣ, будто бы вытекающемъ изъ развязки этой трагедіи. Но подобная односторонность взгляда, подчиняющая искусство постороннимъ цѣлямъ, не могла оставить прочныхъ слѣдовъ въ литературѣ. Уже Крессигъ, въ своихъ извѣстныхъ

[1]) Shakspeare in seiner Wirklichkeit, von Flathe. I Band, 273.

Чтеніяхъ о Шекспирѣ [1]), вышедшихъ около десяти лѣтъ послѣ сочиненія Гервинуса, дѣлаетъ значительныя отступленія отъ взглядовъ философской критики и высказывается за самостоятельность искусства. Въ 1863 г., лейпцигскій профессоръ Флате, имѣя цѣлью представить въ истинномъ свѣтѣ нравственный обликъ Шекспира, искаженный лжетолкованіями философской критики, далъ своему сочиненію нѣсколько странное названіе: *Шекспиръ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности* [2]). Нѣтъ нужды, что взглядъ Флате на личность Шекспира и на сущность его поэтическаго генія еще болѣе далекъ отъ истины, чѣмъ сужденія его противниковъ; сочиненіе его важно, какъ симптомъ неудовлетворенія результатами философской критики, какъ громкій протестъ противъ порабощенія искусства формуламъ отвлеченной философіи. Годъ спустя, изъ самой среды поклонниковъ Ульрици и Гервинуса раздается голосъ недовольства. Фридрихъ Боденштедтъ — одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Шекспира въ Германіи, редакторъ сборника, издаваемаго нѣмецкимъ шекспировскимъ обществомъ—разбирая приведенное нами выше мнѣніе Гервинуса о «Ромео и Юліи», произноситъ рѣзкій, но справедливый приговоръ дѣятельности философской критики и съ нескрываемой скорбью замѣчаетъ: «въ чемъ же состоитъ прогрессъ, сдѣланный шекспировской критикой со временъ Лессинга, если въ наше время знаменитый историкъ нѣмецкой литературы, забывая основные принципы искусства, можетъ произносить такія черствыя сужденія о самыхъ возвышенныхъ созданіяхъ Шекспира, и находитъ людей, которые вѣрятъ ему на слово?» [3]) Самымъ полнымъ и рѣшительнымъ проявленіемъ недовольства, обнаружившагося въ послѣднее время противъ господствующаго направленія шекспировской критики служитъ книга Рюмелина: *Опыты изученія Шекспира* [4]). Собственно говоря, книга Рюмелина не есть животрепещущая новость: она состоитъ изъ ряда статей, помѣщенныхъ авторомъ (въ 1864 и 1865 г.) въ газетѣ «Morgenblatt» и тогда же обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. Нѣмецкая критика встрѣтила книгу Рюмелина неумѣренными похвалами и неумѣренными порицаніями. Редакторъ серьёзнаго критическаго журнала *Нѣмецкій музей* (Deutsches Museum, 1866 г. № 22), К. Френцель, хотя не соглашается со многими выводами автора, тѣмъ

---

[1]) Vorlesungen über Shakspeare, von Kressig, in 3 Bände.

[2]) Shakspeare in seiner Wirklichkeit, von Flathe. Leipzig. 1862—4. 2 Bände.

[3]) Wiener Recensionen № 13 и 14, 1863 г. Ср. также Blätter für Literarische Unterhaltung 1863. № 16.

[4]) Shakspeare-Studien, von Gustav Rümelin. Stuttgart. 1866.

не менѣе признаетъ за его сочиненіемъ значеніе поворотной точки въ шекспировской критикѣ. Другіе пошли еще дальше. Они смѣло привѣтствовали въ Рюмелинѣ новаго Лессинга, пришедшаго освободить шекспировскую критику изъ-подъ ига отвлеченныхъ эстетико-философскихъ и политическихъ тенденцій, навязанныхъ ей Ульрици, Ретшеромъ, Фезе, Гервинусомъ и др.

Само собою разумѣется, и противная сторона не осталась въ долгу. Во второмъ томѣ «Сборника Шекспировскаго Общества» (Jahrbuch der deutschen Shakspeare-Gesellschaft. Zweiter Jahrgang) появилось нѣсколько рецензій на книгу Рюмелина, подписанныхъ именами извѣстныхъ знатоковъ англійской литературы. Даже маститый эстетикъ Фр. Фишеръ вступилъ въ число бойцовъ, и съ юношеской энергіей отстаиваетъ отъ нападеній Рюмелина— единство и цѣльность «Гамлета». Изъ этого видно, что названная книга составляетъ довольно крупное явленіе въ области шекспировской критики. Несмотря на видимое презрѣніе, которое оказываютъ Рюмелину почти всѣ его оппоненты, самый фактъ появленія такой массы возраженій показываетъ, что старая школа боится распространенія его ереси въ публикѣ, что она признаетъ его противникомъ, съ которымъ нужно считаться. Вотъ, въ сжатомъ извлеченіи, содержаніе книги Рюмелина.

Въ предисловіи, авторъ откровенно разсказываетъ исторію возникновенія своего труда. Исторія эта тѣмъ болѣе поучительна, что она намъ раскрываетъ всѣ муки свѣжаго и здороваго ума, жаждущаго истины и не могущаго удовлетворяться тѣмъ узкимъ горизонтомъ, который очертила вокругъ него нѣмецкая критика. Внимательно изучая произведенія Шекспира, авторъ *Опытовъ о Шекспирѣ* давно уже замѣтилъ, что непосредственное впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого изученія, постоянно возбуждало въ немъ сомнѣніе относительно истинности воззрѣній, господствовавшихъ по этому предмету въ нѣмецкой литературѣ. Долго онъ не довѣрялъ своему собственному чувству и сваливалъ вину на свое недостаточное пониманіе Шекспира. Когда же онъ снова принялся за изученіе великаго поэта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большимъ вниманіемъ перечелъ сочиненія главнѣйшихъ представителей шекспировской критики, то, къ крайнему своему удивленію, замѣтилъ, что первоначально возникшіе въ немъ сомнѣнія не только не ослабѣли, но даже усилились. Но за то, съ одной стороны, самый образъ великаго поэта представился ему яснѣе, индивидуальнѣе, чѣмъ прежде; съ другой стороны, передъ нимъ раскрылась закулисная сторона критики, и онъ увидѣлъ, сколько въ ней приходится на долю предразсудковъ, мимолетныхъ направленій и школьной отвлеченности. Мѣра уже исполнилась, когда

ему пришлось переплыть цѣлый потокъ торжественныхъ рѣчей и сочиненій, наводнившій собою нѣмецкій книжный рынокъ по случаю трехсотлѣтняго юбилея Шекспира. При всемъ единогласіи неумѣренныхъ восхваленій, какъ несогласимы между собою были предикаты, которыми со всѣхъ сторонъ надѣляли поэта его восхвалители, какъ вычурны и разнообразны ключи, предлагаемые ими для объясненія его произведеній! Точно будто повторилось чудо первой пятидесятницы—люди заговорили вдругъ на разныхъ языкахъ и перестали понимать другъ друга. Всѣ превозносили Шекспира, но каждый понималъ его по-своему. При такомъ хаосѣ мнѣній, авторъ счелъ себя въ правѣ выставить на рынокъ и свои бредни, хотя бы только для того, чтобы хоръ вакханствующихъ поклонниковъ Шекспира увеличился однимъ трезвымъ [1]).

Въ третьей главѣ авторъ разъясняетъ подробнѣе причины своихъ разногласій съ нѣмецкой критикой, побудившія его искать иныхъ путей для разрѣшенія своихъ неудомѣній. По мнѣнію Рюмелина, шекспировская критика въ Германіи страдаетъ отсутствіемъ твердой исторической основы. Конечно, если подъ критикой разумѣть приложеніе къ художественнымъ произведеніямъ параграфовъ новѣйшей эстетики, причемъ критикъ употребляетъ всѣ свои старанія, чтобы отыскать наиболѣе отвлеченное понятіе, и, провозгласивши его идеей драмы, подтвердить его искуснымъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ выраженій, то, въ этомъ отношеніи, нѣмецкая критика можетъ удовлетворить самаго взыскательнаго читателя; но такой критикѣ, собственно говоря, нечего заботиться ни о личности, ни объ эпохѣ поэта; пріемы ея нисколько бы не измѣнились, еслибъ ей пришлось разбирать драмы, свалившіяся, неизвѣстно когда, съ неба. Но если разбирать поэта значитъ прежде всего стараться возсоздать себѣ то непосредственное впечатлѣніе, которое произвело его произведеніе на массы воспріимчивыхъ слушателей, войти въ то настроеніе духа, которое переживалъ авторъ въ эпоху созданія и вмѣстѣ съ тѣмъ живо представить себѣ тѣ сценическія условія, которыя онъ необходимо долженъ былъ имѣть въ виду, то понятно, что несоблюденіе одного изъ этихъ пріемовъ способно затемнить и даже разрушить полное пониманіе художественнаго произведенія. Ибо чѣмъ индивидуальнѣе и живѣе представится намъ нравственный образъ поэта, тѣмъ яснѣе для насъ идеальное, общечеловѣческое содержаніе его произведеній. Въ этомъ отношеніи нѣмецкая критика является наименѣе удовлетворительной. Скудость истори-

[1]) Shakspeare-Studien. Vorwort. III—V стр.

скихъ свѣдѣній о Шекспирѣ и его дѣятельности, туманъ, окружающій его личность, далъ возбужденіе воображенію критиковъ. Они любятъ представлять Шекспира какимъ-то исполинскимъ геніемъ, стоящимъ выше всѣхъ условій, опредѣляющихъ дѣятельность каждаго смертнаго. Явившись на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, онъ шелъ своимъ путемъ промежъ вѣковъ и народовъ, едва касаясь своей эпохи. Критикѣ особенно нравится это туманное представленіе можетъ быть потому, что оно даетъ полный просторъ субъективному чувству каждаго критика. Тутъ есть гдѣ разгуляться самому причудливому воображенію; въ такихъ неопредѣленныхъ рамкахъ можно чертить какія угодно фантазіи. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго разу кажется будто ни объ одномъ поэтѣ не установилась въ общемъ такого единогласнаго мнѣнія, какъ о Шекспирѣ, но какъ скоро дѣло коснется частностей, окажется, что нигдѣ нѣтъ такой разноголосицы. Каждый идеализируетъ Шекспира на свой образецъ; одному онъ кажется классикомъ, другому романтикомъ; тотъ видитъ въ немъ католика, этотъ — протестанта; одна сторона представляетъ его вигомъ, другая — тори, — короче сказать, нѣтъ числа теоріямъ, которыя прикрываютъ себя авторитетомъ по имени [1]).

По мнѣнію Рюмелина, отъ подобныхъ пріемовъ не вполнѣ свободно даже прекрасное сочиненіе Гервинуса. Отдавая должное уму и познаніямъ автора, Рюмелинъ находитъ, что безпредѣльный энтузіазмъ къ Шекспиру лишилъ Гервинуса способности отнестись критически къ его произведеніямъ. Заключительныя главы послѣдняго тома Гервинусова труда написаны тономъ восторженнаго гимна, который такъ непривычно звучитъ въ ушахъ строгаго критика. Невольно приходитъ на мысль, что политическія и литературныя невзгоды Германіи заставили Гервинуса искать въ другой эпохѣ и у иного народа идеальный образъ великаго поэта. Подобно Тациту, который въ своей *Германіи* описалъ не настоящихъ германцевъ, но съ умысломъ представилъ въ укоръ своимъ изнѣженнымъ и выродившимся современникамъ идеализированный образъ благороднаго и могучаго народа, и Гервинусъ рисуетъ намъ не дѣйствительнаго Вильяма Шекспира изъ Стратфорта, но великаго поэта вообще, какого онъ давно уже желалъ и призывалъ для Германія; оттого-то онъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе не на художественныхъ достоинствахъ произведеній Шекспира, но на его нравственныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ [2]).

[1]) Ibid. стр. 28—30.
[2]) Ibid. стр. 31—32.

Возвращаясь еще разъ къ тому же предмету (въ XI главѣ), Рюмелинъ справедливо замѣчаетъ, что многочисленныя произведенія Шекспира даютъ матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ заключеній объ его характерѣ и убѣжденіяхъ. Въ этомъ отношеніи толкователи Шекспира также безцеремонно обращаются съ его драмами, какъ богословы съ Библіей — каждый беретъ изъ нихъ, что̀ ему нужно. На основаніи нѣсколькихъ искусно сопоставленныхъ между собою сентенцій Гервинусъ, напр., провозглашаетъ Шекспира нравственнымъ вождемъ человѣчества. Это уже невѣрно по тому, что нравственнымъ вождемъ человѣчества можно назвать только того, чья жизнь и характеръ настолько извѣстны всѣмъ, что могутъ служить образцомъ для подражанія. О жизни же Шекспира мы знаемъ очень мало; таинственный покровъ, скрывающій его личность, до сихъ поръ еще не приподнятъ никѣмъ. Впрочемъ, по словамъ Рюмелина, нравственное здоровье и честность Шекспировой натуры не нуждаются ни въ какихъ доказательствахъ. Истинное поэтическое призваніе есть само по себѣ патентъ на нравственное благородство. Никто не думаетъ, что одни качества ума въ соединеніи съ живой фантазіей и тонкимъ чутьемъ языка могутъ создать поэта. Необходимое условіе поэтической натуры составляютъ мыслящая наблюдательность надъ внутреннимъ процессомъ своего собственнаго духа, стремленіе къ истинѣ, полный любви взглядъ на міръ, свободная отъ всякаго эгоистическаго чувства симпатія къ чуждымъ личностямъ — качества, которыя хотя легко могутъ быть совмѣстимы съ различными нравственными слабостями, сильными страстями и т. п., но никогда съ низостью души, грубымъ эгоизмомъ и безсердечностью. Заключеніе отъ истиннаго поэта къ благородному человѣку кажется намъ неопровержимымъ; по крайней мѣрѣ исторія литературы не представляетъ ни одного примѣра, который бы могъ сколько-нибудь поколебать его. Такое общее положеніе гораздо важнѣе всѣхъ тѣхъ сентенцій, на основѣ которыхъ критики строятъ свои заключенія о нравственныхъ убѣжденіяхъ Шекспира [1]). Главный аргументъ Ульрици, Гервинуса и др., именно Шекспирова вѣра въ нравственный порядокъ міра (sittliche Weltordnung), его поэтическая справедливость, не особенно высоко цѣнимая Рюмелиномъ, во-первыхъ потому, что она не составляетъ исключительной принадлежности Шекспира; въ общемъ смыслѣ тоже можно сказать и о всѣхъ другихъ драматургахъ; во-вторыхъ потому, что торжество добра на сценѣ было въ то время обезпечено бдительностію театральной полиціи, которая строго пов

[1]) Ibid., стр. 157—159.

рала бы писателя, еслибъ онъ вздумалъ окончить свое произведеніе гибелью добродѣтели и торжествомъ порока [1]). Если же — продолжаетъ далѣе Рюмелинъ — и нашелся бы такой поэтъ, который въ своихъ произведеніяхъ неуклонно держался принципа поэтической справедливости, то заключать поэтому объ его нравственномъ характерѣ также нельзя, какъ и наоборотъ нельзя осуждать нравственный характеръ поэта въ силу того, что онъ съ своей пессимистической точки зрѣнія видитъ въ человѣческихъ дѣлахъ только торжество зла и неразумной силы. Дѣло въ томъ, что каждый писатель не долженъ упускать изъ виду требованій совѣсти и нравственнаго различія человѣческихъ поступковъ, но не его дѣло заботиться о томъ, чтобы каждый нравственный поступокъ сопровождался успѣхомъ въ жизни; послѣднее скорѣе метафизическій, чѣмъ нравственный вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго многіе безплодно трудились, начиная съ сочинителя книги Іова. Что же касается до Шекспира, то онъ съ своей стороны очень мало заботился о соблюденіи той поэтической справедливости, какую ему обыкновенно приписываютъ. Корделія повѣшена въ тюрьмѣ; Дездемона задушена своимъ мужемъ; Офелія сошла съ ума и утопилась. Гдѣ же здѣсь справедливость? Конечно, школьные эстетики, предвидя возможность обвиненія Шекспира въ несправедливости, что̀ противорѣчило бы ихъ теоріи, и тутъ съумѣли отыскать трагическую вину. Корделія (говорятъ они) виновна въ томъ, что не успокоила нѣсколькими теплыми словами своего стараго отца, характеръ котораго она должна была знать; Дездемонѣ не слѣдовало рѣшаться на такой рискованный союзъ, какъ бракъ ея съ Отелло, противъ воли родителей, а разъ рѣшившись, она должна была лучше изучить характеръ мужа и окружающихъ его людей и т. п. Эти доводы уже потому

---

[1]) Ibid. 157 стр. Мы не знаемъ, откуда авторъ почерпнулъ свои свѣдѣнія объ этомъ нѣсколько странномъ обычаѣ театральной цензуры XVI в. Если фактъ, сообщенный Рюмелиномъ, вѣренъ, то имъ объясняется многое въ исторіи древняго англійскаго театра. Извѣстно, что театральная цензура того времени безжалостно вымарывала изъ пьесъ все, сколько-нибудь задѣвающее церковь и правительство. Лицо, которому былъ порученъ контроль надъ театральными представленіями (Master of the Revels) было снабжено на этотъ счетъ почти безграничными правами. Слѣды его пагубной дѣятельности замѣтны на нѣкоторыхъ произведеніяхъ Шекспира. Такъ, напр., въ первыхъ изданіи Ричарда II недостаетъ знаменитой сцены отреченія Ричарда передъ парламентомъ, которая, вѣроятно, показалась цензору слишкомъ соблазнительной для королевской власти (см. *Delius*, Ueber das Englische Theaterwesen zu Shakspeare's Zeit, Бремен 1853, стр. 18), но мы не думаемъ, чтобы онъ могъ входить въ такія тонкости, какъ примѣненіе авторскаго драматическаго суда къ отдѣльнымъ личностямъ. Въ силу этого обычая многія изъ произведеній Шекспира неминуемо подверглись бы искаженіямъ, чего мы однако не видимъ.

ничтожны, что справедливость не только требуетъ, чтобы зло не оставалось безъ наказанія, но также, чтобы степень наказанія соотвѣтствовала степени вины. Только въ историческихъ драмахъ Шекспира мы можемъ наблюдать соотвѣтствіе между преступленіемъ человѣка и его судьбой, изображенное поэтомъ въ величавыхъ всемірно-историческихъ образахъ, но и здѣсь бываютъ исключенія; стоитъ припомнить, напр., судьбу Глостера или несчастную участь, постигшую сыновей Эдуарда. Вообще, въ этомъ отношеніи у Шекспира можно встрѣтить такія же противорѣчащія другъ другу явленія, какъ и въ самой жизни — кажется, будто иногда онъ прямо высказываетъ въ формѣ общаго положенія вѣру въ нравственное управленіе міра; въ другомъ случаѣ онъ выражается въ противоположномъ смыслѣ [1]). Конечно, и то и другое говорится Шекспиромъ не отъ себя, но влагается въ уста извѣстнымъ личностямъ и притомъ въ извѣстныхъ положеніяхъ. Кто же можетъ знать, каковы были его собственныя убѣжденія на этотъ счетъ? Жизнь открывала ему поочередно одну изъ своихъ сторонъ, и соотвѣтственно этому измѣнялись и его воззрѣнія на міръ. По нашему мнѣнію, эти противорѣчія Шекспира самому себѣ скорѣй могутъ служить свидѣтельствомъ его непредубѣжденнаго взгляда на жизнь, нежели его вѣры въ нравственное устройство міра [2]).

Также удачно борется Рюмелинъ противъ навязыванія Шекспиру различныхъ религіозныхъ и политическихъ тенденцій. Вообще вся отрицательная часть его книги заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Никто съ такой рѣзкостью и силой не выставилъ на видъ нѣмецкой публикѣ всѣ увлеченія и односторонности шекспировской критики. Но этимъ почти и ограничивается его заслуга. Какъ скоро онъ переходитъ къ созиданію, какъ скоро думаетъ онъ на развалинахъ прежнихъ воззрѣній построить новое зданіе реальной критики, отсутствіе серьезной подготовки чувствуется на каждомъ шагу; его невѣрныя и парадоксальныя посылки естественно влекутъ за собой такія же заключенія, и въ концѣ концовъ реализмъ Рюмелина оказывается гораздо менѣе стоящимъ на почвѣ фактовъ, чѣмъ идеализмъ его противниковъ. Для примѣра позволяемъ себѣ привести въ извлеченіи его описаніе состоянія англійской сцены въ эпоху Шекспира, составляющее вступительную главу его книги.

Вопреки мнѣнію всѣхъ предшествовавшихъ критиковъ, Р

---

[1]) Въ предыдущей статьѣ мы привели нѣсколько такихъ противорѣчащихъ другъ другу сентенцій, заимствованныхъ нами изъ книги Рюмелина.

[2]) Shakspeare-Studien, 159—163 стр.

мелинъ старается доказать, что въ концѣ XVI вѣка въ Англіи не могло существовать національной сцены въ смыслѣ древне-греческой или нынѣшней французской, т. е. такой, которая отвѣчала бы потребностямъ всѣхъ классовъ народа, въ которой онъ видѣлъ бы выраженіе своего особаго міросозерцанія, своихъ прошедшихъ судебъ и своего настоящаго. Сценическія представленія въ Англіи, какъ и во всей остальной Европѣ, возникли на религіозной основѣ мистерій и морали. Католическая церковь смотрѣла на нихъ довольно снисходительно, можетъ быть оттого, что средневѣковой театръ не былъ постояннымъ учрежденіемъ. Это былъ спектакль любителей; представленія его давались нѣсколько разъ въ годъ, по торжественнымъ днямъ; актеры, игравшіе на нихъ, были въ остальное время года ремесленниками, земледѣльцами, студентами и т. п. Но какъ скоро эти представленія захотѣли выработаться въ постоянное учрежденіе, какъ скоро авторы сдѣлали изъ своей игры особое ремесло и стали пріучать къ нему дѣтей съ ранняго возраста, это показалось всѣмъ предосудительнымъ нововведеніемъ, явнымъ признакомъ возрастающаго развращенія нравовъ. Актеры въ Англіи составляли всѣми презираемое и исключенное изъ общества сословіе. Законы того времени постоянно ставятъ ихъ на одну доску съ канатными плясунами, скоморохами, вожаками медвѣдей и пр.; въ одномъ указѣ они даже обозваны странствующими бездѣльниками. Ихъ преслѣдовали отовсюду, но замѣчательно, что главныя преслѣдованія исходили не отъ высшей власти, а со стороны парламента, судовъ и городскихъ обществъ. Въ 1575, *лорду-мэру* и городскому совѣту Лондона удалось вытѣснить актеровъ за черту города; они удалились въ предмѣстье и тамъ, на мѣстѣ упраздненнаго католическаго монастыря, основали театръ, извѣстный подъ именемъ театра черныхъ монаховъ (Black-friers). Но несмотря на преслѣдованія, число театровъ постоянно возрастало; при Елисаветѣ ихъ было уже десять; содержатели ихъ и актеры шибко вели свои дѣла, сцена обогащалась прекрасными произведеніями и въ скоромъ времени могла соперничать съ испанской [1]).

Кто же гналъ театры и кто ихъ поддерживалъ? Для кого они составляли насущную потребность? Вотъ вопросы, которые задаетъ себѣ авторъ и отвѣчаетъ на нихъ такъ: преслѣдованіе театровъ имѣло свой корень въ постоянномъ возрастаніи пуританскихъ воззрѣній въ англійскомъ обществѣ. Органомъ этихъ воззрѣній было по преимуществу среднее сословіе, самое влія-

[1]) Ibid. стр. 3 — 5.

тельное въ странѣ; къ нему принадлежали купцы и зажиточны ремесленники Сити, чиновники, судьи, низшее духовенство мелькіе поземельные собственники. Какъ извѣстно, изъ этой сред вышли впослѣдствіи люди долгаго парламента и *святые* Кром веля. Какъ бы ни были разнообразны ихъ взгляды на други вопросы, всѣ они сходились въ требованіи строгой нравственно дисциплины, въ празднованіи воскреснаго дня, въ отвращені отъ пустыхъ, суетныхъ и грѣховныхъ удовольствій. Къ разряд такихъ предосудительныхъ развлеченій они прежде всего отно сили театръ, и потому, какъ только при Карлѣ I пуританскі парламентъ захватилъ въ свои руки власть, однимъ изъ первых его распоряженій было повсемѣстное запрещеніе театральных представленій [1]). Отвѣчая на второй вопросъ: кѣмъ посѣщалис англійскіе театры въ эпоху Шекспира, Рюмелинъ, на основані книги Ф. Шаля [2]), дѣлаетъ довольно подробное описаніе внутрен ности англійскаго театра и состава тогдашней театральной пуб лики. Изъ этого описанія онъ выводитъ заключеніе, что постоян ными посѣтителями лондонскихъ театровъ были львы тогдашняг высшаго общества, лондонская jeunesse dorée, театральны критики и авторы, посѣщавшіе театръ по обязанности; большин ство же публики состояло изъ людей низшаго общества, реме сленниковъ, матросовъ, солдатъ и т. п. Женщины не смѣли по казываться въ театръ иначе какъ подъ маской, но за то театр усердно посѣщали дамы лондонскаго полусвѣта, femmes entre tenues аристократической молодежи, такъ что собственно говор ни одному почтенному человѣку, ни одной порядочной женщин не было мѣста среди тогдашней театральной публики. Изъ ска заннаго ясно — продолжаетъ Рюмелинъ, — что названіе національна сцена едва-ли можетъ быть отнесено безъ злоупотребленія сло

---

[1]) Ibid. 7 — 9 стр.

[2]) Ср. Shakspeare-Studien стр. 9 — 11 и Chasles, Etude sur Shakspeare, Mar Stuart et L'Aretin, Paris. 1850, стр. 355—368. Повѣривъ на слово Шалю, Рюмели ведетъ свой разсказъ отъ лица Т. Нэша, писателя современнаго Шекспиру. Но та какъ подобнаго описанія у Т. Нэша не находится, то противники Рюмелина не з медлили обвинить его въ ученомъ подлогѣ. Между тѣмъ дѣло объясняется очень пр сто. Ф. Шаль, какъ истый французъ, желая написать un livre amusant о Шекспи и придать своему разсказу больше типичности, вложилъ свое описаніе театра Gl въ 1613 году въ уста остроумнаго историка Томаса Нэша. Комизмъ недоразумѣн еще усиливается тѣмъ, что ни Ф. Шаль, ни Рюмелинъ нисколько не подозрѣвал того, что Т. Нэшъ никакъ не могъ присутствовать при первомъ представленіи ше пирова Генриха VIII въ 1613 году, такъ какъ онъ умеръ 12 лѣтъ раньше. Что Р мелинъ былъ введенъ въ заблужденіе именно Филаретомъ Шалемъ, въ этомъ убі даетъ насъ одно мѣсто изъ второй главы его книги (стр. 17), которое есть буква ный переводъ словъ Шаля (ср. Etudes стр. 359).

вами къ такому учрежденію, которое было преслѣдуемо церковью, государствомъ и городскими обществами изъ нравственныхъ побужденій, порогъ котораго изъ чувства приличія не могли переступать ни почтенные отцы семейства, ни порядочныя женщины и дѣвушки [1]).

Такова непривлекательная картина англійской сцены, начерченная Рюмелиномъ въ вступительной главѣ его книги. Мы считаемъ не лишнимъ разобрать подробнѣе эту главу, такъ какъ она служитъ базисомъ для его послѣдующихъ парадоксальныхъ умозаключеній. Рюмелинъ отчасти правъ, сѣтуя на своихъ преемниковъ за ихъ слишкомъ идеальныя изображенія англійской сцены въ эпоху Шекспира; но съ своей стороны онъ впадаетъ въ ошибку гораздо менѣе извинительную, и если нѣмецкая критика, ослѣпленная геніальными созданіями Шекспира и его современниковъ, иногда слишкомъ преувеличивала общественное значеніе англійскаго театра въ концѣ XVI-го вѣка, то несомнѣнно, что Рюмелинъ слишкомъ его съуживаетъ. Изъ того, что англійская сцена подвергалась преслѣдованіямъ со стороны городскихъ обществъ, авторъ выводитъ заключеніе, что она, не имѣя большого общественнаго значенія, не могла никакъ развиться такъ широко и быстро, какъ обыкновенно полагаютъ. Но вѣдь самый фактъ быстраго развитія англійской сцены не подлежитъ никакому сомнѣнію; нужно только объяснить его. Мы знаемъ, что въ 1578 было въ Лондонѣ не болѣе восьми театровъ, за три года до смерти Елисаветы ихъ было уже 11, а при Іаковѣ число ихъ возросло до 17, т. е. менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ увеличилось больше чѣмъ вдвое. Стало быть сильна была общественная потребность въ этомъ учрежденіи, велика его живучесть, если ея не могъ убить цѣлый рядъ нападокъ, преслѣдованій и разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ, въ которыхъ, кажется, не было недостатка. Общественное значеніе англійскаго театра засвидѣтельствовано самыми яростными его противниками. Извѣстный пуританинъ Принне въ своемъ сочиненіи *Бичъ актеровъ* свидѣтельствуетъ, что въ его время въ два года было продано сорокъ тысячъ отдѣльныхъ экземпляровъ различныхъ пьесъ, игранныхъ на лондонскихъ театрахъ [2]). Книгопродавцы говорили Принне, что театральныя пьесы нынѣ охотнѣе покупаются, чѣмъ самыя лучшія проповѣди. Кто же бы раскупалъ ихъ, если бы вліяніе театра ограничивалось той незначительной частью лондонской

[1]) Shakspeare-Studien, стр. 10—11.

[2]) Prynne's Histriomastix, or the Players scourge. London 1633. The Epistle Dedicatory.

публики, которая, по словамъ Рюмелина, была единственной посѣтительницей театровъ? По нашему мнѣнію, сильнѣйшее доказательство въ пользу національнаго значенія англійской сцены въ эпоху Шекспира заключается въ самомъ фактѣ ея постояннаго преслѣдованія со стороны городскихъ обществъ и духовенства. Нѣтъ сомнѣнія, что драматическое искусство въ Англіи было бы задушено рядомъ этихъ упорныхъ, систематическихъ преслѣдованій, еслибъ оно не опиралось съ одной стороны на сочувствіе большинства англійскаго общества; съ другой стороны, если бы власть не поддерживала его своимъ вліяніемъ. Въ концѣ XVI вѣка, когда великое драматическое движеніе было въ самомъ разгарѣ, театральныя представленія до того вошли въ нравы народа, что сдѣлались въ полномъ смыслѣ народной потребностью. Финесъ Морисонъ (1566—1614), писатель современный Шекспиру, имѣвшій много случаевъ наблюдать обычаи и привычки различныхъ народовъ во время своихъ десятилѣтнихъ странствованій по Европѣ, весьма характеристично замѣчаетъ, что когда итальянецъ хочетъ разогнать скуку, онъ заваливается спать; нѣмецъ пьетъ, французъ принимается пѣть, а англичанинъ идетъ въ театръ [1]). Желая убѣдить насъ въ томъ, что не только общество, но и власть враждебно относилась къ театру, Рюмелинъ упоминаетъ объ одномъ указѣ изъ первыхъ годовъ царствованія Елисаветы, гдѣ актеры обозваны странствующими бездѣльниками. Мы не сомнѣваемся, что болѣе внимательное чтеніе этого документа навело бы нашего автора на соображенія иного рода. Указъ, о которомъ говоритъ авторъ, изданъ не противъ постоянныхъ актеровъ, обыкновенно приписанныхъ ко двору какого-нибудь знатнаго вельможи и носившихъ его имя (напр. Lord's Leicester's players или earl of Warwick players), но противъ странствующихъ скомороховъ (common players in interludes), не приписанныхъ ни къ какому знатному лицу и не имѣвшихъ позволенія отъ властей заниматься своимъ ремесломъ, и Чарльзъ Найтъ [2]) совершенно основательно видитъ въ этомъ актѣ мѣру, ограждающую права постоянныхъ актеровъ. Въ 1574 г., Елисавета по настояніямъ своего любимца Лейстера выдала Джемсу Борбеджу и его товарищамъ, придворнымъ актерамъ графа Лейстера, патентъ, въ силу котораго они могли давать театральныя представленія не только въ Лондонѣ, но и по всей

---

[1]) An Itinerary, written by Fynes Morison, first in the Latine tongue and then translated by him into English. London 1617, in folio. Part III. стр 47. Мы имѣли случай пользоваться этой въ высшей степени рѣдкой книгой въ библіотекѣ Британскаго музея.

[2]) The Stratford Shakspeare, vol. 1. стр 89.

Англіи «для увеселенія нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ и для нашей собственной утѣхи и удовольствія», какъ сказано въ самомъ патентѣ [1]). Правда, что этотъ патентъ произвелъ страшную бурю въ пуританскомъ лагерѣ; правда, что черезъ годъ, уступая многократнымъ представленіямъ лондонскаго городского совѣта, Елисавета дозволила ему вытѣснить театры за черту города, но тѣмъ не менѣе она не оставляла актеровъ своимъ вниманіемъ, приглашала ихъ играть въ своемъ присутствіи, и тѣмъ оказывала имъ сильную поддержку. Ободренный вниманіемъ королевы и сочувствіемъ публики, Борбеджъ построилъ другой театръ, такъ сказать, подъ самымъ носомъ городскихъ властей, театръ, извѣстность котораго скоро затмила собою всѣ учрежденія подобнаго рода.

Также несправедливо утвержденіе Рюмелина, что актеры въ Англіи составляли всѣми презираемое и исключенное изъ общества сословіе. Что ремесло ихъ не особенно уважалось въ Англіи, какъ и въ остальной Европѣ — это справедливо; самые просвѣщенные люди того времени не были свободны отъ предразсудковъ и смотрѣли на актеровъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ; но утверждать, что актеры составляли сословіе, на которомъ лежала печать отверженія, значитъ имѣть весьма смутное понятіе о состояніи англійскаго театра въ эпоху Шекспира, когда драматическое искусство привлекло къ себѣ лучшія силы университетской молодежи, когда актеры были вмѣстѣ и писателями, весьма цѣнимыми публикой. Говоря о составѣ тогдашней театральной публики, авторъ несправедливо исключаетъ и изъ нея порядочныхъ женщинъ и дѣвушекъ. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что женщины того времени, несмотря на вопли фанатиковъ, нерѣдко оживляли театръ своимъ присутствіемъ. Извѣстный противникъ театровъ Госсонъ (1554—1623) въ своемъ посланіи къ благороднымъ гражданкамъ Лондона (To the Gentlewomen citizens of London) тщетно убѣждалъ ихъ перестать посѣщать театральныя представленія, такъ какъ подобныя посѣщенія могутъ только вредить ихъ нравственности и доброму имени [2]). Присутствіе благовоспитанныхъ женщинъ въ лондонскихъ театрахъ удивляло посѣщавшихъ Англію иностранцевъ. Въ 1617 г. прибыло въ Англію венеціанское посольство;

---

[1]) Онъ напечатанъ вполнѣ у Коллера въ его History of English Dramatic Poetry, т. I, стр. 211—12.

[2]) The Schole of Abuse. London 1579. Сочиненіе Госсона было вновь издано Коллеромъ въ трудахъ шекспировскаго общества (Shakspeare's Society Publications); въ настоящемъ году оно перепечатано Арберомъ и вошло въ издаваемое имъ собраніе старинныхъ памятниковъ англійской литературы (English Reprints).

капелланъ этого посольства Горацio Бузино велъ дневникъ, куда записывалъ все, что онъ видѣлъ во время своего путешествія въ Англіи [1]). Одинъ разъ посольство было приглашено въ театръ. Главное, что поразило здѣсь итальянскаго наблюдателя, было то, что англійскіе театры посѣщаются «множествомъ прекрасныхъ и благовоспитанныхъ женщинъ (respectable ladies у Броуна), которыя безъ малѣйшаго смущенія садятся рядомъ съ мужчинами». Обычай посѣщенія театровъ женщинами такъ вкоренился въ англійскомъ обществѣ, что женщины, сначала носившія маски, чтобы скрыть свое присутствіе въ театрѣ и тѣмъ избавиться отъ нареканій, впослѣдствіи ходили въ театръ безъ масокъ [2]). Но помимо приведенныхъ нами свидѣтельствъ, въ которыхъ мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, фактъ посѣщенія театровъ женщинами имѣетъ за себя внутреннее доказательство; если бы мы, слѣдуя Рюмелину, исключили ихъ изъ среды театральной публики, то намъ пришлось бы недоумѣвать, какимъ образомъ лондонскія куртизанки, приходившія въ театръ для поживы, могли оцѣнить трогательную преданность Дездемоны, самоотверженіе Юліи или неизмѣнную вѣрность Имоджены?

Послѣдуемъ далѣе за нашимъ авторомъ. Изъ жалкаго состоянія англійской сцены само собою вытекаетъ жалкое положеніе актеровъ и драматическихъ писателей. Рюмелинъ силится доказать, что между своими современниками Шекспиръ, какъ драматургъ, не пользовался большою извѣстностью. Чувствуя свою безпомощность въ этомъ отношеніи, авторъ снова обращается за подмогой къ книгѣ Ф. Шаля, которая и на этотъ разъ оказываетъ ему медвѣжью услугу. Отсюда-то заимствовалъ онъ тотъ небывалый отзывъ Томаса Нэша о Шекспирѣ, который такъ изумилъ нѣмецкихъ шекспирологовъ. Между тѣмъ вопросы о значеніи Шекспира въ ряду современныхъ ему писателей прекрасно разъясненъ новѣйшей англійской критикой. Автору стоило только обратиться къ сочиненію Чарльза Найта [3]), или хоть къ

---

[1]) Дневникъ этотъ отыскапъ извѣстнымъ англійскимъ ученымъ Раудономъ Броуномъ (Rawdon Brown) въ венеціанскомъ архивѣ св. Марка и переведенъ имъ на англійскій языкъ, но до сихъ поръ не изданъ вполнѣ. Извлечеnie изъ него въ переводѣ Броуна помѣщено въ Quarterly Review, 1857. Октябрь.

[2]) Деліусъ дѣлаетъ неточность, когда утверждаетъ, что порядочныя женщины не могли являться въ театръ иначе, какъ подъ маской (Ueber das Englische Theaterwesen zu Shakspeare's Zeit, стр. 16). Госсонъ положительно свидѣтельствуетъ, что многія изъ нихъ показывались съ открытыми лицами, съ цѣлью, чтобъ на нихъ смотрѣли (to bee seen).

[3]) History of opinion an the writings of Shakspeare, by Charles Knight. London. 1847.

статьѣ «Britisch Quarterly Review» (1857 г., іюль), чтобы разрѣшить свои недоумѣнія.

Четвертая глава книги Рюмелина даетъ намъ возможность покороче познакомиться съ пріемами реалистической критики, представителемъ которой служитъ разбираемый нами авторъ. Мы считаемъ не лишнимъ изложить вкратцѣ содержаніе этой главы. Шекспиръ есть по преимуществу писатель сценическій. Уже изъ одного того простого обстоятельства, что Шекспиръ продавалъ рукописи своихъ драмъ тому же самому театру, гдѣ онъ самъ состоялъ актеромъ и акціонеромъ, слѣдуетъ, что потребности сцены были главнымъ возбужденіемъ его творчества, что сценическій эффектъ былъ его сознательной цѣлью, недостиженіе которой могло вреднымъ образомъ отозваться не только на его извѣстности, какъ писателя, но и на его положеніи, какъ члена театральной дирекціи. Близкому знакомству со сценой и ея условіями Шекспиръ обязанъ совершенствомъ своей драматической техники. Онъ очень хорошо зналъ, что̀ можетъ произвести эффектъ на сценѣ и что̀ не можетъ. Въ немногихъ сценахъ онъ умѣлъ излагать ходъ самаго запутаннаго дѣйствія, заставлялъ слушателей слѣдить съ неослабѣвающимъ интересомъ за завязкой и поворотомъ его, и наконецъ въ катастрофѣ достигалъ величайшаго эффекта сліяніемъ потрясающаго элемента съ примиряющимъ. Гете упрекалъ Шекспира въ томъ, что онъ мало думалъ о сценѣ, что, увлеченный чудными видѣніями своей фантазіи, онъ пренебрегалъ самыми необходимыми сценическими условіями, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Шекспиръ заслуживаетъ упрека въ совершенно противоположномъ отношеніи. Онъ очень хорошо зналъ, что сценическій эффектъ основывается не столько на художественной стройности цѣлаго, сколько на постоянно возбуждающемся интересѣ къ частностямъ, что вниманіе зрителей приковывается настоящимъ, что они готовы довольствоваться чисто внѣшней связью частей, лишь бы каждая сцена приносила съ собой новыя и сильныя впечатлѣнія. Имѣя это въ виду, всякій опытный драматургъ старается придать частностямъ, эпизодамъ нѣкоторую самостоятельность, а иногда охотно приноситъ имъ въ жертву художественную цѣлость своего созданія. По мнѣнію Рюмелина, въ этомъ пріемѣ заключается одна изъ самыхъ яркихъ особенностей шекспировскато творчества, на которую до сихъ поръ очень мало обращали вниманія.

Произведенія Шекспира не суть художественныя цѣлыя: они состоятъ изъ ряда сценъ, имѣющихъ сами по себѣ самостоятельное значеніе, но зачастую не имѣющихъ между собою органической связи. Особенно этотъ недостатокъ замѣтенъ въ исто-

рическихъ драмахъ; здѣсь самостоятельность частей переходитъ всякую мѣру; можно сказать, что за исключеніемъ Ричарда III, во всѣхъ историческихъ драмахъ Шекспира нѣтъ другого единства, кромѣ единства заглавія. Почти вездѣ, гдѣ второстепенныя лица (какъ-то слуги, солдаты, могильщики и актеры въ «Гамлетѣ») выступаютъ на сцену, они не скоро сходятъ съ нея и говорятъ много такого, что̀ нисколько не нужно для хода дѣйствія. Отношеніемъ къ сценѣ во многомъ объясняются характеристическія особенности шекспировой драмы. Не малое вліяніе на драматическій стиль Шекспира имѣла и та публика, которая была его судьей, одобренія которой онъ такъ жадно добивался. Какую же часть публики, какой избранный кружокъ слушателей имѣлъ въ виду поэтъ, когда писалъ свои драмы? По мнѣнію Рюмелина, изъ самой природы вещей слѣдуетъ, что Шекспиръ долженъ былъ имѣть въ виду преимущественно аристократическую молодежь того времени. Здѣсь онъ прежде всего нашелъ своихъ покровителей и почитателей; здѣсь же онъ встрѣтилъ того молодого лорда, чья дружба оказала такое благодѣтельное вліяніе на развитіе его таланта. Вкусы этой молодежи должны были имѣть рѣшительное вліяніе и на характеръ его творчества. Если мы примемъ этотъ весьма естественный фактъ со всѣмъ вытекающимъ изъ него послѣдствіемъ, то намъ объяснится многое; намъ станетъ, напр., понятнѣе то обаяніе вѣчной юности, та безпокойная, жаждущая дѣятельность энергіи, которая бьетъ ключемъ изъ многихъ произведеній Шекспира. Передъ нимъ была аудиторія, съ особенной любовью слѣдившая за каждымъ смѣлымъ образомъ, предпочитавшая сильное, хотя бы и грубое выраженіе, вялому и утонченному, находившая особенную прелесть въ созерцаніи дикихъ, неукротимыхъ характеровъ, и изъ-за сильныхъ потрясающихъ ощущеній готовая смотрѣть сквозь пальцы на слишкомъ крутой поворотъ дѣйствія или на противорѣчіе въ обрисовкѣ характеровъ. Когда же впослѣдствіи положеніе Шекспира настолько упрочилось, что ему нечего было заискивать благорасположеніе публики, когда порвались сами собой его прежнія дружескія связи, тогда въ его міросозерцаніи снова начинаютъ слышаться тѣ мрачные аккорды, которые составляютъ отличительный характеръ его лирическихъ произведеній. Отношеніями Шекспира къ публикѣ опредѣляются не только выборъ драматическаго матеріала, но и выборъ самыхъ дѣйствующихъ лицъ. Двѣ неисчерпаемыя темы наполняютъ собой его драмы — любовь и честолюбіе, — страсти, наиболѣе свойственныя пылкой и мужественной молодости. Герои его драмъ всѣ знатнаго происхожденія; если же иногда онъ выводитъ на

сцену среднее сословіе, горожанъ, мировыхъ судей, духовенство, то неиначе какъ въ комическомъ видѣ. Только одинъ разъ Шекспиръ попробовалъ выйти изъ своей обычной колеи; явились «Виндзорскія кумушки», можетъ быть слабѣйшее изъ его произведеній и которое поэтому только подтверждаетъ собою общее правило. Но угождая вкусамъ аристократической молодежи, Шекспиръ не упускалъ изъ виду и другой болѣе темной публики, симпатіями которой ему нельзя было пренебрегать. И въ этомъ отношеніи Шекспиръ-поэтъ дѣйствовалъ по указаніямъ Шекспира-акціонера. Лорды и джентльмены съ ихъ утонченными рѣчами были скучны для толпы; нужно было занять чѣмъ-нибудь низшіе слои театральной публики. Съ этой цѣлью Шекспиръ пересыпалъ свои драмы остротами клоуновъ, разговорами слугъ, матросовъ, могильщиковъ и т. д. Романтическая школа видѣла въ этомъ смѣшеніи трагическаго съ комическимъ верхъ драматическаго искусства. Какъ смотрѣлъ на этотъ пріемъ самъ Шекспиръ, съ достаточной вѣроятностью можно заключать изъ того, что онъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ старался по возможности избѣгать его; въ римскихъ драмахъ, «Цимбеллинѣ», «Отелло» и др., мы почти не встрѣчаемъ тѣхъ шутовскихъ выходокъ, которыми кишатъ его первыя произведенія. Наконецъ, вліяніе юношеской аудиторіи сказывается еще въ особомъ характерѣ шекспировскаго остроумія. Юноша еще не можетъ до такой степени усвоить себѣ языкъ, какъ человѣкъ взрослый; онъ охотно играетъ словами, растягивая ихъ значеніе до невозможности. Кокетство съ фразой, желаніе придать рѣчи противника, посредствомъ буквальнаго истолковыванія словъ, двусмысленное и нелѣпое значеніе, составляетъ особый родъ юношескаго остроумія, которымъ Шекспиръ угощалъ свою публику. Второй пріемъ общепринятаго остроумія состоитъ въ употребленіи колоссальныхъ гиперболъ. Кажется нѣтъ ни одного народа, который бы такъ любилъ превосходныя степени, какъ англичане: Шекспиръ очень хорошо зналъ эту черту англійскаго народнаго характера и не останавливался ни передъ какими гиперболами [1]).

Приведенныя нами разсужденія представляютъ прекрасный образчикъ того искаженнаго реализма, который еще такъ недавно выдавался русской публикѣ за послѣднее слово западно-европейскаго развитія. Вопросъ о принципѣ шекспировскаго творчества, объ особенностяхъ художественныхъ пріемовъ величайшаго изъ міровыхъ поэтовъ, рѣшается реалистической критикой очень

1) Shakspeare-Studien, 33—48.

просто, объясняется изъ причинъ понятныхъ всякому смертному. Отложивъ въ сторону всякую щепетильность, Рюмелинъ смѣло объявляетъ, что жизненнымъ нервомъ творческой дѣятельности Шекспира была матеріальная выгода, желаніе сколотить деньгу. Онъ не считалъ нужнымъ заботиться о художественномъ планѣ своихъ драмъ и объ отдѣлкѣ характеровъ, потому что его труды пропали бы даромъ, такъ какъ тогдашняя публика мало смыслила въ художественныхъ тонкостяхъ и предпочитала имъ трескучіе сценическіе эффекты. Таже личная выгода заставила его предпочесть симпатіи одного, сравнительно незначительнаго, кружка публики симпатіямъ народныхъ массъ. Не гоняясь за безплодными лаврами народнаго поэта, Шекспиръ писалъ для аристократической молодежи, которая могла дороже оплачивать свои восторги, чѣмъ простой народъ. Даже драматическій стиль Шекспира, его роскошный, поэтическій языкъ, блестящій образами, сравненіями, не исходилъ изъ глубины его творческаго вдохновенія, былъ не болѣе какъ искусственно-придуманный складъ рѣчи, ловко разсчитанный на вкусъ молодежи, любящей игру словъ и кокетничанье фразой. Однимъ словомъ, Рюмелинъ видитъ въ Шекспирѣ не великаго драматурга, но ловкаго промышленника, прекрасно знавшаго сцену и умѣвшаго угождать вкусамъ своей привилегированной аудиторіи. Оставляя въ сторонѣ всю узкость подобныхъ разсужденій, по всей вѣроятности оцѣненную уже читателями по достоинству, мы позволяемъ себѣ сдѣлать автору одно замѣчаніе, ставши на его же точку зрѣнія. Очевидно, автору не приходило даже въ голову очень простое соображеніе, что если Шекспиръ былъ дѣйствительно одаренъ громаднымъ драматическимъ талантомъ, что̀ не отрицаетъ самъ Рюмелинъ [1]), то ему нечего было насиловать себя, подделываясь подъ измѣнчивый вкусъ публики; сильный талантъ всегда съумѣетъ увлечь публику за собой и заставить ее, даже вопреки ея желанію, сочувствовать своимъ созданіямъ; если Шекспиръ могъ имѣть успѣхъ только подъ условіемъ постоянныхъ жертвованій своей художественной самостоятельностью, если ему нечего было сказать міру, то очевидно, что онъ былъ не лучше современныхъ ему драматурговъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣйствительно льстили дурнымъ вкусамъ толпы. Это внутреннее противорѣчіе подъѣдаетъ въ самомъ корнѣ искусно составленную теорію автора объ отношеніи Шекспира къ современной ему публикѣ. Притомъ же авторъ забываетъ, что драмы Шекспира давались передъ

1) Ibid. стр. 50.

той же публикой, которая оцѣнила произведенія школы противоположной Шекспиру не только по направленію, но по драматическимъ пріемамъ, даже языку. Остается предположить, что таже публика имѣла два различные масштаба — одинъ для представителей исторической трагедіи, другой для школы мѣщанской комедіи, одинъ для Пиля, Марло и Шекспира, другой для Бенъ-Джонсона, Бомона и Флетчера. Странная была публика!

Въ пятой главѣ авторъ идетъ еще дальше въ своихъ отрицаніяхъ. Соглашаясь, что Шекспиръ обладалъ громаднымъ драматическимъ дарованіемъ, Рюмелинъ въ тоже время отказываетъ ему въ знаніи практической жизни. Знаніе человѣческаго сердца — говоритъ онъ — внутренній опытъ, далеко не исчерпываютъ собою задачи драматурга. Дѣйствіе, изображаемое въ драмѣ, вытекаетъ не изъ одного только характера или настроенія дѣйствующихъ лицъ; оно опредѣляется также совокупностью различныхъ общественныхъ условій, и весьма часто этотъ второй факторъ бываетъ сильнѣе перваго и опредѣляетъ собою направленіе драматическаго дѣйствія. Для того, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе этого элемента, мало внутренняго опыта, нужно знаніе жизни, богатый запасъ практическихъ наблюденій, который пріобрѣтается только опытомъ, обращеніемъ въ различныхъ сферахъ общественной жизни. Что Шекспиръ не въ значительной степени обладалъ этимъ необходимымъ для драматурга условіемъ—достаточно объясняется его отношеніями къ современному обществу. Очевидно, о строгой причинности, царствующей въ человѣческихъ дѣлахъ, о томъ глубокомъ вліяніи, которое оказываетъ общество на каждаго изъ своихъ членовъ,—не могъ имѣть яснаго представленія тотъ, кто самъ находился въ исключительномъ положеніи по отношенію къ обществу, чья дѣятельность ограничивалась подмостками театра, чье ремесло и призваніе считались предосудительными. По словамъ Рюмелина, плохое пониманіе практической жизни составляетъ весьма выдающуюся черту Шекспирова творчества. Онъ ставитъ дѣйствіе въ зависимость отъ характеровъ гораздо въ большей степени, чѣмъ намъ показываетъ опытъ; онъ ничего не хочетъ знать о смягчающей и нейтрализующей силѣ обстоятельствъ. Любовь, ненависть, честолюбіе, охвативши у него извѣстныя личности, влекутъ ихъ къ самымъ крайнимъ поступкамъ, а разумъ не только не управляетъ страстью человѣка, но кажется еще болѣе воспламеняетъ ее. Благодаря этой особенности Шекспирова таланта, образы, имъ созданные, кажутся цѣльнѣе, величавѣе, ярче, болѣе привлекаютъ къ себѣ симпатіи толпы, тогда какъ тонкія черты гётевскихъ характеровъ

кажутся блѣдными неизощренному глазу [1]). По мнѣнію Рюмелина, Гёте далеко превосходитъ Шекспира въ знаніи жизни. Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ объясняетъ это превосходство не врожденнымъ даромъ наблюдательности, но болѣе благопріятными условіями, въ которыя былъ поставленъ нѣмецкій поэтъ-министръ, дававшими ему больше возможности наблюдать жизнь и людей. Гёте, говоритъ онъ, постоянно вращавшійся въ обществѣ, не обязанный угождать вкусамъ одной какой-нибудь части театральной публики, рисуетъ намъ человѣка реальнаго, дѣйствія котораго обусловлены множествомъ внѣшнихъ условій; Шекспиръ, стоявшій внѣ общества, не знавшій жизни и вдобавокъ обязанный удовлетворять вкусамъ избраннаго кружка, изображаетъ намъ въ яркихъ образахъ основныя черты человѣческой природы, выводя ихъ изъ глубины своего духа и упуская изъ виду вліяніе общественной среды и множество мелкихъ условій, могущихъ ослабить и съузить проявленія самой горячей страсти. Короче сказать, Шекспиръ изображаетъ въ своихъ драмахъ коренные феномены человѣческой природы, которые въ дѣйствительности никогда не встрѣчаются въ такой полнотѣ и чистотѣ; Гёте выводитъ передъ нами сложныя явленія дѣйствительной жизни, реальность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Первые эффектнѣе и понятнѣе для толпы; внутренняя прелесть послѣднихъ открывается только немногимъ посвященнымъ [2]). Авторъ оканчиваетъ пятую главу своей книги положеніемъ, что между драмами Шекспира едва ли найдется одна, обладающая вполнѣ связнымъ и прагматическимъ дѣйствіемъ — положеніемъ, которое онъ берется доказать въ слѣдующихъ главахъ.

Но слѣдить далѣе за нашимъ авторомъ было бы дѣломъ, столько же утомительнымъ, сколько и безполезнымъ. Впрочемъ, разставаясь съ Рюмелиномъ, не можемъ не замѣтить, что въ замѣчаніяхъ его, какъ они ни кажутся съ перваго раза странными, есть доля справедливости. Дѣйствительно, уже не разъ было замѣчено, что нѣкоторыя изъ произведеній даже зрѣлой поры Шекспирова творчества страдаютъ отсутствіемъ внѣшняго прагматизма и подчасъ не совсѣмъ естественнымъ мотивированіемъ дѣйствія. Такъ, между прочимъ, Гёте весьма основательно находилъ вступательную сцену короля «Лира» невозможной и удивлялся геніальности поэта, съумѣвшаго изъ такой неестественной, сказочной завязки развить богатое драматическое дѣйствіе. По-

---

[1]) Shakspeare-Studien, стр. 50—55.
[2]) Ibid. стр. 56—57.

добные промахи можно найти и въ другихъ произведеніяхъ Шекспира, но сколько извѣстно они не составляютъ одной изъ особенностей его творчества и происходятъ не отъ недостаточнаго знакомства съ жизнію, какъ думаетъ Рюмелинъ, а отъ причинъ гораздо болѣе общихъ. Любовь къ фантастическимъ сюжетамъ была общей страстью драматурговъ XVI в., въ особенности той школы, къ которой принадлежалъ Шекспиръ. Подобно своимъ товарищамъ, онъ заимствовалъ сюжеты своихъ драмъ изъ итальянскихъ новеллъ во французскихъ и англійскихъ передѣлкахъ, изъ старинныхъ англійскихъ хроникъ, словомъ изъ тѣхъ источниковъ, гдѣ историческое и естественное чуднымъ образомъ переплетено съ сказочнымъ и фантастическимъ. Этотъ фактъ не могъ не быть извѣстнымъ автору, неоднократно упоминающему въ своей книгѣ объ источникахъ шекспировыхъ произведеній, и мы предоставляемъ судить читателямъ, насколько основательно выводить изъ него заключеніе о плохомъ знакомствѣ Шекспира съ жизнію. Мы согласны съ Рюмелиномъ, что у Гёте найдется меньше промаховъ въ мотивированіи дѣйствія, чѣмъ у Шекспира, но развѣ это мелкое преимущество можетъ служить доказательствомъ бо́льшаго знанія жизни или высшихъ драматическихъ дарованій поэта? Въ такомъ случаѣ любого французскаго драматическихъ дѣлъ мастера нужно поставить выше Гёте и Шекспира. Еще болѣе ошибочно отказывать Шекспиру въ знаніи жизни на томъ основаніи, что его герои нарисованы слишкомъ крупными чертами, что страсть, охватившая разъ ихъ душу, не хочетъ знать никакихъ сдѣлокъ съ разсудкомъ и идетъ своимъ путемъ, разрушая стоящія на дорогѣ общественныя условія. Авторъ очевидно упустилъ изъ виду то обстоятельство, что Шекспиръ выбиралъ именно тотъ моментъ изъ жизни своихъ героевъ, когда страсть ихъ достигла высшей точки своего напряженія, когда сила обстоятельствъ не могла уже оказать на нее своего нейтрализующаго вліянія. Взятая въ этомъ моментѣ ея развитія, страсть дѣйствительно есть нѣчто величавое, роковое, трагическое. Такую-то всепоглощающую страсть, составляющую первое условіе трагедіи, изображалъ Шекспиръ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ очень хорошо зналъ, что герою трагедіи мы скорѣй извинимъ излишній паѳосъ его страсти, нежели ея отсутствіе. Въ самомъ слабомъ изъ его героевъ (Гамлетѣ) гораздо больше страсти, огня, увлеченія, чѣмъ въ вяломъ и разсудительномъ Эгмонтѣ. Личное величіе, геніальная сила духа есть первое качество трагическаго героя; мы можемъ его любить или ненавидѣть, но не можемъ не удивляться ему. И въ выборѣ шекспи-

ровскихъ героевъ и въ очертаніи ихъ характеровъ видны столько же глубокое знаніе жизни, сколько и геніальный драматическій инстинктъ англійскаго драматурга.

Въ заключеніе замѣтимъ, что мы не раздѣляемъ надеждъ, возбужденныхъ книгой Рюмелина въ нѣкоторой части нѣмецкой журналистики. Несмотря на безспорную даровитость автора, направленіе, представителемъ котораго онъ такъ смѣло выступаетъ, можетъ оставить прочныхъ слѣдовъ въ наукѣ. Считая внутреннее лишь отраженіемъ внѣшняго, крайняя реалистическая критика не въ состояніи объяснить такого необычайнаго феномена, какъ поэтическій геній Шекспира; она отказываетъ Шекспиру въ знаніи жизни лишь потому, что, по ея мнѣнію, онъ стоялъ въ ненормальныхъ отношеніяхъ къ современному обществу; она отрицаетъ художественное единство и цѣлость его драмъ на томъ основаніи, что публика того времени больше обращала вниманіе на эффектныя частности, чѣмъ на стройность цѣлаго. Этими отрицаніями она сама себѣ произнесла безвозвратное осужденіе, ибо признаніе поэтической дѣятельности, какъ самостоятельной функціи человѣческаго духа, должно, по нашему мнѣнію, составлять точку отправленія истинной критики. Несомнѣнно, что среда и люди имѣютъ вліяніе на образованіе и направленіе поэтическаго таланта, но ихъ совокупное вліяніе не въ состояніи измѣнить коренныхъ основъ его природы. Много-ли, мало-ли вращался Шекспиръ въ обществѣ, вопросъ этотъ, весьма важный для біографіи поэта, не представляетъ большого значенія при оцѣнкѣ его драматическаго генія, такъ какъ знаніе человѣка было врождено Шекспиру, какъ и всякому другому великому поэту. Ульрици прекрасно замѣчаетъ, что глубокое знаніе жизни и людей, которое составляетъ едва-ли не самую яркую особенность Шекспирова генія, ни въ какомъ случаѣ не могло быть результатомъ эмпирическихъ наблюденій; подобнымъ путемъ образовываются дипломаты, моралисты или евреи-разнощики, но только не поэты. Его вѣрныя описанія самыхъ разнообразныхъ и притомъ ненормальныхъ душевныхъ состояній (какъ-то: меланхоліи, безумія, лунатизма и т. д.), которыя, очевидно, не могли быть ему извѣстны изъ опыта, сильнѣе всего доказываютъ, что источникъ его знанія вытекалъ изъ глубины его поэтическаго прозрѣнія въ сущность человѣческой природы [1]). Тоже самое можно сказать и о художественной цѣлости произведеній Шекспира. Безспорно, что вкусъ публики,

---

[1]) Shakspeare's Dramatische Kunstgeschichte. Zweite Auflage, стр. 299.

извѣстнаго настроенія общественнаго сознанія въ данную минуту, могли оказать вліяніе на выборъ Шекспиромъ того или другого сюжета для его драмъ. Но какъ скоро онъ начиналъ творить, требованіе публики незамѣтно отступало на второй планъ; фантазія его дѣйствовала по своимъ собственнымъ законамъ и, такъ сказать, инстинктивно создавала художественное цѣлое.

Съ другой стороны, мы не причисляемъ автора разбираемой нами книги къ той жалкой семьѣ отрицателей всего великаго, къ которой его во что бы то ни стало хотятъ причислить его противники. Въ его ошибкахъ и парадоксахъ отчасти виновата сама нѣмецкая критика. Скептицизмъ Рюмелина есть логическій выводъ изъ тѣхъ шаткихъ, волнующихся теорій, которыми, за отсутствіемъ прочнаго метода, довольствовалась до сихъ поръ Шекспировская критика. Среди самодовольнаго упоенія своимъ торжествомъ, которое какъ-то особенно овладѣло ею со времени учрежденія нѣмецкаго шекспировскаго общества, скептическій смѣхъ Рюмелина раздается какъ страшное memento mori, какъ зловѣщія предсказанія Локи на пиршествѣ боговъ въ скандинавской миѳологіи. Въ этомъ настоятельномъ требованіи пересмотра существующихъ методовъ шекспировской критики главнымъ образомъ заключается заслуга Рюмелина. Хотя авторъ и не былъ въ состояніи проложить новой дороги къ шекспировской критикѣ, но онъ превосходно показалъ, что идя по старой, мы въ сущности нисколько не подвигаемся впередъ, а вращаемся въ заповѣдномъ кругу различныхъ философскихъ отвлеченій и субъективныхъ фантазій, откуда нѣтъ выхода на чистое поле фактическаго изученія.

Этюдъ нашъ приближается къ концу. Мы разсмотрѣли главныя, такъ сказать, типическія направленія Шекспировской критики въ Германіи отъ Лессинга до настоящаго времени. Смѣемъ думать, что отъ читателей не ускользнула истинная причина тѣхъ противорѣчащихъ другъ другу воззрѣній, которыя такъ непріятно пестрятъ собою нѣмецкую критику. Отсутствіе устойчивости во взглядахъ нѣмецкихъ критиковъ на Шекспира заключается, съ одной стороны, въ отсутствіи прочно-выработаннаго критическаго метода; съ другой стороны въ добровольномъ подчиненіи нѣмецкой критики формуламъ отвлеченной философіи, въ желаніи прилагать къ художественнымъ произведеніямъ принципы, выросшіе по бо̀льшей части на почвѣ чуждой искусству. Нѣмецкую критику въ обширномъ смыслѣ можно назвать критикой предвзятыхъ идей, порожденныхъ мимолетными философскими направленіями. Пониманіе художественнаго произведенія

путемъ потрясеннаго ощущенія, такъ настоятельно требуемое Тикомъ, и до сихъ поръ остается pium desiderium; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного сочиненія, гдѣ бы этотъ принципъ былъ выдержанъ отъ начала до конца. Притомъ же, сосредоточивъ свое вниманіе на внутреннемъ смыслѣ произведеній Шекспира, на особенностяхъ его какъ поэта, психолога и моралиста, нѣмецкая критика оказала непростительное равнодушіе къ достоинствамъ Шекспира, какъ драматурга. Правда, Лессингъ еще въ прошломъ столѣтіи провозгласилъ Шекспира первымъ драматургомъ міра и на разборѣ «Гамлета», «Ромео и Юліи» и «Ричарда III» показалъ, въ чемъ состоитъ принципъ его творчества и чѣмъ его драматическое искусство превосходитъ драматическое искусство Вольтера и ложно-классической трагедіи, но къ сожалѣнію послѣдующая критика мало заботилась о томъ, чтобъ развить его принципы и приложить ихъ къ другимъ произведеніямъ Шекспира. Чѣмъ болѣе мы подвигаемся къ нашему времени, тѣмъ одностороннѣе становится критика, тѣмъ меньше она обращаетъ вниманія на чисто-драматическія достоинства шекспировыхъ трагедій. Еще у Шлегеля и у романтиковъ мы встрѣтимъ, хоть изрѣдка, разсужденіе о драматическихъ достоинствахъ Шекспира и объ отличіи его стиля отъ стиля древней трагедіи. Какъ бы ни глумились надъ романтиками Гервинусъ и его послѣдователи, не нужно забывать, что честь исторической постановки вопроса о Шекспировой драмѣ должна быть приписана имъ. Отправившись отъ мысли, уже вскользь высказанной Герстенбергомъ, что къ англійской драмѣ нельзя прилагать масштаба классической эстетики, романтики старались понять Шекспира въ связи съ современнымъ ему драматическимъ движеніемъ въ Англіи и провести раздѣльную черту между принципами классической и англійской драмы. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что для оцѣнки драматическаго стиля и техники Шекспировой драмы, романтики сдѣлали не много. Еще съ меньшимъ основаніемъ мы можемъ надѣяться найти оцѣнку драматическаго генія Шекспира въ многочисленныхъ сочиненіяхъ той школы, которая выросла на началахъ Гегелевой философіи искусства. Между тѣмъ упущеніе изъ виду этого вопроса подрываетъ эстетическую критику въ самыхъ ея основаніяхъ. Драма есть самостоятельный родъ поэзіи, имѣющей свои собственныя цѣли, равно какъ свои собственныя средства для достиженія этихъ цѣлей. Цѣль драмы, какъ поэтическаго произведенія вообще, прекрасно опредѣлена самимъ Шекспиромъ въ извѣстныхъ словахъ Гамлета актерамъ

(актъ III, сцена 2-я). Но кромѣ того драма имѣетъ свою спеціальную цѣль—доставить эстетическое наслажденіе собравшейся въ театръ публикѣ. Какъ бы ни были велики поэтическія достоинства драматическаго произведенія, но коль скоро оно лишено чисто-драматическихъ достоинствъ, успѣхъ его ничѣмъ не обезпеченъ. Искусство драматурга состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть употребить свои поэтическія силы, свое знаніе людей и жизни на служеніе цѣлямъ драматическимъ. Отъ драматурга требуется въ одинаковой степени психологическій анализъ страстей, умѣнье живо изображать человѣческіе характеры и искусство сдѣлать ихъ драматическими двигателями происходящаго передъ зрителями дѣйствія [1]). Эта-то сторона вопроса почти совершенно оставлена въ тѣни нѣмецкой критикой. Среди множества самыхъ глубокомысленныхъ разсужденій о нравственныхъ, философскихъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ Шекспира, которыми не въ мѣру пересыпаны сочиненія Ульрици, Ретшера, Гервинуса и т. д., мы тщетно старались найти обстоятельное, чуждое предвзятыхъ идей разсмотрѣніе особенностей его драматическаго стиля. Добросовѣстный Юліанъ Шмидтъ открыто сознается, что для техники Шекспировой драмы нѣмецкая критика сдѣлала очень мало, несмотря на всю свою философію [2]).

Высказывая свой взглядъ о важности изученія техники и художественной постройки Шекспировой драмы, мы далеки отъ безразсудной мысли видѣть въ Шекспирѣ только великаго драматическихъ дѣлъ мастера, какимъ онъ кажется напр. Рюмелину; но мы глубоко убѣждены, что истинная оцѣнка Шекспирова генія должна начаться съ этой стороны, что не рѣшивши вопроса, насколько поэтическое вдохновеніе Шекспира было связано законами драматическаго искусства, мы не можемъ твердымъ шагомъ подвигаться впередъ въ изученіи другихъ сторонъ его генія. Къ тому же, читая произведенія Шекспира, мы изумляемся глубинѣ его мыслей, зоркости его взгляда, проникающаго въ самые затаенные уголки человѣческаго сердца, наконецъ, поэзіи его языка; но только тотъ, кто видѣлъ его драмы на сценѣ, кто испыталъ на себѣ чарующую силу его драматическаго генія, можетъ сказать, что онъ знаетъ Шекспира. Желательно было бы, чтобъ оцѣнка драма-

---

[1]) См. мастерское развитіе этой мысли въ «Edinburgh Review», 1849. Іюль, стр. 40 — 44.

[2]) Geschichte der deutschen Literatur seit Lessing's Tag. Vierte Auflage I, стр. 376. Исключеніе изъ этого не составляетъ и прекрасное сочиненіе Густава Фрейтага *Die Technik des Dramas*, Leipzig, 1863, потому что въ немъ авторъ касается Шекспира только мимоходомъ.

тическихъ достоинствъ произведеній Шекспира занимала видное мѣсто въ общей оцѣнкѣ его генія, чтобы критика, вмѣсто того, чтобъ ежеминутно расширять почву изслѣдованія, старалась бы болѣе углубить ее [1]). Мы вполнѣ увѣрены, что нѣмецкая критика съ честью выйдетъ изъ неловкаго положенія, въ которое ее поставило увлеченіе гегелевой философіей искусства, что развязавшись навсегда съ условными принципами этой, отжившей свой вѣкъ, философіи, она съумѣетъ найти въ вѣчныхъ законахъ эстетическаго чувства истинный масштабъ для оцѣнки художественнаго значенія произведеній Шекспира. Въ этомъ между прочимъ насъ убѣждаетъ и та неизмѣнная любовь и благоговѣніе къ Шекспиру, которыя такъ выгодно отличаютъ мыслящую часть нѣмецкаго народа. Сколько различныхъ философскихъ повѣтрій пронеслось надъ Германіей съ тѣхъ поръ, какъ Лессингъ открылъ изумленному міру величіе Шекспирова генія! Несмотря на то, что эти повѣтрія оказали въ общей сложности не совсѣмъ благопріятное вліяніе на нѣмецкую критику — Шекспиръ остался по прежнему безраздѣльнымъ властелиномъ германскаго сознанія, и прибавимъ — власть эта не прекратится, пока въ человѣческой груди уцѣлѣетъ влеченіе къ великому, пока геній и талантъ будутъ возбуждать удивленіе и восторгъ человѣчества.

Н. Стороженко.

Лондонъ. 1869.

---

[1]) Опыты подобнаго изученія Шекспира не рѣдкость въ англійской и американской литературѣ. Какъ на недавній примѣръ въ этомъ родѣ, укажемъ на прекрасный разборъ вступительной сцены *Тимона Авинскаго*, помѣщенный въ бостонскомъ изданіи «The Atlantic Monthly» 1856, іюнь.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Въ наше время сдѣлалось почти трудно говорить о томъ или другомъ явленіи въ русской современной литературѣ, — до такой степени запутанъ и затемненъ смыслъ и истинное значеніе тѣхъ двухъ терминовъ, которыми наша критика старается обозначить двѣ эпохи одного и того же литературнаго періода, отчасти пережитого, отчасти и до сихъ поръ переживаемаго нами. Всѣ говорятъ, что наша литература въ настоящую минуту представляетъ два поколѣнія писателей и два соотвѣтствующихъ имъ направленія — «старое» и «новое», старое и молодое; какъ фактъ естественный во всемъ, что̀ движется впередъ и успѣваетъ, такое раздѣленіе не представляетъ въ себѣ ничего спорнаго. Но что̀ такое новое направленіе? Это — вопросъ, породившій у насъ самъ цѣлую литературу и можетъ быть болѣе обширную, чѣмъ сама литература вмѣстѣ взятая. Что̀ за «новое направленіе», скажутъ многіе, откуда оно явилось и что̀ вы разумѣете подъ нимъ? Ужъ не то ли зовете вы новымъ направленіемъ, къ чему всякій порядочный человѣкъ долженъ относиться съ презрѣніемъ и негодованіемъ? Кого вы честите писателями молодого поколѣнія не этихъ ли бездарныхъ писакъ, изображающихъ съ грязнымъ цинизмомъ пьянаго мужика, бурсака, голодныхъ студентовъ, людей крайнихъ мнѣній, соціалистовъ, коммунистовъ, однимъ словомъ, всяческихъ враговъ общественнаго спокойствія, собственности, семьи, религіи и всѣхъ основъ цивилизованнаго общества? Неужели, воскликнутъ наши читатели, вы рѣшаетесь говорить объ этой литературной черни, не имѣющей ni foi, ni loi, и которая развелась у у насъ къ стыду и горю русской литературы? Дѣйствительно, въ

наше смутное для идей время могло произойти то, что новое направленіе въ литературѣ было встрѣчено вышепоименованными эпитетами; одни не даютъ себѣ труда вникнуть въ несомнѣнный фактъ, что это направленіе существуетъ, и понять его внутреннее значеніе; другіе упорствуютъ ходить по заднимъ дворамъ литературы.

Но есть и другая причина, вызывающая неумѣренное негодованіе во всякой попыткѣ новаго литературнаго направленіе завоевать себѣ надлежащее мѣсто, и молодое поколѣніе писателей обнаружило бы крайнюю недальновидность съ своей стороны, если бы отвѣтило тѣмъ же и не съумѣло признать устарѣлыхъ понятій и симпатій значительной части нашего общества, совершенно естественно вытекающими изъ цѣлаго строя жизни, среди котораго выросло и воспиталось это старое поколѣніе. Въ нашей общественной жизни совершился важный переворотъ; хотятъ однако, чтобы въ нашей литературѣ такого перелома не было, хотятъ, другими словами, жить прошедшимъ хоть въ литературѣ, если это сдѣлалось невозможнымъ въ дѣйствительности. Желаніе весьма понятное; обвинять людей за то, что они воспитались въ своихъ идеяхъ — несправедливо, и можно только развѣ сѣтовать на тотъ строй, который въ прежнія времена отдѣлялъ русское общество китайскою стѣною отъ западной цивилизаціи. Перелѣзть, да и то мысленно, эту стѣну могли только немногіе, избранные, а отъ цѣлаго общества нельзя спрашивать того, что̀ составляетъ принадлежность исключительныхъ натуръ. Тѣмъ не менѣе, можно было все-таки надѣяться, что старое общество, хотя и выращенное на особой политической нравственной почвѣ, отнесется къ новымъ стремленіямъ и новымъ идеаламъ нѣсколько иначе, чѣмъ оно отнеслось въ дѣйствительности. Надежда эта не была чисто произвольная, она основывалась на томъ, что въ этомъ обществѣ среди пустынной тишины и мертвеннаго спокойствія раздавались все-таки голоса такихъ людей, какими были Гоголь, Бѣлинскій и нѣкоторые другіе.

Откуда же произошло то печальное явленіе, что между двумя поколѣніями, слѣдующими въ литературѣ другъ за другомъ, совершился такой опасный разрывъ, исчезла всякая преемственность, которая должна дѣлать нормальнымъ переходъ отъ одного поколѣнія къ другому, такъ что дѣло предшественниковъ передается изъ рукъ въ руки ихъ преемникамъ? Гдѣ корень этого разлада, этой настоящей борьбы между прошедшимъ и будущимъ, борьбы, которая не только безплодна, но положительно вредна для общества? Мы склонны думать, что люди идей другого времени, заключали въ себѣ настолько силы, чтобы съумѣть понять и болѣе или менѣе войти въ положеніе тѣхъ, которые явились, чтобы смѣнить ихъ.

Но у нихъ недостало силы, чтобы отнестись къ новому безпристрастно, и отсюда произошелъ тотъ грустный разладъ въ русскомъ обществѣ, между людьми различныхъ эпохъ и различныхъ міросозерцаній. Разладъ литературный не замедлилъ раздѣлить и общество на два лагеря.

Къ этой причинѣ разлада должна быть присоединена еще одна, въ которой, правда, люди идей сороковыхъ годовъ нисколько не повинны, но которая тѣмъ не менѣе имѣла самыя грустныя послѣдствія. Причина эта заключается въ той непримиримой злобѣ извѣстной части удаляющагося со сцены поколѣнія, которою всегда преслѣдовалось и до сихъ поръ преслѣдуется все живое, все новое, все, что высказывается противъ отживающаго порядка, надѣлявшаго однихъ всѣми правами, обременявшаго другихъ всѣми обязанностями. Вражду эту нѣкогда вынесли люди сороковыхъ годовъ сами на себѣ. Дѣйствительно, двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ, та вражда была направлена противъ того самаго лагеря русскаго общества, который теперь съ такимъ недовѣріемъ относится къ выросшимъ уже въ нѣсколько другихъ условіяхъ людямъ. Самое странное въ этомъ озлобленномъ отношеніи людей сороковыхъ годовъ къ людямъ шестидесятыхъ заключается именно въ томъ, что эти люди сороковыхъ годовъ точно забыли какую роль играли они сами, когда были молоды, и когда представляли собою, по крайней мѣрѣ въ своихъ лучшихъ членахъ, поколѣніе недовольныхъ. Но дѣло, можетъ быть, заключается въ томъ, что недовольство ихъ извѣстнымъ общественнымъ порядкомъ носило на себѣ характеръ по преимуществу идеалистическій. Эти два разряда людей съ различными понятіями, которые до 1855 года стояли другъ противъ друга, и изъ которыхъ одни находили, что порядокъ всецѣло господствовавшій тогда, порядокъ, основанный на полнѣйшемъ безправіи массы общества, есть лучшій, совершеннѣйшій порядокъ, и другіе глухо протестовавшіе противъ неестественныхъ условій, въ которыя заключена была русская жизнь, теперь соединились отчасти въ своемъ враждебномъ отношеніи противъ людей новой мысли, или вѣрнѣе, той же старой, но получившей только дальнѣйшее развитіе.

О людяхъ первой категоріи не нужно и говорить. Они остались вѣрны себѣ: скрученные реакціею, они не могли никогда освободиться отъ нея, они вкусили всѣ плоды ея, воспитались въ ней и сдѣлались безпрекословными защитниками порядка, не признававшаго слова «право». Люди эти, кричавшіе о нравственныхъ основахъ общества, кажется, и не подозрѣвали, что нравственнаго было въ немъ менѣе всего. Они были, слѣдовательно,

совершенно логичны, преслѣдуя и отъ души ненавидя превратныя, по ихъ мнѣнію, понятія людей новыхъ идей; они были послѣдовательны, когда вызывали противъ нихъ гоненія, да иначе и быть не могло, когда всѣ идеи, всѣ стремленія одного были буквально противоположны идеямъ и стремленіямъ другого. Тутъ открытая борьба между двумя началами, изъ которыхъ одно выходитъ изъ уничтоженія личности, другое изъ требованія для нея правъ на полное существованіе и самостоятельное развитіе. Такія начала не могутъ сойтись, одно или другое должно быть попрано; старое, вымирающее начало не хочетъ уступить своего мѣста безъ боя, и никто, конечно, не можетъ на него за это претендовать. Оно въ своей ролѣ; пусть же оно и дотягиваетъ ее до конца, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть и не заблуждается относительно своей силы. Правда, въ нашемъ болѣзненномъ, лихорадочномъ развитіи, въ нашей общественной жизни бываютъ минуты, когда эта разлагающаяся сила даетъ себя чувствовать, она сказывается еще какими-то пароксизмами, но тѣмъ не менѣе, сила эта не нормальная, свѣжихъ, жизненныхъ соковъ нѣтъ больше, тутъ ей предназначено дойти до окончательнаго разложенія. Не будемъ ее трогать, оставимъ ее спокойно умирать.

Если разрывъ между этого рода людьми и людьми новыхъ понятій совершенно понятенъ и представляется неизбѣжностью, то не такъ должно было бы быть съ другою частью стараго поколѣнія, которая въ 40-хъ годахъ сама вызывала противъ себя гоненія, какъ всякая свѣжая, протестующая сила. Озлобленное отношеніе людей сороковыхъ годовъ къ идеямъ 60-хъ годовъ наводитъ на самыя печальныя размышленія, потому что оно указываетъ, какъ мало можно разсчитывать на правильное развитіе русскаго общества, оно показываетъ, какая рыхлая почва у насъ подъ ногами и какъ легко можемъ мы завязнуть въ болотѣ въ то самое время, когда мечтаемъ стоять уже на гранитной скалѣ. Когда мы прислушиваемся къ шопоту людей сороковыхъ годовъ, когда мы читаемъ то, что писалось между строкъ, и вникаемъ въ скрытый смыслъ того, что печаталось, Боже мой, сколько радостныхъ мыслей начинаетъ шевелиться въ головѣ, сколько сладкихъ надеждъ возникаетъ на то, что поколѣніе, питавшееся постояннымъ недовольствомъ общественнымъ строемъ Россіи, мучившееся безплоднымъ протестомъ противъ административнаго произвола, давившаго нравственное развитіе, окажется готовымъ, чтобы идти впередъ и освѣтить своею опытностью дорогу къ новой общественной жизни. Чего только нельзя было надѣяться, слушая лучшихъ учителей изъ стараго поколѣнія! Какъ было не думать, что люди сороковыхъ годовъ не только

съ радостью отзовутся на всякое живое слово тѣхъ, кто долженъ былъ имъ наслѣдовать, но сами станутъ впереди движенія, указывая дорогу молодой, горячей, но неопытной еще силѣ людей новыхъ понятій. Всѣ эти надежды и упованія оказались принадлежащими къ области иллюзій; мало того, что онѣ не оправдались, онѣ еще дали совершенно противоположные результаты. Въ этихъ людяхъ новыхъ понятій, когда они встрѣтили отпоръ лучшимъ своимъ стремленіямъ въ старшемъ поколѣніи, могло закрасться сомнѣніе, они могли задать себѣ и въ самомъ дѣлѣ задали вопросъ: насколько серьезно было въ людяхъ сороковыхъ годовъ то недовольство, о которомъ такъ много было говорено, насколько дѣйствительна была потребность, жажда новой жизни, насколько истинно было стремленіе ихъ къ инымъ общественнымъ началамъ, насколько крѣпко было въ нихъ сознаніе, что въ основаніи людскихъ отношеній лежала крайняя, вопіющая несправедливость? Можно было спросить, не было ли все недовольство, весь шевелившійся въ нихъ протестъ противъ стараго порядка, ни болѣе, ни менѣе, какъ игрушкою, которая развлекала въ скучные годы, не былъ ли протестъ только поводомъ, чтобы рисоваться и рядиться въ павлиныя перья? Этотъ обидный вопросъ, это обидное сомнѣніе, вызванное, безъ сомнѣнія, раздраженіемъ, еще болѣе вооружило людей старыхъ понятій противъ людей молодыхъ, вступавшихъ только въ жизнь. Сомнѣніе это было тѣмъ болѣе непріятно, что въ немъ скрывалась, хотя и выраженная въ слишкомъ грубой формѣ, своя доля справедливости. Люди сороковыхъ годовъ—разумѣется, мы говоримъ о лучшихъ людяхъ—не рядились въ павлиныя перья, они не красовались только недовольствомъ, они въ самомъ дѣлѣ были воодушевлены гуманными и либеральными идеями, но они стояли на слишкомъ идеальной почвѣ, и ихъ въ значительной степени удовлетворяло литературное чувство сознанія, что жизнь при данныхъ условіяхъ не совсѣмъ красива, что извѣстный порядокъ дуренъ, что въ немъ должны были бы быть сдѣланы кое-какія перемѣны. Затѣмъ они уже мало заботились, что̀ дурно, что̀ должно быть сдѣлано, какъ далеко должна быть измѣнена общественная жизнь, гдѣ коренится главное зло, и что̀ нужно сдѣлать, чтобы избавиться отъ него. Направленіе по преимуществу отрицательное, не ставившее предъ собою никакихъ опредѣленныхъ задачъ, никакихъ ясно формулированныхъ требованій. Это было какъ бы романическое направленіе въ дѣйствительной жизни. Другого рода вопросъ, были ли люди сороковыхъ годовъ виноваты, что они оставались безъ опредѣленныхъ идеаловъ, что они вращались главнымъ образомъ въ сферѣ сомнѣній, что они проводили свою

жизнь въ изящномъ унынiи и недовольномъ бездѣйствiи? На этотъ вопросъ невозможно отвѣчать утвердительно; жизненная обстановка, условiя ихъ развитiя были до того неблагопрiятны, что у насъ не повернется языкъ сказать, зачѣмъ они не были тѣмъ или другимъ, не хватитъ духу сдѣлать имъ упрекъ въ отсутствiи болѣе трезваго отношенiя къ дѣйствительности. Когда подумаешь хорошенько, въ какой атмосферѣ должны они были жить и дышать, мы готовы скорѣе удивляться имъ и благодарить ихъ, что они не потеряли способности человѣчески мыслить и разсуждать. Подобная заслуга, по всей справедливости, не можетъ быть забыта, она должна много вѣсить въ сужденiяхъ людей новыхъ понятiй о людяхъ старыхъ воззрѣнiй. Еслибы послѣднiе относились болѣе спокойно и безпристрастно къ первымъ, то они, быть можетъ, убѣдились бы, что и люди новаго направленiя вовсе неповинны въ презрѣнiи къ людямъ предшествовавшаго направленiя, въ чемъ такъ упорно обвиняютъ ихъ, а что напротивъ, ошибка ихъ заключалась именно въ томъ, что на первыхъ порахъ они на людей сороковыхъ годовъ возложили слишкомъ смѣлыя надежды. Отъ людей сороковыхъ годовъ какъ бы ждали, что они не только будутъ всѣмъ существомъ своимъ сочувствовать всѣмъ стремленiямъ, всѣмъ порывамъ новыхъ идей, выходившихъ изъ ихъ же собственныхъ, но что въ общемъ движенiи впередъ, въ дѣлѣ смѣлаго развитiя мысли и быстраго поворота отъ всего стараго ко всему новому, они будутъ стоять впереди другихъ. Наступила минута разочарованiя; но спрашивается, кто въ ней виноватъ? безъ сомнѣнiя тѣ, которые возлагали слишкомъ смѣлыя надежды на людей сороковыхъ годовъ.

Какъ бы то ни было, это разочарованiе, причины котораго оставались неразъясненными, раздражало какъ однихъ, такъ и другихъ. Фактъ тотъ, что когда наступила въ русскомъ обществѣ новая эпоха, люди сороковыхъ годовъ, съ ихъ отрицательно-идеалистическимъ направленiемъ, оказались слишкомъ робкими, какъ бы нежелавшими быстро двинуться впередъ, какъ стремилось къ тому молодое поколѣнiе, точно крылья этихъ людей, на которыхъ они постоянно летали въ области метафизической философiи, были подрѣзаны. Они, казалось, испугались самаго движенiя, мужества ихъ хватало сдѣлать шагъ, въ то время, когда отъ нихъ ожидали, что они сдѣлаютъ десять шаговъ. Они, не углубляясь до корня того зла, противъ котораго такъ долго роптали, сами испугались, отступились, и совершенно удовольствовались тѣмъ, что было сдѣлано на первыхъ порахъ. Можетъ быть даже и того, что было сдѣлано, для нихъ было уже слишкомъ много, такъ мало они приготовлены были, такъ мало

они думали о томъ, чтобы свои гуманныя стремленія переводить изъ области идеальныхъ разсужденій въ область реальной жизни. Странно было бы осуждать этихъ людей, что они не пошли такъ далеко, какъ желали того люди новаго міросозерцанія. Ихъ нерѣшительность, ихъ сомнѣніе, ихъ боязнь, наконецъ, передъ конечными выводами тѣхъ самыхъ идей, съ которыми они носились такъ долго, но носились точно въ облакахъ, мало размышляя о томъ, къ какимъ результатамъ должны онѣ были привести въ практической жизни,—все это, намъ кажется, довольно понятно.

Когда наступила въ Россіи, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, эпоха всеобщаго оживленія, эти люди были не столько стары годами, сколько усталостію, утомленіемъ, которое являлось прямымъ послѣдствіемъ забитости и придавленности, порожденными прежнимъ порядкомъ. Они были истрепаны жизнью, энергія, отвага пропали въ нихъ и они робѣли и не рѣшались переступить извѣстныхъ границъ, изъ которыхъ не выпускало ихъ старое общественное воспитаніе. Немного нашлось людей, которые сохранили настолько нравственной силы, чтобы не только не отстать отъ потока новыхъ идей, новыхъ конечно только для русскаго общества, не только бодро взглянуть на выводы тѣхъ самыхъ идей, которыя шевелились уже въ людяхъ сороковыхъ годовъ, но еще дальше прокладывать путь, очищать дорогу новымъ мыслямъ, новымъ понятіямъ, новому міросозерцанію. Эти немногіе люди сороковыхъ годовъ, безъ всякаго сомнѣнія, всецѣло принадлежатъ молодому поколѣнію, которое мы вовсе не думаемъ опредѣлять годами. Не года дѣлаютъ то, что человѣкъ принадлежитъ новому или старому поколѣнію въ обществѣ, а извѣстный строй понятій, извѣстное міросозерцаніе, которое подсказываетъ, въ какую категорію долженъ быть причисленъ тотъ или другой человѣкъ.

Этотъ кругъ понятій, это новое міросозерцаніе, по нашему убѣжденію, вовсе не таковы, чтобы они должны были вызвать вражду въ людяхъ старыхъ воззрѣній; тѣмъ болѣе не слѣдовало ожидать такой ожесточенной борьбы, что зародышъ новыхъ понятій, намекъ на новое міросозерцаніе уже существовали, правда, въ очень отвлеченной формѣ, въ людяхъ предшествовавшаго періода. Разумѣется, если мы взглянемъ на понятія, воззрѣнія, отношеніе людей новыхъ идей ко всѣмъ общественнымъ, политическимъ и нравственнымъ вопросамъ, не отдавая себѣ вовсе отчета, какъ развивались эти идеи, каковъ былъ историческій ходъ ихъ, насколько они имѣютъ свой корень въ идеяхъ тѣхъ самыхъ людей, которые теперь враждуютъ и негодуютъ противъ нихъ, то мы встрѣтимъ значительное раз-

личіе. Это различіе тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что идеи, понятія, воззрѣнія однихъ никогда не представлялись достаточно ясно людямъ стараго направленія, и въ этомъ, конечно, нельзя обвинять ни тѣхъ, ни другихъ, такъ какъ условія общественной жизни нашей вовсе не таковы, чтобы возможно было безпрепятственно, свободно выяснять міросозерцаніе новаго времени. Мы охотно готовы предположить, что если бы всѣ идеи и воззрѣнія новаго времени представлялись ясно общественному пониманію, то тогда не было бы той жалкой вражды между двумя направленіями, которая имѣла столько печальныхъ послѣдствій для русскаго общества. Выгода подобнаго уясненія была бы громадна, и если люди стараго направленія все-таки не раздѣлили бы идей новаго, то во всякомъ случаѣ, припоминая свое собственное развитіе, они относились бы спокойно и безпристрастно къ воззрѣніямъ другого времени и не видѣли бы крайней уродливости въ томъ, что́ составляетъ вполнѣ нормальное и естественное явленіе. Нынѣшняя вражда уступила бы мѣсто спокойному переходу отъ понятій одного времени къ понятіямъ другого. Къ сожалѣнію, такого выясненія воззрѣній, стремленій и идеаловъ не существовало, все дѣлалось, напротивъ, для того, чтобы исказить эти идеи и воззрѣнія, и тѣмъ еще болѣе запутать отношенія стараго и новаго, по идеямъ, общества.

Медвѣжью услугу въ дѣлѣ этой ссоры между двумя направленіями оказала наша отечественная литература, которая вмѣсто того, чтобы уяснять то, что было возможно въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ новаго времени, вмѣсто того, чтобы, благодаря такому разъясненію, сдѣлать переходъ отъ одного міросозерцанія къ другому естественнымъ, послѣдовательнымъ, постаралась только разжечь эту ни съ чѣмъ несообразную ссору. Обскурантная литературная клика, пользуясь тѣмъ, что писатели, представлявшіе собою новыя идеи, лишены были возможности такъ открыто, какъ она, высказать свои сомнѣнія, свои убѣжденія, свои воззрѣнія, стала уродовать эти понятія, клеветать на ихъ стремленія и запугивать честныхъ людей стараго направленія. Какая при этомъ была цѣль этой литературной клики, понять не трудно; обличая вымышленныя козни людей новыхъ идей, эта клика придавала себѣ важность, стремилась захватить первенствующую роль въ реакціонномъ движеніи, и усилія ея увѣнчались на время успѣхомъ. Русское общество было слишкомъ мало подготовлено, чтобы отвернуться съ презрѣніемъ отъ тѣхъ, которые вызывали гоненія и преслѣдованія противъ всего, что осмѣливалось самостоятельно думать. Въ этой литературной кликѣ были и свои публицисты, и свои критики, и свои романисты, которые не за-

служиваютъ даже того, чтобы мы упоминали здѣсь ихъ имена. Къ несчастью русскаго общества, на помощь къ этой жалкой кликѣ явились честные и талантливые писатели стараго направленія, которые, мы нисколько не сомнѣваемся въ этомъ, никогда не желали своимъ вмѣшательствомъ подливать масла въ огонь, и еще болѣе разжигать и безъ того ожесточенную въ литературѣ борьбу двухъ поколѣній. Вмѣшательство это было самаго опаснаго свойства, такъ какъ оно узаконяло болѣе или менѣе тѣ клеветы, ту грязь, которою бросала литературная клика, ловившая рыбу въ мутной водѣ. Капитальная ошибка этихъ честныхъ и талантливыхъ писателей заключалась въ томъ, что, изображая молодое поколѣніе далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ, болѣе по словамъ его враговъ, нежели по близкому знакомству съ нимъ, они становились какъ бы солидарны съ тою зловредною кликою, съ которой они не имѣли и не могутъ имѣть ничего общаго. Художественное ихъ чутье на этотъ разъ обмануло ихъ, они поддались господствовавшему въ старомъ направленіи раздраженію, и изобразили типы людей новаго времени, не давъ себѣ даже труда вникнуть въ этихъ людей и понять ихъ воззрѣній. Литературная клика воспользовалась неожиданною помощью, которая доставлена была ей самыми талантливыми писателями стараго направленія, чтобы еще болѣе вооружить общество противъ людей новыхъ понятій.

Какое же, можно спросить теперь, преступленіе совершили эти люди, чтобы вызвать противъ себя такое всеобщее и вмѣстѣ такое несправедливое раздраженіе? Все преступленіе заключалось въ томъ, что въ наше время явилось болѣе сильное стремленіе къ самостоятельности мысли, соотвѣтственно той бо̀льшей самостоятельности, которую получила жизнь, и люди начали усиливаться созидать, хотя и въ очень блѣдныхъ контурахъ, свои собственные идеалы.

Идеалы эти, конечно, не выросли на русской почвѣ, они были заимствованы у Запада, выработаны старѣйшею цивилизаціею, они были взяты оттуда, какъ мы взяли многое, что считается полезнымъ и необходимымъ, всѣ наши свѣдѣнія, всю нашу науку, все наше развитіе, однимъ словомъ, все, что насъ связываетъ съ Европой. Эти идеалы новаго времени, эти понятія и воззрѣнія, которыя въ Европѣ дѣлаютъ такой быстрый успѣхъ, показались нашей современной старинѣ чѣмъ-то до такой степени ужаснымъ, до такой степени вопіющимъ и возмутительнымъ, что можно было подумать, судя по тѣмъ гоненіямъ, которыя поднялись противъ всѣхъ, которые успѣли уже заразиться идеями, выработанными новѣйшею цивилизаціею западной Европы, что дѣло

идетъ о какой-то всеистребляющей чумѣ. Люди этихъ идей обвинены были въ томъ, что они стремятся разрушить всѣ самыя священныя основы благоустроеннаго общества, благодаря тому, что они усвоили, приняли нѣкоторыя идеи и понятія, выработанныя западнымъ обществомъ и старались по мѣрѣ возможности проводить эти идеи въ сферу реальной жизни. Отличіе въ этомъ случаѣ людей новаго направленія отъ предшествовавшаго дѣйствительно велико. Люди сороковыхъ годовъ принимали понятія и воззрѣнія, господствовавшія въ Европѣ, и тотчасъ уносились съ ними въ какой-то заоблачный міръ, никогда не позволяя себѣ спускаться съ ними въ дѣйствительную жизнь; поэтому эти идеи и понятія и не имѣли большого вліянія не только на окружающее общество, но даже на тѣхъ самихъ людей, которые принимали ихъ. Ихъ собственная жизнь, ихъ практическая дѣятельность всегда шла въ разрѣзъ занесеннымъ издалека къ нимъ идеямъ, которыя все-таки успѣли зародить въ этихъ людяхъ одно неоцѣненное качество: это скептическое отношеніе къ очень многимъ явленіямъ и установившимся общественнымъ понятіямъ. Люди сороковыхъ годовъ стали чувствовать, благодаря этимъ идеямъ, что имъ становится какъ-то не совсѣмъ ловко въ той политической атмосферѣ, которая окружала ихъ, имъ дѣлалось душно среди господствовавшихъ патріархальныхъ семейныхъ отношеній и они начинали понимать, что и общественныя отношенія людей между собою какъ-то неестественны, что эти отношенія построены не на разумныхъ основаніяхъ; они наконецъ сознавали, благодаря вліянію нѣмецкой философіи, что и въ области нравственныхъ вѣрованій есть кое-какія фальшивыя ноты. Но все это чувствовалось смутно, всѣ эти идеи бродили въ какомъ-то хаосѣ, и люди не отдавали себѣ яснаго отчета, что должно быть поставлено взамѣнъ устарѣлыхъ понятій и превратныхъ общественныхъ отношеній, чѣмъ должны замѣниться старыя воззрѣнія; многимъ быть можетъ представлялся въ головѣ вопросъ, да и должны ли старыя понятія уступить мѣсто новымъ? до такой степени бродившія идеи были далеки отъ реальной жизни.

Какъ мало люди предшествовавшаго поколѣнія склонны были переносить свои понятія изъ сферы отвлеченной мысли въ сферу дѣйствительной жизни, какъ мало способны они были смотрѣть прямо въ глаза идеямъ, съ которыми они носились, и дѣлать изъ нихъ прямые выводы, видно изъ того, что когда ихъ прямые наслѣдники, дѣлая шагъ впередъ, попробовали взять эти самыя идеи, выяснить, опредѣлить ихъ и сдѣлать изъ нихъ прямыя, необходимыя заключенія, тѣ самые люди, которые прежде

лелѣяли ихъ, теперь отвернулись, отреклись отъ нихъ и стали враждовать противъ нихъ. Вражда этихъ людей противъ людей новыхъ понятій представляется какъ бы враждою противъ ихъ собственной молодости, противъ тѣхъ самыхъ идей, зародышу которыхъ они открывали свои объятія.

Что же въ самомъ дѣлѣ, можно спросить разъ навсегда, такого ужаснаго заключается въ идеяхъ этихъ людей, какими разрушительными стремленіями обуреваемы они, чтобы на нихъ можно было накидываться съ тѣмъ бѣшенымъ негодованіемъ, какое обнаружило русское общество и главнымъ образомъ недостойная литературная клика. Вся вина ихъ заключается въ томъ, что во всѣхъ вопросахъ, касающихся области политики, нравственности, семейныхъ и общественныхъ отношеній, они постарались замѣнить смутныя идеи, бродившія въ обществѣ, болѣе или менѣе опредѣленными понятіями, выставляя вмѣсто темныхъ, неуяснимыхъ, скорѣе отрицательныхъ идеаловъ, весьма положительныя требованія, которыя давнымъ давно осуществлены въ западномъ мірѣ. Прежде въ области политики чувствовалось извѣстное удушье, но весьма неопредѣленнаго свойства; теперь эту неопредѣленность постарались удалить, ставя вмѣсто нея тѣ строго формулированныя задачи, къ разрѣшенію которыхъ и стремится наше время. Люди должны быть свободны, говорилось прежде, и этимъ общимъ понятіемъ ограничивались; теперь говорятъ иначе. Чтобы люди были свободны нужно, чтобы люди имѣли возможность безпрепятственно высказывать свои мысли, чтобы была, однимъ словомъ, свобода рѣчи, нужно, чтобы люди были людьми, чтобы общество принимало участіе въ управленіи своими дѣлами, и т. д.

Нужно, говорили прежде, улучшеніе въ общественныхъ отношеніяхъ, чтобы общество, народъ выведены были изъ его безправнаго, полудикаго состоянія, пеклись однимъ словомъ о народномъ благѣ; но что для этого было нужно, это себѣ уясняли очень мало. Для того, чтобы народъ былъ выведенъ изъ своего немощнаго состоянія, чтобы улучшились общественныя отношенія, сказано было теперь, для этого нужно распространить въ народѣ образованіе; нужно, чтобы въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ были устроены школы, чтобы были предоставлены всѣ средства учиться, и чтобы ученіе это не было уродуемо такимъ преподаваніемъ и такими преподавателями, которые способны только отбить у учащагося люда всякую охоту къ образованію и наполнить ихъ головы всевозможными предразсудками, вредящими правильному развитію. Нужно, однимъ словомъ, чтобы обученіе народное находилось въ рукахъ самого общества, а не одной какой-нибудь касты, чтобы обученіе это было не схоластическое, а реальное.

Въ сферѣ нравственныхъ, семейныхъ отношеній людей новыхъ идей обвиняютъ точно также въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Говорятъ, что они не признаютъ семьи, брака, разрушаютъ отношенія между родителями и дѣтьми, между мужемъ и женою, однимъ словомъ, уничтожаютъ самыя естественныя, самыя законныя и вмѣстѣ самыя необходимыя основы благоустроеннаго общества. Нужно ли говорить объ этомъ, что все это неправда, нужно ли повторять то, что уже было высказано по этому поводу? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Въ этихъ вопросахъ люди новаго направленія точно также постарались только подвести итоги, сдѣлать выводы изъ тѣхъ идей, которыя блуждали въ лучшихъ людяхъ сороковыхъ годовъ, и изъ подоблачнаго міра спустить въ простую обыденную жизнь. Въ этой сферѣ точно также сдѣланъ шагъ впередъ, какъ и во всѣхъ другихъ; но развѣ это не совершенно естественно, чтобы однѣ идеи опережали другія, чтобы одни понятія какъ въ отдѣльныхъ вопросахъ, такъ и въ общемъ міросозерцаніи замѣнялись другими? Безъ этого движенія впередъ никакое развитіе, никакой прогрессъ не были бы мыслимы. Прежде, когда разсуждали объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, жены къ мужу и когда видѣли въ этихъ отношеніяхъ какое-то порабощеніе съ одной стороны и произвола съ другой, люди пожимали плечами и говорили: нехорошо! Это «нехорошо» нужно было выяснить, опредѣлить, что̀ пробовали сдѣлать люди новыхъ понятій, но опять-таки согласно съ тѣмъ, какъ давно понимаются эти отношенія у цивилизованныхъ народовъ. По прогрессивнымъ понятіямъ западнаго міра, въ семейныхъ отношеніяхъ должно господствовать начало, что прежде чѣмъ кто-нибудь является какъ сынъ, отецъ, мужъ или жена, каждый изъ нихъ человѣкъ, и, какъ человѣкъ, имѣетъ такія неотъемлемыя права, которыя не могутъ быть или по крайней мѣрѣ не должны быть нарушаемы никѣмъ и никогда. Вслѣдствіе какой логики такое простое и естественное понятіе превращено въ отрицаніе семейныхъ отношеній, на это безъ сомнѣнія не мы станемъ отвѣчать, про то знаетъ литературная клика. Развѣ не должны мы сказать тоже самое про обвиненіе тѣхъ же людей въ томъ, что они отрицаютъ бракъ? Лучшіе люди сороковыхъ годовъ, которымъ не были чужды никакіе вопросы, глядя на отношенія, часто безвыходныя между мужемъ и женой, очень хорошо понимали, что при настоящемъ устройствѣ брака нѣтъ никакихъ средствъ, никакой возможности, чтобы развязать гордіевъ узелъ, и потому въ сомнѣніи задавали, но не разрѣшали себѣ вопроса: какъ быть, кто виноватъ, какъ выдти изъ невыносимаго положенія? Этотъ самый вопросъ представился и людямъ новыхъ понятій, которые за

разрѣшеніемъ его, точно также какъ и въ другихъ вопросахъ, обратились къ Западу, и увидѣвъ почти во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ существованіе рядомъ съ церковнымъ бракомъ установленіе развода и кромѣ того гражданскій бракъ, осмѣлились повторить за другими, старшими себя въ развитіи, тѣже самыя формулы: разводъ, гражданскій бракъ, утверждаемый свѣтскою властью. Но эти люди, какъ и всѣ другіе, женились, вѣнчались, не желая создавать ни себѣ, ни своимъ женамъ, ни своимъ дѣтямъ ненормальнаго положенія въ обществѣ. Они понимали, что поступать иначе было бы жалкимъ донъ-кихотствомъ, и съ этимъ конечно можно ихъ только поздравить. Насколько все это похоже на то, что они не знаютъ ничего святого, что они не признаютъ прочныхъ постоянныхъ отношеній союза на цѣлую жизнь между мужчиною и женщиною, мы право затрудняемся опредѣлить; безпристрасный читатель конечно отыщетъ на это вѣрный отвѣтъ въ самомъ себѣ. Тѣмъ не менѣе обвиненія въ самой ужасающей безнравственности сыпались да и продолжаются сыпаться на людей новаго міросозерцанія, и поводы къ подобнымъ обвиненіямъ отыскивались какъ въ случаяхъ дѣйствительной жизни, такъ и въ высказываемыхъ мнѣніяхъ. Люди новаго направленія не говорятъ ничего особенно новаго, утверждая, что если въ жизни людей, мужа и жены случается такое несчастье, такое критическое положеніе, что та или другая сторона полюбила кого-нибудь, и если любовь эта не можетъ быть отклонена, то лучшее что могутъ сдѣлать въ этомъ случаѣ мужъ и жена, это разойтись прямо, открыто и ни на одну минуту не допускать въ своихъ отношеніяхъ обмана, который такъ часто встрѣчается въ современномъ обществѣ, обмана, представляющаго собою высшую степень безнравственности. Современное общество смотритъ сквозь пальцы на такъ-называемую интригу, которая покрыта внѣшнимъ приличіемъ, сквозь пальцы глядитъ на отношенія мужа къ посторонней женщинѣ, и жены къ постороннему человѣку, когда эти отношенія не явны, и клеймитъ позоромъ мужа или жену, которые предпочитаютъ лучше разойтись, чѣмъ дѣлить свою любовь между двумя существами. Гдѣ больше безнравственности, въ первомъ случаѣ или во второмъ, на это кажется не трудно отвѣтить?

Насколько основательны обвиненія людей новаго направленія въ этомъ отношеніи, настолько же справедливы онѣ и въ другихъ случаяхъ, когда на нихъ нападаютъ, что они вносятъ въ общество разрушительныя идеи. Какъ въ сферѣ политической, въ сферѣ общественныхъ и семейныхъ отношеній люди новыхъ идей сдѣлали шагъ впередъ, всюду стараясь замѣнять основанія

стараго времени болѣе справедливыми началами, болѣе современными воззрѣніями; какъ въ этихъ жизненныхъ вопросахъ они стремятся дать рѣшенія, согласныя съ современнымъ состояніемъ общества западной Европы, заимствуя оттуда послѣдніе результаты ихъ научнаго, политическаго и общественнаго развитія, такъ точно отнеслись они и къ религіознымъ вопросамъ, которые тамъ выясняются все болѣе и болѣе безъ того, чтобы общество погибало въ развратныхъ ученіяхъ. Питаясь плодами западной цивилизаціи, западной науки, слѣдя за ея развитіемъ и стараясь не отклоняться отъ ея требованій, молодое поколѣніе должно было неизбѣжно стать въ области религіи въ тоже положеніе, въ которомъ стоитъ европейское общество, которое давно уже тутъ, какъ впрочемъ и во всемъ другомъ, вооружилось могущественнымъ орудіемъ, свободнымъ анализомъ, свободнымъ изслѣдованіемъ, разрушившимъ и продолжающимъ разрушать массу всевозможныхъ предразсудковъ. Теперь начинаютъ понимать, что для того, чтобы наука вошла въ кровь и плоть русскаго общества, чтобы она не была у насъ вѣчно въ какомъ-то изолированномъ отъ всего живого состояніи, какъ она была до сихъ поръ, нужно ввести ее въ жизнь, примѣнить къ практической дѣятельности, къ ежедневному умственному обиходу, что̀ конечно не обошлось безъ столкновеній съ всевозможными, давно покрывшимися плѣсенью, понятіями и воззрѣніями, которыя строго берегли патріархальность нравовъ русскаго общества. Это-то столкновеніе новыхъ понятій, заимствованныхъ у цивилизованнаго міра, съ дряхлыми идеями, съ которыми сжилось русское общество, и возбудило вражду противъ людей болѣе передовой мысли. Она усилена была тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ идеи, стремленія, понятія, наконецъ всѣ идеалы ихъ были искажены до послѣдней возможности, отчасти вслѣдствіе умышленной клеветы литературной клики, отчасти вслѣдствіе простого непониманія стремленій людей новаго времени со стороны тѣхъ, которые брались за изображеніе такъ-называемыхъ новыхъ типовъ. Они не поняли, что эти люди ни болѣе ни менѣе какъ продолжаютъ, строго говоря, дѣло ихъ поколѣнія, всюду, во всѣхъ вопросахъ стараясь давать болѣе опредѣленные отвѣты на тѣ сомнѣнія, которыя шевелились въ нихъ самихъ, всюду замѣняя началомъ разумности начало грубой физической силы, началомъ свободнаго изслѣдованія, положеніями, выработанными западною наукою, тѣ эфемерныя истины, которыя боятся самаго легкаго прикосновенія серьезнаго анализа.

Для того, чтобы быть справедливыми, мы должны сказать, что если съ одной стороны идеи, стремленія, идеалы людей новыхъ поня-

тій были искажены до послѣднихъ границъ партизанами стараго, патріархальнаго порядка, то извѣстную долю вреда этимъ стремленіямъ и идеаламъ принесли также и тѣ, которые, не съумѣвъ понять ихъ настоящаго значенія, бросились въ крайности, вышли изъ предѣловъ здраваго смысла и въ своихъ черезчуръ смѣлыхъ предположеніяхъ дошли до такихъ положеній, которыя дѣйствительно несогласны съ основами цивилизованнаго общества. Признавая существованіе этихъ крайностей, мы должны однако спросить, кто въ нихъ виноватъ? Безъ сомнѣнія, не тѣ идеи и воззрѣнія, которыя приняты молодымъ поколѣніемъ, а гораздо скорѣе тѣ преграды, которыя тотчасъ были поставлены противъ этихъ идей, такъ какъ, благодаря этимъ преградамъ, шедшія къ намъ съ Запада общечеловѣческія идеи не могли получать правильнаго толкованія, разъясненія, и потому тѣ, которые не были достаточно приготовлены къ принятію ихъ, знакомясь съ ними по какимъ-то смутнымъ слухамъ, не имѣли возможности приводить эти идеи въ систему, не понимали ихъ и давали имъ то значеніе и тѣ объясненія, которыхъ онѣ вовсе не имѣютъ. Къ сожалѣнію тѣ, которые принялись рисовать намъ типы людей новаго направленія, прежде всего ухватились именно за эти крайности, потому что для изображенія крайностей вовсе не нужно ни особеннаго пониманія, ни особеннаго ума, ни даже особеннаго таланта, и поспѣшили обвинить въ этихъ крайностяхъ новыя идеи, не понимая того, что виноваты не идеи, которыя могли быть тутъ или тамъ непоняты, а гораздо скорѣе тѣ именно преграды, которыя мѣшали ихъ правильному пониманію.

Такъ или иначе, раздраженіе противъ новыхъ идей и вмѣстѣ противъ тѣхъ, которые принимали ихъ, все росло и росло какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Это презрительное отношеніе перешло и на писателей этого поколѣнія, и общество, или по крайней мѣрѣ значительная его часть, вовсе не давая себѣ труда знакомиться съ писателями новаго направленія, огуломъ нападаетъ на нихъ, и не зная о чемъ они пишутъ, громко провозглашаетъ, что все это одни коммунисты, соціалисты, враги общественнаго спокойствія, враги самой религіи, собственности и всего святого.

Мы нарочно остановились подольше на общихъ причинахъ разлада между двумя направленіями, потому что въ этихъ общихъ причинахъ мы видимъ также и причину того презрительнаго отношенія къ молодой литературѣ, тѣхъ обвиненій, что молодое поколѣніе не способно дать изъ себя ничего, что оно не выставило изъ себя до сихъ поръ ни одного замѣчательнаго публициста, критика, рома-

листа, что, однимъ словомъ, оно не сдѣлало еще своего вклада въ общую сумму русской литературы, всѣхъ обвиненій, несправедливость которыхъ бросается въ глаза, если кто захочетъ припомнить имена какъ тѣхъ литературныхъ дѣятелей молодого поколѣнія, которые такъ или иначе сошли уже съ литературнаго поприща, такъ и тѣхъ, которые продолжаютъ работать на немъ. Знакомство съ писателями новаго направленія важно не только потому, что значительная часть общества продолжаетъ какъ бы игнорировать ихъ и ставить на очень отдаленный планъ, но также потому, что писатели эти, имѣя свои задачи, преслѣдуя свои цѣли, задаваясь современными стремленіями, образуютъ собою новое направленіе въ русской литературѣ, рѣзко отличающееся отъ предъидущаго. Если говоря о молодыхъ беллетристахъ, мы должны сказать, что среди ихъ до сихъ поръ не явилось ни одного писателя съ такимъ сильнымъ талантомъ, чтобы онъ могъ образовать собою новую школу, то взятые всѣ вмѣстѣ, они составляютъ достаточно крупное явленіе, чтобы на немъ остановиться.

Мы уже сказали прежде, что самое это слово: «новое направленіе» непріятно для нѣкоторыхъ, и они съ усмѣшкою спросятъ: какое же есть еще направленіе? Очевидно, что если мы говоримъ, что въ литературѣ есть писатели новаго направленія, то мы неизбѣжно должны придти къ тому, чтобы сказать, что есть также и писатели стараго направленія [1]).

Слово «старое» получило какой-то странный смыслъ, какъ будто бы въ немъ было что-нибудь обидное. Мы никогда не думали придавать ему такое значеніе, мы очень далеки отъ того, чтобы желать этимъ словомъ обидѣть кого бы то ни было, тѣмъ болѣе, что къ старому направленію въ русской литературѣ принадлежатъ такіе писатели, которые сдѣлали слишкомъ много, чтобы къ нимъ можно было относиться иначе, какъ съ уваженіемъ. Но самое уваженіе, которое мы чувствуемъ къ этимъ писа-

---

[1]) Мы не хотимъ сказать, чтобы къ старому направленію принадлежали писатели только потому, что они выступили на литературное поприще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Не года дѣлаютъ то, что писатель принадлежитъ къ тому или другому направленію въ литературѣ, а его отношеніе къ новому времени, къ ушедшимъ впередъ идеямъ, и къ людямъ принявшимъ эти идеи, эти воззрѣнія. Одни изъ писателей, выступившихъ на литературное поприще въ концѣ сороковыхъ годовъ, и до сихъ поръ не утратили своей свѣжести, своего живого отношенія къ дѣйствительности. Живымъ примѣромъ тому можетъ служить Островскій, который никогда не шелъ въ разрѣзъ новымъ стремленіямъ и до сихъ поръ вноситъ въ изображенія русской жизни большую трезвость и ясное пониманіе вещей. Другіе же отстали отъ ушедшей впередъ жизни и потому должны быть причислены къ писателямъ стараго направленія.

телямъ стараго направленія, позволяетъ намъ не скрывать нашей мысли, если мы убѣждены, что въ ней заключается правда. Писатели стараго направленія не пошли вмѣстѣ съ идеями людей новыхъ понятій; ихъ произведенія, полныя художественныхъ достоинствъ, не отвѣчаютъ поэтому больше живымъ интересамъ новаго времени. Ихъ любимыми героями по прежнему являются люди сороковыхъ годовъ, художественныя, артистическія натуры, которыя умѣютъ изящно выражать свои, часто великодушныя, часто вовсе пустыя мысли, но въ ихъ герояхъ нѣтъ того живого элемента, нѣтъ того общественнаго характера, который неизбѣжно долженъ быть въ современномъ человѣкѣ. Сама жизнь сдѣлалась шире, ее не удовлетворяютъ больше тѣ маленькіе интересы, тѣ ничтожныя страсти, или вѣрнѣе страстишки, которыми думаютъ увлекать читателей писатели стараго направленія. Описаніе подобныхъ героевъ, бури ихъ внутренняго, крошечнаго мірка можетъ быть ярко, блестяще, нарисовано мастерскою кистью, но и только; животрепещущаго же интереса всѣ подобныя описанія не могутъ, да и не должны имѣть.

Если въ чемъ-нибудь осязательно сказывается успѣхъ нашего общества, то безъ сомнѣнія въ томъ явленіи, что оно не интересуется больше тою породою ненужныхъ людей, артистовъ, блистательный образчикъ которыхъ представила намъ недавно мастерски начерченная фигура Райскаго. На сцену выступили болѣе серьезныя задачи, болѣе серьезныя заботы, чѣмъ любовь, страсть того или другого ненужнаго человѣка, и чтобы литературное произведеніе имѣло успѣхъ, необходимо, чтобы оно отвѣчало тѣмъ живымъ стремленіямъ, тѣмъ новымъ идеямъ, которыя проникли въ общество. Мы отлично понимаемъ, что затрогивать эти новыя идеи, эти жизненные вопросы до чрезвычайности трудно, такъ какъ эти идеи и эти новыя стремленія должны быть представлены не въ видѣ отвлеченныхъ разсужденій, а должны быть воплощены въ живыхъ образахъ, въ живыхъ людяхъ. Однимъ словомъ, тотъ авторъ, который задался бы задачею изобразить современное общество съ его новыми порывами, стремленіями и идеалами, долженъ былъ бы написать намъ совершенно новые типы, небывалыя до сихъ поръ въ литературѣ фигуры.

Для того, чтобы это сдѣлать, потребовалось бы близкое ознакомленіе съ молодою жизнію, изученіе характера, понятій, истинныхъ стремленій людей новыхъ идей, что̀, по нашему мнѣнію, до сихъ поръ еще не было сдѣлано. Безъ этого же всѣ изображенія новыхъ типовъ изъ среды образованнаго люда, являются въ русской литературѣ или въ видѣ автоматовъ, высказывающихъ хорошія, но стереотипныя мысли, или въ видѣ кар-

рикатуръ, пародій на новый типъ. Поэтому мы нисколько не удивляемся, что нѣкоторые изъ нашихъ художниковъ стараго направленія не имѣли никакого успѣха въ изображеніи новаго типа каждый разъ, что кто-нибудь изъ нихъ рѣшался выводить его на сцену. До сихъ поръ все это были только болѣе или менѣе слабыя каррикатуры, а если и попадались нѣкоторыя вѣрныя черты, принадлежащія дѣйствительно людямъ новыхъ воззрѣній, то до такой степени переплетенныя съ фальшью, съ вымысломъ, что трудно было, чтобы не сказать невозможно, узнать въ нихъ живыхъ людей.

Ошибочно было бы думать, что мы желаемъ обращать въ упрекъ писателямъ стараго направленія, зачѣмъ они нарисовали новые типы такъ или иначе. Только въ такомъ случаѣ мы отнеслись бы къ нимъ крайне недружелюбно, если бы мы предположили, что они умышленно исказили всѣ идеи и стремленія новаго поколѣнія; но этого мы отнюдь не думаемъ. Мы полагаемъ, что они просто не справились съ этими типами, и это тѣмъ болѣе естественно, что вѣрно схватить всѣ стремленія и идеалы молодого поколѣнія, олицетворить ихъ въ живыхъ образахъ, крайне трудно, тѣмъ болѣе, что цѣльныхъ типовъ новаго времени еще очень немного, и они не нашли еще надлежащаго мѣста въ дѣйствительной жизни. Мы даже охотно допускаемъ, что идеи и стремленія новаго времени не симпатичны писателямъ стараго направленія, но и за это мы не станемъ винить ихъ, а скажемъ только, что въ этомъ именно, въ этомъ отсутствіи сходства и въ разницѣ ихъ понятій и понятій новыхъ людей и заключается причина, по которой мы причисляемъ ихъ къ старому направленію. Можно конечно было бы желать, чтобы они не изображали вовсе того, съ чѣмъ мало знакомы и что́ мало понимается, но если они думали, что изображаютъ вѣрно, если они говорятъ, что понимаютъ именно такъ какъ нужно, то объ этомъ только можно жалѣть, а никакъ не впадать въ тотъ бранный тонъ, къ которому прибѣгаютъ иногда въ нашей литературѣ, говоря объ этихъ писателяхъ. Поступать такимъ образомъ, значитъ впадать ни болѣе ни менѣе какъ въ тѣ же ошибки, въ которыхъ обвиняютъ старое поколѣніе.

По неизбѣжному и вмѣстѣ весьма счастливому закону, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ народа молодого, шагающаго впередъ, постоянно развивающагося, идеи, понятія, стремленія, идеалы не останавливаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, а постоянно видоизмѣняются и видоизмѣняются безъ сомнѣнія къ лучшему. Если таковъ законъ общественнаго развитія, то настолько смѣшно было придавать названію «старое»

направленіе какой-то обидный смыслъ, насколько изъ названія «молодого» поколѣнія дѣлать предметъ какой-то гордости. Чтобы доказать примѣромъ, какъ мало обиднаго въ названіи «старое направленіе», мы можемъ сослаться на исторію русской литературы. Въ этой исторіи было уже нѣсколько направленій, но ни одному изъ нихъ, ни ломоносовскому, ни сантиментально-карамзинскому, ни романтическо-жуковскому, ни пушкинскому, ни гоголевскому, мы не наносимъ ровно никакой обиды, когда говоримъ, что всѣ эти направленія старыя. Одни идеи, одни воззрѣнія смѣняются другими, новыми идеями, новыми воззрѣніями, это до такой степени въ природѣ вещей, что невольно удивляешься, что приходится толковать о такихъ простыхъ вещахъ. Каждое поколѣніе, у котораго были новыя идеи, новыя понятія, было когда-то молодымъ и мало-по-малу дѣлалось старымъ, когда являлось другое поколѣніе съ другими понятіями и идеями. Въ одномъ случаѣ переходъ отъ однихъ идей къ другимъ болѣе рѣзокъ, въ другомъ менѣе, это зависитъ уже отъ обстоятельствъ, отъ событій, совершающихся въ жизни народа. Переходъ, совершающійся въ настоящее время отъ стараго направленія къ новому, молодому, особенно рѣзокъ, потому что въ русской жизни рѣдко совершался такой переворотъ, такое крупное событіе, какъ уничтоженіе крѣпостного права, измѣнившее всѣ основы этой жизни. Этимъ переворотомъ, этимъ событіемъ всего болѣе и обусловливается новое направленіе въ русской литературѣ. Какъ для того поколѣнія, представителями котораго въ изящной литературѣ являются нѣкоторые изъ нашихъ извѣстныхъ и замѣчательныхъ писателей, наступаетъ исторія; точно также и новое поколѣніе въ свою очередь явится отставшимъ и должно будетъ уступить свое мѣсто другому, будущему поколѣнію, у котораго опять будутъ свои идеи, свои воззрѣнія. И чѣмъ скорѣе это совершится, чѣмъ скорѣе явится слѣдующее поколѣніе, чѣмъ скорѣе выработаются новыя понятія, новое отношеніе ко всему окружающему, тѣмъ болѣе должны мы радоваться, такъ какъ это служило бы доказательствомъ быстраго развитія русскаго общества.

Дѣло вовсе не въ томъ, долго ли извѣстное направленіе въ литературѣ остается молодымъ, скоро ли оно отодвигается на второй планъ и дѣлается старымъ, все это зависитъ отъ медленнаго или быстраго теченія жизни, важно то, какъ исполняетъ свою задачу каждое литературное поколѣніе. У каждаго поколѣнія есть своя цѣль, своя задача, свое назначеніе, и смотря потому хорошо или дурно исполняетъ оно свою роль, оно получаетъ больше или меньше значенія въ исторіи. Задача эта за-

ключается въ томъ, чтобы вѣрно отразить въ себѣ интересы времени, вѣрно передать характеръ эпохи, вывести въ окружающемъ обществѣ живые типы, живыхъ людей, и подчиняясь вліянію общества, въ то же время влiять на него распространеніемъ честныхъ, здоровыхъ идей, которыя двигали бы общество впередъ и впередъ. Таковъ долгъ, такова обязанность, лежащая на литературѣ каждаго извѣстнаго періода.

Старое направленіе въ литературѣ, ему нужно отдать въ этомъ справедливость, исполнило свой долгъ по мѣрѣ своихъ силъ, по мѣрѣ возможности, насколько позволяли обстоятельства времени. Обстоятельства эти были куда не блестящи. Въ началѣ сороковыхъ годовъ чувствовалось еще въ литературѣ какое-то оживленіе, подъ вліяніемъ горячаго слова Бѣлинскаго, объяснившаго причины той неотрадной картины русскаго общества, которая выходила наружу благодаря перу Гоголя. Но оживленіе это продолжалось не долго. Къ счастію Бѣлинскаго, и несчастію русскаго общества, этотъ могучій талантъ сошелъ въ могилу, за нимъ послѣдовалъ, или вѣрнѣе ему предшествовалъ и Гоголь. Правда, этотъ послѣдній не умеръ еще физическою смертью, но для литературы отъ этого не было легче, напротивъ даже тяжеле, потому что переворотъ, совершившійся въ направленіи Гоголя былъ во сто кратъ хуже всякой смерти. Гоголь представляетъ собою раздирающую картину страшнаго, нравственнаго разложенія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ людей. Нравственная агонія, нравственная смерть Гоголя была какъ бы зловѣщимъ пророчествомъ того, что́ станется съ современнымъ ему русскимъ обществомъ. Ему грозило такое же разложеніе, такая же смерть. Никто не станетъ спорить, что подобная обстановка не была выгодна для развитія, для выработки литературныхъ талантовъ, они не могли дышать свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ, они воспитывались въ тепличной атмосферѣ небольшого кружка людей, которые какъ святыню хранили преданіе, завѣщанное Бѣлинскимъ. Но гигантская сила, присущая генію Бѣлинскаго, не дается всякому; то что у него вошло въ плоть и кровь его, тѣ идеи и понятія, которыя сдѣлались его жизнію, которыя слились со всѣмъ его существомъ, у многихъ людей, и даже очень талантливыхъ и безукоризненно честныхъ, оставались въ области отвлеченнаго мышленія, и изъ сферы абсолютной мысли не переходили въ сферу реальной жизни. Не имѣя передъ собою арены практической дѣятельности, всѣ благородныя идеи, всѣ возвышенные принципы не прикладывались къ жизни, люди ограничивались тѣмъ, что держались этихъ принциповъ въ теоріи, которая не имѣла ничего общаго съ практи-

кою. Такимъ образомъ, рядомъ съ благородными идеями и прекрасными принципами, превращавшимися мало-по-малу въ мертвую букву, шла жизнь полная противорѣчій, полная пустоты, полная бездѣлья. Одни изъ людей стараго направленія, чувствуя это обидное и жестокое противорѣчіе между своею отвлеченною жизнью, между своими возвышенными идеями, честными принципами и грубою, дѣйствительною жизнью, страдали невыносимо и стремились къ одному только—начать борьбу съ угнетавшимъ ихъ порядкомъ; другіе, сознавая это противорѣчіе и сознавая рядомъ съ этимъ, что ихъ вины тутъ нѣтъ, чувствовали только одно какое-то недовольство собою, недовольство другими, но недовольство это было болѣе поверхностного характера. Первые изъ этихъ людей, даже и тогда, когда жизнь быстро двинулась впередъ, сохранили довольно основательно свое скептическое отношеніе и къ нашимъ общественнымъ порядкамъ и не повѣрили въ раздавшійся крикъ, что для Россіи наступилъ уже золотой вѣкъ. Эти-то сильные люди поколѣнія сороковыхъ годовъ, отъ которыхъ едва осталось теперь нѣсколько человѣкъ, съ радостью взглянувшіе на прогресъ, сдѣланный въ идеяхъ, и протянувшіе обѣ руки людямъ молодого направленія, вполнѣ принадлежатъ нашему времени, и можетъ быть даже несравненно больше чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые по лѣтамъ своимъ должны быть причислены къ молодому поколѣнію.

Другіе, чувствуя просто какое-то безотчетное недовольство, вполнѣ удовлетворились тѣмъ, что нѣкоторые изъ ихъ отвлеченныхъ принциповъ перешли болѣе или менѣе въ дѣйствительную жизнь, и потому недружелюбно отнеслись къ людямъ новыхъ идей, которые не считаютъ, что все то, что должно было бы быть сдѣлано, уже сдѣлано. Послѣдній родъ недовольства, т. е. болѣе поверхностный, безсознательный, принадлежавшій большинству лучшихъ людей стараго направленія, главнымъ образомъ выразился въ литературѣ.

Несмотря на неизбѣжное разнообразіе выведенныхъ типовъ писателями стараго направленія, всѣ они однако имѣютъ столько общихъ чертъ, что трудно было бы не узнать въ нихъ людей одного закала, одного воспитанія, однихъ и тѣхъ же идей, понятій, стремленій. Всѣ эти типы одинаково честны, одинаково благородны, одинаково воодушевлены возвышенными принципами, но всѣ они оказываются одинаково слабыми, одинаково боязливыми при первомъ столкновеніи съ дѣйствительною жизнью. Глядя на нихъ можно подумать, что всѣ они задались одною мыслію: жизнь сама по себѣ, а принципы сами по себѣ. Типы эти какъ нельзя болѣе вѣрны дѣйствительности, и въ этомъ, конечно,

мы видимъ большую заслугу, большое значеніе писателей старой школы. Значеніе ихъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока они оставались чутки къ жизни; пока они сохраняли живое отношеніе къ дѣйствительности, до тѣхъ поръ былъ обезпеченъ за ними и большой успѣхъ и большое вліяніе на общество. Пока писателямъ предшествовавшаго періода приходилось имѣть дѣло съ типами «недовольныхъ», они были какъ нельзя болѣе въ своей роли, и понятно почему? потому что сами они всецѣло принадлежали этой породѣ людей, знали каждую складку ихъ мысли, каждое душевное движеніе, потому что имъ хорошо были знакомы и воспитаніе, и развитіе, и весь образъ мыслей этихъ людей. Но лишь только пора этихъ людей прошла, лишь только общество вышло изъ этого состоянія безотчетнаго недовольства, тогда тотчасъ же эти люди начинаютъ дѣлать невѣрные шаги, теряютъ свою артистическую чуткость, и вслѣдствіе этого произведенія ихъ теряютъ ту обаятельную силу, то нравственное господство, которое принадлежало имъ, пока они сохраняли живое отношеніе къ дѣйствительности. Никто изъ писателей стараго направленія не имѣлъ, кажется, такого тонкаго слуха, не умѣлъ угадывать такъ хорошо малѣйшаго движенія общества, съ такимъ искусствомъ не подмѣчалъ каждую новую черту въ старомъ для насъ типѣ недовольнаго человѣка, какъ И. С. Тургеневъ. Возьмите любой изъ начерченныхъ имъ типовъ, начиная съ Рудина, Лаврецкаго, Берсеньева и кончая даже героемъ одной изъ прелестнѣйшихъ русскихъ повѣстей, именно героемъ «Аси», въ каждомъ изъ нихъ вы невольно увидите живого, несчастнаго и вмѣстѣ счастливаго человѣка, счастливаго говоримъ мы потому, что онъ такъ хорошо умѣлъ слить воедино свои возвышенныя отвлеченныя идеи съ самою пустою жизнію, съ самимъ бездѣльнымъ существованіемъ. Всѣ эти различные типы, отличающіеся только одними оттѣнками, созданы какъ бы изъ одной массы, всѣ они выкроены по одному образцу. Но если типы, созданные писателями стараго направленія, хороши, какъ вѣрно и рельефно передающіе намъ жизнь, то мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы, ослѣпленные ихъ мастерскимъ, художественнымъ изображеніемъ, стали бы думать, что и то общество и тѣ люди, съ которыхъ писали наши художники, достойны всего нашего сочувствія, всей нашей любви, всего нашего уваженія. Все что мы можемъ сдѣлать по отношенію къ Рудинымъ, Лаврецкимъ, Берсеневымъ, Бельтовымъ и наконецъ по отношенію къ ихъ послѣднему, заключительному слову, этой мастерской фигурѣ Обломова, это только отнестись къ нимъ съ крайнимъ сожалѣніемъ и подарить ихъ вздохомъ, что такіе хорошіе принципы, идеи и стремленія какъ тѣ, которыми они были вооду-

шевлены, остались безъ серьезнаго значенія въ ихъ дѣйствительной жизни.

Мы вовсе не позабываемъ, что всѣ общественныя условія, среди которыхъ жили тѣ герои, были неблагопріятны для того, чтобы они сдѣлались смѣлыми бойцами за новую жизнь; мы знаемъ, что та сфера общественной жизни, въ которой человѣкъ только и дѣлается человѣкомъ, была закрыта для нихъ; но если въ бездѣліи этихъ недовольныхъ людей мы обвиняемъ тяготѣвшій надъ ними порядокъ вещей, то не можемъ не обвинить и ихъ самихъ въ томъ, что они такъ легко мирились съ своимъ положеніемъ, что они, такъ сказать, покрасовавшись своимъ недовольствомъ, и очистивъ такимъ образомъ свою совѣсть, слишкомъ быстро забывали въ наслажденіяхъ жизни о томъ, о чемъ они въ пріятельскомъ кружкѣ охотно вздыхали. Нужно сказать, что эти люди, выражавшіе «недовольство» окружавшимъ ихъ міромъ, были по большей части слабые люди, не имѣвшие ни энергіи, ни силы воли. Разумѣется, мы согласимся, если намъ возразятъ на это, что и тутъ они не виноваты, а виновато ихъ воспитаніе, ихъ болѣзненное развитіе подъ гнетомъ политическимъ и нравственнымъ; пусть такъ, но мы тѣмъ не менѣе правы, когда говоримъ, что время этихъ людей прошло, то эта порода недовольныхъ людей, которая въ огромномъ большинствѣ превратилась въ довольныхъ, должна уступить свое мѣсто другой породѣ людей, воспитавшейся уже въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, и что всѣ эти прежніе герои должны отказаться отъ претензіи быть по прежнему передовыми людьми, и требовать себѣ въ качествѣ таковыхъ дани всеобщаго уваженія. У героевъ, изображаемыхъ нашими извѣстными писателями, никогда не было трезваго отношенія къ дѣйствительности, и не только в вопросахъ общественныхъ, но и въ своей частной жизни, въ столкновеніяхъ чисто личныхъ они высказывали туже безхарактерность, туже неопредѣленность стремленій. Наши художники, рисуя этихъ недовольныхъ людей, показывали намъ ихъ, главнымъ образомъ, съ одной стороны, стороны сердечной, любовной, и по ней уже мы можемъ легко судить, какъ относились они и всѣмъ вопросамъ частной и общественной жизни. Что выказвали всѣ эти люди при первомъ столкновеніи съ женщиною какъ вели себя въ этихъ любовныхъ дѣлахъ всѣ Рудины, Лврецкіе, Бельтовы, Берсеньевы, герои «Аси?» Какъ люди вполнѣ безхарактерные, не имѣющіе никакой рѣшимости, всѣ они пугались серьезнаго слова, серьезнаго шага и не дѣлали ничего, чтобы по-человѣчески устроить свою жизнь, и не только ничего не дѣлали, но напротивъ дѣлали все, чтобы по-

томъ имѣетъ право вздыхать, охать, стонать, красоваться своею печалью.

Любовныя отношенія всѣхъ этихъ героевъ служатъ мѣриломъ ихъ характеровъ, ихъ отношеній ко всѣмъ другимъ жизненнымъ вопросамъ. Ко всему они относились горячо, пока дѣло касалось однихъ разговоровъ въ пріятельской бесѣдѣ, и немедленно пугались, пятились, терялись, какъ только вопросъ становился серьезнѣе. Да оно и неудивительно. Когда у людей нѣтъ дѣйствительныхъ общественныхъ интересовъ, когда общественныя дѣла не входятъ въ ихъ жизнь, когда они не принимаютъ живого участія въ вопросахъ, касающихся ихъ общества, ихъ народа, тогда люди мельчаютъ, и даже въ своихъ частныхъ дѣлишкахъ теряютъ способность здорово относиться къ возникающимъ въ ихъ личной жизни столкновеніямъ. Умъ людей, сфера дѣятельности которыхъ ограничивается мелкими, относительно общественныхъ вопросовъ, личными интересами, съуживается, дѣлается неспособнымъ принимать сильныя впечатлѣнія, воля слабѣетъ, характеръ ихъ превращается въ безхаратерность. Когда въ жизнь людей не входятъ общественные интересы, когда они становятся глухи къ общественному благу, къ пользѣ цѣлаго общества, тогда ничто не остановитъ человѣка отъ такого паденія, вслѣдствіе котораго человѣческая жизнь превращается въ жизнь животную. Если любимые герои нашихъ художниковъ стараго направленія не дошли до него, то потому, что лучшіе люди предшествовавшаго періода, которые служили имъ моделью, не отклонялись все-таки вовсе отъ общественныхъ вопросовъ, хотя и относились къ нимъ крайне неопредѣленно.

Жизнь для большинства не представлялась тогда въ ея серьезномъ значеніи, несмотря на свое проповѣдуемое и даже искренно чувствуемое недовольство, она была для нихъ тѣмъ не менѣе не тяжела и не многіе изъ ихъ среды могли, положа руку на сердце, сказать вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, что «жизнь уже для насъ не веселое пиршество, не праздничное ликованіе, но поприще труда, борьбы, лишеній и страданій.» Если въ устахъ этого человѣка слова эти были еще недостаточно сильны, чтобы выразить его взглядъ на жизнь того времени, если въ его устахъ слова эти были святою истиною, то много-ли было ему подобныхъ, много-ли было тогда людей, которые обладали глубиною его убѣжденій, которые чувствовали въ себѣ такую громадную силу, такое море любви къ своему обществу, къ своей родинѣ и которые были бы способны на такую мужественную ненависть ко всему, что подавляетъ свободное развитіе людей? Нѣтъ, такихъ людей было немного, они были исключеніемъ въ томъ об-

ществѣ, и лучшимъ доказательствомъ того служитъ то, что среди выведенныхъ нашими художниками типовъ, мы не встрѣчаемъ, ни одного, который напоминалъ бы намъ фигуру этого замѣчательнаго человѣка. Нужно сказать и то, что для того, чтобы изобразить подобную фигуру во весь ея ростъ, слѣдовало бы стоять почти на вышинѣ самого Бѣлинскаго, на что конечно не претендуетъ ни одинъ изъ нашихъ старыхъ художниковъ. Жизнь для людей, подобныхъ Рудинымъ, Бельтовымъ, Лаврецкимъ вовсе не представлялась поприщемъ труда, борьбы, лишеній и страданій, далеко нѣтъ, скорѣе она походила на пиршество, хотя нѣсколько и съ грустнымъ характеромъ, какою-то печатью унылости на лицахъ пировавшихъ.

Люди того времени могли возразить тѣмъ, которые стали бы укорять ихъ, что они не достаточно серьезно смотрятъ на жизнь, точно также какъ у Пушкина въ отрывкѣ «Пиръ во время чумы», отвѣчаютъ собравшіеся кутить молодые люди на укоры, обращенные къ нимъ: «Дома у насъ печальны, юность любитъ радость.» Въ самомъ дѣлѣ, домъ ихъ большой, колоссальный домъ цѣлой Россіи былъ куда какъ печаленъ, и они не чувствовали себя въ силѣ пособить общему горю. Потому они и скользили по всѣмъ общественнымъ уродливостямъ, не особенно останавливались передъ ними, сознавая свое безсиліе. Они желали, манили новые порядки, не отдавая себѣ хорошо отчета, какіе такіе порядки должны были смѣнить старые; они съ участіемъ, съ сожалѣніемъ смотрѣли на густую, замершую въ униженіи массу, которая стояла подъ ними, но сожалѣніе это не было страданіемъ, и не мѣшало имъ среди вопіющей дикости общественныхъ порядковъ предаваться удовлетворенію своихъ эстетическихъ вкусовъ и потребностей. Общественные интересы, благо всѣхъ людей забывалось у нихъ, потоплялось въ личныхъ, любовно-художественныхъ интересахъ. Ни у кого изъ нихъ, ни у одного изъ этихъ героевъ въ видѣ Рудина, Лаврецкаго, Бельтова и комп. не было никакого дѣла, они ничѣмъ не занимались, мы не видимъ въ всѣхъ выводимыхъ типахъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ работалъ, трудился. Но всѣ они сознавали въ себѣ великую внутренюю силу, и эта сила, когда она не поглощалась ихъ личными частными интересами, шла на проповѣдь честныхъ идей. Въ этомъ проповѣдничествѣ и заключается, собственно говоря, все ихъ значеніе, весь смыслъ ихъ существованія. Другой вопросъ, насколько человѣкъ можетъ быть хорошимъ проповѣдникомъ, когда онъ самъ не выяснилъ себѣ того, что́ проповѣдуетъ, когда онъ самъ не имѣетъ твердаго, опредѣленнаго понятія о провозглашаемыхъ имъ идеяхъ, когда имъ самимъ не сознано,

что должно выйти изъ тѣхъ понятій и воззрѣній, изъ тѣхъ сѣменъ, которыя они разбрасываютъ по землѣ. Идеи, проповѣдовавшіяся ими, были очень отвлеченны, дурно сознаваемы самими проповѣдниками, въ нихъ слышалось только, что тѣ условія, при которыхъ они жили, были нехороши; въ нихъ чувствовалось только, что прежній строй жизни навѣваетъ тоску, уныніе, и этого было уже достаточно. Честныя идеи, какъ бы и кѣмъ бы онѣ ни высказывались, имѣютъ сами по себѣ такую благодатную силу, что брошенныя въ людскую среду безъ яснаго сознанія даже ихъ смысла, онѣ западаютъ глубоко, выясняются мало-по-малу, и изъ безсознательнаго отношенія къ дурному, дѣлаютъ въ концѣ концовъ сознательное стремленіе ко всему *хорошему*.

Эту роль сѣятелей добрыхъ сѣменъ, сѣятелей безсознательныхъ, имѣли люди сороковыхъ годовъ, и насколько безсознателенъ былъ этотъ посѣвъ въ большинствѣ, видно изъ того, что когда сѣмена вышли наружу и дали слишкомъ богатые для нихъ плоды, наши сѣятели не узнали ихъ, отреклись отъ нихъ, и сказали, что они сѣяли вовсе не тѣ сѣмена. До такой степени идеи, перешедшія въ опредѣленное сознаніе, перестаютъ походить на идеи, бродящія гдѣ-то въ поднебесьи! Какъ только эти люди отреклись отъ сѣменъ, которыя сами сѣяли, какъ только отказались отъ идей молодого поколѣнія, которыя сами провозглашали, двадцать, пятнадцать лѣтъ назадъ, роль этихъ людей окончилась, и они въ силу необходимости должны удалиться со сцены и передать дѣло въ другія руки, тѣмъ людямъ, которые выяснили себѣ идеи, находившіяся въ зародышѣ и которые опредѣлили себѣ свою цѣль, начертали предъ собою новыя задачи. Этимъ людямъ, послѣ того, что они стали въ разрѣзъ молодому поколѣнію, отреклись отъ своихъ идей, которыя теперь только получили свое развитіе, оставалось одно изъ двухъ: или стать въ лагерь реакціи, бороться противъ осуществленія тѣхъ возвышенныхъ принциповъ, которые они прежде проповѣдовали, или отказаться отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ и предаться лежанію на боку, какъ то дѣлаетъ человѣкъ того же лагеря, той же породы, именно Илья Ильичъ Обломовъ, этотъ мастерской типъ, эта слава Гончарова. Прежніе Рудины, Бельтовы, Лаврецкіе выродились и превратились въ не что иное, какъ въ братьевъ Кирсановыхъ, да въ тѣхъ салонныхъ героевъ, которыхъ мы не такъ давно встрѣтили въ портретной галлереѣ «Дыма». Старый типъ исчерпанъ до конца, къ нему трудно прибавить хоть одну живую черту, онъ одряхлѣлъ, опустился, ему пора, давно пора уступить мѣсто въ жизни новымъ людямъ, въ литературѣ новымъ типамъ.

Вмѣстѣ съ законченною ролью Лаврецкихъ, Бельтовыхъ, Рудиныхъ, и ихъ послѣднимъ словомъ Обломовымъ, закончилась собственно говоря и прежняя роль писателей стараго направленія. Они внесли въ русскую литературу нѣсколько живыхъ лицъ, они передали интересы своего времени, они представили намъ русское общество предшествовавшаго періода въ яркихъ образахъ, всего этого слишкомъ достаточно, чтобы имена ихъ навсегда остались дороги въ исторіи русской литературы. Мы не станемъ говорить, виноваты или невиноваты писатели стараго направленія, что порвалась связь ихъ съ живою частью русскаго общества; мы не принимаемъ на себя роль судей и потому не желаемъ ни обвинять никого, ни оправдывать. Очевидно только, что, изображая молодое поколѣніе въ образѣ Базарова или еще болѣе грубой фигурѣ Марка Волохова, писатели старшаго возраста показали, что они имѣютъ мало общаго съ стремленіями людей новыхъ идей, и что они значительно потеряли то чутье, которое прежде не допускало ихъ рисовать ни одного фантастическаго типа. Такъ или иначе, старые типы износились, исчерпаны, прежняя роль старыхъ писателей выполнена, и для русской литературы уже нѣсколько лѣтъ какъ наступила новая эпоха.

Куда же писатели молодого поколѣнія должны были направить свои поиски, гдѣ они должны были отыскивать для себя типы, какую среду должны они были рисовать? Касаться людей стараго закала, затрогивать ихъ опять, они очень хорошо понимали, что не слѣдовало, что новаго они больше ничего не откроютъ, что они могутъ только испортить то живое представленіе уходившаго времени и уходившихъ людей, которое сдѣлано было старыми художниками. Обратиться къ людямъ новыхъ идей, и брать себѣ типы изъ ихъ среды, хотя и были сдѣланы подобныя попытки, болѣе или менѣе удачныя, но молодые писатели понимали, что, съ одной стороны, типъ человѣка новыхъ понятій, что идеи его, хотя и достаточно опредѣленныя, не сложились еще въ массѣ въ одно гармоничное цѣлое, что людямъ новаго міросозерцанія еще не представилась возможность явиться главнымъ дѣйствующимъ элементомъ въ жизни; съ другой стороны, они понимали, что была другого рода невозможность изображать типы людей новаго времени; невозможность эта заключалась въ томъ, что они не могли достаточно свободно изображать идеи, стремленія, условія, которыя они требовали для жизни. Что же нужно было сдѣлать молодымъ писателямъ? Имъ слѣдовало только прислушаться къ общему говору, имъ слѣдовало вникнуть только въ то, о чемъ шумѣли, спорили, толковали люди всѣхъ возрастовъ, имъ нужно было вдуматься на что напра-

вилась вся любовь, всѣ мысли, всѣ помыслы лучшей части русскаго общества, и на что обращена была вся тайная злоба, все трудно скрываемое негодованіе реакціоннаго лагеря, чтобы сразу понять, какая задача выпала на ихъ долю, какая цѣль намѣчена передъ ними. Имъ стоило вслушаться въ говоръ общества о народѣ, о его развитіи, объ образованіи, о его нуждахъ, потребностяхъ, о его загнанномъ положеніи, о необходимости дать ему средства подняться на ноги, имъ стоило взглянуть, на что направлена была главнымъ образомъ дѣятельность правительства, чтобы тотчасъ увидѣть и убѣдиться, что въ русской жизни явилась новая сила, мало знакомая еще образованному обществу, сила, правда, грубая еще и невѣжественная, но отъ которой зависитъ вся будущность, хорошая или дурная, русской земли. Потокъ новыхъ идей, новыхъ понятій, влившійся въ русское общество, совпадаетъ съ эпохою освобожденія крестьянъ, и этотъ коренной переворотъ въ основахъ русской жизни неизбѣжно долженъ былъ обусловить собою новое направленіе въ литературѣ. Этотъ переворотъ вызвалъ цѣлый рядъ молодыхъ писателей, которые стали знакомить съ жизнію, обычаями, нравами, съ положеніемъ, съ бѣднымъ развитіемъ народа образованное русское общество, которое знало до сихъ поръ о народѣ только одно, что у него крѣпкая спина и здоровыя руки. Изученіе народной жизни, воспроизведеніе его въ типахъ и распространеніе твердыхъ, опредѣленныхъ, совершенно выясненныхъ идей, стремленій, требованій — такова представилась задача молодымъ писателямъ, которые и принялись за нее съ истинною любовью и большою энергіею.

Евг. Утинъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

въ 1869 году.

Мы считаемъ рѣшительно необходимымъ сдѣлать два, три общихъ замѣчанія, прежде чѣмъ перейдемъ къ отчету о выставкѣ въ Академіи художествъ, открытой уже болѣе мѣсяца. Сдѣлать справедливую оцѣнку нашимъ художественнымъ произведеніямъ, дѣло далеко не легкое, и это какъ нельзя лучше доказываетъ большинство нашихъ эстетическихъ критиковъ, которые съ удивительною самоувѣренностью произносятъ свои безаппеляціонные приговоры, признавая себя непогрѣшимыми судьями. Въ дѣлѣ искусства, безаппеляціонный приговоръ вообще менѣе у мѣста, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ до такой степени не преобладаетъ въ сужденіяхъ субъективный элементъ, какъ въ художественныхъ воззрѣніяхъ. Въ искусствѣ нѣтъ такихъ точныхъ законовъ, на основаніи которыхъ можно было бы сказать: это хорошо, это дурно и т. д. Одна картина сильно грѣшитъ противъ рисунка, и она все-таки нравится, въ другой картинѣ письмо какъ нельзя болѣе слабо, и она тѣмъ не менѣе привлекаетъ къ себѣ. Въ сужденіяхъ о картинѣ, какъ и о всякомъ художественномъ произведеніи, играютъ очень большую роль вкусы того, который судитъ, его свойства, его наклонности, степень художественнаго развитія критика. Одинъ, поклонникъ классическаго искусства, съ восторгомъ останавливается передъ какою-нибудь миѳологическою картиною, и за одну классичность темы готовъ отпустить ея творцу всѣ самыя тяжкія прегрѣшенія; другой не склоненъ къ подобному безжизненному для насъ содержанію, и тогда сколько вы ни станете доказывать ему, что то или другое въ этой картинѣ прелестно, онъ будетъ только махать рукою и говорить: «да Богъ съ ней!» Третій, наконецъ, съ убійственнымъ равнодушіемъ относится ко всѣмъ художникамъ, и ко всѣмъ картинамъ, которыя не изображаютъ однихъ сценъ

изъ русской жизни, и во всемъ, что выходитъ изъ этого близкаго намъ круга, никогда не признаютъ ни особеннаго интереса, ни особенныхъ достоинствъ. Всѣ подобныя сужденія намъ кажутся по крайней мѣрѣ несправедливыми; искусству нѣтъ никакой возможности ставить такихъ узкихъ границъ и назначать такую маленькую, опредѣленную рамку. Пусть художникъ изображаетъ все, что ему угодно, но лишь бы въ его произведеніи была жизнь, чувствовалась правда, и тогда онъ можетъ дѣлать все что ему нравится, произведеніе его имѣетъ тогда полное право на существованіе и на уваженіе. Безъ сомнѣнія, мы несравненно болѣе предпочитаемъ произведеніе, гдѣ есть глубокая мысль, серьёзная идея, и для насъ присутствіе этой мысли дѣлаетъ вещь особенно драгоцѣнною; но мы думаемъ, что тамъ, гдѣ есть жизнь и правда, тамъ есть идея, подчасъ не очень богатая, да вѣдь богатыхъ идей вообще очень мало.

Какъ ни законно кажется наше желаніе, чтобы во всякомъ художественномъ произведеніи скрывалась идея, мы отлично знаемъ, что многіе поклонники хоть бы миѳологическихъ картинъ будутъ противъ насъ и скажутъ: «да какой вамъ нужно идеи, искусство есть искусство и больше ничего!» Теорія искусства для искусства старая теорія, и мы конечно не будемъ теперь начинать съ нею спора. Мы хотѣли только сказать, что сужденія о художественныхъ произведеніяхъ подчиняются всѣмъ различнымъ воззрѣніямъ на цѣль и задачу искусства, и потому въ этихъ сужденіяхъ мы встрѣчаемъ такой страшный хаосъ. При этомъ каждый критикъ почти считаетъ своею непремѣнною обязанностью выказать свое знаніе въ техническихъ терминахъ, которое, нужно сказать, пріобрѣтается чрезвычайно легко, но за то употребляется въ дѣло безъ всякой пользы какъ для читающей публики, такъ и для самихъ художниковъ. Первая не всегда и разберетъ ихъ значеніе, послѣдній и отъ академическаго ареопага и отъ своихъ собратовъ по искусству двадцать разъ лучше узнаетъ всѣ свои техническіе недостатки, и отъ своихъ «пріятелей» заботящихся объ его успѣхахъ, выслушаетъ всѣ упреки, которые возможно только сдѣлать за слишкомъ длинную ножку, слишкомъ короткую ручку, дурно написанную часть одной картины, дурно нарисованную часть другой, неудачную лѣпку той и этой фигуры и т. д. Художниковъ и самую публику, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе интересуетъ то общее впечатлѣніе, которое оставляетъ по себѣ произведеніе, потому что одна или другая часть картины можетъ страдать извѣстными недостатками, а картина все-таки можетъ быть какъ нельзя болѣе интересна и хороша. Общее впечатлѣніе — вотъ что спрашиваютъ и сами художники и публика, задавая вопросъ: ну, какъ выставка? какъ вамъ нравится картина такого-то? Общее впечатлѣніе, когда, разумѣется, нѣтъ какихъ-нибудь особенно уродливыхъ недостатковъ со стороны

техники, недостатковъ, которые бы бросались въ глаза, обусловливается сюжетомъ картины, ея композиціею, пріятными или непріятными красками, общимъ тономъ, правдою въ движеніи, когда есть движеніе, вѣрнымъ изображеніемъ природы, требованіемъ, чтобы человѣкъ на картинѣ походилъ на живого человѣка, а не на какой-нибудь манекенъ. Тотъ, которому случилось видѣть въ своей жизни множество художественныхъ произведеній, познакомиться со всѣми самыми замѣчательными мастерами прошлаго и настоящаго, неизбѣжно долженъ былъ пріобрѣсти извѣстный навыкъ и потому легко можетъ сказать, соблюдены ли въ той или другой картинѣ всѣ необходимыя условія, чтобы она нравилась и производила впечатлѣніе. Для дальнѣйшаго разбора картины необходимы уже спеціальныя познанія, изученіе, на которое мы нисколько не претендуемъ. Мы просто желаемъ передать наше впечатлѣніе, безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякихъ предвзятыхъ требованій, въ той надеждѣ, что мы не останемся одни съ нашимъ впечатлѣніемъ, что его раздѣлятъ и тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ удалось или удастся побывать на нынѣшней выставкѣ.

Начнемъ прежде всего съ того, что посѣтуемъ на несправедливость тѣхъ, которые жалуются на бѣдность выставки и утверждаютъ, что выставка настоящаго года хуже, бѣднѣе, чѣмъ выставка прошлаго года, точно также какъ они жаловались, что выставка прошлаго года была хуже чѣмъ выставка третьяго, и т. д. Жалоба эта превратилась въ какую-то моду, хроническую болѣзнь, отъ которой, какъ кажется, чрезвычайно трудно отдѣлаться. Выставка настоящаго года нисколько не бѣднѣе выставки прошлаго года, и мы даже готовы пойти дальше, и сказать, что она интереснѣе прошлогодней, хотя по количеству можетъ быть и меньше. Относиться къ русскому искусству, и въ особенности къ искусству живописи и скульптуры, нужно чрезвычайно нѣжно, потому что это искусство у насъ представляется тепличнымъ растеніемъ, которое не имѣетъ за собою даже порядочнаго ухода. Въ другихъ странахъ, когда открывается художественная выставка, въ первые дни стекается такая масса народа, что просто нѣтъ возможности порядочно взглянуть на то или другое художественное произведеніе, между тѣмъ какъ у насъ жаль было смотрѣть въ первый день открытія выставки на эти несчастныя, развѣшанныя по стѣнамъ картины, которыя тщетно ждали себѣ толпы зрителей. Зрителей было мало, точно тѣни расхаживали они по небольшой залѣ Академіи, гдѣ собраны лучшія картины этого года, такъ что поневолѣ въ головѣ рождался вопросъ: для кого пишутъ у насъ картины, для чего существуютъ художники, зачѣмъ намъ это искусство, когда очевидно, что потребность на него у насъ почти что не родилась еще?

Публика имъ интересуется почти столько же, сколько прошлогоднимъ снѣгомъ, на выставку она ходитъ очень мало, не видя для себя

въ этомъ ни особенной пользы, ни особеннаго удовольствія; покупателей, кромѣ нѣсколькихъ меценатовъ, которыхъ можно перечесть по пальцамъ, естественно еще меньше, почти вовсе нѣтъ, такъ что положеніе картинъ, и еще больше положеніе художниковъ въ самомъ дѣлѣ представляется вовсе не завиднымъ. Картины висятъ себѣ въ Академіи, которая даетъ имъ пріютъ, или въ комнатахъ художниковъ, годъ, два, три, пока какой-нибудь меценатъ не сжалится и не купитъ, и еще хорошо если сжалится, а то также останутся висѣть на стѣнѣ, пока не затеряются гдѣ-нибудь; а художники пользуются дешевымъ удовольствіемъ смотрѣть на свои непроданныя картины. Правительство, которое при Екатеринѣ II стало прививать это искусство въ Россіи, должно было принять на себя покровительственную роль, которую оно и до сихъ поръ удержало и вѣроятно долго еще должно будетъ удерживать. Намъ кажется, что покровительственная роль эта не только не должна быть ослаблена, если это искусство уже существуетъ у насъ, но напротивъ должна быть усилена. Въ чемъ же должно состоять это усиленіе? Правительство, устроивъ академію, посылая своихъ лучшихъ учениковъ за границу на шесть лѣтъ, обезпечивая имъ тамъ содержаніе, устроивая ежегодныя выставки, дѣлаетъ, кажется, достаточно, скажутъ намъ. Да, достаточно до тѣхъ поръ, пока ученикъ академіи останется ученикомъ, пока онъ находится за границей съ обезпеченнымъ содержаніемъ; но за то потомъ, когда ученическіе годы оканчиваются, когда художникъ возвращается назадъ въ Россію, какая судьба ожидаетъ его? Правительство, которое заботилось до сихъ поръ объ его существованіи, бросаетъ его теперь на произволъ судьбы, и остается совершенно безучастнымъ къ его долѣ. Что же вы хотите, могутъ перервать насъ, чтобы правительство содержало художника въ продолженіи всей его жизни, чтобы оно дѣлало его своимъ постояннымъ пансіонеромъ, покровительствуя размноженію синекуръ. Но мы объ этомъ и не думали. Мы желали бы только, чтобы художниковъ, окончившихъ свои ученическіе годы, не оставляли безъ поощренія, тѣмъ болѣе, что такое поощреніе могло бы дѣлаться на ихъ собственный счетъ. Какъ ни ничтожна та сумма, которая собирается съ посѣтителей выставки, тѣмъ не менѣе она составляетъ нѣсколько тысячъ рублей, которые могли бы быть употреблены на ежегодныя премія или на ежегодную покупку лучшихъ картинъ. Положимъ, что на вырученныя деньги много картинъ нельзя было бы купить, но вѣдь лучше немного, чѣмъ ровно ничего. Картины покупаются, снова возразятъ намъ. Пожалуй и такъ, но такая покупка является исключеніемъ, когда Академія пожелаетъ удержать за собою ту или другую, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко, въ то время, когда это могло бы сдѣлаться правиломъ, и Академія каждый годъ обогащалась бы хоть тремя или четырьмя картинами, которыя бы такимъ образомъ не оставались на

рукахъ художниковъ. Наконецъ, если бы съ теченіемъ годовъ Академія стала бы тяготиться своими пріобрѣтеніями, и не знала бы куда дѣваться съ картинами, то онѣ могли бы быть отправляемы въ провинціи и служить такимъ образомъ зародышемъ провинціальныхъ музеевъ. Вслѣдствіе того, съ одной стороны въ массѣ русскаго общества развивался бы вкусъ, а съ другой для художниковъ такая покупка служила бы хоть небольшимъ, но все-таки поощреніемъ. Наконецъ, ко всему этому, подобныя преміи или покупка картинъ больше удовлетворяла бы чувству справедливости, потому что съ какой въ самомъ дѣлѣ стати художники выставляютъ свои произведенія въ Академіи, доставляютъ ей все-таки довольно значительный сборъ, а сами ничѣмъ при этомъ не пользуются, ничего не выигрываютъ отъ выставки своихъ произведеній. Если дѣла такимъ образомъ будутъ продолжаться, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что художники въ одинъ прекрасный день догадаются, что имъ нѣтъ надобности выставлять свои произведенія въ Академіи, что они могутъ сговориться и выставить ихъ въ частной залѣ, и собирать тогда деньги за посѣщеніе выставки въ свою собственную пользу, вмѣсто того, чтобы они шли неизвѣстно куда. И тогда, нѣтъ сомнѣнія, Академія останется съ своими ученическими произведеніями, которыя еще гораздо менѣе будутъ привлекать къ себѣ публику, чѣмъ теперь. Если въ такихъ странахъ какъ Франція, гдѣ искусство это вошло въ жизнь, сдѣлалось потребностью, гдѣ вся масса общества интересуется имъ какъ нельзя болѣе и густо наполняетъ громадныя залы дворца промышленности, когда открывается тамъ выставка, гдѣ существуетъ огромное количество покупателей; если даже въ такой странѣ правительство находитъ нужнымъ поощрять искусство, поддерживать художественное рвеніе художниковъ, назначая для этого громадныя преміи въ 100,000 фр., то какъ же тогда не поощрять искусство въ Россіи, гдѣ оно существуетъ въ зародышѣ.

Раздача подобныхъ премій, или покупка картинъ должна бы быть поручена, безъ сомнѣнія, не оффиціальнымъ лицамъ, которыя, какъ доказываетъ опытъ всей человѣческой исторіи, не всегда руководятся достоинствами награждаемаго, качествами произведеніями, а совершенно посторонними побужденіями, которыя слѣдуетъ по мѣрѣ возможности уничтожить. Уничтожить эти постороннія побужденія и пристрастные приговоры можно, если ввести въ совѣтъ, рѣшающій судьбу художниковъ и ихъ произведеній, выборное начало, которое существуетъ въ подобныхъ вопросахъ въ другихъ странахъ. Пусть всѣ составляющіе Академію въ широкомъ смыслѣ этого слова, пусть всѣ художники избираютъ изъ себя самихъ jury, которое бы и постановляло рѣшенія. Введеніе этого начала въ составъ академическаго совѣта было бы какъ нельзя болѣе полезно даже въ настоящую минуту, когда происходитъ раздача, ну хоть бы профессорскихъ званій. По крайней мѣрѣ, тогда

академическій совѣтъ избавился бы отъ нареканій въ пристрастіи и устарѣлости.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ не сочувствовать художникамъ, окончившимъ свои ученическіе годы и возвращающимся въ Россію, гдѣ они такъ мало находятъ себѣ поддержки для продолженія своей дѣятельности. Начиная съ климатическихъ условій, которыхъ къ несчастью никто не можетъ измѣнить, съ мрачнаго, сѣраго неба, съ короткихъ дней, мѣшающихъ работать въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и кончая чисто матеріальными условіями, какъ напр. полнымъ отсутствіемъ не только порядочныхъ, но какихъ бы то ни было мастерскихъ, все направлено противъ нихъ. Въ самой Академіи, правда, есть мастерскія, но кому неизвѣстно, съ какимъ громаднымъ трудомъ, какими происками можно добыть себѣ тамъ мѣсто. При этомъ дороговизна «натуры», всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для художника, да однимъ словомъ всего не перечтешь, не говоря уже о нравственныхъ помѣхахъ, которыя онъ встрѣчаетъ для того, чтобы дѣятельность его была успѣшна. Есть ли послѣ всего этого возможность сѣтовать на художниковъ, которые, присмотрѣвшись сколько-нибудь къ жизненной и художественной обстановкѣ здѣсь и находя какія-нибудь средства устроиться за границей, въ Италіи, Франціи или Германіи, покидаютъ Россію и проводятъ на чужбинѣ свои лучшіе годы, чтобы не сказать всю жизнь. Нужно ли послѣ этого удивляться, что мы находимъ на выставкѣ такъ много картинъ, взятыхъ изъ чуждой намъ жизни и такъ мало изображающихъ русскіе нравы и русскіе типы. Нельзя не сознаться, что для того, чтобы съ успѣхомъ работать въ Россіи и не быть доведеннымъ до писанія исключительно образо́въ и портретовъ, для этого надо быть поставленнымъ въ особенно счастливыя обстоятельства, что далеко не выпадаетъ на долю всѣхъ нашихъ художниковъ.

Вотъ тѣ общія замѣчанія, которыя мы желали предпослать нашему бѣглому отчету о выставкѣ 1869 года, вотъ причины, которыя всегда будутъ удерживать насъ отъ слишкомъ строгихъ приговоровъ надъ произведеніями русскихъ художниковъ. Условія, при которыхъ они работаютъ, слишкомъ неблагопріятны, и мы откровенно сознаемся, что гораздо болѣе готовы удивляться богатству выставки, нежели ея бѣдности. Мимоходомъ замѣтимъ еще одно, внѣшнее обстоятельство, которое постоянно вредитъ нашимъ художникамъ на здѣшней выставкѣ. Устроенное для нихъ помѣщеніе съ освѣщеніемъ сверху крайне невыгодно для картинъ, и какъ доказательство этого можно привести картину г. Мясоѣдова, которая значительно выиграла, когда была перенесена изъ нашего salon d'honneur въ галлерею съ боковымъ освѣщеніемъ, гдѣ размѣщены статуи. Освѣщеніе сверху хорошо и выгодно для картинъ, когда зала широка и свѣтъ распредѣляется ровно, а не скользитъ по картинамъ, какъ это случилось у насъ вслѣдствіе того,

что зала чрезвычайно узка. Помимо того, свѣтъ проходитъ черезъ тройныя стекла съ широкими переплетами, что еще болѣе ослабляетъ и безъ того уже слабый свѣтъ сѣраго петербургскаго неба.

Первая картина, при входѣ въ длинную галлерею, наполненную копіями съ картинъ и статуй великихъ мастеровъ, гдѣ помѣщаются также немногія скульптурныя произведенія, выставленныя нашими художниками, принадлежитъ г. Плѣшанову. Огромное полотно изображаетъ сцену убіенія царевича Димитрія Іоанновича, но сцена эта далеко не производитъ того впечатлѣнія, на которое надѣялся, конечно, самъ художникъ. Намъ кажется, что задача, которою задался г. Плѣшановъ, далеко превышаетъ его силы. Сцена эта, переполненная движенія, ужаса, страха, намъ вовсе не передана. Въ картинѣ мы не видимъ истиннаго движенія, никакого ужаса, никакого страха, передъ нами стоятъ не живые люди, а какія-то куклы, поставленныя въ мелодраматическія позы. Единственная фигура, по нашему мнѣнію, хорошо переданная, хорошо написанная, это фигура царевича. На его лицѣ нѣтъ болѣе жизни, смерть положила уже свою печать, глядя на эту фигуру нельзя не чувствовать въ ней правды, смерть должна была сдѣлать царевича такимъ именно, какимъ онъ представленъ г. Плѣшановымъ. За то о всѣхъ остальныхъ фигурахъ мы лучше умолчимъ. Особенно поражаетъ фигура женщины, матери царевича, падающей въ обморокъ; мы такъ и видимъ въ ней одѣтый въ роскошный нарядъ манекенъ, и даже лицо у нея такое, какое обыкновенно придѣлываютъ къ манекенамъ. Мы бы одобрительно отозвались о сильныхъ краскахъ г. Плѣшанова, если бы онѣ были приведены болѣе въ гармонію. Отдѣльныя части костюмовъ, въ этомъ нужно отдать справедливость художнику, написаны хорошо.

Противъ картины г. Плѣшанова поставлена теперь картина г. Мясоѣдова «Франческа да Римини и Паоло», которая сначала помѣщалась въ нашемъ salon d'honneur. Г. Мясоѣдовъ задался чрезвычайно трудною задачею, идеальныя дантовскія фигуры Франчески и Паоло изобразить на полотнѣ въ реальныхъ образахъ, и трудность эта должна быть принята во вниманіе при сужденіи о его картинѣ. Кому неизвѣстна эта знаменитая пятая пѣсня «Ада», въ которой Франческа съ такою неподражаемою простотою и прелестью разсказываетъ Данту и его путнику Виргилію свою грустную исторію и тяжкую судьбу, какъ читала она вмѣстѣ съ молодымъ братомъ своего стараго и ревниваго мужа книгу, въ которой описывалась любовь, и какъ прерывалось чтеніе, краснѣли ихъ щеки и какъ наконецъ настала минута, когда они были побѣждены и.... «quel giorno più non vi leggemmo avante», прибавляетъ Франческа. Моментъ, избранный г. Мясоѣдовымъ для своей картины, именно тотъ, когда книга выпала изъ рукъ читающихъ, моментъ, который Дантъ обезсмертилъ, стихомъ: «La bocca mi

laci tutto tremante». Сюжетъ Франчески и Паоло былъ уже не разъ заимствуемъ живописцами у Данта, но самою извѣстною картиною, изображающею эти фигуры, остается картина Ари Шеффера, который какъ нельзя лучше понялъ, что для того, чтобы удачно передать эти идеальные образы нужно относиться къ нимъ идеально, и сочинилъ свою картину такъ, что она въ самомъ дѣлѣ отвѣчаетъ разсказу Данта. Франческа и Паоло изображены у Шеффера летящими. Мы рѣшительно не можемъ рѣшить, что́ побудило г. Мясоѣдова взять подобный сюжетъ: глубокое ли изученіе Данта или просто желаніе написать любовную сцену; мы склоняемся скорѣе къ послѣднему, такъ какъ полагаемъ, что если бы художникъ проникся дантовскимъ «адомъ», то тогда фигуры и самой Франчески и самого Паоло вышли бы нѣсколько иными. Главный недостатокъ картины, недостатокъ болѣе всего поражающій—это изломанная, манерная фигура Франчески. Все неестественно въ этой фигурѣ, и поза и выраженіе, и какой-то грязный колоритъ ея лица, который фигуру Франчески дѣлаетъ крайне несимпатичною. Намъ болѣе нравится фигура Паоло, хотя и въ ней насъ непріятно поражаетъ какая-то театральность, свойственная первымъ любовникамъ на сценѣ. Впрочемъ, отдадимъ справедливость хорошо написаннымъ костюмамъ, что слѣдуетъ сказать и про всю правую часть картины, гдѣ виситъ тяжелая портьера. Если въ произведеніи г. Мясоѣдова встрѣчаются нѣкоторыя погрѣшности въ рисункѣ, то мы охотно ихъ опускаемъ, особенно, когда сдѣлавъ два шага, мы остановимся передъ картиною г. Шереметьева, изображающую «Шествіе по Красному Крыльцу XVII-го столѣтія». Масса фигуръ въ пестрыхъ костюмахъ, но въ этой массѣ поражаетъ одно, это полнѣйшее отсутствіе жизни. Самая неудачная театральная композиція не дѣлаетъ эту картину болѣе привлекательною. Очевидно одно, что она написана только для того, чтобы показать роскошь пестрыхъ костюмовъ, но стоитъ ли для этого писать огромную картину, это другой вопросъ.

Въ этой же галлереѣ, гдѣ помѣщены картины гг. Плѣшанова, Мясоѣдова, Шереметьева, стоятъ также нѣсколько портретовъ гг. Шервуда, Тюрина и Маковскаго, изъ которыхъ мы упомянемъ только о семейномъ портретѣ послѣдняго. Г. Маковскій сдѣлалъ изъ своихъ портретовъ настоящую картину, въ которой особенное вниманіе обращаетъ на себя портретъ молодой женщины, какъ нельзя болѣе просто и вмѣстѣ граціозно смотрящей на играющихъ по полу дѣтей. Портретъ другой женщины, можетъ быть, матери художника, одинаково интересенъ. Эти портреты, представляющіе очень удачно скомпанованную картину, еще болѣе выиграли бы, если бы портретъ одной изъ дѣвочекъ былъ также простъ и хорошъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣтскомъ портретѣ художникъ вналъ въ какіе-то искуственно-пріятные тоны, въ

какія-то, если можно такъ выразиться, идеализированныя краски. Чтобы увидѣть г. Маковскаго во всей своей силѣ, чтобы познакомиться дѣйствительно съ его недюжиннымъ талантомъ, нужно оставить галлерею, пройти черезъ комнату, гдѣ размѣщены прекрасныя и сильныя по краскамъ мозаики работы мозаичнаго отдѣленія, подняться по лѣстницѣ и войти въ залу, которую мы называемъ нашимъ salon d'honneur, такъ какъ тутъ собрано все, что есть лучшаго на настоящей выставкѣ.

Тутъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ картина г. Маковскаго «Народное гулянье во время масляницы на Адмиралтейской площади». Можно ли описывать подобную картину? тотъ, кто хоть разъ былъ на Адмиралтейской площади во время масляницы, тотъ найдетъ всякое описаніе лишнимъ и недостаточно-сильнымъ. Для того, чтобы изобразить его, нужны кисть, краски, и г. Маковскаго нельзя не поздравить, что онъ остановился на такомъ богатомъ, но вмѣстѣ трудномъ сюжетѣ, который онъ выполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Адмиралтейская площадь съ зимнимъ дворцемъ, балаганы, карусели, съ длиннобородыми «дѣдушками», съ фокусниками, паяцами, арлекинами, съ густою массою народа, среди которой попадаются всѣ классы общества, съ толстой купчихой, съ чувствующей свое достоинство генеральшей, съ гостиннодворскими франтами и т. д. и т. д., все это изображено на картинѣ г. Маковскаго чрезвычайно живо, умно и ловко. Г. Маковскій выказалъ своею картиною большую наблюдательность, умѣнье подмѣчать самыя типичныя фигуры, самыя типичныя движенія и переносить ихъ на полотно безъ всякаго для нихъ ущерба. Плачущій мальчуганъ, группа, толкающаяся, чтобы поглядѣть панораму, мужикъ стоящій у лотка, другая группа, на другомъ концѣ картины, размѣстившаяся около самовара, этотъ паяцъ, дрожащій отъ холода и согнувшійся, все это какъ нельзя болѣе удачно и дѣлаетъ большую честь художнику. Когда присматриваешься къ серединѣ картины, въ ней точно также открываешь интересные, живые типы, которые къ сожалѣнію пропадаютъ, когда нѣсколько отойдешь отъ картины, и превращаются въ довольно черную массу, которая непріятно поражаетъ глазъ. Если обѣ стороны картины выполнены очень хорошо, то мы не скажемъ того же относительно середины картины, наполненной густою толпою людей; въ эту толпу г. Маковскій долженъ былъ бы пустить больше свѣту, чтобы она не ложилась чернымъ пятномъ и не портила общаго впечатлѣнія картины. Точно также мы должны сдѣлать упрекъ г. Маковскому за то злоупотребленіе неумѣренными радужными тонами, не приведенными достаточно въ гармонію, и которыя встрѣчаются во всемъ его воздухѣ. Съ другой стороны, мы должны отдать ему полную справедливость: г. Маковскій взялся за разрѣшеніе весьма трудной задачи—передать воздухъ яснаго, морознаго дня, подернутый паромъ и дымомъ, поднимающимся съ земли,

Задача эта была бы разрѣшена вполнѣ, если бы художникъ, сохранивъ всѣ сложные тона такого воздуха, съумѣлъ бы ихъ умѣрить. Мы думаемъ вообще, что еслибы г. Маковскій захотѣлъ потрудиться еще немного надъ своею картиною, то она значительно бы выиграла въ своей цѣльности. Намъ кажется, что въ его картинѣ именно не достаетъ цѣльности, что всѣ части картины недостаточно сплочены между собою, что обѣ стороны ея, и главнымъ образомъ лѣвая сторона, гдѣ изображена группа около самовара, точно оторваны отъ середины. Когда смотрѣть на картину, глазъ ищетъ сконцентрированнаго пункта, на которомъ могъ бы остановиться, и не находя его, начинаешь разсматривать отдѣльныя группы отдѣльныхъ частей, типы и такимъ образомъ общее впечатлѣніе картины неизбѣжно ослабѣваетъ. Но тѣмъ не менѣе, сколько бы недостатковъ мы ни видѣли въ картинѣ «Народное гулянье», она все-таки показываетъ, какой значительный успѣхъ сдѣлалъ молодой художникъ и какимъ серьёзнымъ и самобытнымъ талантомъ обладаетъ г. Маковскій.

Рядомъ съ г. Маковскимъ должны быть поставлены гг. Верещагинъ и Якоби. Оба они только что возвратились изъ Италіи, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что выставленныя ими произведенія посвящены итальянской жизни. Г. Верещагинъ представилъ нѣсколько картинъ, изъ которыхъ мы назовемъ: «Свиданіе заключеннаго съ своимъ семействомъ», «Ночь на Голгоѳѣ» и «Григорія Великаго, наказывающаго нарушеніе монастырскаго устава». Ни одинъ изъ выставившихъ свои произведенія художниковъ, намъ кажется, не обладаетъ такимъ искуснымъ рисункомъ, какъ г. Верещагинъ; тутъ онъ вполнѣ мастеръ своего дѣла и можетъ служить отличнымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ. Онъ увѣренъ въ своей кисти, не любитъ прибѣгать ни къ какимъ эффектамъ, краски его спокойныя, такія именно, какія должны быть. Мы вовсе не прочь были бы даже упрекнуть г. Верещагина въ какой-нибудь утрировкѣ колорита, въ тонѣ, но ничего подобнаго нѣтъ. Мы можетъ быть даже желали бы видѣть какой-нибудь недостатокъ въ этомъ родѣ, потому что опасаемся въ молодомъ художникѣ слишкомъ большой ровности, гладкости, спокойствія, которое замѣчаемъ у г. Верещагина, припоминая французскую пословицу: кто въ 20-ть лѣтъ не былъ молодъ, того въ сорокъ лѣтъ придется повѣсить! Лучшая картина г. Верещагина, безспорно, «Свиданіе заключеннаго съ своимъ семействомъ». Мы не станемъ говорить уже о рисункѣ, общемъ тонѣ картины, свѣжихъ, незамучённыхъ краскахъ, тутъ г. Верещагинъ не терпитъ никакихъ упрековъ; но самая композиція картины, экспрессія дѣйствующихъ лицъ, мысль, все это какъ нельзя болѣе удачно. Человѣка, посаженнаго въ тюрьму, пришла навѣстить жена съ двумя дѣтьми. Человѣкъ этотъ невиненъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, когда смотришь на его унылое, убитое горемъ, но честное лицо. Честность этой

фигуры еще болѣе выдается, благодаря тому, что художникъ сзади показалъ двухъ другихъ заключенныхъ, на физіономіи которыхъ можно прочесть: мошенникъ. Экспрессія главнаго лица, этого невинно-заключеннаго очень хороша. Во всей этой фигурѣ есть удивительная простота, правда, которая невольно притягиваетъ къ себѣ. Еслибы мы во что бы то ни стало захотѣли упрекнуть въ чемъ-нибудь г. Верещагина, то мы, можетъ быть, были вправѣ спросить его, зачѣмъ онъ придалъ своей женской фигурѣ, женѣ заключеннаго, такое идеальное выраженіе лица, которое вноситъ маленькую дисгармонію въ реально-написанную картину. Мы не станемъ упрекать его за маленькаго ребенка, играющаго съ цѣпями, которыя надѣты на ноги отца его, мы не видимъ тутъ ничего утрированнаго; занятіе ребенка естественно какъ нельзя болѣе, онъ не можетъ понять, чтó за игрушку онъ держитъ въ своихъ рукахъ. Въ этомъ нѣтъ и тѣни мелодраматизма. Одинаково хороша фигура и другого ребенка, но уже значительно старшаго, лѣтъ пяти, шести, который тоже не можетъ еще ясно понимать положенія своего отца, но тѣмъ не менѣе по его туманному личику уже видно, что ему кажется нехорошо въ тюрьмѣ, что ему хочется поскорѣе выйти отсюда. Картина эта ставитъ г. Верещагина на ряду съ нашими лучшими мастерами, онъ показалъ въ ней, что онъ не только хорошій техникъ, но что онъ еще и хорошій художникъ. Мало еще умѣть хорошо рисовать или недурно писать, нужно еще умѣть думать, чувствовать, нужно вносить въ то, что видишь, свое творчество, свое вдохновеніе, только тогда живописецъ и достоинъ названія художника. Этого чувства, этой продуманности, которыми такъ отличается разобранная нами картина г. Верещагина, мы уже не замѣтили въ другой его большой картинѣ, изображающей монаховъ въ бѣломъ одѣяніи, присутствующихъ при погребеніи ихъ товарища, который нарушилъ монастырскій уставъ, утаивъ у себя нѣсколько монетъ. Картина эта, хорошо нарисованная, хорошо написанная, уступаетъ многимъ «Свиданію». Г. Верещагинъ отлично совладалъ съ трудностью, которую представляютъ бѣлыя одѣянія; картина его не блѣдна, напротивъ, она колоритна, общій тонъ ея пріятенъ, всѣ лица монаховъ удачно подобраны, хорошо написаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ она оставляетъ того, кто смотритъ на нее, совершенно равнодушнымъ. Картина г. Верещагина «Ночь на Голгоѳѣ» хороша по своему освѣщенію, по общему тону она чрезвычайно симпатична. Въ этомъ ночномъ пейзажѣ есть много чувства, много поэзіи. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о выставленномъ г. Верещагинымъ эскизѣ «Потопъ»; видно по всему, что писавшій его владѣетъ большою фантазіею, энергіею, какою всегда отличается истинный художникъ.

Такимъ художникомъ является хорошо и уже давно знакомый нашей публикѣ г. Якоби; онъ выставилъ нѣсколько картинъ, главнымъ

образомъ изъ итальянской жизни. Лучшею его картиною нельзя не признать «Тарантеллу на зубахъ», въ которой этотъ талантливый художникъ представилъ намъ сцену въ неаполитанской тавернѣ. Большое достоинство этой картины заключается въ ея типичности, въ ея правдѣ, которая бросается въ глаза. Собравшійся народъ въ тавернѣ смотритъ, какъ дѣти и одна молодая дѣвушка танцуютъ тарантеллу. Ихъ окружаютъ мужчины, женщины, впившіеся глазами въ любопытное зрѣлище, и всѣ эти женщины, всѣ эти мужчины типичны какъ нельзя болѣе. Видно, что художникъ не только видѣлъ эту народную жизнь, но что онъ прочувствовалъ ее, понялъ и вѣрно изобразилъ на полотнѣ. Но ничто такъ не хорошо въ этой картинѣ, какъ ея второй планъ, какъ эта улыбающаяся группа мужчинъ, на которую изъ окна падаетъ густой лучъ свѣта. Этотъ лучъ свѣта, эта ярко-освѣщенная группа показываетъ въ г. Якоби не только талантливаго, но и хорошо владѣющаго кистью художника, который не избѣгаетъ эффектовъ, который любитъ щегольнуть своею ловкостью. Задача художника была далеко не легка, малѣйшая фальшь, малѣйшая ошибка — и весь эффектъ этого освѣщенія превратился бы въ какую-то претенціозность и неудачное стремленіе къ оригинальности. Если нельзя не отдать справедливости художнику, что онъ чрезвычайно хорошо подмѣтилъ типы, выраженія, съ большимъ искусствомъ написалъ фонъ картины, и придалъ ей очень пріятный тонъ, то таже справедливость требуетъ замѣтить, что художникъ въ нѣкоторыхъ фигурахъ пренебрегъ рисункомъ, какъ, напр., это бросается въ глаза въ одномъ изъ мальчугановъ, танцующихъ тарантеллу. Но мы уже сказали, что тотъ или другой техническій недостатокъ сплошь и рядомъ пропадаетъ въ общемъ впечатлѣніи картины, какъ это мы и видимъ въ картинѣ г. Якоби, которая должна быть причислена къ самымъ интереснымъ произведеніямъ нынѣшней выставки. Другія его картины несравненно меньше, и не всѣ одинаково удачны. Самою интересною изъ нихъ представляется «Политика послѣ завтрака», въ которую художникъ вложилъ много остроумія и живости. Фигура кардинала, который уснулъ въ креслахъ послѣ плотнаго завтрака, точно также, какъ и фигура его молодого и смазливаго духовника, соединяющаго въ себѣ различныя должности, обѣ онѣ переданы какъ нельзя лучше и отличаются большою законченностью. Художникъ не пренебрегъ тутъ ничѣмъ, всѣ детали, вся обстановка, все до мельчайшихъ подробностей, начиная отъ стола, покрытаго остатками завтрака, и кончая газетою, которую читаетъ молодой секретарь кардинала, все это исполнено очень старательно и вмѣстѣ ловко. Другая картинка, которая привлекаетъ къ себѣ теплотою тона, умно схваченнымъ сюжетомъ, это «Дѣдушкины сказки». Всего двѣ фигурки, старикъ и мальчуганъ, уснувшій у него на колѣняхъ, но онѣ написаны такъ мило, что глазъ какъ-то невольно оста-

навливается на нихъ. Другія его двѣ картины, изъ которыхъ одна совсѣмъ маленькая, «Выходъ изъ Траторіи», другая, побольше—«Модная мать», совсѣмъ не удачны. «Модная мать» поражаетъ какимъ-то холоднымъ тономъ, который такъ несвойственъ нашему крайне даровитому художнику.

Г. Рицциони въ этомъ году выставилъ двѣ картины, изъ которыхъ одна представляетъ собою «Еврея», другая «Квартетъ». Несмотря на то, что г. Рицциони взялъ для своего «Квартета» сюжетъ, отличающійся отъ предъидущихъ его картинъ, мы не нашли ничего новаго въ этой картинѣ относительно прежней манеры его, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Большая добросовѣстность, большая законченность, поражающая зрителя, но переходящая вмѣстѣ съ тѣмъ въ однообразіе и монотонность фотографическихъ снимковъ — вотъ качества, вотъ пороки г. Рицциони, который одинаково равнодушно относится ко всѣмъ элементамъ картины, одинаково заканчиваетъ табакерки, метрономы, и рюмки, и изображаемые имъ типы. Если картинки его въ этомъ году могутъ показаться менѣе интересными, чѣмъ въ прежніе годы, то только потому, что публикѣ могла нѣсколько наскучить его довольно сухая манера. Мы отъ души желаемъ, чтобы г. Рицциони попробовалъ свои силы на произведеніи, гдѣ бы могла, наконецъ, сказаться та артистическая нота, то художественное чувство, котораго осуществленіе мы тщетно искали до сихъ поръ въ его картинкахъ.

Рядомъ съ картинками г. Рицциони мы находимъ произведенія г. Бронникова, который чувствуетъ особенную страсть къ изображенію женскаго тѣла. Изъ выставленныхъ имъ картинъ главное мѣсто занимаетъ «Римскія бани», въ которой мы видимъ въ различныхъ позахъ нѣсколько голыхъ женщинъ, не представляющія, по нашему крайнему мнѣнію, ни особенной красоты, ни особеннаго изящества. Трудно опредѣлить, что̀ заставляетъ г. Бронникова изображать голое женское тѣло; если онъ думаетъ, что въ этомъ скрывается его сила, мы возьмемъ на себя смѣлость завѣрить его, что онъ ошибается. Правда, мы не можемъ не признать, что нѣкоторыя части его картины, какъ напр. мальчикъ, одѣвающій на себя рубашку, двѣ женщины, стоящія на второмъ планѣ, и одна изъ тѣхъ, которыя расположены на переднемъ планѣ картины, не лишены интереса и написаны съ большимъ умѣньемъ и вкусомъ,—тѣмъ не менѣе въ цѣломъ картина г. Бронникова производитъ непріятное впечатлѣніе. Другая его картина «Богомольцы-крестьяне въ церкви св. Петра въ Римѣ» одинаково не особенно удачна. Огромная фигура папскаго лакея, одѣтаго въ красное платье, и поставленная на одномъ планѣ съ крестьянами, непріятно поражаетъ своею утрированною величиною, вмѣсто того, чтобы составлять главный интересъ картины, ея эффектъ, какъ надѣялся на то, безъ со-

мнѣнія, г. Бронниковъ. Но и тутъ, какъ и въ первой картинѣ, есть отдѣльныя фигуры, хорошо написанныя, удачно схваченныя выраженія, но въ цѣломъ она одинаково неинтересна. Болѣе цѣльное впечатлѣніе производитъ его картина «Заключенный патрицій въ темницѣ», которая по тону лучше всѣхъ остальныхъ его произведеній, хотя съ технической стороны «Римскія бани» и имѣютъ надъ нею преимущество.

Рядомъ, если мы не ошибаемся, съ картинами г. Бронникова помѣщена картина г. Брянскаго «Тяжелая минута». Художникъ желалъ изобразить горе молодой матери, которая вынуждена отправить свое дитя въ воспитательный домъ. Онъ нарисовалъ двухъ дѣвочекъ съ грустными личиками, изъ которыхъ одна на рукахъ своихъ держитъ ребенка. И что это за ребенокъ! маленькая кукла и больше ничего. Въ этой картинѣ нѣтъ и намека на композицію, на сочиненіе; г. Брянскій видимо не особенно задумывался какъ бы поинтереснѣе составить свою картину. Извѣстное выраженіе, небольшая доза чувства, которое сказывается въ головкахъ, далеко не искупаетъ ни дурно написанныхъ фигуръ, ни дурной композиціи, ни этой деревянной куклы, которая должна изображать ребенка. Г. Брянскій стоитъ на опасной дорогѣ, и ему очень не трудно скатиться въ пропасть, гдѣ лежитъ уже столько погибшихъ «надеждъ».

Изъ другихъ жанровыхъ картинъ нельзя не обратить вниманіе на произведенія двухъ художниковъ, гг. Корзухина и Маковскаго младшаго. Первый выставилъ небольшую картинку, чрезвычайно пріятную по тону — «Канунъ Рождества», хотя и написанную эскизно; второй, очевидно еще молодой художникъ, но который относится къ своему дѣлу съ большою любовью и добросовѣстностью. Его картина «Крестьянскіе мальчики стерегутъ лошадей», навѣянная на него чтеніемъ въ высшей степени художественнаго разсказа Тургенева «Бѣжинъ Лугъ», обличаетъ въ немъ большую наблюдательность и пытливость. Онъ отыскиваетъ вѣрныя выраженія, правду въ движеніи, и это можетъ служить уже хорошимъ залогомъ для будущаго. Тонъ его картины тяжелъ, краски тусклы, но выраженія, позы нѣкоторыхъ мальчишекъ очень удачны, и этого уже довольно. Г. Маковскій ищетъ, пробуетъ, приглядывается къ природѣ, однимъ словомъ, идетъ по единственной вѣрной дорогѣ, чтобы сдѣлаться современемъ художникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Г. Пелевинъ одинаково подаетъ надежды; въ картинахъ его «Молодая мать», «Дѣтскій завтракъ» есть вкусъ, добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу, тонъ его картинокъ пріятенъ, краски свѣжи, но вотъ и все, что можно про нихъ сказать. Правда, для начинающаго художника, и этого уже не мало.

Изъ портретистовъ мы упомянемъ только гг. Перова и Крамскаго,

изъ пейзажистовъ гг. Дюкера и Шишкина. Портреты г. Перова очень хороши. Это не маски съ живыхъ людей, а дѣйствительно живые люди, художникъ передаетъ не только внѣшнія черты сходства, но старается уловить характеръ, внутренній міръ человѣка, насколько онъ отпечатлѣвается въ выраженіи его лица. Въ его портретахъ такъ много смысла, что можно съ увѣренностью сказать: они должны непремѣнно походить на свой оригиналъ. На одномъ изъ его портретовъ, именно угловомъ, изображена полная фигура, на которой такъ и читаешь распущенность, апатію, преобладаніе чувственныхъ матеріальныхъ элементовъ. Другой портретъ, средній, долженъ быть названъ безспорно лучшимъ изъ трехъ, такъ много въ немъ простоты, правды, жизни. Мы желали бы, можетъ быть, чтобы красный, мясистый колоритъ лица не былъ такъ рѣзокъ, хотя въ дѣйствительности онъ можетъ быть такой именно, какимъ представляется на портретѣ; но природу не всегда можно цѣликомъ переложить на полотно, или по крайней мѣрѣ ее слѣдуетъ согласовать съ общимъ тономъ, въ которомъ написана картина или портретъ. Но повторяемъ, портретъ этотъ можетъ быть названъ художественнымъ произведеніемъ. Въ третьемъ портретѣ есть какой-то лиловатый тонъ, который особенно замѣтенъ, когда смотришь на предъидущій портретъ. Какъ ни хороши портреты г. Перова, мы все-таки не можемъ забыть его жанровыхъ картинокъ, въ которыхъ онъ высказалъ такую глубокую наблюдательность и такое неподдѣльное чувство; мы не хотимъ думать, чтобы нашъ талантливый художникъ покинулъ тотъ родъ живописи, который доставилъ ему такую заслуженную извѣстность. Портреты г. Крамскаго уступаютъ портретамъ г. Перова, хотя въ нихъ мы видимъ точно также большое пониманіе этого рода живописи. Портретъ княгини Васильчиковой написанъ умно; онъ съумѣлъ хорошо сочинить его, т. е. дать хорошую позу, удачное движеніе, въ портретѣ есть характеръ, лицо не безжизненно, во всей фигурѣ художникъ выказалъ большую ловкость. Но отъ портретовъ г. Крамскаго не слѣдуетъ быстро переходить къ портретамъ г. Перова, потому что тогда тотчасъ же дѣлается замѣтнымъ его недостатокъ г. Крамскаго въ отношеніи колорита. Краски его нѣсколько вялы въ нихъ нѣтъ той свѣжести, ясности и живости, отъ которыхъ такъ выигрываютъ портреты г. Перова. Нельзя оставить г. Крамскаго, чтобы не упомянуть о его портретахъ, писанныхъ карандашемъ. Всѣ три выставленные имъ портреты очень хороши, но одинъ изъ нихъ, именно портретъ г. Морозова просто безукоризненъ.

Изъ пейзажистовъ мы назвали гг. Дюкера и Шишкина. Пейзажъ г. Дюкера, изображающій до чрезвычайности грустный и мрачный видъ бѣдной природы Эстляндіи, показываетъ рѣдкую силу, замѣчательное мастерство художника. Земля, камни, усѣявающіе берегъ небольшой рѣченки, написаны такъ, какъ возможно только желать; тутъ

кажется нельзя ничего ни прибавить, ни убавить безъ того, чтобы не испортить того, что исполнено съ такимъ талантомъ. Но въ пейзажѣ г. Дюкера не все имѣетъ такой законченный характеръ, какъ земля и камни, не все написано съ одинаковымъ мастерствомъ. Повиснувшія надъ землею облака нѣсколько тяжелы, тонъ ихъ слѣдовало бы нѣсколько понизить. Точно также лѣвая часть картины могла бы быть исполнена съ бо́льшимъ стараніемъ и внимательностію. Мы не сомнѣваемся, что вода вышла бы у него значительно легче, прозрачнѣе, точно также какъ и кустарникъ, невысокія деревья, раскинувшіяся на пригоркѣ походили бы болѣе на деревья или кустарникъ. Мы не требуемъ отъ г. Дюкера педантической законченности, но и не желаемъ видѣть въ его работѣ какую-то небрежность, которая сказывается въ этомъ кустарникѣ. Тутъ ужъ ровно ничего не написано. Тѣмъ болѣе поражаетъ эта небрежность, когда взглянешь на стоящую рядомъ картину г. Шишкина «Сумерки», исполненную чрезвычайно добросовѣстно и очень талантливо. Солнце садится, высокія деревья не успѣли еще превратиться въ черныя привидѣнія, послѣдніе красные лучи исчезающаго солнца пробиваются черезъ гущу лѣса. Этотъ поэтическій мотивъ переданъ г. Шишкинымъ съ большою правдою, съ вѣрнымъ пониманіемъ природы, безъ всякаго стремленія разсчитывать на эффектъ. Другіе пейзажи г. Шишкина намъ далеко не такъ нравятся, хотя и въ нихъ есть много хорошаго, но какой-то холодный тонъ и несовсѣмъ удачный воздухъ значительно ослабляютъ производимое ими впечатлѣніе. Гдѣ г. Шишкину нельзя сдѣлать никакого упрека, это въ его рисункахъ перомъ. Просто прелесть!

Если изъ картинъ, помѣщающихся въ нашемъ salon d'honneur, мы назовемъ еще двѣ баталическія картины г. Виллевальде «Сраженіе подъ крѣпостью города Карса» и «Атаку подъ Варшавой», къ которымъ, несмотря на то, что онѣ исполнены съ большою добросовѣстностью и даже излишнею законченностью, мы не чувствуемъ ровно никакой симпатіи, да еще одну баталическую картину г. Ковалевскаго, который умѣетъ хорошо писать лошадей, то мы можемъ съ спокойною совѣстью покинуть эту узкую и дурно освѣщенную залу. На хорахъ слѣдуетъ становиться передъ большими рисунками сепіею г. Семирадскаго, изображающими «Сошествіе Спасителя во адъ» и «Разрушеніе Содома», хотя бы только для того, чтобы подивиться съ одной стороны искусству, которымъ владѣетъ художникъ, и съ другой пожалѣть, что онъ не распоряжается своими силами болѣе осмысленно. Чѣмъ больше таланта въ г. Семирадскомъ, тѣмъ живѣе должно быть опасеніе, чтобы онъ не завязъ въ академической рутинѣ, которой онъ принадлежитъ въ настоящую минуту съ головы до ногъ.

Прежде чѣмъ закончить нашъ отчетъ, остановимся на минуту еще въ одной залѣ, гдѣ выставлены акварели, картины, написанныя ма-

сляными красками, но не попавшія въ главную залу, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ произведенія конкуррентовъ на 2-ю золотую медаль. Изъ акварелей главнымъ образомъ на себѣ останавливаютъ вниманіе великолѣпныя акварели г. Верещагина, того самаго, о которомъ мы уже говорили. Одна изъ его самыхъ большихъ акварелей «Католическая процессія въ «Рокко ди-Папа» очень замѣчательна, хотя по силѣ красокъ можетъ быть и уступаетъ другимъ его акварельнымъ видамъ и этюдамъ. Изъ произведеній учениковъ академіи болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія картины гг. Полѣнова и Рѣпина. Въ томъ и другомъ нельзя не признать хорошихъ задатковъ. Можетъ быть, намъ слѣдуетъ въ этой же залѣ остановиться на произведеніяхъ г. Куинджи, чтобы сказать, что какъ онъ ни старается подражать въ своихъ картинахъ «Видъ Исакіевскаго собора при лунномъ освѣщеніи», «Буря на Черномъ морѣ при закатѣ солнца»—манерѣ г. Айвазовскаго, но ему все-таки еще очень далеко до своего идеала. Въ скульптурномъ отдѣленіи мы замѣтимъ только прекрасный бюстъ г. Кочубея, сдѣланный г. Забѣллой и модели двухъ памятниковъ, работы г. Микѣшина. Какъ много вкусу, по нашему мнѣнію, въ проектѣ памятника адмиралу Грейгу, такъ мало его въ другомъ проектѣ памятника Екатеринѣ II.

Мы оканчиваемъ нашъ обзоръ въ надеждѣ, что наши читатели согласятся съ нами, что академическая выставка 1869 года уже не такъ бѣдна, какъ это говорятъ, и что она, можетъ быть, даже богаче, чѣмъ можно было бы надѣяться, судя по тѣмъ условіямъ, при которыхъ работаютъ наши художники. Пусть будутъ улучшены эти условія, улучшатся тогда и наши художественныя выставки; до тѣхъ же поръ мы не можемъ да и не должны претендовать, что русскіе художники не дарятъ насъ капитальными произведеніями.

к. о.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября, 1869.

Земское управленіе и его расходы. — Петербургская городская смѣта на 1870 годъ. — Степень простора земства въ распоряженіи средствами. — Преобразованіе Адресной экспедиціи. — Пріѣздъ Кремьё и еврейскій вопросъ. — Евреи въ новомъ городскомъ положеніи. — Отчетъ о сборѣ на желѣзныхъ дорогахъ. — Проектъ новаго положенія объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Земская гласность наша, какъ извѣстно, сосредоточилась въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о земствѣ представляютъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ подробностями нашего народнаго хозяйства. Но «Правительственный Вѣстникъ» служитъ только литературнымъ сосредоточеніемъ дѣятельности земства въ различныхъ губерніяхъ, и потому изъ его, хотя и подробныхъ, но отрывочныхъ свѣдѣній невозможно составить никакой общей картины, такъ какъ сами губернскія земства въ дѣйствительности не составляютъ никакой общей картины. Отъ времени до времени, мы узнаёмъ, какъ смотритъ, напр., московское земство на вопросъ объ учрежденіи семинаріи для народныхъ учителей, или какъ разсуждало земство рязанское въ послѣднюю сессію объ общественномъ призрѣніи и т. п. Но изъ всѣхъ подобныхъ свѣдѣній никакъ нельзя извлечь общихъ результатовъ работъ земскаго представительства. Внимательный читатель газетъ яснѣе отдаетъ себѣ отчетъ въ результатахъ дѣятельности той или другой сессіи, наприм. французскаго законодательнаго собранія, или англійскаго и прусскаго парламентовъ. Но постараемся, по крайней мѣрѣ подвести итоги дѣйствіямъ отдѣльныхъ земскихъ учрежденій.

Чтó сдѣлали наши земскія учрежденія со времени своего существованія? Сколько провело земство дорогъ, сколько приняло капиталовъ народнаго продовольствія и общественнаго призрѣнія, и чтó оно сдѣлало своею инноціативою, распоряжаясь той частью земскаго сбора, которою оно можетъ распоряжаться по усмотрѣнію? Еслибы у насъ

были прежде въ рукахъ подобныя данныя, то мы могли бы давно уяснить себѣ, что́ такое наши земскія учрежденія въ дѣйствительности. За недостаткомъ же такихъ общихъ свѣдѣній у насъ до сихъ поръ недостаточно было выяснено и значеніе земскихъ учрежденій. Существуетъ даже мнѣніе, что главный результатъ, какого можно ожидать отъ земства въ его нынѣшнихъ предѣлахъ дѣятельности, — скорѣе правственный, чѣмъ матеріальный, скорѣе воспитательный или образовательный, чѣмъ экономическій, однимъ словомъ, что отъ дѣятельности нынѣшняго земства можно ожидать главнымъ образомъ болѣе «цвѣтовъ», нежели «плодовъ» самоуправленія.

Но вотъ недавно оффиціальная газета сообщила нѣчто въ родѣ свода общихъ данныхъ о дѣятельности земства. Это — составленный на основаніи отчетовъ губернаторовъ за 1867—1868 года сравнительный обзоръ земскихъ росписей 27-ми губерній по главнымъ предметамъ земскаго сбора, со свѣдѣніями о числѣ сессій, составѣ, расходахъ на содержаніе земскаго управленія. Изъ этого обзора результатовъ дѣятельности земскихъ учрежденій все-таки не видно цѣлой картины, хотя довольно ясно усматриваются предѣлы, въ которыхъ заключена дѣятельность земства.

Общій итогъ земскаго сбора по 27-ми губерніямъ, о которыхъ собраны эти свѣдѣнія, составляетъ почти 11 милл. рублей. Главный предметъ обложенія, т. е. главный источникъ средствъ земства, представляютъ разумѣется земли; на нихъ изъ 11 милл. р. сбора падаетъ болѣе 7½ милл. р.; второй по важности предметъ обложенія — свидѣтельства, патенты и билеты на право торговли—около 1¼ милл. руб., затѣмъ болѣе ½ милл. взимается съ фабрикъ и заводовъ.

Хотя о дѣятельности земства на основаніи предлежащаго обзора судить нельзя, но можно судить до нѣкоторой степени объ усердіи земскихъ дѣятелей въ исполненіи ими принятыхъ на себя обязанностей. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что все обстоитъ благополучно. Правда, оказывается, что 18 сессій не состоялось «главнымъ образомъ по неприбытію требуемаго закономъ числа гласныхъ» (объясненіе это «Правительственный Вѣстникъ» почему-то напечаталъ съ выносными знаками). Но въ числѣ этихъ 18-ти несостоявшихся сессій было только пять очередныхъ; а 13-ть чрезвычайныхъ если и не состоялись, то только въ первоначально-назначенные сроки, то-есть, нѣкоторыя изъ нихъ открылись, быть можетъ, нѣсколькими днями позже, чѣмъ предполагалось. Это еще не бѣда. Размѣръ обновленія состава земскаго представительства и управленія при выборахъ на второе трехлѣтіе также не представляетъ ничего необыкновеннаго: составъ земскихъ собраній обновился на 65%, но обновленіе это въ довольно незначительной долѣ зависѣло собственно отъ забаллотированія прежнихъ гласныхъ (786 изъ 9,338); составъ губернскихъ управъ

обновился на 56%, а уѣздныхъ — на 69%; наконецъ, изъ 19 прежнихъ предсѣдателей губернскихъ управъ избрано вновь 13, а изъ 238 предсѣдателей управъ уѣздныхъ вновь избрано 116. Такой размѣръ обновленія можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ потому, что не представляетъ ни разочарованія, ни застоя.

Въ новомъ составѣ земскаго представительства нѣсколько усилился элементъ дворянскій, именно возросъ съ 42½% всего числа гласныхъ до 45%, а крестьянскій элементъ нѣсколько уменьшился, впрочемъ незначительно (на 1½%). Уменьшился также элементъ городскихъ сословій; въ особенности же элементъ духовный, послѣдній почти на половину. Усиленіе дворянскаго элемента насчетъ всѣхъ остальныхъ въ составѣ земскаго представительства можетъ быть представленъ намъ также фактомъ удовлетворительнымъ. Въ Пруссіи онъ, конечно, имѣлъ бы реакціонное значеніе, но у насъ нѣтъ никакихъ поводовъ считать дворянское сословіе способнымъ къ какой-либо сословной политикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что число гласныхъ изъ дворянъ усилилось просто подъ вліяніемъ сравнительной его образованности, и этотъ результатъ представляетъ во всякомъ случаѣ то благопріятное свидѣтельство, что у насъ не существуетъ сословнаго недовѣрія и сословнаго антагонизма, который обиженные изъ одного сословія пытались было выдумать.

Но оптимистическое расположеніе наше сейчасъ нѣсколько разстроится: между данными, которыя сообщилъ «Правительственный Вѣстникъ», весьма примѣтное мѣсто занимаетъ сравненіе «стоимости самоуправленія» съ итогомъ всего земскаго сбора. Самый заголовокъ этотъ: «стоимость самоуправленія» какъ будто подсказываетъ мысль, что самоуправленіе обходится не дешево, и при бѣгломъ взглядѣ на цифры сравненія, естественно, представляется именно этотъ, простѣйшій выводъ. Оказывается, что въ средней цифрѣ содержаніе земскихъ учрежденій каждой губерніи составляло *болѣе одной пятой* суммы всего земскаго сбора, приходящагося на каждую губернію. Есть даже такія губерніи, въ которыхъ эта издержка на содержаніе земскихъ управъ съ ихъ канцеляріями составляла почти четверть всего земскаго сбора этихъ губерній; есть и такія, въ которыхъ издержки на земское управленіе составляли только $^1/_7$, $^1/_9$ и даже $^1/_{20}$ суммы земскаго сбора. Послѣдняя цифра относится къ воронежской губерніи.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи элементовъ такого сравненія, изъ него едва ли можно заключить, что такой результатъ долженъ быть отнесенъ къ винѣ земскихъ дѣятелей, къ излишней заботливости ихъ о личномъ обезпеченіи. Отчего въ воронежской губерніи издержки на земское управленіе составляютъ въ сравненіи съ суммою земскаго сбора наименьшую цифру? Оттого ли, что земство этой губерніи особенно безкорыстное, оттого ли, что оно усердіемъ своимъ

увеличило свои средства, оттого ли, однимъ словомъ, что воронежское земство — образцовое въ сравненіи съ другими? Вовсе нѣтъ. Прежде всего замѣтимъ, что сравненіе дѣлается здѣсь съ итогами земскаго сбора съ разныхъ предметовъ обложенія. Но возвышеніе земскаго сбора не вполнѣ зависитъ отъ заботливости земства. Не говоря уже объ ограниченіи правъ земства по обложенію торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ на содержаніе торговыхъ и промышленныхъ заведеній закономъ 21-го ноября 1866 года, замѣтимъ, что вообще возвышеніе налоговъ имѣетъ предѣлы, и никто, конечно, не станетъ утверждать, что земскіе сборы, какъ они существуютъ теперь, вообще слишкомъ легки.

Почему же въ воронежской губерніи на управы съ ихъ канцеляріями издерживается только одна двадцатая часть всего земскаго сбора? Потому, что итогъ земскаго сбора въ воронежской губерніи гораздо значительнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Итогъ земскаго сбора наиболѣе значителенъ въ губерніяхъ владимірской и воронежской; но въ воронежской онъ почти вдвое болѣе чѣмъ даже во владимірской. Когда итогъ земскаго сбора по разнымъ губерніямъ колеблется между цифрами 1,200 т. р. (воронежская губ.) и 98 т. р. (олонецкая), такъ что minimum въ числѣ этихъ итоговъ составляетъ гораздо менѣе одной десятой цифры сбора представляющей maximum, а цифра издержки на земское управленіе колеблется въ предѣлахъ гораздо тѣснѣйшихъ, именно отъ 35½ т. р. до 90½ т. р.,—то мудрено ли, что отношеніе этой издержки къ итогамъ сбора по губерніямъ должно быть весьма различно?

Впрочемъ само собою разумѣется, что издержки на земское управленіе не вполнѣ зависятъ отъ суммы земскаго сбора. Такъ мы насчитываемъ цѣлыхъ десять губерній, — въ томъ числѣ конечно московская и петербургская, — которыя издерживаютъ на земское управленіе болѣе, чѣмъ воронежская губернія, хотя имѣютъ сборъ гораздо меньше. На издержки управленія должны вліять пространство ея и разныя мѣстныя условія, усложняющія дѣятельность управъ, переписку и т. д., кромѣ разности въ мѣстныхъ цѣнахъ на жизненные потребности, и наконецъ — различія взгляда на приличную норму содержанія! Но не забудемъ, что есть все-таки норма содержанія *необходимая*, а въ зависимости отъ нея есть также и *неизбѣжная* сумма общей издержки на управленіе, сумма уже вовсе не зависящая отъ того, сколько получается сбора. Въ 27 губерніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, заключается 289 уѣздовъ. Предположимъ наибольшую экономію, предположимъ, что во всѣхъ уѣздныхъ управахъ находится только по два члена и предсѣдатель, а въ губернскихъ всѣ шестеро членовъ и предсѣдатель. Весь персоналъ управъ будетъ состоять изъ 1056 лицъ. Затѣмъ, допустимъ, что на содержаніе канцеляріи уѣздной управы и

на канцелярскіе припасы достаточно 500 р., (что̀, очевидно, недостаточно), а на канцелярію губернской управы — 1000 р. Если эту канцелярскую сумму 172½ т. [1]) вычтемъ изъ общей издержки на земское управленіе, т.-е., изъ 1.924,651 р., и остатокъ раздѣлимъ на цифру всего персонала земскаго управленія, то на каждаго члена и предсѣдателя управы придется около 1,660 р. Если допустимъ, что въ столицахъ и губернскихъ городахъ предсѣдатели управъ должны получать нѣсколько болѣе этой нормы, то на каждаго члена и придется средняя сумма по 1,500 рублей. Но замѣтимъ, что дѣйствительная средняя цифра оклада членовъ должна быть еще меньше, потому что общая издержка 1.924,651 р., представляетъ среднюю цифру перваго и второго трехлѣтія, а между тѣмъ извѣстно, что на первое трехлѣтіе и въ уѣздныхъ управахъ далеко не ограничивались назначеніемъ всего двухъ членовъ. На второе трехлѣтіе, благодаря именно этой экономіи, сокращено 172 т. р.

Теперь, можно ли сказать, что норма 1,500 р. содержанія свидѣтельствуетъ объ эгоизмѣ земскихъ дѣятелей, о захватѣ ими большихъ окладовъ и проч. и проч., однимъ словомъ о томъ, что не замедлятъ сказать, опираясь на то сравненіе, которое представилъ «Правительственный Вѣстникъ?» Мировой судья въ уѣздѣ получаетъ 1,500 р.; почему же эта норма слишкомъ велика для предсѣдателя или члена уѣздной управы?

Но все-таки, скажутъ намъ, цѣлая пятая часть земскаго сбора идетъ на содержаніе земскаго управленія, и это отношеніе слишкомъ значительное. Съ этимъ мы согласны, но что̀ же это значитъ? Это значитъ, главнымъ образомъ, что *вся цифра земскаго сбора не велика.* По 27 губерніямъ она составляетъ всего 11 милліоновъ рублей; изъ нихъ нѣсколько менѣе 2 милл. р. идутъ на земское управленіе, около 3 милл. 630 т. р. идутъ на содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій. Если затѣмъ вычесть разныя обязательныя повинности, то спрашивается, много ли остается такихъ денегъ, которыми бы земство могло располагать по своему усмотрѣнію? Много ли остается средствъ на улучшенія? Отъ земства ожидали многого. Благодѣяніе земскаго самоуправленія предполагали не въ одной раскладкѣ существовавшихъ повинностей, не въ одномъ поддержаніи въ прежнемъ видѣ мѣстъ призрѣнія, продовольственныхъ запасовъ и дорогъ на переданныя земству средства. Отъ него главнымъ образомъ ожидали *улучшеній.* И что̀ же, оно установило дополнительные сборы и главная часть этихъ сборовъ пошла по необходимости на содержаніе самихъ земскихъ да судебныхъ учрежденій.

Въ какомъ положеніи земство приняло переданные ему капитал и заведенія и много ли оно могло сдѣлать на эти капиталы по ихъ

[1]) Въ дѣйствительности она вчетверо больше.

назначенію—мы не знаемъ. Но мы знаемъ, что издерживать два милліона для того, чтобы нѣсколько иначе чѣмъ прежде распоряжаться сборомъ милліоновъ въ пять, шесть — несовсѣмъ великій результатъ. Нельзя не вывесть заключенія, что предметы вѣдомства, кругъ дѣятельности, а съ ними и средства земства слишкомъ малы. Вотъ почему мы хотя издержку въ два милліона на содержаніе земскихъ учрежденій въ 27 губерніяхъ и признаемъ все-таки полезною, но главную пользу отъ нея мы можемъ ожидать именно только въ смыслѣ *воспитательномъ*.

Если отъ общаго земскаго хозяйства мы перейдемъ къ спеціальному городскому хозяйству Петербурга, то выводъ нашъ о недостаткѣ простора для земскихъ распоряженій и о недостаткѣ средствъ, какими оно можетъ располагать собственно на улучшенія — не только не ослабнетъ, но напротивъ усилится въ значительной степени. При этомъ, мы должны оговориться, что положеніе Петербурга, какъ столицы, разумѣется, налагаетъ на него нѣкоторыя исключительныя условія. Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе наше все-таки не нейтрализуется вполнѣ этою оговоркой, и намъ кажется, что и будучи столичнымъ, петербургское городское управленіе могло бы имѣть нѣсколько больше средствъ собственно *въ своемъ* распоряженіи.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ опубликованъ принятый собраніемъ городской общей думы докладъ финансовой коммиссіи по смѣтѣ на 1870 годъ. Данныя, которыя мы приведемъ, взяты нами изъ этого доклада.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ бюджетѣ города подобнаго Петербургу, должны быть значительные расходы на слѣдующіе предметы: на содержаніе губернаторскаго управленія, управы благочинія, адресной экспедиціи, полиціи, мировыхъ и судебныхъ учрежденій, тюремъ, казармъ и ордонансъ-гауза, на выдачу квартирныхъ денегъ и наемъ квартиръ для воинскихъ лицъ, наконецъ и на пособія постороннимъ вѣдомствамъ; — все это мы назовемъ издержками перваго разряда. Но не это мы обыкновенно разумѣемъ, когда говоримъ о хозяйствѣ города. Подъ такимъ названіемъ мы разумѣемъ обыкновенно городскіе доходы и издержки города собственно для его хозяйственныхъ потребностей, каковы: мощеніе улицъ, чистка каналовъ, гашеніе пожаровъ, освѣщеніе города, перестройка и постройка городскихъ зданій, содержаніе и учрежденіе благотворительныхъ заведеній, содержаніе и учрежденіе школъ, разныя устройства съ санитарною цѣлью и т. п.: это мы назовемъ издержками второго разряда.

Доходы Петербургъ получаетъ самъ изъ себя; на надобности также какъ и на потребности онъ всѣ средства взимаетъ со своихъ жителей, съ ихъ имуществъ, промысловъ и труда, наконецъ, со своихъ оброчныхъ статей. Но какъ вы думаете, сколько изъ его доходовъ идетъ на

расходы перваго разряда и сколько на расходы второго? Мы сдѣлали свой приблизительный бюджетъ по цифрамъ на 1870 годъ, и въ немъ значится на расходы перваго рода 1 мил. 594 тысячь р., а на расходы второго рода 1 мил. $365^1/_2$ тысячи р., затѣмъ 272 т. р. (съ пенсіями) на содержаніе самого городского управленія, и разныхъ (на долги, на мелочи и т. д.) 48 т. р. Такъ примѣрно раздѣляются 3 м. 280 т. р., назначенныхъ по смѣтѣ 1870 года.

Такъ какъ цифра доходовъ Петербурга еще вдвое болѣе противъ цифры земскаго сбора воронежской губерніи, то немудрено, что Петербургу «стоимость самоуправленія» обходится около $^1/_{12}$ части всего его сбора.

Но въ меньшей половинѣ бюджета, которая исчислена нами на хозяйственныя потребности города, городъ самъ далеко еще не волёнъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти половину этой суммы составляютъ расходы строительные, а въ числѣ строительныхъ расходовъ есть и такіе, которые назначены не для зданій, входящихъ собственно въ хозяйство города; цѣлою четвертью входитъ въ туже сумму издержка по содержанію благотворительныхъ учрежденій, которая имѣетъ однажды опредѣленное назначеніе; восьмою частью—содержаніе пожарной команды. Но для того, чтобы опредѣлить силу средствъ остающихся въ распоряженіи города на улучшенія, достаточно будетъ сослаться на нѣкоторые факты. Городъ съ году на годъ отлагаетъ удовлетвореніе нѣкоторыхъ потребностей, которыя дума ежегодно признаетъ необходимыми, какъ напр., за мощеніе нѣкоторыхъ отдаленныхъ улицъ, а между тѣмъ долги его свидѣтельствуютъ о дефицитахъ; городъ Петербургъ беретъ съ губернскаго земства небольшое пособіе, точно такъ, какъ города бѣдныхъ губерній; городъ ходатайствовалъ для прекращенія дефицитовъ о сложеніи съ него повинностей на 200 тысячъ рублей; послѣдовало распоряженіе о сложеніи съ него до 90 т. р., въ томъ числѣ $83^1/_2$ т. р. по содержанію казарменныхъ зданій; «о дальнѣйшемъ же движеніи этого дѣла свѣдѣній въ городскомъ управленіи не имѣется». Между тѣмъ, извѣстно, что сумма на содержаніе полиціи, отпускаемая городомъ, значительно увеличена. Городъ безуспѣшно домогался сбора съ пивоваренія и съ питейной торговли. Городъ ходатайствовалъ также о сокращеніи лежащихъ на немъ издержекъ по управленію начальника губерніи и управы благочинія, и т. д. На нынѣшній годъ, независимо отъ слишкомъ полумилліона р., исчисленныхъ строительною коммиссіею на постройки, она представила смѣты еще почти на полмилліона на неотлагательно-нужныя работы, но къ производству ихъ оказывается невозможнымъ приступить въ 1870 году, единственно по недостатку денежныхъ средствъ. Городъ полагалъ даже отсрочить издержку на уширеніе Полицейскаго моста, но финансовая коммиссія рѣшилась внести въ смѣту эту сумму главнымъ образомъ потому, что

ю техническому освидѣтельствованію мостъ этотъ оказывается въ *крайне ненадежномъ* состояніи, особенно для проѣзда вагоновъ конно-желѣзной дороги (!).

Даже финансовая коммиссія полагала внесть въ смѣту на новыя работы около 216½ т. р., въ составъ 703½ т. р. всей строительной смѣты, но обусловила это слѣдующею меланхолическою оговоркою: изъ работъ, признанныхъ строительною коммиссіею неотлагательно-нужными, «представляется возможнымъ произвести въ 1870 году только нѣкоторыя, наиболѣе необходимыя (наиболѣе необходимыя изъ неотлагательно-нужныхъ), и то, въ такомъ только случаѣ, если со стороны городского общества не встрѣтится препятствія въ затратѣ на сей предметъ почти всего запаснаго капитала.» За отнесеніемъ части строительной издержки на особые капиталы на строительныя работы назначено окончательно 566½ т. руб. и будемъ надѣяться, что ассигнована и сумма для починки того именно моста, по которому въ Петербургѣ наиболѣе ѣздятъ, и который находится въ крайне-ненадежномъ состояніи.

Но мы видимъ также, что финансовая коммиссія внесла въ смѣту 4,000 руб., на капитальныя исправленія въ совсѣмъ новомъ зданіи Рождественской части и потому именно, что «зданіе это построено до такой степени неудовлетворительно, что на приведеніе его въ порядокъ необходимо будетъ затратить еще до 10 тыс. рублей. Мы видѣли также, что въ окончательномъ проектѣ смѣты удовлетворено требованіе г. оберъ-полиціймейстера о надбавкѣ около 3,000 р. къ суммѣ ассигнуемой на содержаніе адресной экспедиціи; между тѣмъ всю эту сумму 17 слишкомъ тысячъ руб. можно было бы вычеркнуть изъ бюджета, если адресная экспедиція останется въ нынѣшнемъ положеніи. Къ чему она служитъ нынѣ? Къ выдачѣ адресныхъ билетовъ. Но полученіе и возобновленіе этихъ билетовъ составляетъ громадное стѣсненіе для тѣхъ 200 тысячъ человѣкъ, которые обязаны запасаться ими. Если необходимо удерживать адресный сборъ, то развѣ онъ не взимался бы гораздо легчайшимъ способомъ, и безъ экспедиціи, простою продажею особыхъ штемпелей разныхъ цѣнъ въ полицейскихъ участкахъ, съ наклейкою этихъ штемпелей на плакаты и другіе паспорты при самой запискѣ ихъ въ обывательскую книгу?

Къ адресной экспедиціи мы возвратимся сейчасъ потому именно, что, какъ видно изъ особаго предположенія, напечатаннаго недавно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», думаютъ дать ей назначеніе болѣе практическое. Но остановимся на минуту послѣ перечисленія того рода фактовъ о земскомъ самоуправленіи, которыми мы быть можетъ утомили читателя. Для чего привели мы ихъ и думали ли мы извлечь изъ нихъ тотъ выводъ, что самоуправленіе наше стоитъ дорого, и пользы не

приноситъ? Нѣтъ, не такова была наша цѣль. Самоуправленіе въ нынѣшнемъ его устройствѣ не возникло въ нашемъ обществѣ исторически-самостоятельно; оно дано обществу, и общество прежде всего должно воспользоваться имъ для самовоспитанія. Указывать же на недостатки, возникающіе изъ тѣсноты круга этого даннаго намъ самоуправленія необходимо потому, что это значитъ указывать, въ какомъ смыслѣ эти недостатки будутъ постепенно устраняемы тѣмъ же путемъ.

Извѣстно, что на адресныхъ билетахъ наниматели дѣлаютъ аттестаціи о службѣ прислуги и имѣютъ также право отказать въ похвальной аттестаціи, что само по себѣ служитъ аттестаціею противоположнаго свойства. Но извѣстно также, что порядокъ этотъ вовсе не достигалъ цѣли: достаточно было выписаться изъ города, вынуть паспортъ, и впослѣдствіи взять другой адресный билетъ, справки же въ самой адресной экспедиціи о прошедшемъ нанимаемаго, то-есть объ аттестаціяхъ полученныхъ имъ въ прежніе годы, была невозможна потому, что, какъ сообщаютъ намъ, экспедиція не имѣла средствъ весть такія книги. Правда и то, что за этимъ экспедиція приносила и пользы мало, а эта двухпаспортная повинность была въ высшей степени тяжела для рабочихъ именно въ смыслѣ повинности натуральной, никому не нужной, въ смыслѣ хлопотъ и потери времени.

Теперь есть предположеніе сдѣлать при адресной экспедиціи настоящую справочную контору по найму прислуги и вмѣстѣ агентство веденія паспортныхъ дѣлъ рабочихъ, которыя чрезъ посредство этого агентства возобновляли бы свои паспорты, что до сихъ поръ, какъ извѣстно, дѣлалось или по почтѣ или при помощи отъѣзжавшихъ на родину земляковъ. Вся эта паспортная и адресно-билетная операція находилась до сихъ поръ въ истинно-дикомъ состояніи, и нельзя не сочувствовать всякой попыткѣ упростить и облегчить ее для рабочихъ, предохранивъ ихъ и отъ штрафовъ, и отъ хлопотъ, и отъ потери времени.

Для контроля надъ прислугою предполагается весть въ экспедиціи алфавитныя книги, изъ которыхъ наниматели могли бы видѣть, сколько разъ въ теченіи службы нанимаемые перемѣняли мѣста и сколько разъ отходили безъ аттестаціи. Экспедиція же, по словесной просьбѣ служащихъ по найму, принимала бы отъ нихъ документы и деньги для выправки новыхъ паспортовъ и сама сносилась бы по этому предмету съ волостными правленіями и т. д. Кромѣ того, ищущій мѣста за 5 коп. могъ бы получить справку о мѣстахъ, а наниматель за 20 коп. справку объ ищущихъ занятій по каждой части. Предполагаются также адресные билеты замѣнить книжками. Мы ничего не можемъ сказать противъ заведенія рабочихъ книжекъ, но полагаемъ, что онѣ не должны имѣть значенія паспортовъ. Паспортъ долженъ быть одинъ, а взносъ

адреснаго сбора легче всего производить при пропискѣ паспорта въ участкѣ, съ наложеніемъ штемпеля.

Во всякомъ случаѣ, соглашаясь, что адресная экспедиція, преобразованная въ справочное бюро и агентство для выправки паспортовъ могла бы быть очень полезна, замѣтимъ, что она, какъ всякая справочная контора, должна содержаться на свои собственныя средства, не обременяя городского бюджета.

Нѣсколько новыхъ фактовъ даютъ намъ поводъ возвратиться къ такъ-называемому еврейскому вопросу. Еврейскій вопросъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ вопросовъ, на которые отвѣтъ давно готовъ въ убѣжденіяхъ просвѣщеннаго всемірнаго общественнаго мнѣнія, и которые остаются вопросами только потому, что есть разстояніе между сознаніемъ общаго принципа и примѣненіемъ его къ дѣлу тамъ, гдѣ онъ встрѣчается съ дѣйствительными или воображаемыми интересами. Доказывать въ настоящее время даже у насъ, что предразсудки противъ евреевъ, имѣющіе корень въ религіозныхъ или національныхъ антипатіяхъ, нераціональны и несправедливы — было бы общимъ мѣстомъ. Мало того, всѣ органы нашей печати, когда имъ случается относиться къ еврейскому вопросу гдѣ-либо за границей, не колеблясь рѣшаютъ его на основаніи общаго принципа равноправности людей; совсѣмъ другое дѣло, когда заходитъ рѣчь о полномъ примѣненіи этого принципа у насъ: тутъ не только со стороны административныхъ лицъ, приверженныхъ къ даннымъ порядкамъ, но и со стороны самой печати, всегда легче поддающейся на доводы чисто-раціональные, слышится колебаніе и являются недовѣрчивыя оговорки. Итакъ, еврейскій вопросъ въ теоріи и у насъ пересталъ быть вопросомъ, но остается вопросомъ на практикѣ потому, что ему противопоставляются ложно понятые интересы. Такъ, по поводу пріѣзда въ Петербургъ г. Кремьё, президента всеобщаго благотворительнаго еврейскаго союза, были тотчасъ высказаны смѣшныя опасенія, что его могутъ принять какъ представителя еврейскаго правительства. Такъ, въ проектъ новаго городского положенія, по слухамъ, проникли мѣры, имѣющія цѣлью предотвратить преобладаніе еврейскаго элемента въ городскихъ управленіяхъ западнаго края. Такъ, наконецъ, и обращаясь къ несравненно болѣе важному, историческому факту, въ нашемъ законодательствѣ до сихъ поръ далеко не осуществленъ принципъ гражданской равноправности евреевъ, не осуществленъ именно благодаря фальшивымъ опасеніямъ, что евреи все захватятъ въ свои руки, и т. п.

Опасенія эти можно свести къ двумъ категоріямъ: одни изъ нихъ основываются на способности евреевъ дѣйствовать скопомъ, общиною; другіе исходятъ просто изъ худо-скрываемыхъ клерикальныхъ и чи-

новныхъ воззрѣній, остающихся еще отъ крѣпостническаго, бюрократическаго, клерикальнаго прошлаго. Опасенія первой категоріи препятствуютъ отмѣнѣ законовъ, стѣсняющихъ свободу мѣстъ пребыванія евреевъ; опасенія послѣдней категоріи закрываютъ евреямъ доступъ во многія профессіи.

Запрещеніе евреямъ жить во всей Россіи за исключеніемъ прямо указанныхъ областей, да и то еще съ мѣстными ограниченіями, представляетъ въ настоящее время нѣчто совершенно-своеобразное, чему нѣтъ подобія въ остальной Европѣ,—представляетъ наше «domestic institution». Нѣкоторыя изъятія изъ общаго закона, воспрещающаго евреямъ постоянное жительство въ великорусскихъ губерніяхъ, были допущены въ теченіи послѣдняго десятилѣтія. Но такія изъятія были допущены только въ видѣ льготъ для нѣкоторыхъ сословій изъ евреевъ, а не для евреевъ вообще. Такъ, купцамъ 1-й гильдіи изъ евреевъ дозволено было постоянное пребываніе и приписка въ городскія сословія по всей Россіи, допущено было жительство евреевъ первыхъ трехъ гильдій въ Николаевѣ и Севастополѣ, жительство евреевъ первыхъ двухъ гильдій въ Кіевѣ, а евреямъ, имѣющимъ ученыя степени и ремесленникамъ, представляющимъ удостовѣреніе о званіи, повсемѣстно въ Россіи, отмѣнены нѣкоторыя ограниченія въ мѣстностяхъ льготныхъ, и т. д.

Почему же допускались изъятія, почему не принято общей мѣры? Вотъ здѣсь мы и встрѣчаемся съ тѣмъ опасеніемъ, что евреи, дѣйствуя скопомъ, все захватятъ въ свои руки. При этомъ забываютъ, что если евреи захватили въ свои руки всю торговлю въ Польшѣ и западномъ краѣ, то потому, что тамъ не образовалось исторически-туземныхъ торговыхъ элементовъ: кто-нибудь долженъ же былъ взяться за торговлю, а кто взялся за нее, тотъ ее и захватилъ. Не наплывъ еврейства погубилъ туземные городскіе элементы, а дурной ходъ исторической жизни польскаго государства. Въ великорусскихъ городахъ, какъ мы уже говорили, евреи встрѣтятъ сильное торговое русское сословіе. Передъ нами примѣры: допущеніе купцовъ 1-й гильдіи изъ евреевъ не отдало въ ихъ руки ни оптовую торговлю, ни заграничную; евреи взялись за учетныя, банкирскія дѣла, то-есть взялись за то, за что не брался прежде почти никто; и такъ они ничего ни у кого не отбили, а создали новую промышленность. Допущеніе евреевъ къ пріѣзду на нѣкоторыя русскія ярмарки нисколько не отдало эти ярмарки въ руки евреевъ.

Но нерѣдко слышимъ мы въ обществѣ, что если допустить въ великорусскія губерніи массу евреевъ, они, при своей способности дѣйствовать скопомъ, захватятъ въ свои руки сельскія сословія, займутся барышничествомъ и опутаютъ крестьянъ долгами. Какъ будто велико-

русскимъ губерніямъ надо дожидаться евреевъ, чтобы въ нихъ установились барышничество, кулачество и дѣйствіе монополистовъ скопомъ. Повѣрьте, что съ нашими кулаками и евреи не много сдѣлаютъ; что касается способности евреевъ замыкаться въ свои кружки и дѣйствовать скопомъ, то не зависитъ ли это явленіе именно отъ того, что всѣ условія гражданскаго быта *загоняли* евреевъ въ эти кружки? Было время, когда и въ христіанской Европѣ торговые города принуждены были вступать въ оборонительные союзы. Чтó означалъ такой скопъ какъ Ганза, особое государство въ разныхъ государствахъ? Онъ означалъ, что въ Европѣ существовало кулачное право. И еврейская замкнутость произошла отъ того, что законодательство относительно ихъ сказывалось кулачнымъ правомъ.

Съ существованіемъ двухмилліонаго еврейскаго населенія мы должны, если бы и не хотѣли, примириться какъ съ фактомъ: ни перекрестить, ни выслать этихъ евреевъ изъ русскихъ предѣловъ мы не имѣемъ возможности, еслибы и признавали за собою право дикаго насилія по отношенію къ части гражданъ. Въ такомъ случаѣ остается одно средство, сдѣлать ихъ вполнѣ солидарными съ русскимъ государствомъ, съ русскими интересами, участниками и дѣятелями русской жизни и русской образованности — не отталкивать ихъ отъ себя, не изолировать ихъ, не поддерживать кагала какимъ-то умѣреннымъ жидоморствомъ. А мы держимъ ихъ взаперти въ томъ огромномъ Гетто, которое называется западнымъ краемъ!

Въ новомъ проектѣ положенія о городскомъ управленіи, какъ слышно, вошли ограниченія числа гласныхъ изъ евреевъ въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, и maximum для нихъ опредѣленъ всего въ одну треть. Итакъ, даже если въ городѣ 9/10 населенія евреи, а христіанъ 1/10, то въ составѣ городской думы христіанъ будетъ 2/3, а евреевъ 1/3: вѣрная система городского представительства! Духъ предубѣжденія, духъ предразсудка у насъ еще такъ силенъ, что онъ можетъ проникать даже въ общія либеральныя мѣры, въ реформы, и мы будемъ удивляться замкнутости евреевъ? Мы упрекаемъ ихъ, что они всегда дѣйствуютъ скопомъ, а сами загоняемъ ихъ въ скопъ, и затѣмъ даже въ отведенномъ для нихъ мѣстѣ отрицаемъ ихъ равноправность — вотъ поистинѣ cercle vicieux самаго очевиднаго свойства.

Если бы евреи не были подвергнуты никакимъ ограниченіямъ, если бы они имѣли, наравнѣ со всѣми гражданами, за исключеніемъ ссыльныхъ, право жить по всей Россіи и вступать во всѣ профессіи, однимъ словомъ, если бы мы не признавали еврейство чѣмъ-то отчужденнымъ и отдѣльнымъ, — въ такомъ случаѣ, естественно, мы были бы вправѣ и не дѣлать ничего въ пользу евреевъ какъ отдѣльной, отчужденной расы. Мы могли бы имъ, напримѣръ, сказать: вамъ

открыта вся Россія, со всѣми ея профессіями и училищами, а стало быть спеціальныхъ еврейскихъ училищъ казна для васъ содержать не должна, то это было бы еще понятно. Но нѣтъ, Россія далеко не вся открыта для евреевъ, и училища русскія если и принимаютъ ихъ, то не даютъ имъ доступа во всѣ профессіи, а между тѣмъ уже идетъ рѣчь о безполезности спеціально-еврейскихъ училищъ. Въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1867 годъ высказана была мысль объ уничтоженіи еврейскихъ училищъ въ новороссійскомъ краѣ, съ распространеніемъ этой мѣры въ разной степени и на весь западный край, т. е. на округа кіевскій, виленскій и дерптскій. Мы жалуемся, что фанатическіе раввины старой школы имѣютъ большое вліяніе на массу еврейскаго населенія благодаря его невѣжеству, и въ тоже время хотимъ уничтожить училища для евреевъ. Говорятъ: евреи въ Новороссіи и теперь нерѣдко вступаютъ въ русскія училища — прекрасно; но это вовсе не доказываетъ безполезности еврейскихъ училищъ. Она можетъ быть доказана только тогда, когда евреи не станутъ поступать въ эти училища.

Евреевъ мы держимъ на окраинѣ потому, что они евреи и въ тоже время, въ этой-то окраинѣ не хотимъ признавать правъ евреевъ на отдѣльность, хотимъ отмѣнить спеціальныя для нихъ школы, не хотимъ признавать ихъ равноправности въ городскомъ управленіи. Однимъ словомъ, за евреемъ мы не признаёмъ правъ русскаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотимъ признать въ немъ и правъ еврея. Еврей долженъ быть солдатомъ, но не можетъ быть генераломъ; еврей долженъ будетъ учиться въ русскомъ училищѣ, но не можетъ быть учителемъ въ русскомъ училищѣ; еврей долженъ платить подати на всѣ потребности государства, но не можетъ жить вездѣ въ государствѣ; еврей долженъ платить въ мѣстностяхъ, гдѣ ему отведено пребываніе, кромѣ общихъ податей, еще спеціальныя, а между тѣмъ тамъ же онъ не будетъ пользоваться равноправностью въ городскомъ управленіи, и спеціальныхъ еврейскихъ школъ имѣть не будетъ.... Вотъ *это-то* и есть еврейскій *вопросъ*. Еврейскій вопросъ состоитъ въ томъ, что у насъ относительно евреевъ держатся особой политики, и что эта политика противорѣчитъ сама себѣ. Не будь этого — и вопроса не будетъ; нѣтъ для евреевъ ни спеціальныхъ ограниченій, ни спеціальныхъ казенныхъ учрежденій — вотъ простое разрѣшеніе вопроса. Но идя противъ логики никакого вопроса разрѣшить нельзя.

Въ утѣшеніе себѣ, мы можемъ сказать развѣ одно, что вездѣ, гдѣ существуетъ еще «еврейскій вопросъ», онъ заключается всегда въ противорѣчіи между правами и обязанностями евреевъ. Такъ, въ Пруссіи, гдѣ принципъ равноправности людей всѣхъ исповѣданій проведенъ въ законодательство уже почти 20 лѣтъ тому назадъ,

евреи однако не допускаются къ занятію судебныхъ мѣстъ, не допускаются и учителями въ народныя школы. И замѣчательная вещь—въ сѣверогерманскомъ союзѣ, на основаніи рѣшенія союзнаго сейма 16 іюня 1868 года, окончательно должны быть отмѣнены всякія ограниченія евреевъ въ государственныхъ правахъ, а въ Пруссіи все еще продолжается относительно евреевъ та административная практика, какую объявили министры прусской нижней палатѣ въ январѣ 1867 года: именно, что евреевъ все-таки не допускаютъ ни на судейскія мѣста, ни на мѣста учителей въ тѣхъ училищахъ, которыя, по словамъ министра фонъ-Мюлера, «имѣютъ спеціально-христіанскій характеръ». А какія же школы не имѣютъ въ управленіе этого министра «спеціально-христіанскаго» по его мысли, т. е. просто клерикальнаго характера? Но впрочемъ, это единственныя ограниченія, какимъ евреи подвержены въ Пруссіи, и какъ они ничтожны въ сравненіи съ дѣйствующими у насъ! А между тѣмъ, если кто могъ съ бо́льшимъ основаніемъ опасаться «еврейскаго вопроса», то ужъ конечно Пруссія, а не Россія: въ Пруссіи евреевъ 500 т. человѣкъ на 19½ милл. жителей; у насъ ихъ около 2 милл.—на 79 милл. населенія.

Пожелаемъ, чтобы собраніе депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, созванное начальникомъ сѣверозападнаго края и засѣдающее въ настоящее время, произвело результатъ не въ смыслѣ только обсужденія какого-нибудь коробочнаго сбора, но и въ смыслѣ доставленія правительству данныхъ для раціональнаго рѣшенія еврейскаго вопроса у насъ, и прежде всего конечно, для устраненія той неравноправности, которая, по слухамъ, была занесена въ проектъ новаго положенія о составѣ городскихъ управленій.

Почти нѣтъ мѣсяца, въ которомъ мы не побуждались бы какимъ-нибудь новымъ обстоятельствомъ коснуться нашего желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ настоящее время мы имѣемъ предъ глазами оффиціальныя свѣдѣнія о сборѣ на желѣзныхъ дорогахъ за первые пять мѣсяцевъ этого года и—внесенный въ совѣтъ министерства путей сообщенія проектъ «положенія» объ эксплуатаціи паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Отчетъ о денежныхъ результатахъ дѣйствія нашихъ желѣзныхъ дорогъ поддерживаетъ хорошія ожиданія. Общій результатъ сравненія показываетъ, что за время съ 1-го января по 31-е мая въ 1869 году поступило валового дохода почти 26 милл. рублей, между тѣмъ, какъ въ прошломъ году за то же время валового дохода было только съ небольшимъ 19 милл. рублей. Въ прошломъ году въ эксплуатаціи находилось 5,320 верстъ, въ настоящемъ—6,450 верстъ. Но самый лучшій результатъ, котораго мы не будемъ приводить въ цифрахъ,—тотъ, что въ нынѣшнемъ году увеличилась не только сумма сбора соотвѣт-

ственно расширенію эксплуатируемой сѣти, но и цифра средняго поверстнаго сбора значительно возвысилась.

Проектъ положенія объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ выработанъ особымъ комитетомъ, учрежденнымъ въ 1863 году. Оно содержитъ въ себѣ техническія правила желѣзно-дорожнаго движенія, постановленія относительно подчиненности лицъ, служащихъ на линіяхъ правительственныхъ и частныхъ, мѣры предосторожности, указанія на общія постановленія относительно судебныхъ взысканій и т. д. Техническая часть проекта не подлежитъ нашему разбору. Замѣтимъ только, что нельзя достаточно настаивать на имѣніи компаніями въ готовности достаточнаго для безостановочнаго движенія товаровъ подвижного состава. Оговорка проекта въ этомъ отношеніи слишкомъ обща и неопредѣленна. Не слѣдовало ли бы подчинить нѣкоторой обязательной нормѣ подвижной составъ по каждой линіи, съ тѣмъ собственно, что въ случаяхъ, если произойдетъ остановка въ движеніи по недостаточности подвижного состава сравнительно съ этою нормою, то управленія обязаны вознаграждать отправителей грузовъ за весь ущербъ отъ просрочки? Что касается отношеній правительственной власти къ управленіямъ частныхъ дорогъ и отношеній этихъ управленій къ публикѣ, нельзя не замѣтить, что проектъ заходитъ мѣстами слишкомъ далеко въ своей попечительности.

Мы первые готовы ратовать за всякое усиленіе правительственнаго контроля на частныхъ дорогахъ во всемъ томъ, что касается безопасности пассажировъ и первоначальныхъ удобствъ для публики, но распространеніе правительственнаго контроля на подробности, постороннія движенію, считаемъ лишнимъ. Кромѣ того, мы не можемъ не признать неумѣстнымъ всякое расширеніе власти желѣзно-дорожныхъ управленій, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ, на публику въ смыслѣ дисциплинарномъ, все, что идетъ далѣе попеченія объ охраненіи или возстановленіи порядка на поѣздахъ и станціяхъ: желѣзно-дорожныя управленія должны быть хозяевами на своихъ линіяхъ, но не начальствомъ для публики: хозяевамъ же должно принадлежать право поддерживать порядокъ у себя дома, и возстановлять его въ случаяхъ нарушенія; но затѣмъ, относительно нарушителей имъ можетъ принадлежать только право жалобы, и ничего болѣе.

Примѣнимъ эти замѣчанія къ нѣкоторымъ частностямъ проекта, допустивъ сперва за доказанное, что собственно безопасность движенія технической частью проекта обусловливается удовлетворительно. Намъ кажется, что постановленія относительно внутренняго устройства вагоновъ могли бы быть нѣсколько опредѣлительнѣе; особенно относительно вагоновъ 3-го класса въ проектѣ сказано очень мало. Между тѣмъ, о нихъ-то болѣе всего и слѣдуетъ озаботиться. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что забота объ удобствѣ мѣстъ болѣе дорогихъ лежитъ въ интересахъ самихъ компаній; но въ ихъ же интересѣ лежитъ и то, чтобы вагоны съ мѣстами дешевыми не были особенно удобны: причина тому очевидна. Старые служивые Николаевской дороги навѣрное еще помнятъ, какъ въ первый годъ «дешевую» публику возили въ самое холодное время въ открытыхъ вагонахъ, съ чисто-финансовою цѣлью, которую безцеремонно высказывалъ въ то время одинъ, нынѣ уже покойный, начальникъ. Такая возможность въ настоящемъ проектѣ предусмотрѣна и отстраняется. Но кромѣ постановленія, что въ лѣтнее время вагоны третьяго класса могутъ быть открытые, о нихъ ничего болѣе не сказано, и все попеченіе проекта обращено на вагоны первыхъ двухъ классовъ. Не сказано даже положительно, что въ холодное (не только зимнее) время и именно въ такіе-то мѣсяцы вагоны 3-го класса непремѣнно должны быть крытые. Есть общія постановленія о minimum пространства для пассажировъ во всѣхъ вагонахъ, объ обязательности въ вагонахъ оконъ, скамеекъ со спинками, потомъ, чтобы пассажировъ не помѣщали болѣе положеннаго числа и т. п. Но почему бы не опредѣлить наименьшую ширину сидѣнья, наименьшее число оконъ и величину ихъ, не потребовать, чтобы внутри каждаго вагона былъ ярлыкъ съ установленнымъ числомъ пассажировъ и т. п.? Вспомните, какъ перевозили «дешевую» публику въ очень недавнее время здѣсь, подъ рукою — изъ Царскаго Села: скамейки шириною вершка въ три, два маленькіе окошка на каждой сторонѣ, прорубленныя выше головы, и т. д., однимъ словомъ, все въ томъ родѣ, какъ возятъ скотъ.

Проектъ вполнѣ основательно сохраняетъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министерства путей сообщенія устройство предохранительныхъ заставъ при пересѣченіяхъ желѣзныхъ путей съ иными дорогами; повторяемъ, что во всемъ, что касается безопасности, правительственный контроль не можетъ быть достаточно строгъ и хотя бы придирчивъ. Но что за необходимость подчинять разрѣшенію министерства уставы пенсіонныхъ и вспомогательныхъ кассъ при желѣзныхъ дорогахъ и даже форму одежды для служащихъ при частныхъ дорогахъ и «знаки показывающіе родъ ихъ службы?» Затѣмъ, подлежатъ тщательному пересмотру проекты дополненій къ общимъ судебнымъ уставамъ, относительно проступковъ на желѣзныхъ дорогахъ. Такъ, напр., необходимо объяснить, къ чему относится примѣчаніе, помѣщенное въ концѣ IX главы: въ этомъ примѣчаніи предоставляется управленіямъ желѣзныхъ дорогъ не только казенныхъ, но и частныхъ, правъ разбирательства нѣкоторыхъ дѣлъ административнымъ порядкомъ. Если это примѣчаніе относится только къ послѣдней статьѣ, говорящей о взысканіи штрафа съ виновныхъ въ производствѣ какой-

нибудь торговли въ разносъ на станціяхъ, безъ разрѣшенія управленій, но и это уже — странно; если же примѣчаніе это относится ко всѣмъ предъидущимъ статьямъ главы, въ томъ числѣ и къ наложенію взысканій на пассажировъ и посѣтителей дорогъ за нарушеніе порядка и правилъ — то это было бы ни съ чѣмъ несообразно, и мы склонны думать, что этого не предполагается. Управленіямъ дорогъ по отношенію къ лицамъ постороннимъ дорогѣ можетъ принадлежать только одно—право жалобы въ общемъ порядкѣ, не административномъ, а судебномъ.

Нельзя не пожалѣть также, что въ нынѣшнемъ проектѣ не дѣлается обязательнымъ при соединеніи къ товарнымъ поѣздамъ хотя бы одного пассажирскаго вагона: это представляетъ большое удобство для сообщенія между близкими станціями, но желѣзнодорожныя управленія не допускаютъ его по той же заботливости, о которой мы говорили выше, т.-е., по нежеланію доставлять удобства дешевому пассажирскому движенію; смѣшанные поѣзды угрожаютъ конкурренціею чисто-пассажирскимъ, такъ какъ въ смѣшанныхъ цѣны должны быть ниже. Необходимо поискать удовлетворительный для всѣхъ сторонъ средній терминъ въ этомъ отношеніи; за-границею онъ давно отысканъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября 1869.

Правительство и партіи во Франціи.—26-е октября и манифестъ оппозиціи.— Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Стачка рабочихъ.—Религіозное движеніе во Франціи и Германіи.—Открытіе парламентовъ въ Германіи.—Австрія и Пруссія: ихъ солиженіе.—Министерскій кризисъ въ Италіи.—Испанскія дѣла.— Суэцскій каналъ.

Положеніе дѣлъ во Франціи представляетъ богатую почву для людей, любящихъ предаваться политическимъ пророчествамъ, но для истинныхъ успѣховъ народной жизни такая почва невыгодна. Судьба правительства связана съ самымъ случайнымъ обстоятельствомъ — съ вопросомъ о жизни одного человѣка, пораженнаго смертельною болѣзнью; дѣйствія оппозиціи и крайнихъ партій обусловлены тѣмъ же фактомъ, стоящимъ внѣ человѣческихъ разсчетовъ. Неудивительно послѣ того, что будущее Франціи является въ формѣ различныхъ предположеній, внушаемыхъ не сущностью дѣла, а личными видами партій и ихъ склонностями. Для постороннихъ наблюдателей это будущее слагается на основаніи историческихъ данныхъ въ прошедшемъ Франціи, а какихъ выводовъ нельзя сдѣлать изъ этого прошедшаго?! Одни утверждаютъ, что вся кажущаяся буря ничего не доказываетъ, кромѣ силы существующаго правительства, что поэтому во Франціи ожидать ничего особаго не слѣдуетъ, что все обойдется благополучно, и что какъ спокойно исчезнетъ съ исторической сцены Наполеонъ III, такъ спокойно же вступитъ на нее Наполеонъ IV. Другіе, склонные напротивъ къ пессимизму, увѣряютъ, что волненіе это печальнымъ образомъ окончится для французской націи: Наполеонъ III подавитъ радикаловъ съ помощью своей арміи, и что новое возстаніе будетъ имѣть своимъ результатомъ новое 2-е декабря, послѣ чего для Франціи наступитъ опять страшная эпоха летаргическаго сна. Третьи, наконецъ, не мирятся ни съ той, ни съ другой перспективою, и призывая на помощь фантазію, полагаютъ, что Напо-

леонъ III былъ послѣднимъ бѣдствіемъ во Франціи, и стóитъ только дождаться его смерти, и тогда наступятъ сами собою золотые дни. Съ этой точки зрѣнія, нѣтъ болѣе счастливой страны, какъ Франція: смерть одного человѣка, и безъ того находящагося на краю гроба, дастъ ей то, что другимъ націямъ достается путемъ борьбы, труда и усиленнаго развитія моральныхъ и экономическихъ силъ.

Оставляя въ сторонѣ политическія гаданія, мы предпочитаемъ ограничиться группировкою тѣхъ событій, которыми ознаменовался новый фазисъ борьбы французскаго правительства съ партіями, начавшійся съ 26-го (14-го) октября, — день, котораго ожидали одни съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, другіе съ любопытствомъ. Правительство попрежнему остается въ ролѣ сфинкса, и перемѣна только въ томъ, что вопросъ: когда будетъ собранъ законодательный корпусъ? — упраздненъ декретомъ о собраніи депутатовъ (17-го) 29-го ноября, а ожиданія (14-го) 26-го октября были разсѣяны манифестомъ оппозиціи.

Мы имѣли уже случай говорить о томъ, что срокъ созванія законодательнаго корпуса возбудилъ сильное движеніе въ прессѣ, которое увеличилось еще болѣе, когда депутатъ Кератри объявилъ, что будетъ ли декретъ о созваніи законодательнаго корпуса или не будетъ, онъ явится на свое мѣсто 26-го октября, такъ какъ въ этотъ день истекаетъ шестимѣсячный, по конституціи 1852 г., срокъ со времени распущенія предшествовавшей палаты. Вопросъ о томъ, нарушитъ ли правительство конституцію, если не соберетъ къ этому времени палаты, или не нарушитъ, былъ поставленъ; одни говорили «да», другіе, стоявшіе на сторонѣ правительства, отвѣчали «нѣтъ», ссылаясь на то, что палата уже созвана была въ іюнѣ, и что экстренная сессія, продолжавшаяся двѣ недѣли, освобождаетъ правительство отъ всякихъ обязательствъ созвать палату къ требуемому оппозиціею сроку. Несмотря на такое заявленіе, которое появилось во всѣхъ правительственныхъ органахъ, нѣсколько человѣкъ присоединились къ мнѣнію Кератри и объявили, что 26-го октября они будутъ на своихъ мѣстахъ. 26-е число, думали, будетъ грознымъ числомъ, когда сцена: le serment du jeu de paume могла еще разъ повториться въ исторіи Франціи. Трудно сомнѣваться, что если бы вся крайняя лѣвая сторона и та партія 116-ти, которая подписала въ іюлѣ мѣсяцѣ запросъ правительству, присоединилась къ предложенію Кератри, чтобы тогда правительство рѣшилось сопротивляться всеобщему требованію. Но разсужденія, основанныя на *бы* не подвигаютъ мысли впередъ. Предъ нами тотъ несомнѣнный фактъ, что депутаты всѣхъ оттѣнковъ медлили, одни не считая нужнымъ заступаться за вѣрное исполненіе конституціи, которую они никогда не хотѣли признавать, другіе, опасаясь, что предложеніе Кератри, еслибы правительство захотѣло сопро-

тивляться, вызоветъ возстаніе и прорветъ революціонную плотину. Правительство воспользовалось неурядицею среди легальнаго оппозиціоннаго лагеря, чтобы доставить себѣ удовольствіе бравировать мнѣніе оппозиціи, которое желало скорѣйшаго созванія палаты. Мы не станемъ говорить о томъ, насколько разумна была такая бравада, но не доказываетъ ли она, что сила личнаго правительства основана не на себѣ самой, а на печальномъ положеніи оппозиціи, которая, не одержавъ верха надъ противникомъ, сама распадается въ своихъ взглядахъ, и интересахъ, какъ то случилось во Франціи. Хотя правительство и бравировало общественное мнѣніе, но оно выказало также свои опасенія. Оно не согласилось созвать палату къ 26 октябрю, но поспѣшило тѣмъ не менѣе опредѣлить срокъ собранія, чего прежде напрасно требовали отъ него. Какъ ни мало было общаго согласія среди депутатовъ, но когда дѣло пошло о томъ, чтобы присоединиться къ предложенію графа Кератри, и рѣшить вопросъ: быть или не быть взрыву 26-го октября, всѣ депутаты, всѣ партіи, всѣ какъ умѣренно-либеральные, такъ и радикальные органы прониклись однимъ убѣжденіемъ, что въ этотъ день не должно быть никакого столкновенія, что правительству не должна быть предоставлена выгода легкой уличной побѣды, къ которой оно имѣло все время приготовиться. Только самый маленькій кружокъ, полный нетерпѣнія, желалъ воспользоваться волненіемъ, вызваннымъ Кератри, чтобы завязать уличную борьбу. Кератри, убѣдившись, что предложеніе его болѣе неумѣстно, и довольный тѣмъ, что принудилъ правительство назначить срокъ собранія, принялъ его назадъ и присоединился къ тѣмъ, которые рѣшились не сводить борьбу съ правительствомъ съ легальной почвы. Вмѣсто предложенія Кератри явилось другое предложеніе одного изъ новыхъ парижскихъ депутатовъ, именно Жюля Ферри, который обратился ко всѣмъ оппозиціоннымъ депутатамъ, призывая ихъ поспѣшить въ Парижъ, чтобы среди настоящихъ критическихъ обстоятельствъ установить свою программу дѣйствій. Большинство депутатовъ лѣвой стороны возвратилось къ своему посту, но нужно сознаться, что они оказались мало способными захватить движеніе въ свои руки. Если правительство дѣлаетъ всевозможное, чтобы возбудить противъ себя массы и довести до кровавой развязки натянутое положеніе, то депутаты законодательнаго корпуса, и главнымъ образомъ лѣвой стороны, на которыхъ лежитъ обязанность направлять движеніе и стягивать его главныя нити въ свои руки, до сихъ поръ дѣйствуютъ крайне неудачно, и своимъ поведеніемъ рискуютъ утратить то вліяніе, которое доставлено имъ было послѣдними выборами. Между правительствомъ и оппозиціею точно идетъ состязаніе, кто изъ нихъ надѣлаетъ болѣе ошибокъ, и нужно сказать, что до сихъ поръ обѣ стороны не уступаютъ другъ другу. Отъ депутатовъ лѣвой стороны, послѣ того, что они отказались, и отказались весьма разумно отъ манифестаціи 26-го

октября, всѣ ожидали, что они обнародуютъ свою програму дѣйствій, что они укажутъ на ту роль, которую они намѣрены выполнить при открытіи законодательнаго корпуса. Вмѣсто подобной програмы, они, собравшись въ Парижѣ, выпустили манифестъ, въ которомъ объясняютъ только причины, которыя удержали ихъ отъ демонстраціи 26-го октября. «Мы не имѣли права, говорится въ этомъ манифестѣ, бросать на удачу судьбу возрождающейся свободы. Когда большая революція, революція мирная уже началась, когда съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе ея неизбѣжная развязка, было бы неблагоразумно доставить правительству какой бы то ни было предлогъ почерпнуть въ возмущеніи новыя силы». Все это очень хорошо, могутъ возразить и возражаютъ на самомъ дѣлѣ депутатамъ, что вы не хотите рисковать, въ невѣрномъ бою, судьбою свободы, но что же, все-таки, вы намѣрены дѣлать? Неужели въ то время, когда народъ изо всѣхъ силъ стремится окончательно сбросить съ себя послѣднія сѣти личнаго правленія, лучшее, что́ могутъ дѣлать его представители—это сидѣть сложа руки и ждать у моря погоды? На это въ манифестѣ лѣвой стороны нѣтъ отвѣта, кромѣ фразы, гдѣ говорится, что «когда откроется слѣдующая сессія, мы потребуемъ у правительства отчета за это новое оскорбленіе націи. Новое оскорбленіе заключается въ томъ, что правительство не уступило общественному мнѣнію, которое впрочемъ не было выражено очень сильно, чтобы законодательный корпусъ былъ созванъ до 26-го октября. Разумѣется, въ этой фразѣ: «мы потребуемъ отчета въ этомъ новомъ оскорбленіи націи», заключается также извѣстная доля силы, но не въ такой странѣ, гдѣ мысль о возможности coup d'état занимаетъ всѣхъ и каждаго.

Вотъ почему такими фразами больше никого нельзя прельстить во Франціи, такія фразы тамъ только возбуждаютъ негодованіе или насмѣшку. Трудно, однако, не признать въ этомъ недовольствѣ крайними депутатами лѣвой стороны многознаменательнаго симптома. Жаръ слишкомъ великъ, нетерпѣніе одолѣваетъ. Благоразумно — такъ говорятъ теперь—сдѣлали депутаты, что воздержались отъ 26-го октября, но будетъ ли дальнѣйшее ихъ воздержаніе разсматриваться, какъ благоразуміе. Если нетерпѣніе и недовольство депутатами лѣвой стороны сказывается иногда въ слишкомъ рѣзкой формѣ, какъ сказалось, напр., въ одномъ печальномъ собраніи, гдѣ Жюль Симонъ, Пельтанъ, Бансель и Ферри подверглись оскорбительнымъ для нихъ выходкамъ за то только, что они думаютъ, что не наступило время выходить на площадь съ призывомъ къ возстанію, то оно слышится и въ ропотѣ умѣренныхъ людей, опасающихся, чтобы депутаты лѣвой стороны окончательно не утратили всякаго вліянія на общественное мнѣніе. Не только въ радикальной прессѣ раздаются голоса, приглашающіе этихъ депутатовъ дѣйствовать болѣе рѣшительно въ политическомъ смыслѣ,

они стали получать совѣты въ томъ же родѣ и отъ людей, которые давно уже удалились съ политической сцены. Викторъ Гюго, который, вмѣстѣ со всѣми передовыми людьми Франціи, настаивалъ, чтобы 26-го октября не было никакой уличной демонстраціи, сдѣлалъ предложеніе, чтобы депутаты лѣвой стороны открыто провозгласили, что они не признаютъ никакой присяги на вѣрность имперіи — предложеніе разумѣется не особенно важное, такъ какъ и безъ того уже никто изъ депутатовъ лѣвой стороны не смотрѣлъ на нее серьёзно. Другой добровольный эмигрантъ, къ голосу котораго всегда относятся съ уваженіемъ во Франціи, именно Эдгаръ Кинэ, точно также обратился къ депутатамъ лѣвой стороны со словами: «если вы отказываетесь отъ дѣйствія на публичной площади, то это тѣмъ болѣе васъ обязываетъ сдѣлать большой шагъ впередъ. Руки могутъ не дѣйствовать, подъ однимъ условіемъ, чтобы дѣйствовали головы». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лѣвая сторона можетъ наконецъ послушать этихъ совѣтовъ и выказать себя болѣе способною и рѣшительною, чтобы не окончательно выпустить движеніе изъ своихъ рукъ. Если не только tiers-parti, т.-е. тѣ 116 депутатовъ, которые подписали знаменитую интерпелляцію, но даже и ничтожная правительственная партія, въ собраніи которой всего оказалось двѣнадцать человѣкъ, шевелятся, дѣйствуютъ, составляютъ свои программы, то какъ можетъ оставаться сложа руки лѣвая сторона, на которую направлены всѣ взгляды. Въ частномъ собраніи, происходившемъ на-дняхъ у Жюля Фавра, разсматривались проекты законовъ, которые должны быть предложены, какъ только откроется законодательный корпусъ. Среди требуемыхъ новыхъ законовъ есть такіе, которые, если только они получатъ осуществленіе, прекратятъ существующую монархическую форму правленія въ чисто-республиканскую. На первый планъ депутаты лѣвой стороны выставляютъ проекты новаго избирательнаго закона, закона о томъ, чтобы отнять у правительственнаго произвола право созванія, отсрочки и распущенія палаты, закона о дѣйствительной отвѣтственности всѣхъ отправляющихъ какія бы то ни было общественныя должности, въ томъ числѣ и должности главы государства, закона о томъ, чтобы у исполнительной власти было отнято важное право войны и мира, и наконецъ новаго закона, которымъ отмѣнялась бы для депутатовъ необходимость присяги. Конечно, мало еще выставить извѣстную программу, главное — съумѣть принудить правительство принять ее, дать ей возможность осуществиться — только подъ этимъ условіемъ лѣвая сторона въ состояніи будетъ сохранить свое вліяніе. Многіе органы умѣренно-либеральной партіи говорятъ: «оставьте правительство дѣйствовать какъ ему угодно; оно неизбѣжно должно будетъ рушиться въ силу собственной своей порчи и гнилости. «До сихъ поръ лѣвая сторона болѣе или менѣе держалась этого мнѣнія; теперь она, кажется, начинаетъ

понимать, что «ложъ, насиліе и несправедливость, какъ выразился Луи Бланъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ изъ Англіи, никогда не сдаются добровольно», всегда эти орудія насилія должны быть вырываемы съ боя. Но какими средствами долженъ быть веденъ этотъ бой? Наполеонъ III имѣетъ въ своей арміи ultima ratio; оппозиціи предстоитъ доказать, что ея ultima ratio составляетъ вѣра въ качества французской націи, которыя не такъ преходящи, какъ изобрѣтеніе Шаспó. Рѣшительность лѣвой сторонѣ тѣмъ болѣе необходима, что депутаты tiers-parti, эти извѣстные 116, вовсе не желаютъ стереться передъ правительствомъ; напротивъ, ободренные успѣхомъ своей іюньской интерпелляціи, они хотятъ удержать за собою иниціативу умѣренно-либеральнаго движенія впередъ. Весьма вѣроятно, что теперь, когда 26-е октября прошло совершенно спокойно, какъ требовали того всѣ партіи, и когда правительство осталось только при своихъ грозныхъ приготовленіяхъ, депутаты средней партіи осуществятъ свое желаніе представить правительству новый запросъ, въ которомъ выражено было бы требованіе, чтобы законодательный корпусъ былъ созванъ ранѣе чѣмъ 29-го ноября. Согласится правительство или нѣтъ на такое требованіе, оно во всякомъ случаѣ выиграетъ немного, такъ какъ подобная уступка не можетъ изгладить того дурного и крайне невыгоднаго для него впечатлѣнія, которое произведено было этою неумѣстною бравадою,—декретомъ о созваніи палаты на конецъ ноября. Мудрость правительства состоитъ именно въ томъ, чтобы всегда быть готовымъ къ либеральнымъ уступкамъ, когда того требуетъ общественное мнѣніе, свободно высказывающееся въ прессѣ и на публичныхъ собраніяхъ. Но этой-то мудрости и недостаетъ современному французскому правительству.

Испытывая въ вопросахъ чисто-политическихъ неудачу за неудачей, вторая имперія не можетъ похвастаться, чтобы она была особенно счастлива въ своемъ вмѣшательствѣ въ тѣ соціальныя столкновенія, которыя въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ два раза уже заставили цѣлую Францію содрогнуться при видѣ кровавой картины. Въ іюнѣ мѣсяцѣ стачка рабочихъ каменно-угольныхъ копей въ Рикамари, привела къ столкновенію между рабочими и военною силою, которая тогда въ первый разъ попробовала на французахъ и свое новое вооруженіе. Нѣсколько убитыхъ и раненыхъ оказалось въ результатѣ этого столкновенія. Таже самая сцена, и одинаково въ бассейнѣ Лоары, повторилась на каменно-угольныхъ копяхъ Обена, гдѣ произошла стачка рабочихъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ. Со стороны рабочихъ были сдѣланы насилія, власти поторопились призвать вооруженную силу, которая, увидѣвъ себя въ оборонительномъ положеніи, послушалась голоса офицера, который крикнулъ только: «защищайтесь». Въ ту самую минуту, когда раздалось это слово, раздались и выстрѣлы Шаспо, ко-

торыя на мѣстѣ положили четырнадцать человѣкъ, и оставили тяжело ранеными болѣе двадцати человѣкъ. Среди убитыхъ и раненыхъ находились женщины и дѣти. Событіе это произвело самое тяжелое впечатлѣніе, потому что близость Рикамари и Обена показала только одно, что стрѣльба въ безоружныхъ, убійства невинныхъ не могутъ остановить подобныхъ столкновеній, которыя черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю снова могутъ повториться. И что же тогда? спрашиваетъ общественное мнѣніе, неужели снова, обращается оно къ правительству, вы выставите вооруженную силу и опять удовлетворитесь тѣмъ, что положите на мѣстѣ двадцать, тридцать человѣкъ? Плохо такое средство успокоивать движеніе, которое такимъ способомъ, какимъ дѣйствуетъ правительство, не только не будетъ предупреждено на будущее время, но скорѣе произведетъ еще больше раздраженія въ средѣ рабочихъ классовъ. Рядомъ съ этими крупными стачками, которыя оканчивались стрѣльбою, идутъ другія, менѣе грозныя, но тѣмъ не менѣе достаточно серьёзныя, чтобы еще болѣе запутывать и безъ того натянутое положеніе страны и правительства, упорно преслѣдующаго одни династическіе интересы. О Наполеонѣ III скажетъ исторія то, что она сказала о Цезарѣ Борджіа: «онъ все предвидѣлъ, кромѣ смерти».

Къ политическимъ и соціальнымъ столкновеніямъ во Франціи, въ послѣднее время присоединились и религіозные вопросы, близко касающіеся смутныхъ понятій, которыя господствуютъ въ политикѣ. Эти религіозные вопросы были вызваны случаемъ, но случаемъ непріятнымъ для правительственныхъ цѣлей, такъ какъ онъ не останется безъ вліянія на значительную часть французскаго общества, въ большинствѣ преданнаго съ фанатизмомъ католичеству. Мы говоримъ о дѣлѣ о. Гіацинта, извѣстнаго католическому міру своимъ талантомъ и ораторскими дарованіями. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ проповѣдовалъ въ Notre-Dame de Paris и всегда собиралъ огромную массу слушателей вокругъ себя. Рѣчи этого кармелитскаго монаха были краснорѣчивы и, съ католической точки зрѣнія, настолько либеральны, что уже два года тому назадъ его призывали въ Римъ, гдѣ увѣщевали быть болѣе умѣреннымъ. О. Гіацинтъ не измѣнялъ своего направленія, и даже въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей, которую онъ произнесъ въ собраніи постоянной и международной лиги мира, осмѣлился заявить себя горячимъ защитникомъ свободы политической, свободы научной, свободы религіозной. «Личныя правительства, восклицалъ онъ, могли имѣть свое объясненіе и свою пользу въ другія времена. Для ребенка нужны учителя и наставники, но какъ выразился св. Павелъ, говоря о возрожденномъ человѣчествѣ, мы больше не дѣти, мы больше не рабы, и мы имѣемъ право войти во владѣніе нашимъ наслѣдствомъ, и вотъ почему теперь больше не время личныхъ правительствъ. Теперь время правленія общественнаго мнѣнія, время

управленія страною посредствомъ самой страны....» Съ такою же силою выражался онъ о всѣхъ успѣхахъ европейской цивилизаціи, съ такою же силою протестовалъ онъ противъ обнаружившагося разрыва между церковью и свѣтскимъ обществомъ. Въ своей рѣчи онъ не является узкимъ сторонникомъ одной католической религіи, онъ признаетъ, что рядомъ съ католицизмомъ имѣютъ полное право на существованіе протестантизмъ и іудейская религія. Нечего удивляться, что подобная рѣчь, идущая прямо наперекоръ всевозможнымъ «Syllabus», должна была возбудить сильное негодованіе въ Римѣ противъ кармелитскаго монаха. Глава ордена кармелитовъ написалъ письмо Гіацинту, въ которомъ онъ приказывалъ ему или измѣнить образъ своихъ мыслей, или не являться больше на каѳедру въ Notre-Dame de Paris. Въ отвѣтъ на это приказаніе кармелитскій монахъ издалъ свое знаменитое письмо, въ которомъ говоритъ, что ни на минуту не задумывается покинуть свою каѳедру, если отъ него требуютъ, чтобы онъ вносилъ фальшь въ свои проповѣди, чтобы онъ говорилъ не то, что думаетъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ объявилъ, что покидаетъ монастырь, что онъ не хочетъ въ немъ болѣе оставаться, если вмѣсто «святой свободы», которую онъ тамъ искалъ и для которой онъ принесъ столько жертвъ, ему предлагаютъ однѣ только цѣпи, которыя онъ не только имѣетъ право, но которыя онъ имѣетъ «обязанность сбросить». «Наступилъ торжественный часъ, говоритъ онъ въ своемъ письмѣ. Церковь проходитъ черезъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ, мрачныхъ и жестокихъ кризисовъ своего существованія. Послѣ трехъ сотъ лѣтъ въ первый разъ не только созванъ, но объявленъ необходимымъ вселенскій соборъ: это выраженіе св. отца. Не въ такую минуту проповѣдникъ евангелія, будь онъ изъ послѣднихъ, можетъ согласиться замолчать, какъ тѣ нѣмые псы Израиля, невѣрные стражи, къ которымъ пророкъ обращаетъ упрекъ, что они не могутъ даже лаять: canes muti, non valentes latrare! Святые, говоритъ съ гордостью кармелитскій монахъ, никогда не молчали. Я не одинъ изъ нихъ, но я знаю, что я принадлежу къ ихъ союзу». Какъ бы то ни было, нельзя не сказать, что слова эти, когда они произносятся кармелитскимъ монахомъ, не могутъ не имѣть сильнаго нравственнаго вліянія на мрачную католическую партію во Франціи.

Поступокъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ совершенъ въ то время, когда приготовляется открытіе вселенскаго собора, и представляетъ собою какъ бы протестъ противъ тѣхъ безумныхъ постановленій, которыя приметъ безъ сомнѣнія этотъ соборъ. «Я протестую, говоритъ онъ въ самомъ дѣлѣ, противъ этихъ доктринъ и обычаевъ, которыя зовутся римскими, но которые вовсе не христіанскіе». Конечно, протестъ отца Гіацинта противъ не состоявшихся, но впередъ хорошо извѣстныхъ постановленій собора, который долженъ собраться

черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, не есть единственный въ католическомъ мірѣ. Уже прежде, нежели раздался голосъ кармелитскаго монаха, нѣмецкіе католическіе епископы, собравшись въ городѣ Фульда, выпустили циркуляръ, въ которомъ они выразили свои чувства и свои надежды относительно вселенскаго собора. Надежда эта заключается въ томъ, что вселенскій соборъ не постановитъ ничего такого, что было бы «несовмѣстно съ основаніями государства, цивилизаціи и наукою, съ законною свободою и матеріальнымъ благосостояніемъ народовъ». Безъ сомнѣнія, всѣ эти надежды, точно также какъ и тѣ, которыя нѣмецкіе епископы возлагаютъ на соборъ, что онъ не станетъ внимать голосу экзальтированной ультра-католической партіи и не захочетъ пересаживать въ настоящее время нравы, учрежденія и воззрѣнія времени, которое прошло невозвратно, всѣ эти надежды окажутся печальною иллюзіею передъ благороднымъ рвеніемъ и благочестіемъ собора, который собирается провозгласить непогрѣшимость папы. Впрочемъ весьма вѣроятно, что нѣмецкіе епископы, выпуская въ свѣтъ свой циркуляръ, нисколько и не думали о томъ, что ихъ надежды въ самомъ дѣлѣ осуществятся; они понимали очень хорошо, что циркуляръ этотъ есть не что иное, какъ косвенный протестъ противъ всѣхъ юродивыхъ постановленій будущаго вселенскаго собора. Протестъ этотъ впрочемъ былъ не первымъ въ Германіи. Либеральные католики, собравшись въ Кобленцѣ, адресовали къ архіепископу Трирскому письмо, въ которомъ выражали тѣже надежды. Къ этимъ либеральнымъ нѣмецкимъ католикамъ присталъ также и умирающій Монталамберъ, выразившій осужденіе надъ происками ультра-монтанской партіи. Но самый сильный протестъ противъ будущаго вселенскаго собора раздался въ брошюрѣ или вѣрнѣе въ большомъ томѣ, вышедшемъ въ Лейпцигѣ подъ названіемъ: «Соборъ и Папа». Авторы этой книги, такъ какъ тутъ есть нѣсколько авторовъ, скрываются подъ псевдонимомъ Janus. Книга эта надѣлала, да и продолжаетъ дѣлать до сихъ поръ много шума. Написанная либеральными католиками (нужно-таки сознаться, что это довольно смѣшной терминъ, либерализмъ и католицизмъ какъ-то плохо вяжутся вмѣстѣ), она протестуетъ противъ тѣхъ претензій ультра-римской партіи, которая должна получить освященіе на вселенскомъ соборѣ. Ничто не подвергается такому рѣзкому и вмѣстѣ серьёзному разбору, какъ не серьёзное, а напротивъ чисто-вздорное положеніе, именуемое непогрѣшимостью папы. Авторы этой книги показываютъ, рядомъ какихъ натяжекъ, обмановъ, изобрѣтеній папы достигли расширенія своей духовной и свѣтской власти и при помощи какихъ фокусовъ дошли они наконецъ до дикой претензіи объявить себя непогрѣшимыми. Рядомъ съ этимъ они показываютъ всю несообразность всякихъ силлабусовъ съ истинными стремленіями XIX-го вѣка, которыя заключаются въ полной сво-

бодѣ совѣсти, въ полной политической свободѣ, не терпящей никакого деспотизма, откуда бы онъ ни шелъ, отъ свѣтскаго ли или отъ духовнаго правительства.

Трудныя времена наступили для католицизма; каждый день онъ получаетъ такіе толчки, которые должны портить много крови его ревностнымъ защитникамъ. Къ такимъ толчкамъ нельзя не причислить и гражданскіе похороны Сентъ-Бёва. Сентъ-Бёвъ принадлежалъ къ числу самыхъ извѣстныхъ писателей Франціи, и надо отдать справедливость ему, извѣстность эта была какъ нельзя болѣе законна. Мы нисколько не желаемъ, только потому, что Сентъ-Бёвъ умеръ, преувеличивать значенія его литературной и политической дѣятельности. Онъ не былъ первостепенною звѣздою, тѣмъ не менѣе литературные труды, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ «Port-royal» и двадцать семь томовъ критическихъ этюдовъ обличаютъ въ немъ крупный талантъ и многосторонній, хотя и не очень глубокій умъ. Развитіе его, можно сказать, шло обратнымъ путемъ, чѣмъ у большинства людей; обыкновенно, чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ онъ дѣлается болѣе черствымъ, болѣе консервативнымъ во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ какъ нравственныхъ, такъ и политическихъ. У Сентъ-Бёва это было не такъ. Чѣмъ болѣе приближался онъ къ окончанію своего поприща, тѣмъ сильнѣе у него билось сердце ко всему молодому, новому, тѣмъ рѣшительнѣе становился онъ въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ, тѣмъ смѣлѣе относился ко всѣмъ нравственнымъ вопросамъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ настолько умственной слабости, такъ мало было у него здраваго пониманія вещей, что не долго думая, онъ положилъ на свое имя самое черное пятно всей своей жизни, ставъ на сторону насилія, деспотизма, дѣлаясь защитникомъ второй имперіи. Послѣдними годами своей жизни онъ искупилъ этотъ тяжкій грѣхъ. Онъ понялъ, что̀ означала для Франціи вторая имперія, онъ убѣдился, что она была синонимомъ пониженія нравственнаго уровня общества, что она дѣйствовала пагубнымъ образомъ на всѣ лучшія силы и самыя благородныя стремленія Франціи. Онъ отсталъ отъ партіи реакціи и союзъ его съ либеральною партіею каждый день закрѣплялся новыми доказательствами искренности и силы его либерализма. Нельзя не упомянуть о его благородномъ и полномъ достоинства поведеніи въ сенатѣ, когда два года тому назадъ шла рѣчь о мнимой безнравственности французскаго общества, т. е. о распространеніи въ его средѣ свободомыслія въ религіозныхъ вопросахъ. Онъ сдѣлалъ тогда энергическій протестъ противъ стѣсненія свободы мысли, и когда въ этомъ старческомъ ареопагѣ раздался голосъ противъ научныхъ изслѣдованій и въ особенности противъ одного человѣка, именно противъ Ренана, котораго обвиняли въ распространеніи развратныхъ и подкапывающихъ вѣру ученій, онъ всталъ съ своего мѣста и произнесъ: «я гор-

жусь дружбою этого человѣка и уважаю его дѣятельность». Нельзя точно также не вспомнить его защиты свободы печати, и наконецъ въ самое последнее время, когда онъ былъ уже на краю смерти, онъ прямо сталъ въ ряды оппозиціи, и не имѣя болѣе возможности, чтобы отправиться въ сенатъ и произнести тамъ свою рѣчь по поводу сенатскаго постановленія, онъ напечаталъ ее въ одной газетѣ, чтобы заявить свое мнѣніе, что вторая имперія собственно рушилась, и что больше нечего ожидать отъ нея. Самая смерть его вызвала негодованіе въ правительственной и клерикальной партіи, такъ какъ онъ умеръ «нераскаявшимся грѣшникомъ», строго завѣщая свою волю, чтобы церковь не была допущена къ его погребенію. Гражданскіе похороны академика-сенатора не могли не скандализировать всей оффиціальной Франціи. Случись эта смерть, эти похороны нѣсколько времени прежде, они надолго бы заняли собою общественное мнѣніе, которому теперь нѣтъ времени останавливаться на частныхъ явленіяхъ — все вниманіе его поглощено внутренними дѣлами, скорымъ открытіемъ законодательнаго корпуса и ожиданіемъ того, что произойдетъ въ палатѣ.

Если Франція съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ открытія палаты депутатовъ, то Германія съ этой стороны несравненно счастливѣе. Тутъ поминутно открываются то одинъ, то другой парламенты, и въ теченіи последняго мѣсяца нѣмцы имѣли случай выслушать три тронныя рѣчи. Одну изъ нихъ произнесъ король саксонскій, другую великій герцогъ баденскій, и третью, наконецъ, король Вильгельмъ прусскій. Ни одна изъ нихъ не лишена интереса, каждая довольно хорошо обрисовываетъ положеніе тамошнихъ дѣлъ. Король саксонскій, очевидно, недоволенъ прелестями прусской гегемоніи, и потому говоритъ собравшемуся парламенту: «Я буду уважать заключенные трактаты, я привязанъ къ сѣверной конфедераціи и сохраню ей вѣрность, но не намѣренъ болѣе уступать ни одной іоты изъ той небольшой самостоятельности, которая мнѣ оставлена». Трудно не слышать здѣсь жалобной ноты на Пруссію, которая стремится окончательно проглотить своихъ добрыхъ сосѣдей, подчиненныхъ и безъ того уже ея власти. Герцогъ баденскій, бóльшую или меньшую самостоятельность котораго охраняетъ пражскій трактатъ, и который поэтому не могъ еще вкусить прелести прусскаго владычества, изъ всѣхъ силъ стремится быть проглоченнымъ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ и горько жалуется, что на его долю не выпало еще это счастье. Наконецъ, прусскій король при открытіи прусскаго парламента произнесъ рѣчь, въ которой, какъ и въ прошломъ году, слышится тоже: «дефицитъ, дайте денегъ»! Что дѣлать! это неизбѣжная пѣсня всѣхъ государствъ, которыя не считаютъ возможнымъ отказаться отъ большой арміи, отъ множества полковъ, множества пушекъ, множества ружей, множества кораблей. Быть могущественною военною державою чтó-нибудь да стоитъ! Даромъ ничто не

дается, сказалъ поэтъ, судьба жертвъ искупительныхъ проситъ. Такими жертвами явились сначала однѣ присоединенныя провинціи, но ихъ оказалось мало, и вотъ таже неумолимая судьба начинаетъ преслѣдовать самихъ пруссаковъ. Недовольство и ропотъ слышится въ отвѣтъ этой судьбѣ. Это недовольство выразилось довольно ясно на первыхъ же засѣданіяхъ прусскаго парламента, которому были предложены два проекта, одинъ касающійся бюджета, другой касающійся окружного управленія (Kreisordnung), гдѣ правительство желаетъ ввести самоуправленіе. Каково должно быть это самоуправленіе, видно изъ того, какъ относится къ нему такой извѣстный человѣкъ, хоть Вирховъ, который выражаетъ сомнѣніе, можетъ ли быть названо самоуправленіемъ такое устройство, гдѣ все самоуправленіе округовъ будетъ заключаться въ томъ, что жители округа будутъ сами платить чиновникамъ, назначаемымъ отъ правительства. Что касается другого проекта, предназначеннаго чтобы покрыть дефицитъ, то онъ еще болѣе возбудилъ противъ себя палату. Правительство предлагаетъ самую простую мѣру для покрытія дефицита болѣе чѣмъ въ 5 милліоновъ— увеличеніе подоходнаго налога на 25%. «Позвольте, раздается въ Пруссіи, налоги и безъ того такъ тяжелы, что мы едва можемъ платить, вы не можете ихъ увеличивать!» Подобное разсужденіе должно въ самомъ дѣлѣ показаться нѣсколько страннымъ прусскому правительству, и оно могло бы въ свою очередь сказать: «нѣтъ, позвольте господа, вы восторгались моими военными успѣхами, вы торжествовали Садову, вы привѣтствовали побѣдоносныя войска, вы ликовали глядя на развитіе нашего флота, вы трубили во всѣ трубы возвеличеніе Пруссіи, ну и платите!» Прусское правительство, разсуждая подобнымъ образомъ, было бы совершенно право. Есть хорошая русская пословица, которую можно припомнить по этому случаю: любишь кататься, люби и саночки возить. Что налоги велики—въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, но вѣдь за то и слава велика. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро мы услышимъ, какъ пруссаки станутъ говорить: «въ доброе старое время, до 1866 года, когда у насъ не было ни великой арміи, ни великаго флота, ни великой славы, то-то было хорошо жить на свѣтѣ». Намеки на подобную фразу долетаютъ до насъ и теперь уже. Чѣмъ окончатся пренія объ этомъ налогѣ, приведшемъ въ ужасъ всю Пруссію, еще неизвѣстно. Надо полагать, что проектъ этотъ провалится, такъ какъ министръ финансовъ, господинъ фонъ-деръ-Гейдтъ поспѣшилъ выдти въ отставку.

Что касается до внѣшней политики Пруссіи, то тутъ все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно, и даже взаимная перебранка между Пруссіею и Австріею превратилась въ самыя дружескія, по крайней мѣрѣ, если судить по наружности, отношенія между двумя враждебными державами. Большимъ шагомъ къ примиренію, если не между правительствами, то между двумя династіями, гогенцоллернскою и габсбургскою,

послужила поѣздка наслѣднаго прусскаго принца въ Вѣну. Предлогъ къ поѣздкѣ въ Вѣну представился отличный — путешествіе въ Египетъ на открытіе Суэцскаго канала, куда отправился также и австрійскій императоръ. Пріемъ, оказанный наслѣдному принцу, былъ до того радушный, что возбудилъ даже недовольство придворной реакціонной партіи, съ эрцъ-герцогинею Софіею во главѣ, которая все еще мечтаетъ отомстить Пруссіи главнымъ образомъ за то, что, отчасти благодаря ей, Австрія вступила на дорогу либерализма и хорошихъ преобразованій, которыя такъ антипатичны партіи реакціи. Къ счастію Австріи эта партія безсильна и ей не дѣлается никакихъ уступокъ, которыя ослабляли бы дѣйствіе реформъ. Конечно, австрійскому правительству предстоитъ еще много труда, чтобы окончательно укрѣпить либеральный строй государства, но то, что сдѣлано уже, служитъ залогомъ, что сдѣлано будетъ также и то, что остается еще нетронутымъ или не законченнымъ. Нельзя сказать, чтобы общій ходъ дѣлъ въ австро-венгерской монархіи давалъ успокоиваться на лаврахъ правительству. Далеко нѣтъ. Помимо постоянныхъ заботъ, причиняемыхъ ему главнымъ образомъ чехами, съ которыми австрійскій императоръ выразилъ положительное желаніе придти наконецъ къ соглашенію, другими словами, сдѣлать уступки, у него являются болѣе или менѣе случайныя хлопоты, то на одномъ концѣ имперіи, то на другомъ. Въ настоящую минуту на австрійское правительство обрушилась новая непріятность: возстаніе въ Катаро, лежащемъ на югѣ имперіи, въ Далмаціи. Причина возстанія какъ нельзя болѣе понятна. Австрійское правительство, вводя новый военный законъ, общій для всей имперіи, хотѣло распространить его и на небольшую кучку, всего въ тридцать одну тысячу жителей Катаро. Жители эти никогда не подчинялись общимъ законамъ и пользовались всевозможными привилегіями, представляя собою отдѣльное совершенно населеніе, нетронутое цивилизаціею, съ своими особенными правами и обычаями. До конца прошлаго столѣтія они принадлежали венеціанской области, и по Кампо-Формійскому миру 1797 года перешли вмѣстѣ съ Венеціею подъ владычество Австріи. Они не платили никогда налоговъ, не несли никакихъ тягостей, не только во времена венеціанскаго господства, но и до самаго послѣдняго времени. Австрійское правительство освобождало Катаро отъ всякихъ налоговъ и только желало подчинить эту крошечную область новому военному закону. Населеніе Катаро воспротивилось и возстало противъ введенія къ нимъ ландвера. Возстаніе это конечно немедленно было бы подавлено, если бы населеніе Катаро не нашло себѣ помощи и горячаго сочувствія въ населеніи Монтенегро, ихъ ближайшихъ сосѣдей. Монтенегро давно уже стремится присоединить къ себѣ Катаро, между родственными жителями того и другого существуетъ тѣсная дружба. Хотя въ иностранной прессѣ и раздаются голоса, что возстаніе въ Ка-

таро служитъ только какъ прелюдія къ большому движенію среди южныхъ славянъ, но мы сильно склоняемся къ тому, что и это возстаніе маленькаго Катаро кончится, какъ и многія другія возстанія, не произведя никакого крупнаго переворота. Европа давно уже стала такъ пуглива, что довольно ей разглядѣть гдѣ-нибудь самую ничтожную искру, чтобы кричать уже о большомъ пожарѣ. По поводу движенія въ Катаро снова заговорили о стараніяхъ русскихъ панславистовъ, но мы не хотимъ придавать этимъ слухамъ никакого значенія. Зная «глубокую мудрость» нашихъ панславистовъ, мы опасаемся, впрочемъ, сказать, чтобы слухи эти были вполнѣ нелѣпы.

Заговоривъ о Далмаціи мы такъ приблизились къ Италіи, что нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ о положеніи ея политическихъ дѣлъ. Положеніе это, нужно сознаться, не особенно красиво, и правительство дѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы сдѣлать его еще болѣе печальнымъ, т. е. еще болѣе подорвать къ себѣ довѣріе народа. Настоящее министерство давно уже возбуждало противъ себя всеобщее негодованіе, а между тѣмъ оно все еще держится, и никакъ не желаетъ разстаться съ властью, хотя общественное мнѣніе не разъ уже показало ему, что оно не пользуется довѣріемъ страны. Напрасно министерство Менабреа обновляется отъ времени до времени новыми элементами, напрасно оно соединяется съ піемонтскою партіею и отдаетъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ одному изъ ея самыхъ вліятельныхъ членовъ: Феррарисъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ чувствуетъ невозможность оставаться въ кабинетѣ и выходитъ въ отставку. Какъ не укрѣпилось министерство послѣ кризиса, который произошелъ въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда вошли въ него Феррарисъ и Мордини, такъ точно есть мало надежды, чтобы оно укрѣпилось и въ настоящую минуту, когда среди его обнаружился полный кризисъ, доставившій портфель министерства внутреннихъ дѣлъ маркизу Рудини, а портфель юстиціи г. Виліани. Обновленный такимъ образомъ, комитетъ Менабреа-Диньи представится передъ палатой, которая будетъ созвана къ 16-му ноября, и если соберетъ большинство, что впрочемъ крайне сомнительно, то протянетъ свое существованіе еще нѣсколько времени, если же нѣтъ, то ему придется уступить свое мѣсто новому министерству. Министерство Менабреа расшаталось главнымъ образомъ благодаря своей внутренней политикѣ, въ которой оно дѣлало ошибку за ошибкой. Результатъ политическихъ процессовъ, которые оно затѣвало чуть не каждый день, то открывая заговоръ въ Неаполѣ, то въ Миланѣ, въ Генуѣ, процессовъ, которые всѣ почти уже окончились ничѣмъ, т. е. оправданіемъ подсудимыхъ, былъ только одинъ: презрѣніе къ министерству. Италія не достигла еще той «высшей цивилизаціи», которая не допускаетъ, чтобы политическіе процессы оканчивались оправданіемъ подсудимыхъ, требующей напро-

тивъ, чтобы во что бы то ни стало, есть на самомъ дѣлѣ виновные или нѣтъ, но чтобы виновные были. Помимо этихъ процессовъ по обвиненію въ заговорѣ, въ Италіи разразились другіе скандальные процессы, къ которымъ долженъ быть причисленъ также процессъ депутата Лобіа, возникшій собственно изъ дѣла о табачной монополіи, въ которомъ обвинялись нѣкоторые депутаты правой стороны, воспользовавшіеся своимъ званіемъ депутатовъ, чтобы поживиться на этомъ дѣлѣ.

Если неудачна внутренняя политика итальянскаго правительства, то и внѣшнія свои дѣла оно не ведетъ такимъ образомъ, чтобы заслужить себѣ расположеніе страны. Французскія войска, до сихъ поръ находящіяся на итальянской территоріи, лежатъ тяжелымъ камнемъ на правительствѣ Виктора-Эммануила, который все больше и больше теряетъ свою прежнюю популярность. Его семейная, династическая политика тоже не особенно счастлива, если только можно быть увѣреннымъ, что кандидатура его племянника герцога генуэзскаго на испанскій тронъ окончательно провалится. Она исчезнетъ въ томъ страшномъ, кровавомъ хаосѣ, который представляла собою Испанія въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Правительству, состоящему изъ генераловъ, удалось наконецъ довести республиканскую партію до возмущенія, которое за-разъ вспыхнуло въ двадцати девяти изъ сорока девяти испанскихъ провинцій. Ужасныя сцены произошли въ Барцелонѣ, Саррагосѣ, Таррагонѣ и во многихъ другихъ городахъ; но нигдѣ онѣ не достигли до такихъ грозныхъ размѣровъ какъ въ Валенціи, которая въ продолженіе нѣсколькихъ дней боролась съ правильными войсками Серрано, Примо и комп. Возстаніе республиканцевъ подавлено, но на это можно отвѣтить, на долго ли? и что будетъ впереди? Возстаніе это доказало только одно, что республиканская партія въ Испаніи сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Чѣмъ окончится регентство Серрано? долго ли будетъ Примъ маскироваться въ либерализмъ и демократизмъ? чѣмъ рѣшатъ наконецъ податливые кортесы? все это вопросы, которые скоро должны получить разрѣшеніе. Монархическая партія, одержавшая верхъ надъ республиканскою, во что бы то ни стало хочетъ снабдить Испанію королемъ — нужно сознаться, что если бы даже она и достигла своего, то незавидная будетъ доля короля, которому предстоитъ бороться чуть не съ половиною всего населенія.

Мы не можемъ закончить нашего обозрѣнія, не упомянувъ хоть однимъ словомъ о событіи громадной важности, которое приготовляется съ такою торжественностью на Востокѣ. Мы говоримъ объ открытіи Суэцкаго канала, которому предназначено соединить собою болѣе близко Индію съ Европой и значительно поколебать торговые балансы всѣхъ европейскихъ государствъ. Событіе это, которому мы посвятимъ особую статью, подсказываетъ намъ, что только одна наука спокойно

и непрерывно идетъ впередъ по пути своего развитія, открывая каждый день человѣчеству все новые горизонты, и что въ ней скрывается одно изъ самыхъ вѣрныхъ орудій, которымъ должны вооружаться народы въ своей судорожной борьбѣ за политическую и нравственную свободу и за свое матеріальное благосостояніе. Лично для насъ, открытіе Суэцкаго перешейка наводитъ на мысли о Парижскомъ мирѣ, условія котораго будутъ всегда, пока они существуютъ, лежать бременемъ надъ развитіемъ нашихъ народныхъ силъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

СОЦІАЛИЗМЪ И ВОЛЬНАЯ АССОЦІАЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

27-го сентября, 1869 *).

17-го (5-го) марта нынѣшняго года въ сѣверо-германскомъ парламентѣ стояло на очереди первое чтеніе проекта ремесленнаго устава, который, какъ извѣстно, игралъ роль важнѣйшей законодательной мѣры послѣдней сессіи, и, послѣ долгихъ и жаркихъ преній, станетъ съ 1-го октября положительнымъ закономъ всей страны, потерпѣвъ лишь весьма незначительныя и несущественныя измѣненія. Только одна часть новаго закона, — правила о разносной продажѣ — вступятъ въ силу лишь съ 1870 года. Первыя пренія объ уставѣ начались рѣчью депутата Швейцера (Schweitzer). Этотъ извѣстный соціалистъ объявилъ собранію, что онъ намѣренъ изложить основы, на которыхъ построены законодательныя поправки, предложенныя имъ самимъ и другими приверженцами его партіи, — и рѣчь его дѣйствительно была лекціею о сущности соціализма. Прежде всего онъ указалъ на тотъ дѣйствительно весьма важный фактъ, что его рѣчь въ Германіи составитъ первую проповѣдь соціализма съ трибуны законодательнаго собранія, и что онъ является тамъ, благодаря рѣшительной поддержкѣ со стороны значительной части рабочаго класса. «Мы идемъ изъ того, сказалъ докторъ Швейцеръ, что отношеніе между капиталомъ и тру-

*) Мы должны извиниться, что опоздали напечатать корреспонденцію: обиліе матеріаловъ не позволило намъ помѣстить ее въ октябрьской книжкѣ, для которой она была написана. — *Ред.*

домъ есть *военное положеніе*, и оправданіемъ этого взгляда долженъ служить предлагаемый нами проектъ, который я опишу лишь въ однихъ существенныхъ чертахъ». Точкою отправленія оратора служили три фактора, опредѣляющіе распредѣленіе доходовъ въ современномъ обществѣ: *заработная плата, прибыль* и *рента*. Что касается до перваго и третьяго пунктовъ, всѣ партіи согласны между собою во всѣхъ существенныхъ частяхъ, но ученіе о прибыли служитъ главнымъ источникомъ и опорою одной соціалистической системы. Поэтому-то необходимо придать главное значеніе тому мѣсту рѣчи Швейцера, гдѣ онъ излагаетъ соціалистическую критику прибыли, и я постараюсь передать ее собственными словами оратора, по оффиціальному стенографическому отчету [1]).

«Что касается до прибыли съ капитала—говорилъ Швейцеръ—она распадается, во-первыхъ, на *процентъ*, то-есть на такую цѣнность, которую получаетъ капиталистъ за простую отдачу въ заемъ безъ риску, и во-вторыхъ, на предпринимательскую прибыль, то-есть, тотъ барышъ, который получается производителемъ товаровъ въ томъ случаѣ, когда онъ самъ употребляетъ свой капиталъ на производство. Нерѣдко приходится слышать, что предпринимательная прибыль имѣетъ отчасти характеръ заработной платы. Иногда это, можетъ быть, и правда. Насколько самъ предприниматель способствуетъ ходу производства, настолько прибыль его можетъ быть признана заработною платою, но сущность вопроса рѣшаютъ случаи не мелкаго производства, а крупнаго. Мелкія ремесла и другія явленія того же рода суть не что иное, какъ остатки прежнихъ временъ, постепенно исчезающіе изъ экономической жизни. Между тѣмъ, при крупномъ производствѣ, напр., на большихъ фабрикахъ или при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, предпринимательская прибыль, заслуживающая считаться заработною платою, составляетъ лишь весьма незначительную часть всей прибыли вообще. Какъ въ большихъ фабрикахъ, такъ и въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ, жалованье директора—если эту должность занимаетъ не самъ предприниматель — является величиною почти ничтожною въ сравненіи съ общею прибылью предпріятія или съ дивидендами, выдаваемыми акціонерамъ».

До сихъ поръ Швейцеръ ясенъ, но тутъ онъ дѣлаетъ быстрый переходъ къ такъ-называемой *мѣновой цѣнности*, и, пользуясь этимъ трудно опредѣлимымъ экономическимъ терминомъ, старается дать своему дѣлу хорошій оборотъ. По современному закону о цѣнности—говоритъ онъ — всякій товаръ заключаетъ въ себѣ столько мѣновой цѣнности, сколько употреблено труда на его приготовленіе. Цѣнность

[1]) Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages der Norddeutschen Bundes. Session 1869. Berlin, 1869.

опредѣляется тѣмъ трудомъ, который необходимъ на производство самой рабочей силы.

Эти положенія нѣсколько темны, но, несмотря на то, они служатъ научнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ весьма отчетливо формулированныхъ и ясно выраженныхъ результатовъ и требованій. Швейцеръ говоритъ:

«Если рабочій, для того, чтобы жить и работать, потребляетъ ежедневно разныхъ товаровъ — жизненныхъ припасовъ — на 15-ть зильбергрошей (около 60-ти коп.), то это значитъ, что 15-ть зильбергрошей составляютъ цѣнность его дневной рабочей силы. Такова собственная цѣнность его рабочей силы,—такъ опредѣляется она на рынкѣ труда. Однако, это нисколько не мѣшаетъ рабочей силѣ произвесть въ одинъ день разныя цѣнности на бо́льшую сумму, положимъ — на одинъ талеръ (30-ть зильбергрошей). Сама рабочая сила, по своей мѣновой цѣнности, опредѣляется необходимыми для существованія рабочаго жизненными средствами, между тѣмъ, какъ цѣнность, ею создаваемая, становится выше той, которая дается за рабочую силу въ формѣ заработной платы. Положимъ, если обыкновенный рабочій можетъ производить на 15-ть зильбергрошей въ каждые шесть часовъ, то, слѣдовательно, уже въ первые шесть часовъ своего труда, онъ произведетъ цѣнность, равную заработной платѣ, получаемой имъ отъ мастера или фабриканта за цѣлый день труда. На слѣдующіе шесть часовъ онъ создаетъ новую цѣнность въ 15-ть зильбергрошей, но создаетъ ее уже не для себя, а для нанимателя - капиталиста. Итакъ, если теперь измѣнилось что-нибудь, въ сравненіи съ положеніемъ труда во времена невольничества или крѣпостного права, то лишь одна форма,—какъ тогда, такъ и теперь изъ человѣка извлекаютъ даровой, неоплачиваемый трудъ. И невольникъ, у своего господина, тоже трудится опредѣленную часть дня на себя, то-есть, до тѣхъ поръ, пока не создаетъ такой цѣнности, которая покрываетъ всѣ расходы на содержаніе раба, — и только потомъ работаетъ онъ исключительно на своего владѣльца. Совершенно тоже мы видимъ и нынѣ. Пока рабочій работаетъ для производства цѣнности, равной его заработной платѣ, до тѣхъ поръ трудится онъ на самого себя; но въ продолженіи всего остального времени дня работаетъ онъ лишь для созданія прибыли съ капитала, то-есть, той доли произведеній, которая *достается, подъ разными предлогами, владѣльческимъ классамъ*».

Далѣе, для полнаго достиженія своей цѣли, Швейцеру нужно было опровергнуть еще другія два притязанія капитала, признаваемыя экономистами буржуазной школы, то-есть, *рискъ* предпринимателя, требующій вознагражденія изъ общей прибыли, и такъ-называемую «награду за воздержаніе», которая является изъ экономическаго ученія объ образованіи капиталовъ путемъ сбереженія; предполагается, что

капиталистъ заслуживаетъ вознагражденія за то, что употребляетъ свой капиталъ на производство, а не на личное потребленіе.

Что касается до *риска*, Швейцеръ не признаетъ его вовсе, такъ какъ національное богатство находится всегда въ постоянномъ возрастаніи, и потому погибель того или другого капиталиста, въ видѣ процвѣтанія многихъ другихъ, не имѣетъ никакого значенія для общаго благосостоянія людей. Относительно же теоріи воздержанія ораторъ говоритъ слѣдующее:

«Въ этомъ ученіи о воздержаніи предполагается, что нынѣшніе капиталисты стали таковыми будто бы оттого, что они сами или ихъ предки были прежде рабочими, отличавшимися крайнею бережливостью, между тѣмъ, какъ другіе рабочіе вели себя безразсудно и мотали свои заработки легкомысленнымъ образомъ. Но въ дѣйствительности это не такъ. Происхожденіе капитала въ міровой исторіи само основано на эксплуатаціи и правонарушеніи. Только въ исключительныхъ случаяхъ удается иному подняться изъ своего ничтожества путемъ сбереженій, созданныхъ собственнымъ трудомъ; бóльшая часть капитала возникла изъ эксплуатаціи труда въ средніе вѣка, когда же этой эксплуатаціи положили конецъ, и были уничтожены всѣ отношенія очевиднаго и прямого рабства или крѣпостного состоянія и когда явилась возможность вліять на трудъ путемъ непосредственнаго общественнаго давленія, въ это время стали говорить рабочему: «ты теперь свободенъ»! понимая очень хорошо, что при громадномъ развитіи производства рабочій, лишенный главныхъ производительныхъ средствъ, не можетъ производить самостоятельно и долженъ продавать свои рабочія силы. Знали весьма хорошо, что голодъ станетъ дѣйствовать теперь точно также, какъ дѣйствовали прежде разные законы, крѣпостное право, и т. п. Но положимъ даже, что весь капиталъ возникъ изъ воздержанія, изъ сбереженій заработной платы, то изъ этого все-таки ничего не слѣдуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если кто-нибудь пріобрѣлъ имущество, то отсюда слѣдуетъ только, что ему не должно препятствовать въ потребленіи этого имущества на свои личныя или семейныя потребности, — но въ этомъ пріобрѣтеніи нѣтъ никакого основанія къ такому вліянію на общественныя установленія, что все его имущество съ этихъ поръ становится краеугольнымъ камнемъ эксплуатаціи рабочею силою другихъ людей».

Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ, Швейцеръ сослался на Адама Смита и другихъ политико-экономовъ въ доказательство тому, что только *одинъ* трудъ создаетъ цѣнности, а отсюда слѣдуетъ «та истина, что современное общество состоитъ изъ *эксплуататоровъ* и *эксплуатируемыхъ*. Какъ невольничество есть не что иное, какъ закономъ допускаемый грабежъ раба, точно также, только въ иной формѣ,

современное производство есть не что иное, какъ узаконенный грабежъ неимущихъ классовъ имущими».

Впрочемъ, ораторъ не ограничился одними отрицательными результатами, — въ его рѣчи есть и дѣйствительный проектъ объ улучшеніи быта рабочихъ. Онъ говоритъ: «Вся причина нынѣшняго положенія дѣлъ заключается въ томъ, что имущіе классы овладѣли всѣми орудіями производства; эти орудія сами по себѣ не производятъ никакихъ цѣнностей, но тѣмъ не менѣе они необходимы для производства. Но хотя производство безъ нихъ невозможно, изъ этого все-таки ничего не слѣдуетъ, такъ какъ всѣ эти орудія производства суть также не что иное, какъ результаты прежней эксплуатаціи труда, за исключеніемъ одной земли, но на эту послѣднюю, по милости Бога, никто никакихъ правъ имѣть не можетъ. Итакъ, зло заключается въ томъ, что какъ прежде посредствомъ прямого подчиненія въ силу законовъ, такъ теперь посредствомъ вліянія простыхъ общественныхъ отношеній, орудія производства переходятъ въ руки немногочисленнаго класса, причемъ вся остальная масса народа принуждена пользоваться лишь незначительною частью результатовъ своего собственнаго труда, отдавая все остальное классу имущихъ. Такое положеніе вещей можетъ измѣниться только съ переходомъ орудій производства въ руки всего общества (Gesammtheit). Это неправда, что соціализмъ стремится отмѣнить собственность. Какъ теперь, такъ и при господствѣ соціализма, каждый человѣкъ будетъ имѣть въ полной собственности всѣ предметы своего непосредственнаго потребленія, а *орудія производства* должны составлять общую собственность, такъ какъ только этимъ путемъ возможно придать распредѣленію, которое теперь несправедливо, характеръ справедливости».

Въ видахъ свободы слова, нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что принципы Швейцера были выслушаны собраніемъ съ полнымъ спокойствіемъ, безъ всякихъ бурныхъ перерывовъ. Лѣтъ двадцать и даже десять тому назадъ, парламентскому оратору, который вздумалъ бы проповѣдовать «коммунистическія начала», пришлось бы вѣроятно прекратить свою рѣчь съ первыхъ словъ. Въ настоящее время, собраніе нашло нужнымъ, конечно, дать отвѣтъ соціализму, но и только. Роль отвѣтчика принялъ на себя депутатъ Браунъ, и исполнилъ ее съ большимъ достоинствомъ и замѣчательнымъ остроуміемъ, такъ что рѣчь его принята большинствомъ многочисленными знаками одобренія. Чтобы не подвергнуться упреку въ пристрастіи къ которой-либо изъ сторонъ, мнѣ бы слѣдовало теперь привести параллельныя мѣста изъ рѣчи Брауна, но я предпочитаю другой политико-экономическій авторитетъ, именно Принса-Смита, одного изъ старѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ вождей буржуазной партіи. Этотъ ученый прослѣдилъ Швейцерову рѣчь слово за словомъ въ осо-

ной статьѣ, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ экономическаго журнала: «Vierteljahresschrift für Volkswirthschaft» [1]), подъ заглавіемъ: «Соціальная демократія передъ лицемъ рейхстага». Желая представить по возможности ясно и вѣрно воззрѣнія обѣихъ враждующихъ партій, я ограничусь приведеніемъ изъ статьи Принса-Смита его критику соціалистическаго ученія о поступленіи орудій производства въ общую собственность.

Если орудія производства находятся въ общей собственности, то, общій интересъ, по мнѣнію Принса-Смита, долженъ заботиться также о сохраненіи, успѣшномъ употребленіи и умноженіи орудій производства. Это сохраненіе и умноженіе орудій производства имѣетъ для населенія безконечно бо́льшую важность, чѣмъ распредѣленіе продуктовъ, такъ какъ очевидно, что изъ этихъ послѣднихъ, даже при самомъ неравномѣрномъ распредѣленіи, всегда наибольшая часть выпадаетъ на долю рабочихъ (Lohnempfänger — получающій жалованье — по терминологіи Смита), и только незначительная часть достается имущимъ классамъ. Когда орудія производства, въ видахъ болѣе справедливаго распредѣленія, поступятъ въ общее управленіе, то можетъ легко случиться, что само производство *уменьшится*, и рабочіе, несмотря на бо́льшую справедливость въ распредѣленіи, получатъ меньше теперешняго, а если, при общемъ управленіи, производство вообще станетъ ослабѣвать, или не пойдетъ ровнымъ шагомъ съ увеличеніемъ народонаселенія, то и быстрота прироста въ населеніи должна, въ силу неумолимаго закона природы, тоже уменьшиться. Вопросъ, слѣдовательно, поставленъ такъ: даетъ-ли общее управленіе орудіями производства столько же, сколько даетъ нынѣ управленіе отдѣльныхъ личностей? Но кому неизвѣстно, что буржуазная школа отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ? Принсъ-Смитъ поэтому только повторяетъ извѣстное, доказывая вновь, что выборный управляющій никакъ не можетъ вести промышленное дѣло съ такимъ успѣхомъ и съ такимъ *сбереженіемъ*, съ какимъ всякій изъ собственниковъ, старающійся изъ личныхъ, эгоистическихъ стремленій, объ умноженіи и улучшеніи орудій производства.

«При настоящемъ ходѣ національнаго хозяйства, говоритъ Принсъ-Смитъ,—заработная плата повышается всякій разъ, когда капиталъ умножается быстрѣе числа рабочихъ, и это случается часто, такъ какъ орудія производства воспроизводятся часто весьма быстро, между тѣмъ какъ приготовленіе рабочаго, для вступленія въ конкурренцію, требуетъ двадцатилѣтняго періода времени. Есть много средствъ и путей къ еще бо́льшему ускоренію возрастанія капитала, спроса рабочихъ,

---

[1]) Vierteljahresschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte, herausgegeben von Julius Faucher (Фоше). Siebenter Jahrgang. Erster Band.

высоты заработной платы, напримѣръ, устраненіемъ всякихъ препятствій къ обмѣну и ограниченій промышленности, сокращеніемъ государственныхъ расходовъ, но особенно распространеніемъ образованія среди рабочихъ, увеличивающаяся производительность которыхъ будетъ способствовать быстрому умноженію орудій производства. Къ средствамъ умноженія капитала и повышенія заработной платы не принадлежатъ во всякомъ случаѣ угрозы противъ собственности, разстройство промышленныхъ дѣлъ и сокращеніе прибылей, ибо орудія производства выростаютъ главнымъ образомъ изъ избытковъ промышленности. Если всмотрѣться по-пристальнѣе, какимъ образомъ проклинаемый предприниматель употребляетъ свои чрезмѣрныя, несправедливыя прибыли, то окажется, что онъ возводитъ зданіе за зданіемъ, машину за машиною, все крупнѣе и цѣлесообразнѣе, и вотъ, наконецъ, его учрежденіе, пущенное въ ходъ немногими руками, въ усиленныхъ размѣрахъ, становится источникомъ вѣрнаго хлѣба для цѣлыхъ сотенъ прилежныхъ отцевъ семейства. При потребленіи для непосредственнаго удовлетворенія собственника, сбереженныя средства становятся процентъ-дающимъ капиталомъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ пойдетъ на содержаніе рабочихъ, которые, благодаря своей искусствомъ увеличенной производительности, возстановляютъ всякій разъ больше продуктовъ, чѣмъ ими потребляется, и въ этомъ-то *больше* заключается прибыль предпринимателя и процентъ. При каждомъ оборотѣ въ производствѣ весь капиталъ идетъ на потребности рабочихъ, а имущіе классы получаютъ лишь приростъ, возникающій изъ искуснаго употребленія его. Въ нашемъ нынѣшнемъ народномъ хозяйствѣ *капитализировать* значитъ, собственно говоря, учреждать постоянныя хлѣбныя мѣста для лицъ, получающихъ заработную плату (dauernde Brodstellen stiften für Lohnempfänger). Наградою за подобное учрежденіе хлѣбныхъ мѣстъ служитъ прибыль съ капитала. Несмотря на значительность этой награды, подобныя учрежденія возникаютъ вновь не столь быстро, насколько желательно въ видахъ повышенія заработной платы. Можно ли полагать, что съ уничтоженіемъ этой награды и съ предоставленіемъ размноженія хлѣбныхъ мѣстъ лицамъ, не имѣющимъ въ томъ никакой личной выгоды, но руководствующимся лишь косвеннымъ общимъ интересомъ, — дѣло пойдетъ энергичнѣе и съ бóльшимъ успѣхомъ? Капитализированіемъ занимаются нынѣ по бóльшей части (и можетъ быть въ бóльшей мѣрѣ) лица въ зрѣломъ возрастѣ, пріобрѣтающіе вѣрные и значительные барыши при помощи дѣловой опытности изъ постепенно-увеличивающихся средствъ; — эти люди привыкли къ трудолюбивой и простой жизни, имѣютъ сравнительно незначительныя личныя потребности, но тѣмъ не менѣе одушевлены желаніемъ доставить своимъ дѣтямъ средства къ блестящей, беззаботной жизни. И въ старости, когда пропала уже физическая

крѣпость организма, ихъ все-таки можно встрѣтить за какою-нибудь работою. Ихъ потребность въ отдыхѣ побѣждается страстью пріобрѣтенія, корнемъ которой служитъ забота объ участи наслѣдниковъ. Но когда орудія производства поступятъ въ общее владѣніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, исчезнетъ и право наслѣдованія, а слѣдовательно и всякое желаніе трудиться, какъ только наступитъ тотъ возрастъ, который признается инвалиднымъ. Такимъ образомъ, всѣ трудолюбивые старцы, умножающіе теперь капиталъ страны, вдругъ обратятся въ отдыхающихъ дармоѣдовъ! Съ уничтоженіемъ права пріобрѣтать орудія производства въ свою личную собственность и передавать ихъ въ наслѣдство своему потомству, исчезнетъ, разумѣется, и обязанность заботиться о судьбахъ своего потомства. Попеченіе о вдовахъ и сиротахъ перейдетъ на само общество, которое, получая въ общую собственность всѣ орудія производства, принимаетъ на себя обязанность удовлетворять потребности всѣхъ, сколько бы ихъ ни было, и притомъ справедливѣе, чѣмъ теперь. Славное дѣло, — снабжать все населеніе провіантомъ въ томъ обществѣ, гдѣ никто на себя не работаетъ и никто ничего не пріобрѣтаетъ въ свою собственность, и всякій требуетъ между тѣмъ справедливой мѣры удовлетворенія, и только одинъ общій интересъ долженъ создавать средства къ производству всего требуемаго! Вотъ на чемъ разбивается весь соціализмъ и коммунизмъ! Быть общимъ собесѣдникомъ и наслѣдникомъ подъ условіемъ исполнять обязанности общаго попечителя и отца семейства, — дѣло, какъ хотите, слишкомъ плохое. Опытъ уже давно показалъ, что содержать людей, не имѣющихъ ни правъ собственности на орудія производства, ни права на самостоятельную предпріимчивость, можно только въ томъ случаѣ, если ихъ обратить въ рабы. Съ запрещеніемъ личнаго пріобрѣтенія капитала и предпріятій на свой собственный счетъ вы вносите главную существенную часть рабства; — личное униженіе, безусловное подчиненіе чужой волѣ является лишь простымъ слѣдствіемъ, какъ необходимое орудіе побужденія къ труду всякаго человѣка, лишеннаго самостоятельности и неотвѣтственнаго за свое собственное пропитаніе. Проектъ соціально-демократической партіи внесъ бы въ общество всю сущность рабства и потому не можетъ обойти и всѣхъ послѣдствій его».

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Принсъ-Смитъ защищаетъ настоящій экономическій порядокъ блестящимъ образомъ, но не слѣдуетъ забывать, что онъ, подобно всѣмъ адвокатамъ, не жалѣетъ красокъ. Результаты нынѣшней экономической системы далеко не такъ идеальны и совершенны, какими они являются у Принсъ-Смита, и отношеніе имущихъ классовъ къ неимущимъ, рабочихъ къ неработающимъ, устанавливается въ дѣйствительной жизни, особенно вслѣдствіе колоссальнаго роста государственныхъ долговъ и всякаго рода процентныхъ

бумагъ, вовсе не такъ хорошо, какъ въ изображенной Смитомъ идилліи, хотя я не сомнѣваюсь, что въ ней есть и много справедливаго. Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе обоихъ воззрѣній лучше всего уясняетъ сущность спора и *программы* обѣихъ борющихся партій въ Германіи— соціализма и вольной ассоціаціи. Нужно знать, сверхъ того, что своею безпрерывною агитаціею, своею смѣлостью и даже распрями въ своей собственной средѣ нѣмецкіе соціалисты заставляютъ нынѣ говорить о себѣ гораздо болѣе, нежели приверженцы принципа самопомощи, хотя послѣдніе и не думали сходить съ политической сцены.

Я уже имѣлъ случай касаться исторіи соціально-демократической партіи до смерти Лассаля. Съ тѣхъ поръ лагерь этой партіи раздирается страшными междоусобіями, источникомъ которыхъ служитъ излишнее самолюбіе вождей. Лассаль завѣщалъ свой передовой постъ литератору Бернгарду Беккеру, но онъ оказался мало способнымъ и отошелъ въ задніе ряды. Слѣдовавшіе за нимъ президенты были не сильнѣе, пока не явился наконецъ, два года тому назадъ, вышеупомянутый Швейцеръ, редакторъ здѣшней газеты «Social-Democrat», и его избрали въ предсѣдатели «всеобщаго союза нѣмецкихъ рабочихъ» (Allgemeiner deutscher Arbeiterverein). Одновременно съ этимъ избраніемъ составился другой соціально-демократическій союзъ подъ тѣмъ же именемъ, который избралъ въ свои предсѣдатели сперва Фёрстерлинга (Försterling), мѣдныхъ дѣлъ мастера въ Дрезденѣ, а потомъ Фрица Менде, которому протежировала пріятельница Лассаля, графиня Гацфельдъ. Это обстоятельство послужило главнымъ поводомъ къ ссорѣ предсѣдателей обоихъ союзовъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя безраздѣльнымъ преемникомъ лассалевской агитаціи; распря приняла ожесточенный характеръ, и оба предсѣдателя не щадятъ своихъ силъ, чтобы обвинить другъ друга во лжи, осмѣять, и т. п. Между этими обѣими партіями, обѣими одинаково ненавидимая и сама обѣихъ ненавидящая, явилась третья соціально-демократическая партія подъ именемъ «саксонской народной» партіи, вождями которой признаны токарный мастеръ Бебель и литераторъ Либкнехтъ. Всѣ эти партіи имѣютъ свои органы печати, и каждая изъ нихъ пользуется въ своихъ кружкахъ такимъ могущественнымъ вліяніемъ, что онѣ успѣли провести своихъ кандидатовъ въ сѣверо-германскій парламентъ: на Рейнѣ и въ Гамбургѣ преобладаетъ партія Швейцера, въ Временѣ и Саксоніи партія Бебель-Либкнехтъ.

Значительный толчекъ получило соціалистическое движеніе [1]) въ срединѣ прошлаго года, когда назначенъ былъ въ Вѣнѣ праздникъ

---

[1]) Лучшимъ, хотя довольно скуднымъ источникомъ объ этомъ предметѣ можетъ служить брошюра Фрейда (Freude): «Versuch einer Darstellung der Arbeiterbewegung in den letzten Monaten des vorigen Jahres. Ebersbach, 1869».

братанія нѣмецкихъ рабочихъ съ австрійскими, впрочемъ, запрещенный австрійскимъ правительствомъ. Другимъ благопріятнымъ для той же цѣли обстоятельствомъ было послѣдовавшее затѣмъ (26-го августа) общее собраніе «всеобщаго союза» въ Гамбургѣ. Въ этомъ собраніи были приняты слѣдующія резолюціи: 1) общее собраніе объявляетъ, что благодаря агитаціи Лассаля нѣмецкіе рабочіе освободились изъ-подъ опеки господствующихъ и имущихъ классовъ; 2) общее собраніе объявляетъ, что стачки не служатъ средствомъ къ измѣненію основъ нынѣшняго производства и къ рѣшительному улучшенію положенія рабочихъ классовъ, но въ нихъ заключается средство къ развитію корпоративнаго духа среди рабочихъ, къ уничтоженію полицейской опеки, и въ извѣстныхъ случаяхъ (при хорошей, правильной организаціи) къ удаленію нѣкоторыхъ тяжкихъ общественныхъ золъ, напр. чрезмѣрнаго ежедневнаго труда, труда дѣтей и т. п.; 3) въ виду того, что для успѣшнаго проведенія всѣхъ соціальныхъ реформъ существенное вліяніе оказываютъ политическія права и политическая свобода, всеобщій союзъ нѣмецкихъ рабочихъ объявляетъ своимъ долгомъ стремиться къ достиженію ихъ всѣми законными средствами. Далѣе, въ присутствіи 4—5 тысячъ человѣкъ принята слѣдующая резолюція: въ виду того, что давленіе капитала и реакціи во всѣхъ образованныхъ странахъ тяготѣетъ на рабочихъ классахъ по одинаковымъ въ сущности причинамъ, и что стремленія рабочихъ могутъ быть успѣшными лишь въ томъ случаѣ, если рабочіе всѣхъ образованныхъ странъ станутъ дружно стремиться къ общей цѣли, — нѣмецкая рабочая партія считаетъ своимъ долгомъ идти объ руку съ рабочими партіями другихъ образованныхъ странъ, руководимыхъ тѣми же началами.

Нѣсколько дней спустя (6-го сентября) собрался международный конгрессъ въ Брюсселѣ, въ программу котораго вошла задача объ освобожденіи труда изъ-подъ ига капитала; принципъ полнаго коммунизма одержалъ тамъ столь блестящую побѣду, что нѣкоторые члены рѣшились покинуть ассоціацію. Резолюція брюссельскаго съѣзда обратила на себя вниманіе всей Европы, а саксонское правительство, испугавшись требованій рабочихъ, даже прибѣгло къ притѣснительнымъ мѣрамъ и, 16 сентября, распустило «всеобщій союзъ нѣмецкихъ рабочихъ», со всѣми его развѣтвленіями, подъ тѣмъ предлогомъ, что законъ о рабочихъ артеляхъ воспрещаетъ союзы артелей между собою. Прусское правительство послѣдовало этому примѣру, — однако, эти преслѣдованія не имѣли никакого успѣха, такъ какъ всѣ развѣтвленія союза остались въ прежнемъ положеніи и вовсе не расходились. 22-го сентября состоялся въ Брюсселѣ второй съѣздъ международнаго конгресса мира и свободы, и 26-го числа того же мѣсяца собрался въ Берлинѣ всеобщій конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ, подъ предсѣдатель-

ствомъ Швейцера и Фрицше (Fritzsche), имѣвшій значительное практическое вліяніе. Свою дѣятельность конгрессъ началъ съ того, что изгналъ изъ своей среды 12 членовъ здѣшняго союза машинныхъ рабочихъ, заявившихъ себя сторонниками началъ, проповѣдуемыхъ Шульце-Деличемъ. Очищенное такимъ образомъ собраніе состояло изъ 205 членовъ, представителей 105 разныхъ мѣстностей, 56 ремеслъ и 142,008 голосовъ. Они обсуждали статуты, которые должны были служить орудіемъ организаціи всеобщихъ стачекъ противъ работодателей. Каждый членъ общества долженъ вносить опредѣленную плату въ общую кассу, которая учреждена съ цѣлью покрывать всѣ расходы по стачкамъ. Впрочемъ, я не стану излагать здѣсь всѣ отдѣльные положенія статутовъ, и только упомяну объ одномъ довольно непослѣдовательномъ опредѣленіи. Взносы предполагается обмѣнивать, по мѣрѣ накопленія, на *процентныя бумаги*, — вотъ что̀ постановилъ этотъ союзъ, объявляющій войну капиталу и проценту! Въ тотъ самый день, когда съѣздъ рабочихъ прекратилъ свои засѣданія, здѣшній судъ (Kammergericht) постановилъ закрыть и распустить «всеобщій союзъ нѣмецкихъ рабочихъ»; докторъ Швейцеръ подалъ аппелляцію противъ этого постановленія. На конгрессѣ Швейцеръ велъ себя весьма свободно и вполнѣ высказывалъ свои намѣренія. «Отдѣльные союзы — говорилъ онъ — могутъ имѣть какую-нибудь силу только при твердой централизаціи. Во главѣ союза должна быть диктатура, ибо какъ во время французской революціи только конвенту, только людямъ, въ родѣ Робеспьера, удавалось превозмогать всѣ препятствія, — такъ и удары труда могутъ быть наносимы капиталу не иначе, какъ чрезъ посредство твердой центральной власти. Цѣль всѣхъ агитацій можно опредѣлить однимъ возгласомъ: «Долой капиталъ!» Нынѣшнее дѣленіе на трудъ и капиталъ обогащаетъ лишь отдѣльныя личности въ ущербъ народной громады, поэтому необходимо перенесть капиталъ въ руки народной массы. Борьбу противъ капитала слѣдуетъ вести *пока* (vorläufig) законнымъ путемъ; быть можетъ, борьба эта по всей Европѣ приметъ скоро и иную форму.»

Я не стану перечислять всѣ многочисленныя собранія соціалистовъ, и прямо перейду къ описанію событій нынѣшняго года. Въ началѣ іюня обѣ фракціи лассальянцевъ, именовавшіеся однимъ и тѣмъ же названіемъ «всеобщаго союза», примирились; впрочемъ, вѣрнѣе сказать, примирились лишь Швейцеръ съ Менде. Въ это самое время, нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ прежде къ швейцерову союзу, въ которомъ они играли немаловажныя роли, вышли изъ него, и посыпался цѣлый ливень взаимныхъ перебранокъ, главнымъ зачинщикомъ которыхъ явился органъ Бебеля и Либкнехта «Democratisches Wochenblatt». Чтобы дать понятіе объ образѣ выраженія и тонѣ принятыхъ въ этой ожесточенной полемикѣ, — привожу два отрывка

Въ своемъ нумерѣ 27-го іюня, «Wochenblatt» выражается слѣдующимъ образомъ о Швейцерѣ: «Предсѣдатель, г. фонъ-Швейцеръ допустилъ себя до обмана и лжи, въ виду чего мы не намѣрены далѣе признавать предсѣдателемъ подобнаго рѣшительно негоднаго и на всякія преступленія способнаго человѣка. Если есть вообще гнуснѣйшій обманъ, то именно этотъ, въ высшей степени пошлый поступокъ. По его плодамъ должно познавать его. Теперь, слава Богу, мы раскусили какъ его самого, такъ и его наемнаго прихвостня. Пролетаріатъ борется съ капиталомъ и, между тѣмъ, кормитъ своею грудью цѣлую стаю замаскированныхъ распутныхъ негодяевъ.» Въ томъ же нумерѣ депутатъ сѣверо-германскаго парламента Бебель печатаетъ *открытое письмо* къ депутату фонъ-Швейцеру, въ которомъ онъ обращается къ послѣднему съ слѣдующими весьма щекотливыми вопросами: «Вопросъ теперь уже въ томъ, откуда берете вы средства для постоянныхъ разъѣздовъ въ изящномъ парномъ экипажѣ; откуда берете вы средства разъѣзжать по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ перваго или втораго класса и всегда въ обществѣ двухъ дамъ; откуда берете вы средства угощать вашихъ приверженцевъ шампанскимъ и тому подобными дорогими предметами, роскошно ѣсть и пить, занимать первыя мѣста въ театрѣ и вращаться въ хорошемъ обществѣ, — короче, откуда берете вы деньги для покрытія ежегодныхъ расходовъ въ 5 — 6 тысячъ талеровъ?»

Какъ бы то ни было, въ концѣ іюня, Швейцеръ былъ избранъ въ предсѣдатели «всеобщаго союза нѣмецкихъ рабочихъ.» Весною начались уже въ разныхъ мѣстностяхъ стачки, причемъ первые воспользовались новыми законами о свободѣ стачекъ плотники и каменьщики, которые уходили отъ своихъ хозяевъ цѣлыми тысячами. Ходъ этихъ стачекъ почти вездѣ одинаковъ. Когда агитаторамъ удастся убѣдить рабочихъ въ томъ, что они слишкомъ много работаютъ, получая за свои труды слишкомъ скудную плату, то рабочіе соглашаются взаимно разомъ прекратить работы. Собираются бурныя засѣданія рабочихъ, и если работодатели не соглашаются тотчасъ же удовлетворить требованіе рабочихъ, то объявляется война, состоящая въ томъ, кто кого побѣдитъ голодомъ. Подобно тому, какъ изъ осажденной крѣпости высылаются женщины и старики, при стачкѣ посылаются члены, холостые люди, добывать свой хлѣбъ, гдѣ могутъ, и на мѣстѣ битвы остаются лишь старѣйшіе, женатые члены. Если работодатели не въ состояніи выдержать прекращенія работъ, то имъ приходится сдаться; въ противномъ случаѣ, когда рабочіе доведены до послѣдней нищеты, сдаются рабочіе. Большинство стачекъ нынѣшняго года не имѣло успѣха, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ будущемъ къ этому нелѣпому средству станутъ прибѣгать гораздо рѣже. Неудачи, однако, нисколько не препятствуютъ распространенію агитаціи. Самымъ важнымъ

явленіемъ этой послѣдней былъ соціально-демократическій конгрессъ въ Эйзенахѣ, созванный на 7-е августа Бебелемъ, Либкнехтомъ и ихъ приверженцами. Сюда же явились и многіе приверженцы Швейцера, которые, воспользовавшись спорами изъ-за повѣрки выборовъ уполномоченныхъ, старались прервать засѣданіе съѣзда, и когда предложенные имъ вопросы были рѣшены противно ихъ желаніямъ, запѣли рабочую «Марсельёзу» и тѣмъ воспрепятствовали конгрессу продолжать свои пренія. Приверженцы Бебеля собрались затѣмъ особо и приняли, послѣ довольно краткихъ преній, новую программу, въ которую вошли, кромѣ прежнихъ требованій, еще много другихъ. Основнымъ положеніемъ программы служитъ заявленіе о томъ, что соціально-демократическая партія стремится къ учрежденію *свободнаго народнаго государства*. Нынѣшняя система производства (система заработной платы) должна быть замѣнена артельнымъ трудомъ, такъ чтобы рабочему доставались всѣ результаты его труда. *Ближайшими требованіями* поставлены между прочимъ слѣдующія: дарованіе избирательнаго права всѣмъ лицамъ мужескаго пола, достигшимъ 20-лѣтняго возраста; веденіе непосредственнаго законодательства изъ рукъ народа; отмѣна всѣхъ привилегій: сословныхъ, имущественныхъ, родовыхъ и религіозныхъ; учрежденіе народнаго ополченія въ замѣнъ постоянной арміи; даровой судъ; отмѣна всякихъ законовъ противъ свободы печати, сходокъ, собраній или стачекъ; введеніе законнаго рабочаго дня; ограниченіе женскаго труда на фабрикахъ и мастерскихъ; запрещеніе дѣтскаго труда; отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ и введеніе одного единственнаго прямого и прогрессивнаго подоходнаго налога.

Не слѣдуетъ забывать, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ у насъ не видятъ ровно ничего противозаконнаго или преступнаго, пока для осуществленія ихъ не прибѣгаютъ къ противозаконнымъ средствамъ.

Между тѣмъ, какъ соціалистическая партія обращаетъ на себя такимъ образомъ всеобщее вниманіе, о дѣятельности приверженцевъ Шульце-Делича нѣтъ почти никакихъ особенныхъ извѣстій. Только недавно появившійся годовой отчетъ о состояніи нѣмецкихъ ассоціацій въ истекшемъ году доказываетъ, что ассоціаціонное дѣло находится въ безпрерывномъ развитіи. Изъ отчета о 1867 годѣ мы знаемъ, что тогда было 1707 ассоціацій, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ повѣренными (Anwalt) нѣмецкихъ ассоціацій, то-есть съ Шульце-Деличемъ; все же число ассоціацій простиралось до 1900. Теперь управленію Шульце-Делича подлежатъ 2349 ассоціацій (изъ нихъ 1558 кредитныхъ союзовъ, и 555 потребительныхъ ассоціацій), — все же число ассоціацій простирается до 2600, а число членовъ въ нихъ превышаетъ уже милліоны. Дѣлъ совершено въ нихъ на 210—220 милліоновъ талеровъ, а весь оборотъ кассы вдвое больше этой послѣдней сумм

Собственный капиталъ ассоціацій опредѣляется въ 15 милліоновъ, а вклады и кредитъ товаромъ составляетъ 40—42 милліоновъ талеровъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что число и дѣятельность ассоціацій значительно увеличились, благодаря новому закону, утвержденному сѣверо-германскимъ парламентомъ 4-го іюля прошлаго года, и ясно опредѣляющему юридическое положеніе этихъ полезныхъ учрежденій. Въ дѣлѣ ассоціацій многаго можно ожидать также отъ Австріи, гдѣ съ новымъ переворотомъ въ политическомъ быту началось и широкое движеніе въ экономическомъ отношеніи.

Другимъ доказательствомъ плодотворности и полезности принциповъ Шульце служитъ берлинскій ремесленный союзъ (Handwerkerverein), праздновавшій въ нынѣшнемъ году свое двадцатипятилѣтіе и о дѣятельности котораго можно получить достовѣрныя свѣдѣнія изъ обнародованнаго имъ недавно отчета. Это общество основано въ 1844 году, по случаю бывшей тогда промышленной выставки, съ цѣлью споспѣшествовать распространенію образованія среди ремесленниковъ, и служить имъ мѣстомъ для невинныхъ удовольствій. Такъ какъ духъ этого собранія былъ либеральный и такъ какъ члены, стоявшіе во главѣ его, и учителя тоже отличались либеральными стремленіями, то съ наступленіемъ эпохи крайней реакціи, въ 1850 году, оно было закрыто директоромъ полиціи, Гинкельдеемъ, и только въ 1858 году, съ вступленіемъ Пруссіи въ «новую эру», ему дозволили снова продолжать свою дѣятельность. Въ то время союзъ измѣнилъ нѣсколько свои статуты, допустивъ въ свою среду и лицъ, не принадлежащихъ къ числу ремесленниковъ. Съ каждымъ годомъ, до самой войны 1866 года, процвѣтаніе союза становилось все болѣе прочнымъ и блистательнымъ, но война значительно повредила его дѣламъ, и этотъ вредъ начинаетъ исчезать лишь въ настоящее время; въ прошлую зиму число членовъ (членство обязываетъ лишь на одинъ мѣсяцъ) было среднимъ числомъ 2,154, и въ продолженіи всего года ихъ насчитываютъ до 5,126. Членскій взносъ — 3 зильбергроша ежемѣсячно. Въ 1868 году, въ зданіи собранія читались, на 300 вечерахъ, лекціи всѣми либеральными знаменитостями Берлина,—изъ этихъ лекцій 74 поучали слушателей разнымъ предметамъ естественной исторіи и медицины, 71—литературѣ и изящнымъ искусствамъ, 53 — технологіи и промышленности. Въ особыхъ школахъ обучались, за небольшую плату, 3,730 членовъ разнымъ элементарнымъ свѣдѣніямъ: грамотѣ, рисованію, ариѳметикѣ и т. п. Зимою по воскресеньямъ бывали постоянно концерты, а иногда балы, маскарады, ёлки; лѣтомъ дѣлались экскурсіи въ окрестности Берлина. Въ читальной залѣ, на полкахъ которой лежитъ не менѣе 4,000 томовъ разныхъ сочиненій, членамъ союза предоставляется пользоваться еще новыми журналами и газетами, число которыхъ доведено до 81. Въ послѣдніе годы, союзъ учредилъ строительное учи-

лище (Baugewerkschule), и имъ же учрежденъ музей ремеслъ (Gewerbe-Museum). Само собою разумѣется, что вся эта благотворная для рабочаго класса дѣятельность заслуживаетъ полнаго и безусловнаго предпочтенія всѣмъ шумнымъ собраніямъ соціалистовъ, но никакъ не слѣдуетъ смѣшивать лицъ съ дѣломъ, и не слѣдуетъ забывать, что всѣ стремленія партіи Шульце имѣютъ въ виду лишь увеличить число самостоятельныхъ и имущихъ людей, но *съ полнымъ сохраненіемъ настоящаго экономическаго порядка.* Такимъ образомъ, подъ личиною либеральнаго принципа, *ассоціація* въ дѣйствительности обладаетъ характеромъ рѣшительно консервативнымъ. Ибо результатъ ея можетъ быть лишь двоякій: или ассоціація станетъ приносить своимъ сочленамъ столь великую пользу, что имъ и въ голову не придетъ когда-либо отказаться отъ нея, и въ такомъ случаѣ она современемъ приметъ болѣе или менѣе исключительный характеръ и не станетъ допускать къ себѣ чужихъ, — или, если этого не случится, каждый членъ станетъ выходить изъ нея всякій разъ, какъ только онъ, благодаря ассоціаціи и своей собственной бережливости, пріобрѣтетъ достаточный капиталъ для самостоятельнаго существованія. Система самопомощи и ассоціаціи увеличиваетъ число имущихъ быстрѣе, нежели это происходитъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, но число неимущихъ въ обществѣ увеличивается еще быстрѣе, и потому отличіе между бѣдными и богатыми становится все глубже, какъ это доказываетъ особенно статистика Англіи. Кто же станетъ доказывать, что подобный общественный порядокъ можетъ оставаться на-вѣки неизмѣннымъ? Исторія неопровержимо показываетъ, что въ общественномъ порядкѣ произошли великія перемѣны, и то, что мы нынѣ называемъ соціальнымъ варварствомъ, казалось, въ свое время, образованнѣйшимъ, добродѣтельнѣйшимъ, мудрѣйшимъ и наиболѣе патріотичнымъ людямъ, чѣмъ-то такимъ же непоколебимымъ, какимъ кажется намъ теперь настоящій общественный и экономическій порядокъ. Между тѣмъ, необходимыя перемѣны, по своей сущности, пролагаются людьми, которые обыкновенно остаются непризнанными въ свое время, такъ какъ большинство образованныхъ людей и весь классъ пишущихъ настроены столь консервативно, что отъ нихъ нечего ожидать какихъ-либо реформъ въ соціальномъ и экономическомъ организмѣ, хотя и логика и исторія говорятъ намъ постоянно, что и такія широкія преобразованія также бываютъ необходимы. Само собою разумѣется, что общественныя перемѣны происходятъ лишь мало-по-малу. Каждая новая соціальная мысль, при своемъ первоначальномъ появленіи въ мірѣ, всегда встрѣчаетъ страшную оппозицію со стороны громаднаго большинства стараго поколѣнія, почитатели этой мысли подвергаются жестокимъ преслѣдованіямъ, между тѣмъ какъ слѣдующее поколѣніе начинаетъ уже относиться къ ней болѣе снисходительно, пока, наконецъ, второе или

третье поколѣніе не помирится съ нею вполнѣ, отбросивъ всѣ наросты, покрывшіе эту мысль во время ея борьбы за свое существованіе и окончательное торжество.

Широкое, всеобщее движеніе рѣдко бываетъ безъ идеальнаго увлеченія, рѣдко проходитъ безъ волненій. Такъ точно и въ нынѣшней соціалистической агитаціи заключается не одна трезвая мысль, но она скрыта отъ взоровъ правительства и имущихъ классовъ бурными угрозами частной собственности и даже дѣйствительными мятежными излишествами, въ родѣ недавняго нападенія стакнувшихся рабочихъ на фабрику г. Лауенштейна въ Гамбургѣ, а также открытыми заявленіями республиканскихъ стремленій. Извѣстно, что нынѣшнее прусское правительство вело себя съ соціалистами весьма осторожно, такъ какъ соціалистическое движеніе казалось ему полезнымъ, какъ временная опора противъ требованій либеральной буржуазіи; очень можетъ быть, что въ этомъ своемъ поведеніи правительство руководствовалось даже болѣе глубокими мотивами. Теперь же, когда соціалисты стали проповѣдовать свои революціонныя цѣли совершенно открыто, и когда правительству донесли, что въ Швейцаріи существуетъ будто бы особый *революціонный фондъ*, на счетъ котораго содержатся газеты и агитаторы соціализма,—дѣло приняло совершенно иной оборотъ, и правительство рѣшилось строго преслѣдовать всякій случай, въ которомъ будетъ какое-либо нарушеніе положительныхъ законовъ. Говоря вообще, даже злѣйшіе враги соціализма убѣдились нынѣ, что откровенное изложеніе соціалистическихъ теорій, отъ которыхъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, во времена полицейскаго затишья, подымались волосы на филистерскихъ головахъ, гораздо менѣе опасно, нежели тайное развитіе и распространеніе ихъ, которое можетъ окончиться внезапнымъ взрывомъ. Другимъ хорошимъ послѣдствіемъ свободы слова служитъ то, что всѣ требованія рабочихъ переходятъ въ столбцы печати и обсуждаются совершенно свободно въ кружкахъ имущихъ классовъ. Какъ извѣстно, всѣ законы, даровавшіе столь широкую свободу рабочимъ, прошли черезъ палаты и рейхстагъ, гдѣ громадное большинство членовъ принадлежитъ къ классу имущихъ. И теперь также серьезно занимаются они опредѣленіемъ обязанностей фабрикантовъ и вообще промышленниковъ къ рабочимъ во всякаго рода несчастныхъ случаяхъ, которымъ подвергаются рабочіе во время своихъ занятій. Страшное несчастіе въ одной изъ каменноугольныхъ копей Саксоніи, гдѣ погибло до 300 рабочихъ, послужило главнымъ поводомъ къ нынѣшней агитаціи, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сѣверо-германскій парламентъ установитъ по этому предмету самыя строгія предписанія.

Остается поговорить еще о двухъ вопросахъ: о численности соціалистической партіи и о томъ, улучшается ли положеніе рабочаго класса, или ухудшается. Что касается до перваго пункта, о немъ трудно ска-

затѣ что-нибудь опредѣлительное, такъ какъ соціалисты сами спорятъ о силѣ своей партіи. На съѣздѣ, куда собираются делегаты изъ разныхъ мѣстностей, число собравшихся обыкновенно опредѣляется по полномочнымъ свидѣтельствамъ, которые привозятся делегатами отъ своихъ избирателей, однако эйзенахскій съѣздъ доказалъ, что этимъ свидѣтельствамъ довѣрять нельзя, такъ какъ обѣ соціалистическія партіи, собравшіяся на тотъ съѣздъ, успѣли уличить другъ друга въ обманѣ. По ихъ собственнымъ опредѣленіямъ, эйзенахскіе делегаты должны служить представителями 150 тысячъ голосовъ, то-есть членовъ разныхъ мѣстныхъ рабочихъ обществъ. Такъ какъ въ эти вычисленія входитъ обыкновенно все число членовъ каждаго отдѣльнаго общества, то надо полагать, что приведенная цифра можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ партіи. Предполагая, что кружокъ Швейцера не менѣе многочисленъ, мы получимъ цифру всѣхъ соціалистовъ въ Германіи въ 300 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ анти-соціалистическія ассоціаціи насчитываютъ у себя болѣе милліона членовъ. Итакъ, численная сила соціализма далеко не можетъ возбуждать серьезныхъ опасеній, и она едва ли подымется выше, такъ какъ до сихъ поръ все движеніе ограничивалось лишь городскими рабочими, а сельскаго и не затронуло.

Что касается до существованія рабочихъ,—улучшилось ли оно, или ухудшилось?—объ этомъ спорятъ весьма жарко. Въ описанномъ мною засѣданіи сѣверо-германскаго парламента, депутатъ Браунъ, отвѣчая на рѣчь Швейцера, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Представьте себѣ какого-нибудь рабочаго, находящагося въ сравнительно дурномъ положеніи, узнайте, каковы его потребности, посмотрите, какъ онъ живетъ и какъ одѣвается,—послѣднее мы можемъ видѣть *здѣсь*, на представителяхъ рабочаго класса (громкій смѣхъ раздается въ собраніи, такъ какъ парламентскіе представители рабочихъ, и особенно Швейцеръ, отличаются изящными костюмами), и сравните все это съ жизнью рабочаго лѣтъ 300 тому назадъ. Сравните, далѣе, жизнь нашего рабочаго съ жизнью какого-нибудь богатаго и могущественнаго царька въ азіатскомъ государствѣ. Еслибъ мнѣ предложили сдѣлать выборъ между судьбою берлинскаго рабочаго на желѣзныхъ фабрикахъ и жизнью какого-нибудь государя въ Ост-Индіи, у подошвы Гималайскаго хребта, я избралъ бы первую». Соціалисты, съ своей стороны, представляютъ цѣны жизненныхъ припасовъ и заработной платы въ разныя времена, стараясь доказать ими, что положеніе рабочихъ въ прежнія времена было лучше нынѣшняго, — но есть много фактовъ, доказывающихъ совершенно противное. Едва ли возможно допустить, чтобы успѣхъ цивилизаціи и возрастаніе народнаго богатства въ наше время не были полезны всѣмъ и каждому, а слѣдовательно и рабочему классу, хотя

опять изъ этого не слѣдуетъ, что современное положеніе рабочаго класса не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Послѣднее время проходило, въ политическомъ отношеніи, столь безмятежно и тихо, что я, отложивъ политику въ сторону, могу обратиться прямо къ торжеству юбилея Гумбольдта. Оно было всемірное, но особенно живое участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ городъ Берлинъ, такъ какъ Гумбольдтъ былъ гражданиномъ Берлина и по рожденію и по мѣсту жительства съ 1827 года. Уже раннею весною нынѣшняго года родилась мысль о необходимости обратить въ національное торжество столѣтнюю годовщину дня рожденія Гумбольдта и воздвигнуть монументъ въ память этого великаго ученаго. Эта мысль нашла въ нынѣшнемъ обществѣ тѣмъ большее сочувствіе, что Гумбольдтъ всегда былъ самымъ вліятельнымъ защитникомъ научнаго и политическаго прогресса и потому празднество его имени могло дать и Берлину и всей Германіи удобный случай для величаваго протеста противъ мрачнаго ретроградства, угрожающаго теперь дѣлу свободы какъ распространеніемъ ультрамонтанства и невѣжества на религіозномъ поприщѣ, такъ и невѣжественнымъ стремленіямъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Первый толчекъ къ осуществленію Гумбольдтовскаго празднества былъ данъ профессоромъ Вирховомъ, и ему удалось подвинуть на это дѣло и обывателей, и городскія власти Берлина. По первоначальному плану предполагалось поставить въ честь Гумбольдта памятникъ, и эта мысль нашла широкое сочувствіе въ провинціяхъ. Наслѣдный принцъ и его жена были почти первые изъ пожертвовавшихъ значительную сумму въ пользу этого дѣла; свое приношеніе они сопровождали открытымъ письмомъ, въ которомъ выразили свое горячее сочувствіе къ памяти Гумбольдта. Даже самъ король высказалъ комитету свое одобреніе и предложилъ ему свою помощь, если она окажется необходимою. Это королевское одобреніе заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что обнародованіе писемъ Гумбольдта къ Фарнгагену (племянницею послѣдняго, Людмилою Ассингъ), въ которыхъ содержится крайнее рѣзкое сужденіе о королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV и его правленіи, произвело весьма непріятное впечатлѣніе при дворѣ. Вирховъ недовольствовался монументомъ, и пошелъ далѣе. Этотъ замѣчательный человѣкъ отличается изумительнымъ трудолюбіемъ; кромѣ своей ученой дѣятельности, онъ усердно занимается городскими и государственными дѣлами, какъ членъ думы и парламента. Онъ предложилъ думѣ, по поводу Гумбольдтовскаго юбилея, раскинуть въ городѣ огромный паркъ, который назвать Гумбольдтовскимъ, часть этого парка должна быть обращена въ ботаническій садъ, который бы удовлетворялъ преимущественно потребностямъ ремесленныхъ классовъ;

сверхъ того, онъ предложилъ устроить особое зданіе, въ родѣ хрустальнаго дворца на Сенджемскомъ холмѣ за Лондономъ, или Смитсонскаго института въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которомъ предполагается читать популярныя лекціи рабочимъ же классамъ. Реакціонеры возставали противъ вирховскаго проекта самымъ ожесточеннымъ образомъ, впрочемъ подъ благовиднымъ предлогомъ дурного положенія городскихъ финансовъ, и они вели свою оппозицію столь искусно, что до самаго послѣдняго момента дѣло Вирхова казалось проиграннымъ. Однако въ концѣ концовъ реакціонерамъ пришлось уступить, и городъ Берлинъ отпраздновалъ память Александра Гумбольдта открытіемъ памятника въ присутствіи всѣхъ членовъ городской думы, рабочихъ союзовъ и до 50 ремесленныхъ обществъ, и многочисленной публики, среди обширной площади, которая предназначена обратиться въ гумбольдтовскій паркъ. Оберъ-бюргермейстеръ Зейдель держалъ по этому поводу превосходную рѣчь, въ которой выражена—правда, нѣсколько робко и темно, существенная мысль празднества. Привожу изъ нея небольшой отрывокъ, составленный и въ духѣ и, можно сказать, въ стилѣ Гумбольдта, хотя, къ съ сожалѣнію, неудобопонятный для массы публики: «Дни міровоззрѣнія, склоннаго не признавать необходимой связи вещей и представлять разбитою цѣпь естественныхъ явленій, а также искать чудеса не въ законномъ и прогрессивномъ развитіи, уже сочтены. Всѣ старые боги, которыми игривая фантазія, смутное сознаніе единства природныхъ силъ и символическое присутствіе величаваго въ явленіяхъ природы, населяли міръ не исключительно за гранью нашего, хотя все еще ограниченнаго, но постоянно расширяющагося знанія, всѣ эти боги, нерѣдко угрожавшіе и сопротивлявшіеся всѣмъ усиліямъ нашего познанія, удалились теперь въ Тартаръ.»

Яснѣе выражена та же мысль въ рѣчи предсѣдателя городской думы, г. Кохханна, который, сравнивъ основаніе новаго парка съ обычаемъ древнихъ грековъ и германцевъ молиться своимъ богамъ въ рощахъ, сказалъ: «Храмъ природы, создаваемый нами, будетъ вкладомъ въ исторію нашего времени. Онъ долженъ служить символомъ того, что истинное богопочитаніе не исключаетъ свободныхъ изысканій науки и познанія природы и ея вѣчныхъ законовъ, и что по самой сущности чистаго и неподдѣльнаго ученія основателя нашей религіи, изученіе природы способствуетъ болѣе глубокому пониманію любви и всемогущества божіихъ. Богопочитаніе, источникомъ котораго не служитъ убѣжденіе человѣка и которое основано на шаткихъ предположеніяхъ и поддерживается лишь господствомъ духовенства, поповскимъ высокомѣріемъ и насиліемъ—такое богопочитаніе ведетъ лишь къ невѣрію и лицемѣрію!»

Это очевидное нападеніе на господствующій нынѣ духъ въ еван-

гелической церкви возбудило противъ себя страшную бурю среди закоренѣлыхъ консерваторовъ. Особенно сильно возмущены они тѣмъ обстоятельствомъ, что во время самаго торжества по поводу гумбольдтовскаго юбилея, наслѣдный принцъ и его супруга прислали торжествующему народу поздравительную телеграмму, въ которой они еще разъ высказываютъ свое сочувствіе къ празднеству. Вечеромъ того же дня юбилей праздновали также въ географическомъ обществѣ и въ разныхъ другихъ собраніяхъ. Тоже самое происходило почти во всѣхъ большихъ городахъ Сѣверо-Американскаго Союза, между тѣмъ какъ въ южной Германіи къ юбилею отнеслись почти индифферентно.

Юбилей снабдилъ Германію цѣлою массою разныхъ литературныхъ произведеній, такъ-называемыхъ популярныхъ біографій Гумбольдта, но всѣ они имѣютъ лишь минутное значеніе и принесли пользу лишь гумбольдтовой агитаціи. Единственнымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ литуратуры за это время и по этому предмету можетъ считаться лишь переписка Гумбольдта съ барономъ Бунзеномъ [1]), состоявшимъ долгое время уполномоченнымъ Пруссіи при римскомъ и (позже) англійскомъ дворахъ, обнародованная какъ разъ наканунѣ празднества.

Гумбольдтъ познакомился съ Бунзеномъ еще въ 1816 году, когда тотъ былъ весьма молодымъ человѣкомъ, но уже обладалъ громадною ученостью, чѣмъ и успѣлъ заинтересовать Гумбольдта. Переписка, сначала веденная съ значительнымъ перерывомъ, становилась съ теченіемъ времени все живѣе и чаще, и содержитъ въ себѣ много интереснаго касательно царствованія короля Фридриха-Вильгельма IV какъ до революціи 1848 года, такъ и послѣ нея. Само собою разумѣется, что съ Бунзеномъ, человѣкомъ, который, особенно въ религіозныхъ дѣлахъ, придерживался крайне узкихъ воззрѣній, Гумбольдтъ высказывался далеко не такъ откровенно, какъ съ Фарнгагеномъ. Поэтому политическихъ замѣчаній въ этой перепискѣ крайне мало, хотя читатель газетъ, успѣвшихъ уже воспользоваться этими замѣчаніями для своихъ цѣлей, можетъ подумать, что вся переписка переполнена политическими разсужденіями. Большая часть новой книги посвящена научнымъ интересамъ и служитъ превосходнымъ доказательствомъ горячаго участія Гумбольдта ко всему, что носитъ названіе науки. Здѣсь мы видимъ, сколько труда и дипломатической хитрости стоило Гумбольдту, чтобы, напримѣръ, побудить короля оказать крупную помощь для снаряженія ученой экспедиціи братьевъ Шлагинтвейтъ въ Азію. Принципіозные демократы часто горько упрекали Гумбольдта въ томъ, что онъ ведетъ себя крайне двусмысленно, такъ какъ несмотря на

---

[1]) Briefe von Alexander Humboldt an Christian Carl Josias Freiherrn v. Bunsen. Leipzig 1869. F. A. Brockhaus.

либеральныя убѣжденія, которыя онъ высказывалъ въ своихъ частныхъ письмахъ, Гумбольдтъ не переставалъ вращаться въ придворныхъ сферахъ. Теперь оказывается, что именно въ этомъ послѣднемъ положеніи Гумбольдтъ оказывалъ наукѣ весьма важныя услуги, ибо король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, чуждаясь политическихъ убѣжденій Гумбольдта, не переставалъ питать къ нему полное довѣріе въ дѣлахъ науки и принималъ совѣты Гумбольдта даже въ періодъ злѣйшей реакціи. Благодаря этому обстоятельству, Гумбольдту удавалось доставлять профессорскія каѳедры и другія мѣста многимъ знаменитымъ ученымъ, подвергавшимся, за свои либеральныя убѣжденія, безпрестаннымъ нападкамъ со стороны консервативной партіи, господствовавшей тогда въ королевствѣ; эти услуги даютъ Гумбольдту полное право на благодарность потомства. Вообще говоря, мало найдется такихъ придворныхъ, которые могли бы съ гордостью сказать, что они не забывали своихъ друзей и единомышленниковъ въ несчастіи.

Изъ политическихъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ этихъ письмахъ Гумбольдта, есть одна весьма интересная. Въ письмѣ, помѣченномъ 1855 годомъ, онъ пишетъ: Вчера я провелъ три часа въ качествѣ избирателя (Urwähler). Представьте себѣ, другъ Шталя (извѣстный вождь реакціонерной партіи), статскій совѣтникъ и профессоръ Келлеръ совершенно наивно потребовалъ, въ моемъ округѣ, чтобъ избираемые (Wahlmänner) обѣщали всегда подавать свои голоса съ нынѣшнимъ министерствомъ. Но его осмѣяли, и въ моемъ кварталѣ вездѣ побѣдили либералы. При томъ маломъ, что намъ оставили, пріятное и благотворное впечатлѣніе оказываетъ равенство, проявляющееся повсюду на первыхъ выборахъ [1]). Въ бойкіе годы 1848—50, я принадлежалъ къ свободному союзу ремесленниковъ (см. выше), вчера подавалъ голосъ вмѣстѣ съ 60 почтальонами, такъ какъ почта находится насупротивъ моего дома. Это вовсе не все равно, имѣютъ ли, или нѣтъ люди рабочаго или такъ-называемаго низшаго класса понятіе о томъ, что и они въ извѣстные моменты своей жизни обладаютъ такими же правами, какъ и аристократія, какъ Келлеръ и тотъ оріенталистъ (т. е. еврей Гинпель, хотя и крещеный), который охотно сжегъ бы и васъ (Бунзена) и меня. Пока существуютъ такія учрежденія, какъ избирательное право—я предпочитаю, впрочемъ, непосредственное избраніе народныхъ представителей, до тѣхъ поръ не все потеряно. Народный духъ можетъ воспользоваться этими формами для того, чтобы безъ всякихъ потрясеній возвратить все временно утраченное».

Это предсказаніе весьма замѣчательно. Нынѣ мы имѣемъ уже все-

---

[1]) Прусская система выборовъ состоитъ изъ двухъ собраній: сперва Urwähler'ы избираютъ Wahlmänner'овъ, а потомъ эти послѣдніе,—членовъ палаты депутатовъ.

общее прямое избирательное право, и несмотря на всѣ опасенія, оно дало только хорошіе результаты.

Заговоривъ однажды о Бунзенѣ, побесѣдую теперь же о другомъ замѣчательномъ сочиненіи о Бунзенѣ, о второмъ томѣ біографіи этого дипломата, написанной Фридрихомъ Ниппольдомъ [1]. Подобно первому тому, нынѣшній томъ основанъ на весьма объемистыхъ матеріалахъ, оставленныхъ покойнымъ дипломатомъ, и обнимаетъ собою періодъ времени отъ 1838 по 1849 годъ, въ продолженіи котораго Бунзенъ занималъ сперва дипломатическій постъ въ Швейцаріи, а потомъ въ Англіи. Въ самое послѣднее время, особенно въ революціонные годы, Бунзенъ пріобрѣталъ все бóльшее и бóльшее довѣріе Фридриха-Вильгельма IV. Біографія его даетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о прусской политикѣ и положеніи дѣлъ въ Пруссіи, особенно въ 1847—48 годахъ.

Самымъ интереснымъ эпизодомъ въ нынѣшнемъ томѣ служитъ разсказъ Бунзена о его поѣздкѣ въ Берлинъ, въ августѣ 1848 года, въ самый разгаръ революціоннаго движенія. Король и министръ призывали его тогда къ себѣ посовѣтоваться о нѣмецкихъ и датскихъ дѣлахъ. Съ изумительною наивностью описываетъ онъ свои впечатлѣнія, навѣянныя на него революціоннымъ Берлиномъ. Онъ разсказываетъ:— «Мнѣ наняли карету въ національное собраніе. Внизу я дѣйствительно нашелъ карету № 287, проѣхавшую по тротуару. Признакъ времени! Вообще всѣ ѣздили не иначе, какъ въ наемныхъ экипажахъ, или шли пѣшкомъ, съ сигарою въ зубахъ. Какая разница съ Берлиномъ, какимъ знавалъ его я прежде. Причиною тому былъ страхъ оскорбить новаго владыку. Въ національномъ собраніи я пошелъ въ пѣвческую академію. Физіономія собранія казалась не очень величавою. Сразу можно было догадаться, что тутъ сидѣло много людей безъ всякаго образованія и понятія. И рѣчи были не слишкомъ-то парламентарны въ англійскомъ смыслѣ. Вопросамъ не было конца. Министры, все еще уполномоченные королевскою властью, отвѣчали съ своихъ мѣстъ, точно гимназисты, а не члены собранія. Многихъ изъ нихъ я посѣтилъ въ тотъ же день. Всѣ казались мнѣ отличными, дѣльными и ревностными преобразователями».... Затѣмъ ему дали аудіенцію у короля, вечеромъ онъ посѣщаетъ театръ и ему снова не нравятся разныя сцены господствовавшей анархіи:—«Отправившись домой (продолжаетъ онъ), на университетской площади мы попали въ толпу народа, которая бѣжала со двора (университета) передъ наступавшими на нее вооруженными гражданами. Въ 11½ часовъ все снова было спокойно, всѣ расходились по домамъ; праздность и неуваженіе къ властямъ

[1]) Christian Carl Josias Freiherr v. Bunsen. Aus seinen Briefen und nach eigner Erinnerung geschildert von seiner Wittwe. Deutsche Ausgabe durch neue Mittheilungen verwohrt von Friedrich Nippold. Leipzig. 1868. F. A. Brockhaus.

были на очереди. На углу дома стояли четыре гражданина съ многорѣчивымъ демагогомъ, разъяснявшимъ передъ ними соціальный вопросъ. Что это такое? спрашивалъ одинъ. Я вамъ разъясню это,— отвѣчалъ уличный философъ. Политическій вопросъ: — кому управлять? — это для меня все равно, но соціальный вопросъ: чѣмъ прожить завтра?—это величайшая проблемма, и пока она не разрѣшена, все прочее гиль!» Отвѣтъ, что для того, чтобы прожить завтра, ему придется или работать или воровать,— этотъ отвѣтъ никому не приходилъ въ голову».

При дворѣ тоже шло все изъ третьяго въ десятое. «Васъ оклеветали!»—Этими словами встрѣтилъ Бунзена король и тотчасъ же раскрылъ ему всю душу. «Иностранныя дѣла — сказалъ онъ—принадлежатъ мнѣ. Въ принципѣ все должно идти такъ, какъ я желаю, но исполненіе — дѣло министровъ. Берлинъ — домъ умалишенныхъ; мнѣ стоитъ мигнуть, и сюда нахлынутъ провинціи, но я сдерживаю ихъ. Въ самомъ Берлинѣ есть 10 тысячъ человѣкъ, и въ окрестностяхъ еще 30 тысячъ, которые одушевлены лучшимъ духомъ».

Если біографія Бунзена есть не что иное, какъ интересные мемуары, которые могутъ послужить богатымъ матеріаломъ для будущаго историка, за то другое біографическое сочиненіе: о фельдмаршалѣ Гнейзенау [1], заслуживаетъ вниманія, какъ превосходный историческій трудъ. Нынѣ вышелъ третій томъ его, обнимающій лишь короткій періодъ времени Пойшвитцскаго перемирія съ 7-го іюня и до конца 1815 года. Авторъ предпослалъ этому тому нѣсколько словъ изъ письма самого Гнейзенау, писаннаго имъ въ рѣшительный день лейпцигской битвы: «какъ изумится потомство, когда узнаетъ когда-нибудь тайную исторію этой войны!» и онъ подробно рисуетъ весьма грустную картину жалкихъ перебранокъ и дрязгъ между разными генералами, командовавшими прусскою арміею, но отъ этой мастерской картины исторія выигрываетъ весьма мало. Мы видимъ только, какихъ удивительныхъ усилій стоило Блюхеру и Гнейзенау проводить свои планы. Весьма интересно описана лейпцигская битва, и серьезнаго вниманія заслуживаетъ исторія образованія *ландштурма*, во время перемирія. Гнейзенау и его сторонники, пылкіе патріоты, хотѣли создать ополченіе на подобіе того, какимъ оно явилось въ Испаніи, Тиролѣ и Россіи. Вся страна должна была возстать какъ одинъ человѣкъ. Планъ Гнейзенау былъ дѣйствительно величавый. Не только всѣ вооруженные люди должны оказывать врагу рѣшительное сопротивленіе, но и все остальное населеніе, при приближеніи непріятеля, обязано уходить отъ него, и всякій, кто осмѣлится перейти на сторону французовъ,—

[1]) Das Leben des Feldmarschall Grafen Neithardt von Gneisenau, von G. H. Pertz. Dritter Band. Berlin 1869. Georg Reimer.

все равно, добровольно ли, или принужденно—подвергается смертной казни. «Столица»—такъ буквально сказано въ проектѣ—«какъ городъ, наиболѣе предрасположенный нападеніямъ непріятеля, долженъ скорѣе всего подать примѣръ прочимъ городамъ. Такъ какъ противъ нея можетъ направиться армія, превышающая число жителей не болѣе какъ въ два раза, то жители столицы могутъ защищаться противъ непріятеля всѣми возможными средствами, какъ внѣ города, такъ и въ непосредственныхъ окрестностяхъ его и въ самомъ городѣ. Многіе изъ большихъ великолѣпныхъ зданій могутъ быть легко обращены въ цитадели,—если они могутъ служить къ украшенію трона, то тѣмъ болѣе для защиты его. Тому, кто понимаетъ высокое чувство, которое одно придаетъ значеніе всѣмъ благамъ жизни,—чувство невыносимости отъ чужестраннаго ига,—тому лучше обратить эти великолѣпныя зданія въ развалины, нежели сдать ихъ въ руки чужестраннаго тирана».

Въ свитѣ короля было тогда много людей, которые считали подобныя мысли и предложенія рѣшительно революціонными, и потому ландштурмъ вышелъ въ свѣтъ далеко не въ томъ блестящемъ видѣ, въ какомъ хотѣли представить его по первоначальному плану.

Въ заключеніе моего литературнаго обзора [1]) считаю своимъ дол-

---

[1]) Дополнимъ съ своей стороны указаніемъ на явившійся недавно въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ романа г. Писемскаго «Тысяча душъ». Нѣмецкая публика весьма заинтересовалась произведеніемъ русскаго писателя, и критика отнеслась къ нему съ величайшею похвалою. Приведемъ отзывъ одного изъ извѣстныхъ литераторовъ, Макса Ринга, помѣщенный на дняхъ въ берлинскихъ газетахъ: «Русскій авторъ—говоритъ М. Рингъ о г. Писемскомъ—этого въ высшей степени интереснаго и увлекательнаго романа, принадлежитъ къ числу той реальной школы, которая получила начало во Франціи и въ Россіи нашла себѣ отличныхъ послѣдователей съ большимъ талантомъ и превосходными дарованіями. Въ числѣ такихъ занимаетъ видное мѣсто Алексѣй Писемскій; въ своемъ романѣ, который сдѣлался доступнымъ и намъ, благодаря отличному переводу г. Кайслера, оказавшаго тѣмъ услугу нѣмецкой литературѣ, г. Писемскій съ большою силою и правдою изображаетъ нравы и состояніе своего общества. Но его романъ представляетъ болѣе чѣмъ національный и этнографическій интересъ: онъ въ высшей степени занимателенъ и съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Авторъ видно, глубокій и тонкій знатокъ людского сердца; онъ изслѣдуетъ его въ самыхъ темныхъ углахъ и глубинахъ, безпощадно обнажая его слабости и недостатки. Главный герой не рисуется со всевозможными и невозможными совершенствами: этотъ человѣкъ, снѣдаемый честолюбіемъ, преслѣдуемый страстями, даже падаетъ подъ бременемъ испытанія, но тѣмъ не менѣе его сила воли и энергія, съ которою онъ борется противъ безнравственности администраціи, вызываетъ въ насъ полное къ нему участіе. Рядомъ съ нимъ стоитъ дѣвушка, въ которой безграничная любовь примиряетъ насъ съ ея заблужденіями; она не ангелъ, но настоящая женщина, и тѣмъ болѣе привлекательная. Не менѣе удачны и другія личности романа, смотритель училища, его братъ, старый капитанъ, экономка, добрые люди, взятые изъ дѣйствительной жизни и оттѣненные поэзіею и легкимъ юморомъ. Въ противоположность этому доброму элементу провинціальной жизни, изображаются: внутренне сгнившій чиновный міръ и болѣе или менѣе искаженное высшее общество, представителемъ котораго

томъ упомянуть еще объ одномъ, хотя не особенно замѣчательномъ сочиненіи, но одушевленнымъ благороднымъ, гуманнымъ стремленіемъ. Это — «Die Todesstrafe in ihrer kulturhistorischen Entwickelung», изслѣдованіе Гетцеля (Berlin, 1870). У насъ опять на очереди вопросъ о смертной казни. Въ проектѣ сѣверо-германскаго уложенія о наказаніяхъ, выработанномъ въ министерствѣ юстиціи, смертную казнь предположено сохранить для трехъ видовъ преступленій: за государственную измѣну, тяжкое оскорбленіе государя и умышленное убійство. Почти три четверти юристовъ высказались за полную отмѣну смертной казни, — вышеупомянутая брошюра преслѣдуетъ туже цѣль. Авторъ, дѣйствительно христіанскій проповѣдникъ, горячо защищаетъ свое дѣло, подвергая смертную казнь рѣшительному приговору: «Смертная казнь несправедлива и нецѣлесообразна, неразумна и безчеловѣчна, безнравственна и несовременна». к.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО», ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ МАЙСКОЙ КНИЖКѢ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ» *).

Въ письмѣ въ редакцію «Провинціальное земство», помѣщенномъ въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» (стр. 352), авторъ его, г. Б., разбирая дѣйствія калязинской земской управы, коснулся между прочимъ и мѣстнаго дворянства, какъ помѣщиковъ до 1861 года, нѣкоторыхъ отраслей управленія и за тѣмъ меня лично. Какъ представитель дворянства и затронутыхъ учрежденій, наконецъ, лицо частное,

служитъ князь Иванъ, извѣстнаго рода гоше, который подъ элегантными формами и изящными манерами скрываетъ толстую почву страшныхъ, но нигдѣ не преувеличенныхъ пороковъ. Изображеніе этого отвратительнаго характера я считаю мастерскимъ психологическимъ этюдомъ, который можно смѣло поставить на ряду съ лучшими типами этого рода у Бальзака или Теккерея. Но не одно изображеніе князя, а также и другія фигуры въ романѣ изъ высшаго общества изобличаютъ въ авторѣ высокій наблюдательный талантъ, силу въ очертаніи, какія рѣдко можно встрѣтить въ современныхъ писателяхъ», и т. д. — *Ред.*

*) Мы получили настоящую замѣтку, при отношеніи г. калязинскаго уѣзднаго предводителя дворянства, за № 256, съ предложеніемъ «напечатать ее, на основаніи 26, 27 и 28 пункт. прилож. къ ст. 5, т. XIV Устава цензурнаго по продолженію 1868 г., и на основаніи того же Устава ст. 61, увѣдомить г. предводителя, кто авторъ статьи». Исполняя охотно первое, мы оставили безъ отвѣта второе, такъ какъ ссылка на упомянутую статью 61 есть простое недоумѣніе со стороны автора. — *Ред.*

считаю нужнымъ возстановить, по изложеннымъ въ немъ обстоятельствамъ, истину.

Чтобы напомнить читателю «суть» содержанія означенной статьи, я позволю себѣ, будучи по возможности краткокъ, сдѣлать соотвѣтственныя цѣли настоящей замѣтки выборки ея.

Авторъ въ слѣдующихъ мрачныхъ чертахъ рисуетъ ту безпомощность положенія помѣщичьихъ крестьянъ Калязинскаго уѣзда, въ которой застало ихъ Положеніе 19 февраля 1861 года; вотъ слова его (стр. 355):

«Хозяйство помѣщичьихъ крестьянъ къ великой минутѣ освобожденія изъ крѣпостничества, въ большинствѣ находилось въ самомъ плачевномъ положеніи. Пяти, и даже шестидневная барщина, оброки въ 35 до 45 руб. съ души, кромѣ такъ-называемыхъ натурою (бараны, куры, яйца, тальки и пр. и пр.), отсутствіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ самыхъ необходимыхъ средствъ существованія — лѣсу, дровъ, и пр. и пр. — при подобныхъ условіяхъ крестьянское хозяйство очевидно процвѣтать не могло. Но что̀ представляло оно въ дѣйствительности, — объ этомъ и приблизительное понятіе едва ли могли бы составить себѣ незнакомые съ провинціальной жизнью. Недостатокъ скота дошелъ до того, что не во всякой семьѣ можно было найти корову; поля — неудобренныя и необдѣланныя во̀-время и какъ слѣдуетъ; безвременная уборка чахлыхъ хлѣбовъ, напр., овсовъ изъ-подъ снѣгу; безвременные посѣвы, покосы, — и все кое-какъ, лишь урывками отъ барщинскихъ работъ, — такъ въ главномъ шло крестьянское хозяйство, если можно только назвать это хозяйствомъ. Были имѣнія въ двѣ, три и болѣе тысячъ душъ, за крестьянами которыхъ такъ и стояло издавна названіе — «...скіе нищіе». И это были нищіе во всемъ значеніи слова: они существовали на счетъ сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ, такъ что пока отцы и матери отработывали барщину, ихъ дѣти побирались по казеннымъ деревнямъ и такимъ способомъ прокармливали себя и своихъ родителей».

Далѣе авторъ, коснувшись вліянія реформы 19-го февраля, говоритъ:

«Но тутъ является отнятіе пастбищъ, покосовъ, всего, что̀ дало бы имъ возможность усилить скотоводство и чрезъ то поправить до тла вымотанныя поля, обрѣзки надѣловъ и самыхъ усадьбъ такъ, чтобы крестьянинъ, со всѣхъ сторонъ, какъ тисками, былъ сжатъ помѣщичьей землей и за каждый лишній шагъ скотины и даже курицы платилъ штрафъ; лишеніе всякой возможности — имѣть какой-либо лѣсной матеріалъ свой, безъ чего никакое хозяйство сельское правильно развиваться не можетъ».

Обращаясь затѣмъ къ цѣли, которой задалось калязинское зем-

ство, характеризуетъ ее (стр. 357) слѣдующею фразою: «поборы, поборы и поборы».

Объединяя сдѣланныя выборки, является картина по истинѣ ужасающая. Но посмотримъ, не говоря уже о томъ, вѣрна ли она—возможна ли она, не есть ли это только продуктъ измышленія г. Б. Съ перваго взгляда бросается въ глаза невозможность перехода отъ положенія, въ которомъ, по мнѣнію автора, находились помѣщичьи крестьяне въ годъ освобожденія, къ еще худшему,—невозможность этимъ «нищимъ», съ «отнятіемъ пастбищъ, покосовъ и пр. пр.», съ «поборами, поборами и поборами», да еще вдобавокъ съ постоянными неурожаями послѣднихъ лѣтъ, кончать девятый годъ своей новой жизни, исполняя, какъ укажемъ ниже, возложенные на нихъ обязательства предъ казною, земствомъ и помѣщикомъ. Что-нибудь да не такъ, или положеніе крестьянъ къ году освобожденія не было таковымъ, какъ полагаетъ г. Б., или же вліяніе послѣдовавшихъ реформъ было настолько быстро благотворно, что сразу возвысило уровень крестьянскаго достатка. Ни того, ни другого г. Б., какъ видно, не допускаетъ. Но обратимся къ самымъ выборкамъ.

До изданія положенія 19-го февраля, оброкъ платился крестьянами не съ душъ, а съ тяголъ. Считая среднюю цифру душъ въ тяглѣ въ $2^1/_2$ (а цифра эта никакимъ образомъ не будетъ велика), образуется по размѣру платежа съ души, указанному г. Б. — платежъ съ тягла отъ 85—112 р. въ годъ—цифра не только неслыханная, но нелѣпая и, думаемъ, не для одного Калязинскаго уѣзда. Если предположить, что авторъ наивно смѣшалъ душу съ тягломъ, то и тогда все-таки цифра, выставленная г. Б., является высокою—мы не знаемъ случая оклада съ тягла свыше 30 р., предѣлы же его были отъ 15—30, сообразно съ количествомъ владѣемой земли и доставлявшихся сельскихъ произведеній натурою. 6-ти-дневной барщины естественно существовать не могло, какъ хотя бы воспрещенной закономъ, а самое главное неоправдываемой возможностію существованія при ней крестьянина, да еще вдобавокъ съ уплатою подушныхъ податей. Нужно быть слишкомъ мало знакомымъ съ кругомъ самыхъ насущныхъ потребностей крестьянскаго быта и способомъ ихъ удовлетворенія, чтобы допустить подобное предположеніе,—вѣдь въ самомъ дѣлѣ не именемъ же Христовымъ пропитывались и оплачивали подати 25,000 помѣщичьихъ крестьянъ уѣзда.

Обращаясь къ составленію и введенію въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, нельзя не замѣтить, что положеніемъ 19-го февраля предоставлено сторонамъ широкое право обжалованія, которымъ естественно и пользовались (хотя случаи отмѣны опредѣленій мировыхъ посредниковъ и съѣзда были до крайности рѣдки), въ виду чего, заподозрѣвать незаконное ихъ составленіе возможно только при допущеніи извѣстной солидарности, по затронутому вопросу, высшихъ инстанцій

съ низшими, какой, смѣемъ полагать, не было. Мировыя учрежденія заслуженно составили въ массѣ доброе себѣ имя, не намъ ихъ защищать, да и нужды въ томъ не представляется,—мы желали бы только сказать, что если Калязинскій уѣздъ составлялъ въ томъ печальное исключеніе, то былъ бы безъисходно направленъ на законный путь высшими инстанціями. Если же г. Б. находитъ содержаніе приведенной выборки обусловливаемой самимъ положеніемъ 19-го февраля (на что насъ наводитъ, напр., указаніе на ненадѣленіе крестьянъ лѣсомъ, не обязательнымъ по самому положенію), то мы можемъ только рекомендовать ему предварительное самое зрѣлое обсужденіе этого вопроса.

Дѣятельности земства въ настоящей замѣткѣ мы не коснемся.

Результатомъ очерченнаго положенія дѣлъ естественно должно было быть громадное накопленіе недоимокъ. Дѣйствительно, авторъ, коснувшись (стр. 356—357) положенія казенныхъ крестьянъ уѣзда, которое найдено также ухудшимся, свелъ концы цифрою недоимки по Калязинскому уѣзду къ 1-му апрѣля 1868 года; на стр. 354 читаемъ: «итого за 45,550 д. уѣздныхъ крестьянъ осталось недоимокъ казенныхъ 247,460 р. 63¼ к., земскихъ (по казначейству) 33,787 р. 80½ к., а всего 281,248 р. 43¾ к. Цифра, какъ можно видѣть, довольно почтенная, при текущихъ платежахъ....» Цифра дѣйствительно настолько почтенная, что сразу она насъ поставила въ тупикъ. Мы обратились къ самымъ точнымъ оффиціальнымъ даннымъ о количествѣ недоимки, состоявшей на крестьянахъ по уѣзду къ 1-му апрѣля 1868 г., и нашли, что ее было всего казенной 102,410 р. 46¾ к. и земской 2,417 р. 58 к., итого: 104,828 р. 4¾ коп. Много комбинацій употребили мы, чтобы объяснить себѣ происхожденіе цифры, выставленной г. Б., прежде чѣмъ достигли того; наконецъ нашли, что она образовалась чрезъ то, что авторъ къ недоимкѣ по 1-е апрѣля простодушно прибавилъ окладъ 2-й половины 1868 года, долженствовавшій къ поступленію лишь съ 1-го іюля того же года, чѣмъ и возвысилъ цифру недоимки противъ дѣйствительной только на 176,420 р. 39 к.—фактъ, ни чуть не единственный въ корреспондентской дѣятельности г. В. изъ Калязина. Сравнительно все-таки значительная цифра недоимки къ 1-му апрѣля 1868 года объясняется мѣстными условіями, по которымъ крестьяне возвращаются съ заработковъ, а слѣдовательно и пріобрѣтаютъ возможность уплаты податей, къ Пасхѣ, бывшей тотъ годъ именно 31-го марта, такъ что въ одинъ день поступленія не могло быть значительнаго. Подтвержденіе чего можно найти хотя бы въ постановленіи земскаго собранія 1868 года, ходатайствующемъ объ соотвѣтственномъ измѣненіи сроковъ взноса податей.

Желаніе очертить степень благосостоянія крестьянъ уѣзда къ 1861 году, а затѣмъ въ данный моментъ и сдѣлать сравненіе, завлекло бы

насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящей замѣтки. Мы ограничимся только (чтобы показать г-ну Б., что недоимка не «будетъ рости въ геометрической прогрессіи») приведеніемъ цифръ недоимки по уѣзду къ 30-му іюня текущаго года (не включая оклада 2-й половины); вотъ она: казенныхъ платежей 6,154 р. 38 коп., изъ коихъ до 1,500, по возбужденнымъ дѣламъ, спорныхъ, и земскихъ 2,020 р. 66¼ коп.; затѣмъ, дабы показать положеніе Калязинскаго уѣзда въ дѣлѣ уплаты податей въ ряду прочихъ уѣздовъ губерніи, выведемъ сравнительное % отношеніе недоимокъ къ окладамъ за послѣдніе 8 лѣтъ по всѣмъ уѣздамъ:

Тверской	21,1	Вышневолоцкій	38,24
Корчевской	4,89	Осташковскій	30,58
Кашинскій	1,3	Ржевскій	27,14
Калязинскій	7,77	Зубцовскій	5,25
Бѣжецкій	13,59	Старицкій	8,53
Весьегонскій	25,14	Новоторжскій	16,35

Изъ выведеннаго отношенія видно, что Калязинскій уѣздъ въ дѣлѣ уплаты податей стоитъ 3-мъ въ губерніи. Пусть же судитъ читатель, что оставляетъ г. Б. на долю остальныхъ уѣздовъ.

Обратившись уже къ настоящему, нельзя не замѣтить, что уровень крестьянскаго благосостоянія съ 1861 года вообще нѣсколько понизился и можно натолкнуться на *отдѣльные* печальные случаи хозяйствъ близкихъ къ упадку; гдѣ же искать причины того? Полагаемъ, что это явленіе ни чуть не мѣстное, и объясненіе его легко сыщется для Калязинскаго уѣзда, если мы заглянемъ въ любой другой. Вездѣ мы встрѣтимъ неурожай послѣднихъ лѣтъ, вездѣ увидимъ увеличеніе числа питейныхъ заведеній, вездѣ найдемъ семейные раздѣлы. По поводу послѣднихъ приведемъ для примѣра хотя бы Дорскую волость Калязинскаго уѣзда. Къ 1861 году было въ волости дворовъ 437; къ 1869 г.—621, при чемъ число душъ по волости нисколько не увеличилось. А знаетъ ли г. Б. значеніе семейнаго раздѣла для крестьянскаго хозяйства? Можемъ указать ему и на это, взявъ для примѣра хотя бы семейство той же Дорской волости деревни Екатериновки крестьянина И. Ф. Семейство это, состоящее изъ двоихъ братьевъ съ женщинами и дѣтьми раздѣлилось въ 1865 году; при раздѣлѣ у нихъ было:

Избъ	2
Амбаръ	1
Сарай	1
Овина	½ (пополамъ съ сосѣдомъ).
Лошадь	1
Коровъ	2
Овецъ	2

— при чемъ соотвѣтственное потребностямъ число инструментовъ, сбруи и пр. и два арендуемыхъ трактирныхъ заведенія въ Москвѣ.

Къ 1868 году осталось въ каждой части лишь по одной избѣ (продажи имущества за недоимки не было), и оба брата живутъ въ работникахъ за очень умѣренную плату. Кто же тутъ виноватъ? помѣщикъ ли, мировыя ли учрежденія или тогда лишь рождавшееся земство?

Считаемъ нужнымъ оговорить, что, ставя между прочимъ семейные раздѣлы одною изъ причинъ пониженія уровня благосостоянія крестьянъ, мы ничуть не ищемъ внѣшняго ограниченія ихъ, мы вовсе не противъ той широкой самостоятельности, которая дана сельскому сходу, и видимъ въ увеличеніи числа ихъ необходимое, вслѣдствіе новизны положенія, а потому и преходящее зло. Повторяемъ, что мы ничуть не имѣли цѣли, да въ предѣлахъ настоящей замѣтки и мѣста, точно высказать мотивы замѣченнаго обѣдненія крестьянъ, сдѣланныя же указанія привели, чтобы напомнить лишь г-ну Б. о другомъ забытомъ имъ пути къ разъясненію затронутаго вопроса.

Оставляя же его, считаемъ не лишнимъ указать еще на одинъ примѣръ вѣрности наблюденія г. Б., который въ связи съ предъидущими поможетъ читателю сдѣлать надлежащую оцѣнку самой статьи. На стр. 358 въ выноскѣ читаемъ:

«Чтобы имѣть хоть приблизительное понятіе (sic) о значеніи крестьянскихъ повинностей, представляемъ цифру платежей одной деревни, по которой можно судить и о прочихъ. Крестьянъ 93 души (бывшіе казенные), земли у нихъ 188 дес., тутъ усадебная и полевая, словомъ — вся тутъ, — да изъ этой 12 дес. неудобной.

«Платежи 1867 года: податныя подати (вѣроятно, подушныя) по 1 р. 83 коп. съ души — 170 р. 19 коп. Оброчная подать съ разными дополнительными 347 р. 40¾ коп. Еще дополнительныхъ (вѣроятно промысловаго налога) 249 руб. 46½ коп. Итого по селенію 767 руб. 6¼ коп.

«Мірскаго и земскаго сбора 91 р. 2¾ коп. На уѣздныя и земскія повинности 24 р. Всего 882 р. 9 коп. Тутъ общія земскія повинности. Значитъ, не говоря уже объ особенныхъ, каждая душа платитъ 9 р. 43 коп. Прибавляя къ этому съ временно-обязанныхъ крестьянъ 9 руб. выкупной суммы — 18 р. 43 коп., а съ мелкими расходами при томъ наберется и всѣхъ 20 руб. однихъ общихъ платежей.»

Изволите ли видѣть, *ко всѣмъ* платежамъ, взносимымъ казеннымъ селеніемъ, которые составляютъ съ души 9 р. 43 коп., г. Б. причелъ для временно-обязанныхъ еще по 9 руб., какъ онъ выражается, на выкупную сумму (maximum которой, какъ извѣстно, для данной мѣстности во всякомъ случаѣ уже не 9 р., а 7 р. 20 коп.), совершенно серьезно полагая, что онъ такимъ образомъ получилъ цифру взносимую временно-обязанными крестьянами. При чемъ опустилъ изъ виду только то, что такимъ образомъ онъ наложилъ на временно-обязанныхъ крестьянъ единовременно два исключающихъ другъ друга платежа — оброкъ, взносимый за землю же казенными крестьянами, который въ

приведенномъ имъ случаѣ съ промысловыми составляетъ съ души 6 р. 41 коп. съ дробью и выкупной платежъ 9 р. (7 р. 20 коп.), да еще удивляется величинѣ вышедшей цифры въ 20 руб. На это мы желали бы сказать только г-ну Б., что если вмѣсто двухъ оброковъ, какъ въ данномъ случаѣ сдѣлалъ онъ, наложить на временно-обязанныхъ крестьянъ три, прибавивъ, напримѣръ, еще платежъ удѣльныхъ крестьянъ, то цифра будетъ еще выше. Но послѣдуемъ далѣе за г. Б.

Задавшись извѣстными, приписанными имъ авторомъ цѣлями, мировыя учрежденія и по окончаніи дѣла отвода надѣловъ понятно должны были имъ слѣдовать. Мѣстомъ приложенія ихъ авторъ избралъ выборъ гласныхъ на сельскомъ съѣздѣ выборщиковъ, что оказалось для него удобнымъ еще въ томъ отношеніи, что неправильность этихъ выборовъ подрывала довѣріе къ самому земскому собранію, дѣйствія котораго и управы составляютъ главную цѣль его статьи. На стр. 364 читаемъ:

«Здѣсь прежде всего передадимъ отрывокъ изъ одной крестьянской «бумаги», который былъ напечатанъ въ 106 № «Русскаго», за прошлый годъ. «Бумага», какъ объяснено тамъ, нѣчто въ родѣ докладной записки, которую уѣздное крестьянство изготовило, или уже представило куда-то». Далѣе стр. 365 «...при выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ перваго участка, выборщики, въ числѣ 170 человѣкъ, единогласно предлагали избрать гласнымъ священника Б., но мировой посредникъ Н., несмотря на законъ ст. 31 и 35 Пол. о зем. учреж. и ст. 44 прав. о порядкѣ и пр., оному избранію единственно своею волею воспрепятствовалъ и быть избраннымъ священника Б. не допустилъ. Тутъ же, волостной писарь изъ мѣстныхъ крестьянъ С., балотировавшійся по желанію всего общества, но напротивъ желанія посредника Н., получилъ избирательныхъ 129 шаровъ, а неизбирательныхъ 41, но какимъ-то случаемъ, какъ видно изъ списка гласныхъ, изложеннаго въ «Тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», онъ, С..., въ число гласныхъ «не помѣщенъ».

Мы не сочли бы нужнымъ говорить по этому предмету вовсе, если бы дѣло касалось одной только «бумаги», неизвѣстно кѣмъ писанной и куда поданной, но если разъ г. Б. является комментаторомъ (стр. 366) ея, подтверждающимъ изложенное, считаемъ нелишнимъ сказать два слова о томъ какъ дѣло было. На съѣздѣ выборщиковъ 1-го участка нѣкоторыми изъ членовъ былъ въ числѣ прочихъ предложенъ къ баллотированію городской соборный священникъ г. Бѣлюстинъ, на что мировымъ посредникомъ было разъяснено, что въ составленномъ уѣздною коммиссіею и прочитанномъ спискѣ лицъ, имѣющихъ, кромѣ членовъ съѣзда, право избираться, г. Бѣлюстина, въ ряду прочихъ мѣстныхъ священниковъ—нѣтъ, почему онъ, не разбирая вновь ничьихъ правъ, и въ данномъ случаѣ, состоитъ ли онъ священникомъ приходскимъ заштатнымъ и т. п., по неуполномочію

къ тому закономъ и собранія, допустить его къ баллотированію не можетъ. Два часа крестьяне не отстаивали своего права, а вслѣдъ же за симъ перешли къ дальнѣйшей баллотировкѣ. Уѣздною же коммиссіею г. Бѣлюстинъ въ списокъ не внесенъ по неимѣнію ценза, опредѣленнаго пунктомъ г. ст. 23 Полож. и 35 п. в., такъ какъ по разъясненію бывшаго губернскаго комитета по введенію земства, всѣ священно-церковно-служители, неимѣющіе указанной пропорціи земли, были имъ въ прошедшее трехлѣтіе изъ списка исключены. Избранный же въ гласные волостной писарь С. исключенъ изъ числа гласныхъ коммиссіею на основаніи 17-ой ст. Полож. по подслѣдственности его въ дѣлѣ о растратѣ суммъ волостного правленія, въ виду справки судебнаго слѣдователя, отъ 2-го іюля 1868 года.

Странное дѣло, въ данномъ случаѣ, равно какъ и въ дѣлѣ выбора гласныхъ на городскомъ съѣздѣ (стр. 367) (гдѣ, какъ намъ извѣстно, былъ предложенъ, но не избранъ изъ священниковъ также г. Бѣлюстинъ) г. Б. упорно, но надо полагать совершенно непрошенно, беретъ на себя заступничество за г. Бѣлюстина. Г. Бѣлюстинъ, надо замѣтить, личность достаточно извѣстная въ уѣздѣ и отличается и здравомысліемъ, и знаніемъ закона и энергіею, такъ что, полагаемъ, съумѣлъ бы отстоять свое право на избраніе и право своихъ избирателей, если бы считалъ ихъ нарушенными, не пользуясь покровительствомъ темныхъ корреспонденцій г. Б. Да и сдѣланнымъ сопоставленіемъ его съ писаремъ С. (подслѣдственнымъ, какъ сказано, въ дѣлѣ растраты суммъ) въ качествѣ «лучшихъ дѣятелей уѣзда», не оказалъ-ли ему г. Б. медвѣжьей услуги.

На стр. 369 сказано: «Русь слишкомъ обширна, чтобы не нашлось въ ней мѣстности, гдѣ крестьянство благословляетъ и свою земскую управу и даже своихъ мировыхъ судей, выбранныхъ законнымъ порядкомъ, а не между карточными сдачами распредѣленныхъ». Считаемъ нужнымъ отослать г. Б. къ протоколамъ земскихъ собраній, въ которыхъ онъ найдетъ порядокъ избранія судей, вовсе отличный отъ предполагаемаго имъ. Если бы г. Б. удалось даже услышать за картами разговоръ объ избраніи судей, то, смѣемъ полагать, что гласнымъ ни играть въ карты, ни разговаривать за ними, хотя бы и о судьяхъ, закономъ не воспрещается, да и то и другое никакимъ образомъ не можетъ счесться неумѣстнымъ. Здѣсь кстати вспомнились намъ двѣ корреспонденціи г. Б. изъ Калязина въ газетѣ «Русскій» за 1868. Въ одной описывается случай, какъ мировой судья дѣлалъ подсудимаго сумасшедшимъ (во что истолковывается простое, требовавшееся по ходу дѣла освидѣтельствованіе обвиняемаго чрезъ врача), въ другой разсказывается о прибавкѣ мировому судьѣ земскимъ собраніемъ квартирныхъ денегъ за рѣшенное имъ дѣло о предводительской собакѣ. По крайней своей нелѣпости, корреспонденціи эти не встрѣтили опроверженія, но теперь въ связи съ высказаннымъ

онѣ покажутъ намъ по крайней мѣрѣ, что и судьями г. Б. недоволенъ; спорить не можемъ, дѣло вкуса, но смѣемъ увѣрить г. Б., что мировые судьи въ трехлѣтнюю дѣятельность достаточно поняты и крестьянствомъ, и не подорвать заслуженнаго ими общаго уваженія подобнымъ корреспонденціямъ его, будутъ ли онѣ помѣщаться въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ» и т. д., а предстоящее земское собраніе и вмѣстѣ новый выборъ по всей вѣроятности докажутъ это.

Но далѣе г. Б., какъ оказалось, не забылъ и меня лично. На стр. 354 видимъ: «за ними (крестьянами) выкупныхъ платежей 45,140 р. 73¾ к. (въ томъ числѣ съ предсѣдателя земства Неронова, по случаю перебора имъ оброка 808 р. 68 к.)»; на стр. 359: «за предсѣдателемъ управы (т.-е. за мной) кромѣ всего прочаго (чего, неизвѣстно), состоитъ недоимки штрафъ за уклоненіе отъ платежа долговъ въ 1,500 р. по казначейству и никому до этого дѣла нѣтъ». Оставя въ сторонѣ вопросъ, насколько предсѣдательство мое, такъ безпокоющее, какъ видно, г. Б., можетъ касаться личныхъ моихъ дѣлъ, считаемъ нужнымъ разъяснить, что переплата крестьянами оброка при взносѣ его за ½ года впередъ и выходѣ на выкупъ вещь необходимая, что переплата эта возвращается крестьянамъ по утвержденіи выкупной сдѣлки, какъ было и въ данномъ случаѣ; въ томъ же, что эта недоимка не могла быть и не числилась за мною, имѣю, для успокоенія г. Б., увѣдомленіе калязинскаго казначейства, отъ 24 іюля за № 1,150. Что касается до штрафа за перенесеніе дѣла въ высшую инстанцію, то состоитъ за мной не 1,500, а 2,000 р., по неправильному исчисленію коего мною принесена жалоба правительствующему сенату, до разрѣшенія которой, на основаніи 498 и 549 ст. X т. ч. 2. Св. зак. гражд., по производству дѣла прежнимъ судебнымъ порядкомъ, деньги эти взысканію не подлежатъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ указать на общій характеръ письма г. Б. Въ немъ читатель видѣлъ тягла смѣшанными съ душами, недоимки увеличенными болѣе чѣмъ вдвое, двойные оброки и проч. и проч. Невольно задаешься вопросомъ, есть ли это систематическое извращеніе истины—умышленное, или такъ, по неопытности. Редакція, помѣщая письмо г. Б., сдѣлала оговорку, что она считаетъ себя не въ правѣ уклоняться отъ показаній лицъ выступающихъ свидѣтелями—очевидцами того или другого общественнаго явленія. Но какъ извѣстно, свидѣтели и даже очевидцы бываютъ разные, достовѣрные и недостовѣрные, добросовѣстные и недобросовѣстные (такъ различаетъ ихъ и законъ); къ какому разряду отнести г. Б.—пусть судитъ читатель.

Подписано: Калязинскій уѣздный предводитель дворянства *Нероновъ*.

17 сентября 1869 года.
Калязинъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ОКТЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

…іи Державина, съ объяснительными при…ніями *Я. Грота*. Изданіе Императорской …міи Наукъ. Томъ пятый. Съ портретомъ …авина и четырьмя таблицами снимковъ …иска. Спб. 1869.

…авинъ велъ очень обширную переписку, … часть которой сохранилась благодаря …го онъ, всегда самъ писавшій свои … по крайней мѣрѣ начерно, оставлялъ …тауски ихъ и сберегалъ всѣ тѣ, ко…лучалъ отъ другихъ; кромѣ того, …щъ, по призыву Академіи, доставили …юту хранившіяся у нихъ подлинныя …Державина. Настоящій томъ содержитъ …у Державина до 1793 года; г. Гротъ …ъ ее на четыре періода: эпоха пуга… (1773—1775); отъ окончанія команди… губернаторства (1776 — 1784); губер…ю въ Петрозаводскѣ и Тамбовѣ (1744— … отрѣшеніе и статсъ-секретаріатство …793). Всѣхъ писемъ напечатано 773; …ними только незначительная часть и …менѣе интересная принадлежитъ са…ржавину; все остальное занято пись… нему разныхъ лицъ. Разумѣется, и …тими послѣдними множество такихъ, … могли бы смѣло не появляться въ …о все это вмѣстѣ даетъ хорошій матеріалъ для характеристики общества того времени.

Державинъ является въ своихъ письмахъ очень сдержаннымъ и сухимъ, часто напоминающимъ канцелярію и ея дѣловыя отношенія; онъ рѣдко распространяется и рѣдко посвящаетъ своихъ корреспондентовъ въ сокровенные свои помыслы; характеръ его писемъ — преимущественно дѣловой; объ устройствѣ винокуреннаго завода въ своемъ имѣніи онъ распространяется въ письмахъ къ своему управляющему очень много, его письма о служебныхъ невзгодахъ и своемъ душевномъ настроеніи, письма къ друзьямъ, отличаются краткостью и сухостью; исключенія чрезвычайно рѣдки; свое торжество онъ высказываетъ хвастливо и грубо, свою веселость — тяжело, свои страданія — просительскимъ, уничиженнымъ, канцелярскимъ слогомъ, свои похвалы покровителямъ и благодѣтелямъ — въ выраженіяхъ неизысканной лести. Если по письмамъ судить о ихъ авторѣ — то это человѣкъ дюжинный, не особенно добрый и не особенно злой, льстивый, когда нужно было льстить, гордый, когда счастье ему улыбалось, съ большимъ самомнѣніемъ и честолюбіемъ, но съ слабою волей; въ одномъ письмѣ онъ самъ о себѣ говоритъ такъ: «Пусть я дуренъ, худое имѣю воспитаніе и бѣшеную голову. Но только

разсудка отъ меня, думаю, никто отнять не можетъ.» Разсудокъ у него дѣйствительно былъ, но того же тяжелаго свойства.

Во время пугачевщины онъ былъ назначенъ въ секретную коммиссію для распоряженій противъ Пугачева—постъ, дававшій ему довольно значительную долю самостоятельности и поставившій его въ непосредственныя сношенія съ Бибиковымъ, княземъ Щербатовымъ, княземъ Голицынымъ, Павломъ Потемкинымъ, графомъ Панинымъ и другими менѣе значительными и даже вовсе незначительными дѣятелями въ это смутное время. Державинъ много пишетъ донесеній, распоряженій, рапортовъ, приказовъ, получаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ еще больше, но дѣятельность его обнаруживается слабо и нерѣшительно, какъ, впрочемъ, и дѣятельность другихъ лицъ, стоявшихъ выше и ниже его. Многописаніемъ заняты болѣе или менѣе всѣ. Единственное лицо, не потерявшееся въ то время и дѣйствовавшее съ энергіей и смысломъ, Бибиковъ, умираетъ. Державинъ почти не умѣетъ оцѣнить этой потери внѣ формальныхъ отношеній начальника къ подчиненному, и отъ 7 мая 1774 г. пишетъ къ князю Щербатову, заступившему мѣсто Бибикова: «Ваше сіятельство изволите милостиво повелѣвать мнѣ, чтобъ я не ослабѣвалъ въ должности моей лишеніемъ командира великодушнаго, милостиваго, и мнѣ особливые знаки довѣренности поручившаго; но какъ бы я отъ сего удержаться могъ, еслибъ ваше сіятельство не были *равныхъ ему добродѣтелей?*.. При первомъ воззрѣніи вашего сіятельства на мою экспедицію, изволите мнѣ обѣщать стараться о особливой чести: то какъ бы я не положилъ всей возможности моей заслуживать также удовольствіе вашего сіят., какъ покойнаго его превосходительства?»

Успѣхи Пугачева обусловливались не столько бездарностью его противниковъ, сколько апатичнымъ, чисто служебнымъ ихъ отношеніемъ къ дѣлу. Сообщники самозванца отличались неукротимою энергіей, преданностью идеѣ, которая ихъ воодушевляла, и изъ мужиковъ, безграмотныхъ неучей, являются личности, предъ которыми совершенно стираются слуги законнаго правительства, кое-чему учившіеся и имѣвшіе претензію на высшія соображенія. Въ то время, когда первыми руководитъ одна идея, одно стремленіе, вторые дѣйствуютъ въ

раздробь, препираются между соб[...] таются чинами, заслугами, стараются [...] выставку своего усердія, не пропуская [...] рекомендовать себя въ особливое [...] начальства и прося поощреній и [...] Среди страшнаго хаоса возстанія, по[...] убійствъ, висѣлицъ, разставленныхъ [...] мысли о наградахъ и поощреніяхъ [...] дятъ изъ головы служителей импер[...] Самое дѣло для нихъ—предлогъ къ от[...] Державинъ нисколько не выходитъ [...] этого общаго уровня, какъ убѣжда[...] его письма. [Сбазуживая усердіе [...] милостивѣйшей императрицѣ», онъ [...] ляетъ себя ничѣмъ такимъ, что дѣйст[...] выдвигало бы его впередъ. Сначала [...] маетъ дѣйствовать лаской и милосер[...] выражая мнѣніе, что «не полезно [...] даетъ приказъ своимъ подчиненным[...] ничего силою, ни приманкою не бер[...] требуйте, ибо должность ваша оказ[...] усердіе состоитъ, токмо въ прозорли[...] ласкою поступкахъ, и то весьма ск[...] неяснымъ образомъ; нигдѣ жителей [...] щать, но еще послаблять имъ ихъ [...] дабы извѣдать ихъ сокровенныя мысли[...] онъ убѣждается, что «прозорливые съ [...] поступки» ни къ чему не ведутъ, что [...] щическій ядъ» развивается съ такою [...] жимою силою, что десять человѣкъ б[...] цѣлыя тысячи народа, и вотъ въ его [...] рождается идея, что неуспѣхи правител[...] ные происходятъ отъ недостаточности [...] гражденій. Руководствуясь приказомъ Б[...] и потомъ П. С. Потемкина, который [...] къ нему: «не щадить ни трудовъ, ни [...] 20 т. и болѣе готовы наградить того, [...] жетъ сего варвара, сего разорителя [...] ственнаго представить», Державинъ [...] прокламацію къ жителямъ съ обѣ[...] наградъ, но никто не представляетъ П[...] ни мертваго, ни живого. «Мы его под[...] за 20 т., пишетъ Державинъ къ П. Пот[...] а онъ за насъ, уповаю, не пожалѣетъ [...] 200 т.» Ни ласка, ни подкупъ не дѣйс[...] Державина это удивляетъ, потому что [...] рошо не понималъ причинъ возстані[...] нѣйшею ему казались взятки, и онъ ре[...] валъ ихъ уничтожить и сбирался даже [...] о томъ представленіе. Но дѣло все и[...] редъ, бунтъ развивался. Какія же

созрѣваютъ въ головѣ Державина для ...енія мятежа? Самыя не хитрыя, какъ ...идно изъ слѣдующаго письма его къ ... Щербатову: «Нужно кажется уже по ...ь и по снисхожденіяхъ, чтобы призваны ...немедленно сюда тѣ изъ винныхъ, надъ р...ыми была бы совершена здѣсь смертная ...ь: авось либо ужаснутся не чаемаго ими ...аго позорища». Въ тотъ же день и о ... же онъ пишетъ Бранту, казанскому гу...тору: «Ни разумъ, ни истинная пропо... о милосердіи всемилостивѣйшей нашей ...рыни, ничто не можетъ извлечь укоре...гося грубаго и невѣжественнаго мнѣнія. ...тся бы нужно нѣсколько преступниковъ ...й край прислать для казни: авось-либо ...ое здѣсь и страшное то позорище дастъ ...лько иныя мысли». Отписываясь весьма ...бно, онъ старается, однако, и разставить ... для поимки самозванца, смутно сознавая, самозванецъ въ эти сѣти не попадетъ. ...ъ мой есть, чтобы ко мнѣ попался въ ...вленныя сѣти злодѣй, но та бѣда, что ...жно теперь въ странѣ сей удерживать ...тями, но узами... Когда командиры раз... его скопища и заставятъ его одного ...аться, то у меня люди готовы развѣды... его» (письмо къ П. С. Потемкину, отъ ... августа 1774 г.). Сѣти, очевидно, были ...я, и Державинъ ожидалъ, что самозва... обратится въ зайца, котораго поймать ...ъ не трудно. Между тѣмъ, желаніе на... поэта не на счетъ обращенія самозванца ...айца, а на счетъ устрашенія жителей по...ствомъ «незримаго и страшнаго позорища», ...естилось: Державинъ получилъ возмож... вѣшать, и сталъ вѣшать, донося о томъ ...му начальству въ такихъ выраженіяхъ: ...евскихъ жителей, пишетъ онъ, отъ 30-го ...та 1774 г., къ князю Голицыну, мнѣ было ...ечь некогда, а какъ я вашему сіятельству ...томъ моимъ доносилъ, что одного изъ ...къ смотрителя моего Серебрякова тамъ ...раху повѣсилъ; когда буду возвращаться, ...шего сіятельства приказъ исполню и ихъ ...ку».

... разныхъ письмахъ его можно найти ...ьбы своею проницательностью, муже...ъ и способностями, увѣренія, что онъ ...лъ бы не вѣсть что, еслибъ были у него ...одимыя средства, и еслибъ онъ встрѣчалъ отовсюду полную готовность содѣйствовать своимъ планамъ. Несмотря на неудачи, самообольщеніе не покидаетъ его, и когда Панинъ потребовалъ у него объясненія—«какимъ образомъ онъ не случился при защищеніи поста своего въ Саратовѣ»—Державинъ написалъ весьма пространное и краснорѣчивое изложеніе своихъ подвиговъ. Графъ Панинъ, похваливъ Державина за краснорѣчіе, замѣтилъ совершенно справедливо, «что сколь ваши (Державина) намѣренія, которыя вы тѣмъ краснорѣчіемъ изъясняли, ни были благи и усердны къ пользѣ отечества, но, по несчастію вашему для чего вы ихъ употребляли, во всемъ томъ противное вамъ произошло, ибо злодѣй вами не пойманъ. Всѣ тѣ мѣста были имъ повѣщены и разорены, для соблюденія которыхъ преступали вы предѣлы и чина и власти, вамъ порученной, вступаясь въ чужія и вамъ не принадлежащія должности, наставляя и предосуждая людей, имѣющихъ чины выше вашего и практику, въ настоящихъ дѣлахъ предъ вами превосходную, изъ чего обыкновенно болѣе происходитъ поврежденія въ настоящихъ дѣлахъ, нежели поправленія оныхъ».

Эта мѣткая характеристика объясняетъ и всѣ послѣдующія невзгоды Державина по службѣ. Стремленіе выставиться, забрать въ свои руки больше власти, изъ которой онъ не умѣлъ дѣлать надлежащаго употребленія, отличаютъ его постоянно. Губернаторства въ Петрозаводскѣ и Тамбовѣ служатъ тому доказательствомъ. Мы не станемъ слѣдить за всѣми мелкими дрязгами и вдаваться въ подробности ежедневной жизни Державина. У кого есть на то охота тотъ найдетъ изобильный для этого матеріалъ въ перепискѣ, собранной г. Гротомъ.

Въ этомъ изданіи, какъ мы уже замѣтили, напечатаны даже такія письма, въ которыхъ, кромѣ поклоновъ и пожеланій здоровья, ничего нѣтъ. «Марья Ивановна пишетъ вамъ поклонъ и ей Богъ далъ дочь; Катерина Ивановна Терская также посылаетъ вамъ поклонъ, и ей Богъ далъ сына; Авдотья Васильевна Апаньевская также свидѣтельствуетъ свой поклонъ, и она родила сына же». Эта выписка изъ письма матери жены Державина можетъ служить образцомъ интереса для многихъ другихъ писемъ и даже многія превосходитъ. Пропуская эти письма, остановимся на нѣкоторыхъ другихъ

дѣйствительно важныхъ какъ для характеристики Державина, такъ и его времени.

Служебныя отношенія того времени хорошо рисуются выраженіемъ поэта: «спереди лижутъ, а сзади царапаютъ». Свое собственное *я* постоянно на первомъ мѣстѣ и неразлучныя съ этимъ *я* награды и поощренія. О народѣ и государственныхъ интересахъ почти нѣтъ и помину; послѣдніе если и встрѣчаются въ устахъ того или другого лица, то единственно для того, чтобъ выказать свое рвеніе. Чиновный людъ дѣлится на кружки вокругъ знатныхъ лицъ и, въ случаѣ ссоры послѣднихъ, употребляетъ всѣ свои усилія для погубленія другъ друга. Знатныя лица—полнѣйшіе властелины, дѣлающіе что̀ имъ вздумается; грабежъ производится самый нахальный; супруги знатныхъ лицъ раздѣляютъ вліяніе своихъ мужей. Всѣ эти явленія, однако, нисколько не новы и не составляютъ характеристики только того вѣка. Разница между тѣмъ временемъ и нашимъ, въ относительномъ смягченіи нравовъ, сущность же осталась та же. Еще въ нынѣшнемъ году мы были свидѣтелями странной выходки губернатора противъ акцизнаго чиновника, который осмѣлился подойти къ причастію первымъ. Сто десять лѣтъ тому назадъ въ Петрозаводскѣ, г-жа Ушакова, жена директора экономіи «въ церкви прибила куличемъ и зажгла свѣчею штабъ-лекаршу, и, вышедъ изъ церкви, ругала подлымъ образомъ и, по улицѣ ѣхавъ, также ругала во всю мочь; причина же вины бѣдной и хворой штабъ-лекарши та, что стала нѣсколько впереди ея». Съ извѣстнымъ авторомъ «Записокъ», Адріаномъ Моисеевичемъ Грибовскимъ, случилось въ томъ же городѣ происшествіе не менѣе странное. Супругъ г-жи Ушаковой, въ качествѣ директора экономіи, требовалъ отъ него, чтобы Грибовскій снималъ шляпу при каждой съ нимъ встрѣчѣ. «На одномъ гдѣ-то гуляньѣ Грибовскій поупорствовалъ противу его требованія; первый сердился, началъ бранить всенародно послѣдняго и хотѣлъ-было слугѣ своему приказать сшибить съ него шляпу палкою. Грибовскій не упустилъ при семъ случаѣ высказать всѣ свои грубости». О Грибовскомъ, о которомъ до сихъ поръ было мало извѣстно, переписка Державина даетъ еще нѣсколько свѣдѣній. Онъ служилъ съ Державинымъ въ Петрозаводскѣ въ должности казначея приказа общественнаго призрѣнія и растратилъ тысячу рублей казенныхъ денегъ, которыя заплатилъ за него Державинъ и оффиціальнаго хода этому дѣлу не далъ. Когда Державинъ сдѣлался тамбовскимъ губернаторомъ, Грибовскій, чрезъ Козодавлева, усиленно просился къ нему на службу, умоляя простить ему прежнее «легкомысліе». Державинъ не прочь былъ дать ему мѣсто, но тутъ вмѣшалась княгиня Дашкова, которая почему-то смертельно ненавидѣла Грибовскаго. Она передала Державину, черезъ Свистунова, служившаго совѣтникомъ Академіи наукъ, что ей будетъ непріятно это опредѣленіе: «Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, писалъ онъ, хотѣлъ-было его (Грибовскаго) взять къ себѣ и далъ ему ужъ обнадеженіе, но княгиня, узнавъ, такъ сильно наступила на графа, что тотъ принужденъ былъ, въ угодность ей, отказать ему». Съ тѣмъ же совѣтомъ обратилась къ Державину и теща его Бастидонова (бывшая кормилица в. к. Павла Петровича): «ради самого Бога, не слушай никого, и не бери себѣ такого злодѣя: ты черезъ то накупишь себѣ княгиню злодѣемъ—княгиня ныньче такъ усилилась, что князь Вяземскій у ней руки цалуетъ...» Объясненія причинъ этой вражды переписка не даетъ, но Козодавлевъ темно намекаетъ на нихъ въ письмѣ къ Державину (стр. 640).

Это же письмо даетъ кажется ключъ къ разгадкѣ дальнѣйшей судьбы Грибовскаго. Отвергнутый Воронцовымъ и Державинымъ, Грибовскій обратился къ Потемкину, который и взялъ его къ себѣ, быть можетъ единственно потому, что, въ глазахъ великолѣпнаго князя Тавриды, ненависть княгини Дашковой, начинавшей пріобрѣтать вліяніе на императрицу, служила Грибовскому—лучшей рекомендаціей. Какъ бы то ни было, но Державинъ попалъ относительно Грибовскаго въ довольно комическое положеніе. Не взявъ его къ себѣ на службу и увѣдомивъ княгиню, что ея волю онъ непремѣнно исполнитъ, Державинъ, въ скоромъ времени послѣ того, долженъ былъ просить того же Грибовскаго о заступничествѣ передъ Потемкинымъ. Дѣло въ томъ, что представители власти въ Тамбовѣ пересссорились между собою; причины ссоры таились, быть можетъ, въ томъ, что Державинъ совѣстливѣе другихъ относился къ своимъ обязанностямъ; ближайшимъ же поводомъ къ ней послужила ссора жены

вина съ женою предсѣдателя граждан-
палаты, Чичерина. Чичеринъ подалъ жа-
императрицѣ на жену Державина. Дер-
ъ написалъ къ графу Безбородко, что
ь Чичерина неосновательна, что онъ на-
лъ на Державину, написавъ, что будто
не только бранила Чичерину, но била
гнала вонъ,—ничего подобнаго не было,
ь по словамъ Державина, ограничилась
и дрязгами». Доказывая графу, что
сверхъ всякаго чаянія, женщины и
тельно подрались, то все-таки не слѣ-
труждать императрицу, «ибо, чаятельно,
ѣ въ непросвѣщенныхъ народахъ того
тся, чтобъ женскія сплетни разбирали
оры», Державинъ высказываетъ свои
оженія о настоящихъ причинахъ враж-
ему Чичерина. «Изъ бабьихъ дрязгъ»
юсь дѣло не хуже ссоры Ивана Ивано-
ь Иваномъ Никифоровичемъ, и кончи-
вленіемъ Державина изъ Тамбова. Въ
время и понадобились ему всѣ благо-
и, покровители и благодѣтели, всѣ силь-
и всѣ тѣ, черезъ которыхъ можно
ствовать на сильныхъ міра. Держа-
прочемъ, и прежде не забывалъ ихъ.
у императрицы Ермолову онъ поку-
расистую лошадь, и не забываетъ по-
ть его съ орденомъ Бѣлаго Орла: «вѣсть
ь меня и моихъ домашнихъ порадо-
колько мы чувствуемъ благодарности
благодѣянія в. пр., и особливо
знаетъ, какъ идетъ слухъ, что сей
высочайшей милости получили вы за
въ трудахъ о учрежденіи банковъ. Та-
заслуга отечеству достойна знаменитыхъ
ей и вѣчной благодарности отъ всѣхъ».
же онъ вызывается пріискать ему имѣ-
Тамбовской губерніи. Въ тотъ самый
когда онъ писалъ это письмо Ермолову,
темему мальчику, совершенно невин-
въ какихъ заслугахъ отечеству, Львовъ
ему изъ Петербурга: «ты, можетъ быть,
жень, что Александръ Петровичъ (Ермо-
тхалъ въ чужіе краи, что ему дано
ушъ въ Бѣлоруссіи, и 130,000 р. денегъ
изъ. Можетъ быть и то знаешь, что
офицеръ Мамоновъ, а какъ зовутъ, не
сдѣланъ флигель-адъютантомъ. А если
ь, такъ знай». Державинъ проситъ
ить его съ Мамоновымъ, а потомъ
пишетъ ему письмо, вѣроятно поручая себя его покровительству и поздравляя съ заслугами отечеству. Письмо это не сохранилось, но сохранилось свидѣтельство о томъ впечатлѣніи, которое оно произвело на фаворита: онъ былъ имъ доволенъ и отзывался о Державинѣ, какъ о человѣкѣ прямомъ и правомъ. Мамоновъ, однако, не помогъ, и всю надежду пришлось возложить на Потемкина, котораго ждали въ то время въ Петербургѣ. Державинъ писалъ письма ему, правителю его канцеляріи, Попову, и Грибовскому. Это было послѣ взятія Очакова. Львовъ совѣтуетъ ему написать Потемкину оду: «На Очаковъ-то чтобы-нибудь безъ имени и написать можно;—вотъ напримѣръ, что изъ соблюденія войскъ, его долго не брали, что взяли его въ Николинъ день и что турки Николѣ вѣровать обѣщались». Державинъ пишетъ оду «Побѣдителю», въ которой возноситъ Потемкина до небесъ:

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ
Сіянье Онъ (Богъ) своихъ лучей;
Побѣдами тебя прославилъ,
Число твоихъ прибавилъ дней,
Спасеніе людямъ своимъ явилъ,
Величіе свое въ тебѣ открылъ.

Но всего этого мало: жена Державина отправляется въ Петербургъ хлопотать о мужѣ и доноситъ ему, какое положеніе принимаютъ дѣла. Ловкая женщина не останавливается передъ препятствіями, ее не смущаетъ даже и то, что ей придется хвалить врага своего мужа, Ивана Васильевича Гудовича, рязанскаго и тамбовскаго намѣстника: «Я собираюсь, пишетъ она, на этихъ дняхъ къ Марьѣ Осиповнѣ (Нарышкиной, женѣ Льва Александровича): она Гогъ и Магогъ. Я ее себѣ приготовлю: она можетъ быть нужна, ежели уже отъ другихъ что не выдетъ. Онъ (Потемкинъ) преданъ этому дому. Я знаю, что онъ родня Гудовичу, но я возьмусь за это осторожно; буду даже хвалить Ивана Васильевича, но жаловаться на окружающихъ его». Когда дѣло кончилось въ пользу Державина, онъ написалъ къ другу своему, Капнисту: «Спѣшу, мой любезный другъ Василій Васильевичъ, сообщить тебѣ наше удовольствіе. Дѣло мое кончено. Гудовичъ дуракъ, а я уменъ. Е. и. в. всемилостивѣйшая государыня съ особеннымъ вниманіемъ изволила разсмотрѣть докладъ 6 департамента о моихъ по

ступкахъ, о которыхъ Гудовичъ доносилъ, и приказала мнѣ чрезъ статсъ-секретаря объявить свое благоволеніе, точно сими словами: «когда и сенатъ уже его оправдалъ, то могу ли я чѣмъ обвинить автора Фелицы?» вслѣдствіе чего дѣло повелѣла считать рѣшеннымъ, а меня представить. Почему я въ Сарскомъ Селѣ и былъ представленъ; оказано мнѣ отличное благоволеніе; когда пожаловала руку, то окружающимъ сказала: «это мой собственный авторъ, котораго притѣсняли». А потомъ, сказываютъ, чего я однакожъ не утверждаю, во внутреннихъ покояхъ продолжать изволила, что она желала бы имѣть людей болѣе съ таковыми расположеніями, и оставленъ я былъ тотъ день обѣдать въ присутствіи ея величества. Политики предзнаменуютъ для меня нѣчто хорошее; но я все слушаю равнодушно, а повѣрю только тому, что дѣйствительно сбудется. Посмотримъ, чѣмъ вознаграждена будетъ пострадавшая невинность» и проч. Державинъ и подписался: «ея императорскаго величества собственный авторъ». Письмо это можетъ служить образцомъ лучшихъ по слогу и душевному настроенію писемъ.

Намъ нечего прибавлять, что и этотъ томъ «Сочиненій Державина», изданъ съ тою же небывалою у насъ типографскою роскошью и съ тѣмъ же тщаніемъ въ библіографическомъ отношеніи, какъ и предыдущій томъ. Нѣтъ возможности сказать: того-то и того-то не достаетъ; но за то не разъ можно подумать: то-то и то-то излишне.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Наблюденія и изслѣдованія *Н. Флеровскаго.* Спб. 1869.

Передъ нами человѣкъ, побывавшій почти во всѣхъ концахъ Россіи—въ Сибири, на сѣверѣ, въ среднихъ частяхъ Волжскаго бассейна, на Камѣ, на Уралѣ, въ нижнихъ частяхъ Волги, на Дону. Онъ не былъ только на западѣ и въ Новороссійскомъ краѣ. Странствуя по Россіи, онъ присматривался къ житью-бытью крестьянина, къ его промысламъ, заработкамъ, къ его внутренней обстановкѣ, къ мірку его нравственныхъ воззрѣній. Онъ видѣлъ рабочихъ-бродягъ, которые бѣгутъ съ золотыхъ промысловъ и шатаются по Сибири, гдѣ ночь, гдѣ день, питаясь подаяніемъ и мелкою кражею, погибая въ тайгахъ, попадая въ тюрьмы, убѣгая изъ нихъ и снова попад
Онъ былъ на золотыхъ промыслахъ, знает
рыбныхъ промыслахъ сѣвера и юга, о фаб
ной промышленности волжскихъ губерні
земледѣліи, и тамъ, гдѣ почва ему благопр
ствуетъ, и тамъ, гдѣ почва почти ничего
даетъ. Всѣ свои наблюденія онъ собралъ
большой книгѣ, стараясь подтвердить свои
воды статистикою и освѣтить ихъ сравнені
жизни рабочаго класса у насъ и за границ
Вообще бесѣда съ человѣкомъ образованн
и много странствовавшимъ не можетъ не б
поучительною, если только человѣкъ этотъ
ладаетъ въ извѣстной степени даромъ разск
она становится еще поучительнѣе, если пр
метъ ея касается Россіи, которую мы п
мало знаемъ и по которой путешеству
только тогда, когда насъ вызываетъ къ то
какая-нибудь необходимость.

Начавъ свою книгу безотраднымъ изоб
женіемъ работника-бродяги, авторъ слѣду
щую главу посвящаетъ сибирскому землед
цу и говоритъ совершенно не то, что мы пр
выкли слушать и читать о сравнительномъ б
госостояніи сибирскаго крестьянина. Прав
изба не только зажиточнаго, но и бѣдн
крестьянина въ Сибири поражаетъ чистот
всего житья; полъ, стѣны, лавки, столы
только моются, но и скоблятся, печь бѣлит
у богатаго крестьянина весь полъ устланъ п
ловикомъ изъ холста разноцвѣтной ткани;
крестьянина средней руки половикъ изгре
ный, то-есть нитки, изъ которыхъ онъ в
тканъ, выпрядены изъ остатковъ льна; лапт
совершенно нѣтъ; все это правда, но «я уб
дился, говоритъ авторъ, что и на чистомъ по
можно также умирать съ голоду, какъ и
грязномъ... Разъѣзжая весною по Сибири,
иногда дѣлалъ сотни и тысячи верстъ, вни
мательно разсматривалъ всѣ встрѣчавшіяся м
женскія и дѣтскія лица и почти не встрѣча
ни одного лица, которое бы дышало здоровье
и довольствомъ, а безпрерывно встрѣчалъ я
ные слѣды изнуренія и упадка силъ. Я с
грустью наблюдалъ за несчастными животн
ми, которыя толпами сбѣгались къ клочку сѣ
и которыхъ разогнать можно было только с
мыми энергическими мѣрами». Грусть—пре
ладающій элементъ въ натурѣ автора; печал
ное настроеніе сопровождаетъ его всюду
картина за картиною, онъ старается убить в

асъ всю иллюзію и перевернуть вверхъ дномъ съ ваши понятія. Удается ли это ему? Къ частью, нѣтъ. Доказательства его шатки, обобщенія слишкомъ очевидны, и его чувство любви къ крестьянамъ, въ искренности котораго сомнѣваться нельзя, порой кажется сантиментальнымъ. Судите сами. Говорятъ, напр., что сибирскій крестьянинъ замѣняетъ ржаной хлѣбъ пшеничнымъ. Положимъ; но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Пшеничный хлѣбъ, который ѣстъ сибирскій крестьянинъ, не только не лучше, онъ хуже ржаного, онъ кислый, непитательный, вредный. Хорошей пшеничной муки, такой, напр., какую ѣдятъ колонисты въ Сарептѣ, — въ Сибири никто не ѣдалъ и не видывалъ. Крестьянскія дѣти всегда голодны; дурная пища, которою питаются матери, дѣлаетъ молоко ихъ непитательнымъ и потому участь грудныхъ дѣтей самая жалкая. Между крестьянами здоровая и сильная женщина — величайшая рѣдкость. Нужно знать, напр., что такое крестьянскій квасъ. «Злополучный крестьянинъ утоляетъ свою жажду тѣмъ напиткомъ, которымъ угощали римляне распятаго Христа». Одежда крестьянъ самая бѣдная; подати отягощаютъ ихъ ужасно и разоряютъ тотчасъ же, какъ только крестьянинъ мало-мальски оберется съ силами. «Административныя власти не находятъ никакой возможности взыскивать подати безъ помощи розогъ, и всѣ попытки отмѣнить въ этихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе не удались. Если вѣрить разсказамъ крестьянъ, то при этомъ имѣютъ мѣсто жестокости, напоминающія пытки, употреблявшіяся въ Индіи при взысканіи податей. Съ глубокимъ уныніемъ и со слезами на слезахъ изображали передо мною картину толпы поблѣднѣвшихъ крестьянъ, привезенныхъ возовъ розогъ и во главѣ фигуру губернатора или мироваго посредника, который будто принималъ на себя такую жалкую и унизительную роль. Я самъ, конечно, этого не видалъ, но одно существованіе подобныхъ разсказовъ уже показываетъ, съ какимъ трудомъ взыскиваются подати». Бѣдствіе крестьянъ увеличивается еще міроѣдами, которые отнимаютъ у крестьянина и то, что у него остается послѣ всѣхъ сборовъ. «У насъ очень много кричатъ про бѣдственное положеніе пролетарія въ Англіи, Бельгіи и Франціи, но еслибъ нашему крестьянину удалось пожить годъ такъ, какъ живетъ въ помянутыхъ странахъ не только пролетарій, но нищій, то въ такомъ случаѣ онъ считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Нашего крестьянина не только нельзя сравнивать съ современнымъ пролетаріемъ Германіи, Франціи или Англіи, но даже съ французскимъ работникомъ прошлаго столѣтія». L'appetit vient en mangeant, говоритъ французская пословица. Ее можно примѣнить и къ нашему автору по стремленію его сгущать краски болѣе и болѣе. «Послѣ всѣхъ этихъ сравненій, продолжаетъ онъ, я думалъ сравнить положеніе нашего крестьянина съ положеніемъ бывшихъ рабовъ-негровъ Соединенныхъ Штатовъ, но оставилъ эту мысль. Что могло выдти изъ этого сравненія? Негръ стоилъ отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей серебромъ, слѣдовательно онъ былъ порядочный капиталъ, его преждевременная потеря была чувствительна для плантатора, который заботился о его матеріальномъ благосостояніи на сколько могъ (?); онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ также, какъ англичанинъ дѣйствуетъ съ своимъ скотомъ; онъ усовершенствовалъ средства (?) дѣлать его сильнымъ, здоровымъ и долговѣчнымъ до того, что относительное число умирающихъ негровъ свободныхъ въ сѣверныхъ штатахъ было значительнѣе числа умирающихъ рабовъ на югѣ; тѣлесныя наказанія, вредно дѣйствующія на здоровыхъ (?!), также были рѣдкимъ исключеніемъ (??). Я не могъ вынести мысли, что сравненіе это можетъ кончиться въ пользу рабовъ — о Боже!»

Эти, весьма мало доказательныя выписки изъ второй главы, изображающей бытъ сибирскаго земледѣльца, резюмируютъ собою почти все содержаніе книги г. Флеровскаго. Повсюду онъ замѣчаетъ одни и тѣ же явленія, какъ будто пишетъ подробный комментарій къ извѣстному стихотворенію г. Некрасова, оканчивающемуся припѣвомъ:

> Холодно, странничекъ, холодно,
> Голодно, родименькій, голодно.

Разныя мѣстности, имъ разсматриваемыя, какъ будто ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, вездѣ «голодно и холодно», вездѣ несравненно хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было заграницей. Не смотрите на наружность, даетъ вамъ понять постоянно авторъ, не обольщайтесь видомъ благосостоянія—все это обманъ и

фальшь. Прочитавъ пятьсотъ страницъ убористой печати, вы ни разу не остановитесь на явленіи отрадномъ: авторъ мучитъ васъ своими картинами, то немного усиливая краски, то немного ослабляя ихъ. Положеніе сибирскаго земледѣльца ужасно со дня рожденія до самой смерти, хотя онъ ѣстъ пшеничный хлѣбъ; положеніе земледѣльца Вологодской губерніи еще ужаснѣе, ибо онъ ѣстъ хлѣбъ изъ коры, мякины и соломы. Это двѣ крайности; между ними нѣсколько градацій, чуть-чуть замѣтныхъ. Какимъ образомъ еще существуетъ Россія, какъ она не погибла прахомъ, чѣмъ она торгуетъ внутри, что́ отправляетъ за-границу, какъ не выродился совсѣмъ типъ русскаго крестьянина въ типъ патагонца, въ типъ дикаго, безсмысленнаго животнаго! Пусть путешественники русскіе и иностранные говорятъ о красотѣ и здоровьѣ типа сибирскаго крестьянина, пусть говорятъ намъ, что тамъ женщины ходятъ на сохатаго и справляются съ нимъ—авторъ видѣлъ только изнуренные, жалкія лица, сердце его обливалось горечью при видѣ животныхъ, которыя бросались къ клоку сѣна, хотя повидимому огорчаться тутъ было нечѣмъ, такъ какъ животныя травоядныя сѣно любятъ, а о собственности имѣютъ понятіе смутное. Общее нищенство, общее истощеніе, общее отупѣніе... Нѣтъ, позвольте: въ одномъ мѣстѣ авторъ обмолвился о природномъ умѣ, энергической предпріимчивости и инстинктивномъ стремленіи къ цивилизаціи русскаго рабочаго класса. Но откуда же этотъ умъ, въ особенности эта «энергическая предпріимчивость», когда условія жизни крестьянина таковы, что должна была пропасть вся энергія. Вѣдь явленія, выдаваемыя намъ авторомъ за истину, существуютъ не со вчерашняго дня, а много сотенъ лѣтъ, достаточныхъ для того, чтобъ убить «природный» умъ и энергическую предпріимчивость. Какая энергія можетъ проявиться при тощемъ желудкѣ? «Возьмите рядъ портретовъ крестьянъ, говоритъ авторъ, и сравните его съ рядомъ портретовъ ученыхъ и государственныхъ людей — въ томъ и другомъ рядѣ будетъ выражаться одинаковая душевная сила; а при извѣстномъ подборѣ лицъ преимущество будетъ на сторонѣ крестьянъ». Но откуда же эта душевная сила? Будучи поклонникомъ естественно-историческаго метода изслѣдованія, авторъ не станетъ же утверждать, что «душевная сила» сама по себѣ, а тощій желудокъ и крайнее изнуреніе физическихъ силъ тоже сами по себѣ.

Мы далеки отъ того, чтобъ рисовать себѣ радужными красками положеніе рабочаго класса въ Россіи. Все то, что говоритъ г. Флеровскій о тягости податей и неравномѣрномъ ихъ распредѣленіи — давно доказано русскою печатью и усвоено лучшею частью общества; еслибъ общество получило возможность разработать этотъ вопросъ черезъ своихъ представителей, то дѣло пошло бы успѣшнѣе, чѣмъ разработка его посредствомъ коммиссій чиновниковъ. Авторъ правъ также, указывая на привилегіи войска Донского, какъ на аномалію въ государственномъ организмѣ, и на необходимость свободы переселенія крестьянъ изъ мѣстностей безплодныхъ въ плодородныя. Земля войска Донского заключаетъ въ себѣ 12.409,000 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли при населеніи въ 949,682 чел., въ числѣ которыхъ 282,288 временно-обязанныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ хуже положенія казаковъ. Между тѣмъ на пространствѣ губерній Курской, Московской, Полтавской и Тульской живетъ болѣе шести милліоновъ человѣкъ, довольствующихся десятью съ небольшимъ милліонами десятинъ пашенъ и сѣнокосовъ. И, несмотря на то, что въ землѣ войска Донского много мѣстностей совсѣмъ ненаселенныхъ, жители сосѣднихъ съ нею губерній принуждены выселяться въ Сибирь. Авторъ правъ также, говоря о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія нашей золотопромышленности, горныхъ заводовъ и рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ; мы готовы раздѣлять его убѣжденія, что разработка золотыхъ пріисковъ не должна быть привилегіей извѣстнаго класса людей, что нѣкоторые промыслы было бы раціональнѣе передать въ руки рабочихъ артелей, чѣмъ дѣлать изъ нихъ монополію капиталистовъ; мы не отрицаемъ ни добрыхъ намѣреній автора, ни относительной пользы его труда, въ которомъ читатели найдутъ хорошія страницы, вѣрныя характеристики, нѣсколько убѣдительныхъ фактовъ и наблюденій, частью принадлежащихъ самому автору, частью заимствованныхъ имъ изъ рѣдкихъ и спеціальныхъ книгъ, но общій тонъ книги, предвзятая мысль, подъ которую подгоняется все, во имя которой совершаются

...нія натяжки, лишаетъ его трудъ серьез... значенія, которое онъ могъ бы имѣть. ...то авторъ, приводя цифры, не указываетъ ...чника, откуда ихъ заимствуетъ; иног... высказываетъ положенія шаткія, выдавая за неоспоримыя историческія истины. ...ъ, онъ утверждаетъ, что французскій кре...нинъ передъ революціей вовсе не былъ ...нъ, а только пряталъ деньги, чтобъ не ...ить податей; онъ видитъ въ этомъ только ...бу съ помѣщикомъ и администраціей. «Ра...нки такъ упрямо защищались противъ ...отительныхъ платежей и повинностей, что ...жи эти въ большей части западной Евро...пы несравненно незначительнѣе оброковъ ...менныхъ русскихъ крестьянъ. Земледѣль... вслѣдствіе этого, могли достигать такого ...состоянія, что въ Италіи, Испаніи, Фран... и Англіи они почти всѣ постепенно отку...сь на свободу и *сдѣлали освобожденіе ...ами излишнимъ*». Мы привыкли слышать ...ѣ англійской аристократіи и плохомъ по...ніи безземельныхъ земледѣльцевъ. По мнѣ... г. Флеровскаго, все это вздоръ и заблуж... «Европа не понимала» того, что пони...ъ г. Флеровскій: «Англійское дворянство ...малочисленно и слабо», «оно было почти ...шенно истреблено войной алой и бѣлой ...», «оно было такъ бѣдно, что, рано пре...вшись предъ деспотизмомъ, оно не могло ...вести придворной жизни». Ужъ не ста...ли г. Флеровскій доказывать, что англій... землевладѣльцы, лендорды, бѣднѣе арен...овъ? Онъ дѣйствительно не останавли... и передъ этимъ. «Землевладѣлецъ, го...ъ онъ, *боялся* притѣснять работника, ...трашно было вывесть его изъ терпѣнія». ...кожъ, нельзя отрицать, что земли сосре...ены лишь въ рукахъ немногихъ. Г. Фле...ій признаетъ это снисходительно, но изъ ...ровно ничего не слѣдуетъ: въ то время землевладѣлецъ «получалъ съ земли лишь ...чительный доходъ, онъ (работникъ) съ ...тала, который нерѣдко употреблялъ на ...землю, въ качествѣ арендатора, *получалъ больше*. Онъ не голодалъ, подобно сво...заморскимъ сосѣдямъ всю свою жизнь, ... подъ конецъ купить земли, *онъ пожилъ ...ое удовольствіе* (это все работникъ!) и ...конецъ еще получилъ капиталъ, который ...чилъ его доходы. Его судьба была соблаз...нительнымъ примѣромъ для его товарищей-работниковъ, которые, конечно, въ виду подобныхъ обстоятельствъ, не соглашались работать за безцѣнокъ. Работники страны *получали много* и не изнурялись скопидомствомъ, а все проживали». Кого хочетъ г. Флеровскій убѣдить этой болтовней, въ которой что ни слово, то неправда? И, высказывая такія странныя мнѣнія, г. Флеровскій не дѣлаетъ ни одной ссылки на какое-нибудь сочиненіе болѣе авторитетнаго, чѣмъ онъ, писателя. На довѣріе какихъ же читателей онъ разсчитываетъ? Неужели г. Флеровскій воображаетъ, что найдется хотя одинъ читатель, который предпочтетъ показаніе его, г. Флеровскаго, показаніямъ, напр., Милля и Луи Блана. О томъ самомъ землевладѣльцѣ, котораго, по мнѣнію нашего словоохотливаго автора, работникъ держитъ въ своихъ рукахъ, Милль говоритъ: «лендорды обогащаются такъ сказать во время сна, ничего не дѣлая, ничѣмъ не рискуя, ничего не сберегая». Во второмъ томѣ второй серіи «Lettres sur l'Angleterre» Луи Блана г. Флеровскій могъ бы найдти для себя весьма много поучительнаго относительно англійскаго землевладѣнія; онъ узналъ бы, напр., оттуда, что доходы лендордовъ удвоились съ 1800 г. по 1852 г. Въ 1800 г., эти доходы составляли 22,500,000 фунт. стерлинговъ; въ 1852 г.—41.118,329 фунт. стерлинговъ.

Рядомъ съ этими странными мнѣніями и произвольными натяжками, мы встрѣчаемъ еще у нашего автора нерѣдкія противорѣчія. Приведемъ два примѣра. Восхваливъ, на стр. 213—218, благосостояніе западно-европейскаго и въ особенности англійскаго работника, сказавъ на стр. 55, что нашъ крестьянинъ, стоя ниже бывшаго раба Соединенныхъ Штатовъ, считалъ бы себя на верху благополучія, еслибъ могъ пожить хотя годъ такъ, какъ живетъ въ Европѣ нищій, г. Флеровскій, на стр. 476, говоритъ нѣчто другое. Тутъ онъ поучаетъ, что нашъ крестьянинъ «понялъ великую истину, которую западно-европейскій никогда не понималъ. Онъ постигъ, что прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы ни одного земледѣльца не лишать собственнаго хозяйства. Вести собственное хозяйство — не шуточное дѣло, къ нему нужно приспособиться и привыкнуть съ малыхъ лѣтъ. Западно-европейскому сельскому пролетарію не скоро это удастся, можетъ быть ни-

когда не удастся, и на почвѣ западной Европы мы можемъ снова увидать римскія латифундіи». Совѣтуя оставить Сѣверъ и переселиться въ болѣе благословенныя небомъ страны, г. Флеровскій говоритъ: «Еслибъ Сѣверъ былъ такъ плодоносенъ, то вѣроятно англичане не упустили бы воспользоваться своими сѣверными владѣніями: отчего же эти сѣверныя владѣнія у нихъ такъ же пустынны, какъ и наши? Они имѣютъ больше такту, чѣмъ мы, они не суются на Сѣверъ, а отыскиваютъ плодоносныя страны въ южномъ и умѣренномъ поясѣ». Это сказано на 97 стр. На стр. 275 г. Флеровскій говоритъ: «Англійскія владѣнія Сѣверной Америки лежатъ въ одной широтѣ съ европейскою Россіей и по суровости своего климата скорѣе превосходятъ ее (??), чѣмъ уступаютъ ей: однакожъ, страна эта по благоденствію своего рабочаго класса и быстротѣ, съ которою увеличивается населеніе, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на земномъ шарѣ». Такимъ образомъ одни и тѣ же владѣнія на одной страницѣ являются «пустынными», на другой народонаселеніе въ нихъ быстро увеличивается, а по благоденствію они занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ на земномъ шарѣ.

Впрочемъ, мы должны замѣтить, что трудъ г. Флеровскаго, или лучше сказать, его литературные пріемы тѣмъ хороши, что даютъ читателю полную возможность отдѣлить то, что справедливо, отъ того, что преувеличено или совсѣмъ ложно. Какъ во всякомъ человѣкѣ искреннемъ, но недостаточно умудрившемся въ литературномъ дѣлѣ, натяжки у него тотчасъ видны и прикрыты весьма прозрачною пеленою краснорѣчія и чувствительности. Затѣмъ остается много такого, надъ чѣмъ всякій благомыслящій человѣкъ серьезно задумается. Одно дѣло—когда о бѣдности русскаго народа говорятъ люди извѣстной партіи, и другое дѣло, когда о томъ же говоритъ человѣкъ со взглядами г. Флеровскаго. Онъ не ищетъ этой бѣдности въ лѣни и пьянствѣ, доказывая, что такъ-называемый образованный русскій человѣкъ пьетъ больше мужика, а въ бѣдности почвы, въ плохихъ надѣлахъ землею, въ огромныхъ податяхъ. Вотъ небольшая выписка, которою мы и заключимъ свой разборъ, желая книгѣ г. Флеровскаго возможнаго успѣха: «Каждый работникъ въ Вологодской губерніи обработываетъ и засѣваетъ въ годъ не больше де-
сятины. Что разсчетъ этотъ не преувел
ный, въ томъ можно удостовѣриться изъ «
тистическаго Временника» 1868 г. Въ «Ст.
число пахатныхъ земель даже преувели
оно исчислено въ 800,000 дес., между
какъ въ вологодской памятной книжкѣ
720,000 д. Помѣщичьи земли, отведенны
стьянамъ, обыкновенно до того плохи, что
совершенно жить невозможно; только тотъ
стьянинъ и могъ нѣсколько обезпечить
который покупалъ землю на имя помѣ
Крестьяне горько жалуются на то, какъ
ступали съ ними при нарѣзкѣ имъ этих
мель во время освобожденія. Земли эти,
ленныя на ихъ кровныя деньги, счита
однакоже, землями помѣщика; они увѣр
что имъ приходится платить вознагражд
помѣщикамъ за несомнѣнную ихъ собс
ность, что ихъ собственныя земли обращ
имъ въ надѣлъ и даже просто присвоены
помѣщиками себѣ.... Въ обыкновенный
вологодскій крестьянинъ никакъ не мо
жить отъ своего надѣла. Отработывая ва
онъ среднимъ числомъ можетъ произвест
ностей на 25 р. 50 к.; въ хорошій годъ, по
увеличенному разсчету, на 44 р. 40 к.
этого онъ долженъ заплатить помѣщику
зенныхъ сборовъ 17 р. 25 к., въ обыкн
ный годъ ему останется 8 руб. 25 к., то
меньше, чѣмъ $2^1/_3$ к. въ день....»

Пролетаріатъ во Франціи. 1789—1852. Истор
скіе очерки *А. Михайлова*. Спб. 1869.

Авторъ этихъ «историческихъ очерков
извѣстный беллетристъ, сочинитель «Гни
болотъ», «Жизни Шупова» и другихъ р
новъ и повѣстей. Владѣя въ значительной
пени даромъ разсказа, онъ написалъ леж
передъ нами историческіе очерки такъ та
ливо, что они читаются съ непрерывающимис
тересомъ. Онъ не входитъ въ разборъ болѣе
менѣе мечтательныхъ теорій французскихъ
сателей, посвящавшихъ свою дѣятельност
разработку рабочаго вопроса, онъ только
гаетъ ихъ планы, иногда ихъ собствен
словами, и разсказываетъ біографіи глав
шихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Сам
бою разумѣется, что отъ г. Михайлова не
требовать труда вполнѣ выдержаннаго —
и самъ не имѣетъ на это претензіи; сп
листъ найдетъ въ немъ даже ошибки, невѣ

одностороннія сужденія объ извѣстныхъ ...рическихъ дѣятеляхъ, но для массы публи книга г. Михайлова положительно по...на, какъ сборникъ фактовъ изъ жизни ра...аго класса, изложенныхъ въ связи съ об... исторіей Франціи. Отсутствіе опредѣлен...ъ взглядовъ на ту или другую систему ...но даже поставить въ заслугу книгѣ по...наго рода: прежде, чѣмъ выработать себѣ ...редѣленный взглядъ, надо познакомиться съ ...тами, а для этой послѣдней цѣли у насъ не ...ю до сихъ поръ пригодныхъ книгъ.

...торія новѣйшаго времени отъ вѣнскаго конгресса до парижскаго мира. (1815—1856). *Соч. д-ра Фридриха Лоренца.* Съ приложеніями и дополненіями. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *В. В. Маркова.* Спб. 1869.

Въ 1860 г. появился на русскомъ языкѣ пе...водъ послѣдней части исторіи Лоренца, об...мавшей новѣйшее время. Это была неболь...я книжка, передававшая трудъ извѣстнаго ...орика въ искаженномъ видѣ, съ многочис...ными пропусками. Тогдашніе журналы при...ли эту исторію съ насмѣшками и на голову ...оренца посыпались упреки, которые на са...ъ дѣлѣ слѣдовало бы обратить по другому ...есу. Въ искаженіяхъ и пропускахъ Лоренцъ ...ъ совсѣмъ не виноватъ. Чтобы убѣдиться ... этомъ, достаточно сравнить прежній пере...ъ его книги и настоящій: послѣдній пре...сходитъ первый своимъ объемомъ почти ...рое. Переводъ 1860 г. былъ сдѣланъ съ ру...писи; настоящій переводъ сдѣланъ съ нѣ...цкаго изданія исторіи Лоренца, вышедшаго ... 1867 г. съ предисловіемъ Бернгардта. Не...мотря на то, что въ нѣмецкой литературѣ су...ствуетъ достаточное количество сочиненій ... новѣйшей исторіи, нѣмецкіе критики отнес...лись къ труду Лоренца съ похвалою; такъ по...ступили даже тѣ изъ нихъ, которые не раздѣ...ли политическихъ убѣжденій автора. Берн...рдтъ такъ выражается о Лоренцѣ: «Все су...щество его глубоко проникала гуманность, сни...сходительность въ приговорѣ, справедливость ...носительно чужихъ поступковъ, чужихъ стрем...леній и мнѣній, идущихъ въ разрѣзъ съ его ...бственнымъ направленіемъ... Чрезъ это Ло...нцъ былъ въ состояніи изобразить, всюду ...прикасающіяся съ современными интересами, ...бытія съ справедливостью и безпристрастіемъ, съ спокойствіемъ и сдержанностію рѣчи... Слабая сторона натуръ въ родѣ личности Лоренца всего болѣе проявляется въ томъ, что у нихъ зачастую замѣтна недостаточная степень опредѣленности мнѣній, меткости слова, необходимыхъ для историческаго изображенія, коль скоро подъ именемъ исторіи не разумѣть безцвѣтнаго перечня фактовъ. Однако и здѣсь Лоренцу удалось, большею частію, избрать счастливый средній путь между этимъ подводнымъ камнемъ и другимъ, противоположнымъ ему—невѣрностью объективнаго изложенія съ точки зрѣнія партіи». Этихъ словъ достаточно для характеристики автора и его произведенія; переводъ вполнѣ удовлетворительный и дополненъ въ тѣхъ частяхъ, на которыя Лоренцъ не обращалъ достаточнаго вниманія, приготовляя свой трудъ для нѣмецкой публики. Русскіе издатели прибавили нѣсколько статей о славянскихъ земляхъ и о событіяхъ въ нашемъ отечествѣ въ царствованія императоровъ Александра I и Николая I.

Въ началѣ книги приложено большое предисловіе г. Маркова, трактующее о партіяхъ и направленіяхъ въ русской жизни и журналистикѣ, «взглядъ и нѣчто» на новую русскую исторію. Предисловіе это ровно ничего не прибавляетъ къ исторіи Лоренца, хотя авторъ его, изъ подражанія Лоренцу, старается тоже проникнуться духомъ безпристрастія и отдать божіе—Богу, а кесарево—кесарю. Но намъ кажется, что онъ держитъ вѣсы не совсѣмъ правильные, такъ что одна чашка ихъ постоянно перетягиваетъ въ послѣднюю сторону, безъ всякой видимой причины. Съ особеннымъ рвеніемъ стремится онъ доказать, тоже неизвѣстно для чего, что въ Россіи не нужно политическихъ партій, и что ихъ существованіе ничѣмъ не вызывается, что для нихъ нѣтъ у насъ почвы. Если бы кто сталъ доказывать, что въ Россіи не нужно огнедышащихъ горъ, потому что для этихъ горъ нѣтъ у насъ почвы—тогда это было бы понятно; физическія и геологическія условія Россіи таковы, что можно, основываясь на геологической исторіи, доказывать, что нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ допустить, чтобъ гдѣ-нибудь во Владимірской губерніи или въ Пошехоньи открылся вулканъ; но прошлая политическая исторія Россіи отнюдь не даетъ намъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы доказать, что у насъ

ѣтъ почвы для политической жизни, а слѣдо-тельно и для партій. Развитіе народное со-ршается и всегда совершалось борьбою не одной природою, но также человѣка съ че-вѣкомъ, одного нравственнаго, политиче-наго, религіознаго воззрѣнія съ другимъ. Въ адѣ барановъ не можетъ быть партій, оттого адо это всегда и останется стадомъ; но че-вѣческое общество не можетъ быть уподоб-но состоянію неразумныхъ животныхъ, на-дная жизнь не слагается въ неподвижную рму жизни бараньяго стада, а постоянно реходитъ изъ одной общественной формы въ угую; въ извѣстныя эпохи каждая изъ этихъ рмъ составляетъ основу народной жизни, тому что народъ находитъ въ этой формѣ овлетвореніе существенныхъ своихъ потреб-стей; но вмѣстѣ съ развитіемъ являются но-я цѣли и требованія, наступаетъ время борь-, перелома, старая форма распадается и вы-батывается новый порядокъ вещей. Согласно этими законами развитія во всякомъ обще-вѣ, если только оно не неподвижно, суще-вуютъ двѣ партіи—партія прогрессистовъ и ртія консерваторовъ. Конечно, политическія ртіи, настоящія, организованныя партіи мо-тъ существовать только при политической ободѣ, но въ зародышномъ состояніи онѣ аходятся рѣшительно въ каждомъ обществѣ, какъ бы глуха ни была борьба между ними, на все-таки существуетъ и даетъ результаты. то не видитъ такого явленія въ нашей исто-іи, тотъ ее не знаетъ. Совѣтовать же: «гос-ода, вы, пожалуйста, ужъ живите безъ партій, ачѣмъ они намъ — у насъ и почвы для нихъ ѣтъ», значитъ давать такой же ребячій со-ѣтъ, какой давалъ въ началѣ шестидесятыхъ одовъ какой-то литераторъ-обыватель, призы-авшій журналистовъ къ согласію и единенію: удемъ одно стадо и одинъ пастырь, говорилъ нъ высокимъ слогомъ. «Есть эпохи и страны», оворитъ г. Марковъ (какъ будто эпохи и траны одно и тоже), «гдѣ условія развитія огутъ быть иныя, когда ходъ вещей требуетъ е раздѣленія, а единства, возможнаго согла-ія». Но единство и *возможное* согласіе вовсе е исключаютъ партій, потому что единство и озможное согласіе въ стадѣ барановъ—беремъ пять этихъ животныхъ для примѣра—дости-ается просто распоряженіями и дѣйствіями астуха при помощи нѣсколькихъ псовъ, тогда какъ въ человѣческомъ обществѣ единство и возможное согласіе достигается разногласіемъ, ведущимъ къ удовлетворенію тѣхъ потребно-стей, которыя предъявляетъ общество. Вообще предисловіе сильно настаиваетъ на «духѣ при-миренія», какъ будто этотъ духъ можетъ быть воспринятъ русскимъ обществомъ въ силу со-вѣта какого нибудь журналиста, а не зависитъ отъ тысячи условій физическихъ и нравствен-ныхъ. Сообразно этому духу, авторъ предисло-вія бросаетъ и взгляды свои на явленія рус-ской жизни въ новѣйшее время и на все суще-ствовавшее смотритъ глазами примиренія: что было — значитъ такъ нужно было, даже на эпоху самой продолжительной реакціи онъ смотритъ какъ на необходимость, какъ на нѣ-которое желѣзное крещеніе: «нужно было», вѣ-щаетъ онъ, «чтобы оно (общество) еще строже взглянуло на себя, чтобы еще болѣе проник-лось самоосужденіемъ, чтобъ вся его масса со знала несостоятельность отживающаго по-рядка». Что̀ вышло бы, въ самомъ дѣлѣ, еслибъ историческое развитіе народовъ шло именно такъ, какъ опредѣляетъ его г. Марковъ: «чтобъ *вся масса* сознала и проч.» Когда нужно было бы уничтожить крѣпостное право, когда можно было бы строить желѣзныя дороги, когда можно было бы вводить гласное судопроизводство? Но если проповѣдывать «духъ примиренія» и не-нужность партій, то, чтобъ не противорѣчить себѣ, конечно слѣдуетъ, по отношенію къ каж-дому вопросу, дожидаться, когда вся масса сознаетъ несостоятельность порядка вещей. Г. Марковъ не сообразилъ только того, что такимъ образомъ, пожалуй, можно дойти до совершеннаго отупѣнія и полнѣйшей апатіи. Мудрость русскаго народа, какъ онъ ни мало развитъ, однакожъ, выработала правило: се-меро одного не ждутъ. Еслибъ г. Марковъ усвоилъ себѣ это правило, то не написалъ бы многихъ страницъ. Въ числѣ разныхъ стран-ностей, нельзя не указать на пристрастіе г. Маркова къ стихамъ. Само по себѣ это при-страстіе не заключаетъ въ себѣ ничего дур-ного; стихи — вещь невинная, и ими не безъ остроумія можно пользоваться въ частныхъ разговорахъ, въ особенности съ барышнями цитировать по случаю небесныхъ знаменій, се-мейныхъ радостей, любовныхъ отношеній, со-стоянія погоды и проч., но употреблять ихъ для характеристики историческихъ эпохъ, и

пей мѣрѣ, легкомысленно. Между тѣмъ, ырковъ именно дѣлаетъ изъ нихъ такое ѳбленіе, характеризуя, напр., прошлое вованіе четырьмя стихами Пушкина:

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою...
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

подумайте, однако, что авторъ—отсталый рваторъ. Нѣтъ, онъ горячо желаетъ ре-, онъ не имѣетъ ничего общаго съ и, которые желаютъ остановиться или іуть назадъ; все его несчастіе состоитъ венно въ томъ, что онъ до всего хо-ойти своимъ умомъ. Это и привело его проходимыя дебри; но иногда судитъ ѣрно и здраво. Таково, напр., его іе объ отрицательномъ направленіи въ литературѣ: «Имъ, этимъ энтузіазмомъ, тъ онъ, не посрамится періодъ новой, вейся тогда у насъ жизни: для этого чи-времени нашлись и чистые люди, безко-о, съ полной преданностію, можно ска-ъ дѣтскою наивностью служившіе ему, ъ духѣ отвлеченныхъ теорій, и притомъ , заимствованныхъ большею частію изъ-но черезъ эти теоріи, съ ихъ идеальною кою, общество поднялось только въ уро-ь широкими задачами той минуты—от-ность же идеаловъ, какъ скроенныхъ по фантастической мѣркѣ, обнаружилась по-томъ ясно. Все, что было въ этомъ періодѣ ложнаго, непримѣнимаго въ русской жизни, юношески задорнаго и мечтательнаго, все это отвергла самая жизнь... Ложь его исчезла, но доброе, что въ немъ было, сдѣлало свое, и осталось... Чему, какъ не духовной работѣ того періода надлежитъ приписать ту черту, что въ образованномъ классѣ съ тѣхъ поръ зна-чительно обобщилась привычка не удовлетво-ряться дешевою внѣшностью, не расплываться въ самодовольствѣ, а искать необманчиваго успѣха? Смѣлость, нерутинность усвоенныхъ тогда пріемовъ мышленія, равнымъ образомъ, не должны утратиться... Сверхъ того, у отри-цателей-прогрессистовъ была живость, свѣ-жесть воззрѣнія и, благодаря этому, они умѣли обратить вниманіе на многія изъ самыхъ су-щественныхъ сторонъ европейской жизни», и проч.

Мы думаемъ, что вѣрность этого сужденія обусловливается тѣмъ, что самъ авторъ пере-жилъ этотъ періодъ и могъ руководствоваться при сужденіи о немъ непосредственными впе-чатлѣніями. Тамъ же, гдѣ не доставало ему этой непосредственности, онъ бродилъ ощупью прибѣгалъ къ такимъ солиднымъ историче-скимъ документамъ, какъ стихи, и высказывалъ мнѣнія, лишенныя всякой исторической основы и даже здраваго смысла. А. С—нъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

des preussischen Volksschulwesens und ·schläge zu einer Reform desselben nach sinnigen Grundsätzen, von *A. Freimund.*

аше время любитъ хвалиться побѣдами твеннаго мнѣнія и привыкло считать большинства образованнаго общества преобладающею въ современной жизни, ствующею не только надъ гражданами, адъ самими властями, которыхъ сила дчиняетъ себѣ незамѣтно для нихъ са-господствующею надъ самими законами, какъ исполненіе закона невозможно безъ твія общества, а, стало быть, и духъ исполненія подчиняется общественному о. Но чтобы убѣдиться въ неоснователь-безусловнаго въ этомъ отношеніи опти-мизма, достаточно вникнуть въ самыя основы современной общественной жизни, и сравнить ихъ съ тѣми принципами гуманности и ум-ственной эмансипаціи, какіе окончательно установились въ общемъ мнѣніи образован-ной массы въ Европѣ. Окажется, что даже самыя безспорныя, самыя элементарныя изъ тѣхъ истинъ, которыя окончательно усвоило себѣ просвѣщенное общественное мнѣніе, да-леко еще не осуществляются вполнѣ ни въ воспитаніи, ни въ домашнемъ быту, ни въ са-мыхъ простыхъ, ежедневныхъ соглашеніяхъ по интересамъ, какъ напр. въ отношеніяхъ между нанимателями и нанимаемыми.

Кажется, что можетъ находиться въ бли-жайшей, безспорнѣйшей зависимости отъ про-

священной общественной мысли, какъ *школа*. А между тѣмъ школа даже въ Пруссіи, «государствѣ интеллигенціи», странѣ протестантской, излюбленной философами, странѣ, въ которой обязательное обученіе есть фактъ, и тамъ устройствомъ школы и направленіемъ образованія управляютъ не народныя потребности, сознанныя общественнымъ мнѣніемъ, не принципы гуманности и умственной свободы, которые оно усвоило себѣ какъ аксіомы, а — вліянія совсѣмъ противоположныя. «Все наблюденіе надъ школою и все внутреннее устройство преподаванія находятся въ рукахъ духовенства. Всѣ училищные инспекторы — лица духовныя, всѣ окружные инспекторы (суперинтенденты), всѣ директоры учительскихъ семинарій, высшіе учителя въ этихъ заведеніяхъ и всѣ члены училищныхъ совѣтовъ — богословы. Богословы же, въ чинѣ тайныхъ совѣтниковъ, сидятъ въ министерствѣ и купно съ министромъ народнаго просвѣщенія, который тоже получилъ богословское образованіе, опредѣляютъ и внутреннія и внѣшнія условія всей училищной части». Вотъ кратчайшее опредѣленіе всего училищнаго дѣла въ Пруссіи, какъ его даетъ авторъ названной книги. Авторъ, самъ народный учитель, близко знакомъ съ бытомъ народной массы, особенно въ восточной Пруссіи, и сочиненіе его одушевлено глубокимъ, сознательнымъ сочувствіемъ къ бѣдѣ, въ какой живетъ рабочая масса, и страстнымъ негодованіемъ противъ уродованія школы клерикализмомъ, противъ поддерживаемаго имъ въ школѣ застоя, лицемѣрнаго исполненія обязанностей и грубыхъ педагогическихъ пріемовъ и методъ.

Въ Пруссіи пасторъ—оффиціальный начальникъ школы, въ качествѣ инспектора: планъ преподаванія не только зависитъ отъ него, но имъ установляется, сообразно съ правилами. Планъ этотъ обсуждается и утверждается училищнымъ совѣтомъ, котораго члены должны имѣть богословское образованіе. Ректорамъ школъ среднихъ предоставлено самимъ вырабатывать планъ преподаванія, но онъ все-таки можетъ быть введенъ только по соглашенію съ училищнымъ инспекторомъ — пасторомъ; въ случаѣ, если они не придутъ къ соглашенію, дѣло рѣшаетъ правительственная власть. Инспекторы-пасторы обязаны, сверхъ того, наблюдать за религіознымъ направленіемъ учителя, за исправнымъ посѣщеніемъ имъ церкви, даже за политическими его убѣжденіями. Инспекторы обязаны посѣщать народныя школы какъ можно чаще; окружный же инспекторъ (суперинтендентъ) осматриваетъ ихъ разъ въ годъ.

Такимъ образомъ, весь ходъ преподаванія совершенно подчиненъ въ Пруссіи духовенству, между тѣмъ, отъ духовныхъ лицъ, которымъ поручается также власть надъ школами, не требуется серьезной педагогической подготовки. Для того, чтобъ пріобрѣсть право занимать мѣсто инспектора или директора или члена училищнаго совѣта, кандидатъ богословія долженъ только пробыть *шесть недѣль* въ учительской семинаріи, въ такое короткое время онъ пріобрѣтаетъ уже всю педагогическую мудрость, такъ какъ полагаютъ, что богословіе само по себѣ даетъ кандидату качества хорошаго педагога. Поэтому отъ него требуется только шестинедѣльное ознакомленіе съ педагогическимъ курсомъ и три пробныя лекціи.

Правда, духовенство, которому въ Пруссіи подчинена школа, духовенство — образованное, и менѣе доступное фанатизму, чѣмъ напримѣръ, католическое духовенство. Но протестантскій клерикализмъ имѣетъ то же направленіе, какъ и всякій иной клерикализмъ, хотя и въ меньшей степени, именно стремится покорить умственную свободу, развивать въ ученикахъ преимущественно смиреніе, и, главное, искажаетъ преподаваніе, посвящая его преимущественно не для сообщенія знаній и развитія ума учениковъ, а для укрѣпленія въ нихъ религіознаго чувства и политической благонамѣренности. Какъ ни почтенны эти двѣ цѣли, но это все-таки цѣли постороннія умственному развитію, а стало быть подчиненіе всего учебнаго курса именно имъ, неизбѣжно ведетъ къ искаженію дѣла преподаванія. Подъ вліяніемъ духовенства, преподаваніе во-первыхъ, распредѣляется несообразно возрасту и ходу естественнаго развитія учениковъ. Даже если соглашаться съ мнѣніемъ, которое высказываетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, именно, что «школа не должна учить догматамъ», что это не ея дѣло, и что религіозное образованіе въ школѣ должно ограничиваться нравственными поученіями религіи, то нельзя во всякомъ случаѣ не признать, что преподаваніе духовныхъ предметовъ

въ раннемъ возрастѣ не приноситъ пользы, а напротивъ пріучаетъ ученика съ самого начала къ мысли, что ученіе есть не *усвоеніе* мыслей, а затверживаніе непонятнаго. Между тѣмъ, духовенство требуетъ обширнаго преподаванія религіи въ народныхъ школахъ и тѣмъ убиваетъ остальные курсы, безъ всякой пользы для истинно-религіознаго образованія, недоступнаго въ раннемъ возрастѣ. «Впередъ всего выставляется законъ божій. Онъ долженъ составлять ядро цѣлой системы преподаванія, такъ что остальные предметы служатъ собственно только для того, чтобы утвердить ученика въ религіи, и укрѣпить ея вліяніе. На законъ божій дается 6 часовъ въ недѣлю, но это число часовъ, посвященное занятію религіозными предметами, удвоивается тѣмъ, что въ 6-ти часахъ, предоставленныхъ чтенію и письменному изложенію мыслей на нѣмецкомъ языкѣ, матеріаломъ упражненій служитъ именно матеріалъ религіознаго преподаванія. Уже съ первыхъ учебныхъ годовъ, шестилѣтняго ребенка заставляютъ затверживать заповѣди, изреченія, стихи гимновъ и библейскіе разсказы. Далѣе къ этому присоединяются: полный катихизисъ, вмѣстѣ съ лютеровыми объясненіями, 30 (!) церковныхъ гимновъ, по меньшей мѣрѣ 200 (!) изреченій изъ библіи, отдѣльныя мѣста изъ библіи, нѣсколько псалмовъ, наконецъ даже воскресныя евангелія и посланія апостоловъ (нѣкоторые пасторы еще энергически настаиваютъ и на этомъ послѣднемъ требованіи). Кромѣ того стараются, чтобы дѣти ходили въ церковь и по возможности записывали проповѣдь (!). Всѣ остальные предметы преподаванія окрашиваются религіознымъ оттѣнкомъ».

Авторъ приводитъ въ примѣръ одно руководство ариѳметики, въ которомъ *всѣ задачи* заимствованы изъ содержанія библіи:

«Іоаму было 25 лѣтъ, когда онъ содѣлался царемъ въ Іудеѣ, а царствовалъ онъ 16 лѣтъ. Какого возраста достигъ Іоаамъ?—Кенану, при рожденіи Махалалеля, было 70 лѣтъ отъ роду, этому послѣднему было 65 лѣтъ когда родился Іародъ. Сколько лѣтъ было Кенану при рожденіи Іарода?

«Всѣ отрывки для чтенія, съ которыми связывается преподаваніе географіи, исторіи и естественной исторіи, рекомендуется избирать такимъ образомъ, чтобы они соотвѣтствовали намѣренію учебной регулятивы 1854 года: искусственному возбужденію патріотизма и любви къ царствующему дому, а также религіознаго воззрѣнія на природу», — вотъ какъ характеризуетъ авторъ смыслъ преподаванія даже общеобразовательныхъ предметовъ. Употребительную въ восточной Пруссіи школьную книгу для чтенія, der Kinderfreund, Прейсса и Феттера, пришлось въ 1854 г. передѣлать, чтобы удовлетворить требованіямъ регулативы. Въ нее были вставлены тѣ внушительные отрывки, съ которыми было предписано связывать преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ. Издатели вздумали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы ввести улучшеніе въ новое изданіе и включили въ нее нѣсколько популярныхъ баллад, нѣсколько стихотвореній Уланда, Гете, Шиллера, небольшіе разсказы Ауэрбаха и т. д. И что же? — правительство тотчасъ наложило на новое изданіе секвестръ, и 20 тысячъ отпечатанныхъ экземпляровъ были обращены въ макулатуру.

Регулатива требуетъ, чтобы школа служила преимущественно для развитія въ ученикахъ религіознаго чувства, а учитель обращается просто въ слугу духовной іерархіи. Учителя пробовали протестовать, и въ прошеніяхъ своихъ ссылались на прежній примѣръ самой Пруссіи, приводили докладъ берлинской оберъ-консисторіи 18-го января 1799 года, въ которомъ сказано: «Школы должны быть разсматриваемы какъ учрежденія государства, а не какъ заведенія, служащія для пользы одного вѣроисповѣданія. Поэтому желательно, чтобы преподаваніе въ нихъ закона божія ограничивалось одними общими истинами религіи и общими для всѣхъ религіозныхъ партій поученіями нравственности, съ тѣмъ, чтобы спеціальное обученіе въ законѣ божьемъ было предоставлено только пастору при приготовленіи къ конфирмаціи».

Учебная система, въ духѣ клерикализма, неразлучна съ самыми грубыми педагогическими пріемами: розги и палки не нужны и положительно вредны тамъ, гдѣ ученье имѣетъ цѣлью умственное развитіе учениковъ, и гдѣ преподаваніе разсчитываетъ на сознаніе, пониманіе, на интересъ ученика къ предмету. Но розги и палка совершенно необходимы тамъ, гдѣ на пониманіе разсчитывать нельзя, гдѣ прежде всего имѣется въ виду развить благоговѣйный трепетъ и духъ смиренія въ ученикахъ. Одно

держится другимъ: затвердить 200 текстовъ, 30 гимновъ и цѣлыя книги наизусть нельзя по свободному интересу къ предмету; въ этомъ механическомъ ученьи, въ монотонномъ и искусственномъ преподаваніи всѣхъ остальныхъ предметовъ, съ чуждымъ имъ оттѣнкомъ, умъ ученика не можетъ быть главнымъ пособникомъ; умъ не можетъ быть и усерднымъ пособникомъ духа самоприниженія. Во всемъ этомъ главнымъ пособникомъ непремѣнно долженъ быть батогъ. И вотъ, въ прусскихъ народныхъ школахъ батогъ играетъ блестящую роль. Послушаемъ автора: «Главное педагогическое средство—пощечины и удары палкой. Въ примѣненіи этихъ средствъ учитель не допускаетъ никакого различія и не заботится о томъ, какое дѣйствіе они производятъ. Натуры горячія и пылкія, нѣжныя и грубыя, самолюбивыя, откровенныя или секретныя, всѣ безъ различія онъ стрижетъ подъ одинъ гребень. Степень его гнѣва опредѣляетъ и мѣру наказанія. Кто болтаетъ, того бьютъ; кто разъ полѣнился—того бьютъ; кто постоянно лѣнится—того тоже бьютъ. Кто разъ сказалъ неправду, кто постоянно лжетъ, кто дѣлаетъ скверныя шалости, кто глупыя и кто умныя, кто окажется черезчуръ уменъ и кто слишкомъ глупъ, кто немножко помѣшаетъ и кто сдѣлаетъ низость—всѣмъ выпадаетъ одинаковая мзда. Учителю все равно, таковъ ли ребенокъ, что онъ, смѣясь, отряхнетъ съ себя побои, или таковъ, что удары пронзятъ его насквозь до жизненнаго мозга, что побои, нанесенные ему, отвратятъ отъ учителя его сердце и уничтожатъ возможность всякаго на него вліянія». Такого учителя, вырабатываемаго требованіями регулативы, авторъ торжественно называетъ «душегубцомъ (Seelenmörder)». Но мало еще побоевъ переносимыхъ въ школѣ. Матеріалъ преподаванія, всѣ эти сухія поученія, эти непонятные тексты не могутъ быть затвержены на память безъ побоевъ не только въ школѣ, но и дома. Собственная охота ни на минуту не можетъ побудить взяться за такое ученье, а потому необходимо постоянное понужденіе, не только въ школѣ, но и дома—такимъ образомъ, побои сыплются на ребенка цѣлый день. «Часто, говоритъ авторъ, отъ горести и злости слезы выступали мнѣ въ глазахъ; но, къ сожалѣнію, почти никогда мнѣ не удалось измѣнить такого порядка. *Слово пастора*, который требуетъ этихъ вещей, какъ необходимыхъ для спасенія души, сила обычая и боязнь публичнаго осрамленія ребенка (при церковной визитаціи) всегда дѣйствовали сильнѣе моихъ словъ».

Авторъ совершенно справедливо приписываетъ клерикальному направленію народной школы не только неуспѣхъ общеобразовательнаго курса, но и расположеніе впослѣдствіи въ жизни не полагаться во всемъ прежде всего на трудъ, на усиліе, и утѣшать себя ссылкою на мнимое упованіе, что Богъ самъ сдѣлаетъ, что лѣнь сдѣлать помѣшала. «Когда я ребенку изъ простого народа твержу восемь лѣтъ сряду каждый день разсказы о чудесахъ, то могу ли удивляться, когда слышу тамъ такіе отвѣты: «къ чему звать доктора? Богъ поможетъ и доктора не надо, а Богу не угодно, такъ и никакой докторъ не поможетъ». Все это вообще только поддерживаетъ народъ въ недовѣріи къ силѣ труда и въ мечтательной надеждѣ на какое-нибудь необыкновенное счастіе, какъ напр., выигрышъ въ лоттерею. Правда, такъ заключаетъ авторъ свою характеристику, такое воспитаніе лучшее средство для достиженія цѣлей духовнаго порабощенія, но оно губитъ народъ».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, авторъ требуетъ освобожденія школы отъ надзора духовенства, съ тѣмъ, чтобы народнымъ учителямъ даваемы были и лучшая педагогическая подготовка, и болѣе самостоятельное положеніе въ жизни. Съ этой цѣлью онъ излагаетъ подробно выработанный имъ проектъ улучшенія учительскихъ семинарій, учрежденія особыхъ высшихъ экзаменовъ и улучшенія матеріальнаго быта учителей народныхъ школъ.

Примѣръ Пруссіи показываетъ, какъ опасенъ можетъ стать клерикализмъ, когда онъ самъ пріобрѣтетъ для своихъ цѣлей силу образованія и обратитъ средства, почерпнутыя имъ изъ умственнаго развитія, противъ этого самого развитія въ народѣ. Поощряйте духовный элементъ въ народномъ образованіи, давайте всякія преимущества воспитанникамъ духовныхъ училищъ, которые будутъ посвящать себя обученію народа, подчините школы надзору духовенства, и въ конечномъ результатѣ получите такіе факты, какъ преподаваніе ариѳметики, исторіи и географіи, по библіи—вотъ чему

поучаетъ примѣръ даже такой страны, какъ Пруссія.

Mes Mémoires (1826—1848), par le C-te *d'Alton-Shée.*

Авторъ происходитъ изъ ирландской фамиліи, послѣдовавшей во Францію за Іаковомъ II. Несмотря на такое легитимистское начало исторіи Альтоновъ во Франціи, продолженіе ея было чисто-буржуазное: Альтоны и родственники ихъ Шé служили республикѣ и имперіи; графскій титулъ автора происходитъ изъ первой имперіи. Самъ авторъ былъ пажемъ Карла X, потомъ, по наслѣдственному праву — пэромъ, при Людовикѣ-Филиппѣ. Записки его относятся ко времени іюльской монархіи; самъ авторъ принадлежалъ къ партіи строго-парламентской, т. е. теоріи le roi règne et ne gouverne pas, такъ что надо полагать, въ разсказѣ о послѣднихъ годахъ царствованія Людовика-Филиппа онъ окажется приверженцемъ Тьера.

Записки графа Шé относятся къ тому же времени, какъ мемуары Гизо̀, и мы не можемъ лучше охарактеризовать эти записки, какъ сказавъ, что онѣ—прямая противоположность запискамъ знаменитаго доктринера. Мемуары Гизо̀ — систематическая автоапологія и вмѣстѣ—полная исторія іюльской монархіи. Книга, которая теперь лежитъ предъ нами — безхитростное описаніе своихъ отношеній человѣкомъ, который жилъ въ высшей политической и общественной средѣ. Исторія іюльской монархіи тутъ только анекдотическая. Но записки графа Шé все-таки представляютъ интересъ, потому что многіе изъ его анекдотовъ характеристичны и потому, что онъ лично зналъ всѣхъ замѣчательныхъ людей одного изъ блестящихъ, по обилію талантовъ, періодовъ французской исторіи.

Въ первомъ томѣ уже являются Шатобріанъ, Беррьѐ, Арманъ Каррель, Эмиль Жирарденъ, Альфредъ Мюссè, Монталамберъ, Вилльменъ, Молè, графъ Валевскій, Тьеръ, Барро́, Барбесъ, Гейне, Беллини и т. д.

Герцогъ Орлеанскій (Людовикъ-Филиппъ), возбудившій при самомъ возстановленіи Бурбоновъ въ 1815 году подозрѣнія ихъ, долженъ былъ уѣхать въ Англію, гдѣ и оставался до 1817 года. Приглашеніе ему возвратиться во Францію было выхлопотано у короля Людовика XVIII графомъ Артуà (Карлъ X). По свидѣтельству адъютанта послѣдняго, графа Брюжа, король, подписавъ письмо къ герцогу орлеанскому, сказалъ графу Артуà: «возьмите это перо, братецъ, и берегите его; оно можетъ послужить вамъ современемъ, чтобы подписать отреченіе отъ престола».

Еще анекдотъ: «Въ салонѣ княгини Бельджойозо поразительный контрастъ одинъ другому представляли Генрихъ Гейне и Беллини. Композиторъ — сициліанецъ наивный, суевѣрный, нѣжный, фамильярный, съ прирожденнымъ изяществомъ манеръ, но вмѣстѣ съ полнымъ незнаніемъ какихъ бы то ни было общественныхъ различій, приличій или общепринятой морали; онъ садился у ногъ дамъ и склонялъ свою прекрасную голову на ихъ колѣни... Разъ, въ большомъ обществѣ, онъ спрашиваетъ меня, самымъ простымъ тономъ:

— «Скажи, любезный другъ, а кто любовникъ герцогини ***? Между тѣмъ герцогиня и ея мужъ были тутъ же. Я притворился, будто не слышу, но когда послѣ сталъ упрекать его въ такой неумѣстной выходкѣ, я ни за что не могъ убѣдить его въ скандалезности его вопроса. Заслуги и слава его были слишкомъ велики, чтобы у него не было враговъ; но онъ самъ не ненавидѣлъ никого. Антипатію онъ выказалъ на моихъ глазахъ только однажды именно по отношенію къ Гейне, вотъ при какомъ случаѣ. Безжалостный насмѣшникъ, Гейне, избралъ на этотъ разъ своею жертвою его, и цѣлымъ рядомъ цитатъ сталъ доказывать ему, что всѣ великіе композиторы умираютъ въ цвѣтѣ юности. Мало-по-малу Беллини становился менѣе веселъ, и, повернувшись ко мнѣ сказалъ: вотъ этотъ, въ очкахъ, — навѣрное — jettatore.—Что глубоко печально, это фактъ, что чрезъ двѣ недѣли авторъ «Пирата», «Сонnамбулы» и столькихъ мастерскихъ произведеній, умеръ, 32 лѣтъ отъ роду. Нелѣпо, конечно, было бы винить Гейне въ этой печальной случайности, но очень вѣроятно, что бѣдный больной, въ своемъ лихорадочномъ бреду, страдалъ подъ страннымъ взглядомъ и мефистофельскимъ смѣхомъ. Чрезъ нѣкоторое время я встрѣтилъ Гейне, и сообщилъ ему новость, что Беллини умеръ.—«Вѣдь я же предупредилъ его», смѣясь сказалъ онъ.—Прибавимъ, что короткое сужденіе, какое высказываетъ гр. Шé о значеніи Гейне въ исторіи цивилизаціи, совершенно вѣрно.

Приведемъ сущность сужденія автора о Людовикѣ-Филиппѣ. Главными ошибками его графъ Альтонъ-Шѐ признаетъ: принесеніе внѣшнему миру жертвъ слишкомъ тяжелыхъ для авторитета Франціи, отмѣну наслѣдственности пэровъ, чѣмъ было уничтожено искусственное равновѣсіе властей и въ особенности—раздвоеніе между народомъ и буржуазіею. «Какъ его совѣтники, державшіеся системы Мальтуса, такъ и онъ вѣрилъ въ неизбѣжность зла—нищеты, невѣжества и проч., считалъ химерами безплатность и обязательность первоначальнаго обученія, и всеобщее голосованіе, и право на трудъ. Когда являлось слишкомъ чувствительное народное бѣдствіе, онъ прилагалъ къ нему только усыпляющія средства, но не зналъ и не искалъ экономическаго рѣшенія. Онъ повторялъ: «не правда ли, прекрасно имѣть армію, способную къ побѣдамъ и не употреблять ее въ дѣло?» Это, конечно, было прекрасно, но еще лучше было бы распустить эту армію. Авторъ указываетъ и на неумѣстное стремленіе короля къ личному правленію.

Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf, v. *Kampschulte*. Erster Band. Leipzig, 1869.

Это новое сочиненіе о Кальвинѣ будетъ состоять изъ трехъ частей. Первая часть обни
маетъ собою исторію Женевы до реформаці
жизнь Кальвина до прибытія его въ Женев
первый періодъ дѣятельности его въ этомъ го
родѣ, изгнаніе его оттуда и пребываніе в
Страсбургѣ, возвращеніе его въ Женеву и пер
воначальную организацію новой женевско
церкви. Кампшульте, профессоръ исторіи в
боннскомъ университетѣ, посвятилъ себя спе
ціально изученію реформаціи и пріобрѣлъ из
вѣстность замѣчательною монографіей объ эр
фуртскомъ университетѣ въ XV и XVI в. Он
считается ревностнымъ католикомъ, но рели
гіозныя убѣжденія его не выступаютъ на пер
вый планъ и рѣдко мѣшаютъ ему быть безпри
страстнымъ, спокойнымъ судьею давно мину
шихъ событій. Какъ профессоръ, онъ не воз
вышается надъ уровнемъ посредственности
далеко уступаетъ Зибелю, раздѣляющему с
нимъ каѳедру исторіи въ Боннѣ; но какъ пи
сатель, онъ занимаетъ очень почетное мѣст
въ нѣмецкой исторической литературѣ. По
слѣднее сочиненіе его исполнено живого ин
тереса и читается чрезвычайно легко, благо
даря изящной формѣ, все болѣе и болѣе вы
тѣсняющей прежнюю тяжеловѣсность нѣмец
кихъ ученыхъ. Л. П.

М. Стасюлевичъ.

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи октября поступили вновь въ продажу слѣдующія книги:

МЕЛОЧИ ИЗЪ МОЕИ ПАМЯТИ. М. А. Дмитріева. 2-е изданіе съ значительными дополненіями по рукописи автора. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

СОЧИНЕНІЯ ЛЮДВИГА БЕРНЕ, въ переводѣ Петра Вейнберга. Со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и проч. 2 тома. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 90 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И СОЦІАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ УПАДКА. В. Г. Васильевскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ПО НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ (1815—1856). Составилъ Ив. Григоровичъ. Изд. 2-е. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ. Историческій очеркъ раскольническаго ученія о Бракѣ (царствованіе Императора Николая I.) Соч. И. Нильскаго, выпускъ 2-й. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

ПРИРОДА И ЛЮДИ НА КАВКАЗѢ И ЗА КАВКАЗОМЪ. Учебное пособіе для учащихся. Составилъ П. Надеждинъ. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ИСТОРІЯ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ ОТЪ ВѢНСКАГО КОНГРЕССА ДО ПАРИЖСКАГО МИРА (1815—1856). Соч. Д-ра Ф. Лоренца съ приложеніями и дополненіями. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 90 к.

ПРОЛЕТАРІАТЪ ВО ФРАНЦІИ 1780—1852. (Историческіе очерки). А. Михайлова. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА ВЪ РОССІИ. Наблюденія и изслѣдованія Н. Флеровскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 40 к.

НРАВЫ И ЧУВСТВА ИЛИ ВСЕДНЕВНЫЯ ИСТИНЫ, изъ жизни нравственной и гражданской, почерпнутыя изъ сочиненій, признанныхъ славныхъ моралистовъ древнихъ и новѣйшихъ. Трудъ О. Пашкевича. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к.

ТЕАТРЪ ВИКТОРА ГЮГО. Анджело, драма; Лукреція Боржіа, трагедія, въ пер. Н. Михно. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

ЗАКОНЪ ШТОРМОВЪ, РАЗСМАТРИВАЕМЫЙ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЫКНОВЕННЫМИ ДВИЖЕНІЯМИ АТМОСФЕРЫ. Соч. профессора Дове. Пер. П. Мордовинъ съ чертежами и картами штормовъ. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОБЩЕПОНЯТНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ФИЗІОЛОГІИ И ГИГІЕНЫ, Дальтона. Пер. съ англійскаго М. Н. Шмелева. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ МИСТИЦИЗМЪ. Сообщеніе, читанное въ этнографическомъ отдѣленіи И. Географическаго общества въ Спб., Н. Барсова. Спб. 1869 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

BULLETIN

DES NOUVEAUTÉS LITTÉRAIRES

DE LA LIBRAIRIE **A. Münx (K. Ricker)** A ST. PÉTERSBOURG.

Persp. de Newski, maison Maderni, № 14.

Baumann, Lehre von Raum. Zeit u. Mathematik in der neueren Philosophie. 2 Bde. — 7 r. 20 c.

Bechmert, die Erfindungspatente. — 90 c.

Boetticher, Tektonik der Hellenen. Bd. I. m. Atlas. — 4 r. 50 c.

Bouillet, Dictionnaire d'histoire et de géographie. 21 éd. — 10 r.

Buchholz, D. sittliche Weltanschauung des Pindar u. Aeschylus. — 1 r. 80 c.

Büchner, Aus Natur u. Wissenschaft — 3 r. 5 c.

—— Stellung des Menschen. Heft 1. — 1 r. 15 c.

Chlebik, Dialektische Briefe. — 2 r. 25 c.

Collection of britich authorts, vol. 1033—1035. — à 60 c.

Désor de Loriol, Echinologie helvétique, livr. I—XI. — à 3 r. 60 c.

Diez, Etudes littéraires. l. Allemagne contemp. — 60 c.

Droege, D. Krieg in Neuseeland. — 55 c.

Epistolae obscurorum virorum. Ed. nova. — 1 r. 80 c.

Foerster, Denkmale italien. Malerei. Hft 1—6. à 90 c.

Fortlage, Sechs philosophische Vortraege. — 1 r. 80 c.

Friedlaender, Sittengeschichte Roms. 2 Bde. — 6 r. 75 c.

Gavarret, Physique biologique. — 2 r.

Gneist, D. Selbstverwaltung der Volksschule. — 90 c.

Grabowski, Schützling des Kaisers, Roman. 3 Bde. — 4 r. 5 c.

Gustaw vom See, Neue Nouvellen.— 1 r. 70 c.

Hanslick, Geschichte des Concertwesens in Wien. — 4 r. 50 c.

Hartsen, Untersuchungen über Logik. — 80 c.

Helfferich, D. phoenizisch - cyprische Loesung. — 70 c.

Hermann, Leitfaden der Wirthschaftslehre. — 1 r. 80 c.

Hermann, Philosophie der Geschichte. — 4 r. 75 c.

Hetzel, Todesstrafe in ihrer culturgeschichtl. Entwickelung. — 3 r. 40 c.

Heusingen v. Waldegg, Handbuch f. specielle Eisenbahn-Technik Bd. I, 1 Hefte (Eisenbahnbau). — 4 r. 95 c.

——— Bd. II, 1 Hefte (Eisenbahn-Wagenbau). — 4 r. 95 c.

Houssaye, les Parisiennes 4 vols. Ed. ill. — 8 r.

Im Ural u. **Altai**, Briefwechsel zwischen Humboldt u. graf Kankrin. — 1 r. 80 c.

Karup, Handbuch der Lebensversicherung. Bd. I. II. — 1 r. 60 c.

Kloeden, Handb. d. Erdkunde. 2 Aufl. 3 Bde. — 18 r. 45 c.

Laspeyres, Todi u. seine Bauwerke. — 4 r. 50 c.

Meinhold, Geschichte der Arbeit. Bd. I. — 1 r. 80 c.

Minor, Die englische Landmacht. — 1 r. 15 c.

Müller, Max. Chips from a German workshop. 2 vols. — 11 r. 35 c.

vol I: Essays on the sciense of religion.

vol. II: Essays on mythology, traditions and customs.

Overbeck, Gesch. der griechischen Plastik. Bd. I. — 4 r. 50 c.

Pertz, Leben des Feldmarschales Gneisenau. Bd. III. — 4 r. 50 c.

Ranke, Sämtliche Werke. I—XIV Bd. à 2 r. 5 c.

Ratzel, Sein u. Werden der org[...] schen Welt. — 3 r. 80 c.

Rohlfs, Afrikanische Reisen — 2 [...] 25 c.

Ruthner, Aus Tirol. Berg u. Gletsch[...] fahrten — 5 r. 40 c.

Safarik, Geschichte der slawisch[...] Sprache u. Literatur. — 3 r. 60 c.

Scherr, Allgemeine Geschichte [...] Litetatur. 2 Bde. — 4 r. 35 c.

——— 1848—1851. Eine Komoed[...] der Weltgeschichte. Bd. I. II.

Schücking, Filigran. — 1 r. 70 c.

Schultheso, Europaeischen Geschicht[...] Kalenderf. J. 1868. — 3 r. 5 c.

Sehrwald, Deutsche Dichter u. De[...] ker. Heft 1—3. à 40 c.

Selden, L'esprit moderne en Alle[...] magne. — 1 r. 40 c.

Semper, Philippinen u. ihre Bewoh[...] ner. — 2 r. 25 c.

Steiler, Schriftlehre u. Naturwissen[...] schaft. — 1 r. 35 c.

Walcker, Russische Steuerreform. — 2 r. 70 c.

Weber, Allgemeine Weltgeschichte Bd. VIII. 2. — 1 r. 35 c.

Weber, Illustrirter Kalender. f. 1870 — 1 r. 35 c.

Weber, M. M. D. Stabilitaet des Ge[...] füges der Eisenbahn-Geleise. — 3 r. 5 c.

Winckel, Handbuch f. Jaeger. Heft 1. — 90 c.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.

V.

АРІЙЦЫ ВЪ АЗІИ [1]).

А) ИНДІЙЦЫ.

Мы теперь начинаемъ имѣть дѣло съ знаменитымъ племенемъ, которое можно назвать любимцемъ исторіи. При какихъ бы то ни было мѣстныхъ условіяхъ, всюду это высоко-даровитое племя оставило по себѣ замѣтный слѣдъ, всюду заявило свое существованіе чѣмъ-нибудь такимъ, что навсегда останется предметомъ изученія для историка. Мы не станемъ вдаваться въ изслѣдованія о первоначальномъ мѣстѣ жительства арійцевъ; для насъ важно одно, что богатая явленіями историческая жизнь въ Азіи начинается движеніемъ арійскаго племени съ сѣвера на югъ, точно такъ, какъ исторія новой Европы начинается движеніемъ съ сѣвера новыхъ народовъ того же племени, которые обновили одряхлѣвшій греко-римскій міръ. До сихъ поръ мы произвели наблюденія надъ историческою жизнію нѣсколькихъ народовъ подъ различными мѣстными условіями. Мы видѣли страны богатыя, призвавшія свое народонасе-

---

[1]) См. декабрь, 1868 г., стр. 676—707.

леніе къ ранней цивилизаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обособившія это народонаселеніе, удовлетворявшія его вполнѣ, не давшія ему побужденій къ внѣшней дѣятельности, къ подвигу, заставившія его поэтому заснуть и остановиться въ развитіи: таковы Китай и Египетъ. Потомъ мы наблюдали за жизнію народовъ, столкнувшихся съ равными средствами на небольшихъ пространствахъ, и видѣли, что слѣдствіемъ была сильная борьба между ними, сильная внѣшняя дѣятельность, обхватившая цѣлый рядъ народовъ въ одной общей жизни. Мы видѣли наконецъ народъ, неуспѣвшій образоваться въ одно значительное цѣлое, въ одно государство, и увлеченный близостью моря къ широкой, но разсыпной торговой и колоніальной дѣятельности. Теперь передъ нами новое племя, которое явится во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами условіяхъ, и въ странахъ подобныхъ Китаю и Египту, и въ передней Азіи, тамъ гдѣ совершали свои подвиги ассиріяне и вавилоняне, и въ странѣ приморской и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствующей образованію большого государственнаго тѣла, приглашающей къ разсыпной дѣятельности. Посмотримъ же, какъ это племя заявитъ свои особенности при всѣхъ этихъ условіяхъ, чѣмъ отличится отъ другихъ племенъ, намъ уже знакомыхъ.

Одно изъ арійскихъ племенъ проникло въ Индію, которая, подобно Китаю, составляетъ особый, отдаленный, обширный и богатый міръ. Но разница съ Китаемъ состояла въ томъ, что арійцы нашли Индію уже занятою другимъ, чернымъ племенемъ, съ которымъ пришельцы должны были вести продолжительную борьбу и наконецъ подчинили себѣ. Здѣсь сходство Индіи съ Египтомъ, и потому въ обѣихъ странахъ замѣчаемъ одинакое явленіе: раздѣленіе на касты, различіе между покорителями и покоренными, при чемъ послѣдніе принадлежали къ иному племени, различіе по цвѣту кожи (varna—краска и каста) легли въ основаніе дѣленія; «черные судрасы», низшее народонаселеніе, противополагаются высшему — «мужественнымъ» аріямъ. Между аріями и судра находился особый отдѣлъ народонаселенія, вайсіа, занимавшійся промыслами: по всѣмъ вѣроятностямъ, вайсіа первоначально происходили отъ браковъ аріевъ съ женщинами судра, браковъ, которые не считались законными. Съ теченіемъ времени, благодаря болѣе рѣзкому разграниченію кастъ вслѣдствіе религіозныхъ представленій, люди, происшедшіе отъ родителей, принадлежавшихъ къ разнымъ кастамъ, считались нечистыми, отверженниками, и вели самую печальную жизнь.

Но и между господствующимъ племенемъ, между аріями, образовались двѣ касты воиновъ (кшатріа) и жрецовъ (браминовъ).

Первоначально, въ эпоху движенія и завоеванія это раздѣленіе аріевъ на воиновъ и жрецовъ если и существовало, то не могло быть рѣзко: въ древнихъ поэтическихъ памятникахъ встрѣчаемъ извѣстія о жрецахъ, которые вмѣстѣ были и воинами. Когда воинственное движеніе успокоилось и началъ устанавливаться порядокъ, гражданскія отношенія, скрѣпляющіяся обычнымъ религіознымъ цементомъ, когда начало́ развиваться и общественное богослуженіе, то жреческое сословіе должно было выдвинуться и обособиться. Усиленію его значенія и уменьшенію значенія воиновъ благопріятствовало стремленіе общества успокоиться послѣ смутъ и движенія, завоеванія и усобицъ, происходившихъ непосредственно послѣ завоеванія, громадность, отдаленность, замкнутость и богатство страны, что̀ все отнимало побужденіе къ новымъ движеніямъ и подвигамъ, отодвигало слѣдовательно подвижниковъ, воиновъ, на второй планъ. Но, какъ видно изъ намековъ древнихъ памятниковъ, воины не безъ боя уступили жрецамъ первое мѣсто.

Такимъ образомъ, арійское племя въ Индіи, попавши въ обширную, отдаленную и богатую страну, подпало вліянію мѣстности, вслѣдствіе чего Индія, относительно политическаго развитія своего, представляетъ одинаковыя явленія съ Египтомъ. Но особенности арійскаго племени не дали изгладить себя и тутъ мѣстнымъ условіямъ; они высказались не въ громадныхъ только и нѣмыхъ или полу-нѣмыхъ памятникахъ; они высказались въ богатой литературѣ, высказались въ религіозно-философскомъ міросозерцаніи и въ религіозныхъ движеніяхъ; арійцы въ Индіи не молча прожили свой героическій періодъ, періодъ движенія, подвиговъ: они разсказали объ нихъ въ Магабгаратѣ и Рамаянѣ, дающихъ знать, что это тоже самое племя, которое разсказало намъ про свой героическій періодъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ; когда прекратились движенія политическія, когда государство и общество остановились въ своемъ развитіи, мысль не переставала работать, и слѣдствіемъ этой работы было сильное религіозное движеніе, обхватившее не одну Индію, и не ограничившееся одною религіозною сферою.

Арійцы принесли съ собою въ Индію представленіе о добрыхъ и злыхъ божествахъ, и, что всего важнѣе, принесли представленіе о непрестанной борьбѣ ихъ между собою, представленіе объ Индрѣ, небесномъ воителѣ, поражающемъ злого Вритру, который покрываетъ небо черными облаками. На индійской почвѣ съ теченіемъ времени выработалось представленіе о двухъ началахъ, благодѣтельномъ, зиждительномъ и хранительномъ—Вишну, и зломъ, разрушительномъ—Шива, и оба на-

чала, какъ у другихъ народовъ, стали другъ подлѣ друга въ равносильномъ положеніи. Но индійскіе арійцы на этомъ не остановились; они не успокоились на дуализмѣ, и начали стремиться подчинить оба противоположныя начала третьему, высшему, и явились представленія о Брамѣ, «изъ котораго всѣ существа происходятъ, которымъ живутъ по рожденіи, къ которому стремятся, въ котораго снова возвращаются».—«Какъ искры, изъ пламени, исходятъ всѣ существа изъ неизмѣняемаго и возвращаются въ него». Это представленіе, разумѣется, не могло быть достояніемъ большинства, относившагося равнодушно къ божеству, которому не приносили жертвы, не строили храмовъ, и продолжавшаго поклоняться божествамъ добрымъ и злымъ, мужескаго и женскаго пола. Но жрецы (брамины) воспользовались этимъ представленіемъ, чтобъ освятить существующій политическій порядокъ вещей, какъ происшедшій изъ Брамы, освятить преимущества своей касты; они воспользовались представленіемъ о Брамѣ, чтобъ утвердить и нравственный порядокъ: только чистая душа человѣка могла возвратиться къ своему чистому источнику; душа же, оскверненная преступными дѣяніями, должна была пройти прежде чрезъ рядъ низшихъ существъ, что̀ повело къ вѣрованію въ переселеніе душъ. Но мысль не могла остановиться и на этомъ. Явились неизбѣжные вопросы: ка̀къ и зачѣмъ? Ка̀къ и зачѣмъ изъ единаго, сверхъчувственнаго и неизмѣняемаго произошелъ этотъ многообразный, чувственный и измѣняемый міръ, котораго цѣлью все же осталось возвращеніе въ единое и неизмѣняемое? Придумано было такое объясненіе, что первоначальное, единое истинное существо, душа вселенной, актомъ самообольщенія развилось въ міръ многообразія, который потомъ сохранилъ какъ существенное качество свое—обманъ; міръ не имѣетъ истиннаго существованія, никакого права на него. Такое, уже слишкомъ смѣлое объясненіе происхожденія чувственнаго міра не могло быть принято многими; явилось другое ученіе, ученіе Капилы, гдѣ утверждалось, что матерія вѣчна и чувственный міръ заключаетъ въ самомъ себѣ жизненное начало; подлѣ этого самостоятельнаго матеріальнаго міра существуетъ самостоятельный міръ духовный, котораго безконечныя частицы, безкачественныя, бездѣятельныя и неразличимыя вращаются въ міровыхъ пространствахъ и только посредствомъ соединенія съ матеріальнымъ міромъ получаютъ сознаніе, силу воли и другія качества; но разъ сознавши самого себя, свое превосходство надъ матеріею и свою особенность отъ нея, духъ стремится къ освобожденію себя отъ матеріи.

Уже въ ученіи Капилы мы видимъ прямое отступленіе отъ браминскаго ученія о происхожденіи или истеченіи всего существующаго изъ Брамы, какъ души вселенной; въ ученіи Капилы міръ духовный и матеріальный существуютъ самостоятельно одинъ подлѣ другого, и вопросъ о божествѣ обходится. Но это ученіе, достояніе немногихъ людей мысли, не имѣло вліянія на политическую сферу, на тотъ міръ отношеній, который если не былъ созданъ, то, по крайней мѣрѣ, былъ освященъ брамаизмомъ. Но вотъ явилось ученіе, которое не ограничилось сферою мысли, но вооружилось противъ существующаго порядка, освященнаго господствующею религіею: то было знаменитое ученіе Будды.

Особенность движенія религіозной мысли арійцевъ въ Индіи состояла въ томъ, что она не могла успокоиться на дѣлежѣ окружающихъ явленій между двумя началами, двумя божествами, добрымъ и злымъ, на этомъ узаконенномъ, освященномъ раздвоеніи міра и человѣка, обязаннаго поклоняться одинаково обоимъ противоположнымъ началамъ. Для освобожденія отъ этого двойства, которое было тяжело и для нравственнаго чувства человѣка, начали искать третье, высшее начало, высшее божество: но гдѣ было его найти внѣ природы, какъ его опредѣлить, какія дать ему качества? До представленія о творцѣ, отдѣльномъ отъ творенія, человѣкъ самъ собою достигнуть не могъ; такъ-называемыя языческія религіи именно и состоятъ въ поклоненіи божеству въ извѣстномъ образѣ, *идолѣ* (*εἴδωλον*), въ извѣстномъ явленіи физическомъ или нравственномъ; внѣ этихъ явленій или образовъ язычники бога не искали и найти не могли, и потому, поднимаясь къ единому и наивысшему божеству, они не могли иначе представить его себѣ, какъ изображающимся, воплощающимся въ цѣлой вселенной, находящимся къ ней въ такомъ же отношеніи, какъ душа къ тѣлу. Явился пантеизмъ. Но Брама не могъ успокоить возбужденную мысль арійца, ибо страшный вопросъ поднимался съ новою силою, вопросъ, какъ вѣчное, истинное, доброе могло выразиться въ измѣняемомъ, погибающемъ, ложномъ, зломъ? Неотвязный вопросъ о происхожденіи зла, страданія, смерти, не давалъ покоя, и вотъ является ученіе о томъ, что міръ не имѣетъ истиннаго существованія, что онъ произошелъ вслѣдствіе обмана, отъ котораго надобно какъ можно скорѣе избавиться. Другое ученіе, ученіе Капилы опять пришло къ двойству, сопоставивъ міръ матеріальный съ міромъ духовнымъ, обойдя вопросъ о божествѣ и закончивъ необходимостію для душъ освобождаться отъ оковъ матеріальнаго міра. Оба ученія одинаково подрывали браминскій взглядъ на освя-

щеніе и неприкосновенность извѣстнаго политическаго порядка, какъ истекшаго непосредственно изъ Брамы. Отсюда понятно, почему третье ученіе, ученіе Будды, могло отвергнуть религіозное освященіе кастнаго состоянія и провозгласить равенство правъ для всѣхъ, относительно средствъ освобожденія отъ зла. Молодой царевичъ Будда, провождавшій жизнь въ наслажденіяхъ, встрѣтилъ однажды на прогулкѣ старика, больного, трупъ и жреца. Эти четыре явленія, какъ говоритъ преданіе, возбудили въ молодомъ человѣкѣ неусыпавшую между арійцами Индіи мысль о происхожденіи зла, о средствахъ избавленія отъ него. Эта мысль овладѣла Буддой, и онъ посвятилъ себя всецѣло рѣшенію великаго вопроса. Все въ здѣшнемъ мірѣ суета, все преходяще, и сознаніе этого есть начало премудрости. Міръ не имѣетъ никакого основанія, никакого права существовать; онъ есть произведеніе мрачной силы и есть зло. Четыре главныхъ источника зла въ мірѣ: рожденіе, старость, болѣзнь и смерть; сюда для человѣка присоединяются еще треволненія бытія, исполненнаго стремленій и плановъ, обмановъ и потерь. Всѣ бѣды проистекаютъ для человѣка отъ внѣшняго міра, отъ чувствъ, отъ тѣла: отсюда необходимое стремленіе освободиться отъ нихъ, освободиться отъ всѣхъ связей, склонностей, привязанностей къ міру и вкушать счастье и радости покоя. Задача жизни состоитъ въ отрѣшеніи души отъ вещей внѣшняго міра чрезъ созерцаніе ихъ ничтожества и преходчивости; потомъ, въ уничтоженіи личности, въ уничтоженіи самосознанія, чтобъ душа погружалась въ абсолютную пустоту (нирвана), гдѣ нѣтъ никакихъ элементовъ существованія, гдѣ нѣтъ формы, чувства, мысли, сознанія, и откуда нѣтъ возможности возвращенія.

Здѣсь въ основаніи ученія нѣтъ ничего новаго въ сравненіи съ ученіями предшествовавшими, которыя хотѣли объяснить происхожденіе зла, указать на невозможность мириться съ нимъ и опредѣлить отношенія духа и матеріи. Но важная новизна ученія Будды состояла въ томъ, что онъ призналъ равенство всѣхъ людей относительно средствъ освобожденія отъ бѣдствій и треволненій міра, для всѣхъ людей было возможно погашеніе личности въ нирванѣ: такимъ образомъ, религіозная основа кастъ, установленная въ брамаизмѣ, исчезала; Будда обратился съ своимъ ученіемъ ко всѣмъ кастамъ, ко всѣмъ людямъ безъ исключенія. Другія ученія были для немногихъ, не для массы; ученіе Будды было для всѣхъ, и потому подрывало религіозное и тѣсно связанное съ нимъ политическое зданіе, возведенное брамаизмомъ. Это, разумѣется, произвело столкновеніе; старый брамаизмъ вооружился противъ опаснаго соперника, и началось

гоненіе на буддистовъ, которые должны были оставить отечество и нести свое ученіе къ чуждымъ народамъ. Въ передней Индіи или западномъ полуостровѣ, буддизмъ былъ истребленъ кровавыми средствами, но зато распространился въ сосѣднихъ странахъ, по островамъ, начиная съ Цейлона, по восточно-индійскому полуострову, въ Китаѣ, въ Японіи, Тибетѣ, Монголіи, при чемъ это ученіе подверглось сильному искаженію.

Китай, Египетъ, Индія представляютъ намъ одну, особую группу странъ. Обширность, богатство и отдаленность дѣлаютъ ихъ особыми замкнутыми мірами, съ богатою, но окаменѣвшею цивилизаціею вслѣдствіе отсутствія сообщеній съ другими народами, вслѣдствіе отсутствія постояннаго подвига, исторической жизни. Это три очарованные зáмка спящей красавицы. Но при всемъ сходствѣ этихъ трехъ странъ, одна между ними, Индія представляетъ особенность, которою она обязана арійскому племени. Это даровитое племя, племя подвижниковъ, вошедши на очарованную почву Индіи, въ усыпленный волшебницею зáмокъ, также подверглось чарамъ; несмотря однако на силу этихъ чаръ, оно не утратило своего характера, и выказало необыкновенную энергію въ области мысли. Оно схватывается съ основными представленіями естественной религіи о божествахъ добрыхъ и злыхъ, на одинакихъ правахъ сопоставленныхъ другъ съ другомъ; оно не переноситъ этого дуализма, этого страдательнаго, безразличнаго поклоненія добру и злу вмѣстѣ, и снова бросается на рѣшеніе вопроса о происхожденіи добра и зла, при чемъ рѣзко ставитъ вопросъ объ отношеніи духовнаго и матеріальнаго міра. Мало этого: благодаря движенію мысли, смѣнѣ космогоническихъ представленій, происходитъ сильный переворотъ въ обществѣ, вслѣдствіе котораго часть народонаселенія принуждена выселиться и несетъ свое ученіе въ ближнія, и дальнія страны; такимъ образомъ, движеніе не ограничивается однимъ народомъ, одною страною, но обхватываетъ многіе народы и страны: явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся здѣсь впервые въ исторіи.

в) Мидяне и персы.

Отъ далекихъ странъ Китая, Египта, Индіи, составившихъ, по самому положенію своему особые замкнутые міры, мы переходимъ въ переднюю Азію, гдѣ на небольшомъ относительно пространствѣ сталкиваются нѣсколько отдѣльныхъ народовъ, и гдѣ, вслѣдствіе этого столкновенія, происходитъ сильное воинственное движеніе. Мы видѣли, что это движеніе исходило изъ

области Евфрата и Тигра и принадлежало народамъ симетическаго племени, ассиріянамъ и вавилонянамъ. Но и на эту сцену скоро являются народы арійскаго племени: какая же будетъ здѣсь ихъ роль? Говоря о борьбѣ между ассиріянами и вавилонянами, мы уже упомянули о мидянахъ, народѣ арійскаго племени. Сначала мидяне, явившіеся, какъ видно, недавно въ странѣ, обхватываемой Тавромъ и Антитавромъ, неуспѣвшіе сомкнуться въ одно сильное государственное тѣло, не выдержали воинственнаго натиска семитовъ, и подчинились ассирійскимъ царямъ. Но мидяне, по словамъ Геродота, первые стали подниматься противъ ассиріянъ, и сражаясь такимъ образомъ за свободу, сдѣлались добрыми мужами и свергли иго; за ними и другіе народы сдѣлали тоже самое. Такимъ образомъ, арійцамъ принадлежитъ здѣсь починъ освобожденія. Освободившись, добрые мужи, въ свою очередь, становятся завоевателями при царяхъ своихъ, Фраортѣ и Кіаксарѣ; но при сынѣ послѣдняго, Астіагѣ, происходилъ переворотъ между арійскими племенами: племя персовъ, прежде подчиненное мидянамъ, пріобрѣтаетъ независимость при царѣ своемъ Кирѣ и подчиняетъ себѣ мидійское государство. Но мы уже замѣтили, что государства передней Азіи составляютъ систему государствъ, живутъ общею политическою жизнію, блюдутъ другъ за другомъ, при опасности отъ чрезмѣрнаго усиленія одного, другія составляютъ союзы, скрѣпляемые брачными союзами государей. Опасность начала грозить теперь отъ Кира персидскаго, и вотъ противъ него возстаетъ самый могущественный изъ владѣльцевъ Малой Азіи, Крезъ, царь лидійскій, котораго сестра была замужемъ за Астіагомъ мидійскимъ; но при этомъ Крезъ заключилъ союзы съ Набонетомъ, царемъ вавилонскимъ и Амазисомъ египетскимъ, даже съ спартанцами. Успѣхъ союза, разумѣется, прежде всего долженъ былъ зависѣть отъ личности союзниковъ. Крезъ не дождался ни Набонета, ни Амазиса, хотя, какъ видно, поджидалъ ихъ движеній къ Каппадокіи. Союзники не двигались; но Киръ воспользовался временемъ и приготовился къ походу одинъ-на-одинъ. Онъ остался побѣдителемъ въ борьбѣ, Лидія и вся Малая Азія покорена была персами; потомъ, точно также въ борьбѣ одинъ-на-одинъ, пало передъ Киромъ и вавилонское государство; Финикія перешла въ такое же подчиненное отношеніе къ персамъ, въ какомъ прежде находилась къ вавилонянамъ. Такимъ образомъ, симетическое племя, которому до сихъ поръ принадлежало господство въ передней Азіи, должно было уступить это господство арійцамъ; при сынѣ Кировомъ, Камбизѣ, и Египетъ былъ присоединенъ къ персидскимъ владѣніямъ.

Итакъ, обративши вниманіе на движенія и столкновенія племенъ въ древней Азіи и отчасти въ Африкѣ, мы скоро усматриваемъ, что одно племя, именно арійское получаетъ господство надъ другими. Оно господствуетъ въ отдаленной и замкнутой Индіи; но и отсюда распространяетъ свое духовное вліяніе, духовное завоеваніе на окрестныя и отдаленныя страны, посредствомъ сильнаго религіознаго движенія: вся юговосточная и средняя степная Азія составляютъ область, подчиненную вліянію арійскаго племени изъ западнаго полуострова Индіи. Въ передней или собственно исторической Азіи тоже племя, явившись на сцену, подчиняетъ себѣ всѣ другія и образуетъ небывалое по своей громадности государство. Внутренняя и внѣшняя жизнь этого государства намъ гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ жизнь другихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ, и потому на Персіи мы можемъ изучить это древнее восточное государство, представляющее такое различіе отъ государства западнаго, европейскаго.

Персы завоевываютъ многія обширныя и цивилизованныя государства; но при этомъ не должно забывать, что эти завоеванія совершаются царемъ персидскимъ, по его начинанію, направленію, волѣ. Персы, какъ завоеватели, становятся народомъ привилегированнымъ, не платящимъ податей, но они остаются у себя, въ своей странѣ, въ прежнемъ положеніи, они не переселяются въ страны покоренныя, не получаютъ здѣсь богатаго земельнаго надѣла, не становятся чрезъ это самостоятельнымъ высшимъ сословіемъ, не составляютъ исключительной военной силы, съ которою царь долженъ считаться. Царя окружаютъ вельможи изъ знатныхъ персидскихъ родовъ: но эти люди не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ цѣлой монархіи, которая подчинена царю персидскому, а не народу персидскому. Царь разсылаетъ этихъ вельможъ сатрапами, правителями областей, съ богатѣйшимъ кормленіемъ; но это только кормленіе, постоянныхъ, наслѣдственныхъ владѣній они не имѣютъ, слѣдовательно не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе акта завоеванія, изъ завоевателей персовъ не могла образоваться аристократія въ нашемъ европейскомъ смыслѣ; персъ считался выше вавилонянина и лидійца, онъ не платилъ податей, ему слѣдовательно было лучше жить; но относительно царя онъ былъ такой же рабъ, какъ лидіецъ или вавилонянинъ. Послѣ прекращенія Кировой династіи безпотомственною смертію сына его Камбиза, мы видимъ аристократическое движеніе, стремленіе представителей знатнѣйшихъ персидскихъ родовъ, пріобрѣсти особыя права относительно царя; это движеніе не могло

имѣть послѣдствій потому, что персидское могущество подверглось въ это время страшной опасности, покоренные народы возставали со всѣхъ сторонъ, и персамъ, для удержанія своего значенія, для единства въ движеніяхъ и успѣха въ борьбѣ, необходимо было отдать власть въ однѣ руки; и во все время существованія персидскаго государства опасность отъ возстанія покоренныхъ народовъ была постоянною; сюда присоединилась еще опасная борьба съ греками, а государство, основанное на завоеваніи или окруженное опасностями, принуждаемое къ постоянной борьбѣ, требуетъ постоянной диктатуры.

Что касается жреческаго класса, то, сколько можно замѣтить изъ источниковъ, въ Персіи жрецы не имѣли важнаго значенія; жрецы или маги имѣютъ важное значеніе въ Мидіи и съ самаго начала ведутъ себя враждебно относительно персовъ; ихъ попытка возвести на престолъ одного изъ своихъ подъ именемъ сына Кирова не удалась; противъ нихъ направилось національное персидское движеніе, кончившееся истребленіемъ маговъ и царя ихъ самозванца; это событіе, истребленіе маговъ торжествовалось потомъ персами ежегодно, и конечно такой національный праздникъ не могъ содѣйствовать поднятію значенія жреческаго класса; во время этого праздника ни одинъ магъ не могъ показываться на улицѣ. Съ представленіемъ о древнихъ персахъ тѣсно связано представленіе о такъ-называемой зороастровой религіи или ученіи. Мы видѣли, что арійское племя, поклоняясь божеству въ проявленіяхъ физическихъ силъ, не могло не признать, подобно другимъ племенамъ, различія между полезными и вредными дѣйствіями этихъ силъ и борьбы между благодѣтельными и вредными силами: отсюда дуализмъ въ религіи, или поклоненіе двумъ началамъ, доброму и злому. Мы видѣли, что другія племена, несмотря на то, что замѣтили борьбу между обоими началами, отнеслись одинаково къ обоимъ; арійское племя въ Индіи массою признало два начала и отнеслось къ нимъ одинаково; но нѣкоторыя изъ племенъ не могли на этомъ успокоиться, и мы видимъ рядъ попытокъ объяснить этотъ дуализмъ, при чемъ одинаковость отношенія человѣка къ обоимъ началамъ исчезла, законность существованія зла была отвергнута и предложено средство избавленія отъ него; это средство есть бѣгство отъ зла, бѣгство изъ чувственнаго міра, пропитаннаго зломъ. Но куда бѣжать? Въ противоположность существующему; эта противоположность иначе не могла опредѣлиться, какъ уничтоженіемъ всѣхъ извѣстныхъ условій существованія. Арійцы, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ передней Азіи, также пришли къ признанію двухъ противоположныхъ началъ, добраго и злого, но также не успо-

коились на безразличномъ отношеніи человѣка къ нимъ. Признавши незаконность существованія зла, они отправились отъ борьбы между добромъ и зломъ, признали, что борьба должна кончиться необходимо торжествомъ добра надъ зломъ, и признали за человѣкомъ обязанность не оставаться безучастнымъ въ этой борьбѣ, но становиться на сторону добраго начала и воспользоваться плодами его побѣды. Такова сущность такъ-называемаго зороастрова ученія. Когда сложилось это ученіе, какую долю участія имѣлъ здѣсь Зороастръ, когда жилъ онъ, какимъ чуждымъ вліяніямъ подверглось это ученіе въ своихъ подробностяхъ—этого наука, по настоящимъ своимъ средствамъ, рѣшить не можетъ. Какъ видно, ученіе Зороастра было протестомъ противъ тѣхъ чуждыхъ вліяній, которымъ первоначальная арійская религія подверглась вслѣдствіе столкновенія арійскаго племени съ другими племенами при извѣстномъ движеніи мидянъ и персовъ. О степени распространенія Зороастрова ученія въ персидскихъ владѣніяхъ и даже въ собственной Персіи судить трудно; любопытно, что Геродотъ, говоря о религіи персовъ, описывая поклоненіе ихъ физическимъ божествамъ, небу, солнцу, лунѣ, землѣ, огню, вѣтрамъ, указывая на ту особенность, что персы не воздвигаютъ своимъ божествамъ статуй, храмовъ, алтарей, не упоминаетъ о Зороастрѣ и его ученіи. Какъ бы то ни было, у западной азіатской отрасли арійскаго племени мы видимъ стремленіе выйти изъ дуализма, встрѣчаемъ вѣрованіе, что борьба между добромъ и зломъ должна кончиться торжествомъ перваго, исчезновеніемъ послѣдняго. Аріецъ Индіи бѣжитъ отъ чувственнаго міра, въ которомъ видитъ зло; аріецъ Персіи не бѣжитъ отъ врага, но хочетъ бороться съ нимъ: здѣсь высказалось различіе въ характерѣ двухъ отраслей племени, различіе ихъ исторической дѣятельности, при чемъ мѣстныя условія и характеръ народовъ, съ которыми сталкивалось племя, разумѣется, играютъ важную роль.

Мы видѣли, что̀ сталось съ арійскимъ племенемъ въ отдаленной, обширной и богатой Индіи: несмотря на усыпленіе, отъ этихъ условій происходившее, характеръ племени высказался въ силѣ религіозно-философской мысли и въ силѣ религіознаго движенія. Въ западной Азіи, вступивши въ общество народовъ, издавна мѣрявшихъ свои силы въ борьбѣ за самостоятельность и первенство, арійцы, въ лицѣ персовъ, принимаютъ участіе въ этой борьбѣ и побѣждаютъ всѣхъ, становятся господствующимъ народомъ и теряютъ это господство въ борьбѣ съ отраслію своего же племени, получившею высшее воспитаніе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, съ арійцами европейскими, къ исторіи которыхъ теперь и обращаемся.

II.

ЗАПАДЪ.

I.

АРІЙЦЫ ДРЕВНЯГО МІРА.

а) греки.

На востокѣ, въ Азіи и Африкѣ, мы встрѣтили три формы исторической жизни народовъ: мы встрѣчали здѣсь народы, замкнувшіеся въ отдаленныхъ, обширныхъ и богатыхъ странахъ; потомъ встрѣчались съ народами, жившими на относительно небольшихъ пространствахъ и находившимися въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ, что вело къ образованію большихъ государствъ и къ ихъ распаденію; наконецъ, мы встрѣтились съ народомъ, который жилъ на морскомъ прибрежьи, на небольшомъ пространствѣ, вслѣдствіе чего представилъ намъ особенныя формы исторической жизни. Наблюдая за арійскимъ племенемъ въ Азіи, мы видѣли его только въ двухъ первыхъ формахъ, видѣли его въ замкнутой Индіи, и потомъ въ передней Азіи, въ побѣдоносной борьбѣ съ другими племенами, видѣли его здѣсь основателемъ огромнаго, пестраго по своему составу государства. Но мы не видали еще его въ третьей формѣ, въ формѣ морского народа. Въ этой формѣ оно явилось не въ Азіи, но въ Европѣ, подъ именемъ грековъ.

Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ, что для уясненія себѣ результатовъ греческой жизни, намъ очень важно сравнить условія исторической жизни грековъ съ условіями исторической жизни финикіянъ, народа, наиболѣе къ нимъ подходящаго. Съ перваго раза сходство большое: оба народа живутъ на морскихъ берегахъ, и знамениты своимъ мореплаваніемъ, торговлею, выводомъ колоній; относительно политическихъ формъ, оба народа на небольшомъ пространствѣ земли представляютъ нѣсколько самостоятельныхъ городовъ или республикъ со всѣми волненіями свободы, съ борьбою партій. Но вмѣстѣ съ сходствомъ видимъ огромную разницу въ результатахъ исторической жизни. Вникая въ причины этой разницы, мы останавливаемся на различіяхъ мѣстныхъ, племенныхъ и собственно историческихъ. Финикіяне занимали узкую полосу по берегу моря, а сзади ихъ происходила страшная борьба между могущественными народами, отъ напора

которыхъ финикіане не были ничѣмъ ограждены, и по своимъ ничтожнымъ военнымъ средствамъ, разумѣется, никогда не могли защитить себя отъ завоеванія; построеніе новаго Тира на островѣ всего лучше показываетъ намъ, какъ важно было финикіянамъ отдалиться отъ континентальной Азіи, показываетъ также, что судьба финикіянъ была бы другая, если бы они были отдѣлены моремъ отъ Азіи; судьбу финикіянъ всего лучше объясняетъ намъ судьба мало-азіатскихъ грековъ, которые находились точно въ такомъ же отношеніи къ Азіи, какъ и финикіяне, и подверглись такой же участи, подпали сначала подъ власть лидійцевъ, а потомъ персовъ; независимость же европейскихъ грековъ была ограждена моремъ, кораблями, деревянными стѣнами оракула. И такъ, чрезвычайно важное значеніе въ исторіи грековъ имѣетъ положеніе ихъ страны, отдѣленіе моремъ отъ Азіи, огражденіе имъ отъ напора сильныхъ азіатскихъ монархій.

Второе условіе, останавливающее наше вниманіе, есть условіе племенное. Греки принадлежали къ арійскому племени; мы видѣли это племя въ Азіи въ различныхъ условіяхъ, и видѣли, какъ вездѣ оно выказало свою силу, свое превосходство надъ другими племенами. Въ Европѣ оно получило наиболѣе благопріятныя условія для развитія своихъ силъ: какія же были эти условія?

Обращая вниманіе на воспитаніе племени или народа, мы должны различать, воспитывается ли народъ сиднемъ на одномъ мѣстѣ, вдали отъ другихъ народовъ, въ странѣ обширной и богатой, при жирномъ питаніи? Въ этомъ случаѣ народъ необходимо представитъ намъ вялость, отсутствіе энергіи, отсутствіе широты взгляда, отсутствіе высшихъ побужденій, побужденій къ подвигу, и далеко въ своемъ развитіи не пойдетъ. Другой народъ воспитывается въ хорошей школѣ: нужда заставляетъ его двигаться изъ одной страны въ другую, что̀ развиваетъ его физическія и нравственныя силы, расширяетъ его горизонтъ, дѣлаетъ его народомъ смышленымъ, бывалымъ, заставляетъ преодолѣвать препятствія природныя и бороться съ другими народами, которыхъ онъ встрѣтитъ на пути: крѣпость душевная и тѣлесная, энергія, способность къ сильному развитію являются естественными слѣдствіями такого воспитанія. Но пріобрѣтенныя силы сохраняются и развиваются посредствомъ упражненія: поэтому важно, народъ, хорошо воспитанный въ школѣ подвига, поселяется ли въ такой странѣ и при такихъ условіяхъ, которыя приглашаютъ его успокоиться, прекратить движеніе, борьбу? Въ такомъ случаѣ и народъ хорошо воспитанный подвергается съ теченіемъ времени вліянію покоя, жирѣетъ и нейдетъ далѣе

извѣстныхъ ступеней развитія. Слѣдовательно, для народа мало еще получить хорошее воспитаніе въ подвигѣ: нужно еще, чтобъ при окончательномъ поселеніи въ извѣстной странѣ народъ не успокоивался, не жирѣлъ и не засыпалъ, надобно, чтобъ подвигъ, борьба продолжались и пріобрѣтенныя силы получали постоянное упражненіе.

Часть арійскаго племени, извѣстная подъ именемъ грековъ, прежде чѣмъ явиться въ Европѣ, на южной оконечности Балканскаго полуострова, должна была совершить далекое странствованіе, гдѣ бы мы ни полагали первоначальное жилище племени, и какое бы ни предположили направленіе движенія (по всей вѣроятности, оно шло по сѣверному берегу Чернаго моря). Это продолжительное странствованіе уже должно было развить силы народа; сюда присоединилось еще то, что греки поселились въ странѣ, представляющей чрезвычайно выгодныя условія для народнаго воспитанія: страна небольшая, изрѣзанная моремъ, съ полуостровами и островами, съ благорастворенным воздухомъ, богатая только при усиленной дѣятельности человѣка; море не широкое, усѣянное островами, тянуло на подвигъ войны и торговли, и между тѣмъ защищало отъ напора сильныхъ народовъ. Но кромѣ этого были еще другія благопріятныя условія для развитія греческой жизни. Мы знаемъ два слоя греческаго народонаселенія: слой первичный, пелазгическій, и слой позднѣйшій или эллинскій. Отвергать различіе, и довольно сильное, между пелазгами и эллинами нѣтъ возможности, по слишкомъ ясному свидѣтельству древнихъ греческихъ писателей; но въ тоже самое время есть прочное основаніе считать ихъ обоихъ принадлежащими къ арійскому племени; если мы предположимъ, что между ними было такое же различіе, какое существуетъ между кельтами, германцами и славянами, то намъ понятно будетъ указаніе древнихъ писателей на ихъ различіе, при чемъ нисколько не нужно будетъ отвергать племенного единства. Но кромѣ этого соединенія пелазговъ съ эллинами, послѣ перваго движенія эллиновъ мы видимъ еще другое движеніе, дорическое. Такимъ образомъ, въ Греціи мы видимъ тройной слой народонаселенія. Этотъ постепенный наплывъ одной части народонаселенія на другую, разумѣется, служилъ къ возбужденію исторической жизни въ странѣ, а съ другой стороны чрезъ постоянную подбавку свѣжихъ силъ выковывалось крѣпкое народонаселеніе, тѣмъ болѣе, что матеріалъ былъ постоянно хорошій, одно даровитое, энергическое племя. Начало греческой исторіи въ маломъ видѣ представляетъ намъ тоже, что послѣ, въ обширныхъ размѣрахъ, повторилось въ началѣ новой европейско-христіан-

свой исторіи: какъ здѣсь, такъ, и тамъ, государства образовались изъ столкновенія и смѣшенія разныхъ народовъ, но принадлежавшихъ къ одному высоко-даровитому арійскому племени — кельтовъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ.

Изъ извѣстій о пелазгахъ мы легко признаемъ въ нихъ первоначальное арійское племя, которое поклоняется физическимъ божествамъ на возвышенностяхъ и въ лѣсахъ, безъ храмовъ и изображеній. Къ этому пелазгическому періоду относится столкновеніе греческаго народонаселенія съ финикіянами и подчиненіе его какъ матеріальное, такъ и духовное, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, приморскихъ, наиболѣе доступныхъ, мореплавательному народу. Но финикіяне не могли долго держаться на греческой почвѣ, гдѣ арійское племя постоянно усиливалось матеріально и нравственно. Началось эллинское движеніе. Въ этомъ движеніи мы различаемъ два направленія, которыя проходятъ потомъ черезъ всю греческую жизнь: одно сухопутное, представляемое подвигами Геркулеса, съ которымъ въ тѣсной связи находится послѣдующее дорическое движеніе, или такъ-называемое возвращеніе потомковъ Геркулеса, гераклидовъ, а съ этимъ возвращеніемъ въ непосредственной связи находится основаніе Спарты, сильнѣйшей сухопутной республики греческой. Но какъ бы ни старались возвеличить значеніе дорическаго племени, всякій однако невольно видитъ преимущественное развитіе греческой жизни въ Аѳинахъ, морской республикѣ. Это направленіе къ морю представляется въ дѣятельности Тезея, героя іоническаго племени. Тезей знаменитъ морскими подвигами, въ которыхъ нельзя не видѣть борьбы съ финикіянами, очищенія отъ нихъ греческой почвы и перваго наступательнаго движенія грековъ на востокъ. Какъ Спарта тѣсно связана съ Геркулесомъ, такъ Аѳины тѣсно связаны съ Тезеемъ, который является устроителемъ Аѳинскаго государства. Но какъ образовалось это маленькое государство? оно образовалось изъ слiянія двухъ мѣстечекъ: Элевзиса и Аѳинъ; первое было пелазгическое, второе—эллинское. Пелазгическій слой аѳинскаго народонаселенія былъ такъ силенъ, что Геродотъ прямо называетъ аѳинянъ и вообще іонянъ пелазгами въ противоположность спартанцамъ, которые были эллины. Аѳиняне, по словамъ Геродота, будучи пелазгами по происхожденію, позабыли свой языкъ и стали эллинами. Что одинъ народъ, подчиняясь матеріальной или нравственной силѣ другого, принимаетъ языкъ и вообще національность послѣдняго, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, исторія представляетъ тому много примѣровъ; но для насъ важно узнать,

не осталось ли у аѳинянъ чего-нибудь пелазгическаго, кромѣ камней?

Пелазги поклонялись физическимъ божествамъ безъ изображеній, храмовъ и алтарей; финикіяне способствовали развитію этого поклоненія; явилось поклоненіе двумъ началамъ—мужескому и женскому, Діонису и Матери-землѣ, Геметерѣ или Деметерѣ; послѣднимъ поклоненіемъ былъ знаменитъ пелазгическій Элевзисъ, тогда какъ въ другой, эллинской половинѣ покровительствующимъ божествомъ была воинственная дѣва, Палласъ-Аѳина, отъ которой и городъ получилъ свое названіе, и которая принадлежала къ совершенно другому разряду божествъ, къ эллинскому Олимпу, а съ нимъ Деметера и Діонисъ не имѣли ничего общаго. Такимъ образомъ, въ пелазго-эллинскихъ Аѳинахъ рядомъ существовали двѣ различныя религіи, старая и новая, и мы увидимъ впослѣдствіи, какъ эта старая пелазгическая, элевзинская религія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, получитъ силу. Но теперь мы должны заняться эллинскою религіею, которая имѣла такое могущественное вліяніе на греческую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всемъ томъ, что оставлено греками намъ въ наслѣдство. Отличительный характеръ эллинской религіи составляетъ очеловѣченіе божества или антропоморфизмъ. Появленіе религіи съ такимъ характеромъ, разумѣется, предполагаетъ сильное развитіе человѣческой личности, чрезвычайные подвиги человѣка, посредствомъ которыхъ онъ поднялся высоко въ собственныхъ глазахъ. Сначала человѣка поражаютъ физическія явленія, и онъ преклоняется предъ ними, какъ предъ божественными; но потомъ человѣкъ, посредствомъ подвига, развиваетъ свои физическія и нравственныя силы, борется съ природою, побѣждаетъ ее, и эта новая сила поражаетъ воображеніе, становится божественною. Подвижникъ, герой поднимаетъ человѣка на небо, и какъ скоро это совершилось, то человѣкъ становится исключительно образомъ божества уже по той легкости, по тому удобству, какія чувствуетъ человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ человѣкообразному божеству. Прежнія божества физическія принимаютъ человѣческій образъ, между ними начинаютъ господствовать человѣческія отношенія, вслѣдствіе чего боги роднятся съ людьми, лучшіе изъ которыхъ, герои, являются смѣшаннаго происхожденія. Такимъ образомъ, чрезвычайное подвижничество, которымъ отличаются греки при своемъ вступленіи въ исторію, естественно вело къ сознанію превосходства человѣка надъ всѣмъ окружающимъ, и вело, слѣдовательно, къ антропоморфизму въ религіи; но при этомъ еще не должно упускать изъ виду, что у народовъ арійскихъ было сильно развито поклоненіе душамъ умер-

шихъ, которые становились божествами-покровителями своего потомства, рода: здѣсь мы видимъ высокое понятіе о личности человѣческой, которая не гибнетъ, но получаетъ важнѣйшее значеніе по смерти; но для того, чтобъ это вѣрованіе повело къ антропоморфизму и къ тому развитію личности, какое мы замѣчаемъ у грековъ, нужно было сильное подвижничество, ибо и китайцы поклоняются душамъ умершихъ, но у нихъ изъ этого поклоненія ничего не вышло. Какъ скоро явился антропоморфизмъ, то сопоставленіе двухъ началъ, двухъ отдѣльныхъ божествъ, добраго и злого, естественно должно было исчезнуть, ибо въ природѣ человѣка оба начала находятся въ смѣшеніи.

Очеловѣчивъ боговъ своихъ, грекъ долженъ былъ установить между ними тѣ же отношенія, какія господствовали въ человѣческомъ обществѣ. Какія же это были отношенія?

Мы видѣли, что Аристотель противоположилъ восточную монархію греческому городу или республикѣ, и объяснялъ происхожденіе первой тѣмъ, что она составилась изъ семей или родовъ, управляемыхъ отцовскою или родоначальническою властію монархически, и потому эта форма правленія перенеслась на цѣлый народъ, составившійся изъ этихъ семей или родовъ. Но какъ же произошло греческое общество въ противоположность восточному? Разумѣется, не изъ семействъ, не изъ родовъ, или, по крайней мѣрѣ, съ привнесеніемъ къ семейному или родовому началу другого, которое оказало могущественное вліяніе на общественный строй, условило его дальнѣйшее развитіе. Родовой бытъ требуетъ спокойствія, мирныхъ занятій, и когда это спокойствіе нарушено, то является стремленіе возстановить его учрежденіемъ крѣпкаго, общаго правительства по данной формѣ семейнаго или родового управленія. Это стремленіе благопріятствуетъ появленію одного сильнаго человѣка, который и становится на верху; но неблагопріятно появленію многихъ силъ. Вообще родовой бытъ не благопріятствуетъ развитію личности; здѣсь господствуетъ спокойствіе, обычай отцовъ, естественныя безспорныя отношенія старшаго къ младшему, здѣсь господствуетъ охранительное начало. Явится человѣкъ сильный физически или нравственно, ему тѣсно въ обществѣ, и, волею-неволей, онъ долженъ выйти изъ него. Но человѣкъ, какъ животное общественное, не можетъ жить одинъ, и бѣглецъ изъ родового общества стремится къ соединенію съ подобными себѣ людьми; чрезъ это соединеніе образуется новое общество, которое, въ противоположность родовому, или изъ родовъ составившемуся, назовется дружиннымъ, основаннымъ не на кровной связи, но на товариществѣ. Какъ родовое общество есть охранительное по преимуществу, такъ дружина тре-

буетъ движенія, подвига. Прежде всего она составляется изъ людей, нетерпящихъ покоя, неспособныхъ къ мирнымъ занятіямъ, и по природѣ своей стремящихся добывать съ бою средства къ жизни; съ самаго начала между этимъ новымъ обществомъ и старымъ завязываются уже непріязненныя отношенія, съ самаго начала новое общество стремится жить на счетъ стараго; сперва борьба происходитъ въ мелкихъ размѣрахъ, пока дружина еще слаба; она разбойничаетъ на сухомъ пути или на морѣ, нападаетъ въ одиночку на слабыхъ; но съ теченіемъ времени, усилившись, она можетъ предпринять сильное наступательное движеніе, предпринять завоеваніе извѣстной страны, извѣстнаго народа.

Дружина требуетъ вождя. Около знаменитаго своими подвигами богатыря, героя, собирается толпа людей, ему подобныхъ, и провозглашаетъ его своимъ вождемъ. Но большое различіе существуетъ между царемъ народа, составившагося изъ *управляемыхъ*, по выраженію Аристотеля, изъ родовъ, и между вождемъ дружины, избраннымъ товарищами въ подвигахъ. Многочисленное и мирное народонаселеніе избираетъ правителя и спѣшитъ дать ему какъ можно болѣе власти, чтобъ не тревожиться заботами правленія, избѣжать смуты внутренней, отъ враговъ внѣшнихъ имѣть защитника, обладающаго всѣми средствами къ успѣшной защитѣ. Дружина храбрецовъ выбираетъ вождя не для успокоенія, не для возвращенія къ мирнымъ занятіямъ, не для отдыха, а для подвига; тутъ силы напряжены, каждый чувствуетъ въ себѣ силу, каждый сознаетъ свое достоинство; эту силу каждаго, это достоинство каждаго хорошо сознаетъ и вождь, и потому отношенія его къ другимъ членамъ дружины — отношенія старшаго товарища. Тацитъ, описывая народъ, двигавшійся, подобно эллинамъ, съ сѣвера на югъ и постоянно выдѣлявшій изъ себя дружины, дѣлаетъ вѣрное различіе между царями, издавна начальствовавшими въ племенныхъ массахъ, и между вождями дружинъ: цари имѣютъ свое значеніе по благородству, вожди по храбрости (reges ex nobilitate, duces ex virtute). Такими вождями по храбрости были и тѣ начальствующія лица между эллинами, которыхъ мы привыкли называть царями. И послѣ утвержденія въ Греціи, они не могли принять того значенія, какое имѣли цари восточные. Во-первыхъ, въ Греціи на небольшомъ пространствѣ, среди немногочисленнаго народонаселенія, царей было много, и это одно обстоятельство уже не позволяло имъ получить того значенія, какое имѣли цари Востока, единовластители обширныхъ странъ и многочисленныхъ народовъ, окруженные необыкновеннымъ блескомъ, удаленные отъ взоровъ большинства подданныхъ, сокрытые и отъ ближайшаго къ нимъ народонасе-

женія въ великолѣпныхъ чертогахъ, менѣе доступныхъ, чѣмъ храмы божествъ; простота жизни греческихъ царей приближала ихъ къ подданнымъ, приравнивала къ нимъ. Съ другой стороны, движенія, подвиги не прекратились: Греція была не такая страна-волшебница, которая своими чарами скоро бы истощала нравственныя силы человѣка; напротивъ, своими природными условіями, умѣренностію въ плодородіи, небольшимъ пространствомъ и близостію моря не останавливала развитія силъ поселившихся въ ней богатырей, а приглашала ихъ къ новой дѣтельности, къ новымъ подвигамъ. Отсюда постоянное движеніе, постоянное выдѣленіе изъ народа богатырей, героевъ, которые становятся естественными представителями народа, становятся на верху, и цари должны съ ними считаться; чтобъ не потерять своего значенія, цари сами должны быть героями, начальниками геройскихъ предпріятій, а для успѣха въ этихъ предпріятіяхъ они опять нуждались въ храброй дружинѣ; предпріятія эти совершались соединенными силами, многими царями вмѣстѣ, что уже необходимо пріучало ихъ и дружинниковъ ихъ къ равенству, тѣмъ болѣе, что тутъ личныя достоинства, личная храбрость и искусство постоянно на первомъ планѣ, даютъ право на видное, высокое мѣсто, на самостоятельность, и личность развивается, человѣкъ сознаетъ свое достоинство, зависящее отъ его личныхъ качествъ, а не отъ какихъ-либо другихъ отношеній. Въ подвигахъ геройскаго періода образовался и окрѣпъ греческій духъ, образовались и окрѣпли греческія общественныя отношенія; знаменитое *слово* (эпосъ) о самомъ знаменитомъ изъ этихъ подвиговъ, Иліада, выразивъ вполнѣ этотъ духъ и эти отношенія, и ставши главнымъ воспитательнымъ средствомъ для греческаго народа, въ свою очередь могущественно содѣйствовала развитію того же духа и тѣхъ же отношеній; здѣсь же въ Иліадѣ съ отношеній между людьми сняты были и отношенія между богами и отношенія боговъ къ людямъ. Такимъ образомъ, Иліада есть источникъ греческой исторіи, но не въ обыкновенномъ смыслѣ слова: она есть источникъ греческой жизни. Чтобъ познакомиться съ греческою жизнію въ этомъ источникѣ, не нужно изучать подробно всю поэму; можно остановиться на первыхъ стихахъ, въ которыхъ излагается завязка дѣла: жрецъ Аполлона проситъ о возвращеніи изъ плѣна дочери; съ этою просьбою онъ обращается ко всѣмъ ахэйцамъ, и только преимущественно къ атридамъ. Ахэйское войско соглашается возвратить жрецу дочь; но главный предводитель, Агамемнонъ, не соглашается и грозитъ жрецу; но Агамемнонъ не одинъ; подлѣ него есть другая сила, есть человѣкъ, выдавшійся впередъ личными достоинствами, богатырь, герой, Ахиллъ; жрецъ прибѣ-

гаетъ подъ защиту этой силы; но подлѣ Агамемнона и Ахилла есть еще третья сила, выработанная дружинною жизнію эллиновъ: Ахиллъ созываетъ кругъ (агору). Происходитъ столкновеніе между Агамемнономъ и Ахилломъ; герой, оскорбленный главнымъ предводителемъ, отказывается дѣйствовать, и отъ этого бездѣйствія предпріятіе останавливается, греки терпятъ неудачи, и дѣло поправляется только тогда, когда герой снова начинаетъ дѣйствовать. Такимъ образомъ, главный смыслъ эпоса, имѣвшаго такое громадное значеніе въ греческой жизни, вполнѣ ее отражавшаго, главный смыслъ эпоса есть борьба человѣка, богатаго личными средствами, съ человѣкомъ, могущественнымъ по своему положенію, и побѣда остается на сторонѣ перваго, Ахиллъ оказывается важнѣе Агамемнона.

Подвиги, предпріятія, совершаемые *товариществомъ* героевъ, а не однимъ лицомъ, двигающимъ народъ свой на другіе народы, и совершаемые морскимъ путемъ суть главныя событія начальной греческой исторіи; они ясно показываютъ намъ, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло, и каково должно быть развитіе этого народа. Мы не будемъ отвергать вліянія дробныхъ формъ греческой страны, какъ способствующихъ дробности политической, образованію многихъ мелкихъ государствъ; но, допустивъ это содѣйствіе, мы укажемъ на главную причину политической дробности въ первоначальной формѣ появленія эллиновъ въ исторіи: не одинъ народъ съ однимъ главою является на историческую сцену, но нѣсколько дружинъ съ своими вождями; съ самаго начала видимъ множество дѣйствующихъ силъ, много людей на виду, на первомъ планѣ. Но мы не должны успокоиваться на указаніи этой главной причины: ни природа страны съ дробностію своихъ формъ, ни политическая дробность, зависящая отъ дружинной формы, развитія личности и геройства или богатырства, не могутъ помѣшать политическому единству народа, какъ бы продолжительна и упорна ни была борьба при установленіи этого единства, борьба, отъ вышеозначенныхъ условій происходящая; стоитъ только одной единицѣ усилиться вслѣдствіе какихъ-нибудь условій, и она естественно начинаетъ стремиться къ подчиненію себѣ всѣхъ другихъ единицъ, что и прокладываетъ путь къ единству; препятствіемъ къ достиженію этого единства можетъ служить то только, что не будетъ единицы достаточно сильной, что одновременно образуются двѣ или нѣсколько одинаково сильныхъ единицъ, которыя вступятъ другъ съ другомъ въ борьбу, и эта борьба будетъ продолжаться до паденія самостоятельной жизни народа, способствуя этому паденію истощеніемъ силъ его въ усобицѣ. Такъ въ Греціи препят-

ствіемъ къ объединенію страны служило то, что подлѣ Спарты, стремившейся подчинить себѣ всѣ другія области, существовала другая сильная республика, Аѳины. Это были два глаза Греціи, по выраженію оракула, и дѣйствительно Греція представляется намъ не иначе, какъ въ этомъ двойственномъ образѣ — Спарты и Аѳинъ; борьба ихъ кончилась истощеніемъ силъ обѣихъ, что̀ и содѣйствовало паденію самостоятельной Греціи.

Троянская война истощила силы Греціи, но скоро онѣ прилили снова съ сѣвера, гдѣ произошло движеніе одного народа на другой, поведшее необходимо къ образованію дружинъ, ибо всѣ, нехотѣвшіе подчиниться игу завоевателей, т.-е., всѣ храбрѣйшіе, *лучшіе* люди оставляли прежнее мѣсто жительства. Это сильное движеніе, поведшее къ окончательному опредѣленію греческихъ отношеній, извѣстно подъ именемъ Дорійскаго движенія. Доряне (копейщики) путемъ завоеванія основали въ Пелопоннезѣ сильное государство спартанское, которое съ первыхъ же поръ начало стремиться къ первенству въ Греціи. Но въ какихъ же формахъ основалось это государство? Этому опредѣленію формъ предшествовала смута, именно усобица въ царскомъ родѣ. На Востокѣ подобная усобица не могла повести ни къ какой перемѣнѣ, потому что на Востокѣ народъ составлялся изъ управляемыхъ, изъ родовъ; но въ Спартѣ подлѣ вождей, царей, была дружина, развившая свои силы подвигомъ, завоеваніемъ, первенствующая среди покореннаго народонаселенія, привыкшая считать вождя только старшимъ товарищемъ; здѣсь, слѣдовательно, ослабленіе значенія царей вслѣдствіе усобицы необходимо ведетъ къ усиленію значенія дружины, и это выразилось въ Спартѣ тѣмъ, что явились постоянно два царя, что̀, разумѣется, сильно ослабляло ихъ значеніе. Какъ во всѣхъ государствахъ, основавшихся при посредствѣ не однихъ родовъ, но дружины, мы видимъ и въ Спартѣ совѣтъ старшинъ, стариковъ буквально, и вѣче, или общую, черную раду изъ всего войска; здѣсь мы говоримъ: войско, потому что государство было основано на завоеваніи, и завоеватели, доряне, считали себя однихъ въ правѣ управлять страною, не давая покоренному народонаселенію никакого участія въ управленіи, рѣзко отдѣляясь отъ него, и строго наблюдая, чтобы цари не позволяли себѣ попытокъ усиливать свою власть посредствомъ этого покореннаго народонаселенія. Благодаря этому строгому наблюденію, Спартѣ и удалось сохранить характеръ чисто аристократическаго государства. Военное народонаселеніе, потомки завоевателей управляли и владѣли землею, потомки покоренныхъ обработывали на нихъ эту землю. Все это устройство приписывается Ликургу. Разумѣется, Ликургъ не придумалъ

самъ основныхъ элементовъ спартанскаго устройства и не взялъ ихъ изъ Крита; эти элементы присущи вездѣ, гдѣ является дружина съ вождемъ, старшими и младшими товарищами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Ликургъ не существовалъ и не имѣлъ того значенія, съ какимъ является въ спартанской исторіи. Была смута; кромѣ междоусобія князей, какъ видно, было сильное неудовольствіе на неравное распредѣленіе земель; послѣ завоеванія уже успѣло явиться различіе между богатыми и бѣдными въ самой дружинѣ завоевателей; благопріятныя обстоятельства сосредоточили большія земли въ рукахъ однихъ, неблагопріятныя уменьшили земельную собственность другихъ, или совсѣмъ лишили ея ихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ обыкновенно или усиливается власть царя, если онъ умѣетъ воспользоваться раздѣленіемъ и представить сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ, какъ единственное средство для установленія порядка, или богатый всякаго рода средствами честолюбецъ станетъ вождемъ недовольныхъ и тѣмъ проложитъ себѣ путь къ верховной власти. Но Греція, благодаря сильному развитію своего народа путемъ подвига, представила въ своей исторіи и другой способъ выхода изъ смуты. Здѣсь на небольшихъ пространствахъ сосредоточена дѣятельность энергическаго народонаселенія, получившаго, путемъ подвига, сознаніе о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, народонаселенія, не расплывающагося, не спѣшащаго разъѣзжаться по отдаленнымъ домамъ для мирныхъ занятій, но всегда пребывающаго на лицо съ привычкою къ общему дѣйствію, къ товариществу. При такихъ условіяхъ является возможнымъ требованіе, чтобъ прежнія свободныя отношенія сохранились, но чтобъ прекратилась смута уничтоженіемъ произвола сильныхъ лицъ, подчиненіемъ воли каждаго закону. Требованіе вызываетъ предложеніе, является человѣкъ, богатый нравственными средствами, которому поручаютъ написать законы. Но эта новая сила, сила законодателя, такъ велика, что не можетъ быть достигнута одними человѣческими средствами, однимъ человѣческимъ авторитетомъ, какъ бы онъ силенъ ни былъ. Съ закономъ человѣкъ соединяетъ понятіе о чемъ-то твердомъ, вѣчномъ, божественномъ. Человѣкъ подчиняется обычаю, ибо онъ ведетъ свое происхожденіе изъ глубины вѣковъ, и преданъ людьми, имѣвшими непосредственное сообщеніе съ богами. Дружина подвижниковъ оставила прежнее отечество, прошла много странъ, находилась въ разныхъ новыхъ условіяхъ, что болѣе или менѣе должно было заставить позабыть многое изъ стараго, отвыкнуть отъ него, и вотъ такая дружина находитъ себѣ, наконецъ, новое удобное жилище, утверждается въ немъ; но здѣсь встрѣчается

она съ новыми условіями, новыми отношеніями; нужно создать новый порядокъ вещей. Человѣкъ не создастъ, а если создастъ, повиноваться ему не будутъ. Въ эти-то времена обыкновенно и являются на сцену жрецы и пріобрѣтаютъ важное значеніе законодателей, какъ провозвѣстники воли боговъ. Но жрецы могутъ пріобрѣсти важное значеніе политическихъ законодателей только при извѣстныхъ условіяхъ, именно, когда движеніе уже остановилось, подвижники разбросались на обширныхъ пространствахъ, силы ихъ ослабѣли, когда на виду одна сила, необходимая для сосредоточенія всѣхъ другихъ силъ въ обширной странѣ, сила царя, и съ нею одною жрецы считаются, заключаютъ съ нею обыкновенно тѣсный союзъ для взаимнаго охраненія выгодъ. Но когда общество находится въ движеніи, когда на лицо много силъ и всѣ онѣ соединены въ общемъ дѣлѣ, тогда жреческая власть не можетъ получить большого развитія, ибо всякая сила развивается вслѣдствіе незначительности другихъ силъ. Такъ въ Греціи воинственное, геройское движеніе вначалѣ, потомъ сильныя внутреннія движенія въ небольшихъ областяхъ, городахъ, причемъ силы не разбрасывались, но были всѣ на лицо въ общей дѣятельности, произвели то, что вліяніе жрецовъ не могло усилиться какъ на Востокѣ; притомъ же свойственное арійскому племени поклоненіе душамъ умершихъ предковъ, которые становились богами-покровителями потомковъ своихъ, сообщало каждому домовладыкѣ жреческій характеръ, при непосредственномъ отношеніи къ божеству. И относительно общихъ, высшихъ божествъ греки не допускали посредничества жрецовъ, но требовали заявленія божественной воли чрезъ оракуловъ; познаніе же объ этихъ божествахъ греки получали не изъ устъ жрецовъ, но изъ поэтическихъ произведеній. Такимъ образомъ въ Греціи мы видимъ отсутствіе жреческаго вліянія, и если предположить, что оно выражалось въ оракулахъ, то и тутъ мы увидимъ, что жречество должно было уклоняться отъ непосредственнаго вліянія на политическія дѣла, стоять поодаль, дожидаясь, когда къ нему обратятся за рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ, и загораживая себя пиѳіею, приведенною въ непосредственное сообщеніе съ божествомъ. Но отсутствіе могущественнаго жреческаго вліянія не исключало религіозности народа и стремленій его дать своимъ новымъ учрежденіямъ божественное освященіе, которое должно сообщить имъ авторитетъ и прочность: отсюда происходитъ то явленіе, что греческіе законодатели обращаются къ оракулу за освященіемъ своихъ постановленій [1]).

---

[1]) Первоначально глава рода есть жрецъ; жречество происходитъ, когда боже-

Спартанское или такъ-называемое ликургово законодательств дѣйствительно получило, по крайней мѣрѣ, относительную проч ность, которой такъ завидовали въ другихъ государствахъ Греці Эта прочность условливалась чисто аристократическимъ устрой ствомъ: небольшое число потомковъ завоевателей совершенн выдѣлилось изъ массы покореннаго народонаселенія, которое, пр болѣе или менѣе тяжкихъ условіяхъ зависимости, потеряло вся кое участіе въ управленіи страной. Главною цѣлію выдѣлившихс завоевателей было сохраненіе своего положенія среди покорен наго народонаселенія, принадлежавшаго къ тому же сильном народу эллинскому, и потому вовсе неохотно сносившаго сво подчиненное положеніе, готоваго возстать при первомъ удобном случаѣ. Для завоевателей, слѣдовательно, единственнымъ средство поддержанія своего положенія было сохраненіе своего первона чальнаго военнаго, дружиннаго устройства во всей его чистот и строгости; Спарта представляла военное поселеніе, казацку сѣчь со своими общими столами, съ раздѣленіемъ членовъ п палаткамъ, по нашему буквально *сотовариществу* (ибо товар въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ палатка); женщина был допущена въ эту сѣчь, но употреблены всѣ старанія, чтобъ при способить ее къ лагерной жизни, отнять у нея какъ можно болѣ женственности. Прочность спартанскаго устройства была, как уже сказано, относительная; въ государственной жизни Спарт мы видимъ перемѣны, которыя изобличаютъ борьбу, именн стремленіе царей, несмотря на невыгодное условіе двойствен ности, усилить свою власть, противъ чего аристократія спѣшил принять свои мѣры. Первоначально цари назначали себѣ пят намѣстниковъ или посадниковъ, такъ-называемыхъ эфоровъ ил надзирателей для суда и полиціи; но какъ въ нѣкоторыхъ древ нихъ русскихъ городахъ посадники, назначавшіеся первоначальн княземъ, потомъ стали сановниками народными, отъ вѣча изби раемыми, и стали подлѣ князя въ качествѣ блюстителей народ ныхъ интересовъ противъ него, такъ и въ Спартѣ эфоры пере стали назначаться царями, стали избираться на вѣчѣ или въ на родномъ собраніи и получили обязанность надзирать надъ всѣм и надъ всѣми, не исключая и царей; эфоры имѣли право тр бовать у царей отчета въ ихъ поведеніи, ежемѣсячно брать с

ство извѣстнаго рода, кумиръ, храмъ случайнымъ образомъ получаетъ особенное з ченіе, и члены рода, среди котораго онъ находятся, получаютъ исключительно жр ческое значеніе. Образованіе дружины изъ членовъ различныхъ родовъ, разумѣет способствуетъ болѣе всего появленію общихъ божествъ, общаго богослуженія, п чемъ вождь естественно является жертвоприносителемъ, жрецомъ: отсюда царь, ко онъ образуется изъ вождя, всегда полководецъ и жрецъ.

нихъ присягу, что они будутъ управлять согласно съ законами, доносить на нихъ собранію стариковъ, сажать ихъ подъ арестъ; двое изъ эфоровъ сопровождали войско въ походѣ для надзора за поведеніемъ царя и полководцевъ.

Такими средствами спартанская аристократія охраняла себя и свое устройство отъ тѣхъ волненій и перемѣнъ, которыя происходили въ другихъ греческихъ государствахъ, особенно въ Аѳинахъ. Здѣсь мы уже на другой почвѣ. Здѣсь, послѣ перваго наплыва эллиновъ и смѣшенія ихъ съ пелазгами, мы не видимъ завоеванія; дорическое нашествіе тѣмъ или другимъ способомъ было отбито; было сильное движеніе, сильный приливъ пришельцевъ въ Аттику, подавшій поводъ, съ одной стороны, къ выводу колоній, а съ другой, ко внутреннимъ движеніямъ; но эти пришельцы были изгнанники, искавшіе убѣжища въ Аттикѣ отъ ига завоевателей въ другихъ странахъ Греціи. Такимъ образомъ въ Аттикѣ изначала мы не видимъ разныхъ отношеній завоевателей къ покореннымъ, видимъ многочисленное свободное народонаселеніе, дѣлящееся по мѣсту жительства, по занятіямъ, по знатности происхожденія, по богатству. Родовая связь еще крѣпка; но въ такой небольшой странѣ, какъ Аттика, роды не могли особиться и сохранить равенство, и въ этомъ обособленіи и равенствѣ полагать препятствіе дальнѣйшему общественному движенію. Эллинская жизнь уже оставила слѣды: подлѣ царя были потомки героевъ, гордые своимъ происхожденіемъ и богатствомъ. Неравенство состоянія скоро оказало обычныя послѣдствія. Въ обществахъ первоначальныхъ, гдѣ государственная связь еще слаба, преобладаютъ частные союзы, и прежде всего, разумѣется, родовой: члены рода находятъ другъ у друга подпору, покровительство, обезпечиваются священною обязанностію родовой мести; безродность, безсемейность, лишеніе рода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, сиротство—было величайшимъ бѣдствіемъ для древняго человѣка. Но это бѣдствіе постигало людей, и вело къ особаго рода отношеніямъ. Человѣкъ безродный долженъ былъ вступать подъ защиту чужого рода, примкнуть къ нему; но, разумѣется, онъ не могъ этого сдѣлать на равныхъ правахъ съ остальными членами рода, и отсюда различныя степени зависимости. Чужой человѣкъ *закладывался* за другого сильнаго, имѣвшаго средства человѣка (закладчикъ), становился подъ защиту сильнаго человѣка, за *хребтомъ* его (захребетникъ). Степени зависимости, какъ сказано, были разныя: человѣкъ, имѣвшій семейство и даже развитое, родъ, имѣвшій и средства къ жизни, нуждался однако въ покровительствѣ сильнѣйшаго, и входилъ къ нему въ извѣстную степень зависимости, которая въ древнемъ

русскомъ обществѣ выражалась словомъ: *сосѣдъ*, которому, въ греческомъ обществѣ соотвѣтствуютъ буквально слова: *періойкъ*, *метойкъ;* съ усиленіемъ государства, послѣднее стремится повсюду перевести этихъ сосѣдей и вообще закладчиковъ изъ частной зависимости въ свою. Самая сильная степень зависимости есть рабство: человѣкъ, не имѣя никакихъ средствъ, идетъ въ рабы къ другому, кабалитъ себя; повсюду средствомъ перевести вольнаго человѣка въ рабство служитъ ссуда денегъ богатымъ бѣдному: невозможность заплатить имѣетъ слѣдствіемъ насильственныя мѣры со стороны заимодавца и, наконецъ, рабство должника. Это явленіе въ обществахъ небольшихъ, какъ въ Греціи или Римѣ, въ странахъ, гдѣ природа не даетъ слишкомъ роскошныхъ средствъ для удовлетворенія первыхъ потребностей, и гдѣ народонаселеніе, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, по привычкѣ къ подвигу и по развитію личности, отсюда происходящему, дорого цѣнитъ независимость и свободу,—это явленіе въ такихъ странахъ ведетъ къ сильной борьбѣ. Съ увеличеніемъ народонаселенія, съ образованіемъ неравенства въ состояніяхъ, при движеніи къ увеличенію своего благосостоянія посредствомъ различныхъ предпріятій, и при слабомъ обезпеченіи успѣха этихъ предпріятій въ новорожденномъ обществѣ, является много людей, которые лишаются средствъ къ жизни, лишаются возможности исполнять общественныя обязанности (война особенно разоряетъ ихъ, ибо кромѣ издержекъ на нее, она отрываетъ человѣка отъ занятій, губитъ его хозяйство); они занимаютъ деньги у богатыхъ, и, не имѣя возможности заплатить долга, видятъ предъ собою истязаніе и рабство. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются покинуть отечество: дѣйствительно, мы видимъ въ Аѳинахъ сильное стремленіе къ колонизаціи; но не всѣ могутъ рѣшиться на это, и такимъ образомъ выводъ колоній не избавляетъ государство отъ внутреннихъ движеній, порождаемыхъ указанными отношеніями. Царь естественный посредникъ въ этомъ случаѣ; его значеніе, его власть необходимо усиливаются, и тѣмъ самымъ возбуждаютъ опасенія въ людяхъ знатныхъ и богатыхъ, которые стремятся поэтому ограничить царскую власть или совершенно отъ нея освободиться; это тѣмъ легче имъ сдѣлать, что свободныя отношенія къ царской власти и важное значеніе царскихъ приближенныхъ, дружинниковъ, значеніе самостоятельное, независящее отъ царской воли, суть преданія, въ которыхъ воспиталось эллинское общество. Преданіе говоритъ, что во время нашествія дорянъ на Аттику, аѳинскій царь, Кодръ, погибъ для спасенія отечества, и аѳиняне воспользовались этимъ для уничтоженія царскаго достоинства, провозглашая, что никто не достоинъ занять

мѣсто спасителя отечества; сынъ Кодра, Медонъ, былъ избранъ въ пожизненные правители или архонты и, какъ видно, по характеру своему не былъ способенъ возбуждать опасенія въ аристократіи, тогда какъ двое другихъ, болѣе энергичныхъ сыновей Кодра, Нелей и Андроклъ, съ толпою переселенцевъ отправились за море для основанія колоній. Это удаленіе ихъ показываетъ, что аристократія одержала верхъ; впослѣдствіи упоминается о борьбѣ, когда, около 754 года, одинъ изъ потомковъ Медона, Алкмеонъ, потерялъ званіе архонта, и на его мѣсто былъ возведенъ младшій братъ его, но только уже на 10 лѣтъ и съ обязанностью отдавать въ своемъ управленіи отчетъ аристократіи или эвпатридамъ; впослѣдствіи потомство Кодра потеряло исключительное право на архонтство, верховная власть, подѣленная между девятью сановниками, ежегодно избираемыми, сдѣлалась достояніемъ всѣхъ эвпатридовъ. Въ другихъ государствахъ Греціи произошла подобная же перемѣна; но эта перемѣна нисколько не уничтожила борьбы, которая происходила вслѣдствіе стремленій сильныхъ матеріальными средствами лицъ къ верховной власти; нѣкоторые изъ нихъ и достигаютъ своей цѣли, являются царями, хотя греки и дѣлали различіе между законными царями и этими похитителями власти, называя послѣднихъ тираннами. Спартанцы охранили себя отъ этого явленія именно тѣмъ, что удержали царей, подвергнувъ только ихъ власть сильному ограниченію; это ограниченіе, впрочемъ, состояло не столько въ учрежденіи строгаго надзора за поведеніемъ царей посредствомъ эфоровъ, сколько въ сущности самого спартанскаго устройства, въ равномъ выдѣленіи полноправнаго, равно обезпеченнаго имуществомъ правительствующаго класса изъ массы остальнаго народонаселенія, безправнаго, враждебнаго, чуждаго; тогда какъ въ Аѳинахъ отсутствіе рѣзкаго раздѣленія между потомками завоевателей и потомками завоеванныхъ, подлѣ знатныхъ и богатыхъ людей условливало существованіе относительно многочисленнаго класса людей недостаточныхъ, низко поставленныхъ, стремившихся къ улучшенію своего положенія при сознаніи одинаковости своихъ правъ съ эвпатридами; при этомъ стремленіи они нуждались въ вождяхъ, и эти-то вожди пользовались своимъ значеніемъ для достиженія верховной власти или тиранніи.

Для предотвращенія подобныхъ покушеній, которыя уже увѣнчались успѣхомъ во многихъ городахъ Греціи, единственнымъ средствомъ было установленіе прочнаго порядка посредствомъ закона; въ Спартѣ господствуетъ законъ, Спарта сильна и спокойна, а въ другихъ городахъ тираннія: выборъ былъ легокъ, и аѳиняне начали требовать закона, законодателя. Но въ Аѳи-

нахъ задача законодателя была не такъ легка, какъ въ Спартѣ: въ Спартѣ было легко выдѣлить небольшую дружину завоевателей, уравнять ихъ права, уравнять ихъ матеріальныя средства, возстановить или освятить дружинное устройство, которое, по самому существу своему, выдвигая на первый планъ товарищескую жизнь, отодвигаетъ на задній планъ семейство и собственность. Привыкшіе къ этой жизни доряне легко приняли ея освященіе закономъ, были довольны, а до неудовольствія другихъ законодателю не было дѣла; для сдержанія этого неудовольствія у побѣдителей было оружіе въ рукахъ, и горе — всегдашняя участь побѣжденныхъ. Другое дѣло въ Аѳинахъ, гдѣ могущественные интересы сталкивались въ народѣ, части котораго не признавали себя побѣдителями и побѣжденными, гдѣ путемъ естественнаго развитія подлѣ аристократическаго элемента образовался демократическій, съ которымъ надобно было считаться, гдѣ съ незапамятныхъ поръ, со временъ Тезея, свободный, равноправный народъ былъ раздѣленъ на эвпатридовъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ, причемъ «эвпатриды отличались славою, земледѣльцы пользою, ремесленники многочисленностію, и этимъ устанавливалось между ними равенство» (Плутархъ). Въ Спартѣ законодателю нужно было удовлетворить только одной части народонаселенія; въ Аѳинахъ двумъ, аристократической и демократической, лучшимъ и меньшимъ людямъ. Попытка установить порядокъ, прекратить волненія, давши силу существующему порядку, существующему правительству терроромъ, эта попытка не удалась, и виновникъ этой попытки, Драконъ, перешелъ въ исторію съ кровавою памятью, а между тѣмъ попытки къ тиранніи оказывались ясно; медлить было нельзя для аристократіи, надобно было приступить къ соглашенію интересовъ двухъ сторонъ, къ сдѣлкамъ, и за дѣло принялся Солонъ. Первымъ дѣломъ его законодательства было удовлетвореніе меньшимъ, снятіе съ нихъ тяжестей, освобожденіе должниковъ изъ кабалы; всѣ попавшіеся въ рабство за долги были освобождены, проданные за границу выкуплены на счетъ казны, и на будущее время заимодавецъ лишился права обращать неплатящаго должника и его семейство въ рабство; при платежѣ долга должникъ выигрывалъ 27 процентовъ вслѣдствіе измѣненія монеты. Спартанское уравненіе земельныхъ участковъ было невозможно; можно было только постановить, что ни одинъ землевладѣлецъ не имѣетъ права распространять свою землю далѣе положеннаго предѣла, чтобъ такимъ образомъ остановить исчезновеніе мелкихъ земельныхъ участковъ и обезземеленіе меньшихъ людей. Но меньшіе люди бѣднѣли и должали вслѣдствіе служебныхъ военныхъ обязан-

ностей, нести которыя у нихъ не доставало средствъ: Солонъ отстранилъ это неудобство, раздѣливъ всѣхъ гражданъ на четыре класса по средствамъ, по доходамъ, и военныя обязанности и подати были разложены соотвѣтственно этимъ средствамъ; но кто имѣлъ больше обязанностей, тотъ долженъ былъ имѣть и больше правъ: такъ, достоинство архонтовъ и мѣста членовъ въ верховномъ совѣтѣ (ареопагѣ), могли получать только члены перваго класса; въ большой правительствующій совѣтъ четырехъсотъ избирались граждане только трехъ первыхъ классовъ; но правительствующій совѣтъ не могъ издавать новаго закона, не могъ объявлять войну и заключать миръ: это принадлежало народному собранію, а въ члены высшей судебной инстанціи, въ такъ-называемые геліасты избирали по жребію изъ всѣхъ гражданъ безъ различія классовъ; геліастамъ же принадлежало право повѣрять, способно ли извѣстное лицо къ отправленію правительственной должности. Такимъ образомъ, цѣлію солонова законодательства было установить равновѣсіе между аристократическимъ и демократическимъ элементомъ, «чтобъ ни одинъ не одержалъ надъ другимъ неправедной побѣды, ибо народъ только тогда повинуется вождямъ, когда онъ ни слишкомъ разнузданъ, ни слишкомъ порабощенъ».

Распаденіе аѳинскаго народонаселенія на двѣ части, противоположныя въ своихъ интересахъ и потому долженствующія бороться, заставило законодателя признаться, что «въ важныхъ дѣлахъ всѣмъ угодить трудно». Всѣмъ угодить было трудно; легко было угодить одной сторонѣ, и, разумѣется, должны были найтись люди, которые принялись за легкое и выгодное дѣло. Угодить было легче сторонѣ меньшихъ людей, которые были только облегчены и желанія которыхъ были возбуждены сопоставленіемъ съ людьми, болѣе удовлетворенными, возбуждены уступкою имъ извѣстной доли государственной дѣятельности, возбуждены самымъ переворотомъ, который мы называемъ солоновымъ законодательствомъ; слѣдствіемъ этихъ возбужденій всегда и вездѣ бываетъ демократическое движеніе, стремленіе къ равенству, стремленіе, которое въ Спартѣ было уничтожено уравненіемъ всѣхъ спартанцевъ, всѣхъ завоевателей и отнятіемъ правъ у побѣжденныхъ. Въ Спартѣ вслѣдствіе постояннаго общенія, постояннаго сожитія немногочисленныхъ членовъ правительствующей части народонаселенія было равномѣрное развитіе пониманія государственныхъ дѣлъ и интересовъ, вслѣдствіе чего для каждаго возможно было являться въ народное собраніе съ опредѣленнымъ мнѣніемъ и отвѣчать прямо согласіемъ или несогласіемъ на извѣстное предложеніе, что, въ свою очередь, разви-

вало въ каждомъ самостоятельность взгляда и мнѣнія; въ Аѳинахъ сравнительно слишкомъ большая масса народонаселенія была призвана къ участію въ государственной дѣятельности, масса не сосредоточенная, разбитая по извѣстнымъ мѣстностямъ, развлекаемая различными занятіями и потому неразвитая, неприготовленная, нуждавшаяся въ разъясненіи дѣла: отсюда необходимость въ народныхъ ораторахъ, внушителяхъ и руководителяхъ; это обстоятельство, разумѣется, содѣйствовало сильно развитію ораторскаго искусства, выдѣленію изъ массы даровитыхъ людей; но, съ другой стороны, содѣйствовало и появленію демагоговъ или такъ-называемыхъ тиранновъ, въ болѣе или менѣе утонченной формѣ. Еще при жизни Солона одинъ изъ самыхъ знатныхъ людей, Пизистратъ, началъ стремиться къ власти и средствомъ къ тому употребилъ слово, какъ свидѣтельствуетъ самъ Солонъ, остерегавшій согражданъ отъ льстивыхъ рѣчей говоруна, отъ темнаго смысла, скрывавшагося подъ блестящими словами. Предостереженія были напрасны: «тиранство выросло и укрѣпилось», благодаря постоянному войску, которое завелъ у себя Пизистратъ, и захвату денежныхъ средствъ, на которыя содержалось это войско.

Но то обстоятельство, что Пизистратъ не могъ принять названіе царя, что прежнее государственное устройство оставалось ненарушимымъ, показывало ясно, какъ трудно было теперь въ греческихъ государствахъ дать торжество монархическому началу. Мы говоримъ: трудно, и этимъ ограничиваемся; слово: «невозможно» употребить не рѣшимся, ибо знаемъ, что тираннія въ Аѳинахъ была сокрушена, не внутренними средствами, а помощію, пришедшею извнѣ. Пизистратъ успѣлъ передать свои средства и съ ними свое значеніе сыновьямъ; такимъ образомъ уже начиналась наслѣдственность; одинъ изъ сыновей его, Гиппархъ, погибъ вслѣдствіе личной вражды, и это обстоятельство дало другому брату, Гиппію, возможность сосредоточить всѣ средства въ однихъ своихъ рукахъ и вмѣстѣ дало предлогъ усилить свою власть преслѣдованіемъ всѣхъ подозрительныхъ ему людей. Произошло явленіе, съ которымъ мы часто встрѣчаемся въ исторіи Греціи и въ исторіи другихъ европейскихъ государствъ: въ обширныхъ государствахъ Азіи людямъ, преслѣдуемымъ верховною властію, трудно скрыться отъ нея, притомъ здѣсь нѣтъ политическихъ партій и борьбы ихъ, власть одного признается всѣми законною, и человѣкъ, столкнувшійся съ этою властью, гибнетъ одиноко. Но въ мелкихъ государствахъ Греціи образовались стороны въ народонаселеніи, стороны лучшихъ и меньшихъ людей, или аристократическая и демократическая, и вступили въ борьбу; люди

побѣжденной, притѣсненной стороны бѣгутъ изъ отечества, иногда составляютъ значительныя толпы и начинаютъ дѣйствовать противъ стороны побѣдившей, обыкновенно съ чужою помощію; помощь эту легко добыть точно также, какъ легко и убѣжать, потому что подлѣ другія государства, родственныя; бѣгутъ за чужою помощію обыкновенно лучшіе и богатые люди, потому что они имѣютъ средства жить внѣ отечества, средства дѣйствовать въ свою пользу, имѣютъ извѣстность, знаменитость, тогда какъ темному и бѣдному человѣку трудно рѣшиться покинуть отечество и найти гостепріимство и помощь; если онъ убѣжитъ, то примкнетъ къ дружинѣ людей, живущихъ на чужой счетъ, разбоемъ сухопутнымъ или морскимъ. Люди знатные, спасшіеся отъ преслѣдованій Гиппія, обратились за помощію къ Спартѣ. Спарта приняла ихъ сторону, и не должно непремѣнно полагать, что это дѣлалось изъ сочувствія спартанской аристократіи къ аѳинской, ибо спартанское устройство стояло такимъ особнякомъ, такъ разнилось отъ аѳинскаго и другихъ, что трудно сопоставлять спартанскую и аѳинскую аристократію, даже трудно говорить объ аристократіи тамъ, гдѣ нѣтъ демократическаго элемента, а въ Спартѣ его не было. Дѣло объясняется проще: Спарта вмѣшивалась во внутреннія дѣла греческихъ государствъ, пользовалась ихъ усобицами для усиленія своего вліянія: теперь она заступилась за аристократическую партію противъ тиранна; потомъ она заступится за того же самаго тиранна, потребуетъ его возстановленія. Гиппій былъ прогнанъ изъ Аѳинъ, благодаря помощи Спарты и случайности: семейство тиранна попало въ руки къ врагамъ его, и Гиппій, для освобожденія семейства, принужденъ былъ обязаться оставить Аѳины. Послѣ этого надобно было бы ожидать усиленія аристократіи; но видимъ на оборотъ, усиливается демократія посредствомъ новаго раздѣленія, при которомъ знатные и богатые роды должны были утратить свое вліяніе; посредствомъ свободныхъ выборовъ въ члены правительствующаго совѣта безъ обращенія вниманія на состояніе, причемъ число членовъ увеличено до 500; посредствомъ выбора судей по жребію; посредствомъ увеличенія числа годовыхъ народныхъ собраній до 10, вмѣсто прежнихъ четырехъ. И это усиленіе демократіи было результатомъ дѣятельности одного лица, Клисѳена, опять человѣка знатнаго и богатаго. О личныхъ цѣляхъ Клисѳена при этомъ мы должны остеречься сказать что-нибудь; мы никакъ не скажемъ, что ему, если бы онъ хотѣлъ, легко было бы сыграть роль Пизистрата и Гиппія; это было очень трудно именно потому, что тираннія только-что была уничтожена; аристократія была сильна и въ союзѣ со спартанцами; не забу-

демъ, что Пизистратъ началъ съ того, что успѣлъ убѣдить городъ позволить ему завести стражу, постоянное войско около себя, тоже самое, что разсказывали о Дейокѣ мидійскомъ, и мы не будемъ отвергать этихъ разсказовъ потому только, что въ нихъ разсказывается одно и тоже относительно двухъ разныхъ лицъ; напротивъ, мы должны ихъ принять, потому что въ нихъ указывается на естественный и необходимый ходъ дѣла гдѣ бы то ни было. Завести себѣ постоянное войско и ограничиться одними льстивыми словами, не приводя обѣщаній въ исполненіе, какъ сдѣлалъ Пизистратъ, было теперь очень трудно, и теперь съ Клисѳена уже начинается другого рода тираннія, демагогія, причемъ человѣкъ, желающій стоять на верху, долженъ усиливать демократическое начало, чтобъ держаться посредствомъ него. Клисѳену приписывается также установленіе остракизма, посредствомъ котораго человѣкъ, становившійся очень виднымъ и потому опаснымъ для свободы согражданъ, удалялся на извѣстное число лѣтъ изъ Аѳинъ, что, однако, не приносило никакого вреда его чести и имуществу; разумѣется, съ перваго раза кажется, что это средство было направлено противъ тиранства; но, съ другой стороны, человѣку, получившему сильное вліяніе на толпу, успѣвшему увѣрить ее, что его бояться нечего, легко наустить народъ на людей, ему собственно опасныхъ и враждебныхъ и избавляться отъ нихъ посредствомъ остракизма, не прибѣгая къ насилію, особенно когда для насилія нѣтъ еще силы. Аристократической партіи не понравилось Клисѳеново устройство и остракизмъ, который, разумѣется, грозилъ ея членамъ; она обратилась опять къ Спартѣ; Клисѳенъ долженъ былъ оставить Аѳины; но дѣло было сдѣлано, демократическое начало усилено, что сдѣлалось скоро въ маленькомъ государствѣ, и когда произошла аристократическая реакція, когда лучшіе люди захотѣли уничтожить новое устройство и стали гнать главныхъ его приверженцевъ, то произошло сильное движеніе съ противоположной стороны, причемъ аристократы проигрывали свое дѣло тѣмъ, что опирались на чужихъ, на спартанцевъ. Спартанцы были выгнаны, аристократы подверглись преслѣдованію, Клисѳенъ съ своими возвратился изъ изгнанія; но теперь, если бы даже и хотѣлъ, онъ никакъ не могъ сыграть роли Пизистрата и Гиппія; тиранство отыграло свою роль и было возможно только въ смягченной формѣ демагогіи, т. е. сильное лицо не могло непосредственно распоряжаться, но только посредствомъ народной массы, посредствомъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ, аѳинская демократія была воспитана аристократами, которые, вслѣдствіе уничтоженія царскаго достоинства, не могли сосредоточиться въ

одно сословіе, въ которомъ преобладало бы равенство и общій интересъ господствовалъ надъ личнымъ. Праздное царское мѣсто манило изъ нихъ тѣхъ, которые были сильнѣе другихъ средствами; для собственнаго возвышенія, которое могло быть достигнуто только съ помощію враждебнаго элемента, они выходили изъ аристократическихъ рядовъ и служили, въ видѣ тиранновъ и демагоговъ, къ возбужденію и развитію демократическаго элемента.

Но для развитія силъ извѣстнаго народа или извѣстнаго элемента въ народонаселеніи, получившаго преобладаніе, какъ элементъ демократическій въ Аѳинахъ, необходимъ подвигъ, сильная внѣшняя дѣятельность, сильная борьба. Въ этомъ отношеніи развитію и укрѣпленію аѳинской демократіи способствовали двѣ такія борьбы, одна съ спартанцами, другая съ персами, непосредственно слѣдовавшая за первою. Спарта, раздраженная неудачею, не оставила намѣренія снова утвердить свое вліяніе въ Аѳинахъ посредствомъ поднятія аристократической партіи; но у Спарты не было достаточно силъ для успѣшной борьбы: въ Греціи, подѣленной на множество мелкихъ государствъ, одному изъ нихъ, какъ бы оно относительно сильно ни было, трудно было непосредственно подчинять себѣ, покорять другія, даже и ближайшія; здѣсь дѣлалось такъ, что слабѣйшіе, волею-неволею, втягивались въ союзъ, въ которомъ сильнѣйшее государство получало первое мѣсто, предводительство; это предводительство не было господствомъ, и союзники иногда позволяли себѣ дѣйствовать самостоятельно относительно главнаго члена союза; такъ во время нападенія спартанцевъ на Аѳины съ цѣлію возстановить здѣсь аристократическую партію, союзники ихъ, коринѳяне, ушли и тѣмъ помѣшали успѣху, который и перешелъ на сторону аѳинянъ, т. е. тамошней демократической стороны. Видя силу послѣдней и слабость стороны аристократической, помощь которой оказывалась безполезною, спартанцы попытались подойти съ другой стороны, призвали къ себѣ Гиппія и хотѣли съ его помощію войти въ Аѳины; но союзники Спарты и тутъ отказались слѣдовать за нею для возстановленія тиранна. Борьба между Спартою и Аѳинами должна была на время остановиться, и этимъ перемиріемъ обѣ республики воспользовались, чтобъ усилиться: Спарта бросилась на Аргосъ; Аѳины, какъ держава морская, устремили свое вниманіе на море и далѣе на востокъ; тутъ онѣ вмѣшались въ борьбу малоазіатскихъ греческихъ колоній съ персами и этимъ накликали бурю на себя и на всю Грецію.

Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ знаменитою борьбою меж-

ду Европою и Азіею, борьбою, которая продолжается тысячелѣтія съ перемѣннымъ счастьемъ, смотря потому, на какой сторонѣ оказывается болѣе нравственныхъ силъ. Мы уже видѣли, что въ Греціи борьба съ Востокомъ была необходима по самому положенію ея; въ глубокой древности эта борьба происходила между народами, принадлежавшими къ двумъ различнымъ племенамъ—семитами—финикіянами, и арійцами—греками. Послѣднимъ удалось сбить съ своихъ береговъ финикіянъ. Потомъ, вслѣдствіе приплыва новыхъ силъ къ эллинамъ, вслѣдствіе усиленнаго движенія народной жизни среди нихъ, они выходятъ изъ своихъ границъ и перебрасываютъ свои колоніи въ Азію; но послѣдняя не снесла этого наступательнаго движенія со стороны Европы. Греческія малоазіатскія колоніи, раздѣленныя моремъ отъ метрополіи, растянутыя по берегу подобно Финикіи, не могли защититься отъ сильныхъ напоровъ могущественныхъ азіатскихъ государствъ, и подпали власти сперва Лидіи, а потомъ Персіи. Эллинскій духъ, эллинская энергія могли выразиться только въ томъ, что малоазіатскіе греки не могли спокойно сносить ига, и возставали, причемъ получали помощь отъ европейскихъ собратій. Персидскіе цари не могли не обратить вниманія на это обстоятельство: пока за моремъ существовала свободная Греція, до тѣхъ поръ малоазіатскіе берега не могли быть въ спокойномъ владѣніи у персовъ, и царь отправилъ большое войско въ Грецію противъ аѳинянъ. Но здѣсь были другія условія. Конечно, для объясненія неудачи персовъ мы должны обратить вниманіе на составъ ихъ громадныхъ ополченій: собственные персы могли сдерживать натискъ своихъ соплеменниковъ грековъ и мѣряться съ ними силами, хотя и не въ равной степени; но персовъ было немного, остальныя же части ополченія великаго царя представляли стадо людей, согнанное изъ разныхъ частей громаднаго царства, не могшее выдерживать натиска грековъ, развитыхъ въ высшей степени физически и нравственно, противопоставлявшихъ качество количеству. Но кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Греція была за моремъ, а персы не были морскимъ народомъ, море для нихъ было чуждою, непріятною и страшною стихіею; завезенные въ невѣдомую страну, отрѣзанные отъ отечества страшнымъ моремъ, они находились не въ своей сферѣ, и естественно теряли духъ, ибо вспомнимъ суевѣрный страхъ древнихъ передъ моремъ, границею, которую безбожно было для человѣка переступать. Мы теперь говоримъ, что моря соединяютъ народы, горы и степи раздѣляютъ ихъ; мы имѣемъ право говорить это, но съ ограниченіемъ. Когда извѣстный народъ вынужденъ преодолѣть свое отвращеніе къ

морю, тогда, разумѣется, оно становится посредникомъ между народами, соединителемъ ихъ; если же необходимости нѣтъ, то народъ и живущій на морскихъ берегахъ, не займется мореплаваніемъ, будетъ питать отвращеніе къ морю, и море раздѣляетъ народы точно также, какъ и степи раздѣляютъ ихъ. При одномъ и томъ же царѣ персы напали на Европу: въ Скиѳіи остановили ихъ степи, отъ Греціи отбило море.

Мараѳонская побѣда, несмотря на все ея значеніе, какъ первой побѣды европейскаго качества надъ азіатскимъ количествомъ, несмотря на все одушевленіе, какое она внесла въ побѣдоносный городъ, не спасала Аѳинъ и Греціи въ сознаніи лучшихъ ея людей; ибо надобно было ждать, что великій царь не замедлитъ наводнить маленькую страну своими полчищами, причемъ никакая храбрость и никакое искусство не помогутъ, какъ и доказали Термопилы. Великій человѣкъ указываетъ аѳинянамъ на море, требуетъ усиленія флота; оракулъ указываетъ на деревянныя стѣны, которыя должны спасти Аѳины, и Ѳемистоклъ толкуетъ, что эти деревянныя стѣны означаютъ корабли. Море начало́ свое дѣло, начало́ крушеніями персидскихъ кораблей уравнивать силы враговъ, по словамъ Геродота; аѳиняне покинули свой городъ, перебрались на корабли, и Саламинъ оправдалъ ихъ надежды на деревянныя стѣны; великій царь оставилъ злую страну, покинувъ свое войско на жертву разслабляющему чувству тяжести своего положенія въ далекой, потому что заморской странѣ, среди народа, страшнаго своимъ качествомъ, и качество во второй разъ восторжествовало надъ количествомъ, лишеннымъ нравственныхъ силъ, искусства, лишившимся и вождя въ началѣ битвы.

Аѳиняне, жители города, дважды истребленнаго врагомъ, дѣлаются главнымъ народомъ Греціи, благодаря морю, которое дало имъ такое важное значеніе, помогло такъ скоро возстановить и увеличить свои силы. Подобно Спартѣ, Аѳины, по условіямъ, господствовавшимъ въ Греціи, пролагаютъ путь къ своему могуществу посредствомъ союза, во главѣ котораго становятся, матеріальными силами котораго пользуются для своего блестящаго развитія. Но Спарта тутъ въ челѣ своего пелопоннезскаго союза; столкновеніе между ними было неизбѣжно. Борьбу между Аѳинами и Спартою можно раздѣлить на двѣ половины: до персидскихъ войнъ и послѣ нихъ, или такъ-называемую пелопоннезскую войну. Въ первую половину спартанцы чувствовали свою силу и цари ихъ отважно вводили войско въ Аттику, тѣмъ болѣе, что въ Аѳинахъ были преданные имъ люди; но послѣ персидскихъ войнъ обстоятельства перемѣнились: Аѳины стали сильнѣе, и въ Спартѣ медлятъ начатіемъ войны; Спарту торопятъ

союзники, которымъ страшно могущество Аѳинъ, стремленіе ихъ къ преобладанію и захвату; коринѳяне играютъ тутъ главную роль: по своему положенію между Пелопоннезомъ и Аттикою, между двумя самыми сильными республиками, они хотятъ поддержать свою самостоятельность и благосостояніе, не допуская до преобладанія ни Аѳинъ, ни Спарты. Мы видимъ, что въ первую половину борьбы коринѳяне не допускаютъ спартанцевъ до торжества надъ Аѳинами; теперь же, когда могущество Аѳинъ стало страшно, тѣже коринѳяне побуждаютъ спартанцевъ вооружиться противъ Аѳинъ.

Послѣ долгой борьбы Спарта восторжествовала; оракулъ воспретилъ побѣдителямъ воспользоваться своею побѣдою, разрушить падшій городъ: «не должно выкалывать у Греціи одного изъ двухъ глазъ», говорилъ оракулъ. Но у Греціи были повреждены уже оба глаза; и побѣдители и побѣжденные были одинаково истощены страшною борьбою, и это истощеніе ихъ вело Грецію къ паденію. Безсиліе побѣдительницы Спарты высказалось въ ея неудачной борьбѣ съ Ѳивами, которые сами обязаны были своимъ возвышеніемъ только личнымъ достоинствамъ Пелопида и Эпаминонда, послѣ которыхъ они возвращаются къ прежней незначительности. Мы видѣли, что послѣ троянской войны истощеніе силъ въ Греціи было восполнено приливомъ эллинскаго воинственнаго народонаселенія съ сѣвера, движеніе возобновилось и усилилось дорическимъ нашествіемъ. И теперь послѣ истощенія Греціи отъ пелопоннезской и другихъ междоусобныхъ войнъ происходитъ движеніе съ сѣвера, македонское движеніе, которое, повидимому, дало новое значеніе греческой жизни, собравши ея силы для наступательнаго движенія на Востокъ, имѣвшаго слѣдствіемъ разрушеніе персидской монархіи и господство европейскихъ аріевъ въ Азіи и Африкѣ: но это македонское движеніе было не чисто-греческое и происходило въ такихъ формахъ, отъ которыхъ давно отчуждилась Греція, оно происходило вслѣдствіе только личныхъ стремленій двухъ варварскихъ царей, усыновленныхъ греческой цивилизаціей; наконецъ, послѣ кратковременнаго македонскаго вліянія Греція явилась съ прежней слабостью. Мы въ другомъ мѣстѣ взглянемъ на подвигъ Александра Македонскаго и его слѣдствія; а теперь обратимся къ движенію греческой мысли и вліянію его на общество.

Мы видѣли, что греческое общество основалось на другихъ началахъ, чѣмъ общество восточное: въ основу общества восточнаго легло начало семейное или родовое, въ основу общества греческаго начало дружинное, товарищество. Въ огромныхъ монархіяхъ Востока цѣлое слишкомъ сильно давило на части

вслѣдствіе чего личность не могла развиться; цѣлое, единство преобладало, и превозмогалъ одинъ человѣкъ, представитель этого цѣлаго, этого единства; государство—это былъ онъ, одинъ человѣкъ, всѣ другіе были части цѣлаго, живою собственностію одного, рабами, частію, и даже не только частію, но и полною принадлежностію, имѣвшею одно съ нимъ существованіе, по приведенному выше выраженію Аристотеля. Но въ мелкихъ государствахъ Греціи, основанныхъ богатырскими дружинами, этого давленія цѣлаго на части быть не могло; вмѣсто впечатлѣнія единой силы, поднимавшейся надъ всѣми и предъ которою всѣ равно исчезали въ своемъ ничтожествѣ, являлось впечатлѣніе равенства многихъ силъ вслѣдствіе равенства многихъ вождей, собиравшихся для общаго предпріятія; подлѣ вождей толпа храбрыхъ товарищей, которыми силенъ и славенъ вождь, съ которыми онъ долженъ считаться. Идетъ движеніе безпрерывное, подвигъ совершается постоянно, въ ограниченной мѣстности, на виду у всѣхъ; человѣкъ личными достоинствами можетъ подняться высоко, герои включаются въ число боговъ; кромѣ борьбы настоящей, человѣкъ можетъ выказать свои достоинства на играхъ, куда собирается народъ изъ цѣлой Греціи, побѣдитель превозносится похвалами, получаетъ важное значеніе, побѣды на играхъ прокладываютъ дорогу къ побѣдамъ на другомъ поприщѣ; наконецъ, цари исчезаютъ, аристократія уступаетъ демократіи, и это даетъ новое побужденіе къ развитію личности указаніемъ каждому сильному личными средствами человѣку высшей цѣли, достиженія перваго мѣста въ государствѣ съ какимъ бы то ни было значеніемъ и именемъ или и безъ имени. Искусство, служа выраженіемъ народной жизни, является для того, чтобъ дать новую силу началамъ, уже обнаружившимся въ жизни. Мы говоримъ о значеніи Иліады для греческой жизни, поэмы, на которой воспитывались греки и содержаніемъ которой служило описаніе бѣдствій, происшедшихъ отъ бездѣйствія оскорбленнаго героя, не хотѣвшаго признать права сильнаго. Впослѣдствіи драматическія произведенія, къ которымъ были такъ страстны греки, воспитывали въ нихъ тоже чувство личной независимости. Эсхилъ выставилъ это чувство въ Прометеѣ, который не хотѣлъ преклониться предъ Юпитеромъ; Софоклъ пошелъ еще дальше: онъ оставилъ сферу боговъ, титановъ и героевъ, и выставилъ чувство независимости, непреклонность предъ силою въ слабой дѣвушкѣ, которая, не взирая ни на какія прещенія, исполняетъ то, что̀ считаетъ своимъ долгомъ. Иліада, Прометей и Антигона представляютъ самыя сильныя проявленія греческаго духа въ мірѣ искусства. Наконецъ, персидскія войны, эта знаменитая

борьба развитой личности, борьба качества съ подавляющимъ количествомъ опять могущественно содѣйствовала развитію личности, особенно у тѣхъ изъ грековъ, которые купили торжество съ наибольшими пожертвованіями, которые два раза видѣли истребленіе своего города, и потому могли такъ прометеевски отвѣчать персидскому вождю на его предложеніе отдѣльнаго мира.

Такимъ образомъ, въ Греціи, и преимущественно въ Аѳинахъ, все соединилось для того, чтобы дать личности самое сильное развитіе. Но извѣстное начало, пользуясь благопріятными условіями, стремится развиться до крайности; такъ и въ Греціи мы видимъ крайнее развитіе личности. Зло было понято, и греческая мысль выставила противодѣйствіе, но безуспѣшно: откуда же проистекла эта безуспѣшность?

Личность, при благопріятныхъ условіяхъ въ обществѣ для своего развитія, сдерживается въ своихъ крайнихъ стремленіяхъ нравственнымъ началомъ, которое тогда только сильно, когда находится въ связи съ началомъ религіознымъ. Но греческая религія не могла дать нравственно-крѣпкаго основанія. Грекъ, благодаря развитію своей жизни, освободился отъ азіатскаго представленія о божествѣ, какъ о гнетущей силѣ природы, которая дѣйствуетъ деспотически, предъ которою человѣкъ ничто, въ угоду которой женщина считаетъ обязанностью жертвовать своимъ стыдомъ, а мужчина—поломъ. Греческій антропоморфизмъ вноситъ на Олимпъ человѣческія отношенія, сдружаетъ человѣка съ божествомъ, приравниваетъ ихъ другъ къ другу; человѣкъ, благодаря геройству, поднимается до божества, но за то божество понижается; грекъ живетъ съ своими божествами слишкомъ по-товарищески, за панибрата; греческія божества—изящные люди, но не безгрѣшные, не внушающіе уваженія своею высокою нравственностію, и не требующіе въ этомъ отношеніи подражанія себѣ; у греческихъ боговъ дѣти на землѣ, слѣдовательно у нихъ здѣсь свои личные интересы, борьба за эти интересы, а подобныя отношенія, разумѣется, уничтожаютъ божественное, независимое положеніе. Восточные боги, какъ восточные деспоты, жили въ отдаленіи отъ простыхъ смертныхъ, окруженные обаяніемъ таинственности; даже египетское божество—животное сохраняло это обаяніе, ибо человѣкъ не могъ проникнуть во внутренній міръ таинственнаго существа. Грекъ нарушилъ обаяніе таинственности, вывелъ наружу всѣ олимпійскія проказы. Униженіе божества чрезъ приданіе ему человѣчности не въ высшихъ нравственныхъ, духовныхъ проявленіяхъ, естественно вело къ отрицанію такого божества, давало выходъ разлагающей силѣ мысли; а греки принадлежали къ тому племени, которое и въ от-

даленной Азіи, въ замкнутой и богатой Индіи, давящей духъ громадностью и роскошью природныхъ формъ, умѣло обнаружить дѣятельность мысли, не ограничиваясь переданными религіозными воззрѣніями. Тѣмъ болѣе эта дѣятельность должна была обнаружиться у грековъ при особыхъ условіяхъ ихъ исторической жизни, и прежде всего при условіи движенія, перемѣны политическихъ формъ. Греческій религіозный процессъ закончился гомеровскимъ временемъ; но греческая политическая жизнь продолжала развиваться; тѣ земныя отношенія, по которымъ образовались отношенія олимпійскія, измѣнились и естественно не могло быть сочувствія къ тому, что представляло уже прошедшее, отвергнутое, а между тѣмъ разлагающая сила мысли получала все большее и большее развитіе. Прежде всего греки, по своему положенію въ небольшой приморской странѣ, находящейся въ близкомъ разстояніи отъ Азіи и Африки, и волнуемой внутренними движеніями и столкновеніями народовъ, должны были выселяться, заводить колоніи, знакомиться со многими чуждыми народами. Это обстоятельство, расширявшее горизонтъ, сильно дѣйствовало на даровитое, живое, пытливое и впечатлительное племя, представителями котораго были поморцы іоняне, аѳиняне. Грекъ на Востокѣ встрѣчается съ богатою цивилизаціею, производящею сильное впечатлѣніе громадностію и особенно древностію своихъ памятниковъ; его вниманіе останавливается на религіи; язычникъ легко подчинялся чуждому вѣрованію, легко поклонялся чужому богу, потому что убѣжденіе въ единствѣ бога ему не препятствовало. Грекъ также съ уваженіемъ относился къ религіи чуждыхъ народовъ, но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе; онъ сильно развитъ вслѣдствіе движенія своей жизни, онъ привыкъ думать, привыкъ критически относиться къ такимъ явленіямъ, къ какимъ на Востокѣ критически не относились, какъ напримѣръ, къ политическимъ формамъ; разнообразіе этихъ формъ на маломъ пространствѣ Греціи дало ея жителямъ возможность сравнивать и разсуждать о достоинствѣ или недостоинствѣ той или другой формы, что̀, разумѣется, сильно развивало мыслительную способность и приготовило то философское настроеніе, которымъ отличаются греки: «Эллины премудрости ищутъ». Съ этимъ-то исканіемъ премудрости, съ этою-то развитою мыслительною способностью, съ привычкою критически относиться къ явленію, допросить, ка̀къ, что и почему, является грекъ на Востокѣ. Путешествующій грекъ мыслитель, мудрецъ представляетѣ намъ въ высшей степени любопытное явленіе. Привычка видѣть разнообразіе формъ народной жизни у себя тянетъ грека съ возбужденною мыслію дальше, посмотрѣть другіе народы, познакомиться съ другими формами жизни,

посравнить, найти сходство и отличіе, тогда какъ для восточнаго человѣка однообразіе политическихъ формъ необходимо уничтожало подобное стремленіе. Съ исканіемъ премудрости грекъ отнесся и къ религіямъ Востока, началъ сравнивать, находить общія черты съ своими, греческими вѣрованіями, искать одного общаго источника; здѣсь, какъ обыкновенно бываетъ, мысль останавливается прежде всего на заимствованіи; при видѣ двухъ одинакихъ явленій у разныхъ народовъ, первое, легчайшее объясненіе состоитъ въ томъ, что одинъ народъ заимствовалъ извѣстное вѣрованіе, обычай у другого; возвыситься до предположенія общихъ законовъ, производящихъ одинаковыя явленія всегда и повсюду, человѣкъ сначала не можетъ. Такимъ образомъ грекъ при объясненіи одинакихъ религіозныхъ воззрѣній, одинакихъ миѳовъ у разныхъ народовъ остановился на заимствованіи однимъ народомъ у другого. Младшій по происхожденію и по цивилизаціи народъ долженъ былъ заимствовать у старшаго, греки должны были заимствовать у восточныхъ народовъ, у послѣднихъ надобно доискаться источника. Уже одно убѣжденіе, что вѣрованія, въ которыхъ воспитался человѣкъ, заимствованы, чужія, ослабляетъ эти вѣрованія, дѣлая ихъ предметомъ изслѣдованія, заставляя слѣдить, какъ съ теченіемъ времени они измѣнялись, какъ къ древнѣйшимъ, заимствованнымъ присоздавались новыя. Мысль беретъ верхъ, чувство ослабляется. А тутъ еще новый ударъ. Пытливость влечетъ въ страну чудесныхъ памятниковъ древнѣйшей цивилизаціи, въ Египетъ, а здѣсь жрецы внушаютъ, что все заимствовано отъ нихъ, но чему вѣруетъ народъ, это только символы, что суть всего дѣла извѣстна имъ однимъ, жрецамъ, что пожалуй они скажутъ на ухо умному человѣку, который уже и безъ того подозрительно посматриваетъ на разные религіозные обычаи и обряды, но объявлять объ этихъ вещахъ всѣмъ безполезно и опасно, народъ должно держать въ невѣдѣніи, оставляя мудрость для посвященныхъ. Геродотъ представляетъ намъ образецъ грека, который, благодаря знакомству съ чужими религіями и внушеніямъ египетскихъ жрецовъ, относится скептически къ народнымъ вѣрованіямъ грековъ, древнѣйшія вѣрованія пелазговъ считаетъ заимствованными изъ Египта, и въ эллинскомъ Олимпѣ видитъ созданіе поэтовъ; онъ объясняетъ миѳы, говоритъ, что черные голуби додонскіе были двѣ иностранныя женщины, которыхъ чуждый языкъ могъ показаться языкомъ птичьимъ, ибо какъ въ самомъ дѣлѣ могло быть, чтобъ голубь издавалъ членораздѣльные звуки? и такъ какъ говорится, что голубь былъ черный, то это значитъ, что женщина была египтянка. Проговариваясь подобнымъ образомъ въ разныхъ случаяхъ, высказывая

свое свободное отношеніе къ религіознымъ преданіямъ, Геродотъ простодушно оговаривается, что о такихъ вещахъ не слѣдуетъ распространяться: «Еслибы я захотѣлъ сказать, почему египтяне воздаютъ животнымъ божескія почести, то я бы коснулся религіи и вещей божественныхъ; но я особенно избѣгаю такихъ разговоровъ, и если я кое-что такого сказалъ, то долженъ былъ сдѣлать это по необходимости».

Такимъ образомъ, сближеніе съ Востокомъ и его религіями наносило ударъ греческой религіи, эллинскому антропоморфизму, разлагало его. Но греческая мысль не могла остановиться на этомъ отрицаніи, на этомъ разложеніи, и вотъ среди азіатскихъ грековъ, на которыхъ восточныя воззрѣнія прежде всего подѣйствовали и у которыхъ, по ихъ страдательному политическому положенію, было болѣе возможности отрѣшаться отъ практической жизни, начинается такая же умственная работа, какую мы уже видѣли у арійцевъ въ Индіи, работа надъ объясненіемъ происхожденія міра. Народныя религіозныя воззрѣнія не стѣсняютъ этихъ мыслителей, онѣ не вѣрятъ въ олимпійцевъ, знаютъ, что эти народныя греческія вѣрованія суть искаженія первоначальной религіи, въ бóльшей чистотѣ сохранившейся на Востокѣ, и состоявшей въ поклоненіи силамъ природы; но что́ такое природа и ея силы, какъ произошли онѣ? Одни объявили, что все существующее произошло изъ влаги; что божества, въ которыя вѣритъ народъ, суть басни; божество есть душа вселенной, движущая сила вещей, отдѣльно отъ нихъ не существующая. Такимъ образомъ мы опять встрѣчаемся съ знакомымъ намъ брамаизмомъ или пантеизмомъ. По другимъ, это управляющее, божественное начало міра, противоположное матеріи, былъ воздухъ, какъ духъ; по инымъ, огонь, творческая, всепроникающая и всепоглощающая сила, которая преимущественно проявляется въ душѣ человѣческой; нѣкоторые указывали на происхожденіе міра изъ атомовъ, простыхъ, недѣлимыхъ первоначальныхъ тѣлъ, все существующее проникается тонкими огненными атомами, которыхъ всего болѣе находится въ человѣкѣ; по инымъ, первое движеніе атомамъ дано было высшею разумною силою, существующею отдѣльно отъ матеріи; иные принимали четыре основные элемента: огонь, воздухъ, землю и воду, которые приводятся въ движеніе двумя силами — любовію и ненавистію или борьбою; изъ соединенія и раздѣленія произошло все существующее.

Всѣ эти мнѣнія или ученія исходили отъ мудрецовъ или философовъ, которые провозглашали ихъ какъ произведенія сво-

бодной мысли лица, не давая имъ никакого религіознаго освященія, противополагая ихъ народной религіи, прямо вооружаясь противъ нихъ, провозглашая Гомера и Гезіода исказителями религіи, которые въ своихъ поэмахъ приписали богамъ то, что считается постыднымъ между людьми. Были попытки въ Южной Италіи или такъ-называемой Великой Греціи, дать одному изъ философскихъ ученій, именно Пиѳагорову, религіозное освященіе, составить орденъ изъ лучшихъ, образованнѣйшихъ людей, посвященныхъ въ тайны ученія, которые бы управляли непосвященною и потому презираемою толпою; но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Вообще же всѣ эти философскія ученія или мнѣнія были слѣдствіемъ сильнаго развитія личности въ Греціи и, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, въ свою очередь содѣйствовали сильнѣйшему ея развитію. Разрушеніе народныхъ религіозныхъ вѣрованій, произведенное философіею, которая на ихъ мѣсто не могла поставить ничего прочнаго, освященнаго, имѣвшаго всеобщій авторитетъ, дававшаго правило жизни, но породила множество разнородныхъ, спорныхъ мнѣній о важнѣйшихъ вопросахъ жизни, должно было естественно навести многихъ на мысль, что всеобщихъ истинъ нѣтъ, нѣтъ и общихъ нравственныхъ правилъ, сдерживающихъ каждаго человѣка и опредѣляющихъ его дѣятельность; слѣдовательно, каждый человѣкъ составляетъ отдѣльный, вполнѣ независимый міръ, имѣетъ свой собственный взглядъ на все и свои исключительныя личныя цѣли, достиженіе которыхъ есть главная его задача; объективной истины нѣтъ; истинно то, что отдѣльный человѣкъ въ извѣстное время считаетъ истиннымъ; средства отдѣльнаго человѣка составляютъ мѣрило всего; если средства отдѣльнаго человѣка велики въ сравненіи съ средствами другихъ людей, то онъ имѣетъ полное право стремиться къ господству надъ ними, къ тиранніи. Таковъ былъ необходимый результатъ, къ которому должно было придти крайнее развитіе личности въ Греціи, и преимущественно въ Аѳинахъ. Разумѣется, подобныя мнѣнія, какъ всякія мнѣнія, должны были распространиться между людьми мыслящими или такъ-называемыми образованными, способными останавливать свое вниманіе на высшихъ вопросахъ жизни, должны были распространиться между людьми, посвятившими себя наставленію, обученію другихъ, преимущественно въ ораторскомъ искусствѣ, которое такъ надобилось въ Греціи, и особенно въ Аѳинахъ. Такіе люди назывались софистами, отъ которыхъ изложенное ученіе и получило свое названіе. Но разрушительное вліяніе на общество такъ-называемаго софистиче-

скаго ученія вызвало противодѣйствіе, которое явилось изъ среды тѣхъ же софистовъ, т. е. людей, занимавшихся наставленіемъ другихъ. Сократъ, въ школѣ котораго обнаружилось это противодѣйствіе, являлся для современниковъ такимъ же софистомъ, какой выведенъ былъ и на сцену Аристофаномъ, несмотря на все стараніе его выдѣлиться изъ среды софистовъ ученіемъ и поведеніемъ: напримѣръ, онъ не бралъ денегъ за свое ученіе и не странствовалъ изъ города въ городъ, подобно другимъ знаменитымъ софистамъ. Противодѣйствуя господствующему между софистами ученію, Сократъ долженъ былъ вооружиться противъ доведеннаго до крайности развитія личности, т. е. долженъ былъ утверждать, что есть общія, непреложныя истины, есть нравственныя правила, обязательныя для всѣхъ, правила, безъ признанія и соблюденія которыхъ общество не можетъ существовать; онъ полагалъ различіе между «благочестіемъ и безбожіемъ, благородствомъ и неблагородствомъ, справедливостію и несправедливостію, храбростію и трусостію» и т. д., разсматривалъ все это независимо, признавая въ каждомъ человѣкѣ врожденную способность дойти до правильнаго различенія всего этого, при хорошемъ руководствѣ, тогда какъ въ господствующемъ между софистами ученіи все это смѣшивалось, могло переходить одно въ другое, смотря по обстоятельствамъ, и въ человѣкѣ не признавалась способность различенія хорошаго отъ дурного независимо отъ его непосредственнаго чувства. Послѣдователь такъ-называемаго ученія софистовъ говорилъ: «Въ большинствѣ вещей природа и законъ находятся въ противоположномъ отношеніи другъ къ другу; по природѣ хуже всего претерпѣть несправедливость, а по закону хуже всего сдѣлать несправедливость. Претерпѣть несправедливость отъ другого недостойно свободнаго человѣка; несправедливость можетъ снести только рабъ, которому лучше умереть, чѣмъ жить, ибо, претерпѣвая несправедливости и оскорбленія, онъ не въ состояніи защитить себя и тѣхъ, кого любитъ. Законы—произведеніе людей слабыхъ личными средствами, но многочисленнѣйшихъ; постановляя законы, они думали только о себѣ, о своихъ интересахъ; чтобъ напугать людей сильныхъ личными средствами, которые могли бы пріобрѣсти власть надъ другими, они говорятъ, что преимущество есть вещь нехорошая и несправедливая, и что человѣкъ, стремящійся къ могуществу, поступаетъ несправедливо; по своей слабости они стремятся къ равенству. Такимъ образомъ, по закону несправедливо пріобрѣтать власть надъ другими; но по природѣ справедливо, чтобъ лучшій и сильнѣйшій имѣлъ болѣе, чѣмъ худшій и слабѣйшій.

Мы беремъ съ дѣтства лучшихъ и сильнѣйшихъ между нами, образуемъ ихъ и укрощаемъ, какъ львятъ, внушаемъ имъ, что надобно чтить равенство, и что въ этомъ заключается прекрасное и справедливое. Но какъ скоро явится человѣкъ съ могущественною природою, разобьетъ онъ всѣ эти оковы, потопчетъ ногами наши писанія, наши законы, противные природѣ, и возвысится надъ всѣми какъ господинъ, онъ, котораго мы сдѣлали рабомъ, — тогда-то возсіяетъ справедливость по закону природы. Для счастія жизни нужно разнуздывать свои страсти, а не сдерживать ихъ, и, посредствомъ своего мужества и ловкости, быть въ состояніи удовлетворять имъ. Большинство людей не въ состояніи этого сдѣлать, и поэтому-то они осуждаютъ тѣхъ, которые этого достигнуть могутъ. Они говорятъ, что неумѣренность есть вещь дурная, сковываютъ людей, имѣющихъ лучшую природу, и, не будучи въ состояніи удовлетворять своимъ страстямъ, воспѣваютъ умѣренность и справедливость. А для тѣхъ, которые имѣли счастіе родиться въ семействахъ царскихъ, или которые отъ природы получили способность сдѣлаться вождями, тираннами или царями, — для такихъ что̀ можетъ быть постыднѣе и вреднѣе умѣренности? Тогда какъ они могутъ безпрепятственно наслаждаться всѣми благами жизни, неужели сами свяжутъ себя законами, сужденіями и порицаніями толпы?»

Сократъ и его ученики именно хотѣли овладѣть львенкомъ, укротить разнуздавшуюся личность, которая, опираясь на природу, грозила разрушеніемъ обществу. Софисты поставили вопросъ о противоположности между природою и закономъ, т. е. между стремленіями отдѣльнаго лица и стремленіями общества, вопросъ, который вызоветъ знаменитый отвѣтъ, что человѣкъ есть животное общественное, что общество условливается природою человѣка, и потому природа не можетъ находиться въ противоположности съ закономъ. Вслѣдствіе крайняго развитія личности и ея неумѣренныхъ требованій, высказанныхъ софистами, поставленъ былъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу, великій вопросъ, который находится на первомъ планѣ въ исторіи человѣчества. Вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія его мы не можемъ ждать на землѣ при сознаніи несовершенства всякаго дѣла человѣческаго, сознаніи, горечь котораго подслащиваютъ указаніемъ на безконечность развитія, хотя и не всѣ могутъ удовлетвориться этимъ подслащиваніемъ. Мы можемъ только наблюдать, какъ и гдѣ вопросъ рѣшался болѣе или менѣе удовлетворительно. Мы должны признать за греческими мыслителями заслугу постановки вопроса,

причемъ они сейчасъ же и принялись за его рѣшеніе; но сколько-нибудь удовлетворительнаго рѣшенія его мы ожидать не въ правѣ, потому что мы присутствуемъ здѣсь при борьбѣ мнѣній и направленій, причемъ одно направленіе, доведенное до крайности, вызывало реакцію. Реакція крайнему развитію личности, выразившемуся въ ученіи софистовъ, высказалась въ ученіи сократовой школы. Въ политическомъ устройствѣ, предложенномъ этою школою, дуга была перегнута въ противоположную сторону; желая противодѣйствовать крайнему развитію личности, перешли должныя границы и не признали правъ личности, слишкомъ стѣснили ее въ пользу общества; на человѣка взглянули, какъ на несовершеннолѣтняго, неспособнаго имѣть семейство и собственность, и устроили общество, какъ школу съ учителемъ, философомъ въ челѣ управленія. Понятно, что это устройство, предложенное знаменитымъ ученикомъ Сократа, должно было остаться въ числѣ утопій; но мысль о подобномъ устройствѣ не умираетъ, а заявляетъ себя всякій разъ, когда умъ человѣческій, истомленный трудностію задачи опредѣлить сколько-нибудь правильно отношенія отдѣльнаго лица къ обществу, прибѣгаетъ къ отчаяннымъ средствамъ выйти изъ затрудненія. Человѣкъ, по природѣ своей, долженъ жить въ обществѣ, но вступая въ связь съ другими людьми, онъ необходимо долженъ поступиться частію своей свободы, частію своихъ правъ въ пользу другихъ, въ пользу общества. Но сколько онъ долженъ уступить и сколько оставить за собою для сохраненія равновѣсія между личностію и обществомъ — въ этомъ весь вопросъ. Софисты говорили, что человѣкъ не долженъ ничего уступать обществу; если онъ родился львомъ въ сравненіи съ другими, то и долженъ брать львиную часть, не дѣлясь съ другими, слабѣйшими; Сократъ и его ученики, вооружаясь противъ этого ученія, заставили человѣка уступить слишкомъ много, заставили его идти въ кабалу къ обществу за обезпеченное содержаніе. Эта обезпеченность содержанія такъ привлекательна, что въ обществахъ неразвитыхъ заставляла свободнаго человѣка продаваться въ рабство, идти въ кабалу, въ обществахъ же развитыхъ, гдѣ рабство человѣка другому человѣку уже немыслимо, заставляетъ мечтать о рабствѣ, болѣе благовидномъ, рабствѣ обществу. При опредѣленіи отношеній отдѣльнаго лица къ обществу не должно упускать изъ виду, что для благосостоянія этого общества права личности должны быть строго охранены, чтобъ отдѣльное лицо, ведя общественную жизнь, служа обществу, сохраняло при этомъ свою самостоятельность, свой отдѣльный, не-

зависимый міръ. Для этого три средства, три, такъ сказать, зàмка или крѣпости, которыя защищаютъ свободу и самостоятельность отдѣльнаго лица: это религія, семейство и собственность. Религія поддерживаетъ въ человѣкѣ сознаніе своего нравственнаго достоинства, не дозволяя ему уступать несправедливымъ требованіямъ общества, ставя передъ нимъ высшій міръ, высшій судъ, къ которому онъ аппеллируетъ, будучи недоволенъ земною неправдою; вѣра въ духовное начало, въ личное безсмертіе даетъ человѣку свободный, самостоятельный, царственный взглядъ на общественныя отношенія, заставляетъ его требовать только такого опредѣленія ихъ, какое согласно съ человѣческимъ достоинствомъ, не позволяетъ рабствовать предъ земною силою. Семейство есть самостоятельное общество въ обществѣ, необходимое для поддержанія въ человѣкѣ его самостоятельности: въ это убѣжище стремится онъ отъ порабощенія и поглощенія, которымъ грозитъ ему общество, если онъ постоянно пребываетъ въ немъ; здѣсь онъ дышетъ свободно, чувствуя себя не частію огромнаго цѣлаго, въ которомъ онъ исчезаетъ, не колесомъ, не винтомъ въ машинѣ, но существомъ самостоятельнымъ, центромъ особаго міра, здѣсь онъ *самъ*, по русскому народному выраженію. Въ обществахъ неразвитыхъ семейство имѣетъ уже слишкомъ большое значеніе; здѣсь оно слишкомъ обширно, развиваясь въ родъ, который заслоняетъ для человѣка общество, съуживаетъ сферу его дѣятельности, его отношеній и сдерживаетъ развитіе его силъ. Общество, развиваясь, тѣснитъ родъ, обрываетъ его, переводитъ обязанности человѣка къ роду на обязанности къ себѣ; все это очень хорошо; но есть предѣлъ развитію общества въ этомъ отношеніи; горе ему, если оно захочетъ перейти законную грань, и нарушить святыню семейства. Что касается отдѣльной собственности, то она неразрывно связана съ семействомъ и вмѣстѣ съ нимъ поддерживаетъ самостоятельность человѣка, давая ему сильное побужденіе къ дѣятельности въ возможности располагать результатами этой дѣятельности. Семейство и собственность будутъ всегда отличіемъ совершеннолѣтняго человѣка, и стремленіе отнять семейство и собственность будетъ всегда противно человѣку, какъ стремленіе низвести его изъ совершеннолѣтія въ положеніе недоросля, школьника. Сократова школа въ своемъ политическомъ ученіи перешла законную грань: стремясь сдержать безграничное развитіе личности, въ пылу спора съ поборниками этого развитія, она не замѣтила, какъ вмѣсто сдержки провозгласила порабощеніе личности; въ республикѣ Платона нѣтъ ни семейства, ни

собственности. Но Платонъ имѣетъ дѣло съ одними воинами, и тѣмъ даетъ знать, что при построеніи своей республики онъ имѣлъ въ виду военное братство, лагерь или казацкій кошъ, называвшійся Спартою. Философъ предполагалъ и уравненіе половъ, указывая на собакъ, у которыхъ и самцы и самки одинаково пригодны на охотѣ и для охраненія стада. Философъ забылъ, что человѣкъ не собака, что онъ подчиняется закону развитія, по которому различіе половъ необходимо предполагаетъ раздѣленіе занятій.

Въ исторіи Греціи и преимущественно Аѳинъ Сократова школа имѣетъ то значеніе, что въ ней высказалась реакція національному направленію, которое состояло именно въ развитіи личности. Въ этомъ отношеніи греческая жизнь представляла противоположность жизни восточной: на Востокѣ человѣкъ не сознавалъ своей личности относительно божества, и при всѣхъ усиліяхъ мысли рѣшить вопросы о происхожденіи сущаго, о происхожденіи добра и зла, кончилъ тѣмъ, что отрекся отъ личнаго существованія какъ ложнаго, и поставилъ цѣлію жизни—прекращеніе его, сліяніе частицы съ цѣлымъ. Это восточное представленіе о человѣкѣ, какъ о части цѣлаго, о собственности, о рабѣ (мы видѣли связь этихъ представленій у Аристотеля), господствовавшее въ религіи, господствовало и въ мірѣ политическомъ: и здѣсь человѣкъ является частію цѣлаго, собственностію, рабомъ, а это цѣлое, государство, было олицетворено, воплощено въ одномъ человѣкѣ; то стремленіе, которое высказывалось въ знаменитыхъ словахъ: «государство — это я», было на Востокѣ осуществлено. Панархизмъ соотвѣтствуетъ пантеизму—и оба убиваютъ личность; поэтому Гоббесъ, проводившій всюду панархическій взглядъ, совершенно послѣдовательно говорилъ, что государь не есть глава государственнаго тѣла, а душа его; точно такъ и въ пантеизмѣ божество есть душа вселенной, неразрывно съ нею связанная; начало свободныхъ отношеній въ отдѣленіи. Слабость движенія, подвига, родовой бытъ (соединеніе управляемыхъ по Аристотелю) и обширность государствъ, недопускающая народонаселеніе до общей дѣятельности, требующая внѣшней силы для соединенія разбросаннаго на обширныхъ пространствахъ народонаселенія для общихъ цѣлей — суть главныя условія утвержденія такого порядка вещей на Востокѣ. Въ Греціи сильное и продолжительное движеніе, развившее личныя силы, дружинная форма, въ какой это движеніе совершалось и раздробленность небольшой приморской страны высвободили отрасль сильнаго, даровитаго племени изъ азіатскихъ формъ жизни, пред-

ставили благопріятныя условія для развитія личности, и вотъ греческая исторія представляетъ намъ это постепенное развитіе, представляетъ и то обычное въ человѣческой дѣятельности явленіе, что начало, долго сдерживаемое, разнуздавшись, перешло должные предѣлы и вызвало реакцію. Реакція высказывалась съ одной стороны въ аристократическомъ стремленіи, тѣсно связанномъ съ спартанофильствомъ, ибо въ спартанскомъ устройствѣ личность была сдержана строгимъ подчиненіемъ, рабствовала государству, тогда какъ развитіе личности въ Аѳинахъ было тѣсно связано съ демократическимъ движеніемъ. Съ другой стороны, реакція явилась въ области мысли, высказалась именно въ Сократовомъ ученіи. Это ученіе не могло имѣть важнаго вліянія на ходъ греческой жизни, во-первыхъ уже потому, что оно не было прямо политическимъ ученіемъ, не было достояніемъ сильной политической партіи. Основатель ученія погибъ, какъ врагъ господствовавшаго въ Аѳинахъ демократическаго направленія, которое взяло снова силу послѣ сверженія аристократическаго правительства, поддерживавшагося Спартою; онъ погибъ какъ врагъ народной религіи. Ученіе Сократа, именно какъ философское ученіе, не могло удержать Аѳинъ и вообще Грецію отъ паденія. Философское ученіе не можетъ пересоздать общество, вдохнуть въ него новыя нравственныя силы: оно есть достояніе немногихъ; оно получаетъ свой авторитетъ отъ силы личнаго ума, а сколько головъ, столько и умовъ, говоритъ народная пословица (отъ этого же воззрѣнія отправились и софисты); здѣсь различіе мнѣній и споры ведутъ естественно къ знаменитому вопросу Пилата: «что̀ есть истина?» а при существованіи такого вопроса нѣтъ успокоенія для общества, нѣтъ горячихъ убѣжденій, въ горнилѣ которыхъ выковываются крѣпкія формы и отношенія; для этого нужно было древнему міру ученіе съ высшимъ авторитетомъ, для всѣхъ одинаково обязательное, ученіе религіозное, для этого нужно горячее чувство, чувство религіозное *).

---

*) Трудно и даже нельзя не согласиться съ нашимъ почтеннымъ историкомъ въ высказанномъ имъ взглядѣ на эпоху паденія древняго, классическаго міра и его представительницы — Греціи. Древняя цивилизація, выразившаяся въ произведеніяхъ ея философовъ, поэтовъ, историковъ, оказалась безсильною, чтобы спасти свое общество; нужно было ученіе, которое стало бы ближе къ человѣку и его нуждамъ, доступное не одной какой-нибудь школѣ, но народнымъ массамъ. Если же классическая литература, классическая философія оказались безсильными воспитательными началами даже у себя дома, на родной почвѣ, то какъ понять то общеобразовательное значеніе, какое хотятъ придать классической литературѣ въ наше время! Мы понимаемъ, какъ плодотворно высшее изученіе классическаго міра и его судебъ для

Греки, для которыхъ прежнія религіозныя вѣрованія были разбиты философіею, но которые не нашли необходимаго для человѣка рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ въ философской разноголосицѣ, не нашли успокоенія, обратились къ мистеріямъ, основаніемъ которыхъ служила древняя пелазгическая религія, уцѣлѣвшая подлѣ новой эллинской; послѣдняя теперь разрушалась въ свою очередь, и тѣмъ давала силу и значеніе старой; одряхлявшее общество обращалось къ вѣрованіямъ своего дѣтства, думая, что они въ состояніи вдохнуть въ него свѣжія силы; искало этого возстановленія силъ и прямого соединенія съ божествомъ посредствомъ религіозныхъ восторговъ, экстазовъ; но ничто не помогало: старикъ не молодѣлъ. Греція пала вслѣдствіе истощенія матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

С. Соловьевъ.

человѣка, посвящающаго всю жизнь на научныя изслѣдованія этого міра; мы вполнѣ понимаемъ и даже сочувствуемъ Ауэрбаховскому Эйнзиделю, но мы также понимаемъ причину, почему нѣмецкій писатель, какъ Ауэрбахъ, не обставилъ своего Роланда, молодое поколѣніе Германіи, греческими и латинскими букварями, а построилъ его воспитаніе совсѣмъ на другихъ началахъ. Въ одной московской газетѣ имѣли наивность упрекнуть насъ, что мы непослѣдовательны и въ одно и тоже время возстаемъ противъ исключительности классическаго образованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ печатаемъ романъ Ауэрбаха, гдѣ выведенъ такой почтенный классикъ, какъ Эйнзидель. Но, во 1-хъ) Эйнзидель, дѣйствительно, трудился *самъ* надъ разъясненіемъ судебъ классическаго міра — трудъ великій и благодарный — а не издавалъ никакой газеты; и во 2-хъ) нѣмецкій писатель представилъ идеалъ педагога не въ Эйнзиделѣ, а въ Эрихѣ, характеръ котораго слишкомъ хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ, и они сами знаютъ все его различіе отъ Эйнзиделя. Въ системѣ Эриха олицетворяется тоже вышеупомянутое стремленіе стать ближе къ человѣку, къ его житейскимъ нуждамъ, и приготовить юношу не для школы, а для дѣйствительной жизни. Пусть эта замѣтка послужитъ разъясненіемъ дѣла для тѣхъ, кого могла ввести въ заблужденіе та московская газета, о которой мы только-что упомянули. Выскажемъ коротко тотъ взглядъ на классицизмъ, который мы старались всегда проводить: мы желаемъ нашему, русскому обществу, какъ можно болѣе ученыхъ, которые посвящали бы себя на изученіе древняго міра, и какъ можно менѣе учащихся склоненіямъ и спряженіямъ классическихъ языковъ. Намъ скажутъ: откуда же выйдутъ эти ученые, если не будетъ для нихъ школъ? А мы спросимъ: откуда выходятъ ученые знатоки санскритскаго языка, еврейскаго и т. д., между тѣмъ какъ этимъ языкамъ не обучаютъ въ школахъ для малолѣтныхъ? — *Ред.*

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(*Окончаніе.*)

ГЛАВА IX*).

НЕДОУМѢНІЕ МУЖЧИНЪ И ПРИГОВОРЪ ЖЕНЩИНЫ.

Еслибъ могъ кто видѣть выраженіе лицъ судей въ теченіи разсказа Зонненкампа!

Когда онъ удалился, всѣ еще долго сидѣли молча.

Вейдеманъ спокойно озирался вокругъ. Его прекрасные голубые глаза ни мало не утратили своей обычной ясности. Онъ даже нисколько не казался удивленнымъ.

Маіоръ, напротивъ, былъ сильно взволнованъ. Изъ глубины души его поднялось воспоминаніе о собственной, всѣми покинутой юности, и онъ, крѣпко сжимая руки, думалъ:

— Кто знаетъ.... вѣдь и я могъ бы сдѣлаться такимъ же!

Пораженный дерзкой рѣчью Зонненкампа и встревоженный собственными грустными воспоминаніями, добрый старикъ почти не могъ удержаться отъ слезъ. Утирая платкомъ выступившій у него на лбу потъ, онъ изловчился въ тоже время незамѣтнымъ образомъ вытереть себѣ глаза. Ему сильно хотѣлось броситься вслѣдъ за Зонненкампомъ, обнять его и сказать ему: «братъ, ты былъ дурной братъ, но теперь сдѣлаешься хорошимъ братомъ: я знаю, ты самъ этого желаешь». Но бѣдный маіоръ не рѣ-

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь 473; іюль 5; авг. 447; сент. 447; окт. 471; ноябрь 5 стр.

шился дать воли движенію своего сердца. Онъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на всѣхъ присутствующихъ, ожидая чтобъ кто-нибудь заговорилъ. Встрѣтясь взглядомъ съ профессоромъ Эйнзиделемъ, онъ кивнулъ ему головой, точно желая сказать: «ты вѣрно ни въ одной изъ твоихъ книгъ не читалъ ничего подобнаго. Страшно подумать, до чего можетъ дойти человѣкъ! Но я вижу, ты не менѣе моего пораженъ».

Докторъ первый рѣшился заговорить, и обращаясь къ Клодвигу, громко сказалъ:

— Надъ нами отличнѣйшимъ образомъ пасмѣялись. Непреднамѣреннаго преступника, дѣйствующаго подъ вліяніемъ страсти, еще можно надѣяться обратить на истинный путь, но хладнокровнаго и закоренѣлаго—никогда!

— Несмотря на все мое негодованіе и на весь мой ужасъ, возразилъ Клодвигъ, я не могу не удивляться смѣлости, съ какой онъ изобличалъ царствующую въ свѣтѣ ложь. О!

У него пересохло во рту, и онъ съ трудомъ произносилъ слова. Замѣтивъ по чрезвычайно подвижной физіономіи банкира, что тотъ желалъ, но не рѣшался говорить, Клодвигъ прибавилъ:

— Я вижу, вы хотите что-то сказать. Пожалуйста говорите.

Банкиръ сильно покраснѣлъ, но не отказался.

— Да, сказалъ онъ, но я не стану распространяться о впечатлѣніи, какое произвелъ на меня разсказъ этого человѣка. Замѣчу только, что особенности его и преувеличенія, по моему мнѣнію, проистекаютъ изъ чувства оскорбленнаго самолюбія, которое легко возбуждается въ человѣкѣ при постоянно оказываемомъ ему пренебреженіи. А въ проступкахъ и грѣхахъ, источникъ которыхъ заключается въ всеобщемъ пренебреженіи, никто, я полагаю, не можетъ быть лучшимъ, то-есть болѣе кроткимъ судьей, чѣмъ еврей. Пренебреженіе дѣлаетъ человѣка раздражительнымъ, злымъ, и возбуждаетъ въ немъ жажду мести. Надо совсѣмъ исключительную натуру, чтобъ она подъ вліяніемъ оскорбленія ушла въ себя и заключилась въ кротость и терпѣніе.

Докторъ, вполнѣ уважая образъ мыслей банкира, счелъ однако въ настоящую минуту неумѣстнымъ дальнѣйшее развитіе поднятаго имъ вопроса и поспѣшилъ приступить прямо къ самой сущности дѣла, для котораго они всѣ здѣсь собрались.

— Имѣете вы предложить какое-нибудь искупленіе, или наказаніе? спросилъ онъ.

— Я ничего другого не могу предложить, началъ банкиръ, какъ только по возможности оградить дѣтей отъ вліянія подобнаго отца. Но мы должны позаботиться, чтобъ не оскорбить дѣтей, и потому это слѣдуетъ сдѣлать какъ можно осторожнѣе.

— Мы, нѣмцы, живо заговорилъ докторъ, всегда и вѣчно останемся школярами. Этотъ ожесточенный злодѣй Зонненкампъ туда-же лѣзетъ поучать. Онъ выдаетъ свою злость за мудрость, старается логически доказать, что всѣ виноваты, а онъ одинъ правъ, и вдобавокъ еще насмѣшливо украшаетъ свой цинизмъ подобіемъ какихъ-то идей.

— Изгнаніе, началъ профессоръ Эйнзидель, единственное средство, къ которому мы, подобно древнимъ, должны бы были прибѣгать для наказанія людей, насмѣявшихся надъ благами, какія предлагаетъ человѣку образованный міръ. Но къ сожалѣнію теперь нѣтъ страны, посылая куда изгнанника, мы знали бы, что онъ тамъ не встрѣтитъ никакихъ слѣдовъ цивилизаціи и тѣмъ самымъ жестоко искупитъ свои преступленія.

Профессоръ Эйнзидель, повидимому, былъ не прочь пустить въ ходъ свои познанія въ исторіи невольничества и сообщить своимъ слушателямъ, что греки, напримѣръ, вовсе не считали нужнымъ обращать вниманіе на тягостное положеніе своихъ рабовъ. Но докторъ поспѣшилъ положить ему на плечо руку, точно желая сказать:

«Оставимъ это до другого раза».

Профессоръ въ знакъ согласія кивнулъ ему головой.

— Какое бы наказаніе мы на него ни наложили, замѣтилъ князь Валеріанъ, оно непремѣнно обратится на его дѣтей. Это обстоятельство, какъ твердый щитъ, прикрываетъ его отъ всѣхъ соображеній, какія намъ можетъ внушить чувство справедливости.

Настало продолжительное молчаніе.

— Но тѣмъ не менѣе мы должны же на чемъ-нибудь остановиться, воскликнулъ Вейдеманъ. Я предлагаю на семь дней отложить окончательное рѣшеніе приговора. Черезъ недѣлю мы всѣ снова здѣсь соберемся и тогда постараемся прибѣгнуть къ взаимному соглашенію въ нашихъ мнѣніяхъ. На насъ лежитъ обязанность придумать что-нибудь такое, что̀, служа искупленіемъ виновному, ни мало не заставляло бы страдать невинныхъ.

Маіоръ, задыхаясь отъ волненія, умолялъ всѣхъ собранныхъ здѣсь еще не расходиться. «Мы еще ничего не порѣшили», говорилъ онъ, и выражалъ опасенія, что самъ, безъ посторонней помощи, врядъ ли съумѣетъ что-нибудь придумать. Ему сильно хотѣлось спросить, не можетъ ли онъ посовѣтоваться съ фрейленъ Милькъ: та непремѣнно вывела бы его изъ затрудненія и надоумила бы, какъ лучше поступить. Но потомъ онъ разсудилъ, что въ судѣ такого рода всякій долженъ самъ за себя рѣшать.

Маіоръ, въ тревогѣ, то въ ту, то въ другую сторону ворочалъ

голову, которая въ эту минуту казалась ему слишкомъ тяжелой для его плечъ.

Но все остальное общество спѣшило выдти изъ тягостнаго положенія, въ которое было такъ неожиданно поставлено.

— Я объявляю совѣщаніе оконченнымъ, громко произнесъ Вейдеманъ.

Всѣ мгновенно поднялись, радуясь своему освобожденію, и охотно устремились бы на открытый воздухъ, но къ сожалѣнію шелъ дождь и на садовыхъ дорожкахъ образовались цѣлыя ручьи и озера. Общество перешло въ большую залу.

— А что̀, господа, началъ ловчій, какъ вы думаете, еслибъ мы присудили господина Зонненкампа вернуться туда, откуда онъ пріѣхалъ и самому продать себя въ неволю?

Всѣ молчали, и Клаусъ робко прибавилъ:

— Не знаю, годится ли эта мѣра, но все-таки она служила бы ему наказаніемъ.

Вейдеманъ объяснилъ ему, что бѣлые не могутъ быть невольниками.

— Этотъ Зонненкампъ, сказалъ Клодвигъ съ дрожащими губами и обращаясь къ Эриху, не что иное какъ жертва разлада, составляющаго отличительную черту нашего времени. У современнаго человѣчества не чиста совѣсть: оно сознаётъ свою собственную несостоятельность и въ тревогѣ туда и сюда мечется. Отдѣльная личность этого человѣка, который скитается по свѣту и, бродя во мракѣ порока, нигдѣ не находитъ себѣ точки опоры, служитъ выраженіемъ безпорядочныхъ стремленій нашего вѣка. Ахъ, мнѣ дурно, мнѣ тяжело, я боленъ!

Клодвигъ, все жалуясь на нездоровье, просилъ доктора поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Вольфсгартенъ. Но въ ту самую минуту, какъ докторъ собирался сѣсть въ экипажъ, его потребовали къ Церерѣ.

Немного спустя, явился Іозефъ съ извѣстіемъ, что докторъ Рихардтъ не можетъ оставить госпожу Зонненкампъ.

Съ Церерой сдѣлался точно припадокъ бѣшенства, въ которомъ она задушила своего попугая, и била и ломала все, что̀ ни попадалось ей подъ руку.

Докторъ пустилъ ей кровь, и хотя та потекла медленно и темной струей, больная тѣмъ неменѣе успокоилась.

Зонненкампъ, узнавъ о всемъ случившемся, по прежнему спокойно оставался въ своей комнатѣ.

Докторъ вторично послалъ сказать Клодвигу, чтобъ онъ лучше переночевалъ здѣсь на виллѣ. Дождь лилъ потоками, и Рейнъ

начиналъ выходить изъ береговъ. Но Клодвигъ настоялъ на томъ, чтобъ ему ѣхать домой.

Тогда докторъ пришелъ самъ и просилъ банкира сопровождать графа въ Вольфсгартенъ. Клодвигъ подтвердилъ просьбу доктора.

Банкиръ охотно согласился, только сказалъ, что прежде отлучится въ сосѣдній городокъ и отправитъ оттуда своей семьѣ телеграмму, съ извѣщеніемъ, чтобъ его не ждали домой до тѣхъ поръ, пока не получатъ отъ него новыхъ извѣстій.

Белла, между тѣмъ, ушла въ виноградный домикъ и разсыпалась тамъ въ любезностяхъ передъ тетушкой Клавдіей и Линой. Она однако не могла удержаться отъ рѣзкихъ замѣчаній на счетъ профессорши и Манны, которыя рѣшились уѣхать изъ дому въ такую тяжелую для его хозяина минуту.

Немного спустя, съ виллы пришелъ лакей объявить, что графъ желаетъ немедленно ѣхать домой.

— Я не хочу и не поѣду! громко воскликнула Белла и топнула ногой.

— Но вслѣдъ затѣмъ она, какъ бы спохватилась и быстро проговорила:

— Хорошо, пусть онъ сюда за мной заѣдетъ.

Экипажъ съ графомъ не замедлилъ подкатить къ виноградному домику. Клодвигъ не вышелъ, но сидѣлъ прижавшись въ углу и дрожа отъ холода. Белла помѣстилась рядомъ съ нимъ.

— Отчего ты у меня не спрашиваешь, что̀ со мной? тихо проговорилъ онъ.

Белла молчала. Въ ней происходила жестокая борьба.

— Стыдъ и позоръ на всѣхъ васъ! вдругъ громко воскликнула она.—Что̀ вы такое въ сравненіи съ этимъ человѣкомъ. Онъ одинъ заслуживаетъ названія мужчины. Въ немъ сила и смѣлость, а вы всѣ слабоумные трусы. Ахъ, еслибъ такой человѣкъ....

— Что? Еслибъ такой человѣкъ?...

— Не спрашивай меня ни о чемъ болѣе.... Вѣдь я ѣду съ тобою домой.... домой.... Ты вправѣ приказывать, чего жъ тебѣ еще? Нѣтъ, нѣтъ, ни слова болѣе не говори.... ни слова, а не то я, позабывъ все на свѣтѣ, не обращая вниманія на дождь и бурю, выскочу изъ кареты и побѣгу.... побѣгу.... сама не знаю куда. Я больше не хочу жить въ неволѣ. Мнѣ опротивѣлъ вашъ жалкій, отсталый, самодовольный, чванный, хвастливый, мнимосвободный, преисполненный претензій на гуманность свѣтъ.

— Что̀ ты говоришь, жена? Свѣтъ и дуренъ, и хорошъ....

— Ха, ха! и дуренъ, и хорошъ! Это костыли, на которые, вы, не находя точки опоры въ самихъ себѣ, вѣчно опираетесь. Сила

и отвага, стойкость, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ—вотъ настоящія качества мужчины. Будьте чѣмъ хотите, только не сантиментальничайте и не прячьтесь ежеминутно за гуманность. Мужчинѣ, не вылитому изъ желѣза, слѣдовало бы быть женщиной.... или нѣтъ, монахиней. Да, вы всѣ не что иное, какъ монахини, которые молитесь на гуманность.... Ну, есть ли въ томъ смыслъ. Еврей и атеистъ, подобный капитану Дорнэ, призываются судить такого человѣка какъ Зонненкампъ! А впрочемъ, надо сказать правду, атеисты—единственные послѣдовательные демократы. Все и всѣ равны, высшія натуры не существуютъ, самого Бога нѣтъ!... Вотъ вы каковы: слабые, малодушные трусы и лѣнтяи. Онъ одинъ заслуживаетъ названія человѣка, и какая для васъ честь, что онъ согласился говорить передъ вами! Ни одинъ изъ васъ не стòитъ его. Вы всѣ рабы, со страхомъ и трепетомъ преклоняющіеся передъ Жанъ-Жакомъ Руссо, этимъ глупцомъ, проповѣдывавшимъ равенство. Теперь наступаетъ важная минута, которая должна рѣшить вопросъ: тонуть ли міру въ этомъ морѣ всеобщаго равенства, или все болѣе и болѣе возвышаться въ лицѣ избранныхъ натуръ. Ваше дѣло было бы теперь ѣхать за море съ тѣмъ, чтобъ принять тамъ участіе въ начинающейся борьбѣ, но гдѣ вамъ! Для васъ дворянство не болѣе, какъ изящный нарядъ. Южные Штаты зашевелились: если они падутъ въ борьбѣ, вмѣстѣ съ ними умретъ и аристократія. Всѣ вы тогда ножницами равенства будете подстрижены подъ одну мѣрку и одинъ ростъ. Что жъ ты не позовешь сюда твоего брата кучера? Какъ это ты позволяешь ему мокнуть на дождѣ? Пусть онъ сядетъ къ намъ въ карету. Я сейчасъ велю ему остановиться.

И она дѣйствительно окликнула кучера, который немедленно остановился. Клодвигъ со страхомъ ожидалъ чтò будетъ далѣе, но она, минуту спустя закричала кучеру:

— Пошелъ далѣе, ничего не надо!

Белла въ безпокойствѣ металась въ каретѣ, глаза ея какъ-то дико смотрѣли.

— Стыдъ и срамъ на всѣхъ васъ, малодушныхъ трусовъ! воскликнула она, крѣпко стиснувъ зубы: ахъ, еслибъ я была мужчиной!

Клодвигъ сидѣлъ въ углу кареты и весь дрожалъ. Вдругъ во рту Беллы что-то хрустнуло. Она быстро поднесла руку къ губамъ и вынула.... зубъ. Въ порывѣ необузданной ярости она такъ крѣпко стиснула зубы, что сломала одинъ изъ нихъ. Графиня крѣпко сжала руку и во всю дорогу не раскрывала болѣе рта. Ее всего сильнѣе смущала мысль, что ей теперь ужъ нельзя

будетъ смѣяться надъ тѣми, которые носятъ фальшивые зубы.... А, впрочемъ, почему же и нельзя? Кто повѣритъ, что у ней, у графини Беллы, тоже есть во рту фальшивый зубъ?

Въ городкѣ они встрѣтили банкира, который отправилъ своей семьѣ телеграмму и былъ готовъ ѣхать съ ними въ Вольфсгартенъ.

Белла вышла изъ кареты. Она держала у рта платокъ и глухимъ голосомъ просила банкира сѣсть вмѣстѣ съ ея мужемъ. Затѣмъ, приказавъ слѣдовать за собой одному изъ лакеевъ, она быстро направилась къ станціи желѣзной дороги. Тамъ, все не отнимая отъ рта платка, она поручила слугѣ взять для нея билетъ въ сосѣдній большой городъ, гдѣ находилась крѣпость. А сама она, закрывъ себѣ лицо двойнымъ вуалемъ, усѣлась въ уголъ залы дожидаться отхода поѣзда. Немного спустя, она перешла въ вагонъ и помчалась къ мѣсту своего назначенія. Никто не долженъ былъ знать, что она ѣхала вставить себѣ фальшивый зубъ. Никто не долженъ былъ ее видѣть съ пустымъ мѣстомъ во рту.

Клодвигъ между тѣмъ печально ѣхалъ домой и по временамъ украдкой утиралъ себѣ глаза. Онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ въ своей гордости, и кѣмъ же? Собственной женой. И по какой причинѣ, изъ-за кого? Изъ-за этого негоднаго искателя приключеній!

— Она меня никогда, ни одной минуты не любила! думалъ онъ, и мысль эта, какъ острое жало, вонзилась ему въ сердце.

Дождь пересталъ, но въ глазахъ Клодвига весь міръ былъ подернутъ непроницаемымъ туманомъ. Въ Вольфсгартенѣ всѣ комнаты казались ему наполненными дымомъ, и онъ съ трудомъ переводилъ въ нихъ духъ. Придя въ свой кабинетъ, онъ тяжело опустился на стулъ.

— Я одинъ.... одинъ.... тоскливо прошепталъ онъ.

Банкиръ старался ласковой, нѣжной рѣчью его успокоить, но Клодвигъ въ отвѣтъ ему только уныло качалъ головой. Белла никогда его не любила, а теперь ненавидѣла. Онъ былъ униженъ, оскорбленъ, уничтоженъ. Слова жены метко попали въ цѣль и вонзились въ его сердце, смертельно его ранили.

Клодвига раздѣли и уложили въ постель. Онъ съ печальной улыбкой смотрѣлъ на снятую съ него одежду. Ужъ не предчувствовалъ ли онъ, что никогда болѣе не увидитъ ее на себѣ?

Когда на слѣдующее утро Белла вернулась и подошла къ постели мужа, онъ пристально на нее взглянулъ и въ первый разъ замѣтилъ холодное, жесткое выраженіе ея лица.

— Медуза! Медуза! въ ужасѣ воскликнулъ Клодвигъ, и безъ памяти упалъ на подушки.

Его скоро удалось вернуть къ сознанію. Всѣ вокругъ него съ нетерпѣніемъ ожидали доктора, а самъ онъ не разъ освѣдомлялся объ Эрихѣ.

Наконецъ явился докторъ и объявилъ, что Клодвигъ опасно боленъ. Послѣднія событія имѣли слишкомъ сильное вліяніе на его впечатлительную натуру, а тутъ еще присоединилась поѣздка по дождю, и можетъ быть еще что-нибудь, прибавилъ докторъ, въ упоръ смотря на Беллу. Та слушала молча и повидимому безстрастно.

Графиня послала за братомъ, но никто не зналъ, гдѣ именно слѣдовало его искать

— Я одна, проговорила Белла въ уединеніи своей комнаты, и вздрогнула при мысли, что ей можетъ быть дѣйствительно скоро придется остаться одной.

ГЛАВА X.

СТРАНСТВУЮЩІЙ РЫЦАРЬ.

Пранкена не легко было найти потому, что онъ, выйдя отъ Зонненкампа, самъ не зналъ, куда побрелъ. Трудно себѣ представить человѣка болѣе гордаго и спокойнаго снаружи и болѣе взволнованнаго и пораженнаго внутри, чѣмъ былъ онъ въ ту минуту. Въ теченіи всей предъидущей сцены его поддерживало, не столько чувство приличія, сколько привычка постоянно себя во всемъ сдерживать.

Какъ ни горько было бы ему во всякомъ случаѣ потерять Манну, онъ гораздо легче перенесъ бы это горе, еслибъ она отвергла его ради монастыря. Но ему, Отто фонъ-Пранкену, внезапно очутиться въ необходимости уступить мѣсто другому!... Его, Отто фонъ-Пранкена, отвергаютъ, предпочитаютъ ему другого, между тѣмъ какъ онъ такъ искренно любитъ! Слыханное ли это дѣло? Возможно ли, чтобъ Отто фонъ-Пранкенъ любилъ и получалъ въ отвѣтъ одно полнѣйшее равнодушіе? Еслибъ молодая дѣвушка постриглась въ монастырь, она, отрекаясь отъ свѣта, конечно отреклась бы и отъ него, составляющаго частицу этого свѣта. Но то было бы совсѣмъ иное дѣло; ему не приходилось бы чувствовать себя униженнымъ, оскорбленнымъ. Онъ не былъ бы тогда промѣнянъ на другого....

Пранкенъ крѣпко стиснулъ зубы и громко застоналъ.

Онъ не думалъ о своихъ собственныхъ грѣхахъ, но весь отдался чувству оскорбленной гордости и любви. Искренно любя Манну, онъ прежде всего искалъ соединенія съ ней, а черезъ нея, конечно, и съ ея деньгами. Но затѣмъ онъ намѣревался вести себя честно, что̀, онъ полагалъ, вовсе не помѣшаетъ ему вполнѣ удовлетворять свою страсть къ лошадямъ.

Что̀ оставалось ему теперь дѣлать?

Пранкену еще въ первый разъ въ жизни приходилось сожалѣть самого себя. Его не поняли, оскорбили, не признали его добродѣтелей, и за вѣрность и благородство заплатили ему черной неблагодарностью. Чѣмъ только не жертвовалъ онъ для этого дома? И что же?... На всѣ его надежды и мечты вдругъ точно былъ наброшенъ мрачный покровъ смерти, который онъ пока еще не осмѣливался приподнять, чтобъ заглянуть впередъ, въ будущее.

Онъ ѣхалъ точно всѣми отверженный, не зная куда обернуться, въ чью душу излить свое горе.

Но неужели Отто фонъ-Пранкенъ рѣшится передъ кѣмъ-нибудь сознаться въ своемъ безпомощномъ состояніи?

Онъ вдругъ громко захохоталъ. Ему пришло на память, что онъ, въ ожиданіи милліоновъ, которые, по его мнѣнію, никакъ не могли отъ него ускользнуть, вошелъ въ значительные долги. Чѣмъ онъ теперь расплатится?

Пранкенъ невольно обернулся и еще разъ взглянулъ на виллу Эдемъ.

Ему стоило только написать строчку.... нѣтъ, лучше теперь же, сію минуту, вернуться къ Зонненкампу, сказать одно слово, и не было сомнѣнія въ томъ, что онъ снова отправится въ путь съ сотнями тысячъ въ карманѣ. Но нѣтъ, онъ на это не рѣшится.

«Какъ только могла подобная мысль придти мнѣ въ голову!» сказалъ онъ самому себѣ.

Продолжая ѣхать по той же дорогѣ, Пранкенъ вскорѣ очутился въ виду дачи барона фонъ-Эндлиха. Тамъ жила молодая вдова—не заѣхать ли ему ее навѣстить? Здѣсь его любовь, онъ зналъ, не будетъ отвергнута. Однако, не рано ли? мелькнуло у него въ головѣ. Тѣмъ не менѣе онъ остановился, слѣзъ съ лошади и спросилъ, дома ли молодая баронесса? Ему отвѣчали, что она съ братомъ уѣхала въ Италію.

Пранкенъ, самъ надъ собой издѣваясь, снова сѣлъ на лошадь.

Куда ему ѣхать? Къ Беллѣ и къ Клодвигу? Нѣтъ. Онъ не совѣтовался съ ними, когда, наперекоръ всему свѣту, продол-

жалъ вести дружбу съ Зонненкампомъ. Неужели же онъ теперь отдастъ себя на жертву состраданію и мудрости Клодвига?

Онъ повернулъ лошадь, поѣхалъ вверхъ по теченію рѣки, и вскорѣ снова очутился по близости виллы Эдемъ. Лошадь его по привычкѣ хотѣла завернуть въ ворота, но онъ ударилъ ее хлыстомъ и вонзивъ ей въ бока шпоры, быстро промчался мимо.

Затѣмъ Пранкенъ направился къ жилищу патера и достигнувъ его, послалъ на виллу за фрейленъ Пэрини. Та не замедлила явиться.

Пранкенъ прежде всего спросилъ у нея, долго ли еще она намѣрена оставаться въ семьѣ Зонненкампа.

Фрейленъ Пэрини взглянула на него изумленными глазами. Неужели она въ немъ ошиблась, и онъ уступитъ гугеноту? Ея собственный отецъ палъ на дуэли за дѣло гораздо меньшей важности.

— Нѣтъ, мой благородный молодой другъ, вмѣшался патеръ. Что толку въ такого рода маленькой дуэли гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, даже еслибъ вы и вышли изъ нея побѣдителемъ? Вы, дворяне, должны, собираясь подъ знамена папы, готовиться къ другого рода битвѣ противъ революціи. Этого требуютъ между прочимъ и ваши собственныя выгоды. Тамъ приготовляется великая дуэль между вѣрой и безбожіемъ, между непреложными законами предвѣчной мудрости и легкомысленнымъ самообольщеніемъ ограниченнаго ума человѣческаго. Побѣда, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, останется за нами.

Пранкенъ не безъ удивленія слушалъ, какъ патеръ говорилъ, что деньги Зонненкампа могли годиться для святыхъ цѣлей до тѣхъ только поръ, пока не былъ извѣстенъ ихъ источникъ; теперь же, съ раскрытіемъ ужасной тайны, о нихъ слѣдовало отложить всякое попеченіе.

Пранкенъ съ улыбкой смотрѣлъ прямо въ лицо патеру. Неужели тотъ дѣйствительно до сихъ поръ не зналъ, какимъ способомъ Зонненкампъ пріобрѣлъ себѣ состояніе? Молодой человѣкъ едва удержался чтобъ не замѣтить вслухъ: «Нечего сказать, умно и ловко съ вашей стороны дѣлать видъ, будто вы отвергаете то, чего не можете получить». Но вслѣдъ затѣмъ онъ подумалъ, что ему лучше не говорить ничего подобнаго. Зачѣмъ ему возстановлять противъ себя единственную партію, съ которой онъ еще находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Здѣсь его, по крайней мѣрѣ, уважаютъ, и онъ перестаетъ быть тѣмъ одинокимъ, покинутымъ существомъ, какимъ себя еще такъ недавно чувствовалъ, когда не зналъ куда ему ѣхать, въ которую сторону направить свою лошадь. Къ тому же Пранкенъ во-

все не хотѣлъ быть ни менѣе уменъ, ни менѣе ловокъ, чѣмъ другіе. Онъ намѣревался въ свою очередь играть людьми и на первый случай поспѣшилъ объявить, что разстался съ Зонненкампомъ потому, что не могъ склонить его къ пожертвованію довольно значительной суммы денегъ въ пользу одного благочестиваго предпріятія. Такое увѣреніе даже было до нѣкоторой степени справедливо, такъ какъ онъ дѣйствительно имѣлъ съ Зонненкампомъ по этому поводу разговоръ. Пранкенъ и впередъ собирался утверждать тоже, надѣясь такимъ образомъ смягчить въ глазахъ общества отказъ Манны и выставить въ совершенно новомъ свѣтѣ свое постоянство въ отношеніи къ Зонненкампу.

Патеръ напомнилъ Пранкену, что его сегодня будутъ ждать въ собраніи приверженцевъ папы.

Затѣмъ молодой человѣкъ раскланялся и ушелъ.

Фрейленъ Пэрини, совершая свой обратный путь на виллу Эдемъ, все время самодовольно улыбалась. «Какіе чудаки эти нѣмцы!» думала она. Что до нея касалось, то она порѣшила, что не уѣдетъ съ виллы до тѣхъ поръ, пока не удовлетворитъ своего аппетита къ деньгамъ. Она ни подъ какимъ видомъ не позволитъ выпроводить себя оттуда съ пустыми руками.»

Пранкенъ, проѣзжая мимо дачи, принадлежавшей государственному совѣтнику, остановился въ раздумьѣ. «Вотъ эти люди, думалъ онъ, умно распорядились. Они заранѣе, задолго до исхода дѣла, постарались укрѣпить за собой свою добычу. Не то что онъ, который былъ такъ глупо нѣженъ и довѣрчивъ».

Достигнувъ станціи желѣзной дороги, Пранкенъ оставилъ тамъ лошадь, а самъ поѣхалъ въ городъ, гдѣ жилъ епископъ. Онъ зналъ, что его тамъ ожидали, но чувствовалъ непреодолимое отвращеніе явиться теперь посреди многочисленнаго общества. Къ счастью ему удалось придти какъ разъ къ концу совѣщанія. Въ епископскомъ дворцѣ онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Радуясь тому, что свѣтъ еще не лишилъ его своего уваженія, онъ тутъ же составилъ планъ, по которому намѣревался расположить свои дальнѣйшія дѣйствія.

Здѣсь въ епископскомъ дворцѣ засталъ Пранкена посланный отъ Беллы.

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ немедленно отправился въ путь.

Въ Вольфсгартенѣ ему прежде всего попался банкиръ, который съ грустью объявилъ ему объ опасной болѣзни графа Клодвига. Пранкенъ гордымъ взглядомъ окинулъ еврея, однако удержался и даже весьма вѣжливо ему отвѣчалъ.

Онъ пришелъ къ Беллѣ. Та, сказавъ нѣсколько словъ о болѣзни мужа, стала горячо хвалить брата за его постоянство и

дружбу къ Зонненкампу. Онъ одинъ, говорила она, остался ему вѣренъ до конца.

Пранкенъ слушалъ молча, крѣпко сжавъ губы. Теперь не время было разсказывать о всемъ происшедшемъ и сообщать свои планы на будущее. Когда Белла освѣдомилась о причинѣ его разстроеннаго вида, онъ все еще не могъ собраться съ духомъ отвѣчать.

— Отчего ты не участвовалъ въ судѣ? Ты теперь прямо съ виллы Эдемъ? Что тамъ дѣлается? продолжала нетерпѣливо расспрашивать Белла.

— Я ничего не знаю, съ трудомъ проговорилъ наконецъ Пранкенъ.

Да, что дѣлалось на виллѣ Эдемъ?

ГЛАВА XI.

ДЫМЪ И ЗАПУСТѢНІЕ НА ВИЛЛѢ.

Зонненкампъ сидѣлъ одинъ. Ему казалось, что онъ слышитъ легкій, едва замѣтный шорохъ, трескъ, подобный тому, какой производитъ пламя, охватывая балки и распространяясь на обои, занавѣси и мебель. Онъ конечно ошибался, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно живо чувствовалъ присутствіе около себя искры, которая, вспыхнувъ, охватываетъ полъ комнаты, пламенемъ разливается по стѣнамъ и пожираетъ стулья, шкафы, книги, картины. Изображенныя на полотнѣ лица вздрагиваютъ, искривляются словно отъ боли и мгновенно исчезаютъ въ потокахъ огня, который, все быстрѣе и быстрѣе разливаясь, наконецъ охватываетъ все зданіе и превращаясь въ одинъ громадный снопъ, устремляется къ небу.

Что, еслибъ все, здѣсь находящееся, вдругъ отдать на жертву пламени? Нѣтъ, существуетъ другое, болѣе величественное, энергическое средство выдти изъ бѣды.... Кто-то стучится въ дверь. Это безъ сомнѣнія Белла, которая пришла объяснить, почему она убѣжала изъ комнаты съ сѣменами въ ту самую минуту, какъ онъ въ нее возвращался. Зонненкампъ быстро отперъ двери, но вмѣсто Беллы лицомъ къ лицу столкнулся съ Вейдеманомъ.

— Вы желаете еще что-нибудь мнѣ втайнѣ сказать? рѣзко спросилъ у него Зонненкампъ.

— У меня есть до васъ просьба.

— У васъ до меня просьба?

— Да. Отдайте мнѣ вашего сына....

— Моего сына? въ изумленіи повторилъ Зонненкампъ.

— Будьте такъ добры и позвольте мнѣ докончить. Отдайте мнѣ вашего сына, то-есть, отпустите его ко мнѣ въ домъ на нѣсколько дней, недѣль, мѣсяцевъ, на сколько времени вы найдете удобнымъ. Ему необходимо перенестись въ новую атмосферу, гдѣ онъ могъ бы забыться, отдохнуть и снова вернуться къ жизни. Его спасеніе теперь въ усиленной, энергической дѣятельности. Въ теченіи недавняго, кратковременнаго пребыванія вашего сына въ моемъ домѣ, я уже съ радостью успѣлъ замѣтить, что онъ, несмотря на свою удивительную красоту, вовсе ею не тщеславится. Онъ гораздо охотнѣе смотритъ на другихъ, чѣмъ на себя. Мнѣ очень хотѣлось бы быть ему полезнымъ, и я полагаю, что такъ какъ Роланду не суждено быть военнымъ, ему не дурно было бы заняться сельскимъ хозяйствомъ.

— Вѣроятно, капитанъ Дорнэ трудился вмѣстѣ съ вами надъ составленіемъ этого плана?

— Да, онъ желаетъ, чтобъ Роландъ поѣхалъ въ Маттенгеймъ, а я съ своей стороны нахожу это весьма разумнымъ.

— Такъ. А Роланду тоже извѣстно это желаніе, и онъ со своей стороны убѣжденъ въ его разумности?

— Ваша горечь мнѣ вполнѣ понятна. Тяжело должно быть человѣку, который поставилъ себя въ положеніе, гдѣ другіе считаютъ себя въ правѣ рѣшать за него, что̀ полезно ему самому и его близкимъ.

— Покорно васъ благодарю.

— Если вы мнѣ откажете въ моей просьбѣ, никто объ этомъ не будетъ знать, кромѣ васъ, капитана Дорнэ и меня.

— Съ чего вы взяли что я откажу? Мое довѣріе къ вамъ безгранично, и я доказалъ это, избравъ васъ моимъ душеприкащикомъ.

— Я гораздо старѣе васъ.

Зонненкампъ ничего на это не отвѣчалъ, и Вейдеманъ продолжалъ:

— Что же вы мнѣ скажете на мою просьбу о вашемъ сынѣ?

— Если онъ захочетъ къ вамъ ѣхать, пусть себѣ ѣдетъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ. Что это, ужъ не наказаніе ли, которое вы намѣрены на меня возложить?

Вейдеманъ отвѣчалъ отрицательно.

Въ эту самую минуту во дворъ въѣхалъ экипажъ съ Роландомъ, профессоршей и Манной. Вейдеманъ очень радъ былъ встрѣчѣ съ профессоршей. Онъ ее зналъ въ молодости блестящей красавицей, но теперь видѣлъ въ первый разъ пожилой вдовой и почтенной матерью семейства. Всѣ трое, вернувшіеся изъ

Маттенгейма, видимо тамъ освѣжились, ободрились и запаслись новыми силами для предстоящихъ имъ впереди испытаній.

Все общество отправилось въ виноградный домикъ и вело тамъ оживленную бесѣду, какъ вдругъ явился посланный отъ Клодвига съ приглашеніемъ Эриху немедленно ѣхать въ Вольфсгартенъ.

Вейдеманъ повторилъ свое предложеніе взять Роланда съ собой въ Маттенгеймъ. Всѣ стали убѣждать Роланда согласиться, но тотъ отвѣчалъ, что вовсе и не намѣренъ отказываться. Онъ вскорѣ былъ готовъ къ отъѣзду и отправился въ путь вмѣстѣ съ Вейдеманомъ, съ княземъ Валеріаномъ и съ Кнопфомъ. Заботы и участіе этихъ честныхъ и добрыхъ людей вполнѣ обезпечивали его безопасность.

Маттенгеймъ лежалъ по ту сторону Рейна. Пока карету переправляли на паромѣ, Роландъ стоялъ облокотясь о перила и печально смотрѣлъ на родительскій домъ. Слезы выступили у него на глазахъ, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе....

Надъ паркомъ носился бурный вѣтеръ, который съ воемъ билъ въ окна виллы Эдемъ и тушилъ огонь въ каминахъ. Отдѣльныя трубы надъ каждымъ изъ нихъ на этотъ разъ не помогали дѣлу, и весь домъ былъ полонъ дыму. Тотъ же вихрь, который свирѣпствовалъ снаружи, повидимому и внутри виллы размелъ въ разныя стороны всѣхъ ея обитателей. Роландъ уѣхалъ въ Маттенгеймъ, Пранкенъ болѣе не показывался, Манна безвыходно жила у профессорши въ виноградномъ домикѣ, Эрихъ еще не возвращался изъ Вольфсгартена. Зонненкампъ и Церера оставались одни на виллѣ. Фрейленъ Пэрини однажды явилась къ Зонненкампу съ приглашеніемъ отъ жены, которая немедленно желала съ нимъ говорить. Она находилась въ возбужденномъ состояніи, съ которымъ фрейленъ Пэрини рѣшительно была не въ силахъ справиться.

Зонненкампъ поспѣшилъ въ комнату Цереры, но уже не засталъ ее тамъ. Горничная дѣвушка объявила, что какъ только ушла фрейленъ Пэрини, ея госпожа быстро выбѣжала въ паркъ и куда-то скрылась. Зонненкампъ поспѣшилъ вслѣдъ за ней, громко звалъ ее по имени и наконецъ нашелъ ее сидящею на берегу рѣки. Она была въ роскошномъ платьѣ, съ діадемой на головѣ и жемчужнымъ ожерельемъ на обнаженной шеѣ. На рукахъ у нея сверкали кольца и браслеты, а вокругъ таліи обвивался усѣянный изумрудами поясъ. Увидѣвъ Зонненкампа, она ему странно улыбнулась и сказала:

— Ты меня очень богато одарилъ, смотри, какая я нарядная.

Она казалось стала выше ростомъ, и откинувъ назадъ свои черные локоны, продолжала:

— Вотъ кинжалъ, который ты мнѣ далъ. Я хотѣла имъ убить себя, но раздумала и теперь бросаю его прочь.

Въ воздухѣ сверкнула брильянтовая рукоятка кинжала и вслѣдъ затѣмъ мгновенно погрузилась въ волны Рейна.

— Чтò ты дѣлаешь? Чтò все это означаетъ? спросилъ Зонненкампъ.

— Ты вернешься вмѣстѣ со мной, продолжала Церера, а не то, смотри, я сію минуту брошусь въ рѣку и унесу съ собой всѣ эти сокровища, которыя составляютъ половину твоего имущества.

— Ты бѣдное, обманутое дитя, насмѣшливо возразилъ Зонненкампъ. Ты воображаешь, что все это настоящія каменья? Разубѣдись: я тебѣ отдавалъ въ руки всегда только поддѣльныя украшенія, а настоящія въ точно такихъ же футлярахъ хранятся у меня въ несгораемомъ шкафу.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ ты уменъ! замѣтила Церера.

— А ты, дитя мое, я надѣюсь, еще не сошла съ ума.

— Нѣтъ, и не сойду, если не случится то, чего я боюсь. Я останусь съ тобой..... я ни на минуту отъ тебя не отойду. О, я хорошо тебя знаю! Ты хочешь меня покинуть.

Зонненкампъ вздрогнулъ.

Откуда это полуумное существо могло проникнуть мысль, которая едва успѣла зародиться въ его собственномъ умѣ? Онъ началъ ласковыми словами успокоивать Цереру, привелъ ее домой и на прощанье нѣжно ее поцѣловалъ. Но намѣреніе тайно покинуть страну еще глубже запало ему въ душу. Онъ хотѣлъ только прежде съѣздить въ столицу и застрѣлить профессора Крутіуса. Послѣдняя мысль не давала ему покою, онъ долго боролся съ ней, отыскивая средство привести ее въ исполненіе, и наконецъ все-таки принужденъ былъ отъ нея отказаться. Но за то онъ еще съ бòльшей силой ухватился за другую мысль, шевелившуюся у него въ душѣ. Это, давалъ онъ себѣ слово, ужъ ни подъ какимъ видомъ не ускользнетъ отъ меня.

На этотъ разъ казалось сама судьба готова была ему благопріятствовать. Изъ Вольфсгартена пріѣхалъ посланный съ извѣстіемъ, что Эрихъ еще не можетъ вернуться на виллу, потому что графъ Клодвигъ при смерти боленъ.

ГЛАВА XII.

ТЯЖЕЛАЯ ВСТРѢЧА.

Эрихъ ѣхалъ въ Вольфсгартенъ. Ему на встрѣчу попались маіоръ и фрейленъ Милькъ, которые, тѣсно прижавшись другъ къ другу, шли подъ однимъ большимъ зонтикомъ.

Эрихъ сообщилъ имъ о болѣзни Клодвига.

— Не приглашайте къ нему, пожалуйста, никакой посторонней сидѣлки. Фрейленъ Милькъ поѣдетъ въ Вольфсгартенъ и станетъ ухаживать за графомъ. Право, капитанъ, стòитъ нарочно захворать для того, чтобъ испробовать, какъ фрейленъ Милькъ ухаживаетъ за больными.

Фрейленъ Милькъ со своей стороны изъявила полную готовность отправиться въ Вольфсгартенъ, если только тамъ пожелаютъ ея присутствія.

Эрихъ поѣхалъ далѣе. Онъ старался привести въ порядокъ всѣ впечатлѣнія, мысли и чувствованія, возбужденныя въ немъ предъидущими событіями и собирался съ силами для того, что̀ еще ожидало его впереди. Какъ все въ немъ самомъ и вокругъ него измѣнилось со времени его первой поѣздки изъ Вольфсгартена на виллу Эдемъ! Воспоминанія одно за другимъ поднимались изъ глубины его души и онъ тяжело вздохнулъ при мысли, что̀ сталось бы съ нимъ, еслибъ онъ не употребилъ всѣхъ своихъ усилій на то, чтобъ положить конецъ завязывавшихся у него съ Беллой слишкомъ близкихъ отношеній. Онъ ѣхалъ бы теперь съ тяжелымъ ощущеніемъ своей виновности на сердцѣ. Ему приходилось бы желать смерти Клодвига, чтобъ имѣть возможность соединиться съ Беллой. Стоя у постели умирающаго друга, онъ долженъ былъ бы презирать себя какъ послѣдняго изъ обманщиковъ и лицемѣровъ. Ни одинъ поэтъ еще не осмѣлился до сихъ поръ изобразить ощущенія, какія должны таиться въ глубинѣ двухъ сердецъ, основывающихъ свое счастье на смерти третьяго лица. А между тѣмъ такого рода люди не преступники, они разумныя, часто даже очень развитыя и образованныя существа...

Эрихъ озирался вокругъ какъ человѣкъ, который вышелъ невредимъ изъ большой опасности.

Желая освободиться отъ волновавшихъ его мыслей и воспоминаній, Эрихъ заговорилъ съ посланнымъ, старымъ и довѣреннымъ слугой Вольфсгартенскаго дома. Посланный разсказалъ ему о возвращеніи Клодвига съ виллы Эдемъ и прибавилъ, что всѣ

домашніе тогда же потеряли всякую надежду на его выздоровленіе.

Затѣмъ, оборотясь назадъ и указывая хлыстомъ на виллу Эдемъ, слуга проговорилъ:

— Чудныя вещи происходятъ на этомъ свѣтѣ.

— Есть при графѣ кто-нибудь изъ родныхъ? спросилъ Эрихъ.

— Нѣтъ; при немъ только одинъ еврей, но онъ другъ нашего барина.

Эрихъ пожалѣлъ, что началъ разговоръ со слугой, который безъ умолку толковалъ о томъ, что̀ будетъ, если графъ умретъ.

На послѣдней высотѣ, Эрихъ сошелъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ черезъ лѣсную дорогу. Вокругъ него все было тихо. Букъ, весной всегда первый покрывающійся зеленью, осенью обнажается прежде всѣхъ другихъ деревьевъ. Земля въ лѣсу была усѣяна уже опавшими съ него желтыми листьями, и Эрихъ, ступая по нимъ, производилъ легкій шорохъ, единственный нарушавшій царствовавшее въ природѣ безмолвіе, да въ воздухѣ еще кружился ястребъ, по временамъ испуская пронзительный крикъ.

Эрихъ наконецъ достигъ Вольфсгартена. Онъ пошелъ прямо къ Беллѣ и засталъ ее блѣдную, повидимому сильно страждущую. То была та самая минута, когда она приставала къ Пранкену, требуя отъ него свѣдѣній о томъ, что̀ происходило на виллѣ Эдемъ.

Эрихъ вздрогнулъ, увидѣвъ Пранкена. И тому и другому понадобилось не мало усилій, чтобъ сохранить при этой встрѣчѣ хотя наружный видъ спокойствія.

Белла поблагодарила Эриха, что онъ сначала пришелъ къ ней.

— Онъ теперь спитъ, прибавила она, говоря о мужѣ. Соберитесь съ духомъ, прежде чѣмъ пойдете къ нему. Онъ такъ измѣнился, что вы едва его узнаете. Пожалуйста, ни въ чемъ ему не противорѣчьте, онъ очень раздражителенъ.

Белла говорила отрывисто, глухимъ голосомъ. Она прижала платокъ къ глазамъ и спросила:

— Вы присутствовали при смерти вашего отца? Эрихъ отвѣчалъ утвердительно.

Белла пошла предупредить Клодвига о пріѣздѣ Эриха. Пранкенъ и Эрихъ остались одни. Они долго молчали, наконецъ Пранкенъ началъ:

— Я никакъ не ожидалъ, чтобъ мнѣ пришлось еще когда-нибудь говорить съ капитаномъ Дорнэ. Но мы сходимся теперь у постели больного и ради него...

— Благодарю васъ.

— Пожалуйста, не благодарите меня и не говорите со мной болѣе, чѣмъ необходимо. Я желаю только никого не безпокоить.

Онъ повернулся и хотѣлъ уйти.

— Еще одно слово, остановилъ его Эрихъ. Мы черезъ нѣсколько часовъ можетъ быть будемъ свидѣтелями того, какъ на вѣки закроются глаза, такъ долго свѣтившіеся кротостью и чистотой души. Прошу васъ, изгоните изъ вашей души всякую горечь. Пусть въ этотъ часъ изчезнетъ всякая вражда между нами.

— Вы отлично умѣете говорить, я это знаю.

— И я отъ души желалъ бы, чтобъ вы повѣрили моимъ словамъ. Мнѣ больно слыть въ вашихъ глазахъ неблагодарнымъ, и теперь, въ виду страшнаго событія, которое неизбѣжно ожидаетъ и насъ впереди, я повторяю...

Приходъ Беллы помѣшалъ ему докончить.

— Онъ еще спитъ, сказала она. Ахъ, капитанъ Дорнэ, Клодвигъ любитъ васъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Она подала Эриху руку, которая была холодна какъ ледъ. Всѣ трое долго молчали, наконецъ Эрихъ рѣшился спросить:

— Развѣ ужъ больше нѣтъ надежды?

— Ни малѣйшей. Докторъ говоритъ, что ему осталось жить всего нѣсколько часовъ... Вы ничего не слышите? Докторъ обѣщался снова пріѣхать. Ахъ, еслибъ вы могли убѣдить Клодвига посовѣтоваться еще съ другимъ какимъ-нибудь врачемъ! Пожалуйста, постарайтесь это сдѣлать. Я не имѣю никакого довѣрія къ доктору Рихардту.

Эрихъ молчалъ.

— Ахъ, Боже мой, продолжала Белла, какъ насъ всѣ покидаютъ въ бѣдѣ! Вѣдь вы насъ не оставите, вы останетесь съ нами, не правда ли?

Эрихъ обѣщался.

Затѣмъ Белла тономъ, напоминавшимъ ея придворныя привычки, но какъ-то странно звучавшимъ въ эту минуту, извинилась передъ Эрихомъ въ томъ, что до сихъ поръ не освѣдомилась ни о его матери, ни о Церерѣ, ни о Маннѣ. Потомъ съ легкой дрожью въ голосѣ она прибавила:

— А что̀ дѣлаетъ самъ господинъ Зонненкампъ?

Явился слуга съ извѣстіемъ, что графъ проснулся и спрашиваетъ, пріѣхалъ ли капитанъ Дорнэ.

— Подите къ нему, сказала Белла, положивъ руку на плечо Эриха. Когда вы будете ему говорить о другомъ докторѣ, сдѣлайте это отъ себя, вовсе не упоминая обо мнѣ.

Эрихъ ушелъ, а Белла, обратясь къ Пранкену, быстро проговорила:

— Отто, выпроводи отсюда подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ еврея. Что̀ онъ здѣсь дѣлаетъ?

Пранкенъ пошелъ къ банкиру.

Белла осталась одна. Она была рѣшительно не въ силахъ совладать съ своей тревогой. Ее неотступно преслѣдовала мысль о смерти мужа, и она уже заблаговременно набросала на клочкѣ бумаги извѣщеніе о его кончинѣ:

«Сообщаю роднымъ и друзьямъ печальное извѣстіе о смерти моего возлюбленнаго супруга Клодвига, графа Вольфсгартена изъ Вольфсгартена, бывшаго посланника въ Римѣ, кавалера разныхъ орденовъ. Онъ умеръ на семьдесятъ пятомъ году своей жизни. Прошу всѣхъ объ участіи къ моему горю.»

«Белла, графиня Вольфсгартенъ, рожденная фонъ-Пранкенъ.»

Казалось, какой-то злой духъ нашептывалъ ей эти слова и вызывалъ въ ней мысль объ окаймленной чернымъ бумагѣ, на которой имъ надлежало стоять. Зачѣмъ это? Что̀ побуждало ее такъ упорно думать объ этомъ? Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она быстро схватила листокъ съ заранѣе заготовленнымъ печальнымъ извѣщеніемъ, разорвала его на мелкія куски и выбросила въ окно на бурю и дождь.

ГЛАВА XIII.

ПОСЛѢДНІЙ СИНІЙ ЦВѢТОКЪ.

Эрихъ между тѣмъ вошелъ въ комнату къ больному.

— Ты ли это наконецъ? воскликнулъ Клодвигъ. Голосъ его былъ слабъ, а маленькая, почти дѣтская рука, которую онъ протянулъ Эриху въ знакъ привѣтствія, казалась еще тоньше и прозрачнѣе обыкновеннаго.

— Садись, продолжалъ онъ, и не смущайся тѣмъ, что видишь меня въ такомъ положеніи. Ты молодъ и силенъ, у тебя хватитъ мужества на многое. Дай мнѣ твою руку. Я считаю за большое счастье, что мнѣ дано умереть въ полномъ сознаніи. Прежде мнѣ не разъ случалось желать мгновенной смерти отъ удара, но теперь я нахожу, что лучше такъ, какъ есть. Скажи мнѣ, что̀ дѣлаетъ твоя мать? Правда ли, что ты помолвленъ съ дочерью этого ужаснаго человѣка?

Эрихъ все еще не могъ выговорить слова и въ отвѣтъ только утвердительно кивнулъ головой.

— Отлично, продолжалъ Клодвигъ. Это одно изъ тѣхъ событій, которымъ суждено поддерживать въ мірѣ нравствен

ное равновѣсіе. Нѣкогда тебѣ представлялся случай сдѣлаться моимъ сыномъ... моимъ сыномъ! Но я начинаю думать, что для меня лучше не имѣть дѣтей... А что̀ дѣлаетъ Роландъ? Отчего онъ не пріѣхалъ съ тобой? Я постоянно вижу передъ собой его прекрасное юношеское лицо... Ты все къ лучшему устроилъ, Эрихъ, право такъ. Ты теперь останешься съ юношей... ахъ, еслибъ мы могли предвидѣть, что̀ станется съ его отцомъ!

Прежде чѣмъ Эрихъ успѣлъ отвѣтить, больной снова опустился на подушки и какъ будто задремалъ. Однообразный стукъ часовъ одинъ нарушалъ водворившееся въ комнатѣ безмолвіе. Вдругъ во дворъ въѣхалъ экипажъ.

Клодвигъ проснулся.

— Это докторъ, сказалъ онъ.

Затѣмъ онъ попросилъ сидѣлку предупредить доктора, что желаетъ еще побыть немного наединѣ съ Эрихомъ. Сидѣлка передала порученіе слугѣ, а сама осталась въ сосѣдней комнатѣ.

Клодвигъ, приподнявшись, быстро проговорилъ:

— Запри двери, я хочу поговорить съ тобой однимъ.

Молодой человѣкъ повиновался и сѣлъ возлѣ постели больного.

— Этотъ Зонненкампъ, началъ Клодвигъ, несмотря на свою дерзость, высказалъ много правды. Ложь дѣйствительно царствуетъ въ мірѣ, и люди такъ привыкли сами носить личину и видѣть другъ друга въ маскахъ, что добраться до истины становится почти невозможнымъ. Отъ насъ ожидаютъ, чтобъ мы произнесли надъ Зонненкампомъ приговоръ. Я его вполнѣ оправдываю. Онъ шелъ по дурному пути, но время, въ которое онъ живетъ, преисполнено страшныхъ противорѣчій. Кто вправѣ быть надъ нимъ судьей? Меня снова подираетъ морозъ по кожѣ, какъ въ ту минуту, когда я слушалъ его возмутительный разсказъ. Бросая взглядъ назадъ на собственную жизнь, что̀ вижу я? Пустоту и ничтожество. Я жилъ, чтобъ наполнять собою мундиръ. Что̀ такое въ сущности всѣ мы? Ярко размалеванныя снаружи, внутри — мы пустыя, ходячія жилища. А когда наступаетъ минута послѣдняго разсчета, мы принимаемъ таинственный видъ, начинаемъ ходить на цыпочкахъ, шептаться... однимъ словомъ, разыгрывать кукольную комедію. Ложь лежитъ въ основаніи жизни большинства людей, не исключая и моей, которая была такъ длинна и почетна. Ни у кого изъ насъ не хватаетъ мужества сознаться что̀ мы такое. Мы снаружи прикрываемся разнаго рода формами, приличіями, учтивостями и любезностями, а внутри насъ все ложь. Каждый изъ насъ старается слыть вовсе не за то, что онъ есть въ дѣйствительности. Не бойся, въ моемъ прошломъ нѣтъ

никакого преступленія, или проступка, въ которомъ я теперь чувствовалъ бы потребность раскаяться, или сознаться. Я жилъ такъ, какъ живутъ вокругъ меня тысячи и милліоны людей, но не такъ, какъ бы это слѣдовало, еслибъ я захотѣлъ сообразоваться съ собственной личностью. Извѣстно ли тебѣ великое слово, произнесенное Богомъ, когда онъ явился въ пустынѣ пастуху? «Я тотъ, который есть»: въ этомъ истина, въ этомъ искра божества, присущая человѣку, но отъ которой онъ упорно отрекается. Кто изъ насъ скажетъ: я тотъ, который есть? Я не говорилъ этого въ теченіи всей моей жизни, а со мной вмѣстѣ молчали цѣлые милліоны. Всѣ мы разукрашены, разрисованы снаружи... нѣтъ, не всѣ, а то солнце померкло бы и перестало бы грѣть землю. Но придетъ время... ты его дождешься... когда люди перестанутъ лгать и лицемѣрить, перестанутъ выдавать себя не за то, что̀ они въ дѣйствительности. Понимаешь ли ты меня?

— Какъ нельзя лучше.

— Такъ знай же,— тебѣ я могу это сказать,—я не исполнилъ своего долга, я не стоялъ ежечасно на своемъ постѣ, чтобъ постоянно твердить сильнымъ міра сего: таковъ я, и таковы должны быть вы! Я убаюкивалъ себя ложной философіей, говорилъ себѣ, что все устроится само собой, что законъ развитія, и безъ нашего содѣйствія, все приведетъ къ хорошему концу. Ха, ха, ха! Все само собой устроится!... Да, смерть является сама собой и полагаетъ конецъ жизни, которая въ сущности не была жизнью, такъ какъ не заключала въ себѣ ни правды, ни проявленія собственной личности... Въ числѣ моихъ знакомыхъ были и знаменитые актеры. Никому такъ не трудно умирать, какъ актеру: ему такъ часто приходилось изображать смерть на сценѣ, и потому онъ хорошо знаетъ, что послѣ него останутся только маска, румяна и увядшіе вѣнки. Мы, дипломаты, сынъ мой, умираемъ подобно актерамъ. Я прожилъ свой вѣкъ самымъ безполезнымъ образомъ. Отечество ни на что лучшее не могло меня употребить, какъ на выдѣлываніе разныхъ дипломатическихъ фокусовъ. Жизнь моя была пустое препровожденіе времени. Я большую часть ея провелъ въ ливреѣ, на службѣ дѣлу, которое вовсе не уважалъ и даже не считалъ за серьезное. Но вотъ является между нами этотъ торговецъ невольниками: всѣ мы въ ужасѣ кричимъ и ахаемъ, а въ сущности многимъ ли мы лучше его? Сколькіе изъ насъ совершаютъ еще худшія дѣла, и между тѣмъ пользуются всеобщимъ уваженіемъ,— сколькіе потому только не попадаютъ въ тюрьму, что имъ не зачѣмъ воровать и что они въ состояніи деньгами откупить свои грѣхи!.... Прошу тебя, дай мнѣ напиться!

Эрихъ подалъ Клодвигу стаканъ съ питьемъ, но оба они были такъ не ловки, что почти все пролили на одѣяло.

— Ничего, ничего, съ улыбкой замѣтилъ Клодвигъ. Тоже самое безпрестанно повторяется въ жизни. Только весьма малая часть ея дѣйствительно выпивается, а остальная проливается мимо, понапрасну тратится... Ну, теперь пусть ко мнѣ придетъ докторъ, а послѣ ты снова возвращайся сюда.

Эрихъ пошелъ за докторомъ.

Белла стала у него разспрашивать, о чемъ говорилъ Клодвигъ.

Эрихъ отвѣчалъ ей общими мѣстами, а затѣмъ попросилъ позволенія выдти въ садъ немного освѣжиться и собраться съ новыми силами.

Погода стояла бурная, шелъ сильный дождь. Эрихъ закутался въ плащъ и углубился въ лѣсъ. Прогулка на свѣжемъ воздухѣ, посреди бушующихъ силъ природы, благотворно на него подѣйствовала. Онъ шелъ по той самой дорожкѣ, по которой гулялъ на другой день послѣ того, какъ открылъ Клодвигу всю свою жизнь. Теперь онъ не ощущалъ той радости, которая воодушевляла его тогда, но медленно подвигался впередъ, борясь съ вѣтромъ и дождемъ. Надъ нимъ шумѣлъ и стоналъ лѣсъ, склоняясь подъ напоромъ бури. Достигнувъ бесѣдки, въ которой онъ уже и прежде отдыхалъ, Эрихъ окинулъ взоромъ всю окрестность: передъ нимъ на далекое пространство виднѣлись только мрачныя, тяжелыя тучи, которыя сообщали ландшафту грустный, однобразный видъ. У одной изъ колоннъ бесѣдки, какимъ то чудомъ, еще уцѣлѣлъ прекрасный синій цвѣтокъ. Эрихъ машинально сорвалъ его и дорогой порѣшилъ отдать его больному.

Клодвигъ, увидя входящаго къ нему въ комнату молодого человѣка, воскликнулъ:

— Ахъ, синій цвѣтокъ! Ты его сорвалъ и принесъ мнѣ! Какъ много мечтаній возбуждалъ онъ во мнѣ во время моей молодости! Молодость, молодость! задумчиво повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Клодвигъ взялъ цвѣтокъ и наклонясь впередъ, съ удовольствіемъ вдыхалъ въ себя свѣжій запахъ платья Эриха.

— Меня съ нѣкоторыхъ поръ, сказалъ онъ, неотступно преслѣдуютъ библейскіе образы и изреченія. Нашъ праотецъ Исаакъ, покоясь на одрѣ болѣзни, привѣтствовалъ вошедшаго къ нему въ комнату сына словами: «Сынъ мой, твое дыханіе напоминаетъ мнѣ запахъ полей». Подобно ему и я говорю тебѣ, Эрихъ: ты принесъ въ мою комнату свободный воздухъ лѣсовъ и

луговъ. Когда меня не будетъ, помни, что ты оказалъ мнѣ добро.

Эрихъ не могъ удержаться отъ слезъ.

— Плачь, продолжалъ больной, это тебя облегчитъ. Скоро, скоро перестану я смущать твой покой и ты снова будешь свободно и весело, въ избыткѣ своей благородной, сознательной дѣятельности, твердой ногой попирать ту землю, подъ которой я буду покоиться вѣчнымъ сномъ. Прошу тебя, останься при мнѣ до послѣдней минуты, а когда я умру и меня раздѣнуть, возьми у меня съ сердца одну вещь, которой не слѣдуетъ тамъ лежать послѣ того, какъ оно перестанетъ биться. Не уходи отъ меня, Эрихъ. Я хочу устремить всѣ мои мысли на великое, таинственное, которое теперь такъ близко отъ меня. Я желаю изгнать изъ своего сердца всякую ненависть, всякую злобу.... да, я отойду въ вѣчность въ мирѣ со всѣми. Помоги мнѣ, Эрихъ, совершить этотъ трудный переходъ.

Онъ снова опустился на подушки. Эрихъ наклонился надъ нимъ. Клодвигъ слабо, но спокойно дышалъ, на лицѣ его играла кроткая улыбка. Какія мысли занимали теперь его душу?

Эрихъ хотѣлъ отправить кого-нибудь на виллу Эдемъ, объявить тамъ, что онъ еще пока не можетъ вернуться домой. Но оказалось, что въ Вольфсгартенѣ находился Лутцъ, котораго Зонненкампъ прислалъ освѣдомиться о здоровьѣ графа. Эрихъ поручилъ ему отвезти на виллу Эдемъ извѣстіе о своемъ намѣреніи еще остаться при Клодвигѣ.

ГЛАВА XIV.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА И ПРОРОЧЕСТВО УМИРАЮЩАГО.

Клодвигъ спалъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Эрихъ все это время сидѣлъ съ банкиромъ, въ тепломъ участіи и задушевной бесѣдѣ котораго находилъ не мало утѣшенія. Банкиру недоставало свѣтскаго лоску въ обращеніи, но за то всѣ его поступки и слова отличались рѣдкимъ тактомъ. Эрихъ, несмотря на терзавшую его тоску, не могъ не подумать, что такого рода тактъ возможенъ только при полнѣйшемъ отсутствіи эгоизма. Недостатокъ такта есть не что иное, какъ дошедшій до послѣдней степени крайности эгоизмъ, который побуждаетъ человѣка думать исключительно о себѣ самомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нужды и удобства другихъ.

Эриху теперь только удалось вполнѣ узнать банкира. Въ

Карлсбадѣ тотъ выказывался исключительно со стороны своего ума и своихъ дарованій, здѣсь же сами собой выдвинулись впередъ всѣ прекрасныя качества его честнаго и добраго сердца.

Эрихъ вспомнилъ, какъ банкиръ однажды говорилъ ему въ Карлсбадѣ: «Евреи—истые дѣти печали и потому въ нихъ сильно развито чувство состраданія; они гораздо способнѣе утѣшать ближнихъ въ горѣ, нежели разливать вокругъ себя радость».

Лишь только оказывалась нужда въ помощи, банкиръ мгновенно выступалъ впередъ, а затѣмъ снова удалялся въ тѣнь, стушевывался.

Белла обращалась съ нимъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Онъ видѣлъ это, понималъ и хотя ни слова объ этомъ не говорилъ, тѣмъ не менѣе всячески старался дать почувствовать, что вовсе на нее за то не сердится. Графиня была для него совершенно посторонним лицомъ, но съ Клодвигомъ его связывала тѣсная дружба, и онъ считалъ своей обязанностью быть ему по мѣрѣ силъ пріятнымъ и полезнымъ. Онъ сидѣлъ въ библіотекѣ постоянно на сторожѣ, откликаясь на всякій зовъ и снова удаляясь каждый разъ, когда въ немъ болѣе не оказывалось надобности.

Около полуночи Эриха внезапно позвали къ Клодвигу, который проснулся и требовалъ его къ себѣ.

— Ахъ, какъ я хорошо спалъ, увидѣвъ его, воскликнулъ больной. Не странно ли, что я теперь постоянно вижу во снѣ кузину Гретхенъ, которая будто бы хочетъ за меня выдти замужъ. Она мнѣ нравится, а я ей, но она никогда ничему не училась и не хочетъ учиться. Ей бы только рѣзвиться, да смѣяться. «Отчего ты такъ печаленъ, Клодвигъ?» говоритъ она мнѣ. «Полно тосковать, женись на мнѣ и намъ будетъ такъ весело.» А я отвѣчаю ей: «дитя, я слишкомъ старъ для тебя. Смотри, у меня нѣтъ зубовъ, а къ тому же, что скажетъ на это Белла?» «Ахъ, какой вздоръ, отвѣчаетъ она мнѣ. Пойдемъ танцовать.» И мы съ ней, танцуя, несемся къ капеллѣ, гдѣ стоитъ патеръ и машетъ намъ. Мы скользимъ далѣе, мимо него. Гретхенъ прелестный ребенокъ съ большими, дивной красоты глазами. Мы другъ друга нѣжно любимъ и все танцуемъ, покуда я не просыпаюсь, не чувствуя ни малѣйшей усталости.

— А ваша кузина Гретхенъ, еще жива?

— О, нѣтъ, она давно умерла. На прошлой недѣлѣ у меня здѣсь былъ ея внукъ. Но не странно ли, что во мнѣ именно теперь пробуждается воспоминаніе о моей первой любви, когда я былъ всего десятилѣтнимъ мальчикомъ? Во снѣ кузина Гретхенъ явилась мнѣ съ яблокомъ въ рукахъ. «Откуси», сказала она мнѣ. Я хотѣлъ взять яблоко, но она не выпускала его изъ рукъ

и говорила: «не кусай только слишкомъ глубоко». Когда я проснулся, у меня во рту дѣйствительно былъ вкусъ яблока. Давно когда-то съ насъ вмѣстѣ дѣлали портретъ. Художникъ увѣрялъ, что намъ впослѣдствіи весьма пріятно будетъ на него смотрѣть. Портретъ рисовался по секрету и потомъ конечно былъ купленъ нашими родителями. Онъ и теперь долженъ еще существовать, не знаю только гдѣ. А какъ нравится тебѣ имя Гретхенъ? На портретѣ она изображена еще не совсѣмъ взрослой дѣвочкой въ блѣдно-розовомъ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ. Это былъ ея обычный нарядъ. А на головѣ она носила соломенную шляпу съ широкими полями, закрывавшими ей даже плечи.

Такъ говорилъ Клодвигъ подъ вліяніемъ возникшихъ въ немъ воспоминаній дѣтства.

— Белла никогда ничего не хотѣла знать о моей молодости, произнесъ онъ потомъ съ подавленнымъ вздохомъ, но вдругъ, точно желая самому себѣ помѣшать говорить о женѣ, сдѣлалъ быстрое движеніе руками и съ лихорадочной поспѣшностью продолжалъ.—Теперь слушай меня внимательнѣе, я тебѣ разскажу исторію моей жизни, которая сложилась совершенно иначе, чѣмъ жизнь этого Зонненкампа. Я единственный сынъ и родился въ богатомъ дворцѣ. Отецъ мой былъ министромъ и женился чрезвычайно поздно. Его сдѣлали посланникомъ при сеймѣ, и я тогда часто проводилъ лѣто въ нашемъ имѣньи. Общество пословъ на сеймѣ и его дѣянія никогда никто не описывалъ. Я могъ бы это сдѣлать. Еще будучи студентомъ, я нерѣдко думалъ, что сеймъ существуетъ единственно для того, чтобъ мѣшать всякому добру. Наклонись ко мнѣ поближе, я тебѣ на ухо скажу, что такое въ сущности сеймъ... Онъ есть олицетвореніе нечистой совѣсти государей. Я уже давно составилъ себѣ о немъ такое мнѣніе, а года и опытъ еще болѣе его во мнѣ укоренили. Все хорошее совершается у насъ помимо сейма, который въ этомъ отношеніи похожъ на церковь. Послѣдняя тоже не прилагаетъ рукъ ни къ одному изъ благихъ начинаній въ мірѣ. Она не содѣйствовала ни отмѣнѣ смертной казни, ни уничтоженію пытки. Въ нашъ вѣкъ совершаются два великія событія: освобожденіе негровъ и уничтоженіе крѣпостного права. Кому обязаны они своимъ осуществленіемъ? Идеѣ чистой гуманности. Жизнь этого Зонненкампа прошла въ совсѣмъ другой сферѣ, чѣмъ моя, а тѣмъ не менѣе... Ахъ, погоди минутку, я болѣе теперь не могу говорить.

Немного спустя, Клодвигъ однако снова началъ:

— Этотъ Зонненкампъ доказалъ мнѣ еще одну вещь, а

именно, что наше образованіе страждетъ однимъ недостаткомъ съ религіей. Оно намъ не даетъ прочныхъ законовъ нравственности, слѣдовательно, оно не полное, не истинное.

Онъ быстро приподнялся на постели и продолжалъ:

— Слушай, я теперь тебѣ скажу мое послѣднее слово. Въ мірѣ готовятся два важныя событія. Одно изъ нихъ водвореніе въ Америкѣ цезаризма, а другое, еще страшнѣе и богаче послѣдствіями — религіозная война. Противники послѣдней раздѣлены на два лагеря. Одинъ изъ нихъ находится въ Римѣ, другой не имѣетъ во главѣ своей никакой отдѣльной личности и стоитъ единственно за свободу. Два громадныя знамя не замедлятъ водрузиться въ мірѣ, и вокругъ каждаго изъ нихъ станутъ собираться несмѣтныя силы. На одномъ изъ нихъ будетъ стоять: «Мы не можемъ»! — на другомъ: «Мы хотимъ»! Вслѣдъ же затѣмъ явится новое знаніе, новая вѣра, которыя освѣжатъ міръ и вдохнутъ въ него новую жизнь. Въ настоящій моментъ мы странствуемъ по кладбищу: жизнь наша умерла. Воскресить ее можно только посредствомъ великаго нововведенія, великой идеи, однимъ словомъ, посредствомъ новой религіи. Ахъ!..

Онъ вдругъ остановился. Въ комнату вошла Белла.

Она выразила удовольствіе, что видитъ Клодвига такимъ бодрымъ. Графъ и въ эти послѣднія минуты своей жизни продолжалъ относиться къ женѣ съ самой утонченной и безукоризненной учтивостью. Она предложила ему принять лекарство.

— Хорошо, дай мнѣ его, сказалъ онъ, только прошу тебя, не говори ничего противъ доктора Рихардта.

Белла еще немного посидѣла около постели больного. Затѣмъ Клодвигъ попросилъ ее не утомляться, но пойти и лечь спать. Она согласилась. Опять оставшись наединѣ съ Эрихомъ, графъ продолжалъ прерванный разговоръ.

— Дни и ночи, сказалъ онъ, думалъ я о томъ, какъ нынѣшнее человѣчество, соединясь въ одну громадную толпу, густой массой двинется на вершину высокой горы съ цѣлью водрузить тамъ знамя, которое будетъ служить ему точкой соединенія. Долго мучилъ меня вопросъ, какой девизъ будетъ стоять на этомъ знамени? И вдругъ воображеніе нарисовало мнѣ тебя во главѣ толпы со знаменемъ въ рукахъ, а на немъ твои слова: «Свободный трудъ»! Честь тебѣ, что ты ихъ произнесъ, — благо мнѣ, что я ихъ слышалъ.

Лицо Клодвига озарилось мягкимъ свѣтомъ, который кротко сіялъ изъ его глазъ, пристально устремленныхъ куда-то въ далекое пространство. Вдругъ голова его медленно опустилась на подушку, а глаза закрылись, но онъ ощупью нашелъ руку Эриха

и крѣпко ее сжалъ. Минуту спустя онъ снова приподнялся и сказалъ:

— Пойди въ ту комнату, гдѣ ты спалъ въ твой первый пріѣздъ сюда. Возьми съ собой Роберта и принеси ко мнѣ статую «Побѣды».

Эрихъ отправился со слугой въ угловую комнату и приказалъ ему взять и нести за собой указанную Клодвигомъ статую. Стоявшая противъ нея голова Медузы лежала на полу разбитая въ дребезги.

Эрихъ спросилъ, кто ее разбилъ, но Робертъ ничего объ этомъ не зналъ. Разспрашивать Беллу и Клодвига молодой человѣкъ не рѣшался. Впрочемъ слуга сообщилъ ему, что графъ по возвращеніи своемъ съ виллы Эдемъ не входилъ въ эту комнату.

Эрихъ снесъ статую въ кабинетъ Клодвига, приблизилъ ее къ постели больного и поставилъ такъ, чтобъ свѣтъ падалъ прямо на нее.

— Да, задумчиво проговорилъ Клодвигъ: она была точь въ точь такая: твоя мать ее знала.

Затѣмъ онъ погрузился въ глубокое раздумье. Долго лежалъ онъ молча, устремивъ взоръ на статую, наконецъ попросилъ Эриха пригласить къ нему въ комнату банкира. Послѣдній не замедлилъ явиться. Клодвигъ встрѣтилъ его улыбкой и словами:

— Послушайте и вы тоже то, что̀ я еще имѣю сказать. Я вижу себя крошечнымъ ребенкомъ въ одной рубашечкѣ, лежащаго на подушкѣ на столѣ. Возлѣ меня сидитъ моя мать. Я еще какъ будто чувствую на себѣ ея теплое дыханіе и слышу нѣжный звукъ ея голоса. Склонивъ голову мнѣ на грудь, она говорила: жило когда-то дитя, и отправилось оно въ лѣсъ собирать цвѣты. Шло оно шло и набрело на прелестные алые цвѣты и нарвало ихъ цѣлый букетъ. Далѣе ему повстрѣчались голубые цвѣты. Дитя бросило алые и нарвало голубые, еще немного далѣе замѣнило ихъ желтыми, потомъ бѣлыми, и наконецъ остановилось у берега ручья. Здѣсь дитя бросило цвѣты въ воду и осталось съ пустыми руками. Смыслъ этого разсказа теперь становится для меня яснѣ. На землю являются народы и держатъ въ рукахъ откровенія: алые, голубые, желтые и бѣлые цвѣты. Они поочереди замѣняютъ одни другими и наконецъ остаются съ пустыми руками. Тогда они говорятъ: пустыя руки хорошій знакъ; они не что иное какъ первый шагъ къ свободному труду. Неправда ли, Эрихъ, я такъ понялъ, что ты хотѣлъ сказать въ твой первый пріѣздъ сюда?... Я какъ теперь вижу тебя стоящимъ подъ яблонью въ цвѣту. Твое слово тогда

такой же отрадой повѣяло на меня, какъ въ дѣтствѣ дыханіе матери, когда она, склоняясь надо мной, шептала свой разсказъ. А теперь прощайте, спокойной ночи...

Эрихъ еще долго сидѣлъ у постели Клодвига, который не выпускалъ его руки изъ своей. Наконецъ больной заснулъ. Въ комнату вошли Белла и Пранкенъ. Послѣдній вмѣстѣ съ сестрой милосердія молился о выздоровленіи Клодвига. Онъ сдѣлалъ это просто, безъ всякой неловкости, но и безъ аффектаціи.

Эрихъ мигнулъ Беллѣ, чтобъ та не шумѣла. Она съ минуту смирно посидѣла, затѣмъ ушла. Пранкенъ за ней послѣдовалъ.

Эрихъ еще долго боролся со сномъ и усталостью. Настало утро, занялась заря и облила комнату красноватымъ свѣтомъ. Эрихъ пошелъ къ сестрѣ милосердія и выразилъ ей свое безпокойство на счетъ ужъ слишкомъ продолжительнаго сна больного. Онъ старался уловить его дыханіе, и ничего не слышалъ.

Они вмѣстѣ приблизились къ постели Клодвига, наклонились надъ нимъ... Онъ спалъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ.

ГЛАВА XV.

Дурныя послѣдствія и пріятныя рѣчи.

Эрихъ послалъ за Пранкеномъ и поручилъ ему передать Беллѣ извѣстіе о смерти ея мужа. Но Пранкенъ настоялъ на томъ, чтобъ ее не будили, такъ какъ ей необходимо было отдохнуть и собраться съ силами. Утро быстро подвигалось впередъ. Сестра милосердія молилась у постели умершаго.

Эрихъ вышелъ въ садъ, встрѣтилъ тамъ банкира, молча подалъ ему руку и они вмѣстѣ пошли далѣе. Вскорѣ однако Эриха позвали къ Беллѣ. Она полулежала на кушеткѣ и плакала. Сестра милосердія тотчасъ послѣ ея пробужденія объявила ей о кончинѣ Клодвига. Белла уже была въ его комнатѣ и теперь громко и неудержимо рыдала. Эрихъ, какъ могъ, утѣшалъ ее, а затѣмъ просилъ отпустить его хоть на нѣсколько часовъ на виллу. Ему хотѣлось знать, что̀ тамъ дѣлается, а къ вечеру онъ обѣщалъ вернуться.

Дорогой онъ встрѣтилъ ловчаго съ бочаромъ.

— Добраго утра, капитанъ! окликнулъ его Клаусъ. Дай Богъ вамъ такого же счастья, какое, благодаря вамъ, выпало намъ на долю. Мы только что купили для Фердинанда гостинницу подъ вывѣской «Карпа». Что можетъ быть лучшаго? Я теперь отецъ содержателя гостиницы.

Эрихъ хотѣлъ говорить, но не могъ. Ловчій не далъ ему вымолвить слова и продолжалъ:

— Слышали вы, что Семиствольникъ наконецъ согласился выдать свою дочь за Фердинанда? И знаете ли кто всему причиной? — Вы.

— Я?

— Да. Если богачъ Зонненкампъ выдаетъ свою дочь за учителя, то Семиствольникъ конечно можетъ выдать свою за бочара. Неправда ли? Ахъ, капитанъ, вы осчастливили всѣхъ насъ. Вотъ вамъ моя рука, что съ сегодняшняго дня я ни капли вина не пью сверхъ того, что нужно для утоленія жажды. А она у меня, сказать въ добрый часъ, здоровенная. Но на свадьбѣ ужъ за то я напьюсь, что называется на славу. А и молодецъ же я на этотъ счетъ: всѣхъ за поясъ заткну. Поѣдемте къ намъ, капитанъ: у насъ настоящая гостинница съ отличной конюшней.

Эриху было тяжело отъ этого внезапнаго перехода отъ постели умершаго къ жизни и радости. Ни слова не сказавъ о смерти Клодвига, онъ только просилъ Клауса его болѣе не задерживать.

Наконецъ онъ прибылъ на виллу Эдемъ.

— Есть при графинѣ кто-нибудь изъ ея подругъ? спросила профессорша, узнавъ о смерти графа.

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно. Профессоршѣ было чрезвычайно грустно, что она не могла въ эту скорбную минуту предложить Беллѣ ни помощи, ни утѣшенія. Графиня полагала свою гордость въ томъ, чтобы женщины скорѣе ее боялись, нежели любили, и теперь, когда ее постигло горе, не было ни души, которая сочла бы себя вправѣ или обязанной явиться къ ней съ участіемъ и лаской. Однако тетушка Клавдія сказала Эриху:

— Когда ты снова поѣдешь въ Вольфсгартенъ, возьми меня съ собой.

Манна уговаривала Эриха отдохнуть, но это оказалось невозможнымъ. Отъ Беллы явился посланный съ запиской, въ которой было торопливой рукой написано:

— Пріѣзжайте скорѣй служить мнѣ свидѣтелемъ. Я потеряна и обезчещена.

Эрихъ снова отправился въ Вольфсгартенъ, но на этотъ разъ въ сопровожденіи тетушки Клавдіи. Профессоръ Эйнзидель тоже хотѣлъ ѣхать съ ними, но профессорша и Манна упросили его ихъ не покидать. Онъ въ теперешнихъ горестныхъ обстоятельствахъ былъ для нихъ настоящимъ утѣшеніемъ и опорой. Эрихъ обѣщалъ вернуться въ теченіи ночи. Онъ недоумѣвалъ, что могло

въ такое короткое время произойти въ Вольфсгартенѣ послѣ смерти Клодвига.

Тамъ онъ былъ встрѣченъ толпою слугъ, которые всѣ какъ-то робко на него поглядывали, а одинъ изъ нихъ произнесъ довольно громко, такъ что онъ ясно слышалъ:

— Кто знаетъ, можетъ быть и этотъ молодой человѣкъ помогалъ ей.

Сестра милосердія выбѣжала къ Эриху и поспѣшно проговорила:

— Здѣсь происходятъ страшныя вещи. Женщина, призванная омыть и прибрать тѣло графа, нашла у него странный знакъ на шеѣ. Она показала его другимъ и вдругъ разнесся слухъ, будто графъ былъ задушенъ. Вы до послѣдней минуты находились при немъ и на васъ отчасти падаетъ подозрѣніе. Все это такъ странно, непонятно! Хоть бы докторъ скорѣй пріѣхалъ. Мы посылали за нимъ въ разныя стороны, но его нигдѣ не могли найти.

Белла, узнавъ о пріѣздѣ Эриха, принялась сильно звонить, требуя, чтобъ онъ немедленно къ ней пришелъ. Эрихъ попросилъ тетушку Клавдію остаться въ нижнемъ этажѣ вмѣстѣ съ банкиромъ, а самъ послѣдовалъ за сестрой милосердія къ Беллѣ.

— Оставьте насъ вдвоемъ, сказала-было графиня, обращаясь къ сестрѣ милосердія, но вслѣдъ затѣмъ быстро прибавила: впрочемъ, нѣтъ, не уходите, это можетъ возбудить новыя подозрѣнія... Подозрѣнія! Стыдъ и срамъ! громко воскликнула она въ негодованіи. Всѣ вы лжецы и лицемѣры. Пусть себѣ говорятъ, что хотятъ, а я останусь съ вами наединѣ. Вездѣ, куда ни обернешься, ложь, и онъ тоже лгалъ.

Когда сестра милосердія вышла изъ комнаты, Белла сказала:

— На меня вдругъ обрушилось наказаніе, ужаснѣе котораго не могъ бы придумать самый лукавый изъ демоновъ. Каково вамъ это покажется, капитанъ Дорнэ: меня, Беллу фонъ-Пранкенъ, обвиняютъ въ томъ, что я будто бы задушила моего мужа. Такъ вотъ для чего я въ теченіи стольких лѣтъ жертвовала собой! Чтобъ меня подозрѣвали... Нечего сказать, жестоко наказана я за всѣ свои дѣйствія, слова и мысли! Да будетъ проклята моя вѣрность къ нему! Онъ постоянно до послѣдней минуты носилъ въ своемъ сердцѣ портретъ другой женщины.

— Докторъ пріѣхалъ! послышался чей-то голосъ у дверей. И дѣйствительно, минуту спустя въ комнату вошелъ Пранкенъ, а за нимъ докторъ Рихардтъ.

— Мнѣ уже все извѣстно, сказалъ онъ. Что за дураки подняли всю это суматоху! Точно всякій невѣжда не знаетъ, что

поврежденіе, нанесенное человѣку послѣ смерти, имѣетъ совсѣмъ другой видъ нежели то, которое онъ могъ бы получить еще при жизни. На шеѣ графа только слегка сдернута кожа. Но не можете ли вы мнѣ объяснить, какъ это случилось?

Белла разсказала, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ къ ней явился Робертъ съ вопросомъ, что̀ слѣдуетъ сдѣлать съ портретомъ, который графъ при жизни постоянно носилъ на груди. Она пожелала узнать, что̀ это за портретъ. Слуга сказалъ, что то было изображеніе женщины. Тогда она въ припадкѣ гнѣва бросилась въ комнату къ покойнику и сорвала у него съ шеи портретъ, висѣвшій на тонкомъ снуркѣ.

— То былъ портретъ его первой жены, вотъ онъ, прибавила Белла, и показала всѣмъ изображеніе на маленькой золотой дощечкѣ прелестнаго женскаго лица.

Докторъ и Эрихъ взглянули сначала на портретъ, потомъ на Беллу. «Такъ вотъ почему, подумалъ послѣдній, онъ желалъ имѣть около своей постели статую «Побѣды». Странное сходство!»

Докторъ былъ того мнѣнія, что гнѣвный порывъ графини слѣдовало скрыть, изъ опасенія подать новый поводъ къ толкамъ. Онъ просилъ подтвердить его объясненіе, что на снурокъ попало нѣсколько капель сильнаго лекарства, которое, производя на кожѣ раздраженіе, и было причиной найденнаго на шеѣ знака.

Эрихъ къ ужасу своему вспомнилъ просьбу Клодвига, послѣ смерти что-то снять у него съ груди. Онъ сообщилъ это доктору и Беллѣ, которые въ отвѣтъ ему могли только покачать головой.

Докторъ просилъ Беллу, Эриха, Пранкена, банкира и сестру милосердія пойти съ нимъ въ комнату умершаго. Тамъ онъ, въ присутствіи всѣхъ слугъ, сдѣлалъ выговоръ женщинѣ, первой поднявшей тревогу, а затѣмъ объяснилъ, что краснота на шеѣ была произведена попавшимъ на нее сильнымъ лекарствомъ.

Эрихъ еще разъ взглянулъ на тѣло своего друга. Стоявшая около него статуя «Побѣды», казалось, тоже печально на него смотрѣла.

Беллу снова увели въ ея комнату, куда вскорѣ пришла и тетушка Клавдія. Графиня протянула ей лѣвую руку. Въ правой она держала у лица платокъ.

Во дворъ въѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышелъ придворный лейбъ-медикъ. Мужчины поспѣшили къ нему на встрѣчу. Докторъ Рихардтъ въ короткихъ словахъ объяснилъ причину болѣзни Клодвига, которая, по его мнѣнію, заключалась въ простудѣ и въ сильномъ душевномъ потрясеніи. Все общество

правилось въ оранжерейную залу, гдѣ была приготовлена закуска. Докторъ заставилъ Эриха выпить стаканъ вина.

— Пейте, сказалъ онъ ему. Вамъ предстоитъ еще большая трата силъ, вино же хорошая пища для жизненной машины.

Эрихъ выпилъ вино, а въ немъ и нѣсколько слезъ, которыя изъ глазъ его упали въ стаканъ.

Эрихъ на минуту ушелъ и вернулся съ небольшимъ ящичкомъ въ рукахъ. Клодвигъ поручилъ ему передать герцогу всѣ свои ордена, а онъ въ свою очередь просилъ лейбъ-медика исполнить это за него, такъ какъ самъ не рѣшался покинуть виллу, гдѣ его присутствіе въ настоящую минуту было особенно нужно. Лейбъ-медикъ обязательно согласился исполнить желаніе молодого человѣка, — причемъ выразилъ искреннее сожалѣніе, что общество лишилось еще одного изъ благороднѣйшихъ своихъ представителей. «Графъ, говорилъ онъ, былъ человѣкъ, бесѣда съ которымъ всегда благотворно дѣйствовала на всякаго, кто къ нему приближался. Его постоянное стремленіе къ собственному усовершенствованію, кротость, спокойствіе и доброта, — все это качества, которыя съ каждымъ днемъ становятся рѣже и рѣже.»

Докторъ Рихардтъ, сѣвъ въ кресло и скрестивъ ноги, воскликнулъ:

— Вы совершенно правы. Избитая фраза: онъ былъ слишкомъ хорошъ для этого свѣта, какъ нельзя болѣе справедлива въ отношеніи къ графу. Онъ имѣлъ счастіе, или несчастіе, всякое отдѣльное событіе разсматривать въ связи со всѣмъ человѣчествомъ, а это совершенно естественно развиваетъ равнодушіе къ тому, сегодня или завтра совершится этотъ отдѣльный фактъ, и я, ты, или кто другой будемъ содѣйствовать его осуществленію. Графъ могъ бы дѣйствовать на гораздо болѣе обширномъ поприщѣ; отъ него зависѣло бы производить общественные и политическ[illegible] [illegible]ереворот[ы], но это казалось ему слишкомъ труднымъ и онъ счелъ за лучшее отъ этого отстраниться. Всякій новый о[illegible]тъ, всякое событіе, встрѣчавшееся ему на пути, онъ обращалъ на усовершенствованіе своей собственной прекрасной личности. Это въ высшей степени хорошо и благородно, но тѣмъ не менѣе жизнь его, чуждая всякой дѣятельности, прошла совсѣмъ безслѣдно. Онъ былъ истый сынъ философіи, которая все понимаетъ, все допускаетъ, за всѣмъ слѣдитъ, но сама ни въ чемъ не принимаетъ участія и довольствуется тѣмъ, что все, совершающееся у нея передъ глазами, возводитъ въ стройную систему. Я не разъ говорилъ ему это при жизни, и теперь, послѣ его смерти, считаю себя вправѣ повторять тоже самое....

— Онъ какъ-то разъ передавалъ мнѣ ваши слова, капитанъ,

которыя его сильно поразили, продолжалъ банкиръ. Вы говорили, что человѣкъ въ нашъ вѣкъ какъ бы отправляетъ въ жизни должность служителя при желѣзной дорогѣ. Это совершенно справедливо. Всѣ мы въ бо̀льшихъ или меньшихъ размѣрахъ кондукторы на скоромъ поѣздѣ нашего времени, которое мчится съ неимовѣрной быстротой впередъ. Но не каждый изъ насъ одинаково способенъ къ отправленію этой должности.

Эрихъ, передъ которымъ Клодвигъ, умирая, излилъ всю свою душу, могъ бы многое объяснить въ характерѣ своего покойнаго друга. Но докторъ не далъ ему вымолвить слова.

— Какъ бы то ни было, сказалъ онъ, я вовсе не намѣренъ хулить графа. Врядъ ли во всей окрестности найдется человѣкъ, который сожалѣлъ бы и уважалъ его наравнѣ со мной.

Зашла рѣчь о страшномъ подозрѣніи, которое такъ неосновательно, было, пало на Беллу, но докторъ очень рѣшительно замѣтилъ, что всего лучше объ этомъ молчать. Онъ отъ души сожалѣлъ, что произошла такая неслыханная ошибка, и возмущался при мысли, о невозможности вполнѣ изгладить въ умахъ память о ней. Что ни говори и ни дѣлай теперь, а люди все будутъ упорно стоять на своемъ, или по крайней мѣрѣ помнить о своихъ подозрѣніяхъ.

Вскорѣ пришелъ Пранкенъ, а съ нимъ и патеръ сосѣдняго прихода. Они вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ удалились въ уголъ залы и долго о чемъ-то горячо разсуждали. Наконецъ патеръ, сдаваясь на увѣщанія двухъ другихъ, согласился совершить надъ умершимъ всѣ предписываемые церковью обряды.

Затѣмъ докторъ Рихардтъ уѣхалъ вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ. Эрихъ, банкиръ и тетушка Клавдія послѣдовали за ними, такъ какъ Белла выразила желаніе остаться совсѣмъ одна.

Уѣзжающіе съ тоской оборачивались, чтобъ еще разъ взглянуть на домъ, гдѣ теперь развѣвалось черное знамя.

Тѣло Клодвига въ теченіи двухъ дней было выставлено въ большой залѣ. Голова его покоилась на бѣлой атласной подушкѣ, лицо было спокойно. У гроба горѣли свѣчи, а вокругъ стояли цвѣты и растенія.

Народъ толпами стекался изъ окрестностей въ послѣдній разъ взглянуть на графа Вольфсгартена. Однихъ влекло любопытство, другихъ искреннее уваженіе къ памяти покойнаго. Белла слышала, какъ уходившіе говорили: по его лицу вовсе не видно, что онъ былъ удавленъ.

На третій день въ Вольфсгартенъ собрались Эрихъ, мировой судья, банкиръ, маіоръ, нѣсколько почетныхъ гражданъ изъ сосѣдняго городка, посланный отъ герцога и много важныхъ го-

-сударственныхъ сановниковъ. Всѣ они сопровождали тѣло Клодвига въ фамильный склепъ.

Колокола печально гудѣли въ воздухѣ, между тѣмъ какъ хоронили послѣдняго изъ Вольфсгартеновъ.

Зонненкампъ тоже хотѣлъ быть на похоронахъ и отправился въ Вольфсгартенъ, но его никто не видѣлъ въ печальной процессіи.

Маіоръ замѣтилъ Эриху, что Зонненкампъ сдѣлалъ весьма хорошо, не явясь на похороны. Онъ возбудилъ бы всеобщее любопытство и тѣмъ самымъ смутилъ бы торжественное настроеніе духа присутствующихъ.

А Зонненкампъ между тѣмъ провелъ весь день въ гостинницѣ сосѣдней деревни. Зная, что вездѣ, гдѣ бы онъ ни появился, его видъ долженъ былъ возбуждать любопытство и ужасъ, онъ сѣлъ въ уединенный уголъ и весь закрылся газетой, которую читалъ. Неподалеку отъ него расположилось нѣсколько человѣкъ и въ томъ числѣ одинъ еврей, торговавшій скотомъ. Онъ очень громко о чемъ-то разглагольствовалъ, а всѣ другіе его внимательно слушали.

— Господинъ Зонненкампъ, говорилъ онъ, никогда не далъ намъ ничѣмъ отъ себя поживиться. Куда какъ это похвально съ его стороны! Ужъ чего, чего только не приписывали намъ, евреямъ, а все же мы никогда не торговали невольниками, — нѣтъ, никогда!

Вскорѣ разговоръ перешелъ на Беллу. Эти люди упорно стояли на томъ, что графиня что-нибудь да сдѣлала своему мужу, сколько бы ни старался докторъ это опровергнуть. Ну возможно ли, чтобъ красной знакъ вокругъ шеи графа происходилъ единственно отъ снурка, на которомъ онъ постоянно носилъ портретъ своей первой жены?

Услышавъ подобные толки о Беллѣ, Зонненкампъ весь встрепенулся и лицо его оживилось. Если что-нибудь можетъ заставить ее согласиться на предложеніе, съ которымъ онъ теперь къ ней пріѣхалъ, то конечно эти подозрѣнія. Графиня должна быть возмущена и безъ сомнѣнія вступитъ съ нимъ въ переговоры, а разъ что она это сдѣлаетъ, онъ можетъ считать свое дѣло выиграннымъ.

Зонненкампъ послалъ Лутца разузнать, что дѣлалось въ Вольфсгартенѣ. Тотъ послѣ долгаго отсутствія наконецъ вернулся.

ГЛАВА XVI.

ПОДЪ ОГНЕННЫМЪ ДОЖДЕМЪ.

Въ комнату Клодвига сквозь открытое окно проникалъ рѣдкій осенній туманъ, который собирался въ крупныя капли на мраморномъ лбу статуи «Побѣды».

Въ Вольфсгартенѣ водворились мракъ и безмолвіе. Пранкенъ тоже оттуда уѣхалъ.

Белла въ глубокомъ траурѣ сидѣла у себя въ комнатѣ. У ней на рукахъ были черные браслеты, она только что примѣрила и сняла черныя перчатки. Сложивъ руки на груди, она откинулась на спинку стула и устремила вдаль взоръ съ застывшимъ въ немъ выраженіемъ, которое дѣлало ее такой похожею на статую Медузы.

«Ты одна въ цѣломъ мірѣ, шепталъ ей внутренній голосъ. Ты и всегда была одинока, потому что ты исключительная натура, необыкновенная женщина....»

Она вся вспыхнула при мысли, что ее хоть одну минуту могли подозрѣвать въ убійствѣ мужа. Такъ вотъ къ чему привело ее насиліе, которое она въ теченіи столькаго времени дѣлала надъ своимъ сердцемъ и воображеніемъ. Люди, какъ оказывалось, не хотѣли вѣрить ея счастію. Она мысленно перенеслась въ столицу и старалась угадать, что тамъ теперь о ней говорилось въ высшемъ обществѣ.

Слуха Беллы коснулись мѣрные удары маятника висѣвшихъ по близости часовъ. Ей вдругъ пришли на умъ слова Клодвига. «Воспоминанія о прошломъ и желанія на счетъ будущаго, говорилъ онъ, играютъ въ жизни человѣческой роль маятника при часахъ.» «Это годилось для него подумала Белла, я же не могу, подобно ему, жить одними воспоминаніями и желаніями, мнѣ нужно настоящее, я хочу жизни—жизни, исполненной пыла и страстей».

Она встала и подошла къ зеркалу, досадуя на себя, зачѣмъ это дѣлаетъ. Но взглянувъ на свое собственное отраженіе, она была чрезвычайно непріятно поражена тѣмъ, что фигура ея уже утратила часть своей стройности и гибкости. Она себѣ вдругъ показалась такой маленькой. Въ головѣ ея мысли быстро смѣнялись одна другой и внезапно остановились на вопросѣ: «если ужъ ему предстояло умереть прежде меня, почему онъ не умеръ раньше, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покуда я еще была молода

и красива.» Белла на мгновеніе испугалась собственныхъ мыслей, но вслѣдъ затѣмъ похвалила себя за искренность. Гордо закинувъ назадъ голову, она почти вслухъ произнесла:

— Приличія для меня не существуютъ. То, о чемъ мнѣ будетъ дозволено думать черезъ годъ, о томъ я думаю уже теперь. Какое мнѣ дѣло до раздѣленія времени, котораго придерживаются въ свѣтѣ? Да, я сегодня уже хочу думать о томъ, о чемъ другія обыкновенно думаютъ только по истеченіи года. Я вдова, одинокая, безпомощная, которую, если кто и будетъ навѣщать, такъ развѣ только изъ милости, или состраданія. И ко всему этому на мнѣ еще лежитъ ужасное подозрѣніе!.... Я могу уѣхать въ столицу, поселиться тамъ... О, достойное зависти положеніе! У меня будетъ открытый домъ, меня выберутъ въ президентши учрежденія для снабженія пищей бѣдныхъ, а когда я умру, за гробомъ моимъ пойдутъ въ голубыхъ передничкахъ двѣнадцать самыхъ благонравныхъ изъ воспитывающихся въ моемъ пріютѣ дѣвочекъ-сиротъ. Стóитъ для этого жить! Нѣтъ! Я не могу остаться одна. Что же, мнѣ придется снова путешествовать, любоваться природой и произведеніями искусства, толковать о томъ и другомъ, шутить, острить, играть на фортепіано. Все это уже исчерпано мной. Князя Валеріана я легко могла бы къ себѣ привлечь. Но ѣхать въ чужую страну и тамъ снова льстить, лицемѣрить, притворно радоваться освобожденію русскихъ крестьянъ... Нѣтъ, невозможно! «Кавалеръ бутылки», пожалуй, болѣе годился бы. Онъ былъ бы мнѣ покоренъ и окружилъ бы меня обожаніемъ, но у него все ушло на внѣшность, за то эта внѣшность хороша.... а впрочемъ все и всюду одна и таже ложь!... Нѣтъ, нѣтъ, прочь отсюда, на просторъ! Жизни, жизни хочу я, борьбы съ опасностью, съ нуждой!... Я презираю все и всѣхъ на свѣтѣ.... Я смѣло брошу міру въ лицо мое презрѣніе, посмѣюсь надъ честью и гуманностью....

Во дворъ въѣхалъ высокій всадникъ, закутанный въ черный плащъ. «Ужъ не Зонненкампъ ли это? Что ему здѣсь надо?»

Минуту спустя явился слуга съ докладомъ о пріѣздѣ господина Зонненкампа.

— Просите его сюда, сказала Белла.

Зонненкампъ вошелъ въ комнату.

— Графиня, сказалъ онъ, я прихожу къ вамъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ вы приходили ко мнѣ. Примите мое удивленіе къ воодушевляющему васъ геройскому духу.

— Геройскій духъ.... Ахъ, я такъ оскорблена, покинута, слаба!

— Вы оскорблены, покинуты, слабы,—вы, которая вдохнула въ меня новую силу, научила меня презирать весь міръ... Смотрите, я снова бодръ, снова молодъ и свѣжъ. Графиня, въ этотъ торжественный часъ я являюсь къ вамъ одной. Вы однѣ примиряете меня съ міромъ, — ахъ, еслибъ я, взамѣнъ этого, съ моей стороны могъ бы вамъ что-нибудь дать!

Белла въ волненіи встала съ мѣста, а Зонненкампъ продолжалъ:

— Отрѣшитесь отъ этого часа, выбросьте изъ своей памяти этотъ годъ, перенеситесь за моря, поставьте себя въ новыя отношенія къ обществу, создайте себѣ новыя условія жизни. Если кто-нибудь способенъ этого достигнуть, то конечно вы, и вы однѣ. Белла, я могъ бы сказать, что удаляюсь отсюда, жертвую всѣмъ, беззаботно отталкиваю отъ себя жену и дѣтей, единственно съ цѣлью пріобрѣсти тебя, внушить тебѣ смѣлость въ твою очередь отказаться отъ прошлаго и превратиться въ свободное, ни отъ кого и ни отъ чего независящее существо. Я могъ бы все это сказать, и не солгалъ бы. Но съ тобой я не вправѣ такъ говорить. Нѣтъ, не во мнѣ и не для меня, но въ самой себѣ и для себя должна ты жить, Белла! Старыя бабы разсказываютъ сказки, въ которыхъ преступленію никогда не удается прочно связывать между собой людей. Все это вздоръ. Для меня вполнѣ ясно, что̀ происходитъ въ твоей душѣ, которая есть не что иное, какъ подобіе моей собственной. Ты говоришь вмѣстѣ со мной: «я нахожусь въ разладѣ съ міромъ. Онъ предписываетъ трудиться на пользу общую, а я стремлюсь заключиться въ собственномъ эгоизмѣ, и у меня на это хватитъ мужества. Я не могу и не хочу быть полезнымъ членомъ общества, ходячей благотворительностью...» Знай же: во мнѣ эгоизмъ также силенъ, какъ въ тебѣ. И если я желаю чего-нибудь для тебя, такъ это потому только, что оно нужно мнѣ самому. Другой бы наговорилъ тебѣ кучу нѣжностей, постарался бы тебя тронуть силой своей страсти, — я же тебя слишкомъ уважаю, слишкомъ высоко цѣню, и знаю, что у тебя хватитъ мужества быть самой собою.

— Я васъ не понимаю. Что̀ вамъ надо? Чего вы хотите для меня, чего желаете для себя?

— Для себя? Что осталось мнѣ желать? Развѣ только пули въ лобъ. Но тѣмъ не менѣе, я еще могу быть спасенъ.

— Чѣмъ? Кѣмъ?

— Тобою. Я готовъ еще жить и бороться, лишь бы видѣть тебя великой и рука объ руку съ тобой идти по одному пути. Если человѣку доступно чувство удивленія къ великому, если

ему свойственно преклоняться передъ всемогущей силой генія, то я....

Онъ сдѣлалъ движеніе, шагъ впередъ, но Белла вдругъ спокойно проговорила:

— Садитесь.

Онъ, казалось, былъ пораженъ, но сѣлъ и продолжалъ:

— Графиня, мнѣ неизвѣстно, что̀ вы намѣрены теперь предпринять.... или нѣтъ, я знаю, что̀ вы должны и можете начать. Пожалуйста не прерывайте меня, дайте мнѣ высказаться до конца. Если окажется, что я еще и въ васъ ошибся, то мнѣ останется только сознаться, что я жестоко заблуждался, что вся моя жизнь—война, которую я объявилъ обществу, всѣ мои убѣжденія были одной безумной мечтой. Я признаю себя побѣжденнымъ и провозглашу правыми благонамѣренныхъ проповѣдниковъ, громко и высокопарно толкующихъ о нравственности. Графиня, Белла, вспомните великую истину, съ которой вы недавно явились ко мнѣ. Существо вполнѣ независимое, стремящееся къ свободной дѣятельности, говорили вы, не имѣетъ, не должно имѣть семьи. Слова эти сдѣлались моей путеводной звѣздой. Я рѣшился, и у меня нѣтъ болѣе семьи, кромѣ меня самого и васъ.... Вы тоже не должны имѣть никого кромѣ себя самой. Для васъ настало время освобожденія: вы должны, вы можете, вы будете свободной.

— Да, я хочу и буду. Вы странный, удивительный человѣкъ, вы вполнѣ понимаете, что̀ во мнѣ происходитъ. Продолжайте.... съ чѣмъ вы ко мнѣ пришли?

— Ни съ чѣмъ, графиня. Я оставилъ позади себя все, что̀ могло бы еще служить мнѣ связью съ обществомъ. Вамъ одной говорю я, что сегодня же уѣзжаю въ Новый Свѣтъ. Тамъ начнется для меня новая жизнь.

Зонненкампъ всталъ и схватилъ ее за руку.

— Белла, вы великая женщина, созданная царствовать и все побѣждать на своемъ пути. Поѣдемте со мной, у васъ хватитъ на это мужества.

Белла вздрогнула, глаза ея расширились, она раскрыла ротъ, хотѣла, но не могла говорить.

— Я знаю, продолжалъ Зонненкампъ, что вамъ всего дороже ваша независимость, и я обѣщаю вамъ полную, безграничную свободу. Поѣдемте со мной, это придастъ мнѣ силы, если понадобится воздвигнуть для васъ тронъ. Вы созданы для того, чтобъ носить корону. Поѣдемте, поѣдемте!

Онъ говорилъ горячо, съ увлеченіемъ; въ тонѣ его звучали искренность и энергія.

Онъ взялъ Беллу за руку, она ее не отняла.

Неужели она такъ долго со всѣми играла только для того, чтобъ теперь самой подчиниться чужому вліянію? На мгновеніе въ ней мелькнуло желаніе оттолкнуть Зонненкампа: какое торжество было бы вспоминать, что и это было въ ея рукахъ, но она и этимъ пренебрегла.... «Ты ни подъ какимъ видомъ не должна себя связывать», шепталъ ей внутренній голосъ, но въ тоже время она невольно произнесла вслухъ:

— Вы человѣкъ съ возвышеннымъ образомъ мыслей и высокаго мнѣнія обо мнѣ. Благодарю васъ. О, другъ мой, мы жалкія, слабыя созданья. Увы! Зачѣмъ явились вы такъ поздно! Десять лѣтъ тому назадъ, у меня еще хватило бы силъ и увлеченія. Я на все рѣшилась бы, лишь бы избѣгнуть этого томительнаго, празднаго, ничтожнаго, разбитаго на мелочи, антикварскаго, фальшиваго существованія.... Нѣтъ, я не то хотѣла сказать.... а между тѣмъ.... Наконецъ вы являетесь, узнаёте, угадываете меня, но.... то, что вы предлагаете, болѣе невозможно. Слишкомъ поздно!

— Поздно! воскликнулъ Зонненкампъ, и схватилъ ее за обѣ руки. Белла, ты говорила, что еслибъ я явился къ тебѣ въ молодости, ты пошла бы за мной на край свѣта. Белла.... всѣ мы молоды, пока хотимъ быть молодыми. Ты еще молода, а я хочу и тоже буду молодъ. Вооружись мужествомъ, будь сама собой. Что такое даже семьдесятъ праздныхъ, безцвѣтныхъ лѣтъ въ сравненіи съ однимъ богатымъ жизнью и событіями годомъ.

Настало молчаніе. Въ комнатѣ ничего не было слышно, кромѣ звука маятника у часовъ, да крика попугая въ сосѣдней залѣ.

— Когда вы уѣзжаете? спросила наконецъ Белла.

— Сегодня ночью, со скорымъ поѣздомъ.

— Отчего не съ пароходомъ? Развѣ они болѣе не ходятъ?

— Ходятъ, и одинъ изъ нихъ отправляется не позже какъ сегодня ночью.

— Хорошо, я ѣду съ тобой. А теперь иди.... иди! Вотъ моя рука, что я ѣду.

Она вдругъ точно замерла на мѣстѣ и сидѣла съ закрытыми глазами. Зонненкампъ взялъ ее за руку и сжимая ее, коснулся траурнаго кольца. Онъ потихоньку снялъ его.

— Что вы дѣлаете? спросила Белла, очнувшись. Она въ недоумѣніи смотрѣла на Зонненкампа и на кольцо въ его рукѣ.

— Оставьте мнѣ его въ знакъ вашей неизмѣнной рѣшимости, проговорилъ онъ.

— Къ чему это? Развѣ мы люди, на которыхъ можетъ имѣть вліяніе подобный вздоръ? Отдайте мнѣ его назадъ.

Онъ отдалъ кольцо, но она его болѣе не надѣвала.

Ночью къ пристани сосѣдняго городка причалилъ пароходъ. Шелъ сильный дождь, по временамъ дулъ свѣжій, порывистый вѣтеръ, машина на пароходѣ шипѣла и, пыхтя, испускала густой паръ. На пристани стоялъ окутанный въ плащъ мужчина. Мимо него, какъ тѣнь, скользнула высокая, черная фигура женщины.

— Оставь меня одну, проговорила она ему на ходу.

Съ пристани перекинули на пароходъ доску. Женщина первая на нее вступила, мужчина послѣдовалъ за ней.

Минуту спустя доску снова убрали. Пароходъ описалъ широкую дугу и быстро поплылъ впередъ, не взирая ни на мракъ, ни на бурю. На палубѣ не было никого, кромѣ таинственныхъ мужчины и женщины. Матросы, и тѣ спѣшили убраться по каютамъ. Рулевой въ непромокаемомъ плащѣ и широкополой шляпѣ ворочалъ колесо, зорко наблюдая за ходомъ парохода и тихонько свисталъ.

Высокая, черная фигура женщины расположилась на томъ концѣ палубы, который былъ обращенъ къ истоку рѣки. Глаза ея покоились то на волнахъ, то на мелькавшихъ мимо селахъ и городахъ, гдѣ еще мѣстами сверкали огни, бросая на воду полосы свѣта, которыя, едва блеснувъ, мгновенно исчезали. Изъ трубы вмѣстѣ съ дымомъ вылетали искры и огненнымъ дождемъ разсыпались вокругъ высокой черной фигуры....

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

ПОКИНУТЫЕ.

Листья съ деревьевъ опали, вѣтви обнажились, вилла Эдемъ, сіяя бѣлизной, стояла въ полномъ блескѣ красоты, которую теперь ничто болѣе не скрывало.

Домъ былъ покинутъ. Тотъ, кто его выстроилъ и окружилъ садами, внезапно исчезъ.

Зонненкампъ вернулся въ Европу съ цѣлью отдохнуть, занять въ обществѣ почетное мѣсто и устроить судьбу своихъ дѣтей. Это ему не удалось, и онъ снова отправился въ Новый Свѣтъ, увлекая за собой въ бездну другую безпокойную, жаждущую приключеній душу.

Въ прирейнской долинѣ свирѣпствовалъ бурный ноябрьскій вѣтеръ; онъ качалъ деревья и дулъ въ паруса судовъ, которыя быстро мчались по рѣкѣ.

Эрихъ, пробудясь, съ новой силой почувствовалъ потерю, которую понесъ въ смерти Клодвига. Онъ вдвойнѣ оплакивалъ его потому, что зналъ, какъ не многіе были способны вполнѣ понять душевную чистоту и благородство этого человѣка. Клодвигъ не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, и только тѣ, которые были къ нему особенно близки, могли знать ему настоящую цѣну.

Но Эриху, несмотря на раннюю пору утра, не дали долго думать объ отшедшемъ другѣ. Ему доложили о пріѣздѣ нотаріуса изъ сосѣдняго городка.

Нотаріусъ привезъ записку отъ Зонненкампа. Послѣдній увѣдомлялъ, что бралъ съ собой всю ту часть своего состоянія, которую пріобрѣлъ посредствомъ торговли неграми. Остальное онъ отдавалъ въ полное распоряженіе Вейдемана и Эриха, которымъ поручалъ также опеку надъ дѣтьми и заботы о Церерѣ.

Эрихъ вторично прочелъ записку. Онъ, казалось, не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ ея содержаніи. Нотаріусъ пояснилъ, что Зонненкампъ былъ у него наканунѣ и составилъ всѣ акты,

необходимые для назначенія опеки, и кромѣ того заготовилъ еще письмо на имя Вейдемана.

Эрихъ оставилъ нотаріуса одного, а самъ вышелъ въ паркъ. Долго бродилъ онъ взадъ и впередъ, стараясь сообразить, что̀ все́ это означало. Ему попалась на встрѣчу тетушка Клавдія, и онъ разсказалъ ей обо всемъ случившемся.

— Онъ самъ произнесъ и исполнилъ надъ собой приговоръ, замѣтила та съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ. Затѣмъ она въ свою очередь сообщила, что Зонненкампъ наканунѣ былъ въ виноградномъ домикѣ и убѣдительно просилъ ее сохранить къ его дѣтямъ и къ Церерѣ всю дружбу, какую она оказывала имъ до сихъ поръ.

Тутъ невольно, самъ собой являлся вопросъ, какое впечатлѣніе произведетъ еще это событіе на различныя личности, которыхъ оно болѣе или менѣе касалось? Какъ сообщить объ этомъ женѣ и дѣтямъ?

Эрихъ съ тетушкой Клавдіей отправились къ профессоршѣ и застали у нея Манну.

Онъ старался какъ можно мягче и осторожнѣе предупредить молодую дѣвушку о внезапномъ отъѣздѣ ея отца, но та вдругъ перебила его восклицаніемъ:

— Онъ насъ покинулъ!

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно.

Профессорша схватила Манну за руку. Молодая дѣвушка съ минуту оставалась неподвижною, устремивъ взоръ въ пустое пространство, потомъ дрожащимъ голосомъ проговорила:

— О, мать моя! Я пойду къ ней.

Эрихъ замѣтилъ, что не лучше ли поручить фрейленъ Пэрини сообщить Церерѣ извѣстіе объ отъѣздѣ ея мужа, но Манна рѣшительно объявила, что хочетъ сдѣлать это сама съ помощію только профессорши.

Обѣ женщины немедленно отправились на виллу.

Церера при первомъ намекѣ на отъѣздъ мужа воскликнула:

— Я знаю, знаю, только не смѣю объ этомъ говорить. О, я умѣю молчать! Онъ меня къ этому пріучилъ.

Затѣмъ она дала понять, что Зонненкампъ только на время уѣхалъ въ Италію, а можетъ быть и въ Парижъ, куда въ самомъ скоромъ времени призоветъ и ихъ всѣхъ.

Видя, какъ Манна нѣжно около нея увивалась, Церера съ улыбкой сказала:

— Неправда ли, дитя, тебѣ вовсе не зачѣмъ было удаляться въ монастырь? Я всегда была противъ этого. Прошу тебя, когда мы пріѣдемъ къ отцу твоему, подтверди мои слова. Въ мона-

стырѣ такъ холодно и всѣ носятъ черныя платья,—къ тебѣ же черное вовсе нейдетъ.

Эриха вызвали изъ комнаты. Роландъ вернулся изъ Маттенгейма. Щеки его пылали, и онъ воскликнулъ:

— Эрихъ, господинъ Вейдеманъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ сегодня сюда будетъ. Знаешь ли новость? Линкольнъ избранъ въ президенты. Господинъ Вейдеманъ получилъ объ этомъ извѣстіе.

Въ умѣ Эриха мгновенно мелькнула догадка. Зонненкампъ вѣроятно тоже зналъ объ избраніи Линкольна, и это безъ сомнѣнія было главной причиной его внезапнаго отъѣзда. Онъ такъ часто говорилъ, что съ избраніемъ Линкольна война сдѣлается неизбѣжной, и теперь, должно полагать, уѣхалъ, съ цѣлью принять въ ней участіе.

— Гдѣ мой отецъ? Спросилъ Роландъ, недоумѣвая почему Эрихъ молчитъ.

— Твой отецъ?

— Да, гдѣ онъ?

— Уѣхалъ въ Америку.

— Не простясь съ нами? А матушка... гдѣ матушка?

— Манна при ней.

Эрихъ долженъ былъ все разсказать Роланду, который, выслушавъ его, долго не могъ произнести слова. Наконецъ онъ проговорилъ:

— Я пойду къ матушкѣ.

Эрихъ убѣждалъ Роланда быть какъ можно осторожнѣе. Тотъ обѣщался.

Церера встрѣтила сына словами:

— Онъ васъ оставилъ со мной, слѣдовательно намѣренъ вернуться.

И она съ порывистой нѣжностью обняла Роланда, приговаривая:

— Ты меня никогда не покидалъ... никогда не уходилъ отъ меня въ монастырь. Манна, бери примѣръ съ брата. Впрочемъ, теперь и ты останешься со мной.

Профессорша отправила посланнаго за маіоромъ. Тотъ немедленно явился, и узнавъ въ чемъ дѣло, ахнулъ:

— А мы еще не успѣли произнести надъ нимъ приговора!

Бурный вѣтеръ, крутившій въ воздухѣ желтые листья, казалось развѣвалъ по сторонамъ также и людей.

Эрихъ и маіоръ стояли вмѣстѣ и разговаривали, какъ вдругъ во дворъ въѣхалъ всадникъ, тщательно окутанный въ широкій плащъ. Внезапное появленіе самого Зонненкампа врядъ ли бы

ихъ больше удивило. То былъ Пранкенъ, который казался сильно встревоженнымъ.

— Гдѣ господинъ Зонненкампъ? спросилъ онъ.

Ему сообщили объ его отъѣздѣ.

— Вы не знаете, онъ одинъ... Есть при немъ кто-нибудь?

— Мы этого не знаемъ.

— Нѣтъ ли кого-нибудь изъ моихъ здѣсь на виллѣ? Не видали ли вы... моей сестры?

Ему и на это не могли дать удовлетворительнаго отвѣта. Пранкенъ, не говоря болѣе ни слова, повернулъ лошадь и быстро умчался.

Вскорѣ явился докторъ съ извѣстіемъ объ исчезновеніи изъ Вольфсгартена графини Беллы. Узнавъ, что и Зонненкампъ также бѣжалъ, онъ воскликнулъ:

— Она, безъ сомнѣнія, съ нимъ уѣхала. Это отличная штука! Зонненкампъ ничего не могъ придумать лучше и умнѣе. Увезя Беллу, онъ далъ новую пищу умамъ, и положилъ конецъ толкамъ о своемъ прошломъ. Его побѣда надъ Беллой фонъ-Пранкенъ превосходитъ все, что̀ онъ до сихъ поръ дѣлалъ.

ГЛАВА II.

ГОРЕ ЦЕРЕРЫ.

— Генрихъ, вернись! Умоляю тебя, вернись! Здѣсь твои деревья, твой домъ! Вернись, я стану для тебя танцовать! Генрихъ! Генрихъ!

Такъ восклицала Церера.

Она ничего не хотѣла ѣсть до тѣхъ поръ, пока не явится мужъ и не скажетъ ей свою обычную фразу: Милое дитя, скушай что-нибудь.

Фрейленъ Пэрини едва удавалось заставить ее что-нибудь проглотить.

Церера съ плачемъ и стонами бродила по саду и оранжереямъ.

Фрейленъ Пэрини стоило не малаго труда ее успокоивать.

Церера запретила садовнику подметать и сравнивать дорожки въ паркѣ. На нихъ, по ея мнѣнію, виднѣлись слѣды ногъ ея мужа, и если сгладить ихъ, это можетъ причинить ему смерть.

Она по цѣлымъ часамъ сидѣла у окна и смотрѣла на рѣку, гдѣ безпрестанно сновали взадъ и впередъ суда, на горы, на облака.

— Генрихъ, говорила она въ полголоса, я тебя жестоко оскорбила. Прибей меня, какъ послѣднюю изъ невольницъ, только прости меня и возьми къ себѣ. Помнишь ли ты тотъ день, когда въ первый разъ ко мнѣ пришелъ? Цезарь игралъ на арфѣ, а я танцовала, одѣтая въ голубое платье и въ золотистаго цвѣта башмакахъ.... Помнишь ли ты?... Манна! вдругъ громко звала она дочь. Манна, принеси сюда твою арфу и сыграй мнѣ какой-нибудь танецъ. Я хочу танцовать.... Неправда ли, я еще хороша? Генрихъ, иди сюда! И она пробовала напѣвать его любимый танецъ.

Вдругъ, обращаясь къ фрейленъ Пэрини, она спрашивала:

— Вѣдь онъ вернется, неправда ли?

Голосъ ея при этомъ звучалъ такъ спокойно, что окружающіе ея переставали тревожиться за ея умъ. Но, минуту спустя, она принимала таинственный видъ и съ неподвижно устремленными на одну точку глазами, шептала:

— Когда я умру, пусть онъ женится на графинѣ Беллѣ. Скажите ему это отъ меня. Она очень красивая вдова. Пусть онъ отдастъ ей мои лучшіе наряды, они къ ней какъ нельзя болѣе пристанутъ. Прикажите заложить экипажъ, я поѣду въ Вольфсгартенъ, у графини должны быть письма отъ него, я это знаю.

Фрейленъ Пэрини всячески старалась отклонить ее отъ этого намѣренія, но Церера стояла на своемъ и непремѣнно хотѣла ѣхать въ Вольфсгартенъ. Фрейленъ Пэрини, не на шутку испуганная, послала за профессоршей и за Эрихомъ. Она надѣялась, что ихъ приходъ развсѣетъ Цереру и отвлечетъ ее отъ овладѣвшей ею мысли. Но это не удалось. Тогда ей сказали, что графиня уѣхала въ дальнее путешествіе.

— Значитъ она съ нимъ.... съ нимъ. Я знаю, онъ ей навѣрное отдалъ мои драгоцѣнные уборы, а мнѣ оставилъ фальшивые. Позовите сюда дѣтей.

Манна и Роландъ не замедлили придти къ матери, а она съ возбуждающей ужасъ веселостью сказала имъ:

— Дѣти, вашъ отецъ женился на графинѣ Беллѣ. У васъ теперь есть новая мать, красавица.... она очень хороша собой. Что вы на меня такъ смотрите? Или вы не вѣрите? Не дура же я въ самомъ дѣлѣ! Онъ самъ говорилъ, что я умна. О, да, я очень умна!

Манна обратилась за объясненіемъ къ тетушкѣ Клавдіи, и та подтвердила, что Зонненкампъ дѣйствительно убѣжалъ вмѣстѣ съ графиней Беллой.

Роландъ взглянулъ на Эриха. Тотъ опустилъ глаза.

Дѣти съ плачемъ и рыданіемъ бросились къ матери на шею.

— Какъ бы то ни было, у нея нѣтъ дѣтей, она все-таки не мать вамъ. Вы останетесь со мной... вамъ не зачѣмъ къ ней идти. Но онъ пожалуй захочетъ васъ украсть. Не дозволяйте ему этого.

Цереру положили на диванъ, она не отпускала отъ себя дѣтей, крѣпко держа ихъ за руки, наконецъ уснула. Манна и Роландъ сидѣли около, не шевелясь. Кто можетъ измѣрить глубину терзавшаго ихъ горя? Сколько позора оставлялъ имъ въ наслѣдство ихъ отецъ.

Вскорѣ пріѣхалъ Вейдеманъ. Нотаріусъ вручилъ ему и Эриху довѣрительные акты и указанія, полученныя имъ отъ Зонненкампа, о томъ, какимъ образомъ доводить до его свѣдѣнія все, что будетъ дѣлаться на виллѣ Эдемъ. Для этого слѣдовало обращаться къ одной изъ южно-американскихъ газетъ и тамъ подъ буквами *З* и *Б* печатать то, что желали ему сообщить. Въ случаѣ же смерти Цереры, онъ просилъ объявить также въ главныхъ французскихъ и англійскихъ газетахъ. Всѣ вздрогнули: Зонненкампъ, казалось, ожидалъ со стороны Цереры самоубійства.

На дворѣ Вейдеманъ, нотаріусъ и Эрихъ были встрѣчены Роландомъ, который ихъ ожидалъ. Онъ подалъ Вейдеману руку и спросилъ, не можетъ ли онъ узнать содержаніе письма своего отца? Вейдеманъ передалъ Роланду письмо, въ которомъ Зонненкампъ поручалъ ему сына и выражалъ надежду, что послѣдній вполнѣ и во всемъ будетъ подчиняться руководству своего опекуна.

— Теперь все кончено, все истощено, и съ нами болѣе ничего не можетъ случиться дурного, произнесъ Роландъ совершенно спокойнымъ тономъ.

Немного спустя, явился Кнопфъ, а съ нимъ вмѣстѣ негръ Адамъ. Послѣдній былъ одѣтъ въ сѣрое платье, точь въ точь такое, въ какомъ Зонненкампъ рылся въ оранжереяхъ и въ саду. Роландъ подалъ негру руку и сказалъ:

— Ты хотѣлъ сдѣлать вредъ моему отцу, но я прощаю тебѣ. Ты самъ видѣлъ много горя.

Теперь только Эрихъ узналъ, что Роландъ въ Маттенгеймѣ никому не давалъ покою, пока туда не вызвали Адама.

Вейдеманъ хотѣлъ взять негра обратно въ свой домъ, но Роландъ просилъ оставить его съ нимъ на виллѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время ему самому вернуться въ Маттенгеймъ. Маіоръ предложилъ помѣстить Адама у себя въ домѣ.

Кнопфъ съ нѣкотораго рода торжествомъ разсказывалъ всѣмъ и каждому, какимъ плутомъ оказался этотъ негръ. Онъ намѣревался явиться къ Зонненкампу съ предложеніемъ, за большую

сумму денегъ служить ему ложнымъ свидѣтелемъ и во всеуслышаніе объявить, что его первое показаніе было фальшивое. Узнавъ о бѣгствѣ Зонненкампа, онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва.

Кнопфъ, самъ добродушнѣйшій и кротчайшій изъ людей, находилъ странное удовольствіе въ томъ, что ему привелось близко знать двухъ такихъ отъявленныхъ плутовъ, какъ Зонненкампъ и негръ Адамъ. Онъ, подобно всѣмъ идеалистамъ, любилъ видѣть встрѣчаемое имъ зло въ его крайнихъ проявленіяхъ.

Маіоръ отправился домой и взялъ съ собой Адама. Онъ чувствовалъ невольное отвращеніе къ этому человѣку, но постарался скрыть свое чувство и обращался съ нимъ самымъ дружелюбнымъ образомъ.

Роландъ пошелъ къ Маннѣ и сообщилъ ей о прибытіи негра. Онъ хотѣлъ доказать этому человѣку, что не только прощаетъ ему причиненное ихъ семьѣ зло, но еще намѣренъ отплатить ему за него добромъ.

Но Манна ничего и слышать не хотѣла о негрѣ. Она снова ушла въ себя. Ей не хватало самообладанія, которое успѣло такъ быстро выработаться у Роланда. Она почти вовсе перестала посѣщать виноградный домикъ, ни на минуту не оставляла матери и очень дружелюбно обращалась съ фрейленъ Пэрини, у которой даже просила извиненія за все, чѣмъ когда-либо могла ее оскорбить.. Въ голосѣ Манны снова зазвучали сдерживаемыя слезы, и вся ея личность опять какъ будто облеклась нравственнымъ трауромъ, который она не задолго передъ тѣмъ съ себя скинула.

Такое настроеніе духа молодой дѣвушки не ускользнуло отъ вниманія фрейленъ Пэрини, которая задумала извлечь изъ него пользу. Она отправилась къ патеру и объявила ему, что теперь еще разъ открывалась возможность достигнуть всего того, на что они уже было-потеряли всякую надежду. Зонненкампъ оставилъ своихъ дѣтей самостоятельными распорядителями собственной судьбы. Церера хворала и такъ худѣла, что заставляла опасаться за свою жизнь. Фрейленъ Пэрини полагала, что при такихъ обстоятельствахъ Манну не трудно будетъ избавить отъ сѣтей, въ которыхъ ее держало семейство Дорнэ.

Патеръ тоже считалъ себя не вправѣ лишать своего покровительства молодую дѣвушку, которая нѣкогда съ такимъ довѣріемъ обратилась къ нему за помощью и за совѣтомъ. Что касается до надеждъ, какія могли въ немъ при этомъ снова возникнуть, онъ ихъ скрылъ даже и отъ фрейленъ Пэрини.

Патеръ отправился на виллу и приказалъ доложить Маннѣ, что желаетъ съ ней говорить. Молодая дѣвушка вздрогнула,

велѣла поблагодарить патера за его посѣщеніе, но въ тоже время просила передать ему, что она, въ качествѣ невѣсты Эриха, можетъ говорить съ нимъ только въ присутствіи своего жениха. Фрейленъ Пэрини отказалась отнести патеру этотъ отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я сама къ нему пойду, сказала Манна.

Она дѣйствительно вышла въ залу и, прося патера не толковать ея словъ въ дурную сторону, объявила ему, что она, какъ невѣста Эриха, считаетъ себя обязанной держаться въ сторонѣ отъ всякаго посторонняго вліянія.

Патеръ взглянулъ на нее — безъ гнѣва, но съ состраданіемъ и отвѣчалъ:

— Хорошо, пусть будетъ какъ вы желаете.

Затѣмъ онъ повернулся и ушелъ.

ГЛАВА III.

ДВА ПРИГОВОРА.

Изъ всѣхъ людей, близкихъ къ обитателямъ виллы Эдемъ, никто не былъ такъ сильно пораженъ происшедшими на ней событіями, какъ маіоръ. Со времени разсказа Зонненкампа о своемъ прошломъ, онъ нигдѣ не находилъ покоя, лишился сна и аппетита. Онъ ходилъ какъ потерянный и часто разговаривалъ съ Леди. По ночамъ онъ испытывалъ непреодолимый страхъ и, чтобъ хоть сколько-нибудь заглушить его, начиналъ говорить вслухъ съ самимъ собой. А иногда, не въ силахъ преодолѣть свою тревогу, онъ даже будилъ фрейленъ Милькъ, въ надеждѣ, что она его успокоитъ. Бѣгство Зонненкампа и подозрѣніе, что Белла уѣхала съ нимъ, еще болѣе смутили его.

Когда маіоръ привелъ съ собой негра, фрейленъ Милькъ обратилась къ сопровождавшему ихъ Кнопфу съ просьбой остаться у нихъ. Она откровенно созналась, что и на нее тоже напалъ необъяснимый страхъ, который она, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могла превозмочь.

Кнопфъ къ сожалѣнію долженъ былъ ей отказать. У него были въ отношеніи князя Валеріана обязательства, которыми онъ не могъ пренебрегать.

Своими разсказами о томъ, какой великолѣпный плутъ былъ негръ Адамъ, онъ не только не успокоилъ, но еще болѣе напугалъ добрую старушку.

Нѣсколько дней спустя послѣ водворенія Адама въ жилищѣ маіора, послѣдній захворалъ и слегъ въ постель.

Докторъ прописалъ ему успокоительное лекарство, и маіору стало легче, но тревогу фрейленъ Милькъ нельзя было утишить никакими средствами. Наконецъ это удалось человѣку, который вовсе ничего не смыслилъ въ медицинѣ.

Однажды фрейленъ Милькъ жаловалась профессору Эйнзиделю на безпокойство, какое въ ней возбуждало присутствіе у нихъ въ домѣ Адама.

— Я должна остерегаться, сказала она между прочимъ, чтобъ по этому одному негру не составить себѣ мнѣнія о всемъ его племени.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?

Фрейленъ Милькъ покраснѣла и продолжала:

— Когда впервые сталкиваешься съ личностью, принадлежащею къ дотолѣ незнакомому народу или племени, на которые однако привыкъ смотрѣть съ предубѣжденіемъ, то всегда невольно чувствуешь склонность его личные недостатки и пороки приписывать всему обществу одной съ нимъ породы людей. Этотъ негръ чрезвычайно лѣнивъ; онъ не хочетъ ни работать, ни учиться. Сначала невольникъ, а потомъ лакей, онъ привыкъ, чтобъ другіе о немъ заботились. Имѣя такой примѣръ передъ глазами, чрезвычайно легко придти къ убѣжденію, что всѣ негры таковы, а между тѣмъ это было бы въ высшей степени несправедливо.

— Вы совершенно правы, подтвердилъ профессоръ. Желалъ бы я только знать, откуда у васъ такая осмотрительность въ сужденіяхъ. Я вообще плохой знатокъ женщинъ, но полагаю, что между ними не часто встрѣчается подобная осторожность.

Фрейленъ Милькъ крѣпко сжала губы. Ей было хорошо извѣстно, откуда у нея проистекало это стремленіе разсматривать каждую личность отдѣльно и видѣть въ ней только ее одну, а не представительницу цѣлаго сословія, народа или племени.

Послѣ минутнаго молчанія, она продолжала:

— Не думаете ли вы, что освобожденіе негровъ невозможно, если они не освободятъ себя сами, если изъ ихъ собственной среды не появится новый Моисей, который выведетъ ихъ изъ неволи? Мнѣ кажется еще, что настоящее поколѣніе непремѣнно должно умереть въ рабствѣ и только слѣдующее, взросшее на свободѣ, можетъ вступить въ обѣтованную землю независимости.

— Надѣюсь, вы поймете то, что я вамъ скажу, замѣтилъ профессоръ Эйнзидель. Черная порода людей не имѣетъ самостоятельнаго развитія. Она, насколько мы видимъ до сихъ поръ, ничего не прибавила къ умственнымъ и нравственнымъ сокро-

вищамъ человѣчества. Во всякомъ случаѣ, врядъ ли усилія другихъ народовъ ихъ освободить будутъ имѣть желаемый успѣхъ, если къ нимъ не явится на помощь единственный, незнающій неудачи освободитель, имя которому образованіе. Извѣстны ли вамъ новѣйшія изслѣдованія на счетъ потомковъ Іафета?

— О, нѣтъ.

Профессоръ намѣревался разсказать фрейленъ Милькъ, какія важныя открытія въ послѣднее время были сдѣланы въ свертвахъ египетскаго папируса. Оказывалось, что прежніе толкователи и переводчики Библіи были плохіе знатоки египетскаго языка и литературы. Теперь ученые дознались, что всѣ главныя событія, о которыхъ повѣствуетъ Библія, существуютъ также и въ египетскихъ рукописяхъ. Одинъ только великій подвигъ освобожденія израильтянъ отъ рабства остается по прежнему исключительно за Моисеемъ и стоитъ совершенно одиноко во всей исторіи древняго міра.

Профессоръ радовался, что нашелъ такую внимательную слушательницу, и собирался говорить чрезвычайно долго и много, какъ вдругъ былъ прерванъ приходомъ ловчаго съ бочаромъ и съ дочерью Семиствольника. Они явились къ маіору объявить ему о предстоящей женитьбѣ бочара, который вмѣстѣ съ невѣстой пріобрѣталъ еще и заведеніе подъ вывѣской «Карпа».

Маіоръ, услышавъ изъ сосѣдней комнаты голоса вновь прибывшихъ, потребовалъ ихъ къ себѣ, увѣряя, что видъ ихъ счастья разомъ возвратитъ ему здоровье. Онъ между прочимъ всячески убѣждалъ ловчаго больше не пьянствовать. Клаусъ обѣщался, говоря, что въ послѣдній разъ напьется на свадьбѣ сына, а затѣмъ уже никогда не будетъ пить сверхъ того, что̀ понадобится для утоленія его жажды. Онъ не помнилъ себя отъ радости, что отнынѣ будетъ отцемъ содержателя гостинницы.

Это простое, само по себѣ малозначущее событіе внесло освѣжающій элементъ въ мрачную и удушливую атмосферу, которая съ виллы Эдемъ распространилась на всю окрестность. Профессору Эйнзиделю вдругъ пришла на умъ благая мысль. Онъ предложилъ Клаусу, въ знакъ благодарности за выпавшее ему на долю счастье, сдѣлать доброе дѣло и взять къ себѣ въ домъ негра Адама. Ловчій немедленно согласился. Фрейленъ Милькъ предупредила его на счетъ непреодолимой лѣни Адама, котораго очень трудно было заставить работать, но въ тоже время просила обращаться съ нимъ какъ можно мягче и дружелюбнѣе. Клаусъ обѣщался и увелъ съ собой Адама.

Собаки на дворѣ ловчаго, увидѣвъ негра, бѣшено принялись лаять, а женщины въ испугѣ отъ его внезапнаго появленія не

могли удержаться отъ крика. Послѣднія впрочемъ вскорѣ оправились отъ своего страха, но собаки начинали снова лаять всякій разъ, какъ только негръ выходилъ на дворъ....

Докторъ, пріѣхавъ съ профессоршей провѣдать маіора, съ удовольствіемъ узналъ, что Адама болѣе не было въ домѣ. Радость его еще усилилась, когда онъ увидѣлъ маіора сидящимъ въ постелѣ и съ наслажденіемъ покуривающимъ свою длинную трубку. Посовѣтовавъ больному однако еще беречься, докторъ вызвалъ профессоршу и фрейленъ Милькъ въ другую комнату. Тамъ онъ имъ объявилъ, что имѣлъ весьма справедливую причину гордиться: онъ получилъ отъ Беллы изъ Антверпена письмо слѣдующаго содержанія:

«Вы одни никогда мнѣ не льстили, но всегда были ко мнѣ холодны,—за это я хочу вамъ оставить послѣ себя памать. Дарю вамъ моего попугая. Эта птица въ моихъ глазахъ есть совершеннѣйшее созданіе природы: она говоритъ только то, чему ее научатъ. Прощайте!—Белла.»

Обѣ женщины въ испугѣ переглянулись, а фрейленъ Милькъ, къ удивленію доктора, замѣтила, что хотя Пранкенъ никогда не оказывалъ ей и тѣни, не только дружелюбія, но даже самой простой учтивости, она тѣмъ не менѣе теперь его отъ души сожалѣетъ. Лишившись невѣсты, онъ теряетъ также и сестру, которая сверхъ того навлекаетъ на него еще и стыдъ.

Еслибъ Пранкенъ могъ подозрѣвать, что фрейленъ Милькъ принимаетъ въ немъ участіе и сожалѣетъ его, это было бы для него самымъ тяжелымъ ударомъ.

Затѣмъ докторъ описалъ смятеніе, какое произвело въ Вольфсгартенѣ внезапное исчезновеніе Беллы. Тамъ еще и до сихъ поръ не могли вполнѣ дознаться, взяла ли она съ собой оставшуюся послѣ Клодвига значительную сумму денегъ, или нѣтъ.

— Съ отъѣздомъ Беллы, сказалъ докторъ, мнѣ какъ будто чего-то недостаетъ. Я, если можно такъ сказать, утратилъ барометръ, дававшій мнѣ возможность правильно судить о настроеніи духа здѣшняго общества. Теперь, когда этой женщины здѣсь болѣе нѣтъ, вполнѣ обнаруживается, какъ далеко простиралось ея вліяніе на умы: оно, можетъ быть, даже превосходило занимаемое ею положеніе въ свѣтѣ. А впрочемъ вся эта исторія меня чрезвычайно радуетъ: она доказываетъ, что въ мірѣ еще не перевелись сильныя натуры.

— Вы любите эксцентричности, замѣтила профессорша.

— Вовсе нѣтъ. То, что другимъ кажется эксцентричностію, въ моихъ глазахъ не болѣе какъ естественное послѣдствіе извѣстнаго рода образа дѣйствій. Белла именно такъ, а не иначе

должна была поступить, сообразуясь съ влеченіями своего геройскаго духа. Капитанъ Эрихъ свидѣтель тому, что я уже давно предвидѣлъ нѣчто подобное этому. Белла и Зонненкампъ чрезвычайно похожи другъ на друга. Оба умны, даровиты, проницательны, свободны въ своихъ сужденіяхъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о другихъ, но злы, эгоистичны, нетерпимы во всемъ, что касается лично ихъ самихъ. Теперь, когда ее уже здѣсь нѣтъ, я могу сказать, что на совѣсти ея лежитъ убійство. Она совершила его не кинжаломъ и не ядомъ, но смертоносными словами, которыя поразили Клодвига въ самое сердце. Онъ самъ мнѣ въ томъ сознался.

— Какъ все это возможно при такомъ обширномъ образованіи? сказала профессорша.

— Въ этомъ-то и штука, возразилъ докторъ. Исключительно духовная жизнь не годилась для Беллы. Нечаянно попавъ въ самую среду ея, она растерялась и рѣшительно не знала, за чтò ей взяться. Тутъ ея образованіе ни въ чемъ не могло ей помочь. До сихъ поръ существовало только религіозное лицемѣріе, теперь начинаетъ появляться лицемѣріе, внушаемое желаніемъ, если не быть, то казаться образованнымъ. Впрочемъ, нѣтъ, графиня Белла ни въ чемъ не лицемѣрила, она въ сущности даже не была зла, а просто-на-просто невѣжественна и дика.

— Невѣжественна?!

— Да. Думать и заботиться о другихъ можетъ только человѣкъ нравственно и сердечно образованный. Белла постоянно думала только о самой себѣ, имѣла въ виду только собственныя рѣчи и ощущенія. Я долгое время трудился надъ открытіемъ основной причины всѣхъ ея дѣйствій и стремленій, и наконецъ нашелъ, чего искалъ. Причина эта заключается въ чрезмѣрномъ сознаніи собственной красоты. «Я красавица» — вотъ исходная точка всего, начало, на которомъ возводится цѣлая система дѣйствій и отношеній къ другимъ людямъ. Все въ мірѣ существуетъ только для того, чтобъ преклоняться передъ красотой, удивляться ей и служить ей. Въ тотъ день, когда Белла вышла замужъ за графа Вольфсгартена, она измѣнила самой себѣ. На нее нашло какое-то затмѣніе, и она вѣроятно дѣйствовала подъ вліяніемъ минутной утраты сознанія своей красоты. Есть ли возможность безпристрастно и справедливо судить подобныхъ людей?

Изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ маіора, который непремѣнно хотѣлъ знать, о чемъ съ такимъ жаромъ и такъ громко толкуетъ докторъ. Фрейленъ Милькъ поспѣшила къ нему и успокоила его, не скрывая впрочемъ, что у нихъ шла рѣчь о графинѣ Беллѣ.

Вдругъ съ виллы Эдемъ явился посланный. Церера была при смерти и къ ней требовали доктора и профессоршу.

И тотъ и другая немедленно отправились въ путь.

ГЛАВА IV.

ГЛАСЪ ВОПІЮЩАГО ВЪ ПУСТЫНѢ.

— Генрихъ, вернись ко мнѣ, пожалуйста вернись! Здѣсь твои деревья, твой домъ! Пріѣзжай, и я буду безъ устали танцовать. Ахъ, Генрихъ, Генрихъ!

Такъ неумолкно день и ночь восклицала Церера.

— Пойдемте со мной, звала она фрейленъ Пэрини. Мнѣ надо позаботиться о его вересковыхъ растеніяхъ. Я отъ него выучилась за ними ухаживать. Намъ надо припасти хорошей болотной земли. Мы ее высушимъ, столчемъ и просѣемъ. Возвратясь, онъ скажетъ: ты отлично распорядилась, Церера; ты у меня большая умница.

Она пошла съ фрейленъ Пэрини въ оранжереи и весьма толково объяснила садовнику, какъ важно постоянно поддерживать среднюю температуру въ томъ отдѣленіи, гдѣ находились вересковыя растенія.

Фрейленъ Пэрини послала за Эрихомъ: она боялась оставаться одна съ Церерой.

Но та вдругъ успокоилась. Она приподнимала горшки съ верескомъ, чтобъ удостовѣриться, достаточно ли сыры подъ ними поддонники. Затѣмъ она обратилась къ фрейленъ Пэрини и сказала:

— Одно время капитанъ Эрихъ учился у мужа садоводству. Господа ученые обыкновенно думаютъ, что имъ нечѣмъ отъ насъ позаимствоваться, а между тѣмъ они многому могли бы научиться у моего мужа. На мысѣ Доброй Надежды находится до двухъ сотъ различныхъ сортовъ вересковыхъ растеній. Вы можете мнѣ повѣрить, это я отъ него узнала... Ну, теперь пойдемте домой.

Онѣ вышли на площадку, гдѣ находился резервуаръ съ фонтанами.

Вдругъ Церера пронзительно вскрикнула. Она увидѣла ловчаго, а съ нимъ человѣка въ сѣрой блузѣ.

— Генрихъ, Генрихъ, это ты! закричала она. Я здѣсь, иди сюда. Зачѣмъ ты отворачиваешься.

Человѣкъ обернулся: то былъ негръ Адамъ.

Церера еще громче закричала:

— Ты превратился въ негра! Генрихъ, кто это съ тобой сдѣлалъ? Генрихъ, скинь съ себя черную кожу!

И она, однимъ прыжкомъ очутившись около негра, начала срывать съ него одежду, потомъ, вдругъ ослабѣвъ, опустилась на землю. Адамъ и ловчій отнесли ее въ домъ, гдѣ съ ней сдѣлались страшныя конвульсіи.

Немного спустя и самая жизнь покинула ее.

Манна и Роландъ въ безмолвной печали стояли на колѣняхъ передъ трупомъ матери. Цереру положили въ большой концертной залѣ посреди цвѣтовъ, которые такъ тщательно взростилъ ея мужъ.

Друзья приходили и уходили. Всѣ съ особенной нѣжностью относились къ Роланду. Явилась Лина и осыпала ласками Манну. Каждый, пожимая сиротамъ руки, какъ будто говорилъ: «Я здѣсь съ вами и готовъ вамъ, чѣмъ могу, помочь».

Пранкенъ то же пришелъ отдать послѣдній долгъ умершей. Онъ опустился на колѣни передъ гробомъ, а рядомъ съ нимъ молилась фрейленъ Пэрини.

Послѣ отпѣванія въ церкви, Цереру понесли на кладбище.

Пѣвчіе подъ предводительствомъ Кнопфа и учителя Фасбендера расположились вокругъ открытой могилы. Роландъ стоялъ, опираясь на Эриха, Манна—на профессоршу и тетушку Клавдію.

По окончаніи пѣнія впередъ выступилъ патеръ. Онъ спокойнымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ. Вокругъ все было тихо, только изъ лѣсу по временамъ доносился крикъ сороки, да пронзительный возгласъ кедровки.

Патеръ прочелъ молитву объ отпущеніи грѣховъ, благословилъ и трижды окропилъ святой водой открытую могилу. Затѣмъ онъ наклонился и бросилъ на гробъ три горсти земли, приговаривая: земля есть и въ землю отыдешь!

Патеръ еще разъ окинулъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ, пристально взглянулъ въ лицо сиротамъ, прижалъ молитвенникъ къ груди и, сказавъ нѣсколько приличныхъ мѣсту и времени словъ, воскликнулъ:

— Бѣдное, богатое дитя изъ Новаго Свѣта! Для тебя отнынѣ начинается по истинѣ новая жизнь. Душа твоя, переселясь въ вѣчность, достигла настоящей, нетлѣнной славы и пріобрѣла богатство въ тысячу разъ драгоцѣннѣе всѣхъ твоихъ бриллiантовъ, ибо ты при жизни, не взирая на всю твою суетность, была проникнута свѣтомъ истинной вѣры. Но вы, вы, стоящіе здѣсь, въ избыткѣ силъ и жизни,—къ вамъ обращаюсь я: вы можете воздвигать пышные хоромы, украшать ихъ драго-

цѣнными тканями, но явится смерть, владычица всего живого, и мгновенно положитъ всему конецъ. Тѣсный досчатый гробъ, глубоко погруженный въ землю—вотъ все, что въ сущности нужно человѣку. Божественный учитель сказалъ богатому юношѣ: раздай все, что имѣешь, и слѣдуй за мной. Неужели и вы со слезами отвернетесь и уйдете потому, что будете не въ силахъ разстаться съ земными благами?... Именемъ создавшаго нынѣшній день, Того въ чьихъ рукахъ судьба всего міра, заклинаю васъ: обратитесь къ истинѣ, перестаньте быть блуждающими во тьмѣ рабами! Ты, благородная дѣва, доселѣ лелѣявшая въ твоей душѣ самые возвышенные помыслы, брось взглядъ въ эту могилу, а затѣмъ перенесись мыслью къ тому времени, когда точно такая же бездна раскроется для тебя самой. Не отталкивай руки, которая хочетъ и можетъ тебя спасти. Для тебя настанутъ дни печали и ночи отчаянія. Ты съ тоскою будешь вопрошать у дня: гдѣ я и для чего живу на свѣтѣ? А по ночамъ въ ужасѣ станешь всюду видѣть грозный образъ смерти. Ты знала, гдѣ искать убѣжища отъ житейской бури, ты носила въ себѣ спасеніе.... но что̀ же?—Ты оказалась трижды невѣрной, ты измѣнила себѣ самой, друзьямъ и твоему Богу!

Патеръ на мгновеніе остановился, затѣмъ, ударяя себя въ грудь, продолжалъ задыхающимся отъ волненія голосомъ:

— Какъ охотно, съ какой радостью умеръ бы я, еслибъ только могъ васъ спасти благодатью Св. Духа, глаголющаго черезъ мои уста. Оставьте все, что васъ еще удерживаетъ въ мірѣ и придите ко мнѣ, я буду вашимъ щитомъ и опорой, о дѣти печали, страданія, богатства и въ то же время крайней бѣдности.

Всѣ молчали, никто не двигался, и онъ, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ:

— Я сказалъ, что могъ, предупредилъ васъ по мѣрѣ силъ и средствъ моихъ. О ты, надъ чьей могилой мы теперь стоимъ, изъ глубины вѣчности возвысь голосъ на благо и спасеніе дѣтямъ. Пусть они, прежде чѣмъ бросить на твой гробъ обычную горсть земли, оттолкнутъ отъ себя все то, что называется земными сокровищами. Если они этого не сдѣлаютъ, мы будемъ молиться о нихъ, какъ объ умершихъ, но безъ надежды на ихъ просвѣтлѣніе. О Боже, смягчи сердца твоихъ дѣтей и обрати мысли ихъ къ вѣчности....

Голосъ патера дрожалъ отъ волненія. Роландъ, стоя возлѣ Эриха, едва держался на ногахъ. Къ нему подошелъ Вейдеманъ и положилъ ему на плечо руку.

Могилу между тѣмъ засыпали. Патеръ быстро удалился.

Пранкенъ послѣдовалъ за нимъ. Сироты то же пошли обратно на виллу.

Роландъ первый настолько овладѣлъ собой, чтобъ говорить:

— Я не дамъ себя напугать и въ конецъ обезсилить, рѣшительно произнесъ онъ. Я докажу, что страхъ безсиленъ надо мной.

Манна то же гордо выпрямилась.

Потрясеніе, причиненное дѣтямъ смертью матери, а потомъ воззваніе къ нимъ на ея еще раскрытой могилѣ, казалось внезапно пробудило въ нихъ новыя силы....

На слѣдующій день фрейленъ Пэрини выразила желаніе уѣхать съ виллы. Ей на прощаніе отдали весь богатый гардеробъ Цереры. Она, уложивъ его въ ящики, отправила на сохраненіе къ патеру, а сама уѣхала въ Италію къ молодой вдовѣ, дочери барона фонъ-Эндлиха.

ГЛАВА V.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ ДѢЛЕЖЪ.

На виллѣ Эдемъ водворились печаль и безмолвіе, но вокругъ кипѣла жизнь во всей своей обыденной обстановкѣ. Окрестные жители по прежнему усердно посѣщали пивныя лавочки и винные погребки, гдѣ шла рѣчь о Парижѣ, Лондонѣ, Америкѣ, о тѣхъ, кто уѣзжалъ изъ страны, или прибывалъ въ нее. Прирейнская жизнь вся на распашку, вся на виду.

Погребокъ сосѣдняго городка особенно охотно посѣщался всѣми любителями молодого вина, которое и во рту еще продолжаетъ шипѣть и пѣниться. Прежде всѣхъ явился торговецъ лѣсомъ,—впрочемъ о немъ нельзя сказать, что онъ явился, такъ какъ онъ постоянно пребывалъ въ погребкѣ, только изрѣдка навѣдываясь домой и снова возвращаясь въ любимый уголокъ, гдѣ было такъ прохладно лѣтомъ и такъ уютно тепло зимой.

Мало-по-малу въ залу погребка собрались всѣ его обычные посѣтители. Ихъ влекли туда увѣренность найти всегда готовую кружку хорошаго вина и надежда на веселую и оживленную бесѣду.

Общество сидѣло, тѣсно соединясь въ одинъ кружокъ. Сначала рѣчь долго вертѣлась на похоронахъ Цереры и на странномъ поведеніи патера на ея могилѣ. Многіе старались разрѣшить, не дѣйствовалъ ли онъ по наставленію епископа, или по крайней мѣрѣ съ его согласія. Но всѣ воздерживались отъ слиш-

комъ рѣзкихъ замѣчаній по этому поводу, изъ уваженія къ торговцу лѣсомъ, который, или лучше сказать жена котораго отличалась твердыми религіозными убѣжденіями.

Наконецъ, разговоръ мало-по-малу перешелъ съ патера на Зонненкампа. О послѣднемъ всѣ говорили съ нѣкотораго рода уваженіемъ, какое невольно возбуждаетъ къ себѣ всякая, даже направленная на зло, сила. Чтобъ торговать невольниками, выстроить домъ, подобный виллѣ Эдемъ, въ теченіи столькаго времени водить за носъ дворъ и наконецъ увезти графиню, надо было не мало смѣлости и энергіи.

Нотаріусъ, который былъ на одномъ пароходѣ съ Манной и съ фрейленъ Пэрини, когда тѣ ѣздили въ монастырь, выдавалъ за вѣрное, что принцъ Леонгардтъ собирается купить виллу Эдемъ. Въ сущности же онъ это говорилъ только съ цѣлью отбить охоту у всѣхъ другихъ покупщиковъ, съ тѣмъ, чтобъ послѣ взять на себя пріисканіе новаго владѣльца.

Постоянно засѣдавшій въ погребкѣ, торговецъ лѣсомъ, выразилъ мнѣніе, что для покупки виллы всего лучше было бы составиться цѣлому обществу, которое могло бы пріобрѣсти ее со всѣмъ, что въ ней заключается, а потомъ уже распродавать разные предметы по частямъ. Въ числѣ собесѣдниковъ находился одинъ виноторговецъ, который каждый годъ объявлялъ, что лишь только онъ распродастъ свой послѣдній запасъ вина, немедленно прекратитъ торговлю. Но это не мѣшало ему всякій годъ дѣлать новые запасы и по прежнему торговать. Онъ зарился на нѣкоторыя изъ виноградныхъ горъ Зонненкампа и былъ не прочь также пріобрѣсти въ свою пользу его погреба и кладовыя, со всѣмъ находившимся въ нихъ запасомъ. Лошади и собаки, само собой разумѣлось, не могли быть иначе проданы, какъ съ аукціона. Затѣмъ оставался только вопросъ о домѣ. Жить въ немъ могъ только милліонеръ, а обратить его въ фабрику было бы жаль. Вслѣдствіе этого испортился бы весь окрестный ландшафтъ.

— Вонъ идетъ пробователь вина! вдругъ закричали всѣ хоромъ.

То былъ тотъ самый человѣкъ, занимавшійся опредѣленіемъ качествъ вина, съ которымъ Эрихъ, возвращаясь домой послѣ ночи, проведенной у доктора, совершилъ часть путешествія. Лицо его имѣло багровый оттѣнокъ, какой сообщаетъ неумѣренное употребленіе винъ, и который дѣлаетъ невозможнымъ съ точностью опредѣлить годы человѣка. Къ тому же всѣ черты его были до такой степени подвижны, что казались выдѣланными изъ гуттаперчи.

Пробователь мигнулъ служанкѣ, которая по этому знаку уже понимала, какого вина ему принести. А онъ удобно усѣлся въ уголокъ, вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ и раскрылъ его.

— Что новенькаго? спросили у него.

— Отличная погода и ничего болѣе, поспѣшилъ пробователь дать свой обычный отвѣтъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? Тебя не было видно цѣлые три дня?

— Я былъ тамъ, гдѣ удлинняется человѣческая жизнь.

— Какъ? Что это значитъ?

— Я былъ въ столицѣ, гдѣ жизнь удлинняется, потому что тамъ время отъ скуки какъ будто идетъ вдвое медленнѣе.

— Старо, старо! закричали всѣ хоромъ. Нѣтъ ли чего-нибудь по-новѣе?

— Вамъ все давай новенькаго! Слушайте же. Та ложь, которая наиболѣе говоритъ неправды, часто оказывается самой забавной. Не такъ на этотъ разъ. Пусть-ка кто-нибудь изъ васъ сбѣгаетъ на корабль: они тамъ сидятъ рядышкомъ въ большой каютѣ и въ полномъ смыслѣ слова наслаждаются жизнью. Каждый изъ нихъ приноситъ въ приданое другому поваренную книгу, и оба не замедлятъ соединиться законнымъ бракомъ.

На пробователя со всѣхъ сторонъ посыпались упреки, зачѣмъ онъ безъ толку говоритъ такой вздоръ.

— Если вы мнѣ обѣщаетесь слушать спокойно, не прерывая меня, то я, пожалуй, соглашусь пообстоятельнѣе разсказать вамъ, какъ все было. Только прежде пусть кто-нибудь изъ васъ сбѣгаетъ на Рейнъ, для того чтобъ послѣ подтвердить, что разсказъ мой дѣйствительно правдивъ, какъ говоритъ старый лѣсничій.

Одинъ изъ присутствующихъ, по ремеслу бочаръ, былъ немедленно отправленъ на судно, которое въ настоящее время стояло здѣсь на якорѣ. Пробователь вина далъ ему необходимыя наставленія на счетъ того, о чемъ ему слѣдовало освѣдомиться, затѣмъ воскликнулъ:

— Мнѣ особенное счастье на разнаго рода исторіи. Наилучшія изъ нихъ такъ сами и бѣгутъ ко мнѣ въ руки.

— Разсказывай же скорѣй, въ чемъ дѣло? закричали всѣ.

— Ужъ не узналъ ли ты чего новаго о смѣльчакѣ Зонненкампѣ, или о прекрасной графинѣ?

— Вотъ еще! Это уже старая пѣсня! Нѣтъ, у меня есть нѣчто по-новѣе, по-свѣжѣе, прямо изъ печи. Названіе моей исторіи: любовь «Лорелеи» и «Бетховена», или поросенокъ, устроивающій бракъ! Смѣйтесь, смѣйтесь, вы увидите, что я говорю правду. Знаете вы метръ-д'отеля на пароходѣ «Лорелея?» Онъ носитъ про-

здвище ходячей таблицы умноженія и отличается большою честностью, такъ какъ открыто сознается, что составилъ себѣ препорядочное состояньице съ помощью ловкихъ умноженій, какія совершаетъ на счетахъ своихъ потребителей. Къ сожалѣнію, онъ не женатъ. Пить и ѣсть онъ любитъ»....

— Мы его отлично знаемъ, дальше, дальше.

— Не прерывайте же меня, говорю я вамъ! Я не имѣю надобности вамъ разсказывать мою исторію, съ меня достаточно того, что я ее знаю. Слушайте же: капитанъ «Лорелеи» такой, такой долговязый.... ну, да вы его не разъ видали.... онъ долгое время служилъ рулевымъ на «Адольфѣ».... Такъ вотъ этотъ самый капитанъ началъ всячески разжигать въ своемъ метръ-д'отелѣ страсть къ буфетчицѣ на «Бетховенѣ», пригожей, аппетитной женщинѣ, которая уже два года какъ овдовѣла. Вскорѣ, при встрѣчѣ кораблей во время ихъ плаванія по Рейну, между метръ-д'отелемъ и буфетчицей, съ помощью бѣлой шапки перваго и бѣлаго чепца послѣдней, начался обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій. Но поближе взглянуть другъ на друга имъ удалось всего только двѣ недѣли тому назадъ въ Кёльнѣ, и то на нѣсколько минутъ. Съ тѣхъ поръ ходячая таблица умноженія замѣтно повеселѣла, хотя о свадьбѣ по прежнему и слышать не хочетъ. Все честолюбіе метръ-д'отеля «Лорелеи» устремлено на то, чтобъ никто не могъ найти въ приготовляемыхъ имъ кушаньяхъ ни малѣйшаго недостатка. Въ послѣднее время онъ съ особенной заботливостью откармливалъ для себя поросенка и наконецъ вчера порѣшилъ, что зажаритъ его сегодня. Капитанъ конечно зналъ, что оба судна нынѣшнюю ночь проведутъ здѣсь на якорѣ. Онъ укралъ поросенка и передалъ его капитану «Бетховена», который со своей стороны вручилъ его вдовѣ съ наставленіями, какъ его приготовить. Та охотно взялась за дѣло и вдобавокъ еще что-то состряпала. Затѣмъ, капитанъ «Лорелеи» пригласилъ своего метръ-д'отеля отъужинать съ нимъ на палубѣ «Бетховена». Метръ-д'отель согласился, и чтобъ не оставаться въ долгу у буфетчицы, которая снабжала ужинъ всѣми необходимыми яствами, взялся со своей стороны поставить вино. Все устроилось какъ нельзя лучше. Ходячая таблица умноженія съ «Лорелеи» перебралась на «Бетховена» и усѣлась за столъ, за которымъ, конечно, первое мѣсто занимала буфетчица. Вотъ они сидятъ и ѣдятъ. Метръ-д'отель восхищается поросенкомъ и говоритъ, что онъ почти также хорошо откормленъ и приготовленъ, какъ его собственный. Тутъ поднимается смѣхъ, обнаруживается плутня, всѣ очень довольны и наконецъ... здѣсь же, за блюдомъ поросенка устраивается и празднуется помолвка метръ-д'отеля «Лорелеи» съ буфетчицей «Бетховена».

Едва пробователь вина успѣлъ дойти до этого мѣста въ своемъ разсказѣ, какъ явился бочаръ, а съ нимъ вмѣстѣ на лицо и самъ капитанъ «Лорелеи». Послѣдній не замедлилъ подтвердить справедливость его словъ и со своей стороны объявилъ, что помолвленные въ равной степени одержимы одной и той же страстью. Они въ теченіи лѣта съ одинаковымъ рвеніемъ копили деньги, а теперь сидятъ вмѣстѣ, смѣются и въ мыльной водѣ моютъ свои золотыя и серебряныя монеты.

Тутъ пришелъ рулевой, и общество потребовало отъ него повторенія разсказа объ отъѣздѣ Зонненкампа и графини Беллы, которую онъ какъ нельзя лучше узналъ.

Разговоръ снова перешелъ на судьбу виллы Эдемъ. Всѣ склонялись къ тому, чтобъ она была куплена цѣликомъ, со всѣмъ что въ ней есть,—обществомъ людей, которые потомъ занялись бы перепродажей ея по частямъ, раздѣляя выручку по-ровну между собой.

Нотаріусъ, которому сильно не хотѣлось допустить осуществленіе этого плана, принялся его осмѣивать и объявилъ, что онъ въ шутку сказалъ, будто принцъ Леонгардтъ съ своей стороны намѣревается купить дачу. Всего вѣрнѣе, что ее и продавать не станутъ. Зачѣмъ дѣтямъ Зонненкампа отсюда уѣзжать? Ихъ здѣсь всѣ любятъ, несмотря на то, что знаютъ кто они. Всѣ другіе были согласны съ нотаріусомъ и замѣтили, что кому-нибудь слѣдовало бы посовѣтовать молодымъ людямъ остаться въ странѣ. Это оказывалось тѣмъ болѣе удобнымъ для здѣшнихъ обывателей, что все богатство главнымъ образомъ переходило въ руки такого достойнаго человѣка, какъ капитанъ Дорнэ.

Разговоръ становился все оживленнѣе и шумнѣе, чему не мало способствовало вино, которое всѣмъ приходилось какъ нельзя болѣе по вкусу. Одна бутылка быстро смѣнялась другой и мгновенно опорожнялась. Наконецъ, общество рѣшилось разойтись. Торговецъ лѣсомъ увлекъ за собой въ уединенный переулокъ двухъ товарищей и сказалъ имъ, что жаль было бы, еслибъ дѣйствительно составилось общество для покупки и потомъ перепродажи виллы и находящихся на ней вещей. Не лучше ли имъ втроемъ постараться забрать это дѣло въ свои руки? Вейдеманъ изъ Маттенгейма былъ назначенъ опекуномъ дѣтей и полновластнымъ распорядителемъ ихъ имѣнія. Онъ человѣкъ хорошій, сговорчивый и потому прежде всего надо войти съ нимъ въ сношеніе.

На слѣдующее утро къ Вейдеману явился нотаріусъ, который всячески началъ склонять его поручить ему продажу

виллы. Онъ обѣщалъ при этомъ соблюсти всѣ выгоды ея теперешнихъ владѣльцевъ. Едва успѣлъ Вейдеманъ его отправить, какъ пришелъ торговецъ лѣсомъ съ своими двумя товарищами. Вейдеманъ поспѣшилъ и отъ нихъ отдѣлаться, объявивъ, что о продажѣ виллы никто и не помышляетъ.

ГЛАВА VI.

ОБРЕМЕНИТЕЛЬНОЕ НАСЛѢДСТВО.

Между тѣмъ какъ въ погребкѣ шли оживленные толки о Зонненкампѣ и рѣшалась судьба его дома и имущества, Манна и Роландъ сидѣли вмѣстѣ, погруженные въ тихую печаль.

Обыкновенно, послѣ сильнаго нравственнаго потрясенія и слѣдующаго затѣмъ неестественнаго напряженія силъ, наступаетъ періодъ утомленія, непреодолимой потребности отдыха, которую вполнѣ удовлетворить можетъ одинъ только сонъ, всегда благодѣтельно дѣйствующій на организмъ человѣка.

Да и что могли пока предпринять бѣдныя дѣти? Отецъ ихъ покинулъ, мать умерла, на дворѣ свирѣпствовала зимняя буря.

Зонненкампъ оставилъ сыну и дочери бо̀льшую часть своего громаднаго состоянія, которое, по его увѣренію, не было запятнано никакимъ преступленіемъ. Но тѣмъ не менѣе дѣти сомнѣвались, чтобъ оставленное имъ отцомъ наслѣдство принесло имъ счастье и покой. Они недоумѣвали, что̀ съ нимъ дѣлать, и спрашивали себя, не обязаны ли они вовсе отъ него отказаться. Они, правда, привыкли къ роскоши, выросли въ нѣгѣ и успѣли полюбить домъ и садъ; но съ другой стороны послѣднія событія почти совсѣмъ притупили въ нихъ сознаніе преимуществъ, какія доставляетъ человѣку богатство. Эрихъ и Манна хотѣли создать для себя совершенно новую жизнь. Въ Роландѣ, помимо всякаго посторонняго вліянія, возникла совершенно опредѣленная склонность къ изученію агрономіи. Онъ объявилъ Маннѣ, что намѣренъ добывать себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ.

— Ахъ, сказалъ онъ, еслибъ и ты могла избрать себѣ какую-нибудь дѣятельность.

Вдругъ свѣтлая улыбка, мелькнувъ на его губахъ, подобно солнечному лучу, неожиданно прорѣзывающему мрачную тучу, мгновенно разогнала туманъ, застилавшій его свѣжее, юное лицо.

— Я забылъ, живо проговорилъ онъ, что ты будешь женой Эриха.

Манна молчала.

— Что ты такъ прилежно читаешь? спросила она немного спустя, видя, какъ братъ, не разгибаясь, сидѣлъ наклоненный надъ книгой.

Онъ указалъ ей на заглавіе книги: то былъ учебникъ лѣсоводства.

Роландъ съ явнымъ интересомъ изучалъ процессъ произрастанія деревьевъ и способы, какими человѣкъ умудрялся ускорять ихъ ростъ.

— Я не могъ бы, подобно отцу, ухаживать за садовыми растеніями, сказалъ онъ, но полагаю, что все-таки наслѣдовалъ отъ него пробуждающуюся во мнѣ теперь склонность къ лѣсоводству. Я думаю, что сила и плодородіе почвы, равно какъ законы роста деревъ одни и тѣже въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ.... то-есть одинаковы на всемъ земномъ шарѣ, хочу я сказать.

Роландъ еще не рѣшался объявить Маннѣ о своемъ намѣреніи уѣхать въ Америку. Братъ и сестра даже между собой избѣгали говорить о будущемъ, которое, они хорошо знали, несмотря на отличную внѣшнюю обстановку, будетъ лишено одного изъ важнѣйшихъ элементовъ счастія, а именно — чести.

Вскорѣ на виллу пріѣхалъ Вейдеманъ и вмѣстѣ съ Эрихомъ, въ присутствіи нотаріуса, принялся разсматривать содержаніе шкафовъ и бумагъ Зонненкампа. Въ пюпитрѣ письменнаго стола лежали ключи и объясненіе таинственныхъ буквъ на одномъ изъ замкòвъ, къ которымъ слѣдовало подобрать слово, чтобъ открыть потаенный ящикъ. Слово это было имя Манны.

Имущество Зонненкампа находилось въ большомъ порядкѣ. Оно преимущественно заключалось въ многочисленныхъ связкахъ государственныхъ бумагъ всевозможныхъ странъ Европы, въ американскихъ банковыхъ билетахъ и въ различныхъ акціяхъ. Тутъ были бумаги самой разнообразной формы, величины и всѣхъ цвѣтовъ радуги.

Вейдеманъ непремѣнно желалъ, чтобъ Эрихъ и Роландъ, съ помощью Іозефа, отвезли эти бумаги въ ближайшій торговый городъ и отдали ихъ тамъ на сохраненіе въ вѣрныя руки.

Пріѣхавъ туда, молодые люди отправились прямо къ еврейскому банкиру, жилище котораго находилось посреди большого сада, вслѣдствіе чего представляло рѣдкое соединеніе городскихъ удобствъ съ чисто-сельской тишиной и уединеніемъ. Кипучая, торговая дѣятельность сосредоточивалась въ центрѣ города, здѣсь же, на одной изъ его окраинъ, царствовали миръ и полнѣйшая свобода. Въ домѣ все отличалось роскошью и тончайшимъ вку-

сомъ, свидѣтельствовавшимъ о высокой степени развитія хозяина.

Эрихъ засталъ банкира въ украшенной прекрасными статуями обширной залѣ библіотеки. Онъ былъ удивленъ исполненнымъ достоинства и самообладанія обращеніемъ этого человѣка, который въ Вольфсгартенѣ у смертнаго одра Клодвига держалъ себя такъ скромно и незамѣтно.

Разговоръ совершенно естественно не замедлилъ коснуться покойнаго графа и Беллы. Сужденія банкира отличались большою кротостью; онъ выражалъ сожалѣніе къ Беллѣ, предпріимчивый духъ которой довелъ ее до такой крайности. На второй бракъ Клодвига онъ смотрѣлъ какъ на ошибку. Женясь на Беллѣ, графъ самъ впалъ въ заблужденіе и невольно обманулъ жену, заставивъ ее думать, будто она способна вести тихій, уединенный образъ жизни.

Затѣмъ банкиръ повезъ молодыхъ людей въ свою контору, находившуюся въ торговой части города. Здѣсь, посреди поглощавшей его дѣятельности, банкиръ снова явился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. У него, такъ сказать, было двѣ души, — одна для конторскихъ занятій, другая для домашней, семейной жизни. Любезный, разговорчивый, щедрый и привѣтливый дома, онъ въ конторѣ былъ сухъ, сдержанъ, скупъ на слова и въ высшей степени разсчетливъ.

На просьбу Эриха взять къ себѣ на сохраненіе огромное богатство Манны и Роланда, онъ не согласился, а посовѣтовалъ лучше отдать его въ городской банкъ.

Эрихъ и Роландъ, въ сопровожденіи кассира, который оказался однимъ изъ сыновей учителя Фасбендера, отправились въ указанный имъ банкъ и внесли туда свои бумаги.

Выходя изъ зданія банка, Роландъ глубоко вздохнулъ, какъ облегченный.

Онъ вернулся на виллу Эдемъ гораздо бодрѣе и спокойнѣе, нежели уѣхалъ. Съ него точно свалилось тяжелое бремя. Тѣмъ не менѣе онъ сильно стремился поскорѣй перебраться въ Маттенгеймъ и былъ чрезвычайно обрадованъ, когда Эрихъ объявилъ ему, что поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Послѣдній тоже намѣревался, по зрѣломъ размышленіи, избрать себѣ какое-нибудь занятіе, чтобъ съ помощью его собственными средствами достигнуть независимаго положенія въ свѣтѣ.

Когда Эрихъ сообщилъ маіору о своихъ планахъ, тотъ, въ свою очередь, повѣрилъ ему собственное затрудненіе. Онъ сильно горевалъ, что на старости лѣтъ долженъ былъ заботиться о прісканіи и устройствѣ себѣ новаго гнѣзда. Братъ хозяина его до-

ника былъ вдовецъ и теперь снова намѣревался жениться. Его помолвка уже состоялась, а самая свадьба должна была совершиться весной. Фрейленъ Милькъ полагала, что она могла быть не болѣе, какъ развѣ только терпима въ близкомъ сосѣдствѣ съ молодой женщиной, и никакъ не хотѣла съ этимъ примириться. А тутъ еще братъ хозяина объявилъ, что намѣренъ взять отъ маіора одну изъ его любимѣйшихъ комнатъ и устроить ее для родственниковъ и гостей, которые вздумали бы къ нему пріѣхать. Это послужило сигналомъ къ возмущенію для фрейленъ Милькъ, которая немедленно и рѣшительно, хотя очень скромно и съ выраженіями безграничной благодарности, сказала, что она намѣрена совсѣмъ выѣхать изъ этого дома.

То былъ чуть ли не первый разъ, что между маіоромъ и фрейленъ Милькъ пробѣжала легкая тѣнь несогласія.

Но когда маіоръ увидѣлъ, какъ глубоко фрейленъ Милькъ почувствовала его упреки въ самовольствѣ, онъ съ своей стороны сталъ винить себя за слишкомъ большую податливость и за отсутствіе въ себѣ всякой благородной гордости. Болѣе того, онъ благодарилъ свою подругу за то, что она такъ ревностно старалась поддерживать честь его дома.

Затѣмъ онъ сталъ обсуживать съ нею планъ ихъ переселенія въ зàмокъ, гдѣ уже было готово нѣсколько комнатъ. Ему сильно улыбалась жизнь на высотѣ, откуда разстилался такой чудный видъ. Но фрейленъ Милькъ была противъ этого. Ее пугали трудности, которыя съ водвореніемъ въ зàмкѣ, безъ сомнѣнія, не замедлили бы возникнуть въ ея сношеніяхъ съ мясникомъ, булочникомъ, молочницей и всякаго рода другими торговцами и промышленниками.

— Въ такомъ случаѣ объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, замѣтилъ маіоръ. Но прошу васъ, напомните мнѣ, чтобъ я спросилъ у капитана Дорнэ, какъ въ былое время въ зàмкахъ жили рыцари.

При слѣдующемъ своемъ свиданіи съ Эрихомъ, то былъ первый вопросъ, съ которымъ маіоръ къ нему обратился. Затѣмъ онъ высказалъ ему свое затрудненіе насчетъ пріисканія себѣ новаго жилища.

На другое утро Эрихъ, отправляясь въ Маттенгеймъ, въ первый разъ въ присутствіи матери поцѣловалъ свою невѣсту.

Эрихъ и Роландъ уѣхали.

За ними послѣдовалъ также и Адамъ, котораго въ Маттенгеймѣ собирались пріучать къ труду.

Женщины остались однѣ съ профессоромъ Эйнзиделемъ и съ маіоромъ, который почти безвыходно у нихъ жилъ.

Вилла опустѣла и погрузилась въ молчаніе. Многіе изъ слугъ были распущены, оставались почти исключительно одни садовники.

Манна поселилась въ виноградномъ домикѣ. Она носила трауръ, вслѣдствіе чего ея темные глаза казались еще больше и блестящѣе. Молодая дѣвушка старалась вовсе забыть, что за стѣнами ея жилища существуетъ общество, съ которымъ она не хотѣла имѣть ничего общаго. Она буквально не разставалась съ тетушкой Клавдіей, читала съ ней, играла на арфѣ и наблюдала надъ звѣздами. Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Маттенгеймъ къ Эриху, она между прочимъ писала: «Замѣчаніе твоего отца насчетъ дамы, которая въ трауре не хотѣла слышать музыки, не сбывается на мнѣ. Я, напротивъ, нахожу въ музыкѣ чуть ли не больше утѣшенія, чѣмъ въ наблюденіи надъ звѣздами.»

ГЛАВА VII.

ЗАТИШЬЕ И НОВАЯ ТУЧА.

Въ Маттенгеймѣ кипѣла самая дѣятельная жизнь. Тамъ день начинался и кончался рано, и въ теченіи его всякій работалъ по мѣрѣ своихъ силъ. Эрихъ занимался на пороховомъ заводѣ, находившемся подъ вѣдѣніемъ одного изъ сыновей Вейдемана. Негръ Адамъ, видя всеобщее прилежаніе, началъ стыдиться своей лѣни и тоже принялся за трудъ. Онъ, подъ руководствомъ вышедшаго изъ исправительнаго дома работника, учился пахать и сѣять и, кромѣ того, пробовалъ свое искусство на токарномъ станкѣ, но пока никакъ не могъ справиться съ колесомъ, которое у него ни за что не хотѣло вертѣться въ тактъ. Охотнѣе всего онъ работалъ на мельницѣ. Забавно было смотрѣть, какъ онъ важно расхаживалъ тамъ по двору, весь обсыпанный мукой, вслѣдствіе чего чернота его кожи казалась еще поразительнѣе. По вечерамъ онъ тоже довольно прилежно занимался съ Кнопфомъ.

Самымъ счастливымъ человѣкомъ въ Маттенгеймѣ былъ именно нашъ другъ Кнопфъ. Дѣйствительно, чего ему не доставало? Онъ находился въ обществѣ Вейдемана, котораго уважалъ, Эриха, котораго высоко цѣнилъ, и Роланда, котораго безъ ума любилъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ двухъ учениковъ, князя и невольника. Да, на долю князя Валеріана выпало учиться вмѣстѣ съ негромъ. Пока Адамъ старался списывать начерченныя для него Кнопфомъ буквы, онъ продолжалъ съ послѣднимъ свои занятія по математикѣ.

Каждый день, какая бы ни была погода, непремѣнно производились полевыя работы, а также межеваніе во вновь-пріобрѣтенномъ имѣніи. Кромѣ того, на практикѣ изучалась наука лѣсоводства, а иногда и устраивалась охота, въ которой особенно отличался Роландъ.

Вейдеманъ былъ очень счастливъ тѣмъ, что могъ приводить въ исполненіе свой планъ насчетъ основанія новой деревни на землѣ, которую купилъ у казны. Онъ старался внушать молодымъ поселянамъ, что одно винодѣліе, безъ поддержки земледѣлія, не можетъ доставить имъ ни полнаго обезпеченія, ни даже временного довольства, и это не только въ дурные годы, но постоянно. Небогатый виноградарь, вынужденный уже съ осени запродавать небольшой запасъ выдѣланнаго имъ вина, выручаетъ за него гораздо менѣе его настоящей цѣны. Земледѣлецъ же, напротивъ, продающій по мелочамъ пшеницу или картофель, получаетъ за малое количество своего товара ту же цѣну, что и больше торговцы. Виноторговля далеко не представляетъ тѣхъ выгодъ.

Кнопфъ умолялъ не выводить въ новой деревнѣ домовъ подъ одну прямую линію. Архитекторъ не мало его утѣшилъ, указавъ ему на извилистый ручеекъ и на холмъ съ возвышавшейся на немъ церковью, которые должны были придать всему селенію чрезвычайно живописный видъ.

Роландъ въ теченіе дня буквально переходилъ изъ рукъ въ руки. Каждый изъ сыновей Вейдемана поочереди просвѣщалъ его въ томъ, что̀ самъ лучше зналъ.

Въ Вейдеманѣ всего болѣе поражало чрезвычайное равновѣсіе между собой всѣхъ его нравственныхъ и умственныхъ силъ. При одномъ взглядѣ на его самообладаніе мгновенно утихала всякая тревога. Въ достоинствѣ, съ какимъ онъ себя держалъ, не было ничего холоднаго или натянутаго. Онъ обладалъ въ высшей степени вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Отъ его проницательности не ускользали ни одинъ промахъ, ни одна ошибка какъ въ политической, такъ и въ частной жизни, но подмѣчая ихъ, онъ никогда не утрачивалъ своего спокойствія и не падалъ духомъ.

Рѣка, дотого прозрачная, что всякій можетъ свободно видѣть ея дно, всегда кажется менѣе глубокой, чѣмъ она есть въ дѣйствительности. Тоже самое было и съ Вейдеманомъ. Его по наружности считали не столько умнымъ и даровитымъ, сколько дѣловымъ человѣкомъ.

Вечера̀ въ Маттенгеймѣ обыкновенно проводились всѣми вмѣстѣ, а праздничные отличались торжественностью, которая въ наши дни, къ сожалѣнію, быстро отживаетъ. Вообще здѣш-

няя жизнь дышала первобытной чистотой и поражала обиліемъ производительныхъ силъ.

Госпожа Вейдеманъ, въ чрезвычайно простомъ, но чистомъ нарядѣ, цѣлый день суетившаяся по хозяйству, къ вечеру обыкновенно замѣняла его болѣе свѣжимъ и пышнымъ. Въ Маттенгеймѣ не существовалъ обычай всѣмъ вмѣстѣ собираться на молитву, но Вейдеману было свойственно своего рода особенное религіозное настроеніе духа, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ всегда ясно давало себя чувствовать.

Не мало содѣйствовалъ къ поддержанію въ обществѣ веселости также и князь Валеріанъ. Любознательность, которая высказалась въ немъ еще въ первые дни его пребыванія въ Вольфсгартенѣ, теперь, казалось, еще болѣе въ немъ развилась. Онъ былъ неутомимъ въ своихъ разспросахъ, а Вейдеманъ всегда имѣлъ для него готовые отвѣты.

Теперь Роландъ очутился въ совершенно новой средѣ и испытывалъ на себѣ благотворное вліяніе частыхъ столкновеній съ людьми, которые не позволяли ему слишкомъ углубляться въ самого себя и заниматься исключительно собственной личностью. Ему приходилось выслушивать отвѣты на вопросы, которые ставилъ не онъ, а кто-нибудь другой. Это заставляло его серьезнѣе въ нихъ вдумываться, вслѣдствіе чего и отвѣты глубже западали ему въ душу.

Возвращаясь съ полевыхъ или горныхъ работъ, съ фабрикъ или изъ вновь строившагося села, всякій по лицу госпожи Вейдеманъ мгновенно видѣлъ, если были письма изъ Америки.

Докторъ Фрицъ очень часто писалъ, а иногда и Лиліана также. Въ послѣднемъ случаѣ, всеобщей радости не было конца.

Кнопфъ втайнѣ наслаждался мыслью, что онъ былъ вѣрнымъ и молчаливымъ хранителемъ любви въ романтическомъ духѣ.

Вейдеманъ то и дѣло предсказывалъ приближеніе страшной грозы, которая, разразясь въ Новомъ Свѣтѣ, по его мнѣнію, неизбѣжно должна была очистить воздухъ также и въ Старомъ.

Кнопфъ, воодушевляемый такого рода рѣчами, разсказывалъ, какъ благонамѣренные люди старались внушить Людовику XII, что дикари, для успѣшнаго распространенія между ними слова Божія, необходимо должны были быть сначала превращаемы въ невольниковъ. Дикари съ теченіемъ времени сдѣлались христіанами, но ихъ покорители и просвѣтители, присоединивъ ихъ къ истинной церкви, забыли... малость!... возвратить имъ свободу.

Госпожа Вейдеманъ всякій разъ, что заходила рѣчь о рабствѣ и о невольникахъ, бывала точно на иголкахъ. Она боялась впечатлѣнія, какое подобные разговоры могли производить на

Роланда. Впрочемъ она утѣшала себя мыслью, что мужъ ея безъ сомнѣнія знаетъ, что̀ дѣлаетъ, когда касается этого тяжелаго предмета.

И дѣйствительно, Вейдеманъ имѣлъ въ виду вполнѣ познакомить Роланда съ вопросомъ о невольничествѣ. Онъ хорошо зналъ, какъ люди вообще падки на софизмы, а тѣмъ болѣе юный, неопытный, удрученный печалью умъ, который въ софистическихъ доводахъ можетъ еще вдобавокъ найти для себя богатый источникъ утѣшенія. До свѣдѣнія Вейдемана дошли слухи, что не далѣе какъ въ сосѣднемъ торговомъ городѣ многіе, въ сущности честные и добрые люди, смотрѣли на вопросъ о невольничествѣ съ совершенно фальшивой точки зрѣнія. Это побудило его разомъ раскрыть передъ Роландомъ все, что было беззаконнаго, жестокаго и безчеловѣчнаго въ рабствѣ. Онъ не безъ основанія полагалъ, что чѣмъ юноша сильнѣе будетъ теперь страдать, тѣмъ съ бо̀льшей энергіей впослѣдствіи примется за дѣло искупленія грѣховъ своего отца. Движимый этой мыслью, Вейдеманъ при всякомъ удобномъ случаѣ съ вовсе несвойственной ему горячностью и даже рѣзкостью, высказывалъ свое негодованіе противъ тѣхъ, которые находятъ хотя малѣйшее извиненіе жестокому обращенію съ существами, подобно имъ самимъ, обладающими и здоровымъ смысломъ и даромъ слова.

Такъ жилось въ Маттенгеймѣ.

Въ домѣ Вейдемана процвѣтало между прочимъ также и пресловутое прирейнское гостепріимство. Туда не разъ пріѣзжалъ банкиръ, который не могъ достаточно нарадоваться на обнаруживаемую Роландомъ неутомимую дѣятельность.

Въ одинъ прекрасный день въ Маттенгеймъ явился, въ качествѣ гостя, не кто иной, какъ профессоръ Крутіусъ. Онъ дружески привѣтствовалъ Роланда, но тотъ обошелся съ нимъ чрезвычайно холодно.

Кнопфъ, бывшій товарищъ Крутіуса и даже нѣкогда рекомендовавшій его въ гувернеры на виллу Эдемъ, теперь формально объявилъ ему, что болѣе не считаетъ его своимъ другомъ. По его мнѣнію, профессоръ обязанъ былъ пощадить Зонненкампа ради дѣтей. Вейдеманъ, съ другой стороны, порицая способъ, къ которому Крутіусъ прибѣгнулъ для изобличенія богатаго американца, тѣмъ не менѣе уважалъ его за твердыя политическія убѣжденія и вовсе не желалъ прерывать съ нимъ дружескихъ отношеній.

Присутствіе профессора Крутіуса и сообщаемыя имъ свѣдѣнія о положеніи вещей въ Новомъ Свѣтѣ, еще болѣе ожи-

вили въ Маттенгеймѣ толки о предстоящей борьбѣ между рабствомъ и свободой.

Крутіусъ между прочимъ сообщилъ, что въ южныхъ штатахъ было очень много образованныхъ офицеровъ. Въ бытность свою въ военномъ училищѣ въ Вестъ-Пойнтѣ въ качествѣ учителя, онъ успѣлъ замѣтить, что тамъ было гораздо болѣе воспитанниковъ изъ южныхъ, нежели изъ сѣверныхъ штатовъ. Въ случаѣ распаденія Союза побѣда должна была, по всѣмъ вѣроятностямъ, остаться за негровладѣльцами, а въ такомъ случаѣ, прощай всякая надежда на водвореніе въ мірѣ свободы.

Съ отъѣздомъ профессора Крутіуса, Роландъ снова сдѣлался задумчивъ и безпокоенъ. Онъ исполнялъ все, что отъ него требовали, но, если его никто не тревожилъ, могъ, въ теченіи цѣлыхъ часовъ, сидѣть неподвижно, устремивъ глаза въ пустое пространство. Ни Вейдеману, ни Эриху не сообщалъ онъ предмета своихъ размышленій, и только рѣшился слегка намекнуть о немъ Кнопфу, въ увѣренности, что тотъ его не выдастъ и не станетъ ему противорѣчить.

Роландъ узналъ, что докторъ Фрицъ былъ злѣйшимъ врагомъ его отца.

Подобно пламени, которое отъ дуновенія вѣтра ярче разгорается, печаль въ душѣ Роланда отъ этого извѣстія внезапно сильнѣе вспыхнула. Горечь, возбужденная въ немъ раскрытіемъ страшной тайны и бѣгствомъ отца съ Беллою еще при жизни матери, смерть послѣдней и печальное наслѣдство, все это погружало его мысль въ какой-то хаосъ, изъ котораго онъ, со времени посѣщенія Крутіуса, вовсе не находилъ выхода. Онъ узналъ, что Лиліана дочь злѣйшаго врага его отца. Кромѣ того, онъ постоянно терзался страхомъ, вступивъ въ войско сѣверянъ, если вспыхнетъ война, встрѣтить отца во вражескомъ лагерѣ.

ГЛАВА VIII.

ПРИБЛИЖЕНІЕ БУРИ.

Великій законъ нашего времени, въ силу котораго будто бы всякое отдѣльное существованіе неизбѣжно должно быть связано съ какимъ-нибудь важнымъ проявленіемъ общественной жизни, никогда нигдѣ не оказывался справедливѣе, чѣмъ здѣсь, посреди дѣятельности, оживлявшей Маттенгеймъ. Мысли Вейдемана были постоянно устремлены на движеніе умовъ въ Новомъ Свѣтѣ, а

судьба юноши оказывалась неразрывно связанной съ этимъ самымъ движеніемъ.

Роландъ съ жадностію читалъ всѣ газеты и журналы, въ которыхъ обсуживался вопросъ о такъ-называемомъ невольничествѣ. Докторъ Фрицъ въ своихъ письмахъ съ недовѣріемъ отзывался о Линкольнѣ. Онъ сомнѣвался, чтобы человѣкъ, съ его открытымъ характеромъ и съ его безграничной вѣрой въ добро и людей, въ данную минуту поступилъ бы довольно рѣшительно съ южанами.

Роландъ часто слышалъ, какъ негровладѣльцевъ называли дворянчиками, и Вейдеманъ ему объяснилъ, что это имя къ нимъ подходило какъ нельзя болѣе. Плантаторы считали себя созданными исключительно для такъ-называемыхъ благородныхъ страстей. Они хотѣли только наслаждаться жизнію, предоставляя другимъ за нихъ работать и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ роскошнаго и празднаго существованія. Трудъ они считали для себя унизительнымъ, не подозрѣвая того, что онъ одинъ сообщаетъ человѣку истинное благородство.

Роландъ здѣсь въ первый разъ прочелъ романъ: «Хижина дяди Тома». Онъ пролилъ надъ нимъ много слезъ, но вслѣдъ затѣмъ въ умѣ его внезапно возникнулъ вопросъ:

«Что это? Несчастнымъ, претерпѣвающимъ гоненія и побои, обѣщаютъ вознагражденіе въ будущей жизни, гдѣ притѣснители, въ свою очередь, будутъ унижены, а рабы возвеличены? Но развѣ возможно вполнѣ изгладить претерпѣнныя страданія, сдѣлать такъ, какъ будто они не существовали?» Роландъ невольно вспомнилъ о ловчемъ, позднее признаніе невинности котораго развѣ могло его вознаградить за лишеніе свободы и за нравственныя мученія, которыя онъ претерпѣлъ?

Совершенно иное впечатлѣніе произвело на Роланда тщательно обработанное сочиненіе Фридриха Каппа «Исторія невольничества въ Америкѣ», появленіе котораго какъ нельзя лучше совпадало съ настоящими событіями.

Сначала юношѣ казалось непонятнымъ, какъ можно было такъ спокойно, съ чисто-исторической точки зрѣнія, излагать факты самаго возмутительнаго свойства, но при чтеніи одного мѣста у него невольно вырвался крикъ, какъ будто онъ былъ пораженъ въ самое сердце.

«Оснастители невольничьихъ кораблей, говорилось въ книгѣ, почти всѣ иностранцы, испанцы и португальцы, а къ сожалѣнію также... здѣсь слѣдовала черта, которая, какъ острый кинжалъ, кольнула Роланда... къ сожалѣнію также и нѣмцы!»

Тутъ же Роландъ въ первый разъ почувствовалъ недовѣріе и къ личности Веніамина Франклина.

Онъ прочелъ, что Франклинъ, предсѣдательствуя въ аболиціонистскомъ обществѣ Филадельфіи, подобно всѣмъ другимъ героямъ американской войны за освобожденіе, устремилъ все свое вниманіе исключительно на то, чтобы даровать Соединеннымъ Штатамъ прежде всего единство. Онъ надѣялся, что съ теченіемъ времени, при торжествѣ въ мірѣ свободнаго труда, невольничество само собою исчезнетъ съ лица земли.

Надежды его не сбылись, а слова Теодора Паркера получили новое и печальное подтвержденіе:

Всѣ великія событія въ исторіи человѣчества пишутся кровью.

Въ одной изъ комнатъ маттенгеймскаго дома висѣла картина Ари Шеффера, изображавшая поклоненіе младенцу Іисусу. Въ ней особенно поражаетъ фигура негра, который съ выраженіемъ надежды простираетъ къ божественному Искупителю руки, обремененныя оковами. Прошло двѣ тысячи лѣтъ, а несчастное племя все еще съ мольбой продолжаетъ простирать израненныя неволею руки къ великой идеѣ гуманности и свободы. Отчего это до сихъ поръ такъ оставалось?

Роландъ долго и задумчиво смотрѣлъ на картину. Онъ припомнилъ стихи Гёте объ Америкѣ и повторилъ ихъ Вейдеману, который ему отвѣчалъ:

— Удѣлъ свободныхъ людей не имѣть въ прошломъ образца, съ дѣяніями котораго они могли бы сравнивать свои собственные поступки. Они должны во всемъ руководствоваться собственными соображеніями. Если Гёте находитъ завидной участь американцевъ потому, что имъ не надо было бороться съ средневѣковыми предразсудками, то они сами не менѣе того гордятся этимъ преимуществомъ. А между тѣмъ, отказавшись отъ всего, что составляло жизнь предъидущихъ поколѣній, они сдѣлали исключеніе для рабства, которое многіе признаютъ за естественное положеніе рабочаго класса.

Вейдеманъ далъ Роланду прочесть рѣчь, которую Авраамъ Линкольнъ незадолго предъ тѣмъ произнесъ въ Нью-Іоркѣ.

Роландъ долженъ былъ прочесть ее вслухъ. Голосъ его дрожалъ, къ глазамъ подступали слезы, когда онъ читалъ:

«Республиканцы! если бы мы и рѣшились замолчать, то мы можемъ быть увѣрены, что демократы ни въ какомъ случаѣ не согласятся оставить этого дѣла. Мы не смѣемъ и не въ правѣ молчать. Иначе мы должны перестать смотрѣть на невольничество, какъ на зло, и намъ придется во всеуслышаніе про-

возгласить его учрежденіемъ справедливымъ и законнымъ. Тогда намъ оказалось бы необходимымъ измѣнить конституцію нашихъ свободныхъ штатовъ и вычеркнуть изъ нея все, что въ ней говорится противъ невольничества.

«Южане провозглашаютъ рабство учрежденіемъ нравственнымъ, которое возвышаетъ человѣчество. Чтобъ быть послѣдовательными, они должны еще признать его за общественное благо, которое надлежитъ всюду вводить.

«Наша совѣсть предписываетъ намъ возстать противъ подобнаго требованія. Мы должны исключительно руководствоваться чувствомъ долга и безъ колебанія отталкивать отъ себя всѣ злыя внушенія. Прочь всѣ софистическіе толки о полумѣрахъ, объ улаживаніи между добромъ и зломъ! Не то же ли бы это было, какъ еслибъ мы, говоря о человѣкѣ, старались доказать, что онъ ни живъ, ни мертвъ! Прочь отъ насъ государственная мудрость, объявляющая, что ей нѣтъ дѣла до вопроса, который касается всего человѣчества! Плѣномъ, тюрьмою насъ не испугаешь. Мы будемъ твердо держаться вѣрованія: право даетъ силу. Опираясь на него, мы до конца нашихъ дней ни на шагъ не отступимъ отъ долга».

Роландъ со слезами на глазахъ взглянулъ на картину, гдѣ негръ простираетъ руки въ оковахъ и изъ глубины его души внезапно поднялся голосъ: «ты будешь свободенъ».

ГЛАВА IX.

ГРОЗА РАЗРАЖАЕТСЯ.

«Пчелы, которыхъ мы привезли изъ Европы, теперь, съ наступленіемъ весны, начинаютъ летать на свободѣ...» писала Ліана изъ Нью-Іорка.

Въ Маттенгеймѣ весна тоже быстро приближалась. Лѣсныя и полевыя работы принимали новый характеръ, бури съ градомъ и дождемъ быстро смѣнялись солнечнымъ сіяніемъ, на поляхъ пробивалась свѣжая зелень, которая пріятно ласкала глаза.

Изъ Маттенгейма разсылались друзьямъ приглашенія на прощальный праздникъ, дававшійся въ честь князя Валеріана, который собирался къ себѣ на родину. Изъ приглашенныхъ прежде всѣхъ явились обитательницы виллы Эдемъ, профессорша, тетушка Клавдія и Манна. Вслѣдъ за ними пріѣхали маіоръ и профессоръ Эйнзидель.

Манна и профессорша были очень ласково встрѣчены госпо-

жею Вейдеманъ и ея невѣсткою. Собраніе, въ домѣ людей самыхъ разнообразныхъ возрастовъ и характеровъ, придавало ему оживленіе, которое невольно сообщалось каждому вновь прибывающему лицу.

Сравнивая кипѣвшую въ Маттенгеймѣ дѣятельность со своимъ собственнымъ существованіемъ, въ послѣднее время лишеннымъ всякого живого интереса, обитательницы виллы Эдемъ почувствовали немалое угрызеніе совѣсти. Въ хозяйствѣ госпожи Вейдеманъ, несмотря на его сложность, все шло тихо, спокойно, безъ суетливости.... Госпожа Вейдеманъ особенно гордилась своими кладовыми, гдѣ хранились большіе запасы различной провизіи не только для ея семьи, но и для всѣхъ бѣдныхъ, которые обращались къ ней за помощію. Она, правда, жаловалась на недостатокъ времени для своего умственнаго образованія, но тутъ же съ улыбкой прибавляла, что въ этомъ случаѣ она подвергалась одной участи съ своимъ огородомъ. Она постоянно истребляла въ немъ птицъ, такъ какъ ей приходилось выбирать между ихъ пѣніемъ и болѣе или менѣе обильнымъ сборомъ салата и ягодъ.

Вмѣстѣ съ письмомъ Лиліаны пришли также и газеты, изъ которыхъ все общество съ удивленіемъ узнало, что въ Новомъ Свѣтѣ уже началась великая борьба. Вейдеманъ полагалъ, что не далѣе какъ къ слѣдующему лѣту вполнѣ созрѣетъ и благополучно разрѣшится величайшее событіе нашего вѣка и, можетъ быть, всей новѣйшей исторіи. Но въ то же время онъ опасался, чтобъ борьба не окончилась распаденіемъ штатовъ на части. Это нанесло бы сильный ударъ свободѣ и идеѣ гуманности; надъ ихъ торжествомъ въ мірѣ мы всѣ по мѣрѣ силъ трудимся. Передъ такимъ громкимъ печальнымъ событіемъ неизбѣжно стушевались бы всѣ мелкіе труды отдѣльныхъ личностей.

Вскорѣ пріѣхала также и Лина съ мужемъ и съ родителями, а за ней докторъ съ женой. Послѣдній привезъ всѣхъ изумившее извѣстіе, что Пранкенъ поступилъ офицеромъ въ папское войско.

Наконецъ, общество отправилось въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, который долженъ былъ быть послѣднимъ въ Маттенгеймѣ для князя Валеріана.

Вейдеманъ, занимавшій верхній конецъ стола, провозгласилъ тостъ въ честь отъѣзжающаго друга. Похваливъ его любознательность и человѣколюбивыя стремленія, онъ продолжалъ:

— Двѣ вещи постоянно борятся въ мірѣ: эгоизмъ и гуманность. Чѣмъ болѣе, преисполненный любви къ ближнимъ, ты служишь послѣдней, тѣмъ наибольшей свободой ты пользуешься.

Чѣмъ болѣе ты отдаешь другимъ, тѣмъ болѣе сокровищъ пріобрѣтаешь ты для твоего внутренняго мира. Мы трудимся надъ освобожденіемъ нашихъ ближнихъ. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ невозможенъ, если мы будемъ дѣйствовать только по внушенію холоднаго разсудка. Безъ любви и самоотверженія не создается ни что прочное. Корыстолюбіе и страсть къ наслажденію считаются отличительными чертами нашего времени. Но мы, вопреки мнѣнію толпы, восклицаемъ: нашъ вѣкъ великъ! Европа со своимъ древнимъ образованіемъ и отживающимъ дворянствомъ стремится посредствомъ равнаго распредѣленія труда уничтожить различіе классовъ,—Россія и Америка посредствомъ освобожденія рабовъ ищутъ воспитать людей для свободнаго труда. Предметы вѣрованія всякій понимаетъ по своему, сообразно съ говорящимъ внутри его, ему одному слышнымъ, голосомъ. Справедливое, честное, свободное дѣло не можетъ быть ни дурно понято, ни вкривь истолковано, ни измѣнено, ни уничтожено властію какой-либо одной отдѣльной личности. Союзъ, съ другой стороны, въ подобномъ случаѣ тоже безсиленъ и невозможенъ: свободное дѣло въ одно и тоже время составляетъ достояніе каждаго изъ насъ порознь и всего человѣчества вмѣстѣ....»

Общество еще сидѣло за столомъ, когда пришло письмо отъ профессора Крутіуса, въ которомъ тотъ сообщалъ Вейдеману о прибытіи въ редакцію трансатлантической корреспонденціи, объявлявшей, что въ Америкѣ вспыхнула война.

Глубоко взволнованный, Вейдеманъ передалъ извѣстіе гостямъ.

— Я отправляюсь на войну, воскликнулъ Роландъ. Лицо его горѣло, глаза свѣтились энтузіазмомъ. Всѣ на него смотрѣли, но никто не произносилъ ни слова.

— Въ этомъ ваша прямая обязанность, проговорилъ наконецъ Вейдеманъ.

— Ахъ, если бы я могъ съ тобою ѣхать! замѣтилъ Эрихъ.

— Ты можешь и долженъ! сказала Манна.

— Я? А ты, Манна?

— Я поѣду съ тобою, съ вами обоими.

Роландъ бросился къ сестрѣ на шею, восклицая:

— Манна, ты героиня. О, сестра! О, Эрихъ! мы трое соединимся вмѣстѣ и составимъ одно. Для насъ всѣхъ наступаетъ наконецъ пора освобожденія.

— Я давно это предвидѣла, сказала профессорша. У кого хватитъ духу васъ удерживать?

Кнопфъ позвалъ Адама, который, узнавъ въ чемъ дѣло, крѣпко сжалъ кулаки и съ дикимъ воплемъ воскликнулъ:

— Мы всѣ поѣдемъ... всѣ!

Вейдеманъ и его гости начали между собою обниматься, какъ будто для всего міра настало избавленіе.

Когда всѣ немного успокоились, Манна шепнула Эриху:

— О, Эрихъ! Отецъ въ непріятельскомъ лагерѣ, а сынъ пойдетъ противъ него...

Эрихъ старался ее успокоить, обѣщаясь напечатать въ указанной Зонненкампомъ южно-американской газетѣ ему одному понятными цифрами извѣстіе о поступленіи Роланда въ сухопутное войско сѣверянъ. Это безъ сомнѣнія побудитъ Зонненкампа избрать для себя морскую службу, гдѣ онъ не будетъ подвергаться опасности встрѣчи съ сыномъ.

Казалось, всѣ забыли, что собрались сюда съ цѣлію пожелать добраго пути князю Валеріану. Послѣдній, вставъ съ своего мѣста, замѣтилъ, что вовсе не желаетъ нарушать великодушнаго настроенія духа покидаемыхъ имъ друзей. Онъ унесетъ въ своей душѣ свѣтлое воспоминаніе о благородно-мыслящихъ людяхъ, съ которыми свела его судьба на берегахъ Рейна, и будетъ до конца своей жизни хранить его, какъ драгоцѣнное сокровище. Затѣмъ, онъ сказалъ, что въ жизни бываютъ минуты, напоминающія собою моментъ распусканія цвѣтка, который подготовляется долго и медленно, но разъ наступивъ, всѣхъ поражаетъ своею торжественностію. Подобно тому, какъ теперь все возрождалось въ природѣ, такъ точно для Эриха и Манны наступала новая пора счастія. Онъ радъ былъ знать, что они, соединенные любовію, готовы были принять участіе въ борьбѣ за чистую идею гуманности.

Князь говорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Всѣ были растроганы и съ особеннымъ умиленіемъ выслушали намекъ на предстоящую свадьбу Эриха и Манны.

Послѣ этого Кнопфъ прочелъ сочиненное имъ напутственное стихотвореніе, и тѣмъ самымъ далъ мыслямъ общества другое направленіе. За столомъ поднялся громкій смѣхъ, но нельзя сказать, чтобы вслѣдствіе этого у собесѣдниковъ стало совсѣмъ легко на душѣ.

Всѣ встали. Лина пропѣла отъѣзжающему прощальную пѣснь, а вслѣдъ затѣмъ князь Валеріанъ, въ сопровожденіи Кнопфа, отправился на желѣзную дорогу.

Общество раздѣлилось на два кружка. Мужчины окружили Эриха, женщины Манну. Послѣдняя стояла, опустивъ голову, глаза и сложивъ руки крестомъ. Роландъ переходилъ отъ одной группы къ другой и заговаривалъ то съ Эрихомъ, то съ Манною. Было рѣшено, что профессорша, тетушка Клавдія, Лина и

Манна, въ сопровожденіи Роланда и профессора Эйнзиделя, немедленно отправятся на виллу. Эрихъ и всѣ остальные намѣревались послѣдовать за ними на слѣдующій день, который былъ избранъ для заключенія брака гражданскимъ порядкомъ. Вейдеманъ въ качествѣ бургомистра долженъ былъ при этомъ исполнить всѣ необходимыя формальности.

ГЛАВА X.

ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Былъ свѣтлый, весенній день. Манна въ подвѣнечномъ платьѣ стояла въ своей комнатѣ вмѣстѣ съ профессоршей и тетушкой Клавдіей. Она была задумчива и молчалива. Лина принесла ей свѣжій миртовый вѣнокъ. Отъ молодой женщины вѣяло счастіемъ и веселіемъ, которое она однако, изъ уваженія къ серьезному настроенію духа подруги, всячески старалась сдерживать.

Вскорѣ пришли маіоръ и профессоръ Эйнзидель и повели Манну въ концертную залу, которая, стараніями Лины и садовника, была роскошно убрана цвѣтами. Тамъ ихъ ожидали Эрихъ, докторъ, мировой судья и Вейдеманъ. У послѣдняго на шеѣ была надѣта золотая цѣпь, знакъ его бургомистерскаго званія. Эрихъ пошелъ къ Маннѣ на встрѣчу; она подала ему руку и онъ повелъ ее къ уставленному цвѣтами столу, за которымъ стоялъ Вейдеманъ.

Подписываясь подъ брачнымъ свидѣтельствомъ, Манна вдругъ спросила:

— Какимъ именемъ должна я себя назвать: Зонненкампа или Банфильда?

Она склонила свою, украшенную миртовымъ вѣнкомъ, голову на плечо Эриху и, казалось, на мгновеніе совсѣмъ обезсилѣла подъ внезапнымъ наплывомъ горестныхъ ощущеній.

— Подпишись обоими именами, тихо сказалъ ей Эрихъ: впредь ты будешь носить одно только мое.

Она сдѣлала такъ, какъ онъ сказалъ, потомъ твердымъ голосомъ произнесла:

— Теперь все кончено. Даю тебѣ слово, Эрихъ, отнынѣ не давать воли такого рода чувствамъ. Съ тобой, подъ щитомъ твоего имени, для меня начинается новая жизнь.

Вейдеманъ благословилъ молодую чету.

— Для меня непонятно, сказалъ онъ, какъ люди могутъ

не вѣрить въ Бога.:.. Всемогущій Духъ, которому мы всѣ здѣсь поклоняемся, связываетъ васъ отнынѣ неразрывными узами.

Затѣмъ онъ въ короткихъ словахъ объяснилъ важность настоящаго момента, освящающаго соединеніе двухъ душъ, которыя, въ виду великаго міроваго событія, даютъ другъ другу слово по мѣрѣ силъ содѣйствовать его благополучному исходу.

Эрихъ надѣлъ Маннѣ на палецъ обручальное кольцо.

Затѣмъ они вмѣстѣ вышли въ садъ и сѣли на ту самую скамью, гдѣ обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ. Весна распространяла вокругъ нихъ свое благоуханіе, а въ кустахъ громкой трелью заливался соловей.

Послѣ обѣда Эрихъ съ Манной отправились сдѣлать небольшую прогулку по Рейну.

Вечеръ засталъ ихъ на вершинѣ горы у подножія развалины древняго рыцарскаго замка. Взоры ихъ покоились на стѣнахъ расположеннаго у ихъ ногъ монастыря. Эрихъ описывалъ впечатлѣніе, какое онъ унесъ въ сердцѣ послѣ того, какъ въ первый разъ увидѣлъ Манну въ вечерніе сумерки, съ крыльями за плечами.

Манна въ отвѣтъ ему прошептала:

— Тогда я располагала всю жизнь провести въ монастырѣ, надѣясь тѣмъ самымъ искупить грѣхи близкихъ мнѣ. Теперь я приношу гораздо бо́льшую жертву. Я добровольно беру на себя самое тяжкое бремя, какое только можетъ выпасть на долю женщины. Мнѣ придется въ тревогѣ ожидать исхода битвы, не зная, увижу ли я еще въ живыхъ близкихъ моему сердцу борцовъ, или принуждена буду искать ихъ на полѣ сраженія посреди нашихъ и вражескихъ труповъ. О, Эрихъ, я несказанно счастлива тѣмъ, что могу въ эту опасную минуту назвать тебя моимъ.

Она до сихъ поръ не проронила ни одной слезы, но въ настоящую минуту неудержимо заплакала. Эриху удалось скоро ее успокоить.

Медленно, рука въ руку стали они спускаться съ горы. Мѣсяцъ кроткимъ свѣтомъ обливалъ рейнскую долину, дрожалъ въ рѣкѣ и сіялъ на вершинахъ деревъ, въ молодой пахучей листвѣ которыхъ щелкали соловьи. Весь міръ казался погруженнымъ въ тихое безмятежное счастье.

ГЛАВА XI.

ФРЕЙЛЕНЪ МИЛЬКЪ РАЗСКАЗЫВАЕТЪ СВОЮ ИСТОРІЮ.

Нѣсколько дней спустя, на виллу пріѣхалъ банкиръ съ своей невѣсткой, которая очень желала познакомиться съ профессоршей и съ Манной. Между тремя женщинами быстро завязалась дружба, подобная которой можетъ прочно воздвигаться только на почвѣ истиннаго образованія. Онѣ гуляли вмѣстѣ по саду и по оранжереямъ, наслаждаясь благоуханіемъ весенняго воздуха и любуясь яркимъ и разнообразнымъ блескомъ свѣжей зелени и вновь распустившихся цвѣтовъ.

Вскорѣ пришелъ также и маіоръ съ фрейленъ Милькъ. Его первыми словами Маннѣ было:

— Капитанша, позвольте мнѣ вамъ представить маіоршу.

И оставивъ женщинъ на свободѣ удивляться его выходкѣ, онъ пошелъ отыскивать мужчинъ. Вскорѣ все общество собралось вмѣстѣ, и маіоръ объявилъ о своей рѣшимости сдаться на убѣжденія друзей и поселиться на виллѣ съ цѣлью наблюдать въ ней за порядкомъ. Примѣръ Манны подѣйствовалъ на фрейленъ Милькъ, и она въ свою очередь рѣшилась освободиться изъ-подъ гнета, который тяготѣлъ надъ ней въ теченіи стольких лѣтъ. Она намѣревалась разсказать собраннымъ здѣсь друзьямъ исторію своей жизни, и маіоръ просилъ всѣхъ внимательно слушать.

Когда общество удобно размѣстилось, фрейленъ Милькъ начала:

— Вы, профессоръ Эйнзидель, какъ нельзя болѣе напоминаете мнѣ моего отца. Онъ тоже былъ ученый, но по другой отрасли науки. Вы обладаете многими изъ его привычекъ. Обращаюсь къ вамъ, къ профессоршѣ, которая, не зная еще моего прошлаго, почтила меня своей дружбой, къ молодой госпожѣ Дорнэ, которая, съ тѣхъ поръ какъ прошло ея предубѣжденіе противъ меня, всегда была ко мнѣ очень добра, и прошу васъ всѣхъ выслушайте мою исторію. Что до васъ касается, прибавила фрейленъ Милькъ, обращаясь къ банкиру, вы лучше всѣхъ поймете мой разсказъ, потому что вы еврей, точно также какъ и я—еврейка.

Она на минуту остановилась.

Всѣ молчали.

Фрейленъ Милькъ продолжала:

«Итакъ, я дочь еврейскаго ученаго. Мой отецъ отличался благородствомъ и благочестіемъ, слылъ за мудреца въ дѣлѣ вѣры и науки, но во всемъ, что касалось обыденной жизни, былъ нео-

пытенъ и несвѣдущъ какъ ребенокъ. Онъ съ утра до вечера сидѣлъ за священными книгами и читалъ ихъ.

«Моя мать происходила изъ богатой семьи. Выйдя замужъ за благочестиваго ученаго по волѣ родителей, она скоро полюбила его всѣми силами своей души.

«Тишина и однообразіе, царствовавшія въ нашемъ домѣ, радушный пріемъ, оказывавшійся въ немъ бѣднымъ, весь ходъ жизни, которая походила на одинъ длинный рядъ духовныхъ праздниковъ и богослуженій,—все это вполнѣ можетъ быть понято только вами, снова обратилась фрейленъ Милькъ къ банкиру. Мнѣ самой все это теперь кажется давно минувшимъ сномъ.

«Зимой, когда отецъ не могъ самъ выходить, его единовѣрцы собирались къ нему на общую молитву, по окончаніи которой мнѣ иногда приходилось слышать толки и о томъ, что дѣлалось въ мірѣ.

«Я вообще очень мало знала о свѣтѣ.

«Чиновники, солдаты, всѣ эти люди, вращавшіеся въ немъ, казались мнѣ какими-то сказочными существами, съ которыми я не могла имѣть ничего общаго.

«У меня былъ единственный братъ, красавецъ собой, чрезвычайно похожій на капитана Дорнэ. Онъ былъ очень друженъ съ квартировавшимъ у насъ барабанщикомъ, по имени Граслеръ. Послѣдній чрезвычайно уважалъ отца, за что мы всѣ весьма скоро полюбили его. Немного спустя, барабанщика перевели въ другое мѣсто. Прощаніе его съ нами особенно живо осталось у меня въ памяти. Я стояла на лѣстницѣ и вертѣла шарикъ на перилахъ, который легко отвинчивался и снова привинчивался. Вдругъ барабанщикъ, обратясь ко мнѣ сказалъ: «когда ты выростешь, Розалія, а меня произведутъ въ офицеры, я опять пріѣду сюда за тобой.»

«Онъ спустился на улицу и пошелъ вдоль нея. До меня долеталъ звукъ его барабана, а я все стояла на лѣстницѣ, облокотясь на перилы и вертя рукою шарикъ. Мнѣ казалось, что все вокругъ меня вертѣлось..... Но, извините меня, я кажется ужъ слишкомъ распространяюсь».

— Нѣтъ, нѣтъ, разсказывайте какъ хотите подробно.

«Братъ мой и его другъ отправились на войну. Первый былъ убитъ, а Конрадъ Граслеръ вернулся къ намъ въ чинѣ прапорщика. Онъ принесъ отцу простреленный пулей молитвенникъ брата. Всѣ мы въ теченіи семи дней не выходили изъ дома и сидя на полу, предавались неутѣшной печали. Конрадъ все время оставался съ нами. Затѣмъ отецъ вернулся къ своимъ книгамъ. Онъ прежде всегда очень тихо говорилъ, теперь же сталъ громк

возвышать голосъ, точно желая заглушить въ себѣ самое воспоминаніе о сынѣ.

«Время мало-по-малу смягчило нашу печаль. Братъ давно покоился въ землѣ—никто не зналъ гдѣ. Конрадъ вернулся на родину.

«Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Мы только-что отпраздновали пасху и слушали рѣчь отца, который говорилъ о чудесномъ избавленіи отъ неволи нашихъ праотцевъ и скорбѣлъ о томъ новомъ игѣ, какое по-сю пору тяготѣетъ надъ нами.

«Мы поздно разошлись. Я спала въ маленькой комнаткѣ, рядомъ со спальней моихъ родителей, и слышала, какъ отецъ сказалъ матери: «Мы, евреи, какъ видно, еще не такой презрѣнный народъ. Вотъ красивый, честный юноша, другъ нашего сына, Конрадъ Граслеръ, вѣрный своему слову, опять пожаловалъ сюда. Онъ недавно былъ произведенъ въ капитаны, а теперь вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора, получаетъ пенсію и хочетъ жениться на Розаліи. Ахъ, еслибъ онъ былъ одной съ нами вѣры, какъ охотно выдалъ бы я за него нашу дочь! Я не желалъ бы для нея лучшаго жениха. Но это невозможно, и да проститъ мнѣ Богъ всѣ мои грѣховныя мысли и пожеланія.»

«Я ни слова не проронила изъ того, что́ говорилъ отецъ, и хотя еще находилась около него, въ его домѣ, но мысленно уже успѣла перенестись туда, въ обширный міръ, гдѣ живутъ чиновники, солдаты, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ и такъ многое обѣщаетъ юному, неопытному сердцу.

«Отецъ ничего не имѣетъ противъ Конрада, и еслибъ не различіе вѣры, наше счастье могло бы устроиться... всю ночь звучало у меня въ ушахъ. На слѣдующее утро отецъ съ матерью отправились въ синагогу, я взяла въ руки молитвенникъ.... вотъ онъ: его составилъ отецъ для употребленія женщинъ... но мысли мои были далеко. Я осталась одна дома, на улицѣ не виднѣлось ни души, все общество евреевъ находилось въ синагогѣ. Въ предположеніи, что Конрадъ можетъ пройти мимо, я не садилась къ окну, но расположилась посреди комнаты.

«Не странно ли, что онъ остался мнѣ вѣренъ? Вѣдь я въ то время была еще ребенокъ! Каковъ онъ теперь изъ себя? Но удастся ли ему дойти до меня и какимъ образомъ?

«Сама не знаю, какъ я очутилась у окна и выглянула на улицу. Изъ-за угла дѣйствительно показался Конрадъ. Я откинулась въ сторону, но вдругъ услышала на лѣстницѣ чьи-то быстрые шаги.... Сердце мое забилось, точно хотѣло выскочить изъ груди.

«Я передала Конраду слова, которыя отецъ говорилъ ночью матери.

«Родители мои вернулись изъ синагоги. Никогда еще не при-

ходилось мнѣ переживать такихъ тяжелыхъ минутъ, какъ тѣ, которыя послѣдовали вслѣдъ затѣмъ. Отецъ по еврейскому обычаю благословилъ меня, возложивъ мнѣ на голову руки. Я не хотѣла портить ему праздника и только по окончаніи его убѣжала съ Конрадомъ. Это былъ жестокій ударъ, который мгновенно отнялъ у отца всѣ радости жизни. Я долго надѣялась, что онъ смягчится, и когда увидитъ, что дѣло измѣнить нельзя, согласится дать намъ свое благословеніе. Мы ему писали, но не получили отвѣта. Впрочемъ онъ поручилъ одному изъ своихъ друзей передать намъ, что у него было двое дѣтей, но отнынѣ онъ ихъ обоихъ считаетъ умершими. Ему ничего болѣе не оставалось, какъ молиться о ихъ благополучіи въ будущей жизни. Кромѣ того онъ велѣлъ мнѣ сказать еще слѣдующее: «ты искала почестей и ради ихъ покинула твоего отца». Я въ отвѣтъ написала ему новое письмо, въ которомъ клялась, что вовсе не искала почестей. Тогда же дала я слово взять на себя стыдъ, который послужилъ бы мнѣ искупленіемъ моего грѣха, — и слово это я вѣрно держала до сего времени. Мы соединились съ Конрадомъ гражданскимъ бракомъ, но я рѣшительно отказалась пользоваться преимуществами моего новаго положенія.

«Мы вскорѣ получили извѣстіе о смерти моей матери; отецъ послѣдовалъ за ней черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Я получила послѣ нихъ небольшое наслѣдство. Меня долго терзало раскаяніе за мой поступокъ съ ними. Конраду тоже было не легко, но онъ съ свойственной ему добротой всячески старался меня утѣшить. Однажды я вздумала посѣтить могилу моихъ родителей и избрала для этого ночное время, когда меня никто не могъ бы узнать. Какое жестокое наказаніе для дочери подъ прикрытіемъ ночного мрака, избѣгая взглядовъ людей, пробираться на могилу родителей! И тѣмъ не менѣе это принесло мнѣ облегченіе, по крайней мѣрѣ дало мнѣ силы скрывать мою печаль отъ Конрада. Мы переселились на низовья Рейна и двѣнадцать лѣтъ прожили тамъ въ уединенной деревушкѣ, сокрытые отъ свѣта, но счастливые другъ другомъ. Никто насъ не зналъ. Я часто ходила въ церковь, чувствуя потребность молиться вмѣстѣ съ другими людьми. Слушая торжественные звуки органа, присутствуя при богослуженіи чуждой мнѣ религіи, я сидѣла въ сторонѣ, усердно молясь словами молитвенника, оставленнаго мнѣ отцемъ, или читая книгу которая была прострѣлена вражеской пулей на груди моего брата. Я переставала чувствовать себя одинокой. Около меня были люди; они молились одному Существу, который безъ сомнѣнія знаетъ, почему человѣчество поклоняется ему въ стольких различныхъ формахъ.

«Немного спустя, мы переселились сюда. Вамъ извѣстно

какъ я здѣсь жила. Конрадъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я заняла въ обществѣ принадлежавшее мнѣ по праву мѣсто, но я отказывалась, не желая, чтобъ меня величали маіоршей. Въ этомъ я видѣла себѣ наказаніе за то, что покинула своихъ родителей. Тѣмъ не менѣе мы продолжали жить въ невозмутимомъ мирѣ и согласіи. Теперь я полагаю, что мои страданія достаточно искупили мой грѣхъ, и я рѣшаюсь признать себя свободной».

— И вы дѣйствительно свободны! разомъ воскликнули банкиръ и профессоръ Эйнзидель.

Манна нѣжно обняла маіоршу.

ГЛАВА XII.

СБОРЫ И ОТЪѢЗДЪ.

Въ гостинницѣ подъ вывѣской «Карпа» царствовало шумное веселье. Хозяинъ ея, бочаръ, щедро наполнялъ стаканы, а ловчій съ Семиствольникомъ радостно другъ на друга поглядывали и по временамъ чокались.

Во всей странѣ было извѣстно, что бочаръ пользовался особеннымъ довѣріемъ Эриха и Роланда и къ нему стекались толпы молодыхъ людей, желавшихъ принять участіе въ американской войнѣ. Съ цементной фабрики Вейдемана явилась цѣлая депутація съ просьбой снабдить ее суммой, необходимой для переѣзда въ Новый Свѣтъ тридцати двухъ человѣкъ.

Бочаръ довелъ это до свѣдѣнія Роланда, который самъ явился въ гостинницу и объявилъ, что не беретъ съ собой никого, кромѣ трехъ молодыхъ докторовъ, изъ которыхъ одинъ уже былъ рекомендованъ банкиромъ.

Затѣмъ Роландъ въ сопровожденіи Клауса вернулся на виллу, гдѣ уже успѣлъ водвориться маіоръ.

Послѣдній вмѣстѣ съ своей супругой тоже совершилъ свадебную прогулку. Они вмѣстѣ отправились въ часть сада, называемую Ниццой, пробыли тамъ нѣсколько времени, потомъ обошли весь паркъ и поднялись на холмы, откуда разстилался видъ на верхнюю часть Рейна.

— Ну-съ, маіорша, самодовольно проговорилъ добрый старикъ, вотъ мы съ вами теперь стоимъ на высочайшей точкѣ Альпійскихъ горъ.

Сойдя внизъ и огибая берегъ пруда, онъ опять сказалъ:

— Маіорша, не угодно ли вамъ полюбоваться очаровательными красотами Лаго-Маджіоре.

Проходя по оранжереямъ, маіоръ со смѣхомъ замѣтилъ, что

судьба какъ будто нарочно постаралась соединить здѣсь такое огромное количество самыхъ разнообразныхъ растеній, затѣмъ, чтобъ избавить его, маіора, и ее, маіоршу, отъ труда предпринять болѣе дальнее путешествіе. Затѣмъ онъ просилъ жену извинить его, если онъ въ слѣдующіе дни будетъ оказывать ей мало вниманія, но ему еще такъ многое надо приготовить къ отъѣзду въ Америку ихъ друзей.

Дѣйствительно, дѣла по устройству имѣнія оказалось столько, что Эрихъ не успѣлъ самъ всего окончить и долженъ былъ многое поручить Вейдеману и мировому судьѣ.

Ему между прочимъ надлежало выхлопотать себѣ отставку, такъ какъ онъ все еще числился въ резервѣ. Герцогъ въ отвѣтъ на его просьбу выразилъ желаніе лично съ нимъ переговорить. Эрихъ отправился въ столицу и былъ изумленъ милостивымъ и даже дружескимъ обращеніемъ съ нимъ герцога. Его высочество между прочимъ изволилъ замѣтить, что вовсе не намѣренъ навсегда отпускать отъ себя человѣка, подобнаго Эриху. Все, что онъ согласенъ для него сдѣлать, такъ это дать ему отпускъ на неопредѣленное время.

По всему было видно, что герцогъ считалъ нужнымъ удержать въ странѣ человѣка, обладающаго такимъ огромнымъ богатствомъ, какое теперь находилось въ рукахъ Эриха. Гордость молодого человѣка была не мало этимъ оскорблена.

День отъѣзда между тѣмъ быстро приближался.

На виллу пріѣхалъ камердинеръ Іозефъ съ своей молодой женой. Его снабдили средствами, необходимыми для открытія гостинницы въ столицѣ, но онъ пока продолжалъ исполнять свои обязанности приближеннаго слуги.

Сынъ Фасбендера, занимавшійся въ конторѣ еврейскаго банкира, тоже уѣзжалъ въ Новый Свѣтъ, съ цѣлію соединиться съ своимъ братомъ, который производилъ тамъ различныя постройки.

Не мало горя стоила Роланду разлука съ лошадьми и собаками. Какъ ни хотѣлось ему взять съ собой Грейфа, онъ долженъ былъ отъ этого отказаться въ виду затрудненій, какія собака неизбѣжно доставила бы ему во время путешествія.

Роландъ, нѣжно охвативъ голову собаки, говорилъ ей:

— Нечего дѣлать, старый дружище, приходится съ тобой разставаться! Но вѣдь я, кромѣ того, оставляю здѣсь еще многое, гораздо болѣе для меня дорогое.

Собака печально смотрѣла въ глаза своему господину.

На слѣдующее утро все общество отправилось съ виллы на пароходную пристань.

Экипажи съ багажемъ были отосланы впередъ. Вейдеманъ

шелъ съ Эрихомъ, маіоръ съ Роландомъ, Кнопфъ велъ за руку негра. Манна опиралась на профессоршу и на маіоршу. Тетушка Клавдія осталась на виллѣ съ профессоромъ Эйнзиделемъ. Манна плакала и, смотря по направленію къ кладбищу, говорила:

— Берега этой рѣки сдѣлались для насъ настоящей родиной. Въ одномъ преданіи говорится: «кочующіе народы долго скитаются по свѣту, но то мѣсто, гдѣ имъ приходится хоронить своихъ близкихъ, внезапно останавливаетъ ихъ. Они на немъ поселяются и превращаются въ осѣдлыхъ....»

Голосъ Манны дрожалъ. Послѣ минутнаго молчанія она продолжала:

— Отецъ посадилъ эти деревья....

Слезы душили ее и она принуждена была остановиться.

На пристани было большое сборище народу. Новый хозяинъ гостинницы подъ вывѣской «Карпа» и Семиствольникъ принесли отъѣзжающимъ на дорогу украшенный свѣжей зеленью боченокъ молодого вина.

Ловчій высчиталъ, по-скольку его хватитъ на каждаго путешественника до пріѣзда въ Нью-Іоркъ.

Эрихъ и Манна сидѣли около профессорши, которая, держа ихъ за руки, произносила слова утѣшенія.

— Береги себя, Эрихъ, говорила она.... Но знай, если ты падешь на полѣ битвы, я буду о тебѣ печалиться, но не стану тебя сожалѣть.

— Матушка, я имѣю предчувствіе, что останусь въ живыхъ. А если нѣтъ, то знай, что я испыталъ все, что есть лучшаго въ жизни, и это благодаря тебѣ, отцу и любви моей Манны.

Профессорша, молча, пожала ему руку. Затѣмъ она вручила ему портретъ дяди Альфонса, съ приказаніемъ постараться его отыскать.

Веселость, свойственная рейнскимъ жителямъ, и тутъ прорвалась наружу. Къ пристани быстро приближался пароходъ, на которомъ находилось общество пѣвцовъ, оглашавшее воздухъ стройнымъ пѣніемъ. Ему усердно вторила труппа странствующихъ музыкантовъ, а по временамъ раздавались также и ружейные выстрѣлы. Пароходъ, граціозно описавъ дугу, причалилъ къ берегу. Прощанье по-неволѣ было короткое. Эрихъ, Манна и Роландъ бросились въ объятія профессорши, которая еще успѣла проговорить:

— Не теряйте мужества и оставайтесь вѣрны другъ другу и самимъ себѣ.

Пароходъ снова двинулся; вдругъ раздался крикъ. Собака Грейфъ, которую бочаръ держалъ за ошейникъ, вырвалась отъ него,

бросилась въ рѣку и поплыла вслѣдъ за удалявшимся пароходомъ. Судно еще разъ остановилось, и собака была взята на палубу.

Остававшіеся на берегу махали платками, отъѣзжающіе отвѣчали имъ тѣмъ же, пока наконецъ они не скрылись изъ виду другъ друга. Но взоры послѣднихъ еще долго покоились на стѣнахъ виллы Эдемъ. Что̀ станется съ домомъ. Кому еще суждено будетъ вернуться въ него и какого рода жизнь тогда снова закипитъ въ немъ?

Путешественниковъ ожидало еще новое удовольствіе. При прощаньи на пристани никто не замѣтилъ внезапнаго исчезновенія маіора. Теперь онъ вдругъ съ женой вышелъ изъ каюты, и сопровождалъ отъѣзжающихъ почти до самого устья Рейна.

— Вы знаете, говорилъ добрый старикъ Эриху: я былъ барабанщикомъ.... когда-нибудь я вамъ съизнова разскажу всю исторію, возвращайтесь только скорѣй.

На станціи, предшествовавшей острову, маіоръ съ женой вышли на берегъ. Они здѣсь долго жили вскорѣ послѣ своего соединенія и теперь намѣревались провести тутъ весь слѣдующій день. Имъ пріятно было показаться своимъ прежнимъ знакомцамъ въ качествѣ мужа и жены. Еще сидя въ лодкѣ, которая должна была подвезти ихъ къ берегу, маіоръ старался вызвать на лицѣ своемъ веселую улыбку. Но это ему не удалось. Слезы умиленія душили его и наконецъ заструились по его щекамъ; онъ быстро наклонился и онѣ смѣшались съ волнами Рейна.

Пароходъ между тѣмъ быстро подвигался впередъ. Когда онъ плылъ мимо острова, на которомъ возвышался монастырь, оттуда вдругъ поднялась и разсыпалась въ воздухѣ стая бѣлыхъ голубей. Соловьи въ кустахъ такъ громко щелкали, что ихъ пѣніе было слышно, несмотря на шумъ, производимый пароходомъ. Дѣти на островѣ по-парно расхаживали вдоль тѣнистыхъ аллей и распѣвали гимны.

Манна издали послала имъ поклонъ. Никто въ монастырѣ и не подозрѣвалъ, что въ эту минуту одна изъ его питомицъ быстро неслась, по направленію къ морю, въ Новый Свѣтъ....

Эрихъ вспомнилъ о клочкѣ бумаги, который Вейдеманъ на прощанье сунулъ ему въ руку. Онъ прочелъ его теперь. На немъ стояли слѣдующія слова изъ заключительныхъ строкъ «Космоса» Гумбольдта:

«Между человѣческими племенами есть болѣе способныя къ развитію, болѣе облагороженныя образованіемъ, но всѣ одинаково имѣютъ право на свободу.»

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ВЪ СТАРЫЙ И НОВЫЙ СВѢТЪ.

Эрихъ матери.

На кораблѣ: „Веньяминъ Франклинъ“.

.... Нашъ корабль называется именемъ, которое мой отецъ всегда произносилъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Дорогая матушка!

Я въ открытомъ морѣ и пишу тебѣ точно изъ другого міра.

Передъ выѣздомъ изъ родины, мы имѣли еще пріятную встрѣчу. Въ первый же вечеръ, когда мы выходили на берегъ въ городкѣ, гдѣ намѣревались переночевать, я увидѣлъ въ окнѣ угольнаго дома близъ самой пристани человѣка, который усердно мнѣ кланялся. Я учтиво отвѣчалъ на его поклонъ, но рѣшительно не догадывался, кто бы это могъ быть. При входѣ въ городъ насъ встрѣтилъ этотъ самый человѣкъ, и я наконецъ узналъ въ немъ капельмейстера Фердинанда, котораго мнѣ удалось вывести изъ затрудненія на музыкальномъ торжествѣ. Онъ кое-что слышалъ о насъ.

Мы непремѣнно должны были къ нему зайти, а онъ съ предупредительностію, свойственною только вполнѣ доброму человѣку, поспѣшилъ собрать у себя нѣсколькихъ товарищей, музыкантовъ по профессіи, да еще трехъ-четырехъ изъ городскихъ дилетантовъ, съ которыми устроилъ прелестный концертъ.

Итакъ, мы, напутствуемые музыкой, покинули Рейнъ и Германію.

Манна и Роландъ сами собираются къ тебѣ писать. Они въ эту минуту сидятъ на палубѣ и читаютъ «Одиссею». Это единственная книга, которую можно здѣсь читать. Все, что имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ твердой землѣ, или что вращается въ узкой рамкѣ домашняго быта, кажется намъ отсюда такимъ блѣднымъ и далекимъ.

Корабль, подобный нашему, самъ въ себѣ заключаетъ цѣлый міръ.

Нашего друга Кнопфа постигла чудесная встрѣча. Онъ описываетъ ее маіору: прочти и ты его письмо.

Мы прибыли въ Ливерпуль вечеромъ и намѣревались провести тамъ весь слѣдующій день. Утромъ я одинъ отправился въ гавань, единственную во всей Англіи, гдѣ оснащиваются невольничьи суда. Я погрузился въ размышленіе о странныхъ судьбахъ исторіи, какъ вдругъ былъ пробужденъ къ дѣйствительности необыкновеннымъ около меня движеніемъ. Одинъ изъ стоявшихъ въ гавани кораблей поднималъ якорь и выступалъ въ море.

На палубѣ стоялъ человѣкъ. Я убѣжденъ, что это былъ Зонненкампъ, котораго я мгновенно узналъ, несмотря на то, что онъ весь обросъ густой бородой. Онъ или до сихъ еще не покидалъ Европы, или успѣлъ вернуться въ нее и теперь снова уѣзжалъ. Мнѣ показалось, что онъ тоже меня узналъ, по крайней мѣрѣ я видѣлъ, какъ онъ надвинулъ себѣ на глаза шляпу съ широкими полями и сдѣлалъ знакъ стоявшей неподалеку отъ него высокой женской фигурѣ. Я не могъ ее хорошенько разсмотрѣть, но увѣренъ, что то была графиня Белла.

Друзья, къ которымъ мнѣ Вейдеманъ далъ рекомендательныя письма, сообщили мнѣ, что человѣкъ, по описанію чрезвычайно похожій на Зонненкампа, снаряжалъ здѣсь для одной изъ южно-американскихъ гаваней военное судно и дѣлалъ большой запасъ оружія и всякаго рода аммуниціи.

Я не могу безъ ужаса думать, что сталось бы съ бѣдными дѣтьми, еслибъ они случайно встрѣтились съ отцомъ.

Манна и то сильно меня напугала. Я съ ней послѣ полудня гулялъ по городу. Вдругъ она говоритъ: «Мнѣ все кажется, что мы должны здѣсь встрѣтить отца. Я то и дѣло ожидаю, что онъ выйдетъ изъ-за угла».

Не думаю, чтобъ я поступилъ дурно, скрывъ отъ нея то, что видѣлъ утромъ.

Меня несказанно мучитъ мысль, что отецъ и сынъ, сражаясь въ противоположныхъ лагеряхъ, могутъ врагами встрѣтиться на полѣ битвы. Одна надежда, что Зонненкампъ, въ качествѣ стараго моряка, предпочтетъ море сушѣ.

Роландъ сдѣлался здѣсь всеобщимъ любимцемъ. Онъ неутомимо изучаетъ технику морского дѣла и вообще не пропускаетъ случая пріобрѣсти какое-либо новое знаніе. Его постоянно видишь то тамъ, то здѣсь, всегда дѣятельно занятаго. Я не могу нарадоваться, глядя, какъ энергически борется онъ съ своимъ горемъ.

На слѣдующій вечеръ.

Ночь. Манна стоитъ на палубѣ и смотритъ на небо. Надъ нею звѣздная бездна, у ногъ ея пропасть морская. Въ теченіи этого путешествія я долженъ покончить со всѣми черными мыслями и безпощадными мечтаніями, такъ чтобъ, ступивъ на твердую землю, быть вполнѣ готовымъ къ дѣлу. Въ жизни моей совершился великій переворотъ...

Чтò побуждаетъ меня всѣмъ существомъ стремиться къ участію въ великомъ, историческомъ дѣлѣ? Для меня мало быть зрителемъ, я хочу дѣйствовать, жить и, можетъ быть... Нѣтъ, матушка я убѣжденъ, что выйду изъ борьбы невредимъ и вернусь домой.

Домой! О матушка, душа моя несется къ тебѣ по волнамъ жизни и я какъ будто снова съ тобой. Но еслибъ судьба не привела насъ болѣе свидѣться, то помни, что сынъ твой былъ счастливъ, что онъ съ избыткомъ вкусилъ отъ всѣхъ благъ міра сего. Я имѣлъ тебя, отца, Манну; мнѣ далась наука, мечта и дѣло—все было мое.

Я сижу теперь здѣсь, а волны влекутъ меня впередъ. Счастливъ тотъ, кто, какъ и я, можетъ сказать себѣ, что стремится къ высокой цѣли.

Здѣсь на кораблѣ много молодыхъ людей, которые всячески старались вовлечь Роланда въ свое общество, но онъ съ удивительнымъ тактомъ умѣетъ держаться въ сторонѣ. Молодые люди эти по большей части купеческіе сынки, и проводятъ время въ азартныхъ играхъ. Многіе изъ кельнеровъ при здѣшнемъ буфетѣ умѣютъ играть на различныхъ инструментахъ и имъ удалось составить весьма сносный оркестръ. Есть у насъ также и ручной органъ, который поочереди вертятъ въ извѣстные часы четыре юнга, послѣ чего въ ихъ пользу обыкновенно дѣлается сборъ. Мы—Кнопфъ съ невѣстой и наши доктора тоже принадлежатъ къ нашему кружку,—составляемъ совсѣмъ отдѣльное общество.

На седьмой день.

Я не писалъ тебѣ въ теченіи цѣлыхъ пяти дней, но за это время, я и всѣ мои, мы находились на краю гибели.

Мы вынесли страшную бурю. Капитанъ, опытный морякъ, плавающій уже въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, говоритъ, что еще никогда не видѣлъ ничего подобнаго.

Самыми неустрашимыми на этотъ разъ оказались Роландъ и Кнопфъ. Послѣдній впрочемъ былъ не съ нами, а съ своей

невѣстой на бакѣ. Манна не выпускала меня изъ своихъ объятій: мы хотѣли умереть вмѣстѣ.

Но зачѣмъ говорить объ опасностяхъ, которыя благополучно миновали?

На слѣдующее утро, когда небо прояснилось и море успокоилось, мы на кораблѣ отпраздновали веселую помолвку. Другъ Кнопфъ не замедлитъ все это по-подробнѣе описать. Боченокъ молодого вина, который мы получили при отъѣздѣ, былъ нами роспитъ при этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, Рейнъ и здѣсь способствовалъ къ нашему оживленію и увеселенію. Мы пѣли, танцовали, смѣялись. Весь корабль былъ украшенъ флагами, а за столомъ другъ Кнопфъ произнесъ рѣчь, столько же трогательную, сколько и забавную. Я полагаю, онъ ее цѣликомъ пошлетъ маіору. Не было у насъ недостатка и въ собственной музыкѣ. Кнопфъ игралъ на флейтѣ и заставилъ Манну вынести на палубу свою арфу. Всѣ находившіеся на кораблѣ столпились вокругъ нея и, притаивъ дыханіе, слушали ея игру. Когда она окончила, всеобщему восторгу не было конца.

Послѣзавтра мы достигнемъ берега. Первымъ моимъ дѣломъ, ступивъ на твердую землю, будетъ отправить тебѣ это письмо, если мы до тѣхъ поръ не встрѣтимъ корабля, который возмется доставить его въ Европу.

Въ Европу!

Радуйся мыслью о твоемъ счастливомъ сынѣ — *Эрихъ*.

Кнопфъ маіору и маіоршѣ.

На Рейнѣ.

Едва разставшись съ вами, уже пишу вамъ.

Чтò такое было плаваніе Нибелунговъ по Рейну? Чтò такое походъ Аргонавтовъ? Въ наши дни все ново, прекрасно и имѣетъ опредѣленную цѣль.

Эрихъ сидитъ на палубѣ съ своей молодой женой. Въ немъ снова ожило старинное, особенно распространенное здѣсь на Рейнѣ, преданіе объ освобожденной дѣвѣ. Только чистый юноша, подобный молодому Дорнэ, можетъ освободить чистую дѣву. А я — чтò такое я? Мнѣ самому любопытно знать, чтò готовитъ для меня въ будущемъ судьба.

Ливерпуль.

Завтра утромъ мы отправляемся въ Новый Свѣтъ. Въ былое время я часто воспѣвалъ море, а теперь мнѣ привелось по немъ странствовать. Я покидаю Европу безъ страха и безъ сожалѣній. У меня есть предчувствіе, что со мной случится что-то необыкновенное и прекрасное.

Въ морѣ.

Любезный братъ и любезная сестра! Какое счастіе для меня, никогда не имѣвшаго ни брата, ни сестры, теперь называть васъ этими именами!

Я уже внесъ много путевыхъ замѣтокъ въ красную книжечку, которою ты меня снабдила при отъѣздѣ, милая сестра. Когда-нибудь я надѣюсь привести эти замѣтки въ порядокъ, — теперь же не могу. Въ настоящую минуту спѣшу сказать только одно: я женихъ!!!

Между тѣмъ какъ я ставилъ эти три восклицательные знака, я былъ внезапно пораженъ ихъ формою. Я вдругъ увидѣлъ въ нихъ большое сходство съ кометой. Спросите у профессора Эйнзиделя, не найдетъ ли онъ, что я этимъ самымъ сдѣлалъ важное открытіе въ наукѣ.

Помнишь ли ты, милая сестра, какъ я разсказывалъ тебѣ о встрѣчѣ, постигшей меня въ лѣсу, въ то время, когда я шелъ на свиданіе съ капитаномъ Дорнэ? Я говорилъ тебѣ о прелестной дѣвушкѣ и о двухъ мальчикахъ, которые съ такой силой приковали къ себѣ мое вниманіе. Представь себѣ, эта дѣвушка теперь моя невѣста! Ее, какъ и тебя, зовутъ Розаліей, и она могла бы быть твоей сестрой... У нея такіе же точно, какъ у тебя, каріе глаза.

Но кто же она? Спросишь ты. Слушай, я тебѣ все по порядку разскажу. Я отсюда вижу, какъ ты кладешь въ сторону свое шитье и устремляешь на меня внимательный взоръ.

Итакъ, молодая дѣвушка, моя лѣсная нимфа, ни болѣе, ни менѣе какъ дочь учителя, и что еще гораздо важнѣе, сама она—прошу оказывать ей должное почтеніе,—выдержала экзаменъ на званіе учительницы. Я, какъ только увидалъ ее на кораблѣ, тотчасъ же узналъ, но долго не рѣшался къ ней подойти. Наконецъ я рѣшился заговорить съ ея братьями, изъ которыхъ младшій быстро ко мнѣ привязался. «Передай твоей сестрѣ, сказалъ я ему однажды, что я ее въ прошломъ маѣ встрѣтилъ въ лѣсу, когда она вмѣстѣ съ вами шла въ часовню. На ней было коричневое платье.»

— Отчего ты самъ ей этого не скажешь? Спросилъ меня мальчуганъ.

Я не успѣлъ ему отвѣтить, какъ къ намъ подошла сама лѣсная нимфа и стала укорять братьевъ за то, что они надоѣдаютъ чужому господину.

— Это тотъ самый господинъ, неожиданно возразилъ ей младшій, котораго ты передразниваешь, какъ онъ на тебя смотрѣлъ сквозь очки.

Такъ вотъ какъ, она надо мной издѣвалась... и она тоже! Я снялъ очки и, надо признаться, въ ту минуту охотно бросилъ бы ихъ въ море.

Мы стояли другъ противъ друга смущенные. Вдругъ она сказала... ахъ! какой у нея дивный голосъ! Она поетъ точь въ точь какъ Лина, дочь мирового судьи, только у нея болѣе высокихъ нотъ: она беретъ два раза перечеркнутое *а*.

Но что же она сказала? спросишь ты.

Много ласковыхъ, хорошихъ словъ, между прочимъ, что она и не думала надо мной смѣяться.... Ахъ, я и самъ хорошенько не знаю, что она говорила, а въ заключеніе протянула мнѣ руку....

Нѣтъ, я не могу описывать, что было далѣе, когда-нибудь послѣ разскажу. Во всякомъ случаѣ, вамъ теперь извѣстно, что я, Эмиль Кнопфъ, учитель нѣсколькихъ поколѣній молодыхъ дѣвушекъ, помолвленъ съ ангеломъ. Избитая фраза, да нечего дѣлать! А впрочемъ еще вопросъ, могъ ли бы ангелъ выдержать экзаменъ на званіе учительницы?

Можетъ ли человѣческій разумъ придумать что-либо подобное! Вообразите себѣ, молодая дѣвушка уже тогда почувствовала ко мнѣ расположеніе, когда я еще и понятія не имѣлъ, кто она и гдѣ живетъ. А тутъ вдругъ какъ нарочно я сажусь на тотъ самый корабль, на которомъ она отправляется въ Америку къ своему дядѣ. Отличная штука, право, эти американскіе дядюшки! Мнѣ кажется, я когда-то зналъ моего будущаго тестя.

Мы вынесли страшную бурю.

Въ самый разгаръ ея, мнѣ вдругъ пришло на умъ: а что, еслибъ тебѣ пришлось утонуть, не извѣдавъ сладости женскаго поцѣлуя и не испытавъ, какъ отрадно чувствовать на своемъ лицѣ нѣжное прикосновеніе мягкой руки и слушать робкій шепотъ: ты прекрасенъ... Представьте себѣ, я, Эмиль Кнопфъ, прославившійся своимъ безобразіемъ, я прекрасенъ! О, какъ слѣпы были всѣ матери и дочери, которыя считали меня такимъ безопаснымъ! У Розаліи есть маленькое зеркальцо; когда я въ него смотрюсь, то дѣйствительно кажусь себѣ красивымъ, по крайней мѣрѣ, я тогда нравлюсь самому себѣ. Не подумайте

однако, что я съ радости рехнулся, нѣтъ, я въ полномъ разумѣ и въ доказательство того готовъ хоть сію минуту со всевозможною отчетливостію объяснить тебѣ, братъ маіоръ, законъ тяготѣнія. Повторяю, я въ полномъ разсудкѣ.

Одно только горе есть у меня: я принужденъ сознаться, что я не поэтъ. Еслибъ во мнѣ была хоть искра поэзіи, я теперь долженъ былъ бы наводнить весь міръ стихотвореніями и заставить всѣхъ о себѣ говорить. Моимъ пѣснямъ надлежало бы быть во всѣхъ устахъ. Ихъ пѣли бы молодыя дѣвушки, перебирая бѣлыми пальцами фортепіанные клавиши, солдаты, матросы и странствующій подмастерье, когда, останавливаясь на краю дороги, онъ скидаетъ свой клеенчатый картузъ и, положивъ подъ голову походный ранецъ, приготовляется къ отдыху. Мнѣ слѣдовало бы создать нѣчто необычайное, что̀ могло бы осчастливить весь міръ. Душа моя полна и я отъ избытка чувствъ готовъ ежеминутно восклицать: люди, развѣ вы не видите, какъ свѣтъ прекрасенъ?

А теперь я намѣренъ потребовать у тебя, любезный братъ, свадебнаго подарка. Сдѣлай милость, сними съ себя фотографическій портретъ и пришли мнѣ его. Убѣдительно прошу о томъ же и маіоршу.

По пріѣздѣ въ Новый Свѣтъ, я опять вамъ напишу, а теперь довольно. Не мало пришлось мнѣ писать въ моей жизни, за то въ настоящее время я только и дѣлаю, что шучу, смѣюсь и цѣлуюсь. Въ ушахъ моихъ постоянно звучитъ чудная мелодія изъ «Донъ-Жуана».

Еще одно слово: Манна очень добра къ моей Розаліи. Тоже самое долженъ я сказать и о молодомъ Фасбендерѣ и о нашихъ трехъ докторахъ. Всѣ радуются нашему счастью и такимъ образомъ сами отчасти его вкушаютъ. Братья моей невѣсты славные, здоровые мальчуганы.

Позволь, любезный маіоръ, сказать тебѣ еще слѣдующее: твоя вѣра истинная. Ты вѣришь, что въ душѣ каждаго человѣка непремѣнно тлѣетъ неугасимая искра добра — и ты совершенно правъ. Доказательствомъ тому служитъ Адамъ. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Мысль, что онъ ѣдетъ сражаться за свободу своихъ единоплеменниковъ, пробудила въ немъ всѣ его хорошіе инстинкты. Я по этому поводу могъ бы еще многое тебѣ сказать, но ты самъ все лучше меня знаешь.

Мы всѣ сильно упражняемся въ англійскомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе твердо намѣрены остаться истыми нѣмцами.

Въ виду земли.

Черезъ три дня мы будемъ въ Нью-Іоркѣ. Трудно предвидѣть, что насъ тамъ ожидаетъ, и потому Розалія заставляетъ меня теперь писать; она сидитъ около меня. Я рѣшительно не могу писать въ комнатѣ, гдѣ я не одинъ, а тѣмъ болѣе, когда на меня устремлена пара столь дорогихъ мнѣ глазъ. Однако я попробую. Розалія увѣряетъ, будто я сейчасъ очень краснорѣчиво выражался, и требуетъ, чтобъ я непремѣнно записалъ свои слова. Я, благодаря ей, вскорѣ сдѣлаюсь тщеславнымъ. Она запоминаетъ бо́льшую часть изъ того, что я говорю.

Вы уже знаете, что насъ застигла въ морѣ страшная буря, а на слѣдующій день состоялась наша помолвка. Мы мысленно приглашали на нее всѣхъ нашихъ оставшихся на сушѣ друзей; я поочереди ихъ называлъ, и мы много о нихъ говорили. Прежде всѣхъ я вспомнилъ о тебѣ, дорогой братъ, и о тебѣ, любезная сестра. Голубой бантъ съ твоего чепца я превратилъ себѣ въ галстукъ. На Розаліи тоже была голубая лента.

Я уже говорилъ тебѣ...

Нѣтъ, друзья мои, воля ваша, я не могу болѣе писать. Всѣ здѣсь утверждаютъ, будто я говорю такъ, что меня можно заслушаться. Охотно этому вѣрю, но писать совсѣмъ иное дѣло.

Итакъ, довольно.

PS. Я прочелъ Розаліи все, что написалъ; она поставила мнѣ дурной балъ. Вотъ онѣ каковы, выдержавшія экзаменъ учительницы!

Нью-Іоркъ.

Попытка описать въ письмѣ то, что въ теченіи трехъ... нѣтъ, одного дня переживается въ Нью-Іоркѣ, походила бы на усилія живописца перенести на полотно быстрое движеніе волнъ, или измѣнчивое сіяніе облаковъ.

При выходѣ на берегъ, мы тотчасъ же встрѣтили дядю, который насъ ожидалъ. Но, надо сказать правду, онъ не слишкомъ-то охотно согласился принять меня въ племянники. Желалъ бы я, чтобъ ты былъ здѣсь, любезный маіоръ. Ты бы ему разомъ объяснилъ, что́ я за человѣкъ, теперь же мнѣ надо ждать, пока онъ самъ научится меня понимать, — а кто знаетъ, случится ли это когда-нибудь? Впрочемъ, я нисколько не сѣтую на дядю: онъ, было, уже пріискалъ для Розаліи жениха. Когда я ему представилъ капитана Дорнэ, онъ задумчиво два раза повторилъ:

— Дорнэ... Дорнэ?

Больше онъ ничего не сказалъ, но я полагаю, что онъ кого-нибудь знаетъ изъ этой семьи.

Дядя очень сдержанъ и скрытенъ, совершенная противоположность доктора Фрица. У того все въ домѣ на распашку. Теперь я могу себѣ легко представить, какъ въ молодости жилось господину Вейдеману, — только у него больше сыновей, тогда какъ здѣсь почти все дочери. И что за прелестныя созданія! Одна изъ нихъ уже взрослая. Когда она на тебя смотритъ, то взглядъ ея какъ будто пронзаетъ тебя насквозь.

Мы, нѣмцы, удивительный народъ. Стоитъ только насъ пересести на почву свободы, мы мгновенно распускаемся и показываемъ на что̀ способны.

Я присутствовалъ при встрѣчѣ Роланда съ Лиліаной. У нихъ должно быть есть какой-нибудь условный знакъ, такъ какъ ея первымъ словомъ ему было: «камешекъ». Между влюбленными всегда существуетъ свой особенный, никому, кромѣ ихъ самихъ, непонятный языкъ. Роландъ и Лиліана взялись за руки и вскорѣ куда-то скрылись. Дѣти здѣсь вообще отличаются большой самостоятельностію, такъ какъ никто не стѣсняетъ ихъ свободы.

Во времени тутъ положительный недостатокъ. Теперь я понимаю, почему американцы говорятъ: время — деньги. Ничто не можетъ сравниться съ ихъ дѣятельностію.

Мнѣ уже ясно, что здѣсь всѣ будутъ считать за нелѣпость поступокъ Манны, Эриха и Роланда, которые вздумали отказаться отъ громаднаго состоянія. Въ Америкѣ никому нѣтъ дѣла до того, откуда у васъ деньги.

Продолженіе.

Здѣсь война — война!

Многіе утверждаютъ, будто она скоро кончится, но докторъ Фрицъ говоритъ, что упорство южанъ очень велико, и къ тому же они гораздо лучше насъ вооружены.

Что будетъ со мной—не знаю. Докторъ Фрицъ находитъ неисполнимымъ мое желаніе учить негровъ, такъ какъ я еще не довольно силенъ въ англійскомъ языкѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ подаетъ надежду въ будущемъ. Я же иду далѣе и мечтаю объ учительской семинаріи для негритянскихъ юношей. Пока, я даю уроки музыки и часто, выходя изъ домовъ, гдѣ розыгрывалъ съ ученицами самыя мелодическія пьесы, натыкаюсь на барабанный бой. Адамъ въ отчаяніи отъ того, что президентъ пока не допускаетъ въ войско негровъ. Онъ отказывается принять участіе въ крѣпостныхъ работахъ, къ которымъ его соглашаются прико-

мандировать, но я полагаю, что онъ не замедлитъ одуматься. Н: все ли равно въ какомъ видѣ служить дѣлу свободы, лишь бы хоть сколько-нибудь содѣйствовать ея торжеству въ мірѣ.

Молодой Фасбендеръ вмѣстѣ съ братомъ взялись снабжат армію съѣстными припасами. Надѣюсь, что они честно исполнят свое дѣло. Въ послѣднее время, я слыхалъ, что и между рес публиканцами также водятся обманщики. Грустно!....

Кнопфъ Фасбендеру.

....Скажи, не встрѣчалъ ли я когда-нибудь у тебя учителя, по имени Рунцлера? Мнѣ очень бы хотѣлось въ этомъ удостовѣриться, такъ какъ этотъ Рунцлеръ былъ не кто иной, какъ отецъ моей невѣсты.

Мнѣ кажется, я его разъ у тебя видѣлъ. У него еще была огромная табакерка, изъ которой онъ то-и-дѣло нюхалъ табакъ.

Я спрашивалъ у Розаліи; отецъ ея дѣйствительно нюхалъ табакъ изъ большой буковой табакерки. Это онъ. Педагогикѣ слѣдовало бы побольше обращать вниманія на правильное развитіе въ дѣтяхъ памяти, а то послѣдняя иногда съ нами играетъ презабавныя штуки. У меня какъ теперь передъ глазами табакерка, но я рѣшительно ни слова не могу припомнить изъ нашего тогдашняго разговора: помоги мнѣ пожалуйста. Я въ то время, если ты помнишь, былъ очень огорченъ шалостью, какую выкинулъ со мной Роландъ, а вдобавокъ еще потерялъ очки. Печаль тогда у меня совсѣмъ отбила память. Ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, если подробно обо всемъ этомъ сюда напишешь. Я полагаю, ты въ самомъ скоромъ времени получишь отъ меня карточку съ слѣдующими на ней словами:

ЭМИЛЬ КНОПФЪ.

Розалія Кнопфъ, рожд. Рунцлеръ.

Супруги.

Говорю тебѣ, вся наша жизнь есть длинный рядъ чудесъ.

Твой сынъ въ высшей степени практическій человѣкъ, ты порадовался бы, смотря на него.

Когда твой помощникъ вздумаетъ сюда пріѣхать, я могу ему доставить много уроковъ на фортепіано. У насъ въ Германіи достаточно учителей и для вывоза за-границу....

Роландъ профессоршѣ.

Простите, если я васъ болѣе не стану называть матушкой: это въ моихъ глазахъ было бы измѣной противъ моей умершей матери. Я считаю себя неправымъ въ томъ, что дѣлалъ это прежде. Прошу васъ, позаботьтесь о могилѣ моей матери и прикажите насадить вокругъ нея гвоздики и вереску: это были ея любимые цвѣты.

Отецъ вѣроятно будетъ драться съ нами на морѣ, и потому я предпочитаю вступить въ сухопутное войско.

Я встрѣтился здѣсь съ Лиліаной. Не говорите, что мы еще слишкомъ молоды: это не правда, событія сдѣлали насъ зрѣлѣе нашихъ лѣтъ. Франклинъ тоже хотѣлъ жениться на миссъ Ридъ, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Мы поклялись принадлежать другъ другу, лишь только кончится война.

Прошу васъ, никому не показывайте этихъ строкъ: онѣ пишутся исключительно для васъ.

Мы ѣздили въ Вашингтонъ, и я наконецъ видѣлъ Акрополисъ Новаго Свѣта. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить могилу Франклина, но счастіе помогло мнѣ и привело меня прежде къ одному изъ величайшихъ его преемниковъ, къ Аврааму Линкольну.

Я въ первый разъ лицомъ къ лицу видѣлъ человѣка, предназначеннаго къ безсмертію и, говоря съ нимъ, называлъ его по имени, которое съ уваженіемъ будутъ произносить будущія поколѣнія. Уста, изрекающія слова одинаково драгоцѣнныя для современниковъ и для потомства, въ свою очередь, произносили мое имя. Однимъ словомъ, я видѣлъ великаго человѣка и былъ пораженъ его простотой.

Я вообще немногое удержалъ въ памяти изъ извѣстнаго вамъ разговора въ Карлсбадѣ, но хорошо помню слова, произнесенныя государственнымъ совѣтникомъ: «Кому однажды привелось пройти по галлереѣ, сказалъ онъ, со стѣнъ которой на него смотрѣли портреты его предковъ, тотъ никогда этого не забываетъ и въ теченіи всей своей жизни какъ будто чувствуетъ на себѣ ихъ взгляды.» Изъ глазъ Линкольна на меня смотрѣли Сократъ, Аристидъ, Моисей, Вашингтонъ и Франклинъ. На меня точно снизошло откровеніе. Вотъ предки, думалъ я, которыхъ всякій можетъ себѣ пріобрѣсти съ помощью усерднаго труда, стойкости и самоотверженія. У меня знаменитые предки, и я постараюсь быть достойнымъ ихъ.

Посылаю вамъ фотографію Линкольна. Онъ мнѣ напомнилъ господина Вейдемана, не столько наружностію, сколько обраще-

ніемъ. Я разсказалъ ему объ Адамѣ и о томъ, какъ тотъ сокрушается, что не можетъ поступить въ войско, а долженъ работать надъ постройкой крѣпости. Линкольнъ посовѣтовалъ мнѣ вполнѣ довѣриться зрѣлому сужденію людей опытныхъ и не увлекаться юношескимъ пыломъ. «Всѣ средства, къ какимъ мы прибѣгаемъ для достиженія цѣли, прибавилъ онъ, должны подвергаться строгому изслѣдованію разсудка, для того, чтобъ, прилагая ихъ къ дѣлу, мы могли быть вполнѣ чисты передъ Богомъ и передъ своей совѣстью. Настоящая война ведется между братьями, не съ цѣлію взаимнаго истребленія, а съ цѣлію искупить вопіющее зло.»

Я охотно поступилъ бы въ полкъ, состоящій изъ негровъ, и сказалъ объ этомъ Линкольну. Онъ, молча, положилъ мнѣ на голову руку.

Манна останется въ семействѣ доктора Фрица. Эрихъ уже объявилъ ей, что поступаетъ въ войско съ чиномъ маіора.

У меня есть новый товарищъ, Германъ, братъ Лиліаны. Онъ однихъ лѣтъ съ Рудольфомъ Вейдеманомъ, на котораго очень похожъ, но здѣсь люди въ восемнадцать лѣтъ гораздо старѣе чѣмъ у насъ. Германъ говоритъ мало, но чрезвычайно разсудительно. Ахъ, какое у него было счастливое дѣтство!... Но нѣтъ, я не хочу болѣе объ этомъ говорить. Я оставилъ Лиліанѣ Грейфа. Мы поступаемъ въ кавалерію. Какъ жаль, что у насъ здѣсь нѣтъ нашихъ коней съ виллы Эдемъ. А то тутъ пускаютъ въ дѣло ломовыхъ лошадей, и извощиковъ превращаютъ въ кавалеристовъ. Пусть мнѣ маіоръ напишетъ, кто купилъ нашихъ лошадей. Сердце мое обливается кровью, когда я думаю о виллѣ Эдемъ....

Я слышу, что здѣсь многіе, занимавшіеся страшнымъ дѣломъ, живутъ благополучно и пользуются уваженіемъ. Но это не должно ни служить намъ соблазномъ, ни отвращать насъ....

Мнѣ не дали докончить. Прошу васъ, потерпите немного и вы увидите, что ваши труды со мной не пропали даромъ, но сдѣлали человѣка изъ вашего —

Франклина Роланда.

Таково отнынѣ мое имя.

Манна профессоршѣ.

.....Какъ страстно хотѣлось бы мнѣ броситься въ твои объятія и воскликнуть: матушка! Перо дрожитъ у меня въ рукахъ,

но я слышу твой голосъ, который шепчетъ мнѣ: мужайся! Да, я буду мужественна. Я не смѣю и думать о томъ времени, когда мы снова будемъ жить съ тобой. Ты наша родина! Кто знаетъ, какъ долго придется намъ ждать, какія жертвы еще предстоятъ намъ впереди. Я всячески отталкиваю отъ себя мысль, что Эрихъ можетъ быть у меня—у насъ отнятъ.

Я какъ во снѣ вышла на берегъ страны, гдѣ родилась; мнѣ бы хотѣлось вѣчно плыть по морю. Теперь я живу въ домѣ доктора Фрица. Эрихъ и Роландъ сегодня уѣхали въ Вашингтонъ. Я не могу свыкнуться съ мыслью, что Эриха со мной нѣтъ, а между тѣмъ намъ предстоитъ еще гораздо худшая разлука! Но мы ничего не боимся, не правда ли, матушка? Судьба страннымъ образомъ свела насъ, сблизила и, безъ сомнѣнія, до конца останется намъ вѣрна.

Многое хотѣлось бы мнѣ тебѣ разсказать о домѣ, въ которомъ я живу, и о добрыхъ, благородныхъ людяхъ, какими я окружена. Часто, слушая рѣчи и видя поступки жены и дѣтей доктора Фрица, я едва удерживаюсь, чтобъ не сказать: вы это заимствовали отъ матери Эриха, отъ моей матери. Между честными людьми есть своего рода общность, и кто самъ честенъ, тотъ между честными всегда найдетъ близкихъ и друзей. Къ этому случаю какъ нельзя болѣе подходятъ слова: ищите и найдете, стучите и отверзется. Ты сообщила мнѣ силу искать и стучать,— и я нахожу, и мнѣ отворяютъ. О, матушка! Зачѣмъ доброта и самоотверженіе почти всегда открываются въ сердцѣ человѣческомъ только въ минуты страшныхъ переворотовъ,—почему бы имъ не выражаться почаще въ мирѣ, въ любви и въ тихой заботливости?...

Хорошо, что меня прервали. У Лиліаны прелестный свѣжій голосокъ, и невѣста нашего друга Кнопфа тоже премило поетъ. Мы разучили здѣсь вмѣстѣ нѣсколько пьесъ и я аккомпанирую на арфѣ пѣніе Лиліаны. Еслибъ звуки нашей музыки могли долетѣть до тебя! Несмотря на тревожную жизнь вокругъ насъ, мы по цѣлымъ часамъ играемъ и поемъ. Для меня теперь еще яснѣе стало значеніе словъ отца, который въ своихъ бумагахъ назвалъ искусство избавителемъ.

Но почему слово «отецъ» такъ болѣзненно отзывается у меня въ сердцѣ? Всякій разъ, что эта мысль посѣщаетъ меня, мнѣ кажется, будто я одна брожу по пустынѣ, гдѣ ничто не радуетъ моего взора, ничто не освѣжаетъ сердца. Что дѣлать, надо это переносить.

Мнѣ совѣстно, что я пишу тебѣ такъ безсвязно и наполняю мое письмо такими грустными мыслями. Но вѣдь ты вѣришь, что

я въ сущности счастлива и въ особенности никогда не печалю Эриха подобными жалобами. Впрочемъ, я это дѣлаю не по преднамѣренному плану, — нѣтъ, когда онъ со мной, я не ощущаю ни малѣйшаго страха или горя. Тогда вокругъ меня все радость и свѣтъ.

Три дня спустя.

Эрихъ и Роландъ вернулись изъ Вашингтона. Они много разсказываютъ о своемъ посѣщеніи Линкольна, отъ котораго Роландъ въ весьма понятномъ восторгѣ.

Лиліана гораздо зрѣлѣе своихъ лѣтъ. Ее отправили въ Германію для излеченія отъ страсти обращать невѣрующихъ, и нашъ другъ Кнопфъ сдѣлалъ ей много пользы. Я нашла въ Лиліанѣ настоящую сестру. Мы съ ней часто мечтаемъ о томъ времени, когда всѣ вмѣстѣ поселимся на Рейнѣ, но она иногда говоритъ, что ей кажется, будто мы съ Эрихомъ навсегда здѣсь останемся: этому никогда не бывать. Наша родина тамъ, гдѣ ты. Цѣлую твои глаза, щеки, ротъ, руки. Я несказанно счастлива тѣмъ, что могу назвать себя твоею дочерью —

Манной Дорнэ.

PS. Милая тетушка Клавдія, профессоръ Эйнзидель обѣщался мнѣ выслать сюда астрономическихъ книгъ. Пожалуйста, напомни ему его обѣщаніе и передай ему мой самый искренній поклонъ. Я нахожу большое утѣшеніе въ наблюденіи надъ звѣздами. Но это мнѣ не мѣшаетъ также усердно заниматься игрой на арфѣ.

Эрихъ Вейдеману.

....Вѣроятно отъ того, что мнѣ въ моей короткой жизни уже привелось видѣть такъ много чистыхъ и благородныхъ людей, чувствовалъ я себя совершено спокойнымъ при свиданіи съ Линкольномъ. На долю мою выпало великое счастье: я видѣлъ лицомъ къ лицу все то, что есть лучшаго въ нашемъ вѣкѣ. Пусть меня теперь сколько угодно упрекаютъ въ идеализмѣ. Я на всѣ упреки смѣло могу отвѣчать: да, я идеалистъ, потому что встрѣчалъ на своемъ жизненномъ пути людей, дѣлающихъ честь человѣчеству.

Намъ въ самомъ присутствіи Линкольна пришлось слышать толки о томъ, что негровъ не слѣдуетъ освобождать, такъ какъ они, безъ принужденія, вовсе откажутся работать.

Роландъ при этомъ шепнулъ мнѣ:

«А развѣ негровладѣльцы не тоже самое дѣлаютъ?»

Линкольнъ, замѣтивъ, что Роландъ со мной говоритъ, выразилъ желаніе узнать въ чемъ дѣло. Юноша спокойно, но скромно повторилъ вслухъ то, что сказалъ мнѣ. Вы, которые вмѣстѣ со мной трудились надъ пробужденіемъ этой души, вѣроятно ощутите радость не меньшую той, какую я испытываю теперь. Затѣмъ позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ о вашемъ племянникѣ.

Наша благословенная Германія! Въ былое время переселенцы уносили съ собой въ чужія страны изображенія своихъ боговъ; въ настоящій вѣкъ мы, нѣмцы, всюду, куда идемъ, беремъ съ собой своихъ поэтовъ, философовъ и музыкантовъ. Въ домѣ вашего племянника на каждомъ шагу слѣды здороваго, свободнаго, родного образованія. Посреди тревогъ общественной и частной жизни, безсмертные геніи неизмѣнно продолжаютъ стоять во главѣ умственнаго и нравственнаго существованія людей, пробуждая въ нихъ своего рода религіозное настроеніе, стремленіе ко всему прекрасному и великому.

Перенесенный въ самую среду произрастанія и развитія историческаго событія, я невольно думаю: мы, отдѣльныя личности, составляемъ какъ бы клѣточки въ деревѣ, или иначе, мы похожи на школьниковъ, отъ которыхъ сокрыты планъ и цѣли ихъ учителя. Вся наша забота въ томъ, чтобъ выучить только сегодняшній урокъ. Такимъ образомъ, клѣточки мало-по-малу накопляются, слоями ложатся однѣ надъ другими, науки чередуются до тѣхъ поръ, пока.... но кому извѣстна конечная цѣль всего?

Во время первой великой войны, съ помощью которой Новый Свѣтъ старался отстоять свою независимость, германскіе государи продавали своихъ подданныхъ, посылая ихъ въ Америку сражаться за англичанъ. Только весьма немногіе изъ нѣмцевъ, подобно Штейбену и Кальбу, дрались въ рядахъ республиканцевъ.

Но французы и тогда уже — кому неизвѣстно славное имя Лафайета? — въ большомъ числѣ являлись въ Америку и принимали дѣятельное участіе въ ея борьбѣ за свою независимость. Нынѣ все далеко ушло впередъ: нѣмцы тысячами поступаютъ въ войско сѣверянъ; французскіе переселенцы составляютъ цѣлые отдѣльные полки зуавовъ, гдѣ команда отдается на французскомъ языкѣ. Но лучшими солдатами считаются ирландцы и нѣмцы.

Я ожидаю въ будущемъ поэта, который поставитъ себѣ задачею изобразить великую драму нашего времени — борьбу цезаризма съ стремленіемъ къ самоуправленію. Онъ въ величавыхъ

картинахъ представить, какъ народы, моремъ отдѣленные отъ воюющихъ сторонъ, стекались къ нимъ на помощь и храбро дрались за общее дѣло.

Существованію Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ еще и ста лѣтъ. Какъ многое издали кажется намъ въ нихъ иначе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Я нашелъ здѣсь не малое число людей, которые сильно сомнѣваются въ томъ, чтобъ Союзъ могъ долго удержаться. Одно чрезвычайно образованное духовное лицо даже выразило въ моемъ присутствіи мнѣніе, будто бы въ монархическихъ учрежденіяхъ гораздо болѣе прочности. Но это, я полагаю, только голосъ отдѣльныхъ личностей, упавшихъ здѣсь духомъ и временно утратившихъ вѣру въ торжество истины.

Меня здѣсь безпрестанно называютъ филантропическимъ идеалистомъ и прибавляютъ, что мечты мои и надежды не замедлятъ разлетѣться въ прахъ. Вашъ племянникъ, отличающійся рѣдкой широтой и ясностію взгляда на вещи, многое мнѣ разъяснилъ. Большинство людей здѣсь долго жило, имѣя исключительно въ виду только пріобрѣтеніе и устройство своего личнаго благосостоянія. О государственныхъ интересахъ имъ приходилось думать только въ извѣстныя эпохи, во времена выборовъ. Теперь имъ предстоитъ взять на себя тяжелое бремя военныхъ обязанностей, вполнѣ отдаться государству,—впрочемъ и это только на время, такъ какъ съ прекращеніемъ войны они снова будутъ свободны.

Мы въ Европѣ ошибались, полагая будто вопросъ о невольничествѣ здѣсь уже окончательно рѣшенъ. Вашъ племянникъ, конечно, того мнѣнія, что совершенное уничтоженіе рабства должно быть основнымъ началомъ войны, которой въ то же время надлежитъ сдѣлаться борьбой за огражденіе государственной прочности. Патріотизмъ долженъ на этотъ разъ соединиться съ гуманностію, — чистая идея опереться на пользу и необходимость. Логика фактовъ приведетъ къ исходу, какого не могла добиться логика мысли. Но здѣсь на сѣверѣ существуетъ другого рода сильная партія, которая вовсе не сочувствуетъ крайней, какъ она ее называетъ, мѣрѣ полнаго уничтоженія рабства. Она надѣется унизить южные штаты не отнятіемъ у нихъ рабовъ, а войною.

Мы надѣемся, что это не удастся и что наше дѣло будетъ выиграно. Слово «государственная польза», которое тираны такъ часто употребляли во зло, должно на этотъ разъ содѣйствовать торжеству свободы.

Чего здѣсь только не говорятъ о неграхъ! На первомъ планѣ стоитъ, конечно, то, что четыре милліона невольниковъ изображаютъ цифру двухъ сотъ тысячъ милліоновъ долларовъ. Затѣмъ

ихъ упрекаютъ во множествѣ пороковъ, какъ будто притѣсняемые когда-нибудь бываютъ образцами добродѣтели. Всякій народъ, пока онъ въ рабствѣ подвергается униженіямъ и преслѣдованіямъ, неизбѣжно долженъ быть невѣжественъ и испорченъ. Тираннія всегда стремилась выдавать свои жертвы за существа низшаго разряда и никогда не хотѣла сознаться, что все низкое въ нихъ было именно слѣдствіемъ тяготѣвшаго надъ ними ига.

Я здѣсь недавно сблизился съ чрезвычайно умнымъ и развитымъ негромъ. Мнѣ между прочимъ привелось слышать, какъ онъ произносилъ рѣчь о настоящемъ и будущемъ своихъ единоплеменниковъ. Онъ въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ томился въ неволѣ, а теперь достигъ высокой степени развитія и научнаго образованія.

Голосъ его по временамъ дрожалъ и въ немъ какъ будто звучала кроткая жалоба, но я вообще не могъ достаточно надивиться, съ какимъ тактомъ онъ постоянно воздерживался отъ выраженія ненависти или чрезмѣрнаго негодованія. Еслибъ одинъ человѣкъ еще могъ совершать чудеса освобожденія, то этотъ негръ, или другой подобный ему, не замедлили бы явиться героями-освободителями своего племени.

Но времена героевъ миновали безвозвратно. Наша сила вся въ солидарности массъ.

Со времени моего пріѣзда сюда, я ясно вижу, какой великій переворотъ должно принести съ собой уничтоженіе рабства. Но что же дѣлать: Америкѣ предстоитъ искупить грѣхъ упущенія своихъ предковъ. У насъ передъ глазами улицы, дома, цѣлые города, въ потѣ лица воздвигнутые руками негровъ.

На всей Америкѣ лежитъ тяжкій грѣхъ. Роландъ не болѣе, какъ только рѣзко выдающійся примѣръ того, какъ дѣтямъ приходится искупать проступки отцовъ.

Мы теперь находимся въ самомъ центрѣ процесса, который совершается по законамъ собственной логики. Никакая мировая сдѣлка въ настоящемъ случаѣ невозможна. Вопреки голосу, требующему чтобъ не дѣлать никакихъ посягательствъ на самостоятельное существованіе отдѣльныхъ штатовъ, необходимость предписываетъ собирать войско. Тотъ же голосъ объявляетъ несправедливой и беззаконной конфискацію частныхъ имѣній, то-есть явно возстаетъ противъ освобожденія невольниковъ, а между тѣмъ уничтоженію рабства предстоитъ быть, по крайней мѣрѣ, вторымъ, если не первымъ послѣдствіемъ всего, что нынѣ совершается.

Нравственный долгъ, о погашеніи котораго до сихъ поръ никто не помышлялъ, разросся до того, что распространился на

весь Союзъ и теперь уже не можетъ быть иначе уплаченъ, какъ деньгами и кровью вмѣстѣ.

Здѣсь говорятъ, будто война обѣщаетъ стоить три тысячи милліоновъ долларовъ. Половины этой суммы хватило бы на выкупъ всѣхъ невольниковъ. Но торжество идеи не покупается деньгами, а достигается посредствомъ жертвъ. Равно и свобода не можетъ быть ни куплена, ни подарена, а только завоевана....

Манна профессоршѣ.

....Мнѣ пришлось быть свидѣтельницей бунта невольниковъ. Какой дѣтской игрой показалось мнѣ, въ сравненіи съ нимъ, ночное нападеніе на виллу Эдемъ людей, намазавшихъ себѣ лица черной краской. Докторъ Фрицъ говоритъ, что возмущеніе было слѣдствіемъ горечи, какую возбудилъ приказъ о рекрутскомъ наборѣ. Многіе изъ негровъ поплатились при этомъ жизнью. Школа нашего друга Кнопфа разрушена, пріюты для негритянскихъ дѣтей сожжены и бѣдныя малютки съ плачемъ бродятъ или валяются по улицамъ города.

У насъ бездна дѣла и мы стараемся, насколько можемъ, облегчать участь несчастныхъ.

Я присутствовала при похоронахъ одной негритянской женщины.

У негровъ отдѣльное кладбище. Различіе даже и послѣ смерти...

Какъ часто звучатъ у меня въ ушахъ слова и музыка пѣсни: ...«всякій грѣхъ отмщается здѣсь на землѣ».

Я въ первый разъ слышала эти слова въ одинъ лѣтній день, когда ихъ пѣлъ Эрихъ. Меня тогда терзала невыносимая тоска. Теперь мнѣ кажется, какъ будто цѣлое полушаріе повторяетъ за мной стихъ Гёте: «...всякій грѣхъ отмщается здѣсь на землѣ»

Эрихъ Вейдеману.

...Мнѣ вполнѣ понятна ваша грусть по случаю того, что многіе изъ евреевъ стоятъ за южные штаты. Генералъ Твигсъ, главнокомандующій въ Техасѣ, отдавшій крѣпость и военные снаряды въ руки бунтовщиковъ, — еврей.

Что удивительнаго, если биржевые спекулянты объявляютъ себя на сторонѣ защитниковъ рабства? Развѣ они имѣютъ на это менѣе права, нежели благочестивые англичане?

Возможно ли требовать отъ евреевъ, чтобъ они всѣ безъ исключенія стояли за нравственное начало? Уже доказано, что ни одна религія предпочтительно передъ другой не обязуетъ человѣка къ бо́льшей нравственности.

Чѣмъ болѣе я думаю о вашемъ письмѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ справедливости моего мнѣнія. Евреи, такъ давно и жестоко лишенные права на самостоятельную государственную жизнь, обреченные на печальный космополитизмъ, обыкновенно являются на выручку тѣхъ странъ, посреди которыхъ живутъ и въ этомъ какъ бы отчасти находятъ удовлетвореніе своимъ патріотическимъ стремленіямъ.

Мнѣ снова приходитъ на умъ сравненіе, которое меня уже не разъ поражало прежде. Евреи и гугеноты имѣютъ совершенно особаго рода миссію. Изгнанные изъ отечества, разсѣянные по разнымъ странамъ, они до нѣкоторой степени сливаются съ народомъ, въ среду котораго попадаютъ. Они этимъ доказываютъ, что въ основаніи народности лежитъ не одно только прямое происхожденіе отъ того или другого рода или племени людей, и вслѣдствіе этого какъ бы являются представителями единства всего человѣчества.

Кромѣ того, я вамъ долженъ сказать, что между сѣверянами тоже не мало евреевъ, и всѣ они дерутся храбро и съ большимъ самоотверженіемъ.

Молодой докторъ, котораго вы снарядили въ путь, отлично знаетъ свое дѣло.

Присланныя вами деньги будутъ употреблены согласно вашему желанію....

Профессорша Эриху и Маннѣ.

....Ни на одномъ деревѣ не бываетъ столько цвѣту, сколько благословеній посылаетъ вамъ мое сердце. Мы здѣсь наслаждаемся миромъ, а вы живете посреди смутъ и волненій. Чѣмъ можемъ мы вамъ быть полезны? Все, что̀ я могу, такъ это только писать вамъ: что́ бы ни случилось, не смущайтесь духомъ, но оставайтесь тверды и спокойны, во всемъ полагаясь на вѣчные законы, управляющіе міромъ и людьми. Наше дѣло только покорно и сознательно все переносить.

Я недавно посѣтила новую деревню и подумала, что такой же точно видъ должны имѣть новыя американскія селенія.

Какое счастіе быть въ состояніи устроить существованіе столькихъ людей, давъ имъ счастіе, дѣятельность и покой!

Сынъ мой! Отчего ты мнѣ ничего не пишешь о своихъ розыскахъ дяди Альфонса? Или ты ихъ еще не началъ? Не откладывай этого на слишкомъ долгое время. Если онъ еще живъ, скажи ему, что я о немъ всегда съ любовью вспоминаю, несмотря на его жестокій поступокъ съ нами. Отецъ твой тоже былъ постоянно братски къ нему расположенъ. Мнѣ грустно, что я не знаю, живъ онъ еще, или умеръ. Постарайся удостовѣриться въ томъ или въ другомъ.

Нашъ другъ Эйнзидель приводитъ теперь въ порядокъ бумаги твоего отца.

Добрый нашъ маіоръ хочетъ устроить себѣ уголокъ въ теплицѣ, гдѣ онъ на будущую зиму могъ бы проводить цѣлые дни, вдыхая въ себя запахъ цвѣтовъ и растеній. Онъ увѣряетъ, что такимъ образомъ непремѣнно проживетъ до ста лѣтъ...

Тетушка Клавдія Маннѣ.

...Ты хорошо дѣлаешь, что посреди всѣхъ твоихъ тревогъ и сомнѣній, не перестаешь наблюдать надъ звѣздами. Это даетъ силу терпѣливѣе переносить мелкія огорченія...

Лина Маннѣ.

...Завтра минетъ ровно годъ тому, что я замужемъ, и я въ первый разъ собираю у себя большое общество на кофе. Прошу относиться ко мнѣ съ должнымъ уваженіемъ! Я вынимаю для этого случая и накрываю на столы мои лучшія камчатныя скатерти. Кромѣ того, у меня есть мои собственныя, прелестныя, съ золотыми ободочками чашки. Какъ жаль, что тебя съ нами нѣтъ! Всѣ увѣряютъ, будто бы съ тѣхъ поръ, какъ я стала матерью, голосъ мой пріобрѣлъ новую силу и звонкость. О, Манна, самыя лучшія пѣсни тѣ, которыми мы убаюкиваемъ нашихъ дѣтей. Пожалуйста, отвѣчай мнѣ на мое письмо.

Пранкенъ съ женой недавно вернулся сюда, но онъ, какъ я

слышала, не долго здѣсь останется. Его назначаютъ посланникомъ куда-то на Дунай, близъ Турціи, въ страну, названіе которой я позабыла.

Знаешь ли, что̀ я придумала? Когда ты вернешься сюда, мы съ тобой устроимъ общество пѣвицъ изъ всѣхъ окрестныхъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Затѣмъ, мы будемъ всюду пѣть: въ вашемъ саду и въ большой концертной залѣ, на плоской крышѣ виллы Эдемъ и на Рейнѣ, катаясь въ лодкахъ. То-то будетъ весело!

Какъ жаль, что это не можетъ завтра же начаться!....

Эйнзидель Эриху.

...Въ бумагахъ вашего отца кроется много прекраснаго. Жаль, что нѣкоторыя изъ нихъ не были ранѣе напечатаны. Покойный профессоръ какъ нельзя яснѣе предвидѣлъ настоящую войну. Мыслительныя способности иныхъ людей въ нѣкоторыхъ случаяхъ равняются въ нихъ дару пророчества. Я намѣренъ напечатать кое-что изъ рукописей вашего отца и въ предисловіи обозначу время, когда онѣ были имъ написаны.....

Вейдеманъ Эриху.

...Мой племянникъ мнѣ аккуратно присылаетъ газеты. Не давайте себѣ труда слишкомъ много думать объ Европѣ и о различныхъ отношеніяхъ, чуждыхъ вашему теперешнему положенію. Вы на постѣ, который требуетъ, чтобъ вы постоянно имѣли въ виду только то, что̀ ближе всего къ нему относится. Простите, что я осмѣливаюсь подавать вамъ совѣты.

Давно пора нанести рѣшительный ударъ рабству, этому позорному явленію нашего вѣка. Люди отъ долгой привычки уже перестаютъ считать его для себя стыдомъ и грѣхомъ.

Я здѣсь дѣлаю весьма интересныя наблюденія. Зонненкампъ оказался для нашей страны гораздо болѣе вреднымъ человѣкомъ, нежели я предполагалъ. Представьте себѣ, что теперь здѣсь о немъ отзываются даже съ похвалой.

— Вѣдь онъ былъ только торговецъ неграми! слышу я со всѣхъ сторонъ.

Отвага всегда обаятельно дѣйствуетъ на умы. Смѣлый зло-

дѣй часто бываетъ привлекательнѣе смирнаго, добродѣтельнаго человѣка. Многіе, весьма порядочные люди говорятъ, что герцогъ совсѣмъ напрасно не далъ Зонненкампу дворянскаго диплома.

Въ Европѣ въ послѣднее время появилось и чрезвычайно распространилось растеніе, которое народъ прозвалъ водяной чумой. Вы безъ сомнѣнія о немъ читали. Оно первоначально было завезено изъ Канады, попало въ Темзу, чуть ее совсѣмъ не запрудило своими корнями и стеблями, затѣмъ перешло на континентъ, и наконецъ появилось у насъ. Такая же точно водяная чума иногда съ невообразимой быстротой разростается на нравственной почвѣ, гдѣ заглушаетъ всѣ лучшіе инстинкты и стремленія человѣческой души.

Благодарю васъ и Роланда, что вы предоставляете мнѣ и моему племяннику право распоряжаться положенными въ банкъ деньгами. Докторъ Фрицъ полагаетъ, что хорошо было бы одну часть ихъ употребить въ дѣло теперь же, а другую послѣ войны. Онъ не нарадуется на то, какъ вы и Роландъ твердо противостоите всѣмъ искушеніямъ, которыя, какъ я ожидалъ, возобновились для васъ въ Америкѣ.....

Докторъ Рихардтъ Эриху.

....Радуйтесь тому, что вамъ теперь предстоитъ дѣйствовать, а не предаваться безплоднымъ мечтамъ.

Слушайте, я вамъ разскажу забавную исторію.

Отто фонъ-Пранкенъ, къ которому я, подобно всѣмъ свѣтскимъ людямъ, питалъ маленькую слабость.... онъ, конечно, далеко не герой добродѣтели, но въ высшей степени цѣльная натура.... Итакъ, Отто фонъ-Пранкенъ, состязаясь въ хитрости съ попами, далеко ихъ опередилъ. Онъ заставилъ ихъ отрекомендовать себя въ Римъ, а затѣмъ выкинулъ съ ними преловкую штуку.

Поступивъ маіоромъ въ папское войско, онъ въ скоромъ времени затѣялъ тамъ ссору. Немного спустя онъ написалъ письмо, въ которомъ сильно порицалъ организацію войска. Письмо это должно было служить ему оправданіемъ, такъ-какъ онъ очень скоро послѣ того вышелъ въ отставку и женился на молодой вдовѣ, дочери барона фонъ-Эндлиха. Когда вы вернетесь къ намъ, вы найдете у себя новое сосѣдство. Ходятъ слухи, будто Пранкенъ намѣревается теперь примѣнить свои силы и способности къ дипломатической карьерѣ. Что же, я думаю, что

онъ на этомъ новомъ поприщѣ будетъ имѣть блестящій успѣхъ.

Не видѣли ли вы графиню Беллу, или не слышали ли о ней что-нибудь.....

Маіорша Граслеръ, б. фрейленъ Милькъ, Кнопфу.

....Ты не можешь себѣ представить, какъ сильно насъ обрадовало твое письмо. Мужъ мой давно не былъ такъ веселъ, какъ въ тотъ день, когда оно пришло. Онъ со времени вашего отъѣзда все находился въ какомъ-то тревожномъ состояніи и долго не могъ примириться съ мыслью, зачѣмъ лѣта не позволяютъ ему ѣхать съ вами. Насъ между прочимъ посѣтило большое горе: наша Леди ослѣпла и нѣтъ никакихъ средствъ возвратить ей зрѣніе. Многіе надъ нами смѣются отъ того, что мы ухаживаемъ за нашей собакой, и совѣтуютъ намъ ее застрѣлить, но мы на это никогда не рѣшимся. Мужъ мой цѣлые часы просиживаетъ около Леди и разговариваетъ съ ней. Кромѣ того онъ каждый день на веревкѣ водитъ ее гулять. Ну, зачѣмъ нужно было этой собакѣ ослѣпнуть? Не легко бываетъ иногда удержаться въ границахъ разсудка и не впасть въ сантиментальность: природа— жестокая мачиха.

Ахъ, любезный другъ, мнѣ право совѣстно занимать тебя такими мелочами, тогда какъ самъ ты находишься въ самомъ центрѣ мірового движенія. Какое тебѣ дѣло до всего этого? Мой мужъ разсказывалъ мнѣ, что у графа Вольфсгартена однажды было очень много говорено по поводу американской поговорки: самъ себѣ помогай. Мнѣ кажется, что эти слова теперь Америка какъ нельзя успѣшнѣе прилагаетъ къ дѣлу. Она старается доставить свободу угнетенному племени и тѣмъ самымъ помогаетъ самой себѣ успѣшнѣе идти по пути къ собственной свободѣ и къ собственному усовершенствованію....

PS. Я знала отца твоей Розаліи. Онъ какъ-то разъ былъ у насъ вмѣстѣ съ учителемъ Фасбендеромъ.

Эрихъ Вейдеману.

...Адама вмѣстѣ со многими другими неграми назначили работать надъ возведеніемъ шанцовъ. Онъ ни за что не хотѣлъ брать топора въ руки, тогда Роландъ самъ вооружился киркой и присоединился къ неграмъ.

Въ войскѣ много недовольныхъ Линкольномъ. Ему дѣлаютъ

упрекъ въ медленности и говорятъ, что его политика не довольно тверда и рѣшительна.

Время, должно полагать, подтвердитъ мнѣніе, которое теперь высказываетъ о Линкольнѣ докторъ Фрицъ.

Линкольнъ, по его словамъ, не есть одна изъ тѣхъ геніальныхъ личностей, которыя, рѣзко выдѣляясь изъ массы, ведутъ ее за собой. Онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ точное и полное выраженіе всего того, что по сю пору выработалъ въ себѣ народный духъ.

Можетъ быть, оно и такъ, но развѣ этого мало? Величіе Линкольна несомнѣнно, хотя оно совсѣмъ иное, чѣмъ то, какимъ прославился древній міръ. Въ наше время болѣе невозможны герои, выполнители главныхъ ролей въ жизненной драмѣ, вокругъ которыхъ всѣ остальные люди группируются лишь какъ второстепенныя личности, исключительно отъ нихъ заимствующія и силу, и движеніе.....

Роландъ профессоршѣ.

Мои первыя строки съ поля сраженія должны быть адресованы вамъ, а никому другому.

Какъ жаль, что вы не знаете Лиліаны! Она вполнѣ достойна вашей дружбы.

Ахъ, что за человѣкъ докторъ Фрицъ!

Онъ говоритъ, что былъ ученикомъ вашего мужа. Васъ должно радовать, что духъ покойнаго профессора какъ бы оживаетъ здѣсь въ одномъ изъ лучшихъ людей Новаго Свѣта.

Мнѣ не слѣдуетъ теперь много думать ни о васъ, ни о прошломъ: я долженъ все свое вниманіе устремить на то, что меня ожидаетъ впереди. Къ тому же я много упражнялся съ оружіемъ въ рукахъ и очень усталъ.

Эрихъ пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ.

Въ лагерѣ все тихо. Завтра мы въ первый разъ выступаемъ подъ непріятельскій огонь.

Утромъ.

Битва начинается. Я надѣюсь исполнить свой долгъ.

Вечеромъ.

Я произведенъ въ офицеры.

Эрихъ Вейдеману.

Изъ лагеря.

Мы имѣли стычку съ непріятелемъ и потерпѣли пораженіе. Роландъ превзошелъ самого себя. Онъ произведенъ въ офицеры. Я долженъ быть постоянно на сторожѣ, чтобъ умѣрять его пылъ.

Мнѣ въ этомъ случаѣ служитъ большой помогой разсудительность вашего внука Германа.

Самое ужасное въ этой борьбѣ то, что тысячи людей должны быть принесены въ жертву единственно для того, чтобъ предводители ихъ пріобрѣли нѣкоторую снаровку въ дѣлѣ войны. У насъ большой недостатокъ въ опытныхъ, могущихъ внушить къ себѣ довѣріе генералахъ. Не удивительно ли, что войско, несмотря на это, такъ храбро выдерживаетъ боевой огонь? Наши солдаты и офицеры всѣ учатся военному искусству на войнѣ, Южане въ этомъ отношеніи имѣютъ большое преимущество надъ нами.

Меня сильно занимаетъ вопросъ, неужели наши противники надѣются на побѣду, то-есть, неужели они честно вѣрятъ, что въ случаѣ, если побѣда останется на ихъ сторонѣ, принципъ, за который они дерутся, прочно водворится въ мірѣ?

Самое ожесточеніе, съ какимъ они сражаются, жажда мести, которую они выказываютъ въ жестокомъ обращеніи съ плѣнными, все это служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что если они и вѣрятъ въ торжество своего оружія, то ни въ какомъ случаѣ не вѣрятъ въ торжество защищаемаго ими принципа. Тутъ самъ собой возникаетъ вопросъ: почему идея, которая мысленно уже всѣми по достоинству оцѣнена, не можетъ, иначе какъ цѣною крови, купить себѣ осуществленіе?

Въ этомъ состоитъ великая загадка исторіи.

Массы дѣйствуютъ подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ нравственныхъ началъ, что и отдѣльныя личности. Человѣкъ существо разумное, но гораздо болѣе склонное повиноваться голосу страстей, нежели разсудка. Онъ почти всегда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ минутной вспышки или увлеченія. Тоже самое видимъ мы и въ народныхъ массахъ. Гёте не совсѣмъ правъ, когда утверждаетъ, будто бы Америка не заражена никакими средневѣковыми предразсудками. Нѣтъ, ей тоже приходилось и приходится бороться

съ своего рода феодализмомъ. Дѣло только въ томъ, что ея исторія вся укладывается въ гораздо болѣе короткій промежутокъ времени, чѣмъ у другихъ народовъ и тѣмъ самымъ какъ бы напоминаетъ драматическое произведеніе, въ которомъ поэтъ всегда старается какъ можно тѣснѣе сгруппировать наиболѣе выдающіеся и поразительные факты.

Америка не имѣла ни династическихъ, ни религіозныхъ войнъ. Борьба за независимость была первымъ знаменательнымъ моментомъ въ ея жизни, но она могла быть предпринята отчасти съ эгоистической цѣлью. Нынѣ для нея наступилъ второй подобный моментъ, и на этотъ разъ онъ носитъ характеръ чисто идеальный и самоотверженный. Вдругъ изъ среды существованія, направленнаго исключительно на пріобрѣтеніе и на устройство своего личнаго благосостоянія, люди однимъ шагомъ переступаютъ на почву совсѣмъ иного свойства, гдѣ самая жизнь приносится въ жертву идеѣ. Развѣ это не есть доказательство самаго искреннаго стремленія къ идеалу? Америка нынѣ приноситъ въ даръ человѣчеству свою долю самоотверженія. До сихъ поръ о ней еще можно было говорить, что ея матеріальное величіе далеко превосходитъ историческое, теперь это становится невозможнымъ.

Въ настоящій моментъ Америка одновременно переживаетъ свое великое переселеніе народовъ, свои крестовые походы, свою тридцатилѣтнюю войну. Самый короткій промежутокъ времени вмѣщаетъ для нея событія неизмѣримой важности, которыя смѣняются одни другими съ непомѣрной быстротой. Такъ и должно быть: ея историческая жизнь развивается въ вѣкъ электрическаго телеграфа.

Но не странно ли, что я, сидя здѣсь въ лагерѣ, предаюсь такого рода мудрствованіямъ? Скажу вамъ въ заключеніе, что это принесло мнѣ пользу. Бесѣда съ вами меня освѣжила, ободрила и помогла мнѣ сосредоточиться.....

Эрихъ Вейдеману.

Изъ лагеря.

....То, что всѣ мы считали необходимымъ, наконецъ совершилось: негры призваны къ дѣятельному участію въ войнѣ. Роландъ, Германъ и я, мы поступили въ негритянскій отрядъ. Теперь только начнется настоящая борьба. Негры охотно отправляютъ свои обязанности и постоянно веселы. Военная дисциплина послужитъ имъ хорошей школой для будущаго.

Одинъ изъ нашихъ шпіоновъ сообщилъ мнѣ, что въ непріятельскомъ лагерѣ находится человѣкъ, по описанію чрезвычайно похожій на Зонненкампа. За нимъ всюду слѣдуетъ, переодѣтая мужчиной, женщина, красота которой на всѣхъ неотразимо дѣйствуетъ. А я все надѣялся, что онъ поступитъ во флотъ. Мнѣ невыносима мысль, что отецъ и сынъ такъ близко другъ отъ друга сражаются въ противоположныхъ лагеряхъ. Надо позаботиться о томъ, чтобы Роландъ какъ-нибудь не узналъ о томъ.

Я не нарадуюсь, смотря на дружбу, какая связываетъ Роланда съ вашимъ внукомъ Германомъ. Оба юноши неразлучны....

Роландъ профессоршѣ.

....Наконецъ-то! Эрихъ, Германъ и я, мы служимъ въ черномъ отрядѣ. Желаніе мое исполнилось: бѣдные порабощенные наконецъ получили право сражаться за свободу, которую имъ отказываются дать мирнымъ порядкомъ. Слова Паркера не выходятъ у меня изъ головы. Какъ живо помню я тотъ день, когда въ первый разъ услышалъ это имя отъ васъ по выходѣ изъ церкви...

Впередъ! вотъ теперь мой лозунгъ, и я не смѣю болѣе оборачиваться назадъ.

Я пріобрѣлъ себѣ друга, лучше котораго вы сами не могли бы для меня пожелать. Это Германъ, братъ Лиліаны. Меня невыразимо терзаетъ мысль, что онъ сражается по свободному выбору, тогда какъ я... Ахъ, нѣтъ, лучше объ этомъ не думать....

Мы разбиты, матушка, разбиты! Эрихъ утѣшаетъ меня и всѣхъ другихъ, говоря, что это принесетъ намъ пользу, научитъ насъ терпѣнію и большей стойкости. Хорошо, я постараюсь быть терпѣливымъ!

(Приписка Эриха). Матушка! Я нашелъ эти строки между вещами Роланда, и посылаю ихъ тебѣ. Мы послѣ того еще разъ сражались и одержали побѣду. Роландъ исчезъ: онъ или убитъ, или взятъ въ плѣнъ. Въ теченіи всей битвы онъ очень храбро себя держалъ. О, мой Роландъ!

Эрихъ Вейдеману.

Изъ лагеря.

Другъ мой, мы одержали побѣду, но потеряли Роланда. Я съ докторомъ, Адамомъ и Германомъ обошелъ все поле сраженія. Что́ за страшное зрѣлище! Но Роланда мы нигдѣ не нашли. Вся надежда на то, что онъ попалъ въ плѣнъ.

Какая надежда!

Утѣшая Германа, я въ тоже время стараюсь утѣшить и самого себя. Вся глубина натуры этого юноши высказывается теперь въ его горѣ по исчезнувшемъ другѣ. Но, несмотря на всю силу его печали, въ немъ не замѣтно ни малѣйшей слабости. На немъ какъ нельзя лучше отразилось вліяніе свободной республики и германскаго родительскаго дома. Онъ теперь раздѣляетъ со мной мою палатку. Всѣ его привычки совсѣмъ другія чѣмъ у Роланда. Здѣсь, въ Америкѣ, все широко разростается на просторѣ и каждое дерево далеко распространяетъ свои вѣтви. Къ тому же у Германа въ душѣ нѣтъ томительной боли, какую мой бѣдный Роландъ постоянно носилъ въ своемъ сердцѣ.

Прошу васъ, въ случаѣ если получатся на мое имя извѣстія отъ Зонненкампа, напишите ему, что сынъ его въ плѣну.

Я чувствую смертельную усталость. Страшное зрѣлище раненыхъ, умирающихъ и убитыхъ, никогда не изгладится у меня изъ памяти.

Не знаю, когда мнѣ теперь удастся вамъ еще написать. Опять и опять прошу васъ, постарайтесь довести до свѣдѣнія Зонненкампа участь, постигшую его сына. Можетъ быть, вы сочтете удобнымъ напечатать это въ одной изъ англійскихъ газетъ, которыя имѣютъ доступъ въ Южные Штаты.

Посовѣтуйтесь обо всемъ этомъ съ профессоромъ Эйнзиделемъ.

Роландъ вчера весь день находился въ особенномъ, сильно возбужденномъ настроеніи духа. Негры пѣли какую-то пѣснь, въ которой онъ вдругъ узналъ ту самую, какой его въ дѣтствѣ убаюкивала его кормилица. Слова и мотивъ этой пѣсни чрезвычайно грустные. Негритянская мать поетъ своему малюткѣ-сыну, чтобъ онъ въ угоду господину постарался вырости большимъ, здоровымъ мужчиной съ крѣпкими бѣлыми зубами.

Роландъ весь день только и говорилъ объ этой пѣснѣ и все ее потихоньку напѣвалъ. Не странно ли, что его колыбельная пѣснь такъ неотступно преслѣдовала его именно въ тотъ день, когда онъ можетъ быть находился на порогѣ смерти...

Лиліана профессоршѣ.

— Немедленно напиши обо всемъ этомъ матери Эриха, просилъ меня Роландъ.

Изъ этого вы видите, что онъ найденъ.

Когда до насъ дошло страшное извѣстіе объ исчезновеніи Роланда, я рѣшительно не могла въ бездѣйствіи оставаться дома, и отправилась его отыскивать въ сопровожденіи брата Мартина—то-есть господина Кнопфа, хочу я сказать. Мнѣ удалось незамѣченной проникнуть въ непріятельскій лагерь. Мы были переодѣты южанами и одна рука у меня висѣла на привязи, точно раненая. Нѣтъ никакой возможности описать всѣ опасности, какимъ мы подвергались.

Господинъ Кнопфъ остался за чертой непріятельскаго лагеря, въ который я отправилась одна въ сопровожденіи только моего вѣрнаго Грейфа.

Чего не испытала я за это время! Обходя поля сраженія, я тщательно заглядывала въ лица убитыхъ и умирающихъ; посѣщая лазареты, я внимательно прислушивалась къ стонамъ и жалобамъ раненыхъ — все напрасно: Роланда нигдѣ не было и слѣдовъ.

Я шла далѣе и далѣе, удрученная горемъ, которое возбуждало состраданіе даже нашихъ ужасныхъ враговъ.

Наконецъ я его нашла,—нѣтъ, не я, а Грейфъ. Онъ лежалъ раненый въ овинѣ. Онъ былъ такъ худъ и до такой степени измѣнился, что я едва его узнала.

Роландъ разсказываетъ, что его приказала отнести и положить въ овинъ какая-то женщина, переодѣтая мужчиной, которую онъ называетъ графиней Беллой.

Уѣзжая изъ Маттенгейма, я подарила Роланду небольшой камешекъ. Онъ его зашилъ въ тряпочку и постоянно носилъ на сердцѣ. Теперь этотъ камешекъ спасъ его отъ смерти.

Я обо всемъ этомъ написала въ Нью-Іоркъ, но не знаю, получится ли тамъ мое письмо. Въ Европу письма вѣрнѣе доходятъ и потому, прошу васъ, сообщите моему отцу и Эриху, что Роландъ найденъ и внѣ всякой опасности. Меня въ томъ увѣряетъ состоящій здѣсь на службѣ нѣмецкій докторъ.

Передайте все это также дядѣ, тётѣ и ихъ домашнимъ.

Роландъ проснулся...

Докторъ Фрицъ доктору Рихардту.

Извѣстія изъ Южныхъ Штатовъ съ трудомъ до насъ доходятъ. Одинъ изъ нашихъ, счастливо возвратившійся изъ плѣна... вы конечно слышали, съ какой безчеловѣчной жестокостію южане обращаются съ своими плѣнными.... Итакъ, одинъ изъ нашихъ, побывавшій въ рукахъ непріятеля, разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ тамъ Зонненкампа-Банфильда, а съ нимъ необыкновенной красоты женщину. Зонненкампу не удалось и въ Южныхъ Штатахъ достигнуть той степени почета, какого жаждало его честолюбіе. Южане видятъ въ немъ слишкомъ крайняго радикала. Требованія ихъ онъ возводитъ въ логическій принципъ, подобно тому какъ это прежде дѣлалъ въ своей борьбѣ со мной. Но онъ нанесъ окончательный ударъ своему значенію между ними съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ впередъ съ планомъ сдѣлать изъ южныхъ штатовъ монархическое государство. Южане этого вовсе не хотятъ: они слишкомъ проникнуты республиканскимъ духомъ. Зонненкампъ взялъ свой планъ назадъ, но уже не могъ возвратить себѣ того уваженія, которое было, пріобрѣлъ своей неустрашимостію и энергіей. Я того мнѣнія, что онъ и графиня Белла теперь дерутся исключительно изъ отчаянія, или подъ вліяніемъ обуявшей ихъ обоихъ страсти къ приключеніямъ....

Эрихъ Вейдеману.

.... Итакъ, великое, таинственное свершилось!

Былъ жаркій день. Обѣ стороны дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Побѣда осталась за нами, но мы понесли большія потери. Вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ Адамъ. Онъ былъ весь въ крови, у рта его виднѣлась пѣна. Я отдалъ приказъ перевязать ему раны, но онъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ.

— Пойдемте, пойдемте со мной! кричалъ онъ: я его не убивалъ.... онъ тамъ лежитъ.

— Кто?

— Отецъ Роланда!

Я взялъ доктора и, не обращая вниманія на стоны и мольбы другихъ раненыхъ, бросился вслѣдъ за негромъ.

Мы достигли небольшого холма и нашли тамъ Зонненкампа. Задыхаясь отъ волненія, я едва могъ выговорить:

— Отецъ!

— Отецъ! грозно повторилъ онъ. Прочь отсюда! Оставьте меня.

Онъ устремилъ на меня уже потухшій, точно стеклянный взоръ. Затѣмъ онъ сталъ рвать около себя траву, ногтями копалъ землю и, положивъ въ вырытое углубленіе голову, вдыхалъ въ себя запахъ, который въ былое время его всегда освѣжалъ и укрѣплялъ. Но теперь, казалось, онъ не принесъ ему ни малѣйшаго облегченія, по крайней мѣрѣ, онъ съ отчаяніемъ покачалъ головой и снова поднялъ на меня глаза.

Докторъ, осмотрѣвъ его, увидѣлъ, что онъ истекалъ кровью и хотѣлъ помочь ему. Но Зонненкампъ съ силой его отъ себя оттолкнулъ:

— Я не хочу чтобъ меня перевязывали. Прочь отсюда! Оставьте меня всѣ!

Я опустился передъ нимъ на колѣни и объявилъ ему, что сынъ его три мѣсяца тому назадъ исчезъ, и по всѣмъ соображеніямъ долженъ находиться въ плѣну.

— Въ плѣну!... воскликнулъ онъ. Увы, увы!... въ плѣну. Это она виновата.... она!... Я не хотѣлъ... я зналъ,... но она желала скакать на конѣ.... ей нравилась роль амазонки....

Онъ съ горечью захохоталъ.

— Меня тянуло въ море.... продолжалъ онъ, туда.... туда хотѣлось мнѣ.... но я долженъ былъ за ней слѣдовать.... я видѣлъ, какъ она упала.... она и въ рукахъ смерти все еще была прекрасна.... волшебница....

Докторъ сдѣлалъ мнѣ знакъ. Я его понялъ и спросилъ у Зонненкампа, не имѣетъ ли онъ мнѣ что-нибудь приказать.

Онъ взглянулъ на меня, точно не понялъ моего вопроса, но минуту спустя проговорилъ.

— Тамъ.... тамъ.... дайте мнѣ сюда.... дайте!

Рука его была протянута по направленію къ небольшому кустику вереска, который росъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ онъ лежалъ. Адамъ, повинуясь нашему приказанію, вырвалъ съ корнемъ весь кустикъ и подалъ его умирающему. Тотъ смотрѣлъ на негра широко раскрытыми отъ ужаса глазами, потомъ вдругъ улыбнулся, быстро, съ усиліемъ приподнялся и съ громкимъ крикомъ снова тяжело упалъ на землю. Онъ умеръ, сжимая въ рукахъ цвѣты вереска.

То были тяжелыя, ужасныя минуты!

Мы зарыли его въ землю и всю могилу его покрыли верескомъ. Я горько оплакивалъ этого человѣка, обладавшаго такимъ избыткомъ силъ. Что вышло бы изъ него, еслибъ....

Меня внезапно позвали, и я долженъ былъ на время оставить письмо.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ еще одной смерти.

Адамъ, который не далъ перевязать себѣ ранъ, когда еще было время, теперь доживалъ послѣднія минуты своей жизни. Онъ потребовалъ меня къ себѣ.

— Господинъ маіоръ, сказалъ онъ, увидѣвъ меня около своей постели, какъ вы думаете, братья будутъ свободны?

— Непремѣнно! отвѣчалъ я.

Онъ поднялъ къ верху руки и испустилъ бѣшеный крикъ радости. Его дикая натура, на время усмиренная, теперь, въ предсмертную минуту, снова вступила въ свои права.

Я болѣе не въ силахъ писать; я жестоко въ себѣ ошибся. Мнѣ казалось, что я настолько твердъ, что меня ничто не можетъ сломать. На дѣлѣ выходитъ иначе. Прошу васъ, сообщите матушкѣ о смерти отца Манны и Роланда.

Ахъ, еслибъ я могъ заснуть и хоть немного успокоиться!

(Приписка Манны). Это письмо было найдено въ карманѣ моего Эриха, когда его вытащили изъ-подъ лошади. Онъ, находясь въ страшномъ волненіи, сѣлъ на лошадь и бросился въ сраженіе, но вдругъ упалъ и страшно разбился. Онъ еще никого не узнаетъ, бредитъ, но докторъ мнѣ подаетъ надежду на его спасеніе.

Я отошлю это письмо не прежде, какъ когда буду въ состояніи сообщить вамъ что-нибудь болѣе успокоительное.

Три дня спустя.

Мой мужъ говоритъ, что воспоминаніе о васъ приноситъ ему много утѣшенія! Я пишу сегодня также и матушкѣ.

Манна профессоршѣ.

Матушка, онъ спасенъ! Весь страхъ, всѣ сомнѣнія миновали! Онъ спасенъ! Въ теченіи многихъ дней и ночей лежалъ онъ въ лихорадкѣ, не узнавая никого, даже меня. Вдругъ онъ однажды, точно во снѣ, проговорилъ:

— Ахъ, звуки арфы!

Я немедленно телеграфировала въ Нью-Іоркъ, чтобъ мнѣ выслали сюда мою арфу, а между тѣмъ узнала, что могу достать пока другую у одной дамы, которая живетъ здѣсь въ большомъ уединеніи. Я пошла къ этой дамѣ.... она оказалась ма-

терью маленькой дѣвочки, которую въ монастырѣ звали сверчкомъ. Настоятельница писала ей о привязанности малютки ко мнѣ, и бѣдная мать не могла достаточно наслушаться моихъ разсказовъ о ней. Міръ преисполненъ чудесъ! Моя милая умершая сестра посылала мнѣ теперь арфу, которая должна была доставить утѣшеніе моему больному мужу.

Не знаю, разсказывала ли я вамъ когда-нибудь о таинственной незнакомкѣ, которая въ одно время съ нами была въ Карлсбадѣ. Она всегда гуляла подъ густымъ вуалемъ и я съ ней иногда встрѣчалась въ церкви. Ей пришлось испытать много горя въ жизни. Едва выйдя замужъ, она узнала, что мужъ ея уже былъ женатъ. Она неохотно о немъ говоритъ и тщательно скрываетъ его имя. Меня она еще въ Карлсбадѣ знала, но не рѣшалась ко мнѣ подойти. Впрочемъ она не долго тамъ оставалась: ее оскорбилъ одинъ изъ знакомцевъ графини Беллы, и она поспѣшила уѣхать. Я многого не понимаю изъ того, что говоритъ бѣдная женщина, но не рѣшаюсь ее разспрашивать.

Вернувшись къ Эриху, я по совѣту врача сѣла съ арфой въ сосѣдней комнатѣ и начала играть. Эрихъ погрузился въ сонъ, а затѣмъ, проснувшись, спросилъ:

— Гдѣ Манна, что она нейдетъ?

Докторъ запретилъ мнѣ ему показываться, изъ опасенія дурныхъ послѣдствій. Я только тогда и входила въ его комнату, когда онъ засыпалъ. Наконецъ, докторъ позволилъ мнѣ при немъ постоянно оставаться.

Эрихъ въ бреду все воображалъ себѣ, что видитъ меня въ монастырѣ, съ крыльями за плечами. При этомъ онъ всегда говорилъ по-французски и смѣялся надъ сестрой Серафимой. Смерть отца до такой степени поразила Эриха, что онъ на нѣсколько времени вовсе лишился сна.

Ему давали усыпительныя лекарства, но они дурно на него дѣйствовали, и ихъ пришлось оставить. Затѣмъ было дано новое сраженіе. Всѣ совѣтовали Эриху не принимать въ немъ участія. Онъ въ предъидущихъ битвахъ выказалъ такъ много храбрости, что на этотъ разъ могъ бы съ спокойной совѣстію остаться дома. Но онъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ, спросилъ лошадь и поѣхалъ на поле сраженія. Но тамъ лошадь его споткнулась, упала и придавила его всей своей тяжестью. Эриха подняли и за-мертво отнесли въ лазаретъ. Я, лишь только получила объ этомъ извѣстіе, немедленно къ нему поспѣшила. Теперь опасность миновала, но онъ еще очень слабъ.

Мой мужъ, съ свойственной ему добротой, старается по возможности облегчать также печальную участь другихъ больныхъ

и нерѣдко посылаетъ меня играть на арфѣ въ общихъ залахъ. Музыка дѣйствительно благотворно дѣйствуетъ на больныхъ. Она разсѣяваетъ ихъ тоску и тѣмъ самымъ, по увѣренію докторовъ, содѣйствуетъ ихъ выздоровленію. Когда я, послѣ игры въ общихъ залахъ, возвращаюсь къ Эриху и докторъ разсказываетъ ему, какое удовольствіе моя музыка доставляетъ больнымъ, лицо его мгновенно оживляется. Онъ очень мало говоритъ, но почти постоянно держитъ меня за руку. Матушка, ты теперь можешь быть вполнѣ спокойна.

Эрихъ проситъ, чтобъ ему позволили написать тебѣ нѣсколько словъ.

(Здѣсь дрожащимъ почеркомъ стояло): Твой воскресшій, любящій и любимый сынъ Эрихъ. (Затѣмъ шло продолженіе опять рукою Манны).

Не пугайся того, что эти слова какъ дурно написаны. Докторъ повторяетъ, что онъ внѣ опасности. Ему теперь нужно только одно спокойствіе.

О, матушка! Какъ мнѣ достаточно возблагодарить Бога за то, что онъ спасъ Эриха и сохранилъ мнѣ мужа, а другому, маленькому, еще не видавшему свѣта существу — отца. Но не тревожься обо мнѣ: я берегусь, зная, что отъ моей жизни зависятъ еще двѣ другія....

Манна Эйнзиделю.

....Однажды меня въ госпиталѣ позвали къ одному тяжко раненому плѣннику изъ южанъ. Онъ слышалъ мою игру на арфѣ, и узнавъ что я нѣмка, выразилъ желаніе со мной поговорить. Когда я къ нему пришла, онъ мнѣ разсказалъ, что у него въ Германіи есть дядя, бухгалтеръ въ одномъ большомъ банкѣ. Однажды вечеромъ, когда этотъ дядя былъ въ театрѣ, племянникъ обокралъ его и скрылся съ деньгами. Я сказала раненому, что вы мнѣ въ Карлсбадѣ указывали на старика, который подвергся такой же точно участи, какъ и его дядя, и по возможности съ точностію описала ему наружность вашего пріятеля. Больной убѣжденъ, что это его дядя, и проситъ меня передать старику, что жестоко раскаявается въ своемъ проступкѣ. Онъ все надѣялся разбогатѣть, возвратить украденную сумму и такимъ образомъ поправить причиненное имъ зло. Но надежды его не сбылись. Онъ умираетъ бѣднымъ человѣкомъ и только отъ души желаетъ, чтобы дядя узналъ о его раскаяніи.

Будьте такъ добры, возьмите на себя трудъ передать все это вашему знакомому....

Эрихъ матери.

....Я въ бреду постоянно слышалъ голосъ, который говорилъ мнѣ: «ты обѣщался твоей матери вернуться къ ней здоровымъ. Ты не имѣешь права ни хворать, ни умирать, и во чтобы то ни стало долженъ сдержать свое обѣщаніе. «Мысль о тебѣ ни на минуту меня не покидала, и то успокоивала, то волновала меня. Я все усиливался дать природѣ толчекъ и побѣдить овладѣвшую мною слабость. Во мнѣ точно было двѣ души. Разъ я совершенно явственно слышалъ твой голосъ, который говорилъ мнѣ: постарайся успокоиться. Ты понапрасну тревожишься и тѣмъ самымъ подвергаешь опасности свою жизнь. Ты теперь ни о чемъ не долженъ думать. Затѣмъ я видѣлъ себя на трибунѣ въ концертной залѣ, хотѣлъ пѣть, но голосъ мнѣ не повиновался. Я жестоко страдалъ, но теперь снова чувствую себя бодрымъ и свѣжимъ.

Докторъ Фрицъ Вейдеману.

....Болѣзнь Эриха и игра на арфѣ Манны послужили поводомъ къ весьма важному открытію. Недавно ко мнѣ явился пріятной наружности старичокъ, который съ трудомъ изъяснялся по-нѣмецки. Видно было, что онъ въ теченіи многихъ лѣтъ вовсе не упражнялся въ этомъ языкѣ и отвыкъ на немъ говорить. Онъ прежде всего обратился ко мнѣ съ вопросомъ, правда ли, что у меня въ домѣ живетъ молодой человѣкъ по имени Дорнэ. Я отвѣчалъ утвердительно, и старикъ съ трудомъ объяснилъ мнѣ, что онъ дядя Эриха и обладатель большого состоянія. Онъ желалъ узнать поболѣе подробностей о всей семьѣ и въ особенности о своей сестрѣ Клавдіи. Къ счастію, Кнопфъ могъ вполнѣ его удовлетворить...

Эрихъ матери.

Матушка! Дядя найденъ. Мое паденіе съ лошади и игра на арфѣ Манны были описаны въ газетахъ. Дядя Альфонсъ про-

челъ статью, въ которой говорилось о насъ, и явился къ доктору Фрицу. Затѣмъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ и засталъ меня еще опасно больнымъ.

Когда онъ въ первый разъ ко мнѣ пришелъ, мнѣ казалось, что я снова вижу отца.

Говорятъ, что свиданіе съ дядей до такой степени меня взволновало, что мои близкіе снова стали опасаться за мою жизнь. Его болѣе ко мнѣ не пускали до тѣхъ поръ, пока я совсѣмъ не выздоровѣлъ. Я показалъ дядѣ твои письма. Старикъ, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ничего не хотѣлъ знать ни объ Европѣ, ни о родственныхъ связяхъ, читая ихъ, горько плакалъ. Онъ собирается вмѣстѣ съ нами вернуться домой....

Кнопфъ Фасбендеру.

....Классическая древность заключаетъ въ себѣ много прекраснаго, великаго, героическаго, но не представляетъ ничего подобнаго личности американскаго дяди. На что̀ годилась бы часть свѣта, открытая Колумбомъ, еслибъ она не поставляла намъ американскихъ дядей.

Мой другъ, маіоръ Дорнэ, тоже обрѣлъ подобнаго дядю съ придачею, не знаю съ точностію какой цифры, обозначающей большое, но все честнымъ образомъ добытое состояніе. Теперь ему самому приходится рѣшать вопросъ, что̀ станетъ онъ дѣлать съ такимъ огромнымъ количествомъ денегъ. Онъ отказывается строить по моему предложенію концертныя залы, но безъ сомнѣнія сдѣлаетъ что-нибудь другое, тоже весьма хорошее....

Докторъ Фрицъ Вейдеману.

....У насъ родилось двое дѣтей. Манна произвела на свѣтъ сына, а жена Кнопфа дочь. Я присутствовалъ при томъ, какъ Кнопфъ въ первый разъ увидѣлъ свою дѣвочку.

— Чисто кавказская раса! воскликнулъ онъ, взглянувъ на нее.

Онъ признался мнѣ, что, несмотря на всю свою любовь къ неграмъ, сильно побаивался, чтобъ Розалія не родила ему чернаго ребенка, такъ какъ она въ послѣднее время постоянно на-

ходилась въ обществѣ негритянскихъ дѣтей, образованіемъ которыхъ занималась вмѣстѣ съ мужемъ. Теперь онъ въ восторгѣ отъ того, что дочь его представляетъ образецъ чисто кавказской расы, безъ малѣйшей примѣси негритянской. Въ тоже время онъ не нахвалится на судьбу, которая ему, учителю молодыхъ дѣвушекъ, послала въ даръ, въ качествѣ первороднаго дитяти, маленькую дѣвочку. Онъ назвалъ свою дочь: Манна-Эрика.

Сынъ Манны получилъ имя Веньямина-Альфонса. Дядя Альфонсъ будетъ его крестить. Онъ по духовному завѣщанію оставляетъ одну половину своего состоянія своей сестрѣ Клавдіи, а другую сыну своего брата. Онъ хочетъ вмѣстѣ съ Эрихомъ вернуться въ Европу, но я полагаю, что онъ не долго проживетъ.

Я уже вамъ писалъ, что дочь моя Лиліана, узнавъ, что нашъ юный герой Роландъ попался въ плѣнъ, ѣздила его искать къ врагамъ. Ей удалось его спасти. Роландъ еще очень слабъ. Мы его съ докторомъ отправили на нашу ферму Лиліангаузъ, гдѣ къ нему, мы надѣемся, не замедлятъ вернуться силы. Выздоровѣвъ, онъ намѣревается поступить во флотъ.

Великая борьба приближается къ концу. Одновременно съ побѣдой мы будемъ праздновать также и свадьбу Роланда съ Лиліаной. Они останутся здѣсь съ нами.

Роландъ выказалъ замѣчательную храбрость. Онъ бо̀льшую часть отцовскаго состоянія жертвуетъ освобожденнымъ неграмъ на устройство разнаго рода воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній....

Роландъ Вейдеману.

Лиліангаузъ.

Здѣсь, въ сельскомъ уединеніи, гдѣ я отдыхалъ отъ ужасовъ войны, удалось мнѣ наконецъ найти форму тѣмъ неопредѣленнымъ мыслямъ, которыя, неотступно преслѣдуя меня, не давали мнѣ покоя.

Вилла Эдемъ должна быть превращена въ домъ отдыха для борцовъ за идею свободы.

Какимъ образомъ мысль моя можетъ быть приведена въ исполненіе — я и самъ еще не знаю. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ устроить тихое убѣжище, нѣчто въ родѣ монастыря, для одинокихъ, утомленныхъ борьбою съ жизнью душъ.

Что касается до тѣхъ денегъ, которыя мы намѣрены употребить на обзаведеніе и устройство освобожденныхъ негровъ, мы ихъ главнымъ образомъ отдаемъ въ распоряженіе доктора

Фрица, котораго я называю отцомъ. Теперь для насъ начнется настоящій и самый важный трудъ.

Въ Европѣ у насъ еще есть домъ. Ни сестра, ни я, мы не желаемъ продать его и не хотимъ также, чтобъ онъ совсѣмъ опустѣлъ или заглохъ. Спрашиваю у васъ, нельзя ли его употребить на что-нибудь полезное, въ родѣ убѣжища, гдѣ бы могли на старости лѣтъ находить отдыхъ и успокоеніе люди, посвятившіе лучшіе годы своей жизни труду, мысли и наукѣ.

Посовѣтуйтесь объ этомъ также и съ Эрихомъ. Въ случаѣ же, еслибъ вы и другіе друзья придумали что-нибудь другое, я заранѣе на все изъявляю мое полное согласіе.

(Приписка Эриха). Посылаю вамъ письмо Роланда. Вы увидите изъ него, какое направленіе приняли его мысли. Одновременно съ планомъ на счетъ виллы Эдемъ, его занимаютъ еще многіе другіе, всѣ одинаково проистекающіе изъ чистаго стремленія по мѣрѣ силъ и средствъ содѣйствовать водворенію на землѣ мира и свободы.

Эрихъ матери.

....Матушка! Бабушка! Все окончилось благополучно. Время печали и опасностей миновало. Матушка, я возвращаюсь домой съ женою, съ сыномъ и съ дядей Альфонсомъ.

Волны бѣгутъ, корабль несется, я ступаю на твердую землю, я въ твоихъ объятіяхъ! Мой сынъ покоится на твоихъ рукахъ, и всѣ мы снова вмѣстѣ живемъ и дѣйствуемъ....

Эрихъ Вейдеману.

....Мы съ нашимъ чернымъ полкомъ переведены въ Ричмондъ.

Мнѣ привелось видѣть вблизи, какъ совершалось великое дѣло; мнѣ удалось принять дѣятельное участіе въ великой борьбѣ нашего вѣка.

Въ мірѣ нѣтъ болѣе рабства.

Посмотримъ, что̀ станутъ теперь говорить господа въ рясахъ или тѣ, которые щеголяютъ своими закрученными усиками. Какой подвигъ выдвинутъ они впередъ, который могъ бы равняться съ тѣмъ, что совершили мы, такъ-называемые еретики.

Немного позже.

....Измѣна! Убійство! Почему ничто прекрасное и чистое не можетъ до конца остаться такимъ?

Линкольнъ убитъ!

Иногда поневолѣ кажется, что міромъ управляетъ какой-то злобный демонъ.

Нѣтъ, этотъ поступокъ служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, до какой степени варварства могутъ дойти приверженцы аристократіи, эти слѣпые защитники правъ одного привилегированнаго класса въ ущербъ всему остальному человѣчеству. Въ будущемъ, съ трудомъ станутъ вѣрить въ возможность такого ужаснаго, нечестиваго дѣла. Въ наши дни оно совершается, и не однимъ человѣкомъ, а цѣлой шайкой гнусныхъ заговорщиковъ.

Они въ Южныхъ Штатахъ во время войны пустили въ ходъ фанатизмъ: нынѣ онъ наложилъ на нихъ свою кровавую печать....

Докторъ Фрицъ Вейдеману.

....Исторія не потерпитъ, чтобъ Линкольнъ вслѣдствіе своей мученической смерти былъ возведенъ въ герои. Онъ былъ честный, способный человѣкъ; ему удалось совершить доброе дѣло, за которое онъ погибъ: этого много, вполнѣ достаточно.

Кормчій съ корабля сброшенъ въ море.

Мнѣ приходитъ на память одно событіе, котораго я нѣкогда былъ свидѣтелемъ. Оно нынѣ повторилось въ моихъ глазахъ въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ.

Во время моего перваго переѣзда черезъ море въ Новый Свѣтъ, послѣ того какъ рушились всѣ наши лучшія надежды на германское отечество, у насъ на кораблѣ вдругъ произошла страшная тревога. Онъ внезапно былъ задержанъ на своемъ пути и всѣ въ смятеніи спрашивали: что̀ случилось? Кормчій упалъ въ море, отвѣчали намъ.

Кормчій Американскаго Союза тоже неожиданно упалъ въ море, и все разнообразное движеніе громадной машины мгновенно пріостановилось на ходу, точь-въ-точь какъ тогда нашъ корабль. Но тотъ корабль, о которомъ теперь идетъ рѣчь, изъ крѣпкаго матеріала; онъ хорошо оснащенъ и закаленъ въ буряхъ. На немъ пожалѣютъ о кормчемъ, но въ тоже время поспѣшатъ замѣнить его другимъ.

То не будетъ пустая игра словъ, если я скажу, что теперь впервые Американскій Союзъ вполнѣ слился въ единствѣ мысли и чувства.

Въ нашъ вѣкъ не легко приводятся къ соглашенію умы людей. Но нынѣ соглашеніе это совершилось, и кто можетъ исчислить всѣ благія послѣдствія, какія оно породитъ?

Когда Новый Свѣтъ хоть на одинъ день, хоть на одинъ часъ, испытывалъ такой единодушный порывъ горя и негодованія, какъ теперь, по случаю смерти Линкольна?

Трудно себѣ вообразить болѣе величественное зрѣлище чѣмъ то, какое въ этотъ моментъ представляла Америка. Не столько поразительна была самая война, сколько тишина, наступившая вслѣдъ за смертью Линкольна. О немъ сожалѣла, его тихо оплакивала вся нація, мгновенно слившаяся въ одно огромное сердце.

Если что-нибудь можетъ окончательно поразить въ общественномъ мнѣніи всѣхъ защитниковъ рабства, то это конечно убіеніе честнаго, благороднаго Линкольна.

Вѣроятно таковъ законъ исторіи, чтобъ торжество въ мірѣ всякой великой идеи запечатлѣвалось мученической смертью одной или нѣсколькихъ жертвъ...

Кнопфъ маіору.

....Дядя нашего друга Дорнэ умеръ. Онъ уже былъ боленъ, а извѣстіе объ убіеніи президента Линкольна его окончательно сразило.

Эрихъ и Манна ѣдутъ домой съ сыномъ....

Эрихъ Вейдеману.

....Свершилось! и исторія не замедлитъ по своему усмотрѣнію распорядиться завоеваннымъ ею имуществомъ.

Роландъ остается здѣсь. Онъ дѣлается членомъ семьи доктора Фрица и посвящаетъ себя дѣятельности, которая какъ нельзя болѣе приходится ему по сердцу.

Я съ Манной возвращаюсь домой. Мы рѣшились пока поселиться на виллѣ Эдемъ.

Это письмо всего тремя днями опередитъ насъ въ Европу.

Я далъ обѣщаніе Роланду пріѣхать сюда къ 1876 году, когда будетъ праздноваться столѣтіе существованія американской республики. Мы, подъ шумъ великаго торжества, представимъ тогда на судъ другъ другу то, что каждый изъ насъ успѣлъ за это время сдѣлать полезнаго въ своемъ отечествѣ.

Б. Ауэрбахъ.

КОНЕЦЪ.

Отъ Редакціи. — Мы обязаны переводомъ этого обширнаго труда Б. Ауэрбаха, занявшаго собою около 80 печатныхъ листовъ, Софьѣ Александровнѣ Никитенко, за небольшимъ исключеніемъ первыхъ главъ романа. Не имѣя права дѣлать оцѣнки качеству перевода, помѣщеннаго въ нашемъ же журналѣ, мы считаемъ долгомъ выразить переводчицѣ признательность за вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ подлиннику, который нашелъ для себя въ русскомъ переводѣ возможно близкое изображеніе и толкованіе не только словъ, но и мыслей автора, безъ тѣхъ такъ-называемыхъ переводныхъ вольностей, которыя облегчаютъ трудъ переводчика, но удаляютъ на второй планъ — автора. Настоящій романъ Ауэрбаха, какъ намъ кажется, представляетъ болѣе интереса въ подробностяхъ, нежели въ томъ, что называется интригою, завязкою. Вѣчный процессъ и борьба матеріальнаго богатства съ бѣдностью, и духовной нищеты, узкаго эгоизма, съ богатствами душевными, съ широкими, великодушными помыслами, съ любовью, объемлющею все человѣчество, какъ этотъ процессъ и эта борьба совершаются на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія недѣлимыхъ, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеніяхъ, — вотъ задача автора; а потому романъ Ауэрбаха утратилъ бы много въ передѣлкѣ, при вольномъ переводѣ, и потребовалъ отъ своего переводчика усилій—не скользить по подробностямъ, но именно на нихъ-то и сосредоточить все свое вниманіе. Если въ русскомъ переводѣ сохранилась та сторона интереса, которую, очевидно, имѣлъ прежде всего въ виду самъ Б. Ауэрбахъ, то мы этимъ обязаны исключительно переводчицѣ, не пожалѣвшей труда на тщательную отдѣлку всѣхъ подробностей оригинала.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

V *).

Дѣло съ Пруссіею.—Споры о назначеніи депутаціи для совѣщанія съ прусскимъ посланникомъ.—Упрямство и увертки сеймовыхъ пословъ.—Твердость Сиверса— Назначеніе депутаціи.

Дѣло съ Россіей покончилось. Началось дѣло съ Пруссіей. Оно было труднѣе прежняго, и посланникамъ пришлось помучиться съ упрямствомъ и уловками сейма еще цѣлыхъ два мѣсяца.

Еще до подписанія трактата съ Сиверсомъ, Бухгольцъ прислалъ 9-го (20-го) іюля ноту, гдѣ просилъ назначить делегацію съ надлежащимъ полномочіемъ, для окончанія переговоровъ съ е. в. прусскимъ королемъ.

Въ продолженіи трехъ дней толковали о несправедливости притязаній Пруссіи. «Намъ объявляли, что прусскій король ввелъ войска въ Польшу для преслѣдованія якобинцевъ. Ну, что же? теперь они истребили якобинцевъ, которыхъ тамъ и не было, такъ мы можемъ назначить делегацію, которая бы вела переговоры единственно о выводѣ прусскихъ войскъ изъ польской территоріи». Такъ говорили послы.

Ихъ ободрила депеша Войны изъ Вѣны, которая гласила, что

---

*) См. выше: февраль. 685; мар., 154; апр., 618; май, 138; іюнь, 559; іюль, 89; авг., 548; сент., 17; окт., 562; нояб., 109 стр.

хотя русскій и прусскій министры при вѣнскомъ дворѣ сильно стараются у императора о признаніи законнымъ раздѣла Польши, но императоръ боится увеличенія территоріи союзныхъ государствъ. Это и располагало поляковъ какъ можно болѣе тянуть время въ ожиданіи благопріятныхъ поворотовъ въ политикѣ. Предлагали обратиться къ императору съ просьбой о посредничествѣ, а между тѣмъ пріостановить занятія сейма. Другіе совѣтовали просить защиты противъ прусскихъ притязаній у императрицы. «Мы уступили Россіи области, какъ бы понеся справедливое наказаніе за то, что нарушили гарантіи Россіи, объявили вражду этой монархіи, по наущенію Пруссіи — говорилъ Карскій—но за что же мы будемъ давать области прусскому королю? Скорѣе онъ, какъ главный возбудитель противъ Россіи, долженъ бы былъ теперь поплатиться за насъ.»

«Москва и Пруссія — говорилъ Краснодембскій — не одно и тоже. Москва происходитъ отъ одного съ нами племени, и мало отъ насъ разнится по образу мыслей, обычаямъ и нравамъ; въ соединеніи съ Москвою, можетъ быть, мы увидимъ обоюдное счастіе обоихъ народовъ. Но съ Пруссіей мы не сойдемся никогда. Старая пословица говоритъ: Пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ — полякъ не будетъ братомъ нѣмцу».

«Что дѣлать? — говорилъ литовскій подскарбій Огинскій — судьба многихъ государствъ въ мірѣ была такова, что они падали съ вершины своей славы, и потомъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, опять поднимались. Польша не должна приходить въ отчаяніе отъ того, что ей предписываетъ законы тотъ, кто былъ нѣкогда ея вассаломъ. Будущность, быть можетъ, еще и поправитъ насъ».

Наконецъ, 26-го іюля, обратились къ королю съ просьбой дать совѣтъ.

«Если бы мои совѣты — сказалъ король — были принимаемы на прошедшемъ сеймѣ, можетъ быть Польша не была бы въ такомъ печальномъ положеніи. Я всегда поддерживалъ ту мысль, что тѣснѣйшій союзъ съ Россіею, за исключеніемъ всякихъ другихъ, былъ бы выгоднѣе всего для Рѣчи-Посполитой. Теперь я убѣжденъ, что никакія личныя пожертвованія не отвратятъ отъ Польши несчастія; испытаемъ косвенныя средства. Обратимся къ императрицѣ, укажемъ на несправедливость прусскихъ притязаній, на то, что трактаты 1773 и 1790 годовъ, заключенныхъ съ пруссаками, гарантируютъ намъ не только цѣлость нашихъ областей, но обязываютъ прусскаго короля защищать насъ; что Польша не подала ни малѣйшаго повода къ нарушенію этого трактата, что дѣло 3-го мая не можетъ давать права прусскому

королю на захватъ областей, ибо это дѣло было одобрено прусскимъ королемъ, наконецъ,—что по всѣмъ изысканіямъ у насъ вовсе не существовало никакихъ якобинцевъ».

Въ такомъ смыслѣ король подалъ проектъ ноты, которую должно представить русскому посланнику. Ему возразили, что подобная нота, вмѣсто того, чтобы отдалить сношенія съ Пруссіей, только дастъ русскому министру печальную необходимость требовать скорѣйшаго начатія этихъ сношеній. Проектъ короля былъ, однако, принятъ большинствомъ, нота послана Сиверсу, и на другой день, 27-го іюля, былъ отъ него полученъ и въ засѣданіи прочтенъ отвѣтъ. Посланникъ Екатерины объявлялъ, что инструкціи, данныя ему, не дозволяютъ обѣщать ходатайства объ отсрочкѣ сношеній съ Пруссіею, напротивъ, обязываютъ его содѣйствовать скорѣйшему начатію переговоровъ съ прусскимъ посломъ.

«Если г. русскому посланнику — сказалъ ломжинскій посолъ Скаржинскій — инструкція не представляетъ возможности принять на себя содѣйствіе, то намъ остается обратиться прямо къ великой государынѣ, посредствомъ особаго посольства, представить ей критическое положеніе Польши, и просить ея милостивой помощи».

Эта мысль очень понравилась многимъ, такъ какъ она все-таки подавала предлогъ къ затяжкѣ дѣла. Другіе, развивая ее, прибавляли, что, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ пріостановить дѣятельность сейма. Но противъ этого, Лобаржевскій подалъ проектъ продолжать сеймъ до 15-го августа. Цѣль его была привести сеймъ къ необходимости угодить посланникамъ, но онъ не выставлялъ ее наружу, а указывалъ на необходимость заниматься дѣлами внутренняго устройства, тѣмъ болѣе, что тарговицкая конфедерація, своими злоупотребленіями, запутала доходы и расходы, и вообще привела край въ состояніе крайняго безпорядка во всѣхъ отношеніяхъ. Указывалось и на то, что польская армія, хотя значительно убавленная тѣмъ, что Россія уже завербовала часть ея въ отобранныхъ провинціяхъ, состоя изъ 25,000 человѣкъ, въ земляхъ, оставшихся за Польшею, не получаетъ жалованья и предается своевольствамъ. Вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ и оставленъ на слѣдующее засѣданіе 18-го (29-го) іюля. При началѣ этого засѣданія, члены сейма замѣтили, что многихъ пословъ не было на лицо, и боялись, не арестованы ли они снова. Шидловскій, не зная еще въ чемъ дѣло, кричалъ, что, по этому поводу, слѣдуетъ прекратить совѣщанія. Товарищи, о которыхъ безпокоились, однако, явились, и одинъ изъ нихъ, Скаржинскій, объяснилъ, что вчера ихъ пугали разореніемъ земель, если

они подадутъ такіе голоса, которые будутъ задерживать продолженіе сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и его товарищи объявляли, что несмотря на такія угрозы, они все-таки будутъ поступать такъ, какъ указываютъ имъ истинныя нужды отечества. Передъ тѣмъ Сиверсъ намылилъ голову Скаржинскому и его брату, у которыхъ были имѣнія въ Украинѣ. «Если—говорилъ онъ—вы будете дозволять себѣ выраженія, противныя волѣ ея императорскаго величества, я наложу военную экзекуцію на ваши имѣнія».

Патріоты домогались закрытія сейма. Краснодембскій кричалъ болѣе всѣхъ. Другіе представляли, что въ городѣ, по случаю многолюдства, произошла такая дороговизна, что имъ невозможно содержать себя. «Распущеніе сейма — возражали Коссаковскій и Рачинскій — было бы теперь для страны хуже самаго раздѣла. Оно подвергло бы Польшу крайнему разстройству и военному своеволію. Мы бы окончательно раздражили императрицу, а въ ея рукахъ судьба наша».

Послѣ долгихъ споровъ приступили къ голосованію, и большинство восьмидесяти голосовъ передъ двадцатью семью рѣшило продолжить сеймъ до 15-го августа.

На слѣдующее засѣданіе, 19-го (30-го) іюля, благопріятель Пруссіи, Древновскій, выступилъ съ проектомъ дать инструкцію депутаціи, назначенной для переговоровъ съ Пруссіею.

Но посолъ противной партіи, Микорскій, началъ домогаться разсмотрѣнія своего проекта, гдѣ предлагалось, прежде сношеній съ прусскимъ посломъ, спросить его, г. Бухгольца: считаетъ ли Пруссія существующими прежніе договоры съ Рѣчью-Посполитою 1773 и 1790 годовъ, и если они нарушены, то пусть объяснитъ, по какимъ побужденіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ просить его о выводѣ прусскихъ войскъ изъ польскихъ областей. Едва начались пренія по поводу этихъ двухъ проектовъ, какъ явилась нота Сиверса. Посолъ императрицы дѣлалъ сейму замѣчаніе, что съ 9-го (20-го) іюля, когда была подана нота Бухгольца, сеймъ дѣлаетъ ежедневно остановки и занимается предметами, не имѣющими никакой связи съ прусскимъ дѣломъ. «Нижеподписавшійся—выражался Сиверсъ,—опасаясь, чтобы и настоящее засѣданіе, какъ и другія, послѣдующія за нимъ, не окончились ничѣмъ, находитъ себя вынужденнымъ объявить наияснѣйшимъ чинамъ, собраннымъ на конфедераціонный сеймъ, что онъ имѣетъ повелѣніе требовать скорѣйшаго начинанія сношеній съ прусскимъ министромъ, и немедленнаго постановленія о надлежащихъ инструкціяхъ и о полномочіи по этому вопросу».

По прочтеніи этой ноты, секретарь сейма сталъ-было читать проектъ Древновскаго, но Карскій, плоцкій посолъ, закричалъ:

«Если вы осмѣлитесь читать, то станете сами первою жертвою вашей снисходительности къ извѣстной партіи». Секретарь испугался и остановился. Одни поддерживали Карскаго, другіе были противъ него. Поднялся такой шумъ, что дѣло готово было дойти до драки. Тогда смущенный маршалъ сейма обратился къ королю и просилъ его, какъ главу, рѣшить своей мудростію вопросъ, раздирающій собраніе. Король объявилъ, что прежде, чѣмъ произнесетъ свое сужденіе, онъ хочетъ узнать мнѣніе сейма. Начали отбирать голоса. Явилось раздвоеніе. Половина была за Древновскаго, другая за Микорскаго. Король предложилъ пустить на голоса такой вопросъ: «чей проектъ долженъ быть прежде читанъ?» Начали отбирать голоса; оказалось равенство голосовъ и на той, и на другой сторонѣ. По закону приходилось рѣшать королю. Станиславъ-Августъ, чтобы угодить обѣимъ партіямъ, предложилъ читать проектъ Древновскаго, но въ тоже время послать къ Бухгольцу ноту, и потребовать объясненій, сообразно желанію Микорскаго. Нота была написана отъ имени канцлера и послана Бухгольцу въ такихъ выраженіяхъ:

«Его величество король, со всѣми чинами конфедераціоннаго сейма, разсматривая ноту г. Бухгольца, экстраординарнаго и уполномоченнаго министра его королевскаго величества прусскаго короля, отъ 20-го іюля, гдѣ говорится о постановленіи новаго договора между Рѣчью-Посполитой и его величествомъ королемъ прусскимъ, и принимая во вниманіе, что оба государства соединены уже, кромѣ трактата 1773 г., еще и новымъ союзомъ 1790 г., которыхъ статей Рѣчь-Посполитая ни въ чемъ не нарушала, поручила намъ, нижеподписавшимся, освѣдомиться у г. посла прусскаго: считаетъ ли его величество король прусскій себя обязаннымъ означенными трактатами или нѣтъ?

«Высокое мнѣніе объ искренности характера этого государя, съ каковымъ пріятно оставаться собраннымъ на сеймѣ посламъ, не дозволяетъ имъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія о его чистосердечномъ желаніи соблюденія торжественно принятыхъ обязанностей, которыя упрочили пріязнь и доброе согласіе между этимъ государемъ и Рѣчью-Посполитою. Поэтому члены, собранные на сеймъ, дали нижеподписавшимся приказаніе сообщить г. послу, что пребываніе прусскихъ войскъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой, будучи для нея отяготительнымъ, противно существу продолжающихся между Рѣчью-Посполитою и прусскимъ королемъ взаимныхъ обязанностей. Итакъ, нижеподписавшіеся, исполняя порученіе, просятъ г. посла съ своей стороны склонить дворъ свой къ изданію приказаній своему войску очистить польскія области,

нынѣ ими занимаемыя, и надѣются сообразнаго въ этой мѣрѣ отвѣта».

Бухгольцъ отвѣчалъ на это въ тотъ же́ день такою нотою: «Нижеподписавшійся, съ удивленіемъ прочитавъ содержаніе ноты чиновъ конфедераціоннаго сейма Рѣчи-Посполитой, подписанной настоящимъ числомъ, спѣшитъ отвѣчать въ ту же минуту. что предметъ ея не прямо относится къ деклараціи, поданной обоими высокими дворами, берлинскимъ и петербургскимъ, и къ нотамъ, въ началѣ сейма посланнымъ какъ отъ нижеподписавшагося, такъ и отъ чрезвычайнаго и полномочнаго россійскаго посла, а потому нижеподписавшійся оставляетъ подробное объясненіе объ этомъ предметѣ до того времени, какъ начнутся конференціи депутаціи съ нижеподписавшимся о тѣхъ предметахъ, о которыхъ означенная депутація уже вела переговоры съ посломъ россійскимъ».

Прочитавъ такой отвѣтъ, на сеймѣ стали читать проектъ Древновскаго. Суходольскій потребовалъ сдѣлать тамъ прибавку, чтобы депутаты не принимали никакихъ предложеній объ уступкѣ провинцій, не снесясь съ сеймомъ. Въ такомъ видѣ проектъ о депутаціи рѣшенъ былъ большинствомъ 63 противъ 39 голосовъ. Епископъ Коссаковскій предложилъ прибавить еще въ инструкціи депутатамъ, что депутація, назначенная для переговоровъ съ прусскимъ министромъ, приступаетъ къ этому только вслѣдствіе иноземнаго насилія. Въ свое утѣшеніе, по предложенію Янковскаго, сеймъ положилъ сообщить разнымъ иностраннымъ министрамъ оба акта: ноту сейма къ прусскому министру и отвѣтъ послѣдняго, и записать ихъ въ книги сейма, чтобы вся Европа и будущія поколѣнія знали, ка̀къ можно полагаться на твердость договоровъ, заключенныхъ съ Пруссіею, а посолъ Буховецкій разсказалъ передъ собраніемъ исторію бранденбургскаго дома отъ тѣхъ временъ, когда этотъ домъ былъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ, до настоящей минуты, и старался показать все коварство прусской политики. Вечеромъ, въ тотъ же день, Сиверсъ задалъ Коссаковскому головомойку за предложенный имъ въ Избѣ намекъ о насиліи.

Съ этихъ поръ, до 26-го іюля (7-го августа), сеймъ занимался вопросомъ о войскѣ и о финансахъ. Всѣ хотѣли елико возможно тянуть время, потому что обольщались разными надеждами. Польскіе министры при европейскихъ дворахъ писали въ отечество, что въ политикѣ произойдутъ измѣненія. Въ Польшѣ шведскій посланникъ оказывалъ радость, что Пруссія встрѣчаетъ затрудненіе, а австрійскій изподтишка поджигалъ поляковъ къ упрямству и подавалъ имъ надежды, что Австрія не потерпитъ

расширенія и усиленія давно уже соперничествующей съ нею Пруссіи. «Удивляюсь глупости поляковъ; — писалъ тогда Сиверсъ — они дали инструкцію своей депутаціи толковать только о торговыхъ дѣлахъ, думая, что дѣло объ уступкѣ земель не состоится».

Депутація, назначенная для переговоровъ съ Бухгольцемъ, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ особъ, которые совѣщались съ Сиверсомъ, приступила къ конференціямъ съ прусскимъ посломъ, но эта конференція прервалась тотчасъ же. Слѣдовало, по принятому дипломатическому обычаю, прежде всего сдѣлать обмѣнъ полномочій. Полномочіе одной стороны должно было соотвѣтствовать полномочію другой. Но такого соотвѣтствія не было. У Бухгольца въ полномочіи было сказано объ уступкѣ Польшею Пруссіи земель, какъ о главномъ предметѣ, а въ полномочіи польской депутаціи не было объ этомъ ни слова; въ инструкціи же, данной имъ объ этомъ предметѣ, даже не велѣно было толковать безъ сношенія съ сеймомъ. Поэтому, депутація обратилась къ сейму съ рапортомъ, а Бухгольцъ съ нотою. Прусскій посланникъ требовалъ, чтобы сеймъ предписалъ депутаціи вступить съ нимъ въ совѣщанія и продолжать ихъ безъ малѣйшаго перерыва. Уже Фридрихъ-Вильгельмъ заявилъ Бухгольцу свое неудовольствіе за медленность и замѣчалъ, что напрасно переговоры съ Пруссіею не производятся въ одно и тоже время, какъ и съ Россіею.

Такъ какъ нота Бухгольца не сопровождалась такими угрозами, какими обыкновенно приправлялъ свои ноты русскій посланникъ, то поляки не очень испугались ее и не сдѣлали ее особымъ предметомъ совѣщаній, а продолжали нѣсколько дней толковать о прочихъ дѣлахъ и только между прочимъ касались дѣла о сношеніяхъ съ прусскимъ посломъ, ограничиваясь пустою казуистикою.

Посреди такой казуистики, 10-го августа, сеймъ получилъ отъ россійскаго посла ноту, гдѣ было сказано:

«Ясныя и возобновленныя приказанія ея императорскаго величества, данныя нижеподписавшемуся, обязываютъ его напомнить наияснѣйшимъ государственнымъ чинамъ конфедераціоннаго сейма, чтобы они поручили депутаціи обмѣняться полномочіями и начать переговоры съ прусскимъ посланникомъ такъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ наступило скорое и полное окончаніе дѣла. Ужасныя слѣдствія, которыя неизбѣжно повлекутъ за собою дальнѣйшія проволочки, слишкомъ извѣстны. Нижеподписавшійся не хочетъ распространяться подробнымъ изложеніемъ оныхъ. Несчастные и невинные поселяне потерпѣли бы отъ этого болѣе всѣхъ, и Рѣчь-Посполитая подверглась бы чрезъ то новымъ опас-

ностямъ, вмѣсто возвращенія себѣ, посредствомъ спокойной дѣятельности сейма, спокойствія и счастія, похищенныхъ предшествовавшимъ революціоннымъ сеймомъ. 30-го іюля (10-го августа)».

Бухгольцъ, приславшій одновременно свою ноту, выразился такъ:

«Нижеподписавшійся принужденъ вторично требовать отъ чиновъ конфедераціоннаго сейма немедленнаго предписанія депутаціи объ обмѣнѣ полномочій, и затѣмъ о скорѣйшемъ веденіи переговоровъ, долженствующихъ положить предѣлъ всѣмъ потрясающимъ націю несчастіямъ, которыхъ тягость будетъ увеличиваться, если поляки постоянно будутъ поступать неразсудительно».

Послѣ этихъ нотъ, вопросъ объ обмѣнѣ полномочій былъ пущенъ на голоса и рѣшенъ большинствомъ 63 противъ 26. Однако поляки сдѣлали еще уловку: предписали депутаціи сдѣлать обмѣнъ полномочій и вступить въ переговоры съ Бухгольцемъ, но обязывали ее вести эти переговоры только о торговыхъ дѣлахъ, а по вопросу о присвоеніи Пруссіею областей не входить въ совѣщанія безъ воли сейма. Тогда, съ досады, безъ прямого отношенія къ текущимъ дѣламъ, напали на короля, взваливали на него всю силу несчастій Польши, припоминали все старое съ самаго начала его царствованія. Особенно отличился рѣзкими выраженіями противъ его особы Цемневскій. Это вызвало со стороны короля длинную рѣчь: онъ изложилъ исторію своего царствованія съ самаго вступленія на престолъ. Станиславъ-Августъ оправдывался тѣмъ, что всегда поступалъ по волѣ народа, и особенно распространился о своемъ акцессѣ къ тарговицкой конфедераціи, извиняя себя въ этомъ поступкѣ во-первыхъ тѣмъ, что въ Польшѣ не было никакихъ средствъ вести войну, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ случаѣ его дальнѣйшаго сопротивленія, Польшѣ грозили раздѣломъ, и онъ уступкою думалъ сохранить цѣлость земель Рѣчи-Посполитой.

Рѣчь его тронула многихъ. Дзѣконскій и Анквичъ стали защищать короля. Анквичъ доказывалъ, что все зло для Польши возникло не во времена Станислава-Августа, а въ прежнія времена до него. Дзѣконскій говорилъ, что это зло наиболѣе увеличивалось въ Польшѣ оттого именно, что король мало имѣлъ власти. Краснодембскій, сторонникъ 3-го мая, замѣтилъ: «я помню, какъ король говорилъ: и зачѣмъ вы такъ льнете къ этой Пруссіи? И я былъ тогда въ Избѣ противъ Пруссіи. Король говорилъ, что онъ терпѣлъ тогда; и мы не меньше его терпѣли съ нимъ».

Передъ этимъ сеймъ обращался къ обоимъ посланникамъ съ просьбою о возвращеніи принадлежащихъ скарбу Рѣчи-Посполитой

литой суммъ, находящихся въ краяхъ, занятыхъ русскими и пруссаками. Сеймъ получилъ отъ обоихъ отвѣтъ: Бухгольцъ, именемъ своего короля, обѣщалъ возвратить требуемыя суммы, но не ранѣе, какъ по окончаніи переговоровъ, а Сиверсъ просто объявилъ согласіе на требованіе и потомъ, августа 2-го (13-го), увѣдомилъ, что состоявшійся между Россіею и Рѣчью-Посполитою трактатъ ратификованъ императрицею; въ свою очередь онъ приглашалъ ратификовать его и со стороны сейма. Теперь, по существу дѣла, оказывались неумѣстными и безполезными всякіе толки о трактатѣ, уже подписанномъ императрицею, но ратификація его на сеймѣ однако послужила еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней предлогомъ ломанья, выказыванья храбрости и польскаго мужества, упрямства и риторическихъ способностей сеймовыхъ пословъ. 6-го (17-го) августа, по этому поводу произошло чрезвычайно бурное засѣданіе. Едва только секретарь, по приказанію сеймоваго маршала, сталъ читать проектъ ратификаціи, составленный Анквичемъ, какъ Микорскій, Краснодембскій и Карскій вскочили съ своихъ мѣстъ, схватили секретаря за руку и тащили прочь, не давая ему читать, но подбѣжалъ Подгорскій и иные, схватили секретаря за другую руку и принуждали читать. Секретарь—ни взадъ, ни впередъ. Въ это время король далъ знать, что хочетъ говорить. «Я удивляюсь—сказалъ онъ—и не понимаю, что за причина такого безпорядка?» Слова короля возстановили спокойствіе. Секретаря выпустили изъ рукъ. Маршалъ приказалъ ему возобновить чтеніе. Но едва секретарь произнесъ нѣсколько словъ изъ проекта, какъ патріоты закричали: «этотъ проектъ можетъ быть только произведеніемъ измѣнника, и тотъ, кто способенъ читать его, также измѣнникъ!» Оскорбленный Анквичъ потребовалъ сеймоваго суда и сталъ подлѣ маршала, какъ дѣлали всегда тѣ, которые требовали суда. «И насъ пусть судятъ!» кричали патріоты. Но потомъ объяснили, что слова, оскорбившія Анквича, сказаны были насчетъ иноземнаго насилія и принужденія, какое позволялъ себѣ сеймовый маршалъ. Пользуясь этимъ объясненіемъ, канцлеры поспѣшили отвести Анквича отъ маршала, а секретарь, по приказанію послѣдняго, опять принялся читать проектъ. Его безпрестанно прерывали, кричали, шумѣли нарочно, чтобъ нельзя было услышать проекта. По прочтеніи его, разомъ нѣсколько человѣкъ потребовали у маршала голоса. Сеймовый маршалъ не дозволялъ. «Каждый посолъ—сказалъ онъ—имѣетъ право заявить свое мнѣніе, принимая или отвергая предложеніе». Патріоты обратились къ коронному маршалу Мошинскому. «Вотъ несчастіе, сказалъ послѣдній, изъ четырехъ маршаловъ на меня одного выпадаетъ жребій объясняться съ

Избою въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ». Онъ совѣтовалъ успокоиться и поступать хладнокровно и разсудительно. «Приходится—сказалъ онъ—взвѣсить силу необходимости съ несчастіемъ, согласиться на потерю значительной части нашей земли и на разлуку съ ближними и согражданами». Онъ не утишилъ волненія. Мосальскій, Коссаковскій, епископы, свѣтскіе сенаторы пытались уговорить кружокъ задорныхъ крикуновъ, все было напрасно: они кричали, говорили рѣчи, прерывали другъ друга, и такъ продолжалось до ночи, пока наконецъ всѣ устали и произошла баллотировка. Оказалось большинство шестидесяти шести за ратификацію; двадцать одинъ голосъ былъ противъ; одинъ посолъ отказался подавать голосъ. Такимъ образомъ выходило, что все это смятеніе цѣлый день производили двадцать два человѣка изъ восьмидесяти восьми.

Послѣ этого важнаго засѣданія, король пожелалъ видѣть Сиверса. «Ну, довольны ли вы — сказалъ онъ посланнику, — я уже едва держусь на ногахъ и поддерживаю свою бодрость спиртуозными вещами. Довольна ли будетъ теперь государыня?» «Я надѣюсь, — отвѣчалъ Сиверсъ — что она будетъ довольна, если ваше величество будете поступать такъ, какъ она отъ васъ желаетъ».—«Я выношу ужасныя вещи, сказалъ король. Ахъ, что я претерпѣлъ въ субботу... на меня нападали послы, обвиняли меня во всемъ; что же будетъ послѣ трактата съ Пруссіею? Вы меня заставляете его подписывать, а я удовольствовался бы жалованьемъ русскаго солдата, еслибы мнѣ спасти эту часть Польши и не отдать ее Пруссіи.»

Потомъ король расходился передъ Сиверсомъ въ разныхъ предположеніяхъ относительно будущаго устройства правленія Рѣчи-Посполитой, говорилъ объ арміи, о финансахъ, о конституціи, объ эдукаціонной коммиссіи. Сиверсъ отвѣчалъ ему холодными фразами. По этому поводу король сказалъ: «если бы можно было перенести сеймъ въ Варшаву». «Этого не будетъ» — сказалъ Сиверсъ. «По крайней мѣрѣ, сказалъ король—дадите вы мнѣ хоть цѣлую четверть доходовъ до новаго года». Это обѣщалъ Сиверсъ.

«Въ этомъ несчастномъ краѣ—писалъ тогда Сиверсъ своей дочери—нѣтъ вовсе чести; можетъ быть, она скрывается гдѣ-нибудь въ крестьянскихъ хатахъ, но я того мнѣнія, что она очень далека отъ королевскаго дворца, сейма и всего панскаго общества. Всѣ обманщики, а король—истинная язва этой несчастной Польши, несмотря на всѣ его достоинства».

По поводу предстоявшихъ конференцій съ прусскимъ министромъ, сеймъ обратился къ Сиверсу и просилъ его быть въ ка-

чествѣ свидѣтеля и посредника. Сиверсъ хотя и неохотно, но долженъ былъ принять эти предложенія и потому, что и Бухгольцъ желалъ того же. Дѣйствительно, только посредничеству Сиверса обязанъ былъ прусскій министръ тѣмъ, что конференціи съ депутатами начались. Сообразуясь съ своими инструкціями, депутаты требовали, чтобы конференціи шли о торговыхъ дѣлахъ. Бухгольцъ ни о чемъ иномъ не хотѣлъ говорить, кромѣ уступки Пруссіи занятыхъ прусскимъ войскомъ провинцій. Сиверсъ убѣдилъ депутатовъ войти объ этомъ предметѣ въ совѣщанія не въ качествѣ уполномоченныхъ рѣшать дѣло, а, по крайней мѣрѣ, выслушать проектъ прусскаго посла и представить его сейму. Сиверсъ держалъ сторону поляковъ въ вопросѣ о торговыхъ дѣлахъ; когда дѣло дошло до проведенія границъ, при возникавшихъ недоумѣніяхъ, Сиверсъ склонялся на сторону поляковъ и удерживалъ прусскаго посла, когда онъ черезчуръ хотѣлъ все толковать въ исключительную пользу Пруссіи. «Бухгольцъ—замѣчалъ Сиверсъ въ своихъ донесеніяхъ—человѣкъ честный, но онъ связанъ своими инструкціями и принципами своего двора, привыкшаго нападать и пользоваться всѣмъ на счетъ своего сосѣда». Сиверсъ потребовалъ, чтобы основано было епископство въ Варшавѣ, которая до сихъ поръ находилась подъ властью Познани въ церковной администраціи. Сиверсъ находилъ неудобнымъ, если Пруссіи будетъ возможность вмѣшиваться въ церковныя дѣла Рѣчи-Посполитой.

Предметъ торговли представлялъ чрезвычайно много спорныхъ сторонъ. Поляки жаловались на ужасныя стѣсненія со стороны Пруссіи. Сиверсъ требовалъ всевозможнѣйшихъ облегченій, наконецъ, поляки говорили, что они не согласятся ни за что на какой бы то ни было трактатъ съ Пруссіею, если онъ не будетъ гарантированъ Россіею. Они всѣми способами кололи глаза Бухгольцу Россіей, оказывали явное предпочтеніе и уваженіе къ Россіи передъ Пруссіею.

Признаетъ ли прусскій король трактатъ 1790 года? спрашивали депутаты. — «Король признавалъ и соблюдалъ этотъ договоръ, отвѣчалъ Бухгольцъ, до тѣхъ поръ, пока конституція 3-го мая не уничтожила его». Послы представляли доказательства, какъ прусскій король черезъ министра своего Гольца отзывался одобрительно объ этой конституціи. «Это одобреніе,—сказалъ Бухгольцъ—было временное, вслѣдствіе ложнаго свѣта, въ какомъ представляли его величеству это дѣло, но, изслѣдовавши сущность вашей конституціи, мой дворъ не замедлилъ объясниться по этому поводу совсѣмъ инымъ образомъ. Что же касается до вашего требованія о выводѣ войскъ изъ Польши, это не можетъ

имѣть мѣста до тѣхъ поръ, пока наши переговоры не окончатся. Объ этомъ можно говорить только послѣ всего».

Бухгольцу нужно было одно—принудить поляковъ къ уступкѣ отобранныхъ земель. Депутаты же хотѣли за эту горькую уступку какихъ-нибудь выгодъ для остальнаго отечества поляковъ. Сиверсъ ихъ въ этомъ поддерживалъ. Разсердившись на упрямство депутатовъ, Бухгольцъ спросилъ Сиверса: если Меллендорфъ начнетъ непріязненныя дѣйствія противъ Польши, будутъ ли помогать войска ея величества? Сиверсъ отвѣчалъ ему: «вотъ прекрасно было бы: приказать дѣйствовать войскамъ нашимъ за то, что должно радовать ея величество, за то, что польская нація полагаетъ на Россію надежды»!

И въ самомъ дѣлѣ, прусскій генералъ Меллендорфъ уже готовъ былъ начинать непріятельскія дѣйствія, но 12-го (23-го) августа Сиверсъ убѣдилъ его своимъ письмомъ подождать. «Ахъ, какъ мое сердце часто обливается кровью съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ посредникомъ между сильнымъ и слабымъ.... есть ли что хуже этого?» писалъ Сиверсъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Сиверсъ находился самъ въ печальномъ положеніи дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій и чувствъ. Онъ соболѣзновалъ о судьбѣ несчастной Польши; онъ соображалъ что поляки скорѣе могли примириться съ своею судьбою, если бы Рѣчь - Посполитая была вся нераздѣльно присоединена къ Россіи. Многіе и заявляли такое желаніе передъ Сиверсомъ, конечно, не столько изъ дѣйствительнаго расположенія, сколько изъ хитрости: авось-либо удастся поссорить Россію съ Пруссіею. Сиверсъ склонялся къ этому желанію въ особенности тогда, когда до него дошли слухи изъ Австріи, что австрійскій кабинетъ недоволенъ успѣхами Россіи и Пруссіи, желаетъ съ своей стороны имѣть часть въ Польшѣ, и считаетъ за собой право на овладѣніе соотвѣтствующею частію государства, снабжающаго своими областями другихъ сосѣдей, послѣ того, какъ ей не удавалось получать пріобрѣтенія на западѣ, вслѣдствіе совсѣмъ не тѣхъ оборотовъ французской революціи, какихъ прежде ожидали.

Приговаривали, что какъ бы то ни было, а Польша не уйдетъ еще и отъ третьяго раздѣла. Соображая положеніе дѣлъ Европы, Сиверсъ писалъ своей государынѣ: «Ничего бы не оставалось лучше, ваше императорское величество, какъ подумать о возсоединеніи вновь всей Польши. Съ одной стороны отчаяніе, съ другой покорность легко бы къ этому привели».

Въ самомъ дѣлѣ, императрица не терпѣла Пруссіи и только по необходимости должна была уступать алчности прусскаго ко-

роля, какъ она выражалась. Она уже имѣла въ виду, присоединивъ къ имперіи русскія земли, принадлежавшія Польшѣ, остальную Польшу посредствомъ договоровъ и дружественныхъ союзовъ подчинить Россіи. «Надобно — писала она Сиверсу — привести умы къ тому, чтобы поляки сами просили трактата съ Россіею, какъ благодѣянія съ моей стороны, и смотрѣли на него, какъ на палладіумъ своего политическаго существованія. Дать всѣми способами такой торжественный видъ принятію этого трактата, чтобы казалось, будто это сдѣлалось свободно и единодушно, безъ всякаго насилія. Но прежде надобно покончить съ Пруссіею. (Надѣюсь, вы уже покончили, иначе трактатъ съ нами, принятый съ энтузіазмомъ, будетъ мѣшать подписанію трактата съ Пруссіею). Тогда, не показывая никому проекта, вы сдѣлаете такъ, чтобы делегаты сами предложили вамъ постановленныя статьи, потомъ, сообразно съ нашими предположеніями, составьте свой проектъ, однако все-таки такъ, чтобы делегація покорно просила вашего согласія. На другой день послѣ такой конференціи проектъ долженъ быть представленъ сейму; нужно, чтобы сеймъ принялъ его par acclamation, съ такимъ восторгомъ, который бы выражалъ очевидную полезность для Польши договора съ нами. Вамъ не трудно будетъ возбудить этотъ восторгъ. Есть большое вѣроятіе, что большинство будетъ удовлетворено, но можетъ однако быть оппозиція. Попробуйте всѣ мѣры, кромѣ одного насилія, или убѣдить такихъ, которые станутъ противиться, или удалить ихъ. Договоръ, по которому одна нація соединяется съ другою, не походитъ на обыкновенные трактаты. Если онъ будетъ заключенъ единодушно, то содѣлается священною связью на многія времена; но только единодушіе можетъ зажать ротъ иностраннымъ государствамъ, которыхъ это событіе потревожитъ. Потомъ—дастся полномочіе делегатамъ заключить и подписать договоръ, и постановится, что торжественная делегація отъ сейма поѣдетъ въ Петербургъ. Въ тотъ же день и вы подпишите. О королѣ я знаю, что онъ такъ непостояненъ, что нельзя поручиться за то, что онъ сдѣлаетъ завтра. Припомните ему, что незадолго до печальнаго сейма 1788 года онъ самъ предлагалъ союзъ: покажите ему копію его проекта. Скажите ему, что я забываю личныя оскорбленія и не стану думать о нихъ, когда вся польская нація соединится съ моими подданными такъ тѣсно; я не буду помнить и объ увлеченіяхъ нѣкоторыхъ горячихъ головъ, которыя уже сдѣлались жертвою самихъ себя».

Въ надеждѣ такого соединенія, императрица въ вознагражденіе отобранныхъ земель обѣщала не противорѣчить какимъ угодно перемѣнамъ въ правленіи, заранѣе признавая все, что

постановится съ согласія сейма, но съ тѣмъ, чтобы сеймъ обѣщалъ не дѣлать никакихъ измѣненій безъ воли императрицы, и не входить ни въ какія сношенія съ иностранными государствами, предосудительныя союзу съ Россіей, а императрица будетъ имѣть право вводить свои войска въ польскія земли и охранять Польшу отъ всякихъ покушеній и притѣсненій со стороны иностранныхъ дворовъ.

Депутація получила отъ прусскаго министра составленный имъ проектъ трактата, и, не взирая на всѣ его доказательства, уперлась на томъ, что не имѣетъ полномочія подписать его и представила объ этомъ сейму $^{15}/_{26}$ августа.

На другой день, $^{16}/_{27}$ августа, передъ засѣданіемъ, плоцкій посолъ Шидловскій обратился къ сеймовому маршалу и просилъ ему первому дать голосъ. Маршалъ обѣщалъ, но зналъ, что Шидловскій хочетъ подать такой проектъ, который долженъ остановить рѣшеніе прусскаго дѣла. За Шидловскимъ другой посолъ волынскій, по имени Адамъ Подгорскій, проигравшійся шулеръ, состоявшій на прусскомъ жалованьи, попросилъ голоса съ противною цѣлію: онъ составилъ проектъ о дарованіи депутаціи права окончить договоръ съ Пруссіею; Бухгольцъ тайно поручилъ ему это дѣло. Маршалъ далъ позволеніе первому ему. Но намѣреніе его было уже извѣстно многимъ посламъ и чуть только Подгорскій открылъ ротъ, какъ со всѣхъ сторонъ поднялись крики и ругательства: «наемникъ! прусскій слуга, измѣнникъ»! Подгорскій долженъ былъ отступить. Вмѣсто него выступилъ Шидловскій.

«Вижу, почтенные чины — говорилъ онъ — куда идетъ дѣло. Кто-то изъ членовъ сейма хочетъ, заявивши свое сожалѣніе о судьбѣ отечества и сваливши всю вину на прошлый революціонный сеймъ, подать проектъ закона, предписывающаго депутаціи подписать съ Пруссіею такой трактатъ, какой продиктовалъ, заплативши ему, прусскій министръ. Для предупрежденія этого, я протестую противъ каждаго изъ пословъ, который осмѣлится подать подобный проектъ, и буду просить его съ собою *подъ жезлъ*, на судъ; я обвиняю его въ нарушеніи присяги тарговицкой конфедераціи; либо моя голова пусть падетъ, либо голова того, кто изъ васъ отважится на погибель отечества». И онъ подалъ свой проектъ, въ такомъ смыслѣ: «Прусскій министръ не хочетъ ничего знать о прежнихъ трактатахъ съ Пруссіею въ 1773 и 1790 годахъ, слѣдовательно нельзя надѣяться ничего добраго отъ какихъ-либо трактатовъ съ Пруссіею: они сохраняться не будутъ, поэтому король и конфедерованные чины сейма предписываютъ депутаціи, назначенной для переговоровъ

съ прусскимъ министромъ, прекратить всякія съ нимъ конференціи».

Шидловскій произвелъ энтузіазмъ противъ Пруссіи; въ залѣ находились посторонніе слушатели. Они закричали: «згода! згода! Спрашивайте, панъ маршалъ, о згодѣ собранія!» Нѣкоторые изъ умѣренныхъ пословъ, служившихъ вѣрнѣе другихъ иностраннымъ посланникамъ, какъ-то Міончинскій, Залѣскій и другіе, пытались-было потребовать отсрочки, но ихъ встрѣтили такими же ругательствами, какъ и Подгорскаго. Патріоты доходили до бѣшенства. Товарищъ Шидловскаго, плоцкій посолъ Карскій, обратился къ королю и сказалъ: «помнишь ли государь, какъ ты говорилъ: если бы у меня оставалось столько земли, сколько можетъ занять моя шляпа, и тогда не перестану быть королемъ. Покажи же теперь, что ты король и глава народа». Онъ началъ припоминать еще и другія какія-то слова, будто бы сказанныя когда-то королемъ, а король заявлялъ всей Избѣ, что онъ такихъ словъ никогда не говорилъ. Тогда всѣ прониклись чувствомъ уваженія къ королю, остановили Карскаго, осыпали его укорами, бранью, объявили, что онъ виновенъ въ оскорбленіи величества и долженъ лишиться головы. Но король въ свою очередь обратился ко всѣмъ членамъ и просилъ простить Карскаго, извиняя его горячность похвальнымъ патріотическимъ побужденіемъ. Сеймъ потребовалъ, чтобы Карскій просилъ прощенія, и когда Карскій подошелъ къ королю и извинялся за свою горячность, тогда всѣ члены встали съ своихъ мѣстъ, окружили короля и просили прощенія за своего товарища. Засѣданіе это кончилось тѣмъ, что ливскій посолъ Краснодембскій, такъ горячо защищавшій проектъ Шидловскаго, подалъ проектъ о сбавкѣ налога на мясниковъ, доказавъ отяготительность его для этого промысла, и проектъ его былъ принятъ единогласно. Прошли и другіе проекты, касавшіеся внутренняго распорядка. Прусское дѣло осталось нерѣшеннымъ.

Смятенія, происходившія на сеймѣ 16/27 августа, сдѣлались тотчасъ извѣстны посланникамъ, и утромъ, когда члены сейма собрались къ своимъ занятіямъ, Бухгольцъ прислалъ такого рода ноту:

«Нижеподписавшійся съ удивленіемъ узналъ о неприличномъ и буйномъ пріемѣ, сдѣланномъ на вчерашнемъ засѣданіи рапортамъ о переговорахъ съ его дворомъ. Считая это неуваженіе доказательствомъ того духа необузданности, который возбудилъ вниманіе сосѣднихъ дворовъ; видя, притомъ, что яростныя сцены вчерашняго засѣданія клонятся не только къ воспрепятствованію окончанія сношеній съ прусскимъ дворомъ, но даже и къ совершенному прекращенію оныхъ, нижеподписавшійся требуетъ, чтобы

члены сейма, удержавшись впредь отъ дерзкихъ поступковъ, немедленно отвергнули предложеніе, вчера сдѣланное на сеймѣ въ такомъ духѣ, и тотчасъ же снабдили депутацію надлежащимъ полномочіемъ для окончанія переговоровъ и подписанія трактата, предварительно составленнаго и бывшаго предметомъ конференцій. Въ противномъ случаѣ его величество король прусскій увидитъ себя въ крайности приказать генералу Меллендорфу приступить къ непріятельскимъ дѣйствіямъ въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой и предпринять такія мѣры, которыя навлекутъ ужаснѣйшія бѣдствія на судьбу тѣхъ, которымъ угодно, посредствомъ безсмысленной оппозиціи, умножать бѣдствія своего отечества».

Вмѣстѣ съ этою нотою на сеймъ была прислана и нота Сиверса. Русскій посланникъ замѣчалъ съ своей стороны неприличіе выходокъ, происходившихъ въ Избѣ, извѣщая, что, только по его настоянію, прусскій генералъ Меллендорфъ пріостановилъ вступленіе войскъ въ краковское и сендомирское воеводства, и убѣждалъ чиновъ Рѣчи-Посполитой немедленно снабдить депутацію полномочіемъ для подписанія трактата съ Пруссіею въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ при его посредничествѣ.

Въ засѣданіи $^{17}/_{28}$ августа было допущено еще больше постороннихъ зрителей, чѣмъ ихъ прежде было: тутъ было много членовъ тарговицкой конфедераціи, въ этомъ званіи они считали за собой право и обязанность принимать живѣйшее участіе въ сеймовыхъ дѣлахъ.

Маршалъ объявилъ о полученныхъ нотахъ; онѣ были прочитаны. Рѣзкій тонъ ноты Бухгольца произвелъ взрывъ негодованія; опять, какъ вчера, начались крики, угрозы, проклятія на Пруссію, восхваленія польскаго мужества, пышныя фразы о готовности умереть за отечество; все это слилось въ неясномъ говорѣ. Только и можно было понять, что желаютъ обращенія въ законъ проекта Шидловскаго, внесеннаго въ прошломъ засѣданіи. Посреди этого волненія является безстрашный Подгорскій, любитель фридрихсдоровъ; онъ и теперь посланъ былъ Бухгольцемъ. Онъ подошелъ къ маршалу и просилъ голоса. Маршалъ объявляетъ всей Избѣ, что Подгорскій хочетъ говорить. Крики кругомъ усиливаются. Подгорскій обладалъ крѣпкимъ горломъ и вздумалъ-было попытаться перекричать всѣхъ, но напрасно. Къ нему стали подходить съ намѣреніемъ заставить его молчать уже не только посредствомъ криковъ, но и побоевъ. Подгорскій вынулъ изъ кармана проектъ, отдалъ его маршалу, а самъ отошелъ.

Краснодембскій, Стоинскій, Кимбаръ, Гославскій, Скаржинскій, Карскій и другіе кричали ему: «измѣнникъ, предатель,

продавецъ отечества пруссакамъ, вѣроломный клятвопреступникъ, подъ судъ, подъ судъ его!»

Шидловскій просилъ товарищей дать ему голосъ. Буря стихла постепенно. Шидловскій громко проговорилъ:

«Ваше величество, милостивый король, и почтенные чины! Я вчера не для того отдавалъ мою голову, чтобы мои слова пошли на вѣтеръ. Я прошу о назначеніи сеймоваго суда. Иду къ жезлу и обвиняю пана Подгорскаго въ измѣнѣ отечеству; не отступлю до тѣхъ поръ, пока не дождусь утѣшенія видѣть кровь измѣнника, пролитую на землю нашу».

И онъ подошелъ къ жезлу.

«Пана Подгорскаго къ жезлу!» кричали члены, но панъ Подгорскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и сказалъ:

«Обвиненіе противъ меня голословно и несвоевременно: мой проектъ еще не былъ читанъ. Изба еще не знаетъ, что̀ въ немъ написано».

Горячія головы должны были согласиться и увидѣть, что они черезчуръ воспламенились, и призывая къ суду человѣка, забыли азбуку правосудія. Нѣкоторые подбѣжали къ столу и поглядывали на лежащій проектъ, не имѣя ни времени, ни спокойствія духа, чтобы пробѣжать его съ толкомъ, а другіе, не обращая вниманія на слишкомъ здравое замѣчаніе обвиняемаго, продолжали грозить Подгорскому и кричать: «измѣнникъ, злодѣй! Зачѣмъ нейдешь къ суду, стало быть виноватъ!» Все стало неясно и слилось въ яростныхъ крикахъ.

Когда буря стала нѣсколько утихать отъ естественнаго утомленія кричавшихъ, Міончинскій воспользовался этимъ и началъ говорить:

«Ни по какимъ законамъ невозможно судить человѣка, не зная, въ чемъ онъ виноватъ. Пока проектъ неизвѣстенъ, онъ не можетъ служить обвинительнымъ актомъ. Надобно прочитать его».

Но патріоты тотчасъ смекнули, что тутъ хитрость. Міончинскій нарочно вызывалъ на чтеніе проекта, чтобы потомъ, при помощи маршала, можно было пустить его на голоса; они боялись, что, несмотря на страшный крикъ въ залѣ, все-таки найдется большинство, которое его приметъ. Собственно коноводовъ всей этой сумятицы было немного; ихъ поддерживала толпа арбитровъ, такая толпа, которая всегда временно поддается всякой силѣ, сообразно съ настроеніемъ нервовъ, производимымъ на нее такимъ или другимъ вліятельнымъ явленіемъ. Наибольшая часть членовъ сеймовой Избы состояла изъ купленныхъ личностей, заранѣе обязанныхъ поступать такъ, какъ подрядили ихъ послан-

ники. Но теперь многіе и *изъ нихъ* издавали патріотическіе крики. Они находились подъ вліяніемъ ораторскихъ движеній, возвышеній и пониженій голоса, сопровождавшихъ цвѣтистыя фразы патріотовъ. Десятокъ послѣднихъ не давалъ имъ опомниться и тащилъ ихъ за собою, привязавши своими фразами и междометіями. Они тотчасъ вошли бы въ свою колею, какъ только пришлось бы имъ подавать голоса.

«Изба — говорилъ Плихта, не можетъ заниматься дѣлами, коль скоро проектъ подъ запрещеніемъ, а вносившему его объявлено публичное обвиненіе въ измѣнѣ и клятвопреступленіи. Прежде пусть Подгорскій выходитъ для отвѣта на сдѣланное противъ него обвиненіе».

— Такъ не лучше ли отложить дѣло это къ делибераціи въ иное время, а теперь заняться другими сеймовыми дѣлами, — попытался сказать Юзефовичъ.

«Развѣ у васъ, панъ Юзефовичъ, въ инструкціи сказано, чтобы предметы, касающіеся измѣны отечеству, отлагать къ делибераціи?» сказалъ люблинскій посолъ Стоинскій. «Не позволю заниматься никакими сеймовыми дѣлами».

Тутъ Гославскій сказалъ съ насмѣшкой: «панъ Подгорскій испугался суда. Мое расположеніе къ нему подаетъ мнѣ мысль доставить ему способъ уволиться отъ суда. Пусть онъ лучше сознается предъ всѣми въ своемъ грѣхѣ и возьметъ назадъ проектъ, ибо признаніе будетъ ему наказаніемъ».

Подгорскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ; никакіе крики и разсужденія не выводили его изъ себя. Непріятели его, чѣмъ больше неистовствовали, тѣмъ больше чувствовали, что ихъ бѣшеная запальчивость разбивается о непоколебимое равнодушіе волынскаго посла.

«Что же, — сказалъ наконецъ Годашевскій, — онъ не выходитъ; такъ будемъ судить его, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидитъ».

Но тутъ король всталъ и сказалъ:

«Явленія на нынѣшней сессіи могутъ зайти такъ далеко, что уже и воротиться будетъ невозможно, и такъ какъ я, король, обязанъ отвращать несчастія, то я не вижу иного способа, какъ отложить засѣданіе до завтрашняго дня».

Сиверсъ, узнавши о всемъ происходившемъ, написалъ на сеймъ нравоученіе въ слѣдующей нотѣ:

«Нижеподписавшійся съ величайшимъ сожалѣніемъ узналъ, что, не обращая вниманія на вчерашнюю ноту, съ цѣлью склоненія членовъ конфедераціоннаго сейма къ спокойному и зрѣлому обсужденію такого важнаго и многознаменательнаго пред-

мета, какъ прусскій трактатъ, нѣкоторые члены сейма дозволили себѣ предосудительныя излишества, доказывающія, что въ этомъ несчастномъ краѣ вовсе нѣтъ законовъ, или ихъ не исполняютъ. Нарушеніе должнаго уваженія къ священной особѣ короля, къ двумъ маршаламъ, обязаннымъ соблюдать порядокъ, наконецъ ко всему, чѣмъ каждый членъ обязанъ, находясь въ почтенномъ законодательномъ собраніи своего отечества; принуждаетъ нижеподписавшагося вторично припомнить этому собранію вообще, и каждому особо, объ опасности, угрожающей несчастному ихъ отечеству; слѣдуетъ прекратить безпорядокъ и заняться единственно обсужденіемъ и рѣшеніемъ дѣла о трактатѣ съ Пруссіею, и дать немедленно полномочіе для подписанія этого трактата въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ при посредничествѣ нижеподписавшагося, который прилагаетъ всевозможнѣйшее стараніе о будущемъ благоденствіи Польши. Г. фельдмаршалъ Меллендорфъ вторично увѣдомилъ меня о вновь полученныхъ имъ повелѣніяхъ поступить по-непріятельски, вступивъ въ воеводства краковское и сендомирское, въ случаѣ если съ возвращеніемъ курьера онъ не получитъ извѣстія о подписаніи трактата или о назначеніи дня для этого дѣла. Нижеподписавшійся видитъ себя въ необходимости назначить срокомъ $^{30}/_{31}$ число текущаго мѣсяца для окончательной резолюціи государственныхъ чиновъ по предмету снабженія депутаціи полномочіемъ на подписаніе трактата съ Пруссіею, а будущій вторникъ, 3-го сентября, для подписанія самаго трактата. Неисчислимыя бѣдствія будутъ послѣдствіемъ безсмысленнаго упрямства и непослушанія спасительному совѣту, который предлагается единственно въ видахъ отклонить новыя пораженія, угрожающія Рѣчи-Посполитой. Мнимые патріоты должны будутъ отвѣчать передъ цѣлымъ свѣтомъ за свои поступки, за страшныя послѣдствія своего упрямства, за удаленіе отъ единственнаго способа, который остается имъ къ утвержденію будущаго существованія ихъ отечества. $^{18}/_{29}$ августа. — Яковъ Сиверсъ».

Вмѣстѣ съ этимъ, посланникъ Екатерины написалъ частное письмо къ Тышкевичу. Онъ считалъ его виновникомъ допущенія арбитровъ, и писалъ ему угрожающимъ тономъ, что если въ слѣдующемъ засѣданіи онъ не удалитъ изъ Избы всѣхъ постороннихъ, то Сиверсъ не только наложитъ секвестръ на всѣ его имѣнія, но и отправитъ въ его имѣнія русскихъ солдатъ на экзекуцію. Сиверсъ понялъ, что арбитры чрезвычайно способствовали остановкѣ дѣла: посолъ-патріотъ имѣлъ предъ собою случай показаться и порисоваться, выходя съ фразистою рѣчью, поглядывалъ на публику, видѣлъ и слышалъ одобреніе; это под-

жигало его. Иной, погарцовавши языкомъ, можетъ быть уступилъ бы тотчасъ, да видъ публики его удерживалъ: самолюбію его черезчуръ было невыносимо, когда онъ увидитъ вмѣсто прежнихъ одобрительныхъ — презрительныя лица, и услышитъ брань и, еще хуже, насмѣшки надъ своимъ прежнимъ патріотизмомъ. Тышкевичъ былъ человѣкъ суетный, до страсти любившій рядиться, становиться на подмостки, чваниться и производить шумиху. Ему было особенно пріятно пустить арбитровъ. Теперь, послѣ письма Сиверса, и онъ расхаживалъ по сеймовой залѣ и просилъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ посольскому кругу, уходить. Послы съ недоумѣніемъ смотрѣли, что́ дѣлаетъ литовскій маршалъ, не сказавшій никому о полученіи письма отъ Сиверса. Наконецъ Гославскій отозвался.

«Господинъ великій литовскій маршалъ! Мы слишкомъ хорошо знаемъ вашу честность и гражданскія чувства, чтобы это нарушеніе закона и маршальской присяги, дозволяющей совѣтникамъ конфедераціи и высшимъ судьямъ присутствіе въ сеймовыхъ засѣданіяхъ, не приписать сильной рукѣ, которая васъ къ этому поступку принуждаетъ. Покажите эту руку, или же мы всѣ выйдемъ изъ Избы, если въ Избу не будутъ допущены совѣтники конфедераціи».

«Я буду имѣть честь оправдаться, — сказалъ Тышкевичъ, — передъ цѣлымъ сеймомъ, и представлю причины всему, а теперь прошу гг. арбитровъ выйти изъ засѣданія».

Онъ далъ знакъ маршалу сейма, чтобы тотъ открывалъ засѣданіе, и маршалъ Билинскій уже хотѣлъ выступить со вновь полученною нотою Сиверса, какъ вдругъ входитъ въ Избу Подгорскій. При одномъ видѣ его закипѣло негодованіе такихъ патріотовъ, какъ Шидловскій, Гославскій, Краснодембскій, Карскій и братія ихъ. Начались ругательства. Подгорскій не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и шелъ твердыми шагами къ своему мѣсту. Это пренебреженіе криками, бранью, напоминало патріотамъ безсиліе и пустоту ихъ патріотическихъ выходокъ. Они бросились къ нему толпою, не допускали до мѣста; загородили дорогу, кричали: «прочь! вонъ, измѣнникъ, негодяй, подлецъ», и онъ долженъ былъ невольно попятиться, а они тотчасъ заняли мѣсто, гдѣ онъ стоялъ. Подгорскій попятился еще — патріоты къ нему впередъ не только съ криками, но и съ кулаками. Подгорскій еще попятился назадъ — патріоты опять къ нему и опять заняли его мѣсто, и такимъ образомъ Подгорскій очутился за дверями, въ корридорѣ; двери залы захлопнулись. Подгорскій увидѣлъ себя посреди гайдуковъ, которые смотрѣли на него на-

смѣшливыми глазами. Онъ отправился къ Сиверсу, а тотъ требовалъ, чтобы онъ снова отважился идти въ залу.

Выпроводивши Подгорскаго, всѣ усѣлись на мѣста. Маршалъ прочиталъ ноту Сиверса, а Тышкевичъ письмо, полученное имъ отъ того же Сиверса. Взрывъ негодованія встрѣтилъ эти чтенія. Шидловскій торжественно сказалъ:

«Стою за вчерашнее мое предложеніе и протестую противъ Подгорскаго».

Гославскій, восхищенный подвигомъ Шидловскаго, говорилъ:

«Когда Римъ клонился къ упадку, то подлый римлянинъ предпочиталъ звукъ золота отечеству. Тогда явились Катилины. Но въ эти печальныя минуты среди испорченныхъ римлянъ показался доблестный Цицеронъ и, поражая измѣны и заговоры, указалъ согражданамъ, что извергъ Каталина злоумышляетъ на погибель отечества. И въ нашемъ отечествѣ нашлись своего рода Катилины, но нѣтъ недостатка и въ Цицеронахъ».

Онъ указалъ на Шидловскаго, какъ на перваго изъ польскихъ Цицероновъ. «Но онъ не одинъ», продолжалъ онъ. «Если его голова падетъ подъ мечемъ мстительнаго насильника, — я буду его преемникомъ, и положу голову за то, чтобы уменьшить въ нашемъ отечествѣ число Катилинъ. Есть у меня отецъ, покрытый сѣдинами; онъ живетъ въ небольшомъ имѣніи за три мили отъ владѣній насильника; это имѣніе должно быть моимъ достояніемъ, — я имъ жертвую, только бы никто изъ собратій не могъ сказать, что я содѣйствовалъ ихъ неволѣ».

Его круглосложенныя фразы еще больше разгорячили собраніе. Но всталъ король и далъ знакъ, что хочетъ говорить. Все умолкло.

Сдѣлавши небольшое риторическое вступленіе, король говорилъ:

«Я увѣренъ, что панъ Шидловскій, при подачѣ своего проекта, руководствовался патріотическими чувствами, также точно какъ и тѣ, которые его поддерживали. Но скажите, какое слѣдствіе вышло бы, если бы этотъ проектъ прошелъ? Мы бы только угодили алчному и сильному сосѣду. Король прусскій только того и хочетъ, чтобы мы прервали съ нимъ переговоры, чтобы тогда и россійскій посолъ не имѣлъ болѣе предлога удерживать движеніе прусскаго войска. До сихъ поръ мы хорошо дѣлали, что упорствовали: мы соображали, что, быть можетъ, время дастъ намъ какой-нибудь неожиданный, благопріятный поворотъ; мы надѣялись на помощь отъ императрицы, которой мы уступили значительную часть земель нашихъ. Но теперь присланъ курьеръ; съ возвращеніемъ его, войско прусское войдетъ въ глубину на-

шихъ земель; тамъ наберутъ они десятки тысячъ рекрутъ, возьмутъ милліонами контрибуціи, разорятъ край въ конецъ и потомъ отъ насъ король прусскій потребуетъ себѣ еще болѣе Польши во владѣніе. Европа намъ не поможетъ; вы знаете настоящее положеніе дѣлъ. Императрица ясно требуетъ кончать дѣло съ Пруссіею. Почтенный панъ Гославскій приноситъ въ жертву отечеству своего отца, покрытаго сѣдинами, вмѣстѣ съ имѣніемъ. Это очень похвально. Каждый можетъ такимъ образомъ отвѣчать за себя и за своихъ родныхъ, но я, король и отецъ народа, долженъ снять патріотическую поволоку съ глазъ господъ членовъ сейма и отсовѣтовать принятіе проекта пана Шидловскаго, котораго знаю и уважаю, но мнѣніе его не одобряю. Лучше прибѣгнемъ къ такимъ средствамъ, которыя бы намъ возвратили опору со стороны россійскаго посла, чтобы, по крайней мѣрѣ, трактатъ прусскій былъ для насъ менѣе вреденъ. Героизмъ похваленъ только тогда, когда онъ можетъ приносить прямо счастіе своему краю, а теперь не такое время, и потому я прошу не стоять за такой проектъ, который въ настоящее время пагубенъ».

Кто знаетъ, можетъ быть рѣчь короля лучше подѣйствовала бы на собраніе, если бы въ ту минуту, когда она оканчивалась, не вошелъ въ залу Подгорскій. Какъ только увидали его, такъ со всѣхъ сторонъ раздалось опять: «измѣнникъ, предатель, негодяй, злодѣй, къ суду его! къ суду его!» Шидловскій тотчасъ всталъ съ своего мѣста и кричалъ: «do laski! do laski» (къ жезлу)! Ступай туда!» «Do laski!» повторяли другіе послы. Подгорскій выстоялъ эту бурю, съ прежнимъ непоколебимымъ и неизмѣннымъ лицомъ, потомъ молча отправился къ Шидловскому, и сталъ возлѣ него, предавая себя, такимъ образомъ, суду.

«Надобно же окончить это, — сказалъ Гославскій, — ваше королевское величество, — извольте назначить судъ!»

Тутъ выступилъ Міончинскій и домогался прежде всего пустить на голоса предложеніе: можетъ ли быть судимъ Подгорскій или нѣтъ?

«Нѣтъ, нѣтъ, не надобно, кричали послы; подъ судъ его, подъ судъ его!»

Обвиняемый стоялъ, ожидая суда. Но тутъ возникъ вопросъ: какъ его судить? Всѣ стали втупикъ. Случай былъ новый. Обратились къ епископу Коссаковскому, который считался большимъ и лучшимъ знатокомъ старинныхъ законовъ и обычаевъ.

«Почтенные члены!» сказалъ онъ. «Правда, я занимался актами и дневниками сеймовъ самыхъ старыхъ, но признаюсь: польское законодательство рѣшительно не даетъ мнѣ никакой возможности

сказать, какъ слѣдуетъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Не было примѣра, чтобы судили когда-нибудь посла въ соединенной Избѣ. Правда, былъ давно подобный случай, но тогда Изба посольская отдѣлилась отъ сенаторской и стала судить обвиняемаго посла. При настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ, подобный шагъ имѣлъ бы роковыя послѣдствія. Ваше величество, призываю васъ сказать въ этомъ случаѣ свое мнѣніе

Король произнесъ рѣчь.

«Видите ли, господа,—говорилъ онъ—никто не найдетъ руководства, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Но если бы и нашли надлежащія формальности, что̀ бы вышло изъ этого? Наказанія существуютъ не столько для того, чтобы карать виновныхъ, сколько для того, чтобы другихъ удерживать отъ преступленій. Но теперь, если бы обвиняемый потерялъ голову, поправила ли бы кровь его наши несчастія, измѣнилась ли бы судьба наша? Нѣтъ, намъ было бы хуже. Чужеземная сила нашла бы новый предлогъ называть насъ безчеловѣчными якобинцами,—вотъ и все; а отторженіе областей останется попрежнему. Впрочемъ и судъ нашъ былъ бы напрасенъ: насъ не допустили бы исполнить приговоръ его. Я считаю это достоинствомъ нашего народа, что у насъ не легко находится такой, кто бы рѣшился подавать подобный проектъ; но если уже такой нашелся, который на это себя опредѣлилъ, то что̀ же такое? Изъ нотъ, присылаемыхъ къ намъ безпрестанно, можете ясно видѣть, что рано или поздно, все-таки мы должны будемъ исполнить то, что́ два двора постановили съ нами сдѣлать. Я говорю къ просвѣщенному собранію: разсудите сами, не лучше ли оставить этотъ судъ, чтобы избѣжать бо́льшихъ несчастій и бѣдствій, и приняться за дѣло, указываемое благоразуміемъ и настоятельною потребностію».

Умѣренные хотѣли-было помогать королю, но патріоты закричали, вскакивали съ мѣстъ, за ними и другіе, увлекаемые руководителями. Король, видя, что смятеніе увеличивается, подозвалъ къ себѣ сенаторовъ и сталъ съ ними совѣтоваться, что́ дѣлать? Тогда съ одной стороны Карскій, съ другой Краснодембскій подхватили подъ обѣ руки сеймоваго маршала, и хотѣли тащить его насильно въ особую комнату, чтобы, отдѣливъ посольскую Избу отъ сенаторской, предать суду Подгорскаго. Король, увидя это, послалъ сенатора къ Подгорскому, позвалъ его къ себѣ и сказалъ: «уйдите изъ Избы». Подгорскій ушелъ.

«Панъ Подгорскій ушелъ! ушелъ!» кричалъ вслѣдъ ему Скаржинскій. «Улизнулъ отъ суда,—значитъ показалъ, что виноватъ. До тѣхъ поръ не перестану требовать суда, пока панъ маршалъ

не поручится, что Подгорскій не воротится и проектъ его не будетъ читанъ».

«Посланникъ требуетъ его чтенія и угрожаетъ намъ, сказалъ маршалъ. Секретарь, прочитайте проектъ».

«Нѣтъ, нѣтъ!» кричали Скаржинскій, Краснодембскій, Шидловскій, Гославскій. Не позволяемъ чтенія.» — «Нѣтъ»,—повторяли за ними другіе голоса.

«По крайней мѣрѣ—повторилъ Міончинскій то, что уже говорилъ прежде, — надобно прочитать проектъ для того, чтобы убѣдиться изъ него, что Подгорскій долженъ быть судимъ».

«Нѣтъ, нѣтъ! Не позволяемъ!» кричали патріоты.

«Почтенные чины! сказалъ, выступивши, холмскій епископъ Скаршевскій. Поневолѣ народъ долженъ уступать то, что̀ удержать не въ его силѣ. Если мы не станемъ вести переговоры съ прусскимъ посломъ, то черезъ это не возвратимъ себѣ ни пяди земли, а ведя переговоры, можемъ надѣяться, что и братьямъ нашимъ, идущимъ подъ чужое владычество, окажемъ помощь и сами избавимся отъ бо̀льшихъ несчастій. Если намъ противно уступить области, то по крайней мѣрѣ постараемся, чтобы былъ заключенъ выгодный торговый трактатъ, и непремѣнно за поручительствомъ Россіи».

Рѣчь Скаршевскаго дала смѣлость другимъ, получавшимъ жалованье отъ иностранныхъ пословъ: Юзефовичъ, Виламовскій, Влодекъ, Міончинскій, Залѣскій спѣшили сказать свое слово за Скаршевскимъ, доказывать необходимость уступки и требовать чтенія проекта.

Выступилъ Краснодембскій, не далъ имъ долго ораторствовать, и сказалъ: «Для меня долгъ выше угрозъ, честь выше пользы, слава дороже жизни. Никакія рѣчи, никакія ноты, никакіе Меллендорфы съ ихъ войскомъ не заставятъ меня согласиться на переговоры съ прусскимъ министромъ. Пошлемъ въ Петербургъ министровъ просить о помощи противъ прусскаго насилія; попросимъ г. россійскаго посланника, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, если не можетъ намъ помогать, не препятствовалъ намъ обороняться. Пусть исполнится рѣшимость гетмана Коссаковскаго двинуть наше войско, хотя бы и въ маломъ числѣ, противъ пруссаковъ. Пусть гг. гетманъ и региментарь дадутъ немедленно приказъ выступить войскамъ нашимъ противъ грознаго Меллендорфа. Требую, чтобы выданы были вици на посполитое рушеніе. Самъ я первый спѣшу на встрѣчу грознаго Меллендорфа. Лучше благородная смерть, чѣмъ позорная жизнь, недостойная имени вольнаго народа. Вотъ мое мнѣніе. Не отступлю отъ него ни

шагу, докажу, что свободный полякъ не долженъ показать себя трусомъ».

Это былъ самый рѣшительный и прямой голосъ изъ всѣхъ, раздававшихся въ Избѣ, но онъ былъ черезчуръ крайнимъ, чтобы имѣть вліяніе; напротивъ, онъ скорѣе способствовалъ охлажденію собранія. Какъ могли ордонансы къ войску и вици на посполитое рушеніе пробраться черезъ русскія и прусскія войска и производить свое дѣйствіе? Толпа членовъ, увлекаемая до сихъ поръ фразами, тотчасъ опомнилась, остановилась, какъ только стала лицомъ къ лицу съ дѣломъ.

Краснодембскій не былъ изъ числа патріотовъ тарговицкихъ. Открытый сторонникъ 3 мая, другъ Костюшки, это былъ одинъ изъ очень немногихъ.

Шидловскій продолжалъ стоять, требуя суда. Маршалъ и умѣренная партія принуждали секретаря читать проектъ. Патріоты не допускали чтенія. Тогда сеймовый маршалъ сказалъ:

«Вотъ уже три дня споримъ мы и ни къ чему не приходимъ. Панъ плоцкій посолъ требуетъ суда и не хочетъ возвратиться на свое мѣсто. Проектъ волынскаго посла остается безъ подписи. Когда авторъ не подпишетъ, проектъ не можетъ имѣть силы. Приглашаю почтенныхъ членовъ сейма отложить частные споры и недоразумѣнія, и приступить къ рѣшенію вопроса: слѣдуетъ ли принять окончаніе переговоровъ съ прусскимъ министромъ, или нѣтъ».

«Пусть лучше,—заговорилъ вышегродскій посолъ Микорскій, —чужой солдатъ нагрянетъ къ намъ въ залу и принудитъ насъ къ принятію неволи. По крайней мѣрѣ полякъ, принужденный насиліемъ, не утратитъ славы безчестнымъ дѣломъ, и будетъ имѣть право на сочувствіе другихъ народовъ».

Секретарь все это время стоялъ съ проектомъ въ рукахъ, дожидаясь, когда дозволятъ его читать. Вдругъ подскочилъ къ нему Карскій, вырвалъ у него проектъ и удалился съ нимъ въ глубину залы.

Маршалъ обратился къ нему съ строгимъ выраженіемъ и требовалъ отдать проектъ.

«Я взялъ не проектъ, отвѣчалъ Карскій—а какую-то бумагу безъ подписи. Если есть авторъ этого писанія, пусть покажутъ его, и кому онъ поданъ, я отдамъ его тотчасъ».

Маршалъ обратился къ королю.

«Вырываніе проекта — сказалъ сурово король — есть непристойность, которая подаетъ дурной примѣръ безпорядка. Если такимъ образомъ будетъ дозволено вырывать проекты, то это мо-

жетъ случиться и съ самымъ полезнѣйшимъ патріотическимъ проектомъ».

«Я возвращу бумагу, сказалъ Карскій, она не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ на ней нѣтъ подписи автора».

Онъ бросилъ его на столъ подлѣ маршала и отошелъ. Секретарь взялъ его въ руки. «Читайте», сказалъ маршалъ, но едва секретарь прочелъ нѣсколько словъ, опять поднялся крикъ, сдѣлалось смятеніе, патріоты покидали свои мѣста, бросились на средину Избы. Противники ихъ тоже.... обѣ стороны разсвирѣпѣли, кидались другъ на друга съ проклятіями. Маршалъ, видя, что доходитъ дѣло до драки, бросился между ними, махая своимъ жезломъ и раздѣлилъ имъ пословъ, готовыхъ уже вцѣпиться другъ другу въ лицо. Испуганные министры столпились вокругъ короля, думая защитить его особу. Шидловскій покинулъ свое мѣсто и подошелъ къ королю.

«Васъ-то мнѣ и надобно, сказалъ ему король; подойдите ближе. Я отдаю честь вашей гражданской доблести, славѣ, какую вы пріобрѣли, любви, которою вы достойно пользуетесь отъ вашихъ товарищей. Я не умѣю выразить, какъ я люблю васъ, уважаю и цѣню. Скажите мнѣ, прошу васъ, какой будетъ изъ всего этого конецъ и чего вы хотите».

«Ваше величество—отвѣчалъ Шидловскій,—я знаю, что, желая добра народу и отечеству, вы не можете не сочувствовать той ревнивости, какую я оказываю; видите, что въ средѣ подлостей и насилія находятся еще честные поляки. Милостивый панъ! мой поступокъ послужитъ нѣкогда свидѣтельствомъ, что въ тѣ времена, когда вы царствовали, доблесть еще не угасла въ полякахъ. Я не думаю, ваше величество, чтобы вы не пожалѣли моей крови; я обвинилъ его въ измѣнѣ; боюсь, интрига будетъ злоумышлять на мою погибель, боюсь, чтобы этотъ подлецъ не отрекался послѣ, что такой проектъ подавалъ онъ. Пусть онъ подпишетъ свидѣтельство бѣдствій отечества и своихъ злодѣяній и удалится отсюда навсегда, какъ недостойный пребыванія въ этой святынѣ».

Король велѣлъ позвать Подгорскаго, находившагося въ другихъ покояхъ. «Подпишите проектъ вашъ», сказалъ онъ. Подгорскій пошелъ къ столику подписывать проектъ, но патріотическая партія снова окружила его съ ругательствами, вырывала у него перо и чернила. Король передалъ ему карандашъ. Этимъ карандашемъ Подгорскій смѣло и твердо подписалъ свой проектъ. Когда онъ отошелъ отъ стола, толпа бросилась на него и не довольствуясь ругательствами, снабжала его пинками. «Панъ маршалъ литовскій,—закричалъ Подгорскій, вы не исполняете ва-

нихъ обязанностей; вы напустили сюда лицъ, не принадлежащихъ къ сейму. Извольте унять драчуновъ».

«Вы здѣсь не должны находиться, кричалъ на него Тышкевичъ—ступайте прочь!»

Потомъ Тышкевичъ съ волненіемъ обратился къ королю. «Милостивый панъ, сказалъ онъ, съ начала сейма я терплю разныя непріятности; не доставало только, чтобы панъ Подгорскій осмѣлился меня оскорблять. Онъ обвиняетъ меня въ несоблюденіи порядка, въ допущеніи арбитровъ. Онъ донесетъ на меня россійскому посланнику. Я оставлю свой жезлъ: пусть россійскій посланникъ отдастъ его, кому хочетъ».

«Ахъ ты негодный измѣнникъ, мерзавецъ, подлецъ», кричали со всѣхъ сторонъ на Подгорскаго, и гнали и толкали его въ шею. «Прочь, вонъ отсюда, и чтобы слѣду твоего не оставалось»!

Подгорскій протѣснился къ королю и просилъ его защиты. «Прочь отъ меня, выйдите отсюда вовсе», сказалъ король. И Подгорскій, толкаемый въ спину и провожаемый ругательствами, очутился за дверями залы.

«Теперь можно читать проектъ», сказалъ маршалъ.

«Читать, читать», кричали Виламовскій, Міончинскій, Залѣскій, а за ними и другіе умѣренные и жалованные.

«Не читать, не читать»! вопили патріоты.

«Коль скоро автора вытолкали изъ Избы, какъ можетъ быть принято дѣло, за которое онъ подвергся изгнанію? значитъ— или мы будетъ участниками его преступленія, или мы несправедливо съ нимъ поступимъ», сказалъ Скаржинскій.

«Я предлагаю пустить на голоса предложеніе: можетъ ли быть читанъ проектъ Подгорскаго или нѣтъ?» говорилъ маршалъ Билинскій.

«Законъ запрещаетъ допускать голосованіе послѣ восьми часовъ. Теперь уже десятый. Да и кто осмѣлится голосовать на проектъ, котораго автора вытолкали изъ Избы?» сказалъ инфлянтскій посолъ Мануцци, тотъ, о которомъ говорили, что онъ выкалывалъ глаза сторонникамъ 3 мая въ Литвѣ.

«Читать, читать»! кричали, осмѣлившись, умѣренные.

Маршалъ, надѣясь, что его поддержатъ, опять сдѣлалъ вопросъ, и опять тѣ же ругательства, проклятія и угрозы. Давъ время утишиться, маршалъ опять попытался сдѣлать тотъ же вопросъ, и опять то же явленіе. Тогда король сказалъ:

«Вотъ какъ уважается у насъ свобода; сеймовый маршалъ спрашиваетъ, можно ли читать проектъ: объ этомъ нельзя узнать иначе, какъ только посредствомъ голосованія».

И опять маршалъ пытается повторить прежнее, и опять шумъ, крикъ, брань.

Такимъ образомъ, дотянули до десяти часовъ вечера. Изба не переставала волноваться. Измученный король, выбившись изъ силъ, объявилъ, что засѣданіе отлагается до слѣдующаго дня.

На слѣдующій день $^{19}/_{30}$ августа, едва только собрались члены въ залу, какъ тамъ уже готово было для нихъ, словно для провинившихся школьниковъ, новое отеческое внушеніе Сиверса, въ такихъ выраженіяхъ:

«Нижеподписавшійся узналъ съ величайшимъ сожалѣніемъ о маломъ вліяніи вчерашней своей ноты на умы чиновъ конфедерованнаго сейма. Онъ не скрылъ предъ чинами того ужаснаго поворота обстоятельствъ, какой ожидаетъ ихъ съ оставшеюся у нихъ частью Рѣчи-Посполитой, и теперь не можетъ скрыть справедливаго опасенія, внушаемаго по поводу замедленія въ теченіи дѣла, котораго послѣднее рѣшеніе упомянутою нотою указано на завтрашній день. Будучи формально приглашенъ наияснѣйшими чинами вступить въ переговоры съ министромъ его величества прусскаго короля, нижеподписавшійся тѣмъ самымъ уже почитаетъ своею обязанностію, въ видахъ отклоненія непреодолимыхъ препятствій, которыя были причиною живыхъ споровъ на четырехъ послѣднихъ засѣданіяхъ, вмѣстѣ съ этою нотою, подать проектъ, котораго не хотѣли слушать, въ такомъ исправленномъ видѣ, что онъ уже не можетъ быть не принятъ при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ. Нижеподписавшійся надѣется, что сеймъ, наконецъ, согласится единомышленно на это средство, единственно могущее отвратить грозу, висящую надъ Рѣчью-Посполитою, особенно надъ двумя превосходнѣйшими ея воеводствами, которыя опустошены были бы несомнѣнно, что̀ повлекло бы опасность утратить покровительство и благосклонность ея императорскаго величества, которой чувства достаточно выражены, какъ въ декларацiи и въ многократно подаваемыхъ на сеймъ нотахъ, такъ равно и въ трактатѣ, недавно заключенномъ, наконецъ въ увѣреніяхъ расположенія и благосклонности, которыя нижеподписавшійся имѣлъ повелѣніе объявлять со времени эпохи, столь благодѣтельной для Рѣчи-Посполитой. Одушевляясь примирительными побужденіями, нижеподписавшійся не можетъ безъ соболѣзнованія взирать на ужасную будущность, которая ожидаетъ Рѣчь-Посполитую въ такомъ случаѣ, если гг. чины конфедераціоннаго сейма своимъ упорствомъ, неизвинительнымъ въ очахъ страдающаго народа, отвергнутъ единственный способъ, ведущій къ спокойствію, столько необходимому послѣ потрясеній, терзавшихъ Польшу до настоящаго времени».

Прочитана была нота. Потомъ принялись читать присланный проектъ; но едва только секретарь произнесъ слова: «Мы, король, съ согласія» — вдругъ поднялись, какъ и вчера, крики и ругательства. «Не читать», кричали патріоты. «Это безчестно для славы свободнаго народа».—Читать,—кричали умѣренные. Члены выскакиваютъ съ мѣстъ, бѣгутъ на середину залы съ ругательствами, опять доходятъ до того, что уже дѣло близко до драки. Въ то время кто-то крикнулъ:

«Не читать какъ проектъ, но прочитать какъ добавленіе къ присланной нотѣ россійскаго посланника».

Этотъ оборотъ такъ понравился, что Изба замолчала и секретарь началъ читать.

Въ немъ было сказано, что король со всѣми чинами отдаются всецѣло великодушію Екатерины и даютъ право депутаціи подписать трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ условленъ и составленъ при посредничествѣ великаго россійскаго посла, съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ трактатъ былъ гарантированъ императрицею.

Послѣ прочтенія поднялся ужасный шумъ и безпорядокъ; бросились къ маршалу, оскорбляли его словами, начали даже толкать. Король поспѣшилъ закрыть собраніе.

Страшныя проклятія раздавались между патріотами. Грозили убить маршала вмѣстѣ съ секретаремъ, который осмѣлился читать проектъ. Другіе угрожали самому королю. Это дошло до Сиверса. Друзья его поляки совѣтовали приступить къ рѣшительнымъ и суровымъ мѣрамъ и немедленно удалить человѣкъ двѣнадцать патріотовъ, производящихъ буйство на сеймѣ. Сиверсъ сказалъ, что еще рано; достаточно окружить залу войскомъ и не выпускать никого, пока не рѣшится дѣло полномочія.

Въ то же время Сиверсъ продолжалъ имѣть недоразумѣнія съ Бухгольцемъ, и защищалъ передъ нимъ поляковъ. Прусскій посланникъ домогался, чтобы Пруссія, захвативъ у Польши значительное пространство земель, ничего не сдѣлала для остальной Польши. Сиверсу хотѣлось, чтобы, по крайней мѣрѣ, поляки, уступивши Пруссіи часть лучшихъ земель своихъ, не были впередъ стѣсняемы такими мѣрами, которыя до сихъ поръ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Пруссіею обращали все въ пользу одной Пруссіи и во вредъ Польши. Свободное плаваніе по рѣкамъ было однимъ изъ главныхъ требованій. Бухгольцъ показывалъ полученный недавно рескриптъ отъ своего короля, который предписывалъ ему отдѣлить предметъ объ уступкѣ земель отъ торговаго трактата. «Это невозможно, сказалъ Сиверсъ; поляки ни за что не примутъ такого трактата. Единственное средство убѣ-

дить ихъ — указать на вознагражденіе посредствомъ торговыхъ выгодъ». «Если поляки еще будутъ упрямиться, говорилъ Бухгольцъ, Меллендорфъ начнетъ непріятельскія дѣйствія. Игельстромъ долженъ, какъ союзникъ, дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ».— «Новыя повелѣнія императрицы, отвѣчалъ Сиверсъ, гарантируютъ Пруссіи уступленныя владѣнія строго по условію, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы Польшѣ были даны торговыя выгоды. Я не стану употреблять понудительныхъ мѣръ, если вы не подпишите трактата въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ подъ моимъ посредничествомъ».

Бухгольцъ находилъ неумѣстнымъ и то, что поляки требуютъ, чтобы договоръ съ Пруссіею былъ подъ гарантіею императрицы. Это оскорбляло честь Пруссіи, которая, въ этомъ отношеніи, была какъ бы подъ наблюденіемъ Россіи.

«Я не могу — сказалъ Сиверсъ — выбрасывать изъ договора тѣхъ статей, которыя дѣлаютъ честь императрицѣ. Я употребляю силу для вынужденія у поляковъ уступки земель, но не могу запретить имъ требовать выгодныхъ для себя торговыхъ условій за это».

«Меллендорфъ долженъ дѣйствовать; ему приказано выступить 20 августа» говорилъ Бухгольцъ.

«Это безполезно,—сказалъ рѣшительно Сиверсъ, — вѣроятно сеймъ въ такомъ случаѣ попроситъ васъ удалиться изъ Гродно, и тогда неизбѣжна война».

Кончилось тѣмъ, что Бухгольцъ, отговариваясь неимѣніемъ самому права рѣшить этотъ вопросъ, хотѣлъ отсрочки до полученія новой инструкціи, а между тѣмъ просилъ поторопить сеймъ. Сиверсъ обѣщалъ приступить къ энергическимъ мѣрамъ для истребованія отъ сейма полномочія депутаціи для заключенія договора въ томъ смыслѣ, въ какомъ проектъ былъ составленъ при посредничествѣ Сиверса.

Сеймовое засѣданіе послѣ пятницы, 30 августа, должно было происходить въ понедѣльникъ, 22 августа (2 сентября), въ 4 часа пополудни. Сиверсъ послалъ къ Тышкевичу предварительно такое письмо:

«Извѣстія, которыя доходятъ ко мнѣ о заговорѣ, составляемомъ противъ священной особы короля, сеймоваго маршала и почтенныхъ особъ изъ сената, министерства, посольскаго круга, принуждаютъ меня принять для ихъ безопасности мѣры осторожности. Въ два часа пополудни два батальона гренадеръ будутъ поставлены на террасѣ и на дворѣ замка. Генералъ Раутенфельдъ разставитъ пикеты, такъ, чтобы никто изъ арбитровъ и ни одна особа, не имѣющая обязанности находиться въ замкѣ,

не могла войти въ Избу. Поставятся также караулы у оконъ зàмка, чтобы и черезъ нихъ никто не прошелъ. Для входа останется свободною одна только дверь подъ карауломъ офицеровъ, для осмотра подозрительныхъ лицъ. Если у кого-нибудь изъ пословъ найдется спрятанное оружіе, тотъ будетъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и преданъ уголовному процессу за намѣреніе совершить убійство. Слѣдуетъ осмотрѣть оружіе литовской гвардіи и караула, состоящаго подъ вашимъ начальствомъ и арестовать тѣхъ, у кого найдется порохъ или пули. Само собою разумѣется, что гвардія останется на своемъ мѣстѣ. Если кто-нибудь изъ арбитровъ и особъ, не имѣющихъ никакой должности, спрячется въ Избѣ или гдѣ-нибудь, тотъ будетъ также арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Въ передней комнатѣ будетъ поставленъ пикетъ изъ двѣнадцати офицеровъ, которые могутъ войти въ Избу и сидѣть на посольскихъ лавкахъ. Генералъ Раутенфельдъ сядетъ на кресло близъ короля, на лѣвой сторонѣ, и будетъ наблюдать, чтобы не произошло какого-нибудь насилія, въ особенности надъ особами его величества, сеймоваго маршала и вашею, ясновельможный панъ. Извольте огласить, чтобы никто изъ членовъ сейма не двигался съ своего мѣста, исключая случаевъ, когда будетъ позванъ къ королю, а затѣмъ остается членамъ сейма совершенная свобода говоренія. Я не могу дозволить единственно безпорядковъ и буйствъ; и тѣ, которые окажутся въ этомъ виновными, подвергнутся строгости законовъ. Извольте сообщить это письмо въ оригиналѣ или переводѣ его величеству, королю, и всѣмъ членамъ сейма, если пожелаютъ.»

Сиверсъ приказалъ часть войска, стоявшаго около Гродно, вдвинуть въ городъ и занять главныя улицы и площади. Никому не приказано было выходить изъ домовъ иначе, какъ съ билетомъ; иностраннымъ посланникамъ и служащимъ при нихъ лицамъ выдавались особыя карточки; это сдѣлали послѣ того, какъ одинъ изъ свиты папскаго нунція, вышедши на улицу, былъ задержанъ. Два батальона введены въ самый зàмокъ. Всѣ входы были заняты караулами, поставлены батареи и при нихъ артиллеристы съ готовыми фитилями, для внушенія страха. Самъ Сиверсъ около полудня ходилъ въ залу, осмотрѣлъ ее, указалъ мѣста, гдѣ сидѣть Раутенфельду, офицерамъ и гдѣ въ корридорахъ, при дверяхъ и нѣкоторыхъ окнахъ, помѣщаться карауламъ. «Вы—сказалъ онъ Раутенфельду—будете дѣйствовать для соблюденія порядка, вмѣстѣ съ маршаломъ Тышкевичемъ». Король пожелалъ видѣть русскаго посланника. Онъ пріѣхалъ къ королю. Станиславъ-Августъ благодарилъ его за вниманіе и заботливость о его безопасности, но горько жаловался на свою участь. Си-

берсъ утѣшалъ его будущею милостію императрицы, и обѣщалъ, что прусскій трактатъ не иначе будетъ допущенъ, какъ только съ самыми выгодными для Польши торговыми условіями.

Въ четыре часа пополудни стали съѣзжаться послы. Пріѣхалъ король. Прошедши мимо карауловъ свободно, послы въ самой залѣ застали уже русскаго блюстителя порядка и русскихъ офицеровъ. Нѣкоторые поляки съ негодованіемъ хотѣли уйти назадъ, но гренадеры, стоявшіе въ дверяхъ, скрестили ружья, не пустили ихъ, и даже угрожали прикладами, когда тѣ думали прорваться назадъ силою.

«Г. маршалъ литовскій, кричалъ Скаржинскій, вы умѣли спровадить арбитровъ, нашихъ соотечественниковъ, извольте же, сообразно вашей обязанности, удалить чужеземныхъ офицеровъ, иначе мы не позволяемъ сейму приступать къ занятіямъ».

«Такъ, такъ»! повторили голоса. «Не позволяемъ открывать засѣданія при чужомъ войскѣ, подъ насиліемъ».

Шидловскій, за нимъ Гославскій, обращались къ королю, хвалили его, увѣряли, что онъ безопасенъ, и требовали удаленія войска.

«Я ничего не боюсь, сказалъ король. Посреди моего народа мнѣ не нужно чужеземной стражи. Я говорилъ это не разъ и теперь повторяю. Я не участникъ въ этомъ; меня окружаетъ чужеземное войско, а я его не приглашалъ».

Это было произнесено такимъ жалобнымъ голосомъ, что послы были очень тронуты и обратились къ Тышкевичу. «Г. маршалъ,— говорили они,—извольте просить московское войско отсюда выйти». —«Вотъ письмо г. посланника россійскаго—сказалъ Тышкевичъ— оно вамъ будетъ служить доказательствомъ, что я не участвовалъ въ событіяхъ настоящаго дня, но также какъ и вы нахожусь подъ принужденіемъ».

«Откройте засѣданіе, г. маршалъ, и прочитайте это письмо», сказалъ Міончинскій, которому, какъ и его партіи, хотѣлось скорѣе открыть засѣданіе для того, чтобы приступить къ прусскому дѣлу.

«Нѣтъ, нѣтъ»! кричалъ Годашевскій (троцкій). «Сеймъ уже постановилъ прежде, что, въ случаѣ насилія, сеймъ не можетъ открывать засѣданій».

Множество голосовъ повторили тоже.

«Такъ позвольте мнѣ — сказалъ Тышкевичъ — для своего оправданія прочитать письмо россійскаго посланника до засѣданія».

Ему дозволили. Письмо было прочитано.

«Требуемъ, — сказалъ Микорскій, чтобы намъ было объяв-

лено имя того измѣнника, который выдумалъ, будто противъ короля составляется заговоръ».

«Я пошлю спросить объ этомъ къ посланнику», сказалъ панъ Плихта.

«Нельзя быть сейму тамъ, гдѣ мѣстомъ, назначеннымъ для представителей вольнаго народа, овладѣлъ чужеземный солдатъ», сказалъ Шидловскій.

За нимъ повторяли въ томъ же смыслѣ много голосовъ.

«Покажи, наияснѣйшій король, сказалъ Янковскій, что ты довѣряешь своему народу и не требуешь чужихъ солдатъ».

И за нимъ тоже повторило много голосовъ.

«Сообразно съ собственнымъ желаніемъ и волею сейма — сказалъ король, я поручаю коронному канцлеру съ двумя епископами немедленно отправиться къ г. россійскому посланнику и просить отъ моего имени удаленія россійскихъ войскъ, которыя препятствуютъ теченію сеймовыхъ занятій».

Онъ просилъ идти съ канцлеромъ Коссаковскаго и Масальскаго, но тѣ отказывались, подъ предлогомъ, что подобныя делегаціи всегда поручались свѣтскимъ особамъ. Король отъ сената назначилъ Огинскаго и Суходольскаго, а отъ пословъ маршала Билинскаго и Анквича.

Прежде, чѣмъ отправили этихъ лицъ, Коссаковскій расхвалилъ короля и разбранилъ Подгорскаго, котораго дѣла былъ соучастникомъ, а въ знакъ преданности и вѣрности королю просилъ, чтобы король дозволилъ цѣловать свою руку цѣлому сейму. Тотчасъ съ тою же просьбою обратился къ королю Анквичъ отъ имени посольскаго круга.

Маршалъ сейма хотѣлъ было вызывать по порядку воеводствъ пословъ для цѣлованія королевской руки, но послы закричали, что если читать списокъ пословъ, то это будетъ означать, что засѣданіе открыто, а они не позволятъ открывать его прежде удаленія русскаго войска, и рѣшили, чтобы безъ вызова по списку, сперва сенаторы, потомъ послы по воеводствамъ подходили сами собою къ королевской рукѣ.

Такъ и сдѣлалось. Всѣ подходили къ королю и цѣловали руку. По окончаніи этой церемоніи делегація отправилась къ Сиверсу.

Послы сѣли на свои мѣста въ молчаніи. Русскіе офицеры сидѣли на своихъ лавкахъ недвижно, какъ статуи.

Сиверсъ, выслушавши длинную просьбу делегатовъ, отвѣчалъ имъ: «Стоитъ только прочитать бюллетени пяти засѣданій прошлой недѣли. Буйства, которыя позволяли себѣ члены противъ короля и маршала, угрозы и невниманіе къ моимъ трем

потамъ вынудили меня напомнить вамъ долгъ порядка. Король тутъ не причастенъ. Я сдѣлаю угодное королю, велю выйти русскимъ офицерамъ изъ залы; останется одинъ Раутенфельдъ, но войску прикажу оставить замокъ не прежде, чѣмъ принятъ будетъ проектъ Подгорскаго. До тѣхъ поръ никто изъ членовъ сейма не выйдетъ изъ замка».

Делегація просила Сиверса сказать, кто ему донесъ о существованіи заговора противъ короля.

«Я узналъ это, сказалъ Сиверсъ — уже пять дней тому назадъ; ходятъ слухи, что готовится смятеніе, угрожающее его величеству и нѣкоторымъ членамъ сейма; моею обязанностію было для ихъ безопасности принять средства».

Делегація воротилась и все разсказала сейму. Суходольскій прибавилъ, что, высказавши россійскому послу о своемъ сопротивленіи прусскому дѣлу, онъ получилъ отъ него молчаливое одобреніе чувствъ своихъ. Это побудило его тотчасъ заявить, что онъ будетъ противъ прусскаго трактата.

Было уже половина девятаго. Маршалъ открылъ засѣданіе и началъ его чтеніемъ новой ноты, присланной Сиверсомъ. Въ ней, изложивъ вкратцѣ событія предшествовавшихъ бурныхъ засѣданій, посолъ говорилъ:

«Нижеподписавшійся видитъ себя окончательно принужденнымъ объявить чинамъ сейма, что невоздержные поступки очевидно показываютъ тѣ сѣмена якобинства, о которыхъ онъ упоминалъ въ предшествовавшихъ своихъ нотахъ, и потому онъ не можетъ не приступить къ искорененію этой пагубной во всѣхъ отношеніяхъ заразы и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно требуетъ, чтобы просмотрѣнный, поправленный и къ нотѣ отъ 19/30 августа присоединенный проектъ г. Подгорскаго былъ немедленно прочтенъ, и, безъ малѣйшаго замедленія, принятъ и рѣшенъ. Вслѣдствіе сего, наияснѣйшіе чины благоволятъ тотчасъ же, не закрывая засѣданія, дать почтенной депутаціи полную власть и точное приказаніе подписать трактатъ, составленный при высочайшемъ посредствѣ августѣйшей государыни съ г. прусскимъ посломъ, а равно и будущія статьи, какія составятся по силѣ выраженій протокола конференцій, на которыхъ находился нижеподписавшійся, дабы онъ чрезъ то самое былъ уволенъ отъ принятія такихъ мѣръ, которыя ему предписаны, и отъ которыхъ онъ не можетъ отступить. Нижеподписавшійся долженъ также объявить наияснѣйшимъ чинамъ, что, въ видахъ предотвращенія неурядицы, онъ находится въ неизбѣжной необходимости командировать два батальона гренадеровъ съ четырьмя пушками, и окружить замокъ. Г. генералъ Раутенфельдъ будетъ

имѣть команду надъ этими батальонами и предприметъ, вмѣстѣ съ г. Тышкевичемъ, великимъ литовскимъ маршаломъ, мѣры, необходимыя къ огражденію сеймоваго спокойствія. Нижеподписавшійся ожидаетъ, что засѣданіе не закроется до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано рѣшеніе о подписаніи трактата».

Начались пренія. Скаржинскій произнесъ длинную рѣчь, длившуюся цѣлый часъ, преисполненную риторики; онъ стоялъ за проектъ Шидловскаго, но допускалъ въ немъ дѣлать такія поправки, по которымъ бы возобновились сношенія съ берлинскимъ дворомъ и измѣнилась рѣшимость не уступать отбираемые края.

За нимъ говорилъ Шидловскій. Его рѣчь была также длинна, но онъ соглашался допустить поправки въ своемъ проектѣ.

Это значило, что жаръ патріотовъ прохлаждался отъ вліянія ноты Сиверса и отъ близости русскихъ гренадеровъ. Шло дѣло къ тому, чтобы сдаться; хотѣли только, чтобы казалось на видъ, будто не отъ страха сдаются.

Видя, что патріоты стали подаваться и спѣшатъ предлагать поправки, черскій посолъ Станишевскій подалъ маршалу проектъ добавокъ къ проекту Шидловскаго, состоящихъ въ слѣдующемъ:

Возвратить взятый пруссаками образъ Ченстоховской Богородицы съ инвентаремъ сокровищъ и казны, принадлежащихъ ему. Опредѣлить наслѣдство въ случаѣ угашенія фамиліи Радзивилловъ и гарантировать доходы примаса въ забранномъ пруссаками краѣ; также дозволить свободно примасу проживать въ польскомъ краѣ.

Добавки къ проекту Шидловскаго никакъ не клеились съ самымъ проектомъ. Добавка относительно примаса допускала, сама собою, возможность уступки областей Пруссіи, тогда какъ проектъ выразительно отвергалъ ее. Эту добавку приставляли къ проекту съ хитрымъ намѣреніемъ подорвать и уничтожить самый проектъ, съ которымъ она находилась въ прямомъ противорѣчіи, и тѣмъ поворотить его къ смыслу проекта Подгорскаго. Скаржинскій закричалъ, что эта добавка не можетъ быть принята и присоединена къ проекту Шидловскаго, потому что она допускаетъ то, что̀ проектъ отвергаетъ.

Тогда сеймовый маршалъ сдѣлалъ вопросъ: одинъ ли проектъ навязываемый силою долженъ быть принятъ, или же и проектъ Шидловскаго?

«Что это такое? закричалъ Скаржинскій. Какъ могутъ быть приняты два разнородные проекта»?

За нимъ принялись кричать другіе и напустились на маршала. Билинскій, послѣ неудавшейся хитрости, сообразивъ, что надобно подъѣзжать къ цѣли окольнымъ путемъ, и потихоньку,

начиная съ общихъ мѣстъ, задалъ такой вопросъ: можетъ ли быть принятымъ поданное предложеніе? Патріоты противились пущенію на голоса такого вопроса, но умѣренные перекричали ихъ. Рѣшили голосовать такъ, чтобы сначала подавали голоса сенаторы, потомъ послы. Оказалось изъ сенаторскихъ утвердительныхъ 10, а отрицательныхъ 3, и въ посольскомъ кругѣ утвердительныхъ 50, и противныхъ 25.

Вслѣдъ за этимъ маршалъ предложилъ другой вопросъ, уже яснѣе, но тоже не раздражая патріотовъ, и даже какъ будто угождая имъ: можетъ ли быть представленъ къ рѣшенію проектъ, присланный съ нотою россійскаго посланника, поддерживаемый насиліемъ и присутствіемъ чужеземнаго войска, или только проектъ Шидловскаго?

Отчаянные патріоты кричали и противъ этого, но составилось голосованіе и принятъ къ рѣшенію проектъ Подгорскаго. Оказалось большинство 59 голосовъ противъ 26 (сенаторскихъ 10 противъ 3, посольскихъ 49 противъ 23).

Тогда умѣренные стали подавать разныя поправки и добавки.

Между тѣмъ курьеры, одинъ за другимъ, являлись отъ Сиверса, и приглашали къ нему то тѣхъ, то другихъ особъ изъ сейма. Сиверсъ напоминалъ имъ долгъ ихъ, дѣлалъ угрозы, и побуждалъ торопиться.

Маршалъ отдалъ всѣ поправки конституціонной депутаціи, занимавшейся совокупленіемъ замѣчаній и редакцій проекта. Когда, по этимъ замѣчаніямъ, конституціонная депутація изготовила цѣлый проектъ и принесла его въ собраніе, маршалъ предложилъ на голосованіе вопросъ: обращается ли въ законъ проектъ, допущенный къ рѣшенію и поправленный конституціонною депутаціею?

Наступила рѣшительная роковая минута. Патріоты собирали всѣ силы, чтобы не допустить проектъ, но присутствіе русскаго генерала въ самой залѣ, сосѣдство гренадеровъ въ корридорахъ и невозможность выйти изъ залы не принявши этого проекта, лишали патріотовъ поддержки той толпы, которая прежде, поджигаемая ихъ огненными рѣчами, одобряла ихъ и производила суматоху во всей Избѣ; послы, по ихъ примѣру, уже не соскакивали съ мѣстъ, не выбѣгали на средину, а сидѣли по мѣстамъ тихо и покорно. Началось голосованіе. Оказалось за проектомъ большинство 61 голоса противъ 23 (сенаторскихъ 9 противъ 2, посольскихъ 52 противъ 21). Нѣкоторые не подавали голоса вовсе; другихъ не было въ залѣ.

Гетманъ Коссаковскій, Пляттеръ и Ледоховскій не хотѣли было идти въ собраніе, но Сиверсъ послалъ къ нимъ русскаго

маіора приказать имъ, именемъ своей государыни, чтобы они шли немедленно. Они повиновались, и Платтеръ заслужилъ милостивое вниманіе русскаго посланника за то, что въ Избѣ сказалъ мудрую рѣчь о покорности ея императорскому величеству.

Такимъ образомъ, всѣ крики въ продолженіе многихъ дней, всѣ возгласы, вся рѣшимость показать свѣту достойную римлянъ твердость, вся пышная патріотическая риторика съ величественными тѣлопоставленіями и пламенными тѣлодвиженіями,— все было напрасно. Даже и жалкій Подгорскій выпилъ напрасно чашу оскорбленій. Одно только, въ чемъ видно было вліяніе патріотическихъ выходовъ—это тонъ, какимъ написано было полномочіе депутаціи, заявлявшій о сознаніи насилія. Оно было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы, король, въ согласіи съ чинами Рѣчи-Посполитой, выслушали донесеніе депутаціи, назначенной для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ, и показанный намъ проектъ трактата, и узнали, что, несмотря на усильное посредничество г. россійскаго посланника, дворъ берлинскій не отступаетъ отъ намѣреній, пагубныхъ для Рѣчи-Посполитой, допустивъ смягченіе только нѣкоторыхъ статей трактата. Находясь въ крайней степени несчастія, но будучи далекими отъ признанія законности причинъ, которыми берлинскій дворъ хочетъ оправдать свое насиліе надъ нами, и напротивъ, не отступая отъ нашей декларація, помѣщенной въ первой отвѣтной нотѣ на ноту двухъ союзныхъ дворовъ, свидѣтельствуемъ передъ цѣлою Европою, къ которой много разъ обращались, что, опираясь на силу предшествовавшихъ трактатовъ, съ нашей стороны всегда сохраняемыхъ, а въ особенности на силу трактата, недавно заключеннаго въ 1790 году, по желанію самого прусскаго короля, которымъ обезпечивалась независимость и цѣлость областей Рѣчи-Посполитой, мы даемъ настоящій актъ не по доброй волѣ, а по поводу цѣлаго ряда насильственныхъ мѣръ, неоднократныхъ угрозъ ввести прусскія войска въ богатѣйшія области, оставшіяся во владѣніи Рѣчи-Посполитой для ихъ окончательнаго разоренія, наконецъ, послѣ того, какъ въ глазахъ нашихъ, святилище нашего законодательства въ день, назначенный для обсужденія проекта, было окружено и запружено иноземными солдатами. Даемъ вынужденное отъ насъ порученіе вышеупомянутой депутаціи подписать трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ за посредничествомъ г. россійскаго посланника, съ тѣмъ 1) что онъ будетъ гарантированъ августѣйшею государынею со всѣми особыми, сообразными съ этимъ трактатомъ, статьями, какъ по отношенію къ торговлѣ, такъ и по отношенію къ инымъ предметамъ, касаю-

щимся духовенства, къ успокоенію Рѣчи-Посполитой и ея обывателей, какъ отходящихъ вполнѣ подъ чужое владычество, такъ и имѣющихъ въ обоихъ государствахъ свои имѣнія; 2) чтобы превелебнѣйшій отецъ нынѣшній примасъ могъ безпрепятственно, для отправленія своихъ обязанностей, жить въ Польшѣ и собирать свои доходы; 3) чтобы, въ случаѣ прекращенія фамиліи князей Радзивилловъ, бранденбургскій домъ не предъявлялъ никакихъ притязаній на наслѣдство, которое будетъ по закону принадлежать Рѣчи-Посполитой; 3) съ тою перемѣною послѣдней статьи трактата, что мы, король не прежде будемъ ратификовать именемъ нашимъ и чиновъ Рѣчи-Посполитой трактатъ объ уступкѣ земель, какъ тогда, когда торговый трактатъ и всѣ взаимно признанныя отдѣльныя статьи будутъ признаны и подписаны обѣими договаривающимися сторонами при посредничествѣ и гарантіи россійскаго двора, и 4) чтобы подлинный образъ Ченстоховской Богоматери немедленно, по подписаніи трактата, со всѣмъ инвентаремъ драгоцѣнностей, серебра и всякой утвари, принадлежащихъ казнѣ этого образа, былъ намъ возвращенъ».

Когда унылые послы расходились изъ засѣданія, на старой башнѣ зàмка пробило четыре часа пополуночи.

«Ахъ, наше собачье житье! Ахъ, какая мука»! восклицалъ Сиверсъ въ задушевномъ письмѣ къ дочери, разсказывая объ этомъ событіи. «Чтò я перечувствовалъ, когда держалъ короля съ сеймомъ двѣнадцать часовъ взаперти, пока не прикажетъ подписать своего бѣдствія»!

VI.

Недоразумѣнія съ Бухгольцемъ. — Арестованіе четырехъ пословъ. — Сиверсъ окружаетъ Избу войскомъ. — Нѣмое засѣданіе. — Трактатъ съ Пруссіею.

Окончивъ съ поляками, Сиверсъ сталъ обращаться съ ними ласково, далъ великолѣпный балъ и ужинъ въ день рожденія императрицы. Зубовъ далъ такой же балъ въ день Александра. Концерты, спектакли, вечера каждый день располагали веселиться поляковъ. Самъ король далъ обѣдъ для русскихъ.

Приходилось выдержать еще борьбу съ Бухгольцемъ. Прусскій министръ, во время послѣдняго рѣшительнаго засѣданія сейма, былъ въ сильной тревогѣ; онъ боялся, что поляки, несмотря на всѣ принудительныя мѣры, упрутся, и никакія старанія Сиверса не заставятъ ихъ податься. Онъ не видѣлъ и не ожидалъ, со стороны Россіи, готовности, въ такомъ случаѣ, помогать Пруссіи своимъ оружіемъ. Дѣйствительно, можетъ быть, если бы

члены сейма не уступили ни за что, просидѣли бы не только вечеръ и ночь, но нѣсколько дней подъ стражею русскаго войска, показали бы готовность скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ сдѣлать угодное Пруссіи, и въ то же время отдавались бы съ покорностью императрицѣ, — въ концѣ концовъ пришлось бы оставить ихъ на произволъ судьбы раздѣлываться съ Пруссіею. На счастье Пруссіи сеймъ оказался храбрѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Но Бухгольцъ и на другой день послѣ этого засѣданія не былъ доволенъ. Пруссіи совсѣмъ не по мысли былъ торговый трактатъ и льготы Польшѣ. Бухгольцъ видѣлъ со стороны Сиверса тоже расположеніе, какъ и прежде, и жаловался, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Меллендорфу, что Сиверсъ мирволитъ полякамъ. «Поляки насъ ненавидятъ до крайности, гораздо больше, чѣмъ русскихъ. Они признаются, что оскорбляли Россію и вели съ нею войну, а главное, мы имъ противны оттого, что мы нѣмцы». Послѣ назначенія депутаціи, Бухгольцъ былъ недоволенъ и не хотѣлъ принимать добавокъ, а болѣе всего не хотѣлъ, чтобы торговый трактатъ былъ условіемъ уступки земель. Но Сиверсъ рѣшительно отвѣчалъ ему: «изъ статей, требуемыхъ поляками, нѣтъ ни одной, которая бы могла потрясти согласіе двухъ дворовъ. Вы подпишите послѣ завтра трактатъ и все кончится».

«Нѣтъ, возразилъ Бухгольцъ, я подписать не могу съ приложеніями и съ условіями о торговомъ трактатѣ. Напротивъ, слѣдуетъ Меллендорфу прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ въ двухъ воеводствахъ».

«Этого я на чистоту не допущу» — сказалъ Сиверсъ. — «Это значитъ, получивъ уступку, начать войну за чужіе капризы. По справедливости, король вашъ не долженъ отказать въ признаніи тѣхъ выгодъ, какія поляки имѣютъ основаніе требовать въ своемъ печальномъ положеніи, находясь въ полномъ распоряженіи прусскаго короля. Притомъ видите, какъ они тверды и упорны: не доводите ихъ до отчаянія. Уступкою, сдѣланною вамъ, вы обязаны единственно волѣ императрицы и тѣмъ насильственнымъ мѣрамъ, которыя я употреблялъ. Если Меллендорфъ войдетъ съ войсками, вы должны будете отсюда тотчасъ же уѣхать. Тогда трудно будетъ удержать ихъ отъ крайностей. Если вы несогласны пріостановить дѣло, то пошлемъ курьера къ своимъ дворамъ, а если вы хотите окончить дружелюбно, надобно подписать трактатъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ такъ. Послѣдствія очень важны».

Бухгольцъ нѣсколько разъ обращался съ прежней просьбой

допустить Меллендорфа войти въ воеводства, но Сиверсъ былъ непоколебимъ.

«Я говорю вамъ, сказалъ онъ, что вся негоціація разстроится, если вы на это рѣшитесь».

Меллендорфъ, узнавъ о разноголосицѣ, прислалъ къ Сиверсу своего адъютанта, но и адъютантъ не упросилъ Сиверса. Бухгольцъ отправилъ курьера къ своему королю въ лагерь.

Императрица сначала одобряла поведеніе своего министра съ Пруссіею.

Въ августѣ, когда ей донесли объ упорствѣ поляковъ по отношенію къ Пруссіи, она секретно приказывала поддерживать поляковъ въ ихъ справедливыхъ претензіяхъ противъ прусскихъ угрозъ и увѣрить ихъ въ добромъ расположеніи своемъ и вѣнскаго двора.

Отъ 14-го сентября, она писала къ Сиверсу: «во всемъ, что вы до сихъ поръ сдѣлали для пользы поляковъ, вы исполнили мои намѣренія, и хотя избранная дорога могла казаться противна интересамъ прусскаго двора, онъ не можетъ не признать основаній справедливости и человѣколюбія, какія вами руководили». Но все измѣнилось черезъ нѣсколько дней. Бухгольцъ получилъ отъ своего двора требованія, чтобы трактатъ объ уступкѣ земель былъ оконченъ прежде торговаго трактата. Прусскій король, узнавши, что дѣла его въ Польшѣ встрѣчаютъ препятствія, хотѣлъ оставить войну съ Франціею и обратиться на Польшу.

Вѣроятно, государыня разсчитывала, что если прусскій король оставитъ Францію и обратится на Польшу, то съ одной стороны страшное революціонное движеніе будетъ лишено противодѣйствія, съ другой Россія будетъ поставлена въ необходимость защищать Польшу и вступить въ войну съ Пруссіею. Въ то же время Австрія, терявшая надежду на успѣхъ вознагражденія на счетъ Франціи, показывала сильное желаніе вознаградить себя на счетъ Польши, и съ этою цѣлію соединилась бы съ Пруссіею. Россіи пришлось бы вмѣстѣ съ поляками воевать противъ двухъ сосѣднихъ державъ. Такимъ образомъ, европейскій союзъ противъ Франціи разрушился бы самъ собою, между тѣмъ поляки могли измѣнить Россіи и перейти на сторону ея враговъ. Екатерина приказывала Сиверсу поспѣшить окончаніемъ прусскаго дѣла, въ угоду прусскому двору.

Между тѣмъ, послѣ рѣшенія дѣла о подписи депутатовъ, сеймъ сталъ заниматься дѣлами внутренними. У Сиверса была готова конституція, написанная подъ его надзоромъ Мошинскимъ съ товарищами; она была представлена на сеймъ для обсужде-

ція. Но главнѣйшее дѣло этихъ дней было уничтоженіе тарговицкой конфедераціи.

Сиверсъ считалъ ее величайшимъ зломъ, разъѣдающимъ Польшу. Онъ представлялъ объ уничтоженіи ея еще въ началѣ сейма, но государыня нашла это неумѣстнымъ до поры до времени; раздѣляя взглядъ своего посланника на всѣ дурныя стороны этого учрежденія, она находила, что нужно держать ее до тѣхъ поръ, пока окончательно не совершится уступка польскихъ провинцій Россіи, но держать ее въ ослабленномъ видѣ. Такимъ образомъ, у конфедераціи отнято было все управленіе, запрещены собранія, прекращено образованіе новыхъ мѣстныхъ конфедерацій. Но суды, созданные ею, оставались по прежнему. Теперь, когда трактатъ съ Россіею былъ подписанъ, государыня приказала, сообразно давнишнему желанію Сиверса, совершенно уничтожить ее и составить новую, сеймовую, подъ начальствомъ короля. Составленіе новой конфедераціи сочтено нужнымъ единственно потому что боялись, чтобы друзья тарговицкой не могли упорно защищать ее на сеймѣ, потому и рѣшились вести дѣло такъ, чтобы, съ образованіемъ новой конфедераціи старая уничтожилась бы сама собою. Главою новой конфедераціи долженъ быть король, маршаломъ—сеймовый маршалъ, а совѣтниками—только члены настоящаго сейма.

Актъ уничтоженія прежней конфедераціи и составленія новой написанъ былъ Мошинскимъ и прочитанъ королю, къ большому его утѣшенію. Коссаковскій и Забѣлло, видя въ этомъ свое паденіе, пытались у Сиверса какъ-нибудь удержать свое издѣліе, но напрасно. 15-го сентября, Міончинскій подалъ на сеймъ проектъ о распущеніи конфедераціи. По этому проекту возобновлялись всѣ суды, какіе были до 1792 года, и должны были оставаться въ такомъ видѣ до реформы, долженствовавшей явиться съ новою формою правленія. Всѣ санциты конфедераціи, хотя не теряли сами по себѣ законной силы, но могли быть уничтожены сеймовымъ постановленіемъ. Они должны быть въ теченіи недѣли доставлены на сеймъ, для обслѣдованія ихъ, въ руки канцлеровъ.

Установлена была депутація для разбора жалобъ, которыя могли и должны были возникнуть на дѣйствія конфедераціи. Сторонники конфедераціи на сеймѣ не имѣли легальнаго повода сильно упорствовать, на томъ основаніи, что конфедерація все-таки существовала, только другая, и будучи членами сейма, они были членами этой новой конфедераціи. Поэтому актъ уничтоженія тарговицкой конфедераціи прошелъ единогласно, несмотря на то, что много было скорбѣвшихъ о ней и боявшихся,

чтобы, при обслѣдованіи дѣлъ конфедераціи, не объявились ихъ преступленія.

Новая конфедерація, подъ названіемъ Гродненской, заключалась съ цѣлью поддерживать преимущества престола и неприкосновенность имуществъ всѣхъ гражданъ. Патріоты, подписавшіе этотъ актъ, прибавили при своей подписи нѣкоторыя оговорки, касавшіяся того, что они вступаютъ въ новую конфедерацію въ видахъ охраненія цѣлости границъ Рѣчи-Посполитой и политической свободы. Сиверсъ нахмурился, увидя эти прибавки, и сказалъ: «можно будетъ заставить исключить это, если произойдутъ смятеніе и толки». Въ то же время и сеймъ продолжилъ свое существованіе до октября.

Послѣ этого засѣданія, бывшаго 5-го (16-го) сентября, на слѣдующемъ, 7-го (18-го) сентября, Краснодембскій произнесъ длинную рѣчь, гдѣ громилъ бывшую конфедерацію и указывалъ на нѣкоторыя ея санциты, явно обличавшія ея пагубныя для отечества дѣйствія. Такъ онъ напалъ на произвольное ея обращеніе съ казною. Онъ упомянулъ, между прочимъ, о томъ, какъ Коссаковскій присвоилъ себѣ интригами администрацію краковскаго епископства, указалъ на то, что многими санцитами конфедераціи добродѣтельные граждане, въ угоду сильныхъ членовъ конфедераціи, лишены были всего имущества, показалъ растрату суммъ военнаго вѣдомства, злоупотребленіе въ управленіи войска, назначеніе людей, несвѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, вмѣсто опытныхъ офицеровъ. Онъ обращался къ новосоставленной депутаціи, убѣждая ее отыскать и указать средства поправить вообще все, что конфедерація надѣлала вреднаго, какъ для страны вообще, такъ и для гражданъ въ частности. Краснодембскій указалъ, въ числѣ черныхъ дѣлъ конфедераціи, призваніе чужеземнаго войска, и при этомъ замѣтилъ, что она была создана Россіей съ вредными для Рѣчи-Посполитой намѣреніями и потомъ уничтожена Россіею же, когда это орудіе найдено болѣе ненужнымъ.

За нимъ Шидловскій началъ тоже произносить хулу на конфедерацію. «Тарговицкая революція, говорилъ онъ, ниспровергла великія учрежденія, основанныя на старыхъ законахъ, и замѣнила ихъ неслыханнымъ произволомъ. Черезъ нее честные граждане лишились имущества, которымъ владѣли роды ихъ въ продолженіе вѣковъ; они оподлили народъ, и каждаго изъ насъ ввергли въ бездну взаимной ненависти и смятенія; у тебя самого, король, отняты твои преимущества; принудили тебя обманомъ пристать къ конфедераціи».

Королю щекотливо стало слушать это обращеніе къ себѣ. Кра-

снодембскій, послѣ своихъ выходокъ противъ конфедераціи, изъявлялъ благодарность королю, и предложилъ цѣлованіе королевской руки, но король отклонилъ это, сказавши, что это будетъ умѣстно тогда, когда окончатся сеймовыя работы и слѣдовательно будетъ причина благодарить его за труды. «Лучше—сказалъ онъ—положимъ конецъ упрекамъ и обвиненіямъ конфедераціи; это только возбуждаетъ умы и поселяетъ вражду, когда для насъ теперь необходимо согласіе. Все, въ чемъ надобно будетъ обвинить бывшую конфедерацію, можетъ представиться въ учреждаемую на этотъ конецъ депутацію, а на сеймѣ слѣдуетъ лучше заниматься другими предметами, тѣмъ болѣе, что ихъ много».

Несмотря на эти успокоительныя убѣжденія короля, на другой день, 8 (19) сентября, Шидловскій началъ опять кричать противъ конфедераціи, но увлекся до того, что коснулся и новой, изъявилъ опасеніе, что и новая будетъ такая же, какою была старая, и назвалъ ее толпою (zgraja). «Какая надежда можетъ быть, сказалъ онъ, на исправленіе вреда, который принесла бывшая конфедерація, когда многіе члены новой находились въ прежней, получали отъ ея существованія выгоды, и теперь, разумѣется, будутъ защищать всѣ ея несправедливыя постановленія?»

Эти возраженія возмутили всю Избу. Требовали предать суду Шидловскаго за оскорбленіе достоинства членовъ сейма. Король, сообразно всегдашней своей наклонности мирить и улаживать, требовалъ у Шидловскаго, чтобы онъ просилъ прощенія. Онъ исполнилъ требованіе, но вслѣдъ за тѣмъ подалъ протестацію противъ дѣйствій сейма и акта конфедераціи, который, какъ онъ толковалъ, утверждалъ раздѣленіе Польши, выражая желаніе устроить форму правленія, благодѣтельную, по крайней мѣрѣ, для той части Рѣчи-Посполитой, которая еще оставалась независимою.

Эти выходки не могли ускользнуть отъ вниманія Сиверса; русскій посланникъ видѣлъ въ нихъ прямое противодѣйствіе Россіи и привязанность къ принципамъ 3-го мая, осужденнымъ союзными державами. Онъ написалъ грозную ноту и въ то же время приказалъ арестовать пословъ, кричавшихъ на сеймѣ. Но король послалъ къ нему двухъ министровъ просить его отмѣнить строгое рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что виновные уже получили прощеніе отъ оскорбленныхъ товарищей. Сиверсъ согласился на этотъ разъ оставить ихъ безъ преслѣдованія, но подтвердилъ, что если они осмѣлятся еще заявить что-нибудь въ подобномъ духѣ, то онъ принужденъ будетъ поступить съ ними сурово.

Сеймъ, между прочимъ, продолжалъ работы по внутреннимъ дѣламъ. Устроены были депутаціи для обревизованія управленій и учреждена коммиссія для разсмотрѣнія банкротства польскихъ банкировъ Прота Потоцкаго, Петра Теппера, Фредерика Кабриля, Карла Шульца и Яна Давида Гейзлера. Коммиссія эта должна была состоять изъ двадцати двухъ членовъ (10 изъ дворянъ, съ голосомъ рѣшающимъ, 3 изъ мѣщанъ, съ голосомъ совѣщательнымъ, назначенныхъ королемъ, и 9 назначенныхъ дворами петербургскимъ, берлинскимъ и вѣнскимъ). Они должны были наложить секвестрацію на всѣ имѣнія этихъ банкировъ и ихъ довѣренныхъ, пригласить всѣхъ кредиторовъ и должниковъ подъ страхомъ, въ случаѣ неявки, лишиться своихъ претензій; имущества должныхъ банкирамъ должны быть, въ случаѣ неуплаты ихъ долговъ, проданы съ публичныхъ торговъ и на вырученныя деньги слѣдовало удовлетворить кредиторовъ.

Въ субботу, 21-го сентября, Бухгольцъ послалъ въ Избу ноту, гдѣ говорилось:

«Его величество прусскій король не можетъ долѣе сносить преткновеній и затрудненій, вымышляемыхъ нарочно съ цѣлію не допустить до окончанія переговоры, начатые депутаціею, и потому прислалъ нижеподписавшемуся строгое приказаніе не входить ни въ какіе переговоры о торговомъ трактатѣ прежде, чѣмъ не будетъ оконченъ обмѣнъ ратификацій». Вмѣстѣ съ тѣмъ Бухгольцъ обѣщалъ, что совѣщанія о торговомъ трактатѣ и объ устройствѣ тарифа наступятъ тотчасъ послѣ означеннаго обмѣна ратификацій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Сиверсъ, въ своей новой нотѣ, извѣщалъ, что онъ «какъ посланникъ посредствующаго и дружественнаго двора, долженъ представить наияснѣйшимъ чинамъ о неминуемой потребности подписать трактатъ о границахъ съ прусскимъ дворомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредствѣ, безъ всякихъ прибавленій, если чины не желаютъ навлечь на Рѣчь-Посполитую ужаснѣйшихъ послѣдствій». Что касается до торговаго договора съ прусскимъ дворомъ, то Сиверсъ объявлялъ, что онъ будетъ содѣйствовать всѣми силами скорѣйшему начатію и окончанію дѣла, желаннаго и полезнаго для обоихъ государствъ.

Сиверсъ лично отправился къ королю, ловко объяснялъ ему, что надобно уступить, хоть ему самому это не по сердцу, иначе будетъ очень дурно, далъ слово стараться сдѣлать все возможное для торговаго трактата, и обнадеживалъ впередъ дружбою Россіи. Король, сначала взволнованный, мало-по-малу успокоился, соглашался, что дѣлать нечего, и просилъ только Сиверса

позволить отправить къ нему съ засѣданія канцлера просить о посредничествѣ въ дѣлѣ торговаго трактата; Сиверсъ согласился.

Открылось засѣданіе. Маршалъ Билинскій объявилъ, что онъ только-что получилъ двѣ ноты отъ посланниковъ обоихъ дворовъ и чтеніемъ ихъ долженъ начать засѣданіе.

«Предчувствую содержаніе и послѣдствія этихъ нотъ, сказалъ Кимбаръ. Повторится ужасный день 2-го сентября; но все напрасно. Пусть заморятъ насъ голодомъ въ Избѣ, мы не положимъ позора на себя и на весь народъ. Не надѣюсь, чтобы сегодня кто-нибудь осмѣлился думать иначе».

Ноты прочитали. Краснодембскій произнесъ рѣчь огненную, задорную. Послѣ него, въ томъ же духѣ, говорилъ Шидловскій. Рѣчи ихъ возбудили энтузіазмъ; начали кричать: «не соглашаемся!» сыпали проклятія, вопіяли противъ насилія, взывали къ Богу, къ Европѣ, къ потомству. По слѣдамъ Краснодембскаго и Шидловскаго заговорили смѣло и горячо Скаржинскій и Микорскій. За ними выступилъ съ рѣчью хитрый и уклончивый Анквичъ; и онъ теперь разыгрывалъ патріота: «я, говорилъ онъ, во все продолженіе этого сейма наружно покорялся необходимости въ видахъ спасенія остатковъ нашей земли, но отчаяніе переполняетъ мое сердце, когда я вижу, что къ несправедливости, намъ оказанной, присоединяется презрѣніе къ намъ, и если все это слѣдствіе нашего смиренія, да будетъ проклята та минута, когда я думалъ, что смиреніе намъ необходимо».

Онъ обратился къ королю и совѣтовалъ послать депутацію къ Сиверсу, котораго величалъ добродѣтельнымъ посланникомъ великой государыни, и просить его о заступленіи.

Король на это сказалъ:

«Убѣжденный г. краковскимъ посломъ, совѣтую послать канцлеровъ къ россійскому посланнику представить ему несправедливость требованій объ измѣненіи того, что было уже составлено при его посредствѣ; этого вымогаютъ отъ насъ насильственно».

Всѣ согласились съ королемъ; тутъ не заключалось ничего, кромѣ попытки протянуть время, что̀ всѣмъ было по душѣ.

Король поручилъ составленіе ноты конституціонной депутаціи. Она въ особомъ покоѣ составила ноту и потомъ представила въ Избу. Въ нотѣ было заявленіе отъ цѣлаго сейма, что онъ готовъ скорѣе вовсе прекратить съ Пруссіею переговоры, чѣмъ допустить измѣненіе хотя малѣйшей части во вредъ націи, и обращается съ просьбою къ Сиверсу, на основаніи принятаго имъ посредничества, съ просьбою убѣдить прусскаго ми-

нистра отказаться отъ своего требованія. Вмѣстѣ съ канцлерами король послалъ Анквича.

По уходѣ депутатовъ къ Сиверсу, въ собраніи опять произносились патріотическія горячія рѣчи. Король, боясь, чтобы патріоты, въ увлеченіи, не наговорили очень много, закрылъ засѣданіе.

Сиверсъ, получивъ отъ канцлеровъ ноту, отвѣчалъ имъ, не изустно, а письменно и просилъ немедленно подписать проектъ трактата съ прусскимъ королемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредствѣ и прочитанъ въ сеймѣ. «Всякая проволочка, писалъ онъ, всякая прибавка только отяготятъ судьбу Рѣчи-Посполитой, и потому нижеподписавшійся настоятельно проситъ уволить его отъ необходимости привести въ исполненіе предписанныя ему мѣры, возобновляя при этомъ случаѣ увѣренія, что скорость, съ какою они исполнятъ желаніе союзныхъ дворовъ, дастъ ему новое побужденіе къ участію, насколько возможно, во всемъ томъ, что можетъ послужить къ благоденствію Рѣчи-Посполитой, въ особенности же относительно торговаго трактата съ Пруссіею.»

Нѣкоторые послы сообразили, что въ понедѣльникъ должно происходить рѣшительное засѣданіе, и вздумали убѣжать изъ города въ воскресенье. Узнавъ это, Сиверсъ сталъ опасаться, чтобы такимъ образомъ и весь сеймъ не разбѣжался, и далъ приказаніе никого не выпускать изъ города. Ему донесли обо всемъ, что говорили рьяные послы, а чтобы не повторялось подобное на слѣдующій разъ, Сиверсъ далъ приказаніе Раутенфельду въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ арестовать Краснодембскаго, Шидловскаго, Скаржинскаго и Микорскаго. Такъ какъ они сами не хотѣли добровольно оставить сейма, то Сиверсъ опредѣлилъ отправить ихъ въ ихъ имѣнія.

Въ понедѣльникъ, 12 (23) сентября, два батальона окружили замокъ. Въ воротахъ поставили четыре пушки, подлѣ нихъ стали артиллеристы съ готовыми фитилями. Пикетъ въ пятьдесятъ человѣкъ сталъ на дворѣ. Солдаты заняли караулы въ коридорахъ и по всѣмъ входамъ. Въ Избу вошелъ генералъ Раутенфельдъ въ парадной формѣ, съ орденами; съ нимъ были его адъютанты. Сиверсъ велѣлъ, чтобы онъ черезъ этихъ адъютантовъ каждую четверть часа сообщалъ о томъ, что происходитъ въ сеймовой Избѣ. Все это устроено было въ пять часовъ пополудни. Посланникъ увѣдомилъ сеймъ объ арестованіи пословъ нотою, которая должна быть представлена сейму при самомъ началѣ засѣданія.

«Частыя напоминовенія, которыя нижеподписавшійся долженъ

былъ дѣлать сейму по поводу необузданныхъ рѣчей, допускаемыхъ нѣкоторыми послами, такъ-называемыми зелантами, почти въ каждомъ засѣданіи, не достигали своей полезной цѣли приведенія ихъ къ приличію и порядку; напротивъ, нижеподписавшійся замѣтилъ противное, что они свое заблужденіе простираютъ до крайности. Доказательствомъ того служатъ двѣ послѣднія рѣчи ливскаго посла Краснодембскаго 16-го сентября, и плоцкаго Шидловскаго 19-го того же мѣсяца: изъ нихъ первый, открыто восхваляя якобинскія правила революціоннаго сейма и конституціи 3-го мая, дерзнулъ изобразить чернѣйшими красками тарговицкую генеральную конфедерацію, составленную съ цѣлію спасенія отечества и покровительствуемую ея императорскимъ величествомъ; другой дошелъ еще до большей необузданности, дерзнувши назвать настоящій сеймъ, соединенный новою связью конфедераціи, въ которой и самъ приступилъ, толпою, которая будто бы обманомъ склонила короля приступить къ подписанію акта, по его словамъ преступнаго. Вся Изба была разгнѣвана и готова была осудить виновнаго, за необузданныя правила якобинства, такъ нагло проповѣдуемыя. Однако просьба объ извиненіи была достаточна, чтобы такой поступокъ прошелъ безнаказанно, несмотря на то, что оскорбленіе касалось двухъ сосѣдственныхъ державъ и самого народа, обидою для собранія, которое шестнадцать мѣсяцевъ несло въ рукахъ своихъ верховную власть надъ Рѣчью-Посполитою. Нижеподписавшійся, будучи вынуждаемъ критическими обстоятельствами, и при томъ намѣреваясь предупредить ужасныя слѣдствія напраснаго сопротивленія, которое чрезъ то самое становится преступнымъ противъ самого отечества, думалъ, что дѣлаетъ ему услугу, приказывая арестовать и удалить изъ Гродно двухъ вышеименованныхъ пословъ, а также и двухъ другихъ, не менѣе преступныхъ по своимъ рѣчамъ и поступкамъ, вышегродскаго Микорскаго и ломжинскаго Скаржинскаго, и препроводить ихъ въ города и повѣты, откуда они были выбраны. Нижеподписавшійся никогда не думалъ стѣснять свободу говоренія и голосованія. Рѣчи, произнесенныя во все продолженіе этого сейма, вписывались въ акты, печатались въ туземныхъ и заграничныхъ газетахъ, и несмотря на ихъ ѣдкость и оскорбительныя выраженія, они не могли привести его до того, чтобы употребить противъ нихъ тѣ средства, какія находятся у него въ рукахъ къ пресѣченію такого безправія. Но въ такое время, когда дѣло идетъ объ избѣжаніи новыхъ несчастій для Польши, когда сеймъ долженъ приняться прилежно за устроеніе своего будущаго благоденствія, нижеподписавшійся увидѣлъ себя принужденнымъ

приступить къ такимъ мѣрамъ, которыя безъ сомнѣнія одобритъ благомыслящая часть сейма, какъ и весь народъ.»

Члены съѣхались въ залу около восьми часовъ вечера и ужаснулись, увидя, что съ ними намѣрены поступать рѣшительно. Они проходили на свои мѣста въ глубокомъ молчаніи. Когда явился король, и сеймовый маршалъ съ своего мѣста долженъ былъ открыть засѣданіе, поднялся Гославскій и сказалъ:

«Засѣданіе не можетъ быть открыто. Если бы я даже хотѣлъ, то не могъ бы этого дозволить, не преступая закона. Мы постановили, чтобы при первомъ насиліи, сдѣланномъ членамъ нашего сейма, чины должны прекратить свои дѣйствія; въ эту ночь учинено неслыханное насиліе, арестованы четверо нашихъ товарищей. Я всѣми силами буду противиться открытію засѣданія, до тѣхъ поръ, пока означенные послы не будутъ возвращены сеймовой Избѣ. Пусть я паду жертвою; пусть чужеземный солдатъ, окружающій Избу, лишитъ меня жизни, и голова моя падетъ къ ногамъ его, я объявилъ, что на основаніи закона, охраняющаго посла, не дозволю открывать сеймоваго засѣданія до тѣхъ поръ, пока не увижу между нами арестованныхъ пословъ и пока не удалится отъ сеймовой Избы россійское войско съ пушками».

Товарищъ Гославскаго, Янковскій, заявилъ, что надобно послать къ россійскому посланнику канцлера и маршаловъ просить немедленно выпуска изъ-подъ ареста членовъ. То же совѣтовалъ Міончинскій. За нимъ множество голосовъ требовали того же.

«Хотя Изба находится въ страдательномъ положеніи, сказалъ король, но исполняя желаніе многихъ членовъ, я прошу гг. канцлеровъ ѣхать къ г. посланнику и объявить ему, что по поводу насилія, учиненнаго надъ особами, принадлежащими къ составу Избы, всѣ единогласно рѣшили, не приступать ни къ какимъ работамъ до возвращенія пословъ въ Избу».

Канцлеръ Сулковскій, подканцлеръ Пляттеръ и сеймовый маршалъ отправились къ русскому посланнику.

«Нѣкоторые господа, — сказалъ Гродзицкій, краковскій посолъ, — и въ томъ числѣ сенаторъ, коронный маршалъ Мошинскій, притворяются больными и не приходятъ въ засѣданія, какъ только здѣсь приходится разсуждать о какихъ-нибудь непріятныхъ дѣлахъ, а другіе обязаны приходить сюда всегда и подвергаться многому, что̀ тяготитъ ихъ совѣсть».

На эти замѣчанія увѣряли, что Мошинскій нездоровъ.

Послѣ того на цѣлый часъ воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое шагами русскихъ адъютантовъ, которые черезъ каж-

дую четверть часа входили въ залу и получали тихія приказанія отъ Раутенфельда.

Посланные отъ сейма къ Сиверсу застали у него Бухгольца и адъютанта Меллендорфа. Онъ въ это время просилъ пруссаковъ удержаться отъ военныхъ дѣйствій.

Канцлеръ разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

«Я не стану съ вами говорить, сказалъ сурово Сиверсъ, — отъ кого вы пришли? Не отъ сейма, когда засѣданія нѣтъ, а отъ вашего неправильнаго сборища. У васъ есть двѣ мои ноты. Съ нихъ надобно начинать засѣданіе. Онѣ получены и не прочтены. На нихъ не обращено вниманія. Это обида мнѣ. Я беру на себя трудъ написать вамъ отвѣтъ на бумагѣ, и вотъ онъ.»

Сиверсъ сѣлъ и написалъ слѣдующую ноту:

«На требованіе гг. канцлеровъ и сеймоваго маршалка, присланныхъ отъ членовъ сейма съ цѣлію просьбы объ освобожденіи четырехъ особъ, арестованныхъ пословъ, нижеподписавшійся не колеблется отвѣчать этимъ господамъ: пусть они донесутъ чинамъ, что такой новый образъ поведенія есть новое оскорбленіе союзнымъ дворамъ,—не позволять открытія засѣданія, когда на очереди должны читаться двѣ ноты, присланныя отъ нижеподписавшагося, одна въ отвѣтъ на ноту, поданную гг. канцлерами, другая объясняющая побужденія, которыя принудили нижеподписавшагося арестовать четырехъ пословъ какъ четырехъ подстрекателей, и удалить ихъ изъ Гродно, откуда они уже и поѣхали въ свои повѣты. Законы, на которые ссылаются, очень извѣстны нижеподписавшемуся; онъ уже состарѣлся, уважая законъ, и другимъ приказывая уважать его. Онъ не хочетъ ставить на видъ Польшѣ, какъ мало въ ней уважались законы, но ему приходится напомнить первый законъ—уваженія къ властямъ, законъ, непризнаваемый якобинскими правилами 3-го мая. Затѣмъ, нижеподписавшійся рекомендуетъ наияснѣйшимъ чинамъ прочитать вышеупомянутыя двѣ ноты, съ полнѣйшимъ увѣреніемъ въ томъ, что никакой перемѣны не можетъ произойти въ томъ, что въ нихъ содержится».

Въ присутствіи делегаціи Сиверсъ подписалъ паспорты четыремъ арестованнымъ посламъ и назначилъ деньги на издержки для слѣдованія ихъ на мѣста жительства.

Эта нота была прочитана. Раздались крики негодованія между патріотами. Маршалъ спросилъ: «слѣдуетъ ли читать ноты, присланныя посланникомъ, которыя онъ теперь требуетъ прочитать?»

«Сейма нѣтъ! Засѣданіе невозможно подъ оружіемъ!» кричали патріоты.

Выступилъ Гославскій. Онъ держалъ надъ головою листъ, на которомъ былъ написанъ законъ 6-го іюля, запрещающій сеймовыя засѣданія, въ случаѣ насилія надъ послами.

«Сеймовать нельзя болѣе, восклицалъ онъ. Послы арестованы; Изба окружена москалями. Законъ, нами самими написанный, не дозволяетъ вести совѣщанія въ такихъ обстоятельствахъ. Выйдемъ лучше изъ Избы, если мы должны въ ней причинять несчастія отечеству; покажемъ передъ цѣлою Европою, что можемъ быть угнетены, но не будемъ подлецами. Будьте послушны закону, окажите эту честь отечеству».

Это было черезъ-чуръ рѣшительно. Собраніе молчало. Гославскій ушелъ изъ Избы. Никто не послѣдовалъ его примѣру. Раутенфельдъ велѣлъ пропустить его. Для русскаго посланника его выходъ былъ очень полезнымъ дѣломъ.

Тогда Раутенфельдъ обратился къ королю и просилъ открыть засѣданіе.

«Я не могу заставить ихъ говорить», сказалъ король.

Началъ говорить Міончинскій, и чтобы его не прервали въ началѣ, началъ превозносить мужество патріотовъ, а потомъ съѣхалъ на невозможность противиться силѣ, и совѣтовалъ прочесть ноты, присланныя Сиверсомъ. «По крайней мѣрѣ сдѣлаемъ это для того только, чтобы посланникъ не имѣлъ повода жаловаться на непочтеніе къ нему», — говорилъ онъ.

«Нѣтъ нужды, сказалъ Залусскій, коронный надворный подскарбій, соблюдать формальности открытія засѣданія. Ноты могутъ быть прочитаны и не въ засѣданіи, какъ и та, которая у насъ была сейчасъ прочтена».

«Пусть — говорилъ новогродскій посолъ Войниловичъ — эти ноты будутъ прочитаны не секретаремъ, а кѣмъ-нибудь инымъ, чтобы не походило, что у насъ открыто засѣданіе.

Много голосовъ разомъ одобряло это. Маршалъ приказалъ прочесть первую ноту, но черезъ секретаря. Чтеніе прошло спокойно, но при нотѣ приложенъ былъ проектъ трактата. Едва-было секретарь хотѣлъ читать и эту бумагу и уже началъ-было: «Мы, король»,—поднялась страшная буря.

«Это невозможно, говорилъ Кимборъ; какъ можно читать проектъ, который навязываетъ намъ чужого государства посланникъ».

«Нѣтъ засѣданія», кричали другіе. «Нельзя читать никакого проекта».

«Проектъ, говорили третьи, не можетъ быть поданъ лицомъ,

непринадлежащимъ къ посольскому кругу, тѣмъ болѣе чужестраннымъ посланникомъ».

«Такъ, мы не можемъ открыть засѣданія, — сказалъ Анкевичъ,—законъ намъ этого не позволяетъ, пока не будутъ возвращены арестованные послы; но надобно прочитать другую ноту, въ которой посланникъ объясняетъ поводы, побудившіе его къ этому шагу, а чтобы не дать права обвинять насъ со стороны посланника, слѣдуетъ прочесть и другую его ноту».

Другая нота была прочитана.

Нѣкоторые, начиная съ Кимбора, стали разсуждать о несправедливости ареста.

«Я предлагаю, сказалъ король, еще разъ послать гг. канцлеровъ къ посланнику. Извольте, господа, назначить изъ своей среды такихъ, которые бы съ ними отправились и представили посланнику, что по прочтеніи нотъ чины должны исполнить законъ, недозволяющій имъ держать засѣданія, пока не будутъ возвращены арестованные ихъ товарищи».

«Только никакъ не приступать ни къ чему до ихъ возвращенія», подтвердилъ Олдаковскій.

«Да, да» повторили многіе голоса.

«Задержка пословъ касается всѣхъ насъ, сказалъ Гродзицкій (краковскій); прошу ваше величество, чтобы посылаемая делегація представила г. посланнику, пусть онъ или уволитъ ихъ, или всѣхъ насъ прикажетъ засадить»!

Выбрали Гродзицкаго, вышегродскаго посла Богуцкаго и упитскаго Кимбора. Нѣкоторые при этомъ стали просить, чтобы высланъ былъ еще и отъ сената Суходольскій. Онъ отговаривался тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ заслугъ у посланника, и просилъ назначить кого-нибудь иного, но многіе послы убѣждали его, и Суходольскій согласился.

Сиверсъ этой депутаціи отвѣчалъ: «если бы въ эту минуту пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ отъ ея императорскаго величества, и привезъ повелѣніе выпустить этихъ пословъ, я принужденъ бы былъ не исполнить высочайшее повелѣніе, а представить прежде государынѣ о большомъ вредѣ, какой произойдетъ, если эти послы будутъ здѣсь оставаться. Я сейчасъ велю ихъ отправить. Еще разъ объявляю вамъ, что войска не удалятся до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ проектъ, присланный при моей нотѣ сейму, и не обратится въ законъ».

«А въ случаѣ, сказали делегаты, если большинство голосовъ отвергнетъ его»?

«Я далъ уже приказаніе на этотъ случай г. Раутенфельду, и онъ поступитъ указаннымъ ему способомъ».

По уходѣ делегаціи къ Сиверсу, въ сеймовой Избѣ соблюдалось гробовое молчаніе. Въ 12 часовъ воротились делегаты и объявили отвѣтъ Сиверса. На всѣхъ пословъ нашелъ нѣкотораго рода столбнякъ. Съ четверть часа никто не открылъ рта. Наконецъ Міончинскій прервалъ молчаніе и пожаловавшись, какъ водится, на судьбу, окончилъ предложеніемъ открыть засѣданіе и читать проектъ, присланный Сиверсомъ. За нимъ тоже повторило множество пословъ, и секретарь держалъ уже въ рукахъ проектъ. Вдругъ очнулись изъ своего оцѣпенѣнія патріоты Кимборъ, Янковскій, Цемневскій, Олдаковскій, Шидловскій, братъ арестованнаго. Опять посыпались патріотическія похвалки, порывы мужества, проклятія насильникамъ и измѣнникамъ. Но крики ихъ уже не дѣйствовали на громаду пословъ. Раутенфельдъ, который самъ съѣздилъ къ Сиверсу, возвратившись, объявилъ громко, что всѣ члены сейма будутъ оставаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не рѣшится дѣло, иначе онъ имѣетъ предписаніе употребить тотчасъ суровыя мѣры. «И самъ его величество король, сказалъ онъ маршалу, не можетъ двинуться съ своего трона, и гг. сенаторы будутъ спать въ этой Избѣ, на соломѣ, если имъ угодно, но не выйдутъ отсюда, пока не удовлетворятъ требованій посланника». Испуганная такими угрозами представителя императрицы Екатерины и звукомъ оружія, посольская громада была уже готова ко всему; оставался небольшой кружокъ патріотовъ. Анквичъ громко спрашивалъ: «г. сеймовый маршалъ, открыто ли у насъ засѣданіе или нѣтъ?»

«Открыто, открыто!» раздается множество голосовъ. «Читайте проектъ, г. секретарь».

Но едва секретарь проговорилъ: «мы, король»,—какъ усиливаются крики и проклятія. «Засѣданіе не открыто! Засѣданіе не можетъ быть открыто!» провозглашаютъ патріоты.

«Не открывать засѣданія — сказалъ Міончинскій—и не читать проекта напрасно; это не можетъ принести ничего хорошаго. Посланникъ исполнитъ свою угрозу. Пусть бывшіе у него повторятъ, какъ онъ выразился, и чего можно опасаться отъ него».

Богуцкій, человѣкъ уклончиваго свойства, выразился неясно. «Я ничего не могу прибавить къ тому, что сеймъ уже слышалъ. Угрозы посланника есть дѣло его силы, а то, что я здѣсь исполняю, есть голосъ права и убѣжденія».

Видно было, что Богуцкій хотѣлъ угодить и тѣмъ и другимъ. Но Кимборъ былъ прямодушнѣе его.

«Пусть—сказалъ онъ—меня держатъ въ этой Избѣ подъ замкомъ сколько угодно, я не нарушу закона. Склониться на предложенное желаніе можетъ только тотъ, для кого собственныя выгоды

выше отечества. Засѣданіе не открыто, и не можетъ быть открыто. Я не позволяю».

«Это упорство можетъ повести къ несказанной бѣдѣ», говоритъ Залусскій, и за нимъ то же повторяетъ Міончинскій и другіе.

«Г. маршалъ—раздались голоса—извольте громко объявить, что засѣданіе открыто, и читайте проектъ!»

«Вотъ что надобно читать», говорилъ Цемневскій, и началъ громогласно читать законъ 6-го іюля, недозволяющій открывать засѣданія въ случаѣ насилія. «Г. маршалъ, говорилъ онъ, обращаясь къ Билинскому, я васъ позову къ суду, если вы осмѣлитесь объявить, что засѣданіе открыто».

«Засѣданіе не открыто, а проектъ пусть прочтется», говорили нѣкоторые.

«Читайте проектъ»! сказалъ секретарю маршалъ.

Секретарь опять взялся за проектъ, и только успѣлъ проговорить: «мы, король»,—какъ опять крики, угрозы, проклятія не дозволили ему читать.

«Въ такомъ трудномъ положеніи—пусть сенатъ дастъ намъ совѣтъ и рѣшеніе», сказалъ Міончинскій, надѣясь, что еслибы такъ сдѣлалось, то ему удалось бы провести проектъ.

«Къ чему отдаваться на волю сената,—сказалъ Шидловскій (цѣхановскій), законъ ясенъ. Не позволю отдаваться на совѣтъ сенатскій».

Нѣсколько разъ маршалъ приказывалъ секретарю прочитать проектъ, но патріоты не допускали. Раутенфельдъ нѣсколько разъ подходилъ къ маршалу и говорилъ, что если еще будутъ испытывать его терпѣніе, то онъ прибѣгнетъ къ тѣмъ суровымъ мѣрамъ, которыя ему предписаны. Но въ чемъ состоятъ эти мѣры, онъ не говорилъ, и самъ, быть можетъ, ясно не сознавалъ ихъ.

Наконецъ, сендомирскій посолъ Блешинскій, тоже патріотъ, но характера мягкаго, сказалъ:

«Я съ своими товарищами держался до сихъ поръ того мнѣнія, что засѣданіе не можетъ быть открыто, но теперь уже такъ поздно; не вижу никакихъ средствъ кончить споръ, а между тѣмъ надобно обратить вниманіе и на здоровье его величества. Я бы согласился на открытіе засѣданія, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотчасъ же рѣшили: можемъ ли мы продолжать сеймовую дѣятельность, пока не возвратятся арестованные послы? Надѣюсь, что законъ, существующій для такихъ обстоятельствъ, возьметъ верхъ, а я всегда за него».

«Изба въ страдательномъ положеніи,—сказалъ сендомирскій

посолъ Рачинскій, — «на кого ни обращу взоры, на сенатъ, на короля, на все собраніе пословъ,—вижу невольниковъ. Дѣятельное лицо здѣсь одинъ г. Раутенфельдъ, россійскій генералъ. Я припоминаю славный примѣръ Августа II, когда, принужденный оружіемъ Карла XI, онъ долженъ былъ подписать договоръ, который поправило время. И мы, щадя здоровье его величества, изрекши, что ничего не можемъ дѣлать и по закону Изба остается въ страдательномъ положеніи, приблизимъ дѣло къ концу такимъ образомъ: запишемъ торжественно въ книгахъ свидѣтельство утѣсненія нашего, составимъ декларацію о насиліи надъ нами, и не приступимъ ни къ какой формальности, ни къ баллотировкѣ, ни къ единогласію, но по прочтеніи его вашему королевскому величеству примемъ его глухимъ молчаніемъ».

«Я долго молчалъ, сказалъ Анквичъ, и думалъ, что твердость пословъ отвратитъ несчастіе отъ отечества; за проектъ говорить не чувствовалъ себя способнымъ; теперь же вижу ясно, что ничто насъ не освободитъ отъ принятія проекта. Проектъ деклараціи отъ сейма можетъ быть принятъ, какъ надѣюсь, единогласно, а на проектъ раздѣла—пусть всѣ отвѣчаютъ полнѣйшимъ и всеобщимъ молчаніемъ».

Эта хитрая выдумка понравилась очень многимъ. Послѣ Анквича сталъ говорить Коссаковскій и утѣшалъ сеймъ тѣмъ, что добавки относительно торговаго трактата въ сущности не принесутъ большихъ выгодъ жителямъ. «У насъ въ Литвѣ еще и не было постановлено никакихъ таможенныхъ пошлинъ со стороны Пруссіи, а всѣ жители нашей провинціи, торгующіе съ Кролевцемъ, терпятъ тамъ отъ пошлинъ большое разореніе. Такъ что же значитъ, когда на бумагѣ напишется что-нибудь хорошее, если его на дѣлѣ не будетъ? Напротивъ, если мы будемъ упрямиться и стоять за эти добавки, то черезъ то скорѣе можемъ навлечь стѣсненія на народъ».

Анквичъ прочиталъ свой проектъ, выразившій то, что онъ прежде изустно изложилъ.

«Согласна ли Изба», спрашивалъ маршалъ.

«Пусть лучше, сказалъ кто-то, конституціонная депутація составитъ декларацію и подпишетъ какъ декларацію, такъ и проектъ, присланный посланникомъ, безъ спросовъ и согласія».

«Это невозможно, сказалъ Анквичъ. Особы, принадлежащія къ депутаціи, и я въ томъ числѣ, не смѣютъ подписывать того, что не прошло на сеймѣ и не принято единогласіемъ или большинствомъ голосовъ; а какъ же узнать это безъ вопроса отъ маршалка о согласіи? Я не стану отвѣчать на вопросы, а какъ посолъ, подпишу, не будучи виновенъ; это дѣло насилія, по-

тому что я, по своей присягѣ, долженъ подписать то, на что не слыхалъ оппозиціи».

«Это единственный способъ выйти изъ затруднительнаго положенія», сказали нѣкоторые, и вскорѣ мысль эта стала господствующею.

«Мы считаемъ, что, по причинѣ окружающаго насъ войска, сеймъ не открывается и голосованія быть не можетъ; молчаніе самый лучшій исходъ, когда не позволяютъ высказывать своихъ убѣжденій».

И вся Изба замолчала. Раутенфельдъ глядѣлъ, вставалъ, прохаживался, опять садился и, наконецъ, подошелъ къ трону и сказалъ:

«Ваше величество, прикажите читать проектъ».

Король исполнилъ его желаніе. Но едва секретарь взялъ проектъ, нетерпѣливые патріоты опять стали кричать.

Раутенфельдъ громко объявилъ, что если не замолчатъ и не дадутъ прочесть проекта, то онъ приметъ предписанныя ему мѣры.

Все замолчало, доказавъ, что если прежде не прекращались крики, то не отъ того, чтобы трудно было найти средство ихъ прекратить.

Секретарь прочиталъ проектъ, присланный съ нотою русскимъ посланникомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ еще въ концѣ августа, безъ послѣдовавшихъ потомъ добавокъ. Потомъ секретарь началъ читать декларацію, составленную Анквичемъ.

«2-го числа текущаго мѣсяца мы были окружены чужеземными войсками и угрожаемы вступленіемъ прусскихъ войскъ въ глубину земель Рѣчи-Посполитой, съ цѣлію разорить ихъ въ конецъ. Подъ гнетомъ насилія, мы, члены сейма, дали вынужденное позволеніе депутаціи подписать навязанный намъ трактатъ, допустивши въ этомъ актѣ съ нашей стороны выраженія такихъ желаній, на которыя насилующая насъ власть сама изъ состраданія къ намъ, казалось, соизволяла; но къ удивленію теперь мы узнали, что берлинскій дворъ видимо недоволенъ этимъ, что новое насиліе вводитъ въ Избу новый проектъ, и для его проведенія не только окружаетъ мѣсто нашихъ совѣщаній чужеземнымъ войскомъ, не только угрожаетъ посредствомъ нотъ, но беретъ изъ между насъ и увозитъ пословъ и нигдѣ не употребительнымъ образомъ держитъ въ неволѣ нашего короля, угнетеннаго лѣтами и ослабѣвшаго отъ многихъ скорбей, въ позднюю ночную пору, и всѣхъ насъ, членовъ сейма. Поставленные въ такое положеніе, мы объявляемъ, что не въ силахъ будучи даже

съ опасностію жизни избѣжать послѣдствій напряженнаго насилія, поручаемъ потомству, которое, можетъ быть, будетъ счастливѣе насъ, тѣ средства спасенія отечества, какихъ теперь нѣтъ у насъ, и принимаемъ, по принужденію, присланный посланникомъ россійскимъ въ Избу проектъ, противный нашимъ желаніямъ и нашимъ правамъ».

На это всѣ согласились. Тогда секретарь прочиталъ порученіе депутаціи, прежде назначенной для переговоровъ съ прусскимъ министромъ.

«Мы, король, вмѣстѣ съ чинами Рѣчи-Посполитой, собранными на конфедераціонный сеймъ, принимая во вниманіе положеніе нашей отчизны и желая избѣгнуть бѣдствій, которыми угрожаютъ намъ ноты, получаемыя отъ г. россійскаго посланника Сиверса и отъ г. прусскаго посланника Бухгольца, поручаемъ депутаціи, назначенной для переговоровъ съ послѣднимъ, немедленно подписать трактатъ съ его величествомъ королемъ прусскимъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ и условленъ за посредничествомъ великаго посла ея императорскаго величества императрицы всероссійской, и читанъ на сеймѣ, обязываясь ратификовать его именемъ нашимъ и всего собраннаго сейма черезъ шесть недѣль послѣ подписанія, или скорѣе, если это можно будетъ».

Ни одинъ голосъ не раздался по прочтеніи этихъ бумагъ. Члены сидѣли бездвижно какъ статуи. Время проходило. Былъ четвертый часъ на исходѣ.

Раутенфельдъ потерялъ терпѣніе. Онъ подошелъ къ трону и сказалъ королю:

«Ваше величество, прикажите начать разсмотрѣніе прочитанныхъ проектовъ.

«У меня, сказалъ король, нѣтъ власти заставить членовъ говорить, когда они молчатъ».

«Въ такомъ случаѣ, сказалъ Раутенфельдъ, мнѣ остается только прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, какія мнѣ предписаны. Я долженъ ввести сюда гренадеровъ».

И онъ пошелъ къ дверямъ.

Увидя это, сеймовый маршалъ сказалъ:

«Соизволяетъ ли Изба на подписаніе трактата объ уступкѣ земель Пруссіи?»

— Нѣтъ! проговорило немного голосовъ съ тономъ отчаянія, какъ бы собирая послѣднія силы.

«Въ такомъ случаѣ я долженъ отдать дѣло на голоса».

Анквичъ вскочилъ съ своего кресла и сказалъ:

«Если вы, панъ маршалъ, отдадите проектъ на голосованіе, я возьму назадъ свою декларацію».

Участвовавшій въ депутаціи по проекту, этотъ господинъ долженъ былъ бы дать отрицательный голосъ, сообразно высказанному убѣжденію, но тогда трудно было ему выпутаться отъ гнѣва той стороны, отъ которой получалъ жалованье. И другимъ тоже хотѣлось угодить сильнымъ и похвастаться гражданскою честностію.

Маршалъ сказалъ:

«Если теперь я услышу оппозицію, то долженъ буду отдать дѣло голосованію».

Онъ перемѣнилъ форму вопроса и поставилъ его такъ:

«Согласна ли сеймовая Изба на то, чтобы депутація подписала прусскій трактатъ, присланный на сеймъ русскимъ посланникомъ?»

Все молчало.

Маршалъ повторилъ тотъ же вопросъ.

Изба молчала.

Маршалъ въ третій разъ спросилъ тѣми же словами.

Никто не отвѣчалъ.

«Молчаніе—знакъ согласія», сказалъ маршалъ. «Проектъ принятъ единогласно».

Всѣ встали молча, и выходили изъ залы, отирая слезы. На башнѣ ударило четыре часа; въ монастыряхъ раздавался звонъ, зовущій благочестивыхъ къ утренѣ, и напоминавшій о суетѣ всего мірского, и вмѣстѣ съ тѣмъ о суетѣ пропадавшей такъ безславно Рѣчи-Посполитой.

Сиверсъ, прочитавъ декларацію и сообщая ее своему правительству, замѣтилъ, что она рѣзка, но что онъ не могъ ее преслѣдовать. «Надобно же, выразился онъ, позволить несчастнымъ поплакать».

Прусскій трактатъ былъ подписанъ депутаціею и окончательно ратификованъ 10-го октября.

Статьи его были таковы:

1. Съ этихъ поръ будетъ искренняя и постоянная дружба между его величествомъ королемъ прусскимъ, его наслѣдниками и преемниками и всѣмъ его государствомъ съ одной стороны, и его королевскимъ величествомъ польскимъ королемъ и великимъ княземъ литовскимъ и его преемниками и королевствомъ польскимъ и великимъ княжествомъ литовскимъ съ другой, съ тѣмъ, что обѣ договаривающіяся стороны будутъ оказывать бдительность къ поддержанію между собою добраго согласія и взаимныхъ сношеній, избѣгая всего того, что могло бы нарушить спокойствіе и благоденствіе обоихъ государствъ.

2. Для прочнаго утвержденія счастливой системы единенія и дружбы на болѣе твердыхъ основахъ, признано умѣстнымъ и потребнымъ означить и устано-

вить границы, которыя впредь на вѣчныя времена будутъ отдѣлять земли его королевскаго величества прусскаго короля и польскаго королевства. Почему его величество польскій король, за себя и за своихъ преемниковъ, а равно и чины польскаго королевства и великаго княжества литовскаго, уступаютъ настоящимъ трактатомъ на вѣчныя времена, безъ востребованія, безъ возврата, безъ всякаго какого-либо исключенія его величеству прусскому королю, его наслѣдникамъ и потомкамъ обоего пола, воеводства, города и повѣты, занятые его величествомъ прусскимъ королемъ въ свое владѣніе послѣ своего патента отъ 25-го марта текущаго года, означаемые настоящимъ трактатомъ, посредствомъ проведенной черты, начиная отъ Силезской границы за милю ниже Ченстохова и слѣдуя вправо до Пилицы, немного выше Конецполя, сообразно тому, какъ было занято, до владенія рѣки Бялой, текущей отъ Лелова, идя далѣе вдоль Пилицы до Гротовицъ, а оттуда прямою линіею на Сохачевъ, оставляя влѣво Раву, на нѣмецкую полумилю и слѣдуя на милю за городъ Раву, а оттуда прямымъ угломъ до малой рѣки Скерневки, иначе называемой Ежовка, до того мѣста, гдѣ эта рѣчка соединяется съ Бзурой, потомъ по теченію этой рѣки къ Вислѣ, противъ Вышегрода, а отъ этого послѣдняго города прямою линіею до Дзялдова, такъ, чтобъ правый берегъ рѣкъ Пилицы, Скерневки (иначе Ежовки) и Бзуры оставался за Польшею, а лѣвый за прусскимъ государствомъ, съ оставленіемъ свободнаго плаванія подданнымъ обоихъ государствъ, и съ возбраненіемъ обѣимъ сторонамъ предпринимать такого рода работы, которыя бы могли измѣнить теченіе означенныхъ рѣкъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ демаркаціонная коммиссія найдетъ граничные знаки поставленные не въ томъ порядкѣ, она прикажетъ перенести ихъ сообразно означеннымъ границамъ. Кромѣ того, его величество польскій король и Рѣчь-Посполитая уступаютъ прусскому королю города Гданскъ и Торнъ съ ихъ территоріями. Его величество король польскій и чины короны польской и великаго княжества литовскаго уступаютъ его величеству прусскому королю и его наслѣдникамъ и преемникамъ всѣ вышеименованныя земли съ правомъ собственности, верховной власти и независимости, со всѣми городами, крѣпостями мѣстечками, деревнями, берегами, гаванями, рѣками, со всѣми подданными и обитателями, увольняя ихъ отъ долга вѣрности и присяги, данной польскому королю и польской коронѣ, со всѣми правами, касающимися политическихъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что принадлежало къ верховной власти, и обязываются точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не составлять ни прямымъ, ни косвеннымъ, ни подъ какимъ предлогомъ, никакихъ притязаній на края и повѣты, уступленные настоящимъ трактатомъ. Обѣ договаривающіяся стороны обязываются назначить немедленно коммиссаровъ съ той и другой стороны для составленія демаркаціи нынѣшнихъ границъ между Пруссіею и Польшею съ возможною точностью, а равно для полюбовнаго разрѣшенія споровъ, ссоръ и тяжбъ, могущихъ возникнуть по этому поводу между подданными того и другого государства. Подобные коммиссары будутъ назначаться и на будущее время, каждый разъ, какъ возникнутъ какіе-нибудь споры какъ относительно самыхъ границъ, такъ и по поводу законовъ о границахъ.

3. Взамѣнъ уступокъ, сдѣланныхъ его величествомъ королемъ польскимъ и Рѣчью-Посполитою по настоящему трактату, его величество прусскій король отрекается положительно за себя и за своихъ преемниковъ обоего пола отъ всякихъ претензій, какія могли бы возникнуть прямо или косвенно и подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, предлогомъ и условіемъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ или случаяхъ, на какую бы то ни было провинцію или на малѣйшую часть той земли, которою владѣетъ король польскій Его величество прусскій король отрекается равнымъ образомъ отъ правъ своихъ на вла-

дѣніе Сересю и Таурогеномъ съ ихъ принадлежностями, лежащими въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Сверхъ того онъ обязывается поддерживать Польшу въ состояніи ея настоящихъ владѣній и гарантируетъ настоящею статьею, точнѣйшимъ и обязательнѣйшимъ способомъ, цѣлость и верховную власть надъ вышеозначенными существующими владѣніями, со всѣми вытекающими изъ того правами.

4. Равнымъ образомъ его величество польскій король за себя и за своихъ преемниковъ и чины королевства польскаго и великаго княжества литовскаго отрекаются на вѣчныя времена торжественнѣйшимъ образомъ отъ всѣхъ правъ и притязаній какого бы то ни было рода и наименованія, вытекающихъ подъ какими бы то ни было предлогами и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ на провинціи, земли и повѣты съ ихъ принадлежностями, уступленные 2-ю статьею нынѣшняго договора, а равно его величество король и польская Рѣчь-Посполитая гарантируютъ его величеству прусскому королю и его потомкамъ не только провинціи, уступленныя нынѣшнимъ договоромъ, но и тѣ, которыя прежде уступлены Пруссіи, по варшавскому трактату 18-го сентября 1775 года.

5. Послѣдователи римско-католической вѣры наравнѣ съ тѣми ихъ единовѣрцами, которые прежде поступили подъ прусское владичество, будутъ пользоваться во всѣхъ краяхъ, уступленныхъ настоящимъ трактатомъ, всякими своими правами и имуществами въ гражданскомъ отношеніи, а въ церковномъ будетъ предоставляться имъ свобода отправленія религіозныхъ обрядовъ и церковной дисциплины, съ сохраненіемъ всѣхъ постановленій и церковныхъ имуществъ въ томъ видѣ, въ какомъ они владѣли до этого времени. Его королевское величество обѣщаетъ за себя и за всѣхъ преемниковъ, что никогда не захочетъ употреблять монархическихъ правъ къ ущербу настоящаго состоянія римско-католической религіи, въ краѣ, поступившемъ въ его владѣніе. Что касается до костеловъ и благочестивыхъ учрежденій, которые, будучи помѣщены въ одномъ государствѣ, имѣли бы часть фондовъ въ другомъ, то высокія договаривающіяся стороны уступаютъ ихъ взаимно со всѣми правами, какъ духовными, такъ и свѣтскими, съ сохраненіемъ для себя свободнаго распоряженія ими, такъ однако, чтобы вышеименованные фонды не измѣняли своего существа и не могли быть употреблены ни на что, кромѣ на взаимную поправку тѣхъ костеловъ и братствъ, которые бы подверглись ущербу при настоящемъ устройствѣ дѣлъ, съ обязанностію назначить особою статьею срокъ, до котораго пользованіе доходами оныхъ костеловъ и братствъ въ обоихъ государствахъ можетъ продолжаться по силѣ настоящаго положенія, безъ ущерба праву пожизненнаго владѣнія нынѣшнихъ поссесоровъ и ихъ коадъюторовъ, исключая однако фондовъ познанскаго епископства, оставшихся и въ Польшѣ, которые тотчасъ переходятъ въ управленіе Рѣчи-Посполитой, для установленія изъ ихъ доходовъ содержанія для новаго варшавскаго епископства.

6. Его величество прусскій король, желая содѣйствовать спокойствію Рѣчи-Посполитой, сколько отъ него можетъ зависѣть, согласенъ, если народъ пригласитъ его участвовать въ гарантированіи тѣхъ учрежденій, которыя будутъ установлены чрезвычайнымъ гродненскимъ сеймомъ.

7. Всѣ особыя конвенціи, какія впослѣдствіи могутъ быть заключены, какъ по отношенію къ торговлѣ обоихъ народовъ, такъ и по другимъ какимъ-либо отдѣльнымъ предметамъ, будутъ имѣть равную силу и вѣсъ, какъ онѣ были вписаны слово въ слово въ нынѣшній трактатъ; установляя новыя торговыя правила, обѣ высокія договаривающіяся стороны обязываются принимать за основаніе взаимную уплату по 2% съ привоза, вывоза и транзита, а равно ру-

ководствоваться началами умѣренности при составленіи тарифа посредствомъ коммиссіи, долженствующей быть установленной съ обѣихъ сторонъ немедленно. Его величество прусскій король и Рѣчь-Посполитая сохраняютъ за собой свободу пригласить къ посредничеству ея императорское величество императрицу всероссійскую во всѣхъ затрудненіяхъ, которыя бы въ продолженіе переговоровъ о торговомъ трактатѣ могли возникнуть.

8. Обѣ высокія договаривающіяся стороны согласились еще на возобновленіе и подтвержденіе въ точнѣйшей формѣ трактата, заключеннаго между ними въ Варшавѣ, 18-го сентября 1773 года, во всемъ томъ, что не противорѣчитъ содержанію и постановленіямъ настоящаго трактата, дабы содержаніе особыхъ статей трактата 1773 года не произвело ни въ чемъ препятствій условіямъ, заключающимся въ особыхъ статьяхъ настоящаго.

9. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ его величествомъ прусскимъ королемъ съ одной стороны и его величествомъ королемъ польскимъ и Рѣчью-Посполитою съ другой, въ продолженіи шести недѣль, начиная отъ дня подписанія, или того скорѣе, если возможно, и текстъ будетъ внесенъ въ конституцію настоящаго сейма. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязываются просить у ея императорскаго величества россійской императрицы гарантіи настоящаго трактата.

Пруссія пріобрѣла пространство въ 1.000 кв. миль съ народонаселеніемъ около милліона душъ.

VII.

Послѣднія работы сейма.—Союзный трактатъ съ Россіею.—Неудовольствіе Екатерины II. — Возвращеніе короля въ Варшаву, и новый характеръ его власти.

Со времени знаменитой ночи съ 23-го на 24-е сентября, сеймъ, продолжавшійся до 9-го октября, уже не представлялъ настолько важности, чтобы стоило слѣдить за ходомъ его въ подробности. Работы его были обращены на внутреннія дѣла. Опредѣлено регулярное жалованье королю въ мѣсяцъ изъ Короны 156,250 зл. и изъ Литвы 93,750. До этого времени король получалъ 150,000 въ мѣсяцъ, что̀ было для него недостаточно. Учреждена была коммиссія погашенія государственныхъ долговъ, коммиссія для приведенія въ порядокъ долговъ короля и королевскихъ экономій, служившихъ гарантіею въ уплатѣ долговъ; коммиссія для изданія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; коммиссія для разграниченія съ Россіей и Пруссіей, вслѣдствіе новаго раздѣла; предписано было всѣмъ французамъ, живущимъ въ Польшѣ, принести присягу на вѣрность сыну казненнаго короля своего, Людовику XVII. Установленъ заемъ въ 10.000.000 зл. и сверхъ того 2.000.000 на уплату процентовъ. Долгъ Рѣчи-Посполитой оказался простиравшимся до 34 милліоновъ. Императрица взяла на себя уплату 300,000 червонцевъ. Составленъ

бюджетъ на будущее время; по немъ указано всего дохода, въ Коронѣ 11.080.681 въ Литвѣ 6.490.458, а расхода въ Коронѣ 5.471.162, а въ Литвѣ 2.961.968, изъ чего оказывалось, что оставалось еще въ казнѣ въ Коронѣ 5.609.519, а въ Литвѣ 3.528.489 зл.

Дѣломъ первой важности была реформа войска; такъ какъ границы Рѣчи-Посполитой съузились, то очевидно, что и число войска должно было сократиться: этого требовалъ и недостатокъ финансовъ, а болѣе всего къ этому побуждала Россія: она не позволила бы Польшѣ имѣть слишкомъ большое войско. Посолъ Лобаржевскій 2-го октября подалъ проектъ о *редукціи* войска, предложивъ, чтобы оно простиралось не болѣе 15,000, и не менѣе 12,000 человѣкъ. Споръ шелъ нѣсколько дней о способахъ редукціи. Наконецъ, 7-го октября, проектъ Лобаржевскаго былъ принятъ большинствомъ 46 противъ 19 голосовъ; въ немъ было сказано, что военные чины, остающіеся за штатомъ, будутъ награждены, сообразно заслугамъ.

Установлено и сокращено производство жалованья должностнымъ лицамъ, которые во многихъ случаяхъ не получали ничего со времени безпорядковъ, произведенныхъ въ государствѣ тарговицкою конфедераціею. Были отмѣнены несправедливыя санциты тарговицкой конфедераціи. Возстановленію правосудія мѣшало то, что нѣкоторыя санциты касались членовъ сейма; такимъ образомъ, Міончинскій, по претензіи на обанкротившагося банкира Шульца, получилъ санциту на мѣстечко Радзивилловъ, но депутація, назначенная для пересмотра санцитъ, нашла это противозаконнымъ, и сеймъ приказалъ передать Радзивилловъ вмѣстѣ съ другими имѣніями Шульца въ конкурсъ, для удовлетворенія всѣхъ вообще заимодавцевъ, потерпѣвшихъ отъ банкротства Шульца. Замѣчательно, что Игельстромъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ папею Залускою (на которой послѣ и женился), упрашивалъ униженнымъ образомъ Сиверса спасти санциту въ пользу Залуской, указывая на возможность удовлетворить претензіи съ имѣній ея мужа. Не видно, чтобы Игельстромъ получилъ отъ Сиверса удовлетвореніе въ покровительствѣ неправому дѣлу. Сиверсъ особенно настаивалъ на открытіи злоупотребленій, произведенныхъ конфедераціею и на возвращеніи въ государственный скарбъ захваченныхъ казенныхъ имуществъ, и между прочимъ понудилъ епископа Коссаковскаго уступить часть доходовъ управляемаго имъ краковскаго епископства на общественныя потребности.

7-го октября, принятъ былъ законъ объ уничтоженіи всѣхъ санцитъ, ограничивающихъ преимущества королевскаго досто-

нистватва. Во всемъ, что касалось конфедераціи, Сиверсъ показывался обличителемъ и этимъ раздражилъ противъ себя Коссаковскихъ и ихъ партію, ненавидѣвшихъ его сильно. Сама государыня не совсѣмъ была довольна преслѣдованіемъ конфедераціи. Въ одномъ изъ рескриптовъ своихъ, въ ноябрѣ, она говоритъ, что отнюдь не слѣдуетъ предавать противной партіи на преслѣдованіе вѣрныхъ императрицѣ людей, какими показали себя конфедераты. Она дозволяла уничтожить только тѣ санциты, которыя заключаютъ въ себѣ явныя несправедливости, оказанныя частнымъ лицамъ, но вообще приказывала покровительствовать актамъ конфедераціи и защищать тѣ выгоды, которыя пріобрѣли ея члены. Императрица понимала, что дѣло еще не кончено; за обладаніе Польшею придется еще побороться, и потому она считала нужнымъ не оставлять примѣра, чтобъ тѣ, которые служили императрицѣ, могли впослѣдствіи жаловаться и жалѣть объ этомъ.

Важнѣйшее дѣло сейма въ это время былъ союзъ съ Россіей. Онъ былъ предложенъ Анквичемъ, 28-го сентября, въ рѣчи, въ которой онъ доказывалъ, что нынѣшній союзъ съ Россіею— единственное спасеніе, и толвко на покровительство сильной сосѣдней державы можетъ опереться въ будущемъ Рѣчь-Посполитая.

Прусскій министръ поглядѣлъ на это съ завистью, и началъ разсѣевать между членами деньги, подъ предлогомъ, будто это благодарность за трактатъ, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы набрать голосовъ не допускать союзъ съ Россіею. Онъ былъ очень скупъ до того времени, когда дѣло шло о насильственномъ присоединеніи польскихъ земель къ Пруссіи, то надѣялся, что угрозы русскаго оружія замѣнятъ для него трату денегъ; теперь же, чтобы помѣшать успѣхамъ Россіи, кошелекъ его открылся. Тѣ самые поляки, которые прежде поднимали голову высоко и кричали противъ Пруссіи, надѣясь на Сиверса, теперь унижались передъ Бухгольцемъ до низости. «Всегда была и теперь остается все та же презрѣнная нація»! замѣчалъ по этому поводу прусскій посланникъ.

Но старанія его остались напрасны. Ему осталось въ утѣшеніе только то, что было нѣсколько голосовъ, говорившихъ противъ трактата; 16-го октября проектъ трактата былъ принятъ единогласно. Маршалъ показывалъ видъ, будто не слышитъ противниковъ, и партизаны Россіи такъ усердно кричали, что противникамъ нельзя было дать себя замѣтить. Сиверсъ, видѣвшій это, стоялъ на галлереѣ въ числѣ арбитровъ, вмѣстѣ съ Валеріаномъ Зубовымъ. Только на слѣдующемъ засѣданіи Цемпев-

скій заявилъ, что сеймовый маршалъ нарушалъ законъ, объявивъ единогласіе, когда его на дѣлѣ не было, и не пустивъ на голоса проекта, а Кимборъ говорилъ: «Польша сдѣлалась теперь провинціею Россіи. Гораздо лучше было бы намъ прежде присоединиться къ Россіи совсѣмъ; мы были бы тогда цѣлѣе и счастливѣе». Маршалъ увѣрялъ, что онъ не слыхалъ оппозиціонныхъ голосовъ; самъ Анквичъ увѣрялъ въ томъ же. Тогда король сказалъ: «Уже союзный трактатъ подписанъ и толковать объ немъ теперь напрасно, иначе Россія будетъ недовольна. Лучше заняться важнымъ дѣломъ реформы правительства». Только глухимъ ропотомъ и окончилась оппозиція. Вдругъ воцарилась видимая дружба между посланниками и поляками. Казалось, забыто было все прошлое. Король обнималъ Сиверса и говорилъ: «Слава Богу, мы теперь друзья. Теперь только мы просимъ ея величество уменьшить число ея войска, которое тяготѣетъ надъ Литвою, гдѣ уже начинается голодъ». — «Я напишу Игельстрому, — сказалъ Сиверсъ — и приказаніе не замедлитъ». Поляки безпрестанно жаловались, что за фуражъ и провіантъ русскому войску ничего не заплачено. Русскіе увѣряли, что за все было правильно уплачиваемо, а осталось недоплаченнымъ только то, на что не представлены счеты.

Эти жалобы на отягощеніе крестьянъ не мѣшали, однако, полякамъ веселиться въ Гроднѣ, по поводу союзнаго трактата. Обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ. Король, старый женолюбецъ, несмотря на свою скорбь о погибающей Рѣчи-Посполитой, предавался любви съ маркизою Люлли, находившеюся тогда въ Гродно, и въ угоду ей разсыпалъ послѣднія свои крохи на удовольствія. Во всемъ обществѣ, окружавшемъ эту высокую чету, господствовали утѣхи сладострастія и бѣшеная страсть къ забавамъ.

Сиверсъ, Зубовъ, давали обѣды и балы, Раутенфельдъ угощалъ въ клубѣ роскошнымъ обѣдомъ всѣхъ пословъ, которыхъ такъ недавно подчивалъ соломою на ночлегъ въ сеймовой залѣ. «Я танцовалъ на моемъ балѣ пять полонезовъ, — писалъ Сиверсъ дочери,—балъ для поляковъ первая необходимость. Я начинаю любить этотъ народъ, и онъ меня любить начинаетъ». Но любя поляковъ и короля, онъ, однако, все-таки не мирволилъ имъ, и когда король, обнимая и цѣлуя Сиверса, хотѣлъ испросить администрацію новоучрежденнаго варшавскаго епископства своему брату примасу, Сиверсъ отказалъ ему. Сиверсъ обѣщалъ уже это мѣсто холмскому епископу Скаржевскому.

Смыслъ союзнаго трактата съ Россіею былъ таковъ, что Польша дѣлалась уже вассальною страною Россіи, хотя и остав-

ляла за собою видимую самостоятельность. Обѣ державы заключили условіе помогать всѣми силами другъ другу въ случаѣ войны, съ тѣмъ, чтобы начальство надъ войскомъ было у той страны, которая имѣетъ болѣе войска, слѣдовательно всегда оставалось за Россіею. Подобное постановленіе состоялось подъ тѣмъ предлогомъ, что на Россію, какъ на страну сильнѣйшую, падаетъ вся тягость въ случаѣ войны; но въ сущности это вело къ тому, что въ Польшѣ совсѣмъ не было самостоятельнаго войска, и оно все перешло бы подъ главную русскую команду. Россіи оставлялось преимущественное право заключать военные и политическіе договоры. Россіи предоставлялось право вводить въ Польшу свои войска и держать ихъ тамъ по надобности, ограничивъ самую Польшу опредѣленнымъ числомъ войска. Россія выговаривала себѣ право, въ случаѣ войны, требовать увеличенія войска, слѣдовательно, право по усмотрѣнію устроивать изъ поляковъ для себя военную силу. Польша лишалась права входить съ иностранными государствами въ какіе-либо союзы и сношенія безъ воли и согласія Россіи, и обязывалась не позволять себѣ ни малѣйшаго шага по отношенію къ иностраннымъ государствамъ, который бы могъ повести къ безпокойствамъ. Польскіе министры при иностранныхъ дворахъ должны сноситься съ русскими послами, и открывать имъ все, и хотя для вида тоже обѣщалось и со стороны русскихъ пословъ въ отношеніи къ польскимъ министрамъ, но такъ какъ преимущество силы было за Россіею, то само собою разумѣлось, что со стороны Польши дѣлалось это обязанностію, нарушеніе которой могло имѣть неблагопріятныя послѣдствія, тогда какъ въ подобномъ случаѣ нарушенія со стороны Россіи, Польша не имѣла возможности ничѣмъ подкрѣпить своихъ требованій, тѣмъ болѣе, что русскіе посланники при другихъ иностранныхъ дворахъ должны были тамъ, гдѣ не было посланниковъ Рѣчи-Посполитой, замѣнять ихъ; а такъ какъ сношенія съ иностранными державами могли производиться только съ позволенія Россіи, то Россія всегда могла не дозволить въ томъ или другомъ мѣстѣ имѣть особыхъ посланниковъ, и могла замѣнить ихъ русскими. Императрица гарантировала кардинальныя права Польши, но эта гарантія не исключала возможности измѣненій, которыя окажутся необходимыми съ позволенія и желанія Россіи, безъ которой не позволялось приступать ни къ какимъ перемѣнамъ, такъ что, поэтому, Россія имѣла прямое и непосредственное вліяніе на сеймъ и все законодательство и управленіе Польши [1]).

---

[1]) Трактатъ союзный.

При заключеніи этого трактата, депутація, которой поручено было это дѣло, просила Сиверса о трехъ предметахъ: чтобы учреждено было въ Польшѣ православное епископство, дабы православные, которые тамъ остаются, не относились бы въ тотъ край, который отошелъ къ Россіи. Другая просьба состояла въ томъ, чтобы полякамъ позволено было получать товары черезъ Ригу, съ пониженіемъ пошлинъ. Третья просьба была о свободномъ выѣздѣ за границу владѣльцевъ, отошедшихъ къ Россіи. Екатерина отказала полякамъ во всѣхъ трехъ просьбахъ. О первой она выразилась, что православные въ Польшѣ издавна подчинялись кіевскому митрополиту, и только революціонный сеймъ хотѣлъ ихъ подчинить константинопольскому патріарху, съ цѣлью оторвать отъ непосредственной духовной связи съ Россіею. «Вмѣсто того, чтобы ослаблять мое вліяніе — писала Екатерина — нужно, чтобы оно расширялось и утверждалось. Относительно свободнаго выѣзда за границу владѣльцевъ (т.-е. въ Польшу, ибо такова была цѣль этой просьбы), слѣдуетъ укрѣплять ихъ въ моихъ владѣніяхъ, чтобы они тратили свои деньги внутри края».

Вообще государыня не была довольна самимъ трактатомъ, когда онъ былъ ей присланъ, за перемѣну нѣкоторыхъ фразъ, такъ какъ трактатъ былъ первоначально сочиненъ ею. По прочтеніи его, она съ неудовольствіемъ писала Сиверсу: «Нѣкоторые благоразумные поляки послѣ раздѣла Польши, ожидая, что за этимъ современемъ послѣдуетъ новый раздѣлъ и совершенное уничтоженіе польскаго имени, нашли, что лучше всего имъ отдаться подъ какое-нибудь сильное государство и желали присоединиться къ Россіи. Я съ радостію приняла бы это предложеніе, но не могу этого сдѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы не раздражить сосѣднихъ государствъ, которыя возстали бы противъ увеличенія предѣловъ Россіи, и чтобы ихъ удовлетворить, я выдумала систему союзнаго трактата, чтобы соединивши подъ этой формой остатокъ Польши, не только съ частію, которую я отдѣлила къ своему государству, но и съ моимъ цѣлымъ государствомъ, я могу быть предохраненною отъ жадности берлинскаго и вѣнскаго дворовъ, и поставить полезную и дѣйствительную преграду противъ покушеній того и другого. Съ этой цѣлью я начертала проектъ договора». Императрица изъявляла неудовольствіе за слѣдующее измѣненіе, какое поляки сдѣлали въ договорѣ: было сказано, что императрица оставляетъ за собою «необходимое вліяніе на Польшу». Поляки передѣлали слово «необходимое» въ «полезное». «Но слово «необходимое» —

объясняла Екатерина — не подвержено толкованію и заключаетъ въ себѣ само собою и «полезное»; они предполагаютъ, что мое вліяніе можетъ быть неполезнымъ, и такимъ образомъ они являются судьями того, что полезно и что неполезно. Далѣе, въ выраженіи «степень необходимаго вліянія въ военныхъ дѣлахъ по усмотрѣнію», они прибавили: «по предварительному согласію съ польскимъ правительствомъ». Эта несвязница идей и выраженій показываетъ тайное намѣреніе избѣгнуть духа и мысли настоящаго трактата. Я иначе понимала. Я хочу, чтобы мнѣ предоставлено было право давать совѣты республикѣ, какъ ей поступить и вести себя, и она должна испрашивать моихъ совѣтовъ и сообразоваться съ ними». Въ пунктѣ о правѣ ввода войскъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой государыня была недовольна измѣненіемъ словъ «во всякое время» — на слова: «въ случаѣ надобности и съ согласія Рѣчи-Посполитой». Императрица выражалась объ этомъ въ своемъ рескриптѣ такъ: «Мое намѣреніе было отклонить соображенія другихъ государствъ въ отношеніи вступленія моихъ войскъ, чтобы пріучить ихъ къ этому нечувствительно и во всякихъ случаяхъ. Польское правительство было бы избавлено отъ необходимыхъ объясненій, если бы у него спросили, на какомъ основаніи вошли наши войска; оно могло бы сказать: какъ въ договорѣ, и болѣе ничего. Само собою разумѣется, я бы не обременила себя тягостію защищать и поддерживать слабое государство, лишенное собственныхъ средствъ, отъ котораго я могу надѣяться только пассивной пользы, если бы не разсчитывала, что съ его стороны будетъ полная покорность моимъ совѣтамъ, планамъ и видамъ. У кого я буду спрашивать согласія на вводъ моего войска? У короля? Но у него нѣтъ власти. У Постояннаго Совѣта или сейма? Но тогда слѣдовало бы каждый разъ излагать имъ причины, посвящать ихъ въ тайны моихъ намѣреній и рисковать, что они меня предадутъ, разгласятъ по причинѣ злобы, подкупа, или по неблагоразумію тѣхъ, которые составляютъ эти собранія».

Давая вообще Сиверсу наставленія, какъ ему вести дѣла и поступать на будущее время, Екатерина въ томъ же рескриптѣ говорила:

«Старайтесь, чтобы король не присвоивалъ себѣ излишней власти, противной нашимъ интересамъ, ибо онъ всегда злоупотреблялъ ею. Избѣгайте методы вашихъ предмѣстниковъ дѣйствовать на націю черезъ короля. Составьте, напротивъ, партію, независимую отъ него, и держите ихъ на уздѣ одного черезъ другого. Не дозволяйте его величеству дѣлаться адвокатомъ за мни-

мые интересы націи съ излишнимъ и лживымъ жаромъ. Этой тактикѣ онъ всегда слѣдовалъ, когда хотѣлъ сдѣлать мое вліяніе ненавистнымъ. Съ этою цѣлью онъ и поднялъ такія іереміады объ утѣсненіяхъ, причиняемыхъ народу моими войсками. Не отвѣчайте ему объ этомъ предметѣ, но совѣтуйтесь съ моими генералами; старайтесь не допускать и исправлять недостатки человѣколюбивѣйшимъ образомъ. Вы знаете, что для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ предупреждать всякій поводъ къ жалобамъ на мои войска. Старайтесь, чтобы мѣста въ правленіи были заняты не подозрительными людьми, и притомъ не имѣющими владѣній въ Пруссіи и въ австрійскихъ предѣлахъ. Поэтому замѣните Сулковскаго въ великомъ канцлерствѣ кѣмъ-нибудь другимъ. Мнѣ нужны въ сношеніяхъ вѣрные и скромные слуги. Такими не могутъ быть зависящіе отъ другихъ дворовъ. Не допускайте короля назначать должностныхъ важныхъ лицъ безъ вашего согласія и вашей рекомендаціи, и чтобы не было между ними такихъ, которые не доказали испытанной преданности къ настоящему союзу съ нами». Между прочимъ императрица выговаривала Сиверсу за то, что онъ дозволилъ выбрать въ депутацію для разсмотрѣнія дѣлъ о банкахъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ императрица считала приверженцами 3-го мая. Она требовала, чтобы они немедленно были замѣнены другими. «На будущее время—продолжаетъ императрица, король долженъ вести себя въ этомъ отношеніи сообразнѣе съ обязательствами, на него возложенными договоромъ; онъ долженъ расширять мое вліяніе до права назначать на мѣста и должности общественнаго управленія людей, которые въ послѣднее время оказали намъ услуги и должны разсчитывать преимущественно на выгоды, происходящія отъ этихъ должностей». Научая его, какъ онъ долженъ все знать, что̀ дѣлается въ государствѣ, какъ главный начальникъ въ краѣ, императрица говорила: «вы должны получать свѣдѣнія не однимъ оффиціальнымъ путемъ, а найти тайные каналы, и какъ только узнаете, что король и его кабинетъ преступаютъ границы, не замедлите увѣдомить меня, и вы получите приказаніе привести ихъ на надлежащій путь представленіями, болѣе или менѣе энергическими». О самомъ королѣ императрица послѣ заключенія трактата отзывалась такъ: «Скажите ему, что недостаточно заключать трактаты: нужно еще ихъ и исполнять. Всѣ его несчастія происходятъ отъ желанія бо̀льшей власти и независимости. Пусть теперь совершенно мнѣ предастся, пусть заслужитъ, чтобы я измѣнила мнѣніе о немъ. Но я на него мало надѣюсь и не довѣряю ему».

Трактатъ, заключенный ею съ польскою націею, имѣлъ зна-

ченіе ступени къ совершенному овладѣнію Польшею и къ полному прекращенію ея независимости. Этотъ трактатъ неизбѣжно долженъ былъ скоро нарушиться со стороны поляковъ, и Россія, въ наказаніе за это, лишила бы Польшу того, что даровалось ей трактатомъ. Такъ бывало всегда въ исторіи, когда сильное государство покоряло слабое или ослабѣвшее. Всегда, прежде окончательнаго покоренія, слабое ставится въ тяжелое положеніе зависимости отъ сильнаго, при видимой, кажущейся самостоятельности, и это вызываетъ взрывъ. Сильное государство называетъ такой взрывъ мятежемъ, нарушеніемъ правъ своихъ, усмиряетъ возстаніе, и въ необходимости предупредить его повтореніе стѣсняетъ или вовсе уничтожаетъ остававшіеся признаки независимости слабаго. Въ русской исторіи довольно примѣровъ подобныхъ переходныхъ положеній. Россія, въ этомъ отношеніи, съ Польшей шла по слѣдамъ прежнихъ вѣковъ. Россію влекли къ этому обстоятельства.

Сиверсъ оправдывался передъ Екатериною и доказывалъ въ своемъ оправдательномъ рапортѣ, что измѣненія, сдѣланныя въ трактатѣ, не вредятъ дѣлу; что Россія, будучи поставлена твердою ногою по силѣ этого трактата, достаточно сильна, чтобы уничтожить какія-либо столкновенія, которыя могли бы возникнуть изъ этихъ выраженій. «Будущій король, писалъ Сиверсъ, будетъ избранъ ея императорскимъ величествомъ и получитъ себѣ палатнаго мэра (majordomus), подъ именемъ русскаго посла, съ безконечно большею властью, чѣмъ власть какого-нибудь вице-короля сицилійскаго, или же генералъ-губернаторство тверскаго намѣстника вашего императорскаго величества, который отъ вашего императорскаго величества имѣетъ только власть смотрѣть за исполненіемъ законовъ».

Незадолго передъ закрытіемъ, сеймъ утвердилъ конституцію, написанную Мошинскимъ съ товарищами, подъ надзоромъ Сиверса. Эта конституція долженствовала дать счастіе и благоденствіе Польшѣ. Мы не станемъ излагать ее, потому что она не была приведена въ дѣйствіе, по причинѣ возникшей въ скорости революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постановленіемъ 23-го октября были уничтожены всѣ законы бывшаго сейма въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дабы не оставлять потомству слѣдовъ ординарнаго сейма, открытаго въ 1788 г. и прекращеннаго въ революціонный сеймъ 3-го мая 1791 года, мы объявляемъ какъ бы никогда не существовавшими всѣ его постановленія, законы и декреты, какъ причины бѣдствій всякаго рода и потери огромныхъ провинцій,

уничтожаемъ ихъ и объявляемъ неимѣющими никакой силы, и желаемъ, чтобы они не были вписаны въ кодексъ нашихъ законовъ», и пр.

На послѣднемъ засѣданіи сейма Коссаковскій удружилъ Сиверсу. Когда перебирали такія санциты, которыя слѣдовали къ уничтоженію, чрезъ посредство другихъ, онъ подставилъ санциту, уничтожающую орденъ, установленный въ честь 3-го мая. Такимъ образомъ, этотъ орденъ, по закону, остался существующимъ. Король пропустилъ это. Сиверсъ извѣщалъ объ этомъ императрицу, какъ бы со смѣхомъ, считая это пустымъ дѣломъ, не стоющимъ вниманія.

Сеймъ назначилъ послѣ того посольство къ Екатеринѣ, съ цѣлію благодарить ее. Посольство это поручено было Тышкевичу. Патріоты замѣчали, что благодарить совсѣмъ неумѣстно за тѣ благодѣянія, которыя, по ихъ мнѣнію, не принесли пользы Польшѣ; въ особенности, не считали они умѣстнымъ благодарить императрицу всероссійскую за содѣйствіе Пруссіи къ отобранію земель отъ Рѣчи-Посполитой.

Сеймъ разошелся. Король уѣхалъ.

Вѣрные Россіи поляки получили награды, или ордена, или вещи на память. Награждены были знаками вниманія: Мошинскій, Тышкевичъ, Сулковскій, Огинскій, Забѣлло, Залускій, Дзѣконскій, Ожаровскій и др. Получили награды: маршалъ Билинскій и Пулавскій по 100,000 злот., за то, что хорошо выполняли приказанія Сиверса.

Сиверсъ приказалъ удалить войско изъ Гродно и уѣхалъ въ Варшаву за королемъ; de facto онъ былъ истинный глава и правитель Польши. Всѣ мѣста зависѣли отъ него. Еще предъ концомъ сейма онъ велѣлъ выбрать гетманомъ коронннымъ Островскаго, польнымъ Пулавскаго, подканцлеромъ хелмскаго епископа Скаржевскаго, котораго онъ полюбилъ и покровительствовалъ ему. Онъ давалъ мѣста тѣмъ, которые продавали себя за мѣста. Въ одномъ изъ своихъ рапортовъ онъ сообщалъ свѣдѣнія, которыхъ не рѣшался повѣрять депешамъ, о пенсіяхъ для членовъ Постояннаго Совѣта и нѣкоторыхъ коммиссій. «Я, писалъ онъ, выбралъ изъ числа бывшихъ сеймовыхъ пословъ почтенныхъ людей для пополненія Постояннаго Совѣта и высшихъ властей края, при чемъ руководствовался двумя основаніями: первое, чтобы они были намъ вѣрны; второе, чтобы нуждались въ службѣ. Половина изъ нихъ бѣдна, другая не очень богата, и такъ какъ сеймъ обрѣзалъ имъ жалованье на четверть для сокращенія расходовъ,

то небольшое повышеніе пенсіоновъ отъ Россіи для нихъ было бы очень желательно».

Открывая свои засѣданія, Постоянный Совѣтъ былъ подъ контролемъ Сиверса, и всѣ его постановленія должны были показываться русскому министру. Онъ распоряжался произвольно личностію поляковъ и всѣхъ живущихъ въ Польшѣ. Такимъ образомъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, онъ приказалъ арестовать Мостовскаго, прибывшаго недавно изъ Парижа, и пересмотрѣть его бумаги. Сиверсъ видѣлъ несомнѣнные слѣды его сношеній съ французскими революціонерами. Мостовскому приписывали статьи въ «Монитерѣ» о Польшѣ, написанныя въ духѣ крайне нерасположенномъ къ Россіи. Сиверсъ затруднялся, что дѣлать съ этимъ паномъ—судить ли его въ Варшавѣ, или сослать въ Россію. Письма на почтѣ вскрывались и пересматривались; изъ нихъ узнавалось: кто какого духа, и кто какъ мыслитъ. Расположеніе къ конституціи 3-го мая и даже сожалѣніе о ней считалось преступленіемъ. Кто выявлялъ себя сторонникомъ 3-го мая, на томъ уже лежала печать якобинства. Явился въ Варшавѣ генералъ Заіончекъ. Сиверсъ сейчасъ же учредилъ за нимъ надзоръ. Самъ король находился подъ строгимъ надзоромъ и не могъ ничего дѣлать безъ воли Сиверса. Каждый шагъ Станислава - Августа слѣдили и обо всемъ доносили русскому посланнику. Слуга-французъ передавалъ Сиверсу свѣдѣнія о домашней жизни польскаго короля. Сиверсъ обращался съ королемъ хотя очень вѣжливо, но какъ будто съ подданнымъ императрицы. «Я надѣюсь, говорилъ король, на великодушіе императрицы». — «Надѣяться можете, ваше величество, если будете поступать законно и не будете придерживаться партій».

Среди такого величія, тяжело откликнулось Сиверсу послѣднее засѣданіе сейма, когда выключена была санцита, уничтожавшая орденъ, установленный прежнимъ сеймомъ въ честь 3-го мая. Екатерина совсѣмъ не со смѣхомъ приняла эту выходку поляковъ, какъ хотѣлъ ее принять посланникъ императрицы, и 2-го декабря ст. ст. написала ему рескриптъ, гдѣ изъявляла сильное негодованіе, видѣла въ этомъ поступкѣ не менѣе, какъ свидѣтельство духа своеволія и мести. «Вы должны были не допускать—писала она—по силѣ вновь постановленнаго трактата, по которому польское правительство обязывалось не предпринимать какихъ бы то ни было измѣненій безъ нашего вѣдома и не спросясь объ этомъ васъ». «Теперь»,—выражалась она далѣе,—плоды трудовъ вашихъ подвергнуты непріятному окончанію». Екатерина находила, что трактатъ, недавно заключенный, уже нарушенъ, что Сиверсъ не

умѣлъ вести своего дѣла въ одной изъ главныхъ задачъ, не умѣлъ наполнить Постоянный Совѣтъ людьми вѣрными и преданными Россіи; это видѣла она изъ того, что не нашлось такихъ, которые могли предостеречь посланника. «И для того,—говорила императрица,—повелѣваемъ вамъ прекратить настоящее ваше служеніе, оставить Варшаву и возвратиться ко двору нашему, объявивъ королю, министрамъ, президентамъ и главнымъ членамъ Постояннаго Совѣта прямыя причины вашего удаленія, прибавя, что мы нашли несходнымъ съ достоинствомъ нашимъ продолжать призваніе ваше въ настоящемъ званіи послѣ оказаннаго неуваженія, которое, разобравъ во всѣхъ подробностяхъ, выраженіяхъ и отношеніяхъ, сущимъ и самымъ непристойнымъ посмѣяніемъ по справедливости назвать можно; но по сродному намъ великодушію различая виновниковъ сего поступка отъ цѣлости націи, которую мы недавно столь щедро и благотворительно подъ сѣнь нашей защиты и наше покровительство приняли, не хотимъ ни мало ослабить или разорвать составившуюся связь, а напротивъ, для безпрерывнаго наблюденія и вящшаго оной укрѣпленія мы покамѣстъ, не избирая вамъ преемника въ равномъ вамъ качествѣ, назначили съ именемъ полномочнаго министра, которому и препоручаемъ наше сильнѣйшее домогательство о надлежащемъ удовлетвореніи за оказанное намъ оскорбленіе. Сего послѣдняго избрали мы въ лицѣ генералъ-аншефа барона Игельстрома». Затѣмъ императрица потребовала отъ Сиверса счетъ истраченныхъ имъ денегъ, при чемъ ему замѣчено, что онъ не присылалъ, подобно своимъ предшественникамъ, какъ слѣдовало, счетовъ, и кромѣ растраченныхъ суммъ, данныхъ ему, еще бралъ большіе векселя на казну, не объясняя, для какой цѣли. Сиверсъ дѣйствительно не представлялъ счетовъ, объявивъ канцлеру, что онъ сообщитъ ихъ не иначе, какъ самой императрицѣ, и потому въ тогдашнихъ документахъ нѣтъ подробныхъ счетовъ издержкамъ во время гродненскаго сейма.

Сиверсъ отправился къ королю и объявилъ ему обо всемъ. «Клянусь Богомъ, сказалъ король со слезами, я ничего не зналъ о возстановленіи ордена; многихъ членовъ не было тогда въ залѣ; за то много было арбитровъ: всѣ кричали, шумѣли, ничего не было слышно. Это не моя вина; это вина сеймоваго маршала, тутъ видна интрига, чтобы насъ погубить! Я все сдѣлаю, что мнѣ прикажутъ. Я крайне несчастливъ. Я долженъ во всемъ повиноваться». Сложивъ руки на груди, король просилъ увѣрить государыню въ его преданности и покорности. Сиверсъ обѣщалъ. Король обнималъ его, цѣловалъ и говорилъ: «Ахъ, какъ жаль,

то вы покидаете Польшу. Прежде она васъ боялась, теперь начинаетъ уважать и любить». Онъ далъ ему, кромѣ Бѣлаго Орла, прощальный подарокъ, картину и свой портретъ.

Такъ окончила свое существованіе польско-литовская Рѣчь-Посполитая — шляхетская республика съ избирательнымъ королемъ. За потерею земель, отошедшихъ къ россійской имперіи и прусскому королевству, остальная часть Польши была фактически теперь достояніемъ Россіи, только съ извѣстными признаками провинціальной автономіи. Оставалось лицо, носившее имя короля, но безъ дѣйствительной власти, или съ властью, которая была, по выраженію Сиверса, ниже власти тверского генералъ-губернатора.

Событія, непосредственно слѣдовавшія за тѣмъ, представляютъ совершенно особый характеръ; это была первая революція, сдѣланная съ цѣлью возвратить самостоятельность Польшѣ, и приведшая къ уничтоженію королевскаго достоинства. Главнымъ героемъ и руководителемъ этой революціи былъ Тадеушъ Костюшко, жизнь и дѣятельность котораго составятъ предметъ нашего особаго изслѣдованія.

Н. Костомаровъ.

ВРЕМЕНА РЕАКЦІИ

(1820 — 1830.)

Blätter aus der preussischen Geschichte, von *K. A. Varnhagen von Ense.* 5 Bde. Leipzig, 1868—1869.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Европейская реакція страннымъ образомъ повлекла за собой и русскую. Трудно было, повидимому, представить себѣ болѣе различныя внутреннія отношенія государствъ, чѣмъ были отношенія государствъ западной Европы и Россіи. Не говоря о громадномъ разстояніи, раздѣлявшемъ ихъ по цѣлому характеру устройства и объему цивилизаціи, недавнее прошедшее было слишкомъ непохоже въ Европѣ и въ Россіи. Почти всѣ континентальныя государства Европы прошли такъ или иначе революціонный кризисъ: въ нихъ отчасти прямо отразились возбужденія французской революціи, отчасти косвенно новыя идеи вносимы были наполеоновскимъ господствомъ, которое хотя и было крайне насильственно и тягостно для національнаго чувства побѣжденныхъ народовъ, но представляло, однако, и примиряющій элементъ, какъ было, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ оно, вводя французскіе порядки, разрушало и подрывало старый феодализмъ, противъ котораго сама нѣмецкая жизнь была еще безсильна. Въ Германіи вліяніе революціоннаго кризиса съ одной стороны, и

*) См. выше, ноябрь, 247 стр. и слѣд.

войнъ за освобожденіе съ другой, оставили очевидные слѣды, какъ въ самыхъ фактическихъ отношеніяхъ, такъ и въ настроеніи умовъ: послѣ вѣнскаго конгресса, изъ нѣсколькихъ сотъ независимыхъ феодальныхъ владѣльцевъ, существовавшихъ до революціи, уцѣлѣло только нѣсколько десятковъ; въ умахъ осталось стремленіе провести въ жизнь освободительныя идеи, достигнуть утвержденія общественной свободы путемъ конституціонныхъ учрежденій. Правительства, какъ мы упоминали, были согласны на это послѣднее и даже обѣщали нѣмецкимъ государствамъ конституціи. Если потомъ открылась реакція, она имѣла свои основанія въ старыхъ нравахъ: корень ея былъ въ стремленіяхъ феодально-аристократической партіи, которой не хотѣлось отказываться отъ стараго господствующаго положенія въ государствѣ; причины ея недовольства были ясны — потому что крупнымъ феодаламъ уже насталъ конецъ, ихъ политическая независимость была уничтожена, и феодализмъ употребилъ всѣ усилія, чтобы подавить дальнѣйшее движеніе. Успѣхъ реакціи былъ возможенъ потому, что, какъ теперь оказалось, освободительныя стремленія общества были еще слишкомъ слабы; онѣ оставались еще въ области теоретическихъ мечтаній. Такимъ образомъ реакція восторжествовала. Выразилась она тѣмъ, чего можно было ожидать отъ характера тѣхъ принциповъ, которые она представляла, принциповъ стараго феодализма и неподвижности: она выразилась крайнимъ произволомъ и насиліями, и обскурантизмомъ. Первое всегда было привычно феодальной аристократіи; обскурантизмъ былъ естественнымъ спутникомъ преслѣдованія либерализма, потому что научная свобода шла рядомъ и въ тѣсной связи съ развитіемъ либеральныхъ стремленій въ обществѣ.

Русская реакція пошла тѣмъ же путемъ, и нелѣпость этого пути была тѣмъ больше, что русская жизнь не представляла совершенно тѣхъ условій, на которыхъ основывалась реакція въ Германіи. Европейскій переворотъ нисколько не коснулся Россіи, и ничего не измѣнилъ въ основахъ ея внутренняго устройства. Ея враждебное отношеніе къ революціи, участіе въ войнахъ противъ Франціи были первоначально дѣломъ личнаго взгляда государей, а вовсе не практической необходимостью: русское правительство стояло чисто за принципъ. Какъ мало было практической необходимости въ этомъ случаѣ, показываетъ, напр., внезапный миръ съ Франціей, заключенный при Павлѣ I. Войны императора Александра также главнымъ образомъ основывались на отвлеченномъ принципѣ, хотя здѣсь оказывалась и политическая необходимость. Прямое столкновеніе произошло только въ 1812 году, — потому что въ дальнѣйшихъ войнахъ, 1813—15 года,

опять дѣйствовалъ скорѣе отвлеченный политическій принципъ, чѣмъ прямой, національный интересъ. При всемъ этомъ, Россія въ своей внутренней жизни оставалась совершенно внѣ всякихъ непосредственныхъ вліяній революціонной идеи; ничего подобнаго тому, что̀ происходило у нѣмцевъ, не представляла и не могла представить русская жизнь: у насъ не упало ни одно учрежденіе, не предстояла опасность никакому основному принципу, въ обществѣ не было никакихъ зловредныхъ элементовъ революціоннаго свойства. Напротивъ, абсолютная монархія была также сильна, какъ всегда, и ея отправленіямъ не мѣшалъ ни малѣйшій признакъ оппозиціи: ея затрудненія лежали совсѣмъ въ иныхъ обстоятельствахъ—въ крайнемъ невѣжествѣ и угнетеніи массъ, и въ страшной испорченности правительственной и административной сферы: эту испорченность, наслѣдіе старыхъ порядковъ, императоръ Александръ первый видѣлъ и горько на нее жаловался,—хотя не видѣлъ ея дѣйствительнаго источника. Что касается либеральныхъ идей, на распространеніе которыхъ стали у насъ потомъ жаловаться и въ которыхъ видѣли политическую опасность, то онѣ появлялись не вслѣдствіе прямого зараженія отъ революціонной Франціи, а вслѣдствіе цѣлаго характера времени, вслѣдствіе того, что многія изъ понятій, созданныхъ восемнадцатымъ вѣкомъ, успѣли уже стать общимъ достояніемъ образованности, что многое изъ нихъ стало обычной принадлежностью общественнаго развитія,—и въ этомъ отношеніи всего больше сдѣлалъ для распространенія либеральныхъ идей самъ императоръ. Онъ самъ ревностно защищалъ ихъ, особенно въ первой половинѣ царствованія, и своимъ примѣромъ открывалъ имъ широкую дорогу въ обществѣ и освящалъ ихъ распространеніе. Новый наплывъ этихъ идей произошелъ послѣ 1815 года, подъ вліяніемъ тогдашняго европейскаго возбужденія, но и здѣсь императоръ, по прежнему, оставался впереди движенія. Священный Союзъ въ своемъ основаніи имѣлъ въ глазахъ Александра либеральную программу, которой императоръ въ первое время держался съ большимъ упорствомъ: такъ, на вѣнскомъ конгрессѣ, когда шла рѣчь о будущемъ устройствѣ Польши, онъ имѣлъ противъ себя всѣхъ своихъ союзниковъ и довѣренныхъ лицъ, и только онъ одинъ настаивалъ на конституціонномъ ея устройствѣ. Такое настроеніе императоръ сохранялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: первый поворотъ его къ реакціи обнаружился уже на ахенскомъ конгрессѣ, въ 1818 году, но и послѣ этого онъ не вдругъ отказался отъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Окончательно реакціонными стали онѣ только позже, въ двадцатыхъ годахъ. Такимъ образомъ, и послѣ вѣнскаго конгресса, въ те-

ченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вліяніе его личныхъ взглядовъ могло очень благопріятствовать распространенію либеральныхъ идей въ самомъ обществѣ. Онѣ распространялись дѣйствительно, но, насколько извѣстна ихъ исторія, онѣ въ этотъ періодъ не могли представлять ничего обезпокоивающаго для правительства: тайныя общества (или то, что̀ у насъ называлось этимъ именемъ), которыя стали образовываться въ это время, отличались первоначально самымъ невиннымъ либерализмомъ. Дѣйствительно, стремленія тайныхъ обществъ, направлявшіяся къ противодѣйствію злоупотребленіямъ, ко взаимному развитію общественныхъ добродѣтелей, къ распространенію знакомства съ общественно-политическими науками,—эти стремленія были такъ естественны, такъ согласны съ видами всякаго здраваго правительства, и въ частности были такъ близки къ идеямъ самого императора, питавшаго сочувствіе къ «законно-свободнымъ учрежденіямъ», что противъ этихъ тайныхъ обществъ не могло быть никакого основательнаго опасенія. «Союзъ Благоденствія» заимствовалъ свою первоначальную програму прямо изъ уставовъ нѣмецкаго «Союза добродѣтели» (Tugenbund), характеръ котораго состоялъ именно въ такомъ же мирномъ воспитаніи и поддержкѣ гражданской добродѣтели и котораго программа была скорѣе сантиментально-наивная, чѣмъ опасная политически. Первые начинатели нашего тайнаго общества имѣли даже мысль представить свой уставъ на усмотрѣніе императора; эта мысль была совершенно искренна, и этого одного достаточно, чтобы видѣть, какого рода намѣренія лежали въ основаніи ихъ предпріятія.

Это былъ самый страшный врагъ, котораго можно было отыскать въ русской жизни съ точки зрѣнія европейской реакціи; какъ видимъ однако, этотъ врагъ вовсе не былъ такъ страшенъ въ ту пору, когда императоръ Александръ сталъ повсюду бояться революцій, между прочимъ и въ самой Россіи. Если наши тайныя общества стали пріобрѣтать болѣе недовольный, раздражительный характеръ, это случилось уже значительно позднѣе. Мы видѣли выше, какъ прусскіе инквизиторы признавались, что настоящіе «Umtriebe» начались собственно только *послѣ* 1819 или даже 1821 года, т.-е., послѣ того, какъ началось ихъ преслѣдованіе; другими словами это значитъ, что начались притѣснительныя и ненавистныя мѣры тогда, когда къ нимъ не было достаточнаго основанія, и это самое вызвало различныя выраженія недовольства и негодованія, которыя и были сочтены за «Umtriebe». Нѣчто подобное произошло и въ русскихъ обществахъ: ихъ недовольство начинается тогда, когда правительство приняло реакціонную програму, для которой не было никакихъ данныхъ въ русской общественной

жизни, и приняло въ то время, когда лучшимъ людямъ общества яснѣе чѣмъ когда-нибудь бросались въ глаза вопіющіе недостатки внутренняго устройства, когда наиболѣе чувствовалась потребность въ реформахъ и улучшеніяхъ вмѣсто попятнаго движенія. Правительство не только не удовлетворяло давнишнимъ ожиданіямъ, какія прежде само оно возбуждало; оно разбивало всякія надежды мыслящей части общества на какое-нибудь удовлетвореніе этихъ ожиданій въ будущемъ. Реакціонная роль Россіи въ иностранной политикѣ, суровыя и непослѣдовательныя мѣры дома давали достаточный поводъ къ недовольству, и оно дѣйствительно возрастаетъ больше и больше.

Какимъ же образомъ могла такъ сильно подѣйствовать на имп. Александра европейская реакція и привести его къ реакціи въ Россіи, въ которой, какъ видимъ, для нея совершенно не находилось цѣли и предмета? Какъ бы ни былъ онъ убѣжденъ въ необходимости поддерживать въ Европѣ консервативные и реакціонные элементы, можно было бы думать, что для него будетъ ясна разница положеній, и громадная разница въ степени политическаго развитія общества въ Европѣ и въ Россіи. Но онъ не видѣлъ этой разницы, и когда поворотъ въ его мнѣніяхъ окончательно совершился, онъ смотрѣлъ на слабыя проявленія русскаго либерализма почти съ такими же опасеніями, какъ смотрѣлъ на революціонныя движенія на Западѣ. Приведемъ въ примѣръ ссылку Пушкина. Вина его была — стихотвореніе, конечно свойства либеральнаго, но опасность его для цѣлости и спокойствія государства была такой безконечно малой величины, что невозможно понять, какъ за него могло грозить Пушкину то суровое наказаніе, которое только особымъ заступничествомъ измѣнено было на ссылку въ Бессарабію. Правда, вообще говорятъ, что императоръ не слушалъ множества доносовъ, какіе представляла ему полиція, и это надо конечно объяснять врожденной мягкостью его личнаго характера; но примѣръ Пушкина и нѣсколько другихъ подобныхъ примѣровъ показываютъ, что въ глубинѣ его понятій о политическомъ положеніи вещей лежали крайне преувеличенныя представленія объ опасностяхъ, грозящихъ Россіи отъ необузданнаго либерализма.

Для объясненія этихъ понятій императора Александра надо, кажется, принять въ соображеніе два обстоятельства. Во-первыхъ, его чрезмѣрное увлеченіе интересами западной дипломатіи. Въ 1812—1815 годахъ, русскому императору суждено было играть чрезвычайную, небывалую роль въ судьбахъ Европы. Въ эти годы, исполненные необыкновенныхъ событій и чрезвычайнаго возбужденія умовъ, охватившаго цѣлые народы, Александръ былъ гос-

водствующей личностью. Около него сосредоточивалось рѣшеніе капитальныхъ вопросовъ европейскаго устройства; его имя вынесло наиболѣе славы и уваженія, и понятно, что все это должно было оставить извѣстное впечатлѣніе и дать извѣстное направленіе политическимъ интересамъ императора. Онъ освоился съ той широкой сферой дѣйствій, какая досталась ему въ эти годы, и съ тѣхъ поръ политическая дѣятельность и политическое значеніе самой Россіи представлялись ему не иначе, какъ въ свѣтѣ общеевропейскихъ вопросовъ. Въ такомъ смыслѣ именно и задуманъ былъ Священный Союзъ. Европейскіе народы разсматривались здѣсь какъ одна семья народовъ, которые должны были управляться одинаковымъ заботливо-отеческимъ патріархальнымъ образомъ. Коноводы феодально-реакціонной партіи отлично эксплуатировали идею Александра, чтобы превратить Священный Союзъ въ универсальное, патріархально-инквизиторское преслѣдованіе всѣхъ новыхъ стремленій общества. Они намѣренно настаивали на этой универсальности; изображая всѣ имъ ненравившіяся общественныя движенія какъ порожденіе одной причины, одного вреднаго «духа времени», они тѣмъ обезпечивали и универсальность преслѣдованія, черезъ которую это послѣднее естественно должно было выигрывать въ силѣ и дѣйствительности. Дѣла и были поведены въ этомъ смыслѣ; союзники сдѣлали Священный Союзъ всеобщей опекой и надзоромъ за поведеніемъ народовъ, и такъ какъ поведеніе не всегда отвѣчало понятіямъ о патріархальномъ спокойствіи и послушаніи, то союзникамъ уже скоро пришлось назначать патріархальныя наказанія и экзекуціи. Изобрѣтатель этой экзекуціонной политики мало-по-малу успѣлъ подмѣнить ею первоначальныя идеи Александра. Меттернихъ, котораго Александръ презиралъ въ эпоху вѣнскаго конгресса, и въ иныя минуты не хотѣлъ пускать къ себѣ на глаза, постепенно успѣлъ сдѣлаться и для него необходимымъ человѣкомъ. Главнымъ образомъ это начинается съ ахенскаго конгресса. Система универсальнаго надзора и преслѣдованія «духа времени», какъ по преимуществу революціоннаго, расширялась все больше и больше, и распространеніе ея на Россію было наконецъ у Александра естественнымъ послѣдствіемъ того страха отъ универсальной революціи, которымъ онъ наконецъ заразился.

Съ другой стороны, чтобы допустить въ Россіи жалкое копированіе европейской реакціи, которымъ занималось министерство народнаго просвѣщенія въ союзѣ съ полиціей, надо было очень удалиться отъ русской жизни, не знать или забыть ея настоящія свойства. Такъ это и было, къ сожалѣнію, съ императоромъ Александромъ. Современники дѣйствительно замѣчаютъ, что

Александръ, вернувшись въ Россію послѣ войны 1812—1815 годовъ, какъ будто съ неохотой возвращался въ русскую жизнь, мало интересовался ею и мало въ нее вникалъ. Настоящіе его интересы лежали въ европейской политикѣ, и дипломатическія дѣла были именно тѣ, которыми онъ всего охотнѣе занимался; кромѣ этого, его занимало еще только войско. Все остальное управленіе шло по заведенной рутинѣ, предоставленное всего больше самому себѣ — и попеченіямъ графа Аракчеева. Традиціонныя свойства администраціи развились, при недостаткѣ контроля и отсутствіи общественнаго мнѣнія, до крайняго безправія и чуть не открытаго грабежа казеннаго и частнаго достоянія. Нечего и говорить о томъ, что умственные интересы общества, о которыхъ было положено много заботы въ началѣ царствованія, были теперь совершенно заброшены; императоръ, какъ говорятъ, не любилъ русской литературы и не читалъ ея — да она и мало представляла интереса, окруженная цензурнымъ заборомъ. Такимъ образомъ общественное настроеніе оставалось неизвѣстно правительству, которое всего скорѣе могло составлять себѣ о немъ самыя фальшивыя и преувеличенныя понятія. Такъ говорятъ, что Александръ, зная о русскомъ тайномъ обществѣ, не принималъ мѣръ противъ него именно потому, что предполагалъ силу его гораздо больше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Таковы были условія, въ которыхъ произошла русская реакція. Возникши изъ непониманія настоящаго положенія и потребностей русской жизни, она не имѣла и той тѣни политической необходимости, на которую могла ссылаться западная реакція; эта послѣдняя могла по крайней мѣрѣ указывать на дѣйствительныя революціонныя движенія; пользуясь правомъ сильнаго, она по крайней мѣрѣ могла указывать какія-нибудь историческія традиціи, возвращеніе которыхъ она могла выставлять необходимымъ по ея политическимъ взглядамъ. Какъ ни скользки и странны могли бы быть подобныя оправданія западной реакціи, наша не имѣла и такихъ. У насъ рѣшительно нечего было возвращать, потому что ничего не было потеряно; не было никакихъ революціонныхъ движеній, которыя надо было сдерживать. Поэтому наша реакція была совершенно безсодержательнымъ гнетомъ, не имѣвшимъ никакого резона и потому тѣмъ болѣе ненавистнымъ. Остановка преобразовательныхъ мѣръ, начатыхъ нѣкогда правительствомъ, послужила только къ большему застою государственнаго и общественнаго развитія, и слѣдовательно, была чистой потерей. Преслѣдованіе умственной дѣятельности общества вело у насъ еще больше, чѣмъ въ Германіи, къ отупѣнію общества, и безъ того не богатаго умственнымъ содержаніемъ. Исполненіе

реакціи, которое брали на себя въ этомъ отношеніи піэтистическіе іезуиты, въ родѣ школы князя Голицына, потомъ староверы, въ родѣ Шишкова, было нелѣпымъ копированіемъ мѣръ, придуманныхъ австрійско-прусской полиціей, и за неимѣніемъ собственно-политическихъ предметовъ гоненія, реакція обратилась въ чистый обскурантизмъ. Въ Германіи преслѣдовались университеты,—надо было начать такое же преслѣдованіе и у насъ, хотя въ нашихъ университетахъ не было и тѣни тѣхъ явленій, которыя подвергались преслѣдованію тамъ, и хотя вообще русскіе университеты и русскую науку было бы просто смѣшно приравнивать къ нѣмецкимъ. Между тѣмъ, министерство князя Голицына дѣлало это, когда назначало знаменитую ревизію Казанскаго университета, и это была конечно одна изъ самыхъ наглыхъ мистификацій, какимъ подвергался императоръ Александръ, и противъ которой онъ, къ сожалѣнію, по собственной винѣ оказывался безсильнымъ. Тамъ реакціонеры вопіяли противъ «духа времени»,—эти вопли повторились у насъ, и за неимѣніемъ серьезныхъ вещей, къ которымъ можно было бы приложить обвиненіе въ разрушительныхъ стремленіяхъ, эти обвиненія примѣнялись къ двумъ-тремъ серьезнымъ книгамъ, какія нашлись въ русской литературѣ, или къ случайнымъ фразамъ въ какихъ-нибудь профессорскихъ лекціяхъ. Наша реакція вообще подражала съ одной стороны полицейской проницательности Кампца и Шукмана, съ другой іезуитскому благочестію, и за отсутствіемъ какого-нибудь серьезнаго либерализма, съ которымъ бы ей приходилось бороться, она воевала противъ малѣйшихъ проявленій здраваго смысла въ литературѣ и невиннаго перваго лепета русской науки.

Несмотря однако на все это гоненіе противъ «духа времени», онъ дѣлалъ свое дѣло. Либеральныя идеи получили въ русскомъ обществѣ большое развитіе съ 1815 года, когда русскіе пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ движеніемъ умовъ въ Европѣ,—и съ тѣхъ поръ эти идеи получали все больше и больше силы въ извѣстной части образованнаго общества. Начавшаяся реакція не только не остановила ихъ, но дала имъ еще новую пищу. Можно даже сказать, какъ мы замѣчали выше, что именно реакція вызвала рѣзкій характеръ либерализма. Настоящая дѣйствительность была такъ безотрадна, что люди, питавшіе какой-нибудь общественный интересъ и какое-нибудь патріотическое увлеченіе, отворачивались отъ этой дѣйствительности, не подававшей никакихъ надеждъ и никакой опоры для благородныхъ и великодушныхъ порывовъ. Въ такихъ положеніяхъ въ особенности развивается та мечтательная любовь къ отечеству, проникнутая поэтическимъ энтузіазмомъ, которая создаетъ самые фан-

тастическіе планы преобразованій и новыхъ устройствъ, и от-
дается имъ съ увлеченіемъ, совершенно забывая объ ихъ оче-
видной неисполнимости. Отсутствіе всякой сколько-нибудь сво-
бодной литературы отнимало послѣдній исходъ у этого энтузіаз-
ма, и онъ поневолѣ весь обращался въ такъ-называемыя тай-
ныя общества. Это была въ тѣ времена любимая обычная форма,
въ какую совершенно естественно собирались люди одного на-
строенія и образа мыслей. Форма эта отчасти давалась возобно-
вившимися при Александрѣ масонскими ложами, отчасти заим-
ствована была вновь изъ нѣмецкаго тугенд-бунда, и собственно
говоря, вовсе не была такъ страшна, какъ ее представляли впо-
слѣдствіи. Тайна была настолько невелика, что въ общество
попадалъ всякій, кто этого хотѣлъ, и существованіе обществъ
было не безъизвѣстно правительству: о многихъ изъ ихъ членовъ
императоръ Александръ зналъ положительно. Собственно говоря,
это были кружки людей либеральнаго образа мыслей, для кото-
рыхъ собранія были единственнымъ возможнымъ средствомъ сбли-
женія и откровенной бесѣды; онѣ не открывались для людей со-
всѣмъ постороннихъ прежде всего изъ простого опасенія пере-
толкованій и сплетничества. По разсказамъ современниковъ не
мудрено въ этомъ убѣдиться. Первоначальныя цѣли общества
были самаго мирнаго свойства; эти цѣли, какъ и естественно,
оказались недостижимыми, и въ самомъ обществѣ явилась мысль
объ его закрытіи, которое и было исполнено; и если потомъ
является новое тайное общество, и въ числѣ агитаторовъ яв-
ляются люди съ болѣе рѣшительными мнѣніями, даже съ респуб-
ликанскими планами, — то эти явленія надобно конечно объяс-
нять усиленіемъ недовольства, которое было плодомъ самой реак-
ціи. Между обществами 1818 года и 1824 года была чрезвы-
чайная разница; въ этотъ промежутокъ движеніе умовъ прошло
цѣлый періодъ развитія.

Исторія этого времени и этихъ событій почти нетронута въ
нашей литературѣ, хотя это безъ сомнѣнія одинъ изъ любо-
пытнѣйшихъ періодовъ нашей общественной исторіи. Извѣстны
различныя затрудненія, мѣшавшія до послѣдняго времени из-
слѣдованію этого періода, и намъ до сихъ поръ чрезвычайно
мало извѣстны и ходъ самой реакціи, и развитіе либеральнаго
движенія. Наша историческая литература только еще начинаетъ
касаться этой эпохи, и пройдетъ еще не мало времени, пока
будетъ возможна безпристрастная и полная исторія послѣднихъ
годовъ царствованія императора Александра и послѣдующей
эпохи. Литература до сихъ поръ не усвоила даже самаго
матеріала, который еще не получилъ въ ней права гражданства;

не собраны даже и тѣ черты этого времени, какія могутъ быть собраны. Между прочимъ, рядъ любопытныхъ указаній доставляютъ, нѣсколько неожиданнымъ образомъ, и дневники Фарнгагена. Мы указывали прежде, по какимъ отношеніямъ русскія событія, слухи и т. п. находили мѣсто въ его запискахъ: читатель вообще не долженъ забывать, что его извѣстія весьма случайныя, что всего чаще это чистые слухи, за какіе Фарнгагенъ въ такомъ случаѣ и выдаетъ ихъ; — но эти слухи, разговоры и случайныя извѣстія имѣютъ однако свою историческую цѣнность. Если не всегда точенъ сообщаемый фактъ, то всегда интересны указанія на настроеніе общественнаго мнѣнія; иной разъ замѣтки Фарнгагена намекаютъ на совершенно новыя стороны предмета и даютъ рѣзкое очертаніе фактамъ оффиціальной исторіи.

Русскія извѣстія у Фарнгагена вообще довольно точны, и ихъ было не мало. Такъ до него довольно часто доходили свѣдѣнія о піэтистической реакціи, о судѣ надъ профессорами петербургскаго университета, о закрытіи масонскихъ ложъ, даже о разрѣшеніи книги Станевича. Въ февралѣ 1823 г., онъ пишетъ: «Императоръ Александръ далъ маркизу Паулуччи серьезное приказаніе о прекращеніи дѣятельности сектъ и піэтизма, которую императоръ прежде такъ поощрялъ; собранія піэтистовъ запрещены, библейскія общества ограничены, всякіе благочестивые кружки и вліянія остановлены; говорятъ, императоръ находитъ, что *стало уже слишкомъ мрачно*, и потому онъ хочетъ опять ввести нѣсколько просвѣщенія». Въ августѣ 1825 г., Фарнгагенъ упоминаетъ о запрещеніи піэтистическихъ книгъ Юнга-Штиллинга, Гюйонъ и т. д., которыя поощрялись въ прежнее время, — и при этомъ замѣчаетъ, что «императоръ, кажется, долженъ больше и больше подчиняться вліянію собственнаго русскаго духовенства», — какъ это дѣйствительно и было, послѣ удаленія изъ министерства кн. Голицына [1]).

Нерѣдко упоминаетъ дневникъ вообще о ходѣ внутренняго управленія. Его извѣстія были именно такія, какихъ можно ожидать. Ему разсказывали (декабрь 1823 г.) невѣроятныя вещи о страшномъ взяточничествѣ, почти публичномъ и какъ будто вообще принятомъ. Армія была устроена хорошо, но императоръ, подъ вліяніями Меттерниха, не пользовался выгодами этой силы. «Русское войско находится, какъ говорятъ, въ блестящемъ состояніи и такъ многочисленно, что, безъ преувеличенія, по

---

[1]) Blätter II, 298; III, 350.

первому слову могутъ выступить 600,000 человѣкъ. Но императоръ боится привести въ движеніе такую массу, онъ дѣйствительно желалъ бы избѣжать войны съ Турціей и допускаетъ, что изъ Вѣны все это превосходство силъ превращаютъ въ его умѣ въ ничто! — Императора хвалятъ какъ человѣка; говорятъ, что онъ далеко лучше всей своей обстановки, и съ своими лучшими намѣреніями остается совершенно одинокъ, безъ единаго честнаго помощника, — это уже говорилъ мнѣ шесть лѣтъ тому назадъ и лейбъ-медикъ Штоффрегенъ. Но теперь императоръ, говорятъ, совершенно подчиняется внушеніямъ Меттерниха». Тотъ «безпристрастный наблюдатель», замѣчанія котораго передаетъ Фарнгагенъ, очень невыгодно отзывается и о русской дипломатіи (вспомнимъ, что передъ этимъ Каподистрія оставилъ министерство иностранныхъ дѣлъ и русскую службу; его преемникомъ сдѣлался гр. Нессельроде); наблюдатель находилъ, что съ этой дипломатіей Меттернихъ «легко управится» [1]).

Мы упоминали выше, что люди, нѣсколько внимательные къ событіямъ, уже въ то время ясно видѣли, какими пружинами велась реакціонная политика, господствовавшая во всей Германіи и въ Россіи и простиравшая свое вліяніе повсюду, куда доставало оружіе Священнаго Союза; личные интересы Меттерниха играли не послѣднюю роль въ числѣ этихъ пружинъ. Современники видѣли всю мелкость ума Меттерниха, которой не хватало ни на какую широкую и смѣлую мысль и хватало только на запугиваніе государей и тиранническое преслѣдованіе: главнымъ его орудіемъ былъ именно внушаемый имъ страхъ революцій, и этимъ однимъ онъ держался на мѣстѣ, потому что ни къ какой иной роли не былъ способенъ. Вотъ между прочимъ одинъ изъ отзывовъ о Меттернихѣ, записанный тогда Фарнгагеномъ:

«Подробно говорилъ съ г. министромъ Гумбольдтомъ (Вильгельмомъ) о Меттернихѣ; онъ изображаетъ его какъ министра слабымъ и непослѣдовательнымъ, который, если только счастье оставитъ его на минуту, совершенно путается, у котораго нѣтъ никакихъ мнѣній, который на все смотритъ съ личной точки зрѣнія; онъ почти ничего не успѣлъ сдѣлать противъ слабыхъ противниковъ, фальшивъ и лицемѣренъ, и держится позорно. Ему удалось одно время обойти (bethören) императора Александра, но это и все; въ Германіи и въ Италіи онъ всегда могъ только вводить тишину на минуту, и никогда не сдѣлалъ ничего существеннаго. Своей личной манерой онъ овладѣлъ

---

[1]) Blätter II, 457 — 458.

также лордомъ Кэстельри и княземъ Гацфельдтомъ, но и это не великое дѣло» [1]). Но въ тѣ времена было сильно распространено представленіе о Меттернихѣ, какъ тончайшемъ и проницательнѣйшемъ дипломатѣ, какого видѣлъ свѣтъ; исторія давно уже изображаетъ его въ томъ видѣ, какъ онъ представляется въ этомъ отзывѣ Гумбольдта, — и въ послѣднее время нѣкоторые считали нужнымъ даже защищать Меттерниха отъ этихъ обвиненій въ совершенномъ ничтожествѣ. Императоръ Александръ, какъ мы замѣчали, въ иныя минуты совершенно видѣлъ презрѣнность его характера, и тѣмъ печальнѣе тотъ фактъ, что впослѣдствіи онъ дошелъ до того, что позволилъ себѣ руководиться его указаніями. Меттернихъ, который самъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій и дѣйствительно не внесъ въ политическую систему ничего кромѣ чисто-отрицательной реакціи, имѣлъ однако огромный успѣхъ потому, что разсчитывалъ на самыя слабыя стороны тогдашней монархіи и поддерживалъ ея дурныя страсти, опираясь при этомъ на всѣ элементы феодальнаго консерватизма и обскурантизма. Въ то время, когда недавняя исторія указывала монархіи единственный здравый путь ея существованія—сближеніе съ народами, предоставленіе имъ извѣстной общественной и политической автономіи, онъ принялъ другой путь и поддерживалъ старыя абсолютистскія наклонности, которыя монархія по прежней памяти и привычкѣ считала своимъ божественнымъ правомъ и обязанностью. Меттернихъ только придумывалъ всякіе извороты, чтобы возбуждать ея ревность къ этому божественному праву. Въ какое положеніе становилась къ этому русская монархія, мы упоминали.

Вліяніе Меттерниха на Александра объясняется въ значительной степени внутреннимъ состояніемъ императора, преисполненнымъ тревогъ, сомнѣній, подозрительности и колебаній. Иностранная политика, которой онъ отдавался какъ личному дѣлу, ставила вопросы, въ которыхъ онъ не находилъ исхода; во внутреннихъ дѣлахъ происходили безпорядки, противъ которыхъ онъ не находилъ средствъ; общественное движеніе было ему мало извѣстно — примѣръ этому представляетъ хоть вся исторія тогдашняго піэтизма.

Въ дневникѣ Фарнгагена мы встрѣчаемъ нѣсколько анекдотическихъ подробностей, рисующихъ различныя черты характера и настроенія имп. Александра. Въ 1820-мъ году, онъ записываетъ: «Русскій императоръ сказалъ однажды королю (т. е. прусскому), чтобы онъ не обманывался, что онъ (король) ок-

[1]) Blätter V, 29.

руженъ негодяями, которыхъ можно подкупать, что не лучше этого и его собственныя дѣла, — что онъ хотѣлъ многихъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись такіе же; что *перемѣнить этого нельзя*, что надо этому покориться и предоставить вещамъ идти тѣмъ же порядкомъ и дальше». Въ Берлинѣ знали объ этомъ подозрительномъ, безпокойномъ настроеніи императора Александра. Въ концѣ 1824-го года тамъ былъ слухъ, что съ императоромъ были будто бы припадки душевной болѣзни. Когда получены были извѣстія о страшномъ петербургскомъ наводненіи ноября 1824-го г., Фарнгагенъ записываетъ: «Петербургское бѣдствіе, говоритъ здѣсь одинъ русскій, еще больше сдѣлаетъ императора доступнымъ для мрачныхъ представленій; въ этомъ, какъ и во всемъ, онъ будетъ видѣть божіе наказаніе. Онъ до сихъ поръ не успокоивается относительно событій 1801-го года... Упоминаніе о нихъ лордомъ Голландомъ въ англійскомъ парламентѣ глубоко поразило Александра и снова погрузило его въ уныніе, отъ котораго онъ еще не вполнѣ успокоился. То, что у него нѣтъ дѣтей, онъ считаетъ божіимъ наказаніемъ» и т. д. [1]). Фарнгагенъ знаетъ однако, какъ несправедливо было обвиненіе Голланда.

Въ Пруссіи относились къ императору различно. Король былъ искренно къ нему привязанъ, хотя, повидимому, тяготился нѣкоторыми проявленіями его характера, въ томъ числѣ вѣроятно слишкомъ настойчивыми дипломатическими вмѣшательствами. Въ октябрѣ 1820 въ дневникѣ записано: «Когда импер. Александръ хотѣлъ прибыть въ Берлинъ, король сказалъ, что это—безпокойный гость! Король ненарушимо и съ величайшимъ уваженіемъ держится Александра, и союзъ съ Россіей считаетъ лучшей, самой спасительной политикой для себя и своихъ преемниковъ; его министры думаютъ совершенно иначе». Иначе отзывалась и публика, въ особенности люди либеральныхъ мнѣній съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала дѣятельнымъ образомъ заявлять себя въ реакціонной политикѣ конгрессовъ. Въ апрѣлѣ 1821 г., Фарнгагенъ пишетъ: «Почти повсюду говорятъ противъ русскихъ, также и въ высшемъ кругу, и объ императорѣ Александрѣ употребляютъ самыя рѣзкія выраженія, даже многіе ультра, которымъ, собственно говоря, его дѣятельность должна бы нравиться». Черезъ нѣсколько страницъ: «ненависть и отвращеніе къ русскимъ сильно и явно высказываются при каждомъ случаѣ». Въ объясненіе этого припомнимъ, что это было время испанской революціи: она производила тогда сильное дѣй-

[1]) Blätter I, 211; III, 171, 183.

ствіе на умы и возбуждала самое горячее сочувствіе во всѣхъ людяхъ либеральныхъ воззрѣній, — между тѣмъ Россія относилась къ ней конечно самымъ враждебнымъ образомъ, и въ то время шли толки, что русскія войска должны двинуться для подавленія революціи. Кромѣ того, эта вражда къ русскимъ могла исходить и изъ различныхъ личныхъ встрѣчъ съ русскими по случаю пріѣзда въ Берлинъ в. кн. Николая. Въ Пруссіи уже съ этого времени чувствовалось сильное вліяніе русскаго двора, и это естественно возбуждало въ пруссакахъ національную ревность. Фарнгагенъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности такихъ отношеній по поводу спорнаго вопроса о Данцигѣ, гдѣ императоръ Александръ заставилъ прусскаго принца, говорившаго съ нимъ объ этомъ дѣлѣ въ Петербургѣ, выслушать очень рѣзкія вещи. Фарнгагенъ прибавляетъ слова короля, имѣющія отношеніе къ этому случаю: «Говорятъ, что король не разъ употреблялъ такое выраженіе: что если-де не имѣешь 40 милліоновъ подданныхъ, то совсѣмъ и говорить нельзя» [1]).

Въ числѣ трудныхъ политическихъ вопросовъ, на которыхъ въ особенности сталкивались противорѣчивыя стремленія имп. Александра, его первоначальный либерализмъ, позднѣйшая реакціонная политика, стояли на первомъ планѣ вопросы польскій и греческій; эти вопросы въ то же время близко интересовали русскую публику. Фарнгагенъ дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ о томъ и о другомъ. Польская конституція была, какъ мы выше упомянули, дѣломъ личнаго желанія императора; она была рѣшена, но практическое выполненіе съ первыхъ шаговъ представило трудности, непреоборимыя для Александра. Въ самомъ дѣлѣ, являясь въ Польшѣ конституціоннымъ монархомъ, Александру приходилось отказываться отъ собственной личности, отъ всѣхъ взглядовъ, привычекъ, дѣйствій самаго неограниченнаго абсолютнаго государя, какимъ онъ былъ въ Россіи. Открытіе конституціоннаго сейма въ Польшѣ поставило на пробу либеральные принципы, и они не выдержали ея: взаимныя притязанія уже скоро разстроили конституціонныя отношенія, и онѣ наконецъ стали мертвой буквой. Въ результатѣ осталась прежняя національная вражда, къ которой присоединялось неудовольствіе въ русскомъ обществѣ, что страна завоеванная, какой надо было считать Польшу, получала свободныя учрежденія, которыхъ лишена была страна самихъ завоевателей. Въ сентябрѣ 1820 года, Фарнгагенъ пишетъ: «Сегодня (19-го сентября) въ «Staatszeitung» напечатана рѣчь русскаго императора на сеймѣ

[1]) Blätter I, 211, 289, 291; III, 34.

къ полякамъ, — объ ней говорятъ въ шутку, что половину ея писалъ Лагарпъ, а другую половину г-жа Крюднеръ; здѣсь въ высшихъ сферахъ рѣчь не понравилась, какъ и ея толкованіе, которое дается ей въ депешахъ изъ Варшавы». Черезъ мѣсяцъ, въ октябрѣ: «Рѣчь императора при распущеніи польскаго сейма — очень чувствительно и трогательно» (sehr schmerzlich und beweglich), и затѣмъ упоминаетъ, что народъ обнаружилъ большую враждебность къ императору. Далѣе, опять новыя извѣстія о польскихъ отношеніяхъ, которыя дѣлаются все болѣе и болѣе натянутыми. Въ іюлѣ 1821 г. Фарнгагенъ пишетъ: «Русскій императоръ объявилъ полякамъ, что такъ какъ они дурно пользуются свободными учрежденіями и самостоятельностью, и возбуждали въ немъ столько неудовольствія, то онъ присоединитъ ихъ къ русской имперіи». Въ маѣ 1822 г.: «Въ Польшѣ очень натянутое положеніе дѣлъ: императоръ объявляетъ, что въ бюджетѣ для арміи отказа быть не можетъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ надо было бы придумать средство быть бережливѣе, напр. богатые поляки могли бы служить безъ жалованья и т. п. Думаютъ, что цѣль (этихъ дѣйствій) та, чтобы конституція надоѣла полякамъ, и чтобы они отказались отъ нея добровольно».

Въ то же время Фарнгагенъ сообщаетъ о приказѣ имп. Александра, чтобы ни одинъ полякъ не могъ учиться за границей безъ позволенія. Въ февралѣ 1824 г.: «въ Варшавѣ недавно опять сдѣлано много арестовъ по поводу Umtriebe» [1]).

Если въ польскомъ вопросѣ Александръ долженъ былъ самъ убѣждаться въ своемъ прежнемъ заблужденіи, сознаваться себѣ, что онъ не въ состояніи выполнить своихъ плановъ, то въ греческомъ вопросѣ положеніе его было не лучше: онъ долженъ былъ — противъ своихъ личныхъ желаній — уступать принципамъ европейской реакціи, созданію которой онъ столько содѣйствовалъ. Въ свое время онъ сочувствовалъ нравственному возрожденію Греціи и не могъ въ душѣ не признавать справедливыми ея усилій завоевать себѣ національную свободу. Но европейская реакція ставила дѣло иначе: по разнымъ соображеніямъ, направленнымъ въ сущности и противъ Россіи, — именно противъ ея предполагаемыхъ завоевательныхъ плановъ, — эта реакція считала нужнымъ принять въ этомъ дѣлѣ сторону Турціи. Оставленіе грековъ на произволъ судьбы въ ту минуту, когда рѣшалось ихъ будущее существованіе, было дѣломъ величайшей несправедливости; но при всемъ томъ Александръ сталъ противъ грековъ, —

1) Blätter I, 202, 218, 219, 342; II, 129, 133; III, 23.

онъ далъ увѣрить себя, что возстаніе грековъ есть одна вѣтвь того революціоннаго пожара, тушеніе котораго въ Европѣ Священный Союзъ поставилъ себѣ задачей. Разъ ступивъ на эту дорогу, Александръ считалъ долгомъ оставаться вѣрнымъ своему рѣшенію и отвергать всѣ другія соображенія, говорившія въ пользу грековъ. Это было положеніе до крайности трудное, и мучительное для самого Александра: все общественное мнѣніе образованной Европы высказывалось въ пользу грековъ, за нихъ говорило и обаяніе классической древности и героизмъ ихъ настоящей борьбы; въ Россіи греческое дѣло было популярно съ другой стороны,—это было сочувствіе къ единовѣрцамъ, связаннымъ съ Россіей исконными историческими воспоминаніями и сражавшихся за освобожденіе отъ ига невѣрныхъ. Александръ не могъ не видѣть справедливости этихъ сочувствій и сознательно шелъ наперекоръ имъ: это стоило ему тягостной личной борьбы и новаго недовольства — въ общественномъ мнѣніи Европы и даже въ Россіи. Нѣсколько замѣтокъ, которыя мы находимъ у Фарнгагена, даютъ нѣсколько новыхъ подробностей для этой исторіи.

Въ іюлѣ 1821 года онъ пишетъ: «Странныя извѣстія изъ Греціи... «Австрійскій Наблюдатель» (оффиціальная австрійская газета, руководимая Генцомъ, и выражавшая взгляды Меттерниха) торжествуетъ... Въ обществѣ все еще надѣются на русскаго императора; *даже въ Вѣнѣ* думаютъ, что онъ двинетъ свои войска (т. е. противъ Турціи, въ защиту грековъ). Ансильонъ полагаетъ, что цензура можетъ дозволять все въ пользу грековъ — надо только остерегаться, чтобы не было ничего непріятнаго для императора Александра».

Въ январѣ 1822 г: «Въ Москвѣ русскій *народъ* произвелъ безпокойства, собирался толпами на улицахъ, и громко и сильно выражалъ свое *сочувствіе къ грекамъ*».

Въ августѣ того же года: «Импер. Александръ малодушенъ, боится со всѣхъ сторонъ, теперь всего больше — возстанія въ Германіи и въ Польшѣ. Меттернихъ отлично умѣетъ этимъ пользоваться и поддерживать это настроеніе; онъ пугаетъ его карбонарами. Русскія ноты по греческому дѣлу, какъ говорятъ, крайне слабы и незначительны. Каподистрія не участвовалъ въ этихъ переговорахъ и не сдѣлалъ никакого рѣшительнаго вмѣшательства, также изъ малодушія и неувѣренности. О русскомъ кабинетѣ говорятъ: les Turcs leur crachent au visage, bientôt les Grecs leur cracheront au visage, ils en auront donc deux fois.—L'indépendance des Grecs est déjà un fait, ce n'est pas une question». Сказанное здѣсь о Каподистріи не совсѣмъ

вѣрно; Каподистрія видѣлъ невозможность сдѣлать что-нибудь въ тогдашнемъ положеніи вещей, и сдѣлалъ единственное, что могъ: онъ оставилъ въ это время русскую службу.

Въ сентябрѣ: «Побѣда грековъ надъ Хуршидъ-пашой подтверждается отовсюду. Русскіе и поляки не скрываютъ своей радости. Австрійцы досадуютъ, хотя и у нихъ нерѣдко высказывается втайнѣ участіе къ грекамъ».

Въ январѣ 1823 года: «Третьяго дня напечатана въ газетахъ декларація Веронскаго конгресса (въ которой участвовалъ и Александръ, и которая рѣзко осуждала греческое возстаніе)... Въ публикѣ единогласное неудовольствіе противъ этой деклараціи. Говорятъ прямо, что это низость, ничтожество, самая наглая ложь и т. д.; такимъ образомъ выражаются даже ультра (крайніе реакціонеры), — какъ я сказалъ, единогласное неудовольствіе. Жалѣютъ о графѣ Бернсторфѣ, которому пришлось подписать подобную вещь. Мѣсто противъ грековъ, какъ полагаютъ, написано австрійцами такъ рѣзко изъ злости противъ императора Александра: они все еще считаютъ его тайнымъ зачинщикомъ этого дѣла, и по крайней мѣрѣ дѣлаютъ ему его нынѣшнюю притворную роль очень горькой».

Въ октябрѣ: «Греки получаютъ все новыя удачи: но они начинаютъ бояться Священнаго Союза больше, чѣмъ самого турецкаго султана».

Въ сентябрѣ 1824 года: «Русскій императоръ, въ предположеніи, что Молдавія и Валахія теперь окончательно очищены турками, назначилъ маркиза Рибопьера посланникомъ въ Константинополь. Говорятъ открыто, что этимъ императоръ признаетъ передъ всей Европой свою слабость и глубоко унижаетъ себя этой чрезмѣрной уступчивостью, которая готова даже принимать фальшивыя показанія за истинныя».

Въ октябрѣ: «Говорятъ, что способъ дѣйствій Александра въ греческомъ дѣлѣ грызетъ ему душу; онъ чувствуетъ, какъ недостойна его роль, и однако не можетъ покинуть ее. La ruine des Grecs l'affligerait sans doute, mais leurs succès l'irritent [1])».

Въ такомъ видѣ представлялась европейскому общественному мнѣнію политическая роль, данная Россіи императоромъ Александромъ. Россія теряла уваженіе, и достоинство ея, высоко поднятое войнами противъ Наполеона, падало отъ ея способа дѣйствій въ греческомъ вопросѣ, отъ ея подчиненія разсчетамъ Австріи, отъ уступчивости наглымъ требованіямъ Турціи, къ которой Россія еще никогда не становилась въ подобное положе-

[1]) Blätter I, 339; II, 20, 177, 192, 277, 430; III, 134, 146.

ніе. Нелюбовь къ Россіи явно выростала, и любопытно сравнить, въ дневникѣ Фарнгагена, эти отголоски общественнаго мнѣнія Европы за послѣдніе годы императора Александра и за первые годы царствованія имп. Николая. Послѣдній, сколько можно судить по различнымъ отзывамъ Фарнгагена, вызывалъ въ Пруссіи очень враждебное мнѣніе; но энергія, выказанная имъ въ отношеніяхъ къ Турціи, произвела впечатлѣніе въ Европѣ, и Россія снова стала импонировать.

Весь характеръ послѣднихъ годовъ царствованія Александра не былъ способенъ благопріятно дѣйствовать и на само русское общество. Какъ ни мало имѣло оно всегда голоса въ дѣлахъ государства, но въ немъ повидимому стало сказываться сильное недовольство. Насколько мы знаемъ теперь эту исторію, мы можемъ наблюдать развитіе этого недовольства въ распространеніи тайныхъ обществъ, принимавшихъ все болѣе и болѣе враждебный правительству характеръ. Но внѣ кружка «декабристовъ», намъ до сихъ поръ мало извѣстно настроеніе тогдашняго общества, и сами декабристы, какъ ни было все-таки значительно ихъ число, представляются намъ какимъ-то исключеніемъ, не имѣющимъ связей съ цѣлой массой общества. Тогдашняя литература была слишкомъ нѣма, чтобы по ней можно было судить о дѣйствительномъ состояніи умовъ. Замѣтки Фарнгагена сообщаютъ и здѣсь нѣсколько небезъинтересныхъ указаній, которыя, хотя и отрывочны, но даютъ однако понятіе о настроеніи общества, о распространеніи либерализма и о сильномъ недовольствѣ, возбуждаемомъ дѣйствіями правительства, и иной разъ намекаютъ на обстоятельства, которыя, сколько мы знаемъ, не были упоминаемы до сихъ поръ въ существующихъ разсказахъ объ этомъ времени. Между прочимъ читатель самъ замѣтитъ нѣсколько явныхъ преувеличеній, на которыхъ мы потому и не будемъ останавливаться.

Въ январѣ 1821 г., Фарнгагенъ пишетъ: «Пріѣзжающіе русскіе сильно бранятъ русскіе военные порядки, рабскій педантизмъ, который по ихъ мнѣнію пришелъ къ нимъ изъ Пруссіи. Поэтому они ненавидятъ Пруссію, гдѣ однако это вовсе не такъ дурно, какъ они сами теперь видятъ. (Эти русскіе не совсѣмъ ошибались потому, что порядки были дѣйствительно прусскіе, только старые, которые въ самой Пруссіи были давно брошены, а въ Россіи еще продолжали процвѣтать,—какъ это у насъ случалось и случается очень часто). Они смѣло высказываются въ пользу Неаполя, говорятъ о правахъ народовъ, о необходимости конституціонныхъ учрежденій, которая чувствуется и въ Россіи, говорятъ, что пребываніе за границей пробудило и простого сол-

дата, и пр. Анекдотъ о полковникѣ Шварцѣ, который ложится на землю, чтобы лучше видѣть, ровно ли солдаты маршируя поднимаютъ ноги, и если замѣтитъ, что кто-нибудь маршируетъ неровно, вызываетъ его изъ строя и плюетъ на него».—Это конечно тотъ самый Шварцъ, изъ-за котораго произошло извѣстное возмущеніе Семеновскаго полка.

Въ февралѣ: «Одинъ молодой русскій, г. Ш., бранитъ въ обществѣ государей, которые унижаются до Schlächterhunden, и называетъ дѣло неаполитанскаго народа справедливымъ дѣломъ».

Въ маѣ: «Русскіе ужасно бранятъ войну»—вѣроятно, рѣчь идетъ о тогдашнихъ военныхъ приготовленіяхъ къ вооруженному вмѣшательству въ итальянское возстаніе.

Въ іюнѣ: «Императоръ Александръ сказалъ въ Варшавѣ одной графинѣ, кажется Потоцкой, что Лайбахскій конгрессъ будетъ послѣднимъ въ этомъ родѣ, потому что здѣсь уже не оказалось общаго согласія государствъ; что теперь каждому государству надо воротиться опять къ прежней системѣ, имѣть въ виду свои собственные интересы, сколько возможно отдѣльно отъ другихъ. Повидимому, императоръ хочетъ изгладить впечатлѣніе, какое онъ замѣчаетъ въ Польшѣ и въ Россіи относительно своей роли; имъ очень недовольны и считаютъ, что онъ далъ себя обмануть Меттерниху».

Въ сентябрѣ: «Полякъ Конарскій, изъ Кракова, полный пламенной республиканской любви къ отечеству, говоритъ противъ властителей (Grossen) и аристократіи. Между поляками и русскими много затаеннаго озлобленія. Говорятъ, что императоръ Александръ находится въ большой тревогѣ и нерѣшительности, что онъ походитъ на Павла, и что общественное направленіе въ Россіи кажется ему опаснымъ».

Въ декабрѣ этого года Фарнгагенъ записываетъ такіе слухи: «Въ концѣ сентября въ Петербургѣ открытъ будто бы заговоръ высшей аристократіи противъ императора; на престолъ хотѣли возвести царствующую императрицу; первое открытіе и заявленіе о заговорѣ сдѣлалъ будто бы Сперанскій. Императоръ уже не совладаетъ съ своими вельможами и жизнь его не въ безопасности. Говорятъ, что онъ хочетъ совсѣмъ уничтожить старое боярское дворянство и сохранить только выслуженное. На обратномъ пути изъ Витебска въ него, говорятъ, бросали камнями».

Далѣе, въ августѣ 1822 г.: «Нѣсколько молодыхъ русскихъ говорятъ здѣсь въ самомъ рѣшительномъ революціонномъ духѣ времени, смѣются надъ кабинетами и конгрессами, ждутъ пол-

нѣйшаго переворота во всѣхъ государствахъ, предсказываютъ величайшія событія»...

«Здѣшніе русскіе, когда бываютъ въ своемъ кругу, не скрываютъ своей ненависти къ Австріи, съ ожесточенными насмѣшками нападаютъ на ея учрежденія, ея армію, ея педантизмъ; бѣдному эрцъ-герцогу Францу сильно достается».

Фарнгагенъ записываетъ мнѣніе одного русскаго, который находилъ умъ имп. Александра совершенно обыкновеннымъ... «Онъ любитъ только посредственность; настоящій геній, умъ и талантъ пугаютъ его, и онъ только противъ воли и отворотивъ лицо, употребляетъ ихъ въ крайнихъ случаяхъ. У него никогда не бываетъ ни минуты искренности и простоты, онъ всегда насторожѣ. Самыя существенныя его свойства — тщеславіе и хитрость, или притворство», и т. д. [1]).

Въ сентябрѣ 1822 г. (въ Теплицѣ) Фарнгагенъ опять пишетъ: «Пріѣзжаетъ много русскихъ и поляковъ; они говорятъ чрезвычайно смѣло и свободно, особенно русскіе»...

«Князь Голицынъ говорилъ мнѣ о крѣпостныхъ отношеніяхъ въ Россіи, что большая часть крупныхъ помѣщиковъ склонны освободить своихъ крестьянъ; но императоръ думаетъ теперь только о томъ, чтобы обезпечить себя отъ революціонеровъ и совершенно оставилъ конституціонные планы, если когда-нибудь серьезно ихъ имѣлъ. Внутри Россіи большое развитіе всякаго рода культуры, но управленіе и суды въ печальномъ состояніи, по недостатку въ хорошихъ учрежденіяхъ и хорошихъ чиновникахъ»...

«Въ Россіи дѣйствительно закрыты всѣ масонскія ложи; думаютъ, что Меттернихъ напугалъ императора Александра».

Въ октябрѣ: «По письмамъ изъ Вѣны, имп. Александръ жилъ въ Вѣнѣ (во время поѣздки на Веронскій конгрессъ) очень уединенно и никого почти не видѣлъ... Полагаютъ, что онъ долженъ быть въ очень печальномъ настроеніи. Новые толки о большомъ неудовольствіи военныхъ въ Россіи. Гвардія и другіе полки, бывшіе во Франціи, хотятъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній; младшіе офицеры оказываютъ неповиновеніе и неуваженіе къ старымъ генераламъ» и проч. [2]).

Извѣстія объ этомъ неудовольствіи въ гвардіи и арміи при-

---

[1]) Blätter I, 256, 261, 296, 327, 349, 380: II, 181, 188. Между прочимъ, любопытныя разсужденія одного русскаго объ Австріи приведены у Фарнгагена I, 347. Этотъ русскій хорошо понималъ положеніе вещей въ Австріи, и предвидѣлъ будущее паденіе Меттерниховской системы управленія (въ 1821 году).

[2]) Blätter II, 191, 192, 201, 213.

водятся нѣсколько разъ у Фарнгагена въ теченіе 1821 — 1825 годовъ: военные высказывали неудовольствіе, оказывали сопротивленіе властямъ; разъ были разжалованы за подобныя вещи даже два генерала; на одномъ обѣдѣ, когда предложенъ былъ тостъ за императора, офицеры перевернули стаканы и т. п. [1]).

Источникъ этого неудовольствія отчасти заключался въ чисто военныхъ поводахъ, какъ это было напр. въ случаѣ съ Семеновскимъ полкомъ, гдѣ новыя, болѣе мягкія формы дисциплины, введенія которыхъ желали одинаково и молодые офицеры и солдаты, встрѣтились со старой суровой дисциплиной; но съ другой стороны это неудовольствіе имѣло и свою политическую причину.

Въ запискахъ Фарнгагена не забыта и семеновская исторія. Въ октябрѣ 1823 года, онъ записываетъ слѣдующіе ея результаты, достовѣрность которыхъ мы не имѣемъ возможности провѣрить: «Полковникъ Шварцъ, противъ жестокостей котораго возмутился Семеновскій полкъ, снова получилъ мѣсто. Изъ солдатъ этого полка, размѣщенныхъ тогда по армейскимъ полкамъ, теперь не осталось въ живыхъ ни одного — такъ утверждаютъ русскіе, хорошо знающіе дѣло. Говорятъ, что всѣ они были засѣчены, и поводы къ этому легко съумѣли найти. Говорятъ, императоръ не хотѣлъ когда-нибудь слышать еще объ этихъ людяхъ» [2])...

Извѣстія изъ Россіи были подъ конецъ все смутнаго и мрачнаго характера. Въ маѣ 1823 года, Фарнгагенъ упоминаетъ о перемѣнахъ въ ближайшей обстановкѣ императора, объ отставкѣ кн. Волконскаго, Меншикова, Гурьева и пр. «Императоръ, какъ говорятъ, очень недовѣрчивъ и суровъ. Говорятъ о большомъ столкновеніи партій въ Петербургѣ, гдѣ все легко переходитъ въ заговоръ».

Въ октябрѣ 1824 г.: «Здоровье императора (путешествовавшаго тогда на югъ Россіи) возбуждаетъ серьёзныя опасенія. — Русскіе бранятъ его; во всей имперіи господствуетъ большое неудовольствіе, особенно между знатными и въ войскѣ» [3]).

Въ такомъ мрачномъ видѣ представлялось вообще внутреннее состояніе Россіи къ концу царствованія императора Александра. По тому, что̀ мы знаемъ до сихъ поръ объ этой сторонѣ исторіи того времени, нельзя было составить точнаго понятія объ этомъ предметѣ; показанія Фарнгагена также конечно должны быть провѣрены, но вообще, кажется, надо признать, что обще-

---

[1]) Blätter I, 342; II, 134, 145, 146, 303.
[2]) Blätter II, 430.
[3]) Blätter II, 342; III, 146.

ственное недовольство въ послѣдніе годы правленія Александра было сильнѣе, чѣмъ у насъ обыкновенно представляютъ. Если это такъ, тогда движеніе «декабристовъ» получаетъ больше связи съ общимъ состояніемъ общества, чѣмъ можно было думать.

Записки Фарнгагена сообщаютъ наконецъ интересныя подробности о декабрѣ 1825 года. Изъ нихъ видно, какъ представлялись русскія событія въ Германіи, какое дѣйствіе они произвели въ правительствѣ и обществѣ; въ нихъ найдутся и нѣкоторыя частности для исторіи самыхъ событій. Смерть императора Александра произвела въ Европѣ, и особенно въ Германіи, очень сильное впечатлѣніе. Во-первыхъ, это было политическое событіе великой важности, потому что сходилъ со сцены одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ Священнаго Союза, представитель цѣлой политической системы, — и можно было ожидать большого переворота во всемъ политическомъ характерѣ континентальной Европы. Во-вторыхъ, эта смерть вызывала оцѣнку дѣятельности императора, вызывала воспоминанія о немъ какъ человѣкѣ, въ судьбѣ котораго блестящая слава соединялась съ тяжелыми испытаніями и страданіями внутренней борьбы. Эти воспоминанія примиряли или по крайней мѣрѣ смягчали тѣ стороны его послѣдней дѣятельности, которыя могли вызывать только осужденіе. Такое впечатлѣніе передаетъ и Фарнгагенъ.

Мы прослѣдимъ его извѣстія, довольно полно отражающія ходъ дѣла. Извѣстно, къ какимъ затрудненіямъ повело то обстоятельство, что вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшенъ былъ имп. Александромъ втайнѣ отъ общества, которое было, вслѣдствіе того, убѣждено, что естественнымъ преемникомъ Александра будетъ в. кн. Константинъ. Читателямъ извѣстно конечно изъ книги барона Корфа, какъ давно опредѣлилось это рѣшеніе Александра, вслѣдствіе того, что в. кн. Константинъ самъ отказывался отъ престола, и какъ давно это рѣшеніе сообщено было и в. кн. Николаю. Въ дипломатическихъ кругахъ знали объ этой тайнѣ; но такъ какъ рѣшеніе имп. Александра не было сопровождаемо никакимъ явнымъ оффиціальнымъ актомъ, и объ этомъ вопросѣ никогда потомъ не поднималось рѣчи, то мало-по-малу впечатлѣніе изгладилось, и эти предположенія были оставлены: преемникомъ Александра стали вообще считать в. кн. Константина. Эта увѣренность раздѣляема была даже въ высшемъ русскомъ кругу людьми, которымъ не было неизвѣстно о рѣшеніи имп. Александра. Въ декабрѣ 1823 года, Фарнгагенъ заноситъ въ свой дневникъ отзывы о в. кн. Николаѣ, и замѣчаетъ: «Въ Россіи не сомнѣваются, что послѣ Александра на престолъ взойдетъ Кон-

стантинъ, а не Николай, какъ у насъ часто воображали» [1]). Изъ этихъ словъ видно, что упомянутое рѣшеніе имп. Александра было очень извѣстно въ берлинскомъ дипломатическомъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Фарнгагенъ. Черезъ годъ, въ декабрѣ 1824, онъ записываетъ слова кн. Козловскаго, который дѣлалъ такія предположенія о будущемъ: «Кн. Козловскій говорилъ мнѣ, что по смерти имп. Александра, съ новымъ правителемъ, кто бы онъ ни былъ, въ первый разъ въ Россіи будутъ говорить о правахъ, если не народа, то аристократіи, и тотъ, кто захочетъ имѣть престолъ, долженъ будетъ на это согласиться». Такимъ образомъ, кн. Козловскій также не былъ увѣренъ въ престолонаслѣдіи. Черезъ нѣсколько дней Фарнгагенъ говорилъ съ нимъ объ одномъ русскомъ дипломатѣ, о которомъ кн. Козловскій предполагалъ, что онъ пойдетъ впередъ и «при Константинѣ навѣрно будетъ министромъ иностранныхъ дѣлъ» [2]).

Переходимъ теперь къ извѣстіямъ Фарнгагена о декабрѣ 1825 года, и его послѣдствіяхъ.

«Вчера — пишетъ онъ 14-го декабря н. ст. — пришло сюда отъ генеральнаго консула Юліуса Шмидта изъ Варшавы къ графу Бернсторфу извѣстіе, что императоръ Александръ умеръ (1-го декабря н. ст.) въ Таганрогѣ, на Азовскомъ морѣ. Король былъ очень пораженъ и прослезился, но потомъ выразилъ надежду, что извѣстіе можетъ быть ложно, или что дѣло идетъ не объ императорѣ, а объ императрицѣ. Сегодня газета еще не должна была ничего объявлять. Но посланники отправили извѣстіе дальше съ эстафетами или курьерами. Бумаги на нашей биржѣ вчера же упали на одинъ процентъ. Извѣстіе это приводитъ въ движеніе весь городъ.... Русскій посланникъ надѣлъ уже трауръ. При дворѣ все находится въ мрачномъ, натянутомъ настроеніи.

«В. кн. Константинъ готовится въ Варшавѣ къ скорому отъѣзду въ Петербургъ, съ нимъ в. кн. Михаилъ, но в. кн. Николай именно находится въ Петербургѣ. Не сомнѣваются, что императоромъ будетъ Константинъ, и потому не свободны отъ безпокойства: онъ страшно ненавидитъ пруссаковъ и нисколько этого не скрываетъ; отъ него не ждутъ ничего дружелюбнаго. Боятся также, что онъ объявитъ императрицей свою супругу, графиню Ловичъ, и тѣмъ поставитъ въ непріятное положеніе супругу в. кн. Николая. Но умеръ ли съ Александромъ и Священный Союзъ, или онъ будетъ жить и дальше? — въ этомъ послѣднемъ очень сомнѣваются.

---

[1]) Blätter II, 457—458.

[2]) Blätter III, 185, 189.

«Господинъ Кампцъ первый сообщилъ мнѣ это извѣстіе. «Проклятое извѣстіе!» воскликнулъ онъ. Дѣйствительно, теперь многое стоитъ на картѣ. Затрудненія Меттерниха увеличиваются, вся система можетъ рухнуть?

«Король велѣлъ своему сыну, принцу Вильгельму, быть готовымъ къ отъѣзду въ Петербургъ; онъ отправится, какъ только будетъ извѣстно, кто императоръ.

«Мнѣніе, уже существовавшее прежде, что в. кн. Константинъ отказался отъ наслѣдованія престола, какъ говорятъ, не совсѣмъ лишено основанія. Фельдмаршалъ графъ Гнейзенау, только что пріѣхавшій сюда изъ Силезіи, увѣряетъ, что государственный канцлеръ князь Гарденбергъ самъ говорилъ ему однажды, что Константинъ сдѣлалъ это отреченіе по случаю брака нашей принцессы Шарлотты съ его братомъ Николаемъ, въ пользу послѣдняго. Но въ Россіи это не сдѣлало бы ничего, если бы даже это и было дѣйствительно такъ, что̀ еще очень подлежитъ сомнѣнію.

«Въ Literat. Konversationsblatt недавно было замѣчено, что въ прусскихъ календаряхъ в. кн. Николай былъ показанъ какъ преемникъ Александра. Этого нѣтъ въ нѣскольких календаряхъ, въ которыхъ искали; но это указаніе, если оно и ложно, въ настоящую минуту получаетъ для Пруссіи очень непріятное значеніе и можетъ страшно повредить намъ у Константина.

«Извѣстіе о смерти Александра было здѣсь уже третьяго дня вечеромъ; въ 8 часовъ гр. Бернсторфъ доставилъ его королю, а полчаса спустя графу Алопеусу» (русскому посланнику).

Черезъ два дня (16-го дек. н. ст.) Фарнгагенъ пишетъ:

«Графъ Бернсторфъ говорилъ мнѣ, что в. кн. Константинъ еще не выѣхалъ изъ Варшавы, а только послалъ (въ Петербургъ) своего брата Михаила; еще ничего рѣшительно неизвѣстно о томъ, кто взойдетъ на престолъ — извѣстіе объ этомъ можетъ придти только черезъ нѣсколько дней. Бернсторфъ признается, что вся прежняя политика кончается, вся система уничтожена, и если будетъ продолжаться, то всѣ нити надо будетъ завязывать вновь. Онъ поручаетъ мнѣ написать статью объ императорѣ Александрѣ, которую онъ хочетъ представить королю и потомъ напечатать въ «Staatszeitung»; очень трудно, по тому роду, въ какомъ поставлена задача!

«Въ городѣ господствуетъ величайшее смущеніе (Bestürzung): думаютъ, что идетъ дѣло о спокойствіи Европы, что Пруссіи прежде всѣхъ грозитъ война. В. кн. Константинъ ненавидитъ пруссаковъ вообще, и въ особенности кронъ-принца, который, говорятъ, глубоко оскорбилъ его въ прежнее время своими остротами. Гр. Бернсторфъ тоже говоритъ, что отъ него нечего ждать

хорошихъ отношеній. Биржа была въ большомъ безпокойствѣ; бумаги сильно падаютъ.... Король очень мраченъ; при дворѣ все въ боязливомъ ожиданіи.

«Фельдмаршалъ графъ Гнейзенау говоритъ, что смерть Александра есть такая большая потеря для міра, что, еслибъ только было возможно, онъ отдалъ бы ему многіе или немногіе годы, которые еще суждены ему [1]).

«Графъ Бернсторфъ говоритъ мнѣ, что дѣйствительно при бракѣ принцессы Шарлотты со стороны Константина сдѣланъ былъ родъ отреченія отъ наслѣдованія престола, но что теперь онъ мало обратитъ на это вниманія.

«Русскихъ видятъ уже въ Кёнигсбергѣ, въ Данцигѣ, въ Берлинѣ; считаютъ уже за вѣрное, что они потребуютъ отъ насъ балтійскихъ провинцій и Помераніи».

Странно видѣть въ самомъ дѣлѣ, какой страхъ напалъ тогда на Пруссію. Самыя серьёзныя опасенія распространены были не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ кругахъ. Государственные люди раздѣляли страхъ и высказывали раскаяніе за прежнія ошибки и беззаботность Пруссіи: одни боялись за рейнскія провинціи, другіе жаловались на упадокъ значенія Пруссіи въ союзномъ сеймѣ, гдѣ она подчинялась Австріи, теряя довѣріе и авторитетъ внѣ и внутри. «Мы возились съ жалкими дѣлами о происках, — говорили другіе, — мы удалили сильные характеры и таланты, и думали не о дѣлѣ, а о случайныхъ милостяхъ двора»...

Наконецъ, 18-го декабря н. ст. пришло оффиціальное извѣстіе о смерти Александра изъ Петербурга и появилось на другой день въ газетахъ; неоффиціально сообщалось и о присягѣ в. кн. Николая Константину, которому присягнуло и войско.

«Но сегодня, — записываетъ Фарнгагенъ 19-го, — по всему городу распространилось извѣстіе, что в. кн. Николай принялъ эту мѣру прежде, чѣмъ имѣлъ извѣстіе отъ Константина изъ Варшавы, что это извѣстіе пришло тотчасъ послѣ присяги и изъ него увидѣли, что Константинъ отклоняетъ русскую корону

[1]) Нѣсколько дней спустя (3-го янв. н. ст. 1826) Фарнгагенъ записываетъ слова графа Зичи (Zichy), —«что для Александра истинное счастье, что онъ умеръ прежде, чѣмъ греческое дѣло пришло къ разрѣшенію,—котораго онъ старательно хотѣлъ избѣгнуть путешествіемъ на югъ въ то самое время, когда объ этомъ шла рѣчь на петербургскихъ конференціяхъ. Такое разрѣшеніе этого дѣла, что онъ совершенно бы не хотѣлъ помочь грекамъ, запятнало бы его славу; дѣятельная помощь имъ разрушила бы его заботу объ европейскомъ мирѣ. — Александръ выдерживалъ самую несчастную войну между двумя направленіями, а ему нельзя было бы откладывать рѣшенія на долго» (IV, 4).

и хочетъ быть только королемъ польскимъ, и что поэтому Николай есть русскій императоръ.... Большинство умныхъ людей увѣрено, что Константинъ какъ польскій король былъ бы для Пруссіи еще худшимъ сосѣдомъ, чѣмъ какъ русскій императоръ....

«Въ обществѣ слышатся самыя рѣзкія, безпощадныя сужденія о всей нашей государственной роли, особенно относительно дѣлъ, которыя теперь заставляютъ оглянуться на насъ самихъ. Находятъ, что король нерѣшителенъ, заботится только о мелочахъ, государственные люди напуганы или равнодушны; жалуются, что ничего не предвидѣно, ни о чемъ не имѣютъ яснаго представленія». Находили вообще, что если бы Пруссіи предстояла война, то Пруссія оказалась бы не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ была въ 1806 году.

«Да, да,—говорили офицеры—нашъ король можетъ испытать еще разъ тоже самое, и какъ тогда долженъ былъ уходить отъ французовъ въ Мемель, такъ теперь будетъ уходить отъ русскихъ въ Саарбрюкенъ» (на французской границѣ). И опять раздавались жалобы на то, что нѣтъ государственныхъ людей съ умомъ и талантомъ, и что у кого было то или другое, тѣмъ только раньше приходилось идти въ отставку.

12-го (24-го) декабря, Фарнгагенъ записываетъ въ дневникѣ новыя извѣстія и предположенія о русскихъ дѣлахъ:

«Въ Вѣнѣ смерть императора Александра произвела большое впечатлѣніе, и государственныя бумаги сильно упали....

«Здѣсь все еще господствуетъ неизвѣстность. Говорятъ, что в. кн. Константинъ отказывается принимать престолъ и продолжаетъ оставаться въ Варшавѣ. Говорятъ, что онъ держится прежняго отреченія; другіе думаютъ, что причина отказа есть обѣтъ, данный имъ въ страхѣ въ 1801 году.... Нѣкоторые полагаютъ, что онъ не хочетъ быть императоромъ изъ боязливости; другіе думаютъ, что онъ слишкомъ поторопился и предположивъ, что Николай уже взялъ въ руки правленіе, выбралъ свою теперешнюю роль, изъ которой не вдругъ можетъ выйти. На своемъ отреченіи онъ упорно настаиваетъ, и велѣлъ посадить подъ арестъ многихъ генераловъ и другихъ людей, которые называли его «ваше величество».... Въ Петербургѣ, повидимому, господствуетъ сильное недоразумѣніе (Unsicherheit) и боязнь....

«Здѣсь (въ Берлинѣ) находятъ, что въ политическомъ отношеніи было бы лучше, если бы престолъ получилъ Константинъ». При Николаѣ опасались, конечно, слишкомъ большого вліянія на дѣла Пруссіи со стороны русскаго двора [1]).

---

[1]) Ср. Blätter III, 229, 428.

16-го (28-го) декабря въ Берлинѣ все еще не было окончательныхъ извѣстій:

«Здѣсь все еще неизвѣстность и озабоченность. Ходятъ самыя противорѣчащія извѣстія и никто не можетъ объяснить себѣ хода вещей. Съ одной стороны объявляютъ, что когда изъ Петербурга отправилась депутація отъ сената для поздравленія Константина, онъ послалъ ей навстрѣчу г. Моренгейма сказать ей, чтобы она тотчасъ же ворочалась назадъ, что онъ не хочетъ быть императоромъ и не совѣтуетъ имъ показываться ему въ Варшавѣ. Съ другой стороны Алопеусъ (русскій посланникъ въ Берлинѣ), который долженъ знать, что̀ дѣлаетъ, сегодня черезъ прусскую газету приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь русскихъ—1-го января присягать въ посольской церкви императору Константину. Нѣкоторые думаютъ, что Константинъ играетъ роль отреченія, чтобы его, такъ сказать, вынудили принять корону. Другіе думаютъ, что онъ изъ страха, что въ Петербургѣ все уже кончено безъ него, поспѣшно подчинился, чтобы пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ, эту заслугу» и пр... Объясняли разными соображеніями и медленность Николая принять корону.

«Князь Меттернихъ, какъ меня увѣряютъ изъ хорошихъ источниковъ, уже издавна принималъ всѣ мѣры, чтобы привлечь на свою сторону в. кн. Константина, и ему, говорятъ, удалось это; въ числѣ окружающихъ великаго князя Меттернихъ также, говорятъ, имѣетъ рѣшительныхъ друзей».

18-го (30-го) декабря новыя анекдотическія подробности въ дневникѣ:

«Изъ Варшавы извѣщаютъ, что Константинъ на всѣхъ письмахъ, которыя приходятъ къ нему, какъ императору, вычеркиваетъ свое имя, ставитъ имя брата своего Николая и нераспечатанными отсылаетъ къ нему. Этого способа дѣйствій не понимаютъ, не могутъ объяснить себѣ ни цѣли, ни основаній его. Еслибы онъ совершенно не хотѣлъ короны, — такъ говорятъ здѣсь,—то ему надо было бы принять совсѣмъ другія мѣры, не оставаться также намѣстникомъ и генералиссимусомъ въ Польшѣ и т. д.

«В. кн. Константинъ велитъ продолжать еще до 19-го января молебны о здравіи Александра, какъ будто тотъ былъ еще живъ. Это не простая странность, говорятъ здѣшніе дипломаты; здѣсь скрывается нѣчто большее» [1]).

Упомянувъ о томъ, что в. кн. Михаилъ снова былъ посланъ въ Варшаву, Фарнгагенъ прибавляетъ извѣстіе изъ Варшавы,

---

[1]) Blätter III, 418—431.

что, по свѣдѣніямъ изъ Петербурга, къ Константину хотѣлъ ѣхать и самъ в. кн. Николай.

21-го декабря (2-го января) въ Берлинѣ прошелъ уже слухъ, что король и русскій посланникъ получили оффиціальное извѣщеніе, что в. кн. Николай, послѣ упорныхъ отказовъ Константина, вступаетъ, наконецъ, на престолъ. На другой день это извѣстіе подтвердилось, и въ Берлинѣ узнали о вступленіи на престолъ имп. Николая.

Упомянутое нами выше извѣстіе въ «Konversationsblatt», что въ одномъ прусскомъ календарѣ в. кн. Николай показанъ былъ впередъ преемникомъ Александра, произвело цѣлую суматоху въ правительственныхъ сферахъ; о несчастномъ календарѣ началась цѣлая траги-комическая исторія, за которой Фарнгагенъ слѣдитъ въ своемъ дневникѣ. Прежде всего государственные люди сообразили, что этотъ календарь можетъ скомпрометтировать всю Пруссію, показывая наслѣдникомъ престола Николая, когда всѣ ожидали, что императоромъ будетъ Константинъ. Начали отыскивать календарь; долго его не находилось, наконецъ въ газетахъ указано было, что это извѣстіе находится въ одномъ провинціальномъ календарѣ, который былъ частнымъ изданіемъ нѣкоего Тровицша. Потребовали отчета у цензора и издателя, какимъ образомъ былъ допущенъ такой недосмотръ,—хотя его съ самаго начала можно было объяснить давнишнимъ слухомъ объ отреченіи Константина въ пользу Николая (какъ это впослѣдствіи и оказалось). Къ пущему смущенію государственныхъ людей, исторія о календарѣ перешла во французскія газеты, гдѣ объ этомъ поднялись толки, догадки и соображенія. Прусскіе министры увеличили еще нелѣпость этого дѣла изданіемъ суроваго министерскаго приказа (подписаннаго Шукманномъ и даже Бернсторфомъ, который все-таки былъ человѣкъ разсудительный), который запрещалъ въ Пруссіи «Konversationsblatt» вслѣдствіе «умышленной лжи» въ извѣстіи о календарѣ, — когда на дѣлѣ отыскался уже и самый календарь (Тровицша). Публика была очень недовольна этимъ запрещеніемъ, которымъ министры «мстили издателю за собственную глупость». Эта глупость оказалась потомъ еще больше, потому что показаніе календаря о русскомъ престолонаслѣдіи оправдалось фактически, когда на престолъ вступилъ дѣйствительно Николай. Черезъ мѣсяцъ, 2-го (14-го) января, Фарнгагенъ пишетъ въ дневникѣ: «Теперь открыто, что редакторъ календаря Тровицша назвалъ в. кн. Николая русскимъ наслѣдникомъ совершенно благонамѣренно, безъ всякаго дурного умысла, просто, чтобы дать своей книжкѣ большую точность, потому-что ему не разъ случалось объ этомъ слы-

шать»... Въ тоже время оказалось, что календарь Тровицша не былъ единственный, помѣстившій это свѣдѣніе о русскомъ престолонаслѣдіи; тоже показаніе находилось еще въ одномъ кведлинбургскомъ календарѣ и въ одномъ генеалогическомъ руководствѣ, напечатанномъ въ Галле.

По словамъ Фарнгагена, берлинскій дворъ, по фамильнымъ интересамъ, показывалъ большое сочувствіе къ новому обороту русскихъ дѣлъ; но въ политическомъ отношеніи этотъ оборотъ многимъ казался самымъ неблагопріятнымъ. Опасались, что Россія будетъ еще требовательнѣе, а прусскій дворъ уступчивѣе, и что отъ этого будутъ страдать прусскіе интересы. Оффиціальные акты, пришедшіе вмѣстѣ съ извѣстіемъ, подвергались комментаріямъ, и объявленіе Константина о причинахъ его отказа вызывало рѣзкія насмѣшки [1]). Разсчитывая будущій ходъ дѣлъ, вспоминали, что въ Берлинѣ (въ одномъ изъ дворцовъ) сохраняется оконное стекло, на которомъ в. кн. Николай, во время своего послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ, начертилъ слова: «bonheur aux Grecs!» — въ то время, когда имп. Александръ имѣлъ на греческое дѣло совсѣмъ другіе взгляды. Прусскій кронпринцъ прибавилъ къ этимъ словамъ на томъ же стеклѣ и свое согласіе. Несмотря на то, думали, однако, что «если новый императоръ заступится за грековъ, то его побудятъ къ этому не его склонности, а требованія минуты»: мы видѣли, что образъ дѣйствій Александра въ греческомъ вопросѣ давно уже считали невозможнымъ и унизительнымъ для Россіи.

Вмѣстѣ съ актомъ отреченія Константина, манифестомъ о вступленіи на престолъ Николая и другими документами пришли въ Берлинъ (4-го янв. 1826, н. ст.) и первыя неясныя извѣстія, что въ Петербургѣ произошла «кровавая сцена».

На другой день, Фарнгагенъ записываетъ:

«Въ нашихъ газетахъ (5-го января) подробно разсказывается все, относящееся ко вступленію на престолъ имп. Николая, но ничего не говорится о томъ происшествіи, при которомъ погибъ Милорадовичъ; наша публика очень озадачена этимъ, такъ какъ боятся, что правительство можетъ имѣть и другія, болѣе непріятныя извѣстія. Новыя колебанія, новыя опасенія». Полагали, что въ Петербургѣ можетъ начаться новое кровопролитіе; очень интересовались тѣмъ, какъ принято будетъ это дѣло въ Москвѣ и въ войскѣ, стоящемъ на турецкой границѣ.

Принцъ Вильгельмъ, какъ было предположено, отправился въ Петербургъ черезъ Варшаву, гдѣ на два дня долженъ былъ оста-

---

[1]) Blätter IV, 7—8.

новиться у Константина. Король велѣлъ ему не торопиться въ дорогѣ; боялись, что онъ можетъ пріѣхать слишкомъ рано, когда новый оборотъ дѣлъ еще не достаточно установился. Австрія посылала въ Россію эрцгерцога Фердинанда Эсте. Въ публикѣ, по словамъ Фарнгагена, «эти поздравительныя путешествія принцевъ казались для многихъ жалкимъ признакомъ того, какое преобладаніе признаютъ за Россіей; находятъ неблагоразумнымъ такъ предупредительно сознаваться тамошнему двору, какъ сильно его боятся. Францiя и Англія вовсе не посылаютъ принцевъ»...

Стали, наконецъ, приходить болѣе подробныя извѣстія изъ Петербурга. «Происшествія въ Петербургѣ были, говорятъ, очень ерьезныя; между лицами, извѣстными теперь за руководителей, азываютъ самыя знатныя имена. Но вообще думаютъ, что эти олодые люди только подставлены, и что за ними скрываются овсѣмъ другія лица. Въ нѣсколько дней неизвѣстности при дворѣ ыстро составились партіи или обнаружились давно существоваві́я. *Вся* русская аристократія, какъ говорятъ, въ полномъ броеніи, потребность и желаніе имѣть конституцію простираются іень далеко. Графъ Алопеусъ говоритъ даже, что послѣднія пе-рбургскія события были подготовлены уже давно; въ мартѣ долэнъ былъ вспыхнуть заговоръ противъ Александра, но неожи-нная перемѣна престола привела дѣло къ этой несозрѣвшей пыткѣ». Опасались, что произойдетъ еще что-нибудь.

«Здѣсь были очень удивлены тѣмъ,—замѣчаетъ Фарнгагенъ— имп. Николай поспѣшилъ принесть присягу, что будетъ свято анитъ конституціонную хартію, данную полякамъ Александромъ. я русскихъ — какъ говорятъ здѣсь — страшно завидно, что льша, въ сущности завоеванная страна, имѣетъ все-таки родъ іституціи, а они никакой».

6-го (18-го) января въ дневникѣ записано:

«Извѣстія изъ Россіи становятся все тревожнѣе... Движеніе ю сильнѣе и глубже, чѣмъ хотятъ признаться... Народъ былъ тельнѣе, чѣмъ солдаты, всѣ кричали о конституціи, ходъ дѣла го оставался сомнительнымъ, все стояло на картѣ... Въ возіи новаго правительства о происходившихъ волненіяхъ встрѣтся выраженіе: «erbärmliche Wahrheiten», которое даетъ ъ поводъ къ разнымъ вопросамъ и насмѣшкамъ».

Черезъ нѣсколько дней:

...«Существовалъ формальный заговоръ... Само правитель-представляетъ дѣло обширнымъ и значительнымъ, и другія ительства еще увеличиваютъ его важность, потому что те-какъ будто снова оправдываются всѣ мѣры ультра-конаторовъ, уже принятыя ими и будущія. У насъ съ новой

силой ожило кёпеницкое слѣдствіе. (Въ крѣпости Кёпеникѣ сидѣла нѣмецкая молодежь, обвиняемая въ демагогическихъ происвахъ). Въ Вѣнѣ отлично этимъ воспользуются. Что можетъ быть желаннѣе для Меттерниха какъ видѣть, что новый императоръ начинаетъ свое правленіе среди всѣхъ ужасовъ революціи и возстанія. Онъ обойдетъ его еще лучше чѣмъ Александра» и т. д. «Какой бы оборотъ ни приняло дѣло (приводитъ Фарнгагенъ чьи-то слова), остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что движеніе, охватившее до сихъ поръ почти всѣ народы, теперь обнаруживается и въ Россіи.

«Здѣсь (въ Берлинѣ) пущенъ въ ходъ глупый придворный анекдотъ, что многіе солдаты, которыхъ спрашивали послѣ, что собственно значилъ ихъ крикъ «конституція», отвѣчали: «жена Константина». Этимъ очень довольны. Но какъ нелѣпо обманывать себя подобными вещами! Вандейцы, солдаты нашихъ войнъ за освобожденіе, могли бы точно также послужить предметомъ для подобныхъ насмѣшекъ.

«Меттернихъ тотчасъ велѣлъ помѣстить въ «Австрійскомъ Наблюдателѣ» то мѣсто дипломатической ноты, гдѣ императоръ Николай обѣщаетъ оставаться вѣрнымъ политической системѣ Александра. Мы съ своей «Staatszeitung» не рѣшились бы на такую смѣлость»!

Русскія событія, какъ видимъ, сильно занимали общество. Люди прогрессивныхъ мнѣній, даже нѣкоторые изъ прусскихъ министровъ, находили, что здѣсь еще разъ высказывается общее европейское движеніе, и что государямъ слѣдуетъ стать во главѣ этого движенія; съ другой стороны, реакціонеры старались воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать монархизмъ еще болѣе абсолютнымъ, стѣснить конституціонный принципъ и свободу въ государствѣ и въ церкви.

Изъ Варшавы получались извѣстія, что вел. кн. Константинъ самымъ страшнымъ образомъ негодовалъ на происки революціонеровъ, бранилъ карбонаровъ и нѣмецкій буршеншафтъ, и полагалъ, что не слѣдуетъ пускать за границу ни одного русскаго или поляка, чтобы не заносить этого яда — въ особенности изъ нѣмецкихъ университетовъ. Берлинскіе реакціонеры, какъ увидимъ, воспользовались этой темой.

Въ теченіе февраля дневникъ продолжаетъ безпрестанно возвращаться къ русскимъ дѣламъ, которыя представляются въ самомъ мрачномъ видѣ.

29-го января (10-го февраля н. ст.): «Изъ Петербурга пишутъ, что нѣтъ почти русской знатной фамиліи, изъ членовъ которой не былъ бы кто-нибудь замѣшанъ въ заговорѣ..

«Изъ Неаполя пишутъ, что событія въ Россіи произвели особенно сильное впечатлѣніе на австрійскихъ офицеровъ въ Неаполѣ; многіе открыто выражаютъ желаніе, чтобы революція не оказалась совсѣмъ неудачной».

1-го (13-го) февраля: «Частныя письма изъ Петербурга изображаютъ тамошнее состояніе, какъ состояніе ужаса, страха и самаго глухого молчанія. Каждый думаетъ о другомъ, что онъ замѣшанъ. Все знатное общество въ смущеніи» и пр.

6-го (18-го) февраля: «Статья въ «Times», что Веллингтонъ повезетъ въ Россію предложенія, которыя поведутъ къ признанію грековъ».

«Изъ Петербурга приходятъ самыя дурныя извѣстія; слѣдствіе получаетъ все бо́льшую важность; почти боятся продолжать его. Императоръ не знаетъ больше кому довѣрять... Правительство изумлено въ особенности тѣмъ, что въ заговорѣ замѣшаны все люди знатныхъ фамилій; наши аристократы sind wie auf's Maul geschlagen,—до сихъ поръ они хвастались тѣмъ, что аристократія есть опора престола».

Одно частное письмо говорило, что боятся новаго возстанія революціонеровъ на 12-е марта, когда выставлено будетъ тѣло имп. Александра.

Въ дневникѣ замѣчено объ арестованіи въ Варшавѣ Кюхельбекера, переодѣтаго нищимъ.

11-го (23-го) февраля: «Изъ Россіи все еще дурныя извѣстія! Въ кровавомъ столкновеніи погибли, какъ говорятъ, тысячи людей, и тѣла ихъ просто брошены въ Неву. Изъ высшихъ источниковъ сообщаютъ, что имп. Николай строго накажетъ революціонеровъ, но также и уступитъ имъ, именно дастъ что-нибудь конституціонное и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ вести войну съ Турціей».

Кампцъ не остался безъ дѣла при этомъ случаѣ. Въ началѣ февраля французская газета «Constitutionnel» нарушила секретъ его занятій, объявивъ, что онъ занятъ новыми планами—возобновить преслѣдованіе нѣмецкихъ «происковъ», стоящихъ будто бы въ тѣсной связи съ русскимъ заговоромъ; газета обвиняла и Бернсторфа въ соучастіи съ Кампцемъ и говорила, что этимъ они послужатъ только Меттерниху. Статья «Constitutionnel» произвела въ Берлинѣ большое впечатлѣніе. «Здѣсь, въ обществахъ открыто радуются этой статьѣ, — пишетъ Фарнгагенъ; — даже зять господина Ансильона въ числѣ тѣхъ молодыхъ офицеровъ, которые съ величайшимъ презрѣніемъ говорятъ о Кампцѣ и съ злорадствомъ о дурныхъ результатахъ правительственныхъ мѣръ». Кампцъ не спорилъ противъ указаній газеты: «она забѣгаетъ

впередъ, — говорилъ онъ, — но впрочемъ справедлива, потому что онъ дѣйствительно работаетъ теперь надъ мемуаромъ, гдѣ онъ *неопровержимо доказываетъ* тѣсную связь русскихъ и нѣмецкихъ происковъ». Черезъ нѣсколько времени (въ томъ же февралѣ) французскій «Монитёръ» сообщалъ, что въ Петербургъ «прибылъ уже мемуаръ г. Кампца, гдѣ этотъ ученый публицистъ доказалъ связь русскаго заговора съ нѣмецкими происками, особенно съ союзомъ старыхъ (Bund der Alten)». Фарнгагенъ называетъ это слишкомъ поспѣшнымъ посольскимъ извѣстіемъ, хотя все-таки думалъ, что дѣло можетъ быть дѣйствительно въ ходу.

Но объ сущности этого дѣла самъ Бернсторфъ говорилъ Фарнгагену совершенно противное. «Графъ Бернсторфъ, съ которымъ я обстоятельно говорилъ, увѣрялъ меня (пишетъ Фарнгагенъ 10-го марта н. ст.), что до сихъ поръ не найдено ни малѣйшаго слѣда какой-нибудь связи между русскими заговорами и нѣмецкими происками» [1]). Мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ мемуара Кампца, — былъ ли онъ дѣйствительно отосланъ въ Россію и какое имѣлъ здѣсь дѣйствіе на мнѣнія правительства объ этомъ предметѣ.

Въ мартѣ Фарнгагенъ опять приводитъ нѣсколько извѣстій о русскихъ дѣлахъ; извѣстія были все дурныя, напр., что заговоръ имѣлъ большія развѣтвленія въ войскѣ, такъ что даже сомнѣвались, не лучше ли совсѣмъ ихъ не раскрывать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ и новое направленіе въ русской политикѣ. Еще въ февралѣ онъ пишетъ: «Наши дипломатическія извѣстія сообщаютъ, что политика новаго правительства начинаетъ уже очень отклоняться отъ прежней, и все больше удаляется отъ австрійскаго духа. Лично имп. Николай мало въ этомъ участвуетъ; онъ не руководитъ ходомъ дѣлъ, а идетъ за нимъ» [2]). Это относится конечно къ положенію новаго правительства въ греческомъ вопросѣ; прусскіе дипломаты полагали, что болѣе рѣшительный способъ дѣйствій вызываемъ былъ въ особенности внутренними русскими обстоятельствами.

13-го (25-го) марта онъ записываетъ: «Изъ Россіи приходятъ все только тревожныя извѣстія; слѣдствіе все еще расширяется, — въ немъ замѣшана вся Россія. Здѣсь не вѣрятъ, чтобы Веллингтонъ (отправившійся въ Петербургъ для мирнаго разрѣшенія греческаго вопроса) возвратился съ вѣтвью мира, потому что императоръ Николай съ каждымъ днемъ все больше

---

[1]) Blätter IV, 2—18, 21, 25, 27—28, 33—34.

[2]) Blätter IV, 22.

видитъ необходимость дать своему войску занятіе войной противъ турокъ».

18-го (30-го) апрѣля: «Скоро ждутъ со стороны Россіи чего-нибудь рѣшительнаго относительно Турціи. Увѣряютъ, что императоръ Николай показалъ герцогу Веллингтону часть документовъ, касающихся заговора, чтобы убѣдить его въ томъ, что дурное направленіе дѣйствительно произошло большею частію изъ чувства *униженія*, съ которымъ русскіе смотрѣли на то, какъ честь имперіи и народа приносилась въ жертву дѣйствіями Александра, — и что ему ничего не остается, какъ дать нѣкоторое удовлетвореніе этому всеобщему настроенію, не терпя больше неприличныхъ притязаній Порты» [1]).

Наконецъ $^4/_{16}$ іюля, Фарнгагенъ пишетъ о докладѣ слѣдственной коммиссіи: «Въ нашихъ газетахъ напечатанъ Докладъ русской слѣдственной коммиссіи по поводу заговоровъ. Онъ составленъ довольно умѣренно, но представляетъ весьма неполное изображеніе дѣла (sehr unsicheres Bild); въ немъ замѣтно стараніе выставить преступность предполагавшихся дѣйствій, и напротивъ оставить въ тѣни духъ и настроеніе.

«По извѣстіямъ изъ Петербурга, въ тамошнихъ высшихъ кругахъ господствуетъ morne silence; императоръ опасается знатныхъ фамилій, и легко можетъ быть, что значительная, еще не открытая часть заговора продолжаетъ существовать втайнѣ» [2]).

Затѣмъ въ дневникѣ занесены извѣстія изъ Петербурга о рѣшеніи дѣла, о казняхъ и ссылкахъ, о новыхъ опасеніяхъ волненій по поводу коронаціи, о новыхъ арестахъ въ Москвѣ, о торжествѣ коронаціи, о настроеніи народа и т. п. [3]).

Мы отмѣтимъ еще два-три любопытныя извѣстія. Фарнгагенъ приводитъ разсказъ графа фонъ-Редерна, который былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ качествѣ кавалера посольства: «онъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ о происходившихъ въ Петербургѣ казняхъ, что осужденные сначала до конца обнаруживали самое рѣшительное упорство.... не показывали никакого слѣда раскаянія или страха» и т. д. [4]).

Въ январѣ 1827 года, въ дневникѣ читаемъ: «Изъ Петербурга извѣщаютъ, что по повелѣнію импер. Александра князю

---

[1]) Blätter, IV, 34, 40, 53.

[2]) Blätter IV, 89. Въ другомъ мѣстѣ Фарнгагенъ замѣчаетъ, что «въ русскомъ манифестѣ (о рѣшеніи дѣла декабристовъ) здѣсь особенно бросается въ глаза мѣсто, гдѣ говорится, что вину этихъ преступныхъ замысловъ надо возлагать не на просвѣщеніе, а на праздность и пустоту и пр.» (стр. 96).

[3]) Blätter IV, 94, 106, 139.

[4]) Стр. 132—133.

Меттерниху выплачивался секретно для политическихъ цѣлей пенсіонъ въ 100,000 дукатовъ въ годъ; что Меттернихъ долженъ былъ употреблять это на разныя издержки противъ «происковъ», и тому под., но что онъ, какъ полагаютъ, бо̀льшую часть этой суммы охотнѣе оставлялъ въ Петербургѣ, чтобы имѣть надежныхъ друзей подлѣ императора. Русскіе очень радуются тому, что имп. Николай тотчасъ велѣлъ прекратить этотъ пенсіонъ» [1]).

Мы видѣли выше, как смотрѣли въ европейскомъ обществѣ на роль Александра въ греческомъ вопросѣ; при Николаѣ отъ Россіи ждали другого способа дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣшательство Россіи въ греческій вопросъ было гораздо болѣе рѣшительно, и какъ бы ни объясняли источникъ этой перемѣны политики, она встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ въ образованныхъ кругахъ Европы. Россія, столько упавшая въ общественномъ мнѣніи Европы вслѣдствіе союза съ реакціей, теперь, поставивши для своей политики цѣль освобожденія угнетенной націи, пріобрѣтала опять большую симпатію. Фарнгагенъ указываетъ въ дневникѣ и этотъ поворотъ мнѣній. Въ мартѣ 1828 г., онъ замѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ: «Приверженцы австрійскаго духа, немного лѣтъ назадъ господствовавшіе у насъ почти безусловно, теперь едва осмѣливаются выступать съ своими мнѣніями» [2]). Война Россіи съ Турціей была отрицаніемъ этого австрійскаго духа и дала нравственную опору его противникамъ. Впрочемъ, это длилось не долго, и по окончаніи турецкой войны, новыя политическія обстоятельства опять измѣнили отношеніе Россіи къ внутреннимъ дѣламъ Германіи и общественному мнѣнію Европы.

Въ такомъ видѣ представляется русское движеніе двадцатыхъ годовъ, по замѣткамъ Фарнгагена. Быть можетъ, многое покажется читателю преувеличеннымъ въ этихъ отзывахъ о настроеніи общества въ послѣдніе годы Александра, или о томъ объемѣ, какой придается событіямъ 14-го декабря. На это надобно замѣтить, что если и дѣйствительно свѣдѣнія были довольно неопредѣленныя относительно фактической сущности дѣла и иногда очевидно преувеличены, то любопытенъ во всякомъ случаѣ тонъ извѣстій, въ которомъ отражается характеръ времени. Свѣдѣнія Фарнгагена почерпались не изъ какихъ-нибудь чисто случайныхъ и произвольныхъ слуховъ: онъ наблюдалъ самыхъ людей русскаго

[1]) Blätter IV, 169.
[2]) Blätter V, 57.

общества и руководился дипломатическими извѣстіями; свѣдѣнія о 1825—26 годахъ шли отъ Алопеуса, отъ Кистера (кажется секретарь прусскаго посольства въ Петербургѣ), отъ Шамбо, секретаря императрицы, отъ варшавскаго агента прусскаго министерства и т. д. Фарнгагенъ во всякомъ случаѣ вѣрно передаетъ впечатлѣніе событій въ извѣстныхъ сферахъ общества.

Впечатлѣніе это было очень сильно. Что касается размѣровъ движенія, то конечно нельзя буквально принимать словъ, что въ немъ замѣшана была «вся Россія», — но эти слова имѣютъ однако свой смыслъ. Число прямыхъ участниковъ въ событіи было невелико, но конечно слѣдственная коммиссія должна была встрѣтить и предположить множество людей съ тѣмъ же образомъ мыслей. Очень можетъ быть, что въ словахъ Фарнгагена и отразилось это наблюденіе коммиссіи, черезъ тѣ источники, изъ которыхъ шли его свѣдѣнія. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что въ Петербургѣ не хотятъ изслѣдовать всѣхъ развѣтвленій заговора; въ докладѣ коммиссіи онъ находитъ желаніе «оставить въ тѣни духъ и настроеніе» общества.

Мы замѣтили выше, что русскія событія дали нѣмецкимъ реакціонерамъ новый поводъ къ преслѣдованіямъ въ Германіи и что Кампцъ составлялъ оффиціальную записку о связи русскаго заговора съ нѣмецкими происками. Вся связь, какъ извѣстно, ограничивалась тѣмъ, что при первомъ началѣ русскаго тайнаго общества, основатели его воспользовались уставами нѣмецкаго Тугендбунда (Союза Добродѣтели); это было указано и въ Докладѣ русской слѣдственной коммиссіи. Для этого заимствованія не нужно было имѣть никакой связи съ нѣмецкими обществами, потому что уставъ давно закрытаго Тугендбунда былъ извѣстенъ всѣмъ въ печати. Въ чемъ именно состояли выводы Кампца и какую роль получила его записка въ Петербургѣ, мы не знаемъ; но въ Пруссіи оживилось вновь слѣдствіе о проискахъ, въ Австріи — также: итальянскіе и другіе заключенные, находившіеся въ Шпильбергѣ, подверглись длиннымъ допросамъ, въ которыхъ хотѣли получить отъ нихъ свѣдѣнія о русскомъ возстаніи и объ ихъ прежнихъ, предполагаемыхъ связяхъ съ русскими революціонерами. Эти несчастные не имѣли конечно ни малѣйшаго понятія о томъ, чего отъ нихъ добивались. Такъ сильна была эта увѣренность во всеобщемъ революціонномъ заговорѣ; такъ странно понимались общественныя движенія.

Но идеи Кампца объ этомъ предметѣ не пропали для нѣмецкой публики. Въ январѣ 1827 г. Фарнгагенъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Въ сентябрьской тетради галльскаго Literaturzeitung (1826 г.) помѣщена рецензія Доклада слѣдственной ком-

миссіи въ Петербургѣ противъ русскихъ заговорщиковъ, и вышедшаго отдѣльнымъ оттискомъ Приговора бреславскаго оберъландъ-герихта противъ нѣмецкихъ Umtrieber, именно членовъ союза молодыхъ (Bund der Jungen). Тѣ и другія революціонныя стремленія по мнѣнію рецензента связаны тѣснѣйшимъ образомъ, и онъ представляетъ все дѣло рѣшительно въ кампцовскомъ духѣ. Одинъ здѣшній совѣтникъ каммергерихта спрашиваетъ: «неужели неизвѣстно имя ученаго, который такъ низко взялся за порученіе, данное полиціей?» [1]).

Другой современникъ, упоминающій объ этой статьѣ, считаетъ ее произведеніемъ самого начальника тайной прусской полиціи, т. е. Кампца. Европейская печать почти не говорила о Докладѣ, вѣроятно не находя въ немъ достаточнаго изложенія дѣла. «Но въ Германіи—замѣчаетъ этотъ современникъ,—нашлось ученое животное (une brute savante), которое въ длинной диссертаціи старалось подавить своей тяжелой эрудиціей тайныя общества вообще, доказать ихъ опасность, вредное вліяніе на ходъ событій; связать между собою всѣ общества различныхъ странъ и такимъ образомъ дать почувствовать необходимость своего рода взаимнаго застрахованія между правительствами противъ ихъ злонамѣренныхъ подданныхъ... Чтобы доказать, что тайныя общества всѣхъ странъ были въ связи одно съ другимъ и составляли такъ сказать одно полное цѣлое, авторъ этой длинной и лживой диссертаціи, г. Кампцъ, въ подкрѣпленіе своихъ разсужденій настаивалъ на поразительномъ сходствѣ уставовъ русскаго Союза Благоденствія съ уставами Тугендбунда. «Когда мы сравнимъ, говоритъ онъ, статуты союза благоденствія со статутами Тугендбунда, мы найдемъ между ними самое полное, самое *поразительное* и *неожиданное* сходство съ основными законами этого послѣдняго, какъ въ отношеніи цѣли и стремленій, такъ и въ отношеніи внутренней организаціи»... Полицейское усердіе автора этого обвинительнаго акта новаго рода, кажется, помѣшало ему прочесть со вниманіемъ Докладъ слѣдственной коммиссіи, потому что тамъ положительно указано, что статуты Союза Благоденствія были просто переводомъ статутовъ нѣмецкаго общества», и т. д. [2]).

Но авторомъ этой диссертаціи былъ однако не Кампцъ. Въ Берлинѣ она возбудила повидимому любопытство узнать имя автора, и Фарнгагенъ уже черезъ нѣсколько дней упоминаетъ въ дневникѣ, что авторомъ ея «совершенно положительно» назы-

[1]) Blätter IV, 177—178.
[2]) N. Tourgueneff, La Russie. I, 192—195.

ваютъ нѣкоего штаатсъ-рата Якоба въ Галле[1]). Реакція имѣла вообще достаточное количество услужливыхъ публицистовъ.

Изъ предыдущаго читатель можетъ видѣть, какъ вообще смотрѣла реакція на движеніе умовъ, совершавшееся въ обществѣ. Австрія, доводившая до свирѣпости свои политическія гоненія, доходила и въ этомъ отношеніи до подавленія всякой умственной жизни; но въ остальной Германіи и наука и литература были уже слишкомъ крѣпки и глубоко вошли въ жизнь, и всѣ стѣсненія, наложенныя на литературу и университеты, были безсильны: писатели, воспитавшіеся въ эпоху реакціи, какъ Гейне и Бёрне, всего сильнѣе подорвали ея кредитъ. Но если тѣмъ не менѣе для самой Германіи реакція отзывалась тяжело на умственной и общественной дѣятельности, то можно себѣ представить, чѣмъ она должна была быть въ Россіи, гдѣ вся тяжесть реакціоннаго гнёта ложилась на литературу и науку, едва разбиравшія первые склады своей настоящей задачи. Положеніе умственныхъ интересовъ нашего общества было тѣмъ печальнѣе, что программа реакціи пришлась совершенно въ пору даже понятіямъ людей, которые не были такими іезуитами, какъ Магницкій. Шишковъ искренно считалъ себя другомъ просвѣщенія, но простота и необразованность его были такъ велики, что онъ шелъ, не подозрѣвая того, по той же жалкой дорогѣ. Съ удаленіемъ Магницкаго дѣло въ сущности мало измѣнилось. Реакціонная точка зрѣнія на многіе годы продолжала управлять судьбами умственнаго развитія русскаго общества: литература еще долго была до послѣдней степени стѣснена цензурными рамками; университеты, еще не успѣвши достигнуть какой-нибудь научной самостоятельности, уже навлекли на себя недовѣріе и подозрительность, и въ то время, когда на дѣлѣ они едва вносили въ русскую жизнь первые зачатки истинной науки, считались уже гнѣздомъ зловреднаго вольнодумства и были почти только терпимы... Это прошлое еще не слишкомъ давнее, и источникомъ его воззрѣній во многихъ отношеніяхъ была указанная нами эпоха европейской реакціи.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Blätter IV, 179. Статья, о которой идетъ рѣчь, помѣщена въ Allgemeine Literaturzeitung, 1826, № 223 и слѣд.

ДОЧЬ
ТАУБЕНГЕЙМСКАГО ПАСТОРА.

(Изъ Бюргера.)

Въ саду таубенгеймскаго па̀стора тѣнь
Блуждаетъ во тьмѣ полуночи,
Трепещетъ и бьется, какъ голубь въ силкѣ,
И стонетъ душа въ безъисходной тоскѣ,
И плачутъ потухшія очи.

Горитъ огонёкъ надъ сосѣднимъ прудомъ,
Такъ грустно во мракѣ мерцаетъ.
Есть холмикъ въ саду: ни травинки на немъ;
Не мочитъ его ни росой, ни дождемъ;
Лишь жалобно вѣтеръ вздыхаетъ.

Была таубенгеймскаго па̀стора дочь
Чиста, какъ голубка лѣсная,
Была молода и цвѣла красотой —
И въ домъ женихи наѣзжали толпой,
Любовью къ Розеттѣ сгорая.

Готическій за̀мокъ надменно глядѣлъ
Съ холма, отраженный водами,
На домъ, на деревню, на синюю даль;
И кровля сверкала на солнцѣ, какъ сталь,
И окна горѣли рядами.

Въ немъ жилъ молодой Фалькенштейнскій баронъ
    Въ избыткѣ, весельѣ, отрадѣ...
Ей нравился замокъ въ сѣдой вышинѣ,
Ей нравился рыцарь на борзомъ конѣ,
    Въ охотничьемъ пышномъ нарядѣ...

Онъ шлетъ ей письмо на душистомъ листкѣ,
    При немъ — медальончикъ-сердечко
Съ портретомъ своимъ — (на лицѣ у него
Глубокая нѣжность) — и, кромѣ того,
    Алмазное чудо-колечко.

«Пусть ѣздятъ, пусть ходятъ», ей рыцарь писалъ:
    «Пускай ихъ частятъ, горемыки...
«Ты скоро дождешься счастливаго дня:
«Надѣюсь, что будешь достойна меня,
    «Земель и вассаловъ владыки!

«Хотѣлъ бы два слова тебѣ я сказать,
    «Но тайно — чтобъ насъ не видали.
«Пришли мнѣ желанный отвѣтъ поскорѣй.
«Я въ полночь явлюся — такъ будь же смѣлѣй
    «И выкинь изъ сердца печали.

«Сегодня, какъ полночь наступитъ, тебѣ
    «Послышится перепелъ въ полѣ...
«И будетъ подругу манить соловей
«Зовущей, тоскующей пѣснью своей...
    «Не медли жъ, не мучь меня болѣ!»

Въ плащѣ и беретѣ явился баронъ,
    Вечернимъ окутанный мракомъ.
Онъ крался, въ бронѣ и съ мечомъ при бедрѣ,
Такъ тихо — ну, точно туманъ на зарѣ;
    И бросилъ онъ хлѣба собакамъ.

Вотъ перепелъ крикнулъ — еще и еще —
    За садомъ, въ условленномъ полѣ...
Подругу-невѣсту манилъ соловей
Зовущей, тоскующей пѣснью своей —
    И Роза не медлила болѣ.

Онъ уху и сердцу умѣлъ говорить
Такъ сладко, такъ полнъ упованій...
Любовь простодушна и вѣрить всему!
Дѣвическій стыдъ удалося ему
Опутать сѣтями желаній.

Онъ клялся ей въ вѣрности, клялся душой,
Всѣмъ милымъ ему и всѣмъ свѣтомъ.
Розетта противилась, онъ увлекалъ,
И громко и страстно ее заклиналъ:
«О, ты не раскаешься въ этомъ!»

Онъ влёкъ ее тихо къ бесѣдкѣ глухой,
Поросшей горошкомъ душистымъ...
Вотъ вздрогнуло сердце, вотъ грудь поднялась —
И тихо невинность ея отдалась
Забавы объятьямъ нечистымъ.

Едва въ огородѣ, съ возвратомъ весны,
Горошекъ и макъ распустились,
Сталъ Розу тревожить какой-то недугъ,
На розовыхъ щёчкахъ румянецъ потухъ
И глазки ея помутились.

Когда же цвѣты превратились въ стручки,
Малина въ саду дозрѣвала,
И вишня казалась румяной такой —
У дѣвушки грудь налилася волной
И платьице тѣсно ей стало.

Когда же дожди полилися и жнецъ
Ушелъ, распѣваючи, въ полѣ,
И вѣтеръ разгуливать сталъ по полямъ,
Овсяною жнивой шумя по ночамъ —
Скрываться нельзя было долѣ.

Отецъ ея, грубый и злой человѣкъ,
Несчастную гонитъ изъ дому:
«Дитя ты съумѣла себѣ припасти,
«Такъ мужа теперь постарайся найти...
«Ступай-ка къ дружку дорогому!»

Онъ нà руку косы ея намоталъ —
И плеть засвистала узлами;
Онъ билъ — и отзвукъ разносился кругомъ;
Онъ билъ — и на тѣлѣ ея молодомъ
Удары ложились рубцами.

Натѣшась, онъ изъ дому выгналъ её,
Въ холодную ночь и въ ненастьѣ...
И вотъ, сквозь терновникъ, по острымъ камнямъ,
Она къ Фалькенштейнскимъ пришла воротàмъ —
Излить передъ другомъ несчастье.

«Зачѣмъ, не назвавши сначала женой,
«Ты матерью сдѣлалъ Розетту?
«Въ возмездьѣ за-то я должна со стыдомъ
«Носить на истерзанномъ тѣлѣ моёмъ
«Награду кровавую эту.»

Розетта рыдала, молила его —
И было такъ нѣжно моленье:
«Покрывши стыдомъ и позоромъ, опять
«Ты честное имя мнѣ можешь отдать,
«Загладить свое преступленье.»

— Мнѣ жаль тебя, дурочка! Съ злымъ старикомъ
Сведу я давнишніе счеты!
Итакъ — успокойся! Нельзя жъ безъ утратъ...?
Останься со мной — и тебя окружатъ
Мои попеченья, заботы...

«Къ чему тутъ заботы? какой тутъ покой?
«Они не воротятъ мнѣ чести!
«Нѣтъ, въ храмѣ святомъ, предъ Его алтаремъ,
«Въ глазахъ всего свѣта, дай клятву мнѣ въ томъ,
«Въ чемъ клялся не разъ, какъ невѣстѣ!»

— Объ этомъ я вовсе не думалъ, мой другъ!
Ну, какъ я возьму тебя въ жены?
Во мнѣ благородная, древняя кровь...
Лишь равное съ равнымъ связуетъ любовь...
Чтò скажутъ сосѣди-бароны?...

— Когда я видался съ тобой — приходилъ
Я къ милой моей, не къ невѣстѣ...
Вотъ если понравится мой стремянной,
Я дамъ тебѣ денегъ — и будемъ съ тобой
Мы снова счастливы и вмѣстѣ.

«Господь да осудитъ, обманщикъ тебя
«Страданьямъ и вѣчному аду!
«Когда мнѣ женою твоею не быть,
«Чего же я прежде годилась служить
«Страстямъ твоимъ гнуснымъ въ усладу?

«Возьми себѣ въ жены дворянскую дочь!
«Судьба свой полетъ да ускоритъ!
«Богъ видитъ и слышитъ страданье мое!
«Пускай благородное ложе твое
«Послѣдній слуга опозоритъ!

«Тогда ты узнаешь, какъ тяжко душѣ
«Отчаяться въ чести и счастьи!
«И будешь ты биться о-полъ головой...
«Горячею пулей покончишь съ собой —
«И будешь у ада во власти.»

И Роза въ отчаяньи бросилась вонъ,
Полна нестерпимой тревоги,
Чрезъ жниву и топи, сквозь тёрнъ и кусты —
И вопли звучали среди темноты,
И камни ей рѣзали ноги.

«Куда, о мой Боже, куда мнѣ идти?
«Къ кому мнѣ теперь обратиться?»
Отчаявшись въ чести и счастьи, назадъ
Она прибѣжала въ родительскій садъ,
Чтобъ съ жизнью постылой проститься.

Цѣпляясь за сучья, съ трудомъ доползла
Она до бесѣдки знакомой —
И стала метаться на ложѣ своемъ,
Посыпанномъ снѣгомъ, подернутымъ льдомъ,
Покрытымъ листвой и соломой.

Несчастнаго мальчика Роза на свѣтъ
Въ страданьяхъ тяжелыхъ родила...
Родила — и тутъ же, съ улыбкою злой,
Достала иглу изъ косы золотой
И въ сердце ребенку вонзила.

Свершилось убійство; безумья порывъ
Смѣнили раскаянья муки;
Вкругъ сердца ея обвилася змѣя.
«О, Боже мой!» шепчетъ: «что сдѣлала я!»
И ломитъ, въ отчаяньи, руки.

Застывшую землю надъ спящимъ прудомъ
Розетта руками разрыла.
«Да будетъ твой сонъ безмятеженъ и тихъ!..
«Ты спасся отъ бѣдъ и насмѣшекъ людскихъ;
«Меня же не приметъ могила!»

Вотъ тотъ огонекъ надъ сосѣднимъ прудомъ,
Чтò ночью такъ грустно мерцаетъ,
Тотъ холмикъ въ саду: ни травинки на немъ;
Не мочитъ его ни росой, ни дождемъ;
Лишь жалобно вѣтеръ вздыхаетъ.

Угрюмо глядитъ съ колеса на шестѣ,
Съ *Вороньяго камня*, за садомъ,
Оглоданный черепъ: Розетта, онъ твой!
Онъ смотритъ на холмъ, отраженный водой,
Исполненнымъ жалобы взглядомъ.

Что ночь, съ колеса на высокомъ шестѣ,
Съ *Вороньяго камня,* за садомъ,
Спускается призракъ — печальный такой —
Все хочетъ задуть огонекъ золотой,
И стонетъ, слѣдя его взглядомъ.

Н. Гербель.

СУЭЗСКІЙ КАНАЛЪ

Histoire de l'isthme de Suez, par *Olivier Ritt.* Paris. 1869.

I.

Еслибы кто захотѣлъ найти самое сильное подкрѣпленіе теоріи, что историческія судьбы странъ зависятъ не отъ случая, порождающаго въ нихъ бо́льшее или меньшее количество великихъ людей, а прежде всего отъ географическихъ и физическихъ условій странъ, то самымъ краснорѣчивымъ для него примѣромъ представляется вообще Египетъ, и, въ частности, та часть Египта, которая называется Суэзскимъ перешейкомъ. Египетъ, благодаря своему географическому положенію между Азіею, Европою и Африкою, у того моря, которое лежитъ «среди земли», то-есть посреди Стараго Свѣта, и именно у той части, гдѣ вблизи этого моря, всего верстахъ въ 150 отъ него, находится другое море, отдѣляющее Азію отъ Африки, долженъ былъ играть преобладающую роль въ древней исторіи, какъ она намъ извѣстна, то-есть собственно въ исторіи колонизаціи береговъ средиземнаго бассейна, въ исторіи приливовъ и отливовъ разныхъ расъ между тремя частями Стараго Свѣта.

И въ самомъ дѣлѣ, Египетъ послужилъ разсадникомъ азіатской цивилизаціи въ Европѣ и ареною тѣхъ величайшихъ событій древней исторіи, которыя имѣли характеръ міровой (въ смыслѣ историческомъ). Въ Египтѣ до сихъ поръ стоятъ памятники индійской культуры, съ именемъ Египта связано основаніе какъ іудейства, такъ и христіанства, тамъ встрѣтимъ мы имена Моисея, Камбиза, Дарія, Александра Великаго, Птолемеевъ, Марка-

Антонія, Октавія-Августа, Омара, Людовика IX, Наполеона I. Сколько теченій народовъ съ востока на западъ, и съ запада на востокъ, сколько религій, сколько эпохъ цивилизаціи представляютъ эти имена?

Въ частности, та узкая преграда, которая отдѣлила Средиземное море отъ Чермнаго, эти полтараста верстъ Суэзскаго перешейка, положительно, можно сказать, имѣли огромное вліяніе на весь ходъ извѣстныхъ намъ событій, въ значительной степени обусловили весь составъ нашей исторіи. Только изъ-за этихъ полутораста верстъ земли не былъ возможенъ прямой путь водою изъ Европы въ Азію. Все богатство и могущество финикіянъ, Кареагена, и въ позднѣйшія времена—Турціи, Венеціи, Голландіи и Англіи вначалѣ обусловлены были такими обстоятельствами, которыя прямо зависѣли отъ существованія этой узкой полосы земли. Не будь ея, никогда крайній западъ Европы не отбилъ бы у Венеціи и Византіи торговаго и политическаго могущества.

Бросивъ бѣглый взглядъ на древнюю и новую исторію, не трудно указать на цѣлый рядъ самыхъ капитальныхъ, самыхъ такъ сказать основныхъ историческихъ событій, которыя бы не могли случиться, если бы Европа была соединена съ Азіею прямымъ водянымъ путемъ. Но независимо отъ очевидности такихъ отрицательныхъ соображеній, и положительные факты свидѣтельствуютъ, что во всѣ времена преграда Суэзскаго перешейка представлялась людямъ фактомъ міровой важности. Современное предпріятіе Фердинанда Лессепса устранить это препятствіе, соединить Средиземное море съ Аравійскимъ, Европу съ Азіею, является далеко не первымъ. Первая попытка осуществить эту мысль была сдѣлана двадцать пять столѣтій тому назадъ, и съ тѣхъ поръ, мысль о прямомъ водяномъ сообщеніи между Европою и Азіею вызвала нѣсколько предпріятій въ томъ же родѣ.

Изложеніемъ этихъ древнихъ предпріятій мы и начнемъ этотъ очеркъ. Но прежде всего бросимъ взглядъ на карту. Нѣсколько ниже развалинъ древняго Мемфиса, недалеко отъ современнаго Каира, Нилъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые, вмѣстѣ со своими развѣтвленіями и соединительными каналами, какъ сѣтью покрываютъ весь сѣверный Египетъ. Семь рукавовъ Нила сами не остались въ одномъ положеніи, съ древнѣйшихъ временъ. Здѣсь географія, такъ сказать, уже зависѣла отъ исторіи, именно: тѣ рукава, которые вели къ портамъ наиболѣе посѣщаемымъ, въ разныя времена будучи очищаемы, становились обильнѣе водою, значительнѣе; съ упадкомъ же приморскихъ городовъ, къ которымъ они вели, они засорялись и

изсыхали. Такимъ образомъ, тѣ именно рукава Нила, которые упоминаются какъ наиболѣе значительные въ древнѣйшей исторіи, уступили свое значеніе другимъ, ведущимъ къ новымъ портамъ, и въ этомъ отношеніи позднѣйшая исторія, основаніемъ Александріи, Даміетты и Розетты, повліяла на самое теченіе водъ Нила; по мѣрѣ того, какъ могущество и культура переходили изъ Азіи въ Европу, восточные рукава Нила мелѣли, а западные становились обильнѣе.

Полоса материка, отдѣляющая Средиземное море отъ Чермнаго уменьшается на сѣверѣ озеромъ Мензалехъ, которое представляетъ захватъ водъ Средиземнаго моря надъ низменною почвою Египта; затѣмъ, внутри земли, еще два бассейна уменьшаютъ ширину сухопутнаго пространства отъ Даміетты до Суэза, т.-е. отъ Средиземнаго моря до Чермнаго, именно: бассейны озера Тимсахъ и Горькихъ озеръ. Достаточно одного взгляда на карту, для убѣжденія, что соединить моря можно было двоякимъ способомъ: или воспользовавшись всѣми этими бассейнами, прорывъ между ними каналы, или же воспользовавшись однимъ изъ рукавовъ Нила, соединивъ его съ Чермнымъ моремъ. Проекты соединенія были весьма разнообразны, но мы упоминаемъ теперь только о древнѣйшемъ—посредствомъ Нила, и новѣйшемъ—посредствомъ соединенія озеръ, и упоминаемъ о нихъ теперь собственно для того, чтобы читателю съ самаго начала уяснилась задача.

Изъ двухъ внутреннихъ бассейновъ важнѣйшій составляютъ такъ-называемыя Горькія озера. Этотъ бассейнъ отстоитъ отъ сѣвернаго берега Чермнаго моря всего верстъ на 50. Авторъ книги, изъ которой мы извлекаемъ данныя, въ геологическихъ соображеніяхъ своихъ основывается на трудахъ ученыхъ, участвовавшихъ въ египетской экспедиціи перваго Наполеона (1798—1801) и признаетъ вѣроятнымъ, что бассейнъ Горькихъ озеръ есть только остатокъ отъ прежняго Чермнаго моря, отступившаго около 50 верстъ къ югу. Такое предположеніе основывается какъ на геологическихъ фактахъ, такъ и на одномъ показаніи Геродота. Дѣло въ томъ, что дно бассейна Горькихъ озеръ состоитъ изъ чередующихся пластовъ соли и *ила*, которые по всей вѣроятности образовались поочередными, правильными разливами то водъ Аравійскаго залива (Чермнаго моря), захватывавшихъ этотъ бассейнъ, то водъ Нила, которыя, убывая, оставляли на прежнемъ, соляномъ пластѣ пластъ принесенной ими земли. Правильность этихъ чередующихся пластовъ свидѣтельствуетъ, что разливы Нила и моря правильно чередовались между собою. Вся сухая часть котловины этого бассейна

покрыта раковинами тѣхъ именно родовъ, которые находятся на берегахъ Аравійскаго залива и притомъ одинаковымъ уровнямъ здѣсь и тамъ соотвѣтствуютъ одинаковые роды раковинъ.

Кромѣ этихъ геологическихъ доказательствъ въ пользу предположеній, что бассейнъ Горькихъ озеръ нѣкогда былъ соединенъ съ Чермнымъ моремъ, свидѣтельствуетъ и показаніе Геродота о разстояніи бывшемъ въ его время между Средиземнымъ и Чермнымъ морями. Разстояніе между мысомъ Казіемъ, выдающимся въ Средиземное море и Эритрейскимъ (Чермнымъ) моремъ, по свидѣтельству Геродота составляло 1.000 стадій, т. е. около 100 километровъ или верстъ. А такъ какъ ширина Суэзскаго перешейка незначительно меньше разстоянія измѣряемаго Геродотомъ (т. е. отъ м. Казія до Чермнаго моря), то по его свидѣтельству выходитъ, что перешеекъ въ его время имѣлъ ширину въ 90—95 верстъ; между тѣмъ нынѣ ширина его—около 140 верстъ, и этотъ-то излишекъ около 50 верстъ и составляетъ именно ширину нынѣшней преграды между Горькими озерами и Аравійскимъ заливомъ.

Такимъ образомъ, удовлетворительно доказывается, что Горькія озера составляли нѣкогда заливъ Чермнаго моря и этотъ-то заливъ и назывался Героополитскимъ заливомъ (такъ называли древніе сѣверную часть Чермнаго моря).

Почва перешейка на трехъ четвертяхъ всего своего пространства ниже уровня Чермнаго и Средиземнаго морей. Самая возвышенная точка на всемъ перешейкѣ представляетъ высоту только въ 20 метровъ надъ этимъ уровнемъ. Очень вѣроятно, что и весь перешеекъ нѣкогда находился подъ водою, такъ какъ почва на всемъ его протяженіи значительно солоновата.

Въ древнѣйшія времена процвѣтала именно сѣверная и восточная часть Египта; сѣверная, береговая часть, всегда сохраняла свое значеніе, но культура, какъ мы уже замѣтили выше, въ позднѣйшія времена переносилась съ восточной на западную часть, и древнѣйшіе города, находившіеся въ восточной части, постепенно приходили въ упадокъ; такъ, Аварисъ (Пелуза) и Танисъ (Самнахъ), стоявшіе на устьяхъ двухъ восточныхъ рукавовъ Нила, въ глубокой древности были огромные города; въ первомъ, по показанію историковъ, при царяхъ-пастыряхъ, первыхъ извѣстныхъ намъ завоевателяхъ Египта (2850 до Р. Х.), помѣщался гарнизонъ въ 240 тысячъ человѣкъ; второй и теперь значителенъ по обширнымъ развалинамъ. Но въ этихъ пунктахъ люди все-таки продолжали селиться, такъ какъ эти пункты — прибрежные. Но Бубастисъ, внутри материка, бывшій одно время столицею Египта, представляетъ однѣ развалины.

Въ восточной же части Египта, между Ниломъ и Чермнымъ моремъ, въ землѣ гесенской, указано было пребываніе другимъ пришельцамъ въ Египтѣ — евреямъ. Здѣсь они, по повелѣнію царей, построили города Пиѳонъ, Рамсесъ, Гонъ (Геліополисъ). Отъ перваго изъ этихъ городовъ слѣда не осталось; греки называли его Героополисъ, и по его-то имени названъ ими заливъ, который съ теченіемъ времени превратился въ Горькія озера. Книга Исхода даетъ точныя указанія о бѣгствѣ евреевъ изъ Египта, такъ что можно съ достаточною достовѣрностью начертить ихъ путь и опредѣлить тотъ пунктъ, въ которомъ они перешли чрезъ разступившееся Чермное море. Они перешли черезъ море, по показанію книги Исхода, близъ Веельсефона; этотъ городъ или мѣстечко въ мѣстности, лишенной прѣсной воды, не могъ, конечно, уцѣлѣть и его нѣтъ слѣда. Выйдя изъ центра своего поселенія — земли гесенской, оттуда, гдѣ стоялъ городъ Рамсесъ, они шли до Веельсефона три дня, т.-е. до Чермнаго моря. Но въ 90 верстахъ отъ Рамсеса именно находилась главная коса, отдѣлившая, мало-по-малу возрастая, сѣверную часть залива отъ моря, ту часть залива, которая называется теперь Горькія озера. Эта коса или валъ называется Шалуфскимъ порогомъ. Почему израильтяне перешли море, именно пройдя три дня къ югу отъ Рамсеса? По всей вѣроятности потому именно, что вождю ихъ извѣстно было, что вблизи Веельсефона уже образовался въ заливѣ тотъ валъ, который потомъ раздѣлилъ его надвое. По этому валу, какъ по пловучему мосту, и перешли евреи по водѣ въ часъ отлива, а Аменофисъ, преслѣдовавшій ихъ съ войскомъ, могъ не знать образованія этого вала, и часа, когда приливъ на немъ будетъ выше роста человѣка. Начавъ переходить заливъ въ бродъ, вслѣдъ за евреями, онъ могъ быть застигнутъ приливомъ.

Первая мысль о соединеніи Средиземнаго моря съ Чермнымъ приписывается фараону Рамсесу III; но первая попытка привесть ее въ исполненіе принадлежала Нехосу (616—601 до Р. Х.), сыну Псамметиха. По его порученію совершено было финикійскими судами знаменитое плаваніе вокругъ Африки; именно изъ Героополитскаго (Аравійскаго) залива къ Геркулесовымъ Столбамъ (Гибралтару). Но это смѣлое предпріятіе, удивительное при тогдашнемъ положеніи морского дѣла, было внушено Нехосу только любопытствомъ; гораздо важнѣе для непосредственныхъ интересовъ Египта было задуманное имъ соединеніе морей. Онъ велѣлъ вырыть каналъ для соединенія Нила съ Краснымъ моремъ. Каналъ этотъ начинался внутри страны, близъ Бубастиса и долженъ былъ впадать въ Героополитскій заливъ. Ширина его

была такова, что двѣ триремы могли идти по немъ рядомъ. Предположенная длина его показывается Плиніемъ Старшимъ около 92 километровъ или верстъ, что опять-таки служитъ подтвержденіемъ мнѣнію о томъ, что Аравійскій заливъ въ то время вдавался въ материкъ гораздо дальше, чѣмъ нынѣ, и обнималъ бассейнъ Горькихъ озеръ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Нехосу предстояло довести этотъ каналъ до нынѣшней сѣверной оконечности Аравійскаго залива, т.-е. до Суэза, то длина канала отъ Бубастиса должна была бы составлять не 92, а болѣе 160 верстъ.

По показанію Геродота, 120 тысячъ человѣкъ рабочихъ погибло при прорытіи канала Нехоса, что̀ не представится невѣроятнымъ, если подумать о колоссальности земляныхъ работъ, которыя должны были состоять въ вынутіи около 20 милліоновъ кубическихъ метровъ земли, и вспомнить, что работы эти должны были совершаться тогдашними орудіями, и подъ вліяніемъ египетскаго климата. Каналъ Нехоса не былъ доведенъ до Чермнаго моря. Причиною тому Геродотъ выставляетъ слова оракула, угрожавшаго, что этимъ путемъ вторгнутся варвары, но прекращеніе работъ объясняется достаточно, какъ самою смертностью, такъ и опасеніемъ, что воды Чермнаго моря, еслибы открыть имъ доступъ въ центръ страны, покрыли бы значительную часть ея и испортили бы воду самого Нила. Опасеніе это впослѣдствіи выражалось не разъ, и было вполнѣ естественно въ тѣ времена, при отсутствіи съ одной стороны инструментовъ для точной нивеллировки, а съ другой — при незнакомствѣ съ устройствомъ шлюзовъ. Преемники Нехоса, изъ туземныхъ царей, не продолжали его дѣла, но оно все-таки не слишкомъ долго осталось въ забвеніи: его двинули впередъ завоеватели Египта — персы. Дарій, сынъ Истаспа, преемникъ Камбиза, прорылъ верстъ на 15 далѣе каналъ Нехоса. По мнѣнію автора исторіи Суэзскаго перешейка, работы по прорытію канала съ вѣроятностью можно раздѣлить между Нехосомъ и Даріемъ слѣдующимъ образомъ: при Нехосѣ, хотя та отмель, чрезъ которую перешли израильтяне, безъ сомнѣнія, уже повысилась, однако она еще не отдѣлила совершенно Горькихъ озеръ отъ моря, такъ что Нехосу предстояло только провести каналъ отъ Бубастиса до Горькихъ озеръ, бывшихъ въ то время Героополитскимъ заливомъ. Эту часть канала Нехосъ и прорылъ до Героополиса, такъ что сообщеніе между морями почти совершенно было установлено: суда подымались по рукаву Нила (восточному, пелузскому), доходили до Бубастиса, а отсюда плыли три дня по каналу Нехоса до Героополиса; тамъ товары перегружались, но перегрузка эта совершалась вблизи берега Героополитскаго залива, такъ что перене-

сенные на очень короткое разстояніе, они тотчасъ же нагружались на суда, стоявшія на заливѣ, и отправлялись затѣмъ во всѣ прибрежные пункты Краснаго моря. Что Нехосъ довелъ каналъ до Герооползса и тамъ остановилъ работы — это объясняется именно тѣмъ, что онъ опасался окончательно привести каналъ въ сообщеніе съ моремъ.

Но современемъ, когда Шалуфская коса или отмель возвысилась до такой степени, что уже отдѣлила Горькія озера отъ моря, каналъ въ томъ видѣ, какъ его оставилъ Нехосъ, сдѣлался неудовлетворительнымъ для торговли, такъ какъ при этомъ новомъ препятствіи предстояло еще разъ перегружать товары. Вотъ эта-то необходимость двойной перегрузки (разъ у Герооползса, и другой у Шалуфа), по мнѣнію автора, и могла побудить Дарія къ прорытію Шалуфской косы и проведенію новаго канала для возстановленія сообщенія между Горькими озерами и заливомъ. Слѣды каналовъ какъ Нехоса, такъ и Дарія, остались до сихъ поръ, и хотя историки, говорящіе о первомъ и упоминающіе о каналѣ Дарія, не указываютъ именно, какая вѣтвь канала была построена царемъ персовъ, но сохранившіеся на откосахъ южнаго канала персеполитскіе остатки и гвоздеобразная надпись на одномъ изъ камней развалинъ достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что эта часть канала была прорыта персами, и именно въ эпоху Дарія.

Хотя каналъ Дарія былъ длиною всего 15 верстъ, но прорытіе его тѣмъ не менѣе должно было составить исполинскую работу: какъ только снятъ былъ гребень Шалуфской косы, вода должна была нахлынуть съ обѣихъ сторонъ и затѣмъ всѣ работы по проведенію канала должны были совершаться въ водѣ, самыми первобытными инструментами. Очень вѣроятно впрочемъ, что и Дарій не привелъ свой каналъ окончательно въ сообщеніе съ моремъ, а остановилъ его вблизи берега, такъ какъ шлюзы были неизвѣстны. Теперь въ Египтѣ каналъ этотъ называется «Фараоновымъ», но это само по себѣ нисколько не опровергаетъ принадлежности его Дарію: немудрено, что имя фараоновъ давалось въ Египтѣ и государямъ чуждыхъ династій, а особенно усвоилось за Даріемъ, который правилъ Египтомъ 38 лѣтъ (523—485).

Александръ Великій проникъ съ флотомъ въ Египетъ, по пелузскому рукаву Нила, до Бубастиса и покорилъ страну, (331 г.). Этотъ геніальный человѣкъ возымѣлъ мысль сдѣлать Египетъ центромъ тогдашняго міра. Онъ создалъ Египту обширныя связи на востокѣ и на западѣ. На востокъ онъ снарядилъ экспедицію Неарха, который съ сильнымъ флотомъ развѣдалъ Персидское море до устьевъ Евфрата; онъ установилъ первые сношенія между Египтомъ и Индіею; на западъ онъ установилъ

правильныя сообщенія Египта со всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Африки до самаго Гибралтара; онъ построилъ на западной части сѣвернаго берега Египта Александрію, и тѣмъ укрѣпилъ сношенія этой страны съ европейскимъ западомъ; наконецъ, онъ помышлялъ и объ огромныхъ работахъ для сообщенія города своего имени съ Краснымъ моремъ, черезъ весь нижній Египетъ.

Сношенія между Египтомъ и Индіею сохранились и при Птолемеяхъ. Одинъ изъ индійскихъ царей даже заключилъ съ Птолемеемъ I торговый договоръ. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, есть основаніе приписать Птеломею I-му окончаніе дѣла, предпринятаго Нехосомъ, а именно окончательное сообщеніе канала съ заливомъ. Птолемеи могли рѣшиться на это потому, что въ ихъ время уже изобрѣтено было нѣчто въ родѣ шлюзовъ. По показанію Діодора Сицилійскаго и Страбона, когда естественная преграда между каналомъ и заливомъ была прорыта, то ее замѣнили подвижною шлюзою: часть канала съ обоихъ концовъ запиралась брусьями, которые можно было вынимать.

Но когда, такимъ образомъ, плаваніе на каналѣ Нехоса было облегчено устраненіемъ всякой перегрузки, то южный каналъ, каналъ Дарія засорился, и Птолемей Филадельфъ долженъ былъ очистить и расширить его. Съ тѣхъ поръ этотъ каналъ сталъ называться каналомъ Птолемеевъ. По словамъ Діодора Сицилійскаго, Птолемеевъ каналъ втекалъ въ море при городѣ Арсиноэ (впослѣдствіи Клеопатрида): полагаютъ, что онъ стоялъ вблизи нынѣшняго Суэза. Послѣ всѣхъ этихъ работъ, бассейнъ Горькихъ озеръ наполнялся водою двумя путями: съ одной стороны Птолемеевымъ каналомъ при приливахъ Краснаго моря, съ другой—открытіемъ шлюза на каналѣ Нехоса, то-есть водою изъ Нила.

Все это не помѣшало Птолемею Филадельфу озаботиться еще устройствомъ въ Египтѣ другихъ торговыхъ путей: отъ портовъ на Красномъ морѣ, изъ которыхъ главнымъ былъ Міосъ-Ормосъ (Коссеиръ), онъ проложилъ прекрасную дорогу, снабженную колодцами и жилыми убѣжищами (станціями) до Коптоса, города въ верхнемъ Египтѣ; отсюда товары спускались по Нилу въ Средиземное море. Это второе, на половину сухопутное, сообщеніе между морями современемъ сдѣлалось важнѣе того, которое представляли каналы.

Въ числѣ объясненій того факта, что флотъ Клеопатры, послѣ битвы при Акціумѣ, не успѣлъ спастись отъ преслѣдованія побѣдоноснаго Октавія-Августа, есть одно, по которому флотъ египетской царицы будто бы укрылся во внутрь страны по Нилу

и каналу Нехоса, и вступилъ въ Горькія озера, но не могъ идти далѣе, по недостатку воды въ этомъ бассейнѣ. Вслѣдствіе этой, или иныхъ причинъ, египетскій флотъ возвратился въ Александрію, и Октавій, возобновивъ черезъ годъ (30 до Р. Х.) преслѣдованіе, завладѣлъ египетскимъ флотомъ и Египтомъ безъ сопротивленія.

Во времена римскаго владычества, мысль о поддержаніи водяного сообщенія между Средиземнымъ и Краснымъ морями не была предана забвенію. При Траянѣ и Адріянѣ, его преемникѣ (117—138 по Р. Х.), въ Египтѣ были произведены новыя работы по очисткѣ и устройству каналовъ. Положительныхъ свѣдѣній объ этихъ работахъ не имѣется, но преданіе приписываетъ Траяну поддержаніе и очистку канала Дарія и Птолемеевъ. Однако, сообщеніе этимъ путемъ если и возстановилось, то, вѣроятно, только на короткое время, такъ какъ съ этого времени пріобрѣтаетъ наибольшее значеніе для восточнаго транзита путь не чрезъ Египетъ, а чрезъ Ассирію, Месопотамію и Арменію. Этому обстоятельству обязана была своимъ богатствомъ Пальмира.

Въ остальное время римскаго владычества въ Египтѣ (который при раздѣлѣ имперіи достался имп. Аркадію, и такимъ образомъ вошелъ въ составъ восточной имперіи), исторія перешейка не представляетъ ничего замѣчательнаго. Восточная часть Египта все-таки оставалась цвѣтущею, ирригація въ ней поддерживалась, и древніе города Танисъ, Пелуза и т. д., продолжали имѣть значеніе. Но дорога, проложенная Филадельфомъ отъ Міосъ-Ормиса въ Коптосъ, представила уже опасную конкурренцію для сѣверныхъ городовъ, и богатство ихъ постепенно переносилось на Міосъ-Ормосъ и Коптосъ.

Каналы Нехоса и Дарія были возобновлены еще разъ визиремъ Амру, намѣстникомъ халифа Омара (638 — 640). Когда, по случаю голода въ отечествѣ Магомета, халифъ потребовалъ присылки каравановъ съ хлѣбомъ изъ Египта на Красное море, и караваны эти, слѣдуя сухимъ путемъ, шли очень долгое время, Омаръ приказалъ Амру перекопать вновь водяное сообщеніе между Ниломъ и Краснымъ моремъ. Амру исполнилъ этотъ трудъ въ одинъ годъ, и вслѣдствіе того каналы Нехоса и Дарія получили новое, общее имя «канала царя правовѣрныхъ». Но эта работа предпринята была уже не въ виду пользъ всемірной торговли, сообщенія морей, а единственно для удобства сообщенія внутренней части Египта съ Краснымъ моремъ, спеціально съ цѣлію продовольствованія Медины. Когда же въ 767 году, халифъ изъ аббасидовъ Абу-Джаффаръ-эль-Мансуръ предпринялъ по-

морить голодомъ Медину, въ которой возсталъ противъ него его дядя, то, по повелѣнію халифа, каналъ былъ заваленъ. На линіи прежняго канала Дарія, откосы, сохранившіеся до сихъ поръ, начинаются далеко отъ берега моря: это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ преданія, что каналъ былъ заваленъ. Что касается канала Нехоса, то онъ исчезъ вѣроятно не только отъ искусственныхъ, но и отъ естественныхъ заваловъ, такъ какъ на его линіи песокъ покрылъ и самые откосы.

Уничтоженіе этихъ каналовъ и затѣмъ основаніе Розетты и Даміетты лишило Суэзскій перешеекъ его прежняго благосостоянія. Культура перенеслась болѣе на западъ, древніе восточные города Пелуза, Танисъ и другіе пали, и для Суэзскаго перешейка наступилъ долговременный періодъ разоренія и забвенія.

Повторимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, предшествующее описаніе древнихъ судебъ сообщенія между морями Средиземнымъ и Краснымъ: Нехосъ воспользовался для этого Ниломъ и за 600 лѣтъ до нашей эры соединилъ Нилъ каналомъ съ прибрежнымъ пунктомъ бассейна Горькихъ озеръ, который въ то время составлялъ еще часть Аравійскаго залива; когда сообщеніе между этимъ бассейномъ и моремъ преградилось отмелью, Дарій возстановилъ это сообщеніе, прорывъ каналъ изъ бассейна Горькихъ озеръ къ морю, но тоже не довелъ его до самаго моря, опасаясь разлива. Птолемей Филадельфъ прорылъ окончательное соединеніе, устроивъ первобытные шлюзы. Во времена Траяна и Адріяна каналъ былъ очищенъ и поддержанъ; тоже сдѣлано было еще разъ при халифѣ Омарѣ, визиремъ его Амру, не для соединенія морей, а для сплава грузовъ самого Египта. Наконецъ, по повелѣнію другого халифа, каналъ былъ частію заваленъ. Время изгладило его и когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія вновь возникла мысль о соединеніи морей Средиземнаго съ Краснымъ, прежніе каналы уже не существовали, и отъ нихъ оставалась только мысль о возможности воспользоваться, для устройства соединенія морей, рукавами Нила. Мы сейчасъ увидимъ, что эта мысль должна была уступить мѣсто другой, именно мысли о сообщеніи прямомъ, чрезъ озера.

II.

Итакъ, въ древнемъ мірѣ, каждая великая держава поочередно обращала свои взоры на Египетъ и въ обладаніи Египтомъ видѣла одно изъ необходимыхъ условій всемірнаго преобладанія. Въ средніе вѣка торговыя сношенія Европы съ Азіею

находились въ рукахъ Венеціи, и, благодаря этому, ничтожная республика стала первостепенною державою. Въ политикѣ своей на Востокѣ Венеція имѣла въ виду прежде всего интересы своей торговли. Она доставляла крестоносцамъ содѣйствіе своихъ судовъ, но не иначе какъ за дорогія вознагражденія, а когда крестовые походы прекратились и Малая Азія съ Египтомъ, а потомъ и Балканскій полуостровъ окончательно слились въ Турецкую имперію, Венеція поддерживала самыя лучшія отношенія съ этою имперіею, и азіятскую торговлю продолжала держать въ своихъ рукахъ. Главные пути этой торговли были два: чрезъ Малую Азію и чрезъ Египетъ (по дорогѣ Міосъ-Ормосъ).

Но вотъ крайній западъ Европы выхватываетъ изъ рукъ Венеціи торговлю съ Азіею, источникъ богатства и могущества республики. Что̀ было тому причиною?—Открытіе водяного пути въ Индію, вокругъ африканскаго материка. Если открытіе этого длиннѣйшаго и опаснаго пути имѣло такое значеніе, что оно такъ сказать создало новое распредѣленіе могущества въ Европѣ, отнявъ его у Венеціи и перенеся его сперва въ руки Португаліи, потомъ Голландіи, потомъ Англіи, то не очевидно-ли, какое громадное вліяніе имѣло бы въ то время проложеніе ближайшаго, прямого и гораздо болѣе безопаснаго водяного пути чрезъ Суэзскій перешеекъ. Не будетъ никакого преувеличенія въ той ипотезѣ, что, подъ вліяніемъ такого географическаго условія, исторія запада Европы была бы совсѣмъ иная. По всей вѣроятности, могущество Венеціи и Италіи вообще не только не пришло бы въ упадокъ, но напротивъ разрослось бы въ огромныхъ размѣрахъ.

Весь XV вѣкъ ознаменовывается открытіями португальцовъ. Въ 1419 году открыта Мадера; за нею слѣдуютъ, въ порядкѣ времени открытія, Асоры, мысы: Баядоръ, Бѣлый, Зеленый; о. Св. Ѳомы, Гвинея, и—мысъ Бурь, открытый Бартоломеемъ Діасомъ. Португальскій король Іоаннъ II назвалъ его мысомъ «Доброй Надежды». Но Венеціи мысъ этотъ сулилъ нѣчто противоположное. Въ 1498 году, Васко де-Гама—въ Индіи, въ Калькутѣ.

Египетскій султанъ тревожитъ новое владѣніе португальцовъ, но въ 1506 году, португальскій вице-король въ Индіи, Альмейда, встрѣчаетъ въ Діу весь египетскій флотъ и уничтожаетъ его. Альбукеркъ распространяетъ завоеванія португальцовъ и совершенно правильно «истолковываетъ» открытіе морского пути въ Индію попытками уничтожить всякую возможность транзита чрезъ Малую Азію, Египетъ; съ этой цѣлію, онъ овладѣваетъ на Персидскомъ заливѣ Ормузомъ, а при входѣ въ Красное море — Сокоторою.

Турецкая имперія и Венеціянская республика тоже очень хорошо понимаютъ, что̀ значитъ открытіе морского пути въ Индію и завоеванія португальцовъ, и общими усиліями отнимаютъ у послѣднихъ Ормузъ; но Альбукеркъ скоро беретъ его назадъ. Альбукеркъ такъ хорошо отдавалъ себѣ отчетъ въ условіяхъ этой всемірной конкурренціи, что вступилъ въ переговоры съ абиссинскимъ Негусомъ, съ грандіозною и страшною мыслію— отвесть Нилъ, выше Египта, въ Красное море и тѣмъ навсегда уничтожить Египетъ, въ смыслѣ населенной страны. Только смерть не дозволила Альбукерку предпринять это дѣло разрушенія.

Въ половинѣ XVI-го в., португальцы уже въ Кантонѣ и въ Японіи. Турція и Венеція еще сдѣлали по одной попыткѣ сломить португальское могущество, каждая по-своему. Солиманъ II послалъ въ Діу армію и флотъ, но осада была отбита португальцомъ де-Кастро. Венеція приняла иную мѣру: она сняла пошлины со всѣхъ товаровъ, шедшихъ чрезъ Египетъ, и наложила высокія пошлины на товары, приходившіе моремъ. Но эта мѣра не могла имѣть успѣха. Транзитъ чрезъ Египетъ прекратился на три столѣтія.

Но для того, чтобы предотвратить эти событія, у венеціянцовъ не было средствъ; ихъ не давало то время. Съ одной стороны, издавна установился—долгое время и послѣ того державшійся—предразсудокъ, что уровень Краснаго моря значительно выше уровня Средиземнаго моря; это, казалось, дѣлало невозможнымъ прорытіе прямого сообщенія. Съ другой стороны, бассейнъ Горькихъ озеръ къ тому времени значительно высохъ, и пришлось бы предпринять недоступныя въ то время гидравлическія работы для наполненія его водою изъ Нила, предполагая, что сами египтяне не помѣшали бы такимъ работамъ, опасаясь оскудѣнія своего кормильца. Но что мысль о соединеніи морей возбуждалась въ Турціи и въ Египтѣ въ XVI и концѣ XVIII стол., объ этомъ есть историческія свидѣтельства.

Въ концѣ этого, XVIII вѣка, въ Европѣ появился новый завоеватель изъ разряда Александровъ, Камбизовъ и Омаровъ— Наполеонъ. Первымъ дѣломъ этого завоевателя былъ походъ въ Египетъ. 26-го декабря 1798 года, Бонапарте прибылъ въ Суэзъ, на берегъ Краснаго моря, въ тотъ пунктъ, гдѣ кончалась древняя система каналовъ Нехоса и Дарія. Въ этой экспедиціи, какъ извѣстно, принимали участіе и ученые: Монжъ, Бертоллѐ, Коста̀ и Леперъ. Леперу, который былъ главнымъ директоромъ публичныхъ работъ, Бонапарте тотчасъ поручилъ составить проектъ соединенія Средиземнаго и Краснаго морей. Тридцать девять мѣсяцовъ работали Леперъ и его товарищи надъ развѣдкою

мѣстности, и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Съ малымъ числомъ рабочихъ и съ сотнею солдатъ, они подвергались всякимъ опасностямъ и терпѣли недостатокъ въ водѣ. Быть можетъ, именно неблагопріятность внѣшнихъ условій, обставлявшихъ эти наблюденія, была причиною тому, что въ добросовѣстный и богатый точными изслѣдованіями трудъ Лепера вкралась важная ошибка: онъ подтвердилъ мнѣніе, что уровень Краснаго моря значительно выше уровня моря Средиземнаго. Уже въ то время Лапласъ и Фурьé протестовали противъ такого мнѣнія.

Само собою разумѣется, что однажды войдя въ докладъ Лепера, это мнѣніе должно было значительно усложнить выработанный имъ проектъ: о возможности прямого соединенія морей онъ упоминаетъ только мимоходомъ, считаетъ необходимымъ условіемъ устройство шлюзовъ на обоихъ концахъ такого соединенія и видитъ въ возможности всей этой работы только дополненіе къ проекту, какъ онъ его выработалъ. А проектъ основанъ все-таки на соединеніи морей посредствомъ Нила. Леперъ предлагалъ устроить два канала: одинъ отъ Александріи къ Суэзу, при помощи западнаго рукава Нила; другой — отъ восточнаго, пелузскаго рукава Нила также къ Суэзу. Оба канала онъ предполагалъ снабдить шлюзами.

Мы не будемъ долѣе останавливаться на проектѣ Лепера, который былъ оконченъ уже по выходѣ французскихъ войскъ изъ Египта, и потому не могъ получить дальнѣйшаго хода. Онъ былъ обнародованъ въ 1809 году. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ, представилось новое обстоятельство, благопріятное для осуществленія великой мысли о соединеніи морей: Египтомъ съ 1811 года началъ править просвѣщенный и предпріимчивый Мехметъ-Али. Первыми приверженцами этой мысли въ текущемъ столѣтіи были англичане. Въ 1829 году, англійскій офицеръ Уэорнъ (Waghorn), предложилъ пересылать депеши въ Индію не вокругъ Африки моремъ, а чрезъ Египетъ; онъ нѣсколько разъ, на свой рискъ, отправлялся съ депешами изъ Александріи въ Индію, и доказалъ, что этимъ путемъ корреспонденція доходитъ скорѣе. Въ тридцатыхъ годахъ, туже мысль доказывалъ маіоръ Чесни, и въ 1837 г., компанія пароходовъ устроила правильное сообщеніе между Индіею и Суэзомъ, съ одной, и Александріею съ Англіею, — съ другой стороны. Компанія, убѣдясь въ вѣрности мысли, принадлежавшей Уэорну, назначила вдовѣ его пенсію въ 1,000 фунтовъ. За корреспонденціею этимъ кратчайшимъ путемъ вскорѣ послѣдовали и пассажиры; устроено было сообщеніе дилижансомъ между Каиромъ и Суэзомъ; дилижансъ этотъ ходилъ 15 часовъ.

Съ 1857 года, сообщеніе отъ Александріи до Суэза производится уже по желѣзнымъ дорогамъ, изъ которыхъ одна идетъ до Каира, а другая отъ Каира до Суэза.

Уже маіоръ Чесни, на основаніи собственныхъ наблюденій, опровергалъ мысль, что уровень Краснаго и Средиземнаго морей неодинаковъ, и доказывалъ возможность прорытія прямого канала отъ одного моря къ другому. Въ этомъ же смыслѣ начала высказываться англійская печать. Въ 1840 году, англійскіе офицеры, путешествуя по Египту, сдѣлали сравнительное измѣреніе уровней двухъ морей и нашли, что они почти одинаковы; но инструменты, употребленные ими, не имѣли достаточно убѣдительной точности. Въ 1841 году, французъ въ службѣ вице-короля, Линанъ-де-Белльфонъ (впослѣдствіи директоръ публичныхъ работъ въ Египтѣ), болѣе извѣстный подъ именемъ Линанъ-бея, въ товариществѣ съ нѣсколькими англичанами, предпринялъ составить новый проектъ канала отъ моря къ морю.

Одинъ изъ чрезвычайно замѣчательныхъ людей первой половины столѣтія, извѣстный глава сен-симонистовъ Проспиръ Анфантенъ, въ 1846 году, внушилъ нѣсколькимъ лицамъ мысль о возобновленіи работъ по проекту канала, и для этой цѣли составилась коммиссія изъ извѣстныхъ инженеровъ: знаменитаго Стифенсона, Негрелли, Линана и Талабо̀. По этому случаю Линанъ и Бурдалу, также извѣстный инженеръ, сдѣлали самую точную нивеллировку и доказали, что разницы въ уровнѣ морей нѣтъ. Мехметъ-Али давалъ всѣ средства для этихъ работъ. Но Стифенсону онъ поручилъ строить желѣзную дорогу, Линанъ-бей устранился отъ составленія проекта, и проектъ составилъ одинъ Талабо̀. Замѣчательно, что въ этомъ проектѣ каналъ опять-таки предполагался не прямо, а изъ Нила, причемъ на одномъ порогѣ онъ предполагалъ устроить мостъ — каналъ длиною въ версту.

Затѣмъ, въ 1856 году, былъ представленъ еще проектъ канала гг. Барро̀, которымъ предполагалось вести каналъ изъ Суэза прямо на сѣверъ, въ озеро Мензалехъ, но оттуда обратить его къ западу, пересѣчь имъ рукавъ даміеттскій, пройти озеромъ Бурлосомъ, пересѣчь рукавъ розеттскій, обогнуть озеро Эдку, и привести каналъ къ устью въ Александріи. Этотъ каналъ имѣлъ бы пятьсотъ верстъ длины. Этотъ проектъ, какъ и проектъ Талабо̀, повелъ бы къ пресѣченію всей ирригигаціонной системы Египта, отвлекалъ бы огромную массу воды отъ Нила, увеличивая въ тоже время въ большомъ размѣрѣ поверхность высыханія, до такой степени, что высыханіемъ терялось бы въ день по 3 милліона куб. метровъ воды.

Итакъ, изъ двухъ путей, о которыхъ мы упомянули въ самомъ началѣ, одинъ былъ окончательно устраненъ, на основаніи опытовъ древности и соображеній новѣйшаго искусства. Оставался другой путь—путь прямого соединенія морей, при помощи лежащихъ между ними озеръ. Предразсудокъ относительно неодинаковости уровня морей былъ опровергнутъ, а современное состояніе инженернаго искусства давало такія средства для осуществленія этой мысли, о какихъ и не мечтали древніе. Но хотя исчезъ остававшійся отъ стараго времени предразсудокъ научный, мѣшавшій радикальному рѣшенію этого вопроса, оставался еще отъ стараго же времени предразсудокъ экономическій, принципъ международной зависти, и вотъ этотъ остатокъ старины долженъ былъ представить дѣлу немаловажныя препятствія.

Уже съ 1854 года, мыслью о соединеніи морей занимался Фердинандъ Лессепсъ. Прежде чѣмъ продолжать, съ авторомъ, исторію Суэзскаго перешейка, представимъ по возможности полный біографическій очеркъ того дѣятеля, который займетъ въ этой исторіи первостепенное мѣсто.

Фердинандъ Лессепсъ родился въ 1805 году, въ Версали. Отецъ его, Матвѣй Лессепсъ, былъ потомъ французскимъ консуломъ въ Египтѣ. Онъ самъ поступилъ на службу при французскомъ консульствѣ сперва въ Лиссабонѣ, въ 1825 году, потомъ перешелъ въ консульство въ Тунисѣ, занимался инженерными работами въ провинціи Константинѣ, по порученію маршала Клозѐля, былъ консуломъ въ Каирѣ, съ 1831 — 1838 г., и на этомъ постѣ отличился мужествомъ и распорядительностію во время чумы 1834 г. Вскорѣ ему удалось оказать существенную услугу вице-королю, Мехмету-Али, возстановленіемъ дружелюбныхъ сношеній между имъ и султаномъ. Отсюда пріязнь къ нему вице-короля, перешедшая и къ наслѣдникамъ Мехмета-Али.

Г. Лессепсъ занималъ консульскій постъ въ Малагѣ, когда правительству Людовика-Филиппа понадобился, въ помощь къ посланнику, ловкій и энергическій человѣкъ въ Барселонѣ. Людовикъ-Филиппъ не благопріятствовалъ диктатурѣ Эспартеро, противъ котораго затѣвалось въ 1842 году возстаніе, въ отечествѣ всѣхъ испанскихъ возстаній—Каталоніи. Необходимо было слѣдить за шансами этого движенія и, въ случаѣ надобности, оградить интересы французскихъ подданныхъ въ столицѣ мятежной Каталоніи. Возстаніе было подавлено и Лессепсъ спасъ на французскіе корабли нѣсколько лицъ, которыхъ жизнь была въ опасности; сверхъ того, энергическія представленія его спасли самый городъ отъ бомбардированія. Что Лессепсъ имѣлъ въ Барселонѣ спеціальное политическое порученіе, удостовѣряется фактомъ, что

королева Изабелла, тотчасъ по прекращеніи регенства, пожаловала его командоромъ 1 класса ордена Карла III, а французское правительство дало ему орденъ Почетнаго Легіона, и произвело его въ генеральные консулы. Но гораздо важнѣе была, конечно, та услуга, которую онъ оказалъ жителямъ города и иностраннымъ купцамъ. Торговая палата въ Барселонѣ поставила въ своей залѣ его бюстъ, разныя торговыя палаты во Франціи прислали ему адресы, а нѣкоторыя иностранныя правительства ордена.

Республиканское временное правленіе 1848 года назначило Фердинанда Лессепса французскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, и Лессепсу удалось, въ короткое время занятія имъ этого поста, заключить почтовый договоръ между Испаніею и Франціею. Въ 1849 году, ему было дано дипломатическое порученіе въ Римѣ и онъ уже вступилъ въ сношеніе съ вождями революціи, какъ вдругъ ему уяснилось, что правительство президента дѣйствуетъ неискренно, что миролюбивыя слова, которыя Лессепсу было поручено произнесть, прикрываютъ просто намѣреніе вооруженною силою возстановить папу; онъ подалъ въ отставку и съ тѣхъ поръ уже не вступалъ болѣе на службу.

Въ 1854 году, Фердинандъ Лессепсъ былъ вызванъ Магометомъ-Саидомъ въ Египетъ, и вскорѣ убѣдилъ вице-короля въ пользѣ и возможности осуществленія проекта о прорытіи Суэзскаго перешейка. Магометъ-Саидъ поручилъ ему представить докладъ объ этомъ вопросѣ; докладъ былъ представленъ 15-го ноября 1854 года, и по этому докладу состоялся фирманъ паши.

Итакъ, Лессепсъ—не инженеръ, и проектъ, осуществленный имъ нынѣ, не имъ составленъ; этого не рѣшается утверждать даже авторъ книги, которую мы разбираемъ и которая посвящена Лессепсу, и обширно распространяется надъ всѣмъ, что̀ возвеличиваетъ Лессепса, заботливо умалчивая о всемъ способномъ уменьшить его славу или славу предпріятія. Лессепсъ—не инженеръ, онъ—дипломатъ. Проектъ, какъ мы видѣли выше, выработался естественнымъ образомъ изъ всѣхъ предшествовавшихъ ему работъ. Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ приписать именно Лессепсу всю честь нынѣшняго предпріятія и его успѣха. Основная мысль этого предпріятія сама по себѣ проста, такъ сказать, очевидна. Предшествующій очеркъ показываетъ, что не оставалось сомнѣнія въ возможности и въ превосходствѣ канала прямого сообщенія между моремъ, хотя еще проектъ Талабо̀ разсчитывалъ на Нилъ. Чтобы взяться за мысль радикальную, нужна была только рѣшимость.

Но намъ кажется въ высшей степени несправедливымъ, когда

на этомъ основаніи стараются — какъ то бывало въ англійской печати — отнять у Ферд. Лессепса хотя бы часть его огромной заслуги по совершенію этого всемірнаго дѣла: успѣхъ его весь неотъемлемо принадлежитъ Лессепсу. Въ виду того развитія, какое уже получилъ до Лессепса вопросъ о канализаціи Суэза на почвѣ инженернаго искусства, важно было, чтобы за него взялся не только свѣдущій составитель проекта, но человѣкъ, одаренный совсѣмъ спеціальною комбинаціею личныхъ свойствъ: болѣе всего для дѣла нуженъ былъ именно человѣкъ, близкій къ царствующей въ Египтѣ фамиліи, но европеецъ; ловкій и энергическій дипломатъ, но не такой дипломатъ, какими иногда довольствуются правительства, умѣющій хорошо оцѣнять положеніе и хорошо писать. Здѣсь въ дипломатѣ нуженъ былъ человѣкъ способный самъ страстно увлечься однимъ дѣломъ, посвятить жизнь его успѣху, никогда не унывать, и придумывать самыя разнообразныя средства для преодолѣнія всякихъ трудностей, представлявшихся на пути: и техническихъ, и финансовыхъ, и политическаго противодѣйствія, и разочарованія самихъ дѣятелей, участвовавшихъ въ предпріятіи.

Великое дѣло соединенія Средиземнаго моря съ Аравійскимъ заливомъ есть дѣло именно Лессепса, плодъ его разнообразныхъ способностей и непреодолимой энергіи, наконецъ и личнаго положенія и отношеній его. Нужна была большая рѣшимость и большая выдержанность. Но вѣдь и Колумбу не нужно было ничего болѣе для того, чтобы открыть западный материкъ. Собственно говоря, не Колумбъ открылъ Америку, а компасъ. Америку нельзя было открыть безъ компаса, а компасъ изобрѣтенъ не Колумбомъ. Когда компасъ былъ найденъ, дѣйствительно «не трудно» было сдѣлать все то, что̀ сдѣлалъ Колумбъ, Васко-ди Гама и Кабраль. Нужны были только большая рѣшимость и большая выдержанность. Но никто не скажетъ, что вся заслуга открытія Америки не принадлежитъ Христофору Колумбу. Совершенно въ томъ же смыслѣ весь подвигъ соединенія водъ Европы съ водами Азіи принадлежитъ Фердинанду Лессепсу.

III.

Фирманомъ 1854 года, египетское правительство предоставляло г. Лессепсу основать компанію, подъ именемъ «Всемірной компаніи морского канала чрезъ Суэзъ» (Compagnie universelle du canal maritime de Suez), съ правомъ на прорытіе перешейка, эксплуатацію предположеннаго прохода, достаточнаго для

большихъ судовъ, занятіе или основаніе двухъ соотвѣтствующихъ входовъ въ каналъ, на Средиземномъ и Красномъ моряхъ, и наконецъ — на устройство двухъ гаваней.

Концессія предоставлялась фирманомъ на 99 лѣтъ со дня открытія канала для судоходства. Всѣ работы компанія должна была принять на свой счетъ, но ей предоставлено было, безъ вознагражденія, занимать нужныя ей земли, если онѣ не принадлежали частнымъ владѣльцамъ. Египетское правительство выговорило себѣ 15% съ чистаго ежегоднаго дохода, который будетъ выручать компанія, независимо отъ дивиденда и процентовъ по количеству акцій, которое оно взяло бы для себя. Эти 15% будутъ представлять собственно какъ бы плату за наемъ прибрежныхъ территорій или за эксплуатацію оброчной статьи, которую, впрочемъ, сама компанія должна была создать. И при этомъ, египетское правительство не давало никакой гарантіи ни въ дѣйствительномъ исполненіи компаніею предпринятыхъ ею работъ, ни доходности общихъ ея операцій.

За отчисленіемъ 15% въ пользу правительства, остальная часть чистаго дохода, по концессіи, должна распредѣлиться такъ: 75% — въ пользу компаніи и 10% въ пользу учредителей. Въ концессіи оговорено, что плата за проходъ по Суэзскому каналу должна быть всегда одинакова для судовъ всѣхъ націй, и что ни одной націи не могутъ быть предоставлены какія-либо исключительныя преимущества. На случай, еслибы компанія признала нужнымъ соединить съ каналомъ, посредствомъ судоходнаго пути, Нилъ, а также въ случаѣ, еслибы каналу было дано направленіе не прямое, такъ что Нилъ снабжалъ бы его водою, компаніи предоставлялись всѣ необработанныя казенныя земли по берегамъ рѣки, съ тѣмъ, чтобы онѣ были поливаемы на счетъ компаніи; компаніи предоставлялось безпошлинное пользованіе этими землями въ теченіи 10 лѣтъ, со дня открытія канала, съ тѣмъ, чтобы, начиная съ 11-го года, она уплачивала правительству законную десятину (поземельный налогъ).

Компаніи было предоставлено право раскопки казенныхъ рудъ и каменоломень, безплатно, но собственно для цѣли работъ по сооруженію канала и по возведенію нужныхъ для этихъ работъ построекъ, а также безпошлинный ввозъ въ страну всѣхъ нужныхъ машинъ и матеріаловъ. По истеченіи срока концессіи, правительство должно вступить во всѣ права компаніи и въ полное владѣніе какъ каналомъ между морями, такъ и всѣми состоящими при немъ постройками и заведеніями. Вознагражденіе компаніи за подвижной составъ (машины и орудія) и всякое движимое имущество должно быть опредѣлено по соглашенію или третейскимъ

посредничествомъ. Наконецъ, концессія обѣщала компаніи всякое содѣйствіе для исполненія работъ со стороны египетскаго вице-короля и его чиновниковъ.

Главными техниками предпріятія были Линанъ-бей и Мужель-бей, французскіе инженеры въ службѣ вице-короля. Оба они давно уже занимались этимъ вопросомъ. Главнымъ директоромъ работъ, когда онѣ начались, былъ сдѣланъ Мужель-бей. Въ концѣ 1854 и началѣ 1855 года, г. Лессепсъ объѣхалъ мѣстность предполагавшихся работъ съ этими инженерами, и затѣмъ они составили предварительный проектъ работъ, положивъ въ принципѣ его прямое сообщеніе между морями, отъ Пелузы къ Суэзу.

Вотъ краткій обзоръ условій мѣстности и начертаній проекта. На пространствѣ около 60 верстъ, начиная отъ сѣвера, почва низменна, и за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, бываетъ покрыта водою изъ озеръ Мензалеха и Биллаха шесть мѣсяцевъ въ году. Съ 60-й до 75-й версты тянется поперечная песчаная насыпь или коса, называемая порогъ (валъ) Эль-Гисръ; высшая точка его 20 метровъ надъ уровнемъ моря; миновать этотъ валъ не было возможности. Далѣе къ югу представлялась котловина озера Тимсахъ. Озеро это порою совершенно высыхало; когда въ немъ стояла вода, на уровнѣ съ моремъ, это пространство воды имѣло 6 верстъ длины и 25 верстъ (километровъ) въ окружности. Глубина его посрединѣ доходила до 7 метровъ.

Затѣмъ, представлялся, на пути къ югу, валъ, прозванный «порогъ Серапеумъ», длиною въ 14 верстъ, съ наибольшею высотою въ 16 метровъ (около 8 саженъ) надъ уровнемъ моря. Этотъ песчаный валъ тянется отъ бассейна озера Тимсаха до бассейна Горькихъ озеръ. Далѣе прямая линія къ югу проходитъ чрезъ сухой бассейнъ Горькихъ озеръ и, еще южнѣе, чрезъ невысокій шалуфскій валъ, о которомъ уже было упомянуто. Отсюда почва, на протяженіи верстъ двадцати, нечувствительно склоняется къ уровню Краснаго моря.

По этой-то мѣстности Линанъ-бей и Мужель-бей начертали слѣдующій проектъ канала: начинаясь отъ Суэза, каналъ идетъ на Красномъ морѣ къ сѣверозападу къ Горькимъ озерамъ, проходитъ по этому бассейну, безъ откосовъ, но въ сваяхъ (balises), прорѣзываетъ валъ Серапеумъ, проходитъ, также безъ откосовъ, озеро Тимсахъ, потомъ идетъ почти по прямой линіи, прорѣзываетъ валъ Эль-Гисръ, проходитъ чрезъ озеро Биллахъ и восточную часть озера Мензалехъ, и при Пелузѣ соединяется съ Средиземнымъ моремъ. Длина канала, такимъ образомъ, составляетъ около 150 километровъ (141 версты), ширина его на поверхности воды 100 килом. (94 версты), но въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ онъ прорѣзываетъ валы, онъ нѣсколько уже. Глубина его одинакова на всемъ протяженіи и составляетъ $6^1/_2$ метровъ ниже уровня низкой воды въ Средиземномъ морѣ, откосамъ положено дать склонъ въ 2 метра основанія на 1 метръ высоты.

Со стороны Суэза и со стороны Пелузы предполагались шлюзы во 100 метровъ длины, 21 метръ ширины и $6^1/_2$ м. наименьшей глубины воды, такъ чтобы вода въ каналѣ могла подниматься подъ вліяніемъ приливовъ не болѣе какъ на $1^1/_2$ метра. Отъ шлюзовъ каналъ расширяется въ устья, между дамбами, и углубляется до $7^1/_2$ метровъ при среднемъ уровнѣ. Весь объемъ земли, какой предстояло извлечь для прорытія морского канала, былъ исчисленъ въ 74 милліона кубическихъ метровъ; изъ этого количества предстояло выкопать 17 милл. куб. метровъ сухой земли и 57 милл. куб. метровъ извлечь изъ-подъ воды, посредствомъ машинъ.

Согласно желанію Магомета-Саида, въ проектѣ предположено было также, независимо отъ соединительнаго морского канала, провесть каналъ рѣчной, для орошенія и для судоходства, отъ центра перешейка въ нижній Египетъ, именно отъ Булака на Бельбеисъ и Расъ-эль-Уади къ озеру Тимсахъ, на протяженіи около 130 верстъ.

Вся издержка по первоначальной смѣтѣ была исчислена примѣрно въ 160 милл. франковъ, а время для исполненія всѣхъ работъ въ шесть лѣтъ.

Для обсужденія этого предварительнаго проекта, по стараніямъ и ходатайству г. Лессепса, составилась международная коммиссія изъ инженеровъ состоящихъ на службѣ правительствъ Франціи, Великобританіи, Австріи, Испаніи, Италіи, Нидерландовъ и Пруссіи. Италія и Испанія прислали въ эту коммиссію своихъ министровъ публичныхъ работъ, Австрія—главнаго инспектора желѣзныхъ дорогъ, другія государства—извѣстныхъ своихъ инженеровъ. Сверхъ того въ коммиссіи принимали участіе адмиралъ Ригò де-Женульи и Жорèсъ, и англійскій капитанъ Гаррисъ.

Эта коммиссія сдѣлала нѣсколько измѣненій въ первоначальномъ проектѣ. Но изъ измѣненій этихъ представляетъ первостепенную важность только устраненіе постройки шлюзовъ на обоихъ концахъ канала; коммиссія признала эти шлюзы ненужными. Этотъ пунктъ, дѣйствительно, представлялъ большую важность. Составители проекта предположили шлюзы, во-первыхъ, для поддержанія общей высоты воды въ каналѣ на $1^1/_2$ метра выше уровня низкихъ водъ, а во-вторыхъ, чтобы отстранить наносъ песку и засореніе канала изъ морей. Но коммиссія выра-

вила сомнѣніе, чтобы при массѣ воды, какая должна заключаться между шлюзами, при вліяніи вѣтровъ, наконецъ, при истокѣ сквозь шлюзы, высота эта могла быть сохраняема; что же касается наносовъ, то коммиссія приняла въ соображеніе, что дно Краснаго моря въ значительной мѣрѣ глинисто, такъ что наносовъ съ этой стороны ожидать нельзя, а такъ какъ, подъ вліяніемъ прилива и отлива, движеніе волны должно быть въ обыкновенное время отъ Краснаго моря къ Средиземному, то, по мнѣнію выраженному коммиссіею, не слѣдуетъ опасаться наносовъ изъ Средиземнаго моря.

На основаніи такихъ соображеній признано было возможнымъ обойтись безъ шлюзовъ, и это устранило, во-первыхъ, огромную издержку, во-вторыхъ, важное неудобство двойной потери времени при проходѣ судовъ, не говоря уже о постоянномъ ремонтномъ расходѣ. На вопросѣ о шлюзахъ мы останавливаемся особенно потому именно, что, начиная съ глубокой древности, опасность безпрепятственнаго, непосредственнаго соединенія морей считалась главнымъ препятствіемъ къ прорытію канала. Мы видѣли, что Нехосъ, доведя свой каналъ до Горькихъ озеръ, оставилъ между нимъ и озерами (въ то время заливомъ) естественную преграду, и что впослѣдствіи южная часть канала была соединена съ Краснымъ моремъ только при помощи шлюза. Международная коммиссія впервые признала такую опасность невѣроятною. Правда, особенно сильный приливъ изъ Краснаго моря могъ бы попортить откосы южной части морского канала; но именно на этой части почва, имѣя достаточно глинистыхъ элементовъ, устойчивѣе, чѣмъ въ другихъ, болѣе сѣверныхъ мѣстахъ, и для охраненія откосовъ признано было достаточнымъ сдѣлать каменную обшивку нѣсколько пошире и повыше обыкновеннаго уровня воды. Что касается всей остальной, сѣверной части канала, то, по мнѣнію коммиссіи, въ ней почти не будетъ замѣтно дѣйствіе приливовъ Краснаго моря, такъ какъ на линіи канала, въ небольшомъ разстояніи отъ моря находится обширный бассейнъ Горькихъ озеръ, который въ этомъ случаѣ будетъ естественнымъ умѣрителемъ дѣйствія приливовъ и отливовъ.

За то коммиссія, отвергая шлюзы, признала нужнымъ дать всему каналу бо́льшую глубину, именно 8 метровъ, что увеличило земляную работу милліона на 4 куб. метровъ. Ширина канала была опредѣлена въ 80 метровъ, на поверхности воды, по всему протяженію. Но это измѣненіе не было примѣнено къ дѣлу: въ окончательномъ проектѣ ширина была опредѣлена въ 100 метровъ по всей линіи и въ 60 метровъ при прорѣзахъ валовъ,

согласно первоначальному проекту. Дамбы въ Суэзѣ также отвергнуты впослѣдствіи.

По предположенію этой же коммиссіи, каналъ на сѣверѣ былъ поведенъ не къ самой пелузской гавани, а къ новому пункту, отстоящему на 28 верстъ отъ Пелузы; здѣсь устроена гавань, которой, по мысли коммиссіи, дано названіе Портъ - Саида, въ честь тогдашняго владѣтеля Египта. Сверхъ того, коммиссія указала на необходимость устроить достаточное число маяковъ по всему сѣверному берегу отъ Александріи до Портъ-Саида. Впослѣдствіи важное отступленіе отъ первоначальнаго проекта было сдѣлано еще въ отношеніи прѣсноводнаго (рѣчного) канала отъ Расъ-эль-Уади до Тимсаха. Проведена вѣтвь на Суэзъ, съ четырьмя шлюзами, рѣчной каналъ соединенъ съ морскимъ при посредствѣ шлюза, наконецъ, рѣчной каналъ ведется до самаго Каира и теперь еще не готовъ.

Актъ окончательной концессіи, утвержденный 5-го января 1856 года, подтвердилъ прежнюю концессію, подробно опредѣливъ обязанности и права компаніи. Въ обязанности включены были работы въ томъ видѣ, какъ онѣ опредѣлены были международною коммиссіею.

На основаніи окончательнаго акта концессіи, г. Лессепсу предоставлено было образовать акціонерную компанію, въ которой онъ былъ заранѣе назначенъ президентомъ. Компанія эта должна была реализировать капиталъ въ 200 милліоновъ франковъ, посредствомъ выпуска 400,000 акцій, въ 500 фр. каждая. Совѣтъ управленія долженъ былъ состоять изъ 32 членовъ, представляющихъ главныя націи, участвующія въ предпріятіи; совѣту предоставлялось избрать исполнительный комитетъ. Сверхъ того, при компаніи былъ образованъ совѣщательный техническій комитетъ изъ инженеровъ, неучаствующихъ въ работахъ по Суэзскому каналу.

Такимъ образомъ, всѣ предварительныя изысканія и формальности были налицо. Оставалось разсчитывать на сочувствіе общества и правительствъ. Французская пресса съ самаго начала выразила предпріятію Лессепса полное сочувствіе; въ другихъ странахъ печать также заинтересовалась имъ, но часть прессы въ Англіи, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ національныхъ предубѣжденій, внушенныхъ, между прочимъ, и несовсѣмъ опредѣленными опасеніями, стала высказываться противъ суэзскаго дѣла. Не видно также, чтобы въ числѣ ученыхъ обществъ разныхъ странъ, выразившихъ въ самомъ началѣ свое одобреніе предпріятію Лессепса (въ числѣ ихъ упоминается и наше Географическое общество), находилось какое-либо ученое сословіе Велико-

британіи. Правительства сардинское и нидерландское назначили коммиссію для изученія вопроса о Суэзскомъ каналѣ; правительства австрійское и испанское съ самого начала предписали своимъ консуламъ оказывать Лессепсу всякую поддержку. Само собою разумѣется, что французское правительство было расположено въ пользу предпріятія, которое представлялось какъ бы національнымъ французскимъ дѣломъ; но нельзя сказать, чтобы французское правительство горячо взялось за это дѣло въ самомъ началѣ; еслибы не личная энергія Лессепса, то покровительство это проявилось бы слабо и было бы совершенно недостаточно для поддержки предпріятія. За то торговыя палаты во Франціи высказались рѣшительно въ его пользу, именно изъ 54 такихъ палатъ 52 сдѣлали постановленія въ его пользу.

Лессепсъ, приготовивъ дѣло, отправился по Европѣ объяснять его, съ цѣлью возбудить довѣріе къ имѣвшей открыться подпискѣ. О пропагандистскомъ походѣ его въ Англію мы сейчасъ упомянемъ; теперь же укажемъ на результатъ, какъ онъ выразился въ подпискѣ. По возвращеніи Лессепса въ Парижъ, въ октябрѣ 1858 г., подписка была объявлена и оставалась открытою съ 5-го по 25-е ноября. Во Франціи разобрано было болѣе 100 тысячъ акцій; но на этомъ подписка и остановилась. Другія страны приняли въ ней самое слабое участіе. Правда, политическія обстоятельства несовсѣмъ благопріятствовали реализаціи капитала на такое отдаленное и долговременное предпріятіе. Между кабинетами тюльерійскимъ и вѣнскимъ уже начаты были переговоры относительно положенія дѣла въ Италіи, но оставалось еще болѣе мѣсяца до произнесенія знаменитыхъ словъ, сказанныхъ барону Гюбнеру, и послужившихъ сигналомъ къ войнѣ въ Ломбардіи. Итакъ, въ томъ фактѣ, что по подпискѣ было разобрано всего немного болѣе одной четверти акцій Суэзскаго канала, нельзя не видѣть просто сомнѣнія европейскаго общества въ возможности его осуществленія. Прибавимъ, что разобранныя акціи всегда котировались по самымъ низкимъ цѣнамъ, чему главными причинами были какъ значительное превышеніе примѣрной смѣты расходовъ, такъ и промедленіе работъ, совершенно впрочемъ независившее отъ Лессепса. Къ его энергіи и ловкости слѣдуетъ отнести то, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, онъ все-таки довелъ дѣло до конца.

По закрытіи подписки, все неразобранное количество акцій было взято самимъ Могамедомъ-Саидомъ, обстоятельство, которое, конечно, совершенно измѣнило положеніе компаніи. Дѣло было уже не частнымъ, международнымъ предпріятіемъ, а просто предпріятіемъ египетскаго правительства съ Фердинандомъ Лессеп-

сомъ во главѣ и съ участіемъ нѣсколькихъ тысячъ акціонеровъ, какъ бы единственно для того, чтобы было кому представлять отчеты и для кого поддерживать гласность.

Имѣя въ виду результатъ подписки, трудно согласиться съ воззрѣніемъ автора на отношеніе Англіи къ дѣлу Суэзскаго канала. Онъ приписываетъ все недовѣріе нерасположенію Пальмерстона къ этому дѣлу. Что на запросъ по этому предмету въ палатѣ общинъ, по предложенію министерства, послѣдовалъ переходъ къ порядку, это авторъ также объясняетъ только желаніемъ палаты «дать знакъ довѣрія» Пальмерстону. Но по такому второстепенному вопросу палата не имѣла надобности выражать довѣріе кабинету, и Пальмерстонъ не по такимъ вопросамъ претерпѣвалъ пораженіе. Пальмерстону же авторъ приписываетъ и постоянную непріязнь, съ какою относилась къ дѣлу Суэзскаго канала «Times» и съ ней еще нѣкоторые органы англійской печати. Этому недовѣрію, представляемому такимъ образомъ въ видѣ внушеннаго, искусственнаго, авторъ противопоставляетъ рѣшеніе множества митинговъ, на которыхъ говорилъ Лессепсъ, въ томъ числѣ собраній торговыхъ палатъ и компаній въ важнѣйшихъ городахъ Великобританіи и Ирландіи, рѣшеніе въ смыслѣ благопріятномъ предпріятію Лессепса, и въ этихъ-то рѣшеніяхъ видитъ истинное мнѣніе англійскаго общества о предпріятіи при самомъ его началѣ.

Казалось бы, нѣтъ никакой надобности, даже для славы Лессепса, отрицать тотъ фактъ, что преобладавшимъ въ Англіи мнѣніемъ было именно недовѣріе. Что же касается симпатій и антипатій къ французскому предпріятію въ Египтѣ, то въ англійскомъ обществѣ проявилось и то и другое, какъ почти всегда бываетъ въ странѣ вольной, нечувствующей по командѣ или съ чужого голоса.

Пальмерстонъ не столько внушалъ, въ этомъ случаѣ, сколько представлялъ самъ предубѣжденія, принадлежавшія еще очень недавнему времени. Онъ былъ человѣкъ стараго времени, одинъ изъ послѣднихъ представителей въ Англіи той эпохи, въ которой оппозиція всякому успѣху Франціи считалась въ Англіи дѣломъ національнымъ. Независимо отъ тѣхъ особыхъ условій, которыя создали такое настроеніе въ прежней Англіи относительно Франціи, при началѣ нынѣшняго столѣтія, эпоха эта была только остаткомъ общей международной политики и экономіи, какъ онѣ понимались до очень недавняго времени. Это былъ остатокъ того политическаго и экономическаго ученія, что успѣхъ одной націи создается не иначе, какъ на счетъ другихъ и служитъ имъ въ ущербъ, и что развитіе торговли до-

стигается только политическими захватами, колоніальною системою и присвоеніемъ всякихъ монополій, для искусственнаго удержанія въ своихъ рукахъ путей торговли и рынковъ и для искусственнаго увеличенія своего сбыта.

Извѣстно, до какой степени вся эта теорія пошатнулась въ Англіи теперь, а вмѣстѣ съ нею и вся система завистливаго надсмотра надъ успѣхами другихъ націй и постояннаго вмѣшательства для отвращенія по возможности такихъ успѣховъ. Но извѣстно также, что эта теорія серьёзно пошатнулась въ общественномъ мнѣніи Англіи очень недавно, и что не Пальмерстонъ внушалъ ее, а что самъ онъ былъ только послѣдній могущественный ея представитель.

Съ точки зрѣнія этой теоріи, французское предпріятіе въ Египтѣ, проложеніе новаго водяного пути въ Индію, который «оставался бы въ рукахъ французовъ», не могло встрѣтить сочувствія въ той части англійскаго общества, которое еще было пропитано старыми идеями.

Но въ Англіи въ то время новыя идеи сдѣлали уже достаточные успѣхи, достаточно распространились въ обществѣ, такъ что рядомъ съ оппозиціей Пальмерстона было высказано въ Англіи съ самаго начала и сочувствіе къ общеполезному предпріятію Лессепса какъ передовыми людьми, такъ и многими общественными и сословными собраніями. Но оппозиція Пальмерстона, разумѣется, произвела непосредственные практическіе результаты, а сочувствіе части англійскаго общества помогло Лессепсу только въ томъ смыслѣ, что стѣснило и самую эту оппозицію извѣстными предѣлами и потомъ, по смерти Пальмерстона, предупредило всякую новую попытку противъ дѣла Лессепса.

Подъ вліяніемъ внушеній англійской дипломатіи, дѣло промедлилось за неполученіемъ утвержденія Порты. Лессепсъ пріѣхалъ въ февралѣ 1855 года въ Константинополь, хлопотать объ этомъ утвержденіи, и какъ ловкій дипломатъ, прямо и оффиціально обратился съ ходатайствомъ о поддержкѣ въ самому англійскому послу, извѣстному лорду Стратфордъ-Редклиффу. Записка, представленная виконту Лессепсомъ, составлена очень умно, и главный предметъ—опасеніе англійской дипломатіи, что французы захватятъ въ свои руки путь въ Индію, представленъ въ этой запискѣ съ замѣчательной ловкостью. Лессепсъ ссылался на англо-французскій союзъ, бывшій въ то время фактомъ, и выразивъ убѣжденіе, что ничто не угрожаетъ искренности и прочности этого союза, соглашался однако на одно исключеніе, и какъ на исключеніе это, указывалъ прямо на Египетъ. Онъ признавалъ, что Англія не можетъ дозволить французскому влія-

нію установиться въ Египтѣ потому именно, что путь въ Индію проходитъ чрезъ всю эту страну, и что Франція, съ другой стороны, по всѣмъ преданіямъ своей политики, не можетъ согласиться на то, чтобы Англія съ этой собственно цѣлью конфисковала Египетъ. Итакъ, надъ Египтомъ Лессепсъ самъ видѣлъ облачко, сулившее возможность бури, которая бы разстроила англо-французское «сердечное согласіе». Но причину такого положенія дѣлъ Лессепсъ указываетъ именно въ томъ обстоятельствѣ, что путь въ Индію проходилъ чрезъ всю страну, чрезъ весь Египетъ, пересѣкая внутренность его, такъ что преобладающее вліяніе одной изъ державъ въ Каирѣ отдавало бы въ ея руки и самый путь въ Индію — источникъ всѣхъ опасеній. «Но этотъ шансъ раздора, продолжалъ онъ, совершенно исчезъ бы, еслибы какимъ-либо образомъ путь въ Индію, вмѣсто того, чтобы проходить чрезъ центръ Египта, былъ перенесенъ къ его границамъ, и ставъ, такимъ образомъ, доступнымъ для всѣхъ, не могъ бы быть ничьимъ исключительнымъ достояніемъ». И вотъ на свое предпріятіе прямого соединенія морей на восточной границѣ Египта Лессепсъ указывалъ какъ именно на такое «устраненіе опасности».

Но лордъ Редклиффъ былъ не такой человѣкъ, чтобы прямое обращеніе къ нему Лессепса могло поставить его въ затрудненіе или чтобы ловкая «перестановка» вопроса могла произвесть на него впечатлѣніе. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ инструкціи отъ Пальмерстона по этому дѣлу, да и самъ онъ принадлежалъ къ той же самой школѣ англійскихъ государственныхъ людей. Лессепсъ привезъ съ собою въ Константинополь рекомендательное письмо отъ вице-короля и великій визирь, въ немедленномъ отвѣтѣ на это письмо, называлъ предпріятіе Лессепса весьма полезнымъ. Между тѣмъ Порта не давала утвержденія такъ долго, что Лессепсъ не рѣшился даже и ожидать его въ Константинополѣ. Сколько намъ извѣстно (авторъ объ этомъ не упоминаетъ), формальнаго разрѣшенія со стороны Порты начать работы такъ и не было дано.

Прошло два года, и вотъ въ 1857 году, мы видимъ Лессепса все еще пропагандирующимъ свое дѣло въ Англіи. На 18 митингахъ-собраніяхъ торговыхъ палатъ главныхъ городовъ Великобританіи и Ирландіи онъ излагалъ свой проектъ и доказывалъ пользу Суэзскаго канала. Резолюціи на такихъ митингахъ постановлялись всегда сочувственныя дѣлу Лессепса, но какъ извѣстно, подобныя резолюціи не доказываютъ еще ни желанія дѣйствительно принять участіе въ дѣлѣ, ни даже дѣйствительнаго довѣрія къ успѣху дѣла. Въ парламентскихъ преніяхъ

по этому дѣлу, Пальмерстонъ встрѣчалъ противъ себя именно передовыхъ людей Англіи, представителей новыхъ идей, политики невмѣшательства и терпимости чужихъ успѣховъ. Въ пользу проекта Лессепса или по крайней мѣрѣ противъ сопротивленія Англіи этому дѣлу говорили въ разное время: Робакъ, Брайтъ, Мильнеръ Гибсонъ, Гладстонъ, лордъ Дж. Россель, сэръ Джемсъ Граамъ, сэръ Чарльзъ Нэпиръ, Сидни Гербертъ и др. Вотъ, между прочимъ, выдержка изъ одной рѣчи Гладстона, сказанной еще въ августѣ 1854 года: «Никто, взглянувъ на карту, не можетъ отрицать, что проведеніе канала поперегъ Суэзскаго перешейка не принесло бы большую пользу человѣчеству. Проектъ этотъ одобренъ всѣми европейскими правительствами.... Что касается здѣсь собственно нашихъ владѣній въ Индіи, то мы должны стараться, чтобы въ Европѣ не возникла мысль, что для удержанія британскаго господства въ Индіи, Англія принуждена противиться такимъ мѣрамъ, которыя полезны для общихъ интересовъ Европы. Постараемся избѣгнуть такого непріятнаго противоноставленія, потому что если бы въ Европѣ установилось такое мнѣніе, то это ослабило бы наше могущество въ Индостанѣ болѣе, чѣмъ то могли бы сдѣлать десять мятежей, подобныхъ бывшему недавно». Приводимъ этотъ отрывокъ именно потому, что онъ рельефно высказываетъ весь смыслъ различія между старою и новою политическими школами Великобританіи. И въ печати нѣкоторые органы съ самого начала стояли за дѣло Лессепса и возражали какъ «Times», такъ и министерскому большинству въ парламентѣ, и въ такихъ случаяхъ, эти органы высказывали именно тотъ принципъ, который такъ практически поставленъ былъ въ приведенномъ отрывкѣ изъ рѣчи Гладстона.... «Если цѣлью политики, говорилъ «Morning Chronicle», подавлять въ другихъ странахъ всякое возможное развитіе, тормозить успѣхи цивилизаціи для того, чтобы удержать за собою превосходство, то мы не колеблясь назовемъ такую политику ложною. Она несообразна съ конституціею и совершенно противна духу нашей просвѣщенной эпохи, которая стремится къ свободѣ торговли и общимъ мѣрамъ улучшенія»...

Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что англійское правительство при Пальмерстонѣ сдѣлало все что могло для того, чтобы помѣшать предпріятію Лессепса, и что большинство англійскаго общества относилось къ нему съ недовѣріемъ, а меньшинство высказало ему только безплодное сочувствіе. Отрицать это напрасно, и все это, представляя огромное препятствіе для успѣха дѣла Лессепса, только увеличиваетъ славу этого успѣха.

IV.

Настоящія работы начались только съ 1859 года, когда Лессепсъ рѣшился на свой рискъ donner le premier coup de pioche для сооруженія гавани на Средиземномъ морѣ, Портъ-Саида. Эта церемонія была исполнена съ нѣсколько-торжественною обстановкою, и имѣла характеръ демонстраціи, быть можетъ напрасно, такъ какъ англійская дипломатія вслѣдъ за этою демонстраціею вновь принялась за свою работу. Лессепсъ самъ пріѣхалъ на мѣсто назначенное для будущаго Портъ-Саида; съ нимъ прибыли нѣкоторые члены совѣта компаніи и Мужель-бей, назначенный главнымъ директоромъ работъ: каждый держалъ въ рукѣ заступъ, и когда Лессепсъ, послѣ краткой, но энергической рѣчи, взрылъ первую борозду на линіи предназначенной для канала, всѣ послѣдовали его примѣру. Это происходило $^{13}/_{25}$ апрѣля 1859 года. Въ разныхъ пунктахъ перешейка, гдѣ предположены были важнѣйшія работы, раскинулись палатки французскихъ инженеровъ. Малая часть рабочихъ была нанята во Франціи, массу же рабочихъ обѣщалъ поставить вице-король, возлагая эту работу, какъ поочередную повинность, на феллаховъ, съ тѣмъ, чтобы компанія платила имъ за трудъ. Объ этомъ предметѣ мы еще поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Положеніе вновь прибывшихъ французовъ, какъ на берегу Средиземнаго моря, такъ и въ центрѣ перешейка, было самое плачевное. Отъ недостатка прѣсной воды терпѣли и здѣсь и тамъ. Вскорѣ были присланы паровыя машины для дистилляціи, но машины иногда не успѣвали—когда число рабочихъ возрастало—иногда и портились. Тогда бывало нѣчто въ родѣ бунта между рабочими: они бросались на первыя лодки транспорта съ прѣсною водою и подвергали ихъ разграбленію, недопуская правильной раздачи воды порціями. При этомъ часть воды, разумѣется, проливалась.

Изъ французовъ, посланныхъ въ центръ, въ песчаную степь, иные впадали въ такую тоску, что бросали все и уѣзжали во Францію. Вообще, изъ инженеровъ и рабочихъ, прибывшихъ на Суэзъ съ самаго начала, самое ничтожное число осталось тамъ до конца. Компанія входила въ положеніе служащихъ и давала имъ по временамъ отпускъ во Францію, на три мѣсяца, съ сохраненіемъ содержанія. Но и на сѣверномъ берегу первымъ переселенцамъ было не весело: жили они сперва въ палаткахъ. Въ дождливое время сидитъ себѣ французъ въ палаткѣ съ дождевымъ зонтикомъ въ рукѣ и читаетъ книгу. Спать ляжетъ —

крысы отгрызутъ часть подошвъ у сапогъ. Потомъ построили временные домà и большія помѣщенія на высокихъ сваяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, наводненіе на сѣверномъ берегу — вещь самая обыкновенная: какъ только поднимется извѣстный вѣтеръ, такъ и бѣгутъ спасать пожитки. Бывали и несчастія.

Въ то время, когда приступили къ работамъ на Суэзѣ, начальство предполагало, что онѣ будутъ кончены въ шесть лѣтъ. Но подчиненные не очень-то вѣрили этому, видя недостаточность машинъ и инструментовъ, бывшихъ налицо вначалѣ, и рабочихъ всего сотни три. Работы были начаты формальнымъ образомъ, и общій подрядъ по работамъ канала взялъ на себя сперва г. Гардонъ, извѣстный желѣзно-дорожный подрядчикъ. Но еще не успѣло прибыть достаточно инструментовъ, когда, въ іюнѣ 1859 года, работы вдругъ остановились, вслѣдствіе представленій Порты, внушенныхъ англійскою дипломатіей, которой вниманіе было обращено уже самою торжественностью начала.

Египетское правительство нашлось вынужденнымъ временно уступить и сообщило циркулярно европейскимъ консуламъ о временномъ воспрещеніи работъ. Лессепсъ протестовалъ и тотчасъ отправился въ Портъ-Саидъ, чтобы настоять на продолженіи работъ. Французы, находившіеся на работахъ, были сильно возбуждены, и это тѣмъ понятнѣе, что въ то время до нихъ только-что дошло извѣстіе о побѣдѣ при Маджентѣ и о вступленіи въ Миланъ. Прошли іюнь и іюль; въ августѣ узнали, что къ Александріи послана англійская эскадра. Виллафранкскій трактатъ, на который инженеры возлагали надежды, не измѣнилъ положенія. Между тѣмъ, въ Портъ-Саидѣ были только госпиталь, пекарня, дистировальныя машины и маякъ. Въ октябрѣ, начальникъ работъ въ Портъ-Саидѣ, г. Ларошъ, созвалъ своихъ подчиненныхъ и объявилъ имъ содержаніе депеши, полученной имъ отъ французскаго консула въ Даміеттѣ. Въ письмѣ этомъ консулъ приглашалъ французовъ оставить службу суэзской компаніи, и предупреждалъ ихъ, что въ противномъ случаѣ они должны винить уже только самихъ себя въ непріятныхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ произойти. Ларошъ, объявивъ это, прибавилъ, что никого не удерживаетъ, но самъ останется, и всѣ остались. Итакъ, въ началѣ само французское правительство вовсе не было намѣрено поддерживать предпріятіе Лессепса и изъ-за него ссориться съ Англіею. Правда, когда Лессепсъ явился въ Парижъ и подалъ императору просьбу о покровительствѣ «національному» дѣлу, то императоръ поручилъ посланнику въ Константинополѣ заступиться за дѣло Суэзскаго канала, а консулъ въ Даміеттѣ былъ смѣненъ. Но это доказываетъ только, что французское прави-

тельство само не знало въ началѣ, какъ отнестись къ этому дѣлу, что у него не было заранѣе составленнаго мнѣнія, а тѣмъ самымъ устраняетъ всякую мысль о томъ, чтобы Лессепсъ предпринялъ свое дѣло по внушенію французскаго правительства.

Англійская эскадра была отозвана, и въ Константинополѣ, по увѣренію одного изъ писемъ, приведенныхъ въ разсматриваемой нами книгѣ, французскій посланникъ не одинъ выступилъ въ защиту Лессепса; къ нему присоединились посланники австрійскій, русскій и прусскій. Все это сдѣлалось извѣстнымъ въ Портъ-Саидѣ въ декабрѣ 1859 года, и работы тотчасъ возобновились съ энергіею; онѣ оставались прерванными около 6 мѣсяцевъ и туземные рабочіе уже было-разбрелись. Прежде всего взялись за три главныя задачи: начало морского канала отъ Портъ-Саида до Кантары, прорѣзъ песчанаго холма или вала Эль-Гисра, и начало прѣсноводнаго канала у Гассассины. Начало земляныхъ работъ въ низменной мѣстности, близъ моря, было соединено съ большими трудностями. Вся эта мѣстность часто заливается водою озера Мензалеха, и въ остальное время почва въ ней сырая и рыхлая. Когда на первой верстѣ обозначали морской каналъ выемкою, но менѣе аршина глубиною, вода тотчасъ выступила въ этой бороздѣ и работа производилась въ водѣ такимъ образомъ: рабочіе (арабы) становились рядами перпендикулярно къ линіи канала, такъ что стоявшіе въ серединѣ ряда находились ногами въ водѣ. Отдѣливъ желѣзною лопатою со дна комъ земли, они брали этотъ комъ въ руки и передавали его изъ рукъ въ руки до линіи откоса; тамъ поочередно становились другіе рабочіе, спиною къ первымъ и заложивъ руки за спину, такъ чтобы образовать изъ себя нѣчто въ родѣ ходячей тачки. Когда такой рабочій чувствовалъ у себя на спинѣ достаточно комовъ, по тяжести, онъ, согнувшись, шелъ до линіи означавшей высоту откоса и тамъ, выпрямляясь, опускалъ руки, и ноша падала у него съ плечъ и спины. Пріемъ самаго первобытнаго свойства!

Само собою разумѣется, что рабочіе оставались голыми выше пояса и вся эта траншея во время работы представляла зрѣлище весьма плачевнаго свойства: зеленоватая вода стекала изъ этихъ комовъ жидкою грязью и проводила на кожѣ бѣдняковъ узоры, сообразные съ ихъ движеніями. Авторъ письма, изъ котораго мы беремъ это описаніе, оправдываетъ компанію тѣмъ, что она пробовала устроить работу болѣе удобнымъ образомъ, но арабы дѣлали по-своему, «по собственной неосторожности», какъ выражаются у насъ, когда машина втянетъ рабочаго колесомъ и переломаетъ ему кости или отниметъ палецъ.

Но сомнительно, чтобы рабочіе, хотя и арабы, нарочно взялись бы за болѣе неудобный и, разумѣется, вредный для здоровья способъ. Удивляться ли тому, что когда на перешейкѣ появилась холера, то рабочіе валились какъ мухи? Французскіе инженеры устроили-было на днѣ подмостки, на которыхъ должны были находиться рабочіе, и для своза земли дали имъ тачки. Но работать лопатою съ подмостковъ, разумѣется, было неудобно: уменьшалась и сила дѣйствія, когда рабочій стоялъ высоко, и загребать было неловко. Что касается тачекъ, то ихъ арабы вовсе не стали возить, по непривычкѣ или какому-либо неудобству. Когда имъ приказывали дѣйствовать при помощи тачекъ, то, наполнивъ тачку, они брали ее втроемъ на руки, одинъ за колесо, другіе за рукоятки и такъ несли тачку до мѣста, назначеннаго для выгрузки. Бѣдняки, болтаясь въ этой водѣ, таская на голой спинѣ эту жидкую грязь — пѣли! Французскіе инженеры единогласно свидѣтельствовали, что арабы необыкновенно усердные и ловкіе рабочіе, незамѣнимые для земляныхъ работъ, особенно въ томъ климатѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какой организмъ надо, чтобы работать въ этомъ то знойномъ, то дождливомъ климатѣ по десяти часовъ въ сутки описаннымъ образомъ. Впослѣдствіи арабамъ выдали плетеныя торбы и носилки, и на помощь къ лопатамъ явились механическія черпалки. Въ иныхъ мѣстахъ, именно внутри, въ бассейнахъ озеръ, почва такъ жидка, что пришлось обшивать откосы сваями, образуя изъ двухъ рядовъ ихъ стѣну для удержанія выброшенной земли, которая безъ этого сдавливала откосъ и стекала назадъ. Заступъ, лопата, тачка, ручная черпалка и черпалка паровая—вотъ инструменты, употреблявшіеся для этихъ работъ. Паровыхъ черпалокъ было сперва только семь, ихъ выписывали изъ Франціи и Бельгіи. Сверхъ того, съ самаго начала было выписано нѣсколько локомобилей.

Прѣсноводный каналъ начали отъ Гассассины, гдѣ кончался каналъ существовавшій прежде; продолженіе начали нѣсколько отступя, чтобы вода не залила траншею. У холма Эль-Гисръ уже въ 1861 году образовалось селеніе или городокъ, съ церковью, госпиталемъ.

Разнообразіе и трудность работъ, необходимость выписывать изъ-за границы всѣ машины и инструменты, сложность всей этой операціи, въ которую входили и работы, и дипломатія, и интендантская часть, и суда, и госпитали, при тысячахъ рабочихъ и множествѣ спеціалистовъ всѣхъ родовъ, дѣлали необходимою сложную административную организацію. Кромѣ того, французы, какъ извѣстно, охотники до многочисленности инстанцій, однимъ словомъ, до бюрократизма. Вотъ въ главныхъ

чертахъ организація управленія компаніи Суэзскаго канала: въ Парижѣ — совѣтъ компаніи и правленіе (comité de direction), управленіе общей корреспонденціи, управленіе контрольное по счетоводству, управленіе техническаго контроля по покупкамъ и постройкамъ подвижного состава; наконецъ, центральное бюро покупокъ, заказовъ и перевозки, съ отдѣльными спеціалистами, откомандированными къ нѣкоторымъ заводамъ, исполнявшимъ заказы компаніи или для большихъ покупокъ. До сихъ поръ это — сенатъ, комитетъ министровъ и департаменты, съ состоящими по особымъ порученіямъ.

Далѣе — въ Марсели передаточное агентство, которое, принявъ пересылаемые изъ Франціи грузы, направляло ихъ по своему усмотрѣнію въ Александрію или въ Портъ-Саидъ. Затѣмъ мѣстное управленіе, въ Египтѣ; въ Александріи главное агентство, главный инспекторъ; это агентство сносилось съ египетскимъ правительствомъ и, кромѣ общаго управленія, имѣло еще отдѣльныя отрасли: управленіе медицинское, управленіе кассовое, управленіе духовныхъ исповѣданій, управленіе морское. Во всѣхъ главныхъ пунктахъ работъ были медики и госпитали; касса находилась въ каждомъ отдѣленіи, а двѣ главныя кассы — въ Каирѣ и въ Александріи. Въ главные пункты работъ (лагери) были приглашены духовныя лица трехъ главныхъ мѣстныхъ исповѣданій: магометанскаго, православнаго и католическаго, и въ этихъ пунктахъ устроены были по часовнѣ обоихъ христіанскихъ исповѣданій и мечеть. Масса людей на работахъ и въ службѣ компаніи обусловливала исполненіе всѣхъ требъ: и вѣнчанія, и крещенія, и похоронъ. Морская часть состояла уже въ 1861 г. изъ 32 судовъ, по большей части бриговъ. Они были куплены, снаряжены и вооружены компаніею; шкипера и экипажи ихъ состояли по бо̀льшей части изъ египтянъ и грековъ. Одно изъ судовъ было паровое.

Независимо отъ всѣхъ этихъ управленій, подъ начальствомъ главнаго директора работъ, состояли еще центральное техническое управленіе и контора счетоводства. Независимо отъ всего этого, агентство главнаго подрядчика работъ со всѣми такими же подраздѣленіями, какъ и инженерные участки, и съ конторою счетоводства.

Наконецъ — интендантская часть сама по себѣ, раздѣленная на двѣ инспекціи и т. д. Вотъ какова машина! Слѣдуетъ, конечно, принять во вниманіе, что рабочихъ было до тридцати тысячъ человѣкъ, которыхъ надо было кормить, и лечить, и хоронить, нерѣдко; но при всемъ этомъ и даже при необыкновенной сложности всего этого предпріятія въ степи, — все-таки админи-

страція была слишкомъ многоярусна, и едвали хоть одинъ ярусъ не былъ приданъ собственно подъ вліяніемъ національнаго вкуса въ административныхъ постройкахъ.

Интендантская часть обнимала, кромѣ провіанта, самые разнообразные предметы, потому что на мѣстахъ работъ, разумѣется, купить нельзя было ничего. Кромѣ инструментовъ и матеріаловъ для работъ, компанія должна была снабжать служащихъ еще и всѣми рѣшительно предметами потребности. Въ одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ книгѣ, число *званій* предметовъ, помѣщавшихся въ компанейскихъ магазинахъ, показано болѣе 1,100: мебель, бѣлье и одежда, обувь, постельныя вещи, всякіе припасы, веревки, деготь, жиры, желѣзо, дерево и проч. и проч.

Арабы-рабочіе получали опредѣленные раціоны сухарей, лука, бобовъ, прованскаго масла и риса, а старосты еще кофе и сахаръ. Съ 1861 года ихъ было уже 12 тысячъ человѣкъ, и европейскихъ рабочихъ до 4 тысячъ. Впослѣдствіи числа эти возросли, какъ мы уже сказали. Въ началѣ 1862 года рабочихъ изъ туземцевъ было до 20 тысячъ человѣкъ. Перевозка припасовъ внутри страны производилась на верблюдахъ; прѣсноводный каналъ, соединившій Нилъ съ озеромъ Тимсахъ въ 1862 году, отстоялъ верстъ на десять отъ Эль-Гисра, одного изъ главныхъ пунктовъ работъ. Всю воду туда надо было возить. У компаніи было болѣе 1,800 верблюдовъ. Считая всѣ издержки на снабженіе прѣсною водою (верблюды, содержаніе людей и проч.) выходило, что одна вода на каждаго человѣка стоила компаніи 10 коп. въ день, всего на однихъ арабовъ 2,000 рублей въ день. Это измѣнилось впослѣдствіи, когда установилось водяное сообщеніе. Въ письмахъ, помѣщенныхъ въ книгѣ Ритта, изображены разныя случайности, которымъ подвергались транспорты, напримѣръ: верблюды съ водою шли караванами; если караванъ заблудится, то все селеніе остается безъ воды. А на водяномъ сообщеніи тоже бывали неожиданныя препятствія; отправившись на лодкѣ по морскому или прѣсноводному каналу, случалось встрѣтить какіе-нибудь плоты, оставленные рабочими; тогда приходилось бросать лодку и идти по степи пѣшкомъ. Мы уже не говоримъ о наводненіяхъ, которыя въ сѣверномъ участкѣ были нерѣдки и причиняли несчастія. Упомянувъ объ участкѣ, замѣтимъ, что производство всѣхъ работъ было раздѣлено на три участка: порт-саидскій (сѣверный); эль-гисрскій (южный) — по морскому каналу, и участокъ прѣсноводнаго (рѣчного) канала.

Самую трудную часть работъ представляли, конечно, прорѣзы песчаныхъ холмовъ или валовъ. Для этого употреблялись и аппараты и простой способъ сноса въ торбахъ и на носилкахъ. Ме-

ханическихъ аппаратовъ придумано было нѣсколько: аппаратъ Балланда, представлявшій родъ коромысла, поставленнаго на устьяхъ по откосу; по рукамъ или вѣтвямъ этого коромысла ходили два маленькіе вагона, такъ что одинъ сбѣгалъ въ траншею, гдѣ и наполнялся, въ то время, какъ другой поднимался изъ траншеи и, сбѣгая на край откоса, опоражнивался отъ своего груза; другой аппаратъ—«безконечное полотно»—парусина, натянутая на два барабана, приводимые въ движеніе локомобилемъ; рабочіе внизу бросали на эту парусину вынутую землю и парусина поднимала ее на верхъ откоса, откуда она и спадала по мѣрѣ того, какъ парусина завертывалась подъ барабанъ. Но простой способъ сноса на носилкахъ или въ торбахъ оказывался практичнѣе этихъ аппаратовъ.

Мы говорили выше, что туземные жители поочередно исполняли эти работы какъ повинность. Египетское правительство присылало ихъ партіями, смѣняя ихъ каждый мѣсяцъ, такъ какъ рабочіе эти были земледѣльцы, которыхъ нельзя было отлучать отъ домовъ на продолжительное время. Рабочихъ сгоняли не только изъ ближайшихъ мѣстностей, ихъ посылали и изъ Верхняго Египта. Такіе бѣдняки, кромѣ мѣсяца на работахъ, теряли еще дней по пяти и болѣе въ пути, хотя ихъ и перевозили по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ. Такимъ образомъ, у земледѣлія постоянно отнято было не только 20 тысячъ или болѣе рабочихъ, состоявшихъ на работахъ, но еще и то число, которое находилось постоянно въ пути, на смѣну наличнымъ.

Изъ каждаго селенія, назначеннаго для отбыванія повинности, рабочіе являлись партіею или артелью, со старостой (шейхомъ); они брали съ собою нѣкоторый запасъ провіанта, собственно на дорогу, и одѣяла. Все остальное они получали по прибытіи на пункты работъ отъ компаніи. Жители ближайшихъ мѣстностей, свыкшись съ работами, шли охотно на заработокъ и являлись добровольно, въ такое время, когда земледѣліе давало имъ досугъ. Въ знойное время работы были чрезвычайно тяжки. Работать лопатою въ глубокомъ песчаномъ рву, который накалялся со всѣхъ сторонъ и, такъ сказать, удерживалъ въ себѣ отвѣсные лучи солнца — сперва казалось почти невыносимо, потому что человѣкъ чуть не задыхался только-что спустившись туда. Съ часа пополудни начиналъ дуть свѣжій вѣтерокъ съ моря. Лѣтомъ въ самое жаркое время дня не работали. Эпидеміи, конечно, нельзя было избѣгнуть въ этомъ климатѣ и при большомъ скопленіи рабочихъ, такъ напр. у Эль-Гисра было шесть эпидемій(?) — рфей. Въ 1861 году, лѣтомъ, появился тифъ, но принятыми

мѣрами былъ остановленъ, изолированъ въ одной изъ этихъ верфей.

Къ осени 1862 года было уже готово 68 верстъ морского канала, и всѣ усилія были устремлены на прорытіе остальныхъ 8-ми верстъ до озера Тимсахъ, чтобы открыть сообщеніе между нимъ и моремъ. Наконецъ, 18-го ноября, два возникавшія селенія Эль-Гисръ и Тимсахъ (этому послѣднему дали имя Измаиліи) наполнились «высокими» путешественниками, прибывшими для этой церемоніи, для празднованія перваго очевиднаго успѣха Лессепса. Пріѣхалъ самъ онъ съ гостями, т. е. съ консулами и «почетными иностранцами», на особомъ поѣздѣ желѣзной дороги изъ Каира въ Загазигъ. Разумѣется, съ Лессепсомъ былъ и весь штабъ его. Зрѣлище, какое представило это торжество, было въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, замѣчательно не тріумфальною аркою и кіоскомъ для высокихъ посѣтителей, но пестротой и живописностію этой массы людей всѣхъ націй, рабочихъ арабовъ и европейцовъ, людей въ мундирахъ, женщинъ и дѣтей, верблюдовъ, военныхъ музыкантовъ на верблюдахъ въ красныхъ попонахъ, и проч. На откосахъ были устроены эстрады, но на далекое разстояніе въ обѣ стороны откосы были покрыты сплошною массою людей, помѣстившихся кто гдѣ могъ, иные въ небезопасныхъ положеніяхъ.

«Отъ имени его высочества Магомета-Саида, повелѣваю, чтобы воды Средиземнаго моря были впущены въ озеро Тимсахъ, и призываю Божію милость», возгласилъ Лессепсъ. Тогда люди взялись за заступы и въ нѣсколько минутъ выкопана была широкая борозда по срединѣ остававшейся плотины. Едва рабочіе успѣли убраться оттуда, какъ масса воды, бросившись въ открытый жолобъ, напоромъ своимъ раздвинула его шире, повлекла за собою песокъ и сломивъ остальную часть преграды, полилась чрезъ прорытый валъ. Музыка, крики, выстрѣлы арабовъ, въ знакъ торжества, и такъ далѣе. Вечеромъ плотину опять заперли, чтобы сохранить воду въ прорытой части канала. Эта часть, отъ Порта-Саида до озера Тимсахъ, составляла уже 75 верстъ.

Замедленіе работъ произошло, какъ мы видѣли, во-первыхъ, отъ политическихъ затрудненій, благодаря которымъ онѣ оставались прерваны почти годъ, такъ что къ концу 1862 года можно считать времени, дѣйствительно употребленнаго на работы, всего два съ половиною года; во-вторыхъ, оттого, что египетское правительство, въ первые полтора года, присылало гораздо меньше туземныхъ рабочихъ, чѣмъ было обѣщано. Исправная присылка рабочихъ началась только въ 1862 году. Наконецъ, самое пріобрѣтеніе, доставка и установка подвижного состава,

наборъ механиковъ во Франціи, плотниковъ въ Италіи, Далмаціи и Черногоріи, матросовъ въ Греціи — все это потребовало не малаго времени. Къ концу 1862 года, компанія имѣла уже десять рабочихъ поселеній; въ Портъ-Саидѣ было уже 150 домовъ, частію кирпичныхъ (устроенъ былъ свой кирпичный заводъ), въ Кантарѣ 25 домовъ, въ Эль-Гисрѣ — 30 домовъ, и арабская деревня, вездѣ госпитали, церкви, магазины и т. д. Гавань въ Портъ-Саидѣ была покамѣстъ небольшая и для пріема тяжелыхъ грузовъ устроенъ былъ, въ ожиданіи дамбъ, островокъ на сваяхъ, въ 400 метрахъ отъ берега. Работы по каналу, какъ мы сказали, представлялись 75-ю верстами узкой, но наполненной водою, траншеи морского канала, и 36 верстами канала рѣчного. Рабочихъ-арабовъ было уже 26 тысячъ чел., до 6 т. рабочихъ набранныхъ изъ разныхъ націй, по найму.

Отношенія Англіи къ дѣлу Лессепса все еще были неблагопріятны, хотя на мѣстѣ лорда Редклиффа былъ уже другой посланникъ, сэръ Генри Бульверъ. Но англійскій генеральный консулъ въ Александріи, посѣтивъ однажды работы, сказалъ французскимъ инженерамъ самую сочувственную рѣчь и выразилъ полную готовность содѣйствовать.

V.

По смерти Магомета-Саида, 17-го января 1863 года, ему наслѣдовалъ Измаилъ-паша, и въ его честь, городокъ при озерѣ Тимсахъ и былъ названъ Измаилія. Возрастанію Измаиліи помогло обстоятельство вначалѣ не очень благопріятное для успѣха работъ: дѣло въ томъ, что главный подрядчикъ работъ, Гардонъ, нашелъ рѣшительно невыгодными для себя условія, заключенныя имъ съ компаніею, такъ какъ въ особенности операція подводныхъ работъ стоила гораздо дороже, чѣмъ можно было предвидѣть. Онъ удалился, по полюбовному соглашенію, и работы были поведены въ первое время хозяйственнымъ способомъ, то-есть поступили вполнѣ въ непосредственное завѣдываніе компанейскаго агентства. Для этого понадобилось управленіе, бывшее въ Даміеттѣ, на берегу Средиземнаго моря, перенести поскорѣе въ центръ работъ, именно въ Измаилію, что̀ и содѣйствовало развитію этого городка. Современемъ, онъ можетъ стать важнымъ торговымъ пунктомъ, благодаря именно своему центральному положенію.

Въ Портъ-Саидѣ между тѣмъ съ большою энергіею производились работы по устройству гавани. Паровыя черпалки без-

остановочно работали, углубляя гавань, и опрокидывая землю въ ящики, которые опрокидывали свой грузъ въ вагоны; а вагоны, въ свою очередь, отправлялись по рельсамъ къ дамбамъ и, сваливъ тамъ землю, возвращались назадъ. Заказы машинъ въ Европѣ продолжались. Къ 24-мъ механическимъ черпалкамъ, бывшимъ уже въ дѣйствіи, заказано было, въ 1863 году, во Франціи еще 20. Но всѣ эти машины и инструменты необходимо было чинить на мѣстѣ; сверхъ того, было, конечно, признано выгоднымъ часть механическихъ принадлежностей дѣлать на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого въ Портъ-Саидѣ, въ 1863 году, устроены были огромныя механическія мастерскія, которыя заняли поверхность въ 30,000 кв. метровъ. Тутъ есть и литейныя, и слесарныя, и котельныя и всякія механическія заведенія. Между тѣмъ, работы по прорытію морского канала начались уже къ югу отъ озера Тимсаха, а также начаты были вѣтви прѣсноводнаго канала отъ Измаиліи до Порта-Саида и къ Суэзу. Эту послѣднюю вѣтвь необходимо было окончить прежде, чѣмъ начинать работы на южной части морского канала, такъ какъ доставка прѣсной воды по желѣзной дорогѣ стоила бы слишкомъ дорого. На эту южную вѣтвь прѣсноводнаго канала обратили 15 т. человѣкъ, и арабы занимались этою работою съ особымъ усердіемъ, такъ что, въ декабрѣ 1863 года, прѣсноводный каналъ, отведенный отъ Нила при Нефишѣ, дошелъ уже до Суэза и былъ открытъ съ обыкновенною церемоніею.

На Портъ-Саидъ рѣчную воду полагали весть въ глиняныхъ трубахъ, но потомъ, вмѣсто глиняныхъ трубъ, употребили въ дѣло трубы чугунныя, заказанныя въ Шотландіи. Пришлось весть оттуда на перешеекъ и здѣсь на мѣста кладки 20,000 водопроводныхъ трубъ, нужныхъ для разстоянія въ 80 верстъ. На мѣстахъ ихъ везли верблюды, съ разными приключеніями. Машины водоснабженія установлены были въ Измаиліи, такимъ образомъ: изъ рѣчного канала узкая обводная канава отдѣляется недалеко отъ города и снабжаетъ машины въ Измаліи, которыя, по водопроводу, продовольствуютъ ею Эль-Гисръ, Кантару и Портъ-Саидъ; въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ устроенъ резервуаръ. Размѣръ требуемаго каждымъ пунктомъ количества воды (воду все-таки необходимо экономничать, такъ какъ она вся берется изъ Нила) сообщается въ Измаилію по телеграфу.

Въ это время важная работа по прорѣзу вала въ Эль-Гисрѣ, была сдѣлана только на одну треть, а прорѣзъ вала Серапеумъ только-что былъ начатъ; что касается вала—Шалуфа, то на немъ работы еще и не начинались. Окончивъ отводный каналъ изъ Нила къ Суэзу, компанія распредѣлила главныя силы ра-

бочихъ на трехъ пунктахъ: въ Кантарѣ, Туссумѣ и у Шалуфа, для того, чтобы энергически приняться за прорѣзы трехъ песчаныхъ валовъ: Эль-Гисра, Серапеума и Шалуфа, какъ вдругъ получено было извѣстіе, что новый вице-король хочетъ отмѣнить присылку туземныхъ рабочихъ.

Не мудрено угадать, откуда исходилъ этотъ новый ударъ, нанесенный французской компаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что повинность по работамъ канала была крайне тяжела для феллаховъ, особенно изъ отдаленныхъ мѣстностей, но едвали именно человѣколюбіе оказало наибольшее вліяніе на Измаила-пашу. Это была послѣдняя попытка «старой Англіи». Человѣколюбіе, какъ бы оно ни было сильно въ сердцѣ восточнаго владѣтеля, не дало бы Измаилу-пашѣ смѣлости отказаться отъ исполненія одной изъ главныхъ статей формальнаго договора его предшественника съ компаніею; этой статьею опредѣлялось, что четыре-пятыя всего числа нужныхъ рабочихъ будутъ поставляемы египетскимъ правительствомъ.

Какъ бы то ни было, и изъ какого бы источника ни происходило рѣшеніе Измаила отмѣнить эту тяжелую повинность, ему можно только сочувствовать. Но нельзя не признать, что для Лессепса это былъ тяжкій ударъ. Откуда было взять столько рабочихъ? Сколько надо было платить вольнонаемнымъ? Наконецъ, все это обусловливало новое промедленіе работъ и должно было измѣнить многія коренныя условія устройства всего дѣла; и мы скоро увидимъ, какимъ образомъ.

Лессепсъ ничего не могъ возразить противъ довода, что работы канала отвлекаютъ огромное число рукъ отъ земледѣлія. Разсчитывали, что эти работы постоянно лишаютъ земледѣліе шестидесяти тысячъ рабочихъ. Лессепсъ ограничился возраженіемъ только противъ обвиненій: по его исчисленію, рабочихъ отнималось постоянно у земледѣлія не болѣе 30 тысячъ человѣкъ, считая наличный контингентъ, и контингентъ находящійся въ пути въ теченіи 6 дней (среднее разстояніе). Онъ напоминалъ также, что французская компанія всегда исправно платила туземцамъ-рабочимъ, хорошо содержала и лечила ихъ, и вообще обращалась съ ними человѣколюбиво; за всѣмъ тѣмъ, онъ преклонялся предъ рѣшеніемъ правительства отмѣнить повинность, но, разумѣется, потребовалъ денежнаго вознагражденія. Вице-король положился, для опредѣленія суммы этого вознагражденія, на личный приговоръ императора Наполеона, и императоръ опредѣлилъ его въ 30 милліоновъ франковъ.

При этомъ случаѣ посредническому рѣшенію императора французовъ были предоставлены также вопросы о возвратной

уступкѣ отъ компаніи египетскому правительству, по желанію его, рѣчного канала, устроеннаго компаніею и всѣхъ земель по берегамъ этого канала, первоначально уступленныхъ компаніи на 99 лѣтъ, наравнѣ съ рѣчнымъ и морскимъ каналами. Вознагражденіе за обратную уступку прѣсноводнаго канала было опредѣлено въ 16 милл. фр. Но особенно важно было возвращеніе правительству земель, занятыхъ по берегамъ морского канала — чего также требовало правительство; но это имѣло особенно важное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ на этихъ берегахъ устроено было нѣсколько поселеній, даже городовъ и возведено много всякаго рода построекъ. Это уже значило отказываться отъ владѣнія въ теченіи вѣка маленькою областью. Вознагражденіе по этому пункту было опредѣлено въ 38 милл. фр.

Такимъ образомъ, египетское правительство обязалось уплатить компаніи дополнительно 84 милліона фр. Къ счастію, собственно для компаніи, она еще до отмѣны повинности заключила съ нѣсколькими предпринимателями контракты но подряду главнѣйшихъ работъ, такъ что значительная часть хлопотъ по набору вольныхъ рабочихъ нала на подрядчиковъ. Контракты эти были: по прорытію Эль-Гисра,—съ предпринимателемъ Куврѐ; по устройству дамбъ въ Портъ-Саидѣ, — съ братьями Дюссо; по углубленію морского канала на первыхъ 60 километрахъ отъ Портъ-Саида и окончанію углубленія самой гавани, — съ англичаниномъ Айтономъ; наконецъ по всѣмъ работамъ южной части канала, отъ озера Тимсаха до Суэза, — съ французскими строительными подрядчиками Борелемъ [1]), Лавалле и К°. Вскорѣ, когда Айтонъ отказался отъ своего подряда, Борель, Лавалле и К° взяли на себя и работы въ Портъ-Саидѣ.

Прямымъ послѣдствіемъ отмѣны контингента туземныхъ, обязанныхъ рабочихъ, было сокращеніе интендантской части, которая существовала главнымъ образомъ именно для нихъ. Въ поселеніяхъ, возникшихъ на перешейкѣ, стали уже открываться вольныя лавки, а компанія Бореля заключила для продовольствованія своихъ рабочихъ контрактъ съ однимъ французскимъ торговымъ домомъ. Другимъ послѣдствіямъ отмѣны туземныхъ контингентовъ была необходимость введенія правительственной полиціи. Пока рабочіе были туземцы, судъ и расправа производились ихъ же шейхами. Но теперь, когда на перешейкѣ появились массы людей всѣхъ націй, пришлось ввесть полицейскій

[1]) Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы прочли въ газетахъ извѣстіе о смерти этого помощника Лессепса.

надзоръ, и перешеекъ былъ обращенъ въ особую провинцію, губернаторомъ которой былъ назначенъ Измаилъ-бей.

Возвратимся къ работамъ. На Эль-Гисрѣ предстояло: во-первыхъ, прорѣзать валъ до уровня воды; во-вторыхъ, провесть каналъ на этомъ мѣстѣ, такъ что надо было снести и вынуть около 5 милл. куб. метровъ песку и земли. Вотъ какъ производились подобныя работы: сперва снесутъ лопатами и въ тачкахъ верхній пластъ песку, такимъ образомъ, чтобы на холмѣ образовалось нѣсколько широкихъ уступовъ или этажей; эти этажи соединятъ спусками (рампами) для сообщенія; по каждому уступу укладываютъ пять параллельныхъ рядовъ рельсовъ; по двумъ заднимъ рядамъ этихъ рельсовъ ходятъ поѣзды вагоновъ, свозящихъ извлеченную землю; на первыхъ же трехъ рядахъ рельсовъ, то-есть на самомъ обрывѣ уступа, становится выгребальная машина — экскаваторъ.

Экскаваторъ, изобрѣтенный однимъ изъ инженеровъ взявшихъ подрядъ, г. Куврёромъ, есть локомотивъ съ тремя рядами колесъ, которыми онъ и ходитъ по переднимъ рельсамъ. На боковой части этого локомотива приводятся въ движеніе его же машиною цѣпи ковшей или совковъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, какъ бусы въ четкахъ. Эта цѣпь совковъ движется въ плоскости наклонной къ обрыву, такимъ образомъ, что совки поочередно хватаютъ песокъ и потомъ, поднимаясь поверхъ локомотива, опрокидываютъ захваченный песокъ въ вагоны, поставленные, какъ мы сказали, на одномъ изъ заднихъ рядовъ рельсовъ, параллельныхъ съ тѣми, на которыхъ стоитъ локомотивъ. Вагоны одинъ за другимъ подходятъ къ экскаватору, и когда изъ нихъ составится цѣлый поѣздъ, тогда по спуску поднимается особый локомотивъ, беретъ этотъ поѣздъ и ведетъ его до мѣста разгрузки, для чего внизу рельсы идутъ лучами отъ холма въ разныя стороны.

Другое примѣненіе экскаватора было къ подводной выемкѣ; черпалки стоятъ на водѣ, но экскаваторъ становился на берегу, съ тѣми же пріемами, какъ сказано выше, только цѣпи его ковшей давали иное положеніе, такъ что они могли погружаться до 2 метровъ подъ воду. На Эль-Гисрѣ семь экскаваторовъ занято было сухою раскопкою, а одинъ водяною выгребкою. Однихъ вагоновъ для свозки было здѣсь до тысячи, да десятокъ локомотивовъ.

Только-что компанія успѣла устроить себѣ полный составъ новыхъ рабочихъ, навербованныхъ по всей Италіи, въ Греціи, Черногоріи, Германіи, Франціи и Алжирѣ, и пріучить этихъ рабочихъ къ дѣлу, какъ появилось новое, страшное препятствіе —

холера. Это было лѣтомъ 1865 года. Прошли обратно караваны пилигримовъ изъ Мекки, оставивъ за собою горы гніющихъ жертвоприношеній. За караванами подулъ въ Египетъ вѣтеръ и принесъ холеру.

Работы на перешейкѣ, какъ мы говорили, обыкновенно производились десять часовъ въ день. Но какъ только пришло извѣстіе о холерѣ, онѣ были сокращены на часъ, а потомъ на два часа, такъ что рабочіе собирались въ 5 часовъ утра и работали до $9\frac{1}{2}$, а потомъ являлись опять въ $2\frac{1}{2}$ часа пополудни и работали до 6 часовъ. Назначена была раздача порцій кофе и другихъ подкрѣпительныхъ напитковъ. Уже недѣли двѣ холера была въ Египтѣ, а на работахъ не было смертного случая. Но наконецъ пришла очередь и на компанейскихъ рабочихъ. Самое то обстоятельство, что пронесся слухъ о безопасности на рабочихъ участкахъ, побудило окрестныхъ жителей бѣжать туда, и это ускорило появленіе эпидеміи среди рабочихъ. Когда она открылась, между рабочими распространилась паника и они стали бѣгать, особенно греки. Бѣжали они сами не зная куда, бѣжали отъ хорошо-устроенныхъ госпиталей, въ степь, къ морю, часто пѣшкомъ, подъ страшнымъ іюньскимъ солнцемъ, неся на себѣ всѣ свои пожитки. Толпа бѣглецовъ усѣяла своими трупами 80 верстъ разстоянія отъ главнаго центра работъ до Портъ-Саида. Лессепсъ, который еще въ молодости такъ энергично боролся съ чумою, тотчасъ явился изъ Франціи въ Загазигъ, потомъ въ Портъ-Саидъ, гдѣ собрались толпы бѣжавшихъ къ морю. Онъ и не пробовалъ остановить ихъ, что было невозможно, но занялся напротивъ отправленіемъ ихъ на судахъ вонъ изъ Египта. Въ самомъ Портъ-Саидѣ не было несчастныхъ случаевъ, вѣроятно благодаря вѣтру съ моря.

Половина всего состава рабочихъ бѣжала. Изъ оставшихся въ пунктахъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія, умерла *десятая часть*. Въ Измаиліи всего населенія было менѣе 2,000 человѣкъ; изъ нихъ умерло 219! Умерло нѣсколько инженеровъ и докторовъ. Лессепсъ побывалъ во всѣхъ рабочихъ поселеніяхъ и посѣщалъ госпитали. Нельзя не указать, какъ на блестящій примѣръ французскаго point d'honneur, что весь составъ служащихъ (въ предпріятіи *частномъ*) остался на мѣстѣ. Изъ строя выбыли только тѣ, которыхъ взяла холера. Эпидемія продолжалась на рабочихъ участкахъ всего три недѣли. Въ началѣ іюня она стала уменьшаться, въ половинѣ прекратилась. Предпріятіе восторжествовало и надъ этимъ непредвидѣннымъ препятствіемъ.

Работы скоро возобновились. Усиленная дѣятельность была употреблена на то, чтобъ поскорѣе установить возможность хотя

косвеннаго, но все-таки непрерывно-водяного сообщенія между морями. Это значило окончательно доказать Европѣ, что дѣло возможно и что оно непремѣнно будетъ приведено къ окончанію. Для установленія такого косвеннаго транзита стоило только сообщить рѣчной каналъ съ морскимъ въ Измаиліи, тогда представился бы путь по морскому каналу отъ Порта-Саида до Измаиліи, а отъ Измаиліи по рѣчному каналу до Суэза. Но такъ какъ уровни Нила (а стало быть и отводнаго рѣчного канала) и морского канала неодинаковы, то надо было сдѣлать двое шлюзовъ, каждый съ паденіемъ въ 3 метра; шлюзы эти были соединены особою канавою. Шлюзы въ Измаиліи были открыты 15-го августа 1865 года съ обычною церемоніею, въ присутствіи Лессепса, и флотилія легкихъ судовъ, прибывшая для этого случая со Средиземнаго моря, отъ Портъ-Саида, вступила въ Нилъ. Задача была рѣшена въ главныхъ чертахъ; путь былъ проложенъ, только воды въ то время было еще мало.

Такимъ образомъ, къ концу 1865 года было уже сдѣлано очень много. Устроенъ водопроводъ отъ Измаиліи до Портъ-Саида, на разстояніи 80 верстъ, со всѣми машинами для водоснабженія; проведенъ отводный каналъ изъ Нила къ Суэзу, на протяженіи почти 100 верстъ; въ Суэзѣ также устроенъ шлюзъ вслѣдствіе неравности рѣчного и морского уровня. Морской каналъ отъ Портъ-Саида до Измаиліи (на озерѣ Тимсахъ) былъ значительно углубленъ. Наконецъ приступлено было и къ главнымъ, остававшимся работамъ по морскому каналу: къ прорѣзу Серапеума и Шалуфа. Сверхъ того, по всему перешейку было устроено правильное почтовое и телеграфное сообщеніе. Портъ-Саидъ въ это время имѣлъ уже 7,000 жителей, а въ гавани его перебывало 1,800 судовъ 15-ти различныхъ націй. Въ самой Измаиліи, такъ сильно пострадавшей отъ холеры, населеніе скоро достигло до 3,000 душъ. Въ тоже время продолжались заказы для усиленія подвижного состава: 30 новыхъ черпалокъ, 55 паровыхъ лодокъ для своза земли и т. д. Число пароходовъ компаніи дошло уже до 35.

Путешественники изъ Европы являлись чаще и чаще для осмотра работъ; въ 1864 году пріѣзжалъ принцъ Наполеонъ, въ 1865 году, до открытія сообщенія рѣчного и морского каналовъ, собирался для осмотра сдѣланныхъ для этого работъ цѣлый международный конгрессъ.

VI.

Прорѣзъ песчаныхъ холмовъ или валовъ: Серапеума и Шалуфа,—вотъ что̀ предстояло исполнить затѣмъ. Работы на Шалуфѣ, какъ мы сказали, начались еще въ 1864 году, и въ результатѣ ихъ оказался непріятный сюрпризъ: подъ песчанымъ холмомъ оказалась скала, настоящій каменный мостъ (вспомнимъ, что тутъ же и перешли израильтяне), или стѣна болѣе 8 метровъ глубиною, такъ что собственно въ клѣткѣ, начертанної для канала, оказалось этой скалы около 25 т. куб. метровъ. Камень этотъ очень крѣпкій и совладать съ этимъ препятствіемт было невозможно безъ помощи взрывовъ порохомъ. Для этого понадобились горные рабочіе, и 600 человѣкъ ихъ было выписано изъ Піемонта. Еслибы папа допускалъ то значеніе, какое имѣлъ каменный мостъ Шалуфа въ предположеніи о переходѣ чрезъ него израильтянъ во время отлива водъ Чермнаго моря, то онъ еще разъ наложилъ бы интердиктъ на безбожный Піемонтъ, откуда выходятъ разрушители всего святого, истинные «иконокласты во имя прогресса».

По мѣрѣ того, какъ скалу эту взрывали порохомъ, въ отверстіе ползли рельсы и мало-по-малу распространялись внутри скалы лучами, такъ что когда горные рабочіе взрывали новый осколокъ скалы, къ нему тотчасъ подъѣзжалъ вагонъ и увозилъ его куда слѣдуетъ. Настоящая битва, желѣзныхъ дорогъ съ труднѣйшими препятствіями природы, битва, въ которой желѣзные пути являлись не результатомъ чужихъ усилій, а именно орудіями, инструментами усилій, какъ бы настоящими рабочими, которые передвигались съ одного мѣста на другое, то всползали на вершину холмовъ, то спускались въ траншеи и уносили жидкую землю со дна: порохъ, соединенный съ паромъ, прокладывалъ сквозь песчаные холмы и скалу путь водѣ. Взрывы пороха, гулъ паденія камней въ желѣзные вагоны, клокотаніе воды, вырывавшейся снизу стремительными фонтанами въ каменныхъ просѣкахъ, наконецъ, пыхтѣніе пара, которымъ дѣйствовали могучія насосы, хватая эту воду въ устроенныхъ для нея отводныхъ желобахъ—какая музыка, и какое зрѣлище! Все это происходило глубоко внизу: и видѣть ту битву, которая отзывалась въ этихъ звукахъ, можно было только съ высоты саженей шести, стоя на краю лѣсовъ.

Неожиданное препятствіе, оказавшееся въ Шалуфѣ, возбу-

дило опасеніе, что и въ другихъ пунктахъ линіи канала въ южномъ участкѣ можетъ встрѣтиться что-нибудь подобное. Вслѣдствіе того, по новымъ изученіямъ, направленіе южной части нѣсколько измѣнили, поведя каналъ къ Суэзскому порту кривою линіею. Мы не будемъ описывать работъ по прорѣзу Серапеума и вообще не станемъ болѣе разсказывать подробностей работъ, такъ какъ читатель уже могъ ознакомиться до сихъ поръ со всѣми способами, какими производились главные роды работъ по прорытію Суэзскаго канала.

Къ концу 1867 года, каменныя дамбы, которыми защищена гавань Портъ-Саида съ восточной и западной стороны, выдвинулись уже въ море одна на $1^1/_2$, другая на 2 версты (для кладки этихъ дамбъ потребовалось сдѣлать 250 тысячъ куб. метровъ кусковъ); холмъ Эль-Гисръ былъ уже совершенно прорѣзанъ и оставалось только углубить проходъ, имѣвшій еще только 2 метра глубины; шалуфская скала была уже окончательно снята. Подвижной составъ, какимъ располагала компанія къ концу 1867 года, позволялъ извлекать среднимъ числомъ по 1 милліону 300 т. куб. метровъ земли въ теченіи мѣсяца. Но къ началу 1868 года прибыло еще большое число сильныхъ машинъ: экскаваторовъ, черпалокъ и т. д., такъ что въ 1868 году разсчитывали извлекать земли по 2 милл. куб. метровъ въ мѣсяцъ. А такъ какъ всего оставалось извлечь около 40 милліоновъ куб. метр., то по этому-то разсчету еще съ мая 1867 года назначали открытіе всего Суэзскаго канала на октябрь 1869 года.

Въ концѣ 1867 года, компанія Суэзскаго канала объявила подписку на заемъ въ 100 милліоновъ для окончанія работъ. По этому поводу необходимо бросить взглядъ на финансовую сторону предпріятія. По первоначальной смѣтѣ, какъ сказано выше, вся сумма расходовъ была предположена въ 200 милл. фр. Къ этой суммѣ, вырученной частію подпиской, а по большей части отъ продажи акцій египетскому правительству, присоединились, полученные отъ того же правительства, добавочные 84 милл. фр. вознагражденій, о которыхъ мы тоже упомянули выше. Прибавивъ къ этимъ цифрамъ 100 милл. фр., потребованныхъ займомъ, образовался бы итогъ въ 384 милл. фр., т. е. почти вдвое противъ первоначальной смѣты. Авторъ разсматриваемой книги доказываетъ, что увеличеніе издержекъ произошло главнымъ образомъ не по винѣ компаніи и не въ такомъ размѣрѣ. Во-первыхъ, цифра 84 милл. фр. представляетъ итогъ вознагражденій за отмѣну натуральной повинности работъ, уступку рѣчного ка-

нала и земель по берегамъ морского канала; во-вторыхъ, независѣвшія отъ компаніи причины, замедливъ работы на четыре года, увеличили ея издержки на лишнихъ 40 милл. фр., заплаченныхъ по акціямъ процентовъ, между тѣмъ какъ дохода не поступало. Что касается вознагражденія, то въ суммѣ 84 милл., какъ извѣстно, заключались 30 милл. фр., заплаченныхъ компаніи собственно за отмѣну обязательнаго труда. Но по увѣренію г. Ритта, компанія переплатила вольнымъ рабочимъ не 30, а 60 милл. фр. Изъ всего этого онъ выводитъ заключеніе, что, вмѣстѣ съ новыми 100 милл. фр., издержка на работы Суэзскаго канала превзошла первоначальное исчисленіе на 27% всего расхода.

Считаемъ лишнимъ возражать противъ этого разсчета, но не можемъ не сдѣлать замѣчаній о двухъ изъ его элементовъ. Что компанія заплатила лишнихъ 40 милл. акціонѣрамъ за 4 года промедленія работъ, это безспорно, такъ какъ, вмѣсто 6 лѣтъ, на работы потребовалось 10 лѣтъ (что впрочемъ вовсе не много сравнительно съ громадностію предпріятія; да можетъ быть и на 11 годъ компанія еще не получитъ 10 милл. дохода, которые покрыли бы сумму ежегодныхъ процентовъ на акціи; извѣстно, что нѣкоторые пункты еще требуютъ углубленія, да и вообще работы съ нынѣшнимъ открытіемъ морского канала, еще далеко не будутъ кончены). Но едва-ли все это промедленіе произошло независимо, если не отъ вины компаніи въ веденіи работъ, то отъ вины первоначальнаго исчисленія достаточнаго будто бы для нихъ времени. Политическія препятствія промедлили работы только на годъ; затѣмъ, если сложить перерывы работъ отъ отмѣны натуральной повинности и отъ холеры, то все-таки далеко не выйдетъ четырехъ лѣтъ.

Другое замѣчаніе будетъ касательно цифры переплаты за вольный трудъ. Мы, къ сожалѣнію, не находимъ у г. Ритта, сколько издерживала компанія на каждаго туземца—обязаннаго работника, считая плату и платье. Вмѣсто такого положительнаго извѣстія, мы находимъ у г. Ритта только свѣдѣніе, что рабочіе-арабы были всегда довольны компаніею. Но если компанія передержала на вольный трудъ 60 мил. фр въ теченіи 5 лѣтъ, то-есть по 12 милл. фр. въ годъ, то на каждаго изъ 20 т. прежнихъ обязанныхъ рабочихъ эта переплата составитъ въ годъ 150 рублей, т. е. около 50 к. въ рабочій день. Сколько же получали обязанные рабочіе, если вольнымъ землекопамъ пришлось *прибавить* противъ нихъ по полтиннику въ день? Должно быть, если арабы и были довольны, то собственно гу-

мянностію французскихъ инженеровъ, а не щедростію компаніи.

Лессепса, конечно, нельзя упрекать за это: онъ человѣкъ принадлежащій къ категоріи Колумбовъ и Васко-да Гама, къ категоріи завоевателей, живущихъ одною идеею; завоеватель для осуществленія дѣла меньшей важности, чѣмъ прямое соединеніе Азіи съ Европою, пожалуй убилъ бы 200 тысячъ человѣкъ, а не то что заставилъ ихъ работать почти даромъ. Но фразы о «довольствѣ» и т. д. при этомъ случаѣ едва ли умѣстны.

Возвратимся къ займу. Что финансовыя дѣла компаніи были плохи и что она сама не разсчитывала на дешевизну кредита, это свидѣтельствуется цѣною, назначенною облигаціямъ займа при выпускѣ ихъ: 300 фр. за облигацію въ 500 фр., приносящую 5% ежегодно, и подлежащею тиражу въ теченіи 50 лѣтъ; это значило въ дѣйствительности заемъ по 8,4%. Заемъ на этихъ основаніяхъ былъ объявленъ въ концѣ 1867 года, но не имѣлъ успѣха; только треть облигацій была разобрана по подпискѣ. Тогда компанія рѣшилась выпустить заемъ съ выигрышами, то-есть обратилась уже не къ нравственному кредиту, внушаемому солидностію предпріятія, а къ приманкѣ лотереи.

Но такъ какъ предпріятіе было извѣстно болѣе всего во Франціи, и разборъ облигацій могъ быть ожидаемъ именно только отъ Франціи, то и пришлось испрашивать законодательнымъ порядкомъ разрѣшенія открыть въ этой странѣ подписку на запрещенную законами лотерею. Въ преніяхъ законодательнаго корпуса по этому предмету, обѣ стороны, т. е. правительственная и оппозиціонная, считали долгомъ выражать сочувствія предпріятію, хотя оппозиція и возставала противъ допущенія выигрышнаго займа; это единодушіе въ отзывахъ и слабость оппозиціи (всего 8 голосовъ) въ результатѣ голосованія показывали, что во Франціи дѣло Суэзскаго канала уже разсматривалось обществомъ какъ національное дѣло.

Согласіе обѣихъ палатъ на заемъ послѣдовало въ іюнѣ 1868 года. Въ три дня вся сумма была покрыта подпискою. Вотъ что значитъ выигрышный заемъ! Выигрышные займы и въ другихъ странахъ, при объявленіи ихъ, какъ извѣстно, предназначались спеціально на исполненіе большихъ общественныхъ работъ, такъ что заемъ суэзской компаніи не представляетъ ничего необыкновеннаго. Различіе, въ его пользу, состояло въ томъ, что вырученные имъ сто милліоновъ фр. предоставлялись прямо тому предпріятію, во имя котораго они требовались.

Успѣхъ работъ въ теченіи 1868 года даже превзошолъ ожиданія. На долю этого года исчислено было для извлеченія 20 милл. 300 т. куб. метровъ земли, а въ дѣйствительности извлечено около 1 милл. больше. Сила подвижного состава представлялась 22 тысяч. (chevaux-vapeur) паровыхъ лошадей, при 12 т. человѣкъ рабочихъ.

Для впуска воды въ бассейнъ Горькихъ Озеръ устроенъ былъ въ 1868 году спускной резервуаръ, и 18 марта нынѣшняго года, въ присутствіи самого хедива, воды сѣвернаго канала были впущены въ этотъ бассейнъ. Резервуаръ запирался 500-ми подвижныхъ брусьевъ. По знаку хедива, поднятъ былъ одинъ изъ брусьевъ центральной плотины: вода брызнула сперва ключемъ, затѣмъ, по мѣрѣ того какъ поднималось большее число брусьевъ, ключъ расширялся и обращался въ каскадъ; наконецъ, когда подняты были всѣ 500 брусьевъ, образовался стремительный водопадъ, который заклубился внизу потокомъ, покрывшись соляною пѣною и залилъ центръ бассейна Горькихъ Озеръ. Хедивъ, полюбовавшись этимъ видомъ, отправился на Серапеумъ и оттуда послалъ телеграмму Нубару-пашѣ въ Парижъ: «Я осмотрѣлъ протяженіе канала и присутствовалъ при вступленіи водъ Средиземнаго моря въ Горькія Озера. Возвращаюсь въ Каиръ, исполненный удивленія къ этому великому дѣлу и увѣренности въ его скоромъ окончаніи». Лессепсъ, конечно, телеграфировалъ о событіи въ Парижъ, и въ тотъ же день получилъ слѣдующій отвѣтъ: «*Императоръ французовъ г. де Лессепсу*. «Съ удовольствіемъ узналъ я о счастливомъ результатѣ вашего предпріятія. Императрица присоединяетъ свои поздравленія къ моимъ. *Наполеонъ*».

Въ заключеніе, приведемъ нѣсколько цифръ, представляющихъ положеніе дѣлъ на перешейкѣ въ 1869 году. Вся эта провинція имѣетъ теперь населеніе въ 40 т. душъ. Первоначальныя селенія рабочихъ компаніи, состоявшія изъ палатокъ, а потомъ изъ двухъ-трехъ домовъ, обратились въ слѣдующіе города: Портъ-Саидъ, съ 10 т. жителей, Кантара съ 3 т., Измаилія съ 5 т. Другія рабочія селенія: Разъ-эль-Эхъ, Эль-Ферданъ, Эль-Гисръ, Серапеумъ, Туссумъ, Шалуфъ, Карантинъ и Суэзская-Равнина. На Суэзской-Равнинѣ, гдѣ въ теченіи нынѣшняго года производились главныя земляныя работы, для окончательнаго соединенія бассейна Горькихъ Озеръ съ Краснымъ моремъ, работало 10 тысячъ землекоповъ. Портъ-Саидъ, въ который въ 1859 году зашло всего 23 судна, въ 1610 тоннъ, нынѣ, въ теченіи только перваго полугодія 1869 года, имѣлъ въ своей гавани 563

судна, въ 112,616 тоннъ. Изъ таблицы о движеніи судоходства въ Портъ-Саидѣ оказывается, что тамъ перебывало въ теченіи последнихъ 10 лѣтъ судовъ подъ *русскимъ* флагомъ 215, въ 104,915 тоннъ. Первыя мѣста по числу, за половину нынѣшняго года, принадлежать, разумѣется, судамъ французскимъ, греческимъ и австрійскимъ. Но и англійскихъ судовъ было почти 300. Заходили суда всѣхъ морскихъ націй Европы, даже самыхъ отдаленныхъ: норвежскія, мекленбургскія, гамбургскія, прусскія, американскія.

Въ то время, когда мы заканчиваемъ этотъ разсказъ, Суэзскій каналъ уже открытъ на всемъ протяженіи 5 (17) ноября, какъ то предполагалось, и французскій *Aigle* въ 15 часовъ прошелъ весь каналъ, возвращаясь изъ Краснаго моря въ Средиземное. Окончательная побѣда теперь несомнѣнна, и Фердинандъ Лессепсъ займетъ почетное мѣсто въ ряду такъ-называемыхъ «піонеровъ цивилизаціи». Вліяніе Суэзскаго канала на ходъ будущей исторіи политическаго міра въ настоящую минуту трудно опредѣлить, хотя и нельзя его не предвидѣть; въ особенности, этотъ каналъ не можетъ не остаться безъ послѣдствій для Оттоманской Порты, и вѣроятно вскорѣ возбудится не мало вопросовъ, болѣе или менѣе затруднительныхъ для турецкаго кабинета.

Л. А—въ.

ЗАДАЧА
НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Подлиповцы. Спб. 1867. — Гдѣ лучше? Спб. 1869. — Сочиненія *Ѳ. Рѣшетникова*. Спб. 1869.

Мы имѣли случай указать на тотъ путь, которымъ пошли въ литературѣ наши новѣйшіе писатели [1]). Сама жизнь, событія опредѣлили этотъ путь. Онъ велъ къ изученію народной жизни, къ ея правдивому и безпристрастному изображенію. Такое новое отношеніе литературы къ жизни оказало уже свою долю услуги русскому обществу, помогая ему выяснить ту силу, которая до сихъ поръ играла только пассивную роль въ общественной жизни. Эта сила представилась намъ теперь въ первый разъ въ такомъ грубомъ, первобытномъ состояніи, что поневолѣ дѣлается страшно задаться вопросомъ, сколько нужно времени на распространеніе въ массѣ образованія настолько, чтобы эта масса сдѣлалась дѣйствительною, т. е. нравственною силою. Въ изображеніи народной жизни новѣйшіе писатели пошли своею собственною дорогою, не обращая вниманія на то, какъ изображалась она ихъ ближайшими предшественниками. Конечно, починъ въ изображеніи народной жизни, въ стремленіи знакомить съ нею болѣе или менѣе образованные слои русскаго общества, сдѣланъ не новѣйшими писателями. Еще до нихъ и довольно давно уже обращались къ народной жизни, довольно давно стали писать повѣсти и разсказы, заимствованные изъ народнаго быта, но прежняя ли-

---

*) См. выше, ноябрь, 347 стр. «Литературные споры нашего времени».

тературная дѣятельность въ этомъ направленіи была совершенно другого свойства, чѣмъ дѣятельность писателей послѣдняго поколѣнія. Прежде у насъ, какъ то было и у иностранныхъ художниковъ, содержаніе для повѣстей и романовъ заимствовалось изъ народнаго быта, но на этотъ бытъ набрасывали какое-то поэтическое облако, такъ-сказать, идеализировали его. Говоря такъ, мы не упрекаемъ нашихъ писателей прежняго поколѣнія, эта идеализація соотвѣтствовала и личному настроенію писателей, и самому положенію народа. Писатели наши были воодушевлены самыми возвышенными идеями, самыми гуманными принципами, и потому, глядя на народъ, на его несчастное положеніе, на его загнанность, забитость, у нихъ являлось сожалѣніе, состраданіе къ горькой жизни русскаго человѣка, и такое же сожалѣніе, состраданіе они старались вызвать въ читателяхъ своихъ повѣстей и разсказовъ. Жизнь мужиковъ, ихъ бѣдствія изображались большею частію въ такомъ патетическомъ стилѣ, что самыя грубыя натуры должны были на минуту смягчиться и промолвить сквозь зубы: «да, не хорошо! но что же дѣлать! безвыходное положеніе!» Безвыходность положенія—вотъ что бросалось прежде всего въ глаза въ такихъ повѣстяхъ, типомъ которыхъ можно назвать хоть бы «Антона Горемыку» г. Григоровича; но знанія дѣйствительной жизни, дѣйствительнаго состоянія русскаго народа, его нравовъ, степени умственнаго развитія, его жизненныхъ отношеній, всѣ подобныя повѣсти нисколько не прибавляли. Этотъ колоритъ отчаянія, безвыходности, который набрасывали прежніе романисты, былъ довольно понятенъ въ ту минуту, когда они писали.

Тогда въ самомъ дѣлѣ могло явиться одно отчаяніе, сознаніе полной безпомощности, потому что щель, черезъ которую проходилъ свѣтъ въ мрачную русскую жизнь, была едва замѣтна; можно было подумать, что его лучъ никогда не освѣтитъ собою того безпредѣльнаго пространства тьмы, среди которой прозябалъ русскій народъ. Рядомъ съ представленіемъ народной жизни, представленіи полномъ патетическаго тона, мы встрѣчаемъ такія художественныя, мастерскія картины, какъ «Хорь и Калинычъ» «Бѣжинъ Лугъ», эти перлы «Записокъ Охотника», которыя представляютъ намъ народную жизнь въ такомъ заманчивомъ, притягивающемъ къ себѣ свѣтѣ, что просто вѣрить не хочется, чтобы рѣчь шла о той самой жизни, о тѣхъ самыхъ людяхъ, о которыхъ разсказываютъ теперь намъ наши новѣйшіе писатели. Кто не знаетъ «Хоря и Калиныча», кто не вчитывался въ «Бѣжинъ Лугъ», не останавливался передъ этою группою, высѣченною точно изъ мрамора; кто послѣ этого, на минуту за-

бываясь, не говорилъ себѣ: «а хороша русская жизнь, сколько въ ней поэзіи, сколько наивной, изящной простоты!» кого не подкупали эти яркія, привлекательныя краски, которыми рисовалъ подчасъ русскаго мужика Тургеневъ? Правда, въ этихъ же самыхъ «Запискахъ Охотника» была и другая нота, та, которая даетъ имъ преимущественно значеніе, это—нота протеста противъ уродливыхъ отношеній, создаваемыхъ крѣпостнымъ правомъ; но тѣмъ не менѣе, еслибы кто-нибудь захотѣлъ судить о народной жизни и народныхъ нравахъ по артистическимъ разсказамъ, составляющимъ «Записки Охотника», тотъ вынесъ бы о нихъ понятіе, далеко не отвѣчающее строгой истинѣ. Оно и естественно; прежде смотрѣли на народъ мимоходомъ, заносили въ свои записныя книжки случайныя черты, которыя удалось подмѣтить, но никогда не подходили къ народу, задавшись серьезною цѣлію близко освоиться съ народною жизнію и изобразить ее во всей наготѣ, сохраняя строгую истину, строгую правду. Изображеніе строгой истины выпало именно на долю новѣйшихъ писателей, которые взялисѣ нарисовать жизнь народа такъ, какъ она есть, безъ всякихъ вымышленныхъ прикрасъ, безъ всякаго сантиментальнаго отношенія ко всѣмъ уродливостямъ этой жизни. Прежде заботились только о томъ, чтобы въ описаніе народнаго быта внести какъ можно болѣе мягкій тонъ, нѣжность, идиллію, сантиментальность, какое-то, если можно такъ выразиться, «салонное» воззрѣніе на народъ; новѣйшіе писатели предпочли отнестись къ этому предмету какъ нельзя болѣе трезво, не прикрывая поэтическимъ облакомъ той некрасивой, тяжелой картины, которую представляетъ собою наша народная жизнь.

Эта картина въ ихъ описаніяхъ явилась въ ужасающей наготѣ; на сцену выступила страшная дикость, непроходимое невѣжество, грубость; оказалось, что въ этомъ загнанномъ народѣ нѣтъ развитія, нѣтъ ничего, что̀ составляетъ достояніе цивилизованныхъ массъ; что въ основѣ всѣхъ отношеній лежитъ самое вопіющее безправіе, и только изрѣдка попадаются хорошіе инстинкты, которые должны развиться, когда образованіе проникнетъ въ эту густую невѣжественную народную массу. Такая обнаженная истина должна была бы ослабить фальшивую гордость однихъ, которые кричали о народѣ, какъ о готовой уже силѣ, и вразумить другихъ, которые, пріосанясь, говорятъ: «что̀ ваша цивилизація, что ваша западная образованность, посмотрите на насъ, на нашего русскаго мужичка, на нашъ святой русскій народъ»! А на дѣлѣ, этотъ «русскій мужичекъ», въ своихъ семейныхъ и житейскихъ отношеніяхъ, не всегда разсуждаетъ по-человѣчески и тонетъ въ непроходимой дикости нравовъ, благодаря всему строю русской жизни. Несмотря

однако на такую печальную картину, которая рѣзко противорѣчитъ сантиментальнымъ и идиллическимъ описаніямъ прежнихъ писателей, нельзя не чувствовать, что новѣйшіе писатели несравненно ближе къ этому народу, что они относятся къ нему съ бо́льшимъ участіемъ, бо́льшею любовію, чѣмъ относились къ народу въ старые годы. Они не боятся говорить о народѣ сущую правду, рисовать дикость и грубость его, потому что они отлично сознаютъ, что не народъ виноватъ въ этихъ порокахъ, которые должны будутъ исчезнуть, какъ только въ его жизнь войдетъ образованіе, развитіе. «Описаніе народа со всею дикостію и невѣжествомъ, которымъ пропитанъ онъ, безъ всякихъ прикрасъ и ретушей, не художественно», скажутъ нѣкоторые, и затѣмъ отвернутся съ презрѣніемъ отъ произведеній новѣйшей беллетристики. Но такое презрительное отношеніе къ молодымъ писателямъ не представляетъ собою ничего новаго, небывалаго.

Въ исторіи русской литературы встрѣчается не одинъ примѣръ ожесточенной вражды противъ всякаго новаго направленія и противъ тѣхъ писателей, которые имѣли достаточно силы, чтобы не идти по старой дорогѣ, а пробивать себѣ свою, еще не протоптанную рутиною. Сто́итъ только припомнить, какимъ свистомъ, какимъ дикимъ гуломъ и злостными воплями встрѣчены были первые шаги Пушкина, который имѣлъ дерзость заговорить своимъ простымъ, но вмѣстѣ удивительнымъ языкомъ, и описывать жизнь, людскія отношенія такъ, какъ они представляются на самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ высокопарныхъ прикрасъ, безъ всякой фальшивой примѣси. Развѣ не съ одинаковымъ ожесточеніемъ встрѣченъ былъ натурализмъ или проще сказать реализмъ Гоголя, развѣ старая школа, старое направленіе не хотѣло забросать его каменьями, развѣ не кричало оно: распни, распни его! И однако, что же вышло изъ этихъ криковъ, что же вышло изъ этой страстной вражды? какъ пушкинское, такъ и гоголевское направленіе глубоко врѣзались въ исторію русской литературы, въ исторію русской жизни, и то и другое «воздвигло памятникъ себѣ нерукотворный». Мы знаемъ, что насъ тутъ могутъ прервать насмѣшливымъ вопросомъ: «ужъ не претендуете ли вы приравнивать этихъ колоссовъ къ вашимъ пигмеямъ, ужъ не думаете ли ставить на одну доску значеніе современнаго новаго направленія съ «новыми» направленіями тѣхъ крупныхъ литературныхъ періодовъ?!» Мы вовсе и не думаемъ сравнивать тѣхъ, на кого нападали тогда и теперь; мы сравниваемъ только тѣхъ, кто нападалъ тогда, и кто теперь нападаетъ, и только среду этихъ послѣднихъ мы находимъ совершенно сходною.

Дѣло не въ томъ, что имена однихъ писателей останутся вѣчны

въ русской литературѣ, а имена другихъ послѣ извѣстнаго промежутка времени исчезнутъ,—вся важность для насъ въ томъ, чтобы каждое направленіе въ литературѣ сослужило свою службу. Направленіе литературы въ извѣстный періодъ времени—это одинъ вопросъ, а высота писателей, поддерживающихъ его своею дѣятельностію—другой, и эти два вопроса можно разсматривать совершенно отдѣльно. Направленіе литературы представляется результатомъ времени, обусловливается тѣми или другими общественными требованіями, жизнію народа въ данный моментъ; что же касается до писателей, то дѣятельность ихъ хотя, безъ сомнѣнія, и опредѣляется существующимъ направленіемъ въ литературѣ, но самая сила таланта остается независимою отъ него. Талантъ, геній, это даръ, прирожденный человѣку, который нельзя произвести никакими способами, никакими усиліями, и только характеръ произведеній, твореній, въ которыя выливается этотъ геній, обусловливаются эпохою, когда появляется новое свѣтило человѣчества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что родись сегодня Дантъ, онъ не создалъ бы своей «Божественной Комедіи»; геній его нашелъ бы себѣ иное выраженіе; иное время, иныя условія жизни, иная образованность направила бы его творческую дѣятельность на предметы болѣе близкіе намъ, чѣмъ его адъ, чистилище или рай. Правда, одно время, одни условія жизни болѣе содѣйствуютъ широкому развитію таланта или генія, чѣмъ другое время, другія условія, но тѣмъ не менѣе, если въ человѣкѣ есть эта прирожденная сила, она скажется, обнаружится, какое бы направленіе ни господствовало въ литературѣ.

Какое бы направленіе ни господствовало, въ основаніи его все-таки всегда лежитъ природа, человѣкъ, жизнь, понимаемая болѣе узко или болѣе широко; а тамъ гдѣ есть жизнь, тамъ есть и возможность дѣйствовать для таланта или для генія. Слѣдовательно, не извѣстное направленіе нужно обвинять за то, что оно не выставило крупнаго таланта или генія, а скорѣе простой случай, что въ данную минуту не народился человѣкъ съ исключительною силою, или, можетъ быть еще вѣрнѣе будетъ, обвинять предшествовавшій періодъ, который такъ мало посѣялъ, и предшествовавшее направленіе, которое не дало отъ себя богатыхъ ростковъ. Насколько выгодны условія новаго направленія для развитія талантовъ, на это можетъ отвѣтить только будущее, потому что это направленіе только сѣетъ теперь, жатва же еще далеко впереди. Явятся или нѣтъ въ новомъ направленіи такіе же крупные таланты, какими отличались предшествовавшіе періоды, это другой вопросъ; значеніе же этого направленія, по преимуществу народнаго, отъ этого не измѣнится;

оно имѣетъ важность само по себѣ, опредѣляя собою, какая перемѣна произошла какъ въ русской жизни, такъ и въ русской литературѣ.

I.

Разсматривая значеніе извѣстнаго направленія въ литературѣ независимо отъ силы тѣхъ или другихъ талантовъ, которые ему служатъ, мы имѣемъ полное право сказать, что вражда, встрѣчающая новое направленіе въ русской литературѣ, принадлежитъ къ тому же самому роду, къ которому относится и вражда, встрѣтившая въ былое время появленіе пушкинскаго или гоголевскаго направленія. Великая тѣнь Пушкина или Гоголя, мы полагаемъ, не будетъ оскорблена подобнымъ приравниваніемъ. Упреки и обвиненія, которые дѣлаются молодымъ писателямъ нашего времени, до того похожи на упреки и обвиненія, которые дѣлались «натурализму» Гоголя, что, оправдывая ихъ, мы могли бы ограничиться буквальнымъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ возраженій, которыя дѣлались двадцать лѣтъ тому назадъ. Литература должна изъ всѣхъ своихъ силъ стремиться къ самобытности, къ народности, сдѣлаться естественною, натуральною. Это было сказано давно уже, но мы такъ мало ушли впередъ въ этомъ отношеніи, что и теперь еще не излишне повторять ту старую истину. Давно уже говорилось, что «нужно обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ». «И вотъ—замѣчали тогда— теперь обвиняютъ писателей.... что они любятъ изображать людей низкаго званія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, дворниковъ, извощиковъ, описываютъ «углы», убѣжища голодной нищеты и часто всяческой безнравственности. Чтобы устыдить новыхъ писателей (т. е. 40-хъ годовъ), обвинители съ торжествомъ указываютъ на прекрасныя времена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитріева, избиравшихъ для своихъ сочиненій предметы высокіе и благородные, и приводятъ въ примѣръ забытаго теперь изящества чувствительную пѣсенку: «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ». Мы же напомнимъ имъ, что первая русская замѣчательная повѣсть была написана Карамзинымъ, и ея героиня была обольщенная петиметромъ крестьянка—бѣдная Лиза.... Но тамъ, скажутъ они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступитъ самой благовоспитанной «барышнѣ».

Вотъ мы и дошли до причины спора: тутъ виновата, какъ видите, старая піитика. Она позволяетъ изображать, пожалуй, и мужиковъ, но не иначе, какъ одѣтыхъ въ театральные костюмы, обнаруживающихъ чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію, и объясняющихся такимъ языкомъ, которымъ никто не говоритъ, а тѣмъ менѣе крестьяне,—языкомъ литературнымъ....» Такъ говорилъ Бѣлинскій, возражая порицателямъ натуральной школы, и тѣмъ хулителямъ, которые приходили въ негодованіе отъ попытокъ изображать въ повѣстяхъ народные типы. Положеніе съ тѣхъ поръ, нужно сознаться, не слишкомъ много измѣнилось въ нашемъ литературномъ мірѣ. Разумѣется, старая піитика должна была сдѣлать нѣкоторыя уступки, она примирилась съ мужиками г. Григоровича и даже полюбила ихъ, она примирилась съ прелестными картинками Тургенева, но дальше этихъ уступокъ она не хочетъ идти, о болѣе близкомъ знакомствѣ съ народомъ не хочетъ и слышать. Изображеніе народа этими писателями было, конечно, верхомъ совершенства для эпохи Бѣлинскаго, для того времени, когда знакомство съ дѣйствительною народною жизнію только-что начиналось, когда лица, взятыя изъ народа, показывались только на заднемъ планѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, въ народной жизни совершилось крупное событіе, и потому литература не могла болѣе довольствоваться идеализированными «мужичками», какими являются русскіе мужики у нашихъ прежнихъ писателей. То, что прежде удовлетворяло, не можетъ удовлетворять болѣе теперь, когда знакомство съ народною жизнію вступило совершенно въ новый фазисъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что еще не такъ давно наши писатели не могли изображать народъ съ тою правдою, съ которою изображаютъ его теперь, такъ какъ для того требовалось глубокое знаніе, котораго тогда еще не было; но и того, какъ изображали народъ тогда, было уже слишкомъ довольно, чтобы вызвать негодованіе противъ «натуралистовъ» 40-хъ годовъ. Старые піиты, нападавшіе тогда на «натуралистовъ», не вымерли, они даже мало измѣнили свою позицію, и потому слова Бѣлинскаго сохраняютъ всю свою свѣжесть. Тѣ народные типы, которые въ 40-хъ годахъ вызывали порицаніе за свою нескромную наготу, теперь представляются уже намъ одѣтыми въ «театральные костюмы»; иначе быть и не могло, послѣ того, какъ мы увидѣли другое, болѣе близкое къ правдѣ изображеніе. Между тѣмъ наши вѣчные поклонники старины продолжаютъ требовать, чтобы писатели не снимали съ изображаемыхъ ими лицъ сотканные ими театральные костюмы, и на-

кидываются поэтому на «реалистовъ» шестидесятыхъ годовъ, какъ накидывались прежде на «натуралистовъ» сороковыхъ годовъ. Эти порицатели новаго направленія, которые по какой-то странной логикѣ причисляютъ Бѣлинскаго къ своимъ, забываютъ, что онъ говорилъ о необходимости возможно-близкаго сходства лицъ въ литературѣ съ ихъ образцами въ дѣйствительности, и восклицаютъ теперь, какъ, по словамъ Бѣлинскаго, восклицали и тогда: «посмотрите, чтó теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и армякахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба—родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; углы—убѣжища нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору, грязному по колѣни; какой-нибудь пьянюшка, подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы—все это описывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что если прочтешь—жди ночью тяжелыхъ сновъ....» Влагая подобное восклицаніе въ уста противниковъ школы «натуралистовъ», Бѣлинскій прибавляетъ: «такъ или почти такъ говорятъ маститые питомцы старой піитики». Если бы мы захотѣли резюмировать то, что говорится въ настоящее время противниками новаго направленія въ литературѣ, то мы не могли бы этого сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлалъ это двадцать лѣтъ тому назадъ Бѣлинскій, когда онъ защищалъ молодыхъ писателей того времени противъ нападковъ старыхъ піитовъ. Возгласы, раздававшіеся тогда, когда дѣлались только первыя попытки ввести въ русскую литературу русскаго мужика, до того похожи на тѣ, которые раздаются теперь, когда попытка превратилась уже въ направленіе, что мы могли бы цѣликомъ выписать нѣсколько страницъ изъ Бѣлинскаго, вполнѣ предоставляя ему отвѣчать на всѣ упреки, дѣлаемые молодымъ писателямъ. «Что за охота наводнять литературу мужиками?» говорится у насъ сплошь и рядомъ, и вопросъ этотъ до такой степени современенъ, что мы поневолѣ нѣсколько удивлены, когда этотъ вопросъ, формулированный именно такимъ образомъ, находимъ у человѣка, который писалъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ. «Что можетъ быть интереснаго въ грубомъ, необразованномъ человѣкѣ?» спрашивалось тогда, какъ спрашивается и до сихъ поръ, и на этотъ вопросъ приходится отвѣчать, какъ отвѣчали и тогда, краснѣя только за необходимость подобнаго объясненія. «Какъ чтò? его душа, умъ, сердце, страсти, склонности — словомъ, все тоже, чтò и въ образованномъ человѣкѣ». Интересны въ изображеніи мужиковъ, народа, его жизнь, его понятія, его нравы, и чѣмъ больше образованная среда была до сихъ поръ оторвана отъ народа, отъ массы, отъ толпы, тѣмъ больше должны быть направлены на его изученіе, на знакомство

съ нимъ, литературныя силы, тѣмъ больше литература должна дѣлаться понятною вмѣстѣ съ тѣмъ и для самой массы, и стараться вливать въ нея всѣ тѣ идеи, всѣ тѣ результаты образованности, которые мы могли только перенять у западной цивилизаціи.

Тѣ, которые въ изображеніи народа не видятъ ничего кромѣ грязи и пошлости, тѣ конечно совершенно основательно жалуются на крайнее паденіе литературы и въ народномъ направленіи не могутъ усматривать ничего иного, какъ только гибель искусства, да посягательство на эстетику. Чтобы показать, какъ несправедливы подобныя жалобы, намъ нужно было бы заговорить о томъ, какъ понимается искусство одними, и какъ понимается другими, чтò разумѣть подъ эстетикой и т. п., но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета нашей статьи. Мы не можемъ удержаться однако, чтобы по поводу этихъ жалобъ не привести еще разъ словъ Бѣлинскаго, которыя относились точно также къ жалобамъ старыхъ піитовъ на поползновеніе ввести въ литературу народные типы. «Въ сущности, говорилъ онъ, ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную; зачѣмъ отказалась она быть гремушкою, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать и засыпать. Странные люди, счастливые люди! имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями, — и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ походили на нихъ! Да читайте, продолжалъ Бѣлинскій, свои старыя сказки—никто вамъ не мѣшаетъ, а другимъ оставьте занятія, свойственныя совершеннолѣтію. Вамъ ложь—намъ истина: раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего....» Слова эти служатъ отличнымъ отвѣтомъ всѣмъ порицателямъ народнаго направленія, которые не признаютъ въ немъ ничего, кромѣ грязи и пошлости, которые не умѣютъ открывать подъ этою грязью и пошлостью и человѣческой мысли, и человѣческой боли, страданія, и подъ грубою рѣчью услыхать инстинктивный крикъ, вызванный изуродованною невѣжествомъ жизнію. Порицатели этого направленія до такой степени потеряли сознаніе того, чѣмъ должна быть литература, къ чему она должна стремиться, что они полагаютъ, что вся задача ея заключается въ томъ, чтобы удовлетворять самымъ тонкимъ ощущеніямъ изощреннаго вкуса, да заниматься изображеніемъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ высшихъ классовъ общества. Чтожъ, было и такое время, когда литература занималась исключительно самыми высокопоставленными лицами, когда все, чтò стояло ниже королей,

считалось недостойнымъ сюжетомъ для литературы. Въ сущности порицатели народнаго направленія держатся почти того же воззрѣнія на литературу, они точно также не пришли еще къ убѣжденію, что вся природа, вся жизнь должна служить для нея матеріаломъ, выражается ли эта жизнь въ королѣ, дворянинѣ, мѣщанинѣ или мужикѣ. До сихъ поръ, собственно говоря, эти порицатели сидятъ еще на литературной азбукѣ, признавая, что искусство, художественность, эстетичность должны быть непремѣнно обставлены бархатомъ и золотомъ, шелкомъ и серебромъ, и что все, что внѣ этого, недостойно быть предметомъ литературнаго описанія. Безъ всякаго сомнѣнія, кто такимъ образомъ понимаетъ литературу, кто любитъ читать только для пріятнаго препровожденія времени, для того чтеніе не есть потребность ума, источникъ знанія, для того грязь и пошлость народнаго быта должна представлять именно только грязь и пошлость, тотъ не отыщетъ тутъ для себя пищи для серьезныхъ и глубокихъ думъ и размышленій, чувство того не будетъ задѣто мрачною картиною, которую рисуютъ намъ новѣйшіе писатели. «Книга должна пріятно развивать; я и безъ того знаю, что въ жизни много тяжелаго и мрачнаго, и если я читаю, такъ для того, чтобы забыть это»: такъ или почти такъ говорятъ всѣ порицатели каждаго новаго, болѣе серьезнаго стремленія литературы, и къ такимъ цѣнителямъ литературы можно обратить и теперь туже рѣчь, съ которою обращались къ нимъ двадцать лѣтъ назадъ: «такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забывать свое горе, голодный свой голодъ, стоны страданія должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ....» Къ счастью, задача литературы вовсе не такова, чтобы удовлетворять пустому любопытству, праздной забавѣ, которой главный интересъ заключается въ любопытныхъ описаніяхъ, въ изображеніяхъ страсти и т. п. Конечно, литература не должна чуждаться любви, страсти, потому что чувства эти принадлежатъ человѣческой природѣ, но чувства эти не должны брать перевѣса надъ всею остальною жизнію, какъ то было почти правиломъ въ старой литературѣ. Задача литературы болѣе широка, она должна захватывать всѣ стороны человѣческой жизни, а не ограничиваться одною какою-нибудь стороною, подъ угрозою сдѣлаться безполезною для развитія общества. Быть полезною— вотъ главное условіе для литературы; какъ только она перестанетъ приносить собою пользу обществу, она теряетъ право на существованіе и въ жизни народа отступаетъ на самый дальній планъ. Горе литературѣ, когда она доходитъ до подобнаго упадка.

Бываютъ періоды въ жизни общества, когда литература неповинна, занимаясь исключительно описаніемъ любви, страсти, но это тѣ безотрадные періоды, когда всѣ общественные интересы лежатъ подъ тяжелымъ спудомъ и потому недоступны для литературы. Если въ эти періоды литература перестаетъ быть эхомъ общественныхъ интересовъ, то конечно изъ этого не слѣдуетъ немедленно заключать, чтобы въ обществѣ вовсе не шевелились важные общественные интересы; часто они долго тлѣютъ невидимо для глаза, но за то, какъ только наступаетъ благопріятная минута, сдерживавшая ихъ плотина прорывается и они начинаютъ бушевать съ усиленною дѣятельностію. Русская литература не разъ уже переживала подобныя безотрадныя эпохи, и потому мы хорошо понимаемъ, отчего въ нашемъ обществѣ такъ глубоко укоренилось понятіе, что изящная литература должна быть главнымъ образомъ посвящена изображенію возвышенныхъ чувствъ. Это уже старая истина, что привычка вторая натура. Чѣмъ больше вкоренилось какое-нибудь понятіе, тѣмъ болѣе нужно доказывать всю его несообразность. Изящная литература, не переставая быть изящною, точно также какъ и всякая другая, должна главнымъ образомъ служить живымъ общественнымъ интересамъ. Служеніе этимъ общественнымъ интересамъ должно создавать новыя условія для художественныхъ или эстетическихъ интересовъ. Только въ такомъ случаѣ изящная литература, какъ самая популярная, выполняетъ свое назначеніе, и та польза, которую она обязана приносить, конечно не роняетъ изящную литературу, а только возвышаетъ ея роль, ея значеніе въ развитіи общества.

Какъ много ни смѣялись у насъ надъ этою старинною, изобрѣтенною какими-то мудрецами, формулою: «искусство для искусства», но нужно сказать, что она обладаетъ необыкновенною живучестію, имѣетъ въ нашемъ обществѣ множество партизановъ, которые съ презрѣніемъ отнесутся къ нашимъ словамъ, что искусство должно главнымъ образомъ имѣть въ виду одно: приносить пользу обществу. Требованіе, выставляемое нами, вовсе не наше требованіе, не намъ принадлежитъ честь открытія этой простой истины, до нея дошли прежде насъ, и мы, «на зло надменному сосѣду», который утверждаетъ, что въ современной литературѣ не признаютъ никакихъ авторитетовъ замѣчательныхъ умовъ, геніевъ, прикроемся авторитетомъ все того же Бѣлинскаго, который давно уже писалъ, что художественный интересъ долженъ уступать другимъ важнѣйшимъ для человѣчества интересамъ, и что искусство отъ этого не только не перестаетъ быть искусствомъ, но получаетъ только новый характеръ. «Отнимать у искусства, писалъ Бѣлинскій, право служить общественнымъ интересамъ,

значитъ не возвышать, а унижать его, потому что это значитъ— лишать его самой живой силы, т. е. мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнивцевъ. Это значитъ даже убивать его, чему доказательствомъ можетъ служить жалкое положеніе живописи нашего времени. Какъ будто не замѣчая кипящей вокругъ него жизни, съ закрытыми глазами на все живое, современное, дѣйствительное, это искусство ищетъ вдохновенія въ отжившемъ прошедшемъ, беретъ оттуда готовые идеалы, къ которымъ люди давно охладѣли, которые никого уже не интересуютъ, не грѣютъ, ни въ комъ не пробуждаютъ живого сочувствія».

Значеніе литературы обусловливается также принадлежащимъ ей вліяніемъ; чѣмъ шире кругъ, на который она дѣйствуетъ, чѣмъ крупнѣе общественные интересы, которыми она задается, чѣмъ ближе, понятнѣе она становится массѣ, толпѣ, тѣмъ больше пользы приноситъ литература обществу. Есть нѣсколько путей становиться болѣе понятнымъ, болѣе близкимъ народу, и не мы конечно стали бы радоваться, если бы литература ради того, чтобы болѣе цѣльно представлять интересы цѣлаго народа, и становиться ему болѣе понятною, избрала бы средствомъ для того пониженіе своего уровня; не мы стали бы радоваться, если бы изящная литература, въ виду расширенія своего круга дѣйствія, отрѣшилась отъ самыхъ дорогихъ идей, выработанныхъ западною цивилизаціею, подъ тѣмъ предлогомъ, что идеи эти непонятны народу. Цѣль литературы, стремленіе ея, задача, не опускаться до уровня народа, а напротивъ, возвышать народъ до своего уровня, только тогда она будетъ имѣть воспитательное значеніе. Вотъ путь, на которомъ должна стоять литература, и путь этотъ, нужно сказать, не представляетъ затрудненій. Всякая выработанная, готовая идея такъ проста въ своемъ существѣ, что будь она выражена только въ формѣ удобопонятной для большинства, и нѣтъ сомнѣнія, что идея эта примется, войдетъ въ народное пониманіе.

Таково, конечно, должно быть значеніе новаго направленія въ литературѣ. Писатели, примыкающіе къ нему, должны были поставить себѣ важную и серьезную задачу: изучить народную жизнь, показать намъ всѣ формы, всѣ проявленія ея; они должны были проникнуться всѣми интересами народа, печалями, горемъ, небольшими радостями его, живо представить всѣ его нравы, понятія, стремленія, вывести живые образы, живые типы, безъ всякихъ прикрашиваній, безъ всякаго идеализированія ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ свои произведенія внести серьезную мысль, здоровыя идеи, освѣтить мрачныя стороны народной жизни силь-

нымъ лучемъ знанія, развитія, образованности. Только при выполненіи всѣхъ этихъ условій новое направленіе въ литературѣ исполнитъ всю свою роль, сдѣлаетъ литературу вполнѣ народною, и почерпая изъ народа свою силу, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вліять на него, выправлять его понятія и осмыслитъ народное міросозерцаніе, внося въ него свѣтлыя идеи. Тогда только литература будетъ приносить всю ту пользу, которую она обязана приносить. Тогда только она сдѣлается истинною силою, какою литература и должна быть въ странѣ; но это будетъ искусство не для искусства, а искусство для жизни.

Если такова должна быть задача, такова должна быть роль новаго направленія въ литературѣ, то изъ этого, конечно, нельзя выводить еще, чтобы задача эта была уже выполнена. Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Новое направленіе приблизилось только къ истинному пути, оно, благодаря ходу самой жизни, вступило болѣе рѣшительно, чѣмъ когда бы то ни было, на вѣрную дорогу и сдѣлало въ русской литературѣ новый и добрый посѣвъ. Какова будетъ жатва, этого, конечно, мы не возьмемся рѣшать.

Ошиблись бы, разумѣется, тѣ, которые вздумали бы утверждать, что новое направленіе въ литературѣ, о которомъ идетъ рѣчь, должно замкнуться и ограничить свой кругъ изображеніемъ исключительно однихъ мужиковъ. Для того, чтобы литература сдѣлалась народною, ей не нужно съуживаться, потому что ограниченіе себя однимъ только слоемъ низшихъ классовъ народа было бы въ концѣ концовъ можетъ быть также вредно, какъ и ограниченіе однимъ только слоемъ высшихъ классовъ народа. Нужно только одно, чтобы въ произведеніяхъ писателей изображались лица, не чуждыя народу, чтобы они тѣсно связаны были другъ съ другомъ общественными интересами, чтобы стремленія однихъ не были чужды, противоположны стремленіямъ другихъ, чтобы лица, выводимыя писателями, были близки, понятны народу, чтобы жизнь этихъ лицъ была, однимъ словомъ, неразрывно переплетена съ жизнію народа, съ разумно понятыми его интересами. Такой тѣсной связи героевъ съ народными интересами не было у писателей предшествующаго поколѣнія, и напрасно стали бы они указывать на то, что изображеніе лицъ изъ образованныхъ слоевъ общества никогда не можетъ быть понятно народу. Это не вѣрно. Возьмите крупныя произведенія какой угодно страны, и вы увидите, что какъ ни чужда масса высшему обществу, но когда крупный талантъ, геній берется изображать типъ изъ какого бы то ни было класса общества, масса всегда пойметъ его. Изъ какого бы общества, изъ какой бы среды ни взялъ Сервантесъ своего Донъ-Кихота, масса всегда поняла бы

его въ Испаніи; изъ какой бы среды Шекспиръ ни бралъ своихъ героевъ, масса всегда пойметъ ихъ въ Англіи, потому-что въ подобныхъ лицахъ, будь сто разъ они королями, есть столько національнаго, не говоря уже объ ихъ общечеловѣческой сторонѣ, столько общаго въ нравахъ, свойствахъ, цѣломъ характерѣ, что всякій испанецъ узнаетъ въ Донѣ-Кихотѣ своего, какъ узнаетъ своего всякій англичанинъ въ герояхъ Шекспира. Масса, какъ бы она ни была неразвита, всегда пойметъ близкіе ей типы, и близкіе не по положенію, а по тѣмъ стремленіямъ, по тѣмъ интересамъ, которыми они воодушевлены. Пусть поэтому молодые писатели, если у нихъ есть только къ тому стремленіе, рисуютъ типы изъ какой угодно среды; если только въ изображаемыхъ ими лицахъ будутъ живы общественные интересы, пониманіе народныхъ выгодъ или просто широкое пониманіе вообще человѣческой жизни, тогда эти типы, эти произведенія не будутъ чужды массѣ, въ ихъ біеніи сердца она подслушаетъ отголосокъ своего собственнаго біенія. Новое направленіе не обусловливается непремѣнно изображеніемъ однихъ мужиковъ, какъ утверждаютъ тѣ, которые, съ умысломъ или безъ умысла, не понимаютъ его значенія, — оно требуетъ только отъ писателя, чтобы такъ или иначе имъ преслѣдовались народные интересы, чтобы изображаемые типы были понятны, близки народу; оно требуетъ въ видахъ главной цѣли литературы — пользы, начертанія такихъ типовъ, изображенія такихъ сторонъ, преслѣдованія такихъ общественныхъ вопросовъ, чтобы литература была истиннымъ отраженіемъ жизни всего общества, всего народа, чтобы по русской литературѣ, однимъ словомъ, можно было познакомиться съ дѣйствительною жизнію, съ дѣйствительнымъ развитіемъ, нравами, обычаями массы. Оно требуетъ, иначе говоря, чтобы русская литература была не литературою отдѣльнаго только кружка, а литературою цѣлаго народа.

Если писатели новаго направленія сосредоточили главнымъ образомъ всѣ свои силы на изображеніе быта простого народа, то, какъ мы уже сказали, они вызваны были къ тому новыми условіями нашего общественнаго развитія. Народная жизнь, построенная на самыхъ чудовищныхъ основаніяхъ, вѣнцомъ которыхъ было крѣпостное право, должна была теперь преобразоваться на основаніи болѣе разумныхъ началъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, наше развитіе должно было подчиниться въ концѣ концовъ благодѣтельному давленію европейской цивилизаціи. Та перемѣна въ положеніи народа, которая совершается на нашихъ глазахъ, представляется только отголоскомъ, прямымъ результатомъ того общаго европейскаго движенія, которое съ та-

кою неудержимою силою стремится все впередъ и впередъ. Въ этой связи, а не въ чемъ иномъ, нашего движенія съ общеевропейскимъ движеніемъ лежитъ лучшій залогъ, лучшее ручательство нашего будущаго развитія. Эта-то связь и даетъ намъ полное право называть или лицемѣрами, или слѣпыми, всѣхъ тѣхъ, которые рѣшаются утверждать, что мы не принадлежимъ къ Европѣ. Нѣтъ, мы питаемся западною цивилизаціею, мы идемъ по ея слѣдамъ, и каждое движеніе, которое совершается тамъ, черезъ бо́льшій или меньшій промежутокъ времени, отзывается рѣшительнымъ образомъ и на нашемъ развитіи. Если связь наша съ Европою и съ цивилизаціею неразрывна, то какъ, спрашивается, могли мы быть тронуты тѣмъ потокомъ народности, который успѣлъ уже разлиться по цѣлой Европѣ. Народность, вотъ имя европейскаго движенія XIX вѣка, того начала, которое въѣлось во всѣ стороны человѣческой жизни, всюду выдвигая народъ на первый планъ, всюду вооружая его всѣми необходимыми орудіями для завоеванія себѣ мѣста и для конечнаго торжества. Если народное начало проникло во всѣ стороны жизни, то возможно ли было бы ожидать, чтобы оно миновало искусство, литературу, т.-е. ту отрасль человѣческой дѣятельности, въ которой по преимуществу отражается цѣлое общество? Народное начало не могло миновать искусства, и мы на самомъ дѣлѣ видимъ, что искусство, какъ выражаются на Западѣ, демократизируется во всей Европѣ. Живопись, скульптура, музыка, литература — всѣ эти отрасли искусства получаютъ содержаніе и принимаютъ формы болѣе понятныя для массы, а такая «демократизація» искусства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа его паденіемъ. Напротивъ того, она возвышаетъ значеніе искусства, опредѣляемое его вліяніемъ, и открываетъ ему болѣе широкіе горизонты, расширяетъ его вліяніе, и тѣмъ самымъ увеличиваетъ его значеніе. Ни одна изъ отраслей искусства не получила такого рѣзко опредѣленнаго народнаго направленія, какъ литература. Во всѣхъ почти европейскихъ литературахъ низшіе слои общества, народъ занялъ видное мѣсто, всѣ главныя литературныя силы занялись его изображеніемъ. Литература въ этомъ случаѣ отражаетъ только жизнь, она дѣлаетъ какъ бы наглядною ту перемѣну, которая произошла въ общемъ положеніи дѣлъ.

То самое явленіе, которое мы замѣчаемъ въ европейской жизни, повторяется и въ русской; здѣсь точно также искусство становится народнымъ, и рѣшительный шагъ къ тому сдѣланъ именно новымъ направленіемъ, которое въ свою очередь вызвано, какъ мы уже сказали, новыми условіями нашей обще-

ственной жизни. Мы подчиняемся, къ нашему, разумѣется, счастію, общему закону развитія, и у насъ литература служитъ немедленнымъ отголоскомъ тѣхъ перемѣнъ, которыя совершаются въ нашихъ общественныхъ порядкахъ. Новые порядки, въ бóльшей или меньшей мѣрѣ, призвали къ жизни народную массу, и вотъ искусство тотчасъ же спускается изъ высшихъ слоевъ въ низшіе, и принимаетъ характеръ по преимуществу народный. Народная сила выступила на первый планъ, и литература немедленно должна была задаться вопросами: что̀ же это за сила, какія ея свойства, какой ея характеръ, каково ея развитіе, какими началами руководится ея жизнь? Естественно, что новое направленіе въ русской литературѣ должно было прежде всего сосредоточить всѣ свои силы, чтобы постараться отвѣтить, или по крайней мѣрѣ уяснить обществу эти вопросы? Въ этомъ анализѣ народной жизни заключается весь смыслъ, все значеніе новаго направленія, вся заслуга молодыхъ писателей, имъ же объясняется и тотъ путь, по которому они должны были слѣдовать для изученія народной жизни. Выходя изъ начала: мы ничего не знаемъ о народѣ, или по крайней мѣрѣ очень мало, они неизбѣжно должны были придти къ изученію частныхъ фактовъ, отдѣльныхъ сторонъ жизни, прежде чѣмъ перейти къ ихъ обобщенію. Когда отдѣльныя стороны жизни будутъ достаточно изслѣдованы, когда накопится бездна фактовъ, случаевъ, отдѣльныхъ характеровъ, тогда можно надѣяться, что наши молодые писатели представятъ намъ полныя обобщенныя картины народной жизни и законченные народные типы. Надежда эта, нужно сказать, вовсе не произвольна, она основывается на сдѣланныхъ уже попыткахъ къ подобному обобщенію, и попыткахъ, будемъ справедливы къ новому направленію, чрезвычайно удачныхъ. Такого рода попытка была сдѣлана, напр., въ романѣ «Гдѣ лучше?», въ этомъ послѣднемъ произведеніи г. Рѣшетникова.

II.

Изъ всѣхъ новѣйшихъ писателей, къ числу которыхъ относятся гг. Николай Успенскій, Глѣбъ Успенскій, Слѣпцовъ, Левитовъ и нѣкоторые другіе, первенство, по нашему крайнему разумѣнію, принадлежитъ г. Рѣшетникову. Всѣ эти писатели одарены несомнѣннымъ талантомъ, но никто изъ нихъ такъ глубоко не захватываетъ народной жизни, какъ г. Рѣшетниковъ. Большая часть изъ нихъ останавливается на внѣшнихъ сторонахъ этой жизни, и хотя внѣшность эта подсказываетъ уже

намъ, какова должна быть внутренняя жизнь этого быта, тѣмъ не менѣе разсказы и повѣсти ихъ, благодаря ихъ болѣе поверхностному, такъ сказать, характеру, не производятъ на читателя такого сильнаго впечатлѣнія. Николай Успенскій далъ намъ довольно много мастерскихъ отрывковъ, удачныхъ сценъ, представилъ типическія стороны народнаго характера, но мы напрасно стали бы искать у него рѣзко очерченныхъ лицъ, психологическаго анализа, законченныхъ разсказовъ. Онъ передаетъ чрезвычайно рельефно то, что ему случалось видѣть и слышать, и это, конечно, уже большая заслуга; но разсказы его дѣлаютъ то впечатлѣніе, какъ будто бы онъ никогда долго не задумывался надъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, никогда не углублялся до корня, до причины, до внутренней стороны подмѣченныхъ имъ явленій, и характерныхъ народныхъ чертъ. Ему, собственно говоря, нѣтъ дѣла до смысла его разсказовъ, онъ не заботится ни малѣйшимъ образомъ, чтобы они имѣли какую-нибудь цѣльность, онъ съ одинаковымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ рисуетъ самую веселую и вмѣстѣ самую возмутительную сцену. Онъ, кажется, такъ часто и такъ много видѣлъ «виды», что его болѣе ничто не возмущаетъ; чувства его какъ бы притупѣли и потому на разсказахъ его, чуждыхъ какихъ бы то ни было прикрасъ, лежитъ довольно холодный колоритъ. Поэтому намъ кажется, что чтеніе разсказовъ г. Успенскаго должно производить на читателей самыя разнообразныя впечатлѣнія. На однихъ, не привыкшихъ задумываться надъ тѣмъ, что они читаютъ, разсказы г. Успенскаго будутъ производить очень веселое впечатлѣніе, они будутъ нравиться имъ, какъ юмористическія сцены изъ народнаго быта, они вызовутъ смѣхъ надъ простоватостію русскаго мужика и только. Другіе же, которые любятъ доискиваться до корня того или другого явленія, не засмѣются разсказамъ г. Успенскаго, а скорѣе почувствуютъ досаду на автора за его безучастное отношеніе къ изображаемому имъ народному быту, и его разсказы наведутъ такого рода читателей на очень грустное раздумье. Не будемъ впрочемъ слишкомъ жаловаться на безучастность г. Успенскаго, она имѣетъ свою выгодную сторону, не допуская автора до умышленнаго искаженія всего того, что онъ видитъ и слышитъ. Правдивое же изображеніе народа представляется для насъ едва ли не важнѣйшимъ условіемъ современныхъ разсказовъ и повѣстей, посвященныхъ изображенію народной жизни. У г. Глѣба Успенскаго нѣтъ той живости, той рельефности въ описаніяхъ, какъ у г. Н. Успенскаго, но за то мы находимъ въ немъ больше отдѣлки, больше законченности, округленности, чѣмъ въ безъискус-

ственныхъ разсказахъ перваго изъ названныхъ нами писателей. Мы находимъ у г. Глѣба Успенскаго положительное стремленіе, и часто удающееся, создать цѣлую фигуру, каждому лицу дать свой характеръ, и потому въ разсказахъ его есть больше разнообразія. Не говоря уже о его языкѣ, несравненно болѣе выдѣланномъ, всѣ почти его очерки и разсказы имѣютъ начало и конецъ, что далеко не всегда встрѣчаемъ мы въ разсказахъ г. Н. Успенскаго. Въ его «Нравахъ Растеряевой улицы, въ его «Деревенскихъ встрѣчахъ», въ маленькихъ разсказахъ въ видѣ «Зарокъ не пить» и въ другихъ, нельзя не признать серьезнаго дарованія.

Ту же самую законченность, даже, пожалуй, еще бо́льшую, находимъ мы и въ разсказахъ г. В. Слѣпцова. Ни одинъ изъ молодыхъ писателей не заботится можетъ быть до такой степени объ изящной отдѣлкѣ своихъ разсказовъ; у г. В. Слѣпцова они имѣютъ ту общую сторону съ разсказами г. Н. Успенскаго, что какъ у одного такъ и у другого мы не замѣчаемъ изученія отдѣльныхъ народныхъ характеровъ, точно также какъ и не находимъ теплаго отношенія къ изображаемому ими быту. Отъ талантливыхъ разсказовъ г. Слѣпцова, въ которыхъ такъ много истиннаго юмора, и такъ мѣтко переданы нѣкоторыя народныя черты, вѣетъ какимъ-то холодомъ, который заставляетъ подозрѣвать въ авторѣ недостатокъ чувства. Если упрекъ этотъ можетъ, намъ кажется справедливо, быть отнесенъ ко всѣмъ почти произведеніямъ г. Слѣпцова, то тѣмъ болѣе охотно указываемъ мы на одинъ разсказъ, составляющій въ этомъ отношеніи самое счастливое исключеніе. Мы говоримъ о его «Питомкѣ», гдѣ главная фигура крестьянки, отъискивающей въ деревнѣ своего ребенка, прочувствована какъ нельзя болѣе сильно.

Если есть какой-нибудь писатель, которому нельзя сдѣлать никакого упрека въ недостаткѣ чувства, то это безъ сомнѣнія г. Левитовъ. Чувство — преобладающая сторона въ талантѣ г. Левитова, и оно накладываетъ на всѣ его разсказы совершенно особый отпечатокъ и рѣзко отдѣляетъ изъ всѣхъ разсказовъ и повѣстей изъ народнаго быта. Г. Левитовъ очевидно очень хорошо знаетъ народную жизнь, но онъ любитъ преимущественно останавливаться на такихъ сторонахъ и на такихъ характерахъ, которые не встрѣчаются каждый день, а представляются напротивъ какъ бы исключительными явленіями. Мы не хотимъ сказать, чтобы эта исключительность переходила въ какую бы то ни было натяжку, чтобы она была у него плодомъ его личной фантазіи, нисколько. То, что онъ описываетъ, онъ хорошо знаетъ и, безъ сомнѣнія, ему приходилось встрѣчать такое или по крайней мѣрѣ близкое къ описываемымъ

имъ случаямъ и лицамъ; ко всему видѣнному имъ онъ придаетъ свой личный, мягкій, теплый тонъ, лежащій конечно уже въ самой натурѣ таланта г. Левитова. Теплота г. Левитова чрезвычайно содѣйствуетъ тому впечатлѣнію, преисполненному грусти, которое оставляютъ по себѣ разсказы этого даровитаго писателя. Возьмите лучшій изъ его разсказовъ, именно «Выселки», и вы увидите тутъ всѣ свойства таланта г. Левитова. Съ необыкновенною нѣжностію рисуетъ онъ своихъ героевъ Ивана, по прозвищу Колдуна и Петра Крутого, которому народное невѣжество отравило всю жизнь. Не успѣлъ Петръ родиться на свѣтъ, какъ уже стали говорить мужики, что лѣшій подмѣнилъ его у матери, и, утащивъ ея сына, оставилъ ей лѣшенка. Лѣшенокъ да лѣшенокъ, такъ и пошла жизнь молодого Петра, пока не втерпежъ ему сдѣлалось обращеніе съ нимъ міра, и онъ пошелъ скитаться по свѣту. Оба героя по личности исключительные, но нужно видѣть, съ какою теплотою описываетъ авторъ ихъ жизнь и характеры. Какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и во многихъ другихъ, каковы: «Сосѣди», «Расправа», «Бабушка Маслиха», Блаженненькая»,—вездѣ рядомъ съ страшною грубостію г. Левитовъ умѣетъ отыскивать симпатичныя стороны народной жизни, и эти-то симпатичныя стороны производятъ тѣмъ болѣе тяжелое и грустное впечатлѣніе, что онѣ особенно ясно освѣщаютъ сросшуюся съ ними страшную тьму, порождаемую глубокимъ невѣжествомъ и тяжелою грубостію массы. Если чувство г. Левитова придаетъ его разсказамъ большую теплоту, то нельзя не сказать, что къ нему значительно притупляешься, когда читаешь подрядъ нѣсколько его разсказовъ. Чувство это имѣетъ у него всего одну ноту, которая проходитъ во всемъ, что онъ дѣлаетъ, и потому придаетъ его разсказамъ большую монотонность и однообразіе. Къ этому существенному недостатку г. Левитова нужно отнести еще и другой недостатокъ, какъ нельзя болѣе вредящій его разсказамъ, это недостатокъ обработки. Онъ не даетъ намъ цѣльныхъ картинъ, онъ не развиваетъ свои сюжеты, и несмотря на то, что изображаемыя имъ лица далеко не лишены психологическаго анализа, онъ не даетъ имъ возможности высказаться со всѣхъ сторонъ, обрывая свои разсказы и сообщая имъ такимъ образомъ отрывочный характеръ.

Какими бы качествами ни обладали всѣ упомянутые нами писатели, ни одинъ изъ нихъ, по нашему мнѣнію, не оказалъ такой важной услуги новому направленію, какъ г. Рѣшетниковъ. Никто изъ нихъ такъ глубоко не захватываетъ жизни русскаго народа, никто изъ нихъ не открываетъ съ такимъ знаніемъ, съ такою неподдѣльною истиною внутреннихъ

сторонъ этой жизни, никто не доходитъ до такого драматизма, до такихъ трагическихъ положеній въ своемъ простомъ, пожалуй слишкомъ простомъ, неряшливомъ даже изображеніи, какъ г. Рѣшетниковъ. Другіе писатели преимущественно останавливаются на внѣшнихъ сторонахъ народнаго быта, или, если и случается имъ затрогивать его глубокія, чувствительныя струны, то они дѣлаютъ это только небольшими картинками, этюдами отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ г. Рѣшетниковъ задался трудною задачею вставить картину народнаго быта въ широкую раму и нарисовать эту картину такъ, чтобы въ ней какъ нельзя болѣе просто, безъ всякой утрировки, и вмѣстѣ какъ нельзя болѣе драматично, отразилась обыденная жизнь простого русскаго люда, выраженнаго въ нѣсколькихъ удачно намѣченныхъ типахъ. Онъ представилъ эту жизнь во всей ея ужасающей матеріальной и еще болѣе нравственной нищетѣ, вывелъ довольно законченныя и цѣльныя фигуры и бросилъ свѣтъ въ ту кромѣшную тьму, въ которой бьется и будетъ безсильно биться русскій народъ до тѣхъ поръ, пока въ нашу жизнь не войдутъ дѣйствительнымъ, а не внѣшнимъ только, образомъ живительные элементы европейской цивилизаціи.

Указывая на общія достоинства произведеній г. Рѣшетникова, мы должны бы, можетъ быть, остановиться также и на общихъ недостаткахъ его таланта, которые заключаются въ поразительномъ неумѣніи распоряжаться своимъ матеріаломъ, въ отсутствіи удачной концепціи и въ томъ невыработанномъ слогѣ, которымъ пишетъ г. Рѣшетниковъ; но мы охотно сознаемся въ нашей склонности не настаивать на недостаткахъ писателя, и останавливаться охотно на его хорошихъ качествахъ. Склонность эта въ русской литературѣ простительнѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было; такъ какъ у насъ, несмотря на то, что мы могли бы пользоваться хорошими примѣрами, которые намъ были даны въ этомъ отношеніи Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ, подъ критикою разумѣется главнымъ образомъ порицаніе, хула, даже брань писателя, а вовсе не добросовѣстный разборъ его произведеній. Кто же не знаетъ, что порицать, хулить что бы то ни было несравненно легче, чѣмъ опредѣлять и выставлять въ настоящемъ свѣтѣ смыслъ и достоинства извѣстнаго произведенія. Мысль эта намъ приходитъ на умъ по поводу прочтеннаго нами недавно разбора сочиненій г. Рѣшетникова въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Пріемъ подобной критики чрезвычайно простъ: вырвать изъ сочиненій какого-нибудь автора одно изъ менѣе удачныхъ произведеній, выхватить затѣмъ изъ этого произведенія какую-нибудь страницу, мы допускаемъ, даже дурно

написанную, приправить все это бранными выраженіями, и вотъ критика на того или другого писателя готова. Такимъ образомъ можно «смѣшать съ грязью», какъ это дѣлается въ этой критикѣ съ г. Рѣшетниковымъ, рѣшительно всякаго писателя, будь онъ двадцать разъ Пушкинъ, Лермонтовъ, или Гоголь. Въ каждомъ изъ нихъ можно отыскать слабыя стороны, слабыя произведенія; но какова же будетъ критика и каковъ будетъ критикъ, если онъ возьметъ эти слабыя стороны и не коснется тѣхъ, которыя и дѣлаютъ этихъ писателей Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ. Точно также мы недоумѣваемъ, возможно-ли, сохраняя полную добросовѣстность, разбирать произведенія г. Рѣшетникова, и не упомянуть ни однимъ словомъ объ его «Подлиповцахъ», объ его послѣднемъ романѣ «Гдѣ лучше?» и ограничиться указаніемъ на тѣ изъ его повѣстей, которыя принадлежатъ къ произведеніямъ самымъ слабымъ. Нѣтъ, обязанность критика состоитъ гораздо больше въ разъясненіи смысла произведенія, въ освѣщеніи его задачи, хорошихъ сторонъ писателя, чѣмъ въ нападеніи на тотъ или другой изъ его недостатковъ. Тотъ же критикъ вопрошаетъ Тургенева, какъ могъ онъ такъ грубо ошибиться, опредѣляя дѣятельность автора «Гдѣ лучше?» словами «трезвая правда г. Рѣшетникова». Нужно ли говорить намъ, что въ этомъ случаѣ ошибается не Тургеневъ, а кто-нибудь другой, и что эти два слова «трезвая правда», отдадимъ справедливость большому критическому чутью нашего извѣстнаго романиста, опредѣляютъ какъ нельзя лучше значеніе г. Рѣшетникова въ русской литературѣ. Да, дѣйствительно, сочиненія г. Рѣшетникова даютъ намъ «трезвую правду», и мы надѣемся, что читатель согласится съ нами, если намъ удастся хоть крупными штрихами представить въ ихъ настоящемъ значеніи произведенія г. Рѣшетникова.

Если мы не ошибаемся, г. Рѣшетниковъ выступилъ на литературное поприще около 1863 года съ своею повѣстью «Подлиповцы», которую онъ назвалъ этнографическимъ очеркомъ. «Подлиповцы» не могли не обратить вниманія на молодого автора, выказавшаго съ перваго же разу оригинальность, силу въ описаніи и драматизмъ въ изображеніи быта почти-что дикихъ людей. Г. Рѣшетниковъ задается задачею въ этомъ разсказѣ представить намъ бытъ людей въ первобытномъ еще состояніи, когда никакія понятія цивилизованныхъ народовъ не коснулись еще ихъ жизни. Задача, безъ сомнѣнія, очень тяжелая, и нужно было много знанія и много таланта, чтобы нарисовать такую картину, и нарисовать ее такъ, чтобы показать читателю эту жизнь не въ однихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, а изобразить весь небогатый внутренній міръ

этихъ людей и открыть въ ней всѣ тѣ человѣческія чувства, которыя впослѣдствіи при своемъ развитіи должны получить только иную форму. Какихъ же именно людей, какіе именно нравы изображаетъ въ «Подлиповцахъ» г. Рѣшетниковъ? Онъ беретъ для своего разсказа восточную часть Россіи, описываетъ тамъ деревню, гдѣ живетъ собственно не русское населеніе, но тѣмъ не менѣе входящее въ составъ русскаго государства, составляющее такъ-сказать часть этого великаго «цѣлаго». «Живутъ въ этой деревнѣ, опредѣляетъ авторъ, государственные крестьяне, Чудиновской волости, Чердынскаго уѣзда, какихъ много въ сѣверной части этого уѣзда, но еще беднѣе прочихъ крестьянъ». Бѣдность—понятіе относительное, точно также какъ и богатство, и потому вѣроятно, чтобы читатель не могъ сомнѣваться, какого рода была бѣдность описываемаго имъ населенія, г. Рѣшетниковъ пишетъ: «Настоящій хлѣбъ ѣдятъ рѣдкіе съ мѣсяцъ въ годъ, остальное время всѣ ѣдятъ мякину съ корой и отъ этого у нихъ является лѣнь къ работѣ, болѣзнь, и часто всѣ подлиповцы лежатъ больные, сами не зная, что съ ними дѣлается, а только ругаются и плачутъ». Полно, возможно ли, хочется спросить автора, чтобы среди насъ въ русскомъ царствѣ, въ русскомъ государствѣ, которое, какъ утверждаютъ иные, чуть не обогнало въ своемъ развитіи всю остальную Европу, существовала такая варварская нищета, и главное, не какъ бѣдствіе, не какъ исключеніе, а какъ самое обыкновенное явленіе, какъ правило въ одной части имперіи? Этой варварской нищетѣ отвѣчаетъ и степень нравственнаго ихъ развитія; молятся подлиповцы чучеламъ, молятся солнцу, молятся лунѣ, «и дождь, и снѣгъ, и молнія—все Богъ» для нихъ. Жили же люди и ничего не знали кромѣ своей деревни, знали правда, разсказываетъ авторъ, что есть городъ Чердынь, а есть ли что-нибудь за Чердынью—«дѣло темное». Пріѣзжалъ впрочемъ къ этимъ людямъ священникъ, «толковалъ о Богѣ», они ничего понять не могли, но образà имѣли, прятали ихъ подъ лавку, и вынимали только тогда, когда наѣзжалъ священникъ. Изъ боязни они крестились, изъ боязни вѣнчались, изъ боязни возили къ попу своихъ покойниковъ. Пріѣзжалъ къ нимъ также и становой; обложили ихъ податью, но результатъ получился только тотъ, что съ каждымъ днемъ недоимки на подлиповцахъ все растутъ, да растутъ. «Подлиповцевъ нельзя винить ни въ чемъ: они глупы, необразованы, но кто ихъ вразумитъ, куда они пойдутъ». Въ самомъ дѣлѣ, вразумить этотъ людъ некому, всѣхъ они боятся, попъ пріѣзжаетъ къ нимъ, требуетъ съ нихъ денегъ, нѣтъ денегъ, дай корову, лошадь, что хочешь, да дай; становой пріѣзжаетъ, требуетъ податей... другихъ отношеній государство къ нимъ не имѣетъ.

Люди родятся и умираютъ полудикими. Вотъ изъ какой среды беретъ г. Рѣшетниковъ своихъ героевъ. Понятно, что повѣсть, подобная «Подлиповцамъ», должна имѣть болѣе или менѣе исключительный характеръ, потому что тутъ описывается не совсѣмъ русскій народъ, не совсѣмъ русскіе нравы, не совсѣмъ русская жизнь. Довольно и того, что люди эти живутъ въ Россіи, именуются «русскими», а потому самому имѣютъ къ намъ, нужно сказать, очень близкое отношеніе. Вслѣдствіе этого близкаго отношенія къ намъ, «Подлиповцы, несмотря на свою исключительность, возбуждаютъ въ насъ сильный интересъ, и читая эту страшную картину нравовъ, мы счастливы, что отъ времени дó времени можемъ утѣшать себя фразою: да вѣдь въ концѣ концовъ это не русскіе. Но тотъ самый процессъ, что мы вынуждены утѣшать себя подобною фразою, доказываетъ уже, что въ этомъ утѣшеніи есть что-то фальшивое, натянутое, какъ будто бы мы не имѣли даже права утѣшать себя подобнымъ образомъ. Можетъ быть, это и не «братья-славяне», но тѣмъ не менѣе это просто братья, и потому утѣшаться, по поводу ихъ матеріальной и умственной нищеты, нельзя ничѣмъ.

Но что, спроситъ насъ читатель, незнакомый съ «Подлиповцами», могъ найти г. Рѣшетниковъ въ этой средѣ, какихъ героевъ могъ онъ выкопать здѣсь, развѣ люди въ подобномъ состояніи имѣютъ какую-нибудь опредѣленную физіономію, развѣ встрѣчается здѣсь какое-нибудь разнообразіе въ лицахъ, въ характерахъ, развѣ подобный бытъ не представляетъ сплошной, безличной массы? Г. Рѣшетниковъ своими «Подлиповцами» доказалъ противное, онъ съумѣлъ изъ этой среды выбрать себѣ героевъ, и нарисовалъ намъ два рѣзко очерченныхъ типа, которые поражаютъ насъ своею жизнію, своею правдою, которую мы инстинктивно чувствуемъ въ нихъ. Эти два типа, созданные твердою рукою, изъ которыхъ одинъ — Пила, представляетъ собою болѣе развитой, болѣе сильный характеръ, другой — Сысойка, болѣе слабый и мягкій, нѣсколько женственный, доказываютъ, какъ глубоко умѣетъ чувствовать и понимать человѣческую природу г. Рѣшетниковъ. Подъ этою дикою корою несравненно труднѣе доискаться до истинныхъ человѣческихъ чувствъ, чѣмъ въ средѣ болѣе нравственно развитой. Гаврило Гаврилычъ Пилинъ, или, какъ его называли подлиповцы, Пила, вмѣстѣ съ энергическимъ и сильнымъ характеромъ сохранялъ въ себѣ необыкновенную нѣжность и любовь къ ближнему — чувства, которыя не всегда, даже и очень рѣдко, встрѣтишь и въ образованномъ человѣкѣ. Только внѣшность его, наружная рѣчь его была часто груба; но за то подъ этою оболочкою так-

лось желаніе и стремленіе помочь не только своимъ роднымъ, но и всякому, находящемуся въ дурномъ положеніи человѣку. Въ дурномъ же положеніи находилась вся деревня Подлипная, а потому Пила старался какъ-нибудь облегчить участь своихъ сосѣдей. Но какъ облегчить участь людей, которые не понимаютъ даже необходимости работать, трудиться для своего существованія? а такого пониманія не было у подлиповцевъ. Одинъ Пила понялъ, что «ничего не дѣлая жить нельзя», и потому онъ не только самъ сталъ работать, ѣздить въ городъ для продажи настрѣленной дичи и другихъ товаровъ, но заставлялъ работать и подлиповцевъ. «Своимъ подлиповцамъ онъ помогалъ чѣмъ только могъ», но главная помощь заключалась въ томъ, что Пила преподавалъ имъ самыя основныя начала общественной жизни. «Работайте, что сидите», говорилъ Пила, и подлиповцы работали; «косите траву», говорилъ онъ, и подлиповцы косили, а не скажи имъ этого Пила, подлиповцы сами и не догадались бы. До этихъ необходимыхъ условій жизни Пила дошелъ отчасти своимъ умомъ, отчасти благодаря тому, что видѣлъ высшую степень «цивилизаціи» въ сосѣднемъ городѣ Чердынѣ. Другой типъ въ разсказѣ г. Рѣшетникова представляется съ первыхъ же страницъ также ясно очерченнымъ, какъ и характеръ Пилы. Сколько въ послѣднемъ силы воли, энергіи, столько же въ первомъ апатіи, слабости, младенческой простоты. «Сысойка былъ самый бѣдный въ деревнѣ и рѣдко бывалъ здоровымъ». Вся дѣятельность Сысойки или Сысоя Степановича Сысоева ограничивалась плетеніемъ лаптей, да тѣмъ еще, что онъ помогалъ Пилѣ искать лекарственныя травы, ѣздилъ съ нимъ въ село и городъ, однимъ словомъ жизнь свою онъ прицѣпилъ къ жизни Пилы. Отношенія между этими двумя лицами были самыя тѣсныя, до такой степени тѣсныя, что, «если Пила хворалъ, да Сысойка былъ здоровъ, Сысойкѣ казалось, что и онъ хвораетъ». Пила, какъ стоявшій выше по своему развитію, представлялъ и несравненно бо́льшую цѣльность характера; во всѣхъ своихъ отношеніяхъ, къ своему семейству, къ своему другу Сысойкѣ, и ко всѣмъ окружающимъ, онъ всегда почти былъ ровенъ, и если случалось ему бить землю, «какъ лошадь, чѣмъ попало», то только въ минуты особенной злости. Дочь свою онъ любилъ, сыновей Ивана и Павла пріучалъ работать и вообще что̀ называется былъ хорошимъ семьяниномъ. Сысойка же, хотя и болѣе слабый и мягкій, былъ не таковъ. Любилъ онъ только Пилу, да его дочь, съ которою вмѣстѣ росъ и потомъ сдѣлался ея любовникомъ, къ семьѣ же своей, къ старухѣ матери, да къ брату, да сестрѣ не чувствовалъ ничего подобнаго; напротивъ даже, по отношенію къ нимъ у него явля-

лась жестокость, смысла которой онъ собственно вовсе не понималъ. Ему хотѣлось поскорѣй отдѣлаться отъ матери и маленькихъ дѣтей, для того, чтобы совсѣмъ уже жить съ дочерью Пилы, и онъ желая ихъ смерти, билъ, ѣсть не давалъ, а убить ихъ все-таки ему было жаль. Опредѣленіе ихъ общихъ характеровъ, ихъ пониманія жизни, семейныхъ отношеній сдѣлано г. Рѣшетниковымъ съ такимъ знаніемъ и умѣніемъ, что постоянное противорѣчіе въ этихъ первобытныхъ натурахъ нисколько не поражаетъ и не кажется фальшивымъ. Тутъ страшная жестокость, тамъ непонятная нѣжность и сила теплаго чувства; все это вяжется въ этихъ двухъ фигурахъ и какъ нельзя болѣе представляется намъ совершенно естественнымъ въ нихъ.

Нужно посмотрѣть, какимъ образомъ въ этихъ полудикихъ людяхъ выражается грусть, отчаяніе, чтобы понять, какъ вѣрно схватываетъ г. Рѣшетниковъ душевныя движенія своихъ героевъ. Какъ ни страшна и невѣжественна эта жизнь, какъ ни велика грубость и дикость ихъ нравовъ, ни разу во всемъ разсказѣ г. Рѣшетниковъ не вызываетъ насмѣшки или даже невольнаго смѣха надъ этою грубостію, надъ этимъ невѣжествомъ. Кто бы ни читалъ этотъ разсказъ, какъ бы мало читатель ни былъ приготовленъ сочувствовать этому несчастному люду, никто не въ состояніи, намъ кажется, по крайней мѣрѣ, противиться тому тяжелому и необычайно грустному чувству, которое производятъ этотъ Пила и этотъ Сысойка своимъ нечеловѣческимъ положеніемъ. Сколько въ этихъ нравахъ и въ этихъ людяхъ есть такихъ сторонъ, которыя такъ и просятся подъ насмѣшку, сколько жизнь ихъ представляетъ такого, что, разсказанное безъ теплаго участія вообще къ людямъ, вызывало бы не болѣе какъ веселую улыбку. Мы полагаемъ, что нѣкоторые изъ нашихъ народныхъ писателей, привыкшихъ рисовать только внѣшнія стороны жизни, а не углубляться до ея внутренняго смысла, достигли бы именно такого только результата. Заслуга же г. Рѣшетникова и заключается въ томъ, что, передавая дикость и невѣжество, доведенное до крайнихъ предѣловъ, до которыхъ не доходилъ ни одинъ изъ другихъ писателей того же направленія, онъ рисуетъ ихъ съ такою же вѣрностію, съ такою же правдою, съ тою только разницею, что правда эта пробирается гораздо глубже, доходитъ до самыхъ скрытыхъ сторонъ человѣческой природы, на какой бы ступени развитія она ни стояла.

Конечно, по Пилѣ и Сысойкѣ нельзя судить о положеніи русскаго народа, объ этомъ нечего и говорить, но можно судить о томъ, какъ трудно выбираться людямъ изъ невѣжественныхъ дебрей, какъ мало люди находятъ поддержку внѣ себя,

чтобы преодолѣть свою непомѣрную грубость. Если бы условія общей жизни были иныя, если бы кругомъ подобныхъ людей шла на самомъ дѣлѣ жизнь, основанная вовсе на другихъ началахъ, тогда Пилѣ и Сысойкѣ далеко не такъ трудно было-бы превратиться въ смышленый народъ. Человѣческія чувства живутъ въ нихъ, но ничто только не способствуетъ ихъ развитію. Посмотрите, какъ просто описываетъ г. Рѣшетниковъ эти человѣческія чувства и вмѣстѣ какія тяжелыя мысли нагоняетъ онъ на читателя, показывая ему, что̀ дѣлаютъ люди, стоящіе по своему положенію и по своему развитію выше героевъ «Подлиповцевъ» для того, чтобы вывести ихъ изъ полудикаго состоянія. Умерли маленькій братъ и маленькая сестра Сысойки: убиты они были камнемъ, отвалившимся отъ печи, гдѣ спали ребята; повезъ хоронить ихъ Пила, но не тутъ-то было. Подлиповцы, питавшіеся корою, показались должно быть слишкомъ зажиточными людьми, и вотъ стали стращать ихъ становымъ и потребовали отъ Пилы единственной его коровы, которая кормила и его семью и семью Сысойки. «Пилѣ все теперь опротивѣло, проклялъ онъ свою жизнь, долго билъ свою лошадь, самъ не зная за что», подумалъ, подумалъ Пила и отправился въ городъ добывать себѣ пропитаніе. Сталъ Пила приглядываться къ людямъ, прислушиваться къ тому, что̀ они говорятъ, и въ первый разъ блеснула у него въ головѣ мысль, не покинуть ли Подлипной, не пойти ли искать по-бѣлу свѣта «богачества». И раньше видѣлъ уже въ городѣ Пила мужиковъ, которые ходятъ бурлачить, и раньше слышалъ про «богачество», но раньше Пила «не вѣрилъ мужикамъ, говорящимъ про богачество, и не спрашивалъ, что такое бурлачество; теперь ему опротивѣла жизнь, мужики раззадорили его: не лучше ли бурлачить? спросилъ самъ себя Пила». Вотъ какъ западаетъ въ голову подлиповца первая мысль о томъ, что не хорошо жить, такъ какъ прежде онъ жилъ, что нельзя ли найти что-нибудь получше—и Богъ знаетъ сколько времени не пришла бы ему эта мысль въ голову, если бы священникъ, запугивая его становымъ, не отнялъ у него корову. Конечно, отнять у мужика корову, это странное средство способствовать развитію мужика, но какъ видно, и оно иногда удается. Нужда пляшетъ, нужда... Возвращается Пила въ Подлипную и все думаетъ: идти ему бурлачить или не идти? Натура его возмущается противъ прежней жизни, онъ, подъ вліяніемъ отнятой коровы, страха передъ становымъ, разсказовъ о «богачествѣ» мужиковъ, начинаетъ чувствовать отвращеніе къ своей деревнѣ и нѣкоторую злобу на подлиповцевъ, «надоѣли подлиповцы; пусть помираютъ, мнѣ не пособить».

Въ развитіи чувства ожесточенія противъ прежней жизни, въ желаніи попробовать чего-нибудь другого, въ пробужденіи Пилы, въ его озлобленіи на людей, на украденную корову, на священника, на станового, г. Рѣшетниковъ выказалъ много психическаго анализа точно также, какъ много неподдѣльнаго чувства въ описаніи горя, которое поразило Пилу и Сысойку — смерти Апроськи, дочери перваго и любовницы послѣдняго. Послѣ того, что Пила рѣшился оставить Подлипную, послѣ того, что протестъ вызвался у этого невѣжественнаго человѣка въ сильной озлобленной формѣ, онъ сказалъ себѣ: «уйду же я, уйду! Ужъ не поклонюсь я болѣ никому, не дамъ коровы... и станового теперь не боюсь...»; онъ почувствовалъ въ первый разъ какое-то довольство. Спокойно пошелъ въ деревню Пила, желая взять съ собою Сысойку и Апроську и отправиться вмѣстѣ бурлачить, потому что безъ Сысойки и Апроськи жизнь казалась ему невозможною. Грубая натура Пилы способна была испытывать сильныя привязанности. «Живы ли Сысойка и Апроська?» сказалъ онъ себѣ разъ, проснувшись. «Сердце дрогнуло у Пилы: а что если померли?.. Пила не могъ придумать, что будетъ съ нимъ, если помрутъ Апроська и Сысойка. Онъ только и придумалъ: «а пошто я-то не помру? Я-то на што живу»... Въ первый разъ въ жизни, Пила почувствовалъ сильное горе. Его мучила не корова, а Сысойка и Апроська...» Обстановка, въ которую поставлены герои г. Рѣшетникова, до такой степени некрасива, что подчасъ хочется отказаться вѣрить, чтобы она была возможна въ нашъ цивилизованный вѣкъ и въ нашемъ цивилизованномъ государствѣ. Но какъ возможно не вѣрить, когда авторъ, слѣдя шагъ за шагомъ за своими подлиповцами, заставляетъ присутствовать васъ при такихъ раздирающихъ сценахъ, при такихъ картинахъ этой получеловѣческой по наружности жизни, что вглядываясь, вдумываясь въ нихъ, поневолѣ говоришь себѣ: нѣтъ, сцены эти, характеры до такой степени естественны, въ нихъ слышится такая правда, что авторъ долженъ былъ видѣть, что-нибудь очень похожее на описываемое, иначе неизбѣжно въ нихъ чувствовалась бы фальшь. Вошелъ Пила въ избу Сысойки и засталъ тамъ лежащій на печкѣ холодный уже трупъ матери Сысойки. «Пила струсилъ старухи, соскочилъ съ полатей, плюнулъ на печку и убѣжалъ на улицу...» Дома у себя Пилу ожидала другая сцена. Не успѣлъ онъ войти въ избу, какъ жена его Матрена набросилась на него: «Што дьяволъ!.. Всѣхъ насъ уморить, что ли, захотѣлъ? Вонъ Апроська-то померла!.. Пилу какъ обухомъ кто ударилъ по головѣ, онъ ротъ разинулъ и тупо смотрѣлъ на печку, гдѣ сидѣлъ Сысойко, блѣдный и такой сердитый...» Нужно

отдать справедливость г. Рѣшетникову, что онъ съ большою простотою рисуетъ намъ драму этой полудикой жизни, и нужно большое дарованіе, чтобы заставлять трепетать самыя чувствительныя человѣческія струны подъ грубой корою подлиповцевъ. Г. Рѣшетниковъ описываетъ и эту грубость, и кроющееся въ ней рядомъ чувство такъ, что никому не придетъ на умъ сказать: это идеализація, въ этихъ натурахъ ничего подобнаго не бываетъ! Чувство это поражаетъ по внутренней своей силѣ, но оно выражается, какъ и должно быть, въ чрезвычайно грубой формѣ, и тѣмъ производитъ еще бо́льшее впечатлѣніе. Что дѣлаетъ Пила, когда узнаётъ о смерти Апроськи, своей любимой дочери? «Ударилъ онъ жену и полѣзъ на печку», вотъ какъ выражается горе Пилы; онъ хочетъ сорвать на комъ-нибудь свою досаду и потому бьетъ свою жену, но рядомъ съ этимъ слезы подступаютъ уже къ его горлу и онъ только хочетъ убѣдиться, умерла ли на самомъ дѣлѣ его Апроська». На полатяхъ лежала Апроська. Она была такая же, какъ и двѣ недѣли тому назадъ, только не дышала. Пила не вѣрилъ, что она умерла, сталъ онъ ее толкать, она не шевелится...» Убѣдившись, что Апроська умерла, Пила «взвылъ, убѣжалъ на улицу, забрался въ стойку и долго тамъ плакалъ». Пила, какъ натура болѣе сильная, долженъ былъ мужественнѣе перенести горе; поревѣвши нѣкоторое время, онъ «вскочилъ какъ бѣшеный и сказалъ самъ себѣ: что я за чучело? Что мнѣ жить-то? пойду изъ Подлипной, наплюю на ихъ всѣхъ...», и рѣшился тогда во что бы то ни стало идти бурлачить. Но «наплевать» на всѣхъ Пилѣ было не такъ легко, онъ былъ привязанъ къ Сысойкѣ, къ своимъ сыновьямъ, и потому бросить ихъ ему было бы не легко. На Сысойку смерть его любовницы произвела вовсе другое впечатлѣніе, хотя болѣе или менѣе выразившееся въ той же формѣ. Долго Сысойко не могъ постичь: какъ такъ могла умереть Апроська? Смерть, казалось, въ первый разъ представилась въ ея загадочномъ характерѣ слабому уму Сысойки. Прежде умирали другіе, умеръ отецъ, мать, братъ, сестра, а онъ не очень задумывался,—ну, умерли, и все тутъ; но смерть Апроськи, его любовницы, была чѣмъ-то особеннымъ для него, «онъ не плакалъ, а видно было, что его страшно мучило горе», и онъ задавалъ себѣ вопросъ: «онъ-то зачѣмъ не померъ»? Очевидно, Сысойкѣ трудно было помириться съ мыслію, что Апроська отнята у него, и отнята навсегда. Сысойка все думалъ только о томъ, что хорошо было бы и ему умереть; мысль эта впрочемъ являлась и у Пилы, и вотъ какъ рисуетъ г. Рѣшетниковъ и ихъ мысль о смерти, и кризисъ въ ихъ горькой доли:

— Пила, заруби меня? сказалъ Сысойко.

— Э!.. ты заруби.

Оба они думали о смерти; но все-таки обоимъ имъ казалось страшно умереть, обоимъ хотѣлось еще пожить...

— Поѣдемъ Сысойко!.. Поѣдемъ, говорилъ Пила.

— Куда къ лѣшимъ?

— Бурлачить.

— Убей меня!..

— Богачество тамъ... Ну, что въ деревнѣ? Апроськи нѣтъ! Эхъ горе! Пила заплакалъ.

Сысойко изругался, въ ругани онъ хотѣлъ излить все зло на эту жизнь,—на все, чего онъ не понималъ...

— Пойди ты въ Подлипную... Ну что тамъ? помремъ.

— Пойдемъ Пила, пойдемъ, братанъ... Эхъ, Пила!

Горе обоихъ было велико. Для обоихъ міръ этотъ казался тяжелымъ, невыносимымъ. У нихъ не было отрады. При всей бѣдности, безъ Апроськи, они думали, какъ жить теперь?

— Пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ Сысойко... Веди, а въ Подлипную шабашъ!

— Ужъ ты иди, не отставай... Сысойко! умри ты — бѣда мнѣ...

— Мнѣ тоже...

Тутъ, собственно говоря, оканчивается первая часть разсказа «Подлиповцы». Послѣ стрясшагося надъ ними горя, взялъ Пила свою жену, дѣтей и вмѣстѣ съ Сысойкой отправились въ городъ, чтобы идти оттуда бурлачить. Хотя г. Рѣшетниковъ и продолжалъ первую часть гораздо дальше, рисуя въ ней же, какъ наши «Подлиповцы» пришли въ городъ, какъ на другой же день подрались они съ мужиками и попали въ полицію, гдѣ быстро познакомились они со всѣми порядками благоустроеннаго государства, тѣмъ не менѣе эта часть уже рѣзко отличается отъ начала разсказа и, по нашему мнѣнію, отличается не къ выгодѣ всего остального. Въ продолженіи разсказа нѣтъ уже той силы, которую мы видимъ въ первой половинѣ, многое растянуто, много встрѣчается повтореній, утомительныхъ подробностей, но главныя фигуры Пилы и Сысойки сохраняютъ все-таки всю свою выдержанность. Первые плоды цивилизаціи Пила и Сысойко вкушаютъ въ полиціи, на судебномъ слѣдствіи, гдѣ они впервые узнаютъ о какихъ-то «паспортахъ», и затѣмъ главнымъ образомъ въ острогѣ, куда ихъ засадили вмѣстѣ со всѣми другими арестантами. Подлиповцы довольно скептически относились къ тому, что имъ говорили о лицахъ болѣе высокихъ, нежели ихъ сельскій попъ и становой, удивлялись, что имъ даютъ даромъ хлѣбъ и настоящій хлѣбъ, но не понравилось имъ, когда они уразумѣли, что находятся подъ судомъ. Освободились наконецъ отъ преслѣдованій наши подлиповцы, и отправились они въ дальній путь наниматься въ бурлаки. Г. Рѣшетниковъ описываетъ чрез-

вычайно подробно, какъ дѣйствуютъ на подлиповцевъ ихъ первыя сношенія съ людьми, новыя мѣста, новыя чудеса, какъ поражаются они различными диковинками въ видѣ соляныхъ варницъ, пароходовъ, какъ дѣйствуетъ все, что они видятъ и слышатъ, на ихъ неприготовленные умы. Скоро подлиповцы увидѣли и другихъ людей въ такомъ же положеніи, какъ они, и другихъ точно также, какъ и подлиповцевъ «нужда, бѣдность края, неумѣніе работать заставили ихъ покинуть свои семьи и идти въ бурлаки съ такимъ же убѣжденіемъ, какъ шли подлиповцы и ихъ товарищи. Каждому, какъ видно, опротивѣла родная сторона; хочется чего-то хорошаго, хочется раздолья, хочется хорошо поработать, хорошо поѣсть, хорошо поспать...» Пила остается попрежнему руководителемъ подлиповцевъ, Сысойки, Павла, Ивана, но недолго. Сыновья Пилы, какъ люди молодые и потому болѣе воспріимчивые, скоро въ своемъ развитіи обогнали отца. Отвѣдавъ сладкаго, они не хотятъ больше горькаго и потому говорятъ: «уже мы туда не пойдемъ, показывая рукой на ту сторону, откуда они пришли». Наконецъ, послѣ далекихъ странствованій, нанялись подлиповцы въ бурлаки.

Во второй части «Подлиповцевъ» г. Рѣшетниковъ описываетъ намъ жизнь бурлаковъ, куда стремились такъ Пила и Сысойко, чтобы добыть себѣ «богачество», и какъ ни тяжела эта жизнь, все-таки для подлиповцевъ, по крайней мѣрѣ сначала, она казалась какимъ-то праздникомъ послѣ ихъ жизни въ Подлипной. Немногое въ прежней жизни оставило имъ по себѣ хорошую память, и только изрѣдка скажетъ Сысойко: «все бы Апроську надо», и Пила отвѣтитъ ему, задумавшись: «надо бы». Трудно было понять подлиповцамъ, что̀ имъ нужно дѣлать, тяжела показалась работа, но дѣлать нечего, должны были привыкать. Бурлаки «то-и-дѣло нагибаютъ спины, наклоняются, поднимаются, шлепаютъ тяжелыми, усталыми ногами, думаютъ что-то, вѣроятно, объ томъ: ахъ бы лечь, да отдохнуть.... Рубашки смокли, прильнули къ горячему тѣлу, по бородамъ текутъ крупныя потныя капли и падаютъ то на весла, то на рукавицы.... А барку несетъ бокомъ; лѣса, поля, деревни, люди — все и все куда-то несетъ. Эхъ ты жизнь, жизнь горе-горькая! Только одно солнышко стоитъ на одномъ мѣстѣ, ласково такъ смотритъ на міръ Божій, да и то ненадолго, возьметъ да и спрячется за сѣрыя тучи, словно дразнится....» Много простоты есть въ тѣхъ описаніяхъ природы, которыя попадаются изрѣдка у г. Рѣшетникова, много задушевности въ описаніяхъ тѣхъ чувствъ, которыя шевелятся въ его герояхъ. Правда, простота эта доходитъ

иногда до сухости, которая прямо вытекаетъ изъ недостаточной литературной отдѣлки разсказа.

Мы не будемъ подробно слѣдить за второю частью «Подлиповцевъ», гдѣ рельефно передана бурлацкая жизнь. Очевидно, что г. Рѣшетниковъ отлично изучилъ бытъ бурлаковъ и разсказываетъ о немъ, рисуетъ его очень живо, хотя иногда и впадаетъ въ повторенія и подробности, которыя только утомляютъ читателя, не прибавляя ничего къ полнотѣ разсказа. Пила и Сысойко видѣли уже много селъ и городовъ, видѣли и слышали много народу, но они попрежнему оставались тѣмъ же, чѣмъ были, имъ хотѣлось только одного: больше хлѣба и подольше спать. Въ то время, когда у Ивана и Павла, этихъ молодыхъ парней, измѣнялось, такъ сказать, міросозерцаніе, когда они входятъ нравственно въ ту болѣе широкую жизнь, куда они попали, Пила и Сысойка продолжаютъ быть чуждыми этой болѣе широкой жизни, хотя они и поняли, что она лучше жизни въ Подлипной, но многимъ ли лучше — вотъ вопросъ, къ разрѣшенію котораго скоро доведены будутъ Пила и Сысойко. Въ большомъ городѣ, куда пристали ихъ барки, съ Пилой и Сысойкой случилась бѣда: потеряли они въ городѣ, въ толпѣ, Ивана да Павла, которые зазѣвались на народъ, въ то время, когда барки должны были уже трогаться съ мѣста. Барки ушли, а сыновья Пилы остались въ городѣ, ихъ не дождался лоцманъ. «Эко горе! Какъ же теперь безъ ребятъ-то! Помрутъ они тамъ», подумали Пила и Сысойко, и жизнь сдѣлалась для нихъ еще скучнѣе. Потерявши сыновей, Пила почувствовалъ странное одиночество, у него оставался теперь одинъ Сысойко, и это одиночество, эту тоску г. Рѣшетниковъ передаетъ очень хорошо.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, Пила и Сысойко становятся для насъ болѣе понятны, болѣе цѣльны, болѣе закончены. Передъ нами, какъ живые, являются эти люди, въ которыхъ не умерли всѣ человѣческія чувства, но которые гибнутъ въ невѣжествѣ, въ дикости, и несмотря на ихъ добрую волю, несмотря на энергію, не находятъ средствъ освободиться отъ своихъ путъ. Они бросаютъ свою деревню, идутъ искать такого мѣста, гдѣ дадутъ имъ больше хлѣба, гдѣ имъ не нужно будетъ питаться корою, идутъ искать себѣ, однимъ словомъ, лучшей жизни, и что же они находятъ? Ихъ дикія понятія замѣняются другими, которыя, собственно говоря, не многимъ менѣе дики, чѣмъ ихъ старыя представленія объ окружающемъ мірѣ, ихъ новая жизнь не многимъ легче той, которую они бросили съ ожесточеніемъ. Причину того нужно искать уже не въ исключительномъ положеніи Пилы и Сысойки, а въ общемъ положеніи той среды, куда они попадаютъ.

Пила уже начинаетъ догадываться, что мало прока будетъ имъ отъ всего ихъ труда, «какъ прежде жили, такъ и теперь придемъ безъ всего», говоритъ онъ, а Сысойко только прибавляетъ: «што дѣлать!... вотъ-те и бурлачество!» Договариваются они до того, что спрашиваютъ, какъ спрашивали и въ началѣ разсказа, зачѣмъ они родились на свѣтъ Божій? Какъ мрачно и тяжело началась жизнь Пилы и Сысойки, также мрачно и тяжело оканчивается она въ разсказѣ г. Рѣшетникова. «Идутъ бурлаки часа четыре, то по колѣна въ водѣ, то по болотистому берегу, то перескакиваютъ черезъ ручейки, переходятъ горки. Всѣ устали, измучились, какъ загнанныя лошади, у всѣхъ пересохло горло. Всѣ молчатъ уже съ часъ. Пила идетъ впереди, Сысойко рядомъ, Елка и Морошка позади ихъ. Пила и Сысойко страшно исхудали и походятъ на мертвецовъ. Они цѣлую недѣлю пролежали въ суднѣ, теперь немного поправились, и хотя едва-едва переступаютъ ногами, хотя у нихъ кружатся головы, лоцманъ заставилъ-таки ихъ тащить судно». Такъ идетъ жизнь героевъ г. Рѣшетникова, и чѣмъ дальше читаешь этотъ страшный, страшный по своей простотѣ, разсказъ, тѣмъ болѣе соглашаешься съ самимъ Пилою, спрашивающимъ себя: «пошто родились мы?» Родились они для того, можно отвѣтить, чтобы всю жизнь маяться, искать, въ силу того, что въ натурѣ человѣка лежитъ всегда стремленіе къ лучшему, исхода изъ этой жизни, и въ концѣ концовъ не находить его, потому что они даже и понять не могутъ, гдѣ кроется это лучшее. Драматическому разсказу г. Рѣшетникова какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ развязка, конецъ его, въ которомъ мы присутствуемъ при смерти этихъ двухъ несчастныхъ людей, этихъ двухъ типовъ дикаго, загнаннаго народа. Тянули бурлаки барку, ставшую на мель, бичевка лопнула, всѣ бурлаки упали, въ томъ числѣ Пила и Сысойко. Сцена эта такъ сильно написана, въ ней столько поражающей простоты, она такъ хорошо опредѣляетъ манеру г. Рѣшетникова, что мы рѣшаемся выписать ее цѣликомъ.

Пила и Сысойко лежатъ безъ чувствъ въ разныхъ сторонахъ, облитые кровью. Бурлаки окружили ихъ и стали смотрѣть. Пила разбилъ лобъ, переломилъ лѣвую ногу... Сысойко разбилъ грудь...

Всѣ запечалились.

— Померли! родимые...

— Эхъ-ма! Вотъ-те и жизь!... Охъ-хо-хо! и бурлаки утираютъ черными, жесткими ладонями глаза...

Пилу и Сысойка накрыли полушубками и отошли прочь.

Приплылъ на берегъ одинъ лоцманъ съ бурлаками. Всѣ погоревали, долго судили: что дѣлать съ Пилой и Сысойкомъ, и рѣшили свезти ихъ въ деревню. Пилу и Сысойка положили на рогожи, завернули рогожами, приплавили въ ши-

тикѣ на судно и тамъ положили на палубѣ. Бурлаки не отходили отъ нихъ, обмыли водой обоихъ и положили такъ, какъ мертвыхъ. Сысойко пришелъ въ чувство, застоналъ, взглянулъ въ лѣвую сторону, гдѣ лежалъ Пила... Лицо Пилы было страшно.

— Пила! простоналъ Сысойко.

— Дай водицы ему, сказалъ лоцманъ одному бурлаку.

Бурлаки почерпнули въ ведро воды и влили въ ротъ Сысойкѣ воду. Тоже сдѣлали и съ Пилой.

Пила пошевелился, но не издалъ звука.

Сысойко смотритъ на Пилу дико. «Пила!» опять стонетъ онъ.

Пила издалъ глухой стонъ

— Больно? спрашивали Сысойка бурлаки.

Сысойко смотритъ на всѣхъ дико, стонетъ... Вотъ онъ повернулся на бокъ и смотритъ на Пилу. Пила открылъ глаза, пошевелилъ губами и ничего не сказалъ... Потомъ онъ протянулъ къ Сысойкѣ руку и умеръ...

— Померъ...

— Добрый былъ, добрый...

— И мы такъ помремъ... разсуждаютъ бурлаки, чуть не плача.

— Тятька! стонетъ Сысойко.

— И онъ помретъ...

— Сысоюшко! поживи ошшо чуточку! говорятъ Сысойкѣ бурлаки.

Лоцманъ никакъ не могъ заставить бурлаковъ тянуть судно.

— Нетрось! говорятъ — и мы помремъ.

Намъ кажется просто невозможнымъ отказать этой сценѣ въ большомъ мастерствѣ, и мы желали бы, чтобы на нее обратили вниманіе всѣ тѣ, которые не хотятъ признавать за г. Рѣшетниковымъ серьезнаго таланта. Тутъ и останавливается разсказъ г. Рѣшетникова, оставляя по себѣ невѣроятно тяжелое впечатлѣніе. Пила и Сысойко являются передъ нами какъ нельзя болѣе цѣльными фигурами, передъ нами проходитъ во всей простотѣ вся ихъ горькая жизнь, ихъ безвыходное положеніе становится намъ вполнѣ нагляднымъ. Закрывая книгу, мы теряемся и не знаемъ просто, что подумать объ этихъ типичныхъ фигурахъ, объ этой типичной жизни, объ этой мрачной картинѣ, нарисованной съ такою неподдѣльною истиною. Пила и Сысойко исключительныя фигуры, положимъ, но весь вопросъ заключается въ томъ, не существуетъ ли среди насъ такъ много подобныхъ исключеній, что они сами по себѣ могутъ составить правило? не похожи ли условія, среди которыхъ родились и жили Пила и Сысойко, на условія, среди которыхъ живетъ значительная масса русскаго населенія?

Обращаясь къ «Подлиповцамъ», читатель, можетъ быть, спроситъ, что же это въ самомъ дѣлѣ за произведеніе: разсказъ ли, повѣсть, или, наконецъ, правъ самъ авторъ, назвавъ его «этнографическимъ очеркомъ». Безъ сомнѣнія, тѣхъ общепринятыхъ условій, для того, чтобы «Подлиповцевъ» можно было назвать

повѣстью, тутъ нѣтъ. Нѣтъ тутъ никакой интриги, нѣтъ дѣйствія, нѣтъ крупнаго событія, гдѣ бы можно было видѣть, какъ дѣйствуютъ выведенныя лица, какъ обрисовывается въ данномъ случаѣ тотъ или другой характеръ, но тутъ есть то, что важнѣе всего, что стоитъ выше всѣхъ давно принятыхъ условій, тутъ есть изображеніе жизни, и изображеніе правдивое, сдѣланное съ большимъ знаніемъ и глубокою наблюдательностью. Жизнь представляется тутъ въ ея будничномъ свѣтѣ, обыденномъ ходѣ, авторъ не подумалъ даже выбрать въ этой жизни какой-нибудь выдающійся моментъ. Жизнь эта представляется тутъ въ двухъ фигурахъ, находящихся въ исключительно невѣжественномъ положеніи, но фигуры эти движутся и бродятъ среди общаго русскаго населенія. И чтò при этомъ не можетъ не поражать въ этомъ разсказѣ, это то, что жизнь и понятія этой массы вовсе не таковы, чтобы Пила и Сысойко выдавались на ней чернымъ пятномъ. Нѣтъ, понятія Пилы и Сысойки и понятія этой массы почти-что сливаются въ одно общее. Мы не сомнѣваемся, что «Подлиповцы» много бы выиграли, и значеніе этого, какъ скромно называетъ его авторъ, очерка было бы больше, еслибы вмѣсто той безличной массы, которою онъ окружаетъ своихъ героевъ, были выведены одна или двѣ фигуры, которыя бы захватили въ себя типическія стороны этой массы; одна фигура нѣсколько цѣльная больше знакомитъ насъ съ народомъ, съ его развитіемъ и пониманіемъ, чѣмъ десятки сценъ, гдѣ описываются разговоры толпы. Высказывая такое желаніе, съ которымъ, собственно говоря, можно отнестись ко всѣмъ молодымъ народнымъ писателямъ, мы вовсе не хотимъ сдѣлать упрека г. Рѣшетникову, что онъ не удовлетворяетъ ему въ своихъ «Подлиповцахъ». Многое могло бы быть улучшено въ этомъ разсказѣ, но и такъ, какъ онъ есть, онъ очень хорошъ.

Въ «Подлиповцахъ», по нашему мнѣнію, сказались всѣ существенныя достоинства и существенные недостатки г. Рѣшетникова. Достоинства мы уже видѣли во всемъ томъ, что сказали до сихъ поръ о «Подлиповцахъ», и увидимъ далѣе, говоря о другихъ его произведеніяхъ; что же касается недостатковъ, то мы можемъ ихъ высказать теперь же. Г. Рѣшетниковъ или рѣшительно пренебрегаетъ литературной отдѣлкой, или, что также весьма можетъ быть, онъ просто неспособенъ къ ней. Мы конечно предпочитаемъ, чтобы въ произведеніи стояло на первомъ планѣ содержаніе, но жестоко ошибается тотъ писатель, который думаетъ, что форма ровно ничего не значитъ, что о ней не стòитъ заботиться. Чѣмъ лучше форма, тѣмъ рельефнѣе въ ней отливается содержаніе; форма придаетъ ему крѣпость и силу. Форма

же является у г. Рѣшетникова въ весьма непривлекательномъ, такъ сказать въ первобытномъ видѣ. Трудно сказать, для чего, напр., г. Рѣшетниковъ такъ часто прибѣгаетъ къ выраженіямъ совершенно нелитературнымъ, къ чему онъ такъ щедръ на крѣпкія слова; если онъ полагаетъ, что этимъ онъ передаетъ грубость нравовъ, дикость жизни, то онъ какъ нельзя болѣе заблуждается. Грубость и дикость передаются не словами, а цѣлою картиною нравовъ, изображеніемъ людскихъ понятій, поступковъ, отношеній, которые характеризуются вовсе не отдѣльными грубыми словами. Способъ характеризовать нравы и жизнь сильными выраженіями очень дешевъ, и къ нему не долженъ прибѣгать писатель съ такимъ талантомъ, какъ г. Рѣшетниковъ. Если крѣпкія слова онъ употребляетъ безъ намѣренія, безъ умысла, то мы можемъ только жалѣть, что онъ не замѣчаетъ самъ, какъ они не усиливаютъ, а только ослабляютъ впечатлѣніе. Кромѣ этого упрека, мы укажемъ еще на одинъ недостатокъ г. Рѣшетникова, который относится уже къ самой постройкѣ, къ концепціи его произведенія. Читая г. Рѣшетникова, намъ представляется, что онъ пишетъ безъ строго опредѣленнаго плана, вслѣдствіе чего въ произведенія его вкрадывается бездна лишнихъ, ненужныхъ сценъ, бездна повтореній, которыя одинаково вредятъ общему впечатлѣнію. Еслибы г. Рѣшетниковъ болѣе отдѣлывалъ свои произведенія, какъ въ отношеніи общаго плана, такъ и въ отношеніи деталей; еслибы онъ сжималъ свой разсказъ, опуская все, что прямо не относится къ начерченной имъ задачѣ; еслибы онъ избѣгалъ утомляющихъ повтореній, и болѣе обработывалъ выводимыя имъ фигуры, придавая имъ тѣ тонкія черты, рѣзко отличающія одного человѣка отъ другого, которыя становятся замѣтными, какъ только начинаешь приглядываться къ извѣстному характеру; еслибы при этомъ онъ болѣе наблюдалъ за своимъ слогомъ и постоянно очищалъ его отъ вкрадывающагося въ него по временамъ мусора, тогда, нѣтъ сомнѣнія, произведенія г. Рѣшетникова выиграли бы очень много и производили бы еще болѣе сильное впечатлѣніе чѣмъ-то, которое они производятъ и теперь.

III.

Если всѣ эти недостатки, въ большей или меньшей мѣрѣ мы встрѣчаемъ въ «Подлиповцахъ», также какъ и въ его повѣстяхъ и разсказахъ, собранныхъ недавно въ два большіе тома, то мы находимъ ихъ и въ послѣднемъ, главномъ и лучшемъ его произведеніи,

въ его романѣ «Гдѣ лучше?». Изъ недостатковъ г. Рѣшетникова, которые мы упомянули, въ этомъ произведеніи бросается въ глаза прежде всего одинъ, касающійся самой постройки, концепціи романа. Въ немъ точно также какъ и въ другихъ его произведеніяхъ, пожалуй даже еще больше, есть много лишняго, растянутаго, какъ будто авторъ не можетъ схватить сильною рукою своего содержанія и потому расплывается въ немъ. Если таковъ главный недостатокъ романа г. Рѣшетникова, если въ немъ есть еще и другіе, съ которыми мы встрѣтимся при самомъ его разборѣ, то скажемъ тутъ же, что всѣ эти недостатки искупаются достоинствами, и весьма значительными, послѣдняго произведенія автора «Подлиповцовъ». Главное достоинство и крайне дорогое, по нашему мнѣнію, это то, что на этотъ разъ г. Рѣшетниковъ не ограничился изображеніемъ какой-нибудь одной стороны простонародной жизни, не задался мыслію представить намъ какую-нибудь исключительную фигуру, точно также и не ограничился изображеніемъ пестрой толпы, говоръ которой онъ могъ бы подслушать гдѣ-нибудь на большой дорогѣ или на площади. Мы только тогда можемъ познакомиться близко съ этою толпою, тогда только мы узнаемъ ея характеръ, ея нравы, ея развитіе, существующія въ ней отношенія людей между собою, когда мы не только близко подойдемъ къ ней, но когда въ этой безличной толпѣ мы въ самомъ дѣлѣ начнемъ распознавать лица, когда изъ этой толпы выдѣлятся для насъ отдѣльныя фигуры, типы этой толпы, когда эти выдѣлившіяся лица мы увидимъ въ ихъ обыденной жизни, когда мы познакомимся со всѣмъ ихъ матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ. Толпа не безлична, она состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и до тѣхъ поръ, пока передъ нами не пройдетъ цѣлый рядъ типическихъ индивидуальностей, пока мы не узнаемъ жизни и нравственнаго развитія этихъ народныхъ типовъ, нарисованныхъ съ знаніемъ и правдивостію, до тѣхъ поръ мы и не будемъ знать хорошо жизни и развитія этой толпы, до тѣхъ поръ всѣ наши мечтанія о величіи русскаго народа и его удивительныхъ способностяхъ и драгоцѣнныхъ качествахъ будутъ ничѣмъ инымъ какъ словами, брошенными на вѣтеръ.

Г. Рѣшетниковъ сдѣлалъ драгоцѣнную попытку изобразить намъ массу русскаго народа, представленнаго нѣсколькими отдѣльными лицами, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой характеръ, свою физіономію, и если на всѣхъ этихъ фигурахъ лежитъ одна общая печать — печать невѣжества, то это уже не вина г. Рѣшетникова, а вина невѣжества, густою корою покрывающаго русскій народъ. Но виноватъ ли русскій народъ въ

этомъ невѣжествѣ — это другой вопросъ. Конечно, виноватъ не народъ, а тѣ «историческія причины», которыя сдерживаютъ его развитіе. Стремиться нарисовать типическія фигуры, движущіяся въ обыденной жизни русскаго народа, войти въ самую глубину этой обыденной жизни, проникнуть въ самыя сокровенныя мысли обыденныхъ личностей, схватить въ этихъ людяхъ и въ этой жизни всѣ ихъ драматическіе, чтобы не сказать трагическіе элементы и затѣмъ представить все это въ одной цѣльной и полной картинѣ — такова, кажется намъ, задача, которая должна была занимать г. Рѣшетникова. Была она у него или не была, мы не знаемъ, мы видимъ только ея осуществленіе, тѣмъ болѣе удачное, что это еще первая попытка въ русской литературѣ: написать романъ заимствованный изъ жизни чернаго народа. Кого непріятно поражала грубость нравовъ и невѣжество, изображенныя г. Рѣшетниковымъ въ его «Подлиповцахъ», тотъ могъ, какъ мы уже сказали, утѣшать себя легкою фразою: это не совсѣмъ русскіе! Такого утѣшенія читатель не можетъ найти себѣ при чтеніи новаго романа г. Рѣшетникова, гдѣ изображается уже вполнѣ бытъ коренного русскаго народа, и гдѣ точно также на васъ производитъ потрясающее впечатлѣніе и матеріальная жизнь этихъ людей и низкій уровень ихъ нравственнаго развитія, гдѣ одинаково поражаютъ читателя грубость нравовъ, невѣжественность, но гдѣ точно также вы встрѣчаете человѣческія чувства, глубокія душевныя движенія, которыя еще болѣе возмущаютъ васъ противъ той тьмы, въ которой блуждаетъ народъ.

Если рамка «Гдѣ лучше?» несравненно шире рамки «Подлиповцевъ»; если значеніе одного произведенія г. Рѣшетникова гораздо серьезнѣе значенія другого; если въ одномъ задача крупнѣе и авторъ выказалъ въ немъ высшую степень развитія своего таланта чѣмъ въ другомъ, то въ основаніи обоихъ произведеній г. Рѣшетникова лежитъ одна и та же мысль, оба они построены на одномъ и томъ же положеніи, и даже внѣшняя завязка исходитъ изъ одного и того же мотива. Что мы видимъ въ «Подлиповцахъ?» Люди живутъ въ своемъ краю, проклиная свою жизнь, не имѣя чѣмъ существовать, мечтаютъ о томъ, что должно быть въ другихъ мѣстахъ лучше, что въ другихъ мѣстахъ можно пріобрѣсть себѣ «богачество», такъ какъ тутъ кромѣ нищеты ни до чего не добьешься, и потому рѣшаются покинуть свою сторону, и отправляются искать такого мѣста, гдѣ легче можно было бы добыть себѣ хлѣбъ, гдѣ жизнь была бы отраднѣе и веселѣе. Долго странствуютъ эти люди, отыскивая гдѣ имъ лучше, и наконецъ кончаютъ тѣмъ, что убѣждаются, что вездѣ скверно, и успокоиваются наконецъ только тогда, когда, замученные жиз-

нію и не увидавъ въ ней ни одной радости, умираютъ забитые, какъ умерли Пила и Сысойка. Та же мысль лежитъ и въ основаніи новаго произведенія г. Рѣшетникова. Тутъ точно также Пелагея Прохоровна Мокроносова съ своими двумя братьями Григоріемъ и Панфиломъ, да еще съ двумя мастеровыми Короваевымъ да Горюновымъ, бросаютъ свой край, гдѣ дурно жилось имъ, и отправляются бродить по свѣту, не найдутъ ли такого мѣста, гдѣ въ состояніи они были бы устроить свою жизнь лучше чѣмъ до сихъ поръ. Бросать свою сторону не легко, и жизнь должна сдѣлаться ужъ больно тяжела, чтобы принудить къ тому людей. Но вотъ бросаютъ они ее и отправляются искать такое мѣсто: «гдѣ лучше?» какъ это и объясняетъ самъ авторъ заглавіемъ своего романа. Чѣмъ кончились ихъ поиски лучшаго, мы это скажемъ тогда, когда постранствуемъ вмѣстѣ съ Пелагеей Прохоровной—этимъ самымъ удачнымъ, по нашему мнѣнію, типомъ изъ всѣхъ выведенныхъ лицъ въ романѣ. Куда они теперь направляютъ свой путь—они еще сами не знаютъ, у нихъ есть только рѣшимость бѣжать изъ своей стороны, относительно же будущаго они руководятся чисто русскимъ принципомъ, вылившимся въ словѣ: на авось! Темно для нихъ это будущее и на вопросъ полѣсовщика, встрѣтившагося имъ на дорогѣ и спрашивающаго ихъ: «куда Богъ несетъ?» они отвѣчаютъ только двумя словами: «туда, гдѣ лучше». Вопросъ, гдѣ же это лучше, такъ естественъ, что онъ немедленно представился полѣсовщику:

— «Такъ вы туда, гдѣ лучше! Гмъ!! Гдѣ это такое мѣсто? говорилъ въ раздумьи полѣсовщикъ.

— Искать будемъ».

И съ этими словами «искать будемъ», Пелагея Прохоровна съ братьями, да еще съ Горюновымъ и Короваевымъ отправляются на поиски лучшей жизни. Пелагея Прохоровна—это самое симпатичное лицо въ романѣ и потому прежде всего мы остановимся на этой фигурѣ. Г. Рѣшетниковъ представилъ намъ въ ней простую, хорошую русскую женщину, которая обладаетъ большою энергіею и чрезвычайно возвышенными чувствами, которыя сказываются съ первыхъ страницъ романа. Если бы мы не видѣли по всѣмъ произведеніямъ г. Рѣшетникова, какъ мало способенъ или желаетъ даже идеализировать онъ выводимые имъ типы, то мы, глядя на Пелагею Прохоровну, подумали бы, что авторъ значительно прикрасилъ ее и надѣлилъ такими качествами, которыми въ дѣйствительности Пелагея Прохоровна не обладаетъ.

По поводу этого женскаго русскаго типа нельзя не сдѣлать одного замѣчанія, которое относится вообще ко всей русской литературѣ. Замѣчательно, что всѣ писатели всѣхъ направленій

на первый планъ всегда выставляли женщинъ. Женщина всегда является у насъ стоящею выше мужчинъ, честнѣе, благороднѣе, съ болѣе развитыми чувствами, и почти что можно сказать съ большимъ умомъ. Намъ нечего и говорить о героиняхъ повѣстей и романовъ предшествовавшаго направленія; тутъ много разъ уже было замѣчено гораздо раньше насъ, что женщина выставляется всегда въ несравненно болѣе выгодномъ свѣтѣ, нежели мужчина, но любопытно, что тоже самое явленіе замѣчаемъ мы и въ литературѣ изображающей народную жизнь. У Островскаго видѣли мы болѣе или менѣе идеализированную Катерину и нѣсколько ея младшихъ сестеръ, у писателей реалистовъ по преимуществу мы видимъ тоже самое; здѣсь встрѣчаемъ мы такую женщину, какъ Пелагея Прохоровна, фигуру, разумѣется, несравненно болѣе положительную, болѣе реальную, но тѣмъ не менѣе принадлежащую къ той же семьѣ, изъ которой вышла Катерина. Чему приписать подобное явленіе, это возвышеніе женщины на счетъ мужчины, тому ли, что оно въ самомъ дѣлѣ такъ и есть въ дѣйствительной жизни, или нѣкоторому рыцарству нашихъ писателей, становящихся на сторону болѣе слабыхъ противъ болѣе сильныхъ. Трудно допустить намъ, чтобы последнее соображеніе руководило г. Рѣшетниковымъ.

Пелагея Прохоровна отправилась искать гдѣ лучше вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ ея, Короваевымъ, который вдругъ ни съ того ни съ сего объявилъ, что онъ отстаетъ отъ компаніи и отправляется одинъ отыскивать гдѣ лучше. Когда услышала это Пелагея Прохоровна, она пришла въ большое волненіе, и въ то время, когда всѣ улеглись спать, она одна «ворочалась съ бока на бокъ» и говорила про себя:

— «Оказія!... Это оттого не спится все, што давеча спала... проговорила шопотомъ Пелагея Прохоровна.

— Не спишь? произнесъ негромко Короваевъ.

Пелагея Прохоровна притаилась, т.-е., старалась ни шевельнутся, ни вздохнуть тяжело, чтобы Короваевъ думалъ, что она спитъ.

«Погоди! коли ты гордецъ, и я буду такая», подумала Пелагея Прохоровна.

— Не спишь, говорю? произнесъ также негромко Короваевъ.

«Ладно», подумала Пелагея Прохоровна, улыбаясь. Но черезъ полчаса она уже сожалѣла о томъ, что не отозвалась на голосъ Короваева, а потомъ, пораздумавши, пришла опять къ тому же заключенію, что хорошо сдѣлала.

Пелагея Прохоровна горда, она не хочетъ вызывать сожалѣнія къ себѣ, и если Короваевъ рѣшается ее оставить, значитъ, рѣшаетъ она, и ей нечего грустить. Но когда любишь, разсужденія мало помогаютъ, и сколько ни будешь обвинять другого, сколько ни будешь сознавать, что онъ, а не кто иной при-

чина моего горя, его все-таки будешь любить. Такъ и Пелагея Прохоровна, сначала она хотѣла наказать Короваева своимъ молчаніемъ, но скоро увидѣла, что она наказала только себя, и цѣлую ночь «не спалось Пелагеѣ Прохоровнѣ». Сцена прощанія между Пелагеей Прохоровной и Короваевымъ написана съ такою теплотою и въ ней такъ хорошо рисуется этотъ наружно грубый, но въ сущности нѣжный, любящій характеръ Пелагеи, что мы съ трудомъ удерживаемся, чтобы не познакомить съ нею читателя цѣликомъ. Короваевъ собрался въ дорогу, Пелагея Прохоровна послѣдовала за нимъ, ей хотѣлось проститься.

—Пелагея Прохоровна, ты гдѣ! Ты гдѣ?—услыхала она голосъ Короваева. Слезы болѣе прежняго пошли изъ глазъ Пелагеи Прохоровны. Она рыдала.

— Ну, о чемъ ты плачешь, Пелагея Прохоровна? проговорилъ Короваевъ, ощупавъ въ темнотѣ Пелагею Прохоровну.

Пелагея Прохоровна очнулась. Ей и стыдно, и досадно сдѣлалось, что ее поймали на мѣстѣ въ слезахъ.

— Тебѣ што за дѣло? проговорила она неровнымъ голосомъ.

Слушала Пелагея Прохоровна, какъ говорилъ ей Короваевъ о своемъ намѣреніи жениться, какъ только добудетъ капиталъ, видѣла, что онъ уходитъ, дала ему на прощаніе руку, но когда Короваевъ произнесъ: «прощай», она испугалась и могла только сказать: «ты развѣ ужъ совсѣмъ?» Не хотѣлось ей показать передъ Короваевымъ своего горя, только «грустно сдѣлалось Пелагеѣ Прохоровнѣ, голова ея отяжелѣла, слезы душили ее». Какою мы видимъ ее въ этой сценѣ, т. е. сдержанною, гордою, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чувствующею, такою же является она и въ продолженіи всего романа, въ продолженіи всей своей жизни, пока она ищетъ и все не находитъ того мѣста, гдѣ лучше. Поселилась Пелагея Прохоровна вмѣстѣ съ братьями и Горюновымъ около соляныхъ варницъ въ семействѣ того самаго лѣсовщика, который такъ скептически относился къ ихъ поискамъ за лучшею жизнію. Жизнь Пелагеи Прохоровны была не весела, цѣлый день работала, хлопотала, а все проку было мало; вмѣсто того, чтобы становиться лучше, становилось напротивъ все хуже. На заводахъ стали надъ ней смѣяться, подозрѣвать ее въ томъ да семъ, она все молчитъ, и только когда уже очень надоѣдятъ ей, она отвѣтитъ: «мало вы меня знаете, безсовѣстныя вы этакія». Со всѣми она была добра, всѣ, которые ближе узнавали, любили ее, но ни съ кѣмъ она не сходилась, и подружилась только съ дочерью полѣсовщика Лизаветою, да и то больше потому, что та была тоже несчастная, брошенная своимъ любовникомъ. Ушла бы она съ соляныхъ варницъ, но все надѣялась, авось получитъ извѣстіе отъ Корова-

ева, но извѣстіе не приходило. Пелагея Прохоровна работала за всѣхъ, и о всѣхъ заботилась, но никого не допускала заботиться о себѣ. Никому не хотѣла показывать она своей тоски, никому не хотѣла говорить, что жизнь тяжела ей, и только изрѣдка слезы невольно пробивались у нея. Сидѣла однажды Пелагея Прохоровна съ Лизаветой, «недалеко отъ нихъ рабочіе, мужчины и женщины, голосовъ въ двѣсти поютъ-тянутъ промысловую пѣсню, словъ которой вдали почти невозможно понять. Сердце надрывается отъ этой пѣсни, хочется другой жизни; въ этомъ плескѣ волнъ какъ будто слышится отзывъ, что лучшая жизнь есть. Но гдѣ она? «Нѣтъ ужъ, я пойду въ городъ,» — подумала Пелагея Прохоровна и ей такъ сдѣлалось горько, что изъ глазъ закапали горячія слезы, но она постаралась поскорѣй вытереть ихъ.» Если тяжела была матеріальная жизнь Пелагеи Прохоровны, то еще болѣе тяжело было ея нравственное состояніе. Другая, не привыкшая къ окружающимъ нравамъ и людямъ женщина, непремѣнно должна была бы озлобиться на все и на всѣхъ; но Пелагея Прохоровна не измѣнялась. Всѣми была она брошена по малу: дядя ушелъ на другіе заводы, тоже искать лучшей жизни; братъ Григорій послѣдовалъ за нимъ, послѣ того, что узналъ, что Лизавета, которую онъ любилъ, была беременна отъ другого; Панфилъ скоро попался въ тюрьму за то, что отдалъ фальшивую ассигнацію, не зная, что она фальшивая, а когда вышелъ, то стащилъ всѣ деньги, которыя были у сестры, тоже убѣжалъ куда-то; одна, однимъ словомъ, осталась Пелагея Прохоровна. Бросила она варницы и отправилась въ городъ, гдѣ стала она переходить съ одного мѣста на другое, но вездѣ было дурно, а Пелагея Прохоровна все стремилась съ большою энергіею найти, гдѣ бы ей было лучше. Сколько ни жила Пелагея Прохоровна, у нея на умѣ все былъ Короваевъ, его одного она не могла забыть, и какъ только услышала, что Короваевъ пошелъ работать на желѣзныя дороги, потянуло ее тоже. Все она перепробовала, всѣмъ занималась и ничто ей не удавалось. «Что будетъ, то и будь, а здѣсь я не останусь. Если здѣсь не знаютъ дороги на желѣзную дорогу, пойду въ Прикамскъ. Вѣдь ходятъ же бабы на богомолье и въ Кіевъ и въ Ерусалимъ, а сперва тоже не знаютъ дороги. А чѣмъ я-то хуже другихъ»? Такъ размышляла Пелагея Прохоровна, рѣшившись отправиться тоже работать на желѣзную дорогу, и надѣясь, что встрѣтитъ тамъ Короваева. Энергично она принялась работать, чтобы пріобрѣсти нѣсколько денегъ на дорогу. Отправилась она въ путь. Пробралась она до Нижняго, отсовѣтовали ей поступать на желѣзную дорогу; послушалась Пелагея Прохо-

ровна и рѣшилась отправиться въ Петербургъ. Встрѣчала она много народу, «и кого она ни спроситъ: куда идетъ этотъ народъ? Ей отвѣчали: туда, гдѣ лучше!» Съ пріѣздомъ Пелагеи Прохоровны въ Петербургъ, начинается вторая часть романа «Гдѣ лучше?»

Характеръ женщины разбитной, энергичной, гордой, рѣшительной и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжной и любящей, задуманъ г. Рѣшетниковымъ очень хорошо. Мы бы желали видѣть этотъ характеръ болѣе развитымъ, чѣмъ онъ является въ первой части романа. Фигура Пелагеи Прохоровны заслуживала бы, чтобы г. Рѣшетниковъ болѣе сосредоточился на ней, чтобы онъ указалъ намъ болѣе подробно ея внутреннее состояніе, чтобы онъ показалъ ея воззрѣніе на идущую кругомъ жизнь, чтобы онъ опредѣлилъ болѣе ясно ея отношенія къ окружающимъ людямъ. На многія черты характера сдѣланъ только намекъ, вмѣсто того, чтобы онѣ были выражены рельефнѣе; это стремленіе къ лучшему, если бы мы сами не дополняли его объясненіями, основанными на общихъ, нѣсколько контурныхъ линіяхъ этого характера, могло бы показаться ничѣмъ инымъ, какъ неусидчивостію на одномъ мѣстѣ и страстію къ странствованію, такъ мало г. Рѣшетниковъ показываетъ намъ дѣйствительныя причины недовольства Пелагеи Прохоровны, такъ мелькомъ, въ этой по крайней мѣрѣ части, онъ указываетъ на ея безотрадное существованіе. Г. Рѣшетниковъ слишкомъ многое предоставляетъ въ этомъ характерѣ читателю дополнять своимъ собственнымъ воображеніемъ. Недостатокъ болѣе подробнаго и болѣе тонкаго анализа этого симпатичнаго характера, представляющаго собою отрадную сторону романа, объясняется безъ сомнѣнія тѣмъ множествомъ фигуръ, множествомъ эпизодовъ, которые наполняютъ собою первую часть «Гдѣ лучше?». Фигура Пелагеи Прохоровны постоянно оттирается на задній планъ, потому что, собственно говоря, она не есть то лицо, вокругъ котораго группируются, какъ это бываетъ обыкновенно въ романахъ, всѣ прочія лица, около котораго сосредоточиваются всѣ сцены. Въ романѣ г. Рѣшетникова нѣтъ, собственно говоря, героя или героини, тутъ каждое лицо является само по себѣ, и на первый взглядъ представляется, что оно чрезвычайно мало имѣетъ связи съ остальными лицами. Тоже кажется и относительно отдѣльныхъ сценъ, отдѣльныхъ эпизодовъ, которые идутъ другъ за другомъ безъ особенной послѣдовательности, но которые въ концѣ концовъ, взятые всѣ вмѣстѣ, представляютъ довольно полную и яркую картину обыденной жизни простого народа. Мы не станемъ слѣдовать за всѣми лицами, за всѣми эпизодами, наполняющими

собою первую часть, потому что иначе мы бы зашли слишкомъ далеко. Едвали не самое интересное лицо, послѣ Пелагеи Прохоровны, въ этой части романа является Лизавета Елизаровна.

Нельзя сказать, чтобы она была полною противоположностію Пелагеи Прохоровны, напротивъ, у той и у другой женщины есть много общихъ чертъ; но Лизавета Елизаровна является болѣе легкою, еще несравненно болѣе разбитною, она не задумывается надъ жизнію, ей, собственно говоря, море по колѣно. Въ характерѣ ея нѣтъ той скрытности, той сосредоточенности и глубины, что мы видимъ въ Пелагеѣ Прохоровнѣ. Внѣшній портретъ ея какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ цѣлому характеру этой женщины: «Она была высокая, здоровая дѣвушка, такъ что, по загорѣлому или красному отъ вѣтра и отъ огня лицу ея, ей можно было дать года двадцать-два. Руки ея были довольно развиты, крѣпки и жестки, что доказывало, что она уже давно знакома съ тяжелою работою, а прямой, надменный взглядъ ея карихъ глазъ какъ будто говорилъ, что она не боится никого». Нигдѣ этотъ характеръ не обнаруживается такъ хорошо, какъ въ той сценѣ, гдѣ она сообщаетъ Григорію, брату Пелагеи Прохоровны, почему не можетъ она пойти за него замужъ. Она полюбила этого человѣка, и хотя любовь эта выражалась у нея скорѣй дурнымъ обращеніемъ, чѣмъ хорошимъ, но тѣмъ не менѣе любовь ея была серьезна, и она не хотѣла обманывать любимаго человѣка. Послѣ смѣха, послѣ слезъ, Лизавета Елизаровна вдругъ спросила Григорія: «Подумалъ ли ты о томъ, што про меня говорятъ на промыслахъ и на вечеринкахъ?—Што?—Ты вѣришь тому, што говорятъ про меня?—Нѣтъ.—Такъ я тебѣ скажу: што про меня говорятъ—вѣрно... Я говорю тебѣ потому, штобы ты зналъ и послѣ не каялся, што я обманула тебя... Одна голова не бѣдна!.. Я себя съ ребенкомъ прокормлю какъ-нибудь, за то меня никто не укоритъ».

Дѣло въ томъ, что съ Лизаветой Елизаровной случилась та бѣда, которая такъ часто случается на свѣтѣ — соблазнилъ ее одинъ парень, и бросилъ, когда она сдѣлалась беременною. Еслибы г. Рѣшетниковъ походилъ на тѣхъ писателей, которые такъ любятъ идеализировать народъ, разукрашивать его чувства, то онъ безъ сомнѣнія заставилъ бы Григорія простить прошедшую связь Лизаветы и великодушно женился бы на ней. Такая черта была бы, разумѣется, фальшивою чертою, потому что для того, чтобы не постыдиться взять за себя дѣвушку, которая въ прошедшемъ своемъ имѣла уже связь, нужно такое развитіе, которое какъ исключеніе является даже въ образованномъ обществѣ. Григорій Прохорычъ не женился на Лизаветѣ, ушелъ на другія вар-

ницы, чтобы только не встрѣчаться съ Лизаветой Елизаровной. Связь Лизаветы Елизаровны съ парнемъ Зубаревымъ подала поводъ г. Рѣшетникову написать еще одну сцену, въ которой разбитной и вмѣстѣ честный характеръ Лизаветы рисуется еще лучше. Связь Лизаветы и Зубарева сдѣлалась предметомъ общихъ толковъ, разсужденій, ссоръ и споровъ. Всѣ кричали на промыслахъ, шумѣли, обвиняли Лизавету, и всѣ эти разсужденія описываетъ г. Рѣшетниковъ очень живо. Приходитъ Лизавета, крики замолкли, только не надолго; снова начали насмѣхаться надъ Лизаветой, но она скоро заставила не только всѣхъ замолчать своими отвѣтами, но даже принять еще ея сторону. Пристыдила она кричавшихъ и насмѣхавшихся надъ нею бабъ, самыми простыми словами: «и какое вамъ дѣло, бабы, до меня... будто и за вами нѣтъ грѣховъ....» Всѣ сознавали, что грѣхи дѣйствительно есть и потому нечѣмъ попрекать особенно Елизавету. «Женщины вооружились противъ мужчинъ; мужчины доказывали, что никому не охота жениться на беременной, и стояли больше за свою братью. Но теперь всѣ были вооружены противъ Ивана Зубарева. Всѣ грозились, какъ только онъ покажется на промыслахъ, свернуть ему голову». Толпа инстинктивно поняла, что если кто-нибудь виноватъ тутъ, то безъ сомнѣнія не брошенная Лизавета, а человѣкъ, который соблазнилъ ее и потомъ бросилъ съ ребенкомъ, и потому, не долго думая, она смѣнила свои насмѣшки надъ Лизаветою на гнѣвъ противъ Зубарева. Когда показался Зубаревъ на промыслахъ и подошелъ къ одной дѣвушкѣ, та не хотѣла говорить съ нимъ, а только стала попрекать Лизаветой.

— Не хочешь ли ты и со мною такую же штуку сдѣлать, какъ съ ней?—сказала она, и ушла.

— Гляди, бабы, Зубаревъ!—начала Лизавета Елизаровна: — стоитъ какъ оплеванный! На него никто и вниманія не обращаетъ, а онъ стоитъ..... Спросите, чего ему надо еще?

Бабы заголосили, парни приняли угрожающій видъ.

— Лучше уходи добромъ въ свое село. Намъ ты теперь, послѣ твоихъ пакостей, не товарищъ,—сказала одна дѣвица.

Парни окружили Зубарева.

— Не троньте его!... Я больше васъ имѣю право бить его, да не хочу рукъ марать объ этакую гадину.... Посмотримъ, удастся ли ему еще надуть такую дуру, какъ я,—проговорила Лизавета Елизаровна.

Въ этой сценѣ обнаруживается съ одной стороны оскорбленное самолюбіе, злоба, досада Лизаветы, но выражающаяся въ энергической формѣ; она не хочетъ показать, насколько она страдаетъ отъ того, что Зубаревъ бросилъ ее, и старается свое чувство къ нему замѣнить презрѣніемъ. Съ другой стороны въ

этой сценѣ оказывается инстинктивное хорошее чувство этой невѣжественной среды, которая съумѣла угадать чутьемъ, что оттолкнуться слѣдуетъ не отъ Лизаветы, а скорѣй отъ Зубарева. Такое поведеніе было бы подъ стать и образованному обществу, которое сплошь и рядомъ закидываетъ каменьями дѣвушку, когда она уступаетъ и дѣлается жертвою какого-нибудь негодяя, въ то время, когда этотъ самый негодяй стяжаетъ себѣ славу героя.

Такою, какою является Лизавета по отношенію къ Григорію и Зубареву, т. е. прямою, открытою, сильною, такою же является она и въ своей семьѣ, гдѣ, кромѣ горя и тяжелой заботы, она больше ничего не находитъ. Семья ея обѣднѣла, отецъ ея, Ульяновъ, бросилъ свою семью и отправился вмѣстѣ съ дядей Пелагеи Прохоровны, Горюновымъ, отыскивать гдѣ лучше; мать со злобы и съ отчаянія спилась, такъ что Лизавета одна должна была все дѣлать, всѣхъ содержать своей работой, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ее попрекали, что бросилъ ее Зубаревъ. Молчитъ Лизавета, когда мать начнетъ укорять ее, и только изрѣдка не хватитъ у нея терпѣнія и у нея вырвется: «хоть бы ты этого-то не говорила, мать! взъѣстся Лизавета Елизаровна». Бѣдность страшная, одна корова осталась дома, да и той нечѣмъ кормить; «какъ бы ее прокормить сегодня, какъ бы украсть гдѣ сѣна... думаетъ, думаетъ Лизавета Елизаровна, и полѣзетъ на поломанную телѣгу въ сосѣднему сараю, засунетъ въ щелку руку, пошаритъ, пошаритъ—труха одна». Ей вовсе не совѣстно было воровать сѣно, потому что на первомъ планѣ у нея стояла корова, и для нея она все готова была сдѣлать. Не удастся украсть сѣна, пойдетъ она выпрашивать по сосѣдямъ, и чего чего только не выслушаетъ она: «пусть говорятъ, что хотятъ, пусть конфузятъ и срамятъ насъ, какъ хочутъ—все снесу, только бы дали сѣна». Тяжело ей все-таки было выпрашивать сѣна, гордая натура ея не мало должна была страдать отъ того. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что она рѣшалась воровать сѣно, ей тяжело было выносить, что мать ея шатается по сосѣдямъ да пьянствуетъ: «лучше бы она не ходила, меньше бы говорили про насъ», думала Лизавета. У нея въ зародышѣ лежало чувство собственнаго достоинства. Скоро еще бо́льшая бѣда случилась въ семействѣ Ульяновыхъ. Братъ Лизаветы, молодой малый Степанъ работалъ также на варницахъ. Мать отбирала у Степана всѣ заработанныя имъ деньги и большая часть его заработковъ уходила на пьянство его матери. «Слышь, Степка, што мужики говорятъ: мы напрасно деньги-то отдаемъ дома», сказалъ разъ Панфилъ Степану. «А имъ што за дѣло», отвѣчалъ Степанъ. Ему еще, собственно го-

воря, ни разу не приходило въ голову, что деньги можно было не отдавать семьѣ, такъ велось съ самого начала, такъ велось бы и долго еще, если бы Панфилъ не вразумилъ Степана. Степанъ, хотя и является въ романѣ мимоходомъ, но нѣсколькими штрихами онъ обрисованъ довольно полно. У Степана натура мягкая, робкая, не самостоятельная, онъ готовъ подчиниться всякому вліянію и какъ сначала подчинялся вліянію матери, такъ теперь подчиняется вліянію Панфила. «А ты возьми и не отдай—не дали молъ....» говоритъ ему Панфилъ, приводя и себя въ примѣръ, что и онъ сестрѣ ничего не даетъ, да и «Гришка тоже не живетъ съ нами». Слова Панфила сильно озадачили Степана. «Онъ, вытаращa глаза, смотрѣлъ на метелку и долго простоялъ въ такомъ положеніи, до тѣхъ поръ пока не вывела его изъ оцѣпенѣнія одна лошадь, начавшая чихать». Сердце у Степана было доброе, мать свою онъ любилъ, и тяжело ему было, что все она ругаетъ да ругаетъ его». Мать день ото дня становилась сердитѣе; если сынъ отдавалъ ей деньги, она ругала его, зачѣмъ онъ мало принесъ, что онъ, вѣроятно, сошелся съ мошенниками, которые обираютъ его. Станетъ возражать Степанъ, мать такъ крикнетъ на него, что онъ вздрогнетъ и не найдется, что сказать». А тутъ еще у Степана завелась зазнобушка, которая проситъ у него, чтобы онъ ей подарилъ то да это. «Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, если я не стану отдавать деньги матери или сестрѣ, я накоплю денегъ. Куплю себѣ ботинки, Варехѣ платокъ; Вареха мнѣ подаритъ варежки и чулки». Руководимый подобными соображеніями, онъ не вернулся ночевать домой, затѣмъ не пошелъ и на другой день, и на третій, хотя онъ и «находилъ себя неправымъ» потому что, какъ разсуждалъ онъ, мать прежде любила его. Встрѣтила его мать, обругала его и устроила такъ, что заработную плату за цѣлую недѣлю отдали ей, а не Степану. Степанъ, когда узналъ объ этомъ, «стоялъ блѣдный, молчалъ». Мать пропила деньги, заработанныя Степаномъ, а Степанъ возвратился домой; скоро всѣ улеглись, послышался храпъ Степаниды Власьевны, матери Степана, и только онъ да Пелагея Прохоровна не спали, «занятые своими мыслями» и оба думая, что всѣ спятъ. Скоро, Пелагея Прохоровна услышала какой-то стукъ и что-то ходитъ около Степаниды Власьевны. «Она чиркнула спичкой, спичка зажглась и въ этотъ моментъ она увидѣла Степана, поднявшаго руки кверху и съ топоромъ. Въ тотъ моментъ, какъ освѣтило избу, топоръ выпалъ у Степана назадъ отъ него и попалъ на голую ногу Пелагеи Прохоровны, но къ счастью не остріемъ, а обухомъ».

Страхъ, ужасъ одолѣлъ Степана, и онъ могъ только проговорить въ отвѣтъ Пелагеѣ Прохоровнѣ, которая вскрикнула: «што ты дѣлаешь, разбойникъ»? «Ничего.... пусти....» Когда проснулись Панфилъ, Лизавета Елизаровна и мать, Степанъ уже вырвался и убѣжалъ изъ избы. Сцена эта производитъ самое тяжелое впечатлѣніе, которое только можно себѣ представить. Боже мой, невольно думаешь, какъ мало должно быть развито въ человѣкѣ человѣческое чувство, какъ мало должна была коснуться какая-нибудь мысль человѣческой жизни, чтобы человѣкъ, который вовсе не злодѣй, который обладаетъ напротивъ мягкою и доброю натурою, могъ рѣшиться на убійство матери за то только, что она взяла его заработокъ. Очевидно, что здѣсь виновата не натура именно этого человѣка, а та всеобщая грубость нравовъ, благодаря которой человѣку ничего не стоитъ совершить страшное злодѣйство. Человѣкъ дѣйствуетъ тутъ по первому впечатлѣнію, тутъ нѣтъ еще никакого сознательнаго пониманія долга, обязанности, все стоитъ еще на почвѣ инстинкта, и какъ мало можемъ мы осуждать человѣка за дурной инстинктъ, такъ мало въ сущности можемъ мы радоваться и хорошему. Хорошее только тогда хорошо, когда оно является результатомъ разумнаго пониманія людскихъ отношеній. Преступленіе Степана произвело разгромъ въ семействѣ Ульяновыхъ, Лизавета отъ испуга выкинула, мать ея ходила какъ убитая, одна Пелагея Прохоровна въ это время работала на всю семью. Но и на ея долю выпало скоро горе. Попался Панфилъ съ фальшивою бумажкою, засадили его въ острогъ, и долго держали его тамъ, несмотря на всю его невинность. Бѣжалъ онъ наконецъ, соскучившись, но его поймали и снова засадили въ острогъ. Должно быть онъ многому хорошему научился тамъ, потому что какъ только выпустили его оттуда, онъ укралъ все, что успѣла заработать Пелагея Прохоровна, и ушелъ по бѣлу-свѣту искать такого мѣста, гдѣ лучше. Всѣ мало-по малу разбредаются по разнымъ сторонамъ, всѣ съ одною цѣлію искать, гдѣ лучше; ушла Пелагея Прохоровна, ушла потомъ и Лизавета Елизаровна, ушли Григорій, Панфилъ, самъ Ульяновъ, и долго будутъ бродить они и долго будутъ искать гдѣ лучше.

Мы не станемъ болѣе останавливаться на другихъ лицахъ, на другихъ сценахъ и эпизодахъ первой части романа г. Рѣшетникова; скажемъ только, что среди этихъ лицъ мы встрѣчаемъ чрезвычайно мѣтко очерченныя фигуры, которыя, мы должны это повторить еще разъ, не имѣютъ никакой связи съ тѣми, которыя занимаютъ болѣе или менѣе главное мѣсто въ романѣ;

масса второстепенныхъ лицъ разрозниваетъ, конечно, впечатлѣніе, нить романа въ двадцати мѣстахъ вслѣдствіе того кажется оборванною, это невыгодная ихъ сторона; но съ другой стороны, когда закрываешь книгу, то въ общемъ впечатлѣніи всѣ эти лица, вся эта толпа придаетъ какую-то полноту той картинѣ народной жизни, которую съ такимъ знаніемъ и талантомъ рисуетъ г. Рѣшетниковъ. Тоже, что мы говоримъ объ этой массѣ вводныхъ, второстепенныхъ лицъ, тоже должны мы сказать и о тѣхъ сценахъ, которыя, разумѣется, могли бы быть смѣло выкинуты изъ романа, безъ того, чтобы кто-нибудь изъ читателей замѣтилъ какой-нибудь скачокъ въ послѣдовательности разсказа, и это, безъ всякаго сомнѣнія, уже недостатокъ въ романѣ; но ихъ, такъ сказать, raison d'être точно также можетъ быть объясненъ желаніемъ автора сдѣлать впечатлѣніе болѣе полнымъ. Какъ примѣръ подобныхъ сценъ и лицъ, мы можемъ привести тѣ главы романа, гдѣ описываются Удойкинскіе золотые пріиски и гдѣ выступаютъ на сцену Костромины, Анучкинъ и другіе. Намъ, можетъ быть, слѣдовало бы сказать еще о нѣкоторыхъ сценахъ первой части романа, упомянуть еще о нѣкоторыхъ главахъ, какъ напр. о той, гдѣ г. Рѣшетниковъ описываетъ такъ живо и такъ тепло пребываніе Панфила въ острогѣ. Намъ нужно было бы тутъ просто выписать двѣ-три страницы цѣликомъ и прибавить къ нимъ: какъ это хорошо! но мы предпочитаемъ отослать читателя къ самому роману.

Оставляя первую часть романа и вмѣстѣ съ тѣмъ большинство изъ выступившихъ въ ней лицъ, которыя не появляются болѣе во второй части, мы должны передать то общее впечатлѣніе, которое мы вынесли изъ ея чтенія. Впечатлѣніе это донельзя тяжелое. Мы видимъ, что среди этой массы, среди этихъ людей, гдѣ встрѣчаются и симпатичныя личности, и одаренныя хорошими инстинктами, нѣтъ еще никакихъ разумно-сознанныхъ началъ жизни, что всѣ понятія, всѣ отношенія находятся, такъ сказать, въ первобытномъ, хаотическомъ состояніи. Базисомъ всѣхъ отношеній людей между собою является крайняя несправедливость, и главное, несправедливость безсознательная. Отецъ бросаетъ дѣтей, мужъ жену, братъ грабитъ сестру, сынъ убиваетъ мать, не говоря уже о томъ, что обманъ, воровство являются какъ бы въ порядкѣ вещей, глубоко вошли въ жизнь, и все это вовсе не вслѣдствіе испорченности натуръ, не оттого, чтобы люди были особенно злы, отличались преступными свойствами; вовсе нѣтъ, между ними, какъ и вообще между всѣми людьми есть вообще и хорошіе и дурные, и добрые и злые.

Причина дурныхъ отношеній между людьми лежитъ не въ видѣ этихъ людей, ихъ личныя свойства и склонности вовсе неповинны, между этими свойствами и склонностями есть напротивъ очень хорошія, причина тутъ въ страшной грубости нравовъ, въ вопіющей невѣжественности массы, которая рѣжетъ глаза вамъ, когда вы читаете произведеніе г. Рѣшетникова, очевидно, написанное безъ всякой задней мысли. Когда читаешь романъ г. Рѣшетникова и встрѣчаешь симпатичныя фигуры, хорошія стороны, добрые инстинкты, тогда спрашиваешь себя и долго не можешь отдать себѣ отчета: что же это такое, что такъ давитъ, тяготитъ васъ, что это такое, что такъ сжимаетъ ваше сердце и бросаетъ васъ въ волненіе, тѣмъ болѣе, что въ романѣ нѣтъ ничего особенно выходящаго изъ уровня обыденной жизни, ничего особенно страшнаго, все ровно, спокойно, просто. И все-таки, закрывая книгу, вы находитесь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ; вдумайтесь и вы увидите, что васъ тяготитъ общая среда, цѣлый строй жизни, гдѣ грубость и невѣжество является не исключеніемъ, а правиломъ. Въ этомъ-то общемъ впечатлѣніи и скрывается сила г. Рѣшетникова, который не хочетъ вызывать въ своемъ читателѣ ни состраданія къ той средѣ, которую онъ изображаетъ, ни тѣмъ менѣе насмѣшку надъ нею. Чѣмъ больше спокойствія и безпристрастія въ изображеніи народной жизни, тѣмъ больше въ немъ правды, а чѣмъ больше правды, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, которое она производитъ и тѣмъ обширнѣе польза, которую приноситъ тотъ или другой писатель литературѣ. Самое отрадное еще въ этомъ изображеніи то, что всѣ эти люди начинаютъ сознавать, что имъ нехорошо, что они стремятся къ лучшей жизни, и что въ нихъ является наконецъ энергія и рѣшимость искать гдѣ именно лучше?

IV.

Мы разсматривали отдѣльно первую часть, потому что она представляетъ собою почти самостоятельное цѣлое по отношенію во второй части, гдѣ, изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ первой части, мы встрѣчаемъ только одну Пелагею Прохоровну и мимоходомъ Панфила, всѣ же остальныя лица не выступаютъ больше на сцену. Вторая часть, которая носитъ названіе «въ Петербургѣ», какъ первая носила «въ Провинціи», по нашему мнѣнію, значительно слабѣе того, что мы видѣли до сихъ поръ. Описаніе Петербурга, постоялыхъ дворовъ, куда попадаетъ Пе-

лагея Прохоровна, главы, гдѣ изображается, какъ Пелагея Прохоровна отыскиваетъ себѣ работу, все это изложено довольно живо и представляетъ больщій или меньшій интересъ. Тутъ схвачены любопытныя черты, переданы любопытные разговоры; разсужденія, бабъ въ видѣ тѣхъ, гдѣ онѣ толкуютъ о холерѣ, имѣютъ свое значеніе, хотя съ подобными чертами мы не разъ уже встрѣчались и у другихъ писателей. Послѣ нѣсколькихъ дней поисковъ, Пелагея Прохоровна, убѣдившись, что въ Петербургѣ нисколько не лучше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и попенявъ на тѣхъ, которые разсказывали ей о прелестяхъ петербургской жизни, нанимается наконецъ кухаркой къ одной кухмистершѣ — чиновницѣ Овчинниковой. Всѣ эти главы романа, которыя г. Рѣшетниковъ посвящаетъ описанію семейства чиновницы Овчинниковой, пьянаго маіора, ухаживающаго и женящагося на одной изъ дочерей чиновницы, представляютъ, нужно сказать правду, чрезвычайно мало интереса, и мы рѣшительно не видимъ причины, побудившей автора вставить эти лишнія и скучныя описанія, тѣмъ болѣе, что главы эти не имѣютъ никакого отношенія къ избранной имъ задачѣ. Мы бы не стали еще сѣтовать на эти главы, посвященныя изображенію мелко-чиновничьяго быта, если бы разсказъ г. Рѣшетникова отличался какою-нибудь новизною, оригинальностью, но ничего подобнаго нѣтъ. Двадцать разъ уже описывался мелко-чиновничій бытъ въ нашей литературѣ, и описывался съ большою силою и съ большою живостію. Въ этой части разсказа мы не встрѣчаемъ ни типическихъ характеровъ, ни типическихъ чертъ чиновничьяго быта. Все вяло и скучно. Но лишь только г. Рѣшетниковъ снова возвращается въ своемъ романѣ къ изображенію быта простого народа, тамъ снова все вѣетъ духомъ правды, вѣрностію съ жизнію, большою теплотою, тамъ все ново, все оригинально. Не долго прожила въ людяхъ Пелагея Прохоровна, не могла она ужиться нигдѣ, не выпадало на ея долю счастіе напасть на хорошихъ людей, и все, что только удалось ей сдѣлать въ Петербургѣ — это внушить къ себѣ расположеніе и любовь мастерового Игнатія Прокофьевича Петрова. Петровъ былъ малый аккуратный, не пьющій, и хотѣлъ бы онъ жениться на Пелагеѣ Прохоровнѣ, да, съ одной стороны, нечѣмъ было жить, а съ другой и сама Пелагея Прохоровна не очень-то отвѣчала на его чувства. Что Петровъ былъ малый смышленный, мы это видимъ изъ разговоровъ съ Пелагеей Прохоровной. Жалуется Петровъ, что дурно ему жить у мастера-нѣмца, потому что «надъ тобою куражится, какъ Богъ знаетъ какая особа», и на совѣтъ Пелагеи поступить

къ русскому мастеровому, Петровъ даетъ такой отвѣтъ, который нужно сказать, обличаетъ въ немъ большой здравый смыслъ. «Русскій! Русскій еще хуже. Дай русскому начальство, онъ и изважничается, начнетъ пьянствовать... Ужъ русскій человѣкъ, какъ попалъ въ начальники, совсѣмъ иной человѣкъ сдѣлался; вмѣсто того, чтобы поддержать своего брата, онъ же съ него прогулы высчитываетъ; въ кабакъ при немъ што есть нельзя придти — угощай его, а если онъ угоститъ на пятакъ, такъ перекоровъ наслушаешься на гривенникъ; и дорогой, гдѣ встрѣтится, шапку ему скидывай—вездѣ начальникомъ себя считаетъ...» Петровъ, или вѣрнѣе будетъ сказать, г. Рѣшетниковъ, какъ нельзя болѣе вѣрно подмѣтилъ эту черту, черту драгоцѣнную саму по себѣ, способную послужить богатымъ матеріаломъ для повѣствователя или романиста. Но какъ ни ловокъ, какъ ни остроуменъ Петровъ, онъ все не можетъ хорошенько пристроиться и точно также, какъ и другія лица въ романѣ, отыскиваетъ все, гдѣ лучше. Какъ ни жестока была судьба, преслѣдовавшая Пелагею Прохоровну, но ей не удалось все-таки сломить прямого характера этой женщины, не удалось преклонить ея гордость, которая заставляетъ ее отказаться отъ предложенія Петрова поступить кухаркою къ мастеровымъ. Отказалась она, потому что не знала хорошо Петрова и предполагала въ немъ дурныя побужденія. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, говоритъ пословица, тѣмъ больше дровъ — чѣмъ дальше жила Пелагея Прохоровна, тѣмъ тяжелѣе становилось ей жить. Подробно описываетъ г. Рѣшетниковъ, какъ осталась Пелагея Прохоровна безъ мѣста, какъ бродила она одна по улицамъ Петербурга, и какъ попала наконецъ въ полицію, гдѣ просидѣла безъ вины нѣсколько дней. Когда вышла она, оказалось, что послѣднія ея пять рублей, скопленные долгимъ трудомъ, и тѣ были украдены у нея. Не знала больше Пелагея Прохоровна куда ей дѣваться. Стала проситься она, чтобы пустили переночевать въ полицію—не пустили; нечего было ей дѣлать, некуда было дѣваться, бродила, бродила она по улицамъ Петербурга, добрела до какого-то пустыннаго мѣста, силъ больше не было у нея, упала на сырую землю и заснула подъ холоднымъ небомъ. Вопросъ: гдѣ лучше? долженъ былъ смѣниться на другой вопросъ: гдѣ добыть кусокъ хлѣба? Вступила Пелагея Прохоровна на широкую, торную дорогу — протянула руку со словами: Христа ради! Не одна Пелагея Прохоровна кончаетъ подобнымъ образомъ, не одна женщина, выбившись изъ силъ, проработавъ цѣлую жизнь, должна протянуть свою руку, и будь только Пелагея Прохоровна попрежнему красива и здо-

рова, Богъ знаетъ оттолкнула ли бы теперь она предложеніе женщины извѣстнаго рода, которая предлагала ей, какъ только она пришла въ Петербургъ, продать ей не что иное, какъ ея тѣло. Объ остальномъ стоило ли говорить. Но Пелагея Прохоровна даже для этого была негодна теперь; она до такой степени похудѣла, измѣнилась, что ее едва могъ узнать ея собственный братъ Панфилъ, съ которымъ она встрѣтилась въ Петербургѣ. Пусть тѣ, которые обращаются съ упрекомъ къ молодымъ писателямъ и спрашиваютъ, что за охота возиться имъ съ мужиками, пусть тѣ, которые не хотятъ признавать въ нихъ ничего интереснаго, никакихъ человѣческихъ чувствъ, пускай прочтутъ они хоть эту встрѣчу брата съ сестрою, ихъ первые разговоры, ихъ воспоминанія о прежней жизни. Да, грубы, страшно грубы, невѣжественны эти люди, но тотъ, кто умѣетъ глубоко смотрѣть, глубоко заглядывать въ народную жизнь, тотъ, какъ г. Рѣшетниковъ, съумѣетъ отыскать подъ этою грубостію самыя тонкія душевныя струны. Хорошо показалось Пелагеѣ Прохоровнѣ быть съ братомъ послѣ того, что жила она все въ чужихъ людяхъ, только одно стало печалить ее, это то, что Панфилъ ходилъ все въ кабакъ. Стала она упрекать рабочихъ, которые втягивали ея брата: «а штожъ ему не пить-то? съ тобой штоль обниматься?.. какія-такія ты ему радости предоставишь? проговорилъ недовольно одинъ изъ рабочихъ». Въ самомъ дѣлѣ, какія радости выпадаютъ на долю огромной массѣ Панфиловъ? Отвѣтъ рабочаго можетъ быть попалъ больше въ самое сердце вопроса, въ самый корень того зла, которое свирѣпствуетъ въ Россіи, быть можетъ онъ однимъ словомъ болѣе мѣтко опредѣлилъ причину этой страшной эпидеміи, чѣмъ многія самыя глубокомысленныя изслѣдованія. Нѣтъ радостей у русскаго человѣка, негдѣ искать ему развлеченія отъ труда; онъ ничего больше не знаетъ кромѣ своей работы, у него нѣтъ никакихъ другихъ интересовъ. Чтожъ ему дѣлать въ минуты отдыха? читать не умѣетъ, да и не учатъ, или учатъ мало и плохо, общественной жизни онъ не знаетъ, а ему нужно развлеченіе, нуженъ отдыхъ, онъ и находитъ этотъ отдыхъ и это развлеченіе въ водкѣ. Водка, пьянство должно было, слѣдовательно, неизбѣжно войти однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ въ народную жизнь; что оно дѣйствительно и вошло, то въ этомъ можно убѣдиться, стоитъ только взглянуть, какую часть общаго дохода Имперіи составляетъ доходъ съ вина. Сто тридцать милліоновъ, или около того, если мы не ошибаемся, получается путемъ пьянства, сто тридцать милліоновъ на общій бюджетъ въ 435 милліоновъ! Однимъ сло-

вомъ, значительно болѣе четверти всего дохода получается, благодаря процвѣтанію пьянства. Что, еслибъ хоть четвертая доля этого дохода шла на народныя школы; что, если бы хоть четвертая доля того, что народъ пропиваетъ, обращалась на народное образованіе? По истинѣ безумное желаніе, могутъ возразить намъ: желать увеличенія числа школъ и уменьшенія числа кабаковъ! да на что это похоже. Вотъ почему мы и видимъ, что пьянство и пьяные люди такъ часто встрѣчаются въ изображеніи народной жизни, вотъ одна изъ причинъ, которая задерживаетъ рѣшеніе вопроса—гдѣ лучше? Если пьянство составляетъ четвертую часть дохода, то неудивительно, что оно такъ часто и въ литературѣ является предметомъ наблюденія и описанія.

Не надолго улучшилась жизнь Пелагеи Прохоровны. Не успѣла она и пожить съ своимъ братомъ, не успѣли они пріискать себѣ работы, какъ братъ ея заболѣлъ и она должна была свезти его въ госпиталь. Давно уже упали силы Пелагеи Прохоровны, давно уже мучительный вопросъ: да гдѣ же лучше, «неужели эту жизнь нельзя сдѣлать получше»? наводилъ ее на самыя горькія думы, но никогда еще она не была такъ убита. Теперь «жизнь казалась ей такъ пуста и тяжела, что она готова была кинуться въ рѣку». Пелагея Прохоровна не могла кажется въ эту минуту придумать ничего лучшаго, какъ заболѣть. На слѣдующій день послѣ брата и ее свезли въ госпиталь. Глубокое, потрясающее впечатлѣніе производятъ послѣднія главы романа «Гдѣ лучше»? и въ особенности та глава, «въ которой столичные рабочіе разъясняютъ вопросъ гдѣ лучше»? Въ описаніи положенія Панфила и потомъ въ этомъ разговорѣ, который ведутъ рабочіе въ кабакѣ, столько драматизма, столько трагической простоты, что нѣтъ возможности читать этихъ страницъ, написанныхъ безъ всякой сантиментальности, и не отдаться самому тяжелому волненію. Опустили въ могилу гробъ Панфила, и гробъ этотъ шлепнулъ въ воду. «Вотъ братъ тебѣ и спокой. Ищи братъ, гдѣ лучше! И жизнь-то худая человѣку на землѣ, и умрешь-то, такъ въ воду попадешь... А вѣдь тоже искалъ гдѣ лучше..» произнесъ при этомъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Куда пойти съ кладбища? пошли въ кабакъ, и стали разсуждать между собою, да гдѣ же въ самомъ дѣлѣ-то лучше? когда выходитъ, что вездѣ худо. «Въ кабакѣ лучше», рѣшилъ одинъ простонародный мудрецъ, и рѣшеніе это казалось такъ разумно, такъ естественно людямъ въ ихъ положеніи, что нѣсколько человѣкъ тотчасъ подхватили: «въ самомъ дѣлѣ, братцы, въ кабакѣ лучше». Грустное, обидное рѣше-

ніе вопроса, но развѣ виноваты тѣ люди, которые дошли до него? Не знають они, гдѣ лучше, да и не могуть сказать, никто имъ никогда этого не говорилъ. Въ этомъ-то безсиліи разрѣшить подобный вопросъ, въ этомъ сознаніи собственной безпомощности и скрывается вся драма, весь трагизмъ положенія русскаго человѣка. Не всѣ однако согласились, что въ кабакѣ лучше, нѣкоторые иначе рѣшили этотъ замысловатый вопросъ. «Въ могилѣ лучше», произнесъ кто-то; «а въ самомъ дѣлѣ, умрешь—и конецъ», подхватилъ кто-то другой и это мнѣніе. Да, грубы, дики, невѣжественны эти нравы и эта жизнь, но сколько подъ этою грубостію скрывается истинныхъ чувствъ, сколько человѣчности? Сопоставить эту грубость и эту человѣчность, и освѣтить ту и другую яркимъ свѣтомъ—такова была задача, лежавшая передъ г. Рѣшетниковымъ, задача, которую онъ и выполнилъ съ большою добросовѣстностію, искренностію и съ серьезнымъ талантомъ.

Главный характеръ въ романѣ, типъ Пелагеи Прохоровны, доведенъ до конца, онъ выдержанъ какъ нельзя болѣе. Вездѣ, до послѣдней минуты Пелагея Прохоровна остается вѣрна себѣ, вездѣ мы видимъ эту сдержанную, сосредоточенную, энергическую, гордую и вмѣстѣ чрезвычайно симпатичную женщину. Не долго прожила Пелагея Прохоровна, послѣ того, что схоронили ея брата, и что она вышла изъ госпиталя. Поздно жизнь улыбнулась ей слабою улыбкою, поздно полюбила она Петрова, поздно отвѣчаетъ на вопросы, которыми допытывается Петровъ узнать у нея, пошла ли бы она за него замужъ: «ахъ какой ты!... Ну разумѣется, пошла бы». Силы у нея были уже надорваны, смерть стояла у порога ея жизни. Черезъ нѣсколько дней Петровъ стоялъ уже передъ трупомъ Пелагеи Прохоровны а въ головѣ у него вертѣлась мысль: «все, значитъ, кончено! ищи, голубушка, гдѣ лучше... Охъ ты, жизнь проклятая!!!... И онъ заплакалъ». Весь этотъ конецъ романа накладываетъ какой-то убійственно-мрачный колоритъ на цѣлое произведеніе, отчаяніе должно закрасться въ душу читателя, какъ оно охватило самого автора, который приводитъ своихъ героевъ къ могилѣ, какъ къ единственному исходу изъ ихъ тяжелой жизни. Мы отлично понимаемъ, что это отчаяніе могло явиться у писателя, проникшаго въ самыя сокровенныя стороны народной жизни, онъ могъ на минуту отдаться ему и, указывая на могилу, произнесть: здѣсь лучше! Но мы не хотимъ, мы не должны тутъ слѣдовать за авторомъ: мы знаемъ, что вѣчная тьма не есть выходъ изъ мрака, мы знаемъ, гдѣ лучше, и потому мы не можемъ отчаяваться.

Лучше тамъ, гдѣ ведется разумная жизнь, гдѣ образованіе идетъ впередъ по непреклонному пути, гдѣ человѣческій свѣтъ каждый день одерживаетъ верхъ надъ нечеловѣческою тьмою. Выработанная уже цивилизація другими народами есть достояніе всего человѣчества, она принадлежитъ и русской жизни, и русскому народу; и въ ней, и только въ ней одной кроется вѣрный выходъ изъ самаго мрачнаго положенія. Если мы знаемъ выходъ, тогда отчаянію уже нѣтъ болѣе простора; оно должно уступить мѣсто энергіи и твердой волѣ бороться, при помощи образованія, съ грубостію нравовъ и невѣжествомъ общественной жизни.

Мы разобрали такимъ образомъ два главныя произведенія одного изъ лучшихъ представителей новѣйшей литературы. Мы старались указать на его недостатки и опредѣлить его достоинства. Къ первымъ относятся: неудачная постройка его произведеній, отсутствіе строгой концепціи, вслѣдствіе чего проистекаетъ разбросанность, введеніе лишнихъ сценъ, лишнихъ лицъ, характеры которыхъ онъ часто недостаточно додѣлываетъ, недостаточно анализируетъ; недостатки эти принадлежатъ такъ сказать къ внутренней сторонѣ произведеній г. Рѣшетникова; что же касается до внѣшней стороны, до формы его произведеній, то тутъ недостатки автора еще болѣе рѣзки, еще болѣе вредятъ производимому имъ впечатлѣнію. Бѣдность литературной отдѣлки, не во всѣхъ, но въ значительной части его произведеній, является на первомъ планѣ: авторъ недостаточно обработываетъ свой слогъ, злоупотребляетъ иногда народнымъ языкомъ, бранными выраженіями, забывая, что они ровно ничего не придаютъ къ силѣ его изображеній, что онъ писатель не внѣшности, а, главнымъ образомъ, внутреннихъ сторонъ народной жизни. Въ этомъ послѣднемъ и заключается главное достоинство произведеній г. Рѣшетникова, въ этомъ сказывается вся сила его крупнаго таланта. Онъ представилъ намъ довольно полную картину народной жизни, выставилъ въ ней опредѣленные характеры, общіе типы; подъ страшною грубостію, господствующею въ нравахъ, понятіяхъ и людскихъ отношеніяхъ, грубостію, которую онъ не только не скрываетъ, но напротивъ обнаруживаетъ со всею ясностію, онъ съумѣлъ открыть намъ тлѣющее подъ нею чувство и истинную человѣчность. Онъ раскрываетъ передъ нами глубокія раны на тѣлѣ русскаго народа, раны, явившіяся вслѣдствіе вѣкового рабства и невѣжества, но онъ обна-

руживаетъ ихъ такъ искусно, что не вызываетъ въ читателѣ ни отвращенія къ нимъ, ни безплоднаго сожалѣнія. Мы видимъ рядомъ съ этими ранами столько здоровыхъ инстинктовъ, что въ насъ поселяется увѣренность, что онѣ могутъ быть излечены, какъ только въ жизнь народа проникнетъ европейская цивилизація. Серьезно изучивъ народную жизнь, онъ рисуетъ ее, не коверкая ни въ ту, ни въ другую сторону; въ немъ нѣтъ идеализаціи грубости, точно также, какъ и нѣтъ стремленія изобразить одну только грубость. Простота, искреннее чувство, теплота въ изображеніи народа безъ всякой патетической примѣси, безъ всякой сантиментальности, однимъ словомъ, самое трезвое отношеніе къ задачѣ беллетриста.

Всѣ эти качества и всѣ недостатки его мы находимъ и въ другихъ повѣстяхъ и разсказахъ г. Рѣшетникова, на которыхъ послѣ того, что нами сказано уже объ этомъ авторѣ, намъ нѣтъ надобности долго останавливаться. Мы не станемъ распространяться о нихъ по двумъ причинамъ, во-первыхъ, потому что статья наша вышла и безъ того уже слишкомъ обширна, а вовторыхъ, и это главное, потому что повѣсти и разсказы, составляющіе два тома «Сочиненій г. Рѣшетникова», не ослабляютъ и не усиливаютъ вынесеннаго нами впечатлѣнія, они только пополняютъ его. Въ числѣ этихъ повѣстей и разсказовъ, мы находимъ, одни имѣютъ мало интереса, другіе, какъ напр. его «сатирическіе и юмористическіе разсказы, очерки и сцены» вовсе его не имѣютъ, и должны, кажется, были бы убѣдить не только читателей, но и самого автора, что онъ вовсе не обладаетъ сатирическимъ талантомъ; и наконецъ третьи, написанные съ обычнымъ талантомъ г. Рѣшетникова. Къ послѣднимъ мы относимъ его «Тетушку Опарину» «Кумушку Мирониху», его «Максю», «Ильича», «Шилохвостова». Въ этихъ послѣднихъ разсказахъ чрезвычайно много силы, харатеры личностей рисуются какъ нельзя болѣе рельефно и оригинально. Тутъ та же грубость, та же дикость, и рядомъ съ этимъ тѣже человѣческія чувства, тоже стремленіе проникнуть въ самую сущность жизни, наконецъ, тутъ та же правда, которою отличаются всѣ произведенія г. Рѣшетникова.

Мы не станемъ говорить о значеніи автора «Гдѣ лучше?» въ русской литературѣ, потому что намъ пришлось бы повторять все то, что мы высказали въ первой главѣ нашей статьи вообще о значеніи новѣйшаго направленія въ литературѣ. Если значеніе это дѣйствительно, то дѣйствительна и роль г. Рѣшетникова въ литературѣ, потому что, какъ мы сказали, онъ является однимъ изъ лучшихъ представителей этого направленія. Это на-

правленіе поставило себѣ задачею: возможно ближе подойти къ народу, къ его стремленіямъ и истиннымъ интересамъ, и намъ по крайней мѣрѣ кажется, что г. Рѣшетниковъ въ этомъ отношеніи сослужилъ службу, принесъ дѣйствительную пользу и выполнилъ довольно значительную часть задачи, возложенную на новѣйшее направленіе въ литературѣ *).

Евг. Утинъ.

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что новѣйшіе писатели сослужили службу и продолжаютъ служить современному обществу, ставшему въ другія условія жизни. Но современная критика не всегда является продолжательницею дѣла критиковъ предшествующихъ поколѣній — эпохи Бѣлинскаго. Талантъ Бѣлинскаго произвелъ — и весьма справедливо — сильное впечатлѣніе на послѣдующихъ критиковъ, при чемъ многіе забыли, что манера Бѣлинскаго, его уголъ зрѣнія, пріемы, обусловливались отчасти лично ему принадлежавшимъ талантомъ, а отчасти тѣми обстоятельствами и средою, въ которой онъ жилъ и съ которою боролся. Такимъ образомъ, въ нашей критикѣ началъ съ того времени преобладать исключительно «публицистическій» характеръ, превратившійся въ какой-то канонъ, мотивъ котораго, по удачному выраженію одного изъ современныхъ писателей, состоялъ въ «гражданской скорби». Съ этимъ канономъ случилось тоже, что вообще бываетъ съ канонами: душа, впервые создавшая его, давно отлетѣла, и остались одни звуки. Мы не хотимъ сказать, что новѣйшая критика должна чуждаться публицистики, но пусть это публицистическое значеніе ея достигается глубиною анализа, а не внѣшними пріемами, сложившимися въ давно знакомый всѣмъ акаөистъ. Вслѣдствіе такихъ каноническихъ формъ новѣйшей критики, она утратила сознаніе связи новѣйшей литературы съ богатою литературою предшествовавшаго поколѣнія, не поняла этой послѣдней и не оцѣнила ея значенія въ общемъ ходѣ русской цивилизаціи, отъ чего впрочемъ такъ далеко стоитъ настоящее изслѣдованіе. По той же причинѣ, новѣйшіе критики, справедливо продолжая возставать противъ рутины, требовавшей «искусства для искусства», договаривались иногда до требованія «искусства безъ искусства», между тѣмъ какъ искусство потому только и искусство, что оно служитъ жизни, или иначе плевать въ потолокъ и попадать въ одну точку было бы то тоже искусствомъ. По той же причинѣ, нѣкоторые органы современной журналистики не могутъ спокойно переносить нашего существованія, и мы на-днякъ прочли («Дѣло», нояб., стр. 80) изумленіе, обращенное къ нашему журналу, «который рядомъ съ похвальной (!?) монографіей Мадзини печатаетъ.... романъ Гончарова» (опускаемъ эпитетъ къ слову: романъ, за ненахожденіемъ его въ лексиконахъ). Подобная «публицистическая» критика граничитъ съ полицейскою, если кто обратитъ вниманіе на слово: «похвальной». — *Ред.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о

ДУХОВНОЙ ЦЕНЗУРѢ.

Со времени дѣйствія закона 6-го апрѣля, въ нашей литературѣ явилось уже нѣсколько сочиненій, подавшихъ поводъ къ литературно-судебнымъ разбирательствамъ по отношенію къ духовной цензурѣ. За исключеніемъ одного процесса, не сдѣлавшагося публичнымъ, въ другихъ процессахъ эти юридическіе случаи кончались оправданіемъ инкриминированныхъ сочиненій и авторовъ, или переводчиковъ и издателей. Оправданія основывались обыкновенно на томъ, что сочиненія, по ближайшемъ судебномъ разсмотрѣніи, въ обвиняемыхъ частяхъ не подлежали духовной цензурѣ, потому что въ нихъ не оказывалось тѣхъ предметовъ, которые собственно отдаются въ ея вѣдѣніе. Эти рѣшенія были, конечно, совершенно справедливой защитой правъ литературы и должны были доставить удовлетвореніе людямъ, дорожащимъ ея успѣхами: въ самомъ дѣлѣ, это значило полагать границу между чисто и исключительно церковнымъ содержаніемъ, которое передается у насъ вѣдѣнію духовной цензуры, и научнымъ изслѣдованіемъ, которому случается касаться предметовъ, близкихъ этому содержанію.

Но, какъ ни справедливы и, потому, отрадны были эти рѣшенія, при серьезномъ и искреннемъ взглядѣ на этотъ предметъ невольно является сомнѣніе: достаточно ли этой судебной практики для окончательнаго опредѣленія вопроса, и не показываетъ ли сама эта практика весьма неяснаго представленія относительно области и значенія духовной цензуры? Въ самомъ дѣлѣ, людямъ, знающимъ судьбу русской литературы за послѣднія двадцать лѣтъ, совершенно извѣстно, что тѣ рѣшенія, какія были постановлены судебной властью по упомянутымъ процессамъ, были значительнымъ шагомъ впередъ противъ

того пониманія объема духовно-цензурнаго надзора, которое господствовало до послѣдняго времени и которое, какъ надо предположить, продолжаетъ господствовать у людей прежней практики,—въ рукахъ которыхъ это дѣло, конечно, остается и по сію пору. Въ прежнее время, въ эти послѣднія двадцать лѣтъ, цензурная практика вообще привлекала въ духовную цензуру все, что́ только малѣйшимъ образомъ касалось предметовъ религіи: шла ли рѣчь о философскомъ вопросѣ, о границахъ и отношеніяхъ между знаніемъ и вѣрой, или о естественно-научномъ предметѣ, напр. о твореніи міра и продолжительности его существованія, или о чисто-историческомъ вопросѣ, напр. о развитіи и формахъ раскола, или о чисто-беллетристическомъ, напр., когда въ разсказѣ или повѣсти выводился на сцену священникъ (въ этихъ случаяхъ обыкновенно замѣнявшійся въ печати дьячкомъ или пономаремъ)—все это безусловно считалось подлежащимъ вѣдѣнію духовнаго цензора. И цензура дѣйствовала совершенно полновластно: красныя чернила съ избыткомъ чертили корректуру, содержаніе которой часто теряло отъ этого всякій смыслъ. Мы помнимъ изъ цензурной практики начала пятидесятыхъ годовъ случай, когда на духовноцензурныхъ основаніяхъ запрещено было сочиненіе Рулье, объяснявшее элементарныя геологическія понятія,—по той причинѣ, что они противорѣчили книгѣ Бытія. Мы также хорошо помнимъ другой случай, когда къ духовному цензору отправилась повѣсть—одной изъ лучшихъ русскихъ писательницъ—гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ принадлежало, даже не прямо, а только отчасти, духовному сословію, и тогда эта повѣсть вернулась изъ цензуры въ такомъ видѣ, который поразилъ автора своей неожиданностью: нѣсколько страницъ повѣсти было совершенно зачеркнуто, и вмѣсто нихъ рукой цензора написана была вновь совсѣмъ другая романическая сцена, плодъ фантазіи самаго цензора, и соотвѣтственный его литературнымъ вкусамъ и понятіямъ.

Такова была практика, еще не очень давняя. Позднѣе, съ половины пятидесятыхъ годовъ, когда вся цензура вообще стала мягче и терпимѣе, это смягченіе отразилось и на цензурѣ духовной, но положеніе вещей во всякомъ случаѣ было крайне неудовлетворительно. Литературное произведеніе, какими бы качествами оно ни отличалось, было совершенно безправно передъ цензурой: она безконтрольно уничтожала цѣлыя мѣста изъ статей или изъ переводимыхъ писателей, или допускала послѣднія только подъ условіемъ какого-нибудь осуждающаго и неодобряющаго примѣчанія, которыя долженъ былъ дѣлать переводчикъ или которыя обязательно приписывалъ самъ цензоръ. Множество книгъ иностранной литературы, чисто научнаго характера и совершенно умѣренныхъ, оставались недоступными для русской литературы, потому, что имѣли какое-нибудь кри-

тическое отношеніе къ предметамъ, находившимся въ исключительномъ завѣдываніи духовной цензуры.

Понятно, какъ стѣснительно было все это для литературы, и едва ли многіе достаточно оцѣняютъ тотъ огромный вредъ, какой происходилъ изъ этого для самыхъ серьезныхъ интересовъ литературы, интересовъ всего національнаго образованія. Сколько вопросовъ оставалось и остается совершенно недоступными для литературы; какъ ограничивается этимъ умственный горизонтъ цѣлаго общества; до какой жалкой степени мельчаетъ мысль о самыхъ глубокихъ вопросахъ религіи и нравственности....

Какъ мы сказали, судебныя рѣшенія положили нѣкоторое основаніе болѣе правильному пониманію того объема изслѣдованія, какой можетъ и долженъ быть доступенъ для литературы. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, съ какими затрудненіями все-таки и теперь остается соединенъ вопросъ объ опредѣленіи духовно-цензурной юрисдикціи, т.-е. вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ сочиненіе должно идти въ духовную цензуру (потому что странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, рѣшать этотъ вопросъ каждый разъ судебнымъ порядкомъ), примемъ прямо тотъ случай, что сочиненіе *должно* идти въ духовную цензуру, такъ сказать, à priori, или тотъ случай, гдѣ оно должно пройти этимъ путемъ по усмотрѣнію судебной власти. Какіе результаты будутъ получаться въ этомъ случаѣ?

Не подлежитъ спору, что личная практика цензора всегда представляетъ множество случайностей—личныхъ взглядовъ *того* или *другого* цензора на предметъ, степени его смѣлости, степени пониманія обстоятельствъ, наконецъ—и это кажется главное—степени его общей образованности. Мы указывали выше, въ какомъ родѣ складывалась духовно-цензурная дѣятельность въ недавніе годы, въ какую форму цензурныхъ требованій соединялись всѣ эти личныя качества исполнителей цензурнаго дѣла. Эта прежняя, недавняя дѣятельность составила, конечно, свою извѣстную практику, свои традиціонные пріемы, и эти пріемы — едва ли можно сомнѣваться — крайне неблагопріятны для литературы. Едва ли можно сомнѣваться, что въ случаѣ, еслибы— по какой-нибудь весьма возможной варіаціи судебныхъ рѣшеній — въ какомъ-либо изъ упомянутыхъ случаевъ судебная власть нашла сочиненіе, въ отдѣльныхъ его частяхъ, *подлежащимъ* духовной цензурѣ, то едва ли можно сомнѣваться, говоримъ мы, что этимъ отдѣльнымъ частямъ грозила бы большая опасность быть запрещенными, или въ цѣломъ, или частію. Въ этомъ убѣждаютъ множество примѣровъ духовно-цензурныхъ рѣшеній изъ самаго недавняго прошлаго.

Очевидно, что даже въ томъ сильно стѣсненномъ положеніи литературы, въ какомъ она находится теперь, судьба сочиненія—быть или не быть — рѣшается на основаніи двухъ различныхъ критеріумовъ,—

критеріума суда (который можно считать болѣе снисходительнымъ, т. е. безпристрастнымъ) и критеріума самой духовной цензуры.

Какъ быть?

Вопросъ становится еще гораздо труднѣе, если мы предположимъ другой случай.

До сихъ поръ мы говорили только о сочиненіяхъ, которыя только *въ отдѣльныхъ частяхъ* должны бы были подлежать или не подлежать духовной цензурѣ. Люди, знакомые съ положеніемъ дѣла, знаютъ, что литература — внѣ одного спеціальнаго круга духовныхъ писателей, смотрѣвшихъ на предметы общепринятымъ въ нашей духовной литературѣ образомъ — до сихъ поръ, кажется, ни разу не касалась той области предметовъ, которая была принадлежностію этого спеціальнаго круга. Литература не дѣлала этого потому, что очень хорошо знала, что еслибы кто написалъ или перевелъ сочиненіе, составленное не въ этомъ общепринятомъ у спеціальнаго круга, схоластическомъ тонѣ, это сочиненіе не могло бы увидѣть свѣта. Должно ли это такъ оставаться всегда? Въ послѣднее время содержаніе нашей литературы значительно расширилось и это расширеніе показываетъ, что расширилась вообще серьезная любознательность образованнаго и грамотнаго класса,— можно предполагать, что она распространится и на эту область, до сихъ поръ спеціально-схоластическую, и что явится серьезная потребность познакомиться съ той разработкой этой области, какую представляютъ литературы европейскія. Тамъ эта разработка достигла теперь замѣчательно широкихъ размѣровъ, и было бы совершенно естественно и даже необходимо, еслибы литература, не спеціально духовно-сословная, обратилась къ этимъ предметамъ съ искреннимъ и серьезнымъ желаніемъ увидѣть, на чемъ стоитъ *научное* западно-европейское пониманіе тѣхъ нравственно-религіозныхъ предметовъ, которые составляли и еще составляютъ у насъ спеціальную принадлежность духовно-сословной литературы.

Предположимъ, что трудъ подобнаго рода, оригинальный или переводный, явится въ литературѣ, или точнѣе, будетъ представленъ въ духовную цензуру.

По прежнимъ пріемамъ ея, онъ былъ бы или совершенно запрещенъ, или сильно сократился бы отъ цензурныхъ исправленій и исключеній, — потому что постановка этихъ предметовъ въ западно-европейской *наукѣ* не имѣетъ у насъ права гражданства.

Должно ли это такъ быть и теперь?

Сколько было извѣстно по слухамъ, въ предполагавшемся недавно проектѣ дополнительнаго закона о печати затронутъ былъ и вопросъ о духовно-цензурной юрисдикціи. Этотъ вопросъ, кажется, слѣдовало затронуть. По всей вѣроятности, онъ не будетъ оставленъ безъ вни-

манія и во вновь образованной коммиссіи. Но съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ взглянуть на него и его рѣшать?

Здѣсь, какъ и вообще во всѣхъ предметахъ текущаго законодательства, которое должно опредѣлить юридическія формы общественныхъ отношеній, мѣняющихся неизбѣжно съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ общаго образованія, съ усложненіемъ условій, — здѣсь законодательство можетъ принять два различные пути: консервативный или прогрессивный. Есть еще и третій: прямо ретроградный и реакціонный, который вообще противорѣчитъ естественному развитію общества, но въ настоящемъ случаѣ мы вовсе не будемъ предполагать его, какъ совершенно безплоднаго по самой сущности дѣла, сколько мы думаемъ — почти невозможнаго въ примѣненіи, и едва ли входящаго въ виды правительства. Мы нисколько не ожидаемъ также, чтобы у насъ приняли единственную радикальную и способную быть вполнѣ послѣдовательной мѣру, т.-е. совершенную отмѣну цензуры, и потому будемъ говорить о ближайшихъ возможныхъ рѣшеніяхъ.

Въ вопросѣ о духовной цензурѣ очевидно идетъ дѣло о томъ, быть или не быть извѣстной свободѣ изслѣдованія религіозныхъ предметовъ. Потребности времени, какое ни на есть распространеніе образованности, въ послѣдніе годы, безспорно, уже оказали извѣстное вліяніе въ этомъ вопросѣ, — тѣмъ, что расширили прежнюю цензурную рамку. Это случилось безъ всякихъ особенныхъ заботъ, желаній, но и безъ вѣдома законодательства [1]), и слѣдовательно, въ ряду упомянутыхъ мѣняющихся обстоятельствъ, которыя должны приниматься въ разсчетъ текущимъ законодательствомъ, это естественное, само собою совершившееся расширеніе рамокъ и должно служить въ настоящемъ случаѣ какъ исходный пунктъ для законодательства. Понятно, что если это уже совершилось по естественному теченію вещей, законодательство не можетъ разумнымъ образомъ поворачивать дѣла назадъ, т.-е. запретить вновь то, что уже нѣсколько лѣтъ спокойно разрѣшается. Но затѣмъ, какъ мы говорили, оно можетъ принять консервативный или прогрессивный взглядъ на этотъ предметъ, и вопросъ состоитъ въ томъ: какой изъ двухъ взглядовъ заслуживаетъ предпочтенія, какой больше будетъ соотвѣтствовать разумнымъ требованіямъ, больше содѣйствовать успѣхамъ литературы и слѣдовательно всей народной образованности, и наконецъ больше соотвѣтствовать достоинству самой законодательной власти?

Консервативный взглядъ на предметъ состоялъ бы въ томъ, что

---

[1]) Сколько мы помнимъ, цензурное свѣтское вѣдомство одинъ разъ обратило вниманіе на этотъ предметъ и озабочивалось болѣе свободнымъ пропускомъ естественно-научныхъ сочиненій, — впрочемъ озабочивалось только частнымъ образомъ, а не въ видѣ прямой законодательной мѣры.

законодательство просто дало бы свою санкцію тѣмъ отношеніямъ литературы, какія уже есть,—и только, не дѣлая ни одного шага къ тому, чтобы доставить интересамъ образованія тотъ бо́льшій просторъ, требованіе котораго выразилось, какъ выше замѣчено, въ постепенномъ, само собою происшедшемъ расширеніи духовно-цензурныхъ рамокъ дѣйствіемъ самой литературы. Ясно, что такой способъ дѣйствій законодательства утверждалъ бы одинъ status quo, не принимая нисколько въ разсчетъ движенія литературныхъ потребностей, которое не остановится и будетъ продолжаться. Такимъ образомъ, законодательство отвѣчало бы условіямъ времени только очень недолго, потому что самый status quo скоро бы измѣнился, и затѣмъ законодательство опять оказалось бы запоздалымъ, перестало бы удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ литературы и опять легло на нее давящимъ гнетомъ, какъ это было до сихъ поръ. Литературѣ предоставлено было бы управляться съ своими стремленіями какъ она знаетъ; въ концѣ концовъ, она опять цѣной усилій измѣнила бы уровень цензурной опеки, какъ это уже случалось,—но прежде, чѣмъ произойдетъ это измѣненіе уровня, много книгъ и статей будетъ запрещено, много авторовъ или переводчиковъ подвергнуто взысканіямъ и напрасной потерѣ трудовъ, затратъ и времени,—съ тѣмъ, чтобы тѣ же самыя книги и статьи оказались возможными черезъ нѣсколько лѣтъ (съ потерей только ихъ живого интереса). Что таковъ былъ бы ходъ вещей, въ этомъ не трудно будетъ увѣриться тому, кто вспомнитъ, напр., судьбу лекцій Рулье о геологіи, судьбу книги Вундта о душѣ человѣка и животныхъ, судьбу «Писемъ Луи Блана», обвиненныхъ (между прочимъ) за упоминаніе англійской книги «Essays and Reviews», и множество примѣровъ духовно-цензурной практики, не доходившихъ до суда. Ясно, что въ результатѣ получится вообще чистая потеря, лишнее стѣсненіе для умственнаго труда и образовательныхъ стремленій общества; а нашъ умственный трудъ и образовательныя стремленія къ сожалѣнію вовсе не такъ богаты, чтобы они могли выносить безвредно такія ненужныя истязанія. Такимъ образомъ, просто узаконить настоящее положеніе вещей въ литературѣ значило бы въ сущности теперь же приготовить для нея новыя вредныя препятствія, потому что самый status quo (хотя и представляетъ нѣкоторый успѣхъ сравнительно съ прежнимъ) ни одинъ безпристрастный человѣкъ не назоветъ удовлетворительнымъ и благопріятнымъ для самаго скромнаго движенія литературы.

Для избѣжанія подобныхъ послѣдствій и для дѣйствительнаго удовлетворенія потребностей образованія остается, слѣдовательно, только другой, болѣе прогрессивный взглядъ на предметъ и соотвѣтствующая ему законодательная постановка дѣла. Въ такомъ случаѣ, гдѣ законодательство должно опредѣлять развивающіяся формы жиз-

нія, и особенно столь трудно уловимыя формы, какъ умственное развитіе, оно, разумнымъ образомъ, не можетъ принимать существующаго status quo за неподвижный пунктъ, такъ какъ совершенно очевидно, что онъ не есть неподвижный, что умственное развитіе незамѣтно, но несомнѣнно идетъ впередъ. Законодательство должно здѣсь разсчитывать и на ближайшее будущее, должно облегчать ему устанавливать свои отношенія и открывать дорогу развитію. Это было бы дѣломъ простого благоразумія, простого сбереженія силъ. Ему нечего опасаться, что оно расширитъ рамки больше, чѣмъ нужно для общества; если онѣ будутъ дѣйствительно больше, то на первое время онѣ только останутся ненаполненными, но за то дальнѣйшее время будетъ избавлено отъ необходимости добиваться ихъ расширенія, чтó всегда бываетъ очень трудно и тяжело падаетъ на умственныя силы общества. Но мы полагаемъ, что этого даже не можетъ случиться, что рамки, какъ бы широко ни поставило ихъ законодательство, вовсе не окажутся широки и преждевременны, — точно также, какъ не оказался преждевременнымъ судъ присяжныхъ, о которомъ многіе въ нашемъ обществѣ думали прежде (до введенія его на дѣлѣ), что онъ окажется преждевременнымъ, что онъ составляетъ принадлежность только очень цивилизованныхъ странъ и потому не привьется у насъ, еще слишкомъ мало цивилизованныхъ, но который однако на первыхъ же порахъ примѣнялся до такой степени порядочно, какъ будто былъ давнимъ и привычнымъ учрежденіемъ. Тоже, безъ сомнѣнія, окажется и здѣсь. Сколько мы знаемъ русскую литературную жизнь, въ лучшей части ея есть положительный запросъ на бóльшее расширеніе правъ печати для нравственно-религіозныхъ предметовъ. Намъ почти не хочется сказать, что русской литературѣ нужна полная *свобода изслѣдованія*, — потому что кажется нѣсколько страннымъ сопоставлять это великое право, завоеванное усиліями европейской мысли, съ жалкимъ уровнемъ образованности въ массѣ нашего общества и съ дикими порожденіями большинства современной нашей литературы, въ которой через-чуръ долговременная и строгая умственная діэта истребляетъ даже самую способность свободной критики. Но и при этомъ жалкомъ состояніи массы общества и литературы, для лучшихъ умовъ и теперь настоятельно чувствуется потребность въ этой свободѣ, которая одна и можетъ открыть для нихъ возможность дѣятельности, и только въ этой свободѣ (хотя бы на первое время къ истинному изслѣдованію обратились только немногіе) заключалось бы средство поднять весь уровень нашего образованія. Или, если у насъ еще немного людей, способныхъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, то во всякомъ случаѣ въ литературѣ существуетъ несомнѣнная и сильная потребность усвоить себѣ результаты чужого свободнаго изслѣдованія, познакомиться, хотя отчасти, съ замѣчатель-

ными въ высшей степени произведеніями западной религіозно-исторической и религіозно-философской литературы. Открывая для нея эту возможность, законодательство, повторяемъ, только отвѣтитъ несомнѣнной потребности, дастъ этой потребности средства *правильнаго* удовлетворенія; сдѣлавши это, законодательство только избавитъ общество отъ необходимости удовлетворять своей потребности косвенными и ненормальными путями, и скрывать это, — оно избавитъ общество отъ лишняго лицемѣрія, а себя отъ лишняго разочарованія на этотъ счетъ теперь и впослѣдствіи.

Въ этомъ не мудрено убѣдиться, всмотрѣвшись ближе въ духовно-цензурную практику. Цѣль ея — извѣстна; собственно говоря, это — недопущеніе въ печать сочиненій и мнѣній, противныхъ православной догматикѣ, недопущеніе распространенія ученій, противныхъ ученію православной церкви. Оставляя въ сторонѣ всякія абсолютныя и отвлеченныя соображенія о свободѣ мнѣній и печати, — такъ какъ онѣ едвали покажутся даже возможными и понятными для практиковъ, обсуждающихъ эти предметы,—мы приведемъ нѣсколько примѣровъ и коснемся только нѣкоторыхъ сторонъ дѣла, указывающихъ на необходимость болѣе раціональной постановки духовно-цензурнаго вопроса.

Итакъ, цѣль духовной цензуры извѣстна; она была неизмѣнна съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ впервые стала дѣйствовать на русскую литературу. Но какъ различно однакоже она понималась и исполнялась въ разное время! Съ конца XVII-го вѣка, когда московское духовенство критиковало богословскія сочиненія Лаврентія Зизанія, и до нашего времени, цензура эта измѣнила много разъ свои взгляды; понятія времени оказывали, хотя всегда нѣсколько поздно, вліяніе на ея теологическія основанія. Качества духовной цензуры отражали на себѣ качества духовно-сословнаго образованія; это послѣднее долго, даже до нашего времени, держалось въ крайне-схоластическомъ смыслѣ и положительно отставало отъ свѣтской науки, потому и требованія духовной цензуры всего чаще бывали только отсталымъ притязаніемъ противъ свѣтской образованности. Извѣстно, какъ характеризовалъ Кантемиръ современное ему монашество. Извѣстно, какую ненависть возбуждалъ къ себѣ Ѳеофанъ своимъ сочувствіемъ къ научнымъ взглядамъ. Нѣсколько позже, Ломоносовъ долженъ былъ на извѣстныя возраженія рѣзко отвѣчать, что «по псалтырю нельзя учиться физикѣ». Еще позднѣе, духовная цензура вооружалась противъ «Попія», у котораго, въ «Опытѣ о человѣкѣ», находила недозволительныя «натуралистическія» мнѣнія, напр. принятіе системы Коперника. Во всѣхъ этихъ и множествѣ другихъ случаевъ явно оказывалось противорѣчіе между традиціонными представленіями и новыми научными понятіями, или даже проще, противорѣчіе между научными понятіями и ограниченностію духовно-сословнаго образованія, или про-

стю невѣжествомъ, въ предметахъ естественной науки. Въ западной Европѣ это противорѣчіе также являлось при каждомъ великомъ открытіи въ изученіи природы, которое не сходилось съ традиціонными понятіями, и новыя открытія подвергались ожесточеннымъ нападеніямъ духовенства, которое въ своихъ традиціонныхъ понятіяхъ полагало и всю религію; но дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что научная истина наконецъ принималась, и традиціонныя понятія измѣнялись сообразно съ ней, или же молча признавали ее. Такъ подверглось нападеніямъ открытіе Галилея, система Коперника и т. д. Это было столкновеніе знанія и вѣры, или точнѣе, столкновеніе знанія съ дурно-понимаемой религіей. Въ результатѣ религія вовсе не падала, какъ обыкновенно опасались и вопіяли ея защитники, но она очищалась, освобождалась отъ невѣжественныхъ понятій, которыя къ ней привязывались и притомъ какъ существенная принадлежность,—какъ будто бы объяснить физическій законъ значило уничтожить религію. Таковы были опасенія, когда доказывалась шарообразность земли, обращеніе ея вокругъ солнца, законъ тяготѣнія, наконецъ когда въ новѣйшее время доказывалась геологическая древность земного шара и т. п. Все это стало азбучными истинами, и религія однако не уничтожилась. За то впрочемъ уничтожились ея грубыя формы, т. е. тѣ именно формы, которыя хранились по преданію отъ среднихъ вѣковъ и были слѣдствіемъ ихъ невѣжества и варварства.

Въ нашемъ образованіи, со времени введенія къ намъ европейской науки, естественно должны были повториться тѣ же явленія. Они и повторялись на фактѣ, хотя и доселѣ этотъ вопросъ почти никогда не ставился по сущности. Ломоносовъ долженъ былъ доказывать, что наука не вредитъ вѣрѣ, что и она также идетъ отъ Бога и т. п., и какъ извѣстно, направлялъ свое остроуміе противъ невѣжества современнаго ему духовенства. Въ массѣ необразованнаго и полуобразованнаго общества составилось тупое представленіе, что наука противорѣчитъ религіи, потому что — какъ могъ бы Іисусъ Навинъ сказать солнцу: остановись! когда, говорятъ, движется не солнце, а земля. Мнѣніе о движеніи земли считалось вольнодумнымъ, безбожнымъ. Такъ думала и большая часть людей духовно-сословнаго образованія, которые при случаѣ и дѣйствительно покрывали свои понятія церковнымъ авторитетомъ. Мы упоминали выше, что во второй половинѣ прошлаго столѣтія «Попій» показался подозрителенъ потому, что принималъ систему Коперника, но уже въ то время эту систему надо было однако допускать въ школахъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ духовная цензура не допускала сочиненій, говорившихъ о геологической древности земли, далеко превышающей Моисеево лѣтосчисленіе; теперь *эти самыя* вещи спокойно печатаются въ книгахъ для *дѣтскаго* чтенія.

Не нужно, кажется, объяснять, что совершенно таковы и всѣ случаи, въ которыхъ духовно-цензурной практикѣ пришлось бы встрѣчаться съ фактами естествознанія и исторіи. Каждый разъ, когда она будетъ видѣть въ нихъ религіозное вольнодумство и безбожіе, она въ сущности будетъ только обличать ограниченность духовно-сословнаго образованія, понятіями котораго она будетъ руководиться, и обширность общественной необразованности, на голосъ и разумѣніе которой она будетъ опираться. Приведенные примѣры показываютъ достаточно, что представлять дѣло иначе было бы или доказательствомъ недостаточности познаній, или лицемѣріемъ. Поправить дѣло можно было бы только однимъ: признаніемъ за наукой полнаго права независимаго существованія, а также улучшеніемъ духовно-сословнаго образованія. Въ послѣднее время необходимость этого улучшенія понята въ самой духовно-церковной средѣ; новые уставы духовныхъ заведеній даютъ больше, чѣмъ прежде, мѣста такъ-называемымъ «свѣтскимъ» наукамъ, и отъ этого слѣдуетъ конечно ожидать благихъ результатовъ. Не менѣе, если не больше, помогло бы то расширеніе правъ литературы относительно духовной цензуры, о необходимости котораго мы говоримъ. Пока эта цензура усовершенствуется по ея внутреннему составу (неудовлетворительность котораго implicite признана самимъ правительствомъ, въ упомянутыхъ мѣрахъ къ улучшенію духовныхъ учебныхъ заведеній), законъ могъ бы предоставить литературѣ большую свободу въ этомъ отношеніи, и въ результатѣ—стремленія самой литературы ускорили бы разъясненіе дѣла.

Какъ распространеніе естественно-научныхъ познаній способствуетъ уничтоженію грубыхъ формъ религіозности, точно такое же вліяніе имѣло бы и распространеніе здравыхъ научныхъ понятій о религіозной исторіи. Въ этомъ отношеніи наша литература крайне слаба. Въ ней продолжаютъ господствовать схоластическія и легендарныя представленія, странная несостоятельность которыхъ бросается въ глаза. Собственная производительность нашихъ духовныхъ писателей въ церковной исторіи, въ толкованіи церковныхъ писателей, въ церковной археологіи, догматической исторіи и т. д., хотя и обширная по объему, очень бѣдна самостоятельными изслѣдованіями. До XVIII-го вѣка это были повторенія византійцевъ. Съ XVIII-го, или съ конца XVII-го, это были обильныя заимствованія изъ западныхъ писателей, сначала католическихъ, а потомъ и протестантскихъ, заимствованія, только приложенныя къ исключительнымъ догматамъ православія. Традиціонная неподвижность всего духовно-сословнаго образованія сдѣлала то, что духовная литература обыкновенно довольствовалась разъ составленными положеніями, мало помышляя о томъ, сохраняютъ ли эти положенія свою вѣроятность при новыхъ результатахъ европейской, а иногда даже и самой русской науки. Правда,

въ духовенствѣ были и есть просвѣщенныя лица, довольно знакомыя съ разработкой этихъ предметовъ въ современной западной литературѣ, но въ силу той же традиціи они не могли дѣйствовать на улучшеніе понятій. Въ XVIII-мъ столѣтіи, Ѳеофанъ по своимъ талантамъ и знаніямъ способенъ былъ бы дать новое движеніе духовному образованію; но обстоятельства времени дѣлали это предпріятіе крайне опаснымъ, и онъ не совершилъ его, или сдѣлалъ только немногое. Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія начиналось опять (въ петербургской академіи) болѣе живое, слегка раціоналистическое направленіе духовнаго образованія, но и оно по обстоятельствамъ времени не успѣло развиться. Въ нынѣшней духовной литературѣ появляются замѣчательныя попытки внести больше научной строгости въ религіозно-историческія понятія, но и эти попытки въ цѣломъ все еще весьма ограниченны, и далеко не обнимаютъ всего значенія предмета. Наши духовные писатели и ученые вообще отличались гораздо больше обиліемъ фактическихъ свѣдѣній, чѣмъ духомъ изслѣдованія. Между тѣмъ именно этотъ духъ и отличаетъ новѣйшую теологическую науку на Западѣ, и усвоеніе этой науки составляетъ необходимое условіе для успѣховъ нашей собственной теологіи, какъ знакомство съ выводами этой науки дѣлается замѣтной потребностію и въ обществѣ.

Въ процессѣ о «Письмахъ» Луи Блана, защита усиленно доказывала, и судебное рѣшеніе согласилось, что извлеченія этого писателя изъ книги «Essays and Reviews», сохраненныя въ русскомъ изданіи, не даютъ основанія къ обвиненію издателя, такъ какъ это только извлеченія изъ книги, писанной для англичанъ. Но еслибы явилась на русскомъ языкѣ цѣлая книга «Essays and Reviews»? Она писана конечно для англичанъ, но предметы, о которыхъ въ ней идетъ рѣчь, относятся одинаково и къ англійской и къ русской религіи; они относятся вообще къ христіанству. Положимъ, что многое въ ней несогласно съ православной догматикой, какъ она теперь понимается; но слѣдовало ли бы запретить книгу уже по этой одной причинѣ? Въ интересѣ нравственнаго достоинства исповѣданія необходимо было бы скорѣе именно допустить изслѣдованіе предмета, слѣдовательно допустить изложеніе противоположныхъ мнѣній. Если даже принять, что эти противоположныя мнѣнія совершенно ошибочны, то и въ такомъ случаѣ запрещеніе ихъ не находитъ себѣ оправданія. Истина не должна и не можетъ быть утверждаема только насильственными запрещеніями изслѣдованія, и тѣ, кто хочетъ защищать ее подобными средствами, неизбѣжно повредятъ ей самой: насильственное запрещеніе въ такихъ случаяхъ внушаетъ еще бóльшія сомнѣнія; оно заставляетъ по неволѣ думать, что защитники предполагаемой истины сами

не увѣрены въ своемъ дѣлѣ, если хотятъ избѣгать его обсужденія, даже насильственнымъ принужденіемъ другихъ къ молчанію.

Недавно, одинъ изъ нашихъ талантливыхъ публицистовъ, теперь къ сожалѣнію принужденный прекратить свою дѣятельность, съ большимъ одушевленіемъ и съ несомнѣнной правдой (выкупавшей другія, очень произвольныя мнѣнія его о предметѣ) указывалъ недостатки нашего духовно-церковнаго быта, лишеннаго нравственной самостоятельности и слишкомъ преданнаго формѣ вмѣсто сущности. Нѣтъ сомнѣнія, что указываемыя нами духовно-цензурныя отношенія представляютъ одно изъ послѣдствій этого недостатка, и вмѣстѣ одну изъ причинъ его продолжающагося существованія.

Очевидно, что настоящее положеніе этого дѣла ставитъ вопросъ общественнаго мнѣнія въ предметахъ религіи чисто формальнымъ, такъ-сказать, полицейскимъ, бюрократическимъ, образомъ. Извѣстное мнѣніе запрещено, извѣстная книга арестована, — и довольно. Но понятій арестовать нельзя; они продолжаютъ жить и развиваться, и когда у нихъ отнимается путь естественнаго развитія, онѣ не теряютъ своего содержанія, но нерѣдко вслѣдствіе самаго стѣсненія дѣлаются рѣзкими и нетерпимыми, потому что одна нетерпимость всегда вызываетъ другую. У насъ въ послѣднее время жалобы на распространеніе матеріализма и отрицанія стали общимъ мѣстомъ до скуки: но никому изъ этихъ жаловавшихся благоразумныхъ людей не пришло въ голову серьезно подумать (да они большею частію и неспособны къ этому), какая же причина производитъ такое распространеніе отрицанія, дѣйствительно нерѣдко довольно нетерпимаго? Оглянувшись на прошедшее, да и на настоящее, легко видѣть, что всѣ новыя попытки русской мысли, самыя искреннія, самыя благородныя по своему источнику, всѣ самые естественные порывы къ критикѣ и изслѣдованію встрѣчаемы были изъ этого самаго лагеря благоразумныхъ самой ненавистной нетерпимостью и озлобленіемъ, которыя и не преминули произвести своего дѣйствія, т.-е. вызвать въ отвѣтъ такую же крайнюю нетерпимость. Кто начиналъ въ этомъ случаѣ, объ этомъ не можетъ быть и вопроса.

Очевидно, что въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ отношеній нашей умственной жизни будетъ все сильнѣе увеличиваться этотъ ничѣмъ не умѣряемый и не примиряемый разладъ, если эти отношенія не будутъ улучшены введеніемъ бо́льшей терпимости къ умственнымъ стремленіямъ общества, допущеніемъ бо́льшей свободы для литературы въ нравственно-религіозныхъ (рядомъ съ этимъ, конечно и въ другихъ) предметахъ.

Въ чемъ же состоятъ здѣсь эти стремленія? Они, очень просто, состоятъ въ томъ, чтобы эти предметы могли быть разъясняемы въ литературѣ соотвѣтственно тому уровню свѣдѣній, который уже пріобрѣ-

тенъ ею въ другихъ отношеніяхъ;—они состоятъ въ болѣе разумномъ, раціональномъ, если угодно раціоналистическомъ пониманіи вещей, относительно которыхъ до сихъ поръ допускается только традиціонно-схоластическая точка зрѣнія.

Чтобы доставить удовлетвореніе этимъ стремленіямъ, довольно было бы искренно взглянуть на настоящее положеніе дѣла.

Если цензура хотѣла предохранить общество отъ всякой мысли, несогласной съ предписаннымъ содержаніемъ, то не говоря о томъ, что эта цѣль недостижима вообще, когда нѣкоторая дѣятельность мысли уже началась, эта цѣль не достигается и въ настоящемъ положеніи дѣла. Во-первыхъ, вся остальная литература,—не касающаяся прямо предметовъ религіозно-нравственныхъ, — или вѣрнѣе, все образованіе сообщаетъ множество понятій, которыя хотя и не будутъ имѣть прямого отношенія къ этимъ предметамъ, но будутъ имѣть множество отношеній косвенныхъ, и вслѣдствіе извѣстной ассоціаціи идей, не подлежащей никакому контролю, относительно этихъ предметовъ будутъ составляться понятія, далеко не соотвѣтствующія упомянутымъ традиціоннымъ воззрѣніямъ. Эти понятія на дѣлѣ существуютъ, и всѣмъ извѣстно, какое вліяніе они производятъ на религіозность,—до какой степени различны религіозныя понятія человѣка образованнаго и человѣка необразованнаго. Мы, по истинѣ, не понимаемъ, какая причина можетъ мѣшать открытому признанію этого факта, признанію тѣхъ религіозныхъ представленій, которыя соотвѣтствуютъ содержанію новой образованности. Взамѣнъ этого, происходятъ странныя вещи. Въ нашей литературѣ вдругъ появляется, напр., «обличеніе выдуманной жизни Іисуса», т.-е. обличеніе книги Ренана. Какой смыслъ можетъ имѣть это обличеніе, если самая книга не можетъ явиться на русскомъ языкѣ? Для читателя, не знающаго иностранныхъ языковъ, она, мы думаемъ, не представитъ должной убѣдительности; потому что всякій серьезный человѣкъ въ полемическихъ предметахъ естественно желаетъ выслушивать обѣ стороны. Такимъ образомъ, книга можетъ, собственно говоря, разсчитывать только на тѣхъ, кто читалъ сочиненіе Ренана по-французски. Такіе люди, слѣдовательно, считаются возможными. Ихъ и дѣйствительно было многое множество, потому что книга Ренана, хотя и не пользовалась полной свободой обращенія, но тѣмъ не менѣе допускалась въ продажу подъ нѣкоторыми условіями. На дѣлѣ, ее имѣлъ возможность прочитать всякій, у кого было на это особенное желаніе. Отчего же это право русскихъ читателей, которые умѣютъ читать французскія книги, не можетъ быть распространено и на тѣхъ, кто не умѣетъ? Или, отчего для первыхъ не считается вреднымъ и опаснымъ то, что считается для вторыхъ? Если у первыхъ предполагается больше благоразумія въ пользованіи книгой, то не

слишкомъ ли ненадежна мѣрка благоразумія по знанію французскаго языка?

На это могутъ возразить, что подобная мѣра все-таки ограничиваетъ обращеніе книги въ болѣе или менѣе образованномъ классѣ, а недозволеніе ея на русскомъ языкѣ (мы предполагаемъ это впередъ, какъ вещь едвали сомнительную) предохраняетъ отъ соблазна людей невѣжественныхъ. На это можно было бы отвѣчать двумя указаніями. Во-первыхъ, книга Ренана едвали бы и попала въ невѣжественный классъ,—потому что написана въ такомъ литературномъ стилѣ, который едва ли доступенъ невѣжественному классу; такого рода читатели всего скорѣе не прочтутъ ея, и стало быть не въ состояніи будутъ ею злоупотребить. Во-вторыхъ, и это существенное: невѣжественный классъ, т.-е. народная масса, слишкомъ малограмотенъ, да и изъ него все-таки до 11 милліоновъ ушло въ расколъ, котораго не могла предотвратить и не могла уничтожить никакая цензура, и этотъ расколъ — по своему религіозному достоинству — конечно хуже всякаго, даже слабо перенятаго европейскаго раціонализма. Къ чему же служили и впредь послужатъ всѣ заботы объ истребленіи всякихъ мнѣній, несогласныхъ съ традиціей, всѣ заботы объ устраненіи соблазна отъ меньшей братіи, когда эта меньшая братія, въ огромной своей долѣ, сама ищетъ свою дорогу и, въ печальномъ отсутствіи образованія, заходитъ нерѣдко въ такое извращеніе религіи и въ такое страшное искаженіе всей человѣческой природы, какое представляютъ нѣкоторые виды русскихъ народныхъ сектъ? Въ виду этого факта, намъ кажется, могъ бы составиться иной взглядъ на духовно-цензурную дисциплину, чѣмъ нынѣ существующій.

Итакъ, въ значительномъ процентѣ общества, болѣе образованномъ, нынѣшняя дѣятельность цензуры не предупредила проникновенія западно-европейскихъ мнѣній, и продолжая запретительную систему, она нисколько не исправитъ дѣла, а только закроетъ свои собственные глаза на то, что всѣ видятъ, будетъ считать не существующимъ всѣмъ извѣстное. Въ народѣ, она не предупредила и не уничтожила (несмотря на всю дѣятельную помощь административныхъ и судебныхъ преслѣдованій) чрезвычайнаго распространенія раскола, доходящаго нерѣдко до самыхъ уродливыхъ религіозныхъ представленій.—Оба эти явленія—прямое и непремѣнное слѣдствіе упорной запретительной системы.

Съ другой стороны, искренно смотря на этотъ предметъ, нельзя не видѣть, что система запрещеній вреднымъ образомъ отражается на самой духовно-сословной литературѣ. Достоинство извѣстныхъ понятій опредѣляется только ихъ повѣркой и критическимъ обсужденіемъ; между тѣмъ эта литература остается съ давнихъ поръ совершенно замкнутой въ своемъ кругѣ, и это естественно должно уменьшать ея авто-

ритетъ въ глазахъ тѣхъ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ разработкой нравственно-религіозныхъ предметовъ въ западно-европейской наукѣ и литературѣ. У насъ духовная и свѣтская литература раздѣлены будто двѣ совершенно различныя области, не имѣющія между собою общаго—явленіе, по нашему понятію, весьма неутѣшительное для интересовъ нравственно-религіознаго образованія. На этой отдѣльности духовной литературы лежитъ слѣдъ того сословнаго уединенія духовенства въ особую касту, уединенія, которое такъ долго тяготѣло надъ нимъ къ его собственному вреду, и которое теперь вызвало наконецъ правительственную реформу. Точно также на этомъ странномъ положеніи духовной литературы отразился, безъ сомнѣнія, и весь характеръ духовно-сословнаго быта, свойства образованія духовенства, его положенія въ разныхъ ступеняхъ его служенія и т. д.,—тотъ характеръ быта, измѣненія котораго желаютъ болѣе умные люди изъ самого духовенства. Современемъ и правительственная реформа, и стремленія духовенства къ устройству своего образованія и къ расширенію своего самоуправленія, принесутъ конечно свои плоды. Но эти плоды едвали будутъ прочны и даже возможны безъ той параллельно идущей реформы, какой требуетъ духовно-цензурная система.

Такимъ образомъ, вопросъ о духовной цензурѣ тѣсно связывается съ серьезнѣйшими интересами всего національнаго образованія и въ частности съ интересами самого духовнаго сословія. Въ настоящемъ случаѣ мы коснулись этого предмета на первый разъ только въ самыхъ общихъ чертахъ; мы охотно возвратились бы къ нему еще разъ, еслибы наши настоящія слова не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Д.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1869.

Коммиссія для пересмотра постановленій о печати.—Одинъ изъ проектовъ кодатной коммиссіи.—Расходы на личный составъ администраціи.—Отнятіе у земства даровой почтовой корреспонденціи.— Рекрутскій наборъ 1870 года. —Народная гигіена.—Медицинскій отчетъ Полтавскаго земства.— Народное образованіе.—Отношеніе къ нему земства.—Отношеніе къ нему министерства народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ прошедшаго мѣсяца, у насъ и въ Пруссіи было обращено вниманіе на дѣло печати. У насъ — высочайшій рескриптъ 2-го ноября, данный на имя г. главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи, князя С. Н. Урусова, былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что «правила о цензурѣ и печати, изданныя на основаніи указа 6-го апрѣля 1865 года, были установлены при переходномъ тогда положеніи судебной части, впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта». Мы имѣли случай представить нашимъ читателямъ въ апрѣльской и іюньской книгахъ нынѣшняго года (стр. 772 и 794) особое изслѣдованіе К. К. Арсеньева: «Русскіе законы о печати», посвященное подробному анализу закона 6-го апрѣля. Этотъ законъ, какъ говорилось и въ самомъ указѣ, представлялъ не болѣе, какъ только «перемѣны и дополненія» въ дѣйствовавшихъ до того времени цензурныхъ постановленіяхъ стараго порядка. Причиною такого неполнаго и временного характера въ законѣ 6-го апрѣля было именно то обстоятельство, что верховная власть, по словамъ указа, «желала дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства», а между тѣмъ судебная часть находилась въ то время еще «въ переходномъ состояніи». Потому законъ 6-го апрѣля и былъ изданъ «впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта». Г. Арсеньевъ, приступая къ своему изслѣдованію, справедливо замѣтилъ, что теперь, по истеченіи слишкомъ четырехъ лѣтъ, «условія, при которыхъ былъ изданъ законъ 6-го апрѣля, измѣнились, и измѣнились весьма существенно; отсюда неиз-

бѣжно возникаетъ вопросъ объ измѣненіи самого закона». Итакъ, ни правительство, ни общество не видѣли въ законѣ 6-го апрѣля — послѣдняго слова законодательной власти: дѣйствительно, этотъ законъ давалъ отечественной печати не болѣе, какъ «возможныя облегченія и удобства», какія только дозволяло переходное положеніе судебной части въ то время; а съ другой стороны, какъ говорится въ рескриптѣ, «нынѣ, по введеніи въ дѣйствіе въ значительной части имперіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, опытъ показалъ, что временныя правила 6-го апрѣля 1865 года во многихъ случаяхъ возбуждали недоразумѣнія и не всегда могли служить достаточно положительнымъ руководствомъ при судебномъ преслѣдованіи». Вслѣдствіе того, Государю Императору угодно было положить конецъ опыту и назначить теперь особую Коммиссію «для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати и для приведенія ихъ въ надлежащую систему, ясность и полноту». Программа дѣятельности новой Коммиссіи по дѣламъ печати опредѣлена тѣмъ же рескриптомъ. «Предоставляя отечественной печати—говоритъ рескриптъ—возможныя облегченія и удобства, законъ долженъ вмѣстѣ съ симъ вооружить какъ административную, такъ и судебную власть надлежащею силою для отвращенія вреднаго вліянія, могущаго произойти отъ необузданности и неумѣренности печатнаго слова». Итакъ, отъ новаго закона, сообразно высочайшей волѣ, выраженной въ рескриптѣ, мы будемъ ожидать двоякаго назначенія: новый законъ можетъ, съ одной стороны, предоставить отечественной печати тѣ облегченія и удобства, какія окажутся возможными теперь, когда судебная власть не находится уже болѣе въ переходномъ состояніи, какъ то было четыре года тому назадъ, и судебная реформа превратилась въ прочное учрежденіе; а съ другой стороны, новый законъ долженъ въ тоже время служить твердою опорою въ случаѣ злоупотребленія печатнымъ словомъ, влекущаго за собою то или другое правонарушеніе. Судебная и административная власть будутъ тѣмъ лучше вооружены, чѣмъ точнѣе законъ опредѣлитъ границы ихъ дѣятельности, такъ какъ тогда и общественное мнѣніе вынуждено будетъ видѣть въ дѣйствіи судебной и административной власти не лицо, а тотъ же законъ. Таково намъ кажется двоякое назначеніе новаго ожидаемаго теперь нами закона о печати.

Нѣсколько дней спустя, вопросъ о печати былъ поднятъ и въ Пруссіи. 5-го (17-го) ноября, въ засѣданіи нынѣшней сессіи палаты депутатовъ, два члена ея, Дункеръ, извѣстный историкъ, и Эберти обратили вниманіе палаты на необходимость уничтоженія преградъ, еще тяготѣющихъ въ Пруссіи надъ свободою печати, а въ чемъ состоятъ эти преграды — читатели имѣли случай познакомиться въ статьѣ нашего корреспондента изъ Берлина, помѣщенной въ январьской книжкѣ текущаго года (стр. 457). Выслушавъ объясненіе, по этому поводу, ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ, графа Эйленбурга, а именно, что прусское правительство въ настоящую минуту озабочено выработкою новаго законодательнаго проекта относительно правилъ по дѣламъ печати, палата, по предложенію одного изъ своихъ членовъ, отложила обсужденіе вышеупомянутаго предложенія до другого времени.

Какъ ни различны горизонты общества въ Россіи и Пруссіи, значеніе литературы въ общественной жизни вездѣ одно и тоже; даже, принимая въ соображеніе высшій уровень нѣмецкой образованности и уже пріобрѣтенную высшую степень свободы печати въ Пруссіи, всякій скажетъ, что литературѣ въ Россіи предстоитъ несравненно бóльшій трудъ, нежели въ Германіи, а потому у насъ литература должна постоянно желать, чтобы возможность облегченія и удобствъ для нея увеличивалась съ каждымъ годомъ. При наличной слабости нашей печати, почти дѣлается страннымъ разсуждать о ея вредѣ: вредъ отъ слабаго долженъ быть также слабъ. Кромѣ того, кругъ публики образованной и даже грамотной у насъ весьма ограниченъ, и наша печать не имѣетъ того электрическаго движенія, какъ въ западной Европѣ, а между тѣмъ, судя по цензурнымъ мѣрамъ, можно подумать, что у насъ извощикъ не сидитъ на козлахъ безъ нумера сегодняшней газеты. Но все это такъ только кажется: на дѣлѣ же оказывается, что сила у насъ заключалась въ цензурныхъ мѣрахъ, а слабость—въ литературѣ, т.-е. въ мысляхъ и понятіяхъ общества. А что выгоднѣе и почетнѣе для государства: цвѣтущая литература или цвѣтущая цензура? Никакія злоупотребленія въ печати не могутъ перевѣсить тѣхъ благодѣяній, которыми надѣляетъ литература свое общество, при свободѣ печати. Съ книгами бываетъ тоже, что и съ людьми: въ концѣ концовъ, масса добраго въ людяхъ заглушаетъ зло собственною силою, и тѣмъ легче, чѣмъ больше предоставлено свободы для борьбы, а вовсе не потому, чтобы закономъ было запрещено рожденіе злыхъ и вредныхъ людей; тоже было и будетъ и съ книгами, если дать печати тотъ просторъ, которымъ пользуются живые люди, и положить ей тѣ границы, которыя налагаетъ законъ вообще на всякую человѣческую дѣятельность. Свободная литература приноситъ пользу не одному обществу, но и правительствамъ она служитъ лучше, чѣмъ строго-ограниченная; если когда правительства могутъ справедливо припомнить извѣстное выраженіе: «избави меня Богъ отъ друзей, а съ врагами я само справлюсь»—то это именно въ вопросѣ о цензурѣ. Для враговъ общественнаго порядка, буде таковые окажутся, имѣются законы, суды, но противъ «друзей» мы часто не имѣемъ никакихъ средствъ, а между тѣмъ дружескіе совѣты могутъ быть направлены къ стѣсненію литературы, слѣдовательно, къ стѣсненію въ будущемъ и общества, и правительства. Современная печать, это—будущность страны; точно также, какъ наше настоящее есть дѣло печати предшествовавшихъ поколѣній. Если насъ въ настоя-

щее время упрекаютъ, что мы не вездѣ оказываемъ себя равносильными тѣмъ великимъ реформамъ, которыя совершились на нашихъ глазахъ, то вина въ томъ не наша: положеніе нашей печати было прежде не таково, чтобы мы могли явиться готовыми къ эпохѣ настоящаго царствованія; если же мы обнаружили какія-нибудь добрыя качества, то опять, благодаря тому обстоятельству, что прежняя цензурная система не могла совершенно уничтожить наше нравственное существованіе и убить здоровые таланты такихъ ученыхъ, какъ Грановскій, такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Гоголь, и критиковъ, какъ Бѣлинскій; все это были люди предшествующихъ поколѣній, которые вынесли невзгоду на своихъ плечахъ и бережно пронесли свѣтъ истины, несмотря на вѣтеръ, задувавшій огонь со всѣхъ сторонъ. Итакъ, новый законъ о печати въ нашихъ глазахъ явится современемъ приговоромъ для всего будущаго отечественной цивилизаціи: отъ этого закона будетъ зависѣть наше нравственное «быть» или «не быть». При обсужденіи такого закона, можно увлекаться предвзятыми теоріями, выведенными изъ частныхъ случаевъ злоупотребленія печатью; но интересы верховной власти и общества по отношенію къ печати одни и тѣже: нужно открывать истину вездѣ и всегда; пусть лучше десять виновныхъ оправдаютъ, нежели обвинятъ одного невиннаго, говорила Екатерина Великая; пусть лучше при свободѣ печати десять разъ печать ошибется, нежели цензура помѣшаетъ одному сказать правду.

Остается еще одна сторона дѣла. Печать обязана не упускать изъ виду важнѣйшихъ явленій общественной жизни; въ этомъ отношеніи, она несетъ на себѣ непріятное бремя, но полезное для общества и даже для правительствъ, когда дѣло идетъ объ администраціи. Общество, въ своихъ дѣлахъ, безъ сомнѣнія, не откажется знать все, что можетъ угрожать его интерессамъ; что же касается до правительствъ, то они одни могутъ рѣшить, что̀ лучше: поставить ли администрацію внѣ всякой опасности со стороны печати, или наоборотъ, воспользоваться печатью точно также, какъ пользуется ею общество? Высочайшій рескриптъ, намъ кажется, не оставляетъ сомнѣнія относительно будущихъ отношеній администраціи къ печати у насъ. Новому закону предписано «вооружить какъ административную, такъ и судебную власть, *надлежащею* силою» и т. д. Ничто такъ не убиваетъ печати, какъ ненадлежащая сила администраціи, потому что ненадлежащая сила есть чистѣйшій произволъ и притомъ врученный въ настоящемъ случаѣ именно той сторонѣ, которая сама можетъ сдѣлаться предметомъ печатнаго обсужденія, и которая потому явится судьею въ собственномъ же дѣлѣ. Коммиссіи предстоитъ теперь, при составленіи новаго закона о печати, рѣшить на дѣлѣ вопросъ: какая сила надлежитъ администраціи, и какая не надлежитъ, т.-е. какая можетъ обратить силу въ произволъ, столь па-

губный для печати, а чрезъ нее вредный и для самого общества. Этого рода вредъ меньше обращалъ на себя до сихъ поръ вниманіе нашего законодательства о печати, но его не слѣдуетъ забывать, потому что онъ гораздо глубже проникаетъ въ поры общественной жизни, чѣмъ вредъ отъ преувеличеній и злоупотребленій печатнымъ словомъ. Послѣднія увлекаютъ за собою горсть людей, по большей части безъ вѣса, безъ вліянія; а «ненадлежащая» сила администраціи вызываетъ ропотъ даже серьезныхъ людей, которые, по чувству возмущенной въ нихъ справедливости, должны иногда отнестись сочувственно къ тому, на что не обратили бы, безъ того, никакого вниманія. Вотъ это вредъ весьма важный, и желательно было бы въ новомъ законѣ найти по возможности полное его устраненіе.

Въ заключеніе, выразимъ одну мысль, для которой, повидимому, наступило именно теперь время. Законъ 6-го апрѣля, какъ временный, былъ скорѣе городскимъ, нежели государственнымъ закономъ, такъ какъ онъ касался двухъ городовъ имперіи. Не будетъ ли найдена возможность распространить будущій законъ на все государство, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ распространена нынѣ судебная реформа, и во всякомъ случаѣ включить университетскіе города и большіе торговые пункты, какъ Одесса? Мы не ошибемся, если скажемъ, что утвердительное рѣшеніе этого вопроса будетъ встрѣчено съ радостью всѣмъ нашимъ обществомъ.

Перейдемъ къ другому предмету, занимавшему общественное мнѣніе въ послѣднее время, и въ нѣкоторомъ смыслѣ сходному съ предъидущимъ — къ дѣятельности другой правительственной коммиссіи. Извѣстно, что въ министерствѣ финансовъ существуетъ особая коммиссія для пересмотра системы податей. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, мы говорили о предположеніяхъ этой коммиссіи, относительно замѣны тяжелой и неправильной личной подати, податями поземельною и подворною. Нельзя не пожелать, чтобы рѣшеніе этого вопроса ускорилось, но трудно ожидать этого, если податная коммиссія, вступивъ на путь весьма свойственный всякого рода коммиссіямъ, станетъ возбуждать вдругъ слишкомъ большое число вопросовъ и смѣшивая неотлагательные съ «терпящими отлагательство», усложнить свою задачу и замедлить достиженіе практическихъ результатовъ по предметамъ наиболѣе нужнымъ. Правда, податная система именно потому, что она есть *система*, должна быть обсуждаема въ цѣльности. Но такое обсужденіе предполагало бы намѣреніе измѣнить самое распредѣленіе государственныхъ доходовъ. Очевидно, что еслибы, напримѣръ, податной коммиссіи было поручено изслѣдовать, нельзя ли, въ интересахъ народной нравственности и народнаго здравія, свести акцизно-питейный доходъ съ занимаемаго имъ въ бюджетѣ перваго мѣ-

ета, устроить акцизное дѣло на началахъ нравственно-экономическихъ, а не преимущественно камеральныхъ, и изыскать средства для пополненія иными средствами образующагося, такимъ образомъ, пробѣла въ государственныхъ доходахъ,—очевидно, говоримъ мы, что въ такомъ случаѣ этотъ вопросъ нельзя было бы обработывать отдѣльно, не произведя перемѣны въ устройствѣ всѣхъ податей и пошлинъ, взимаемыхъ государствомъ.

Но ничего подобнаго, сколько намъ извѣстно, отъ податной коммиссіи не ожидается. Она просто изучаетъ отдѣльно разные виды налоговъ и составляетъ предположеніе, какимъ наилучшимъ образомъ можно бы измѣнять отдѣльно каждый изъ этихъ налоговъ, для облегченія плательщиковъ и для удобства взиманія, при чемъ плательщики остаются тѣ же самые. Въ такомъ случаѣ, чѣмъ меньше вопросовъ вдругъ будетъ вырабатывать коммиссія, въ окончательную форму проектовъ, тѣмъ лучше; вопросъ объ измѣненіи подушныхъ налоговъ—изъ всѣхъ самый настоятельный, и коммиссіи не слѣдовало бы отвлекать отъ него малѣйшей части своего усердія и вниманія. Вспомнимъ, что онъ обсуждается уже лѣтъ пять.

Между тѣмъ, коммиссія рѣшенію этого, въ самомъ дѣлѣ неотлагательнаго, вопроса предпосылаетъ обработку другихъ, болѣе легкихъ, конечно, но за то гораздо менѣе важныхъ и спѣшныхъ. Такъ коммиссія нашла нужнымъ изучить вопросъ о порядкѣ взиманія съ чиновниковъ пошлинъ за повышенія въ чины, съ цѣлію «болѣе раціональнаго устройства этихъ сборовъ». Положимъ, что сборы эти, состоящіе въ трехъ видахъ (вычетъ изъ жалованья, печатные и за гербовую бумагу) и въ самомъ дѣлѣ «нераціональны», какъ потому, что раздѣленіе это не имѣетъ смысла, такъ пожалуй и потому, что полученіе новаго чина — какъ разсуждала коммиссія — не даетъ нынѣ служащимъ тѣхъ непосредственныхъ преимуществъ, какія оно давало прежде. Положимъ, что это раціонально, но вѣдь еще раціональнѣе было бы вовсе не подвергать награждаемыхъ денежному взысканію, а пожалуй и вовсе не награждать чинами, если чины утратили прежнія свои преимущества. Едвали раціонально давать награду утратившую значеніе, и во всякомъ случаѣ нераціонально, награждая человѣка, требовать съ него за это денегъ. Какая награда чинъ бѣдному семейному чиновнику, если онъ не улучшаетъ его положенія, а между тѣмъ лишаетъ его на мѣсяцъ жалованья? Во всякомъ случаѣ, всѣ эти вычеты по наградамъ, и 10% и 16% вычета изъ денежныхъ пособій, нераціональны уже потому, что тутъ одна рука даетъ и отнимаетъ назадъ часть даваемаго. При обсужденіи всей системы нашихъ пошлинъ и налоговъ съ точки зрѣнія раціональности, на какую коммиссія стала въ настоящемъ случаѣ, быть можетъ оказалось бы возможнымъ подобные нераціональные сборы (положимъ хоть со служащихъ, получающихъ менѣе

1000 р. содержанія) замѣнить установленіемъ пошлины на собственные экипажи и верховыхъ лошадей, на право одѣвать лакеевъ въ ливрею и пудрить имъ волосы. (Всѣ сейчасъ исчисленныя права обложены пошлинами въ Англіи, въ томъ числѣ и пудра.)

Но въ томъ-то и дѣло, что подобное цѣльное обсужденіе всей податной системы не входитъ въ программу коммиссіи, и потому именно она совершенно напрасно возбуждаетъ вдругъ слишкомъ много вопросовъ, вмѣсто того, чтобы хотя одинъ, главнѣйшій, поскорѣе привесть къ окончанію отдѣльно. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ другихъ, коммиссія обсуждала только, какимъ образомъ можно бы съ тѣхъ же самыхъ служащихъ взимать ту же частицу государственнаго дохода. Но въ такомъ случаѣ, настоящій именно «вопросъ» съ удобствомъ могъ бы быть отложенъ въ дальній ящикъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ сущности не все равно, будетъ ли сборъ за повышеніе чиномъ взиматься подъ тремя наименованіями или подъ однимъ? Развѣ не все равно, будетъ ли извѣстная часть государственнаго дохода взиматься съ чиновниковъ посредствомъ вычетовъ при повышеніи чиномъ или посредствомъ удержанія части жалованья при назначеніи высшаго оклада? Въ сущности—все равно. Вотъ, далеко не все равно крестьянину платить подушную подать въ теченіи десяти лѣтъ, съ одной ревизіи до другой, за 10 душъ, когда у него въ домѣ работниковъ всего двое, онъ самъ, да одинъ сынъ. А между тѣмъ, мы не знаемъ, созрѣли ли предположенія податной коммиссіи въ этомъ отношеніи до такой степени, чтобы поступить на разсмотрѣніе г. министра финансовъ, въ то время, какъ мы усматриваемъ изъ «Правительственнаго Вѣстника», что проектъ о болѣе раціональныхъ вычетахъ съ чиновниковъ уже внесенъ г. министромъ финансовъ въ государственный совѣтъ: такъ какъ этотъ вопросъ находится въ высшемъ стадіи развитія, то имъ мы и займемся нѣсколько поближе, взглянувъ при томъ вообще на вознагражденія административно-служебнаго труда.

Вопросы о положеніи и распредѣленіи чиновниковъ, о распредѣленіи административныхъ инстанцій, о децентрализаціи и т. п., какъ извѣстно, были одними изъ первыхъ, на которые обратилось вниманіе пробужденнаго общества и возникшаго льготнаго простора или терпимости въ дѣлахъ печати. Вопросы эти принадлежали къ числу изложенныхъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ публицистовъ того недавняго, но далекаго времени, г. Шедо-Ферроти. И не мудрено, что вопросы эти явились такъ-сказать первыми на очереди во вниманіи заговорившаго общества, потому что наше общество, слѣдящее за разными публичными вопросами, въ огромномъ большинствѣ состоитъ изъ лицъ служащихъ или служившихъ въ государственной службѣ. Съ тѣхъ поръ, другія дѣла отвлекли вниманіе общества, а между тѣмъ упомя-

нутые выше вопросы остаются вопросами и очень немного подвинулись впередъ.

Изъ обнародованныхъ «Прав. Вѣстникомъ» свѣдѣній видно, что, по бюджету 1867 года, исчислено было личныхъ выдачъ 96.358,559 р. Вѣдь это почти *четвертая часть* всего бюджета 1867 года, считая и содержаніе армія, и постройку желѣзныхъ дорогъ!

Мимоходомъ не можемъ не замѣтить «Прав. Вѣстнику», который въ прошломъ мѣсяцѣ обнародовалъ свѣдѣнія о «стоимости самоуправленія», а нынче обнародовалъ свѣдѣнія, которыя слѣдовало бы назвать о «дороговизнѣ администраціи»,—что самоуправленіе если и стóитъ не дешево (1/5 часть сбора), то, во всякомъ случаѣ, казенная администрація стóитъ еще дороже (въ сравненіи съ чистымъ государственнымъ обыкновеннымъ доходомъ, гораздо болѣе чѣмъ 1/4). Одна цифра пенсій составляетъ (по бюджету 1867 г.) около 18 милл. р. въ годъ.

Вотъ какія издержки несетъ государство по содержанію правительственныхъ чиновниковъ и ихъ семействъ. А между тѣмъ, можно ли сказать, что вообще обезпеченіе чиновниковъ у насъ удовлетворительно? Въ огромномъ большинствѣ, оно рѣшительно недостаточно. Въ провинціальныхъ управленіяхъ, чиновники получаютъ жалованье все еще по штатамъ тридцатыхъ годовъ, въ размѣрахъ баснословно-малыхъ. А большинство составляютъ именно они. Въ центральныхъ управленіяхъ министерствъ съ тѣхъ поръ дважды сдѣлано преобразованіе въ смыслѣ возвышенія окладовъ, и они стоютъ положительно слишкомъ дорого, въ сравненіи съ мѣстными (кромѣ акцизныхъ и судебныхъ), а между тѣмъ, можно ли признать оклады, получаемые въ министерствахъ, слишкомъ высокими, сравнительно съ тѣмъ образованіемъ и тѣмъ временемъ, которыхъ они требуютъ отъ служащихъ? Конечно нѣтъ; они во всякомъ случаѣ меньше нормы, установленной частнымъ наймомъ. Такъ, казенный бухгалтеръ получаетъ содержаніе непремѣнно меньше, чѣмъ коммерческій, хотя быть можетъ записываетъ милліоны вмѣсто десятковъ тысячъ. Недавно, одна газета обратила вниманіе на тотъ фактъ, что добавочные оклады, получаемые служащими (особенно высшихъ степеней), подъ разными наименованіями, часто составляютъ сумму безъ всякаго сравненія высшую, противъ ихъ штатныхъ окладовъ. Но это вопросъ мелкій. Не все-ли равно, подъ какимъ наименованіемъ получается вознагражденіе? Форма добавочныхъ окладовъ нехороша только тѣмъ, что она даетъ просторъ произволу. Въ смыслѣ же размѣра необходимаго вознагражденія, она ничего не значитъ. Если вмѣсто окладного жалованья въ 700 рублей значительному чиновнику платятъ 3,500 рублей, то существенный вопросъ тутъ состоитъ въ томъ: стóитъ ли платить ему что бы то ни было, а не въ томъ, въ какой формѣ ему платятъ. Если прикащикъ въ англійскомъ магазинѣ получаетъ 4,000 р., то удивительно ли, что

образованный и заслуженный высшій чиновникъ получаетъ 4, 5 или 6,000 р. Вопросъ только въ томъ, нуженъ ли онъ, стòитъ ли платить ему хотя бы пятьсотъ рублей въ годъ?

Всѣ ли эти люди нужны, всѣ ли они достаточно работаютъ, всѣхъ ли ихъ работа сама по себѣ нужна?—вотъ это другой вопросъ, и этотъ вопросъ, безъ всякаго сомнѣнія, могъ бы быть разрѣшенъ въ смыслѣ значительнаго облегченія для плательщиковъ податей. Не касаясь уже вопроса о децентрализаціи, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко, намъ легко было бы указать на возможность сокращеній въ разныхъ совѣтахъ, даже отрасляхъ управленія, которые отъ этихъ сокращеній состава нисколько не потеряли бы. Чтобы привесть примѣръ, остановимся на министерствѣ государственныхъ имуществъ. Министерство государственныхъ имуществъ не существуетъ нигдѣ, кромѣ Россіи. У насъ, образованіе его относится къ тому времени, когда огромное число гражданъ государства разсматривалось просто какъ владѣльческая собственность, оброчная статья помѣщиковъ и казны. При такомъ положеніи, пожалуй, естественно было образовать отдѣльное вѣдомство для эксплуатаціи той регаліи, которая называлась «государственные крестьяне». Но какая польза сохранять министерскія учрежденія для управленія государственными имуществами съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне этого вѣдомства получили общее гражданское устройство?

Податная коммиссія находитъ, что вычетъ за производство въ чины есть вычетъ за почти *«мнимое»* преимущество. Но какъ бы мнима ни была награда чиномъ, все-таки чинъ дается въ видѣ награды, стало быть, вычетъ здѣсь еще имѣетъ хоть какой-нибудь смыслъ. О вычетахъ же, по поводу увеличенія требуемаго труда, ужъ положительно нельзя сказать и этого. Да, конечно, предлагаемая мѣра вполнѣ уяснится, если смотрѣть на повышеніе въ должностяхъ и на прибавки, какъ на награду, полагая, что съ возвышеніемъ должности работа не только не увеличивается, а пожалуй—наоборотъ. Но въ основаніи такаго взгляда несомнѣнно лежало бы мнѣніе, что чѣмъ выше должность, тѣмъ болѣе приближается она къ синекурѣ. Да и вообще, несомнѣнно, что вычитать по какому бы то ни было поводу изъ жалованья слугъ государства, значитъ выражать мнѣніе, что они получаютъ слишкомъ много, или что большинство ихъ въ дѣйствительности вовсе не нужны.

Обратимся теперь отъ нашихъ проектовъ къ совершившимся фактамъ. Въ хроникѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 302) былъ сообщенъ «невѣроятный» слухъ, что земскія учрежденія будутъ обязаны платить вѣсовыя деньги за пересылаемую ими оффиціальную переписку, и заданъ вопросъ: «за что такая немилость со стороны почтоваго управленія могла бы постигнуть именно земскія учрежденія, и именно въ ту минуту, когда на земство признано возможнымъ возложить обязанность по содержанію почтъ?» Въ настоящее время этотъ

слухъ превратился въ фактъ, а именно, по почтовому вѣдомству сдѣлано распоряженіе, чтобы съ 1-го января 1870 года корреспонденція земскихъ управъ была оплачиваема установленными для частной корреспонденціи сборами. Основаніемъ къ такому распоряженію могло послужить то обстоятельство, что пользованіе даровою корреспонденціею со стороны земствъ никогда не было разрѣшено законодательнымъ порядкомъ, а предоставлено просто, по одному частному соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ почтъ и телеграфовъ; теперь же, по поводу ходатайства нѣкоторыхъ земствъ о полномъ сравненіи ихъ съ правительственными учрежденіями, все это дѣло подверглось разсмотрѣнію законодательнымъ порядкомъ, и по обсужденіи его комитетомъ министровъ, земствамъ было отказано въ ихъ ходатайствѣ. Итакъ, съ юридической точки зрѣнія, прежнее разрѣшеніе, данное земствамъ, было не больше, какъ министерскимъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ подъ личною отвѣтственностію министра, а теперешній отказъ облеченъ законными формами. Все это любопытно, какъ фактъ, доказывающій неопредѣленность у насъ административной власти: вопросъ— платить ли земству или нѣтъ за почтовую корреспонденцію, т. е. уменьшить государству доходъ или нѣтъ,былъ рѣшенъ личною властью. Но независимо отъ того, остается все же неяснымъ, почему новый законъ осудилъ земство нести на себѣ новый расходъ? У насъ не платятъ казенныя вѣдомства, а платятъ частныя лица, частныя заведенія, частныя компаніи и т. д. Запрещеніе земству даровой корреспонденціи показываетъ, что оно отнесено къ числу частныхъ компаній. Никто не будетъ съ нами спорить, если мы скажемъ, что земство отправляетъ теперь всѣ тѣ функціи, которыя еще недавно, въ народномъ хозяйствѣ, отправляло правительство; если тогда правительственныя мѣста пользовались даровою корреспонденціею по земскимъ дѣламъ, то почему же теперь земству не пользоваться тѣми же преимуществами?

Почтовое вѣдомство можетъ отвѣчать на всѣ возраженія именно тѣмъ, что земство на содержаніе почтоваго управленія ничего не приплачиваетъ. Въ смѣту почтоваго вѣдомства дѣйствительно вносится пособіе на счетъ государственнаго земскаго сбора, но это пособіе вручается содержателямъ почтовыхъ станцій за почтовую гоньбу, которою почтовое управленіе пользуется одинаково, какъ и проѣзжающіе по частной и казенной надобностямъ. Лошади съ почтовыхъ станцій отпускаются для возки почтъ и эстафетъ не безплатно, а за установленные прогоны, и на этотъ предметъ назначается по смѣтѣ почтоваго вѣдомства особая сумма на счетъ государственнаго казначейства. А что лошади на почтовыхъ станціяхъ содержатся не исключительно для надобностей почтоваго вѣдомства, доказывается еще тѣмъ, что на нѣкоторыхъ трактахъ, по которымъ почта уже не перевозится на лошадяхъ за устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, все еще содержатся ло-

шади на станціяхъ собственно для проѣзжающихъ, и содержаніе ихъ оставляется по мѣстнымъ требованіямъ. Съ другой стороны, приплата на содержаніе лошадей производится изъ государственнаго земскаго сбора, общаго во всей имперіи и находящагося въ распоряженіи правительства; земство же каждой губерніи распоряжается только мѣстными сборами, для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи, къ числу которыхъ не относится почтовая гоньба, составляющая государственную потребность. Наконецъ, почтовое вѣдомство можетъ еще указать и на то, что въ послѣднее время оно обезпечило земство такъ, гдѣ только по ходу почтъ представилась возможность уменьшить комплекты лошадей: въ такихъ мѣстахъ оно немедленно обращалось къ содѣйствію губернскаго начальства для снятія излишнихъ лошадей, если это оказывалось возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ. Такъ была уменьшена приплата, отъ снятія ненужныхъ лошадей, съ 1858 года по 1-е іюня 1868 годъ на 571 тыс. руб., а съ этого времени по 1-е ноября текущаго года на 450 тыс. руб. По смѣтѣ почтоваго вѣдомства на 1869 годъ, пособія изъ государственныхъ земскихъ сборовъ на содержаніе почтовыхъ лошадей исчислено было до 7,593 тыс. руб., по смѣтѣ же на 1870 годъ исчислено только до 7,305 тыс. руб. Слѣдовательно *приплата* на почтовое дѣло для земства не увеличивается, а *уменьшается*. Самое же почтовое управленіе содержится на счетъ получаемыхъ имъ по почтовой операціи доходовъ, которые превышаютъ расходъ, собственно по почтовому управленію, на 3 милл. рублей. Почтовое вѣдомство можетъ еще прибавить: содержаніе почтовой гоньбы отъ земства производится въ 3-хъ губерніяхъ, и оно въ этомъ дѣлѣ, дѣйствуя на правахъ контрагента казны, содержитъ станціи на основаніи общихъ нормальныхъ кондицій, получая за такое содержаніе значительную приплату на счетъ государственнаго земскаго сбора изъ ассигнованныхъ по смѣтѣ почтоваго вѣдомства на этотъ предметъ суммъ. Дѣло это представляется весьма выгоднымъ для земства, и земство одной губерніи, при хозяйственномъ управленіи, сберегаетъ изъ отпускаемой ему приплаты до 49 тыс. руб. въ годъ. Сбереженія эти поступаютъ въ полную собственность этого земства. Слѣдовательно, въ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакой услуги со стороны земства почтовому управленію, а скорѣе услуга со стороны правительства земству, приплачивающаго ему одинаковую сумму, какую оно платило бы и другому почтсодержателю. Почтовое управленіе съ своей стороны, конечно, не препятствовало бы ни одному земству въ принятіи содержанія почтовой гоньбы по губерніи, разумѣется, не на невыгодныхъ для казны условіяхъ, еслибы таковыя ходатайства поступали къ нему.

Все это факты, противъ которыхъ спорить нельзя; но съ другой стороны, эти факты не устраняютъ вопроса о самомъ принципѣ и не уясняютъ намъ главнаго, а именно: почему земство, снявшее съ пра-

вительства бремя государственнаго хозяйства, не можетъ пользоваться тѣмъ преимуществомъ, которымъ пользовались прежде земскія правительственныя мѣста и власти? Все это можно оправдать только въ такомъ случаѣ, если смотрѣть на настоящую мѣру противъ земства, какъ на шагъ къ тому, чтобы прекратить даровую пересылку и для правительственныхъ учрежденій. Мы слышали изъ вѣрнаго источника, что такая мысль существуетъ, хотя, быть можетъ, до нея дошли и съ другой стороны, въ виду злоупотребленій казенною корреспонденціею и легкости приложить ко всему казенную печать. Только въ такомъ случаѣ, и отнятіе у земства права на даровую корреспонденцію, какъ мѣра общая, въ видахъ болѣе раціональнаго почтоваго хозяйства, не можетъ вызывать никакого возраженія.

Въ истекшемъ ноябрѣ объявленъ рекрутскій наборъ на 1870 годъ по 4 чел. съ 1000 душъ. Эти 0,4% соотвѣтствуютъ 0,8% наборовъ при прежней системѣ, когда наборы производились поочередно съ двухъ полосъ имперіи. Нынѣшній наборъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ есть первый *одновременный* наборъ съ имперіи и царства польскаго. Царству предстоялъ наборъ минувшею осенью, соотвѣтственно съ наборомъ произведеннымъ въ началѣ текущаго года въ имперіи [1]). Этотъ отдѣльный наборъ въ царствѣ былъ отмѣненъ для установленія на будущее время одновременности набора по всей государственной территоріи, и соотвѣтственно этому, въ манифестѣ предписывается взять при наборѣ 1870 года и слѣдующихъ годовъ въ царствѣ лишнихъ по $^2/_3$ рекрута съ 1000 душъ, до пополненія недоимки, какая образовалась отъ отмѣны въ царствѣ отдѣльнаго набора нынѣшняго года. Кромѣ этой перемѣны и нѣсколькихъ мѣстныхъ измѣненій, обусловленныхъ частными освобожденіями отъ прежнихъ наборовъ, нынѣшній наборъ не представляетъ ничего новаго, а ежегодный наборъ 4 съ 1000 душъ съ обѣихъ полосъ въ послѣдніе годы, представляя значительный процентъ, естественно обусловленъ сокращеніемъ сроковъ военной службы.

Ежегодный наборъ съ имперіи и царства польскаго даетъ около 98$^1/_2$ тысячъ дѣйствительно поступающихъ рекрутъ (цифра 1868 года), изъ нихъ 84 т. съ имперіи и 14$^1/_2$ т. съ царства. Но тяжесть воинской повинности для страны не представляется еще вполнѣ ни отдачею этого числа людей, ни суммою, которую уплачиваютъ общества за рекрутовъ при сдачѣ ихъ (около 36 р. на рекрута). Кромѣ всего того, для производства набора необходимо передвиженіе съ мѣста числа людей вдвое бо́льшаго, чѣмъ сколько поступаетъ дѣйствительно на службу. Такъ, на 84 тыс. чел., дѣйствительно принятыхъ въ 1868

[1]) Въ царствѣ польскомъ, впрочемъ, былъ произведенъ наборъ въ 1868 году, соотвѣтственно съ наборомъ 1869 года по имперіи.

году рекрутъ, возвращено бывшихъ въ числѣ подставныхъ около 50½ т. чел., и забраковано по разнымъ случаямъ болѣе 44¼ т. чел., такъ что, стало быть, для полученія въ дѣйствительности 84 тысячъ годныхъ рекрутъ, надо «сгонять» болѣе 179 тысячъ народу.

Въ печатномъ отчетѣ по исполненію набора 1868 года, изъ котораго мы беремъ эти цифры, приведены также такія данныя, которыя важны не въ одномъ спеціально-военномъ отношеніи. Число людей, признанныхъ негодными къ военной службѣ за хроническими болѣзнями и тѣлесными недостатками — кромѣ малорослыхъ — составляетъ 21% числа представленныхъ къ пріему; оказывается, что если рекрутскую массу разсматривать какъ представительство населенія, то изъ всего населенія Россіи одержимо хроническими болѣзнями и физическими недостатками гораздо болѣе пятой части, почти цѣлая четверть (болѣе $^{44}/_{179}$). Положимъ, что рекрутскую массу нельзя разсматривать какъ совершенно вѣрное представительство населенія, но процентъ больныхъ такъ великъ, что, даже допустивъ значительное уклоненіе, онъ все-таки свидѣтельствуетъ о крайне-неудовлетворительномъ положеніи массы нашего крестьянства, сословія, къ которому принадлежитъ 91% всей рекрутской массы. И замѣчательно, что неблагопріятность этого отношенія съ году на годъ растетъ, и очень быстро. Процентъ забракованныхъ (исключая опять-таки малорослыхъ) составлялъ въ 1863 году—12; въ 1865—16; въ 1866—18,6; въ 1867—20,8; наконецъ въ 1868—21%. Слѣдуя этой нормѣ возвышенія, можно полагать, что при наборѣ нынѣшняго года, этотъ процентъ почти удвоится въ сравненіи съ 1863 годомъ.

Такой фактъ заслуживалъ бы внимательнаго обсужденія. Объясненіе, какое мы находимъ въ отчетѣ по исполненію набора 1868 года, не вполнѣ удовлетворяетъ насъ. Авторъ отчета объясняетъ такое возрастаніе числа больныхъ и увѣчныхъ въ рекрутской массѣ тѣмъ собственно обстоятельствомъ, что въ 1863 году наборъ былъ произведенъ послѣ семилѣтняго перерыва, слѣдовательно къ тому времени въ массѣ населенія, подлежавшаго набору, накопилось много людей годныхъ къ военной службѣ, и потому наборы 1863 года дали превосходный контингентъ, а затѣмъ контингентъ съ каждымъ годомъ слабѣетъ въ своихъ качествахъ, по мѣрѣ производства новыхъ наборовъ. Съ этимъ объясненіемъ должно согласиться, но только до извѣстной степени. Наборы 1863 года были произведены послѣ 7-лѣтняго перерыва, но за то въ размѣрѣ 15-ти человѣкъ съ тысячи, такъ что разница, о которой упоминаетъ авторъ, должна была дѣйствительно оказаться, но только между наборомъ 1863 и наборомъ 1865 года. Усиленный наборъ 1863 года долженъ былъ въ значительной мѣрѣ исчерпать весь излишекъ годныхъ людей, образовавшійся во время предшествовавшаго перерыва. Затѣмъ, если вліяніе этого перерыва могло еще ска-

зываться на послѣдующихъ наборахъ, то уже въ весьма слабой степени, такъ какъ люди контингента 1868 года выходили изъ лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, излишекъ годнаго контингента въ годахъ, послѣдующихъ за усиленными наборами 1863 года, если и былъ, то цифра его была незначительна въ сравненіи съ итогомъ ежегодно достигавшихъ 20-лѣтняго возраста.

Что высокій процентъ забракованныхъ въ имперіи по болѣзнямъ и физическимъ недостаткамъ зависитъ не только отъ ежегодныхъ наборовъ, это видно и изъ сравненія съ соотвѣтствующими цифрами въ царствѣ польскомъ. Несмотря на наборъ 1862 года въ царствѣ, и на то значительное уменьшеніе годнаго для службы контингента, какое должно было явиться послѣдствіемъ мятежа, отношеніе между цифрами, о которыхъ идетъ рѣчь, гораздо благопріятнѣе въ царствѣ польскомъ, чѣмъ въ имперіи. Именно: изъ 19.818 чел. представленныхъ къ пріему въ царствѣ въ 1867 году (т. е. соотвѣтственно набору въ имперіи 1868 года) забраковано по болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ 3.090 чел.—т. е. всего нѣсколько болѣе $1/_6$ части.

Если рядомъ съ 21% больныхъ и страдающихъ разными недостатками поставимъ, что грамотныхъ въ нашей рекрутской массѣ оказывается всего 9%, то цифры эти, въ извѣстномъ смыслѣ равнозначущія, представятъ положительное и краснорѣчивое подтвержденіе мысли о *настоятельности непосредственныхъ* и *систематическихъ государственныхъ мѣръ* для доставленія народной массѣ средствъ къ умственному развитію.

Охраненіе народнаго здравія, доставленіе народу средствъ къ образованію — въ какомъ бѣдственномъ положеніи находятся у насъ эти задачи! Процентъ 21% пораженныхъ недугами и 91% неграмотныхъ кажется намъ чѣмъ-то баснословнымъ. Но стóитъ только обратиться къ любой статистической таблицѣ, чтобы найти другія цифры, совершенно соотвѣтствующія этой бѣдственной картинѣ. Можно ли, напр., удивляться, что почти четвертая часть рекрутъ полтавской губерніи, окажутся больными или увѣчными, когда, по мѣстнымъ статистическимъ даннымъ, въ этой губерніи ежегодно умираетъ 1 чел. изъ 28? Передъ нами лежитъ книга, изданная постоянною медицинскою коммиссіею при полтавской губернской земской управѣ и представляющая любопытныя данныя о положеніи санитарнаго дѣла въ губерніи, и отчетъ о дѣятельности названной коммиссіи. Свѣдѣнія о гигіеническихъ условіяхъ населенія и объ устройствѣ санитарной части крайне неутѣшительны. Они представляютъ картину знакомую, но слишкомъ легко забываемую: тяжелая работа, растительная пища, мясо въ рѣдкость, эпидеміи, вредные предразсудки, шарлатанство знахарей, и т. д. То ли еще происходитъ въ иныхъ мѣстностяхъ, гдѣ порой и хлѣба-то нѣтъ, которымъ полтавская губернія все-таки обезпечена. Не

далѣе какъ въ 1851 году, въ губерніи на все сельское население полагалось 6,361 рубль на врачей, фельдшеровъ и акушерокъ, т. е. $1/_2$ копѣйки на душу. Объ устройствѣ медицинской части заботилось только министерство внутреннихъ дѣлъ. Съ 1851 года, когда и министерство государственныхъ имуществъ приняло участіе въ этомъ дѣлѣ, общій расходъ обоихъ вѣдомствъ на медицинскую часть составилъ по 1 копѣйкѣ на душу сельскаго населенія. Въ послѣднемъ изъ названныхъ вѣдомствъ состояло $1/_2$ врача на уѣздъ, такъ что въ дѣйствительности все попеченіе о народномъ здравіи находилось въ рукахъ фельдшеровъ, которые причиняли гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. «Шарлатанизмъ истреблялъ общественное здоровье не хуже всякой эпидеміи и барышничалъ имъ, какъ товаромъ. Оффиціально извѣстно, что одинъ фельдшеръ соразмѣрялъ количество выпускаемой имъ крови изъ больного съ величиною получаемаго за это вознагражденія; кто больше заплатилъ, того онъ больше обезкровливалъ, и торгующему человѣческою кровью фельдшеру народъ увеличивалъ плату до обморока. По этой программѣ поступали и другіе его собратья и всѣ знахари и бабки. Отъ того—увѣчья и преждевременная смерть...» и т. д. Средняя продолжительность жизни деревенскихъ жителей въ полтавской губерніи $21^1/_2$ годъ, число, которому равнаго мы не находимъ нигдѣ въ западной Европѣ (по Кольбу 25,3 только въ Ирландіи въ 1841 году; во Франціи же 31,06, именно для 1851 года). Между тѣмъ, климатъ въ полтавской губерніи сравнительно съ другими конечно превосходный. Въ той же полтавской губерніи у нѣмецкихъ колонистовъ смертность всего $2^1/_2\%$; а у русскихъ раскольниковъ, которые уже рѣшительно не прибѣгаютъ къ врачамъ—смертность представляетъ страшную ежегодную цифру въ 11%.

О почтенной дѣятельности полтавской земской медицинской коммиссіи мы поговоримъ подробнѣе въ другой разъ и чтобы не прерывать общей нити нашего разсужденія, перейдемъ къ вопросу о первоначальномъ народномъ обученіи.

Въ вопросѣ о народномъ обученіи первымъ пунктомъ представляется образованіе сословія народныхъ учителей. Важность этого пункта повидимому уже уяснилась земству, которое еще недавно было склонно предпочитать размноженіе школъ, какихъ бы то ни было, образованію учителей, побуждаясь къ такому предпочтенію мнимою «практичностію» перваго: скорѣе-молъ дѣло пойдетъ. Но дѣло образованія или хотя бы только грамотности не есть дѣло двухъ, трехъ лѣтъ, и въ общемъ результатѣ для успѣховъ этого дѣла можетъ быть полезнѣе одна хорошая школа, чѣмъ двѣ дурныя, которыя могутъ только забивать и туманить умъ учениковъ, а не развивать его. Такой вопросъ, т. е. вопросъ о томъ, лучше ли издерживать наличныя земскія деньги на немедленное открытіе бо́льшаго числа школъ или

на приготовленіе хорошихъ учителей, могъ возникнуть только потому собственно, что средства-то земства весьма малы. Но вотъ, онъ, кажется, выходитъ на правильный путь: земства рязанское и новгородское рѣшились на учрежденіе учительскихъ семинарій. Они убѣдились, что на воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ и вообще на всѣхъ «случайныхъ» народныхъ наставниковъ нельзя разсчитывать для прочнаго устройства дѣла. Рязанское земство составило уставъ для учительской семинаріи, который министерство народнаго просвѣщенія утвердило, произведя въ немъ нѣкоторыя измѣненія, а земство новгородское позаимствовало тотъ же, разсмотрѣнный министерствомъ уставъ, и съ разрѣшенія министерства, уже открыло въ селѣ Колмовѣ первую земскую школу для образованія сельскихъ учителей. Въ ученики этой школы принимаются преимущественно крестьяне, и окончивъ курсъ, воспитанники ея опредѣляются учителями въ сельскія школы земства, съ жалованьемъ отъ земства въ 120 рублей (которое можетъ быть увеличиваемо).

Усилія нѣкоторыхъ земствъ сдѣлать что-нибудь серьезное для народнаго образованія и самыя колебанія, съ чего начать, такъ чтобы и результаты явились поскорѣе и чтобы результаты эти были не одиночные, а служили бы началомъ прочной системѣ — все это заслуживаетъ въ высшей степени сочувствія. Тѣмъ почтеннымъ земскимъ дѣятелямъ, которые горячо берутся за это дѣло, приходится биться съ недостаткомъ средствъ и съ разными препятствіями. Въ послѣдней хроникѣ, говоря объ общихъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи земства, мы видѣли, какъ ограничены размѣры того, чѣмъ земство можетъ располагать по своему усмотрѣнію, т. е. того именно, на что можно предпринимать какія-либо улучшенія. Во всякомъ случаѣ, земскіе дѣятели, о которыхъ мы говорили теперь, могутъ утѣшать себя мыслью, что какую бы малую долю своихъ желаній они ни могли осуществить собственными силами, все-таки они работаютъ для дѣла самаго настоятельнаго въ Россіи, что даже если плодомъ работъ трехъ сессій у нихъ является одна новая школа, то все же они именно—люди, которые дѣлаютъ самое серьезное на Руси дѣло.

Но фактъ, что земства могутъ располагать для поднятія умственнаго уровня народа средствами только грошевыми, тѣмъ не менѣе существуетъ, и усилія нѣкоторыхъ земствъ въ этомъ отношеніи никакъ не снимаютъ съ государства обязанности занятьея устройствомъ полной, раціональной системы первоначальнаго обученія. Безъ почина государства это дѣло будетъ двигаться впередъ незначительными шагами. Для народныхъ школъ нужна масса учителей, которой земство не въ состояніи приготовить, если даже допустить, что оно одно должно содержать ихъ, съ чѣмъ мы также не согласны. Въ Россіи необходимо образовать цѣлое сословіе народныхъ учителей, не оставляя

солдаты, сами едва знающіе грамотѣ, ни духовные семинаристы, занимающіеся обученіемъ между дѣломъ, въ ожиданіи священно-служительскаго мѣста или просто съ отчаянія, не могутъ составить удовлетворительный институтъ народныхъ преподавателей. Для этого необходимо покрыть Россію сѣтью учительскихъ семинарій и лицамъ, выдержавшимъ экзаменъ на должность учителя, назначить вспомогательные оклады изъ государственнаго казначейства. Иначе дѣло не вступитъ никогда на прочный, раціональный путь. Священникъ можетъ довольствоваться 150 рублями въ годъ за преподаваніе въ школѣ потому, что онъ живетъ на иныя средства; но за то же и преподаваніе въ его рукахъ непремѣнно будетъ дѣломъ второстепеннымъ. Кромѣ же священниковъ, какіе, спрашивается, не только образованные, но хотя вполнѣ грамотные люди согласятся получать всю жизнь по 100—300 рублей? Во всякой иной должности человѣкъ грамотный, умѣющій считать, получитъ больше съ самого начала и будетъ имѣть въ виду карьеру.

Образованіе и содѣйствіе въ содержаніи массы народныхъ учителей — вотъ настоятельная обязанность государства. Это — такое дѣло, которое можно и необходимо осуществить въ опредѣленное, по возможности непродолжительное, число лѣтъ. Вспомнимъ, что въ дѣлѣ приготовленія учителей каждый годъ отсрочки означаетъ потерю не только того числа учителей, которое за это время можно бы подготовить, но и всего числа учениковъ, какое они могли бы образовать, и всего того вліянія, какое образовательное начало успѣло бы въ теченія года оказать на народную нравственность, на самые источники общественнаго благосостоянія.

Когда читаешь, съ какими трудностями борется въ этомъ отношеніи земство, какъ оно прикидываетъ и такъ, и иначе, свои средства, стараясь, чтобы на какія-нибудь сотни рублей и число грамотныхъ какъ можно скорѣй увеличилось, и учители образовались бы порядочные, и когда при этомъ вспомнишь, что у насъ одинъ филологическій институтъ, имѣющій своею спеціальностью нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ русскою дѣйствительностью, стоитъ въ годъ сверхъ 100,000 руб., да существуетъ кромѣ него въ той же столицѣ еще Александровскій лицей, котораго спеціальность и отношеніе къ насущнымъ потребностямъ Россіи трудно даже и опредѣлить — то становится какъ-то неловко передъ массою, жаждущею не классическихъ водъ Ипокрена, а той простой, необходимой воды, какая представляется доступностью грамоты для народа, переставшаго быть крѣпостнымъ.

Мы, по отношенію къ филологіи, какъ отрасли человѣческаго знанія, не иконокласти какіе-нибудь. Филологія на своемъ мѣстѣ — въ университетскихъ факультетахъ. Но странно же воздѣлывать на винно-акцизный сборъ и подушную подать преимущественно филологію! Мы

сейчасъ упомянули о дорого-стоющемъ филологическомъ институтѣ, а духовныя академіи наши, въ которыхъ, по новымъ штатамъ, каждый приготовленный ученикъ будетъ обходиться государству до 4,000 рублей, а любая академія ежегодно болѣе 400 т. р.—развѣ не достаточно уже ихъ однѣхъ для филологіи?

Мы не стали бы дѣлать такихъ сравненій, еслибы они не представлялись намъ сами собою, путемъ, такъ сказать, оффиціальнымъ. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщена статья, которая излагаетъ мѣры, принятыя по министерству за половину текущаго года: тутъ мы находимъ и завѣреніе въ «особой заботливости» министерства объ «упроченіи классической системы образованія», и выраженіе «полнаго сочувствія къ предпринятому въ Москвѣ учрежденію» классическаго лицея, и въ тоже время не находимъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ правильному, серьезному поднятію дѣла образованія въ массѣ русскаго народа, т.-е. къ тому именно, что̀ преимущественно и въ прямомъ смыслѣ должно быть разумѣемо подъ именемъ «народнаго просвѣщенія».

Правда, статья говоритъ, что̀ «особенное вниманіе министерства народнаго просвѣщенія обращено было на улучшеніе и распространеніе начальнаго народнаго образованія». Но прослѣдимъ, что̀ же именно сдѣлано министерствомъ въ этомъ отношеніи: 1) Внесено въ государственный совѣтъ *представленіе* объ увеличеніи штата молодечненской учительской семинаріи;—вотъ дѣло, безспорно, полезное, прямо согласное съ главною въ настоящее время потребностью Россіи. Но почему же увеличивается штатъ учительской семинаріи въ Молодечнѣ, когда въ центрѣ Россіи вовсе даже нѣтъ учительскихъ семинарій, учрежденныхъ министерствомъ? Въ виду такого обстоятельства, надо признать, что въ настоящемъ случаѣ министерство руководствовалось не заботливостью о народномъ образованіи вообще, а имѣло въ виду собственно содѣйствіе къ нравственному преобладанію русскаго элемента въ сѣверозападномъ краѣ, т.-е. стремилось къ цѣли полезной, но собственно-политическаго свойства. 2) Оказано *содѣйствіе* со стороны министерства земству въ приготовленіи народныхъ учителей — вотъ эта важная, въ дѣйствительности самая важная задача министерства; но чѣмъ же именно имъ оказано такое *содѣйствіе* земству? *Разрѣшено* въ Рязани открыть на счетъ земства училище для образованія сельскихъ учителей. Но здѣсь содѣйствіе выражается однимъ разрѣшеніемъ. 3) Указано на то, что коммиссія, учрежденная для пересмотра рекрутскаго устава высказалась въ пользу освобожденія отъ рекрутской повинности всѣхъ начальныхъ народныхъ учителей, имѣю[щихъ] аттестатъ учебныхъ заведеній. Мысль превосходная, о которой однажды уже случилось упоминать. Но вѣдь это высказалась к[оммис]сія, пересматривающая рекрутскій уставъ? Да наконецъ освоб[ожденіе]

отъ рекрутской повинности само по себѣ можетъ облегчить положеніе учителей, но не можетъ приготовить ихъ.

Что̀ сказали бы мы о содѣйствіи министерства путей сообщенія къ удовлетворенію другой важной потребности Россіи, именно проведенію желѣзныхъ дорогъ для оживленія всей экономической жизни страны, еслибы это министерство сформулировало свою дѣятельность въ этомъ отношеніи, за полгода, такъ: внесенъ проектъ соединенія желѣзнымъ путемъ такой-то цитадели съ такою-то; разрѣшены изысканія насчетъ земства по первой у насъ линіи желѣзной дороги; военное вѣдомство высказалось въ пользу освобожденія отъ рекрутской повинности будущихъ русскихъ инженеровъ, министерство путей сообщенія съ своей стороны полагаетъ, что эту мѣру полезно бы распространить и на всѣхъ техниковъ. Что сказали бы мы? Безъ сомнѣнія, мы сказали бы въ такомъ случаѣ, что министерство путей сообщенія сооружаетъ отличныя казармы, проводитъ шоссе вокругъ Петербурга, которыя составляютъ роскошь, и, наконецъ, ограничивается поддержаніемъ давно существующихъ каналовъ,—но желѣзныхъ дорогъ все-таки не строитъ и не помогаетъ ихъ строить, а желѣзныя дороги, какъ и школы, у насъ между тѣмъ—первостепенная государственная потребность.

Вотъ тоже самое можно сказать въ настоящее время о мѣрахъ, предпринимаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для настоятельнаго дѣла — поднятія умственнаго, нравственнаго уровня народной массы. Въ той статьѣ мы встрѣчаемъ «вниманіе», «разрѣшеніе», «содѣйствіе», но не видимъ дѣйствія. Для женскаго образованія—другого дѣла, которое вѣрнѣе, чѣмъ всякіе классическіе этюды, обезпечило бы нравственное развитіе будущихъ поколѣній — министерство также не находитъ возможнымъ прибавлять своихъ средствъ: женскія училища открываются только тамъ, гдѣ земство и частные жертвователи собираютъ достаточныя средства, а та статья говоритъ, что министерство народнаго просвѣщенія все только разрѣшаетъ, т.-е. какъ будто вмѣняетъ себѣ въ заслугу то обстоятельство, что оно могло бы запретить, но не запретило.

Болѣе половины той статьи «Ж. Мин. Нар. Пр.», которая вызвала наши замѣчанія, описываетъ мѣры чисто-политическаго свойства; въ другой половинѣ самое почетное мѣсто занимаетъ насажденіе не новыхъ училищъ, а новой въ училищахъ системы, такъ что вообще дѣятельность министерства правильнѣе бы назвать направленіемъ, руководствомъ, тенденціею,—чѣмъ дѣятельностью въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-ое декабря, 1869.

«Безцвѣтность» нашего обозрѣнія, и «цвѣты» русской публицистики. — Значеніе въ русской печати «иностранныхъ обозрѣній». — Передовая статья «Голоса», и ея трактатъ о будущемъ Россіи и Европы. — Защита этнологической правды въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». — Сравненіе австрійскаго либерализма съ французскимъ. — Франція наканунѣ законодательнаго собранія. — Рѣчь императора 29-го ноября. — Отдѣленіе свободы отъ порядка. — Неопредѣленность внѣшней политики.

Два мѣсяца тому назадъ, намъ случилось коснуться мимоходомъ отечественной публицистики въ ея такъ-называемыхъ политическихъ отдѣлахъ, и указать «отличительныя черты *большей* части русскихъ газетъ». Мы указали на то, что въ ней преобладаетъ элементъ забавнаго, въ которомъ заключена впрочемъ нѣкоторая доля поучительнаго. Мы не назвали при этомъ ни одного органа нашей печати по имени, предоставляя, по русской пословицѣ, «шапкѣ горѣть», у кого она имѣетъ свои причины воспламеняться. Но наша аргументація относительно забавности и поучительности отечественной публицистики оказалась весьма блѣдною. Мы думали тогда, что наша отечественная публицистика дошла, по поводу праздника Гуса, до своей апогеи, какъ мы и выразились въ обозрѣніи, но теперь видимъ, что эта апогея была еще впереди, такъ какъ наше обозрѣніе вышло въ свѣтъ 1-го октября, а вызванная ею передовая статья «Голоса» появилась 31-го октября, съ положительнымъ заявленіемъ, что она выражаетъ собою «русское общественное мнѣніе». Еслибы мы могли тогда имѣть въ виду такой фактъ въ исторіи нашей публицистики, то, конечно, мы не отдали бы въ ней преобладаніе элементу забавнаго; передовая статья «Голоса» открыла бы намъ въ русской публицистикѣ совсѣмъ другіе элементы, уже не забавнаго, а весьма печальнаго свойства. Болѣе мы не станемъ утверждать, что наша публицистика въ послѣдней статьѣ «Голоса» дошла до Геркулесовыхъ столповъ: пріемъ, употребленный редакціею «Голоса», неистощимъ въ своихъ средствахъ, и потому

нельзя ручаться, что съ нашею публицистикою не случится ничего хуже, послѣ 31-го октября. Мы могли бы на статью «Голоса» отвѣчать коротко: «ну, чтó же? однимъ и весьма сильнымъ доказательствомъ справедливости нашего октябрьскаго обозрѣнія больше—тѣмъ лучше! Кто, можетъ быть, прежде не вѣрилъ намъ, теперь вполнѣ согласится съ нами». Но вопросъ, поднятый нами, стоитъ выше личныхъ интересовъ, и потому мы считаемъ долгомъ возвратиться къ нему, даже и по такому ничтожному по себѣ обстоятельству, каковымъ, можетъ быть, сочтутъ нападеніе «Голоса».

Кому близки интересы своей страны, тотъ не можетъ равнодушно относиться къ тому, по ложному или по вѣрному пути ведетъ наша публицистика общественное мнѣніе, касаясь ежедневно дѣлъ передовыхъ странъ западной Европы? Мы имѣли только смѣлость повторить тотъ вопросъ, который задаемъ не впервые; а отвѣтъ на него принадлежалъ не намъ: за насъ отвѣчали факты. Вопросъ этотъ гораздо интереснѣе того, какая редакція, «Вѣстника Европы» или «Голоса», умѣетъ лучше отдѣлать другъ отъ друга и забросать грязью противника; пальму такого первенства предоставимъ редакціи «Голоса», а между тѣмъ сами спокойно займемся еще разъ тѣмъ важнымъ для нашего общества вопросомъ.

«Вѣстникъ Европы»—такъ начинаетъ передовая статья «Голоса»—существующій почти четыре года, постоянно былъ, въ политическомъ отношеніи, изданіемъ довольно безцвѣтнымъ, потому мы не обращали на него особеннаго вниманія». И хорошо дѣлали! Соглашаемся съ «безцвѣтностью» нашихъ обозрѣній, такъ какъ эта «безцвѣтность» спасла насъ отъ «цвѣтовъ» отечественной публицистики, и притомъ цвѣтовъ не весьма благоуханныхъ. Но редакція «Голоса» ошибается въ томъ отношеніи, что она будто бы до сихъ поръ не оказывала намъ особеннаго вниманія. Слишкомъ два года тому назадъ, въ іюньской книгѣ 1867 года, мы коснулись славянскаго вопроса, по поводу пріѣзда въ Москву «славянскихъ гостей», и коснулись съ той же самой точки зрѣнія, какъ и нынѣ, по поводу празднества Гуса. Редакція «Голоса» тогда же почтила насъ своимъ краснорѣчіемъ, нисколько не уступающимъ нынѣшнему по достоинствамъ, т.-е. тогда уже мы были объявлены измѣнниками отечеству, врагами, и т. д. — въ точности всѣхъ эпитетовъ не припомнимъ. А мы только выразили въ 1867 году сожалѣніе, что къ намъ пріѣхало всего 70 братьевъ-славянъ, и то только откушать съ нами, между тѣмъ какъ въ Сѣверную Америку, въ то же самое время, переселилось 40,000 чеховъ; «тамъ—говорили мы—они встрѣчены были, какъ дорогіе гости, тамъ они нашли себѣ пріютъ и свободу, тамъ, дѣйствительно, произошло *духовное* единеніе людей разнаго племени. Между тѣмъ, Сѣверная Америка дальше отъ Богеміи, нежели Россія; языкъ и вѣра различны, и тѣ 40,000 не требуютъ,

чтобы земля, ими населенная, сдѣлалась status in statu: она осталась американскою землею. Отчего же славяне увѣряютъ насъ въ привязанности къ намъ и не переселяются въ Россію, какъ въ Америку, — хотя Россія въ состояніи была бы подъ своимъ небомъ поселить чуть не два славянскихъ міра? Мы не хотимъ ставить славянъ въ затруднительное положеніе откровенно отвѣтить намъ на этотъ вопросъ; но мы думаемъ, что всякій нашъ успѣхъ въ гражданственности есть шагъ къ соединенію съ славянскимъ міромъ..... А потому-то мы думаемъ, что и въ славянскомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ политики, лучшимъ ея орудіемъ всегда останется хорошее и широкое развитіе внутренней жизни общества и государства» (іюнь, 1867. Истор. Хрон. 4 стр.).

Негодованіе противъ насъ за эти строки, со стороны «Голоса», уступитъ развѣ только настоящему его негодованію, отъ 31-го октября; но оно не воспрепятствовало намъ, въ началѣ прошлаго года, сказать большинству нашей печати еще болѣе горькую истину, по поводу памятнаго всѣмъ голода. Тогда воспользовались голодомъ, чтобъ прокричать: вотъ онѣ, ваши реформы! вотъ, ваше земство! все кончилось голодомъ! и т. д. Мы указали тогда же на другія причины голода и старались объяснить мѣры къ оборонѣ противъ случайныхъ бѣдствій. «Мы должны—говорили мы—коснуться большого вопроса о состояніи нашей ежедневной политической прессы, органы которой должны стоять, такъ-сказать, на стражѣ и слѣдить своевременно за всѣмъ, что можетъ безпокоить или угрожать общественной безопасности. Такъ ли это у насъ?!... Когда въ Англіи только-что проявился падежъ скота (1865), англійскія газеты отвели изученію этого факта, описанію его развитія, огромное мѣсто на своихъ столбцахъ..... Пересмотрите листы нашихъ газетъ за это время: вы найдете въ нихъ самое обстоятельное описаніе парижской выставки, мельчайшія подробности о положеніи и изреченіяхъ гг. Руэ, Бисмарка и Бейста; а въ «Голосѣ», какъ въ микроскопѣ, вы отыщите малѣйшія *points noirs* французской политики, и увидите даже все, что происходило анекдотическаго въ политическомъ мірѣ за границею. А съ какимъ тщаніемъ разработаны нашими газетами: вопросъ о преобразованіи французской арміи, вопросъ о затруднительности финансоваго положенія Италіи! какъ ясно мы видѣли изъ нашихъ газетъ, почему въ Италіи стѣснительная пошлина на помолъ, и какъ мало мы могли предвидѣть изъ этихъ газетъ, что у насъ самихъ скоро и молоть-то, пожалуй, нечего будетъ!—Еслибы кто прошлымъ лѣтомъ (1867), по поводу преувеличеннаго, подогрѣтаго энтузіазма, съ какимъ большинство ежедневной прессы изучало всѣ важныя мѣры, какія слѣдовало принять вслѣдствіе пріѣзда славянъ, замѣтилъ, что есть вопросы къ намъ болѣе близкіе, и прямо указалъ бы на вѣроятность

голода, то такое замѣчаніе было бы покрыто взрывомъ негодованія и насмѣшекъ» (февр. 1868. Ежемѣсяч. Хрон. 851 стр.).

Такъ приглашали мы давно русскую публицистику обратиться къ «безцвѣтности» и отказаться «отъ цвѣтовъ» иностранной политики, упомянувъ при томъ «Голосъ», гдѣ подобные цвѣты произрастали и произрастаютъ въ ужасающемъ количествѣ. Тогда русская печать могла возразить намъ, что мы не приняли въ соображеніе смягчающія обстоятельства; а именно, что она не пользуется тою долею свободы, при которой внутренняя политика пріобрѣтаетъ интересъ; будучи сжата въ обсужденіи дѣлъ собственныхъ, она по неволѣ должна устремиться къ иностранной политикѣ, гдѣ ей предоставляется больщій просторъ. Мы ждали такого возраженія, потому что имѣли на него готовый отвѣтъ, и вотъ этотъ отвѣтъ. Внутреннее отношеніе нашей печати должно было ей указать задачу въ иностранныхъ обозрѣніяхъ. Вмѣсто того, чтобы изучать въ развитіи западныхъ обществъ то, что составляетъ ихъ преимущество, знакомить съ внутреннимъ бытомъ и организаціею западныхъ государствъ, большая часть нашей прессы въ своихъ передовыхъ статьяхъ предпочитаетъ награждать министровъ и правительство западныхъ государствъ своими внушеніями, совѣтами, преслѣдовать съ ожесточеніемъ деспотизмъ въ Австріи, несостоятельность конституціи въ Италіи, однимъ словомъ, играть въ лошадки. Между тѣмъ такая игра не могла пройти даромъ для характера прессы и для самого общества: мы стали на дорогу самовосхваленія и презрѣнія къ европейской цивилизаціи: «вотъ къ чему ведутъ ихъ порядки»—думалъ русскій писатель не разъ, окончивъ иную передовую статью—«а еще толкуютъ о конституціяхъ, объ отвѣтственныхъ министрахъ; да Западъ просто гніетъ» и т. д. въ томъ же родѣ; и не многимъ приходило на мысль, что гніетъ-то тутъ собственно наша печать.

Въ октябрьской статьѣ мы только воспользовались праздникомъ Гуса, чтобы ближе подойти къ цвѣтамъ отечественной публицистики, и, вѣроятно, на этотъ разъ слишкомъ ясно обнаружили свойства этихъ цвѣтовъ. «Голосъ» не нашелъ ничего намъ возразить на основную мысль, а предпочелъ пойти другою дорогою, знакомою ему изъ долговременной практики. «Вѣстникъ Европы—говоритъ та же передовая статья—является съ такимъ «иностраннымъ обозрѣніемъ», какого можно было ожидать развѣ только отъ одной изъ польскихъ (sic) газетъ, издающихся въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ. Мы не считаемъ себя вправѣ оставить безъ вниманія это «иностранное» безобразіе (прекрасно!), составленное—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, иностранцемъ.... (слѣдуетъ цѣлый рядъ ругательствъ). Къ удивленію, однакожъ, мы видимъ,—продолжаетъ «Голосъ»—что эта статья напечатана безъ подписи автора, такъ что редакція, пріютившаго ее журнала, дѣлается съ нею

солидарною.... и вѣроятно намъ придется причислить еще одно изданіе, «Вѣстникъ Европы», къ числу тѣхъ иностранныхъ изданій, которыя печатаются въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ». Мы не удивляемся, что передовая статья «Голоса» не подписана; еще менѣе мы можемъ подозрѣвать, что она писана иностранцемъ, потому что едвали есть такая страна, которая могла бы быть въ цѣлости населена людьми одного умственнаго и нравственнаго уровня съ авторомъ той передовой статьи. Обратимся лучше къ ея доводамъ и къ цвѣтамъ публицистики.

Вся бѣда наша, по словамъ этой передовой статьи, состоитъ въ томъ, что мы объявили въ своемъ «иностранномъ безобразіи» слѣдующее: «Въ сужденіяхъ объ извѣстныхъ правахъ и принципахъ должны быть употребляемы одни и тѣ же вѣсы. Если мы находимъ, что свобода необходима въ одной странѣ, то должны находить, что она необходима и въ другой; если мы утверждаемъ, что извѣстная національность въ одномъ государствѣ должна пользоваться автономіею, то нѣтъ причинъ дѣлать исключенія и для другого государства; наконецъ, если мы требуемъ самыхъ широкихъ политическихъ правъ и возможности самого полнаго развитія всѣхъ національныхъ особенностей, то должны, согласно здравому смыслу, требовать этого вездѣ, въ каждой странѣ, въ каждомъ государствѣ». Вырвавъ клочкомъ у насъ это мѣсто, «Голосъ» поступилъ затѣмъ съ нами самымъ недостойнымъ образомъ: скрывая отъ читателя дальнѣйшія наши слова, онъ взялъ на себя комментировать вышеприведенное, но выдалъ этотъ собственный комментарій за наше мнѣніе: «Вѣстникъ Европы» — продолжаетъ «Голосъ» — находитъ, что русскія газеты не имѣютъ права говорить объ обрусеніи нашихъ окраинъ и въ тоже время выражать желаніе свободы тѣмъ изъ славянскихъ народовъ, которые находятся подъ чуждымъ владычествомъ». Но все это только инсинуаціи «Голоса». Пусть читатель сравнитъ то, что́ сказали мы съ тѣмъ, что́ «Голосъ» заставляетъ говорить насъ. Вотъ были наши слова: «Мы далеки отъ того, чтобы говорить что-нибудь противъ такихъ естественныхъ понятій, какъ обрусеніе окраинъ, или возставать противъ идеи государства.... Но мы все-таки думаемъ, что обрусеніе окраинъ совершится гораздо прочнѣе успѣшнымъ развитіемъ русскаго народа, прогрессомъ въ его образованіи, въ его политическомъ воспитаніи, чѣмъ задорными криками нашихъ псевдо-патріотическихъ публицистовъ. Когда русскій народъ окрылится, когда русское общество станетъ въ политическомъ развитіи въ уровень съ цивилизованнымъ обществомъ западной Европы, когда наука и всѣ отрасли общественной жизни получатъ въ Россіи полныя права гражданства, тогда намъ не придется толковать о происках ничтожной кучки нѣмецкихъ и всякихъ другихъ бароновъ, они уничтожатся сами собою, они потонутъ въ русской жизни, въ циви-

лизованной средѣ русскаго народа. До тѣхъ же поръ всѣ усилія останутся безплодны, и русскіе публицисты и политики поступили бы несравненно разумнѣе, еслибы стали надрывать свою грудь на пользу хоть народнаго образованія, не проповѣдуя грозныхъ походовъ противъ всего, чтó не говоритъ русскимъ языкомъ и не думаетъ русскою думою».

Спрашиваемъ безпристрастнаго читателя, чтó общаго между нашими словами и тѣмъ, чтó навязываетъ намъ «Голосъ», а именно, что будто-бы мы «находимъ, что русскія газеты не имѣютъ права говорить объ обрусеніи нашихъ окраинъ» и т. д. И въ прежней своей «безцвѣтности» мы поддерживали ту же мысль, которая приведена нами выше; такъ, въ началѣ 1868 года, коснувшись западнаго края, мы сказали между прочимъ: «здѣсь мятежъ, имѣя положительно противъ себя массу народа, былъ совсѣмъ безсиленъ, и прекращеніе его стоило мѣстной администраціи, быть можетъ, не столь громаднаго труда, какъ то многіе предполагаютъ. Лицъ, прикосновенныхъ къ мятежу въ западномъ краѣ, было дѣйствительно очень много, такъ какъ существовала обширная революціонная организація; но результаты ея усилій были самые жалкіе. Ее однакоже слѣдовало открыть и наказать виновныхъ. Самые фанатическіе поляки должны теперь сознаться, что въ ихъ мятежныхъ спорахъ было много декораціоннаго и театральнаго; но мы, русскіе, не имѣемъ надобности, укротивъ мятежъ, подражать его пріемамъ, и полагаемъ потому, что запрещеніе употребленія польскаго языка не можетъ быть отнесено къ числу мѣръ дѣйствительныхъ, или примирительныхъ. Пруссія въ Познани никогда не дѣлала усилій въ этомъ смыслѣ, и ея вліяніе оттого нисколько не пострадало. Да и вообще, чѣмъ скорѣе будетъ снято съ западнаго края исключительное его положеніе, тѣмъ скорѣе онъ поставленъ будетъ въ нормальное положеніе. Подъ нормальнымъ же положеніемъ мы разумѣемъ уравненіе этихъ губерній съ остальными русскими губерніями и между прочимъ подготовленіе ихъ къ принятію судебной и земской реформъ». Не было ли бы справедливѣе со стороны «Голоса», что «Вѣстникъ Европы» именно одинъ и настаиваетъ на необходимости обрусенія окраинъ, потому что онъ ставитъ обрусеніе подъ условія общечеловѣческія, и совѣтуетъ избѣгать всего декораціоннаго и театральнаго?

Но «Голосъ» предпочелъ въ своемъ отвѣтѣ воспользоваться нелѣпѣйшею фантазіею Духинскаго и преподалъ своимъ читателямъ свои соображенія объ исторіи Польши, составленныя по рецепту того пресловутаго господина, а именно, что въ Польшѣ живутъ два племени, составившія два сословія: низшіе классы — поляки, и высшіе классы — лехиты (! ?). Первые славяне, а вторые — скандинавы. Мы не беремся объяснять читателямъ этнографическія соображенія «Го-

лоса», и замѣтимъ одно, что въ силу этой теоріи, до 19-го февраля 1861 года, у насъ одно сословіе было порабощено другимъ, а потому и въ Россіи, всѣ наши Собакевичи, Маниловы, Плюшкины были русситы, скандинавскаго происхожденія. Все это слишкомъ смѣшно, чтобы останавливаться на томъ, но вотъ, что́ вовсе не смѣшно.

Устроивъ въ Польшѣ лехитовъ, «Голосъ» съ необычайною важностію дѣлаетъ на основаніи того соображенія относительно задачъ Россіи и ея судебъ, въ отличіе отъ судебъ Европы.

«При такомъ складѣ бывшей Польши — говоритъ «Голосъ» — роль Россіи была совершенно опредѣлена, хотя сначала и не была *нами* понята (т.-е. редакціей «Голоса»; редакція, вѣроятно, вспомнила свои прежнія писанія по польскому вопросу, когда она и не подозрѣвала, что въ Польшѣ есть лехиты изъ Скандинавіи). Нынѣшнее великое царствованіе приняло ясное направленіе чисто-національной политики и указомъ 19-го февраля 1861 г., рѣшительно опредѣлило будущность Россіи на длинный рядъ столѣтій». Мы сказали бы на мѣстѣ «Голоса» даже больше: освобожденіе крестьянъ не опредѣлило будущность Россіи, а сдѣлало эту будущность, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ Россія не могла имѣть никакой будущности. Но дѣло не въ томъ; спрашивается: какова наша будущность при новыхъ условіяхъ народной жизни? Вотъ тутъ-то «Голосъ» и разсыпался цвѣтами своей публицистики, запахъ которыхъ можетъ имѣть одно одуряющее свойство. «Судьбы Россіи — давно отличавшіяся (вовсе ужъ не такъ давно, какъ думаетъ «Голосъ») отъ судебъ остальной Европы, окончательно и безповоротно пошли *другою* (?) дорогою. Освобожденіе крестьянъ съ землею, предупредившее и сдѣлавшее невозможнымъ образованіе у насъ пролетаріата, не было новою законодательною мѣрою: оно только утвердило вѣковое право земледѣльца на обработываемую имъ землю («Голосъ» выпускаетъ изъ виду выкупныя обязательства). Но эта мѣра закрѣпила за Россіей такую роль и такія формы быта, какихъ нѣтъ и не можетъ быть въ западной Европѣ. Промышленность у насъ должна устроиться на *иныхъ* основаніяхъ, чѣмъ на Западѣ; торговля должна принять *своеобразный* характеръ; симпатіи народныя не могутъ идти по западной рутинѣ (?!); самыя политическія права́ народа должны быть понимаемы *иначе* (!!); самый идеалъ государства въ высшихъ проявленіяхъ своихъ (не знаемъ, понялъ ли читатель этотъ наборъ словъ, но намъ этотъ наборъ напоминаетъ знаменитое: «Се Росска Флакка зракъ, се тотъ, кто какъ и онъ» и т. д.) сложится у насъ *иначе* (!!) нежели въ остальной Европѣ». Каковъ публицистъ, и какъ онъ удовлетворительно рѣшаетъ вопросъ о нашей судьбѣ!? У насъ все будетъ иначе, иначе, иначе! Какъ это понятно для читателя, и какія онъ пріобрѣлъ богатыя свѣдѣнія! Прежде онъ вовсе не имѣлъ понятія о будущности своего отечества, теперь онъ узнаетъ, что у насъ *иная*

основанія, *иной* характеръ, *иныя* симпатіи, *иныя* политическія права, *иной* идеалъ государства и т. д., что, однимъ словомъ, мы какіе-то иноходцы. Такіе публицисты напоминаютъ намъ пѣвцовъ съ чахоточною грудью, когда они додѣлываютъ пальцемъ высокія ноты, пришедшіяся имъ не подъ силу. Наслажденіе отъ такого пѣнія равносильно удовольствію и пользѣ читать передовыя статьи «Голоса» на тему: «Се Росса Флакка зракъ» и т. д. Мы можемъ понять изъ вышеприведеннаго только одно, что въ редакціи «Голоса» пишутъ передовыя статьи не русскіе, а какіе-нибудь русситы, въ родѣ польскихъ лехитовъ. Будемъ, нынѣшній разъ, осторожны, и скажемъ съ оговоркою: вотъ, если мы не ошибаемся, апогея преобладающаго направленія русской публицистики и ея Геркулесовы столпы! Не одинъ г. Григорій Бланкъ называетъ Россію «своеобразною страною свѣта», доказывая естественность у насъ крѣпостного состоянія; это открытіе можетъ доказывать и другія нелѣпости.

Глубоко убѣжденные въ одинаковыхъ правахъ нашей народности на общечеловѣческое значеніе, мы утверждаемъ, что путь развитія всѣхъ образованныхъ обществъ, какими мы считаемъ общества европейскія, есть и нашъ путь; а потому ближайшее знакомство съ западною цивилизаціею есть необходимость для нашего общества, а для насъ — обязанность. На этой дорогѣ мы стали, на ней и останемся, и останемся не одни, какъ, можетъ быть, самоувѣренно думаетъ «Голосъ». Противъ редакціи «Голоса» мы можемъ призвать «Отечественныя Записки», въ послѣдней книжкѣ котораго мы нашли превосходный и весьма симпатичный для насъ очеркъ г. Щедрина: «Ташкентцы». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» редакція «Голоса» найдетъ образчики тѣхъ героевъ, которые устроятъ будущность Россіи, какъ выражается «Голосъ», *иначе*, а не такъ, какъ устроился тамъ себѣ этотъ гнилой Западъ. Будемъ ожидать, что вскорѣ редакція «Голоса» объявитъ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» паки и паки «лехитствующею», и отнесетъ этотъ журналъ къ числу «тѣхъ иностранныхъ изданій, которыя печатаются въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ». Но какъ увѣрить русскую публику, что г. Щедринъ — это псевдонимъ иностранца, что «Ташкентцы» это есть не что иное, какъ иностранное безобразіе, заказанное редакціею «От. Зап.» за границею и переведенное на русскій языкъ. Прочтя «Ташкентцовъ», редакція «Голоса» вѣроятно подумала объ «От. Зап.» тоже, что о нашемъ обозрѣніи сказала громко: «Русскому человѣку, или даже вообще славянину, не могло бы придти въ голову такое упорное, слѣпое непониманіе Россіи и русскихъ чувствъ и интересовъ, какое видно въ этой враждебной намъ статьѣ», т.-е. въ «Ташкентцахъ» г. Щедрина.

Въ ожиданіи предстоящей борьбы редактора «Голоса» съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», обратимся къ другому возраже-

нію, сдѣланному нами не ради потѣхи публики, а изъ чистаго желанія уяснить предметъ спора и приблизиться къ истинѣ.

Передовая статья «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 12-го ноября, оставляетъ въ сторонѣ нашу искренность, честность публициста, не подозрѣваетъ въ измѣнѣ и допускаетъ въ насъ патріотизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но упрекаетъ насъ въ томъ, что въ оцѣнкѣ русской публицистики мы пришли «къ ошибочнымъ и весьма страннымъ выводамъ». «Первая ошибка — по словамъ передовой статьи — заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, что «Обозрѣніе» говоритъ о русской печати, какъ о чемъ-то цѣломъ, единомъ, выкрашенномъ въ одну общую, монотонную краску, что оно какъ будто не замѣчаетъ, не признаетъ никакихъ оттѣнковъ въ этой печати—ни въ отношеніи къ чешскому вопросу, ни во взглядахъ на наши окраины, ни вообще, въ общемъ направленіи и стремленіяхъ.... Что разными недозрѣлыми публицистами и юродствующими старцами говорится всякій вздоръ — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; что нѣкоторые наши непризванные защитники «братьевъ-славянъ» договорились въ своихъ «братскихъ» изліяніяхъ до нелѣпостей, вызвавшихъ рѣзкій отпоръ со стороны самихъ чеховъ—это тоже справедливо; что нѣкоторые органы, когда рѣчь заходитъ о нашихъ окраинахъ, дѣйствительно вдаются въ роль проповѣдниковъ противъ всего неговорящаго русскою рѣчью — этого, къ сожалѣнію, отрицать невозможно». Тутъ между нами одно недоумѣніе: на первой страницѣ нашего «Обозрѣнія» сказано ясно, что мы имѣемъ цѣлью указать «отличительныя черты *большей* части русскихъ газетъ». Итакъ, первая ошибка пока не съ нашей стороны; въ главномъ, относительно «недозрѣлыхъ публицистовъ и юродствующихъ старцевъ», мы совершенно согласны.

Вторая ошибка наша, по мнѣнію передовой статьи, состоитъ въ томъ, что мы будто бы проводили «параллель между отношеніемъ австрійскаго министерства къ отдѣльнымъ государствамъ и племенамъ, входящимъ въ составъ австрійской имперіи, и отношеніями Россіи къ ея окраинамъ». Во-1-хъ, мы очень хорошо знаемъ, что всѣ историческія сравненія, параллели и другіе подобные пріемы могутъ забавлять тѣхъ, кто любитъ подобную игру, но въ сущности они ничего не доказываютъ; по одному тому мы не думали ни о какой параллели между положеніемъ Австріи и Россіи; во-2-хъ, дѣйствительно было бы слишкомъ грубою ошибкою не знать различія условій историческихъ и этнографическихъ, въ которыя поставлены обѣ страны. Но у насъ дѣло шло о другомъ: вездѣ ли правда есть правда, или правда имѣетъ также свою этнологію? Передовая статья уклоняется отъ прямого отвѣта, и говоритъ намъ, что исторія Австріи и исторія Россіи не одно и тоже. Да это знаетъ всякій; мы ожидали прямого отвѣта на вопросъ. Возможно ли, чтобы различіе въ исторіи дѣлало, смотря по-

странѣ, справедливымъ несправедливое, и наоборотъ? Мы вооружались противъ русской печати за то, что она склоняется на дорогу древнихъ софистовъ и упражняется въ составленіи статей pro и contra, что производитъ всегда деморализующее вліяніе. Что мы всегда понимали превосходство нашихъ реформъ предъ остатками феодальной Европы, пріютившимися на берегахъ Вислы, Аа и Западной Двины, это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ еще въ началѣ 1868 года мы говорили: «Сословіе, которое въ Остзейскомъ краѣ наиболѣе держится за свои привилегіи, не могло бы помышлять о присоединеніи къ Пруссіи, даже если бы оно не было вполнѣ предано Россіи. Дѣло въ томъ, что первымъ послѣдствіемъ присоединенія къ Пруссіи было бы уничтоженіе привилегій и тѣлеснаго наказанія крестьянъ помѣщиками, въ томъ числѣ. Подобныя феодальныя права существуютъ для нѣмецкихъ дворянъ только въ Мекленбургѣ и въ Россіи; въ Пруссіи они существовать не могутъ». Если дѣло идетъ о распространеніи законовъ справедливости, мы вездѣ и всюду, будетъ ли это въ Австріи или въ Россіи, будемъ на сторонѣ справедливаго и прогрессивнаго. Мы не скажемъ, какъ то дѣлаетъ, возражая намъ, передовая статья «Петербургскихъ Вѣдомостей», а именно, что роль Австріи въ Чехіи и роль Россіи въ Остзейскихъ губерніяхъ не одна и та же, потому что въ Митавѣ гнѣздятся феодальные нравы, а въ Прагѣ нѣтъ и слѣдовъ подобнаго рода явленій. Конкордатъ съ папою есть самое феодальное дѣло, а между тѣмъ въ Прагѣ нашлись защитники его, при разрывѣ австрійскаго министерства съ Ватиканомъ. Вотъ, въ такомъ случаѣ, даже и такой органъ, какъ «Петербургскія Вѣдомости» вооружаются различными вѣсами и мѣрами и допускаютъ въ правдѣ этнологическія свойства: «Чешское общество, чешскій народъ — говорятъ они—вовсе не представляютъ намъ остатка устарѣлыхъ, нераціональныхъ учрежденій, за которыя такъ упорно стоитъ привилегированное меньшинство въ нашихъ западныхъ окраинахъ». Для насъ, феодальное — феодально вездѣ, и въ Прагѣ, и въ Митавѣ; намъ все равно, гдѣ стоятъ за розгу, и гдѣ за католическій обскурантизмъ, скрѣпленный конкордатомъ; «Петербургскія Вѣдомости» не могутъ не знать исторіи конкордата въ Чехіи, но она не приходитъ имъ на мысль.

Наконецъ, третья наша ошибка состоитъ въ томъ, что мы серьезно считаемъ «нынѣшнюю правительственную систему Австріи въ высшей степени либеральною». Къ сожалѣнію, противникъ нашъ замѣчаетъ, что передовая статья не позволяетъ ему распространиться объ этомъ предметѣ, а потому и мы отвѣтимъ коротко. У насъ оказываются различныя данныя для оцѣнки либерализма; авторъ передовой статьи хочетъ рѣшить вопросъ статистически: кто больше всего представилъ примѣровъ разоренія деревень, казней и т. п., и при этомъ авторъ указываетъ на послѣднія событія въ Каттаро. Мы читали недавно,

что въ Вѣнѣ собралось нѣсколько членовъ рейхстага, который откроется вскорѣ, и положили сдѣлать запросъ министерству относительно справедливости слуховъ о тѣхъ жестокостяхъ и привлечь его къ отвѣтственности. «Каково, наконецъ, то либеральное правительство — восклицаютъ «Петербургскія Вѣдомости» — которое, вызвавъ своими безтактными (?) мѣрами возстаніе въ одной изъ своихъ провинцій, со второго же слова прибѣгаетъ къ висѣлицѣ и къ выжиганію цѣлыхъ селеній, за то, что нѣкоторые жители этихъ селеній участвовали въ такомъ-то нападеніи!» А именно таково, отвѣчаемъ мы, что его министры рискуютъ не найти себѣ оправданія предъ палатою. Авторъ улыбается, видя, что мы относимъ нынѣшнее австрійское министерство къ числу либеральныхъ; но и мы не можемъ не улыбнуться встрѣчая у него подобную аргументацію противъ насъ. Онъ говоритъ, что Австрія не можетъ быть названа либеральною, такъ какъ она въ 2 года посадила 57 редакторовъ и журналистовъ, а нынѣшнее французское правительство, вовсе не пользующееся репутаціею либеральнаго, дозволяетъ теперь все печатать во Франціи и безнаказанно; «врядъ ли самый ярый чешскій публицистъ когда-либо написалъ и десятую долю того, что ежедневно появляется въ парижской печати!» Все это справедливо, но несправедливо одно, и что самое главное: а именно, современное состояніе французской прессы никто не объясняетъ либеральнымъ настроеніемъ правительства. Слѣдовательно, сравнивать Австрію и Францію въ настоящемъ вопросѣ не будетъ справедливо, или «С.Петербургскія Вѣдомости» должны допустить, что въ мірѣ нѣтъ такого либеральнаго правительства, какъ французское, на что они опять не рѣшатся.

Опытъ, сдѣланный во Франціи въ послѣднее время, очевидно, входилъ въ разсчетъ правительства, хотя и былъ продиктованъ ему политическою необходимостью; если часть оппозиціи разсчитывала на революцію, то въ этомъ отношеніи французское правительство восторжествовало, а для исторіи явилось однимъ доказательствомъ больше, что источникъ революцій заключается не въ свободѣ печати; какой можно желать еще большей свободы для печати, и какъ можно было бы еще шире пользоваться ею, какъ пользовались во Франціи въ послѣднее время? Неужели во Франціи революція не состоялась только потому, что печать не имѣла еще достаточно свободы? Конечно, не потому. А въ такомъ случаѣ, куда дѣнется теперь прежняя теорія, что весь корень зла въ печати?

Отъ французскаго правительства зависѣло въ прошедшемъ мѣсяцѣ, особенно при дополнительныхъ выборахъ въ Парижѣ, обратить настроеніе массъ въ настоящую революцію или сдѣлать изъ всего одинъ революціонный парадъ. Неудивительно, что правительство предпочло послѣднее, и обществу недостаетъ только увѣренности въ томъ,

что правительство дѣйствовало не по политическому разсчету, а по искренней рѣшимости стать на либеральный путь. Общественное настроеніе умовъ во Франціи въ настоящую минуту таково, что оно, конечно, можетъ быть легко эксплуатируемо такимъ «искуснымъ» правительствомъ, какъ французское, которое само умѣло подкапываться подъ правительства. Намъ писалъ изъ Парижа, наканунѣ дополнительныхъ выборовъ, одинъ изъ соотечественниковъ, переживишій во Франціи іюльскую революцію, парламентскую эпоху Луи-Филиппа, февральскую революцію и наконецъ 20-лѣтнее правленіе Наполеона III со всѣми его метаморфозами. Вотъ въ какихъ словахъ онъ характеризуетъ настроеніе французскаго общества: «Странное время переживаемъ мы здѣсь теперь. Въ минуту, когда я вамъ пишу, въ Парижѣ происходятъ выборы въ четырехъ округахъ. Надѣюсь, что парижскимъ проказникамъ не удастся выбрать архи-проказника Рошфора (выбрать удалось, но объ этомъ послѣ). Французскій народъ проснулся: въ томъ нѣтъ сомнѣнія! Утѣшительно то, что тяжелый сонъ, въ которомъ онъ находился, далъ ему не только силу, но и разумъ. Общее мнѣніе рѣшительно не хочетъ *личной* власти Наполеона III, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же не хочетъ революціи; а это общее мнѣніе имѣетъ теперь такую значительность, какую едва когда-либо оно имѣло: все движется общимъ мнѣніемъ; нѣтъ ни партія, ни индивидуумовъ, кои направляли бы происшествіями. Это, конечно, имѣетъ свои неудобства: такая личность, пользовавшаяся великою репутаціею, какъ Лафайетъ, могла бы теперь быть очень полезна. Но очевидно, что и отсутствіе такихъ личностей имѣетъ свою великую пользу, предоставляя болѣе вліянія и силы разуму всѣхъ, à l'esprit de tout le monde, который, по слову Талейрана, превосходитъ всевозможныя esprit и genies. Смотря на все это со стороны, хладнокровно, я не постигаю, почему Наполеонъ III такъ сильно прицѣпляется къ своей *личной* власти, pouvoir personnel, которой рѣшительно никто не хочетъ? Какая прелесть для него въ этой власти? Какъ подвергать себя безчисленнымъ хлопотамъ, заботамъ, даже опасностямъ, и какъ брать отвѣтственность за всѣ промахи, за всѣ глупости министровъ, безъ всякой для себя пользы? Не лучше ли сложить съ своихъ плечъ тяжелое бремя и наложить его на плечи тѣхъ, коихъ общество назначитъ для сего? Не лучше ли отдать свое время занятіямъ умственнымъ, возвышающимъ душу, или наконецъ просто развлеченіямъ, облегчающимъ жизнь, нежели проводить его въ грязныхъ или пустыхъ мелочахъ личной администраціи? Не лучше ли бесѣдовать съ кѣмъ угодно изъ порядочныхъ людей, которыхъ найдется здѣсь множество, нежели слушать каждое утро полицейскія сплетни г-на Піетри?... Но Наполеоны, какъ и всѣ люди вообще, часто ошибаются на счетъ того, что имъ дѣйствительно полезно»....

Вѣрно пока одно, что французское правительство построило всѣ свои комбинаціи на томъ, что ненависть французовъ къ личной власти нашла себѣ противовѣсъ въ ихъ же ненависти къ революціи. Слова манифеста Ледрю-Ролена: la révolution n'a plus d'inconnu, революція не представляетъ въ себѣ больше ничего загадочнаго,—очевидно, понимаются не такъ, какъ того хочетъ авторъ, намекая на то, что въ будущемъ невозможны революціи съ такимъ финаломъ, какой имѣли три послѣднія революція. Революція во Франціи не имѣетъ ничего загадочнаго также и потому, что извѣстно ея политическое послѣдствіе: диктатура. Это составляетъ опору власти Наполеона: потому для него не было опасно избираніе Рошфора, точно также не будетъ опасно и избраніе, тѣмъ болѣе что оно локализируетъ оратора и поставитъ его въ менѣе выгодныя условія. Рѣчь Наполеона III, которою онъ наконецъ открылъ, 29-го ноября, законодательный корпусъ, ясно показываетъ, что затрудненія для правительства заключаются не въ избраніи непріятныхъ ему депутатовъ. Въ первый разъ Наполеонъ, обращаясь къ депутатамъ, признался, что «во Франціи трудно установить правильное и мирное пользованіе свободою». Въ первый разъ онъ сказалъ, что «неопредѣленность и волненіе умовъ не должны продолжаться, и положеніе требуетъ болѣе, чѣмъ когда либо, искренности. Надобно говорить безъ уклончивости, и выразить громогласно, какова воля страны. Франція хочетъ свободы, но хочетъ и порядка. За порядокъ я отвѣчаю. Помогите, господа, спасти свободу».

Насъ интересуютъ эти слова съ общечеловѣческой стороны, помимо того интереса, который они представляютъ Франціи. Страна желаетъ свободы, но свобода и есть путь къ порядку; порядокъ безъ свободы можетъ быть устроенъ только между неодушевленными предметами. Взять на себя исключительную обязанность поддерживать порядокъ, можетъ тотъ, кто желаетъ ограничиться скромною ролью полицейскаго коммиссара на общественныхъ гуляньяхъ. Конечно, не о томъ могъ думать Наполеонъ III, принимая на себя отвѣтственность за порядокъ; очевидно, правительство думало о другомъ, и только испытало всю трудность быть искреннимъ, несмотря на высказанную имъ рѣшимость. Слѣдовало сказать: Франція хочетъ свободы, но съ сохраненіемъ личной власти! а какъ сказать это среди бѣлаго дня?! Въ такихъ случаяхъ всегда искупаетъ слово: порядокъ! Если же дѣло идетъ о порядкѣ въ смыслѣ поддержанія личной власти, то Наполеонъ III справедливо сказалъ: j'en réponds! Кромѣ его, никто не заинтересованъ въ поддержаніи господствующаго порядка вещей. «Для достиженія свободы съ сохраненіемъ порядка—продолжается въ рѣчи—будемъ держаться на равномъ разстояніи отъ реакціи и отъ теорій революціонныхъ. Между тѣми, которые стремятся все сохранить безъ

перемѣны, и тѣми, которые мечтают все ниспровергнуть, есть мѣсто, которое можно занять со славою».

Это так-называемый средній путь, который представляетъ одинаковыя удобства и неудобства, какъ въ государственной, такъ и въ частной жизни. Его удобство состоитъ въ возможности, смотря по обстоятельствамъ, приближаться къ той или другой крайности; неудобство — онъ не удовлетворяетъ ни одной стороны и раздражаетъ всѣхъ. Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, политическая свобода націи шатка болѣе всего потому, что она не имѣетъ для себя опоры въ свободномъ и широкомъ развитіи мѣстныхъ учрежденій, въ духѣ независимости. Вотъ причина, почему реакціи могутъ быстро смѣняться революціями, и въ жизни государственной не оказывается устойчивости.

Взглядъ французскаго правительства на внѣшнюю политику, помимо общепринятаго завѣренія о дружбѣ сосѣдей, не представляетъ особенной опредѣленности; какъ будто случайно упомянуто о томъ, что въ Россіи (пять лѣтъ тому назадъ) уничтожено крѣпостное состояніе, а въ Англіи справедливость воздана Ирландіи, и рядомъ съ этимъ поставленъ Суэзскій каналъ и увѣренность, что «вселенскій» соборъ въ Римѣ отличится «мудростью и духомъ примиренія». Послѣднее мало утѣшительно для Италіи, которая, какъ читатель увидитъ ниже, въ нашей корреспонденціи изъ Флоренціи, знаетъ, какой «мудрости» нужно ожидать отъ собора. Испанія осталась неупомянутою, равно какъ и Германія; рѣчь не коснулась также и столкновенія султана съ египетскимъ хедивомъ, по поводу Суэзскаго канала. Вообще, рѣчь вѣрно отражаетъ современное положеніе дѣлъ во Франціи и въ Европѣ, но только въ томъ отношеніи, что оно весьма неудовлетворительно, какъ неудовлетворительна и рѣчь. Программа внутреннихъ реформъ слишкомъ ничтожна, чтобы замѣтить въ ней слѣды твердой рѣшимости отказаться отъ личнаго характера власти; а въ программѣ внѣшней политики преобладаетъ академическая обстановка, скрывающая отъ глазъ настоящіе политическіе мотивы оратора.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Ноябрь, 1869.

ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ И СОВРЕМЕННЫЕ ЛИБЕРАЛЫ И КЛЕРИКАЛЫ ВЪ ИТАЛІИ.

Италія можетъ обращать особенное вниманіе русскаго общества въ настоящую эпоху. Она возродилась одновременно съ Россіею; путь, на который она вступила, новъ для народной массы; народная масса, при господствовавшемъ еще такъ недавно режимѣ, коснѣла въ страшномъ невѣжествѣ, и, казалось, нужны были вѣка и вѣка для ея пробужденія. Деморализація въ обществѣ доходила чуть не до тѣхъ предѣловъ, за которыми слѣдуетъ непосредственно политическая смерть. Если у васъ есть пессимисты, они найдутъ въ новѣйшей исторіи Италіи примѣръ того, что собственно нѣтъ общества, неспособнаго къ политической свободѣ, если она устроивается самымъ искреннимъ образомъ. Но чтобы понять, какъ могъ у насъ совершиться такой крутой переворотъ, и — что гораздо болѣе важно — чѣмъ держится новый порядокъ вещей, необходимо познакомиться съ новою Италіею въ цѣлости ея общественной и политической жизни. Такова будетъ цѣль нашихъ корреспонденцій. Начнемъ съ того, что въ настоящую минуту занимаетъ наше общественное мнѣніе, а именно ожидаемый «вселенскій» соборъ. Какъ ни случайно подобное явленіе, но оно раскрываетъ предъ нами вполнѣ древнюю язву Италіи, и вызываетъ на смертельную борьбу два лагеря, давно уже готовые къ окончательной схваткѣ.

«Либералы» и «клерикалы» у насъ — это двѣ силы, прямо отрицающія другъ друга; между ними не можетъ быть ни сдѣлокъ, ни соглашеній. Ихъ раздѣляетъ не религія, а политика: свободная Италія и духовная тираннія — вотъ лозунги этихъ двухъ непримиримыхъ силъ. Итальянскіе либералы, какъ бы ни расходились они между собою, всегда имѣютъ ту или другую общую точку соприкосновенія. Республиканецъ и приверженецъ конституціоннаго порядка вещей, конечно, далеко не сходятся въ своихъ требованіяхъ. Тѣмъ не менѣе и тотъ и другой принимаютъ за исходную точку своихъ желаній одно и тоже начало; вооружась нѣкоторою терпимостію, они могутъ согласиться спокойно обсудить дѣло, и непремѣнно сойдутся на половинѣ дороги. Ничего подобнаго нѣтъ въ отношеніяхъ между либералами и клерикалами, какъ между свѣтомъ и тьмой, наукой и невѣжествомъ, сво-

бодой и деспотизмомъ, добромъ и зломъ. Соедините, примирите подобные элементы, и вы получите безобразную, чудовищную смѣсь, сильно отзывающуюся шарлатанствомъ, піетизмомъ, маккіавелизмомъ или наконецъ просто индифферентизмомъ.

Мы видимъ ежедневно, къ чему приводятъ у насъ усилія нѣкоторыхъ органовъ прессы примирить требованія церкви съ стремленіями новаго государства. Таковы: неаполитанскій *Conciliatore; la Rivista universale*, издаваемая въ Генуѣ; *l'Esaminatore*, который печатается во Флоренціи и робко высказываетъ идеи съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ протестантизма. Ихъ девизъ: *католики съ папой, либералы съ королемъ*. Потому они считаютъ своей политикой возставать, то противъ злоупотребленій церкви, то противъ, будто-бы, чрезмѣрныхъ требованій государства, и вслѣдствіе того гораздо болѣе походятъ на противниковъ обѣихъ враждебныхъ силъ, нежели на ихъ примирителей. И дѣйствительно, они въ одинаковой степени возбуждаютъ къ себѣ недовѣріе итальянскаго правительства и подозрѣніе римской куріи, которая, несмотря ни на что, все-таки считаетъ ихъ зараженными ересью. Первый примѣръ такого рода двойственности въ печати подалъ знаменитый отецъ Пасалья, объявившій себя противникомъ папы, послѣ того, какъ ему было отказано въ кардинальскомъ достоинствѣ. Графъ Кавуръ, надѣявшійся тогда подкопать римскій престолъ, усердно помогалъ отцу Пасальи и не мало содѣйствовалъ между прочимъ тому, чтобъ послѣднему была дана въ туринскомъ университетѣ каѳедра. Но графъ Кавуръ въ то время дѣйствовалъ подъ вліяніемъ политическихъ соображеній, побуждавшихъ его осыпать милостями всѣхъ дезертировъ римско-католической церкви, какими были напримѣръ, монсиньоръ Ливерани, аббатъ Перфетти, каноникъ Реали. Смерть помѣшала графу Кавуру убѣдиться въ томъ, какъ мало пользы можно было ожидать отъ дѣяній отца Пасальи, который, за исключеніемъ довольно обширныхъ свѣдѣній по части богословія и исторіи церкви, не отличался никакими особенными качествами. Основанныя имъ двѣ газеты, *Il Mediatore* и *la Pace*, обѣ покончили достойною ихъ смертью. Этотъ «Посредникъ» и «Миръ» сдѣлались сами жертвою той скуки, которою они морили своихъ читателей. Они наполнялись почти исключительно библіографическими замѣтками и латинскими цитатами, и на скорую руку сшитыми между собой, пустыми, ничего неговорящими фразами. Одновременно съ этими газетами предано забвенію и самое имя отца Пасальи. Такая же участь ожидаетъ и всю ту нашу современную прессу, которая задается «примирительными» цѣлями. Такіе органы только запутываютъ общественныя идеи и замедляютъ развязку.

Клерикалы пока еще держатся въ Италіи, благодаря первой статьѣ устава, который оставленъ Карломъ-Альбертомъ въ наслѣдство ни-

нѣшнему итальянскому королевству. Въ силу этой статьи римско-католическое вѣроисповѣданіе объявлено господствующимъ въ Италіи, тогда какъ всѣ остальныя религіи въ ней не болѣе какъ только *терпимы*. Надо отдать справедливость правительству, оно въ своихъ дѣйствіяхъ почти исключительно руководствуется принципомъ свободы и равенства вѣроисповѣданій. Наши государственные люди вообще идутъ даже далѣе графа Кавура, знаменитое изреченіе котораго: *свободная церковь въ свободномъ государствѣ*, все-таки отчасти изобличаетъ предубѣжденіе, будто церковь непремѣнно должна быть *одна*. Не гораздо ли вѣрнѣе и справедливѣе было бы сказать: *свободныя церкви и свободное государство?* Если церковь въ смыслѣ вѣроисповѣданія не подлежатъ зависимости отъ государства; если государство не можетъ взять на себя трудъ рѣшить вопросъ о преимуществѣ той или другой религіи; за то государство имѣетъ власть надъ церковью, какъ надъ ассоціаціею; подобно всѣмъ другимъ свѣтскимъ ассоціаціямъ, церковь должна состоять въ зависимости отъ страны, гдѣ находится. Но, повторяю, если наши правители въ своей общественной дѣятельности оказываются болѣе либеральными, нежели того отъ нихъ требуетъ первая статья устава Карла-Альберта, духовенство тѣмъ не менѣе сильно ею злоупотребляетъ въ видахъ удержанія за собой своего вреднаго вліянія.

Въ силу этой первой статьи, во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ королевства итальянскаго преподается катехизисъ съ основными правилами христіанскаго (подразумѣвается: іезуитскаго) ученія и такъ называемая священная исторія, причемъ вовсе не принимается въ соображеніе, къ какому вѣроисповѣданію принадлежатъ обучающіяся тамъ дѣти. Солдаты по праздничнымъ днямъ обязаны присутствовать при отправленіи католическаго богослуженія, какую бы вѣру сами ни исповѣдовали. Разъ въ году каждый домъ, независимо отъ вѣроисповѣданія его обитателей, непремѣнно освящается католическимъ священникомъ. Въ городахъ и общинахъ устроиваются публичныя процессіи съ предписаніемъ отъ мѣстныхъ властей, насколько каждый изъ обывателей долженъ въ нихъ участвовать, причемъ не исключаются и тѣ, которые не принадлежатъ къ римско-католической церкви. При составленіи контрактовъ всегда призывается въ свидѣтели Христосъ и упоминается имя царствующаго папы, хотя бы составляющія контрактъ лица были евреи. Присяга всегда принимается надъ евангеліемъ, какъ отъ христіанъ, такъ и отъ нехристіанъ. Изъ этого вы видите, что первая статья устава Карла-Альберта далеко еще не мертвая буква для насъ. Умершему безъ напутствія священника отказывается у насъ въ погребеніи рядомъ съ предками, если послѣдніе почили въ мирѣ съ церковью. Наши сельскія кладбища, а равно и тѣ, которыя находятся при маленькихъ городкахъ, устроены исклю-

чительно для католиковъ. Исповѣдующіе при жизни какую-либо другую религію по смерти не имѣютъ права на приличную могилу. Ихъ хоронятъ за чертой кладбища въ неосвященной землѣ. Масса, коснѣющая въ невѣжествѣ и суевѣріи, относится ко всему этому чрезвычайно серьезно, и презираемое церковью послѣ смерти она усердно презираетъ и чуждается въ практикѣ жизни.

Но клерикалы, кромѣ такихъ открытыхъ путей для вліянія на массы, имѣютъ тайные пути, гдѣ вредъ ихъ является тѣмъ опаснѣе.

Карлъ-Альбертъ, декретомъ, изданнымъ въ 1847 г., лишая іезуитовъ права пользоваться богатствами, накопленными въ ихъ монастыряхъ и изгоняя ихъ изъ своихъ владѣній, не успѣлъ, однако, совсѣмъ избавить отъ нихъ Пьемонтъ. Они, правда, болѣе не носятъ своей прежней одежды, не занимаютъ никакихъ должностей, не показываются всѣмъ и каждому открыто, но тѣмъ не менѣе продолжаютъ имѣть большое вліяніе на страну, гдѣ нынѣ дѣйствуютъ съ помощью и посредствомъ таинственнаго братства, которое носитъ названіе Сан-Винченцо де'Паоли, но болѣе извѣстно въ Италіи подъ сокращеннымъ именемъ общества *de'Paolotti*. Эти послѣдніе такъ многочисленны, что въ Италіи нѣтъ ни одного городка или мѣстечка, гдѣ они не производили бы своихъ разрушительныхъ работъ. Ихъ сборища обыкновенно устраиваются подъ предлогомъ обсужденія какого-нибудь благотворительнаго дѣла, такъ какъ почти каждый изъ нихъ стоитъ во главѣ, или принимаетъ участіе въ администраціи такъ-называемыхъ благотворительныхъ учрежденій страны. На дѣлѣ же, главный предметъ ихъ преній въ такихъ случаяхъ составляетъ величіе католической религіи, для болѣе полнаго торжества которой они не пренебрегаютъ никакими, ни даже безчестными средствами. Не знаю, существуетъ ли писанный уставъ, заключающій въ себѣ правила, съ которыми эти паолотти обязаны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Едва ли. Они слишкомъ осторожны и конечно боятся компрометтировать себя посредствомъ бумагъ, которыя могли бы раскрыть міру всѣ ихъ тайныя цѣли и продѣлки. Но тѣмъ не менѣе различные члены этого братства дѣйствуютъ чрезвычайно дружно, прислушиваются къ народнымъ толкамъ, присматриваются къ впечатлѣнію, какое производитъ на массу то или другое явленіе политической и общественной жизни, и опять удаляются въ свои тайныя логовища строить новыя козни и приготовляться къ новымъ походамъ. Паолотти въ обществѣ неузнаваемъ. Онъ нерѣдко бываетъ у насъ депутатомъ, засѣдаетъ въ палатѣ, подаетъ голосъ въ пользу самыхъ смѣлыхъ реформъ и слыветъ въ обществѣ за человѣка въ высшей степени либеральнаго. Того требуетъ политика его братства. Но на слѣдующій день, онъ, сближаясь съ невѣжественными народными массами, шепчетъ имъ, что правительство дѣйствуетъ по наущенію дьявола, что оно само идетъ къ вѣрной гибели и влечетъ за

собой всю страну. Возбудивъ неудовольствіе въ народѣ, Паолотти старается еще внушить ему, что прежній порядокъ вещей былъ гораздо лучше настоящаго. Въ прошломъ уважалась церковь, и это уваженіе сообщало силу государству. Всякій благонамѣренный гражданинъ обязанъ сожалѣть о томъ благодатномъ времени, молиться о его возвращеніи и чтобъ подобная молитва была дѣйствительнѣе, подкрѣплять ее «жертвоприношеніями». Вотъ почему выходъ въ свѣтъ въ Италіи всякаго новаго либеральнаго закона непремѣнно сопровождается болѣе или менѣе замѣтнымъ реакціоннымъ движеніемъ въ пользу духовенства. Иниціатива въ такихъ случаяхъ обыкновенно принадлежитъ двумъ наиболѣе распространеннымъ органамъ общества Паолотти, изъ которыхъ одинъ «l'Unità Cattolica» издается въ Туринѣ, а другой «Lo Stendardo Cattolico» въ Генуѣ. Обѣ эти газеты сильно поддерживаются римскимъ іезуитскимъ органомъ «la Civitâ Cattolica».

Какую же роль во всемъ этомъ играетъ религія? Трудно опредѣлить, вѣруютъ ли паолотти въ Бога, во Христа и въ мадонну, но достовѣрно, что они оказали большую поддержку папѣ, когда тотъ, съ помощью отца Пасальи, въ то время еще не лишившагося благодати св. Духа, провозглашалъ новый догматъ католической вѣры о тайнѣ чудеснаго зачатія Пресвятой Дѣвы *sine labe concepta*. Паолотти, дѣйствуя на набожность народа, усердно побуждали его дѣлать новые сборы въ пользу первосвященника, который разоблаченіемъ великой тайны такъ много содѣйствовалъ къ славѣ католицизма. Вообще всѣ проповѣди и славословія паолотти оканчиваются воззваніями къ кошельку ихъ слушателей и приверженцевъ. Опустошается кошелекъ, но и сердце слушателя не наполняется ничѣмъ, такъ какъ масса католическаго духовенства у насъ, особенно сельскаго, и невѣжественна, и испорчена. Священники бóльшею частью всѣ изъ крестьянъ, призваніе которыхъ въ дѣтствѣ опредѣляется слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Накрываютъ столъ и ставятъ на немъ съ одной стороны жареную курицу, а съ другой рисовую кашу. Затѣмъ зовутъ ребенка и смотря по тому, къ которому изъ блюдъ онъ подойдетъ, рѣшаютъ чѣмъ ему быть, крестьяниномъ или священникомъ. Въ послѣднемъ случаѣ его помѣщаютъ въ семинарію, гдѣ ему даютъ весьма поверхностное образованіе, а затѣмъ заставляютъ произнести обѣтъ. Молодой человѣкъ такимъ образомъ беретъ на себя отправленіе духовныхъ обязанностей точно также, какъ бы въ случаѣ нужды взялся за всякое другое ремесло. Обреченные на безбрачіе, эти священники по ремеслу то-и-дѣло подаютъ поводъ къ разнаго рода скандаламъ. И потому нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы католицизмъ подвергался наибольшему поруганію, чѣмъ въ Италіи, этомъ благословенномъ мѣстопребыванія главы всего католическаго міра. По той же причинѣ, ничто не совершается въ Италіи такъ быстро и легко, какъ переходъ отъ

идолопоклонства къ полнѣйшему безбожію. Въ разбитомъ идолѣ, совершенно естественно, не оказывается Бога, и невѣжественная толпа, смѣшивая понятія о томъ и о другомъ, на обоихъ спѣшитъ вымѣстить свой гнѣвъ. Между нашимъ духовенствомъ, конечно, существуютъ также и заслуживающіе полнаго уваженія священники, особенно въ средѣ, принадлежащей къ высшимъ слоямъ общества. Тутъ можно встрѣтить и чистоту нравовъ, обширное образованіе, разумное пониманіе своихъ обязанностей и искреннее желаніе пользы и добра народу. Но, находясь въ зависимости отъ іезуитской всепоглощающей власти римской куріи, и они должны слѣдовать общему потоку реакціонернаго движенія. Постоянныя столкновенія съ массой испорченнаго духовенства и перевѣсъ силы на сторонѣ послѣдняго обрекаютъ ихъ на полное бездѣйствіе. Впрочемъ, зло не всегда приноситъ одни только дурные плоды, и въ настоящемъ случаѣ можно утѣшаться еще тѣмъ, что народъ, утративъ довѣріе къ своимъ руководителямъ, мало-по-малу пріучится къ самостоятельности, начнетъ свободно мыслить и дѣйствовать. Такимъ образомъ, іезуиты, сами того не подозрѣвая, могутъ современемъ сдѣлаться нашими благодѣтелями, на томъ самомъ основаніи, на какомъ тираннію называютъ иногда матерью свободы.

Конечно, такой разсчетъ не вѣренъ, но за то у насъ и не сидятъ, сложа руки, въ ожиданіи такого явленія. Благодаря благоразумнымъ дѣйствіямъ правительства, наукѣ, преподаваемой въ нашихъ университетахъ и свободѣ печатнаго слова, мракъ суевѣрія и невѣжества, застилавшій горизонтъ нашей будущности, начинаетъ мало-по-малу разсѣяваться. Къ числу полезныхъ для дѣла свободы явленій, я вовсе не отношу ни дѣйствій нашихъ масонскихъ ложъ, ни преній и толковъ такъ-называемыхъ «свободныхъ мыслителей». По правдѣ сказать, ихъ польза парализируется вредомъ, ими же приносимымъ. Масоны съ своими мистическими формулами и «свободные мыслители» съ голымъ отрицаніемъ на языкѣ лишаютъ общество, и безъ того слабое, всякой точки опоры въ жизни. Ихъ нетерпимость простирается до того, что они ни на чемъ не позволяютъ останавливаться своимъ адептамъ и во имя отвлеченной свободы предписываютъ имъ отреченіе отъ всякой личной самостоятельности, т.-е. отъ того, что могло бы когда-нибудь привести къ дѣйствительной свободѣ. Гораздо болѣе значенія имѣютъ либеральныя и рѣшительныя дѣйствія нашего парламента. Законы, въ силу которыхъ уничтожаются монастыри, браки совершаются гражданскимъ порядкомъ и веденіе метрическихъ книгъ отдается въ свѣтскія руки, одни стоятъ цѣлой революціи. Послѣдній законъ, изданный итальянскимъ парламентомъ, внесъ въ ряды клерикаловъ страхъ и уныніе. Въ былое время молодые люди часто дѣлались священниками единственно съ цѣлью избавиться отъ военныхъ повинностей. Теперь и духовенство, наравнѣ со всѣми другими граж-

данами обязано поставлять государству извѣстное число защитниковъ и охранителей его безопасности. Клерикалы, впрочемъ, и тутъ не совсѣмъ потерялись: они начали приглашать всѣхъ истинныхъ католиковъ къ участію въ новомъ сборѣ, цѣль котораго ежегодно выкупать изъ военной службы какъ можно болѣе молодыхъ людей, предназначавшихъ себя къ духовному званію. Болонское общество молодыхъ католиковъ первое примѣнило къ дѣлу эту мѣру, за что было осыпано похвалами во всѣхъ клерикальныхъ газетахъ и удостоилось папскаго благословенія. Остается надѣяться только на то, что церковь, прибѣгая такъ часто къ обременительнымъ налогамъ, наконецъ возбудитъ въ своихъ приверженцахъ неудовольствіе и тѣмъ обратитъ ихъ на истинный путь.

Преподаваніе наукъ въ нашихъ университетахъ пользуется безграничной свободой, не возбуждая ни въ комъ опасеній. Доказательство тому на лицо. Такъ Молешотъ въ Туринѣ, братья Шифъ и молодой Герценъ во Флоренціи безпрепятственно проповѣдуютъ съ каѳедры матеріализмъ; профессоръ Аузоніо Франки читаетъ въ Миланѣ лекціи о позитивизмѣ, а профессора̀ Вера и Спавенто въ Неаполѣ являются жаркими поборниками ученія Гегеля. Профессоръ санскритскаго языка и сравнительной литературы во флорентинскомъ институтѣ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ разсматриваетъ евангеліе исключительно съ точки зрѣнія миѳа и эпопеи. Можно утверждать, что ни въ какой другой странѣ университетская наука не пользуется правомъ дѣйствовать такъ смѣло и независимо, не исключая даже и самой Германіи, гдѣ во многихъ государствахъ правительство, строго наблюдая за неприкосновенностію господствующей религіи, всячески ограничиваетъ свободу преподаванія.

Другого не менѣе опаснаго врага имѣетъ клерикальная партія въ свободной печати. Послѣднюю, правда, у насъ не рѣдко, какъ говорится, употребляютъ во зло, но все же въ рукахъ честныхъ и даровитыхъ писателей она оказываетъ обществу громадныя услуги. Сколько религіозныхъ предразсудковъ потерпѣло пораженій отъ ѣдкой насмѣшки Феррари, разчистивъ такимъ образомъ мѣсто вліянію идеальнаго пуританизма Маміани. А страстныя и увлекательныя страницы Де-Бони и Франки, сколько молодыхъ сердецъ и умовъ пріобрѣли онѣ дѣлу истины и свободы! Мелкая журналистика съ своей стороны ежедневно осаждаетъ клерикальную партію, если не всегда ловкими, то отъ частаго повторенія тѣмъ не менѣе чрезвычайно дѣйствительными нападками. Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ положеніе клерикаловъ въ Италіи все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Они сами уже открыто сознаютъ весь вредъ, какой имъ нанесла политическая свобода, и теперь заботятся только о томъ, чтобъ по возможности вознаградить себя за понесенныя потери, и заботятся не всегда напрасно. Клери-

кальная партія, — отдадимъ ей эту справедливость, — отличается необыкновенной изворотливостію, умѣньемъ ловко отражать удары или быстро отъ нихъ оправляться, и наконецъ рѣдкой изобрѣтательностію въ изысканіи средствъ къ своему процвѣтанію.

Возьмемъ для примѣра законъ, предписывавшій секвестрованіе монастырскихъ имуществъ. Съ перваго дня своего появленія въ свѣтъ, онъ нашелъ духовенство уже отлично вооруженнымъ для борьбы съ нимъ. Въ этомъ случаѣ клерикалы съумѣли воспользоваться всѣми преимуществами, какія имъ, наравнѣ со всѣми, давалъ конституціонный образъ правленія. Между тѣмъ какъ законъ спокойно и неторопливо обсуживался въ палатѣ депутатовъ и переходилъ оттуда на разсмотрѣніе сенаторовъ, духовенство успѣло скрыть все свое недвижимое имущество и продать въ свою пользу часть движимаго. Когда, наконецъ, съ утвержденіемъ вышеупомянутаго закона началась продажа монастырскихъ сокровищъ на чрезвычайно выгодныхъ для покупщиковъ условіяхъ, оказалось, что многія имущества, дотолѣ принадлежавшія цѣлой корпораціи, теперь становились личной собственностію одного изъ членовъ той же самой корпораціи, и все это въ силу неизвѣстно какихъ условій и договоровъ между покупщикомъ и его товарищами. Однимъ словомъ, законъ обойденъ, прежде нежели успѣлъ родиться. Деспотическое правительство не было бы остановлено такою хитростію; оно не имѣло бы надобности терять время на парламентскія пренія, и законъ упалъ бы на клерикаловъ, какъ снѣгъ на голову. Такъ поступилъ, напр., Карлъ-Альбертъ въ отношеніи пьемонтскихъ іезуитовъ. Но наши клерикалы думали спастись, прикрывая себя благами конституціоннаго правленія и забывая въ тоже время, что сила конституціи заключается не въ томъ, что она ломитъ все встрѣчающееся на пути; а потому клерикалы у насъ походятъ теперь на разбогатѣвшаго корсара, которому удалось, послѣ кораблекрушенія, спастись на берегъ съ частію своего имущества; но корабль пошелъ ко дну.

Сотрудники газеты «Unità Cattolica» безъ сомнѣнія сознаютъ всю трудность своего положенія; по крайней мѣрѣ, они явно чувствуютъ потребность, какъ можно чаще мѣнять цѣли, въ виду которыхъ приглашаютъ вѣрующихъ къ благочестивымъ пожертвованіямъ. Они стараются затрогивать самолюбіе жертвователей, печатая на своихъ столбцахъ ихъ имена и воздавая имъ преувеличенныя похвалы. Видя, какъ мало-по-малу истощаются источники, которые до сихъ поръ снабжали церковь богатыми дарами, «Lo Stendardo Cattolico» и «L'Unità Cattolica» замышляютъ новую подписку въ пользу предполагаемаго вселенскаго собора, за что обѣщаютъ жертвователямъ полное отпущеніе грѣховъ. «L'Unità Cattolica» кромѣ того придумала, для большаго успѣха, отличное средство. Она печатаетъ у себя листки, готовые къ принятію 250 именъ, и разсылаетъ ихъ къ своимъ приверженцамъ съ

тѣмъ, чтобъ они возвращали ихъ обратно уже наполненными требуемымъ числомъ подписчиковъ. Въ награду за это жертвователи получаютъ обѣщаніе, что листки съ ихъ именами будутъ поднесены папѣ во время его предсѣдательства въ соборѣ, а за тѣмъ, переплетенные, спрячутся въ Ватиканскій архивъ, гдѣ и пребудутъ до скончанія вѣка въ качествѣ *золотой книги*, которой суждено обезсмертить всѣхъ истинныхъ католиковъ.

Во всѣхъ этихъ клерикальныхъ продѣлкахъ у насъ главную роль играютъ женщины — доказательство того низкаго уровня, на которомъ онѣ стоятъ въ Италіи, коснѣя во всевозможныхъ предразсудкахъ и невѣжествѣ. Такъ въ недавнее время, веронскія женщины, воспламененныя «святымъ» негодованіемъ, предприняли нѣчто въ родѣ крестового похода противъ пороковъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, погрязли люди нашего вѣка. Онѣ составили ассоціацію, цѣль которой охранять юношество отъ заразы новыхъ идей и возвращать заблудшихъ овецъ въ лоно святой католической церкви. Пій IX граматой и благословеніями отблагодарилъ за то веронскихъ женщинъ, которыя, еще больше воодушевясь отъ такой милости, съ новымъ рвеніемъ принялись трудиться на пользу церкви и св. отца. Главныя заботы ихъ устремлены на то, чтобы посылать какъ можно болѣе людей къ исповѣди и къ причастію и заставлять ихъ молиться объ успѣхѣ вселенскаго собора. Католическіе журналы и газеты увѣряютъ, будто труды благочестивыхъ дамъ увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ. Что до насъ касается, то намъ кажется, что всѣ эти молитвы и подписки свидѣтельствуютъ не только объ опасеніяхъ клерикаловъ на счетъ благополучнаго исхода собора, но еще и о трудностяхъ, какія, сзывая его, св. отецъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу.

Епископы наши тоже не остаются въ бездѣйствіи. Сообразуясь съ формальными инструкціями, исходящими изъ Рима, они разсылаютъ по своимъ епархіямъ циркуляры съ наставленіями подвластному имъ духовенству, какъ оно должно себя вести въ настоящемъ случаѣ. Приведу вамъ нѣсколько отрывковъ изъ пастырскихъ посланій нашихъ епископовъ, которыми они надѣются остановить успѣхи цивилизаціи.

Вотъ, напримѣръ, до какой высоты лиризма достигаетъ епископъ луккскій, объявляя своему духовному стаду о намѣреніи папы созвать вселенскій соборъ. «Вѣрующіе, говоритъ онъ, покорные сыны католической церкви съ грустью взирали на зараженное ересью общество и скорбѣли о безнравственности, въ какую впалъ нашъ вѣкъ. Но при этомъ благодатномъ извѣстіи (о созваніи собора), они вдругъ встрепенулись, утѣшились, возвели очи къ небу и съ благодарственной молитвой обратились къ Богу, внушившему первосвященнику благую мысль прибѣгнуть къ средству, которое въ концѣ концовъ все-таки никогда не имѣло недостатка въ хорошихъ послѣдствіяхъ».

Епископъ тортонскій съ слѣдующимъ воззваніемъ обращается ко всей вселенной: «О народы, о цари, о подданные, о правители, внемлите гласу католической церкви, которая съ бо́льшею торжественностію, нежели когда-либо, и въ тоже время съ материнской нѣжностію, станетъ внушать вамъ на предстоящемъ соборѣ, что подданные должны повиноваться правительству, чтить царей и уважать власть. А судьи и государи съ своей стороны обязаны, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, постоянно поддерживать въ нихъ религіозныя вѣрованія и любовь къ добру. Уже давно св. Августинъ сказалъ: *docet Ecclesia Reges consulere populis, populos se subdere Regibus docet*».— Ловушка, разставляемая почтеннымъ епископомъ, имѣетъ всѣ достоинства, кромѣ новизны, а новизна должна составлять первое качество ловушки.

Кардиналъ анконскій съ особеннымъ паѳосомъ распространяется о невидимомъ присутствіи св. Духа на соборѣ, гдѣ епископы будутъ: «молиться, совѣщаться, спорить, разсуждать, на подобіе самихъ апостоловъ, въ первый разъ собравшихся на соборъ въ Іерусалимѣ *вокругъ Петра*. Наступаетъ великая минута, и человѣкъ говоритъ уже не отъ себя; надъ торжественнымъ собраніемъ носится Духъ Божій и устами засѣдающихъ въ соборѣ отцовъ подтверждаетъ истину словъ, произнесенныхъ апостолами на первомъ соборѣ, который сдѣлался образцомъ всѣхъ послѣдующихъ: *Visum est Spiritui Sancto et nobis*».

Епископъ Имолы требуетъ отъ собора ни болѣе, ни менѣе, какъ пересоздать весь міръ: «Свѣтъ и мракъ, истина и ложь, порокъ и добродѣтель, добро и зло, просвѣщеніе и варварство, однимъ словомъ все въ настоящее время страшно смѣшалось и перепуталось. Необходимо, чтобъ всемогущій голосъ снова раздался посреди хаоса и именемъ Божіимъ приказалъ: да будетъ свѣтъ, *fiat lux*—и свѣтъ явится. Намъ предстоитъ дѣло, совершенное нѣкогда самимъ Богомъ, который *divisit lucem a tenebris*; мы должны, подобно ему, возвысивъ голосъ, дать каждой вещи ея имя, назвавъ днемъ все, что, просвѣщая умъ, смягчаетъ нравы, очищаетъ сердце и возвышаетъ душу, и ночью—все то, что́, омрачая разсудокъ, дѣлаетъ нравы грубѣе, портитъ и наконецъ совсѣмъ губитъ человѣка. Собору предстоитъ совершить это великое дѣло».

Епископъ Патти превзошелъ всѣхъ, рисуя удивительную картину зрѣлища, какое, по его мнѣнію, представятъ отцы, засѣдая въ соборѣ: «Несказанно торжественна будетъ та минута, когда пастыри стада Христова, собранные здѣсь по волѣ главы, на котораго возложена забота управлять своими братьями и утверждать ихъ въ добрѣ и истинѣ, наконецъ провозгласятъ міру окончательное рѣшеніе, къ какому ихъ приведетъ св. Духъ. Вслѣдъ за жаркими преніями наступитъ вне-

занное молчаніе, въ которомъ мгновенно сольются и умрутъ всѣ человѣческія мнѣнія и сужденія (вожделѣнная минута)!»

Изъ этихъ выписокъ видно, что духовенство не имѣетъ въ запасѣ ничего, кромѣ риторическихъ фигуръ и семинарскаго краснорѣчія. За то, почтенные отцы изобличаютъ въ своихъ познаніяхъ полное невѣдѣніе практическихъ цѣлей, которыхъ соборъ желалъ бы достигнуть, но которыхъ онъ по всѣмъ вѣроятностямъ не достигнетъ. Кромѣ того, епископы явно расходятся въ своихъ мнѣніяхъ на счетъ роли, какую они и папа должны будутъ играть во вселенскомъ соборѣ. Одни повидимому не прочь во всемъ подчиниться св. отцу, другіе, напротивъ, сильно напираютъ на важное значеніе *собора епископовъ*, устами которыхъ глаголетъ Духъ Божій. Послѣдніе видятъ въ папѣ только лицо ими же самими уполномоченное за нихъ говорить и дѣйствовать.

Но «вѣрующіе» и низшее духовенство не довольствуются фигуральными свѣдѣніями, которыя имъ сообщаютъ о предстоящемъ соборѣ и юбилеѣ ихъ епископы. Они обращаются за болѣе точными и подробными извѣстіями прямо въ Римъ, преимущественно къ кардиналу Панебіанко, верховному исповѣднику, и въ обрядную конгрегацію.

Вотъ нѣсколько вопросовъ, съ которыми въ послѣднее время обращались въ Римъ, и полученные на нихъ отвѣты:

1) Можно ли въ честь предстоящаго юбилея давать отпущеніе кающимся еретикамъ?

Отвѣтъ: Можно, съ условіемъ, чтобъ они навсегда отреклись отъ своихъ заблужденій.

2) Можно ли давать вторичное отпущеніе грѣховъ тому, кто, уже получивъ его разъ во время юбилея, снова согрѣшитъ и вторично явится исповѣдоваться.

Отвѣтъ на это полученъ отрицательный.

3) Если кто-нибудь, уже получивъ одну изъ юбилейныхъ индульгенцій, пожелаетъ пріобрѣсти еще другую, съ тѣмъ, что вторично исполнитъ всѣ предписанія своего духовника,—слѣдуетъ, или нѣтъ, удовлетворять его желаніе?

Отвѣтъ утвердительный.

4) Есть ли возможность получить индульгенцію, не исполнивъ всѣхъ пожертвованій, какія сочтетъ нужнымъ возложить на кающагося его духовникъ?

Отвѣтъ: Нѣтъ, милости безъ добрыхъ дѣлъ не получаются.

Изъ этого вы видите, что въ Римѣ еще процвѣтаетъ система: *do, ut des.*

Наконецъ, кардиналу Панебіанко надоѣло отвѣчать на вопросы, которыми его со всѣхъ сторонъ осаждали, и онъ рѣшился самъ соста-

вить и обнародовать списокъ вопросовъ и отвѣтовъ по предметамъ наибольшей важности.

Вотъ главные изъ нихъ:

1) Могутъ ли получать отпущеніе грѣховъ тѣ, которые прямо или косвенно участвовали въ нападеніяхъ на папскія владѣнія?

Отвѣтъ: Могутъ, съ условіемъ, чтобъ они отреклись отъ своихъ прежнихъ злодѣяній, выразили желаніе загладить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ и, если находятся на государственной службѣ, отказались бы отъ своихъ мѣстъ.

Такой отвѣтъ можно по справедливости принять за воззваніе къ возмущенію противъ итальянскаго правительства, тѣмъ болѣе, что слѣдующіе вопросы еще болѣе развиваютъ ту же самую мысль.

2) Можно ли давать отпущеніе грѣховъ духовнымъ лицамъ, которыя объявили себя противниками свѣтской власти папы?

Отвѣтъ: Можно, если они согласятся открыто сознаться въ своихъ заблужденіяхъ.

3) Могутъ ли получать отпущеніе въ грѣхахъ нарушители обѣтовъ и тѣ, которые участвовали въ отнятіи у духовенства частныхъ и общинныхъ имуществъ?

Отвѣтъ: Могутъ, если удовлетворятъ обиженную сторону и согласятся возвратить ей ея права.

Остальные вопросы и отвѣты вертятся около того же самаго предмета.

Дѣло, очевидно, идетъ вовсе не объ обращеніи на истинный путь грѣшниковъ, а о желаніи возвратить духовенству утраченныя земныя блага.

Между тѣмъ, какъ кардиналъ Панебіанко занимается разрѣшеніемъ вопросовъ, касающихся *сущности* религіи, кардиналъ Билліо, префектъ конгрегаціи, индульгенцій и святыхъ мощей, предписываетъ вѣрующимъ, какіе посты они должны соблюдать для полученія индульгенцій, раздаваемыхъ по случаю юбилея. Ему между прочимъ представили на разсмотрѣніе вопросъ, могутъ ли получать индульгенціи тѣ, которые или по старости, или по болѣзни, или по необходимости поддерживать въ себѣ силы для тяжелыхъ работъ, не въ состояніи поститься? Благочестивый кардиналъ отъ имени его святѣйшества объявилъ, что не могутъ, иначе какъ замѣнивъ постъ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ. А подъ добрымъ дѣломъ здѣсь конечно подразумѣвается пожертвованіе въ пользу церкви, ради котораго клерикалы охотно дали бы полное отпущеніе грѣховъ самому дьяволу, еслибъ онъ явился къ нимъ съ хорошо набитыми карманами. Такимъ образомъ, всѣ метафизическіе вопросы въ настоящую минуту сливаются въ Римѣ въ одинъ, великой важности для духовенства, вопросъ о деньгахъ.

Ко всему этому мы могли бы присоединить образчики краснорѣчія самого святѣйшаго отца, но оно слишкомъ извѣстно всѣмъ изъ газетъ, и въ немъ напрасно бы мы искали какой-нибудь практической программы будущаго собора. Любовь Пія IX къ неожиданностямъ и сюрпризамъ открываетъ обширное поприще для догадокъ о настоящей цѣли собора. Вѣрно одно, что руководителями собора будутъ іезуиты, и нѣтъ сомнѣнія, что программа собора составляется іезуитами, которые въ епископахъ и кардиналахъ видятъ себѣ опасныхъ соперниковъ и во что бы то ни стало хотятъ ихъ унизить. Заставивъ католическій міръ признать непогрѣшимость папы, они надѣются нанести имъ смертельный ударъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ удобнѣе прибрать къ рукамъ будущихъ «непогрѣшимыхъ» папъ. Соборъ созывается подъ мнимымъ предлогомъ исправить зло, отъ котораго страждетъ церковь, но въ сущности для того, чтобъ удовлетворить тщеславіе Пія IX и честолюбіе іезуитовъ. Не мудрено послѣ этого, что высшее католическое духовенство, въ особенности нѣмецкое и французское, такъ холодно и недовѣрчиво относится къ собору, который угрожаетъ сдѣлаться могилой ихъ могущества. Говорятъ, будто всего только пятьсотъ пятьдесятъ епископовъ примутъ участіе въ предстоящихъ совѣщаніяхъ.

Предоставивъ іезуитамъ распоряжаться всѣмъ, что касается внутренняго устройства и состава собора, Пій IX самъ усердно занимается разнаго рода внѣшними приготовленіями. Онъ лично отыскиваетъ для ожидаемыхъ гостей квартиры и заботится, чтобъ онѣ были снабжены всевозможными удобствами. Кромѣ того, онъ съ неутомимой дѣятельностію слѣдитъ за работами, производимыми въ залѣ, гдѣ будутъ засѣдать святые отцы и наблюдаетъ за устройствомъ въ Римѣ выставки рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ предметовъ христіанской древности. По его приказанію издается духовный музыкальный журналъ «Палестрина», учреждаются стенографическія школы для записыванія соборныхъ преній и выписывается изъ Регенсбурга нѣмецкій типографъ для роскошнаго печатанія соборныхъ актовъ.

Въ тоже время не забывается и простой народъ. Для возбужденія въ немъ благочестія, или вѣрнѣе сказать суевѣрія, устроиваются публичные діалоги между двумя монахами. Одинъ исполняетъ роль ученаго, проникнутаго свѣтомъ истины, другой невѣжды, отрицающаго все высокое и святое. Первый говоритъ по внушенію Духа Божія, второй произноситъ рѣчи, приличныя дьяволу. Побѣда конечно всегда остается за вѣрующимъ, а противникъ его со стыдомъ, пораженный, удаляется съ поля сраженія. Народъ толпами устремляется на эти представленія, но вѣра его, повидимому, отъ этого нисколько не усиливается. По крайней мѣрѣ съ достовѣрностію извѣстно, что значительное число молодыхъ римлянъ составляютъ адресъ, который намѣрены поднести епископамъ, когда тѣ будутъ засѣдать въ соборѣ. Адресъ

этотъ имѣетъ въ виду просить объ отмѣнѣ свѣтской власти папы и объ учрежденіи въ Римѣ новаго правительства, болѣе либеральнаго и согласнаго съ требованіями настоящаго времени.

Вопросъ о непогрѣшимости папы, волнуя духовенство, которaго преимущественно касается, оставляетъ довольно равнодушной массу свѣтской итальянской публики. Ее гораздо болѣе занимаетъ вопросъ, какъ соборъ захочетъ опредѣлить отношенія вѣрующихъ къ новому государству и къ прогрессу новѣйшей науки. Гражданская власть долго недоумѣвала, принять ей или нѣтъ участіе въ соборѣ, съ цѣлью помѣшать постановленію чего-либо противнаго ея интересамъ. Такого рода вмѣшательство по нашему мнѣнію, было бы въ высшей степени несправедливо и безтактно. Несправедливо потому, что государство, не допуская духовенство участвовать въ парламентскихъ преніяхъ, въ свою очередь должно воздерживаться отъ непрошеннаго вмѣшательства въ его дѣла. Безтактно потому, что оно какъ будто изобличало бы страхъ, который можетъ побудить самонадѣянныхъ противниковъ къ болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Франція первая поняла это и отказалась отъ всякаго вмѣшательства: должно надѣяться, что другія державы не замедлятъ послѣдовать ея примѣру.

Можетъ быть, было бы лучше и для итальянскаго общества вести себя въ этомъ случаѣ нѣсколько сдержаннѣе и не прибѣгать къ манифестаціямъ, подобнымъ той, какая устраивается въ Неаполѣ. Между тѣмъ какъ въ Римѣ идутъ вышеупомянутыя дѣятельныя приготовленія, въ Неаполѣ назначается, на 8-е декабря, съѣздъ либераловъ и «свободныхъ мыслителей», имѣющій въ виду парализировать дѣйствія вселенскаго собора. Во главѣ съѣзда стоитъ графъ Джузеппе Риччіарди, человѣкъ чрезвычайно благородный, пламенный патріотъ, но слишкомъ увлекающійся своей ненавистію къ духовенству и живущій постоянно въ области несбыточныхъ мечтаній. Его настоящее предпріятіе служитъ наилучшимъ тому доказательствомъ. Онъ собираетъ вокругъ себя «свободныхъ мыслителей» и либераловъ всѣхъ странъ, чтобъ отрицать и опровергать въ Неаполѣ все, что папа и св. отцы порѣшатъ въ Римѣ. Но если этотъ съѣздъ и состоится, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, то его постигнетъ та же участь, какъ и знаменитый конгрессъ мира; онъ обнаружитъ, что между «свободными мыслителями» далеко нѣтъ того единодушія, какимъ, къ сожалѣнію, отличаются ретрограды, и возбудитъ въ массахъ недовѣріе и къ своимъ силамъ, и къ правотѣ защищаемаго дѣла. Не лучше ли, какъ государству, такъ и обществу предоставить соборнымъ преніямъ идти своимъ чередомъ. Чѣмъ безумнѣе будутъ требованія духовенства, тѣмъ убѣдительнѣе докажутъ они несовмѣстимость церковныхъ интересовъ съ тѣмъ, что составляетъ неотъемлемое право государства. Такимъ образомъ будетъ разомъ положенъ конецъ усиліямъ тѣхъ, которые все еще мечтаютъ путемъ сдѣ-

-локъ и уступокъ достигнуть прочнаго союза между церковью, какъ она есть, и государствомъ. Клерикальная партія пріобрѣтетъ себѣ тогда новыхъ противниковъ, которые, присоединясь къ людямъ здраваго смысла, могутъ только ускорить торжество цивилизаціи.

D. G.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ.

Въ прошедшую весну мы имѣли въ Москвѣ первый археологическій съѣздъ, и для многихъ, еще до самаго его открытія, польза и вліяніе такого общенія ученыхъ по спеціальной отрасли науки оставались неразгаданными задачами, между тѣмъ какъ за границею, съѣзды сдѣлались необходимымъ орудіемъ для успѣшнаго развитія всякой науки. Не только мѣстные, но также и международные съѣзды доказали, какую пользу приносятъ они во всѣхъ наукахъ, а тѣмъ болѣе въ археологіи доисторической, потому что тѣсная связь этой отрасли археологіи съ геологіею и палеонтологіею, болѣе всѣхъ остальныхъ, вызываетъ потребность международнаго съѣзда. На немъ должны обсуждаться учеными всѣхъ странъ открытія, сдѣланныя въ отдѣльныхъ странахъ, и только совокупнымъ обсужденіемъ такихъ открытій доходятъ до поясненія тѣхъ общихъ законовъ природы, которые постепенно раскрываютъ намъ первоначальную исторію самого человѣчества. Часто отдѣльное открытіе, повидимому совершенно мѣстнаго характера, въ связи и въ сравненіи съ другими подобными открытіями, проливаетъ неожиданный свѣтъ на вопросы, оставшіеся еще неразгаданными. Лучшимъ доказательствомъ распространенія пониманія истинной пользы международныхъ конгрессовъ служитъ число собравшихся членовъ. На четвертомъ съѣздѣ въ Копенгагенѣ было болѣе 400 членовъ, между тѣмъ какъ пять лѣтъ тому назадъ въ Специи въ первый разъ сошлись только пять ученыхъ и положили основаніе такимъ международнымъ конгрессамъ.

Для русскихъ Копенгагенскій съѣздъ имѣлъ двойное значеніе. Кромѣ важности вопросовъ доисторической археологіи, составляющихъ предметъ занятій съѣзда, намъ предстояла возможность изучить великолѣпное собраніе скандинавскихъ древностей, необходимыхъ для поясненія первыхъ временъ нашей исторіи. Мы могли подробно разсмотрѣть многочисленные образцы того скандинавскаго стиля, кото-

рый такъ долго сохранялся на русскихъ памятникахъ, и только впослѣдствіи постепенно изгладился, уступая мѣсто возрастающему наплыву византійскаго вліянія. Сколько непонятныхъ для насъ предметовъ объясняются сравненіемъ съ подобными же предметами въ копенгагенскомъ собраніи? Сколько матеріаловъ для древняго быта Россіи? Но, оставивъ на время памятники, обратимся сперва къ самому конгрессу.

Первая встрѣча и первое знакомство членовъ между собою произошли въ самый день открытія, потому что списокъ прибывшихъ ученыхъ не былъ еще отпечатанъ и сталъ раздаваться только два дня спустя послѣ открытія. Всѣ собрались въ главную залу университета, изукрашенную флагами всѣхъ странъ міра. Напротивъ каѳедры съ надписью: Ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ, возвышалась королевская трибуна и стоялъ рядъ стульевъ для королевскаго семейства. Всѣ ученые явились гораздо ранѣе назначеннаго для открытія часа, чтобы свидѣться и познакомиться; каждому было любопытно узнать кого встрѣтишь на съѣздѣ. Самое значительное число членовъ изъ другихъ странъ было выставлено Франціею и Бельгіею: Катрфажъ, профессоръ антропологіи при ботаническомъ садѣ въ Парижѣ и членъ академіи; Бертранъ, редакторъ «Revue archéologique» и директоръ новаго музея въ Сен-Жерменѣ; Геберъ, профессоръ геологіи въ Сорбоннѣ; Анри Мартэнъ (Henri Martin), записанный въ спискѣ членовъ въ качествѣ историка,—неудачный изслѣдователь происхожденія славянскихъ племенъ; Опперть, истолкователь клинообразныхъ письменъ; Леузэнъ-Ледюкъ, писавшій о финскихъ племенахъ и издавшій въ прошломъ году финскую эпопею Калевали; Деллнасъ, знатокъ въ древнихъ тканяхъ и одеждахъ; Шпрингъ, профессоръ въ Люттихѣ, открывшій пещеру въ Шово (Chauveau) и слѣды людоѣдства; Дюпонъ, изслѣдователь бельгійскихъ пещеръ и директоръ городского музея въ Брюсселѣ. За этими учеными шла цѣлая вереница юныхъ геологовъ, съ неотразимымъ усердіемъ устремившихся къ изслѣдованію доисторическихъ древностей.

Швейцарія прислала Карла Фогта изъ Женевы, не только ревностнаго послѣдователя дарвинизма, но по преимуществу усерднаго и дѣятельнаго развивателя новой теоріи; все, что Дарвинъ не посмѣлъ высказать, то Фохтъ развилъ до крайнихъ предѣловъ. Несмотря на пережитое имъ, онъ сохраняетъ вѣчно юныя силы и вѣчно юное расположеніе духа, постоянно перемѣшивая ученое съ шутливымъ; онъ всегда готовъ недостатокъ доводовъ дополнить остротою. Изъ Нёвшателя пріѣхалъ профессоръ Десоръ (Desor), авторъ извѣстнаго труда объ Альпійскихъ горахъ, объ окаменѣлыхъ *echinides*, и остроумный изслѣдователь значенія ледяныхъ горъ въ доисторическихъ временахъ («Archives des sciences physiques et naturelles»).

Испанія была представлена въ лицѣ профессора Виланова, изъ Мадрита, и Тубино, издателя разныхъ популярныхъ сочиненій о вопросахъ доисторическихъ. Изъ Румыніи пріѣхалъ бывшій министръ Ободеско, составитель записки о румынскихъ произведеніяхъ на парижской выставкѣ.

Норвегія, Швеція и Данія, какъ страны, гдѣ почти болѣе всѣхъ остальныхъ занимались доисторическою археологіею, доставили на съѣздъ самое значительное число представителей, между которыми упомяну о профессорѣ Петерсонѣ изъ Христіаніи и о старикѣ Свенѣ Нильсонѣ, прозванномъ дѣдомъ доисторическихъ древностей. Почтенный ученый, несмотря на глубокую старость, продолжаетъ дѣятельно заниматься наукою, и не можетъ разубѣдиться въ своемъ предположеніи о финикійскомъ происхожденіи сѣверныхъ древностей. Въ числѣ сѣверныхъ ученыхъ мы встрѣтили также профессора барона фонъ-Дюбена изъ Стокгольма, изслѣдовавшаго черепá, открытые въ курганахъ и въ дольменахъ; профессора Севэ, истолкователя руническихъ надписей, и Виберга, отыскивающаго происхожденіе всѣхъ металлическихъ орудій Сѣвера въ торговыхъ сношеніяхъ древнихъ народовъ Греціи и береговъ Средиземнаго моря.

Между всѣми этими представителями науки, мы еще не упомянули о нѣмецкихъ ученыхъ, пріѣхавшихъ на конгрессъ. Ихъ положеніе, при всемъ радушіи датчанъ, было довольно неловкимъ, потому что не только нѣмцы, но и самый нѣмецкій языкъ старательно избѣгается каждымъ жителемъ; обратитесь на улицѣ по-нѣмецки къ первому встрѣчному, и онъ навѣрно отвѣтитъ по-датски, что не понимаетъ, а когда замѣтитъ, что и вы также не принадлежите къ ненавистной ему народности, то отлично объяснится съ вами по-нѣмецки. Несмотря на этотъ политическій оттѣнокъ, невольно вкравшійся въ Копенгагенскій конгрессъ, представители его изъ германцевъ были довольно многочисленны. Кромѣ Лиша изъ Шверина, Петерсона изъ Гамбурга, Шафгаузена изъ Бонна, прямо изъ Берлина пріѣхалъ Вирховъ, профессоръ и членъ прусскаго парламента. Хотя въ немъ политическій представитель преобладалъ надъ профессоромъ, но симпатическая его личность расположила къ себѣ даже самыхъ непримиримыхъ датчанъ. Другія страны, какъ Англія и Россія, не имѣли на съѣздѣ такого числа представителей, и сама Италія, колыбель доисторическихъ конгрессовъ, прислала только члена-основателя Капеллини, профессора Болонскаго университета, и Біонделли, директора Миланскаго музея. Старика Нильсона постоянно сопровождала его дочь, но и кромѣ этой женщины нѣкоторыя другія также участвовали въ конгрессѣ. Между ними въ особенности принимала живое участіе г-жа Месторфъ изъ Гамбурга, которой мы обязаны переводомъ сочиненій Нильсона и Виберa.

Ровно въ часъ началось открытіе съѣзда. Король прибылъ со всѣми членами семейства, съ королевою, наслѣднымъ принцемъ и его супругою. Предсѣдатель съѣзда Ворсо представилъ королю всѣхъ пріѣхавшихъ иностранныхъ членовъ, потомъ хоръ пропѣлъ шведскіе и датскіе гимны. Ворсо прочелъ краткую рѣчь, въ которой изложилъ ходъ и развитіе доисторической археологіи въ Даніи, и привѣтствовалъ прибывшихъ членовъ. На привѣтствіе Ворсо отвѣтилъ Картфажъ отъ имени всѣхъ иностранныхъ членовъ; потомъ опять запѣлъ хоръ, и всѣ прокричали «ура!» королю, первому вѣнценосцу, лично открывшему ученый съѣздъ. Этимъ закончена оффиціальная церемонія открытія.

Вечеромъ того же дня (27-го августа) вмѣсто перваго засѣданія, насъ собрали только для избранія вице-президентовъ и членовъ совѣта. По уставу, къ прежнимъ предсѣдателямъ съѣздовъ и основателямъ его. Капеллини и Десору, избрали кромѣ двухъ мѣстныхъ ученыхъ Стинструпа и Фенгера, еще семь вице-президентовъ, въ томъ числѣ Нильсона, Лиша, Картфажа и Фогта. Тутъ же при окончаніи выборовъ роздали программу засѣданій и предполагаемыхъ поѣздокъ, описаніе всѣхъ собраній Копенгагена, подробный планъ города и карту всѣхъ мѣстностей, которыя предположено осмотрѣть во время съѣзда.

Каждое утро занято съ 9-ти часовъ осмотромъ многочисленныхъ и любопытныхъ собраній Копенгагена, послѣ чего въ 12-ть часовъ начинается засѣданіе съѣзда. Этотъ ежедневный осмотръ тѣмъ болѣе важенъ, что служитъ фактическимъ подтвержденіемъ того, что предполагается на обсужденіе съѣзда. Сперва мы видимъ и изучаемъ памятники, а потомъ толкуемъ о нихъ. Но перейдемъ теперь къ описанію засѣданій.

Первое засѣданіе (28-го августа) было почти исключительно занято сообщеніемъ ученаго шведа Брузеліуса, директора лицея въ Истадѣ, о сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ надъ пониженіемъ и возвышеніемъ материковъ,—явленіе, объясняющее намъ измѣненіе земной поверхности во времена ледяного періода. При углубленіи гавани въ Истадѣ дошли до точныхъ признаковъ значительнаго пониженія материка въ этой мѣстности, и старались, посредствомъ сдѣланныхъ тутъ находокъ, опредѣлить время, когда произошло это пониженіе. Сперва напали на слой песку въ 5 или 10 футовъ толщины, въ которомъ, кромѣ обыкновенныхъ раковинъ, встрѣчались еще предметы XV или даже XVI вѣка, какъ-то: каменныя ядра, ружья, остатки потонувшихъ кораблей, но не нашли ни одного памятника каменнаго или бронзоваго вѣка, ни одной кости отъ допотопнаго животнаго. Подъ этимъ слоемъ песку находился не менѣе толстый слой торфа съ остатками погрузившагося лѣса: стволы деревьевъ съ корнями, между ними

раковины, улитки и насѣкомыя, доказывающія, что начало торфа сдѣлано прѣсною водою, а потомъ только начавшійся торфъ залитъ моремъ и засыпанъ морскимъ пескомъ. Подъ слоемъ торфа находился третій слой, глинистый, изъ голубоватой глины (argile), и на поверхности его нашли ножикъ и оконечность стрѣлы, сдѣланные изъ кремня (одинаковой формы съ такими же предметами, открываемыми въ скандинавскихъ странахъ), бронзовую палицу, по образцу открытыхъ въ Италіи (въ собраніи г. Местра въ Брюсселѣ находится превосходный образецъ такого орудія), и наконецъ рукоятку отъ ножа, рѣзанную изъ кости съ полуобронными круглыми украшеніями и оканчивающуюся въ видѣ змѣиной головы. Большинство присутствующихъ членовъ признали эту рукоятку за издѣліе IX или XI вѣка, между тѣмъ какъ иные относили ее даже къ VI вѣку. Всѣ предметы, лежавшіе на поверхности того глинистаго слоя, который составлялъ въ тѣ времена грунтъ, на которомъ выросъ лѣсъ, должны быть древнѣе образовавшагося торфа; отсюда видно, что торфъ сталъ образоваться только въ X-мъ столѣтіи, а 500 лѣтъ спустя, по случаю пониженія материка, залитъ моремъ и занесенъ пескомъ. При такомъ положеніи слоевъ, затрудненіе референта состояло въ томъ, что найденныя орудія каменнаго вѣка лежали на одной поверхности, на одномъ слоѣ съ рукояткою, неоспоримо новѣйшаго времени, чѣмъ эти орудія. Къ этому Брузеліусъ добавлялъ, что мѣстныя повышенія или пониженія материка замѣчаются и до новѣйшаго времени въ южной части Швеціи. Десоръ, сославшись на Нильсона, припомнилъ, что въ Сканіи одна мѣстность возвышается, между тѣмъ какъ другая опускается. Тоже самое подтвердилъ и Фогтъ, между тѣмъ какъ Геберъ хотѣлъ изъ толщины слоевъ вывести хронологическую послѣдовательность для измѣренія времени этихъ явленій. Пренія продолжались, но не могли дойти до окончательнаго результата, потому что мало было одного памятника, одной рукоятки отъ ножа для окончательнаго объясненія этой находки. Послѣ того показанъ былъ окаменѣлый зубъ слона, найденный въ главномъ городѣ Фіоніи, и слѣдовательно доказывающій, до какихъ сѣверныхъ границъ доходило прежде мѣстопребываніе этого южнаго животнаго. Ученый Лишъ добавилъ, что такой же окаменѣлый зубъ находился въ Ростокѣ между камнями мостовой. Капеллини замѣтилъ, что по этому, дурно сохранившемуся образцу слоноваго зуба, трудно съ точностію опредѣлить его породу; это можетъ быть и *elephas primigenius* и *elephas armeniacus*, въ особенности часто попадающійся въ Трансильваніи. На вопросъ г-на Гебера, въ какомъ именно пластѣ найденъ этотъ зубъ, секретарь Шмидтъ объяснилъ, что онъ открытъ въ песчаномъ слоѣ, который могъ быть и наноснымъ.

Назначенное на вечеръ засѣданіе было отложено, и слѣдующіе дни

посвящены: воскресенье—на осмотръ музеевъ, а понедѣльникъ (30-го августа) на поѣздку къ ближайшимъ Кёккенмеддингамъ (Kjokkenmoedding) или «кухоннымъ» остаткамъ.

Эти кучи кухонныхъ остатковъ, разбросанныя по берегамъ Даніи, служатъ памятниками древнѣйшихъ обитателей въ этой странѣ, хотя теперь нельзя ихъ уже болѣе признавать за самые древніе слѣды, оставленные человѣкомъ, потому что въ Англіи и на всемъ прибрежьи Средиземнаго моря нашли гораздо болѣе древніе слѣды пребыванія человѣка. Расположенные болѣе или менѣе обширными кучами на древнемъ берегу Каттегата, Кёккенмеддинги иногда отстоятъ далеко отъ теперешняго берега моря, какъ мы это видѣли въ Сёлагерѣ (Sölager), иногда же напротивъ лежатъ на днѣ морскомъ, какъ въ Сальтѣ, вѣроятно вслѣдствіе пониженія материка въ этомъ мѣстѣ. Вообще кухонные остатки образуютъ продолговатыя, обширныя кучи пустыхъ раковинъ, между которыми въ особенности многочисленны устрицы, улитки, *Miessmuschel*, *Harzmuschel*, *bucardes littorines*. Между черепками находятся кости различныхъ звѣрей, всѣ расколотыя въ длину для добытія мозга. Кромѣ того попадаются кости птицъ, черепахъ и рыбъ, и грубо обдѣланныя орудія изъ кости и кремня, какъ-то: ножи, долота, иглы, гребни, треугольные топорики и обломки грубой глиняной посуды. Кто бы подумалъ, что открытіе такихъ сорныхъ кучъ привело къ поясненію древнѣйшихъ временъ человѣчества, и что отсутствіе металлическихъ орудій въ Кёккенмеддингахъ неоспоримо удаляетъ ихъ начало до первыхъ временъ періода полированныхъ орудій, который послѣдовалъ за періодомъ сѣверныхъ оленей (âge du renne). Подобное изслѣдованіе находимыхъ въ нихъ костей принадлежитъ профессору Стинструпу, а первое хронологическое опредѣленіе времени, сколько мнѣ помнится, г-ну Морло, который относитъ за 4700 и до 7000 лѣтъ начало этихъ кучъ кухонныхъ остатковъ. Но именно на этомъ вопросѣ остановились поясненія науки, и два ученые датчанина, Стинструпъ и Ворсо, составляютъ двѣ противоположности въ рѣшеніи его; а потому совѣтомъ съѣзда постановлено, по возвращеніи изъ поѣздки въ Сёлагеръ, обсудить этотъ вопросъ на конгрессѣ.

Сёлагерскій Кёккенмеддингъ одинъ изъ самыхъ незначительныхъ, но по близости своей избранъ былъ цѣлью нашей поѣздки. До Росвальда мы отправились по желѣзной дорогѣ, оттуда на пароходѣ проѣхали фіордъ или заливъ до мѣстечка Еллинге, гдѣ насъ ожидали крестьянскія повозки, красивыя и удобныя, въ которыхъ мы проѣхали остальныя двѣ версты, до самаго Кёккенмеддинга. Прежній морской берегъ лежитъ довольно далеко отъ воды, и на высокой его отлогости, на обширномъ пространствѣ, очищенномъ отъ дерна, бѣлѣютъ остатки раковинъ и устрицъ. Издалека можно принять его за

известковую копь. Въ ширину всего мѣста, нарочно купленнаго королемъ у мѣстныхъ крестьянъ, была прорыта глубокая канава для удобнаго наблюденія слоевъ и состава кучи. Всѣ присутствовавшіе члены съ любопытствомъ стали копать и отыскивать между раковинами кости и каменныя орудія. Большая часть кучи состояла изъ устрицъ, отчасти уже истлѣвшихъ, а каменныя орудія и звѣриныя кости попадались немного ниже верхняго слоя, на глубинѣ почти полъ-аршина. Но настоящія орудія, ножи, долота и прочее встрѣчались довольно рѣдко; всѣхъ чаще попадались кремни, треугольные, отбитые такъ ловко, что составляютъ весьма удобный инструментъ, вмѣсто ножа, для раскрытія раковинъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ отыскали зубы и челюсти собачьи, которыя въ тѣ времена были единственнымъ домашнимъ животнымъ, а иногда, повидимому, употребляемы были также и въ пищу, въ чемъ убѣдился Стинструпъ, при внимательномъ осмотрѣ слѣдовъ человѣческихъ зубовъ на собачьихъ костяхъ.

На слѣдующій день (31-го августа), по возвращеніи съ осмотра Сёлагерскаго Кёккенмеддинга, было назначено обсужденіе обоихъ противныхъ мнѣній Стинструпа и Ворсо, но отсутствіе Стинструпа заставило приступить къ чтенію рефератовъ, и вниманіе членовъ на время отвлечено было отъ ожидаемаго обсужденія.

Г. Ружу извѣщалъ, что онъ въ окрестностяхъ Парижа нашелъ пещеры съ неоспоримыми слѣдами людоѣдства. Открытіе это, хотя не въ первый разъ заявленное, все-таки поразило присутствующихъ. Одни не желали распространяться объ этомъ, другіе напротивъ того, и во главѣ ихъ Фогтъ, вызывали люттихскаго профессора Шпринга на подробное изложеніе вопроса о людоѣдствѣ. Такое раздвоеніе мнѣній въ залѣ производило странное впечатлѣніе. Видно было, что многіе не довольно объективно относились къ вопросу до-историческаго времени и примѣняли къ нему наше современное воззрѣніе на это явленіе. Подъ этимъ впечатлѣніемъ взошелъ на каѳедру Шпрингъ, и сначала, какъ бы боязливо, коснулся своихъ открытій, но мало-по-малу первое впечатлѣніе въ немъ изгладилось, и онъ даже подъ-конецъ съ усмѣшкою доказывалъ людоѣдство нашихъ прародителей. Шпрингъ сперва разсказалъ, какъ въ 1823 году Шмерлингъ (Recherches sur les ossements fossiles) полагалъ, что нашелъ слѣды людоѣдства, какъ всѣ надъ нимъ тогда смѣялись, какъ самъ Шпрингъ, подъ вліяніемъ Шмерлинга, изслѣдовалъ извѣстную пещеру близъ Анжисъ (Engis), недалеко отъ Люттиха, и не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, какъ онъ подобные же слѣды людоѣдства нашелъ въ пещерѣ близъ Шово (grotte ou trou de Chauveau) и пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что людоѣдство существовало, но существовало, можетъ быть, какъ обрядъ религіозный. Съ человѣческими костями, которыя въ Анжисѣ и Шово встрѣчаются перемѣшан-

ными съ костями звѣриными, поступали совершенно одинаково, какъ съ этими послѣдними; онѣ были раздроблены въ длину и поджарены, какъ кости животныхъ, изъ которыхъ ѣли мозгъ. Несмотря на эти слѣды, Шпрингъ долго еще сомнѣвался, но изучая все болѣе и болѣе найденные слѣды, онъ все-таки приходилъ къ одному и тому же выводу. По свидѣтельству найденныхъ въ Шово костей, и по отсутствію между ними мамонтовыхъ или другихъ древнѣйшихъ животныхъ, Шпрингъ полагаетъ, что въ Шово людоѣдство происходило, сравнительно, въ менѣе отдаленное время, чѣмъ прежде можно было полагать. Дюпонъ подтвердилъ тоже самое и упомянулъ о двухъ пещерахъ, одной—изъ эпохи сѣверныхъ оленей, а другой, принадлежащей къ эпохѣ полированнаго камня, и въ обѣихъ находимы были слѣды людоѣдства. Самое же людоѣдство—Шпрингъ, по высказанному уже мнѣнію, *объясняетъ* религіознымъ обрядомъ, совершавшимся вслѣдствіе какихъ-нибудь вѣрованій. Надо еще добавить о найденныхъ костяхъ въ Шово, что всѣ онѣ принадлежали или молодымъ женщинамъ, или молодымъ мужчинамъ и даже девятилѣтнему ребенку. Подъ конецъ своего изложенія Шпрингъ такъ вдохновился своимъ открытіемъ, что весьма картинно объяснялъ, какъ, по его мнѣнію, происходилъ самый обрядъ людоѣдства. Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Шпрингомъ, Ворсо добавилъ, что и въ Даніи, въ гробницахъ, называемыхъ *Hünengräber*, онъ нашелъ подобные же слѣды людоѣдства—раздробленныя и поджаренныя кости. Вдобавокъ ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, Петерсенъ, гамбургскій библіотекарь, привелъ рядъ письменныхъ доказательствъ о существованіи людоѣдства во времена древнія, но не слишкомъ отдаленныя. Онъ привелъ свидѣтельства писателей отъ Геродота до блаженнаго Іеронима, и въ особенности указалъ на Ирландію, въ которой каннибализмъ сохранялся весьма долго. Сверхъ того Петерсенъ пояснилъ, что каннибализмъ не былъ потребностью, вызванною нуждою и голодомъ, но послѣдствіемъ религіознаго убѣжденія: вѣровали, что съ съѣденіемъ извѣстныхъ частей тѣла соединялся переходъ извѣстныхъ качествъ къ съѣвшему: сердце храбраго и сильнаго врага придавало храбрости, глазъ увеличивалъ зоркость. Этимъ сообщеніемъ окончено было утреннее засѣданіе, а того же дня, въ вечернемъ засѣданіи, французскій геологъ Геренъ (Guérin) изложилъ весьма подробно отчетъ о разныхъ находкахъ, сдѣланныхъ въ южной Франціи; боннскій профессоръ Шафгаузенъ прочелъ начало статьи, которую докончилъ въ другомъ засѣданіи, и по поводу его замѣчаній, коснулись, но весьма бѣгло, вопроса о рисункахъ, найденныхъ на костяныхъ предметахъ. Ворсо, въ доказательство подлинности рисунковъ, показалъ изображеніе ножа съ узорами, найденнаго 17 лѣтъ тому назадъ, когда еще никто не подозрѣвалъ, что возникнетъ сомнѣніе о древности этихъ предметовъ.

Фогтъ привелъ также нѣсколько доказательствъ подлинности рисунковъ на костяныхъ орудіяхъ.

Наконецъ, на утреннемъ засѣданіи 1-го сентября, произошло давно обѣщанное обсужденіе о времени происхожденія Кёккенмеддинговъ и отложенное до этого дня по болѣзни Стинструпа. Основаніе и труды для изслѣдованія этого вопроса наглядно выставлены въ Музеѣ сѣверныхъ древностей и въ зоологическомъ собраніи. Тутъ расположены всѣ кости различныхъ звѣрей, находимыя въ Кёккенмеддингахъ и въ торфяныхъ болотахъ Даніи, и подобраны по породамъ животныхъ. Сверхъ того, для удобнаго сравнительнаго изученія слѣдовъ, оставляемыхъ на костяхъ зубами различныхъ животныхъ и различныхъ способовъ, употребляемыхъ при раскалываніи костей, присоединили къ этимъ собраніямъ не только кости подобныхъ, еще встрѣчаемыхъ въ наше время животныхъ, но также и кости, расколотыя эскимосами и лапландцами для добыванія мозга, кости, обгрызанныя собаками обитателей сѣверныхъ странъ,—однимъ словомъ, все, что только можетъ разъяснить вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Даніи. Видя, до какой малѣйшей подробности Ворсо и Стинструпъ изслѣдовали кухонные остатки и могильныя насыпи, невольно изумляешься такой основательной и ученой обработкѣ вопроса. Съ такою подготовкою можно было ожидать окончательнаго рѣшенія, но пренія доказали противоположное. Оба ученые, прежде сотрудники въ одной и той же области, согласны въ главныхъ положеніяхъ вопроса о Кёккенмеддингахъ, но за тѣмъ они расходятся въ нѣкоторыхъ выводахъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ первый разъ напали на слѣды Кёккенмеддинговъ, и съ тѣхъ поръ болѣе чѣмъ въ 45 мѣстностяхъ отыскали подобныя кучи, совершенно одинаковаго устройства; самыя значительныя изъ нихъ расположены въ Ютландіи. Стинструпъ совершенно согласенъ съ Ворсо, что Кёккенмеддинги обозначаютъ мѣстожительства людей, питающихся охотою и ловлею рыбъ. Кромѣ рыбъ, эти люди ловили еще разныя устрицы и улитки, тщательно избѣгая тѣхъ устрицъ, которыя обыкновенно или водятся у самаго берега или выкидываются моремъ, такъ что эту ловлю несомнѣнно производили на извѣстномъ разстояніи отъ берега. Постоянное пребываніе жителей на этихъ мѣстахъ доказывается тѣмъ, что въ Кёккенмеддингахъ находятъ рога оленей, ланей и челюсти молодыхъ животныхъ въ разныхъ степеняхъ развитія; а такъ какъ всѣ породы оленей ежегодно теряютъ рога, то по величинѣ роговъ можно опредѣлить, въ какомъ именно мѣсяцѣ убили и съѣли пойманнаго животнаго. Къ этому можно добавить, что древніе обитатели неоспоримо были весьма ловкіе и отважные охотники, потому что въ кухонныхъ остаткахъ попадаются также кости большихъ и дикихъ звѣрей, какъ *bos primigenius*, медвѣдя, рыси, волка, кабана и оленя. Но никогда доселѣ,

замѣтилъ Стинструпъ, не нашлись кости сѣвернаго оленя или лося. Изъ птицъ, древніе обитатели питались дикими лебедями, гусями, утками, глухарями и большими пингуинами (*alka impennis*). Самое время пребыванія этихъ обитателей близъ Кёккенмеддинговъ можетъ отчасти опредѣлиться посредствомъ разныхъ соображеній. Въ древнѣйшія времена, Данія, по свидѣтельству торфяныхъ болотъ, покрыта была соснами (pinus sylvestris), которыя впослѣдствіи уступили мѣсто дубамъ, а эти, въ свою очередь, замѣнены буками. Глухари, питающіеся сосновыми шишками, водились вмѣстѣ съ первобытными быками во время существованія сосновыхъ лѣсовъ; слѣды этихъ быковъ не только были найдены въ торфяныхъ слояхъ между сосновыми пнями, но даже открыли остатки подобнаго быка, и на томъ мѣстѣ, гдѣ находился его желудокъ, лежала кучка сосновыхъ иглъ. Отсюда видно, что сосновые лѣса были современны Кёккенмеддингамъ. Люди, накоплявшіе эти кучи кухонныхъ остатковъ, не знали еще употребленія металловъ, а дѣлали свои различныя орудія изъ кости, дерева или кремня, грубо-обтесаннаго. Но вмѣстѣ съ этими грубо-обтесанными орудіями попадаются иногда, хотя весьма рѣдко, орудія изъ песчаника, грюнштейна или кремня, хорошо отшлифованныя; и эти именно находки возбудили разногласіе между Стинструпомъ и Ворсо. Первый изъ нихъ полагаетъ, что народъ Кёккенмеддинговъ одинъ и тотъ же, что́ народъ могильныхъ насыпей, гробницъ гунновъ (Hünengräber) и дольменовъ, потому что онъ имѣлъ извѣстную степень развитія, доказанную умѣньемъ заготовлять шлифованныя орудія, коихъ рѣдкость въ Кёккенмеддингахъ объясняется самымъ происхожденіемъ этихъ кучъ сора и выброшенныхъ остатковъ. Между тѣмъ въ гробницахъ своихъ тотъ же народъ клалъ тѣ отлично обдѣланныя каменныя орудія, изяществу которыхъ мы теперь еще удивляемся. Въ самомъ же устройствѣ дольменовъ изъ большихъ отвѣсно-наставленныхъ каменныхъ плитъ, Стинструпъ видитъ древнѣйшія жилища этого народа. Ворсо, напротивъ того, относитъ, судя по отдѣлкѣ каменныхъ орудій, Кёккенмеддинги и гробницы гунновъ къ двумъ различнымъ временамъ одного и того же каменнаго періода; Кёккенмеддинги принадлежали къ началу его, когда не умѣли еще хорошо обработывать камень, а гробницы гунновъ—къ концу этого же періода, потому что въ нихъ иногда попадаются даже предметы бронзовые, между тѣмъ какъ въ Кёккенмеддингахъ никогда не находимо было никакого слѣда металлическаго предмета. Ворсо не можетъ допустить предположенія, что дольмены служили жилищами, и добавляетъ, что самыя орудія, находимыя въ нихъ, рѣзко отличаются отъ орудій Кёккенмеддинговъ, и напротивъ того очень схожи съ орудіями, находимыми въ пещерахъ Перигора (Perigord), принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ эпохѣ сѣверныхъ оленей. Ворсо видитъ также большое различіе въ звѣряхъ; въ дольме-

нахъ, кромѣ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, встрѣчаются иногда лошадиныя кости, которыя никогда не попадаются въ Кёккенмеддингахъ. Въ заключеніе Ворсо замѣтилъ, что доселѣ ошибочно предполагали, что населеніе Европы шло изъ сѣвера на югъ; надо на оборотъ признать, что развитіе пришло съ юга, съ береговъ Средиземнаго моря, и что сѣверныя страны, въ томъ числѣ Данія, были населены позднѣе юга, что подтверждается отсутствіемъ въ Даніи всякихъ слѣдовъ эпохи сѣверныхъ оленей, а далѣе на сѣверъ въ Лапландіи и Финляндіи не встрѣчается даже каменныхъ орудій грубой, первоначальной отдѣлки, подобныхъ орудіямъ, находимымъ въ южныхъ долинахъ Соммы и Мансанареса. Изъ сѣвера и сѣверо-востока ничего не было принесено въ Данію, потому что всѣ доселѣ найденныя въ Россіи каменныя орудія совершенно другой формы и отдѣлки чѣмъ скандинавскія. Стинструпъ не могъ отрицать совершеннаго отсутствія металлическихъ орудій въ Кёккенмеддингахъ, но обратилъ вниманіе на отдѣлку костяныхъ орудій. По его мнѣнію, костяные предметы слишкомъ нѣжно обработаны, поверхность ихъ слишкомъ гладкая, какъ бы отполированная, чтобы допустить, что дошли до такого совершенства безъ помощи металлическихъ инструментовъ или, по крайней мѣрѣ, безъ полированныхъ каменныхъ орудій. Стинструпъ остался при своемъ мнѣніи, но большинство членовъ, повидимому, склонилось на сторону Ворсо. Къ дальнѣйшему поясненію эпохи дольменовъ, нашъ соотечественникъ, П. И. Лерхе, сообщилъ весьма любопытныя свѣдѣнія о подобныхъ памятникахъ на югѣ Россіи, въ которыхъ находились не только бронзовыя, но даже и желѣзныя вещи. Десоръ также привелъ доказательства, что народъ дольменовъ былъ гораздо образованнѣе народовъ Кёккенмеддинговъ, причемъ Бертранъ старался свести оба мнѣнія, расширяя продолжительность этого каменнаго періода, но не могъ дойти ни до какого положительнаго доказательства сближенія двухъ различныхъ образованностей. При этомъ Шафгаузенъ напомнилъ разсказы путешественниковъ, о какомъ-то племени Венгала, которое доселѣ еще воздвигаетъ могильные памятники въ родѣ древнихъ дольменовъ. Засѣданіе окончилось сообщеніемъ барона Дюкера о пещерахъ Вестфаліи.

Вечеромъ этого же дня всѣ члены приглашены были въ театръ на особое представленіе, въ честь бракосочетанія наслѣднаго принца. При появленіи королевскаго семейства весь театръ запѣлъ датскій гимнъ, сочиненный для этого случая; всѣмъ знающимъ датскій языкъ розданы были печатанные экземпляры этого гимна, по которымъ они пѣли при акомпаниментѣ всего оркестра. Затѣмъ начался балетъ, заимствованный изъ скандинавской миѳологіи и обставленный съ величайшею археологическою точностію; видно было, что разсчитывали на публику, состоящую изъ археологовъ.

На слѣдующій день (2-го сентября), утромъ, засѣданіе открылось опять воспоминаніемъ о Кёккенмеддингахъ. Катрфажъ разсказалъ о существованіи фальшиваго Кёккенмеддинга близъ S. Michel-en-l'Airne, состоящаго изъ такого же накопленія морскихъ раковинъ близъ древней гавани, но накопленія, составленнаго моремъ безъ помощи человѣка. Хотя въ этой кучѣ нечаянно нашли монеты короля Пепина, но никогда не нападали на слѣды каменныхъ или другихъ орудій. Сообщая объ этой мѣстности, Катрфажъ въ особенности хотѣлъ обратить вниманіе на необходимость съ осторожностію опредѣлять, что̀ настоящіе кухонные остатки, и что̀ накопилось одними морскими волнами. За нимъ молодой геологъ Казалисъ-де-Фондузъ, передавая свѣдѣнія о пещерахъ въ Атналь, во Франціи (департаментъ du Gars), коснулся вопроса о переходной эпохѣ отъ каменнаго періода къ бронзовому, потому что въ этихъ пещерахъ найдены памятники и того и другого времени. Переходная эпоха составляетъ вопросъ еще не вполнѣ уясненный, такъ какъ границы обоихъ періодовъ недостаточно рѣзко еще опредѣлены сдѣланными доселѣ открытіями. Во-первыхъ, стали-ли въ одно и тоже время употреблять безъ различія бронзу и мѣдь, какъ полагалъ Бертранъ; или сначала обработывали чистую мѣдь, и только спустя извѣстное время дошли до состава бронзы? На сѣверѣ, какъ и на югѣ, встрѣчаются орудія изъ чистой мѣди, и орудія изъ бронзы. Несмотря на мнѣнія разныхъ ученыхъ, которые по очереди объясняли выводы свои, основанные на открытіяхъ, вопросъ не могъ дойти до окончательнаго разъясненія. При этомъ П. И. Лерхе показалъ образцы извѣстныхъ бронзовыхъ стрѣлъ, находимые въ разныхъ полосахъ южной и средней Россіи, — тѣхъ стрѣлъ, о которыхъ г. Максимовичъ доставилъ изслѣдованіе на Московскій съѣздъ. Между прочимъ, по мнѣнію ученыхъ, отличительнымъ признакомъ бронзоваго періода на сѣверѣ служатъ различные рисунки, выдолбленные на скалахъ скандинавскихъ странъ. Объ этихъ изображеніяхъ Скандинавіи писали Гильдебрандтъ, Бруніусъ и Гельмбергъ. Лоранжъ показалъ рисунки съ окрестностей Фридериксгольда, а Нильсонъ указалъ на такія же изображенія въ Сканіи. На нихъ представлены, кромѣ людей и звѣрей, большое количество лодокъ и кораблей, чѣмъ доказывается, что эти рисунки принадлежатъ народу, занимавшемуся мореплаваніемъ. Такія же изображенія встрѣчаются на скалахъ и въ Россіи, но они представляютъ народъ съ другими нравами и съ другими занятіями. На скалахъ въ Перми и въ Сибири, изображены стада, пастухи, какія-то дѣйствія или битвы, и хотя смыслъ этихъ изображеній весьма неясенъ, но все-таки достаточно указываетъ, что народъ, сдѣлавшій эти изображенія, занимался охотою и скотоводствомъ. При чемъ любопытно замѣтить, что ни на одномъ изъ этихъ изображеній не встрѣчается ни

лодки, ни корабля, какъ на датскихъ и шведскихъ изображеніяхъ. Подобные же рисунки существуютъ также близъ Монако, на скалахъ вокругъ озера, извѣстнаго подъ именемъ Lac des merveilles, также и въ Англіи, какъ описалъ ихъ Симсонъ, по замѣчанію Десора. Но нѣкоторые ученые полагали, что изображенія человѣческихъ фигуръ не могутъ принадлежать къ бронзовому періоду, противъ чего возставалъ Десоръ. Къ сожалѣнію, рѣшеніе этого вопроса не обсуждалось далѣе, по случаю вмѣшательства датскаго любителя древностей, который предложилъ, но былъ во-время остановленъ, доказать, что употребленіе желѣза предшествовало употребленію бронзы. Остальное обсужденіе памятниковъ бронзоваго періода отложено до вечерняго собранія.

Вечернее собраніе открылось докладомъ Виланова о сочиненіяхъ и трудахъ въ Испаніи, съ 1845 года, по части доисторическихъ наукъ. Не останавливаясь долго на докладѣ Виланова, мы упомянемъ только о сочиненіи Гонгоры объ испанскихъ дольменахъ (Antiguedales prehistoricas de Andalucia. Madrid, 1868), замѣчательномъ по изображенію найденныхъ памятниковъ, а затѣмъ обратимся къ новому предмету, который неожиданно сосредоточилъ на себя вниманіе членовъ. Оканчивая свой докладъ, Вилановъ показалъ фотографіи, снятыя съ стараго испанца, служащаго любопытнымъ образцомъ микрокефализма. При этихъ словахъ, лицо Фогта просіяло, онъ попалъ на любимый предметъ и кинулся на каѳедру объяснять свое мнѣніе о микрокефалахъ. Микрокефалъ или человѣкъ-обезьяна, говорилъ онъ, представляетъ случай пріостановки развитія человѣка; низкій лобъ и весь очеркъ черепа болѣе походитъ на черепъ обезьяны, чѣмъ на черепъ нормально развитого человѣка. Эти признаки пріостановки виднѣе въ зрѣлыхъ лѣтахъ, чѣмъ у дѣтей; тутъ различіе ребенка-микрокефала отъ нормальнаго ребенка не такъ ярко выдается ни въ формѣ черепа, ни въ умственныхъ способностяхъ; отъ того эти двѣ точки исхода болѣе приближены между собою, чѣмъ въ послѣдующихъ возрастахъ. Для нагляднаго доказательства Фогтъ поставилъ четыре точки и провелъ между ними линіи, прибавивъ, что точка пересѣченія этихъ двухъ непараллельныхъ линій показываетъ, что было время, гдѣ онѣ имѣли одну общую точку исхода. Если сдѣлать тоже самое сравнительно съ молодымъ шимпанзе и съ старою обезьяною, то и тутъ увидите точку пересѣченія обѣихъ линій. Отсюда онъ заключаетъ, что человѣкъ и обезьяна имѣли одинъ общій источникъ, и что еслибы нашли окаменѣлый образецъ такого существа, то увидѣли бы, что это первоначальное существо не было бы ни совершенный человѣкъ, ни совершенная обезьяна, а какое-то среднее существо, къ которому приближаются микрокефалы, потому что природа, останавливаясь въ этихъ случаяхъ въ ходѣ обыкновеннаго развитія, представляетъ какъ бы

воспоминаніе первоначальнаго существа. Такимъ образомъ, въ лошадяхъ и въ другихъ животныхъ встрѣчаются иногда такія же возвратныя воспоминанія первоначальнаго существа; есть примѣры лошадей, которыя вмѣсто копыта имѣютъ что-то въ родѣ пальца. Эти слова Фогта вызвали на каѳедру Катрфажа; онъ удивился, какимъ образомъ Фогтъ однимъ исключительнымъ случаемъ хочетъ подтвердить всю теорію Дарвина; какимъ образомъ онъ можетъ назвать возвратомъ къ первоначальной формѣ отдѣльные патологическіе случаи, доказывающіе болѣзненную, уродливую пріостановку нормальнаго развитія, и ничего больше. Придерживаясь мнѣнія Фогта, человѣкъ, родившійся безъ рукъ, былъ бы воспоминаніемъ о сходствѣ человѣка съ морскими тюленями или фоками; отсутствіе обѣихъ рукъ означало бы возвращеніе къ первоначальному плавательному снаряду человѣка-тюленя, къ плавательнымъ перьямъ или плавнямъ. Но когда рождается ребенокъ съ одною только рукою, ужели и тогда эта уродливость есть доказательство возвращенія природы къ первоначальной формѣ, слѣдовательно къ морскому тюленю съ однимъ только плавательнымъ перомъ. Вслѣдствіе мнѣнія г. Фогта, надо признать патологическій случай сросшихся сіамскихъ близнецовъ за воспоминаніе первоначальной формы человѣка. Хотя Фогтъ на это остроумно отвѣтилъ, что два сросшіеся тюленя, хранимые въ зоологическомъ кабинетѣ въ Копенгагенѣ, такіе же сіамскіе близнецы; но все-таки въ этотъ день теорія Дарвина пріобрѣла мало приверженцевъ, и вся зала рукоплескала ловкой критикѣ Катрфажа. Удалившись не надолго отъ предмета нашихъ прямыхъ занятій, мы снова приведены были барономъ фонъ-Дюбеномъ, профессоромъ анатоміи въ Стокгольмѣ, къ обитателямъ Кёккенмеддинговъ и дольменовъ. По просьбѣ членовъ, онъ сообщилъ свое мнѣніе о черепахъ, открытыхъ въ Даніи, въ сравненіи съ черепами Швеціи. Къ сожалѣнію, Вирховъ не присутствовалъ при этомъ засѣданіи, потому что былъ на обѣдѣ, данномъ въ честь его.

Важность изслѣдованій профессора фонъ-Дюбена неоспорима для разрѣшенія вопроса о породѣ племенъ, издревле населявшихъ скандинавскія страны. При отсутствіи точныхъ историческихъ данныхъ, этотъ вопросъ разрѣшается отчасти по сохранившимся остаткамъ просвѣщенія и языка; но эти остатки могутъ принадлежать и не однимъ первоначальнымъ обитателямъ, а другимъ, впослѣдствіи только населившимъ тѣ же мѣстности; между тѣмъ какъ изслѣдованія тѣлосложенія и въ особенности формы черепа, происходя наслѣдственно, предпочитаются анатомами всякимъ другимъ доказательствамъ. Хотя наука теперь отодвинула гораздо дальше происхожденіе первоначальныхъ обитателей Европы, но отъ этого самое ихъ происхожденіе не стало намъ яснѣе, и вопросъ объ немъ отнюдь не разъяснился болѣе

прежняго, потому что отъ позднѣйшаго родового смѣшенія племенъ между собою, первоначальныя отличительныя черты каждаго изъ нихъ отчасти изгладились, отчасти образцы череповъ древнѣйшихъ эпохъ встрѣчаются тѣмъ рѣже, чѣмъ далѣе мы углубляемся въ эту древность. Доселѣ полагали, и даже не смѣли сомнѣваться, что первоначальные обитатели Европы принадлежали къ племени, схожему съ лапландцами, съ маленькими круглыми головами, и что это именно племя покорено было впослѣдствіи индо-германскимъ племенемъ, отличавшимся большими, длинными черепами. Многіе еще твердо вѣрятъ въ это мнѣніе и не хотятъ разубѣдиться примѣрами, встрѣчающимися во многихъ краніологическихъ собраніяхъ, хотя, какъ замѣтилъ фонъ-Дюбенъ, самое это первоначальное мнѣніе основано было ошибочно на одной случайности. Два первые черепа, найденные въ такъ-называемыхъ гробницахъ гунновъ, памятникахъ каменнаго періода, принадлежали къ разряду маленькихъ и круглыхъ, что́, какъ теперь доказано, составляетъ случайное исключеніе между черепами этихъ могилъ. Напротивъ того, фонъ-Дюбенъ полагаетъ, что черепа каменнаго періода въ Даніи совершенно одного сложенія, какъ черепа въ Швеціи того же времени. Вообще древніе обитатели были средняго роста съ немного-вогнутыми голенями, какъ доказала бо́льшая часть находокъ. Черепъ расположенъ къ удлинненію; часть у бровей сильно развита; задняя часть черепа также сильно выдается; швы костей перепутаны и зубчаты, носъ большой и острый; скулы широки и обращены впередъ; яремная кость очень округлена и сильно развита; зубы истерты до самыхъ десенъ, даже у молодыхъ субъектовъ. Эта порода повидимому и доселѣ сохранилась между теперешнимъ народонаселеніемъ, но черепа̀ каменнаго періода длиннѣе въ сравненіи съ шириною, менѣе высоки и слѣдовательно менѣе объемисты; передніе зубы кривы и выдаются впередъ, между тѣмъ какъ теперь они стоятъ прямо; кости у бровей также не такъ сильно выдаются какъ прежде. Касательно этой послѣдней черты, которая придавала лицу какое-то звѣрское выраженіе, надо сказать, что въ копенгагенскомъ зоологическомъ собраніи показываютъ два замѣчательные образца. Одинъ черепъ найденъ въ Борреби въ гробницѣ и описанъ Бускомъ, Лауелемъ и другими, и очень похожъ на извѣстный черепъ изъ Неандерталя. Другой черепъ — Кай Ликке, извѣстнаго жителя Копенгагена, по политической его роли въ послѣдней половинѣ XVII вѣка, и котораго признавали въ свое время за красивѣйшаго мущину всей Даніи. Выдающіяся мѣста бровей его черепа совершенно одинаковы въ этомъ отношеніи съ черепомъ каменнаго періода изъ Борреби. Вмѣстѣ съ этою длинно-головою породою, еще схожею съ большинствомъ обитателей Швеціи и Даніи, встрѣчается еще другой родъ че-

реповъ маленькихъ, круглыхъ и короткихъ, также съ кривыми зубами, и напоминающій теперешнихъ лапландцевъ; но полнаго съ ними сходства фонъ-Дюбенъ не рѣшается еще утверждать за неимѣніемъ достаточнаго числа такихъ образцовъ. Къ этимъ двумъ породамъ Фогтъ хотѣлъ еще причислить третью породу, въ родѣ череповъ Швейцаріи, но фонъ-Дюбенъ съ нимъ не согласился, полагая, что это третье различіе (съ прямыми зубами) есть только видоизмѣненіе первой породы долихокефаловъ. Затѣмъ позднее время принудило закрыть засѣданіе и отложить всѣ оставшіяся занятія до слѣдующаго послѣдняго засѣданія.

Въ этомъ послѣднемъ засѣданіи слѣдовало: окончаніе обсужденій о бронзовомъ вѣкѣ, потомъ изслѣдованія о желѣзномъ вѣкѣ, — всего до семнадцати ученыхъ трудовъ, которые всѣ должны были занять три часа времени. Вслѣдствіе такого краткаго времени, часть ученыхъ изложила бѣгло свои замѣчанія, другая часть довольствовалась передачею предсѣдателю съѣзда Ворсо заявленныхъ рукописей. Ровно въ три часа Ворсо взошелъ на каѳедру, поблагодарилъ съѣхавшихся ученыхъ и закрылъ съѣздъ, объявивъ, что въ будущемъ 1870 году пятый съѣздъ соберется въ Болоньѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Гоццадини. Въ тотъ же день всѣ члены приглашены были на обѣдъ къ королю, который пилъ за здоровье иностранцевъ, собравшихся на съѣздъ и пожелалъ дальнѣйшаго успѣха развитію археологическихъ наукъ.

Гр. А. Уваровъ.

Сентябрь, 1869.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

НОЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ъ мрака къ свѣту. Романъ *Шпильгагена*. Въ четырехъ частяхъ. Спб. 1870.

жду (?) молотомъ и наковальней. Романъ въ грехъ частяхъ. *Фр. Шпильгагена.*

Такъ-называемый языкъ боговъ, мѣрная поя съ ея изяществомъ формы, все болѣе и бо- уходитъ на заднiй планъ въ новѣйшихъ юпейскихъ литературахъ. Одни приписываъ это тому, что не является крупныхъ поэъ; другіе идутъ далѣе, говоря, что время ысокой поэзіи» прошло и прошло потому, спросъ на нее самый ничтожный. Въ то мя, какъ люди, называющіе себя «истинны- жрецами искусства», уединяются въ круж- плача надъ смѣшеніемъ понятій новаго врети, масса справляетъ тризну по великимъ тамъ, не заглядывая ни въ Данте, ни въ іоста, ни въ Камоэнса, ни въ Мильтона, и дпочитая имъ современниковъ своихъ, иногсъ эфемерной извѣстностію; если мы будемъ ровенны, то даже образованная часть общеа должна будетъ сознаться, что названныхъ икихъ поэтовъ она не читала, довольствуясь и свѣдѣніями о нихъ, какія пріобрѣла въ лѣ; мы не удивимся, если грядущее покоіе назоветъ скучными Иліаду и Одиссею и найдетъ у себя настолько терпѣнія, чтобъ лѣть ихъ отъ начала до конца. Стихотворная форма дѣлается погремушкою въ рукахъ забавниковъ; реалисты преслѣдуютъ ее насмѣшками, говоря, что она служитъ сплошь и рядомъ къ закрытію своимъ изящнымъ покрываломъ безсмыслія, и «презрѣнная проза» начинаетъ господствовать. Мы не хвалимъ и не порицаемъ этого явленія, а только констатируемъ фактъ, который отрицать невозможно. Объясненіе его главнымъ образомъ можно искать въ потребностяхъ нашего времени: служить массѣ—въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ. Пластическое искусство оставляетъ боговъ; наука не прячется въ кабинетахъ и броcаетъ свой неуклюжій, непонятный массѣ языкъ; «высокая поэзія», спустившись съ облаковъ, забываетъ тамъ свою форму и всѣ подраздѣленія свои на роды и виды. Еслибъ не хрестоматіи, съ безпримѣрнымъ усердіемъ представляющія образцы эпоса, оды, баллады, романса, эклоги, идилліи, то масса и о нихъ давно бы забыла, благодаря роману, который не только смѣшалъ и поглотилъ въ себѣ эти подраздѣленія, но бросился въ такія области, которыя еще не такъ давно составляли исключительную собственность философіи, психологіи, юриспруденціи, политической экономіи, медицины и другихъ наукъ. Неудивительно, что эта форма литературныхъ произведеній дѣлается любимицею производителей и потребителей: по самой своей без-

предѣльности, она можетъ удовлетворить всѣ вкусы. Если вы желаете ужасовъ и «уголовщины», передъ вами бездна романовъ съ подобнымъ содержаніемъ; желаете вы вѣрнаго изображенія жизни, тихаго теченія событій, которое не столько бы возбуждало васъ, сколько усыпляло—въ сокровищницѣ романовъ вы найдете для себя пригодную пищу; желаете вы поученія, яркихъ образовъ лучшихъ людей, которые соединяютъ въ себѣ высокія стремленія къ идеалу гражданственности и новому экономическому порядку; желаете вы изображенія страстей, психологическихъ этюдовъ, разработки философскихъ вопросовъ, вопросовъ юридическихъ, гигіеническихъ, медицинскихъ, даже геологическихъ—романъ и тутъ сослужитъ вамъ службу, конечно далеко не всегда вѣрную службу, но по крайней мѣрѣ съ полною готовностію отвѣчать на ваши вопросы по мѣрѣ силъ. Такимъ образомъ, романъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ популярной энциклопедіи, принаровленной для всѣхъ степеней развитія, и производители находятъ возможность предлагать его столь же разныхъ достоинствъ, рисунковъ и цвѣтовъ, какъ ситецъ.

Было бы любопытно показать вліяніе романа на массы, хотя подобный этюдъ представилъ бы значительныя трудности, такъ какъ нельзя съ точностію отдѣлить вліяніе романа отъ вліяній другого рода. Но не подлежитъ сомнѣнію, что замѣчательный романистъ много вноситъ въ сознаніе своихъ современниковъ, давая имъ въ опредѣленныхъ образахъ то, что ими предчувствуется, что существуетъ въ ихъ представленіяхъ въ видѣ полунамековъ и полудогадокъ. Потому-то современному романисту недостаточно быть художникомъ и недостаточно быть просто образованнымъ человѣкомъ. Романистъ съ большимъ талантомъ — только подобныхъ писателей мы и имѣемъ въ виду — не только историкъ своего времени, но онъ намѣчаетъ пути, по которымъ человѣчество идетъ къ своему счастію, и тѣ типы, которымъ принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, ближайшее будущее. Можно насчитать довольно много «вліятельныхъ» романовъ, написанныхъ людьми почти безъ всякаго художественнаго дарованія, но обладавшими большимъ умомъ и образованіемъ; при помощи одного развитого ума, имъ удавалось создать нѣчто въ родѣ типовъ, которые жили довольно долго. Понятно изъ этого примѣра, какъ важно для даровитаго романиста стоять на одномъ уровнѣ съ самими развитыми людьми своего времени, если, конечно, онъ смотритъ серьезно на свое призваніе. Въ этомъ отношеніи за нѣмецкими романистами едвали не остается пальма первенства: они не только вполнѣ образованные люди, но обладаютъ и техническими знаніями. Они понимаютъ, что при современномъ рабочемъ, трудовомъ направленіи общества, когда приходится брать и героевъ изъ этой среды, нельзя создать современнаго типа, если самъ не знакомъ съ предметомъ той спеціальности, которой посвящена жизнь героя. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобъ обременять романъ техническими свѣдѣніями, а въ томъ, что извѣстная среда и извѣстная дѣятельность кладетъ на человѣка свои неизгладимыя черты и сообщаетъ его мыслямъ и характеру извѣстный строй. Вслѣдствіе такого добросовѣстнаго отношенія къ своему призванію, въ нѣмецкихъ романахъ вы встрѣтите массу полезныхъ практическихъ замѣчаній, которыя нисколько не вредятъ художественному строю романа, если писатель обладаетъ тактомъ. Съ другой стороны, нѣмецкіе писатели имѣютъ ту выгоду передъ писателями другихъ странъ, что отечество ихъ, населенное племенемъ, говорящимъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, имѣющимъ одну и ту же литературу, раздѣлено на нѣсколько государствъ. Тѣмъ, чего не могутъ захватить въ область своихъ романовъ ни французскій, ни англійскій романисты, при всей свободѣ печати, существующей въ этихъ странахъ, нѣмецкій романистъ пользуется привольно. Ему достаточно сказать, что дѣйствіе происходитъ въ Германіи, въ столичномъ городѣ, гдѣ живетъ король съ своимъ дворомъ,—и передъ нимъ открывается широкая рама, въ которую онъ вставляетъ всѣхъ представителей общества, начиная съ ремесленника и кончая королемъ. Для рѣшенія жгучихъ вопросовъ, которыхъ касается современный нѣмецкій романъ, такая рама совершенно необходима и удесетеряетъ силы писателя и его вліяніе. Все это взятое вмѣстѣ и другія причины, которыя укажемъ ниже, объясняетъ большой успѣхъ, который имѣютъ въ русскомъ обществѣ романы такихъ писателей, какъ Ауэрбахъ и Шпильгагенъ. Романы послѣдняго «Загадочныя натуры» и продолженіе его «Изъ мрака къ свѣту» имѣютъ

мясь еще то значеніе, что типы, выведенные въ нихъ, имѣютъ не очень отдаленное сходство съ нашими людьми сороковыхъ годовъ, съ нашими разочарованными, какъ выразились они въ жизни и въ романахъ Лермонтова, Тургенева, Герцена и Гончарова.

Въ Германіи была своя пора реакціи, когда натурамъ избраннымъ жилось не очень хорошо. Конечно, эта пора не можетъ идти въ сравненіи съ тѣмъ, чему были мы свидѣтелями дома, тѣмъ не менѣе она порождала постоянныя противорѣчія между стремленіями духа, стремленіями идеальнѣйшей философіи и дѣйствительностію, и губила людей, которые не умѣли ограничить себя и удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ удовлетворялись сотни тружениковъ. Эти даровитые люди настолько же отличались отъ нашихъ людей сороковыхъ годовъ, насколько нѣмецкая среда отличалась отъ русской и насколько нѣмецкая философія глубже и шире понималась на своей родинѣ, чѣмъ у насъ. Стремленія первыхъ были гораздо шире, но ихъ широта была неопредѣленна, или лучше сказать, безпредѣльна. Они стремились къ добру и истинѣ, но не хотѣли или не могли, вслѣдствіе особенностей своей природы, принять условія дѣйствительности. Надѣленные необыкновенной впечатлительностію, они алчно бросались за всякое дѣло, но немедленно бросали его, какъ только убѣждались, что у дѣла есть начало и конецъ, что дальше извѣстныхъ предѣловъ идти нельзя. Они смотрѣли на людей и вещи подъ тѣмъ освѣщеніемъ, которое давала имъ ихъ разгоряченная фантазія; но ближе знакомство съ дѣйствительностію снимало съ нея излишній блескъ, въ душу закрадывалось разочарованіе, и они начинали мстить насмѣшкой, презрѣніемъ и ненавистію предметъ своего увлеченія за то, что оказались не тѣмъ, что̀ они сами изъ нихъ сдѣлали. Обладая изощренною зоркостію для слабостей и пороковъ ближнихъ, они рѣдко доходили до святаго наслажденія любовью, которая не мыслима безъ терпимости, и наконецъ отрекались отъ самихъ себя, отъ своихъ стремленій, теряли вѣру и въ міръ, и въ свое призваніе. Одну изъ такихъ натуръ изображаетъ Шпильгагенъ въ лицѣ Бергера, въ которомъ есть что-то байроническое, большая энергія и сила, замѣчательный умъ, увлекательное краснорѣчіе и самовозвышенное благородство. Стремленіямъ его нанесенъ былъ ударъ въ самомъ началѣ его карьеры: неизвѣстно за что̀ его посадили въ крѣпость и продержали тамъ пять лѣтъ.

«Тюрьма, говоритъ онъ, на долгіе годы уничтожила во мнѣ любовь и довѣріе къ жизни. Тамъ же, гдѣ засорены эти источники, портится все вокругъ и является та гадливость, которая нравственно выражается такъ же, какъ у нѣкоторыхъ больныхъ съ сильно возбужденными нервами, которые боятся до всего притронуться, чтобъ не замараться. Подобное настроеніе должно было преобладать у бѣднаго Свифта, когда онъ писалъ свою комически-страшную исторію пребыванія Гулливера у тѣхъ существъ, которыхъ путешественникъ изображаетъ противнѣйшей породой на землѣ и которыя все-таки не что иное, какъ ему подобныя... Я сталъ искать забвенія въ наукѣ, и къ несчастію нашелъ то, что̀ искалъ. Я говорю къ несчастію, потому что вижу теперь, какъ пуста наука, отрывающая отъ жизни и обезсиливающая людей. Все, что̀ отдаляетъ насъ отъ жизни, показываетъ жизнь менѣе достойной нашихъ стремленій, а людей нестоющими любви,—положительно вредно. Отвращеніе же къ жизни и презрѣніе къ людямъ—непремѣнныя послѣдствія философіи, которая никогда не провѣряетъ своихъ результатовъ дѣйствительностію, и глубокомысленнѣйшія спекуляціи которой, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, не болѣе какъ донкихотство ума, и во всякомъ случаѣ, несмотря на ихъ мнимую вѣрность, такъ же безполезны для человѣчества, какъ предположенія схоластиковъ на счетъ того сколько ангеловъ могло бы умѣститься на игольномъ остріѣ».. Это признаніе Бергеръ дѣлаетъ послѣ того, какъ онъ, впавъ въ меланхолію, лечился въ заведеніи умалишенныхъ и, встрѣтивъ странствующихъ акробатовъ, прямо и бодро смотрѣвшихъ на жизнь, присталъ къ ихъ труппѣ и взглянулъ на жизнь близко, такъ сказать руками дотронулся до язвъ народныхъ и пережилъ народныя радости и горе. «Въ обществѣ этихъ и еще тысячи другихъ бѣдныхъ людей—продолжаетъ онъ свое признаніе—съ которыми случалось сталкиваться, я узналъ, что бѣдность вовсе не благодать, а несчастіе для человѣчества; что она перевязываетъ ему именно тѣ жилы, чрезъ которыя единственно могли бы сообщаться ему необходимѣйшіе элементы образованія, изувѣчиваетъ

его физически и нравственно и бросаетъ въ объятія грѣха и порока. Но съ другой стороны я узналъ, какая бездна жизненной силы заключается, несмотря на все это, въ низшихъ слояхъ общества и какъ тутъ, безъ всякаго воздѣлыванія и ухода, возникаютъ благороднѣйшіе цвѣты человѣческой души: доброта и любовь, даже геній, умъ и острота пробиваются къ свѣту сквозь всѣ препятствія. Это возвышенное зрѣлище, совершенно новое для меня, такъ какъ въ своемъ ограниченномъ философскомъ мракѣ я въ сущности никогда не заботился о народѣ, исполняло меня все возрастающимъ удивленіемъ. Я каялся передъ геніемъ человѣчества въ томъ, въ чемъ погрѣшилъ противъ него въ порывѣ безумія.» Онъ обѣщаетъ посвятить свои послѣднія силы народу, онъ нашелъ ту ближайшую задачу, которой должны жертвовать собою лучшіе люди; повидимому ограниченная, эта сфера дѣятельности на самомъ дѣлѣ безпредѣльна и стоитъ того, чтобъ вложить въ нее свою душу и знанія. Но разбитый жизнію, лишенный практическаго смысла, слишкомъ поздно узнавшій, что для созданія чего бы то ни было, человѣкъ долженъ ограничивать самого себя, онъ разумѣется не знаетъ, какъ примѣнить на практикѣ свое намѣреніе, свою рѣшимость сдѣлать своими дѣтьми всѣхъ бѣдныхъ, больныхъ и угнетенныхъ. Это—несчастные, прикованные своимъ идеализмомъ къ скалѣ, какъ Прометей, это сильные люди, одаренные лучшими дарами природы и въ тоже время чувствующіе свое нравственное безсиліе и безпомощность.

Если подъ бременемъ идеализма пала такая сильная натура, то менѣе сильные представляли нѣчто въ родѣ нашего Печорина, хотя безъ его черстваго эгоизма. Подобный характеръ изображенъ романистомъ въ лицѣ Освальда, любимаго ученика Бергера. Исполненный всѣхъ недостатковъ учителя, онъ не воспринялъ отъ него его добродѣтелей и сдѣлался человѣкомъ совершенно лишнимъ въ этой юдоли плача и работъ. Ни силы воли, ни энергіи, ни крѣпкихъ привязанностей, ни способности къ работѣ, ничего не обнаруживаетъ эта поэтическая душа, живущая порывами и утѣшающаяся своимъ самолюбіемъ и успѣхами у женщинъ. Куда броситъ авторъ своихъ героевъ, которымъ нечего дѣлать въ этомъ мірѣ, занятомъ мелкими заботами, мелкою борьбою и погоней за индивидуальнымъ счастіемъ? Онъ везетъ ихъ въ Парижъ, въ разгаръ революціи 1848 года. Къ нимъ присоединяется третій человѣкъ ихъ же закала, но умѣвшій примириться съ жизнію на любви къ женщинѣ, которую онъ жаждетъ сдѣлать своею женою; эту любовь къ женѣ онъ ставитъ такъ высоко, что для него она — Архимедовъ рычагъ, опираясь на который онъ способенъ міръ поднять на свои плечи. Въ народъ стрѣляютъ; толпы женщинъ и дѣтей бѣгутъ по улицѣ и раздается призывъ къ оружію. «Къ оружію! кричитъ Бергеръ: наконецъ! наконецъ! Благодарю тебя, великій духъ.» Онъ нашелъ себѣ дѣло, онъ нашелъ достойное себя поле, гдѣ онъ могъ погибнуть небезполезнымъ бойцомъ за свободу хотя и чужого народа. Къ нему присоединяется Освальдъ и Ольденбургъ. Всѣ они на одной баррикадѣ, но лишь послѣдній вышелъ цѣлъ и невредимъ. Романъ кончается похоронами жертвъ уличнаго боя; тысячи народа участвуютъ въ процессіи; длинная вереница гробовъ, украшенныхъ вѣнками, и съ надписью имени умершаго, слѣдуютъ другъ за другомъ. Тутъ имена разныхъ національностей. Извѣстно, что Тургеневъ заставляетъ умереть на баррикадахъ и своего Рудина, въ которомъ, при внимательномъ анализѣ, можно замѣтить однородныя черты съ главными героями Шпильгагена.

Мы не можемъ перейти къ другому роману даровитаго нѣмецкаго писателя (неизвѣстно почему названнаго въ русскомъ переводѣ «*Между* молотомъ и наковальней», тогда какъ въ подлинникѣ онъ просто называется «Молотъ и Наковальня» (Hammer und Amboss), сообразно внутреннему своему смыслу), не можемъ потому, что передъ этимъ романомъ Шпильгагенъ написалъ наиболѣе обширный свой романъ: «Рядами и шеренгами», явившійся въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Одинъ въ полѣ не воинъ». Между романами Шпильгагена есть преемственная связь, какъ въ развитіи идей, такъ и характеровъ. «Рядами и шеренгами» является продолженіемъ «Изъ мрака къ свѣту», хотя въ первомъ дѣйствуютъ все новые характеры, новое племя, выросшее въ иныхъ условіяхъ. Но этотъ романъ, о которомъ мы принуждены сказать лишь нѣсколько словъ, есть пространное объясненіе въ образахъ мысли, высказанной однимъ ге-

ѣестепеннымъ лицомъ въ романѣ «Изъ мрака къ свѣту». Мысль эта заключается въ томъ, что мы, дѣти девятнадцатаго столѣтія, принуждены постоянно бороться и работать для рѣшенія громадныхъ задачъ, поставленныхъ намъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ каждой отрасли человѣческой дѣятельности. Ежедневно раздается призывъ къ оружію, но наше оружіе — перья или кости, плугъ или молотокъ, циркуль или ланцетъ. И несмотря на это, мы совершаемъ подвиги, въ сравненіи съ которыми подвиги Геркулеса и другихъ героевъ кажутся дѣлами пигмеевъ. Происходитъ это оттого, что совершенно измѣнилась пропорція трудящихся. Въ прежніе вѣка борьба и работа за цѣлое человѣчество лежала только на герояхъ, а толпа шла за ними какъ тупая, ѣнивая челядь. Въ настоящее же время, какъ я замѣчательна ни была отдѣльная личность, на имѣетъ не слишкомъ много значенія; всяила — въ массѣ, которая плотными рядами, медленно, но неизмѣнно подвигается по пути прогресса; прогрессивная армія человѣчества янется непрерывной линіей впередъ, плечо къ лечу, задній за переднимъ, и если по времемамъ явится промежутокъ, то въ слѣдующую е минуту толпа опять сплачивается. Мысль езусловно вѣрная, благодаря оговоркѣ, что отдѣльныя личности имѣютъ не слишкомъ много значенія». Не слишкомъ много — не значитъ мало; они все-таки вносятъ новыя деи или оживотворяютъ старыя; они являтся предводителями, вожаками въ этой арміи, дѣ еще много головъ, думающихъ весьма мало. Стремясь доказать свою мысль, Шпильгагенъ зялъ кипучее время борьбы между Шульцеличемъ и Лассалемъ. Въ главномъ героѣ, Лео, ѣ узнали геніальнаго борца за благосостоніе рабочихъ, и романъ имѣлъ огромный пѣхъ въ Германіи. Онъ и заслуживалъ этого. ромѣ характера Лео, въ романѣ много друхъ лицъ, изображенныхъ кистью настоящаго художника. Они проходятъ передъ читателемъ ройными рядами, начиная отъ лѣсничаго кончая молодымъ, взбалмошнымъ королемъ, руженнымъ придворной интригой. Вопреки вѣтамъ своего учителя, Туски, заклятаго ага аристократіи и пылкаго революціоа, который разсчитываетъ только на возніе для торжества своихъ идей, Лео рѣется бороться мирными средствами и одолѣть всѣ препятствія силою своего геніальнаго ума. Онъ жертвуетъ всѣмъ для достиженія своей цѣли: дружбою, любовью прекраснѣйшей дѣвушки, Сильвіи, которая рѣшается помогать ему, даже своею независимостію. Искусно подведенной интригой и постоянными сдѣлками съ своей совѣстью, онъ добирается до короля, заставляетъ его отчасти раздѣлять свои стремленія и получаетъ большую сумму денегъ для покупки фабрикъ, которыми должны распоряжаться, какъ хозяева, сами же работники. Въ это же время шульцеанцы ведутъ противъ него борьбу въ газетахъ, обнаруживаютъ всѣ его поступки, несогласные съ принципами либерализма, клеймятъ презрѣніемъ за связи съ правительствомъ, отъ котораго ничего добраго не хотятъ ожидать, и убѣждаютъ рабочихъ слѣдовать той мирной революціи, которая совершается непрерывною цѣпью ассоціацій и союзовъ. Среди этихъ партій, Лео идетъ твердо къ своимъ цѣлямъ, надѣясь, что результатъ оправдаетъ его, а успѣхъ заставитъ умолкнуть противниковъ: это такой стойкій аргументъ, передъ которымъ самые сильные слагаютъ оружіе. Но успѣхъ не увѣнчалъ зданія, построеннаго геніальнымъ человѣкомъ съ такими личными пожертвованіями. Рабочіе ссорятся между собою, ссора обращается во вражду и открытую схватку, огонь начинаетъ пожирать зданія фабрики, и Лео погибаетъ на дуэли, такъ-сказать, на развалинахъ своего творенія. Но идея его не погибаетъ совсѣмъ и мы встрѣчаемся съ нею, хотя видоизмѣненною, въ романѣ «Молотъ и Наковальня».

Нѣкоторые критики думаютъ ставить «Рядами и Шеренгами» на одну доску съ «Взбаломученнымъ моремъ». Признаемся, русскую литературу можно было бы поздравить, еслибъ въ ней народился не Шпильгагенъ, а хотя бы такой критикъ, который равнялся бы умомъ своимъ съ Лео, этимъ лицомъ, созданнымъ нѣмецкимъ романистомъ. Шпильгагена упрекаютъ еще нѣкоторые за буржуазность его тенденцій. Надо слишкомъ высоко мечтать о своемъ радикализмѣ, чтобъ находить буржуазность тамъ, гдѣ являются лучшіе представители соціальнаго движенія, начертанные симпатичными чертами. Правда, Шпильгагенъ не поклонникъ революцій и насильственныхъ переворотовъ, но онъ вполнѣ объективенъ и от-

носится въ выводимыхъ имъ типахъ, какъ настоящій художникъ и очень умный и развитый человѣкъ. Онъ не забрасываетъ грязью представителей того движенія, которому самъ онъ, можетъ быть, и не сочувствуетъ, и не берется за изображеніе того, чего онъ не понимаетъ или, вѣрнѣе сказать, чего онъ не изучилъ съ любовью мыслителя, обращающаго всѣ свои симпатіи къ народу и выходцамъ изъ него. Посмотрите у него на типы нѣмецкихъ аристократовъ: лучшіе люди между ними, во-первыхъ, пожилые, во-вторыхъ, не отдѣляющіеся рѣзко отъ стремленій демократіи. Это послѣдніе могикане тѣхъ стремленій, которыя все болѣе и болѣе теряютъ подъ собою почву и вымираютъ. Наслѣдники ихъ—развратники и пошляки, которымъ постоянно приходится склонять свою гордыню передъ силою и доблестью выходцовъ изъ народа и изъ средняго сословія. Къ нимъ переходятъ богатства матеріальныя и духовныя и этотъ соціальный законъ находитъ себѣ даровитаго пропагандиста въ Шпильгагенѣ. «Какъ можно было испортить такой великолѣпный характеръ, какъ Лео, тѣми продѣлками, которыя «заставляетъ его производить романистъ», говорятъ чувствительно-либеральные люди, нисколько не замѣчающіе своей непослѣдовательности. Они готовы простить всю изворотливость и даже ехидство, если эти качества направлены противъ представителей власти, преслѣдующей свои цѣли, которыя она считаетъ разумными; но изворотливость и не совсѣмъ прямые пути, употребленные человѣкомъ противъ прогрессивной партіи, они не хотятъ признать, хотя очень хорошо знаютъ, что этотъ человѣкъ свои стремленія считаетъ прогрессивнѣйшими и скорѣе всего ведущими къ цѣли. Съ своей стороны, мы думаемъ, что Шпильгагенъ погрѣшилъ только въ самомъ концѣ романа, гдѣ онъ такъ безжалостно разрушилъ все созданіе своего героя, хотя и тутъ онъ былъ правъ въ принципѣ, потому что дѣйствительно довольно мудрено разсчитывать на прочный успѣхъ въ такомъ дѣлѣ, которое становилось въ полную зависимость отъ однихъ декретовъ, отъ избалованнаго и капризнаго короля, преданнаго всѣмъ вліяніямъ. Успѣхъ проченъ тогда лишь, когда онъ пріобрѣтается капля по каплѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, когда общество дружно работаетъ во имя законовъ справедливости и солидарности человѣческихъ интересовъ.

На этой системѣ основанъ романъ «Молотъ и наковальня». Огромное большинство людей упорно продолжаетъ думать, что человѣку можно быть либо молотомъ, либо наковальней; такое убѣжденіе держится или въ силу традиціи, безсознательно, какъ стадное свойство, или сознательно, въ силу вражды общественныхъ элементовъ. Вопросъ этотъ съ начала міра волновалъ человѣчество и волнуетъ его до сихъ поръ. Благороднѣйшіе умы брались за его рѣшеніе, начертывали роскошнѣйшіе планы общежитія и уравненія матеріальныхъ благъ, но все это такъ и оставалось въ области фантазіи. Въ мірѣ господъ и рабовъ, сильныхъ и слабыхъ иначе и быть не можетъ. Всякій стремится сдѣлаться молотомъ, и никому не приходитъ охоты добровольно, по искреннему желанію, стать послушной наковальней. Но что было бы, еслибъ люди убѣдились, что имъ выгоднѣе быть вмѣстѣ и молотомъ и наковальней, быть дѣйствующими и страдательными лицами, давать и принимать, позволять себя носить и носить самому? Вѣдь это простой физическій законъ: молотъ ударяетъ по наковальнѣ, наковальня отбиваетъ молотъ; бросьте мячъ объ стѣну, она отразитъ его отъ себя подъ тѣмъ же угломъ, подъ какимъ онъ встрѣтился съ нею, когда былъ брошенъ; растеніе должно возвратить стихіямъ столько же вещества, сколько было взято имъ изъ стихіи. Однимъ словомъ, вездѣ взаимный обмѣнъ, необходимость дѣйствія и противодѣйствія. Тамъ, гдѣ подобный законъ входитъ въ нравы—начинаетъ процвѣтать свобода, нравственная порядочность и справедливость; гдѣ его нѣтъ—тамъ рабство и тираннія, суевѣріе и ханжество, ненависть и презрѣніе. «Какой здравомыслящій человѣкъ—говоритъ одно лицо у нашего романиста—не отказался бы охотно отъ роли молота, еслибъ хорошо понялъ, что ему все-таки неизбѣжно придется быть и наковальней, что каждый наносимый имъ ударъ задѣваетъ и по его достопочтенной ланитѣ, что какъ господинъ деморализируетъ раба, также точно и рабъ деморализируетъ своего господина, и что въ политической сферѣ оскудѣніе интеллекта въ одинаковой мѣрѣ постигаетъ и опекуна и опекаемыхъ». Далѣе, лицо это обра-

ается спеціально къ Германіи, такъ что мы
жемъ совершенно спокойно не принимать
свой счетъ послѣдующихъ строкъ: «Можетъ
ть, ни одинъ изъ культурныхъ народовъ не
носится съ такимъ глубокимъ и всеобщимъ
пониманіемъ къ сказанному великому прин-
пу всякаго человѣческаго существованія,
къ мы, мы — нѣмцы, хотя мы самодовольно
итаемъ себя цвѣтомъ націй, народомъ мыс-
телей, настоящими представителями раціо-
льнаго человѣчества. Гдѣ же, скажите Бога
ди, молодое человѣческое растеніе окру-
ется болѣе раннимъ, строгимъ и въ особен-
сти болѣе узкимъ воспитаніемъ, чѣмъ это
лается именно у насъ? Гдѣ его юный, воль-
й ростъ стѣсняется, искалѣчивается съ бо-
е систематическою жестокостію, чѣмъ у
съ? Куда ни посмотришь вокругъ, почти
оду встрѣчаешь мерзость, гадость и капраль-
й деспотизмъ, и прокустовская кровать
аменовъ и многовѣтвистая лѣстница раз-
ныхъ іерархій—вѣдь все это всякому бла-
мыслящему между нами гонитъ на лицо
ску стыда и негодованія. Вѣдь это по спра-
дивости сдѣлалось неистощимою темою на-
шекъ для нашихъ сосѣдей. Яростная страсть
елѣвать, рабское наслажденіе повиноваться
—вотъ двѣ змѣи, давящія нѣмецкаго Герку-
а, дѣлающія его презрѣннымъ карликомъ.
ѣ-то и стѣсняютъ свободное обращеніе его
овъ, производятъ здѣсь гипертрофическія,
ъ атрофическія немочи, жестоко подтачи-
щія тѣло народа».

Строгимъ цѣнителямъ можетъ показаться
ожественнымъ пріемъ автора, заставляю-
о своихъ героевъ нѣсколько разъ вести
сужденія на тему о молотѣ и наковальнѣ.
асъ разсужденій вообще не любятъ, если
выходятъ изъ области любви. Но если
оворы о любви, столь любимые всѣми ро-
истами, разговоры, занимающіе цѣлые не-
ые листы и доказывающіе только одина-
ю ординарность любящихся, не мѣшаютъ
ожественному впечатлѣнію, то мы не ви-
ь причины такой помѣхи и отъ разгово-
высшаго порядка. Люди, поставленные
извѣстныя соціальныя условія, говорятъ
ше всего о томъ, что къ нимъ ближе; раз-
енія тѣмъ естественнѣе въ «Молотѣ и На-
льнѣ», что разсказъ ведется отъ имени ге-
который, достигнувъ хорошаго положенія
въ обществѣ, вспоминаетъ свою бурную жизнь
съ того дня, какъ убѣжалъ онъ изъ школы и
попалъ къ графу Церену, который занимается
контрабандой. Это лучшіе типы въ романѣ по
художественному изображенію. Въ дикомъ ры-
царѣ, ведущемъ разгульную жизнь, эксплуати-
рующемъ все, что попадаетъ ему въ руки, въ
безжалостномъ молотѣ, онъ отыскалъ такія че-
ловѣческія черты, что лицо это привлекаетъ къ
себѣ всѣ симпатіи читателя. Дѣйствіе начи-
нается въ двадцатыхъ годахъ, въ одномъ при-
морскомъ городѣ. Правительство, само покрови-
тельствовавшее контрабандѣ вслѣдствіе конти-
нентальной системы Наполеона, начало затѣмъ
преслѣдовать этотъ промыселъ строжайшими
мѣрами. Ловкіе люди, умѣвшіе составить себѣ
капиталъ контрабандою, когда она считалась
патріотическимъ подвигомъ, умѣли во-время
остановиться; другіе не хотѣли ее оставить от-
части по привычкѣ, отчасти потому, что иначе
имъ пришлось бы умереть съ голоду. Во главѣ
контрабандистовъ стоитъ графъ Церенъ, полу-
чившій названіе «дикаго» за свое отчужденіе
отъ людей, которыхъ онъ презиралъ и нена-
видѣлъ. Огненная, мужественная натура, въ ко-
торой было непреодолимое стремленіе чрез-
мѣрно напрягать свою богатую силу и отважи-
ваться на самые смѣлые, даже невозможные
подвиги, онъ возмущался въ своей гордости,
въ своемъ величіи древняго барона, что ему
приходится клонить голову предъ «чортовыми
дѣтьми», какъ называетъ онъ своихъ власте-
линовъ. Разгульная, полная тревоги и безум-
ныхъ подвиговъ жизнь, почти разорила его и
еще увеличила его ненависть. «Вы думаете,
говоритъ онъ, что я когда-нибудь подчинюсь
закону вмѣстѣ съ сволочью, которая пресмы-
калась передъ моими предками? или признаю
надъ собою власть? «Божьей милостью», такъ
что же? что такое были эти «Божьей милостью»
четыреста, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ? Я
могъ бы съ такимъ же достоинствомъ и правомъ
сидѣть тамъ, гдѣ они сидятъ теперь; мои гербы
красовались бы на каждой заставѣ и гаупт-
вахтѣ, и моимъ именемъ взимались бы подати
и пошлины». Сама по себѣ эта мысль крайне
антипатична, но поведеніе графа—протестъ на
жизнь и смерть, протестъ противъ закона и
его представителей, которые не болѣе какъ
созданіе случая и въ дѣйствіяхъ которыхъ
на первый планъ выступаетъ личная выгода

и себялюбивые разсчеты. Они другъ друга стоютъ, но въ борьбѣ, происходящей между ними, симпатіи становятся тѣмъ скорѣе на сторону графа, что онъ участвовалъ въ войнѣ за независимость и когда-то исполненъ былъ гордымъ энтузіазмомъ къ свободѣ; но увидѣвъ, что свобода завязла въ болотѣ рабской услужливости, онъ проклялъ угнетателей и рабовъ, говоря, что отнынѣ вся земля Божья стала его родиной и что свободный человѣкъ въ раболѣпномъ вѣкѣ не можетъ имѣть другого отечества. Идея натянутая, но она объясняется той обстановкой, съ которою онъ вступилъ въ борьбу. Георгъ (герой романа) попадаетъ къ этому дикому представителю феодализма и привязывается къ нему, какъ сынъ къ отцу. Когда противъ графа таможенные чиновники подвели интригу, чтобы изловить его съ контрабандой, Георгъ, случайно узнавъ объ этомъ, рѣшается спасти его и самъ попадаетъ подъ судъ и потомъ въ тюрьму. Графъ застрѣливается, не желая попасть въ руки своихъ враговъ, имѣніе его переходитъ къ коммерціи совѣтнику, который нажилъ себѣ состояніе тоже контрабандой и самой безсовѣстной эксплуатаціей бѣдняковъ. Старое феодальное гнѣздо разорено, но буржуа, поселившійся въ немъ, тоже представитель такого начала, которое стремится изгнать цивилизацію. Тотъ и другой—молоты, но въ первомъ—мужество, сила, своего рода симпатія къ народу, во второмъ—трусость, раболѣпство передъ сильными, искательство и выжиманіе сока изо всего того, что нуждается въ работѣ и кускѣ хлѣба. Одного преслѣдуютъ и отнимаютъ все, потому что онъ не хотѣлъ склонить своей гордой головы, другого всѣмъ награждаютъ, потому что онъ лисьимъ пронырствомъ и воровскими ухватками умѣлъ, передъ кѣмъ нужно, заискать и, кого нужно, закупить. Можно ли сомнѣваться, на чьей сторонѣ всѣ симпатіи пылкаго юноши Георга, натура котораго также необузданна, какъ натура графа Церена? Все это его ожесточаетъ; среди волковъ онъ рѣшается жить волкомъ, произволу противопоставить свой произволъ. Но начальникъ тюрьмы, братъ умершаго Церена, благороднѣйшій и гуманнѣйшій человѣкъ, обожаемый арестантами, принимаетъ въ молодомъ человѣкѣ участіе и направляетъ его волю къ терпѣнію, къ честному труду, который одинъ способенъ поставить человѣка на нравственную высоту и составить ему такое положеніе, гдѣ не будетъ мѣста упрекамъ совѣсти. Жизнь среди преступниковъ научила этого другого представителя фамиліи фонъ-Церенъ смотрѣть на человѣка какъ на продуктъ обстоятельствъ. «Я ничего не преувеличиваю, говоритъ онъ, если скажу, что девять десятыхъ изъ всѣхъ присылаемыхъ сюда арестантовъ никогда не явились бы въ это мѣсто, если бы они не были сдѣланы наковальнями путемъ грубаго насилія, чтобъ только господа, находящіеся въ роли молотовъ, могли показать свою жалкую отвагу. И вотъ первымъ, какъ только было можно, затормозили естественное право каждаго человѣка заработывать насущный кусокъ хлѣба тѣмъ или инымъ способомъ, соотвѣтствующимъ ихъ силамъ и способностямъ; имъ систематически мѣшали сдѣлаться здоровыми, сильными, годными членами человѣческой семьи — и въ заключеніе ихъ засадили сюда, въ рабочій домъ. Заведеніе этого рода въ сущности служитъ только послѣднимъ результатомъ нашихъ порядковъ, послѣднимъ образчикомъ нашего быта, въ простѣйшей формѣ». Рядомъ съ отеческимъ вліяніемъ этого человѣка, на Георга благотворно дѣйствовала дочь его, Паула, къ которой узникъ чувствовалъ любовь. Семь лѣтъ такой жизни совершенно измѣнили Георга; онъ многому научился, дикая воля его вступила въ берега, не сокрушивъ, а укрѣпивъ его силу. Получивъ свободу, онъ поступилъ на заводъ къ коммерціи совѣтнику въ качествѣ простого рабочаго, хотя по своимъ знаніямъ онъ могъ бы занимать мѣсто руководителя; онъ поступаетъ такъ [illegible] по ложной скромности, а въ силу убѣжденія, что истинный художникъ долженъ понимать и ремесло своего искусства, а чтобы понимать его, надо его изучить собственнымъ опытомъ. Случай открываетъ его способности и онъ, женившись на дочери коммерціи совѣтника, принимается за промышленное дѣло на [illegible] началахъ. Коммерціи совѣтникъ, [illegible] биржевою игрой, принимаетъ ядъ, и Георгъ дѣлается полнымъ хозяиномъ остатковъ его состоянія.

Видѣвъ близко эксплуатацію закона, находящуюся въ дурныхъ рукахъ, испытавъ на себѣ всю его тяжесть; видѣвъ эксплуатацію произвола и наслѣдственнаго величія, мечтающаго о первенствѣ въ силу призрачныхъ [illegible]

дѣвъ эксплуатацію въ формѣ коммерсанта, ботящагося только о своихъ выгодахъ и башахъ, покупаемыхъ пòтомъ и кровью толпы, щущей насущнаго хлѣба, Георгъ убѣдился, ботая на фабрикѣ, что и гуманныя стремле его учителя, директора тюрьмы, не могутъ ивести къ прочнымъ результатамъ въ воосѣ о рабочихъ. Онъ училъ, что человѣкъ лженъ быть молотомъ и наковальнею вмѣстѣ, такія отношенія возможны только между юдьми свободными и независимыми; какая независимость можетъ быть между фабриштомъ, располагающимъ всѣми средствами, рабочимъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ къ и здоровья? Директоръ тюрьмы думалъ, эту свободу рабочій пріобрѣтетъ, какъ оро пойметъ всю святость труда; но трудъ длежитъ экономическому закону спроса и едложенія, и сплошь и рядомъ случается, свободный и трудолюбивый работникъ впаетъ въ такое положеніе, что его свобода, удолюбіе и трудъ, вмѣстѣ взятые, ничего не ють. Чтò же дѣлать? Прибѣгнуть къ пощи правительства, какъ поступилъ Лео, сдѣъ рабочихъ полными хозяевами фабрикъ? ибѣгнуть къ революціи? Нашъ романистъ, къ мы уже сказали, не поклонникъ такихъ аянныхъ средствъ: онъ заставляетъ своего оя ввести на своей фабрикѣ тотъ порядокъ, торый уже испытанъ въ Англіи: каждый раій, по мѣрѣ своего труда, долженъ быть стникомъ въ барышахъ съ предпріятія, тоъ такой порядокъ, гдѣ нѣтъ уже рѣчи о яинѣ и рабочихъ, гдѣ всѣ равны, какъ раники въ дѣлѣ, въ которомъ хозяинъ—перй рабочій.

Мы не думаемъ разсматривать романовъ ильгагена съ эстетической точки зрѣнія; хотѣли только представить легкій очеркъ ъ идей, которыя преслѣдуетъ романистъ и яснить успѣхъ его у русской публики, мыщая часть которой предпочитаетъ его не ько французскимъ, но и англійскимъ пиалямъ. Намъ кажется, что успѣхъ этотъ сти объясняется тѣмъ, что романы его, да съ ловко-завязанной интригой, удовлеяющей внѣшнему интересу, представляютъ стѣ съ тѣмъ обильную пищу для ума; оти тѣмъ, что читатели находятъ въ нихъ омые типы и полное развитіе тѣхъ идей, орыя не могутъ не интересовать общество, но которыхъ русскіе беллетристы или не касаются вовсе, или затрогиваютъ только слегка, внѣшнимъ образомъ. Съ нѣкоторой натяжкой мы могли бы указать у Шпильгагена даже типъ «нигилиста» въ такомъ яркомъ, словно изъ мрамора вырѣзанномъ образѣ, какого въ другой литературѣ мы не знаемъ. Это — Туски, учитель Лео. Что касается женскихъ типовъ Шпильгагена, то мы встрѣчаемъ три главные характера, которые почти неизмѣнно повторяются по крайней мѣрѣ въ четырехъ послѣднихъ его романахъ. Дѣвушка тихая и скромная, вся преданная любви, почти уничтожающая свою личность въ этомъ чувствѣ. Истинная любовь смиренна; она все терпитъ и всему вѣритъ; она не требуетъ ничего, если не считать за требованіе желанія раздѣлять съ любимымъ человѣкомъ радость и горе. Это, такъ сказать, два сердца, пронзенныя одною и тою же стрѣлою, ибо, если мнѣнія любящихся существъ иногда и расходятся, то сердца остаются соединенными, и это все примиряетъ. Большій или меньшій поэтическій ореолъ, создаваемый художникомъ, разнообразитъ этотъ типъ. Противоположный ему типъ—дѣвушка съ сильной, страстной, честолюбивой натурой, которая развивается или на лонѣ природы, ничѣмъ не стѣсняемая, или подъ условіями дурной домашней обстановки. Выбившись на волю, она дѣлается по большей части куртизанкою. Самый симпатичный женскій характеръ у нѣмецкаго романиста — дѣвушка съ замѣчательнымъ умомъ, способная сильно, безпредѣльно любить, но умѣющая жертвовать своею любовью высшимъ цѣлямъ. Мы укажемъ на Сильвію въ «Рядами и Шеренгами» и Паулу въ «Молотѣ и Наковальнѣ». Сильвія — прекраснѣйшее созданіе Шпильгагена, глубоко задуманное и превосходно выполненное. Паула—только видоизмѣненіе этого типа, или лучше сказать это та же натура, но поставленная въ иныя условія, давшія ей возможность развиться болѣе правильнымъ образомъ. Авторъ надѣлилъ ее большимъ талантомъ къ живописи, который далъ ей возможность выгодно продавать свои картины и содержать на вырученныя деньги всю семью. Она любитъ глубоко, сосредоточенно, но не навязывается съ своею любовью и не предается отчаянію, когда любимый человѣкъ женится на другой. Мало этого, у ней достаетъ муже-

ства одобрить этотъ выборъ, она почти сама толкаетъ любимаго человѣка въ объятія своей соперницы, потому что въ этомъ союзѣ видитъ его счастіе. Въ любимомъ искусствѣ она находитъ нѣкоторое утѣшеніе отъ тѣхъ жертвъ, которыя приноситъ своему возлюбленному, не желая ему связывать рукъ, не мѣшая его стремленіямъ стать на ту высоту, которой онъ былъ достоинъ. Она не колеблясь говоритъ, что мужчина долженъ оставлять и домъ, и жену, и дѣтей, и все, что ему вообще дорого, чтобъ отдавать кровь свою за великое, хорошее дѣло. Мужскую природу она ставитъ выше женской и думаетъ, что женщина едва ли способна въ искусствѣ дойти до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ дошелъ мужчина. «Сколько изъ сотенъ и тысячъ, говоритъ она, талантливыхъ дѣвушекъ и женщинъ, работавшихъ на мольбертѣ и за письменнымъ столомъ, сдѣлались великими художницами? На сценѣ это бывало; но при этомъ мнѣ часто приходило въ голову, истинное ли искусство—искусство драматическое, или только оно полуискусство, и поэтому неполные таланты достигаютъ въ немъ совершенства. И тѣхъ, кого называютъ геніальными актерами, что они въ сравненіи съ истинными геніями въ искусствѣ, въ литературѣ, въ музыкѣ? Они въ сравненіи съ послѣдними тоже, что я въ сравненіи съ Рафаэлемъ». Пойдетъ ли далѣе романистъ въ развитіи этого типа? Мы дѣлаемъ этотъ вопросъ потому, что преемственность характеровъ, въ особенности женскихъ, у него очень замѣтна. Въ одномъ романѣ онъ только намѣчаетъ типъ, въ другомъ развиваетъ его и совершенствуетъ. Судя по послѣднему роману, у Шпильгагена художественныя силы въ полномъ цвѣтѣ и отъ него можно ждать еще прекрасныхъ произведеній. Въ настоящую минуту Шпильгагенъ дописываетъ новый романъ, обѣщанный намъ къ началу будущаго года.

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольничьяго ученія о бракѣ. Выпускъ второй (царствованіе императора Николая I). Э. О. профессора с.-петербургской духовной академіи *И. Нильскаго*. Спб. 1869.

Мы говорили о первомъ выпускѣ этого любопытнаго сочиненія (см. «Вѣстн. Европы», авг. 905 стр.), трактующаго съ большою обстоятельностію такой важный вопросъ для нѣсколькихъ милліоновъ русскаго населенія. Въ самомъ началѣ царствованія Николая I, были изданы постановленія, которыми косвенно признавалась законность браковъ поповцевъ, совершаемыхъ черезъ бѣглыхъ поповъ, и «правил кротости» ставились «основаніемъ въ распоряженіяхъ правительства». Духовнымъ начальствамъ, которыя съ особеннымъ усердіем тѣснили раскольниковъ, предписано было «н тревожить понапрасну сихъ людей». Это был въ 1826 г. Въ 1834 году подобное же распоряженіе послѣдовало и относительно безпопов цевъ. Преслѣдованіе раскольничьихъ браков было запрещено формально и позволено бы «совершать таинства и мірскія требы по обр ду своей ереси», наблюдая только, «дабы он отнюдь не отправляли оныя публично и с явнымъ оказательствомъ ученія и богослуж нія ихъ секты». Мы видѣли, говоря о первом выпускѣ сочиненія г. Нильскаго, что рядом съ Преображенскимъ кладбищемъ, гдѣ соби ненавистники брака, въ Москвѣ образовало общество безпоповцевъ, которое признава необходимость брака, и сгруппировалось око Покровской часовни. Приведенное постано леніе способствовало этой пропагандѣ и ч сло такъ-называемыхъ свободныхъ брако начало возрастать какъ въ столицахъ та и въ провинціи. Самымъ ревностнымъ пр повѣдникомъ ученія о необходимости бр ной жизни явился въ Петербургѣ извѣстн раскольничій писатель Павелъ Онуфріевъ Л бопытный. Свѣтская власть сквозь пал смотрѣла на эту пропаганду и раскольни начали, съ разрѣшенія свѣтскаго начальст заводить у себя книги, въ родѣ метрикъ, д внесенія въ нихъ, «бракосочетавшихся». Д ховной власти это не понравилось и пете бургскій митрополитъ Серафимъ донесъ о т св. синоду, который нашелъ распоряжен гражданской власти неправильнымъ и вре нымъ для церкви и отечества; тѣмъ не мен браки продолжали совершаться, и петербур ская Дума считала раскольничьи метрики з конными. Въ 1836 г. митрополитъ снова до ситъ на этотъ разъ, въ секретный совѣщател ный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, ч поморскіе начальники совершаютъ браки Охтѣ со всею торжественностію. Эти посте нія духовной власти, рядомъ съ другими

ɔятельствами, привели къ тому, что съ 1839 г. авительство начинаетъ преслѣдовать своде браки, объявивъ, что оно не признаетъ священнословныхъ браковъ раскольничьихъ конными и «своденныхъ такимъ образомъ— жемъ и женою»; наставники, вѣнчавшіе бра-, «вѣнчальники», подверглись опасности ть преданными суду какъ «совратители». вершеніе браковъ въ моленныхъ должно ло прекратиться, но пропаганда брачной зни пустила такіе глубокіе корни, что необтря на преслѣдованія, несмотря на закры- моленныхъ, сводные браки продолжали ключаться въ частныхъ домахъ. Между ѣнчальниками», кромѣ Павла Любопытнаго, восадова и др., особенное вниманіе заслуживаетъ дочь Карпа Новосадова—Марья Карвна. Отецъ ея былъ арестованъ, другіе вѣньники, боясь того же, удалились, въ провинцію; мужчины потеряли смѣлость и въ Пебургѣ не находилось ни одного человѣка, горый взялъ бы на себя роль вѣнчальника. гда Марья Карповна сдѣлалась раздавальницею благословенія на брачную жизнь ѣмъ, кто хотѣлъ жить «по закону».

Мы уже говорили какъ-то на страницахъ ѣстника Европы», что расколъ признавалъ женщиною много такихъ правъ, въ котоъ ей отказываютъ другія церкви, и то, что нь въ настоящее время совершается среди свитеріанъ Америки, въ нашемъ расколѣ ю уже давно: женщины совершали требы, ребали умершихъ, крестили младенцевъ розыгрывали роли такихъ же наставниъ, какъ мужчины, но въ ролѣ «вѣнчальа» среди безпоповцевъ Марья Карповна лась первая. Конечно, мужчины не разомъ ирились съ такимъ явленіемъ; стали искать «древнихъ примѣровъ», перечитали кормтребники, разные сборники — примѣровъ находилось; но потребность въ правильной ейной жизни чувствовалась въ это время шими безпоповцами такъ сильно, а между ъ отвращеніе къ «внѣшнему» (церковному) чанію поддерживалось крутыми мѣрами гивъ раскола такъ настойчиво, что ревниі старины скоро мирились со всякими ноями въ ихъ церковной практикѣ. Къ ьѣ Карповнѣ стали обращаться за благоеніемъ на бракъ не только столичные поцы, но и иногородные безпоповцы. Конечно, доступъ къ этой женщинѣ былъ не легокъ, потому что опасались, какъ бы не узнала о ней полиція: вѣнчаніе совершалось поздно вечеромъ, причемъ молодые приходили къ ней на квартиру пѣшкомъ, какъ простые знакомые. Замѣчательно, что «богачи привыкшіе все дѣлать на широкую руку и среди разныхъ столкновеній съ «иновѣрцами» потерявшіе «крѣпость въ вѣрѣ», находили неприличнымъ для себя отправляться для такого торжественнаго и важнаго въ жизни акта, каково вѣнчаніе, по образу пѣшаго хожденія и, чтобъ не уронить своего денежнаго достоинства, ѣздили въ каретахъ для вѣнчанія—въ единовѣрческія церкви». Марья Карповна умерла въ Петербургѣ въ 1868 году.

Въ этомъ походѣ, предпринятомъ правительствомъ противъ сводныхъ браковъ, нельзя не замѣтить одного явленія: въ то время, какъ свѣтская власть сквозь пальцы смотрѣла на эти браки, духовная заявляла непомѣрную ревность; когда непомѣрную ревность стала обнаруживать свѣтская власть, рѣшившись во что бы то ни стало искоренить этотъ «развратъ и беззаконную жизнь», духовная власть почувствовала нѣкоторое поползновеніе къ кротости. Конечно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было ничего систематичнаго, строго логическаго, все носило на себѣ признаки случайности и временныхъ мѣропріятій. Внимательный читатель замѣтитъ это явленіе чрезъ всю исторію раскола. Нечего говорить о томъ, что и законодательство наше по расколу не заключаетъ въ себѣ ничего систематичнаго: что сегодня признается вреднымъ и преслѣдуется—завтра позволяется. Строго выработанныхъ правилъ, которыя не допускали бы противорѣчій, никогда не существовало. Правительство обнародываетъ извѣстныя мѣры по отношенію къ какой-нибудь губерніи, въ видѣ опыта; потомъ распространитъ эти мѣры на другія губерніи; потомъ отмѣнитъ ихъ или видоизмѣнитъ въ одной губерніи, оставивъ въ своей силѣ въ остальныхъ. Къ этой неопредѣленности надо присоединить еще «тайну»: правительство почти ничего не дѣлало по отношенію къ расколу гласно, словно думая, что это явленіе можно спрятать или задушить строгими мѣрами. Св. синодъ то разрѣшаетъ браки раскольниковъ въ православныхъ церквахъ, не требуя отъ брачущихся предвари

тельнаго присоединенія къ православію, то на запросы преосвященныхъ отвѣчаетъ такими укорами, которые можно толковать такъ или иначе. Указы, при этомъ, даются преосвященнымъ «для ихъ собственнаго руководства», съ оговоркой — «не предавать ихъ гласности», и самые браки приказывалось записывать не въ общія метрики, а въ особыя тетради. Эта странная игра вела только къ подкупу, къ фабрикаціи фальшивыхъ свидѣтельствъ, которыя выдавало православное духовенство за деньги, и инквизиторскому преслѣдованію сводныхъ браковъ, продолжавшихъ совершаться несмотря ни на что. Нѣкоторыя духовныя лица, одобренныя въ своей ревности, дошли до того, что въ донесеніяхъ синоду называли сводные браки — «сводными случками, сводным союзомъ блуда, своднымъ развратомъ»— синодъ принужденъ былъ внушить духовенству, что эта грубость неприлична.

Рѣшительное преслѣдованіе сводныхъ браковъ началось съ 1850 года, со времени 9-й народной переписи: правительство рѣшилось принять «общія» мѣры, которыя заключались въ томъ, главнымъ образомъ, что дѣтей безпоповцевъ приказано было записывать въ ревизскія сказки «незаконнорожденными», а матерей ихъ записывать не женами раскольниковъ, а вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ по рожденію; эта суровая мѣра распространена была и на тѣ раскольничьи семейства, которыя по 8-й ревизіи показаны были въ числѣ законныхъ. Чтобъ выйти изъ этого положенія раскольникамъ, находившимся въ сводныхъ бракахъ, оставалось одно изъ двухъ: или подчиниться правительству и, по его указанію, узаконять свои браки вѣнчаніемъ въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ, такъ какъ, по высочайшему повелѣнію 8 декабря 1850 г., «дѣти тѣхъ сектаторовъ, кои повѣнчаются въ св. церкви и дадутъ обязательство воспитывать ихъ въ правилахъ истинной вѣры, признавались законными безъ различія, рождены ли они до вѣнца, или послѣ»,—или, не вѣнчаясь вновь, присоединяться вмѣстѣ съ дѣтьми къ православію или единовѣрію. Издавая этотъ законъ, правительство думало побудить раскольниковъ массами обратиться въ православіе; но цѣль эта не была достигнута, хотя число раскольниковъ, вѣнчавшихся въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ съ 50-хъ годовъ и дѣйствительно возрасло; однако все это были по большей части люди богатые, для которыхъ уже одно непризнаніе дѣтей ихъ законными казалось позоромъ и безчестіемъ; люди же сельского состоянія, которымъ терять было нечего, продолжали жить по своей вѣрѣ и заключать сводные браки, причемъ брали себѣ иногда сожительницами или, по официальному выраженію, «единомышленницами» дѣвицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ единовѣріи. «Строго говоря, замѣчаетъ г. Нильскій, суровое отношеніе свѣтской власти къ своднымъ бракамъ поморцевъ, начавшееся съ 1850 года, принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы. Заставить всѣхъ поморцевъ вѣнчаться въ православныхъ или единовѣрческихъ церквахъ, правительство, по собственному его признанію, не имѣло силъ и средствъ, а между тѣмъ, тѣ изъ нихъ, кои вѣнчались, дѣлали не по искреннему убѣжденію, но изъ страха, поневолѣ, и такимъ образомъ, благословеніе церкви часто раздавалось людямъ, которые не только не уважали его, а напротивъ положительно ни во что не ставили, и изъ которыхъ многіе, грѣша сами, соблазняли на грѣхъ и православные причты, за деньги соглашавшіеся вносить въ число вѣнчанныхъ такихъ поморцевъ, кои только пріѣзжали въ церкви «единымъ гражданскимъ поѣздомъ».

Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ даже и объ относительной пользѣ нечего было говорить, такъ какъ эти правительственныя мѣры дали ненавистникамъ брака оружіе въ руки для полемики противъ признающихъ бракъ безпоповцевъ и вообще усилили вражду къ власти со стороны всѣхъ раскольниковъ. Благомыслящіе православные тоже не относились съ похвалою къ такимъ мѣрамъ, которыя въ дѣлѣ совѣсти брошены вездѣ, какъ крайне нераціональныя. Ѳедосѣевцы, отвергавшіе бракъ и начавшіе-было все болѣе терять своихъ приверженцевъ по мѣрѣ усиленія сводныхъ браковъ, получили теперь къ другимъ аргументамъ—новый, именно, что браки преслѣдуются даже «гражданскимъ закономъ». Если молодые ѳедосѣевцы и ѳедосѣевки спрашивали своихъ наставниковъ, чтожъ имъ дѣлать? Наставники учили молодыхъ парней уму-разуму такъ: «не жену, а стряпуху держи, и, часто перемѣниваючи, отклони зазоръ; дѣтей не р

а если и родишь, тайно воспитай и племянничкомъ называй; а когда покинешь жену съ дѣтьми, тогда только будешь чистый рабъ»! ицамъ они говорили: «дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не познай,—сколько хочешь народи, только замужъ не ходи: насъ за грѣхъ простятъ, въ райско мѣсто посадятъ». Это проповѣдь полнѣйшаго разврата, одившая тѣмъ скорѣйшій доступъ къ сердцамъ, что обладатели послѣднихъ были люди развитые. Ѳедосѣевское общество дѣлилось то время на нѣсколько группъ: на дѣвственниковъ, староженовъ, половинокъ, новоовъ, дѣвкоженовъ, тайноженовъ и многоовъ. Послѣдніе исповѣдовали такое правило: «каждый для всякой и каждая для всякого, кому, когда и гдѣ приключится желаніе исполнить». Преслѣдованія правительства вели къ явленію еще болѣе грустному: стали учить, что такъ какъ теперь царство антихриста, то умноженіе рода человѣческаго зависитъ отъ сатаны, и что каждый, вновь рождающійся, младенецъ является на свѣтъ божій съ душею, данною ему діаволомъ. Если такъ, дѣтоубійство возводилось не въ преступленіе, а въ нѣкоторый подвигъ, и неудивительно, что при изслѣдованіи Преображенскаго кладбища агентами правительства, въ Хапиловскомъ пруду выловлено было неводами огромное число дѣтей.

Не однихъ безпоповцевъ поразили преслѣдованія правительства: они коснулись и поповцевъ; причемъ результаты получились столь печальные: строгость власти противъ бѣглыхъ поповъ и признаніе ею (въ 1853 году) бракoвъ поповщинскихъ незаконными достигли совершенно другихъ результатовъ, чѣмъ какихъ ожидало правительство. Вмѣсто обращенія къ единовѣрію или православію, многіе поповцевъ перешли въ безпоповщину, и заведено было такъ-называемое австрійское священство. Таковы наслѣдія прошлаго царствованія и таковъ урокъ, данный будущему. Знали, къ чему ведутъ вообще преслѣдованія, но хотѣли испытать это у себя, разсчитывая на стадообразныя свойства русскаго народа и его исконныя добродѣтели; русскій народъ показалъ, что онъ вовсе не что-нибудь исключительное въ семьѣ европейскихъ народовъ, и тѣ же мѣры давленія производятъ тѣ же послѣдствія.

Русскій простонародный мистицизмъ. Сообщеніе, читанное въ этнографическомъ отдѣленіи И. Р. Географическаго Общества, 13 мая 1869 г. *Николаемъ Барсовымъ*. Спб. 1869. (брошюра).

Г. Барсовъ, во время пребыванія своего въ Липецкѣ и другихъ мѣстахъ, собралъ 145 пѣсенъ секты людей божіихъ, отчасти историческихъ и догматическихъ, отчасти обрядового и смѣшаннаго содержанія. Отдавъ эти пѣсни въ распоряженіе Географическаго общества, г. Барсовъ, въ одномъ изъ засѣданій его, прочиталъ критическія замѣчанія свои о трудахъ гг. Добротворскаго «Люди Божіи» (см. «Вѣстникъ Европы», августъ) и Мельникова; трудъ послѣдняго, подъ названіемъ «Бѣлые голуби», былъ помѣщенъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за нынѣшній годъ. Замѣчанія эти г. Барсовъ сопроводилъ нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями о сектѣ людей божіихъ, на основаніи собранныхъ имъ пѣсенъ и другихъ матеріаловъ, рукописныхъ и печатныхъ. Это-то сообщеніе озаглавленное «русскій народный мистицизмъ», и издано теперь отдѣльною брошюрою. Изъ критическихъ замѣчаній г. Барсова можно указать, что онъ сомнѣвается въ существованіи у хлыстовъ обряда причащенія тѣломъ и кровью: «во время моленія люди божіи сажаютъ въ чанъ, наполненный теплою водою, 16 ти-лѣтнюю дѣвицу. Когда она усядется въ чанѣ, подходятъ къ ней старухи, дѣлаютъ глубокій надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцевъ — лѣвый и съ удивительною ловкостію останавливаютъ теченіе крови... Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которые ѣдятъ ихъ. Когда окончится это людоѣдство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: «поплясахомъ, погорахомъ на сіонскую гору». Первое свѣдѣніе объ этомъ сообщилъ Гакстгаузенъ, на основаніи разсказа какого-то «достовѣрнаго» свидѣтеля. За нимъ повторили его гг. Добротворскій и Мельниковъ, а недавно еще г. Кельсіевъ, въ одной журнальной статьѣ. Г. Барсовъ говоритъ, что оффиціальнымъ разслѣдованіемъ ничего подобнаго не обнаружено; подтвержденіе г. Кельсіева можетъ навести на большія сомнѣнія въ существованіи такого

омерзительнаго обряда... Брошюра г. Барсова читается съ интересомъ.

Брошюрки о земскихъ вопросахъ. Новгородскаго гласнаго *П. С. Гурьева.* (Изданіе въ пользу сельской школы). Спб. 1869.

Г. Гурьевъ обѣщаетъ нѣсколько брошюрокъ по земскому дѣлу. «Брошюрка № 1-й говоритъ о томъ, какъ взимались повинности въ новгородской области почти за четыреста лѣтъ тому назадъ»; обработана она по писцовымъ книгамъ съ самою благонамѣренною цѣлію показать, что наши предки выработали систему взиманія податей и сборовъ, по мнѣнію г. Гурьева, гораздо болѣе раціональную, именно уравнивающую повинности между плательщиками, сообразно получаемымъ съ земель доходамъ. Для земскихъ людей брошюрка г. Гурьева—чтеніе полезное и назидательное. Въ предисловіи къ брошюркѣ высказано нѣсколько «земскихъ» мыслей, очень симпатичныхъ, и сожалѣній о томъ, что едва народилось «бѣдное дитя» (т. е. земство), ни для кого не страшное, какъ уже нашлись люди, которые готовы побить его своимъ обухомъ. Они со всѣмъ азартомъ злости проповѣдуютъ, гдѣ слѣдуетъ, что когда этотъ младенецъ попроситъ ѣсть—то всунуть въ ротъ ему камень, а когда захочетъ протянуться, чтобы расправить свои увѣчные члены,—то принять его въ руки». Намъ нравится это сравненіе земства съ «бѣднымъ ребенкомъ», котораго принимаютъ въ руки, но мы не можемъ согласиться съ г. Гурьевымъ, что этотъ ребенокъ родился «съ англійскою болѣзнью». Совсѣмъ напротивъ...

Женщины ученыя и учащіяся. Переводъ съ французскаго. Москва. 1869.

Наши женщины заинтересованы теперь всѣмъ тѣмъ, что выходитъ по части такъ-называемаго женскаго вопроса, и потому мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ объ этой тоненькой брошюркѣ, переведенной одною москвитянкою, которая видитъ въ авторѣ ея, французѣ, «утонченную наблюдательность взгляда, проницательность, вѣрность опредѣленій, ясность изложенія и глубину содержанія». Къ сожалѣнію, мы совершенно расходимся со взглядами почтенной соотечественницы: переведенная ею брошюра, правда, заключаетъ въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ мыслей, но еще болѣе невѣрныхъ, окрашенныхъ въ нѣкоторой степени клерикальнымъ взглядомъ. Одна изъ самыхъ вѣрныхъ мыслей заключается въ томъ, что современное женское воспитаніе неудовлетворительно и что женщинамъ надо учиться. Принципъ, на которомъ французъ строитъ «надлежащее» воспитаніе женщинъ, таковъ: «вкусъ къ изящному, который находитъ свое вознагражденіе въ благородныхъ наслажденіяхъ, имъ доставляемыхъ, въ достоинствѣ, которое онъ сообщаетъ человѣку, и въ помощи, которую онъ ему подаетъ». Но сколько намъ кажется, именно этотъ принципъ и го... сподствуетъ въ современномъ воспитаніи, и по... тому-то оно и есть полувоспитаніе.

Право, законодательство и администрація въ философскихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ. Томъ первый. Спб. 1869. Изданіе *Н. И. Ламанскаго.*

Сказки, разсказы, очерки и рѣчи *Эдуарда Лабулэ.* Сборникъ избранныхъ произведеній. Изданіе *Н. И. Ламанскаго.* Спб. 1870.

Г. Ламанскій пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ издатель сочиненій извѣстнаго французскаго ученаго и публициста Лабулэ и еще болѣе, какъ издатель, много обѣщающій и мало, и плохо исполняющій. Года два тому назадъ г. Ламанскій объявлялъ о выходѣ «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ» Лабулэ: книга уже продавалась... въ объявленіи, хотя до сихъ поръ еще не издана; нѣсколько разъ г. Ламанскій манилъ ею публику въ теченіи двухъ лѣтъ и на дняхъ объявилъ, что она «выйдетъ въ октябрѣ». Мы, съ своей стороны, не можемъ обнаруживать ни малѣйшаго нетерпѣнія увидѣть эту исторію въ русскомъ переводѣ г. Ламанскаго, потому что его переводы отличаются крайнею небрежностію и извращеніемъ смысла подлинника. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ развернуть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, напр., «Сказки, разсказы, очерки и рѣчи» Лабулэ. Тутъ мы встрѣчаемъ переводъ не только дубовый, мѣстами неудобочитаемый, но величайшіе курьезы, которые стоютъ того, чтобъ занять мѣсто рядомъ съ извѣстнымъ «доенъ-д'агомъ», изобрѣтеннымъ весьма извѣстнымъ русскимъ журналистомъ. На стр. 72, въ статейкѣ «Раба Б... дина», читаемъ: «Для всѣхъ братій, смотрѣвшихъ на нее, было величайшею радостію

гъ, удивляться мужеству своей сестры; всѣ юминали *божественнаго мученика Кальварія* благословляя Господа, возносили милости» проч. Надо ли говорить, кто этотъ вновь обрѣтенный мученикъ Кальварій? Если читель не догадывается, мы приведемъ франскій текстъ: «le divin martyre du Calvaire» есть «божественный мученикъ *Голгоѳы*» гими словами: Іисусъ Христосъ. Надо слишъ плохо знать французскій языкъ, чтобы ать такія ошибки. И дѣйствительно, г. Ласкій доказываетъ это почти на всякой аницѣ. Не говоря о томъ, что онъ перевоъ, напр., «directeur général des finances» — нералъ-директоръ финансовъ», приводимъ дующую фразу, находящуюся на стр. 131 же книги: «Соблаговолите, ваше высоче-), представить на усмотрѣніе короля, какъ но для устойчивости его трона запрещеніе ь навсегда всѣхъ новыхъ системъ сохраія во всей цѣлости конституція и старыхъ мъ». Для объясненія этой безсмысленной зы мы должны были обратиться къ оригиг, напечатанному въ № 46 «Revue des Cours aires» (1867—1868) и прочли тамъ буквально ующее: «Veuillez, Monsieur, representer au roi bien il est important pour la stabilité de Son que tous les nouveaux systèmes soient prosà jamais, et que la constitution et les formes nnes soient maintenues dans leur intégrité». Тамѣстъ, искажающихъ вполнѣ смыслъ подика, можно бы привесть множество, проая ошибки не важныя и неточности. Ря съ незнаніемъ французскаго языка, мы ѣчаемъ незнаніе русскаго: напр., «Всѣ хо) понимали, что парламентъ *ужаснется этороекту*», и проч. и проч.

тихъ примѣровъ, кажется, достаточно для ктеристики перевода. Что касается под статей, то и здѣсь мы встрѣчаемся съ ѣйшимъ отсутствіемъ всякой мысли и вся системы. Въ одномъ томикѣ со сказками сказами помѣщены историческія изслѣдо. Книга съ громкимъ заглавіемъ: «Право одательство и администрація», наполнена *ями* Лабулэ о французскомъ законодатель при Людовикѣ XVI, небольшой его же йкою о «Духѣ законовъ» Монтескье, и йкою Ла-Рошеля о Лабулэ. Какая связь у всѣмъ этимъ, понять трудно. О франомъ законодательствѣ и французской администраціи при Людовикѣ XVI, Лабулэ читалъ въ «Collége de France», если не ошибаемся, въ 1866 году, и помѣщалъ свои лекціи въ «Cours littéraires» 1866 — 1867 г. Въ слѣдующемъ году явилось продолженіе этихъ чтеній подъ заглавіемъ «Les approches de la revolutions». Помѣстивъ чтеніе о французскомъ законодательствѣ и французской администраціи въ томѣ «Право, законодательство и администрація», г. Ламанскій отнесъ къ сказкамъ и разсказамъ чтенія о приближеніи революціи, причемъ выпустилъ нѣсколько главъ по причинамъ, для насъ совершенно непонятнымъ. Въ этихъ, пропущенныхъ русскимъ издателемъ главахъ, Лабулэ говоритъ о свободѣ совѣсти, арестѣ д'Эпременилля, дефицитѣ и займахъ 1788 г. и возбужденномъ состояніи Франціи наканунѣ революціи. Быть можетъ, г. Ламанскій выдумаетъ для этихъ главъ особое заглавіе и выпуститъ ихъ отдѣльной книжкой: предшествующая дѣятельность этого знатока французскаго языка вполнѣ допускаетъ такое предположеніе. Онъ дробитъ сочиненія Эдуарда Лабулэ самымъ страннымъ образомъ и эксплуатируетъ имъ этого писателя на сколько хватаетъ смѣлости. Самыя обертки его изданій носятъ на себѣ печать спекуляціи, разсчитывающей на довѣрчивый классъ читателей. Между сочиненіями, которыя грозитъ г. Ламанскій выпустить, красуется новое сочиненіе Жонво, съ предисловіемъ Эдуарда Лабулэ. Что нибудь одно—или г. Ламанскій не читалъ этого сочиненія Жонво и соблазнился предисловіемъ Э. Лабулэ, или онъ спекулируетъ сознательно. Жонво—одинъ изъ добросовѣстныхъ французскихъ компиляторовъ, написавшій, между прочимъ, нѣсколько статей въ разныхъ журналахъ объ извѣстной книгѣ Диксона «Новая Америка», вышедшей на русскомъ языкѣ въ трехъ переводахъ. Эти статьи онъ собралъ вмѣстѣ, выпустилъ отдѣльнымъ томикомъ, какъ это дѣлаетъ большинство французскихъ писателей и чего, къ сожалѣнію, не дѣлаютъ писатели русскіе, статьи которыхъ разбрасываются въ журналахъ и тамъ погребаются. Лабулэ сдѣлалъ къ книгѣ небольшое предисловіе, не заключающее въ себѣ ровно ничего новаго. И вотъ эту-то книгу г. Ламанскій желалъ выпустить въ свѣтъ, разсчитывая, что заглавіе приманитъ покупателей, которые будутъ имѣть удовольствіе читать въ плохомъ переводѣ фран-

цузской передѣлки то, что имъ извѣстно уже изъ хорошихъ переводовъ книги самого Диксона.

Нравы и чувства, или вседневныя истины изъ жизни нравственной и гражданской, почерпнутыя изъ сочиненій признанныхъ славныхъ моралистовъ и древнихъ и новѣйшихъ. Трудъ *О. Пашкевича.* Петроградъ (?), 1869.

Насъ не столько удивляетъ то, что этотъ «трудъ» изданъ въ неизвѣстномъ городѣ «Петроградѣ», сколько то, что г. О. Пашкевичъ принадлежитъ къ «признаннымъ славнымъ моралистамъ древнимъ и новѣйшимъ». На ряду съ мыслями Паскаля и Руссо, г. Пашкевичъ помѣстилъ мысли изъ какихъ то теорій словесности и свои собственныя, достойныя красоваться въ прописяхъ. Въ предисловіи онъ рекомендуетъ читателямъ «благоговѣть передъ истинами», собранными въ его книжкѣ, значитъ и передъ собственными его измышленіями, заключающимися въ томъ, во-первыхъ, что «дѣйствіе провидѣнія и дѣйствіе Божьяго промысла одно и тоже»; во-вторыхъ, въ томъ, что «совѣсть человѣка — чувство самое глубокое и самое правдивое» и въ третьихъ въ томъ, что «простую душу надо согрѣть и смягчить первоначально назиданіемъ въ правилахъ благонравія и благочестія», а потомъ уже учить грамотѣ. Изданіе всѣхъ этихъ истинъ г. Пашкевичъ считаетъ своевременнымъ особенно теперь, «въ нынѣшнее столь грустно-тяжкое время, время общаго недовѣрія къ справедливости... когда многіе иные сыны Церкви-Христовой, глубоко обязанные ей счастіемъ носить имя христіанина, заражаясь духомъ сумазбродныхъ идей и ученій, каковы, напр., нигилизмъ, коммунизмъ, либерализмъ, эгализе, и др., начинаютъ открыто чуждаться его и съ дерзостью порицать всѣ ея обряды и установленія». Все это прекрасно, особенно «эгализе», все это рекомендуетъ г. Пашкевича съ наилучшей стороны; къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ согласиться, что все то, что собралъ г. Пашкевичъ, непремѣнно «истина»; мы скорѣе готовы допустить, что большая часть собраннаго имъ, есть пустая болтовня, куча общихъ мѣстъ никому не нужныхъ. Мы думаемъ, что даже любители нравственныхъ сентенцій не будутъ удовлетворены «трудомъ» г. Пашкевича, ибо, хотя онъ и считаетъ себя «признаннымъ славнымъ моралистомъ», однако зачѣмъ же онъ «дополнялъ собственными со[illegible]дѣніями» и сообщалъ «полноту [illegible]» мыслямъ другихъ «славныхъ моралистов[illegible]». Правда, это онъ дѣлалъ относительно «древн[illegible]шихъ славныхъ моралистовъ»; но самъ же он[illegible] говоритъ, что «истина всегда современна и [illegible] подчиняется ни времени, ни пространств[illegible]» если это такъ, то почему же «новѣйшій сла[illegible]ный моралистъ», г. Пашкевичъ, дополняетъ [illegible] поправляетъ моралистовъ древнѣйшихъ? Вс[illegible] вопросъ, разрѣшеніе котораго, надѣемся, н[illegible] кому неинтересно.

А. С—нъ.

О современныхъ задачахъ изученія древне-р[illegible]ской литературы. Рѣчь, произнесенная доце[illegible]томъ *И. Некрасовымъ,* на актѣ въ Новоросс[illegible]скомъ университетѣ. Одесса. 1869.

Г. Некрасовъ, не такъ давно занявшій к[illegible]ѳедру русской словесности въ Новоросс[illegible]скомъ университетѣ, напечаталъ произнес[illegible]ную имъ въ публичномъ собраніи универ[illegible]тета рѣчь «о задачахъ изученія древне-русск[illegible] литературы», приложивъ къ ней довольно л[illegible]бопытные, хотя и весьма не обширные ма[illegible]ріалы. Этихъ послѣднихъ мы и коснемся [illegible] нашей замѣткѣ, такъ какъ довольно тру[illegible] сдѣлать оцѣнку самой рѣчи, въ которой [illegible]торъ, излагая свои мнѣнія о древне-русс[illegible] литературѣ, по большей части не подт[illegible]даетъ ихъ фактическими доказательств[illegible] многого не договариваетъ, не разъясняет[illegible] вообще только рѣшаетъ вопросы, не указ[illegible] какими путями доходитъ онъ до ихъ рѣше[illegible] Такая краткость и недостаточность, во [illegible]гихъ отношеніяхъ, статьи г. Некрасова [illegible]ясняется отчасти тѣмъ обстоятельством[illegible] должна явиться въ скоромъ времени въ [illegible] его магистерская диссертація, которая, [illegible] надѣяться, основательнѣе и шире отнесет[illegible] историко-литературнымъ вопросамъ, за[illegible] авторомъ въ его рѣчи.

Въ приложеніи помѣщены четыре ру[illegible]ные отрывка, изъ которыхъ наиболѣе [illegible]живаетъ вниманія повѣсть объ азовск[illegible]дѣніи, по рукоп. XVIII вѣка. Повѣсть [illegible] поздній отголосокъ мотивовъ «Слова о [illegible] Игоревѣ». Въ ней воспѣвается осада т[illegible] Азова, защищаемаго казаками. Сказаніе [illegible]бразными народными выраженіями и [illegible]сано эпическимъ языкомъ. «Тихій Донъ [illegible]новичъ» сказанія, съ одной стороны, [illegible]

иаетъ «синій Донъ» Сл. о п. Иг., съ другой —казацкія историческія пѣсни. Повѣсть прекрасно передаетъ намъ основы казаческаго міросозерцанія въ живыхъ, поэтическихъ образахъ: «вольное и свирѣпое» казачество, какъ сизые орлы, летаетъ по воздуху, какъ лютые звѣри, рыскаетъ по темнымъ лѣсамъ и разбиваетъ на моряхъ корабли; некому плакать по казакамъ на Руси: нѣтъ у нихъ ни отцовъ, ни матерей, они «у московскаго царя и государя не дороги же», ихъ тамъ «ни во что почитаютъ.» «А мы молодцы — говорятъ казаки туркамъ—не похотѣли быть въ вѣчныхъ холопахъ, и съ того мѣста мы молодцы убѣжали и поселилися здѣ въ пустыхъ мѣстахъ на тихомъ Дону на Ивановичѣ». Къ сожалѣнію, г. Некрасовъ приводитъ сказаніе не все цѣликомъ и дѣлаетъ пропуски, по своему усмотрѣнію.

Отрывку, помѣщенному въ прилож. подъ № III, г. Некрасовъ придаетъ особенно важное значеніе. Это нѣсколько словъ изъ «пренія живота со смертью», по рукоп. XVI вѣка, которое уже было помѣщено въ «Лѣтоп. русск. литер.» г. Тихонравова по списку XVIII вѣка. Эти слова слѣдующія: «Самсонъ сильный не богатырь ли былъ? Не силенъ ли былъ? Такъ говорилъ: аще было кольцо въ землю вдѣлано, азъ бы всѣмъ свѣтомъ воротилъ. Да и того ъ взяла.» «Эти слова — говоритъ г. Некрасовъ—представляютъ повтореніе того, что въ народныхъ былинахъ говоритъ Илья Муромецъ», и, на основаніи этого, заключаетъ о вліяніи нашихъ былинъ на литературу XVI вѣка. Дѣйствительно, эти слова говоритъ Илья Муромецъ, говоритъ и Самсонъ богатырь по былинѣ (Рыбник. II, № 1); но отчегоже не предположить наоборотъ, а именно, что въ былину объ Ильѣ Муромцѣ этотъ мотивъ могъ ть занесеннымъ изъ былины о Самсонѣ, которая носитъ на себѣ слѣды сильнаго книжнаго вліянія?

Отрывки подъ № IV составляютъ интересныя повѣсти изъ житія Пафнутія боровскаго, которыя уже обратилъ вниманіе въ своемъ номъ трудѣ о сочиненіяхъ Іосифа Санина Хрущовъ (Изслѣд. стр. 22—23). У г. Некрасова приведены цѣликомъ видѣніе инока о князѣ Иванѣ Калитѣ, повѣсти о сновидѣніи его и королѣ Витовтѣ. Важность хъ сказаній для историка русскаго быта литературы не ограничивается ихъ историческимъ колоритомъ: повѣсти Пафнутія сообщаютъ намъ интересныя данныя о значеніи милостыни на древней Руси и указываютъ на ея понятія о загробной жизни. Щ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Разборъ книги моей «Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати», помѣщенный въ «Вѣстникѣ Европы» (окт. 1869), я прочелъ со вниманіемъ и принялъ въ соображеніе. Я бы могъ благодарить Редакцію за то, что она отнеслась къ моей книгѣ серьезно. потому напр., что другое серьезное періодическое и кромѣ того спеціальное изданіе поручило разборъ ея такому лицу, которое не дало себѣ даже труда серьезно прочитать сочиненіе. Оно упрекаетъ меня, между прочимъ, за то, что я приписываю, будто бы, свободной рѣчи способность дѣлать въ политическомъ отношеніи *все*, между тѣмъ какъ я именно доказывалъ, что свобода рѣчи не можетъ дѣлать всего, а можетъ дать только правильность общественному развитію. Критикъ упрекаетъ меня за то, что я, будто бы, занятіе Испаніи французами при Наполеонѣ приписываю религіознымъ гоненіямъ временъ реформація. Я очевидно намекалъ на французское вліяніе въ Испаніи во время Бурбоновъ, а не на завоеванія Наполеона. Неужели нужно было болѣе намека послѣ всѣми прочитанныхъ у насъ прекрасныхъ страницъ Бокля о послѣдствіяхъ религіозныхъ гоненій въ Испаніи? Въ серьезномъ журналѣ поручить критику человѣку, повидимому не читавшему даже Бокля! Несмотря на такое состояніе нашей журналистики, я считаю недостойнымъ «Вѣстника Европы» воздавать ему благодарность за то, что онъ отнесся дѣльно къ серьезной вещи. Съ глубокимъ прискорбіемъ прочелъ я его, можетъ быть, слишкомъ справедливыя слова, что у насъ было бы радостнымъ происшествіемъ появленіе хотя *небольшого* облегченія для нашей стѣсненной печати. Но въ разборѣ есть мѣсто, которое я не могу оставить безъ отвѣта. «Вѣстникъ Европы» упрекаетъ меня въ забавно наивныхъ и легкомысленныхъ сужденіяхъ, и въ доказательство приводитъ слѣдующія мои слова: «Во Франціи, если человѣка, безъ всякой вины и по одному подозрѣнію не бро-

саютъ въ тюрьму и не швыряютъ въ ссылку, то уже кажется, что съ нимъ поступаютъ очень милостиво» Пусть «Вѣстникъ Европы» вспомнитъ 38,000 ссылокъ Наполеона III. Пусть онъ вспомнитъ знаменитыя административныя распоряженія въ родѣ слѣдующаго: «Министръ рѣшилъ: Шапителя, присужденнаго судомъ къ шестимѣсячному заключенію за принадлежность къ тайнымъ обществамъ и Браэта, присужденнаго за то же къ двухмѣсячному заключенію, сослать, по исполненіи надъ ними приговора, въ Кайену на десять лѣтъ.» Пусть онъ вспомнитъ, что въ Англіи, уже двѣсти лѣтъ тому назадъ административная ссылка осуждена обществомъ и уничтожена. Да, я жалѣю только о томъ, что я не прибавилъ къ своимъ словамъ: «Вотъ какъ поступаютъ французы и вотъ какое несутъ за это ужасное наказаніе. Политическіе изгнанники, прикрываясь штыками враждебной державы, мечутъ громы рѣчей въ правительство родной страны, и французы рады, потому что видятъ въ этомъ единственное средство для того, чтобы оживить замирающее подъ гнетомъ тѣло своей родины. Послѣ этого, имъ остается ожидать только одного униженія, встрѣчу съ радостными лицами внѣшнихъ враговъ, пришедшихъ освободить Францію отъ цѣпей, которыя она сама наложила на себя. Что̀ я говорю, зачѣмъ ей ожидать, развѣ она это уже не пережила; сто̀итъ начитаться описаній восторженнаго любопытства, съ которымъ встрѣчались союзники въ Парижѣ, послѣ пораженія Наполеона, чтобы убѣдиться въ этомъ. Парижъ не обратился въ молчаливый гробъ великаго народа, съ отчаяніемъ переносящаго свою судьбу, а оживился роскошными праздниками. Пусть французы устыдятся, глядя на завоеванныхъ ими кабиловъ—эти дикари не остановились передъ борьбою за свою свободу съ сорока-милліоннымъ, цивилизованнымъ государствомъ. Когда они были побѣждены, они приняли своихъ побѣдителей съ гордой, неприступной холодностію, какъ будто говорили имъ: свободнаго человѣка возможно побѣдить, но унизить невозможно. Вы, охотники до цензурныхъ стѣсненій, до карательныхъ мѣръ, смотрите на жалкія чувства, которыя порождаются отсутствіемъ свободнаго слова, и бичуйте себя. Гдѣ нѣтъ свободы рѣчи и гуманнаго отношенія къ личности, там патріотизмъ невозможенъ, тамъ невозможно serьезное и сознательное чувство національнаго достоинства, тамъ легко смотрятъ на все святое, тамъ сильные не имѣютъ столько самообладанія, любви къ родинѣ и чувства народной чести, чтобы не вынуждать слабыхъ искать покровительства и защиты внѣ предѣловъ отечества, тамъ общество слишкомъ легкомысленно, чтобы понять серьезную и глубоко оскорбительную для него сторону подобнаго иностраннаго вмѣшательства и предупредить его. Инстинктъ можетъ внушить дикарю глубокія чувства, которыя въ глухой странѣ вынужденнаго безмолвія будутъ недоступны и неизвѣстны образованному и развитому человѣку». Вотъ мой отвѣтъ на вашъ упрекъ; неужели же мнѣ кто-нибудь скажетъ, что онъ не заключаетъ въ себѣ истины, и есть только забавной наивности, легкомыслія и увлеченія. Неужели нѣтъ серьезной потребности энергически порицать то отсутствіе серьезныхъ чувствъ и серьезной предусмотрительности въ народѣ, которое порождаетъ легкомысленныя ссоры, не менѣе легкомысленное злоупотребленіе власти и уничтоженіе безопасности, создаетъ положенія, гдѣ граждане ищутъ защиты внѣ отечества, дѣлаетъ такимъ образомъ иностранную державу покровителемъ отечественной партіи, а иногда и всего общества, и до того деморализируетъ народъ, что онъ даже не понимаетъ, какъ глубоко это оскорбляетъ народную честь. Въ Англіи и въ Америкѣ только воры прикрываются границей тогда какъ у французовъ должны прикрываться популярные писатели, даже въ такое время, какъ теперь. Я надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить у себя въ журналѣ мое оправданіе передъ вашими читателями.

Въ отвѣтъ автору, мы можемъ сказать одно, что, допустивъ даже справедливость всего сказаннаго имъ о дѣйствіяхъ французской администраціи, тѣмъ не менѣе странно читать утвержденіе, какъ мы встрѣчаемъ то у автора, что французы совершенно довольны, если только ихъ не ссылаютъ въ Кайенну по одному подозрѣнію. Въ настоящую минуту, по взгляду автора на французское общество, французы должны быть болѣе чѣмъ довольны; однако они, какъ знаетъ то и авторъ, весьма недовольны многимъ, помимо всякой Кайенны. — Ред.

ЗАМѢТКА

по поводу уваровскихъ премій въ 1869 году.

Намъ еще не случилось говорить о присужніи уваровскихъ премій за нынѣшній годъ, торое сдѣлано было Академіей Наукъ въ прошмъ сентябрѣ, между тѣмъ это присужденіе служиваетъ быть упомянутымъ. Уваровскія еміи назначаются, по приговорамъ особой миссіи, составляемой при Академіи, за лучя сочиненія по русской исторіи, древноимъ, исторіи литературы и т. п., и за лучшія аматическія произведенія. Преміи состоятъ одной *большой* преміи (1000 р.) и нѣсколькъ *меньшихъ* (500 р.). На нынѣшній разъ льшая премія присуждена была баккалавру сковской духовной академіи, г. Голубинскому, рукописное его сочиненіе «О славянскихъ остолахъ, Кириллѣ и Меѳодіи». Меньшія преназначены: г. Энгельману за книгу «О давти по русскому гражданскому праву»; свяннику Горчакову за историко-юридическое слѣдованіе о «Монастырскомъ приказѣ 1649—5» (это сочиненіе было диссертаціей, котоо г. Горчаковъ успѣшно защищалъ въ Пебургскомъ университетѣ на степень магиа, и авторъ былъ, кажется, первое лицо дуаго званія, получившее университетскую ень); г. Котляревскому за сочиненіе «О ребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ»; тасову за изслѣдованіе «О происхожденіи скихъ былинъ»; г. Макушеву за «Изслѣдое объ историческихъ памятникахъ и бысателяхъ Дубровника», и г. Хрущову за слѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, одобнаго игумена Волоцкаго».

Одно изъ самыхъ любопытныхъ въ этомъ присужденій, не безъинтересное и для телей «Вѣстника Европы», есть конечно предметомъ котораго было сочиненіе г. ова. Напечатаніе этого сочиненія, какъ омнятъ читатели, стоило автору сочине«Вѣстнику Европы» озлобленныхъ обвий въ легкомысленномъ отношеніи къ свяымъ преданіямъ старины, въ неуваженіи ароду и наконецъ просто въ невѣжествѣ. не намѣрены вовсе входить въ какое-нибудь разбирательство этихъ обвиненій, и хотѣли только, по поводу академическаго присужденія, отмѣтить этотъ образчикъ нашихъ ученыхъ нравовъ, которые къ сожалѣнію не далеко ушли отъ всѣхъ остальныхъ нравовъ русскаго общества.

Академическая коммиссія, которой пришлось опредѣлять достоинство труда г. Стасова, отнеслась къ дѣлу съ приличнымъ ей безпристрастіемъ. «Это сочиненіе,—говоритъ она въ своемъ отчетѣ,—при появленіи своемъ въ свѣтъ, обратило на себя, въ нашихъ ученыхъ и литературныхъ кругахъ, всеобщее вниманіе и послужило поводомъ къ горячимъ литературнымъ спорамъ, которые ясно показали, что сочиненіе касается весьма важныхъ вопросовъ о русской старинѣ, и высказываемыми въ немъ взглядами затрогиваетъ не одни чисто научные интересы. Это обстоятельство налагало на коммиссію обязанность приложить особенную заботу о томъ, чтобы при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этого сочиненія были устранены всѣ другія соображенія, *кромѣ ученыхъ*. Коммиссія полагаетъ, что она исполнила эту обязанность, избравъ въ рецензенты сочиненія г. Стасова академиковъ Ѳ. И. Буслаева и А. А. Шифнера».

Выбраны были дѣйствительно компетентные люди: г. Буслаевъ доселѣ есть самый заслуженный спеціалистъ по древней русской поэзіи; г. Шифнеръ извѣстенъ своими трудами о сказочномъ эпосѣ и могъ наилучшимъ образомъ судить о восточныхъ элементахъ вопроса. Если прибавить, что академическая коммиссія состояла изъ лицъ, всего менѣе склонныхъ руководиться какими-либо соображеніями, «кромѣ ученыхъ», и лицъ, даже положительно враждебныхъ *такимъ* соображеніямъ, какія открывали у г. Стасова его противники, и если припомнить еще, что одинъ изъ критиковъ, г. Буслаевъ, долженъ былъ найти у г. Стасова непріятныя опроверженія своихъ собственныхъ взглядовъ, то благопріятный отзывъ академической коммиссіи нельзя не счесть хорошимъ урокомъ для тѣхъ через мѣру пылкихъ и торопливыхъ критиковъ, которые поспѣшили

произнести отлученіе надъ г. Стасовымъ, обвинивъ его какъ въ недостаткѣ патріотической гордости Ильей Муромцемъ и Добрыней Никитичемъ, такъ и въ отсутствіи всякаго ученаго значенія въ его трудѣ. Послѣднее, т. е. ученое значеніе признано отзывомъ академической коммиссія; перваго, т. е. недостатка патріотизма, коммиссія вовсе и не касалась, и конечно прекрасно сдѣлала, потому что дѣйствительно ни что не можетъ до такой степени опошлять науки, какъ подобныя полицейскія розысканія о количествѣ патріотизма у писателя,—и, главное, какого патріотизма? — того самаго, который зиждется на невыносимо глупомъ самохвальствѣ и кисло-сладкой сантиментальности.

Наука, говорятъ, имѣетъ свойство очищать и возвышать понятія и цивилизовать нравы: наши ученые нерѣдко блистательно это опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что такое благотворное дѣйствіе оказываетъ только настоящая наука, которая ставитъ себѣ цѣлію только изслѣдованіе истины, какова бы она ни была, пріятна для насъ лично или непріятна, соотвѣтственна полицейскимъ вкусамъ или несоотвѣтственна,—а не такая ученость, которая занимается только формальностями науки, или же мнимо ученымъ фантазерствомъ, и ношеніемъ ученаго мундира. Поэтому такіе ученые и не могутъ выносить никакой свободы чужого мнѣнія, никакого противорѣчія понятьицамъ ихъ собственнаго изобрѣтенія и той рутинѣ, которой они служатъ учеными представителями: сколько они ни окружаютъ себя учеными аттрибутами, изъ-за этихъ аттрибутовъ выглядываетъ все тотъ-же «ветхій человѣкъ», тотъ-же не совсѣмъ образованный человѣкъ, нерѣдко съ совсѣмъ дикими понятіями и замашками, какого до сихъ поръ зачастую производитъ наша жизнь. Поэтому, въ нашемъ ученомъ быту и встрѣчаются такъ часто уродливыя явленія въ родѣ тѣхъ нападеній, которыя дѣлались противъ г. Стасова и противъ многихъ другихъ. Припомнимъ, напримѣръ, ту чисто полицейскую тревогу, которую поднялъ ученый людъ одного провинціальнаго университета противъ профессора, который осмѣлился усумниться въ значеніи славянскаго съѣзда въ Москвѣ и въ искренности и разумности нашихъ отношеній къ славянскимъ братьямъ, какъ эти отношенія тогда изображались. Ученые люди не нашли сдѣлать ничего лучше въ защиту своего славянофильства, какъ заподозрить гражданскую благонамѣренность профессора: если мы не очень ошибаемся, его обвинили печатно въ томъ, что онъ измѣнялъ Россіи и дѣйствовалъ въ интересахъ Турціи. Припомнимъ другія многочисленныя исторіи, въ родѣ тѣхъ, какія хронически совершаются въ московскомъ университетѣ, въ родѣ диспута г. Владиславлева въ петербургскомъ университетѣ, и т. д., и намъ представится весьма печальная картина странныхъ нравовъ русской науки.

Нападеніе на г. Стасова сдѣлано было совершенно въ духѣ этихъ нравовъ. Прежде всего нашли нужнымъ дать понять о недостаткѣ патріотизма, отвергали всякое научное значеніе труда. Нечего говорить о томъ, какую нравственную цѣну имѣетъ первое изъ этихъ обвиненій, но мы увидимъ его смыслъ еще лучше, если обратимъ вниманіе на то, что оно въ сущности было и единственное. Въ самомъ дѣлѣ, прошло уже два года съ тѣхъ поръ, какъ печаталось изслѣдованіе, и кромѣ этого обвиненія его противники до сихъ поръ не рѣшились сказать ничего опредѣлительнаго о самой сущности дѣла. Они называли взгляды г. Стасова такой вопіющей ересью, и главное, такой легкомысленной и ненаучной фантазіей, что повидимому не стоило бы ни малѣйшаго труда обличить такую пустую и неосновательную вещь. О былинахъ писано было такъ много, теорія ихъ такъ утверждена, характеристики богатырей обработаны такъ складно и живописно, на основаніи былинъ сдѣлано уже столько выводовъ о земскомъ и національномъ идеалѣ, что, казалось бы, стоило только указать давно развитые и извѣстные аргументы, чтобы уничтожить «фантазію» г. Стасова. Но этого, къ удивленію, не случилось. Одинъ г. Орестъ Миллеръ, взявшійся быть органомъ негодующихъ сантиментальныхъ археологовъ противъ г. Стасова, нѣсколько разъ принимался за обличеніе, но всѣ они кончались пока только выраженіемъ этого негодованія и повтореніемъ старыхъ метафизическихъ разсужденій о высокомъ нравственномъ откровеніи, заключающемся въ Ильѣ-Муромцѣ, Добрынѣ, *Волгѣ* и т. д. Существеннаго опроверженія взглядовъ г. Стасова до сихъ поръ не было. Оказывается такимъ образомъ, что изслѣдованіе—вѣрно ли оно или невѣрно въ своихъ выводахъ.

ава—поставило вопросъ такъ, что привело
ену archeологію въ нѣкоторое затрудне-
е, и она не вдругъ нашлась, что̀ отвѣчать.
Орестъ Миллеръ извѣщаетъ теперь, что онъ
товитъ цѣлое изслѣдованіе объ Ильѣ-Муром-
, гдѣ, какъ надо ожидать, будутъ разбиты до-
зательства г. Стасова. Но если г. Орестъ
иллеръ только черезъ два-три года соберется
азать свой отвѣтъ — какой еще, неизвѣст-
, — къ чему были ребячески-высокомѣрныя
кликанія въ то время, когда еще самый
удъ г. Стасова не былъ весь напечатанъ?
Въ сентябрьской книжкѣ «Журнала Мини-
ерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщена,
къ будто въ видѣ учено-дипломатической
монстраціи по поводу академическаго при-
ждѣнія, полемическая замѣтка г. Ореста
иллера для г. В. Ламанскаго, перепечатанная
№ 224 «Голоса». Замѣтка — какъ и всѣ
жнія замѣтки—не говоритъ опять ничего су-
ственнаго, такъ что самъ редакторъ «Жур-
а» не могъ не прибавить къ замѣткѣ, что
интересахъ самаго дѣла и читателей было
желательнѣе болѣе обстоятельное и болѣе,
къ сказать, объективное разъясненіе спор-
къ пунктовъ, о коихъ идетъ здѣсь рѣчь».
ь идетъ все о томъ же изслѣдованіи г. Ста-
а и о сочувствіи, которое высказалъ къ не-
при его первомъ появленіи г. Ламанскій.
мѣтка» съ эпиграфомъ: «милые бранятся—
только тѣшатся», писана въ умилительномъ, но и строгомъ тонѣ. «Добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ», «многоуважаемый Владиміръ Ивановичъ», «любезный Владиміръ Ивановичъ» — таковы полемическія обращенія г. Ореста Миллера къ г. Ламанскому; очевидно, что первый дѣйствительно тѣшится; не знаемъ, тѣшится ли г. Ламанскій, читая эти любезности. Но съ ними соединена, какъ мы сказали, и строгость, потому что г. Орестъ Миллеръ дѣлаетъ ему репримандъ за то, что̀ г. Ламанскій обнаруживалъ сочувствіе къ труду г. Стасова и находилъ даже, что этотъ трудъ можетъ быть «полезнымъ противовѣсомъ» фантазіямъ г. Миллера (что̀ не подлежитъ сомнѣнію, прибавимъ мы). Впрочемъ, бесѣда или брань «милыхъ» ведется въ такомъ дружеско-халатномъ родѣ, такъ переполнена воспоминаніями, для другихъ вовсе не обязательными, такъ перескакиваетъ отъ одного предмета къ другому, съ той легкостью, какая свойственна дружеской бесѣдѣ,—что намъ, постороннимъ, кажется, и не слѣдъ бы въ нее вмѣшиваться. Тѣшьтесь, г. Орестъ Миллеръ, тѣшьтесь!

Подробный отчетъ академической коммиссіи, гдѣ будутъ напечатаны вполнѣ и самыя рецензіи, еще не вышелъ въ свѣтъ. Безъ сомнѣнія, авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ» въ свое время самъ обратитъ на эти рецензіи должное вниманіе. т.

ОПРАВКА: Выше, на стр. 802, послѣдняя строка, напечатано: 100 килом. (94 версты),— слѣдуетъ: *100 метровъ*.

М. Стасюлевичъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»,

ЗА 1869 ГОДЪ.

Обозрѣнія.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь: Прошедшій годъ; общая его характеристика, и различіе въ общественномъ настроеніи. Главнѣйшія событія и новыя реформы. Судьба прежнихъ реформъ, крестьянской, земской и судебной, и дѣла западнаго края. Современное положеніе дѣлъ въ средней Азіи и ихъ cercle vicieux. Новая книга г. Пашино о Туркестанѣ (409 стр.) — Февраль: Новыя правительственныя соображенія. Роспись на 1869 годъ. Отчетъ государственнаго контроля по отношенію росписи 1867 годъ. Составъ отчета. Превышеніе въ доходахъ. Уменьшеніе расходовъ. Процентъ расходовъ сверхъ-смѣтныхъ. Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1867 г. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Миссіонерство и вѣротерпимость. Народныя школы духовенства. Характеръ ихъ. Школы государственныхъ имуществъ, и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ по поводу ихъ (898 стр.). — Мартъ: Юбилей Петербургскаго университета. Высочайшій рескриптъ. Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. Экономическіе результаты. Желѣзнодорожная политика. Элементы стратегическій и экономическій. Восемь предположенныхъ линій. Дороги безъ гарантіи. Новая концессія. Моршанское дѣло. Расколъ и школы. Московское земство и народныя школы. Вопросъ объ учителяхъ. Проектъ учительской семинаріи (424 стр.). — Апрѣль: Сессія дворянства Петербургской губерніи. Вопросъ объ опекѣ. Правительственный проектъ. Всесословность и сословность. Городской элементъ въ общей опекѣ. Вопросъ о 19-мъ февралѣ 1870 года. Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда. Земледѣльческая ипотека и банки. Что такое почта? Реформа во взглядѣ на умственное право общества. Религіозныя разномыслія. Дѣло Крынина. Дѣло Большакова (921 стр.). — Май: Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. Туркестанская выставка, и наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи. Волненіе въ Оренбургскомъ краѣ. Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 г. Земскіе выборы. Статистика земскаго представительства. Проектъ о новомъ сословіи. «Всеобщее

еврейское общество» и наши евреи. Сущ[...]
еврейскаго вопроса въ Россіи (370 стр.).—І[...]
Взглядъ на полицію въ обществѣ. Новѣй[...]
преобразованія по полиціи въ Петерб[...]
Отчетъ о дѣятельности полиціи за 1867[...]
Необходимость предварительнаго перес[...]
полицейскаго права. Сущность послѣдн[...]
лицейской реформы и ея недостаточность[...]
ши города: ихъ происхожденіе и характер[...]
стика. Проекты городского преобразов[...]
Упадокъ вексельнаго курса. Наша финансо[...]
политика. Новое положеніе министерства [...]
тей сообщенія. Отношеніе почтоваго дѣла [...]
желѣзнымъ дорогамъ. Post-scriptum: Циркул[...]
министра юстиціи (871 стр.).—Іюль: Реф[...]
мы относительно духовенства: отмѣна насл[...]
ственности духовнаго званія; опредѣленіе [...]
ходовъ и приходскаго духовенства. Подгуде[...]
духовенства. «Свѣтская рука» въ духов[...]
дѣлахъ. Законы о святотатствѣ, и наказ[...]
по духовнымъ винамъ. Преобразованіе въ [...]
ложеніи казачьихъ населеній. Отмѣна обя[...]
тельности службы. Отводъ земель. Воено[...]
либавской дороги. Отчетъ главнаго обще[...]
желѣзныхъ дорогъ. Контрактъ съ бр[...]
Уайненсъ (362 стр.).—Августъ: Право пр[...]
брѣтенія дворянскихъ вотчинъ въ Эстл[...]
Крестьянскій юбилей въ Отзейскомъ краѣ. К[...]
стьянскій вопросъ и полемика по балтійск[...]
дѣламъ. Съѣздъ петербургскаго епархіальн[...]
духовенства. Выборное начало среди духов[...]
ства. Новый уставъ духовныхъ академій. Н[...]
которыя стороны желѣзно-дорожнаго д[...]
Наши дѣла на Востокѣ. Измѣненіе въ ст[...]
ныхъ уставахъ (842 стр.). — Сентяб[...]
Внутренній заемъ въ 15 мил. р. Образ[...]
безпроцентнаго долга. Возраженія противъ д[...]
нѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ фина[...]
ваго ресурса. Гласность въ ассигнаціон[...]
дѣлѣ. Учебный курсъ въ классическихъ гим[...]
зіяхъ. Расторженіе контракта съ Уайненс[...]
Желѣзно-дорожные торги. Воронежско-[...]
шевская и Бессарабская дороги. Съѣздъ [...]
тербургскаго духовенства (347 стр.).—Октяб[...]
Почтовое дѣло и почтовыя ревизіи. Ея [...]
условія пересылки газетъ и журналовъ [...]
1870 г. Наши экономическія дѣла. Спекул[...]
Биржа. Банки. Возвышеніе и паденіе пр[...]
ныхъ бумагъ. Выпускъ ассигнацій. Бу[...]
Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о [...]

ый съѣздъ петербургскаго духовенства. кращеніе безпорядковъ въ киргизскихъ іяхъ. Виды въ будущемъ (870 стр.). — Н о- ь: Земское управленіе и его расходы. Пе- бургская городская смѣта на 1870 годъ. пень простора земства въ распоряженіи дствами. Пробразованіе Адресной Экспеди- Пріѣздъ Кремье и еврейскій вопросъ. еи въ новомъ городскомъ положеніи. От- о сборѣ на желѣзныхъ дорогахъ. Проектъ аго положенія объ эксплуатаціи желѣзныхъ огъ (392 стр.).—Декабрь: Коммиссія для смотра постановленій о печати. Одинъ изъ ектовъ податной коммиссіи. Расходы на ный составъ администраціи. Отнятіе у зем- даровой почтовой корреспонденціи. Ре- скій наборъ 1870 года. Народная гигіена. дицинскій отчетъ Полтавскаго земства. На- ное образованіе. Отношеніе къ нему министе- одпаго просвѣщенія. (904 стр.).

Иностранное Обозрѣніе. — Январь: Ко- ная причина всѣхъ затрудненій европей- дипломатіи. Источникъ рѣшительной по- ики Турціи въ послѣднее время, и румын- дѣла. Турецкій ультиматъ 10-го декабря. іональное движеніе въ Греціи, и конферен- Отношеніе Австріи къ восточному вопро- Новое министерство во Франціи въ связи реко-турецкимъ столкновеніемъ. Отношеніе Турціи новаго министерства въ Англіи. дъ Станлей и его рѣчь по восточному во- у. Америка (426 стр.). — Февраль: Па- ская конференція по греко-турецкому стол- енію. Забытые трактаты. Любопытная ди- атическая переписка. Бурре, Элліотъ и атьевъ. Антинаціональная политика грече- о кабинета. Тронная рѣчь Наполеона III инственныя угрозы. Ея отношенія къ вну- нимъ дѣламъ Франціи. Дѣло барона Сегье. овольство католической партіи. Волненія Италіи и новые налоги. Письмо Гарибаль- Испанія и выборы въ кортесы (913 стр.).— ртъ: Заключеніе парижской конференціи. арація. Торжество Турціи. Смерть Фуадъ- и. Политическая карьера въ Турціи. Графъ маркъ и конфискаціи. Пренія французскаго та, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ до- хъ. Кортесы и рѣчь маршала Серрано. нная рѣчь англійской королевы и откры- парламента. Рѣчь Гладстона объ Ирландіи (441 стр.). — Апрѣль: Французскій законо- дательный корпусъ. Прусскіе парламенты. Ис- панскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. Сѣверо- американскіе Штаты и избраніе новаго прези- дента. Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ. Жизнь Гранта и его политическія идеи. Билль Глад- стона объ ирландской церкви (939 стр.).—Май: Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. Рѣчи Тьера и Лава- летта. Оффиціальныя кандидатуры и свобода выборовъ. Эмиль Олливье и его новая книга: «Девятнадцатое января». Выборы въ венгер- скій сеймъ. Сближеніе Австріи съ Италіею. Послѣднія испанскія дѣла (393 стр.).—Іюнь: Французскіе выборы 1857, 1863 и 1869 годовъ. Шартрская рѣчь. Значеніе парижскихъ волне- ній. Бансель и Олливье. Оппозиція въ Парижѣ и оппозиція въ провинціяхъ. Испанія и рели- гіозный вопросъ. Закрытіе австрійскаго рейхс- рата. Перемѣна итальянскаго министерства. Англія и Американскіе Штаты (892 стр.). — Іюль: Событія во Франціи. Выборы 24-го мая и 7-го іюня. Народное движеніе. Старая оппо- зиція и радикальная партія. Письмо Персиньи и программа Наполеона. Книга Тено: Les su- spects en 1858. Сѣверогерманскій и таможен- ный парламенты. Регентство въ Испаніи. Па- лата лордовъ, и билль объ ирландской церкви (382. стр.). — Августъ: Графъ Бисмаркъ и единство Германіи. Историческій очеркъ раз- витія идеи нѣмецкаго единства. Антагонизмъ между Пруссіею и Австріею. Фридрихъ II и гегемонія Пруссіи. Вторженіе Наполеона и война за освобожденіе. Фридрихъ Вильгельмъ III и священный союзъ. Національное движе- ніе 1848 г. и франкфуртскій парламентъ. По- пытки Фридриха-Вильгельма IV. Торжество Австріи. Прусская политика съ 1859 года. Графъ Бисмаркъ, его жизнь и дѣятельность (863 стр.).—Сентябрь: Конституціонная ре- форма во Франціи. Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго на- рода. Диктатура Наполеона I. Божественное право Карла X. Паденіе Іюльской монархіи. Вторая республика и возобновленіе диктатуры. Наполеонъ III. Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію. Посланіе 12-го іюня. Кризисъ второй имперіи (365 стр). —Октябрь: Русскіе публицисты и братья-сла- вяне. Фальшивый либерализмъ въ нашей жур-

налистикѣ. Янъ Гусъ и Богемія. Празднованіе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ. Палацкій. Москва и рѣчь М. П. Погодина. Выборы въ богемскій сеймъ. Политика Австріи. Пруссія. Петиція Шлезвига. Рѣчи и военные маневры Вильгельма I. Франція, принцъ Наполеонъ и Кератри. Годовщина испанской революціи. Куба и Сѣверо-Американскіе Штаты. Италія (891 стр.). — Ноябрь: Правительство и партіи во Франціи. 26-ое октября и манифестъ оппозиціи. Вопросъ о престолонаслѣдіи. Стачка рабочихъ. Религіозное движеніе во Франціи и Германіи. Открытіе парламентовъ въ Германіи. Австрія и Пруссія. Министерскій кризисъ въ Италіи. Испанскія дѣла. Суэзскій каналъ (409 стр.).— Декабрь: «Безцвѣтность» нашего обозрѣнія, и «цвѣты» русской публицистики. Значеніе въ русской печати «иностранныхъ обозрѣній». Передовая статья «Голоса», и ея трактатъ о будущемъ Россіи и Европы. Защита этнологической правды въ «Спб. Вѣд.». Сравненіе австрійскаго либерализма съ французскимъ. Франція наканунѣ законодательнаго собранія. Рѣчь императора 29 ноября. Отдѣленіе свободы отъ порядка. Неопредѣленность внѣшней политики (923 стр).

III. Литературныя Извѣстія.

А) Русская Литература: Исканіе старообрядцами въ XVIII вѣкѣ законнаго архіерейства. Изд. протоіер. *Т. Верховскій*. Доисторическій бытъ человѣчества и начала цивилизаціи. Соч. *Е. Б. Тайлора*. Правые и виноватые, записки слѣдователя, сороковыхъ годовъ. *П. И. Степанова* (**Янв.** 477 стр.).—Раскольники и отщепенцы. Соч. *О. В. Ливанова*. Разсказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи. *А. Шуфа*. Русскіе писатели: Сочиненія и переводы *В. И. Лукина* и *Б. Е. Ельчинова*. Всемірная исторія *Ф. Шлоссера*. Исторія XVIII и XIX стол. *Ф. Шлоссера*. Изъ жизни. Разсказы и повѣсти *Н. Ковалевскаго*. О вліяніи суда на приговоръ присяжныхъ. *Юл. Глазера*. (**Февр.** 969. стр.).—О сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ. Изсл. *Ф. Юнгъ-Штиллинга*. Безъ вины виноватые. Разск. *А. К. Владимірова*. Очерки Японіи *М. Венюкова*. Отрывки изъ путешествій по восточн. областямъ Евр. Турціи, *П. Мосолова*. За Байкаломъ и на Амурѣ, *Д. И. Стахѣева*. Драматическія сочиненія *Д. И. Стах*[...]
Рабочій вопросъ, *Эрн. Бехера*. Перев. П. [...]
Ткачева. Русскіе сказки, *Н. Ахшарумова*. [...]
выя сказки *Эд. Лабуле*. Дѣти капитана Гра[...]
Ж. Верна. Пер. Вовчка. Очеркъ практич[...]
педагогіи, *Ф. Диттеса*. Пер. Паульсона. ([...]
491 стр.). — Признаки времени и письм[...]
провинціи, *М. Салтыкова* (Щедрина). Соч[...]
ненія и переводы *А. Н. Бажанова*. Запис[...]
очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861[...]
62 гг. Соч. *А. Подвысоцкаго*. Виленскій сбо[...]
никъ, *В. Кулина*. Систематическій катало[...]
русскимъ книгамъ въ книжномъ маг. А. [...]
Базунова. Состав. *В. И. Межовъ*. Отвѣтъ [...]
Шуфа, по поводу рецензіи его историческ[...]
учебника. (**Апр.** 979 стр.).—Сборникъ Русск[...]
Историческаго общества, т. III. Духовныя жен[...]
В. Диксона. Русь и Русскіе 1812 года, С. [...]
Любецкаго. Семейство Тарскихъ. *Н. А. Бр*[...]
каго. (**Май**, 445 стр.).—Голосъ изъ земства. *А.* [...]
шелева. Исторія царствованія имп. Александ[...]
и его время, *М. Богдановича*. Столбы *В. Б*[...]
лова. Полное собраніе сочиненій *А. С. Пу*[...]
кина. Т. III. Жизнь насѣкомыхъ, *Луи Ф*[...]
(**Іюнь**, 917 стр.).—Общепонятныя естествен[...]
научныя, гигіеническія и медицинскія со[...]
ненія. Перев. съ нѣм. *С. Ловцова*. (**Іюль**, [...]
стр.).—Сочиненія *И. С. Никитина*. Изъ[...]
М. Ѳ. де Пуле. Стихотворенія. *Н. Пушк*[...]
Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, *И. Е*[...]
кольскаго. Современникъ лѣтописи раскола [...]
Н. Субботина. Джонъ Стюартъ Милль, [...]
рев. съ англійскаго *А. Н. Невѣдомск*[...]
женіе законодательства въ Россіи, *Гр*[...]
Бланка (**Авг.** 891 стр.). — Исторія адвокат[...]
у древнихъ народовъ, *А. Стоянова*. Карт[...]
прошедшаго, *А. Сухово-Кобылина*. Осмна[...]
тый вѣкъ, историческій сборникъ, издава[...]
П. Бартеневымъ. — Недоразумѣніе. [...]
Данкевича. Популярная гигіена. Соч. *Карла Р*[...]
клама. (**Сент.** 411 стр.).—Свобода рѣчи, тер[...]
мость и наши законы о печати. О подч[...]
женщины. Соч. *Дж. Ст-Милля*. Исторія [...]
тературы (для учащихъ), составилъ *А. Г*[...]
никовъ. Роландъ. Древняя французская [...]
Вольный переводъ *Б. Алмазова*. Стихотворе[...]
басни и пѣсни. Соч. *А. А. Звонарева*. Д[...]
ныя стихотворенія Ѳедора Николаевича *Г*[...]
ки. (**Октябрь**, 937 стр.). — Сочиненія Дер[...]
вина, съ примѣчаніями Я. Грота. Томъ I. [...]

ніе рабочаго класса въ Россіи, *Н. Флеров*-
Пролетаріатъ во Франціи, *А. Михайло*-
сторія новѣйшаго времени отъ Вѣнскаго
еса до Парижскаго мира, *Фр. Лоренца*.
. 457 стр.). — Романы Шпильгагена въ
перев.: «Изъ мрака къ свѣту» и «Между
лотомъ и наковальнею». Семейная жизнь
сскомъ расколѣ, И. Нильскаго. Русскій
онародный мистицизмъ, Н. Барсова. Бро-
и о земскихъ вопросахъ, П. Гурьева. Жен-
ученыя и учащіяся. Изданія Н. Ламан-
: «Право, законодательство и администра-
і «Сказки, разсказы, очерки и рѣчи» Эд.
е. Нравы и чувства, О. Пашкевича. О
менныхъ задачахъ изученія древнерусской
атуры, И. Некрасова. Письмо къ редак-
отъ автора книги: «Свобода рѣчи» и проч.
Иностранная литература: Aus den Memoi-
nes russischen Dekabristen. Aus dem Tage-
ines nach Sibirien Verbannten, v. Th. v. Fal-
Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee,
v. Bock. Die «Nordische Post» im Lichte der
liv Erklärung der Ritterschaften Liv. Esth.
und Oesel's, von v. Bock — (**Іюнь**, 939
—Lettres sur l'Instruction Publique en Russie
ées à Monsieur le comte D. Tolstoi, ministre
nstruction Publique. Par D. K. Schedo-Fer-
es Révolutions, par Pascal Duprat. Novellen,
Carl Büchner. Musikalische Charakterbilder,
tto Sumprecht. — (**Іюль**, 431 стр.). — Liv-
he Antwort an H. Juri Samarin. Von C.
n. Die Baltischen Provinzen am Rubicon. —
y of European Morals etc., by W. E. H. Lecky
439 стр.). — Kritik des preussischen Volks-
esens, v. A. Freimund. Mes Mémoires, par
n-Shée. Johann Calvin, v. Kampschulte. —
481 стр).

Библіографическій Листокъ. — Январь:
ченія Державина, съ объяснительными при-
ніями Я. Грота. Очерки изъ всеобщей ис-
Проф. Петрова. Архивъ Юго-Западной
и, издаваемый временною Коммиссіею для
ра древнихъ актовъ, при К. П. и В. ге-
ъ-губернаторѣ. Ч. III. Акты о казакахъ.
—1716). Т. II. Die russische Papierwaerung,
Wagner. Сводъ рѣшеній кассаціонныхъ
ртаментовъ Правительствующаго Сената
ъясненныя ими законоположенія. Изд. Я.
нна. Коммерческій Календарь на 1869 г.
подъ редакц. Ѳ. П. Баймакова.—**Февраль**:
Осмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, из-
даваемый П. Бартеневымъ. Т. П. Военно-стати-
стическій сборникъ. Выпускъ третій. Состав.
подъ ред. Н. Н. Обручева. Этнографическіе и
историческіе матеріалы по Средней Азіи и
Оренбургскому краю. М. Н. Галкина. Парижъ
и Провинція 2 декабря 1851 г. Историческіе
этюды Е. Тено, и Разсказъ о переворотѣ 2 де-
кабря, А. В. Кинглека. Очеркъ практической
педагогики. Соч. д-ра ф. Диттеса.—Очерки Япо-
ніи. М. Венюкова. Сборникъ статей, читанныхъ
въ отдѣленіи русскаго языка и словесности
Имп. Акад. Наукъ. Т. IV.—**Мартъ**: Исторія цар-
ствованія императора Александра I и Россіи
въ его время. Сочиненіе автора «Исторіи оте-
чественной войны 1812 года» Т. I—IV. Обоз-
рѣніе государственныхъ доходовъ Россіи А.
Заблоцкаго - Десятовскаго. Александръ Ива-
новичъ Галичъ, б. проф Спб. университета, А.
Никитенко. Кобзарь Тараса Шевченка въ пере-
водѣ русскихъ поэтовъ, изд. под. редакціею
Н. В. Гербеля. Сочиненія и переводы А. Н.
Баженова. Гражданская практика Кассаціон-
ціоннаго Сената. 1866, 1867, 1868 г. г. Сост. П.
Марковъ.—**Апрѣль**: Исторія политическихъ уче-
ній. Соч. Б. Чичерина. Уральское горное хо-
зяйство, и вопросъ о продажѣ казенныхъ гор-
ныхъ заводовъ. Изслѣд. В. П. Безобразова.
Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе
и торговые. Собр. и изд. Т. Юзефовичъ. Руко-
водство къ исторіи искусства, Франца Куглера,
обработан. В. Любке. Письма о Греціи, въ 1865—
67 гг. С. Н. — **Май**: Матеріалы для новой ис-
торіи Кавказа, съ 1792 по 1503 г., П. Г. Бут-
кова. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.
Опытъ педагогической антропологіи. К. Ушин-
скаго. Т. II. Исторія адвокатуры у древнихъ
народовъ. А. Стоянова. Столбы. Старая погудка
на новый ладъ. Изд. В. Крылова. Десять лѣтъ
изъ жизни редактора журнала.—**Іюнь**: Наши
колоніи. Опыты и матеріалы по исторіи и ста-
тистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи.
Выпускъ I. А. Клауса. Сборникъ статей, чи-
танныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и сло-
весности Императорской Академіи Наукъ. Т.
IV. Исторія Альбигойцевъ, до кончины папы
Иннокентія IV. Соч. Н. Осокина. Осмнадцатый
вѣкъ. Историческій Сборникъ, издаваемый П.
Бартеневымъ. Т. III. Дневникъ Люблинскаго
сейма 1569 года.—**Іюль**: Дополненія къ исторіи

масонства въ Россіи XVIII столѣтія. Академика П. Пекарскаго. Бесѣды на пути изъ Европы въ Америку. Сочиненія доктора Шубарта.—**Августъ**: Пособіе при изученіи исторіи русской словесности К. Тимофѣева. Современные французскіе писатели. Выпускъ второй. Учебникъ всеобщей исторіи, въ трехъ, концентрическихъ курсахъ. Сост. Н. Овсянниковъ. Сводъ рѣшеній кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и разъясненныя ими законоположенія. Изд. Я. И. Утина. Часть I и II.—**Сентябрь**: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. А. Аѳанасьева. Критическіе опыты, Тена. Философія искусства. Лекціи Тена и статья Милля. Пер. Чудинова. Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы. А Кирпичникова.—**Октябрь**: Исторія Сербіи. Николая Попова. О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, соч. Н. Хлѣбникова. Изслѣдованія внутреннихъ отн... ній народной жизни и въ особенности с... скихъ учрежденій Россіи. Барона Августа Га... гаузена. — **Ноябрь**: Польское безкоролевье, ... прекращеніи династіи Ягеллоновъ. Изслѣ... ніе А. Трачевскаго. Записки по нові... исторіи (1855—1856), соч. Ив. Григоровичъ. ... деніе въ новозавѣтныя книги священнаго ... санія. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Архиманд... Михаила. Учебникъ французскаго языка. ... А, Гемиліанъ. Сочиненія Людвига Берне, ... переводѣ П. Вейнберга.—**Декабрь**: Соціал... педагогическія условія умственнаго раз... русскаго народа. Аѳ. Щапова. Портре... галлерея русскихъ дѣятелей. Изд. А. ... стера. Т. II. Записки военной администр... Лобко. Статистическій Атласъ промышлен... европейской Россіи, Тимирязева. Медико-... пографическій Сборникъ, С. Ловцова. Сочи... нія Я. Полонскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1869.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ГОДА.

Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца,

съ приложеніемъ писемъ Яна Гуса, выбранныхъ Мартиномъ Лютеромъ; соч. В. Бильбасова. Спб. 1869 г. ц. 1. р.

Княжна Тараканова

и принцеса Владимірская; соч. П. И. Мельникова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1868 г. ц. 1 р. 25 к.

Графы Никита и Петръ Панины.

Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи; соч. П. С. Лебедева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г. ц. 1 руб.

Историческіе очерки

русской народной словесности и искуства; соч. Ѳ. И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома, на веленевой глассированной бумагѣ; съ 212 рисунками съ миніатюръ, древнихъ рукописей, гравированные на камнѣ. Спб. 1861 г. Ц. за 2 тома 7 руб.

О погребальныхъ обычаяхъ

языческихъ Славянъ. Изслѣдованіе А. Котляревскаго. М. 1868 г. ц. 2 руб.

О давности по русскому гражданскому праву.

Историко-догматическое изслѣдованіе ординарнаго профессора дерптскаго университета И. Энгельмана. Спб. 1868 г. ц. 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

Изд. Д. Е. Кожанчикова; 5 томовъ, цѣна за полное изданіе 8 руб. 50 коп.

Содержаніе:

Томъ I и II-й. Семейная картина. — Свои люди-сочтемся. — Утро молодого человѣка. — Бѣдная невѣста. — Не въ свои сани не садись. — Бѣдность не порокъ. — Не такъ живи, какъ хочется. — Въ чужомъ пиру похмѣлье. — Доходное мѣсто. — Праздничный сонъ до обѣда. — Не сошлись характерами. — Спб. 1868 г. Продаются отдѣльно, цѣна за 2 тома 3 руб.

Томъ III и IV. Свои собаки грызутся, чужая не приставай. — За чѣмъ пойдешь, то и найдешь. — Старый другъ лучше новыхъ двухъ. — Воспитанница. — Гроза. — Тяжелые дни. — Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. — Козьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ. — Шутники. — Воевода. — Спб. 1866 г. Продаются отдѣльно, цѣна за 2 тома 3 руб. 50 коп.

Томъ V-й. Пучина. — На бойкомъ мѣстѣ. — Самозванецъ. — Тушино. — Василиса Мелентьева (въ сотрудничествѣ съ С. А. Г.). — На всякаго мудреца бываетъ простота. Большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ. Спб. 1869 г. Продается отдѣльно, по 2 руб. за томъ.

Говоруны.

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, соч. И. А. Манна; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1868. Ц. 1 руб.

Банковая бухгалтерія.

Полное руководство къ изученію операцій и счетоводства во всѣхъ существующихъ въ Россіи банковыхъ учрежденіяхъ. Сост. контролеръ государственнаго банка В. Добролюбовъ. Большой томъ. Спб. 1864 г. Ц. 5 руб.

Исповѣдь, *Ж. Ж. Руссо.* Переводъ Устрялова. Ц. 2 р.
Исторія философіи, древней и новой, *В. Баура.* Переводъ подъ редакціей М. Антоновича. Ц. 2 р.
Исторія землевѣдѣнія и открытій по этому предмету, *К. Риттера.* Съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 25 к.
Философія уголовнаго права, *Ад. Франка.* Ц. 1 р.
Человѣкъ и развитіе его способностей, или опытъ общественной физики. *А. Кетле.* Т. I-й. Ц. 1 р.
Популярныя научныя статьи, *Г. Гельмгольца.* Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р.
Силы природы и ихъ взаимныя соотношенія, *М. Фарадея.* Переводъ В. Лугинина. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 80 к.
Популярный курсъ физической географіи, *М. Ф. Мори.* Съ 2 картами — направленія вѣтровъ и морскихъ теченій. Ц. 80 к.
Общій курсъ физики, *Ф. Шпиллера.* Съ рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.
Введеніе въ изученію современной химіи, экспериментальной и теоретической, *А. Ф. Гофманна.* Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.
Курсъ практической химіи, *В. Одлинга.* Съ рис. въ текстѣ. Переводъ Ѳ. Савченкова. Ц. 1 р. 25 к.
Животная химія, *В. Одлинга.* Переводъ Н. Бакста. Ц. 75 к.
Лекціи по теоретической химіи, *А. Вюрца.* Перев. П. Алексѣева. Ц. 90 к.
Человѣкъ и сохраненіе его здоровья, популярныя гигіеническія письма, *Д-ра Эстерлена.* Ц. 2 р.
Лекціи о душевныхъ болѣзняхъ, *Д-ра Сенкея.* Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію В. Чехова. Ц. р. 50 к.
Руководство къ фармакологіи, *Р. Бухгейма.* Переводъ В. Бакста. Изданіе второе. Ц. 3 р. 50 к.
О свойствахъ живыхъ тканей (Курсъ Общей Физіологіи), *Клодъ-Бернара.* Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 75 к.
Физіологія сердца, *Клодъ-Бернара.* Съ рис. въ текстѣ. Ц. 25 к.
Древность человѣческаго рода, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ, *М. І. Шлейдена.* Изданіе второе. Съ прибавленіемъ лекціи академика *Бера*: **О древнѣйшихъ обитателяхъ Европы.** Ц. 40 к.
Тригонометрія, прямолинейная и сферическая, *Мюллера.* Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 50 к.

Означенныя книги продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Главный складъ находится въ книжныхъ магазинахъ Черкесова. Гг. иногородные, обращаясь въ эти магазины, за пересылку ничего не платятъ.

Lemcke, Populare Aesthetik. — 3 r. 65 c.

Lipsius, Chronologie der roemischen Bischoefe. — 2 r. 70 c.

Madsen, Antiquités préhistoriques du Danemark. Vol. I. L'âge de la pierre. 45 planches avec texte. — 16 r. 80 c.

Maurer, Reise durch Bosnien. — 2 r. 70 c.

Moreau, L'évangile et la democratie, vol. I. — 1 r. 40 c.

Nagel, Franz.-engl.-etymol. Woerterbuch. — 4 r. 5 c.

Paul, Handlexikon der Tonkunst. Bd. I. — 80 c.

Peschel, Probleme der vergleichenden Erdkunde. — 1 r. 35 c.

Piening, Die Praxis des Geschaefts-lebens. — 1 r. 35 c.

Planck, Gesetz u. Ziel der neueren Kunstentwicklung. — 1 r. 10 c.

Question, The central-asian.—1 r. 25 c.

Rambert, Les alpes suisses. Vol. I—III. — 4 r. 30 c.

Ratzel, Sein u. Werden der organischen Welt. — 3 r. 85 c.

Reich, System der Hygiene. Bd. I.— 2 r. 5 c.

Revue Numismatique, vol. XII. — 6 r. 40 c.

Riegel, Grundriss der bildenden Künste. — 3 r. 5 c.

Ritt, Histoire de l'isthme de Suez.—3 r.

Rosenkrantz, Hegel als Nationalphilosoph. — 2 r. 70 c.

Rossbach, Geschichte der Gesellschaft. Bd. I—III. — 4 r. 5 c.

Rossmann, Vom Strande der Cyklopen. Skizzen aus Sicilien. — 2 r. 70 c.

Roth, Plastisch-anatom. Atlas. I — 4 r. 5 c.

Salmon, Conférences sur les devoirs des hommes. — 3 r.

Schleicher, Die deutsche Sprache. 2. Aufl. — 2 r. 70 c.

Settegast, Landwirthschaftliche Thierzucht. — 6 r. 75 c.

Tizzani, Les conciles généraux. 2 vols. — 9 r. 60 c.

Trench, Russo-indian question. — 1 r. 75 c.

Tyndall, Natural philosophy.—1 r. 25 c.

Wallace, D. malayische Archipel. 2 Bde. — 6 r. 10 c.

Weber's, Illustrirter Kalender f. 1870 — 1 r. 35 c.

Whymper, Alaska, Reisen u. Erlebnisse in hohen Norden. — 3 r. 60 c.

Zirngiebl, Studien über die Gesellschaft Jesu. — 4 r. 5 c.

Въ книжномъ магазинѣ А. Мюнкса (Карла Риккера) принимается подписка на всѣ въ Россіи, Германіи, Франціи, Англіи, Америкѣ и Италіи выходящіе журналы. Полный каталогъ журналамъ высылается по требованію безвозмездно.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга продаются:

М. СТАСЮЛЕВИЧА:

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ.

Три тома. С.-Петербургъ, 1863—1865.

Томъ первый: Отъ паденія З. Р. Имперіи до Карла Великаго.—476—771 г.—Писатели: Амміанъ Марцеллинъ; Бэда-Преподобный; Видукиндъ; Григорій Турскій; Іорданъ; Кассіодоръ; Павелъ-Дьяконъ; Сидоній Аполлинарій; Страбонъ; Тарикъ-ибнъ-Нагибъ; Тацитъ; Тертулліанъ и друг.

Томъ второй: Отъ Карла В. до крестовыхъ походовъ.—771—1096.—Писатели: Адамъ Бременскій; Алкуинъ; Ассерій; Видукиндъ; Козьма Пражскій; Ліутпрандъ; Матвѣй Парижскій; Нитгардъ; Снорро-Стурлесонъ: Эрмольдъ Черный, и друг. Памятники: Капитуляріи Карла Великаго и Карла Лысаго; поэма о Нибелунгахъ; переписка имп. Гейнриха IV и Гильдебранда, и проч.

Томъ третій: Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки.—1096—1492 г.—Часть первая: Эпоха крестовыхъ походовъ.—Отдѣлъ первый: Крестовые походы (1095—1291).—Писатели: Альбертъ Ахенскій; Анна Комнена; Виллегардуинъ; Вильгельмъ Тирскій; Гвибертъ Ножанскій; Даніилъ русскій игуменъ; Жоанвилль; Ибелинъ; Одо Дигильскій; Ордерикъ; Оттонъ Фрейзингенскій; Петръ Тудебодъ; Стефанъ Блоа; Торквато Тассо; Фулькерій Шартрскій; Яковъ Витрійскій и др. Памятники: Секретная книга Марина Санудо; Письма Гроба Господня и т. д., съ приложеніемъ родословной карты Земного круга 1308 г., и карты Палестины къ исторіи Вильгельма Тирскаго.

ЦѢНА: томъ I (783 стран.)—1 р. 50 к.; томъ II (966 стран.)—2 р. 50 к.; томъ III, часть первая (824 стран.)—3 р. Всѣ три тома—7 р., безъ пересылки. *Гг. иногородные, обращаясь съ требованіями прямо въ редакцію „Вѣстника Европы“, не прилагаютъ денегъ за пересылку.*

Окончаніе первой части третьяго тома обниметъ собою внутреннюю исторію западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ, и выйдетъ въ теченіи 1870 года.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-ая.

НОЯБРЬ, 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 11-ая. — НОЯБРЬ, 1869.

Объявленіе объ изданіи «Вѣстника Европы» въ 1870 году.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ ·

ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-ая.

ДЕКАБРЬ, 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 12-ая. — ДЕКАБРЬ, 1869.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. Сочиненіе *Аѳанасія Щапова*. Изд. Н. П. Полякова. Спб. 1870. Стр. 332. Ц. 2 р.

Сочиненіе г. Аѳ. Щапова—одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ, какія только выходили въ последнее время по русской исторіи. Предметъ его относится къ числу тѣхъ, которые доселѣ всего менѣе разработаны въ нашей исторической литературѣ, хотя составляютъ самые существенные вопросы истинно-историческаго изслѣдованія. При всеобщемъ убѣжденіи въ крайней необходимости болѣе широкаго умственнаго развитія для нашего общества, интересно читать теперь обзоръ ...ѣхъ условій, которыя задерживали это развитіе ...о настоящаго времени. Въ книгѣ г. Щапова читатель найдетъ между прочимъ историческое изложеніе того дѣйствія, какое оказывала у насъ цензура на науку и литературу, начиная со временъ «Домостроя», когда подъ гнетомъ цензуры находилась не одна литература, но и вся жизнь ...усскаго человѣка во всѣхъ своихъ проявленіяхъ ...ла подчинена тому «вождю по жизни».

...ортретная Галлерея русскихъ дѣятелей. Изданіе *А. Мюнстера*. Томъ II. Спб. 1869. Стр. 295.

Новый выпускъ потретной галлереи содержитъ ...0 портретовъ съ біографіями. Существенная ...сть этого изданія, т. е. самые портреты, не ...воляютъ желать ничего лучшаго; и техническое ...олненіе, и выборъ оригиналовъ—вполнѣ безу...*изненны*, такъ что издатель заслуживаетъ пол... признательности за такой монументальный ...ъ, который сдѣлалъ бы честь всякой странѣ. ...стъ, при подобнаго рода изданіяхъ, имѣетъ ...бще значеніе справки; потому въ настоящемъ ...ніи его текстъ выигралъ бы много, еслибы ... остался вѣренъ такому назначенію, собирая ...нымъ образомъ факты и заботясь объ одной ... безукоризненной вѣрности и точности. Ме...тѣмъ, здѣсь мы находимъ, съ одной стороны, ...ки и характеристики лицъ, въ родѣ взгляда ... *Каткова*, выражающія личную мысль пи...аго; а съ другой стороны, фактическіе про..., какъ наприм., переводъ романа Ауэрбаха ...а на Рейнѣ» приписанъ И. С. Тургеневу.

...*ки* военной администраціи, для военныхъ ...чилищъ. Состав. подполк. *Лобко*. Спб. 1869.

...*я книга* г. Лобко имѣетъ назначеніе учеб... но ея изложеніе, языкъ, дѣлаютъ ее инте...ю для публики, тѣмъ болѣе, что самый пред...ея обработанъ въ соглашеніи съ новѣйш... ...ими реформами, которыя стремились ... строгую дисциплину съ идеею гуман... въ виду облегчить стоимость боевой ...сударства и вмѣстѣ увеличит... ...дата. Авторъ старается вез... ... что «на первомъ планѣ является ...чальника обязанность уважать личное человѣческое достоинство своихъ подчиненныхъ; начальникъ постоянно долженъ помнить то, что дисциплина велитъ забывать подчиненному....». Правильная система въ изложеніи «Записокъ» и облегчаетъ трудъ учащагося, и поддерживаетъ вниманіе читателя, въ особенности не-спеціалиста.

Статистическій Атласъ главнѣйшихъ отраслей фабрично-заводской промышленности европейской Россіи. Сост. *Д. А. Тимирязевъ*. Вып. I. Спб. 1870.

Настоящій выпускъ ограничивается промышленностью, обработывающею волокнистыя вещества, хлопокъ, ленъ, пеньку, шерсть и шелкъ. Въ основаніе труда положены оффиціальныя свѣдѣнія департамента торг. и мануф. за 1867 г., а цѣль автора — вызвать въ частныхъ компетентныхъ лицахъ провѣрку и дополненія. Превосходно выполненныя карты съ подробною описью фабрикъ ихъ числа рабочихъ, суммы производства, и пр. даютъ наглядное понятіе о состояніи нашей промышленности, при одномъ бѣгломъ взглядѣ на атласъ, и дѣлаютъ это изданіе необходимостью для всякаго, сколько-нибудь заинтересованнаго дѣятельностью нашихъ заводовъ.

Медико-топографическій Сборникъ. Изд. Медицин. Деп., подъ ред. д-ра С. Ловцова. Спб. 1870. Стр. 844. Ц. 3 р.

Народное здравіе и народное образованіе — вотъ два дѣла, которыя должны постоянно возбуждать нашу общественную совѣсть. Но для раціональнаго направленія дѣятельности необходимо руковожденіе и знакомство съ положительными данными. Сборникъ, предпринятый нынѣ мед. департаментомъ, окажетъ въ этомъ отношеніи громадную услугу, какъ первый и превосходный шагъ къ полному описанію Россіи въ санитарномъ и врачебномъ отношеніяхъ. Восточная Сибирь, Астрахань и Самара составляютъ главное содержаніе нынѣшняго выпуска, снабженнаго картами, планами и таблицами. Въ виду важности подобныхъ матеріаловъ, мы постараемся вскорѣ познакомить читателей ближе съ ихъ содержаніемъ и результатами, какіе могутъ представлять эти матеріалы для успѣховъ общественной жизни.

Сочиненія Я. П. Полонскаго. Изд. М. О. Вольфа. Три тома. Спб. 1869. Ц. 4 р.

Поэтическія произведенія Як. П. Полонскаго пользуются давнею извѣстностью и симпатіею публики, а потому заслуживали полнаго изданія. Въ ...ставъ нынѣ ... вошли,

ПОДПИСКА

на

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.“

въ 1870 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—15 руб.;—2
ставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и *въ Москвѣ чрезъ кн. маг. И. Г. Соло*
15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 16 р. 5
сдается въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получить журналъ съ до
или безъ доставки, обращаются въ Контору Редакціи и получаютъ билетъ,
ный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой
письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. —
щіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая би
пометки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обраща
подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к.
щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Р
и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отче
миліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если
губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать жур
куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрез
коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, как
городные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору
родскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Гер*
18 руб.; *Бельгія* и *Нидерланды*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англ*
ція, Испанія, Португалія и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *И*
Римъ — 23 рубля.

2. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала, препровождаетс
въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Кон
ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляет
зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣт
Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестис
Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣд

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣль
книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 стра
шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки,
сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородных
иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ. Город
подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иногороднымъ и иностран
въ бандероляхъ.

3. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе
поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью
редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой
адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала; а редакцію извѣстить о перемѣнѣ а
для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто пре
няго отправленія журнала.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакт

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

Годовые экземпляры „Вѣстника Европы“ 1869 г. всѣ разоп
по подпискѣ.

